

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/8605591>

Скованные/Manacled

Направленность: Гет

Автор: SenLinYu

Переводчик: Ekaterina Dunenkova (<https://ficbook.net/authors/2798077>)

Оригинальный текст:

<https://archiveofourown.org/works/14454174/chapters/33390198>

Соавторы: Agrafina (<https://ficbook.net/authors/1757231>)

Беты (редакторы): MrsRay (<https://ficbook.net/authors/3795401>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Гермиона Грейнджер/Драко Малfoy, Грэхем Монтегю, Астория Малfoy, Северус Снейп, Долорес Амбридж, Том Марволо Реддл

Рейтинг: NC-21

Размер: 1 051 страница

Количество частей: 77

Статус: завершен

Метки: Отклонения от канона, Слоуберн, Потеря памяти, Психологические травмы, Шпионы, Война, Рейтинг за насилие и/или жестокость, Сложные отношения, Серая мораль, Тайны / Секреты, Воспоминания, Хороший плохой финал, Развитие отношений, Жертвы обстоятельств, Изнасилование, Ангст, Драма, Повседневность, Дарк, Hurt/Comfort, AU, Антиутопия, Беременность, Смерть второстепенных персонажей, Победа Волдеморта

Описание:

Гарри Поттер мертв.

После окончания войны, чтобы укрепить свою власть, Волдеморт прибегает к программе повышения рождаемости и возрождения магического населения. У Гермионы Грейнджер есть тайна, скрытая и защищённая ее разумом, которая ставит под угрозу существование нового режима. Поэтому ее, как пленницу, отправляют к Верховному Правителю, чтобы взять под контроль и использовать в качестве суррогатной матери.

Пока ее разум наконец не будет сломлен.

Примечания:

Комментарий от автора:

— Эта работа очень мрачная. Изнасилование и секс без согласия являются одними из основных аспектов сюжета. Также присутствуют смерти персонажей, психологические травмы, описания насилия на поле боя и пыток. Читателю рекомендуется соблюдать осторожность перед прочтением.

— Первоначальным вдохновением для сюжета этой истории послужил просмотр первого эпизода сериала «Рассказ служанки». Оттуда заимствовано несколько элементов, сохраняемых на протяжении всей истории.

— Альтернативное развитие событий после книги «ГП и Орден Феникса».

Комментарий от переводчиков:

— Не дайте предупреждениям вас обмануть. Это не типичный рассказ о Стокгольмском синдроме и обо всём том, о чем вы подумали, когда прочитали аннотацию.

— Большая просьба ко всем уже прочитавшим оригинал комментаторам держать себя в руках и не оставлять отзывы со спойлерами, спасибо.

Публикация на других ресурсах:

Запрещено в любом виде

Оглавление

Оглавление	2
1.	5
Примечание к части	16
2.	17
3.	27
Примечание к части	36
4.	37
Примечание к части	43
5.	44
6.	52
Примечание к части	60
7.	61
Примечание к части	70
8.	71
Примечание к части	82
9.	83
Примечание к части	91
10.	92
Примечание к части	100
11.	101
Примечание к части	111
12.	112
Примечание к части	120
13.	121
14.	130
Примечание к части	139
15.	140
16.	152
Примечание к части	161
17.	162
18.	174
19.	184
20.	197
Примечание к части	206
21.	208
Примечание к части	217
22.	218
23.	228
Примечание к части	238
24.	239
25.	251
Примечание к части	262
26. Флэшбэк 1.	263

Примечание к части	274
27. Флэшбэк 2.	275
28. Флэшбэк 3.	286
Примечание к части	299
29. Флэшбэк 4.	300
30. Флэшбэк 5.	315
31. Флэшбэк 6.	331
Примечание к части	349
32. Флэшбэк 7.	350
33. Флэшбэк 8.	359
Примечание к части	370
34. Флэшбэк 9.	371
Примечание к части	381
35. Флэшбэк 10.	383
Примечание к части	393
36. Флэшбэк 11.	394
37. Флэшбэк 12.	403
38. Флэшбэк 13.	416
39. Флэшбэк 14.	431
40. Флэшбэк 15.	444
Примечание к части	453
41. Флэшбэк 16.	454
42. Флэшбэк 17.	465
43. Флэшбэк 18.	477
44. Флэшбэк 19.	490
45. Флэшбэк 20.	504
46. Флэшбэк 21.	520
47. Флэшбэк 22.	532
48. Флэшбэк 23.	545
Примечание к части	561
49. Флэшбэк 24.	562
50. Флэшбэк 25.	576
Примечание к части	591
51. Флэшбэк 26.	592
52. Флэшбэк 27.	609
Примечание к части	624
53. Флэшбэк 28.	625
Примечание к части	644
54. Флэшбэк 29.	645
Примечание к части	658
55. Флэшбэк 30.	659
56. Флэшбэк 31.	675
Примечание к части	685
57. Флэшбэк 32.	687

58. Флэшбэк 33.	706
Примечание к части	720
59. Флэшбэк 34.	721
60. Флэшбэк 35.	738
Примечание к части	751
61. Флэшбэк 36.	752
62. Флэшбэк 37.	769
63. Флэшбэк 38.	794
Примечание к части	813
64.	815
65.	838
66.	853
Примечание к части	869
67.	870
Примечание к части	885
68.	886
Примечание к части	900
69.	901
70.	918
Примечание к части	938
71.	939
72.	957
73.	981
74.	996
75. Эпилог, часть 1.	1020
Примечание к части	1038
76. Эпилог, часть 2.	1040
Примечание к части	1064
77. Эпилог. Часть 3.	1065
Примечание к части	1073
Сноски:	1075

1.

Гермиона уже давно потеряла надежду разглядеть что-то в темноте.

В какие-то моменты ей казалось, что если дать глазам привыкнуть, то в конце концов станут видны хоть какие-то очертания.

Не было ни проблесков лунного света, проникающих через подземелье, ни факелов в коридорах вне камеры. Лишь сплошная темнота, которая все чаще заставляла думать, что она ослепла.

Девушка исследовала каждый дюйм камеры кончиками пальцев. Дверь была запечатана магией, никаких замков или замочных скважин. Она принюхивалась к воздуху в надежде, что это даст ей хоть какую-то информацию: время года, отдаленный запах еды или зелий. Воздух был затхлым, сырым и холодным. *Безжизненным.*

Она надеялась, что если тщательнее все проверит, то найдет в стене незакреплённый камень, какое-нибудь потайное отделение, скрывающее гвоздь, ложку или даже кусок веревки. Но, очевидно, в камере никогда не было дерзких заключённых. Никаких царапин, отмеряющих время. Никаких камней. Ничего.

Ничего, кроме темноты.

Она даже не могла говорить вслух, чтобы нарушить бесконечную тишину. Это был прощальный подарок Амбридж после того, как ее затащили в камеру и в последний раз проверили наручники.

Они уже собирались уходить, когда Амбридж остановилась и прошептала:

— *Силенцио.*

Ткнув палочкой Гермионе в подбородок так, чтобы их глаза встретились, она сказала:

— Вскоре ты все поймёшь.

Амбридж хихикнула, и ее приторное, сладкое дыхание скользнуло по лицу девушки.

Гермиона осталась в темноте и тишине.

Неужели ее забыли? Никто никогда не приходил. Никаких пыток. Никаких допросов. Только темное и безмолвное одиночество.

Появлялась еда. Без определённого порядка и режима, так что она даже не могла отследить время суток.

Гермиона мысленно повторяла рецепты зелий. Техники трансфигурации. Перечисляла руны. Даже детские стишки. Ее пальцы щёлкали, когда она имитировала технику палочки, шевеля губами интонацию заклинания. Она занималась вычитанием простых чисел от тысячи с последующим увеличением каждого числа в два раза.

Ещё были тренировки. Очевидно, никому не пришло в голову ограничить ее физически, и камера была достаточно просторной, чтобы пробовать заниматься. Она научилась делать стойки на руках. Часами занималась отжиманиями и другими упражнениями под названием берпи, которыми раньше была одержима ее кузина. Она обнаружила, что может просунуть ноги через прутья двери камеры и делать подтягивания.

Это помогало ей отвлечься. Постоянный счет. Дисциплина и всегда новые возможности своего тела.

Когда ее руки и ноги превращались в желе, девушка забивалась в угол и проваливалась в сон без последующих мыслей.

Это был единственный способ заставить себя не думать о последствиях войны.

Иногда ей казалось, что она умерла. Возможно, это место было ее личным адом. Темнота, одиночество и ничего, кроме ее худших воспоминаний, навечно вырезанных в памяти.

Когда однажды раздался шум, он казался оглушительным. Скрип вдалеке, и наконец распахнутая дверь. Потом свет. Ослепительный яркий свет.

Это было похоже на удар ножом.

Она отступила в угол и закрыла глаза руками.

— Все еще жива, — услышала Гермiona удивленный голос Амбридж. — Поднимите ее и проверьте, в сознании ли она.

Грубые руки вытащили Гермiona и попытались убрать ее руки от глаз. Даже с плотно закрытыми веками, боль от внезапного яркого света ощущалась словно ножи, вонзающиеся в ее роговицу. Она отдернула ладони назад, чтобы снова прижать их к глазам, вырываясь из рук похитителей.

— О, Мерлиново дерьмо, — сказала Амбридж резким нетерпеливым голосом, — Грязнокровка, одолевшая всех без палочки. *Петрификус Тоталус*.

Тело Гермiony напряглось. К счастью, ее глаза оставались закрытыми.

— Ты, видимо, слишком умная, чтобы просто сдохнуть. *Круцио!*

Проклятие пронзило ее обездвиженное тело. Амбридж была не самым страшным заклинателем в жизни Гермiony, но она все равно почувствовала это. Боль пронзила Гермiona, как огонь. Не в силах пошевелиться, она чувствовала, как ее внутренности сжимаются, пытаясь избежать агонии. Ее голова пульсировала, когда боль усиливалась и продолжала расти без всякого облегчения.

Спустя вечность она, казалось, пошла на спад, но все же не прекратилась. Проклятие больше не произносилось, но агония продолжала распространяться по телу, заставляя ее внутренности гореть.

Гермiona чувствовала, как ее мозг пытается вырваться из напряжения и агонии. Нужно отвлечься. Просто подождать. Но она не могла.

— Возьмите ее на осмотр. Держите меня в курсе всего, что скажет целитель.

Она была отлевитирована из камеры, но мир оставался размытым от звуков и боли. Слишком много звуков. Казалось, по ее коже пробегают вибрации. Должно быть, Гермioniу держали внутри магического вакуума, потому что внезапно воздух взорвался шумом и светом.

Она попыталась сконцентрироваться, сосредоточившись только на звуке ботинок. Десять шагов прямо. Поворот направо. Тридцать шагов. Поворот налево. Пятнадцать шагов. Остановка. Один из охранников, левитировавших ее, постучал в дверь.

— Войдите, — сказал приглушенный голос.

Дверь со скрипом отворилась.

— Положите ее туда.

Гермиона почувствовала, как ее тело упало на смотровой стол.

Она ощутила прикосновения палочки на своей коже.

— Недавно применённые заклятия?

— Обездвиживание и Круциатус, — ответил новый голос. Гермione показалось, что она узнала его, но ее разум был слишком затуманен агонией, чтобы распознать владельца.

— До сих пор обездвижена? — голос целителя звучал раздраженно. — Как долго?

— Минута. Может, больше.

Раздраженное шипение.

— Вряд ли у нас будет достаточно подопытных. Амбридж пытается уничтожить их? Свяжите ее. Иначе она поранит себя, когда я сниму заклятия.

Гермиона почувствовала, как кожаные ремни стянули ее запястья и лодыжки, и что-то зажали между ее зубами. Кто-то постучал палочкой по ее виску.

— Слушай сюда, ведьмочка, если твой разум до сих пор не превратился в кашу, то будет очень больно. Но, — весело продолжал он, — ты почувствуешь себя намного лучше после этого. *Фините Инкантатем!*

Мир Гермioniы взорвался. Это было похоже на новый удар Круциатуса. Наконец она начала приходить в себя, ее тело дернулось, и из горла раздался крик. Ремни едва сдерживали ее от того, чтобы не выгнуться назад, когда девушка извивалась, раскачивалась и стонала в агонии. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она смогла перестать дергаться и продолжать кричать, пока у нее не пропал голос. Ее тело все ещё тряслось, а грудь вздымалась от рыданий.

— Хорошо. Теперь вы можете идти, — сказал целитель, снова ткнув Гермioniу палочкой, — но передайте Амбридж, что, если появится еще одна такая же, я

заявлю о ее саботаже проекта.

Гермиона приоткрыла один глаз и посмотрела, как уходят охранники. Ее зрение затуманилось. Все вокруг выглядело мучительно ярким, но она могла различать смутные очертания, и свет уже причинял меньше боли.

Целитель повернулся к ней. Это был крупный мужчина. Она его не узнала. Девушка прищурилась, пытаясь разглядеть его.

— О, здорово, ты в состоянии отслеживать движения, — он взял ее запястье, чтобы посмотреть тюремный номер с наручников, — заключённая номер 273...

Он снял с полки узкую папку и нахмурился, пробегая ее глазами.

— Грязнокровка, безусловно. Студентка Хогвартса. О, неплохие отметки. Хм. Неизвестное проклятие в живот. Неприятные новости для нас. Что ж, посмотрим, с чем тут придется работать.

Мужчина наложил на нее сложное диагностическое заклинание. Она смотрела, как ее магическая голограмма плывет над головой, и различные цвета выстраиваются вдоль тела.

Целитель тыкал их пальцем и что-то записывал. Его особенно интересовал ее живот, окутанный шаром с фиолетовым оттенком.

— Что?.. — прохрипела Гермиона сквозь кляп, все еще зажатый в зубах. — На что вы смотрите?

— Хм? На множество вещей, твоё здоровье в приоритете. Ты в очень хорошей физической форме. Где они тебя держали? Хотя ничего из этого не имеет значения, если я не смогу распознать это старое проклятие, которое все ещё в тебе.

Он работал в тишине еще несколько минут, прежде чем усмехнуться. Гермиона наблюдала, как с помощью сложного взмаха палочки и заклинания, которое она не могла разобрать, темный луч фиолетового пламени выстрелил ей в живот. Ее внутренности внезапно начали пузыриться, и она почувствовала, как что-то живое извивается среди ее органов. Что-то двигалось внутри нее.

Прежде чем девушка успела закричать, целитель послал в нее красный луч заклинания. Судороги прекратились, и ей показалось, что внутри нее что-то растворилось.

— Неприятное проклятие, — объяснил целитель, — кто-то хотел, чтобы тебя сожрали изнутри, но, к счастью для тебя, заклинание было неточным. Я исправил это, а затем отменил его. Не стоит благодарности.

Гермиона ничего не ответила. Она сомневалась, что у неё были поводы благодарить его за это.

— Ну. Ты в норме. И соответствуешь критериям. Уверен, мы получим от тебя довольно много пользы. Хотя этот Круциатус, вероятно, потребует некоторого лечения. Я оставлю соответствующие пометки.

Взмахнув палочкой, он освободил ее запястья и лодыжки от ремней. Гермiona медленно села. Ее мышцы все еще непроизвольно подергивались.

Открыв дверь, целитель прокричал:

— Она готова. Можете забирать её на переподготовку.

Он вернулся к своему столу.

Все вокруг странно светилось. Она прищурилась. Так ярко, что девушка едва могла видеть сквозь свет, чтобы различить очертания вокруг себя.

Протянув дрожащую руку, Гермiona вытащила кляп из зубов. Они сразу начали стучать. Она поняла, что ей ужасно, ужасно холодно. Слишком холодно.

Охранник приближался к ней, протягивая руку, чтобы увести девушку. Она соскользнула со стола и попыталась встать.

— Ч-ч-что...

Это был ее голос? Она не помнила, как звучал ее голос.

Слова выходили невнятно, и все светящиеся предметы в комнате, казалось, растягивались и искажались перед ее глазами, как будто ее бросили в аквариум с золотыми рыбками. Целитель насмешливо повернулся к ней.

— Я н-н-не думаю, ч-ч-что... — слова не могли вырваться из ее стучащих зубов. Она опять попыталась: — Ш-ш-ш-шок...

Внезапно темнота начала просачиваться через всю комнату. Все светящиеся предметы исчезли, и все, что она могла видеть, — это озабоченное лицо целителя, плывущее перед ней. Ее глаза закатились, и Гермiona упала.

Никто ее не поймал.

Ее голова ударилась об угол стола. Сильно.

— Черт! — выругался охранник. Даже звук казался шатким и искаженным.

Последнее, что помнила Гермiona, было то, что, вероятно, охранником мог оказаться Маркус Флинт.

Очнувшись, она почувствовала, что тонет в каше. Гермiona не была уверена, почему это сравнение пришло ей на ум. Она с трудом выбиралась на поверхность, двигаясь навстречу приглушенным голосам, пытаясь понять их смысл.

— Шестнадцать месяцев в одиночной камере без света и звука! По всем подсчетам она должна была быть либо совершенно безумной, либо мертвой. На нее даже нет ни единого документа! Как будто ты бросила ее в бездонную яму! Посмотри на этот файл. Заключение 187 в соседней камере! Ты видишь, сколько там страниц? Осмотры! Отчеты о крови! Сеансы психического здоровья! Предписанные зелья! У меня даже есть ее фотографии, чтобы посмотреть, как она выглядела до того, как ты искалечила её. А здесь — ничего! Ее посадили в

эту тюрьму, а потом она исчезла! Никто ее не видел! Нет даже никаких записей о том, что она что-то ела! В течение шестнадцати месяцев! Объясни, как это произошло!

Последовала пауза.

— Кхе-кхе, хм... Здесь так много пленников, — начал льстивый голос Амбридж, — вряд ли стоит удивляться, если один или двое заключённых умудряются теряться, как это сделала мисс Грейнджер.

— Мисс... Грейнджер... — другой голос внезапно испугался и запнулся. — Так ЭТО Грейнджер? Ты знала, что это она! Ты пыталась ее убить!

— Что? Нет! Я бы никогда не... Это во власти Темного Лорда: решать их судьбы. Я всего лишь его верная приспешница.

— Ты действительно думала, что наш Повелитель забудет о такой пленнице, как Гермиона Грейнджер? Как ты думаешь, простит ли он тебя, если узнает?

— Я не хотела, чтобы это продолжалось так долго! Камера должна была стать временной. Ты ее не знаешь. Ты не знаешь, на что она способна. Я должна была убедиться, что она не сможет сбежать или совершить что-либо немыслимое. Война еще была не окончена. А потом... потом, когда все меры по защите замка были приняты, она... Я просто забыла про неё. Я бы никогда не бросила вызов нашему Господину!

— Успех задачи, поставленной нашим Повелителем, зависит от твоей и моей головы. Если я обнаружу хотя бы намек на то, что ты сделала что-то еще, чтобы подорвать его планы, я немедленно сообщу ему о тебе. Грейнджер теперь полностью под моей юрисдикцией. Ты не будешь приближаться к ней без моего разрешения. Если с ней еще что-нибудь случится, я буду считать, что ты в ответе за это.

— Н-но у нее так много врагов! — голос Амбридж дрогнул.

— Тогда я предлагаю тебе внимательно следить за своей тюрьмой. Темный Лорд не просто так озвучил её имя в своих планах. Ты предстанешь перед ним сегодня, если это то, что нужно для твоей мотивации. Я работала дольше и усерднее, чем ты, госпожа Надзиратель. И никому не позволю встать у меня на пути. Иди подготовь остальных. Темный Лорд ожидает отчета о количестве подопытных сегодня вечером, а я потратила половину своего дня на исправление твоих ошибок.

Пара шагов затихла. «Амбридж», — подумала Гермиона. Она приоткрыла один глаз, пытаясь незаметно оглядеться вокруг.

— Ты очнулась.

Недостаточно незаметно. Она полностью открыла глаза и посмотрела на расплывчатые очертания женщины, стоящей над ней. Целительница наклонилась ближе, чтобы рассмотреть Гермиону, и девушка смогла разглядеть ее на фоне яркого света. Пожилая женщина с суровым лицом в целительской мантии.

— Значит, ты — Гермиона Грейнджер.

Гермиона не знала, как ответить на это замечание. Подслушанный разговор не пролил свет на то, что от нее хотели. Она была важна для какой-то ужасной идеи Волдеморта. Она не должна была умереть или сойти с ума, и они хотели, чтобы она была здоровой. Вероятно, у них не было в планах очередных пыток.

Она молчала, надеясь, что целительница была из тех, кто продолжает говорить, когда люди ей не отвечают.

— Мне придется спросить тебя, поскольку больше никто не знает. Как ты до сих пор жива? Как тебе удалось остаться в здравом уме?

— Я... н-не знаю... — ответила Гермиона, подождав несколько мгновений. Ее голос дрожал. Голосовые связки атрофировались. Было трудно проговаривать слова, согласные сливались в один звук, как будто требовалось усилие, чтобы снова разделять их. — Я... повторяла заклинания... и... вспоминала рецепты зелий. Я делала все, что могла... чтобы держаться.

— Замечательно, — пробормотала целительница, делая пометки в папке. — Но как же ты выжила? Нет никаких записей о том, что кто-то кормил тебя, и все же каким-то образом ты не умерла от голода.

— Я н-не... знаю. Еда появлялась. Всегда без определенного времени. Я думала... это было намеренно.

— Что именно было намеренным?

— Нерегулярность... я думала, что это... — горло было измучено, когда она продолжала говорить, — что это было частью... сенсорной депривации^[1]. Держать меня... в неведении... сколько времени прошло.

Ее голос становился все тоньше и тоньше с каждым словом.

— О. Ну конечно. Это был бы очень творческий подход. А твое физическое состояние? Тебя никогда не выводили из камеры. И все же твой мышечный тонус лучше, чем у половины моих целителей. Как такое вообще возможно?

— Когда... я не могла... больше думать ни о чем, я делала упражнения... пока не закончатся силы.

— Какие именно упражнения?

— Любые. Прыжки. Отжимания. Подтягивания. Все, что угодно, чтобы вымотать себя... Все, что давало мне сны без дальнейших размышлений.

Опять пометки.

— Каких размышлений ты пыталась избежать?

У Гермионы перехватило дыхание. Остальные вопросы были простыми. Этот же был слишком близок к реальности.

— Мыслей о том, что было раньше.

— Раньше?

— *До того, как я попала сюда.* — Голос Гермiony был тихим. Яростным. Она закрыла глаза, от света у нее началась сильная мигрень.

— Конечно. — Опять царапанье на бумаге. От этого звука мышцы Гермiony дернулись в ответ. — Ты будешь здесь, в лазарете, пока побочные эффекты от пыток полностью не исчезнут. Я также приведу специалиста, чтобы выяснить, что случилось с твоим мозгом.

Гермиона резко открыла глаза.

— Здесь... — она заколебалась. — Со мной что-то не так?

Целительница задумчиво посмотрела на нее, прежде чем взмахнуть палочкой над головой Гермiony.

— Тебя держали в сенсорной изоляции шестнадцать месяцев. Тот факт, что ты в сознании, — уже чудо. Последствий такого опыта вряд ли можно избежать, особенно учитывая обстоятельства до твоего прибытия. Полагаю, ты изучала основы целительства во время войны?

— Да, — сказала Гермiona, глядя на одеяло у себя на коленях. Оно было потертым и с сильным запахом антисептика, ей захотелось заткнуть нос от обонятельного приступа.

— Тогда ты знаешь, как выглядит нормальный, здоровый мозг волшебника. Теперь взгляни на свой.

Простая манипуляция палочкой призвала магически спроецированное изображение мозга Гермiony в поле зрения.

Ее глаза сузились. По всей проекции были разбросаны маленькие светящиеся огоньки, некоторые группировались, другие располагались отдельно. По всему ее мозгу. Она никогда раньше не видела ничего подобного.

— Что это такое?

— Я предполагаю, что это магически созданное состояние фуги^[2].

— Что?

— В какой-то момент во время изоляции твоя магия начала пытаться защищать тебя. Поскольку ты не могла выразить магию извне, она сосредоточилась внутри тебя. Ты упорно трудилась, чтобы держаться, как ты отметила. Однако ум вряд ли способен справиться с такой вещью. Твоя магия отгородила часть твоего разума. В результате получилось разделить сознание на несколько фрагментов. Обычно fuga является общей, но твои «вырезанные фрагменты» кажутся хирургически точными. Хотя исцеление разума не входит в мою специализацию.

Гермиона в ужасе уставилась на неё:

— Вы имеете в виду, что я... я разделила свой разум?

— Что-то вроде этого. Я никогда не видела ничего подобного раньше. Это вполне может быть новым магическим заболеванием.

— У меня... раздвоение личности? — Гермиона внезапно почувствовала слабость.

— Нет. Ты просто заблокировала части своего разума. Я предполагаю, что эта магия предназначалась для защиты от ментальных атак врагов, но в дальнейшем она заблокировала доступ к твоей памяти для всех.

Гермиона внутренне пошатнулась.

— Что... что именно я *не помню*?

— Ну, мы не совсем уверены. Ты должна быть той, кто обнаружит недостающие фрагменты. Как зовут твоих родителей?

Гермиона сделала паузу, пытаясь вычислить, был ли вопрос основан на поиске диагноза или на извлечении потенциальной информации. Кровь отхлынула от ее лица.

— Я не знаю, — сказала она, внезапно почувствовав, что не может дышать. — Я помню, что у меня были родители. Они были магглы. Но... я *ничего* не помню о них.

Пытаясь подавить панику, поднимающуюся внутри нее, она умоляюще посмотрела на целителя.

— Вам что-нибудь о них известно?

— Боюсь, что нет. Давай попробуем другой вопрос. Ты помнишь школу, в которую ходила? Кто были твоими лучшими друзьями?

— Хогвартс. Гарри и Рон, — сказала Гермиона, глядя вниз, когда ее горло сжалось. Ее пальцы непроизвольно дернулись.

— Хорошо. Ты помнишь директора школы?

— Дамблдор.

— Ты помнишь, что с ним случилось?

— Он умер, — сказала Гермиона, зажмурившись. Хотя детали казались расплывчатыми, она была в этом уверена.

— Да. Ты помнишь обстоятельства его смерти?

— Нет. Я помню, что он был восстановлен в должности директора после того, как было подтверждено, что Волде... Вол... Сами-Знаете-Кто вернулся.

— Интересно.

Ещё больше писанины.

— Что ты помнишь о войне?

— Я была целительницей. Я находилась в больничной палате. Много людей, которых я не смогла спасти... я помню, помню потери. Что-то... что-то пошло не по плану. Гарри умер. Они повесили его на Астрономической башне, и мы смотрели, как он гниет. Они повесили Рона и его семью рядом с ним. И Тонкс, и Люпина. Они пытали их до самой смерти. Потом они бросили меня в камеру и оставили там.

Гермиона дрожала, когда говорила. Больничная койка затряслась и издала громкий скрип.

Целительница, казалось, ничего не замечала и нацарапала еще несколько заметок.

— Это очень нетипично и интересно. Я никогда раньше не слышала о таком состоянии фуги. Мне не терпится услышать мнение специалиста.

— Рада быть для вас такой увлекательной, — сказала Гермиона, скривив губы и открыв глаза, чтобы посмотреть на целительницу.

— Ну-ну, дорогая. Я не настолько бессердечная. Взгляни на это с медицинской точки зрения. Если бы в твоём прошлом существовали вещи, от которых разум хотел тебя защитить, то ими стали бы травмирующие последствия войны, которые тебя явно тревожат до сих пор. Вместо этого что твоё сознание решает защитить? Личности твоих родителей и военную стратегию Ордена. Твоя магия не выбрала защиту твоей психики, она выбрала защиту информации. Это очень интересно.

Гермиона предполагала такой исход, но все это было слишком.

Просто быть в состоянии видеть снова — было слишком для неё. Быть в состоянии говорить. Быть вне своей камеры. Все ощущалось слишком интенсивно. Слишком холодно. Слишком ярко.

Больше она ничего не сказала. Через несколько минут целитель снова подняла глаза.

— Если у специалиста не будет возражений, ты останешься в лазарете на неделю для восстановления, прежде чем мы начнём твою подготовку. Это даст тебе время, чтобы снова адаптироваться к свету, звуку и пройти терапию, которая понадобится для восстановления организма после пыток и сотрясения мозга, которое ты получила при падении.

Целитель начала уходить, но затем остановилась.

— Я надеюсь, излишне напоминать, но, полагаю, учитывая твой факультет и историю жизни, я все же должна буду сказать это. Вы сейчас на распутье, мисс Грейнджер. То, что случится дальше, — неизбежно, но у тебя есть выбор в том, насколько неприятным ты сделаешь этот процесс для себя.

Это был прощальный совет? Угроза? Предупреждение? Гермиона не была полностью уверена. Целитель исчезла за разделительной занавеской.

Гермиона внимательно огляделась вокруг. Она все еще была в Хогвартсе. Ее переодели из тюремной одежды в больничную пижаму. Закатав рукава, она с разочарованием отметила, что наручники были на месте.

Девушка поднесла запястье к лицу, чтобы рассмотреть их. Они были надеты непосредственно перед тем, как она была заключена в камеру, и у Гермионы никогда не было шанса по-настоящему их разглядеть.

На свету они казались просто парой браслетов на каждом запястье. Они сияли, как новый пенни. Как она и предполагала, наручники были покрыты медью.

В темноте камеры Гермиона потратила неисчислимое количество времени, пытаясь точно определить, что они собой представляют. Ответ был прост: наручники подавляли ее магию. Принцип их действия, попытки обойти его и вернуть свою магию — она размышляла об этом большую часть времени, пока была слепа и нема.

Когда Гермиона, наконец, призналась себе, что обмануть наручники невозможно, она начала понимать, как они работают.

Девушка одновременно ненавидела того, кто их создал, и восхищалась им. Она была уверена, что они служили проводником для ее магии, в каждом из браслетов находилась сердцевина из сердечной жилы дракона, возможно, даже взятая из ее собственной палочки.

Наручники были специально настроены на нее.

В камере во время всех попыток Гермионы использовать беспалочковую магию, волшебная сила скользила вниз по ее рукам, а затем просто растворялась, когда достигала кандалов. Убедившись теперь, что они покрыты медью, она сразу поняла, как это работает.

Медь поглощала магию. Гермиона вспомнила, как Бинс читал лекции по истории магии о попытках использовать для палочек материалы, отличные от дерева. Медь была одним из очевидных вариантов из-за ее естественной магической проводимости. К сожалению, она была слишком проводящей. Палочка из меди засасывала любую вспышку магии, которую обнаруживала, независимо от того, предназначалась та ей или нет. Заклинания вырывались из медных палочек прежде, чем волшебник успевал закончить. Одно касание — и они тут же взрывались. Две уничтоженные лаборатории по их изготовлению и потеря четырех пальцев убедили производителей палочек использовать другой материал.

Гермиона была уверена, что внутри кандалов было железо. Медь в паре с сердцевинной дракона высасывала ее магию и затем помещала ту в ядро из железа, где она эффективно нейтрализовывалась.

Изобретательность наручников заставляла ее мозг кипеть.

Железные кандалы были достаточно распространены в волшебных тюрьмах. Они существенно ослабляли магию, чтобы пленники не могли использовать ничего мощного. Всегда было невозможно полностью нейтрализовать магию ведьмы или волшебника с помощью железа. Они всегда могли использовать ее в небольших количествах или просто позволять ей накапливаться, пока волна стихийной

магии не вырывалась наружу. Медь решала эту проблему. С ее особой проводимостью, в частности с помощью магической сердцевины, соответствующей палочке заключенного, медь всасывала почти каждую частицу магии внутри Гермионы.

Что фактически делало ее магглом.

Примечание к части

Арты к главе.

Автор avendell, обложки: <https://www.instagram.com/p/CLDEBZVgssV/>

<https://www.instagram.com/p/CADj0candWN/?igshid=hflzbw75rezv>

Автор saharok_illustration: "Гермиона в Хогвартсе"

https://www.instagram.com/p/CH3whVIMe4N/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор Flyora, обложки: [https://www.instagram.com/p/B_i3bNAHaJq/?](https://www.instagram.com/p/B_i3bNAHaJq/?utm_source=ig_web_copy_link)

[utm_source=ig_web_copy_link](https://www.instagram.com/p/B_i3bNAHaJq/?utm_source=ig_web_copy_link)

https://www.instagram.com/p/CG-0s67gV22/?utm_source=ig_web_copy_link

2.

— Гермиона... — она услышала чей-то шёпот.

Резко подняв глаза от наручников, девушка увидела голову, высунувшуюся из-за занавески. Гермиона прищурилась и внимательно посмотрела на неё. Это была Ханна Эббот.

Тихий вздох ужаса сорвался с ее губ.

У Ханны был только один глаз.

Ее правый глаз смотрел на Гермиону, в то время как второй отсутствовал. На месте левого зияла черная дыра, словно его вырвали из глазницы.

Рука Ханны тут же метнулась наверх и закрыла левую сторону лица.

— Прости. Это всегда шокирует всех, кто видит его впервые.

— Что с тобой случилось? — Гермиона с трудом выдавила из себя вопрос.

Она не знала ни одного проклятия, которое могло бы таким образом повредить глаз. Было много ослепляющих заклинаний, но ни одно из них не приводило к таким последствиям.

— Амбридж... она вытащила его с помощью палочки, когда... когда я пыталась сбежать. Она приказала колдомедикам не исцелять его. Для большего эффекта. В назидание остальным. — Ханна слегка отвернулась, чтобы еще лучше скрыть свое лицо.

— Но после этого ее наказали. — Ханна опустила лицо и уставилась в пол. Голос девушки звучал так, словно та была мертва. — Сейчас она просто отрезает пальцы. Если ты не проявляешь уважения. Если ты попытаешься сбежать. Если ты посмотришь на нее неправильно. Парвати и Анджелина — у них почти не осталось пальцев.

Ханна пристально посмотрела на Гермиону оставшимся глазом.

— Гриффиндорский дух в тебе должен умереть, Гермиона. Не пытайся быть храброй. Не пытайся быть умной. Просто не высывайся. Люди уже несколько месяцев пытаются сбежать. Любого, кого поймают, жестоко наказывают. Любого... кому удаётся сбежать... У нас ушло слишком много попыток, чтобы догадаться... наручники, которые у всех нас есть... — Ханна подняла свое собственное медное запястье, — на них наложено Следящее заклинание. Если даже тебе удастся обойти Защитные чары, они пошлют за тобой Верховного Правителя. А потом твой труп повесят в Большом зале, чтобы мы все видели, как ты гниешь.

Гермиона почувствовала себя так, словно ее сильно ударили в грудь. Ее пальцы судорожно сжались на ткани покрывала. Она едва могла дышать.

— Кто это был?

— Джинни. Она была первым телом, которое они привезли и повесили. Мы все думали: тебе удалось сбежать. Ты ведь исчезла. Мы не понимали, что они просто бросили тебя в другое место...

Голос Ханны затих, и она снова взглянула на Гермину.

— Ты ведь не знаешь, зачем они тебя вытащили, не так ли?

Гермина покачала головой.

— Охранники много болтают. После войны все ожидали, что Темный Лорд начнет поработать магглов. Но, оказывается, его ряды были более истощены, чем мы предполагали. Очевидно, бессмертие сделало его терпеливым. Он решил, что на первом месте сейчас увеличение численности населения среди чистокровных волшебников. Он лично разделил всех чистокровных на пары. Заставил их всех пожениться, приказав начинать обзаводиться потомством.

Лицо Ханны исказилось от презрения, когда она произнесла эту информацию.

Гермина удивленно нахмурила брови. Увеличение численности? Война тянулась с большими потерями, учитывая размер волшебного населения, но Гермину не думала, что Волдеморта вообще волнует этот вопрос. Браки по договоренности не были чем-то необычным среди чистокровных — но сделать это принудительным... казалось невыносимым. Ей вдруг стало интересно, что чувствовали в тот момент его последователи.

— Детей почти не появлялось. Уровень рождаемости среди чистокровных снижается уже много лет. Было несколько беременностей, о которых все говорили. Большинство детей рождались сквибами. Остальные попытки заканчивались выкидышами. Ну, — голос Ханны стал горьким, — по-видимому, перед лицом вымирания волшебного мира разум Темного Лорда несколько смягчился в отношении чистоты крови. Магия — это сила, ты же понимаешь. Он решил начать программу возрождения населения, включив туда всех полукровных и магглорожденных заключённых, которые у него были под рукой. Только для нас, девушек, такая участь хуже смерти. У магглорожденного мужчины просто будет контакт с чистокровной женщиной. Нас же заставят рожать до тех пор, пока мы не умрем.

Ханна выглядела так же ужасающе, как Гермину себя ощущала внутри.

— Вот почему тебя наконец выпустили, — сказала Ханна, беспомощно жестикулируя. — Они используют школьные и медицинские записи, чтобы решить, кто из нас пригоден для программы. Та целительница, с которой ты говорила, она тут главная. Очевидно, она специализируется на магической генетике. Мы — ее подопытные крысы. Они проверяют у каждого фертильность.

Теперь Ханна плакала. Гермину уставилась на нее, чувствуя слабость от шока. Это не могло быть правдой. Все это было кошмарной антиутопией. Как страшный сон, который до сих пор снится ей в ее камере.

— Нам... нужно выбираться, — сказала Гермину как можно спокойнее.

Ханна покачала головой.

— Мы не можем, ты разве не слышала, что я говорила раньше? Пока ты не отрубишь себе руки, тебе не сбежать с этими наручниками. Все тщательно продумано. Анджелина потеряла указательный палец, чтобы узнать это. Наручники настроены таким образом, что при побеге Волдеморт сразу узнает об этом. Вот почему всякий раз, когда кто-то сбегает, за ним всегда приходит Верховный Правитель.

Ханна быстро огляделась, затем опустила голову, чтобы проверить пол за занавесками.

Гермиона проследила за взглядом Ханны. Там ничего не было.

— Кто это? Кто такой Верховный Правитель? — спросила Гермиона. Она не нашла в памяти никаких упоминаний о нем.

Ханна подняла голову.

— Я не знаю. Никто из нас никогда не видел его без маски. Все говорят о нем. Он правая рука Темного Лорда. Волдеморт редко выходит в свет, поэтому вместо него всегда появляется Верховный Правитель. Несколько недель назад они провели публичные казни, погибло более двадцати человек. Он убил всех до единого Убивающим проклятием. Он не делал перерывов. Он просто шёл мимо заключённых. Никто не видел, чтобы Темный Лорд бросал так много Убивающих подряд.

— Это... не представляется возможным, — сказала Гермиона, с сомнением качая головой.

Ханна наклонилась вперед и понизила голос.

— Я знаю. Но я видела тела после того, как он ловит пленников. Он всегда их находит. Макгонагалл, Грюм, Невилл, Дин, Симус, профессор Стебель, мадам Помфри, Флитвик, Оливер Вуд — это лишь те, кого ты знаешь. Их было больше. Намного больше. Члены Ордена были теми, кто всегда пытался сбежать. Они все возвращались трупами.

Ханна замешкалась и пристально посмотрела на нее.

— Не делай глупостей, Гермиона. Я рассказываю тебе все это не для того, чтобы ты попыталась сбежать. Я хочу предупредить тебя. Это ад. Ты должна быть готова к тому, что за любую попытку побега ты получишь увечья или умрешь.

Ханна, казалось, хотела сказать что-то еще, но вдруг послышались шаги. Выражение ужаса отразилось на ее лице, и разделительная занавеска упала, когда девушка бесшумно исчезла.

Занавеска по другую сторону от Гермионы резко распахнулась, и появился её первый целитель, выглядевший измотанным.

— Темный Лорд хочет лично принять участие в исследовании твоего сознания, — сказал он, с силой хватая Гермиону за руку.

Гермиона инстинктивно попыталась вырваться. Она выдернула руку из хватки целителя и спрыгнула с другой стороны кровати, чтобы создать дистанцию.

— Ах, глупая ведьмочка, — целитель вздохнул и указал на кого-то, стоящего вне поля зрения Гермионы, — оглушите ее и следуйте за мной.

Из-за занавеса появились два охранника и бросили в Гермиону два Оглушающих. От первого она увернулась, но второе попало ей в плечо. Она камнем свалилась на пол.

Когда девушка снова очнулась, то поняла, что ее привязали к столу в темном коридоре. Ее руки и ноги были связаны, все еще дергаясь от пыток. Еще несколько ремней легли на лоб и подбородок, удерживая голову на месте. С одной стороны на неё смотрел маленький незнакомый волшебник. С другой стоял сам Волдеморт.

Маленький волшебник говорил тонким, дрожащим голосом, указывая на проекцию мозга Гермионы.

— Это... это не похоже ни на что, что я когда-либо встречал раньше. Как правило, волшебная п-п-потеря памяти проходит д-достаточно обширно. Человек даже не может назвать своего имени. Но это выборочная система. Как у заклинания Забвения. Диссоциативная fuga, или, в данном случае, одна из ее разновидностей. Почти как наложение Обливиэта на самого себя. Ее магия скрыла определенные воспоминания внутри того, что я могу описать только как н-н-наложение определенных магических слоев. Вероятно, это никогда бы не произошло без конкретных обстоятельств ее заключения. На это т-требовалось время. Ее мозг медленно укреплял линию защиты в течение нескольких месяцев. Почти как моллюск, делающий жемчужину, она медленно закапывала фрагменты своей памяти, слой за слоем. Мы можем наблюдать, что некоторые из них сейчас более защищены, чем другие, основываясь на том, насколько ярко они светятся.

Глаза Волдеморта сузились.

— Возможно ли восстановить эти воспоминания с помощью легилименции?

Маленький волшебник заметно занервничал. На верхней губе у него выступили капельки пота.

— Это... это м-маловероятно. Это похоже на индивидуальную защиту исключительной силы вокруг каждого конкретного фрагмента памяти. Есть небольшая доля вероятности успеха, если легилимент достаточно м-м-мощный.

— Мне нравится о себе так думать, — сказал Волдеморт, глядя в глаза Гермионы. Она тут же закрыла их, но было уже слишком поздно.

Она подумала, что, возможно, могла владеть окклюменцией до потери памяти. Но с ее почти украденной магией вероятность создания защиты от вторжения равнялась нулю. Волдеморт ринулся, как стрела, глубоко в ее воспоминания, медленно разрушая их. Как будто его сознание пыталось раздавить ее.

Ее детство. Хогвартс. Его не волновали ее запертые воспоминания о родителях. После пятого года обучения, когда все стало туманным, его интерес обострился. Он изучил ее воспоминания о целительстве. Все тела. Все травмы. Так много людей. Чем ближе он подходил к концу войны, тем больше воспоминаний было

заперто. Он хотел добраться до них. Он попытался пробиться сквозь магию грубой силой. Ни одно из них не поддавалось его яростным и настойчивым атакам.

Они ломали ее изнутри. Сила была невыносимо болезненной, и каким-то образом боль продолжала усиливаться, пока не стало похоже, будто Гермиона умирает. Она извивалась, пытаясь избежать вторжения. Крики заполнили коридор и просто продолжались, продолжались и продолжались.

Наконец Волдеморт вышел из ее сознания. В ярости. Она медленно приходила в себя и понимала, что крики принадлежали ей. К тому времени они превратились в тихие болезненные стоны из-за разорванных голосовых связок. Гортанные всхлипы все ещё вырывались из неё в то время, как ее грудь продолжала содрогаться от боли. Девушка изо всех сил пыталась дышать.

— Я не люблю, когда от меня что-то скрывают. Теперь, когда Поттер мертв, прятать уже нечего. Что ты скрываешь? — прошипел Волдеморт. Его костлявые пальцы схватили ее лицо и развернули так, чтобы она встретила с ним взглядом.

— Я не знаю... — прохрипела Гермиона. Ее голос был тихим и сломленным, она слабо попыталась высвободить челюсть из его хватки.

— Вызови Северуса! И Надзирательницу. Она будет наказана за это, — сказал Волдеморт. Он в последний раз просмотрел разум Гермионы, пока та не обмякла, почти теряя сознание.

Первой появилась Амбридж, выглядевшая до смерти напуганной.

— Мой Лорд, мой Господин, — сказала она, опускаясь на землю и подползая к нему.

— *Круцио!* — Волдеморт произнес проклятие, его ярость была очевидна по тону.

Амбридж закричала. Она кричала все громче и корчилась на земле. Гермионе почти стало ее жаль.

Через несколько минут он наконец остановился.

— Неужели ты считала, что твоя жажда крови сильнее моих приказов?

Амбридж только хныкала.

— Я знал о твоей неприязни к Грязнокровке, но надеялся, что твое служение будет достаточным мотивом, чтобы ты себя сдерживала. Возможно, тебе нужно постоянное напоминание.

— Мой Лорд...

— Что за наказание, которое ты так любишь дарить своим подопечным? Отрезание пальцев, не так ли? Скажи мне, сколько пальцев у тебя останется, если я буду забирать их по одному за каждый месяц, который ты потратила, пытаясь свести Грязнокровку с ума?

— Нееееет! — голос Амбридж перешел на визг. Она все еще дрожала и корчилась на земле.

— Возможно, мне следует быть более снисходительным, — сказал Волдеморт, медленно приближаясь к ней, пока та хныкала и пресмыкалась у его ног. — Твоя служба в тюрьме была в основном хорошей. Вместо шестнадцати я разделю количество месяцев пополам. Восемь пальцев в качестве напоминания моего приказа, в котором я упоминал, чтобы Грязнокровка Поттера осталась полностью нетронутой.

— Пожалуйста... — Амбридж, рыдая, поднималась с земли.

В комнату ворвался Северус Снейп.

— Что с тобой? Не в состоянии вынести последствия собственного наказания? — Волдеморт усмехнулся и махнул рукой, отворачиваясь от Амбридж. — Уберите ее. Бросьте обратно в тюрьму, когда закончите.

Два Пожирателя Смерти вышли вперед и потащили Амбридж из комнаты, пока она причитала извинения и умоляла Темного Лорда.

— Северус, мой верный соратник, — сказал Волдеморт, поворачиваясь к мастеру зелий. — Я нахожу себя с очень занимательной головоломкой в руках.

— Повелитель, — сказал Снейп, почтительно сложив руки перед собой и опустив глаза.

— Полагаю, ты помнишь Грязнокровку, — Волдеморт повернулся к Гермионе, глядя на нее сверху вниз и проводя костлявым пальцем по своему безгубому рту.

— Конечно. Она была самой невыносимой ученицей во времена моего преподавания. — Снейп подошел к Гермионе, которая все еще была привязана к столу.

— Действительно, а также верной подругой Гарри Поттера, Мальчика-Который-Умер, — сказал Волдеморт, слегка поглаживая свою палочку. — Она была членом Ордена, в чем я уверен. Ты должен это помнить со времён своей многолетней шпионской деятельности. Когда Поттер умер, она была схвачена, и я приказал посадить ее в тюрьму, но оставить нетронутой на случай, если девчонка мне когда-нибудь понадобится. К сожалению, директор Хогвартса сочла нужным сама вынести наказание за прошлые проступки. Все это время она держала Грязнокровку в камере с сенсорной депривацией.

Глаза Снейпа слегка расширились.

Волдеморт положил руку на его плечо.

— По словам целителей разума, этот опыт позволил Грязнокровке запереть свои воспоминания. Изолировать их от себя и от меня. К примеру, личности своих родителей, которые совсем не имеют значения. Что более важно, так это ее воспоминания о войне, особенно более поздние, перед Финальной битвой. Эта потеря памяти произошла после смерти Поттера, после окончания войны. Зачем ей что-то скрывать? — в низком извилистом голосе Волдеморта звучала угроза. Он замолчал на мгновение, а затем взглянул на Гермиону.

— Возможно, как кто-то, кто знал ее в то время, ты будешь иметь некоторое представление о том, каких воспоминаний не хватает.

— Конечно, Повелитель.

Гермиона обнаружила, как холодные бездонные глаза Снейпа пристально смотрят на нее. У девушки не осталось сил сопротивляться, когда он погрузился в ее сознание.

Снейп не беспокоился о ее школьных годах. Он сразу же отправился в военный период и быстро, но тщательно просмотрел воспоминания. У него, казалось, были определенные цели, которые он преследовал. Исцеление. Приготовление зелий. Ее встречи и контакты. Исследования. Разговоры с Гарри и Роном. Сражения. Финальная битва. Всякий раз, когда Снейп наткнулся на заблокированное воспоминание, он, казалось, останавливался и рассматривал его защиту, прежде чем попытаться проникнуть внутрь.

Его вторжение было значительно менее травматичным, чем у Волдеморта, но Гермиона все еще плакала и дрожала, когда он наконец медленно удалился. Ее руки судорожно сжимались в том месте, где были пристегнуты.

— Очаровательно, — сказал он, глядя на Гермиону с противоречивым выражением лица.

— Любая информация? — рука Волдеморта сжалась на плече Снейпа, и его тон был подозрительным.

Тот отвернулся от Гермионы и опустил глаза.

— По правде говоря, Повелитель, мы с Грязнокровкой мало общались в последние годы войны. Только на тех собраниях Ордена, в которые я был посвящен. Единственное, что я знал о ней: ее держали подальше от сражений как целительницу и хозяйку зелий. Эти воспоминания кажутся нетронутыми. Я в недоумении, что она может скрывать.

— Если у Ордена остались какие-то секреты, я хочу их знать, — прошипел Волдемор, его алые глаза сузились.

— Действительно, — сказал Снейп, его тон был шелковистым и покладистым. — К сожалению, большинство важных членов Ордена сейчас мертвы. Либо во время финального боя, либо от пыток или попыток побега. Кроме самой мисс Грейнджер, вряд ли кто-то еще остался в живых, обладая этой информацией.

Волдемор уставился на Гермиону. Его красные глаза были разъяренными и расчетливыми, когда он медленно провел пальцем по губам. Затем он пристально посмотрел на целителя разума.

— Существует ли способ восстановить эти воспоминания? — сказал Волдемор, его палочка угрожающе свисала с кончиков пальцев.

— Ну, это очень трудно предсказать. — Целитель побледнел. — Это возможно. Теперь, когда обстоятельства, вызвавшие потерю, были устранены. Со временем они могут восстановиться.

— А что насчет пыток? Я прорывался к забытым воспоминаниям с помощью них в прошлом.

Целитель разума выглядел зеленым.

— Это м-может сработать. Н-но никто не предскажет, какие из них вы получите. Вы м-можете узнать лишь малую часть д-д-до того, как она сойдет с ума или умрет.

Волдеморт задумчиво посмотрел на Гермиону.

— Тогда я хочу, чтобы за ней следили. Внимательно. Кто-то, кто сразу сможет понять, как только память начнёт возвращаться. Северус, я оставляю ее на твое попечение.

— Как пожелаете, Повелитель, — Снейп низко поклонился.

— Ты возражаешь? — спросил Волдеморт, с помощью палочки возвращая его в вертикальное положение. Он откинул голову Снейпа назад, пока их глаза не встретились.

— Никогда. Ваше желание — мой приказ. — Собранный выражение лица Снейпа дрогнуло под пристальным взглядом.

— И все же у тебя есть возражения, — сказал Волдеморт, убирая палочку и поворачиваясь, чтобы посмотреть на Гермиону.

— Завтра я отбываю в Румынию, — ответил Снейп, — чтобы расследовать слухи о неподчинении вашему режиму. Поездка, как вы уже отмечали, когда поручали ее мне, будет деликатным заданием, сложным и строгим даже без добавления заключённой, требующей тщательного наблюдения. Я не хочу разочаровывать вас ни в одном из этих вопросов. — Он положил ладонь на грудь и снова поклонился.

Волдеморт сделал паузу и, казалось, задумался, положив руки на стол рядом с Гермионой и наклонившись, чтобы изучить ее. Пока он стоял там, движение с другой стороны привлекло ее внимание. Женщина-целитель, отвечающая за программу увеличения населения Волдеморта, подошла и шепотом задала вопрос целителю разума.

— М-Мой Лорд, — целитель разума нерешительно подошёл ближе, — целитель Страуд обратила мое внимание на р-решение этой проблемы, которое может вас заинтересовать.

— Ну и что же это? — заинтересованность Волдеморта казалась незначительной. Он не смотрел ни на одного из целителей.

— Магическая беременность, мой Повелитель, — сказала целитель Страуд с гордой улыбкой. — Есть несколько зарегистрированных случаев, которые указывают на то, что такие беременности имеют способность прорываться через магические потери памяти. Магия ребенка сильна и полностью совместима с магией матери, чтобы оказывать разъедающее действие на любую уже созданную магию. Это ничего не доказывает, учитывая редкость таких случаев.

Однако это возможно. Мисс Грейнджер обладает исключительными магическими способностями, вы сами это заметили и хотели, чтобы ее включили в программу. Если вы оставите Грязнокровку, есть шанс, что беременность может привести к разблокировке ее памяти. Но... — она слегка заколебалась.

— Что? — Волдеморт резко взглянул на целительницу Страуд, заставив ее побледнеть и вздрогнуть.

— Вы... вы не сможете проверять ее разум во время беременности, — быстро проговорила целительница Страуд. — Инвазивный вид магии, такой, как легилименция, несёт высокий риск выкидыша. Это часто настолько травматично, что может привести к постоянному магическому бесплодию. Вам придется подождать, даже если вы будете знать, что воспоминания возвращаются, пока не родится ребенок. Возможен вариант, в котором отец ребёнка сможет стать тем, кто выполнит легилименцию, так как часть его магической силы перейдёт к ребёнку.

Волдеморт задумчиво смотрел на Гермиону, его пальцы скользили по груди, как будто он успокаивал рану.

— Северус.

— Мой повелитель.

— Верховный Правитель ведь является исключительным легилиментом, не так ли?

— Так и есть, Повелитель, — сказал Снейп. — Его мастерство, вероятно, не уступает моему. Вы очень тщательно его обучили.

— И у его жены обнаружено магическое бесплодие, не так ли?

Вопрос был адресован целительнице Страуд.

— Да, мой Лорд, — немедленно ответила она.

— Тогда отправь Грязнокровку к Верховному Правителю. Пусть он использует её для совокупления и следит за её памятью.

Страуд нетерпеливо кивнула:

— Я могу доставить ее туда через две недели. Хочу проверить состояние девушки и подготовить ее.

— У тебя есть две недели. Пока она не забеременеет, я хочу, чтобы ее привозили каждый месяц, чтобы я мог лично исследовать ее разум.

— Да, мой Лорд.

— Можешь забирать ее обратно в Хогвартс, — Волдеморт махнул рукой, отпуская их.

Тело Гермионы все еще слегка дергалось, когда ее развязывали. Она чувствовала, как будто должна сделать что-то. Бороться. Или отказаться. Или

умолять.

Все, что угодно, но только не лежать там, пока Волдеморт небрежно размышлял, кому ее отдать для совокупления.

Ее тело отказывалось сотрудничать. Она ничего не могла сделать, когда неосторожные руки подняли ее со стола и понесли по коридору.

3.

Кровать, которую занимала Ханна, опустела, когда Гермиону вернули в больничную палату в Хогвартсе.

Целительница Страуд влила зелье ей в горло, как только девушку уложили в постель. Боль в голове Гермионы начинала стихать. Она моргнула, и черные пятна, которые все еще сопровождали ее зрение, наконец стали исчезать.

Гермиона чувствовала подкатывающую тошноту. Внутри у нее все переворачивалось и съеживалось, словно это был яд, который ее тело не могло изгнать. Она все еще дрожала. Ей хотелось свернуться в клубок, но девушка не могла собраться с силами, чтобы справиться с этим.

— Охраняйте ее ценой своей жизни. Если кто-то захочет прикоснуться к ней или хотя бы посмотреть на нее, ему потребуется мое личное разрешение, — услышала она голос целительницы.

Гермиона обернулась и смутно разглядела двух крупных мужчин, стоящих позади Страуд. Их глаза были холодными, когда они смотрели на Гермиону.

Страуд наложила на нее несколько защитных заклинаний, которые поднялись, мерцая, вокруг ее тела. Осмотрев проекции состояния ее разума в течение нескольких минут, Страуд повернулась и зашагала прочь, ее целительская мантия развевалась позади.

Гермиона уставилась в потолок, пытаясь осмыслить все, что произошло с ней в тот день.

Она чувствовала, что должна плакать, но не могла.

Смирение и безнадежность переплелись с ее душой с того момента, как она увидела смерть Гарри.

Наблюдая, как большинство людей, которых она любила, умирали в агонии, Гермиона знала, что ее время страдать скоро наступит.

И вот оно пришло.

Смерть никогда не пугала Гермиону. Она знала, что существуют более страшные варианты...

Смерть Гарри была убийством из милосердия по сравнению с пытками, которым подвергались Уизли, Ремус и Тонкс.

Люциус Малfoy стоял всего в нескольких футах от того места, где была заперта Гермиона, когда он посмотрел на Рона и прорычал:

— Это тебе за мою жену!

Затем он произнес проклятие, которое постепенно превращало кровь Рона в расплавленный свинец. Гермиона наблюдала, как заклинание медленно ползло по телу Рона, убивая его изнутри. Она была бессильна что-либо сделать,

бессильна закончить его страдания любым способом.

Во время войны Артур Уизли навсегда лишился здравого ума из-за проклятия. Он плакал, даже не понимая, отчего ему больно, не в состоянии осознать, что умирает.

Они оставили Молли напоследок. Чтобы та видела, как умирают все ее дети.

Ремус смог выдержать несколько часов пыток — намного больше, чем кто-либо другой. Его ликантропия продолжала исцелять его, пока он просто не остался висеть, ни на что не реагируя. Наконец кто-то из скуки выстрелил в него Убивающим проклятием.

Эти смерти так часто прокручивались перед глазами Гермионы, что ей казалось: в конце концов боль от них утихнет.

Или ее разум решит, что этого не было.

Но она продолжала ощущать эту боль так же остро, как и в первый раз.

Рана, которая никогда не заживет.

«Вина выжившего», — подумала она. Маггловский термин. Такое ничтожное описание. Которое не отражало даже малейшей доли агонии в ее душе.

Для Гермионы стать инкубатором для Пожирателя Смерти было участью, которая даже не приходила ей в голову. Быть изнасилованной — этот риск всегда присутствовал. Её же вариант был похож на изнасилование в замедленной съемке. Однако ситуация была гораздо более сложной. *Её воспоминания*. Что бы она ни скрывала в своем сознании, это было важно. Для нее это было важнее всего остального. Гермиона не могла позволить им попасть в руки Волдеморта.

Она не боялась, что ее труп сгниет в Большом зале. Эта судьба была ничем по сравнению с отказом от того, что она защищала. Или по сравнению с изнасилованием и принуждением носить ребенка, который будет отнят у нее в тот момент, когда родится.

Побег, поняла Гермиона, скорее всего, был роскошью, которую она не могла себе позволить. Главная её цель — умереть быстро. Эту возможность стоило хорошо обдумать.

Она тихо лежала в постели и строила планы.

Дни тянулись медленно. Никто из заключенных, доставленных в больничное крыло, не осмеливался заговорить с Гермионой, охранники постоянно стояли у ее кровати.

Целители приходили несколько раз в день, чтобы оценить ее состояние и вылечить ее. Они брали пробирки с кровью и немного волос для анализа. Новый целитель приходил лечить Гермиону от последствий пыток. Ее руки продолжали трястись.

В конце концов, большая часть спазмов прекратилась. Пальцы Гермионы все еще

судорожно подергивались от неожиданных звуков.

Она так и не смогла привыкнуть к шуму.

Она помнила, что в прошлом её жизнь была полна шума: на занятиях, за обедом, в больничной палате после сражений. Теперь любой неожиданный звук заставлял ее врасплох. Стук двери или стук сапог, исходящие от них звуковые волны — они ощущались вибрацией на ее коже.

Она начинала дергаться.

Нервный целитель разума часто приходил вместе с целителем Страуд, чтобы изучить мозг Гермiony и ее психологическое состояние. У них были опасения по поводу ее стабильности. Они наложили на ее мозг имитационные заклинания, чтобы увидеть, как она будет реагировать на толпы, закрытые пространства, физический контакт, кровь. Если Гермiona была под угрозой срыва, они хотели, чтобы припадок произошёл в Больничном крыле.

Видимо, несмотря на тремор, она считалась достаточно стабильной. Когда самые сильные спазмы прекратились после четырех дней терапии, они решили, что Гермiona готова к обучению.

На пятый день ее выписали из Больничного крыла. Стражники отвели ее прямо в Большой зал.

Перед входом в зал стояли ряды стульев. Они были заняты женщинами, одетыми в серые платья.

Амбридж стояла на платформе впереди и говорила с присущим ей весельем. Она была одета в розовое, на шее болтался огромный кулон. Одна ее рука была забинтована.

— Вы были избраны, чтобы помочь строить новое будущее, которое запланировал Темный Лорд. Вам была предоставлена великая честь: дать ему то, что он желает, — сказала она и жеманно улыбнулась: — Вы — те немногие, кто этого достоин.

Голос Амбридж звучал механически, в то время как она глядела на девушек сверху вниз сверкающими от ненависти глазами. Фальшивая улыбка прочно приклеилась к ее лицу. Ее глаза то и дело устремлялись в угол комнаты.

Гермiona слегка повернулась и увидела двух Пожирателей Смерти, стоявших без масок: Корбана Яксли и Торфинна Роули. Они наблюдали за Амбридж со скучающим выражением лица.

— Темный Лорд приказал обучить вас, чтобы вы могли безошибочно выполнять свои обязанности. Это великая честь, и вы не захотите разочаровать своего Господина. Вы важны для Темного Лорда. Поэтому должны быть защищены как от других, так и от самих себя.

Улыбка Амбридж внезапно превратилась в оскал. Она указала на заднюю дверь, и Яксли с Роули вышли вперед. Амбридж повернулась к тюремщикам, выстроившимся вдоль стены.

— Оглушите их всех. Проверьте каждую.

Несколько сидящих женщин съежились или попытались уклониться, но большинство из них едва шевельнулись, когда стражники начали колдовать над ними. Тела оседали на стулья или падали на пол.

Гермиона стояла позади. Она наблюдала, как падают девушки. Она узнала нескольких из них: Ханну Эббот, Парвати Патил, Анжелину Джонсон, Кэти Белл, Чжоу Чанг и Ромильду Вейн. Гермиона подумала, что некоторые из них, возможно, были младше или старше её во время обучения в Хогвартсе. Среди них было и несколько женщин чуть взрослее, хотя ни одна не выглядела старше тридцати. Их было около сотни.

Амбридж увидела Гермиону, стоящую сзади.

— Оглушите ее тоже, — сказала Амбридж, злобно глядя на нее.

Они колебались.

На периферии зрения Гермионы появилась целитель Страуд.

— Сделайте это, — сказала она, резко кивнув в знак одобрения.

Гермиона потеряла сознание, прежде чем смогла собраться с силами.

— *Реннервейт.*

Гермиона неуверенно дёрнулась. Она пришла в себя и обнаружила, что лежит рядом с остальными девочками.

Они были разложены рядами. Некоторые все еще были без сознания, и стражники шли вдоль девушек, снимая с них заклинание. Остальные сидели, уставившись на новые кандалы вокруг запястий. Гермиона посмотрела на свои руки. Магические браслеты выглядели иначе: чуть шире и теперь без застежки. Идеальный медный круг, обернутый вокруг каждого запястья.

«Собственность Верховного Правителя» было выгравировано на блестящей поверхности обоих наручников.

Больше всего Гермиону беспокоил холодный предмет под металлом, который, по её ощущениям, слегка прижимался к ее запястьям с внутренней стороны. Наручники были так плотно подогнаны, что она не могла разглядеть, что это такое. Было ясно: причина, по которой их оглушили, заключалась в том, чтобы снять и заменить кандалы. Вероятно, они были намного хуже предыдущих.

Часы на стене показывали, что с момента их оглушения прошло уже несколько часов. Каким бы ни был этот процесс, он требовал времени.

В Большом зале появился огромный стол, заваленный оружием.

Это была самая очевидная ловушка.

Все стояли настороженно и просто смотрели.

— Подойдите, — сказала Амбридж ласковым голосом, подзывая их из-за стола. — Ближе. Посмотрите, что здесь.

Никто не пошевелился.

Амбридж выглядела разочарованной. Она явно надеялась, что кто-то окажется достаточно глупой, чтобы броситься к столу и попытаться вооружиться.

— Ты. Подойди сюда, — Амбридж указала на девушку в толпе. Гермиона подумала, что та, возможно, училась с ней на одном курсе.

Девушка медленно повиновалась, съежившись от страха.

— Возьми что-нибудь, — приказала ей Амбридж.

Девушка медленно потянулась вперед, но когда ее рука оказалась в нескольких сантиметрах от ножа, она резко отдернула ее с криком.

Амбридж торжествующе улыбнулась.

— А теперь все идите сюда. Посмотрим, что будет.

Женщины неохотно двинулись вперед. Гермиона приближалась в растущем страхе, ее разум не переставал размышлять. Должно быть, к кандалам добавилось заклинание барьера, что-то, что не позволяло им приближаться к определенным объектам.

Она протянула руку на значительное расстояние и медленно подошла. Когда ее пальцы оказались в десяти сантиметрах от кинжала на столе, их начало охватывать жжение. Гермиона с горечью отдернула руку. Ее возможности прибегнуть к самоубийству резко ограничились. Она рассматривала различные предметы: арбалеты, ножи, мечи, топоры, кухонные ножи, ножи для вскрытия писем, даже небольшие гвозди. Заклинание для создания барьера, казалось, было всеобъемлющим. Она тщательно обследовала каждый предмет.

Функции новых кандалов заключались не только в этом. Инкрустация барьерного амулета была достаточно простой магией. В новом наборе было что-то более сложное.

Гермиона опустила глаза на свои наручники.

— Эти новые браслеты будут держать вас в безопасности и гарантировать, что владельцы великих домов, к которым вы направляетесь, смогут хорошо заботиться о вас. Глава каждого дома будет носить амулет, который позволяет им всегда находить вас и знать, если вы будете в опасности. Учитывая, — Амбридж мило улыбнулась, — дикую, изменчивую натуру, распространенную среди магглов, они удержат вас от совершения любых актов насилия над кем-либо, включая вас самих. Они помогут вам служить Темному Лорду и быть благодарной за возможность, которую он вам подарил.

Несколько женщин громко всхлипывали.

— В конце концов, это слишком важные волшебники. Мы не хотим, чтобы какие-то ошибки или несчастные случаи причиняли им неудобства.

Чары барьера, возможно, какое-то заклинание принуждения и в паре с чарами слежения — Гермiona пыталась обработать всю информацию, кажется, она ещё ощущала воздействие чар, отслеживающих ее психологическое самочувствие.

Контролирующие чары обычно использовались в психиатрических отделениях больниц, чтобы предупредить целителей, когда пациенты могли ранить себя или окружающих. Они отслеживали частоту сердечных сокращений и уровень гормонов, улавливая любые колебания. Более сложные чары даже слегка касались сознания контролируемых. Это было не совсем чтение мыслей, но они отображали внутренние желания и наклонности пациентов.

Попытка совершить самоубийство или сбежать без оружия под воздействием заклинания принуждения, даже поборов ментальное воздействие — без увеличения пульса и скачков сердечного ритма — это было почти невозможно.

Гермiona застыла в Большом зале.

Все последующие дни слились воедино в тумане ужаса.

Подготовка продолжалась.

Амбридж держала что-то похожее на маленький фонарь и давала указания. Когда она заканчивала говорить, фонарь слегка светился, и кандалы становились теплыми: в них погружалась магия.

Укореняя навязчивые идеи в их сознании.

Это делалось постепенно. Казалось, что каждой инструкции требовалось время, чтобы укорениться в их психике. Формировать их поведение.

Вы будете вести себя тихо.

Вы будете послушными.

Вы никому не причините вреда.

Вы не будете обижать жену своего владельца.

Вы не будете сопротивляться во время занятий сексом.

После занятия сексом вы не будете двигаться в течение десяти минут.

Вы сделаете все, чтобы быстро забеременеть и произвести на свет здоровых детей.

Вы не будете заниматься сексом ни с одним мужчиной, кроме назначенного.

По мере того как проходили дни, Гермiona могла видеть, как эти инструкции действуют на других женщин.

Они становились все тише и тише. В течение первых нескольких дней по ночам слышался приглушенный шепот. На третий день в комнатах было почти тихо, если не считать приглушенных рыданий.

Гермиону держали чуть в стороне от всех остальных. Рядом с ней всегда стоял охранник.

Амбридж держалась подальше от Гермионы, хотя ее глаза торжествующе вспыхивали каждый раз, когда она видела, как чары на неё влияют.

Какой бы ни была темная магия, используемая для заклинания принуждения, она была тонкой. С каждой новой инструкцией целители приходили и проводили диагностику лично над каждой пленницей.

Однажды одна из девушек резко сорвалась и с криком встала. Она схватила свой стул и замахнулась им в воздухе, прежде чем ударить им женщину-целителя рядом с ней. К тому времени, когда стражники оглушили кричащую девушку и оттащили ее, плечо женщины было раздроблено.

Возможно, были запланированы дальнейшие инструкции, но после этого случая целитель Страуд решила, что работы с внушением нужно прекратить.

Гермиона каждую ночь лежала в темноте и строила планы.

Если она не сможет сбежать, то ее единственной надеждой будет смерть от палочки Верховного Правителя.

Судя по тому, что удалось выяснить Гермионе, он был довольно скор на расправу. Если она сумеет спровоцировать его на необдуманные действия, он покончит с ней прежде, чем успеет остановиться.

Если ей это удастся, Волдеморт, возможно, решит убить Верховного Правителя. Что уже сделает мир намного лучше.

Ей придется действовать быстро и расчетливо. Если он хороший легилимент, как утверждал Снейп, Верховный Правитель быстро обнаружит этот план у неё в мыслях.

Хотя, возможно, это не имело никакого значения.

Кто-то, кто настолько переполнен ненавистью, — такие люди, вероятно, гораздо быстрее справлялись со своими эмоциями, чем с разумом. Она могла бы использовать это в своих интересах и затянуть петлю вокруг их шей.

— Раздевайтесь, — сказала Амбридж несколько дней спустя.

Гермиона не была уверена, было ли это принуждение или просто отсутствие сопротивления, которое заставило ее подчиниться автоматически.

Наверное, все сразу.

Она вместе с остальными женщинами расстегнула свое серое платье и сняла нижнее белье. Они стояли, дрожа, в холодной комнате. Их осталось семьдесят две. Двадцать были убраны целителем Страудом из опасения, что они сойдут с ума, как кричащая девушка.

Все они стояли обнаженные, если не считать сверкающих медных браслетов на

запястьях, пытаюсь прикрыть свои тела от насмешливых взглядов охранников.

— Наденьте это.

Одним движением руки Амбридж развернула большую стопку одежды. Яркие алые платья и мантии. Красные, как кровь.

Никакого нижнего белья.

Гермиона была достаточно худой, чтобы не жаловаться на нехватку лифчика, но отсутствие нижнего белья ощущалось остро, словно оголенный нерв.

— А это для зимнего периода, — ухмыльнулась Амбридж, разворачивая очередную стопку одежды. Шерстяные чулки до бедер.

Затем Амбридж добавила кучу белых шляпок и алых туфель на плоской подошве.

Гермиона все надела.

Шляпа была последней. Её поля почти полностью блокировали её периферийное зрение. Приглушали её слух.

Она могла видеть только прямо перед собой. Если она хотела посмотреть на что-нибудь слева или справа, ей приходилось открыто поворачивать голову.

Все это было тщательно продумано, чтобы породить уязвимость.

Они едва видели, едва слышали, не могли сопротивляться, не могли отказать, не могли убежать.

Их благополучие будет полностью зависеть от того, насколько они понравятся тому, кто ими владеет.

Поэтому они будут сговорчивы.

— Если вы покидаете дом, в который вас назначили, вы обязаны носить эти шляпки. На вас нельзя никому смотреть, — приказала Амбридж. — Ваша подготовка окончена. Мне не терпится посмотреть, как будут рождаться ваши дети.

Глаза Амбридж были прикованы к лицу Гермионы, ненависть в её взгляде была такой сильной, что Гермиона почти чувствовала, как она проникает в её кожу. Амбридж улыбнулась холодной, радостной улыбкой, а затем повернулась и ушла.

Кто-то коснулся руки Гермионы. Кто-то был так близко, что, даже повернувшись, она не могла разглядеть, кто это был с заслоняющими крыльями от шляпы.

— Мне так жаль, — прошептал голос Анджелины. Её голос сорвался, словно она подавила рыдание. — Ты всегда была права. Мы должны были прислушаться к тебе раньше.

Гермиона открыла рот, чтобы спросить Анджелину, что она имеет в виду. Прежде чем девушка успела задать вопрос, чья-то твердая рука сжала её руку. Её утащили в маленькую комнату.

Целитель Страуд сидела за большим столом, заваленным бумагами. Перед ней лежала открытая папка, в которой, по-видимому, был календарь.

Гермиона увидела, что сейчас середина ноября 2004 года. До этого момента она не понимала, какой сейчас год и месяц.

— Мисс Грейнджер, — сказала целительница Страуд, поднимая глаза, — я очень рада, что смогла удержать вас в программе.

Гермиона промолчала. Она тупо уставилась на стоящую перед ней женщину.

— Я понимаю, что ты этого не выбирала, но учитывая сторону, которую ты предпочла в войне... Ты, конечно, должна быть рада, что твои магические способности признали подобным образом. — Страуд изучала Гермиону, ее глаза блестели, а выражение лица было странно теплым. — После этого события Священных двадцати восьми семей не станет. Будущие поколения вырастут смешанными волшебниками. Я уверена, ты сможешь увидеть в этом преимущество.

Гермиона стояла, внутренне удивляясь извращенной логике женщины, которую та использовала, чтобы очистить свою совесть.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Страуд ожидает от неё ответа.

— Вы отправляете меня на изнасилование и хотите, чтобы я увидела в этом выгоду? — наконец сказала она, приподняв брови.

Глаза целителя Страуд на мгновение вспыхнули и похолодели.

— Я не несу ответственности за все решения, касающиеся безопасности. Возможно, тебя это удивит, но я очень заинтересована в твоём здоровье и благополучии.

— Даже если бы я оказалась стерильной?

Гермиона посмотрела вниз и изучила перевернутый календарь, пытаясь прочесть цифры и установить точную дату. Яркая белая бумага расплывалась у нее перед глазами, глаза начинали болеть.

Целительница Страуд закатила глаза и вздохнула.

— Я уже заметила, что с тобой бесполезно спорить. Ты все еще слишком эмоционально ко всему относишься. Возможно, когда-нибудь ведьма с твоим интеллектом поймет, что я пытаюсь сделать.

Гермиона промолчала. Она прищурилась и снова попыталась прочесть календарь. Ее пальцы дернулись.

Целитель Страуд бросила папку поверх календаря и встала. Гермиона подняла голову.

— Темный Лорд жаждет, чтобы ты находилась под присмотром кого-то,

способного контролировать твои воспоминания. Я запросила отсрочку, чтобы посмотреть, как обучение повлияет на тебя, но твой пик фертильности наступит через несколько дней, а Темный Лорд хочет, чтобы зачатие произошло как можно скорее. Я бы помогла тебе подготовиться физически и облегчить сам процесс, но ты, кажется, не желаешь моей помощи. Верховный Правитель женат. Я уверена, он знает, что делать, и не будет возражать против твоего обучения, чтобы удовлетворить себя.

Целитель Страуд холодно улыбнулась, и Гермиона вздрогнула. Ее живот болезненно скрутило.

Целительница Страуд полезла в ящик стола и вытащила оттуда пакет.

— Это приведет тебя в поместье Верховного Правителя. Они ожидают тебя.

Она потянулась к Гермионе, та сделала шаг назад.

Она опустила подбородок и попыталась вздохнуть. Ей просто нужно было время, чтобы собраться с духом. Чтобы подготовиться к тому, с чем ей предстояло столкнуться, — и к тому, что она собиралась сделать.

— Протяни руку, — сказала целительница Страуд, обходя стол и направляясь к Гермионе. Сердце Гермионы болезненно колотилось в груди, когда она прикусила губу и попыталась проглотить страх, поднимающийся в ней подобно приливу.

Беспомощная. Беззащитная. Послушная.

Вы будете послушными.

Рука Гермионы начала подниматься. На ее ладонь упала монета. В тот же миг она почувствовала, как её тело дернулось и унеслось прочь.

Примечание к части

Арт к главе:

Автор [keerthi_draws](#) "Вы будете послушными"

<https://www.instagram.com/p/CK4UQsthLBm/?igshid=1u51bpdqrrfuh>

4.

Гермиона снова появилась в темном фойе. Это была безупречно чистая и пустая комната. В центре комнаты размещался черный лакированный круглый стол. На нем стоял большой букет белых цветов.

Она медленно повернулась. Девушка не хотела упускать ни одной детали, но дурацкие крылья шляпы действовали как шоры. Она могла видеть только прямо перед собой.

Справа находилась большая лестница. Холодные коридоры вели в темноту. Это был особняк внушительных размеров, судя по ширине лестницы.

— Привет, Грязнокровка.

Стальной голос заставил ее замереть.

Медленно обернувшись, она увидела Драко Малфоя.

Он выглядел старше.

Ее последнее воспоминание о нем датировалось пятым курсом, когда он был в отряде Амбридж. Малфой стал выше, его лицо утратило все следы мальчишества. В том, как он держался, чувствовалась опасная и утонченная жестокость.

То, как он смотрел на нее...

Его взгляд был холодный и дикий, как у волка.

Смертоносность в нем была ощутима. Он возвышался над ней, смотря на девушку с ледяной жестокостью. В тот момент Гермиона была уверена, что он с легкостью может наклониться вперед и перерезать ей горло, глядя в ее глаза. Затем отступить назад, заботясь только о том, чтобы она не запачкала кровью его ботинки.

Он был Верховным Правителем.

Правой рукой Волдеморта. Его палачом.

Число её друзей, которых он убил: Джинни, Макгонагалл, Грюм, Невилл, Дин, Симус, профессор Стебль, мадам Помфри, Флитвик, Оливер Вуд... — список не заканчивался. Кроме тех, кто был замучен до смерти сразу после финальной битвы, все, кого она знала, были мертвы после войны: Верховный Правитель убил их.

Девочки шептались о нем в течение первых ночей её пребывания в лазарете. Рассказывая ей о мире ужасов, который Верховный Правитель творил, пока она была заперта в Хогвартсе.

Гермиона не думала, что он может быть кем-то, кого она знала.

Кем-то таким молодым.

Ужас охватил ее изнутри. Она не знала, что делать, чтобы справиться с шоком.

Прежде чем она успела отреагировать — или хотя бы осознать это — его глаза встретились с ее, и он резко ворвался в ее разум.

Сила почти заставила Гермиону потерять сознание.

Его ментальное вторжение было подобно клинку, вонзающемуся прямо в ее воспоминания. Он прорезал хрупкий барьер, который девушка пыталась воздвигнуть с помощью обрывков внутренней магии, которую могла призвать. Он безжалостно сверлил заблокированные воспоминания.

Словно гвоздь, вбивающийся в её сознание.

Точность и неумолимая сила.

Он не прекращал попыток прорваться. Это было почти хуже, чем проклятие Круциатуса. Все продолжалось дольше, чем пытка проклятием, и девушка начала терять связь с миром.

Когда он наконец остановился, Гермиона обнаружила, что лежит на полу. Малфой стоял над ней, глядя на нее сверху вниз, когда она дрожала от последствий его вторжения.

— Значит, ты действительно все забыла, — сказал он, оценивающе глядя на нее.
— И что же, по-твоему, ты защищаешь у себя в голове? Вы проиграли войну.

Она не могла ответить.

У нее не было ответа.

— Ну ладно, — сказал он, слегка расправляя мантию. — Темный Лорд был слишком щедр, послав тебя ко мне. Если ты когда-нибудь восстановишь память, я узнаю об этом первым.

Он ухмыльнулся ей на мгновение, прежде чем его лицо стало холодным и безразличным. Затем он перешагнул через ее тело и вышел из комнаты.

Гермиона с трудом поднялась на ноги, дрожа от душевной боли и бессильной ярости.

Она ненавидела его.

Она никогда раньше не ненавидела Драко Малфоя.

Он был просто хулиганом, заражённым «болезнью превосходства крови», за которую отвечали другие. Теперь она ненавидела его. За то, кем он стал. За то, что он сделал.

Она принадлежала ему.

Гермиона оказалась в ловушке под его каблуком, и он намеревался раздавить ее, пока не получит то, что хочет.

Она стиснула зубы, заставляя себя не думать о своей внезапной ярости. Ее план остаётся прежним. Она должна найти способ сбежать или обманом заставить убить ее.

Он оказался совсем не таким, как Гермиона ожидала. Она надеялась, что Верховный Правитель будет движим эмоциями и, хотя Малфой, которого она знала в школе, был таким, сейчас он казался ледяным.

Причину этого Гермиона, конечно же, смогла понять. Легилименция, окклюменция — ключом к ним был контроль. Способность разделять своё сознание стенами.

Потребуется хитрость, чтобы заставить его сорваться настолько, чтобы совершить такую ошибку, как убийство. Что бы она ни планировала, Гермиона не сможет сделать это быстро. Она не станет торопиться. Она не могла позволить себе быть беспечной. Ей придется остаться там, ждать и терпеть то, что должно произойти, пока она не найдет выход.

Эта мысль заставила ее содрогнуться. Ее горло сжалось, когда Гермиона сглотнула и попыталась подумать.

Стук каблуков по деревянному полу привлек ее внимание. В комнату ворвалась миниатюрная светловолосая ведьма. Они с Гермионой несколько долгих мгновений смотрели друг на друга.

— Значит, это ты, — сказала ведьма, вздернув нос и принохиваясь. — Снимай эту дурацкую шляпу и пойдем. Мы должны просмотреть все инструкции вместе, прежде чем я смогу отправить тебя туда, где мы будем тебя держать.

Блондинка повернулась на каблуках и вышла из комнаты. Гермиона медленно последовала за ней. Ведьма казалась знакомой. «Гринграсс», — подумала она. Не Дафна, но, возможно, её младшая сестра.

Гермиона не могла вспомнить, как ту зовут.

Они вошли в гостиную. Малфой уже был там, откинувшись в кресле со скужающим выражением на лице.

Гермиона сняла шляпу.

— Итак, — сказала ведьма, которую она приняла за жену Малфоя, усаживаясь на один из плетеных стульев. — Целитель Страуд прислала нам пакет инструкций. Кто бы знал, что к Грязнокровке полагаются инструкции? Так удобно, не правда ли?

Сарказм в тонком голосе ведьмы звучал странно.

— Просто прочти это, Астория, — сказал Малфой, бросив короткий взгляд на ведьму с усмешкой.

Астория. Так вот как звали жену Малфоя.

— Давай посмотрим. Никаких проклятий, пыток или физического насилия. Ее

нужно постоянно кормить. Мы можем заставить ее работать, но не больше шести часов в день. И она должна проводить на улице не меньше часа каждый день.

Астория слегка рассмеялась с нотками истерии:

— Это как если бы мы разводили цветы, не так ли? Кто бы мог подумать! Ах да. Какая прелесть. Мы будем получать сову каждый месяц в те пять дней, когда ты должен... вступать с ней в контакт, Драко. Целительница Страуд включила сюда небольшую личную заметку, упомянув, что из-за особого интереса Темного Лорда к семье Малфоев и Грязнокровке она будет приходить лично каждый месяц, чтобы увидеть, насколько вы были *успешны*.

Астория, казалось, была на грани срыва. Гермиона удивилась, как она не начала кричать и кидаться стульями.

— Послушай это. Мне разрешено смотреть! Чтобы убедиться, что между тобой и Грязнокровкой сугубо медицинский процесс.

Астория побледнела. Голубые глаза ведьмы выглядели почти безумными. Ее руки дрожали, когда она скомкала бумагу и бросила стопку на чайный столик.

— Я не стану, — произнесла она, ее голос был резким и вибрирующим. — Если возражаешь, то можешь притащить меня к самому Темному Лорду, прежде чем кинуть в меня Аваду. Я не стану на это смотреть!

Она действительно кричала, произнося последнюю фразу.

— Делай, что хочешь, только заткнись! — ответил Малфой злобным тоном, вставая и выходя из комнаты.

Гермиона застыла у стены.

Астория несколько минут сидела, дрожа в своем кресле, прежде чем заговорить с ней.

— Моя мать разводила растения. Милое занятие, — сказала Астория. — Забавно наблюдать, как подобное происходит с волшебниками.

Гермиона промолчала. Она просто стояла у стены, стараясь не двигаться. Желая, чтобы ее пальцы прекратили судорожно сжиматься. «Я притворяюсь деревом», — слабо подумала она про себя.

Наконец Астория встала.

— Я покажу тебе твою комнату. Ты можешь делать все, что захочешь, но я не хочу тебя видеть. Я знаю, что эти браслеты удержат тебя от любых неприятностей.

Они прошли по длинному коридору, а затем через узкую, частично скрытую дверь, которая вела к винтовой лестнице для слуг. Поднявшись на три этажа, они снова вошли в большую главную прихожую дома. Они были в другом крыле. Все окна были плотно закрыты. Там было холодно и душно, а мебель вся была застелена белыми пыльными простынями.

— Это крыло пустует, — сказала Астория, как будто это не было очевидно. — У нас больше слуг, чем нужно. Оставайся здесь и не показывайся, пока тебя не позовут. Портреты будут следить за тобой.

Астория толкнула дверь. Гермиона вошла. Это была большая спальня. В центре стояла кровать с балдахином, а у окна — единственный стул с высокой спинкой. У одной стены стоял большой шкаф. Ковра не было. На стене висел портрет. Никаких книг.

Все было холодным и пустым.

— Если тебе что-нибудь понадобится, позови домового эльфа, — сказала Астория, прежде чем закрыть дверь. Гермиона прислушалась к ее удаляющимся шагам.

Внезапно оставшись без присмотра и не оказавшись в камере, она почувствовала дезориентацию. Неожиданная перемена одновременно взволновала и ужаснула, будто девушка внезапно спрыгнула с обрыва.

Она бросила шляпу на пол рядом с дверью и подошла к окну. Холодная зимняя местность простиралась далеко за горизонтом. Приняв это во внимание, Гермиона обдумала ситуацию.

Малфой и Астория явно недолюбливали друг друга.

В этом не было ничего удивительного. Будто чистокровные браки по договоренности сами по себе не были уже достаточно дисфункциональными, так ещё и план Волдеморта с единственной целью увеличения потомства был в состоянии задуть любую потенциальную искру. Особенно после того, как потомство получить не удалось.

Астория, казалось, не особенно боялась Малфоя, по-видимому, он не был настолько вспыльчив, чтобы быть жестоким с ней. Его жена выглядела в большей степени обиженной и равнодушной к нему.

Он же совсем не походил на внимательного мужа. Его уважение к Астории, казалось, было равносильно тому, чтобы считать её насекомым, которое он был вынужден терпеть.

Что бы Астория ни думала о своем муже или браке, присутствие Гермионы в качестве суррогатной матери явно задевало ее. Казалось, она решила игнорировать существование Гермионы, насколько это было возможно.

Девушка не возражала. Чем меньше людей будет отвлекать ее, тем лучше. Если бы ей пришлось беспокоиться о том, как отогнать или успокоить Асторию, это стало бы дополнительной проблемой. Если бы Астория была внимательна к своему мужу, это сделало бы побег или поиск способа манипулировать Малфоем намного сложнее. Если Астория хочет притворяться, что Гермионы не существует, то это будет самым удачным развитием событий. Она сама будет стараться держаться подальше в тени, насколько получится. Пока не появится возможность действовать.

Главная цель — изучить Малфоя. Узнать, что им движет. Какие у него слабые места. Что она могла использовать в нем.

Казалось, его ничего не интересовало в Гермионе, не считая ее потерянных воспоминаний. Если так, это все упростит. Возможно, он тоже предпочтёт оставить ее в покое. Гермиона была уверена, что если бы он захотел, то мог бы придумать любое количество способов помучить ее, не рискуя ее способностью к зачатию.

Драко Малфой был Верховным Правителем.

Это до сих пор шокировало.

Что случилось с ним во время войны, что сделало его таким безжалостным?

Ненависть, необходимая для успешного применения убийственного проклятия, была огромной. Само использование этого заклятия мгновенной смерти разрывало тебя на части. Большинству темных магов и ведьм это удавалось лишь изредка. Это было одной из причин, почему волшебники использовали множество других проклятий, чтобы умертвить врага. Конечно, некоторых привлекали садизм и жестокость, но правда заключалась в том, что никакое другое заклинание не было таким необратимым и непреодолимым, как Убивающее. Сила, необходимая для использования чего-то столь внушительного, была... ну, в общем, ни с чем не сравнима.

Способность Волдеморта бросать его неоднократно и неизменно сильно была частью причины, по которой он внушал такой ужас.

Репутация Верховного Правителя за использование проклятия уже стала столь же легендарной. Это вознесло его в высший ранг Пожирателей Смерти.

И это был Малфой.

Ей придется двигаться осторожно. Небрежность, с которой Малфои отнеслись к ее приезду, свидетельствовала об их излишней самоуверенности. Оставив ее в фойе. Проведя по дому. Поместив в незанятое крыло. Гермиона была уверена, что легких путей к бегству не существует. Пока она не снимет наручники, Малфой всегда сможет найти ее, и она не защитится ни от него, ни от кого другого.

Гермиона вздохнула, и ее дыхание образовало небольшой круг конденсата на холодном стекле окна.

Поднеся кончик пальца к стеклу, она нарисовала руну *турисаз* для защиты, самоанализа и фокусировки. Рядом с ней Гермиона нарисовала ее обратную сторону *меркстав* — опасность, враждебность, незащищенность, ненависть и злобу.

То, что ей было нужно. То, что у нее было.

Она должна была изменить свою судьбу.

Она смотрела, как руны исчезают со стекла.

Никто из девушек не слышал ни единого слуха о том, что сопротивление все еще существует. Кроме Гермионы, все члены Ордена, пережившие последнюю битву,

были мертвы. Их смерть была публично засвидетельствована. Их трупы висели в назидание другим, чтобы ни у кого не оставалось места тайным надеждам. Сопротивление рухнуло после смерти Гарри.

Волдеморт, казалось, был слишком осторожен, чтобы гарантировать, что у Ордена Феникса не было искры, чтобы воскреснуть. Поскольку война тянулась годами, он стал более подозрительным и менее уверенным в своей непогрешимости, чем во время учебы Гермионы в Хогвартсе.

Волдеморт был основателем.

Этот факт особенно тревожил девушку. Если он возвысил Малфоя до Верховного Правителя, это, вероятно, означало, что Малфой также был осторожным и подозрительным. Не тем, кто склонен допускать ошибки или мыслить нелогично.

Может быть, где-то еще существовало сопротивление. Женщины в Хогвартсе знали только то, что им говорили охранники. Где-то еще могут скрываться отряды, не поддерживающие власть Волдеморта. Если Гермиона сбежит, возможно, она сможет найти их и, в конце концов, поведать им свой секрет.

Поскольку она была в доме Верховного Правителя, возможно, смогла бы собрать полезную информацию.

Если будет казаться более сговорчивой и покладистой.

Делать вид, что её сломали.

Если бы все думали, что она действительно сдалась, они могли бы в конечном счете стать небрежными с ней.

Гермиона будет ждать этого момента.

Ведь ждать она умела очень хорошо.

Примечание к части

Арты к главе:

Автор _knaг.m_ "Привет, Грязнокровка"

https://www.instagram.com/p/CKHxhUShE08/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор nicoagain "Гермиона" [https://www.instagram.com/p/CKFKIFrnPtM/?](https://www.instagram.com/p/CKFKIFrnPtM/?utm_source=ig_web_copy_link)

[utm_source=ig_web_copy_link](https://www.instagram.com/p/CKFKIFrnPtM/?utm_source=ig_web_copy_link)

Автор Flyora "Ждать она умела хорошо"

https://www.instagram.com/p/CAnSsmDATI4/?utm_source=ig_web_copy_link

5.

Гермиона ещё раз взглянула на комнату, в которую ее поместили. Мало что в ней не бросалось в глаза при первом осмотре.

Гардероб был заполнен теми же алыми платьями и мантиями, что и сейчас на ней. Они были разного покроя, предположительно, для летней и зимней погоды. В ящиках лежали еще шляпы и шерстяные чулки. Легкие красные туфли.

Гермиона вытащила пару из ящика и уставилась на них. Подошва была тонкой, и сами туфли казались очень хлипкими. Если она хочет убежать, ей придется украсть новую одежду и обувь.

На стене висел портрет молодой ведьмы. Хорошенькой и светловолосой. Несомненно, одной из предков Малфоя. У нее были такие же резкие черты лица и презрительное выражение. Ведьма не могла быть старше выпускницы Хогвартса в момент, когда ее нарисовали. Она безразлично смотрела на Гермиону, небрежно сидя в кресле с высокой спинкой, рядом с ней лежала книга.

В конце концов, Гермиона отвернулась и оглядела остальную часть комнаты. Там была ещё одна дверь. Она подошла и открыла ее.

Ванная комната: в основном, все пространство занимала большая ванна на ножках. Никакого душа. Ничего, кроме самых необходимых вещей, не было предоставлено: мыло, полотенце, зубная щетка, маленькая чашка для воды.

Гермиона подошла к раковине и вымыла руки. Убирая их от воды, она сделала вид, что случайно сбила чашку со стойки. Та ударилась о землю с громким и резким звуком, но не сломалась и даже не треснула.

Она была защищена заклинанием.

Малфой оказался дотошным в своих действиях.

Она подняла чашку и сполоснула, прежде чем поставить на место. Обернувшись, Гермиона обнаружила, что в ванной комнате тоже висит портрет. Та же молодая ведьма стояла и изучала ее пронзительным взглядом.

Гермиона изобразила невинность и вернулась в спальню.

В течение часа в ее комнате не осталось ничего, что можно было бы осмотреть. Не то чтобы Гермиона ожидала, что сможет что-то найти или наслаждаться постоянным наблюдением за ней портрета на стене. Очевидно, ведьме было приказано следить за ней.

Девушка подошла к двери в спальню и, немного поколебавшись, повернула ручку и вышла в коридор.

Ее сердце тут же заколотилось.

Чувство ужаса и свободы, которое она испытала, просто войдя в другую комнату одна, было ошеломляющим. Закрыв за собой дверь, Гермиона прислонилась к ней и попробовала сделать медленный вдох.

Ее пальцы сжали дверную ручку, когда она огляделась и попыталась взять себя в руки.

Длинный коридор, исчезающий в темноте, казался таким открытым.

Она нервно сглотнула. Гермиона предполагала, что некоторые последствия ее долгого заточения будут продолжать преследовать ее. На самом деле переживание в коридоре было намного сильнее обычной тревоги. Это был всепоглощающий ужас.

Ее попытки вздохнуть и успокоиться терпели неудачу. Ее грудь дрожала от крошечных и быстрых вдохов.

Единственный звук в холодном, темном крыле усадьбы.

Гермиона прикусила губу. Ее разум — она всегда могла доверять своему разуму. Даже ее запертые воспоминания казались его защитным механизмом. Она обнаружила, что паникует и задыхается, потому что вошла в коридор по собственной воле.

Это было его *предательством*.

Она зажмурилась и постаралась выровнять дыхание. Девушка попыталась высвободить руку из дверной ручки, в которую отчаянно вцепилась, словно могла утонуть, если отпустит ее.

Ее способность рассуждать и говорить себе, что с ней все в порядке, оказалась недостаточным убеждением для ее разума и тела.

Она попыталась заставить себя отойти от двери, но ноги отказывались слушаться.

Ужас, пробежавший по телу, заставил ее замереть.

Это был коридор. Просто коридор, повторяла она себе. Ей разрешили быть там. Ее не удерживали никакие команды...

Ничьи команды ее не удерживали...

...только свои собственные.

Постояв несколько минут, безуспешно пытаясь заставить себя пошевелиться, она вдруг всхлипнула и прижалась к двери.

Гермиона не могла вспомнить, когда в последний раз плакала. Давным-давно в своей камере.

Пока она стояла, дрожа и задыхаясь, в коридоре пустого крыла особняка, она плакала. Из-за всех, кто теперь был мертв. Из-за всех, кого убил Малфой. Из-за несправедливой участи всех девочек в Хогвартсе. Из-за ярости от кандалов, сомкнутых вокруг ее запястий, и кандалов, которыми её окружил собственный разум.

Она вернулась в комнату, закрыла дверь, опустилась на пол и продолжала плакать.

Ей потребовался целый день, чтобы убедить себя снова выйти в коридор.

Она была полна решимости заставить себя преодолеть панику. На следующее утро Гермиона широко распахнула дверь, присела на корточки на кровати и вынудила себя смотреть в коридор, пока сердце не перестало болезненно колотиться в груди от одного этого зрелища.

Она потеряет все шансы на спасение, если даже не может выйти из своей комнаты без нервного срыва.

Гермиона сидела в постели и ела завтрак, который появился, пока девушка обдумывала проблему.

Паника проявилась, когда она была одна. Гермиона не была уверена, было ли это потому, что принуждение кандалов быть послушной ранее отвлекало ее от этого, или это было коварной формой психической травмы. И, возможно, столь долгое пребывание в тюрьме повредило ее сознание до такой степени, что быть под контролем других — единственный способ защиты, который она знала.

Гермиона надеялась, что виной всему влияние наручников, но подозревала, что причина крылась в последнем. Тюремное заключение разрушило ее настолько, что она боялась полностью осознать это.

Гермиона взяла себя в руки. Она была полна решимости преодолеть это. Чего бы это ни стоило.

Когда вечером появился ее ужин, она заставила себя съесть его, сидя у открытой двери. Ее руки дрожали настолько, что девушка уронила половину еды с вилки. К тому времени, как она закончила есть, дрожь в них ослабла до такой степени, что она могла пить воду, не проливая ее на себя.

Гермиона посмотрела в коридор. Она изучала взглядом всю эту мебель в простынях и многочисленные портреты холоднолицых, бледных аристократов.

Она попыталась вспомнить, что ей известно о Малфое.

Как ему удалось подняться так высоко в рядах Волдеморта в столь юном возрасте?

Он был причастен к смерти Дамблдора в начале шестого года. Обстоятельства этого так и не прояснились до конца. Она вспомнила, как ее внезапно разбудили вопящие охранники замка во время боя. Минерва Макгонагалл и остальные профессора, бледные от шока и ужаса, отчаянно пытавшиеся понять, что же произошло. Малфой исчез в этом хаосе.

Это было первое и последнее крупное событие войны, которое Гермиона связывала именно с Малфоем. После этого он исчез в рядах Волдеморта. Еще один безликий Пожиратель Смерти.

Его мать умерла через несколько лет после начала войны. Гермиона вспомнила, что слышала о смерти Нарциссы Малфой в поместье Лестрейндж. Это случилось

во время спасательной операции. Гарри и Рон были пойманы похитителями. Когда Орден отправился вызволять их, Пожиратель смерти потерял контроль над Адским Пламенем и сжег поместье с Нарциссой и Беллатрисой внутри.

Смерть Нарциссы свела Люциуса Малфоя с ума. Он легко стал заменой безумной Беллатрисы. Он возложил вину за смерть Нарциссы на Рона и Гарри и всецело посвятил себя мести, выслеживая Уизли. Повреждение мозга Артура Уизли и смерть Джорджа во время войны — за все это нес ответственность Люциус. Он стал самым нестабильным Пожирателем в рядах Волдеморта. Люциус был слишком полезен и смертельно опасен, чтобы его неповиновение привело к смерти от руки Темного Лорда, но он постоянно был на грани.

Гермионе приходило в голову, что Люциус мог быть Верховным Правителем, учитывая, насколько он злобен, полон ненависти и скор на убийство. Поскольку это был не он, Гермиона задумалась, жив ли тот еще. Возможно, после войны он наконец переступил черту и погиб. Она надеялась на это. То, как Люциус хохотал, когда Рон умирал, крича в агонии — Гермиона никогда не будет в состоянии прогнать это воспоминание.

Но младший Малфой...

Она не думала, что его считали важным или значительным Пожирателем Смерти во время собраний Ордена, которые она пыталась вспомнить. Что бы он ни сделал, чтобы добраться до самого верха, это произошло ближе к концу войны. Возможно, он был причастен к тому, что планы Ордена во время последней битвы не были осуществлены.

Из-за того, что она была целительницей, Гермиона не присутствовала на всей битве. Что-то в стратегии Ордена пошло не так. Было гораздо больше Пожирателей Смерти, чем они ожидали. Волдеморт наложил смертельное проклятие, и Гарри упал. Затем он приказал Люциусу подтвердить, что Гарри мертв.

Гарри не был мертв.

Поэтому Волдеморт наложил еще одно смертельное проклятие, потом еще, и еще, и еще. После полудюжины смертельных проклятий он лично осмотрел тело и убедился, что Гарри умер. Для подстраховки Волдеморт поднял тело Гарри в воздух и подвесил на Астрономической башне. Все видели, как он проклял тело быстродействующим проклятием некроза, и оно сгнило на глазах у всех.

Пустые зеленые глаза Гарри — Гермиона видела их каждый раз, когда закрывала свои. Выражение его лица, осознание того, что он потерпел неудачу, было написано на нем перед смертью.

Гермиону трясло, когда она думала об этом.

Ее лучшие друзья умерли у нее на глазах. По какому-то особо жестокому повороту судьбы ей не позволили последовать за ними.

Они оставили ее позади.

Она расправила плечи и заставила себя выйти в коридор. Гермиона столкнулась со всеми видами ужаса. Она не собиралась терпеть поражение из-за собственной

сломанной психики и коридора.

Один шаг.

Два.

Три.

Четыре.

Ее дыхание стало слабее, и она сжала руки в кулаки, пока не почувствовала, как ногти впиваются в кожу.

Пять.

Шесть.

Семь.

Кап. Кап. Кап.

Она замерла и посмотрела вниз. С одной ее руки капала кровь, оставляя след на полу.

Он был того же оттенка, что и ее платье.

Она смотрела на него, пока у ее ног не собралась лужа размером с кнат.

Затем Гермиона продолжила свой путь по коридору. Она считала звуки капель вместо своих шагов, пока не дошла до конца.

У нее не было никакой цели в голове, поэтому девушка развернулась и пошла назад, пробуя ручки дверей по пути. Некоторые были закрыты. Гермиона заглянула в другие пустые спальни, заполненные накрытой мебелью. Позже она вернется и тщательно их изучит. Возможно, там найдётся что-то полезное.

Ее трясло, когда она вернулась в свою комнату. Чувствуя себя опустошенной, Гермиона сразу же забралась в постель.

Когда она засыпала, ей снилась Джинни.

Джинни со времён окончания войны, с волосами, постриженными выше плеч, и длинным шрамом на одной стороне лица. Она сидела рядом на кровати и резко взглянула на Гермиону, словно испугавшись.

Выражение лица Джинни было искажено болью, она была вся в слезах. Девушка безудержно рыдала.

— Джинни, — услышала Гермиона свой голос, — Джинни, что случилось? Что с тобой?

Когда та открывала рот, чтобы ответить, сон обрывался.

Проснувшись на следующее утро, Гермиона поняла, что ей все это приснилось.

Это было воспоминание? Она не могла вспомнить. Девушка прижала ладони к глазам и попыталась сосредоточиться.

В тот день Гермиона не могла заставить себя подойти к двери. Она прижалась к окну и стала смотреть на туманные сады, раскинувшиеся за стеклом. С одной стороны был лабиринт живой изгороди. Она проследила за ним взглядом.

Гермиона изучила всю территорию поместья, которую смогла увидеть. Пытаясь принять к сведению все, что может быть полезным. Куда бы она направилась, если бы хотела спрятаться? Если она пыталась сбежать?

День тянулся медленно.

Ощущение времени снова стало смутно тревожным. Ровное тиканье часов постоянно привлекало ее внимание. Непрерывный скрежещающий звук. Если она позволяла себе слушать его долго, то пальцы начинало сводить судорогой при каждом щелчке шестеренок.

Гермиона обнаружила, что ее разум имеет тенденцию блуждать и терять ощущение реальности. Она прерывала себя от какой-нибудь странной мысли и понимала, что прошли часы.

Когда день подошел к концу, она уставилась на дверь.

Она должна заставить себя снова выйти. Гермиона даже не видела Малфоя с тех пор, как приехала. Она намеревалась попытаться наблюдать за ним. Изучать его. Получить хоть какое-то понимание его поступков.

Все эти планы исчезли за последние два дня.

Она встала и медленно направилась к двери. Когда девушка уже взялась за ручку двери, сзади раздался внезапный хлопок. Вздрагнув, она резко обернулась и увидела домового эльфа, стоящего позади нее.

— Ты должна подготовиться к сегодняшнему вечеру, приказ госпожи, — сказал эльф, отводя глаза, а затем исчез.

Она почувствовала, как ужас начал наполнять её внутренности. У нее задрожали руки.

Гермиона на мгновение задумалась.

Несомненно, если она это проигнорирует, Малфой появится и заставит ее. Кто знает, что еще он может с ней сделать, если она его спровоцирует. Навязчивые мысли в ее голове зашевелились...

Послушная.

Не сопротивляющаяся.

Ее мозг автоматически начал составлять каталог того, что ей было поручено сделать.

Она не была уверена, заставляло ли принуждение считать разумным подчинение

или подчинение действительно было разумным выбором.

Гермиона пошла в ванную и открыла кран. Обжигающая вода полилась, и она смотрела, как ванна медленно наполняется.

Гермиона задалась вопросом, сможет ли она каким-то образом утопиться, прежде чем Малфой доберется к ней. Как хозяин поместья, он, вероятно, мог аппарировать куда угодно. Она содрогнулась при мысли, что он вытащит ее, обнаженную, из воды за волосы.

Девушка стянула с себя одежду и погрузилась в воду, шипя, но наслаждаясь болью. В последнее время она практически ничего не чувствовала. Очевидно, кандалы не защищали ее от жара.

Это была полезная информация, которую нужно было обдумать.

Выйдя из ванной, девушка вытерлась небольшим полотенцем. Затем она надела свежий комплект одежды. Длинное алое платье на пуговицах, а сверху распахнутую алую мантию. Потом натянула чулки. Она так их ненавидела. Если бы в поместье не было холодно, Гермиона никогда бы их не надела. Не беря в расчет ужасный красный цвет, она могла почти притвориться, что одежда была просто одеждой, но отвратительное ощущение голой промежности напоминало об истинном положении вещей.

Ей было позволено надеть трусики только во время кровотечений или беременности. В противном случае она должна была всегда оставаться доступной.

Одевшись, Гермиона неуверенно остановилась посреди комнаты. Она не знала, куда ей следует идти. И что она должна была сделать.

Дверь резко распахнулась, и появилась Астория, бледная, как полотно.

— Хорошо, ты собралась. Я боялась, что мне придется посылать Драко, чтобы он заставил тебя, — сказала Астория, оглядывая Гермиону с критическим выражением лица. — Я покажу тебе, куда идти сегодня вечером. После этого я буду в другом месте. И ожидаю, что ты будешь готовиться и ходить туда каждую назначенную ночь без проблем. Я понимаю... что для зачатия не нужны все части тела, которые у тебя есть. Так что, если ты думаешь создать всем проблемы, ещё раз подумай об этом.

По спине Гермионы пробежал холодок, и она кивнула.

Астория вышла из комнаты, ведя Гермиону через весь дом в фойе, а затем вверх по большой лестнице и вниз по коридору второго этажа. Портреты бормотали, когда они проходили мимо. «Шлюха».

Гермиона слышала это бормотание не раз.

Астория остановилась у седьмой двери.

— Заходи и жди. Драко придет, когда пожелает, но ты должна быть там ровно в восемь.

Не останавливаясь больше, Астория продолжила свой путь по коридору и исчезла в темноте.

Руки Гермионы дрожали, когда она взялась за ручку двери и попыталась открыть ее. Сначала та не поворачивалась, и ей пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и заставить свои руки перестать дрожать достаточно, чтобы схватить и повернуть её.

Войдя в комнату, Гермиона разглядела все, что могла.

Обстановка казалась стерильно чистой.

Она предположила, что ее комната была пустой и холодной из-за безразличия, но, возможно, это просто был стиль Малфоя. Там стояла большая кровать, высокий шкаф, письменный стол и стул.

Гермиона могла бы вообразить, что у Малфоя была более роскошная комната. Все зеленое и серебряное с дорогими простынями и подушками, покрытыми слишком большим количеством кисточек.

Комната перед ней могла принадлежать монаху.

Она была функциональной. Вот и все, что можно было сказать по этому поводу. Неудивительно, что Малфой такой отчуждённый.

Гермиона отодвинулась от кровати и подошла к столу. Усевшись, она оглядела его содержимое. Чистый пергамент и перья. Она нерешительно протянула руку к острию пера, гадая, сможет ли дотронуться до него.

Когда ее пальцы приблизились, девушка почувствовала слабое жжение и отдернула руку.

Ее желудок скрутило от страха, и она попыталась отвлечься, перебирая формулы нумерологии, пока сидела там.

Гермиона привыкла ждать бесконечно. Что такое час после шестнадцати месяцев сенсорной депривации? Ей просто нужно перестать думать о том, что произойдет дальше. Ее желудок так скрутило, что она подумала, что ее может вырвать.

Внезапно дверь щелкнула. Она встала и резко обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть входящего Малфоя. Он схватился рукой за горло, расстегивая воротник. Он явно не ожидал встретить ее там. Он резко остановился и уставился на нее, слегка побледнев, а потом сжал губы в жесткую линию.

— Грязнокровка, — сказал он через мгновение. — Сегодня тот самый день, как я понимаю.

Глава с содержанием 18+

Гермиона ничего не ответила. Она просто смотрела на него.

И была рада, что не дрожит.

Гермиона заставила себя встретиться с ним взглядом, вспомнив, что ей просто нужно потерпеть немного — пока она не сможет сформулировать план.

Она могла это вытерпеть.

Девушка не знала, что ей делать. Неужели он ждет, что она ляжет на его кровать?

Он прошел мимо нее к шкафу и, положив руку на дверцу, рывком распахнул ее.

Возможно, Малфой не совсем походил на монаха. В шкафу находилась почти целая комната. В дверях был огромный бар, и Малфой схватил с полки бутылку огневиски и зубами вытащил пробку. Сплюнув ее на пол, он поднес бутылку к губам и уставился на нее.

Гермиона просто ждала.

Через минуту он вытащил палочку и быстрым движением наколдовал стол посреди комнаты. Гермиона уставилась на него в полном недоумении. Она посмотрела на Малфоя.

Он усмехнулся ей.

— Наклонись, — сказал он низким, насмешливым голосом, указывая на стол.

Гермиона не думала, что может испытывать к нему еще большее отвращение, но, видимо, могла. Она прикусила губу изнутри, пока не ощутила, как кожа разрывается и кровь заливает ее язык, когда она почувствовала, что ее ноги начали автоматически повиноваться.

Гермиона медленно подошла и, поколебавшись мгновение, перегнулась через стол.

Дерево впивалось ей в бедра. Она уперлась руками в края и сжимала их до тех пор, пока костяшки пальцев не хрустнули от силы. Она боролась, чтобы удержаться от дрожи. Все ее тело было на пределе от интенсивности ее уязвимости. Ее уши напряглись, чтобы уловить любой звук.

Последовала пауза. Потом она услышала, как Малфой медленно приближается к ней.

Он остановился прямо за ее спиной, и снова наступила тишина. Она чувствовала на себе его взгляд.

Воздух изменился.

— Ты все еще девственница, Грязнокровка? Хотя это ты в состоянии вспомнить?

Она вздрогнула, когда поняла, что не знает.

Он подошел ближе.

— Я уверен, что Уизли или Поттер пробрались туда в какой-то момент.

Она услышала насмешку в его голосе.

Рука легла на ее поясницу, когда он задрал юбку до талии. Она чувствовала кожей холодный воздух его комнаты. Ее трясло так сильно, что стол вибрировал.

— Ну, полагаю, скоро мы это узнаем, — сказал он и скомандовал: — раздвинь ноги шире.

Она заставила себя сдвинуться с места.

Гермиона почувствовала на себе его пальцы и слегка отстранилась.

Он что-то проворкотал под нос, и она почувствовала внутри себя что-то теплое и жидкое. Смазочное заклинание. Гермиона вздрогнула так резко, что ножки стола дернулись, скрипя по деревянному полу.

— Мы не можем допустить, чтобы какое-либо повреждение или инфекция испортили твою... полезность, — объяснил он насмешливым тоном.

Она услышала, как щелкнул его ремень, а затем без предупреждения он пронзил ее собой.

Гермиона попыталась сдержать рыдание, которое вырвалось из ее горла, но внезапное вторжение застало ее врасплох. Услышав ее крик, он замер на мгновение, прежде чем снова начать двигаться. Кроме того места, где они были соединены, он не прикасался к ней. Его правая рука вцепилась в стол рядом с тем местом, куда было наклонено ее лицо. Она увидела на его руке черное кольцо, слабо поблескивающее на свету.

Когда Малфой приближался к завершению, его движения стали неровными и грубыми, а затем он внезапно замер, кончив с тихим шипением.

Он задержался в ней всего на секунду, прежде чем отпрянуть от нее и направиться обратно к бару.

— Убирайся.

Его тон был резким.

Гермиона вздрогнула.

— Я не могу, — она старалась не всхлипывать, но ее голос дрожал. — Мне не разрешено двигаться в течение десяти минут после этого.

Он зарычал от ярости. Внезапно стол под ней исчез, и она упала на пол, резко ударившись лбом об пол.

– УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

Комната содрогнулась.

Оттолкнувшись, она бросилась бежать. Ошеломленно продвигаясь по коридору. Пытаясь вспомнить дорогу назад.

Ее грудь заикалась, когда Гермиона старалась не задыхаться. Она не могла ясно видеть. Девушка подняла руку и обнаружила, что ее лоб был разбит в том месте, где она ударилась. Кровь стекала на ее глаза.

Она стояла на верхней ступеньке лестницы. Пытаясь вспомнить дорогу назад. Кровь заливала ей глаза. Она чувствовала, как жидкость сочится у нее между ног и стекает по бедрам. Ее трясло. Она все ещё пыталась вспомнить, где находится ее комната.

Если Гермиона останется там, Астория найдет ее и выколет ей глаза, или отрубят пальцы, или вырвет зубы.

Она споткнулась и чуть не упала с лестницы.

Девушка делала короткие быстрые вдохи в попытке удержаться от рыданий вслух.

Гермиона не могла понять: она пережила войну. Она видела, как ее друзья умирали у нее на глазах. Она оставалась в здравом уме одна в темной камере больше года. Но быть вынужденной соучастницей собственного изнасилования — она не могла этого вынести. Не осознавая при этом, что на следующий день она должна будет сделать это снова. И на следующий. И на следующий.

Гермиона ошеломленно уставилась на фойе.

Если бы она просто бросилась с балкона, Малфой не смог бы ее остановить.

С ней будет покончено.

Она наклонилась и посмотрела на стол в фойе. Продвинувшись чуть дальше...

Похожая на тиски хватка сомкнулась вокруг ее руки и дернула назад.

Она обернулась и увидела, что Малфой смотрит на нее в ярости.

— Ты... не... посмеешь, — он прорычал эти слова. Его лицо побелело от ярости.

— Пожалуйста, Малфой... — она всхлипывала. — Пожалуйста...

Он потащил ее вниз по лестнице и через весь дом, пока Гермиона плакала. Он практически вышиб дверь ее комнаты, когда затащил ее внутрь и толкнул на кровать.

— *Эванеско!* — рявкнул он, направив палочку ей в лицо, и внезапно кровь

исчезла с её глаз. Он исцелил её лоб и просто стоял, глядя на нее с нескрываемой яростью.

— Неужели ты думаешь, что я не узнаю, когда ты попытаешься покончить с собой, Грязнокровка? – наконец спросил он, когда она перестала всхлипывать.

— Просто позволь мне, — сказала она. Ее голос был деревянным, ее грудь продолжала заикаться, — я уверена, что они дадут тебе новую Грязнокровку для продолжения потомства. Ты тоже меня ненавидишь, Малфой. Ты действительно хочешь, чтобы я стала матерью твоих детей? Чтобы видеть в них мое лицо? Я уверена, что ты сможешь придумать убедительный предлог для моего убийства.

Малфой издал лающий смешок.

— Если бы все было так просто, я убил бы тебя прямо сейчас. Впервые в жизни ты, кажется, недооценила свою значимость. Темному Лорду не терпится увидеть, какое потомство мы произведем на свет. Как только ты родишь мне нескольких наследников, он отправит тебя дальше и будет смотреть, как ты это делаешь для других древних волшебных семей. Вы, маленькие племенные кобылки, станете настоящим товаром. У Темного Лорда запланирована целая программа, охватывающая несколько поколений.

Гермиона в ужасе уставилась на него.

Он придвинулся ближе с угрожающим выражением лица.

— И давай не будем забывать о твоих воспоминаниях. Тот факт, что было что-то, что ты посчитала достойным скрывать даже после войны, вызывает беспокойство. Пока я не узнаю, что это, ты не умрешь. Однако твои размышления о том, насколько ты свободна в этом доме, и твои маленькие планы о самоубийстве приносят мне не меньше удовольствия.

Гермиона застыла на месте. Почему-то она предполагала, что Малфой станет для нее концом. Что он отнимет у нее ребенка, а потом от нее избавятся. Ей и в голову не приходило, что ее собирались перемещать из одной волшебной семьи в другую, пока ее тело не выдохнется.

Малфой оглядел комнату, а затем снова посмотрел на нее. Его лицо было напряженным, а глаза — стальными.

— Ну, — сказал он, вздохнув, — я не собирался делать это сразу после того, как трахну тебя впервые, но раз уж я уже здесь и не планирую ничего на вечер... На самом деле, нет времени лучше настоящего. Давай посмотрим, что происходит в твоём маленьком грязном мозгу. Сколько еще у тебя планов на меня?

Прежде чем она успела отпрянуть, он кончиком палочки заставил ее поднять подбородок, и его холодные серые глаза погрузились в ее сознание.

Малфой не беспокоился о ее запертых воспоминаниях. Он отправился сразу в послевоенное время, в ее заточение, и оттуда двинулся вперед.

Гермиона не сопротивлялась. Если она попытается вытолкнуть его, будет только хуже, и он все равно прорвется. Она рухнула на кровать под тяжестью его мыслей.

Ее пальцы непроизвольно дергались, но в остальном девушка была неподвижна.

Он быстро проскользнул через все долгие, молчаливые, изолированные месяцы, а затем замедлился на моменте, как только ее вытащили из камеры, пытали, оглушали, а потом снова пытали, уже без оглушения, и снова приводили в форму. Он принял к сведению ее разговор с Ханной и описание состояния Гермионы целителем разума. Он наблюдал за методами, которые использовали Волдеморт и Снейп, чтобы попытаться взломать ее заблокированные воспоминания. Особенно его интересовали ее планы покончить с собой или сбежать. Она чувствовала его снисходительное удивление тому, кем, по ее мнению, мог быть Верховный Правитель. Ее рассуждениям, сможет ли она воспользоваться им и убить его.

Гермиона не могла найти способ отогнать от него эти мысли или скрыть их. Каждый раз, когда ей удавалось собрать больше, чем крошечную часть магии, она чувствовала, как медь кандалов активизируется и забирает её.

Он внимательно осмотрел воспоминания о наручниках. Навязчивые идеи, которые были заложены. Кричащая девушка, которая сопротивлялась и чуть не забила кого-то до смерти. Приезд Гермионы в поместье и её реакция на него. Ее теории относительно семейной жизни с Асторией. Затем тщательный осмотр своей комнаты и панику в коридоре.

Это заняло несколько часов.

Он внимательно изучал каждую деталь. Все мысли, сомнения, вопросы и теории в ее голове. Наконец, когда он добрался до ее воспоминаний об Астории, ворвавшейся в спальню, Малфой удалился. Он явно не был заинтересован в том, чтобы стать свидетелем изнасилования уже с ее перспективы событий.

Гермиона чувствовала себя так, словно ей проломили череп. Она даже не дернулась, когда он стоял и смотрел на нее сверху вниз.

— Так много планов, — сказал он, выпрямляясь и откидывая голову назад, оценивая ее холодным, насмешливым взглядом. — С другой стороны, я был бы разочарован, если бы ты не участвовала хотя бы в одном заговоре с целью убить меня и сбежать. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что ты придумаешь дальше.

Он склонился над кроватью так, что его жестокое лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от ее лица.

— Ты действительно думаешь, что сможешь обманом заставить меня убить тебя?

Гермиона отвела взгляд от его лица и уставилась на балдахин.

— Не стесняйся рискнуть, — сказал он с ухмылкой, — как только сможешь заставить себя выйти из этой комнаты самостоятельно.

Потом Малфой снова выпрямился, и вся веселость исчезла с его лица.

— Держись подальше от моей комнаты. Я не хочу снова видеть тебя там. Я приду и сделаю это здесь.

Он усмехнулся ей.

— Я пришлю тебе столик, чтобы ты знала, когда меня ждать.

Он развернулся и вышел, не сказав больше ни слова.

Гермиона не шелохнулась.

Ни тогда, когда дверь захлопнулась.

Ни тогда, когда стрелки на часах неумолимо тикали, показывая, что уже третий час ночи.

Ни тогда, когда она почувствовала корку на бедрах, слабую боль между ног и незнакомую боль в нижней части живота.

Она просто лежала там.

Давным-давно... жила-была девушка, которая боролась. Та, кто верила, что книги, ум, дружба и храбрость могут одолеть все.

Но сейчас...

...та девушка исчезла.

Она держалась в то время, как все гибли во время войны.

А сейчас... Драко Малфой за один вечер растоптал эту девушку в пыль.

Он физически и морально изнасиловал каждую частичку этой девушки до смерти.

Гермиона лежала и смотрела на балдахин кровати.

Она не придавала особого значения своим планам. Девушка знала, что ее шансы были невероятно малы. Теперь насмешка Малфоя добила чувство поражения, которое она ощущала.

Гермиона не шевелилась.

Когда наступило утро, она не встала. Было уже далеко за полдень, когда она наконец выбралась из постели и залезла в ванну.

Малфой едва прикасался к ней, но девушка терла каждый дюйм своего тела, пытаясь убрать любые следы его присутствия.

В процессе она обнаружила тонкий рельефный шрам на грудной клетке, который не могла вспомнить, а также слабые скопления шрамов, разрезающих ее левое запястье и верхнюю часть груди.

Она внимательно осмотрела их все, но не поняла, как и когда они были получены. Гермиона не думала, что сильно пострадала во время финальной битвы. За последние несколько лет войны она не участвовала ни в каких набегах и стычках.

Когда девушка снова осмотрела свое запястье, то мысленно перебрала все известные ей проклятия, которые могли вызвать такие шрамы. Это был очень длинный список. Волдеморт создал в своей армии подразделение, специально предназначенное для разработки новых проклятий. Гермиона не могла припомнить ни одной битвы, в которой не было бы многочисленных жертв просто потому, что она не могла распознать все новые проклятия достаточно быстро, чтобы противостоять им.

Вода вокруг нее становилась холодной, но Гермиона не поднималась из ванной, пока не начала дрожать. Вернувшись в спальню, она обнаружила, что ей оставили обед. Она вяло ковырялась в нем.

Девушка подошла к двери и, дрожа, постояла перед ней несколько минут, прежде чем отвернуться.

Она смотрела на холодный туманный пейзаж за окном. Прижавшись лбом к стеклу, наслаждалась острой ледяной болью, пронзившей ее кожу.

Она не знала, чем ей заняться, кроме как строить еще более бесполезные планы.

Больше делать было нечего. Никаких книг для чтения. Ничего, что бы занимало ее мысли, кроме всех этих заклинаний, задач арифмантики и рецептов зелий, которые она уже тысячу раз повторяла про себя.

Гермиона не осознавала радости утешительного забытья, в котором раньше существовала. Снова оказавшись в реальном мире, она испытала еще более острое чувство отчаяния, чем даже находясь в своей камере, в темноте и пустоте. В плену размышлений, насколько она опустилась. Как бессильна была бороться со своими обстоятельствами. Обнаружив, что ни одна книга, которую Гермиона прочла, ни одно заклинание, которое она изучила, не предлагали никаких решений для ее обстоятельств...

Она не знала, как бороться с этим.

Она даже не знала, как пройти через это.

Она просто хотела умереть.

Даже это казалось совершенно недостижимым.

Стол появился в ее комнате ровно в семь тридцать вечера.

Гермиона купалась всего несколько часов назад, поэтому просто смотрела на него. Она собралась с духом. Принимая снова все детали во внимание.

Процесс как минимум был обезличен.

Как бы унижительно и ужасно это ни звучало. По крайней мере, ей не нужно было смотреть на Малфоя, когда он это делал. Не нужно было его трогать.

Она не хотела его видеть.

За минуту до восьми Гермиона подошла к столу и облокотилась на него. Она

широко расставила ноги и повернула лицо, чтобы смотреть на часы.

Когда дверь щелкнула, девушка не двинулась с места.

Малфой не сказал ни слова. Он подошел и остановился позади нее.

Руки Гермионы задрожали, но она не позволила себе пошевелиться. Она даже не взглянула на него.

Гермиона крепко зажмурилась и начала читать заклинания исцеления, самые длинные и сложные из всех известных ей. Она мысленно репетировала движение палочки.

Ее юбка была задрана, и она почувствовала, как дрожь в руках распространилась по всему телу.

Девушка услышала бормотание заклинания. Тепло и жидкость.

Она стиснула зубы, когда почувствовала толчок между ног.

Когда он вошёл в нее, она задрожала, но не заплакала.

Когда он начал двигаться, Гермиона попыталась найти в мыслях что-то новое. Что-то, о чем она еще не думала.

Строки стихотворения медленно доходили до нее.

*Я чувствовала, что мой мозг
Стал местом похорон.*

Постоянное ощущение движения внутри нее вернуло ее внимание к реальности. Она стиснула зубы и стала бороться за следующие строки. Она начала сначала.

*Я чувствовала, что мой мозг
Стал местом похорон.
Скорбящие все шли и шли,
И разум рвался вон.*

Темп движения изменился, и она отчаянно пыталась вспомнить, какие слова прозвучали дальше.

И разум рвался вон...

*Потом уселись, и глухой
Молитвы барабан
Все бил и бил, и цепенел
В мозгу густой туман.*

Малфой резко кончил, когда она попыталась вспомнить следующую строчку. Он быстро отстранился.

Гермиона не шелохнулась.

Мгновение спустя она услышала, как дверь снова щелкнула.

Гермиона попыталась вспомнить третью строфу стихотворения, но та уплыла за пределы ее памяти.

Она вспомнила кресло и книгу стихов. Успокаивающие руки обнимали девочку Гермиону, а женские руки перелистывали страницу. Голос, который она больше не могла вспомнить...

Ее мать...

Она подумала, что стихотворению ее научила мать.

Гермиона открыла глаза и посмотрела на часы.

*Стихотворение, которое вспоминает Гермиона:
"I felt a Funeral, in my Brain" Эмили Дикинсон*

Примечание к части

Арт к главе:

Автор_knar.m_ "Та девушка исчезла" https://www.instagram.com/p/CKRNlg7hsl0/?utm_source=ig_web_copy_link

7.

Следующие три дня прошли почти так же. Стол появлялся ровно в семь тридцать вечера. Гермиона подходила и ложилась животом на него за несколько минут до восьми. Малфой приходил, делал, что приказано, и уходил, не говоря ни слова.

Гермиона читала про себя стихи и старалась отвлечься как можно дольше. Все, что угодно, лишь бы не думать о том, что происходит с ее телом.

Ее там не было. Она лежала поперек стола, потому что устала. Девушка проводила пальцами по тонкой древесине. Возможно, это был дуб. Или грецкий орех.

Как только ей разрешалось покинуть стол, она забиралась в постель и молилась о приближении сна. Ей не позволяли мыться до следующего утра, Гермиона не хотела думать о жидкости между ног.

Она старалась вообще не думать о произошедшем. Не тогда, когда это уже случилось. И не позже. И не на следующее утро. Она просто... старалась не думать об этом.

Она ничего не могла с этим поделать.

Гермиона попыталась отодвинуть это в самый угол своего сознания. Увести разум как можно дальше от тела и оставить там.

Когда она проснулась утром пятого дня, ей захотелось плакать, она испытала такое облегчение, что все закончилось — по крайней мере, на время. Мертвое ощущение ужаса, поселившееся в ее животе, начало ослабевать.

Она встала и приняла ванну. Ритуально очищая каждый дюйм своего тела. Затем решительно встала перед дверью спальни.

Она собиралась выйти. Собиралась выйти из своей комнаты и хотя бы осмотреть остальные... четыре. Четыре другие комнаты по коридору.

Она была полна решимости изучить каждый дюйм и понять, сможет ли найти какое-нибудь потенциальное оружие, чтобы убить Малфоя.

За последние несколько дней Гермиона представляла себе его смерть множеством различных способов. Ею завладело огромное желание увидеть, как гаснет свет в его глазах. Она отдала бы все, чтобы вонзить клинок в его холодное сердце.

Она была готова согласиться на то, чтобы удушить или отравить его.

Кроме Волдеморта и Антонина Долохова, не было больше ни одной смерти, которой Гермиона теперь так страстно желала.

Долохов был ведущим разработчиком в отделе проклятий. Самые ужасные проклятия, которые возникали в ходе войны, были приписаны ему. Гермиона гадала, жив ли он, все еще изобретая новые способы убивать людей с

мучительной медлительностью.

Теперь Долохов и Малфой были для неё на одной ступеньке. Гермиона не была уверена, кого из них хотела убить больше. Наверное, все-таки Долохова, предположила она. Даже, если бы количество тел было равным, по крайней мере, Малфой не был таким садистом.

Она распахнула дверь и вышла. Она не остановилась, чтобы закрыть ее за собой. Не дала себе времени замереть. Она бросилась по коридору в ближайшую комнату.

Когда дверь закрылась, Гермиона прислонилась головой к косяку и заставила себя дышать. Медленные глубокие вдохи. Воздух полностью опускался в нижнюю часть ее легких, а затем постепенно выходил на счет восемь.

Ее плечи дрожали, а пальцы подергивались. Она решительно повернулась, чтобы осмотреть комнату. Та была почти такой же, как у нее, но с двумя стульями и шезлонгом.

Девушка обернулась, запоминая детали. Когда она это сделала, то чуть не прокляла себя, увидев картину на стене. Это был голландский натюрморт. Стол с цветами и фруктами. Рядом со столешницей стояла ведьма с портрета в комнате Гермионы. Она наблюдала за девушкой со слегка вызывающим выражением лица.

Гермиона хотела бросить что-нибудь в картину, но сжала пальцы в кулаки и заставила себя не реагировать. Она медленно обошла комнату. Заглянула в шкаф. Под кровать. В ванную комнату.

Она скользнула за тяжелые зимние шторы и посмотрела на другую часть лабиринта живой изгороди.

Она проверила каждую половицу, но ни одна из них даже не скрипнула.

Конечно, это будет нелегко.

Она глубоко вздохнула и заставила себя медленно пройти в соседнюю комнату.

В ней было почти то же самое. Портрет следовал за ней и наблюдал, сидя на пикнике в стиле импрессионизма, устроенном на берегу реки. Изящно покусывая сыр и изучая Гермиону.

Третья комната была самой обнадеживающей. Не то чтобы в ней действительно было что-то хоть отдаленно полезное, но в ванной комнате был душ. Сердце Гермионы слегка подпрыгнуло. Ей до смерти хотелось принять душ.

Мытье волос в ванне было одной из бесчисленных вещей, которые она ненавидела в своей жизни. Когда девушка очнулась в лазарете Хогвартса после обморока, ее волосы и тело сполоснули водой, чтобы удалить многомесечную грязь. Она не могла вспомнить, когда в последний раз мыла голову как следует.

Гермиона прошла в соседнюю комнату. Она продолжала идти. Ее приступы паники казались слегка контролируемыми, когда девушка сосредоточилась на перемещении из комнаты в комнату. Заставляя себя медленно считать до

четырех с каждым вдохом и выдохом.

В первую очередь ее беспокоил коридор. Необъятный, открытый, неведомый...

В комнатах она чувствовала себя лучше. *В состоянии себя контролировать.*

Она прошла через все незапертые комнаты в коридоре. Самой полезной вещью, что она нашла, была каминная кочерга, к которой Гермиона не могла прикоснуться.

Она вернулась в свою комнату и свернулась калачиком в кресле у окна.

Она чувствовала себя растерянной. И что ей оставалось делать?

Гермиона закрыла глаза.

Ее внутренности слегка сжались. Ей нужно было подобраться поближе к Малфоя.

Он был ключом ко всему. До тех пор, пока он оставался тайной, она не могла предугадать, в каких направлениях он действовал неосторожно.

Он оказался дотошным. Все было тщательно продумано. Портрет в каждой комнате и ванной. Но никто не был идеальным. У каждого есть какая-то слабость, и она найдет слабость Малфоя, чтобы покончить с ним.

Безусловно, это будет игрой в кошки-мышки.

Любые слабости, которые она обнаружит, он быстро найдет в ее сознании. Если Гермиона ничего не узнает о нем и просто попытается быть непредсказуемой, он все равно найдет это в ее голове. Весь фокус в том, чтобы понять его достаточно хорошо, чтобы она могла двигаться быстрее, чем он мог остановить ее.

Но мысль о том, чтобы быть где-то рядом с ним, приводила ее в ужас.

Гермиона слабо зашипела сквозь зубы и свернулась калачиком. Одна только мысль о том, что она будет смотреть на Малфоя, заставляла колющее ощущение ужаса скользить по ее позвоночнику и скручиваться в пояснице.

Она уткнулась лицом в кресло.

Она сделает это.

Просто... пока не в состоянии.

Ей нужно было еще несколько дней, чтобы сориентироваться. Отделиться от последних пяти дней, которые она только что пережила.

Может быть, послезавтра.

Малфой не дал ей времени сориентироваться. Он вошел в ее комнату, когда она заканчивала обедать на следующий день, и Гермиона была так напугана, что чуть не закричала.

Он просто стоял, глядя на нее в течение нескольких секунд, пока она сжимала спинку стула и пытаясь не дрожать под его взглядом.

Почему он здесь оказался? Что он хотел? Неужели он снова собирается ее изнасиловать?

Ее пальцы продолжали дергаться, когда она пыталась успокоиться.

Его холодные бледные глаза скользили по ней, как будто он замечал каждую деталь. Что-то мелькнуло в них, когда он заметил, как судорожно сжимались ее руки. Но оно быстро растворилось в непоколебимой внимательной холодности.

Как гадюка за мгновение до броска.

— Ты не следуешь инструкциям, — сказал он, изучая ее в течение минуты.

Гермиона в недоумении уставилась на него.

Разве ей было запрещено ходить в другие комнаты? Никто не говорил ей, что она не может, он сказал, что ей разрешено выходить из своей комнаты. Она поняла, когда ее желудок скрутило узлом, — это, вероятно, было уловкой. Чтобы дать ему возможность наказать ее.

Гермиона почувствовала, как что-то застряло у нее в горле, когда попыталась проглотить свой ужас и перестать гадать, что он сделает.

— Ты должна выходить на улицу на час каждый день, — пояснил он, слегка скривив губы. — Судя по тому, что ты едва выходишь из своей комнаты, этот набор инструкций, очевидно, был проигнорирован. Я не позволю, чтобы твоя психическая неуравновешенность мешала мне служить моему Повелителю.

Он резко махнул рукой в сторону двери, потом остановился и снова оглядел ее.

— У тебя есть верхняя мантия?

Гермиона слабо покачала головой. Он поморщился и закатил глаза.

— Я полагаю, что позволить тебе развить обморожение будет квалифицироваться как пренебрежение своими обязанностями или пытка, — сказал он со вздохом. Малфой вытащил палочку и одним движением наколдовал тёплую темно-красную мантию, которую швырнул в неё.

— Пойдем! — он вышел из ее комнаты и направился по коридору.

Она машинально последовала за ним, когда он повел ее вниз по главной лестнице крыла и на большую мраморную веранду.

Гермиона ахнула, когда вышла на улицу и почувствовала ледяной ветер на своем лице. Она прикусила губу и попыталась успокоиться, стоя в дверях.

Он резко обернулся.

— Что? — спросил Малфой, его стальные глаза сузились.

— Я... не выходила на улицу с того дня, как умер Гарри, — сказала она слабым треснувшим голосом. — Я забыла, что такое ветер.

Он смотрел на нее несколько секунд, потом фыркнул и отвернулся.

— Один час. Иди, — сказал он, наколдovывая стул и вытаскивая из воздуха газету.

Глаза Гермионы тут же остановились на заголовках, которые она смогла разобрать. Девушка так изголодалась по информации, что это привлекло ее внимание острее, чем внезапное ощущение пребывания на улице.

«Программа по увеличению населения продолжается!» — кричали буквы заголовка.

Она почувствовала, как внутри у нее что-то сжимается, и отвернулась. Малфой заметил ее взгляд.

— Хочешь посмотреть? — спросил он медленным протяжным голосом, от которого у нее по коже побежали мурашки. Она услышала щелчок разворачиваемой газеты и, оглянувшись, увидела на обложке «Ежедневного пророка» себя, лежащую без сознания на больничной койке.

Гермиона в ужасе уставилась на это.

«Грязнокровка Поттера стала одной из первых суррогатов, выбранных Темным Лордом для увеличения магического населения» — гласило описание, помещенное под заголовком.

Малфой посмотрел на него с ухмылкой.

— Взгляни, меня тоже упомянули, — его рот искривился в тонкой злобной улыбке, а глаза заблестели, когда он указал на свою фотографию дальше в колонке. — На случай, если кто-нибудь во всем мире захочет точно знать, кто тебя трахает и где ты находишься.

Гермиона почувствовала, что ее сейчас вырвет в горшок с голубой елью у двери.

— Я считаю, это довольно очевидная ловушка, — со вздохом добавил Малфой, отворачиваясь от нее и откидываясь на спинку стула. Он со скучающим видом развернул газету. — С другой стороны, ваше Соппротивление никогда не отличалось умом. Более тонкий намёк, вероятно, ускользнет от них. Темный Лорд очень надеется, что если кто-то и остался в живых, они будут чувствовать себя морально обязанными прийти и спасти тебя, как это всегда любил делать Поттер.

Боже...

Весь мир знал, что Волдеморт превратил ее в секс-рабыню Малфоя для своей мерзкой программы. Ее использовали как приманку.

Гермиона отшатнулась, чувствуя слабость. Ей нужно было убраться подальше от Малфоя и его жестокости, пока ее разум не сломался. Она зажала рот рукой, спотыкаясь на гравийной дорожке.

— Если ты заблудишься в лабиринте живой изгороди, я пошлю своих собак, чтобы вытащить тебя оттуда. — Жесткий голос Малфоя, казалось, преследовал ее.

Она побежала.

Гермиона не бегала целую вечность, но в своей камере держалась вполне прилично: все эти прыжки и отжимания. Все, что она делала, чтобы отвлечься.

Ей нужно было отвлечься.

Она не могла думать. Ей нужно было двигаться, пока она больше не сможет.

Гермиона бросилась вниз по тропинке, пока та не перешла в переулок. Она помчалась вдаль по ней. Высокие изгороди вокруг нее казались удушающими.

Все вокруг душило ее.

Ее руки взметнулись вверх, и она расстегнула плащ, который дал ей Малфой. Девушка почувствовала, как ветер сорвал его.

Она скорее замерзнет.

Она бежала и бежала, пока живая изгородь не кончилась и дорога не пошла дальше через большие поля. Гермиона продолжала идти. Потому что если бы она остановилась, то начала бы думать. После этого она, вероятнее всего, заплакала бы. Она не могла плакать. До тех пор, пока она не придумает способ сбежать и не позволит оставшимся в живых членам Сопротивления попытаться спасти ее.

Боже.

Боже...

Наконец она остановилась.

Ее легкие были в огне. Пронзительная, жгучая потребность в кислороде ощущалась слишком остро. Все ее тело было скользким от пота, который быстро стал обжигающе холодным на ее коже. Ее бок пронзила резкая боль. Ее туфли были почти уничтожены. Юбка испорчена грязью.

Она стояла, тяжело дыша, и повернулась, чтобы посмотреть, где находится.

Поместье Малфоев казалось бесконечным. Серые холмы мертвой зимней травы и темные группы безлистных деревьев вдалеке — все это выделялось на фоне серого неба.

Казалось, будто весь цвет был удалён из этого мира. Кроме нее. Она стояла в ало-красном. Кровь на фоне монохрома.

Она прижала руки ко рту, продолжая задыхаться.

Когда ее грудь наконец перестала вздыматься, Гермиона постепенно осознала, насколько замерзла. Подул резкий ветер, насквозь пронзив ее через хрупкую

одежду, которую она носила. Ее руки мгновенно побелели. Она чувствовала, как ее щеки и кончик носа медленно начинают болеть. Ледяное ощущение в пальцах ног начало подниматься вверх по ногам, когда вода впиталась в туфли и чулки.

Она обернулась и бросила взгляд в том направлении, откуда пришла. Вдалеке виднелись крохотные живые изгороди.

Несколько минут она прижимала ледяные руки к глазам. Пытаясь сообразить.

Ничего нового.

Ее план остался прежним. Ничего не изменилось.

Ее положение было точно таким же, как и накануне вечером. Единственное отличие заключалось в том, что она узнала о нем чуть больше информации. Варианты были по-прежнему столь же ограничены, но ставки существенно повысились.

Она медленно обернулась.

Гермиона сомневалась, что Малфой действительно пошлет за ней гончих. Если ее растерзает стая охотничьих собак, это может помешать ее репродуктивным способностям.

Она лениво размышляла, позволят ли ей наручники дать отпор нападающему животному. Если бы она действительно отчаянно хотела умереть, возможно, Гермиона могла бы броситься на путь смертельно опасного существа. У кого-то столь мерзкого, как Малфой, могло быть что-то вроде мантикоры, припрятанной в подвале. Или, возможно, существовали ловушки для тех, кто захотел бы ее спасти, — она могла попасть в одну из них.

Ее зубы начали стучать, когда девушка продолжила свой путь к изгороди. Она слишком устала, чтобы снова бежать и пытаться согреться.

Она обхватила себя руками и пошла дальше.

Ей и в голову не приходило, что Волдеморт предаст гласности программу по увеличению магического населения. Однако, если оглянуться назад, это становилось очевидным. Это не было секретом, который можно было легко сохранить, ведь суррогаты раздавались семидесяти двум самым выдающимся волшебным семьям в Британии. Лучшим решением было выставить программу полностью на всеобщее обозрение.

Она лениво размышляла, как Малфой относится к тому, что его публично связали с ней. Грязнокровка, которую он так ненавидел в школе, теперь собиралась стать матерью его детей. Об этом узнает весь мир.

Он был так по-рабски послушен плану своего хозяина, что, вероятно, как-то рационализировал это. Она насмешливо усмехнулась про себя.

Количество способов, которыми Гермиона могла ненавидеть его, было почти ошеломляющим. Каждый раз, когда она видела его, девушка словно обнаруживала в нем совершенно новый аспект, который добавлялся к числу причин, по которым он заслуживал медленной жестокой смерти.

Острые камни гравийной дорожки, в конце концов, полностью прорезали ее обувь. Ее ноги начали кровоточить, когда она добралась до изгороди. Гермиона сняла бесполезные туфли и бросила их в изгородь. Грязно-красный цвет медленно исчезал.

Она продолжила свой путь. Дрожа.

Когда она наконец добралась до поместья и завернула за угол, то обнаружила, что Малфой все еще там читал книгу. Его газета была отброшена в сторону.

Она остановилась. Заколебавшись. Она не хотела общаться с ним, но ей было мучительно холодно. Гермиона не знала, как попасть внутрь.

Ее движение или цвет лица привлекли внимание Малфоя. Он резко поднял голову и уставился на нее, слегка ошеломленный, когда увидел ее потрепанный вид. Затем он изогнул бровь и ухмыльнулся.

— Я вижу, ты серьезно отнеслась к своему статусу. Кроваво-красная и грязная, — он слабо усмехнулся на мгновение, прежде чем выражение его лица стало жестким. — Тебе не следовало терять свою мантию. У тебя есть ещё, — Малфой взглянул на часы, — десять минут до того, как тебя пустят внутрь.

Гермиона в отчаянии отшатнулась и пошла обратно в обход поместья. Она нашла место, которое было немного укрыто от ветра и свернулась у здания в тугой клубок. Пытаясь сохранить тепло своего тела.

Ей было так холодно.

Ее дрожь прекратилась, и ей ужасно захотелось спать.

Что, как она смутно осознала, указывало на переохлаждение.

Гермиона никогда не лечила настоящую гипотермию во время войны. Только ту, что была вызвана дементорами.

Переохлаждение — это не то, чем обычно страдают волшебники. Согревающие чары были настолько просты, что большинство первокурсников могли их выполнять. В волшебную одежду обычно вплетались заклинания.

Она должна пойти и сказать Малфоя, что температура ее тела становится опасно низкой.

Но если она подождет... то, возможно, умрет от этого.

Это решило бы все ее проблемы.

Она еще теснее прижалась к стене особняка и закрыла глаза. Дыхание замедлялось.

Постепенно все стало успокаивающе расплывчатым.

— Творческий подход, — резкий голос Малфоя вторгся в туман ее сознания.

Что-то горячей волной пронеслось по всему ее телу. Пораженная, Гермиона вскрикнула. Через мгновение она поняла, что он наложил на нее согревающие чары. Резкий контраст температуры был физически болезненным, когда магия заклинания столкнулась с ее кожей.

Малфой уже уходил, когда она подняла голову.

Мерзкий ублюдок. Он согрел ее ровно настолько, чтобы нейтрализовать переохлаждение, но не настолько, чтобы избавить от жуткого холода.

Она прижалась к стене и попыталась угадать, когда закончатся десять минут. Ее ноги и руки ныли до костей от холода.

Гермиона очень сожалела о своём выкинутом плаще. По-видимому, у нее все еще оставалось немного гриффиндорской импульсивности. Достаточно, чтобы позволить себе иногда делать очень глупые вещи. Теперь, когда ее гнев и ужас немного улеглись, она смогла в большей степени оценить свой импульсивный идиотизм.

Попытка отказаться от ухода Малфоя, который он был обязан обеспечить, не причиняла вреда никому, кроме нее самой. Это было похоже на отказ от еды. Ослабить себя, чтобы показать ему, что она все еще может быть упрямой, было полной противоположностью тому, что Гермиона должна была делать. Малфой никогда не станет беспечным, если будет знать, что она все еще борется.

Она застонала и ударилась головой о стену особняка.

Через минуту ее внимание привлек хруст гравия. Она подняла глаза и увидела, что Малфой снова приближается.

Выражение его лица было холодным, как ветер.

Он протянул руку и бросил ее мантию к ногам.

— Ты нашел ее, — сказала она, глядя вниз.

— Магия. *Акцио* очень полезно для тех из нас, кто все еще может им пользоваться, — сказал он с жестокой ухмылкой. — Ты собираешься вставать, или мне тебя тащить? У меня в жизни есть и более важные вещи, чем бесполезное наблюдение за тобой. Так много магглов все еще живы. И несколько домовых эльфов, которых я не пинал в последнее время.

Он слегка ухмыльнулся ей.

Гермиона прикусила язык. Взяв мантию, она встала и закуталась в неё. Он резко развернулся и зашагал обратно к веранде. Малфой остановился у двери и подождал, пока она его догонит.

Когда девушка подошла к нему, то поняла, что он слегка побледнел и устался на пол позади нее. Она обернулась и увидела, что оставила кровавые следы на белом мраморе. Он стал слегка задумчивым, изучая их.

— Удивлен, что наша кровь выглядит одинаково? — спросила она мягким голосом.

Он усмехнулся.

— Вся кровь выглядит одинаково. Мои собаки истекают кровью того же цвета. Как и мои домашние эльфы. На вопрос о превосходстве отвечает власть. Учитывая, что я владею гончими, эльфами и тобой, полагаю, ответ на этот вопрос достаточно ясен.

— И все же именно я собираюсь подарить тебе наследников, — сказала Гермiona, встретив его взгляд своим холодным выражением.

— Это вина Астории, не моя, — сказал он, слегка скривив губы. Он вытащил палочку и удалил кровь с мрамора. Потом вздохнул и закатил глаза: — Полагаю, я не могу позволить тебе испортить ковры, как бы забавно это ни было — оставить тебя истекать кровью.

Он щелкнул палочкой у ее ног и очистил их, прежде чем сотворить серию небрежных исцеляющих чар. Затем он прогнал грязь, запекшуюся на подоле ее одежды.

— Я верю, что твой мозг все еще достаточно функционирует, чтобы самостоятельно найти дорогу в свою комнату. Если нет, ты можешь спать на полу. — Он исчез с треском.

Гермiona несколько секунд стояла в одиночестве у двери. Она сильно замерзла, но...

Девушка подбежала и схватила экземпляр «Ежедневного пророка», который остался лежать на земле. Проскользнув в дверь, она отошла достаточно далеко в коридор, чтобы укрыться от пронизывающего холода, прежде чем поспешно открыла газету и начала поглощать каждую крупницу информации, которая там содержалась.

Примечание к части

Арты к главе:

Автор avendell <https://avendell.tumblr.com/post/618666493405741056/a-manacled-illustration-in-color-i-had-to-draw>

Автор _knar.m_ "Я забыла, что такое ветер"

https://www.instagram.com/p/CKmOAtkBoFZ/?utm_source=ig_web_copy_link

"Если ты заблудишься в лабиринте живой изгороди"

<https://www.instagram.com/p/CKza30cBOht/?igshid=1u4hp63tcb11m>

Автор bookloverdream "Ей нужно было отвлечься." <https://bookloverdream-blessedindeed.tumblr.com/post/184624616804/she-needed-her-mind-off-she-couldnt-think-she>

Автор wvx_pic. " <https://www.instagram.com/p/CKzkuoegKCy/?igshid=1j4mk64pg6a6a> "

8.

«Программа по увеличению населения продолжается!»

«Грязнокровка Поттера стала одной из первых суррогатов, выбранных Темным Лордом для увеличения магического населения»

Гермиона продолжила читать.

«В настоящее время начался первый этап попытки Британии восстановить численность своего магического населения. Выбранные в качестве суррогатных матерей полукровки и грязнокровки были назначены многим выдающимся волшебным семьям Великобритании в надежде на увеличение популяции магов. Эта программа была лично одобрена самим Темным Лордом. Ответственной за нее стала целительница Лидия Страуд, которая всю свою жизнь посвятила изучению магической генетики и волшебной фертильности.

Наиболее заметной участницей среди суррогатов стала грязнокровка Гермиона Грейнджер, последний оставшийся в живых член террористической группировки, известной как Орден Феникса. Ведьма с раннего возраста прославилась своей легкой репутацией и романтическими связями с известными волшебниками. Это было особенно заметно ещё в 1994 году, где она крутила роман не с одним, а с двумя соперниками Кубка Волшебников, Гарри Поттером и Виктором Крамом. Сейчас же она, возможно, проложила путь в постель своего самого могущественного волшебника.

Драко Малфой, наиболее известный убийством чернокнижника Альбуса Дамблдора в юном возрасте шестнадцати лет, уже долгое время является уважаемым Пожирателем Смерти. Достоверный источник Пророка подтвердил, что Грейнджер была доставлена в поместье Малфоев чуть больше недели назад. С тех пор, как Люциус Малфой отрекся от титула лорда в пользу сына после смерти Нарциссы Малфой в 2001 году, линия семьи Малфой оставалась без наследника.

К сожалению, молодой лорд Малфой не сможет себе позволить надолго привязаться к предательнице, согревающей его постель. Целительница Страуд подтвердила, что, когда Грейнджер произведет ему на свет трех наследников, она в качестве суррогата будет отправлена в другую чистокровную волшебную семью, чтобы еще больше разнообразить магическую кровь Британии.

Если результаты по подобным слияниям будут столь же успешными, как и ожидалось, целитель Страуд надеется, что такие программы начнут разворачиваться по всей Европе в течение года».

Итак, Малфой был тем, кто убил Дамблдора. Еще одно имя в списке жертв Верховного Правителя.

Люциус был все еще жив.

О других женщинах, участвующих в программе, не упоминалось. Глаза Гермионы пробежались по другим колонкам, собирая каждую крупницу информации.

В следующей статье перечислялись казни в Британии, совершенные Верховным

Правителем. Там была фотография. Несколько несчастных мужчин и женщин стояли на коленях на помосте. Позади них в черных одеждах и маске стоял Верховный Правитель. На снимке он вытащил свою палочку и небрежным движением убил первого человека. Он едва удостоил падающее тело взглядом, прежде чем бросить проклятие на следующего. Фото двигалось всего несколько секунд, а Малфой успел убить трех человек на платформе, прежде чем события на фотографии повторились вновь.

Гермиона вытаращила глаза в изумлении. Исследуя каждую деталь.

Узнавая в палаче Малфоя — очевидно, что это был он. Небрежно ленивая, элегантная поза. Худощавое телосложение. Смертельный холод, который, казалось, исходит от него.

Однако ни в статье о программе по увеличению населения, ни в колонке о казнях не упоминалось о том, что Малфой был Верховным Правителем. Как будто это были разные люди.

Его анонимность поражала. Газета даже не высказывала никаких догадок относительно личности Верховного Правителя. Как будто такие вещи нельзя было обсуждать.

Гермиона обдумала эту нестыковку.

Верховный Правитель был правой рукой Волдеморта, якобы его доверенным лицом. Гермиона задалась вопросом, была ли анонимность в интересах Малфоя или Волдеморта. Она подозревала, что дело, вероятно, было в последнем. У него была исключительно мощная марионетка. Даже сам Волдеморт, когда убивал Гарри, не наложил смертельное проклятие с такой быстротой и отсутствием усилий.

Ведь не стоит позволять Малфоя собирать своих последователей, накапливать личную власть, чтобы он затем пытался свергнуть своего хозяина. Анонимность его личности — позволение быть известным Пожирателем Смерти — вероятно, являлась средством контроля над ним.

Волдеморт держал Малфоя совсем близко.

Возможно, у Верховного Правителя были тайные амбиции, которые тревожили его Хозяина.

Это также делало Малфоя идеальной ловушкой для бойцов Сопротивления. Если бы кто-нибудь попытался спасти Гермиону, они бы решили, что просто напали на избалованного Пожирателя Смерти во втором поколении. Они и понятия не имеют, что попадут в лапы Верховного Правителя, самого прославленного слуги Волдеморта.

Гермиона пролистала оставшуюся часть газеты. Северная Европа все еще не была под контролем Пожирателей Смерти. Волдеморт агрессивно наступал на скандинавские страны, чтобы заставить их подчиниться. Очевидно, вампиры, ведьмы и другие темные существа, привезенные в Британию во время войны, были перемещены в Северную Европу в течение последних нескольких месяцев.

О восстании в Румынии не было никаких упоминаний. Никаких новостей о других

известных членах Сопrotивления, все еще сражающихся.

Пий Толстоватый все еще был Министром Магии. На предстоящий год был запланирован Турнир Трех Волшебников. Несколько страниц были посвящены международным матчам по квиддичу. Видимо, отвлечение спортом сохранило свою привлекательность даже при антиутопическом режиме.

Остальная часть газеты состояла из светских хроник.

Астория Малфой была настоящей светской львицей. Она посещала все мероприятия, участвовала в благотворительных организациях и щедро жертвовала на послевоенные памятники. Малфой почти не появлялся в светских хрониках, лишь изредка присоединяясь к жене.

Гермиона прочла каждое слово, включая рекламу. Ища любые подсказки. Скрытый подтекст. Все, что не могли напечатать, но на что хотели намекнуть.

Если такие вещи и появлялись в новостях, она была слишком не осведомлена о текущих событиях, чтобы заметить их.

Наконец Гермиона аккуратно сложила газету негнущимися пальцами и вернула ее на то место, где она была оставлена на веранде.

Девушка массировала замерзшие руки, торопливо пробираясь через усадьбу.

Удивительно, но у нее не было приступа паники, когда она возвращалась одна. Возможно, это было только потому, что Гермиона была отвлечена холодом. Она скрестила пальцы, понадеявшись на это.

Путь обратно в ее комнату был прост. Вернувшись, она бросилась в ванную и включила холодную воду. Гермиона позволила ей пробежать по онемевшим рукам, пока чувствительность не начала возвращаться к конечностям и вода не перестала казаться горячей. Затем девушка включила краны в ванной и набрала тёплой воды.

Она со вздохом опустилась в воду, наслаждаясь облегчением от холодной боли во всем замерзшем теле. Гермиона терла ступни и лодыжки, пока с них не исчезли последние капли грязи.

Прожив так долго в камере, она больше никогда не будет воспринимать чистоту как должное. Она не знала, сможет ли когда-нибудь перестать ценить этот вновь обретенный трепет от погружения в воду. Это была единственная хорошая вещь в ее нынешнем существовании.

Чего нельзя было сказать о еде: та хоть и была явно дорогой, судя по ингредиентам, но ее вкусовые свойства вызывали вопросы. Гермиона не очень разбиралась в диетах для планирующих беременность, но не понимала, почему ей разрешалось есть только несоленые и переваренные овощи, ржаной хлеб с несоленым маслом, вареное мясо и яйца-пашот (тоже без соли). Она бы убила за пакетик чипсов.

Сидя в воде и медленно согреваясь, Гермиона обдумывала открытие дня.

Ее «суррогатное материнство» под пристальным наблюдением Малфоя

использовалось в качестве приманки.

Дразнящий и дерзкий стиль повествования статьи на первой полосе приводил в ярость. Точно заданный тон стремился одновременно извратить образ Гермионы, чтобы предотвратить жалость широкой публики и любые возмущения среди сочувствующих.

Она задумалась, какие меры безопасности были приняты, чтобы поймать потенциальных спасателей. Были ли в поместье другие Пожиратели Смерти? Или предполагалось, что Верховный Правитель способен лично справиться со всеми?

Если принять во внимание первый вариант, Гермионе стоит внимательнее осмотреть поместье и попытаться их обнаружить. Они станут дополнительной помехой для ее побега. Или, возможно, следует попытаться обманом заставить одного из них убить ее, если до этого дойдет. Весьма амбициозный и сомнительный план, учитывая, что Малфой, вероятно, найдет эту идею в ее голове задолго до того, как у нее появится шанс воплощения.

А если бы в поместье был один Малфой — что ж, это стало бы тревожным признаком уверенности Волдеморта в его способностях.

Насколько опасен был Малфой?

Гермиона положила голову на колени и попыталась яснее вспомнить обстоятельства смерти Дамблдора восемь лет назад. Детали были размыты.

Она зажмурилась и попробовала восстановить события.

Это случилось меньше чем через месяц после начала шестого года. Защитные обереги были сняты в коридорах, когда кто-то применил смертельное проклятие. Замок был забит перуанским порошком мгновенной тьмы и кричащими студентами. Когда темнота наконец рассеялась, там были десятки раненых, охваченных паникой студентов и мертвое тело Дамблдора. Он был растоптан в этом хаосе.

Первокурсники Пуффендуя и Слизерина как раз возвращались в замок с урока гербологии. Они были единственными, кто хоть что-то видел. Заявления были противоречивыми.

Дамблдор шел по коридору. Мимо проходил старшекурсник. Возможно, двое. Когтевранец. Слизеринец. Гриффиндорец. Пуффендуец. Кормак Маклагген. Эдриан Пьюси. Колин Криви. Эрни Макмиллан. Драко Малфой. Захария Смит. Энтони Гольдштейн.

Первогодки не знали в лицо многих старшекурсников. По общему мнению, это был кто-то со светлыми волосами.

Они слышали проклятие. Затем последовала темнота. Некоторые говорили, все было наоборот: темнота, а затем проклятие. Кругом был шум и паника. Никто не мог ничего разглядеть. Даже среди портретов царила суматоха.

Когда темнота рассеялась, профессора собрали всех в Большом зале. Прибыл Департамент Магического Правопорядка, чтобы опросить студентов и осмотреть тело.

Расследование показало, что причиной смерти стало смертельное проклятие в спину. Следов другой магии не обнаружили.

Оставалось что-то еще, связанное с рукой Дамблдора...

Гермиона отчаянно пыталась вспомнить. Казалось, это было важной деталью. Воспоминание танцевало за пределами ее досягаемости.

Все старшекурсники, названные первогодками, были сразу опрошены — с них сняли все подозрения. Со всех, кроме Драко Малфоя. Замок и прилегающая территория были обысканы. Он исчез.

Авроры были посланы в поместье и нашли его неприступным для штурма. Малфоя признали виновным. Каким образом он наложил проклятие (лично или получил помощь), почему он это сделал — вопросы остались без ответов.

Орден предполагал, что это было попыткой искупить вину за семью Малфоев после провала Люциуса и его заключения в тюрьму после битвы в Департаменте тайн.

Гермиона не могла припомнить, что когда-нибудь было подтверждено, что Малфой убил Дамблдора. После того, как Пожиратели Смерти захватили контроль над Министерством магии полгода спустя, было трудно получить достоверную информацию. Ежедневный Пророк сразу же стал идеальной машиной для пропаганды.

Была ли эта информация достоверной? Она ничего не помнила.

Попытка Гермионы вспомнить это казалась бессмысленной. Она даже не могла понять, где именно были пробелы в ее памяти. Пока ей не задавали конкретного вопроса, она даже не могла понять, чего именно не хватает.

Попытка магически разобраться в своих воспоминаниях была словно продираание сквозь смолу. Изнурительно. Почти бесполезно. Если она вливала в память больше, чем самую малую толику магии, кандалы активировались и высасывали все без остатка.

Самое ясное понимание, которое Гермиона имела о том, где находились ее потерянные воспоминания, было от различных попыток Волдеморта, Снейпа и Малфоя проникнуть в них.

Боль, шок и травма размывали все детали. Казалось, что на протяжении всей войны было немного потерянных воспоминаний: большинство из них сосредоточились в прошлом году вплоть до ее заключения.

Пробелы в знаниях разрывали что-то внутри Гермионы. Она отчаянно хотела узнать, чего не хватает, но боялась восстанавливать информацию. Она чувствовала себя так, словно шла по минному полю. Девушка понятия не имела, чем грозила ей оплошность.

Попытка смириться с потерей информации — понимания сути — была подобна яду, разъедающему ее изнутри.

Почему они проиграли войну?

Неужели она не может вспомнить хотя бы причину?

Как будто они с Малфоем играли в шахматы, но только он мог видеть доску.

Она отчаянно нуждалась в любой крупице знаний.

Но как только Гермиона об этом узнает, то же самое сделают и ее враги. Ее неведение было одновременно щитом и оружием. Это помогало ей выиграть время, чтобы сбежать, но оно могло закончиться в любой момент.

По какой-то причине она была уверена, что это точно положит ей конец.

Она ощущала, как дамоклов меч повис над ее головой.

Кончики пальцев сморщились от воды, когда Гермиона наконец выбралась из ванны. Девушка чувствовала себя опустошенной. Она забралась в постель и прижала к себе подушку.

Ее мысли метались все дальше и дальше: столько вопросов, на которые у нее не было ответов.

На следующий день Малфой снова появился сразу после обеда.

Сердце Гермионы упало, но она натянула плащ и послушно последовала за ним. Просто идя вслед, она чувствовала, как колотится сердце. Девушка задавалась вопросом, может ли он почувствовать это через наблюдение за ее сознанием.

Когда они добрались до веранды, Малфой тут же наколдовал стул и сел, развернув газету. На первой полосе рассказывали о новом памятнике в честь Волдеморта. Он был установлен в Косой Аллее. Гермиона неловко стояла у двери, не зная, куда идти.

Она взглянула на Малфоя и открыла рот, чтобы задать вопрос, но ее тело словно проглотило его, прежде чем она смогла выдать из себя слова.

Тихая.

Она не могла начать разговор.

Девушка с горечью смотрела на лабиринт живой изгороди. Она решила, что просто пойдет и будет бесцельно бродить.

Гермиона начала двигаться, но как только она это сделала, ее охватило слабое чувство дискомфорта. Девушка подняла голову и посмотрела на открытое серое небо...

Ее сердце, казалось, резко остановилось.

Как будто весь кислород и звуки, которые существовали, внезапно исчезли, и перед ней была огромная пустая бесконечность.

Без всякого воздуха.

Она чувствовала, что задыхается. Ее сердце бешено заколотилось. С каждой секундой ускоряя свой темп. Она могла слышать этот звук.

Гермиона могла видеть ступеньки. Гравий. Изгородь.

Она чувствовала, как...

Как будто Вселенная заканчивалась у ее ног.

Если бы она шагнула вперед еще на дюйм, то провалилась бы в бездну.

Девушка замерла. Она попыталась пошевелиться, но продолжала дрожать, прикусив губу. В попытке дышать. В попытке заставить себя шагнуть вперед.

Все было слишком... открытым.

Она закрыла глаза.

Это было *только* в ее голове. Ее разум играл с ней.

Она боролась, чтобы продолжать дышать. Делая несколько резких, прерывистых вдохов и пытаясь собраться с мыслями.

Вчера она была в порядке. Гермиона была так напугана и рассержена. Она пробежала несколько миль. Но сейчас...

Она не могла...

Все это ощущалось непреодолимым.

Она не помнила, чтобы раньше мир казался таким широким. Небо было слишком... высоким. Тропинки все тянулись и тянулись, не заканчиваясь.

Ее руки начали дрожать и дергаться, когда она подумала об этом. Ее сейчас вырвет.

Гермиона отчаянно хотела вернуться в свою комнату.

Она мечтала забиться в угол и почувствовать, как вокруг сжимаются стены.

Девушка смотрела себе под ноги и чувствовала, как слезы щиплют уголки ее глаз. Паника волной накатывала на неё. Сердце билось все быстрее и быстрее.

Гермиона прижала руки ко рту и попыталась сдержать учащенное дыхание.

Резкий звук внезапно привлек ее внимание, и она оглянулась, обнаружив, что Малфой так крепко сжимает газету, что костяшки его пальцев побелели. Его руки слегка дрожали.

Она ахнула и отшатнулась.

— Прости... прости меня, — в ужасе пробормотала Гермиона. — Я уже иду...

Она прошла всего несколько шагов вперёд, прежде чем ноги отказались идти дальше.

Девушка боялась находиться рядом с Малфоем, но даже он не смог преодолеть тот ужас, который поглотил ее, когда она попыталась шагнуть дальше. Ее легкие ощущались так, словно из них выкачали весь воздух. Она открыла рот и попыталась вдохнуть. Ничего не вышло.

Ужас проник в нее, как будто какое-то существо вонзило когти ей в спину. Царапая вдоль позвоночника. Разрывая ее на части. Вынимая все мышцы, нервы и кости и подставляя их холодному зимнему воздуху, она умирала.

Она не могла дышать.

В ее ладони и предплечья впивались иголки.

Все, что она могла видеть, было слишком открыто...

Гермиона не могла унять дрожь. Не могла перестать паниковать. Она не могла двигаться.

Открытое. Пустое. Незвестное. Ничто. Она окажется в этом совсем одна. Снова.

Никаких стен. Ничего.

Она могла кричать вечно. Не было звука.

Никто не придет.

Небо застилала тьма.

Ничего не было видно.

Никто не придет.

Она не сможет...

— Остановись, — вдруг прорычали у нее за спиной.

Реальность обрушилась на нее подобно волне. Девушка вздрогнула и оглянулась. Малфой был бледен, и его глаза сверкали, когда он смотрел на нее.

— Ты должна быть снаружи. Но не обязана таскаться по садам. Прекрати искать возможность для психического срыва, который поставит под угрозу доступ к твоим воспоминаниям.

Его лицо слегка исказилось, когда он продолжал смотреть на нее. Вытащив палочку, Малфой наколдовал еще один стул.

— Сядь. И успокойся, — приказал он ледяным тоном.

Гермиона глубоко вздохнула и позволила ногам двигаться. Стараясь не думать о потоке облегчения, нахлынувшем на нее. Она села и уставилась на свои руки, пытаясь восстановить контроль над дыханием.

Она сидела в кресле. Рядом с Малфоем. Она не была в пустоте. Никакой пустоты вообще не было. Под ногами у нее был мрамор. Ей не нужно никуда идти. Она сидела в кресле.

Гермиона медленно вдохнула. На четыре счета.

Выдохнула через рот. На шесть.

Туда и обратно.

Снова и снова.

Она сидела в кресле. Ей не нужно было никуда идти.

Ее сердце медленно возвращалось к обычному ритму, но грудь продолжала болеть.

Как только заикание в груди ослабло, она попыталась заставить свои пальцы перестать дергаться. Они не слушались, поэтому Гермиона села на руки.

Когда ее разум полностью избавился от паники, на нее обрушилась волна горького отчаяния.

Она была сломлена.

Это было точно.

Не было смысла отрицать.

Ее психика надломилась во время заключения, и она не знала, как это исправить.

Гермиона устала сидеть на своих коленях. Слезы скатывались из уголков ее глаз по щекам, стекая к губам, прежде чем упасть. От резкого порыва ветра они казались ледяными на коже. Она смахнула их и плотнее закуталась в мантию. Натягивая капюшон.

Та почти душила ее своим теплом, но Гермиона все еще чувствовала холод ужаса, когда молча сидела на веранде. Пытаясь соображать.

С ней все было в порядке. Вчера. С ней все было в порядке. Почему? Почему вчера это ее не беспокоило?

Какая-то форма агорафобии. Это точно было связано. Каким-то образом в камере без света, звука и ощущения времени она ухватилась за безопасность наличия стен. Заключение стало единственной постоянной величиной в ее жизни. И вот теперь, когда она была свободна, когда у нее было время подумать...

Открытое пространство породило страх, который поглощал ее.

На улице было гораздо хуже, чем в коридоре наверху.

Возможно, она просто была не готова. Может быть, теперь, когда Гермиона поняла механизм, ей удастся преодолеть панику. Если она поставит перед собой

маленькие поэтапные цели. Спуститься по ступенькам. Идти по гравию. Пройти к изгороди.

Если бы она была в состоянии идти самостоятельно.

Девушка определенно не собиралась теряться в лабиринте из живой изгороди в ближайшее время.

Ее живот скрутило. Ее план побега становился все сложнее. У нее даже не было возможности изучить варианты освобождения. Чем дольше она ждала...

Она могла вскоре забеременеть.

Возможно, она уже беременна. Если этого ещё не произошло, то с каждым следующим месяцем появляющийся в воздухе стол увеличивал шансы, что скоро это произойдёт.

Ей хотелось плакать.

Гермиона взглянула на Малфоя, который жадно изучал результаты квиддича.

Какую полезную информацию она должна была узнать о нем? Он только и делал, что злился и читал, а потом уходил и убивал людей.

Она никогда не сбежит. Скорее всего, она умрет в этом поместье.

Она в отчаянии смотрела на него.

Он был холодным. Яростным.

Ледяная злость, казалось, нависла над ним. Она чувствовала, как темная магия окутывает его тело.

Кого он так ненавидел? Неужели, как и Люциус, он винил Орден в смерти Нарциссы? Были ли все эти убийственные проклятия из мести? Было ли это тем, что подпитывало его силу?

Все в нем изменилось. Казалось, в нем не осталось и следа того мальчика, которого она знала много лет назад.

Он вырос, стал выше и шире в плечах. Надменность его школьных дней исчезла, сменившись ощутимым чувством власти. Смертельной уверенностью.

Его лицо утратило все мальчишеские черты. Оно было устрашающе красивым. Резкие аристократические черты застыли в жестком непреклонном выражении. Его серые глаза были словно ножи. Белокурые волосы небрежно зачёсаны в сторону.

Всем своим видом он напоминал скучающего английского лорда. Если не считать почти нечеловеческого холода. Если бы сущность клинка убийцы могла воплотиться в человеке, он бы стал Драко Малфоем.

Она уставилась на него. Анализируя все детали.

Красивый и проклятый. Падший ангел.

Или, возможно, Ангел Смерти.

Пока Гермиона изучала его, он резко закрыл газету и посмотрел на нее. Она на мгновение встретилась с ним взглядом, прежде чем отвернуться.

— Что с тобой не так? — спросил Малфой, посмотрев на нее несколько секунд.

Она слегка покраснела, ничего не ответив.

— Если ты не скажешь мне, я просто вытяну ответ из твоего разума, — сказал он.

Гермиона изо всех сил старалась не вздрогнуть от этой угрозы. Она пристально смотрела на изгородь.

— Я... я думаю, это называется агорафобия, — сказала девушка, сделав несколько глубоких вдохов. — Все, что... связано с открытыми пространствами, вызывает у меня панику.

— Почему?

— Я не уверена. Не похоже, что этому есть рациональное объяснение, — с горечью сказала она, осматривая швы на своей мантии. Ровные стежки были чем-то упорядоченным, на что можно было смотреть. Чем-то предсказуемым. Чем-то, что имело смысл. И не похожим на ее нелогичный разум.

— Уверен, у тебя есть теория, — сказал он с вызовом. Как будто хотел, чтобы она отказалась отвечать, чтобы он мог просто проникнуть в ее мысли и вытащить это объяснение.

Ей хотелось солгать, что само по себе было бессмысленным. Малфой, несомненно, побывает в ее мыслях снова, прежде чем она сбежит. Если она не скажет ему сейчас, он все равно узнает завтра. Или на следующий день. Или всякий раз, когда решит снова исследовать ее мысли.

— Наверное, это происходит из-за того, что я так долго просидела в камере, — сказала она через минуту. — Там ничего не было... была лишь пустота. Все были мертвы. Никто не собирался приходить за мной. Я просто сидела там, даже не осознавая, как долго это продолжалось. Стены были единственной реальной вещью. Я думаю, что решила, что с ними я чувствую себя в безопасности. Так что теперь, когда я пытаюсь идти куда-то и не знаю, куда меня это приведет... я не знаю. Я не могу... мне кажется... — Гермиона попыталась объяснить свой ужас: — Это будто... меня снова бросают. Что все мертвы, и я просто одна — и я могу справиться с этим чувством, когда мой мир ограничен пространством... но когда я вспоминаю, насколько он большой, — я не могу...

Она начала задыхаться, и ее голос затих. Гермиона не знала, как это описать. Слова не смогли передать всю сложность этой эмоции. Она растерянно отвела взгляд.

Выражение лица Малфоя, казалось, стало жестче, пока она говорила.

— А вчера? — спросил он после недовольной паузы.

— Даже не знаю. Наверное, мой ужас превзошел мой страх.

Он немного помолчал, потом тихо фыркнул и откинулся на спинку стула, изучая ее.

— Должен признаться, когда я услышал, что получу именно тебя, я с нетерпением ждал момента, когда смогу окончательно сломать тебя, — сказал он и слегка наклонился к ней с жесткой улыбкой. — Но я сомневаюсь, что можно превзойти то, что ты сделала с собой самостоятельно. Это разочаровывает.

— Я уверена, что ты не перестанешь пытаться, — сказала она, глядя ему в глаза. Гермiona знала, что на ее лице написано отчаяние, но не было смысла пытаться его скрыть.

Его серебряные глаза сверкнули, когда он увидел это.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор grapesodaandpuddin "Она чувствовала, что задыхается"
<https://grapesodaandpuddin.tumblr.com/post/624330068461764608/she-felt-like-she-were-suffocating-her-heart>

9.

Малфой больше не разговаривал с ней в течение оставшегося часа. Он достал из-под мантии книгу и принялся за чтение, очевидно, вообще не чувствуя холода.

Гермиона закрыла глаза на несколько минут и попыталась заставить свое сердце не биться так сильно, просто глядя на небо.

Она собиралась преодолеть это.

Ей было все равно, что для этого потребуется.

Дни сливались воедино.

Малфой появлялся ежедневно сразу после обеда и выводил ее на веранду. Оказавшись там, он обычно игнорировал ее, читая «Пророк» или какую-нибудь книгу. Гермиона металась по веранде, пытаясь найти в себе силы выйти на прогулку. Она смогла спуститься на несколько мраморных ступеней, но замирала, доходя до гравия.

В отличие от коридора, тут девушка не могла двигаться дальше. Это была граница, которую она была не в состоянии пересечь. Рациональная часть ее мозга просто отказывалась работать.

Поэтому она сидела на ступеньках, собирала гравий и бросала камни один за другим как можно дальше. Или выкладывала их в виде рун.

Других занятий у неё не было.

Малфой никогда не разговаривал с ней, и поэтому она не могла заговорить с ним первой. Не то чтобы ей этого хотелось, но тот факт, что ей требовалось его разрешение, был уже сам по себе унизителен.

Исходя из того, что семейство Малфоев не нуждалось в прислуге, очевидно, это подразумевало, что от нее не ждали ничего, кроме как влачить жалкое существование в стенах поместья. Они совершенно не давали ей возможности занимать себя. Ни книг, ни бумаги — ничего. Ей было почти так же скучно в поместье, как и в своей камере в Хогвартсе. За исключением того, что ее постоянно преследовал осуждающий портрет, и девушка знала, что за пределами спальни есть целый особняк, ожидающий её исследования. Если, конечно, она сможет собраться с духом, чтобы пройти через это.

Гермиона неоднократно обследовала все спальни в коридоре. Она изучала лабиринт живой изгороди через все доступные окна, пока не была почти уверена, что сможет пройти через него, не заблудившись.

Гермиона пыталась найти в себе мужество спуститься по лестнице и осмотреть другие этажи. Она прошла через первый этаж около девяти раз с Малфоем. И все же она никак не могла заставить себя сделать это в одиночку.

Через восемь дней Малфой не появился после обеда. Вместо этого в комнату Гермионы вошла целительница Страуд.

Девушка молча наблюдала, как женщина наколдовала смотровой стол посреди комнаты.

Все, кого Гермиона ненавидела, казалось, заставляли ее проходить через процедуру со столом. Волдеморт. Малфой. Страуд. Гермиона шагнула вперед, прежде чем ее заставили это сделать, и села на край.

— Открой рот, — приказала Страуд.

Рот Гермионы автоматически открылся, и целительница, взяв зелье, капнула одну каплю в рот девушке. Когда флакон был снова закрыт, Гермиона взглянула на его содержимое и напряглась. Сыворотка правды.

Она предположила, что это было одним из способов сделать медицинские назначения эффективными — предотвратить ложь субъектов. Гермиона никак не могла понять причину. Кандалы уже сделали ее послушной. Целитель Страуд могла просто приказать ей говорить правду.

Женщина, казалось, заметила выражение лица Гермионы.

— Это все упрощает, — сказала Страуд, взмахнув палочкой. — Если бы Верховный Правитель приказал тебе солгать о чем-то, ты была бы в замешательстве. Таким образом твоя честность вне подозрений.

Гермиона кивнула. Она предположила, что в этом был смысл.

— Хм. Пока не беременна. Полагаю, что для результатов прошло мало времени.

Гермиона чуть не рухнула от облегчения. Потом она вспомнила, что это означало: вскоре Малфой будет снова брать ее за столом в течение пяти дней, и облегчение резко исчезло.

— Посмотрите на меня, мисс Грейнджер, — скомандовала целительница, — кто-нибудь причинял тебе боль с тех пор, как ты здесь?

Гермиона пристально глядела на женщину, пока ее рот отвечал по собственной воле:

— Я была физически изнасилована пять раз и дважды психически.

Целитель Страуд выглядела невозмутимой, но немного задумчивой.

— Легилименция болезненна?

— Да.

— Хм. Я сделаю пометку. Больше никакого вреда не было?

— Нет.

— Отлично. Большое облегчение. Были проблемы с некоторыми остальными.

Гермиона почувствовала, как ужас охватывает ее.

— Они... они в порядке? — прохрипела она.

— О да. Мы обо всем позаботились. Некоторым мужчинам просто нужно напоминать, что дары Темного Лорда могут быть возвращены, если за ними не ухаживать должным образом, — ответила Страуд. На ее лице не было ни следа сочувствия или вины, когда она продолжала махать палочкой над Гермией.

Девушке захотелось протянуть ладонь и свернуть целительнице шею. Ее руки дрожали, когда она пыталась сдержать их.

Целитель Страуд была равнодушна к ее плохо скрываемой ярости. Она наложила диагностическое заклинание на нижнюю часть живота Гермией.

— Никаких разрывов. Замечательно. Это стало бы проблемой. Я должна была прийти раньше, чтобы проверить, но была очень занята. Наблюдение за всеми остальными оказалось более утомительным, чем я себе представляла.

Целитель Страуд, казалось, ждала от Гермией сочувствия. Девушка многозначительно смотрела на часы и молчала.

— Твое физическое состояние несколько ухудшилось. Ты выходишь на улицу, чтобы ежедневно заниматься спортом? — раздраженно спросила целитель Страуд.

Гермия напряглась. Ее грудь сжалась, когда она попыталась вдохнуть и равнодушно ответить на вопрос:

— Я... нет, но Верховный Правитель начал это обеспечивать.

— Ты ходишь пешком? Долгие прогулки важны для организма.

— Я не могу.

Целитель Страуд удивленно уставилась на Гермия.

— Не можешь?

Гермия закусила губу, сомневаясь.

— У меня случаются панические атаки. Просто выйти из комнаты бывает сложно. Верховный Правитель каждый день выводит меня на веранду на час, но я... я не могу... не могу... Это слишком... это...

Гермия начала задыхаться, пытаясь объяснить. Даже после дозы сыворотки правды она не могла передать этот страх словами. Не могла справиться с гневом и отчаянием от того, что была не в силах разобраться с этим самостоятельно.

Гермия сжала губы, но они продолжали дрожать. Она почувствовала нарастающее напряжение в глазах и щеках от того, что пыталась не расплакаться.

— Интересно, — сказала целитель Страуд, делая пометки. — Скорее всего это из-за твоего заключения. Мне не приходило в голову, что выход на улицу может

стать проблемой. Хмм... успокаивающего зелья будет недостаточно, и я не могу постоянно держать тебя на седативных средствах — они будут мешать забеременеть. Может, попробуем что-то временное, чтобы помочь тебе приспособиться. Я поищу варианты.

Гермиона ничего не ответила.

— Зелья будут доставляться ежедневно в течение твоего цикла, — добавила Страуд, продолжая записывать. Вдруг она словно что-то вспомнила и вопросительно взглянула на нее.

— Как ты справлялась с этим, пока ты была в тюрьме?

— У меня просто шла кровь, — ответила Гермиона. — Камера содержалась в чистоте, но никаких средств гигиены не предоставлялось.

Страуд неодобрительно покачала головой. Словно своим отношением к Гермионе она ставила себя выше Амбридж.

— Еще что-то, что ты считаешь, мне следует знать?

— Я считаю, что вы злая и бесчеловечная.

Она даже не осознавала, что говорила, сыворотка правды буквально вытягивала из нее признания.

На секунду что-то мелькнуло в выражении лица целительницы.

— Что ж, думаю, я сама предоставила возможность для такого ответа. Что-нибудь касательно твоего здоровья, что мне нужно знать?

Гермиона на мгновение задумалась.

— Нет.

— Хорошо тогда, — Страуд просмотрела свои записи в последний раз. — Ох, и чуть не забыла. Сними свои чулки.

Гермиона покорно стянула чулки. Целительница оглядела ее ноги и взмахнула палочкой. По ним прошла волна жжения, длившаяся несколько секунд.

Гермиона едва слышно зашипела от боли, испугавшись. Когда жжение утихло, она взглянула вниз и увидела, что кожа на ногах покраснела и выглядела раздраженной.

— Заклинание мгновенного удаления волос. Некоторые мужчины жаловались. Один из них попробовал использовать такое же зелье в ванной, но злобная маленькая ведьма нырнула под воду и вылезла абсолютно лысой.

Целительница Страуд всучила Гермионе небольшой сосуд с экстрактом растопырника.

— Раздражение должно пройти в течение нескольких дней. Я поговорю с Верховным Правителем по поводу твоего состояния.

Страуд стала складывать записи в сумку. Гермиона слезла со стола и неловко замерла, держа в одной руке чулки, а в другой колбу с экстрактом. Убрав стол из комнаты взмахом палочки, целительница вышла за дверь, не сказав больше ни слова.

Малфой прибыл через полчаса ещё более злой, чем обычно.

Гермиона накинула мантию и последовала за ним. Когда они добрались до веранды, он взглянул на нее с сердитой гримасой.

— От тебя требуется пройти не менее полумили.

Гермиона моргнула, глядя на него.

— Я бы отправил тебя с домовым эльфом, но Страуд опасается, что твоя самолично созданная черепно-мозговая травма может вызвать приступ, если ты переутомишься. — Он выглядел достаточно разъяренным, чтобы что-то сломать. — И поэтому я вынужден сопровождать тебя.

Он окинул взглядом поместье и добавил:

— Ты хуже собаки.

Малфой зашагал вниз по ступенькам, а потом повернулся и остановился на гравийной дорожке.

— Пойдем, — сказал он холодным голосом. Его глаза полыхали, а губы были сжаты в жесткую линию, когда он смотрел на нее.

Гермиона недоверчиво уставилась на него. Скорее ад замёрзнет, чем присутствие Драко Малфоя удержит ее от приступа паники.

Принуждение потянуло ее вперед.

Гермиона глубоко вздохнула, осторожно спустилась по ступенькам и после минутного колебания ступила на гравий. Она сделала четыре шага по нему в неверии.

Судя по всему, в аду сегодня было прохладно.

Малфой повернулся и быстро направился вниз по тропинке, а она последовала за ним.

«Наверное, так действовали наручники», — предположила девушка. Он приказал ей идти, и она пошла. Наручники заставляли ее быть послушной при изнасиловании. Как бы ни действовало это принуждение, оно, по-видимому, было способно подавлять ее панические атаки точно так же, как они подавляли желание отбиться от Малфоя, а затем убить его долгим и болезненным способом.

Он шел вдоль внешней стороны лабиринта живой изгороди, пока они не миновали его полностью, а затем повел ее по тропинкам среди зимующих клумб роз.

Гермиона задавалась вопросом, было ли что-нибудь в поместье Малфоев, что не казалось бы холодным, мертвым и пустым. На посыпанных гравием дорожках не лежало ни одного неуместного камня. Розовые кусты были тщательно подстрижены на зиму. Живые изгороди врезались в небо точными ровными стенами.

Гермиона никогда особенно не интересовалась внешним видом английских имений, но поместье Малфоев все равно было одним из ужаснейших мест для жизни, что она видела. Лабиринт живой изгороди, белый гравий, голые деревья и кустарники.

Возможно, весной и летом их владения выглядят не так ужасно, но в его нынешнем виде даже автостоянки ей казались эстетически привлекательнее.

Малфой, похоже, тоже не был склонен наслаждаться видом.

Промчавшись по дорожкам около часа, он повел их обратно в поместье. Когда они подошли ближе, она заметила, как дернулась занавеска в окне.

Малфой подошел к комнате Гермионы, но вместо того, чтобы исчезнуть, зашёл внутрь, глядя на нее.

Она замерла и принялась теревить застёжку мантии. Возможно, если Гермиона проигнорирует его, он уйдет.

— Ложись, — скомандовал он через мгновение.

Она удивленно посмотрела на него, и Малфой злобно ухмыльнулся, шагнув к ней.

— Если только ты не предпочитаешь сделать это на полу, — сказал он.

Гермиона не шелохнулась. Она просто смотрела на него, оцепенев от ужаса. Он вытащил палочку, и после резкого невербального щелчка Гермиона почувствовала, как его магия схватила ее и потащила назад, пока она не столкнулась со своей кроватью и не упала на нее.

Малфой подошел к ней со скучающим видом. В его глазах появился слабый блеск.

Гермиона прикусила губу, чтобы не захныкать, и скрестила руки на груди.

Он посмотрел на нее сверху вниз, а затем, зажав ее ноги своими, склонился над ней.

Гермионе хотелось убежать с кровати. Хотелось закричать. Жаль, что у нее не было ни капли магии, чтобы отбиться от него.

Послушная. Тихая. Не сопротивляющаяся.

Она уткнулась подбородком в плечо и попыталась отодвинуться от него как можно дальше.

Его правая рука уперлась в матрас рядом с ее головой, и тогда она почувствовала кончик палочки под своим подбородком.

— Смотри на меня, Грязнокровка, — приказал он.

Ее подбородок дернулся, когда она повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Они были всего в нескольких дюймах от нее. Его зрачки были сужены, а серая радужка напоминала шторм.

Он вошел в ее сознание.

Она задохнулась от шока.

Даже его легилименция была холодной. Как будто тебя бросили в ледяное озеро. Это причиняло острую, резкую боль.

В отличие от предыдущих случаев ее разум не был затуманен травмой или шоком. Опыт был гораздо более ярким из-за этого. Малфой пронесся сквозь ее сознание, обращая внимание на все сгруппированные воспоминания. Он попытался пробиться в одно из них, пока с ее губ не сорвался вопль.

Малфой двигался быстро. Как будто просто проверяя, что ни одно из них еще не было доступно. Осмотрев их, он переместился в настоящее.

Казалось, его забавляла ее растущая ненависть. Ее отчаянное желание убить его. Он смотрел, как Гермиона исследует другие комнаты, блуждает по усадьбе и скукающе сидит на ступеньках веранды. Как она читает «Ежедневный пророк». Ее паническую атаку.

Он изучал ее неоднократные попытки вспомнить детали смерти Дамблдора и как она не могла вспомнить подробность, связанную с рукой волшебника. Эта деталь вызвала у него интерес. Малфой попытался отыскать больше информации, но где бы Гермиона ни прятала ту в своем сознании, он не смог ничего найти.

Она чувствовала его раздражение, когда он перешел к ее встрече со Страуд, их прогулке по поместью и тому, как сильно ей не нравились сады. Когда Малфой достиг ее ужаса в момент, как приказал ей лечь на кровать, он наконец вышел из ее мыслей.

Малфой усмехнулся, глядя на нее сверху вниз.

— Будь уверена, Грязнокровка, у меня нет особого желания прикасаться к тебе. Я нахожу само твоё существование в моем поместье оскорбительным.

— Это чувство определенно взаимно, — сухо сказала Гермиона. Это был не самый удачный ответ, но мысли в голове не могли никак собраться воедино.

Малфой выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз, словно ожидая, что она скажет что-то еще. Девушка пристально посмотрела на него.

— Ты действительно убил Дамблдора?

Он ухмыльнулся и прислонился к столбу кровати, скрестив руки на груди и склонив голову набок.

— Ты и это умудрилась забыть? Есть ли хоть что-то полезное, что ты помнишь?

Или ты по привычке забываешь все, что не вызубрила из учебника? — Он на мгновение опустил взгляд на свои ногти, а затем со скучающим видом провел ими по своей мантии. — Полагаю, это все, на что ты способна. Ты ведь даже не участвовала в сражениях, не так ли? На поле битвы тебя я точно не встречал. Тебя никогда не было там с Поттером и Уизли. Ты просто пряталась. Проводила все свое время в больничных палатах. Тщетно размахивая палочкой, спасая людей, которым в итоге лучше было умереть.

При этих словах Гермиона почувствовала, как кровь отхлынула от ее головы так резко, что комната поплыла перед глазами. Она ахнула, словно ее ударили бладжером.

Все время она исцеляла Рона, Билла, Чарли, Джорджа и Фреда, Тонкс, Ремуса, Джинни, Ханну, Анджелину, Кэти...

Сохраняла их жизни до конца войны. Спасала, чтобы потом они были замучены до смерти. Исцеляла их, чтобы в конечном счёте они были поработаны и изнасилованы.

Она зажала рот руками и крепко прижала пальцы к губам, пока не почувствовала очертания зубов. Все ее тело сотрясилось от дрожи на кровати, и Гермиона старалась не рыдать. Приглушенный всхлип вырвался из ее горла. Глаза щипало за мгновение до того, как лицо Малфоя расплылось от слез. Она перекатилась на бок и свернулась калачиком.

— Раз уж тебе так любопытно. Темный Лорд лично потребовал, чтобы я убил Альбуса Дамблдора в определенный момент в течение шестого года. И вот однажды в пятницу утром, когда неуклюжий идиот проходил мимо меня по коридору, я проклял его прямо в спину убивающим проклятием. Он остановился поболтать с несколькими первокурсниками о лимонном щербете или о какой-то другой ерунде. Довольно-таки неосторожно с его стороны. Ох уж этот гриффиндорский дух. Вы никогда не будете ждать, что кто-то может просто убить вас среди бела дня. Я почти уверен, что он догадывался о моих планах, но все равно повернулся ко мне спиной. Возможно, решил, что мне не хватит смелости, — Малфой презрительно фыркнул, прежде чем вздохнуть: — Это единственный недостаток использования смертельного проклятия в чью-то спину. Жертва упускает ту долю секунды осознания своей ситуации, прежде чем умереть.

Гермиона сжала губы, слушая, как Малфой растягивал слова, описывая убийство. Она, конечно, ожидала, что если когда-нибудь задаст этот вопрос, то ответ на него будет ужасным и тщеславным. Но почему-то все равно была потрясена, услышав это.

— Полагаю, твой Хозяин был очень доволен тобой, — сказала Гермиона, не глядя на него.

— Так оно и было, особенно после того, как я подарил ему палочку старого дурака. В тот вечер он ужинал со мной и моей матерью здесь, в этом самом поместье. Меня объявили протеже.

Его тон был неопределенно пустым. Гермиона оглянулась на него через плечо. Он не смотрел на нее. Его глаза были прикованы к окну, и Малфой выглядел почти задумчивым. Как будто его здесь не было.

Он резко встрепенулся и тонко улыбнулся ей сверху вниз.

— Мне необходимо предоставить более детальную информацию? — он выгнул бровь, задавая вопрос. Выражение его лица было пустым.

— Нет, — сказала она, отводя глаза от его лица. — Это все, что я хотела бы знать.

— Ну, — он поправил мантию и повернулся, чтобы уже уходить, — внешний мир зовет и манит меня. Постарайся не довести себя до припадка в мое отсутствие, Грязнокровка.

Примечание к части

Арты к главе.

Автор avendell https://www.instagram.com/p/B_7ed-CnYbd/

Автор nikitajobson "Гермиона и Верховный Правитель"

<https://nikitajobson.tumblr.com/post/181754569256/i-want-you-all-to-myself-oh-but-you-know-me>

Я пытаюсь вспомнить тебя

И в то же время

Пытаюсь забыть

***

Гарри Поттер сидел на крыше и курил сигарету, смотря вдаль. Гермиона вылезла из окна, чтобы присесть рядом.

— Что с нами стало, Гермиона? — спросил он, когда она подошла ближе.

— Война, — тихо сказала девушка, протягивая руку и поворачивая его лицо к себе. У него была глубокая рана на голове. Его бледная кожа слегка покраснела от крови, которую он пытался смыть. Его взгляд был печальным, усталым и злым.

— Кто из нас первый изменился? Это была ты или я? — спросил он, когда она запустила пальцы в его волосы и откинула их в сторону, чтобы залечить рану.

— Я, — призналась она, избегая его взгляда.

— Но почему? Неужели ты думаешь, я не смогу этого сделать? — сказал он. — Ты пытаешься убедить себя, что я потерплю неудачу?

Она наложила на него диагностическое заклинание. У него были сломаны два ребра и гематомы по всему телу. Гермиона слегка толкнула его, чтобы он лег, прежде чем приступить к исцелению.

— Я думаю, ты справишься. Но... пророчество. Это как подбрасывание монетки. После смерти Дамблдора... — она слегка запнулась. — Смерть — всего лишь убивающее проклятие для всех, — сказала Гермиона через мгновение. — Я не могу просто сидеть сложа руки и ждать, когда выпадет один шанс на миллион, думая, что знаю исход. Не тогда, когда от нас зависит так много жизней. То, что у тебя есть... то, как ты любишь людей... эта сила делает тебя могущественным. Но... сколько раз ты уже убивал Тома? В детстве — с помощью матери. На первом и втором курсе. Но он все еще здесь. А ты все ещё сражаешься. Я не хочу предполагать, каких именно твоих усилий будет достаточно.

— Ты просто не можешь принять тот факт, что добро может победить, — сказал Гарри. Упрек в его голосе был тяжелым.

— Все, кто выигрывает, всегда утверждают, что именно они были добрыми и хорошими, потому что победитель пишет историю. Я не видела ничего, что указывало бы на то, что победа им досталась благодаря моральному превосходству, — сказала она, бормоча заклинания, чтобы срастить перелом.

— Но ты говоришь о маггловской истории. Магия — это другое. В волшебном мире все иначе, — яростно сказал Гарри.

Гермиона покачала головой, и выражение его лица стало горьким. Он посмотрел на небо. Гермиона закончила с исцелением, а затем начала небольшими круговыми движениями наносить мазь на синяки на теле Гарри.

— Ты должна быть другой, — Гарри продолжил. — Более праведной и справедливой, чем я. Что случилось с девушкой, которая защищала права домашних эльфов? Та девушка никогда бы не стала оправдывать использование темной магии. Что с ней произошло?

— Та девушка умерла в больничной палате, пытаюсь спасти Колина Криви.

— Я тоже был там, когда Колин умер, Гермиона. Но я не изменился.

— Я всегда была готова сделать все, что потребуется, Гарри. Во всех наших школьных приключениях. С того момента, как я подружилась с вами, я всецело поддерживаю вас и борюсь за вас. Может быть, ты просто никогда не замечал, как далеко я готова была зайти ради тебя.

Когда Гермиона проснулась, она вспомнила свой сон.

Девушка прокручивала его снова и снова. Сон точно был воспоминанием. Это немного напугало ее, но, похоже, в нем не было ничего важного. Она попыталась вспомнить, в каком году это произошло.

Гарри курил. Эта привычка появилась у него через три года после начала войны. Гермиона не узнала крышу, но это было неважно. Существовали десятки безопасных убежищ, которые она редко посещала.

Получить новое воспоминание о Гарри, даже такое, которое не было особенно счастливым, казалось неожиданным подарком. Она скучала по нему так сильно, что иногда было трудно дышать.

Гермиона лежала в постели, снова и снова прокручивая воспоминание в голове. Принимая к сведению каждую деталь. Огонь в его глазах. То, как он напряженно затягивался сигаретами и резко выдыхал. Усталость на его лице. То, как торчали его волосы.

Она пожалела, что не обняла его. Или не взяла за руку. Или не встретилась с ним взглядом и не сказала, как он важен для нее.

Не сказала ему, что он ей очень нужен. Что он был ее лучшим другом. Что она последовала бы за ним на край света. Что она никогда, никогда не оправится, если потеряет его.

Ей хотелось вернуться в прошлое и найти способ исправить то, что пошло не так. Что бы это ни было. Использовать любую возможность в прошлом, чтобы найти и сказать Гарри, чтобы он не отправлялся в Хогвартс в день последней битвы.

Вернуться и предупредить Орден о том, что произойдет, если они проиграют.

Их спор в памяти казался знакомым. Гермиона хотела, чтобы Орден использовал, ну, если не темные искусства в полной мере, то хотя бы магию, которая была наполовину темной. По мере того, как война затягивалась, девушка становилась все более настойчива в своём выводе, и это портило ее отношения с гораздо большим количеством людей помимо Гарри.

Она старалась не заикливаться на вопросе о том, смогли бы они выиграть войну, если бы Соппротивление было готово использовать темную магию.

Война была окончена и проиграна.

Она прижала руки к глазам и попыталась отогнать этот вопрос. Каким бы ни был ответ, признать его будет так же мучительно, как и бесполезно.

О, Гарри...

Сказала ли она ему, что любит его, в тот день, когда он умер? Говорила ли она тогда вообще с ним?

Она не могла вспомнить.

Гермиона свернулась калачиком на кровати, обнимая себя руками. Когда девушка сидела в камере, то задавалась вопросом: можно ли умереть от опустошающего одиночества, которое она чувствовала.

Ей казалось, что ее сердце разбилось.

Она все еще чувствовала это.

Через несколько минут Гермиона заставила себя встать. Лежа в постели и хандря, она ничего не добьется.

Девушка остановилась у окна. Шел снег. Весь мир снаружи был окутан пеленой. Визуальное облегчение от всей этой унылой серости было почти ободряющим.

Вместе с завтраком в то утро прибыл пузырек с... чем-то. Гермиона не узнала зелье. Она посмотрела на него и понюхала, но не была уверена, что это такое. Девушка отложила его в сторону. Ей не было приказано принимать его, и пока она не получила указаний, Гермиона не собиралась пить какие-либо незнакомые зелья.

Она подошла к лестнице и остановилась, глядя вниз. Время пришло. Она собиралась спуститься по лестнице одна. Тот факт, что Гермиона еще не сделала этого, был жалким. Просто лестница. Всего лишь лестница, ведущая в зал, по которому она уже десятки раз ходила с Малфоем.

Ее плечи затряслись почти незаметной дрожью, и она расправила их.

Гермиона чувствовала себя испуганным ребенком.

Ненавидя это ощущение, девушка сжала губы и глубоко вздохнула. Затем прижала руку к стене и медленно сделала шаг.

Ей нужно было бежать, повторяла она себе.

Прежде чем забеременеть, Гермиона собиралась сбежать из поместья. Когда-нибудь она вернется и убьет Малфоя.

Гермиона собиралась стать свободной. Собиралась сбежать. Куда-нибудь, где есть солнце, магия и люди, которые не причинят ей вреда.

Девушка сосредоточилась на этой мысли, пока не преодолела все ступеньки.

Гермиона огляделась по сторонам. Ее ладонь все еще была прижата к стене. Она чувствовала слабую текстуру обоев. Прикосновение к стенам, казалось, помогало ей держать пульс под контролем.

Она вошла в чайную, столовую, гардеробную и гостиную. Изучая их досконально. Портрет преследовал Гермиону все это время.

Ничего. Ничего. Ничего.

Даже подвязки для штор были заколдованы, чтобы их нельзя было развязать. Она открывала буфеты, шкафы, бельевые ящики, но в них не было ничего полезного. Ни в качестве оружия, которое она могла бы использовать. Ни для побега.

Девушка с раздраженным вздохом захлопнула ящик.

Если Гермиона собиралась найти что-то полезное, ей придется исследовать занятые части поместья. Малфоя было легко обеспечить отсутствие вещей в пустующем крыле. Гораздо сложнее поддерживать такую систему охраны в других уголках дома.

Астория показалась ей немного сумасбродной. Учитывая, насколько хорошо хозяйка поместья игнорировала существование Гермионы, она, вероятно, не стала бы утруждать себя тем же избытком осторожности, что и Малфой.

Девушка медленно вернулась в свою комнату и уставилась на нетронутый пейзаж в окне. Она чувствовала себя опустошенной после «экскурсии» вниз. Как будто пробежала марафон.

Все требовало стольких усилий.

Она прижалась щекой к стеклу и почувствовала, как ее охватывает отчаяние.

Даже если ей удалось победить свою агорафобию, это было только началом. Неважно, какую ложь она шептала себе под нос. Правда заключалась в том, что Гермиона совершенно не знала, как добиться большего.

Она взглянула на наручники.

Последние несколько дней Гермиона обдумывала их способности и экспериментировала с ними. С тех пор, как Малфой смог преодолеть ее агорафобию, она начала более тщательно исследовать, как действуют принуждения в них.

Гермиона была озадачена тем, насколько сильными оказались кандалы. Во время

войны она изучала различные темные артефакты. Наручники не были похожи ни на что, с чем ей довелось столкнуться раньше.

Она начала эксперименты, пытаясь ослушаться принуждения тишины, пытаясь кричать. Эта концепция была менее ограничивающей, чем послушание. Ей разрешалось быть громкой и говорить, когда к ней обращались. Это казалось самым легким, что можно было попытаться преодолеть. Она думала, что если будет бороться достаточно упорно, то сможет пробить себе дорогу силой воли точно так же, как сильные духом люди могут в конце концов сбросить Империус.

Гермиона была совершенно уверена, что квалифицируется как личность с сильными волевыми качествами.

Когда девушка попыталась открыть рот, чтобы закричать, она просто остановилась. Не имело значения, как сильно Гермиона боролась, чтобы выдать звук. Она боролась, пока кандалы не начали нагреваться.

Она не могла победить их.

В конце концов Гермиона рухнула на пол, истощенная до такой степени, что изо всех сил старалась оставаться в сознании.

Пока она лежала, наблюдая, как комната плывет перед глазами, Гермиона начала понимать, почему наручники были такими мощными. Они использовали ее магию. Для волшебника остановить магию внутри себя было равносильно самостоятельному отключению собственных почек. Какие бы усилия она ни прилагала, чтобы одолеть кандалы, они в равной мере подавляли ее.

Гермиона даже не могла закричать или разозлиться от разочарования, когда поняла это. В ней было столько ярости, что казалось: она вот-вот вспыхнет.

Ей хотелось что-нибудь сломать. Она хотела использовать магию и заставить что-то взорваться. Она хотела сделать что-то, что причинит боль.

Ей хотелось ударить кулаком по зеркалу, как это делают в кино. Видеть, как стекло разбивается и трескается, пока не станет похоже на то, что она ощущала внутри. Ей хотелось, чтобы костяшки пальцев разбились и кровоточили, чтобы она ощутила боль в пальцах, в ладонях, в запястьях... Гермиона отчаянно хотела почувствовать что-то еще, кроме эмоциональной агонии, в которой тонула.

Но не могла.

Девушка пыталась обойти кандалы различными способами.

Принуждение выходило за рамки простого молчания, пока к ней не обратятся. Она не могла говорить громко, потому что ей приказали молчать. Она не могла ни хлопнуть дверью, ни топнуть ногой. Все приходящие ей в голову действия, создающие шум, были остановлены.

Именно тогда до Гермионы начало доходить, что она сама контролировала эти импульсы. Ей было приказано молчать. Именно ее осознание беспокойства активировало кандалы. Любое действие, которое она считала громким и протестным, Гермиона была не в силах совершить.

Вот почему целитель Страуд была так обеспокоена психической стабильностью всех девушек. Если они теряли рассудок, их разум было невозможно контролировать. Вот почему сумасшедшая девушка смогла напасть на кого-то.

Гермиона старалась сосредоточиться на чем-то другом, пытаясь топтать ногами или хлопать дверью. Перечислять про себя заклинания. Мысленно повторять рецепт успокоительного зелья. Наручники все еще были активны.

У нее кончились все идеи того, как их обойти.

Гермиона отвернулась от снежного пейзажа и начала тренировку. Она чувствовала себя неловко от внимания портрета, но по прошествии нескольких недель ее это почти не волновало.

Она так устала снова думать и отчаиваться.

Не то чтобы девушка могла отвлечь себя от мыслей, даже когда просунула ноги под шкаф и начала делать скручивания, пока в мышцах ее живота не почувствовалось жжение. По крайней мере, это был способ направлять гнев.

Она не сможет убить Малфоя. Наручники делали это невозможным.

Она не сможет сбежать в одиночку.

Амбридж даже не позаботилась о том, чтобы наложить на них принуждение против побега. Вот насколько они с целителем Страуд были уверены, что девушки не смогут снять кандалы. Эта деталь была единственной лазейкой, которую Гермиона могла использовать. Она могла совершать поступки с намерением сбежать.

Девушка тщательно изучила все, что знала о кандалах. Ханна ни словом не обмолвилась о том, что кто-то когда-то их снимал, несмотря на то, что с болтливыми стражниками у них установились дружеские отношения. Наручники имели «следающее заклинание» внутри, но вместо того, чтобы просто заставить кого-то снять их, Анджелина попыталась узнать, как снять «след».

Довольно многим людям удалось сбежать из Хогвартса. Все они были убиты Малфоем. Никому еще не удавалось сбежать окончательно, потому что никто из них не мог снять кандалы.

Что сказала Ханна? Если Гермиона не отрубит себе руки, она никогда не сбежит.

Как снимались наручники?

Два Пожирателя Смерти пришли в Хогвартс в тот день, когда были надеты новые. Яксли и Роули. Их вызвали, когда охранники начали оглушать всех женщин, и они ушли, когда тех привели в сознание.

Только Пожиратель Смерти, несущий Темную метку, мог снять кандалы.

У Гермионы было два варианта. Она должна была найти способ заставить Малфоя либо убить ее, либо помочь бежать. Не было никаких возможностей обойтись без него. Даже если бы в поместье был целый набор походного снаряжения, корзина с портключами и оружием, к которому она могла

прикоснуться, это не имело значения — все было бы бесполезно для нее, если девушка не могла снять кандалы.

Гермиона тихо зарычала в отчаянии, перевернулась и начала отжиматься, пока больше не смогла оторваться от пола.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Драко Малфой, где было слабое место в твоей идеальной броне?

Словно по сигналу дверь открылась, и вошел Малфой. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, все еще слишком уставшая, чтобы попытаться подняться с пола.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и что-то мелькнуло в его глазах через мгновение.

— Какие-то маггловские занятия, я полагаю, — сказал он.

Гермиона закатила глаза и заставила себя встать. Она чувствовала себя так, словно все ее тело было сделано из желе.

Он оглядел комнату. Его взгляд упал на пузырек с зельем, который Гермиона отказалась принимать раньше. Он призвал его через всю комнату без палочки и ловко поймал правой рукой.

— Я понимаю, что, будучи гриффиндоркой, ты никогда так или иначе не сможешь понять некоторые очевидные вещи. Полагаю, я не должен удивляться, что ты каким-то образом упустила скрытое указание проглотить это, — сказал он, его рот изогнулся в легком замешательстве.

Гермиона упрямо скрестила руки на груди. Хотя стратегически было бы целесообразней казаться послушной и принять это, но как бывшая хозяйка зелий она была слишком параноидальна, чтобы согласиться на такое.

— Что в нем? — спросила Гермиона.

Выражение лица Малфоя стало злорадным.

— Я отвечу, если ты проглотишь каждую каплю, как послушная девочка, — сказал он, сверкнув злобной ухмылкой.

Гермиона не сдвинулась с места. Малфой слабо улыбнулся, глядя на нее.

— Подойди, Грязнокровка, — скомандовал он через мгновение.

Гермиона впилась в него взглядом, когда ее ноги неохотно понесли ее через комнату к нему. Они не останавливались, пока она не оказалась всего в нескольких дюймах от него — так близко, что ее одежда касалась его.

Она злобно уставилась на его ботинки.

— Посмотри на меня, Грязнокровка.

Ее подбородок приподнялся, и она посмотрела ему в глаза. Малфой все еще ухмылялся.

— Ты, конечно, в состоянии понять, что я не собираюсь тебя убивать, — сказал он. В его глазах плясали огоньки жестокого веселья. — В конце концов, если бы это было так, ты, безусловно, прибежала бы первой в очередь за смертью.

Гермиона нахмурилась. Да, она знала, что яд не был одним из бесчисленных вещей, которыми он мог ее накачать. Ее сердце бешено колотилось в груди, в ушах стоял гул.

— Открой рот, — скомандовал он, откупоривая флакон и поднося его к открытому рту. — Проглоти все.

Рот Гермионы закрылся, и она сглотнула. Зелье было горьким на вкус и легко покалывало язык и горло, когда скользнуло вниз к животу. Она почувствовала, как оно остановилось на мгновение, прежде чем раствориться в ее организме.

Ей показалось, что на задворках ее сознания что-то треснуло. Что-то холодное просочилось туда, пока она не ощутила, что ее разум полностью окутан этим. Как будто кто-то вытащил ее мозг и поместил его в резервуар с ледяной водой. Ее тело было здесь, но разум — нет. Это было похоже на восприятие себя в третьем лице.

Ее сердцебиение упало до ровного ритма.

Она *должна была* запаниковать. Как будто ее сознание перестало зависеть от эндокринной системы. Не было никаких всплесков адреналина. Никакой паники или страха.

Она посмотрела на Малфоя.

Гермиона понимала, что ненавидит его. Это была информация, которая казалась чрезвычайно важной, и все же она не могла ее почувствовать. Ненависть была скорее фактом, нежели эмоцией.

Он пристально смотрел на нее.

— Как ты себя чувствуешь, Грязнокровка? — спросил Малфой через мгновение. Его острые глаза подмечали каждую деталь, изучая ее лицо, глаза и позу, пока она стояла перед ним. Ее руки перестали дергаться — девушка поняла это, когда он взглянул на них. Малфой как будто анализировал ее поведение. Гермиона почувствовала, как ее кожу покалывает от осознания, и слабая дрожь пробежала по спине, но она не ощутила соответствующего прилива страха. Просто факт.

— Холодно, — ответила она. — Мой мозг чувствует холод. Что ты со мной сделал?

— Зелье предназначено для того, чтобы ты адаптировалась в поместье, — сказал он, отступая назад и продолжая внимательно разглядывать ее. — Теперь я больше не обязан следить за тобой лично.

Гермиона промолчала. Ее мозг занимался анализом.

Незнакомое поместье на секунду встревожило ее своей неизвестностью.

Заставило запаниковать. Зелье препятствовало этому. Теперь она могла идти куда угодно.

Зелье блокировало все, что Гермиона ощущала. Ей не было грустно. Не было злости. Или стыда. Ее горе исчезло. Ее ярость.

Она была... ничем.

Она просто существовала в холодном небытии.

Она посмотрела на Малфоя.

— Так вот, каково это — быть тобой?

Примечание к части

Арт к главе.

Автор avendell "Что с нами стало?" <https://www.instagram.com/p/CABMSPHnYqY/>

11.

Малфой издал слабый смешок.

— Нравится? — спросил он.

Девушка перевела на него взгляд. Было легко смотреть на Малфоя сейчас, когда страх или ненависть не застилали ей глаза. Умом Гермиона понимала, что он был опасен, но тело ее никак на это не реагировало. Живот не сводило от страха. Сердцебиение не учащалось. Он волновал ее не больше статуи в саду.

— Такое чувство, будто я умерла, — сказала она.

Малфой кивнул, словно подобного ответа и ждал.

— Эффект временный. Он пройдет через двенадцать часов. И через какое-то время у тебя выработается к нему иммунитет. Но зелья должно хватить, чтобы ты успела привыкнуть к поместью и его окрестностям.

Гермиона продолжала сверлить его взглядом.

— Ты ведешь себя по-другому со мной. Не такой сердитый, как обычно. Почему ты вообще делаешь это для меня? — девушка нахмурилась, пытаясь разобраться в причине. Очевидно, она все еще была в состоянии удивляться.

Малфой поднял бровь и наклонился так близко, что Гермиона могла чувствовать его дыхание на своей щеке.

— Я делаю это не для тебя, Грязнокровка, — прошептал он ей на ухо, — а для себя. Ты сейчас вообще не в состоянии ощутить разницу.

Он выпрямился.

— Видишь? Ничего. Ни учащенного пульса, ни повышенного сердцебиения. Я могу призвать боггарта или нагнуть тебя за столом, а ты и глазом не моргнешь. Никакого удовольствия.

Гермиона задумчиво кивнула. Если бы она захотела покончить с собой, было проще сделать это под действием зелья. Возможно, Малфой не сможет ничего почувствовать, пока не будет слишком поздно.

Его лицо окаменело. Он указал на дверь и произнёс:

— Пойдём.

Гермиона захватила свою мантию и последовала за Малфоем на улицу. Он остановился на веранде и наблюдал, как она в одиночестве спускается по ступенькам. Дорожку почистили от снега, но ноги Гермионы пронзило холодом, стоило ей ступить вниз. День выдался невероятно морозным.

Она замерла на пару мгновений, пытаясь решить, куда пойти. Подумав, девушка направилась к лабиринту из живой изгороди. Малфой ни разу не водил ее туда на их совместных прогулках. Гермионе было интересно, сможет ли она найти из

него выход самостоятельно.

Лабиринт был огромен. Он напомнил ей о Турнире Трех Волшебников. Гермиона сомневалась, что эта живая изгородь попытается напасть на неё или же что в глубинах лабиринта она сможет встретить темных существ. Девушка прогуливалась по петляющим, извилистым дорожкам, думая о зелье, которое Малфой заставил ее принять.

Ее посетила мысль, что он и сам принимал его, чтобы всегда оставаться таким же хладнокровным и злым негодяем, но она тут же отмела эту идею. Убивающее заклятье было основано на эмоциях. Его невозможно было наложить, ничего не чувствуя.

Хотя Малфой казался способным на что угодно, когда дело касалось этого заклинания.

Отбросив мысли о нем и его неиссякаемом источнике ненависти, Гермиона поняла, что принятое зелье могло стать для нее полезным. Благодаря его воздействию у нее появилось куда больше шансов на побег, чем за весь прошедший месяц. Настолько больше, что это казалось подозрительно неосторожным со стороны Малфоя.

Она внезапно остановилась.

Малфой не был беспечным. Неважно, насколько ему претила сама мысль присматривать за ней. Должно существовать какое-то безотказное средство, которое делало его таким уверенным в себе и позволяло накачивать ее мощным успокоительным. Иначе он не стал бы так рисковать, даже если находиться с ней рядом было для него равносильно пытке.

Она ведь почти выбросилась с балкона, Малфой едва успел ее остановить. Словно зная, в какой точно момент ему следовало появиться рядом...

Гермиона посмотрела на свои запястья.

Он должен был как-то почувствовать это благодаря наручникам. Но как он смог распознать акт самоубийства, при этом отличить его от других ее экстренных состояний, к примеру, панических атак? Чары, отслеживающие ее здоровье и сознание, даже специально настроенные, вряд ли смогли бы показать настолько тонкую разницу.

Только если...

Малфой каким-то образом читал ее мысли через наручники...

Стоило этой идее оформиться в ее голове, как девушка тут же осознала, что это возможно. Гермиона не понимала, как осуществлялся процесс, но была уверена, что это правда.

Это начинало раздражать. Она должна была прийти в ярость от только что полученной информации, но не могла ничего ощутить. Она должна была утонуть в отчаянии. Но Гермиона могла лишь различать отдаленные отголоски досады в своём сознании.

Будто легилименция не была уже сама по себе достаточным вмешательством. Малфой рылся в ее воспоминаниях, словно они были его собственными. Теперь она точно знала, что он каким-то образом мог проникать в ее сознание и читать мысли.

Девушка заметила, что Малфой никогда не интересовался ее мыслями во время сеансов легилименции. Гермиона помнила, что Снейп делал так со студентами: проникал в сознание, глядя в глаза, и узнавал мысли, заполняющие их головы в тот момент. Когда она встречалась взглядом с Малфоем, он даже не пытался этого сделать.

Гермиона развернулась обратно к поместью. Она выбралась из лабиринта и поспешила назад на веранду, где сидел Малфой, с виду казавшийся полностью погруженным в алхимическую литературу. Он захлопнул книгу и взглянул на нее, пока она стояла и сердито смотрела, уперев руки в бока.

Гермиона не могла ничего сказать, но могла продолжать прожигать его взглядом.

Наконец Малфой, похоже, понял, что она вынуждена хранить молчание, слабо ухмыльнулся и уставился на нее в ответ.

— Да? — в конце концов сказал он спустя почти минуту.

— Ты читаешь мои мысли?

Он широко улыбнулся.

— Не прошло и месяца, как ты догадалась, — сказал Малфой в притворном восхищении. — Хотя, надо отдать должное, ты ведь была довольно занята, пока рыдала, жалела себя и боялась коридоров.

В отсутствии эмоций было свое преимущество: колкие слова Малфоя беспокоили ее не больше гальки, брошенной в пруд. Тихий всплеск обиды в глубине ее сознания быстро сменился безразличием.

— Как такое возможно? — спросила она, скептически подняв бровь. Это нарушало несколько основных законов магии.

— Можешь быть уверена, Грязнокровка, я не читаю все твои мысли. Если бы мне приходилось просматривать все, что происходит в твоей голове, я бы скорее наложил на себя Аваду. Я замечаю только те моменты, когда ты собираешься сделать что-то... интересное. И это избавляет меня от необходимости появляться каждый раз, когда ты пытаешься спуститься по лестнице.

Не будь Гермиона под воздействием зелья, она уже покраснелась бы от ярости в ответ на его издевку. Но сейчас девушка лишь моргнула, усваивая новую информацию.

Значит, за ней следили не постоянно. Это было полезно узнать. Но когда любой опасный план формировался в ее сознании, Малфой был способен как-то проникать в ее разум. Это... уже становилось проблемой.

Гермиона присмотрелась к Малфоя. Ей нужно было украсть то, что помогало ему

читать ее мысли. Амбридж упоминала, что магию наручников контролирует хозяин поместья. Гермиона не была уверена, каким именно образом. Такие чары обычно нуждались в металлическом проводнике, через который бы передавалась магия. И их, как правило, носили на теле. Наиболее распространенными амулетами были браслеты, ожерелья или кольца.

Малфой не носил никаких драгоценностей, даже обручального кольца. Было одно-единственное чёрное кольцо на его правой руке.

Может, оно и было проводником.

— Можешь не стараться его украсть, — сказал он, растягивая слова.

Гермиона резко вскинула глаза на него.

— Это не та вещь. Точно не оно, — добавил Малфой и протянул руку, показывая кольцо поближе. Он стянул его с пальца и кинул ей. Гермиона инстинктивно поймала украшение и принялась его разглядывать.

Оно было сделано из какого-то черного металла. Было не похоже, что в нем содержалась магия, необходимая для связи с наручниками. Хотя, возможно, кольцо все-таки являлось проводником. Малфой мог соврать ей. Может, он хотел запутать ее.

Гермиона представила, как Малфой отреагирует, если она проглотит кольцо.

Он разразился смехом.

— Не нужно его глотать.

Она грозно взглянула на Малфоя, а тот только приподнял бровь. Ухмыльнувшись, он протянул руку. Против воли Гермиона вернула кольцо, и он надел его обратно на палец.

— Как я и сказал, это не кольцо. Ты не сможешь украсть проводник. Только не в этом конкретном случае. Они использовали магию крови, когда создавали наручники.

Гермиона посмотрела на него в изумлении.

— Я что, в твоей голове? — она даже приоткрыла от удивления рот, когда на нее свалилось осознание всей правды.

У нее брали кровь.

Когда она была в Хогвартсе, у нее взяли несколько пузырьков крови и отрезали немного волос. Гермиона предположила, что образцы нужны для генетического теста. Девушка и представить не могла, что они используют их для проведения магического обряда.

Это означало, что она была связана с сознанием Малфоя с помощью своей крови. Он мог ощущать ее мысли где-то на краю разума. Это было похоже на родовую защиту, накладываемую на поместья и замки, чтобы владелец всегда был в курсе состояния своих земель и знал, если кто-то предпримет попытку

вторгнуться в них. Магия, связавшая ее с Малфоем, действовала по тому же принципу.

Если бы Гермиона могла чувствовать эмоции, она бы похолодела от ужаса.

Малфой кивнул.

— Ты Грязнокровка Поттера. Дополнительные меры предосторожности не помешали бы в твоём случае. Так что давай ещё раз уясним, как это работает. Я всегда буду знать, чем ты занимаешься, и всегда смогу тебя найти. Только если ты не придумаешь, как снять эти наручники.

Он засмеялся.

— Пожалуй, тебе стоит попробовать соблазнить меня, — шутливо посоветовал Малфой, откинувшись в кресле и осматривая ее с ног до головы. — Покори мое сердце своим умом и очарованием.

Гермиона закатила глаза.

— Верно. Возможно, завтра, — ответила она. Ее мозг кипел от количества новой информации. — Что ж, это все было очень познавательно. Но я не могу и дальше отвлекать тебя от чтения.

Она развернулась и поспешила вернуться в лабиринт из живой изгороди.

Пробираясь по извилистым дорожкам, Гермиона размышляла. У нее оставалось все меньше вариантов для побега. Малфой был уверен, что она не сможет вырваться. Было похоже, что он даже не тратил своё время на беспокойство по этому поводу. Гермиона понимала его. Теперь она тоже не верила в возможность сбежать.

Если раньше побег казался глупой надеждой, сейчас она уже считала эту идею полным безумием. Гермиона тихонько вздохнула, наблюдая, как ее дыхание формирует облачко пара в морозном воздухе.

Когда действие зелья спадет, она, скорее всего, будет чувствовать себя абсолютно разбитой.

Гермиона обошла вдоль и поперек весь лабиринт. К тому моменту, как она наконец покинула его, ее ступни онемели от холода и насквозь промокли. Слегка прихрамывая, девушка вернулась на веранду. Малфой ничего не сказал, когда она прошла мимо него ко входу в поместье и в одиночку поднялась в свою комнату.

Пока действовало зелье, было приятно снова почувствовать себя обычным, нормальным человеком. Никакой печали. Или страха. Чувства подавленности или безысходности. Ей не нужно было переживать, что с ней снова случится паническая атака.

К такому зелью и правда возможно быстро пристраститься.

Хотя Малфой, конечно, этого бы не позволил. Целительница Страуд упоминала, что снадобья против тревоги могли помешать беременности, так что ей вряд ли

станут давать его в течение длительного времени.

Гермиона хотела бы знать больше о магической беременности. Пока она училась на целителя, эта тема всегда как-то ускользала от ее внимания. Будь у нее сейчас перо и пергамент, девушка бы смогла написать эссе на тридцать страниц о седативных зельях и о том, как они взаимодействовали с исцеляющей магией и темными проклятиями. Но изучение предродового периода не входило в программу обучения неотложной помощи. Почти никто не заводил детей во время войны, а если это происходило, то беременные женщины прекращали участвовать в сражениях и обращались в акушерское отделение.

Ей было интересно, из чего изготовлено сегодняшнее зелье. Гермиона была почти уверена, что в состав входили яд из жала мухвертки, листья валерианы и дремоносные бобы. Вероятно, еще слизь мозга ленивца. Она попыталась вспомнить вкус зелья и покалывание на языке. Возможно, этот эффект возникал от сочетания яда из жала мухвертки и сиропа чемерицы.

Было приятно подумать о чем-то отвлеченном. Казалось, последнее время ее мозг раз за разом обрабатывал одну и ту же информацию, уже и не мечтая о новой. Ее голову заполняли лишь мысли о прошлом, которые она прокручивала снова и снова, силясь понять, что пошло не так.

Прошное тяжелым грузом продолжало тянуть ее вниз. Неумолимо возвращая к событиям войны и мыслям о том, почему они проиграли.

Знала ли Гермиона раньше? Была ли в курсе, почему Орден потерпел поражение? Возможно, она знала причину и потому скрыла эту информацию? Выбрав мучиться, находясь в неведении.

Но зачем? Как и сказал Малфой, их сторона проиграла войну. Что было настолько важным, что это необходимо защищать даже после окончания битвы? Зная при этом, что все ее близкие были убиты или брошены в тюрьму.

Последние месяцы войны Гермиона помнила так же смутно, как и смерть Дамблдора. Она не знала, зачем Орден отправился в Хогвартс. Не могла вспомнить, как ее поймали. Она сохранила в памяти, как умер Гарри. И как видела из своей камеры пытки оставшихся в живых членов семьи Уизли.

Скорее всего, она просто стерла часть воспоминаний из-за шока.

Гермиона полностью исследовала одно крыло поместья, прежде чем отправиться спать. Каждый угол чердака, каждый шкаф, все коридоры и лестницы для слуг. Девушка не стала заходить в каждую комнату, надеясь, что, как только эти коридоры станут ей более знакомы, она сможет вернуться сюда уже без помощи зелий, не испытывая панического страха.

Гермионе было интересно, сколько эльфов держали Малфои. Ни в одном даже самом дальнем уголке чердака не было и намека на паутину.

На следующее утро она проснулась с чувством невыносимой тяжести в груди. Девушка ощущала себя раздавленной и ошеломленной приступом отчаяния, которое не была способна испытать вчера. Даже дышать удавалось с трудом.

После отсрочки в двенадцать часов все накопленные эмоции терзали ее только

сильнее. Гермиона не поняла бы, как сильно заполнили ее сознание одиночество и тоска, если бы не была временно от них избавлена.

Теперь, когда вес всех этих чувств вернулся к ней, девушке казалось, что он раздавит ее в пыль. Она почти ощущала, как что-то в ней ломается и распадается на части. Растворяется в воздухе. Осталось лишь дикое ощущение боли.

Ее спина и шея горели, в то время как остальное тело было мокрым и холодным, как лед. Кожа была липкой от пота.

Гермиона буквально скатилась с кровати, прежде чем её стошнило на пол. Свернувшись калачиком, она дрожала от холода. Весь ее организм будто наполнился свинцом. Она мечтала добраться до ванной. Ее тело было слишком горячим и холодным одновременно.

Гермиону мучила жажда. Она отчаянно нуждалась в воде.

И отчаянно жаждала объятий.

Новая волна одиночества нахлынула на нее так внезапно, что она разрыдалась.

Чувствуя себя слабой и больной, девушка снова ощущала себя ребенком, безысходно нуждающимся в заботе, ждущим, когда мама прижмет ладонь к горячему лбу. Просто чтобы почувствовать облегчение.

Гермиона даже не могла воскресить в памяти мамино лицо, но все равно скучала по ней. Она помнила, как лежала в кровати во время болезни, и прохладные пальцы скользили по ее лицу, смахивая непослушные локоны, и поглаживали щеку.

Когда тошнота немного отступила, Гермиона с трудом дотащилась до ванной комнаты. Выпив несколько стаканов воды, она набрала теплую ванну.

Казалось, что девушка переживала простуду одновременно с жутким похмельем. Возможно, так себя чувствовали люди при ломке. Насколько она помнила, у нее никогда не было наркотической зависимости.

Конечно же, Малфой не предупредил ее, что после окончания действия зелья она будет ощущать себя живым мертвецом. Гермиона мысленно проклинала его, надеясь, что он сможет это почувствовать.

Ей хотелось утопиться в ванной.

Когда она вернулась в комнату, пол уже был чистым.

Гермиона все еще неважно себя чувствовала. Она стянула с кровати одеяла и, накрывшись ими, прижалась щекой к оконному стеклу.

Она еле передвигалась по комнате весь день, и, очевидно, Малфой догадывался об этом, потому что так и не появился, чтобы вывести ее на прогулку. На следующий день он пришел и, не говоря ни слова, проводил ее на веранду, игнорируя полный ненависти взгляд Гермионы.

Она заметила, что зелье каким-то образом помогло ей привыкнуть к окрестностям поместья. Ей удалось спуститься по ступенькам веранды и не поддаться панике. Гермиона с трудом дышала, ее бросало в дрожь, но в этот раз страх не накрывал ее с головой. Труднее всего было пройти по гравийной дорожке к лабиринту из живой изгороди. Но, как только она оказалась среди зарослей тиса и могла касаться руками листьев, сфокусировав внимание на петляющих тропинках, ей стало намного легче дышать.

Когда Гермиона вернулась на веранду, Малфоя уже не было. Очевидно, он был рад, что избавился от необходимости присматривать за ней или прогуливаться вместе.

Порция зелья снова появилась на ее тумбочке на следующее утро. Гермиона провела несколько часов, решая, выпить ли его снова. Она чувствовала тошноту при одной мысли о том, что может ждать ее на следующий день после приема снадобья. В конце концов, стиснув зубы, девушка решила проглотить его.

Она кралась по коридорам замка, словно призрак, исследуя главное крыло. Гермиона постоянно прислушивалась, не было ли вдалеке звука каблуков Астории. С ночи, как та проводила ее в спальню Малфоя, они больше не встречались. Но порой Гермиона видела, как кто-то смотрит на них из окна, когда они с Малфоем гуляли по окрестностям поместья. Ей не хотелось проверять, были ли правдой угрозы Астории, сказанные в самом начале ее пребывания здесь.

В тот день она исследовала большую часть центрального крыла. Гермиона начала думать, что Малфой использовал магию ее крови, чтобы держать большую часть комнат в поместье закрытыми от нее: слишком много дверей оказались запертыми. Он заключил ее в клетку, возведенную из ее собственной крови.

На следующий день она чувствовала себя еще хуже.

Спустя три дня зелье не появилось на ее тумбочке. Гермиона догадывалась о причине и едва смогла заставить себя поесть. Какое-то время она беспокойно расхаживала по комнате, а потом зашла в комнату дальше по коридору и долго сидела под струями душа, пытаясь унять дрожь в теле.

Домовой эльф появился в ее комнате после обеда, чтобы забрать посуду.

— Тебе нужно подготовиться к сегодняшнему вечеру, — сказал он, прежде чем трансгрессировать.

Гермиона сидела в кресле, оцепенев. Она это знала. Но подтверждение ее мыслям все равно заставило ее чувствовать себя еще хуже. Пока у нее был месяц между этими встречами, страх смог немного притупиться. Теперь же ей казалось, что все ее органы связали в настолько тугой узел, что вскоре что-то внутри нее разорвется на куски. Грудь сдавило от ужаса, и Гермиона с трудом заставляла себя делать судорожные вздохи.

Она приняла ванну. Вернувшись в спальню, девушка то и дело бросала взгляд на середину комнаты. Гермиону приводила в ужас одна мысль о том, что Малфой может захотеть разнообразить их встречи.

Ей не хотелось быть изнасилованной каким-то другим способом.

Гермиона почти заплакала от облегчения, когда ровно в 7:30 вечера посреди комнаты появился стол.

Ей захотелось ударить себя. В каком извращенном мире женщина могла мечтать быть изнасилованной в привычной для неё манере?

В течение пяти дней Малфой приходил и уходил, не говоря ни слова. Точно так же, как делал это в предыдущем месяце.

Каждый вечер Гермиона сжимала руками края стола и представляла, что варит успокоительное зелье. У нее было столько времени, чтобы обдумывать детали, что она даже представляла, как можно разложить его на составляющие в обратной последовательности.

Гермиона старалась представить весь процесс настолько реальным, насколько было возможно. Возрождала в памяти запахи и ощущения. Была дотошной к каждой мелочи. Слишком одержимой к деталям.

Она была где-то очень-очень далеко от движений и толчков. От врезавшегося ей в бедра острого края стола. От скользящих движений внутри себя. Гермиона не позволяла сознанию заикнуться на этом.

Ее здесь не было.

Она была занята приготовлением зелья.

Встав на маленький стул-стремянку, девушка снимет с полки оловянный котел. Отточенным взмахом палочки разожжет огонь. Подождет минуту, пока котел разогреется до средней температуры, добавит в него несколько капель яда мухвертки. И будет держать колбу в правой руке, слегка наклонив. Ее нос почти ощутит резкий запах ингредиентов.

Часть яда начнёт испаряться уже после минуты нахождения в разогретом олове. Гермиона соберёт выделившийся пар со стенок котла в склянку, чтобы потом использовать его как местное обезболивающее. Достав из банки часть мозга ленивца, она будет резать его длинным ножом так тонко, что кусочки будут просвечивать. Мозг под ее ладонями покажется мягким и вязким на ощупь. Движения Гермионы будут плавными, а нож в ее руках очень острым. Через минуту она убавит огонь и распределит нарезанные кусочки по дну котла, позволяя смешиваться каплям яда и частичкам мозга, пока они не превратятся в вязкую субстанцию синего оттенка.

Тем временем Гермиона займётся приготовлением дремоносных бобов. Она использует двадцать штук. Раздавит их кинжалом, чтобы из них выделился сок. Чувствуя, как пульсирует ее большой палец от усилий. Гермиона представила, как бобы раскалываются под острием ножа. Добавив их сок, она помешает зелье двенадцать раз по часовой стрелке с помощью специальной указки из серебра и восемь раз — против, палочкой из ясеня. Затем зелье нужно будет доварить на маленьком огне в течение семидесяти трех часов. Такой долгий процесс приготовления требуется, чтобы нейтрализовать усыпляющий эффект сока дремоносных бобов. После этого зелье станет бледно-зелёным. На семьдесят четвертом часу Гермиона добавит щупальца растопырника, экстракт морского

лука, листья валерианы и измельченную скорлупу яиц огневицы. Она доведет эту смесь до кипения, а потом использует охлаждающие чары, остудив почти до замерзания. Зелье приобретёт темно-синий оттенок и водянистую консистенцию. На поверхность снадобья Гермиона капнет сироп чемерицы. Одна капля и десять медленных помешиваний по часовой стрелке, позже — против часовой. Ее рука бы немного устала к тому моменту. Всего тридцать капель сиропа, пока зелье не станет вязким и не начнёт прилипать к ясеновой палочке для помешивания. Затем указкой из серебра она размешает зелье еще три раза, оставит на пять минут на медленном огне, а позже, сняв, даст ему остыть до комнатной температуры без помощи магии. Цвет станет темно-серым, а консистенция тягучей, как сироп. Зелья хватит на двадцать пять порций.

Гермиона варила его в своем воображении каждый вечер. Меняла количество составляющих и способ приготовления. Обдумывала последовательность добавления ингредиентов. Спустя пять дней она решила, что знает рецепт полностью.

На шестой день Гермиона заставила себя выйти на улицу в одиночестве, опасаясь, что Малфой придет и потащит ее насильно.

Девушка решила, что преодоление агорафобии было для нее сейчас на первом месте. Любые другие ее планы относительно Малфоя могли подождать, пока она не будет способна выходить на улицу без страха.

Но глубоко в душе Гермиона понимала, что пытается обмануть себя и попросту избегает Малфоя. Она не могла представить, как заставить его убить ее, если у нее не получалось и слова вымолвить без его разрешения. Что касалось его идеи с соблазнением, то это даже звучало до абсурдности нелепо.

На следующее утро Малфой появился на пороге ее спальни, пригвоздил ее тело к постели и вторгся в воспоминания. Он едва ли сказал ей хоть слово. Когда с легилименцией было покончено, он просто развернулся и вышел из комнаты.

Спустя два дня Гермионе приснился сон, в котором Аластор Грюм стоял напротив нее в крохотной подсобке. Его глаз, как всегда, подозрительно выискивал что-то. Гермиона не могла различить ни слова из их разговора, словно они находились под толщей воды. Грюм настойчиво всматривался в ее лицо, словно ожидая реакции. Гермиона помнила, что была настроена скептически, но решительно. Аластор сказал что-то еще, а она в ответ покачала головой. Он резко кивнул и развернулся к выходу с непроницаемым лицом. Когда Грюм обернулся, в его здоровом глазу читалось сомнение. Он никогда не сомневался. После того, как Аластор ушел, Гермиона еще несколько минут простояла там в одиночестве.

Она не знала, что означал этот сон, и старалась не думать о нем.

Гермиона полностью обошла центральное крыло поместья. Очевидно, портретам запрещалось разговаривать с ней. Они буравили ее взглядом, но ни разу не произнесли ни слова. Девушка гуляла по лабиринту из живой изгороди, пока не почувствовала, что смогла бы пройти по нему с закрытыми глазами. Вся остальная территория снаружи поместья так и оставалась для неё недоступной.

Открытые пространства все еще пугали Гермиону. Она жалась к стенам, когда проходила по слишком широким коридорам и едва могла ступить в бальный зал в центральном крыле.

Целительница Страуд снова появилась в поместье спустя десять дней, чтобы проверить состояние Гермионы. Никакой беременности. Девушка регулярно занималась тренировками в своей комнате, чтобы как-то совладать с раздражением. Страуд была приятно удивлена улучшением ее физического состояния.

На следующий день, когда Гермиона, все еще дрожа от холода, вернулась с прогулки, в ее комнате стоял Малfoy в полном облачении Пожирателя Смерти.

— Уже принарядилась для сегодняшнего свидания, Грязнокровка?

Гермиона уставилась на него, анализируя его одежду. Лицо Малfoя ничего не выражало, когда он подошел ближе.

— Забыла? — спросил он, взгляд его серых глаз полыхал. — Прошло два месяца. Ты не беременна. Темный Лорд жаждет снова увидеть тебя.

Он схватил Гермиону за руку и, прежде чем она смогла отступить, трансгрессировал.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор _knaг.m_ "Ее здесь не было" https://www.instagram.com/p/CKuDUE0B69a/?utm_source=ig_web_copy_link

12.

В зале, где обитал Волдеморт, ощущалась духота и сырость, как в клетке рептилии. Это определенно было подземелье. Стены, которые Гермиона пыталась разглядеть в темноте, были каменными. Никаких окон.

Глубоко под землей.

Воздух был спертым. Несвежим. Полностью сгнившим от постоянного присутствия темной магии.

Гермиона покрылась холодным потом. Малфой продолжал тащить ее вперед, пока она пыталась вырваться. Девушка делала это неосознанно. Каждая клеточка тела кричала ей поскорее отсюда убраться.

Рука Малфоя сжимала ее мертвой хваткой. Гермиона не могла освободиться. Казалось, он почти не замечал, как она извивалась в его руках.

— Повелитель, — сказал Малфой почтительным тоном, поклонившись. — Я доставил Грязнокровку. Как вы и просили.

Его слова были прерваны прерывистым дыханием Гермионы, пока та пыталась подавить панику. Сокрушительная сила внезапно ударила по ней и заставила распластаться на влажном каменном полу. Девушка едва могла дышать под давлением и боролась с ним, чтобы продолжать втягивать воздух, когда ее челюсть была прижата к твердому полу. Звон гремел у нее в ушах.

— О да, — ласково прошипел Волдеморт, — Страуд упоминала, что она еще не вынашивает ребенка.

Гермиона в панике закатила глаза, перед тем как посмотреть вперед. Волдеморт полулежал на большом каменном троне, лениво глядя на нее сверху вниз.

Он махнул рукой, на которой тускло поблескивала чешуя.

— Ближе, — приказал Волдеморт.

Тяжесть, придавившая Гермиону к полу, отпустила ее, когда двое слуг подняли и потащили девушку вверх по ступеням помоста, заставив встать на колени у ног Волдеморта.

Он не опустил к ней. Лишь слегка повернул голову и потер уголок рта. Гермиона зажмурилась, но он все равно проник в ее сознание. Его разум внутри ощущался как раскаленное железо. Он сжигал ее изнутри, причиняя дикую боль. Девушка кричала, пока ее легкие и горло не выдохлись.

Гермиона не осознавала, насколько шок после заключения в камере притуплял агонию от его вторжения. Она не помнила, чтобы было так больно. Или, возможно, Волдеморт мстил ей из-за отсутствия беременности.

С нее будто сдирали кожу.

Она не знала, как долго это продолжалось. Вечно. Гермиона чувствовала, что

должна была умереть несколько раз в процессе.

Волдеморт попытался прорваться сквозь магию вокруг ее заблокированных воспоминаний, но когда он наконец сдался, то принялся терзать ее недавними событиями. Ее прибытие в поместье Малфоев, первый раз, когда Малфой изнасиловал ее в своей комнате. Затем ее второй раз, третий, четвертый, пятый и шестой. Он заставил ее заново пережить все десять случаев, как будто ему было любопытно наблюдать, как Малфой это делал. Ее панические атаки. Ее разговоры с Малфоем. Ее недолгое взаимодействие с Асторией. Ее вопросы, подозрения и планы. Он бесконечно изучал их с чрезмерной жестокостью и любопытством.

Волдеморт уничтожал ее разум, пока девушка не обмякла. Ее мышцы были слишком изношены, не в состоянии даже дрожать.

Наконец он отстранился, и руки, сжимавшие Гермиону, позволили ей упасть на землю.

— Ты знал Грязнокровку еще в школе, — услышала она слова Волдеморта через минуту.

— Так и есть, Повелитель, — сказал Малфой с легкой насмешкой. — Одна из любимчиков Поттера.

— Она отчаянно мечтает о твоей смерти. Даже больше, чем о моей, — в голосе Волдеморта звучали нотки веселья.

— Приznak того, что у нее есть представление о том, что реально, — протянул Малфой.

Волдеморт толкнул Гермиону носком ботинка. Девушка продолжала дрожать, зрение периодически исчезало, когда она пыталась сосредоточиться. Все происходящее было как в тумане.

— Она очень умна. Я верю, что ты держишь ее под контролем, Верховный Правитель.

— Конечно, Повелитель. Вы же знаете, я преуспею во всем, что вы мне поручите.

— Действительно, — сказал Волдеморт. — Прошло много времени с тех пор, как ты по-настоящему меня разочаровывал.

— Я дал вам клятву, Повелитель.

— Ты знаешь, что она опасна, — сказал Волдеморт, и Гермиона почувствовала, как магия внезапно поднимает ее с пола. Девушка висела, пока он смотрел на нее, и его лицо исказилось от отвращения. — Она выжидает время, чтобы найти слабое место и воспользоваться этим.

— Вы надежно ее заточили. И знаете, что я не подведу вас, — уважительно сказал Малфой.

— Я хочу, чтобы она забеременела, — сказал Волдеморт с сильным шипением. Затем, будто это было запоздалой мыслью, он добавил: — Меня беспокоит, что у

рода Малфоев нет наследника.

— Конечно, Повелитель, мы с Асторией тщательно следуем всем инструкциям целительницы Страуд, — ответил Малфой.

— Очень хорошо, — сказал Волдеморт, снова потирая уголок рта. — Можешь забирать ее обратно в поместье.

Малфой поклонился и схватил Гермиону за руку, которая висела вдоль туловища. Магия, удерживающая ее, исчезла, и девушка упала на него. Он поморщился от явного отвращения и потащил ее прочь из зала, подальше от затхлого и гнетущего подземелья.

Когда они прошли половину коридора, Малфой толкнул ее к стене, отпуская. Она наполовину сползла вниз и подняла дрожащие руки, чтобы вытереть слезы, застывшие на щеках. Гермиона все еще едва могла видеть сквозь ослепляющую боль в голове.

— Выпей это, — приказал он, сунув ей в руку пузырек с болеутоляющим зельем. — Иначе ты потеряешь сознание, когда я трансгрессирую, и это значительно увеличит время твоего восстановления.

Она проглотила его, совершенно уверенная, что он не собирается ее отравить.

— С тобой такое когда-нибудь случалось? — Гермиона поймала себя на том, что спрашивает, когда боль в ее голове начала ослабевать. Его лицо медленно плыло у неё перед глазами.

Малфой на мгновение задержал на ней взгляд.

— И не раз, — ответил он. — Мое обучение было жестким.

Гермиона кивнула.

— Это случилось после пятого курса? — спросила она, глядя на него снизу вверх. Боль, казалось, немного утихла, когда девушка сосредоточилась на вопросе.

— Да, — отрывисто произнес он.

— Твоя тетя?

— Хм-м, — он протянул в подтверждение, его глаза сузились. Они оба пристально смотрели друг на друга. Малфой был единственным, что она могла видеть.

— Не единственное, чему ты научился тем летом, — заметила Гермиона. Его глаза постепенно расширялись.

— Тебе нужно признание? Мне рассказать тебе обо всем, что я сделал? — спросил он, осторожно растягивая слова. Он придвинулся ближе, чтобы возвышаться над ней.

Гермиона заставила себя не съеживаться перед его взглядом. Она посмотрела ему прямо в глаза. Вопрос сам сорвался с губ, девушка почему-то почувствовала,

что ей жизненно необходимо задать его.

— А ты хочешь? — сказала она.

Малфой уставился на нее, словно обдумывая что-то. Затем его взгляд стал суровым, и он отступил назад.

— Зачем мне говорить с тобой о чем-то, Грязнокровка? — холодно сказал он, схватив ее за руку и потащив по коридору к точке аппарации.

Мозг Гермионы все еще переживал последствия легилименции. Когда Малфой аппарировал обратно в ее комнату, ощущение сдавливания на голове заставило ее вскрикнуть и упасть, как только она переместилась. Ее вырвало.

Он стоял неподвижно, глядя на нее сверху вниз и прогоняя заклинанием беспорядок с пола, пока Гермиона пыталась бороться с бесконечными приступами тошноты.

— Отправляйся в постель. У тебя есть два дня, чтобы прийти в себя, прежде чем я ожидаю, что ты снова будешь ходить, — сказал он, прежде чем уйти.

Она бы впилась в него гневным взглядом, если бы могла прервать навязчивые спазмы своего организма.

Когда ее тело окончательно убедилось, что в желудке не осталось абсолютно ничего, Гермиона забралась в постель и обхватила голову руками.

Она не была уверена, когда прошло два дня. Девушка спала как убитая и не могла с точностью ответить, сколько именно часов или дней прошло, когда она наконец проснулась без мигрени.

Пока Гермиона возилась с завтраком, вошел Малфой.

Девушка угрюмо взглянула на него с кровати.

— С наступающими праздниками, Грязнокровка, — протянул он.

Она посмотрела на него с легким удивлением.

— В качестве рождественского подарка самому себе я решил прекратить еженедельный ритуал замены всех твоих туфель. Их доставят завтра. Пожалуйста, не воспринимай как знак моей привязанности, — сказал Малфой и на мгновение усмехнулся. Затем его лицо похолодело, когда он подошел ближе.

— Прошло уже три дня, а ты не выходила из своей комнаты. Надеюсь, ты не хочешь доставить мне неудобства.

Гермиона чувствовала себя слишком плохо, чтобы бояться Малфоя.

— Я не в состоянии понять, какой сегодня день, — сказала она ровным голосом. — Возможно, календарь для меня станет еще одним твоим подарком самому себе.

Он пристально посмотрел на нее.

— И тебе не пришло в голову просто спросить эльфов? — спросил Малфой через мгновение.

Гермиона уставилась на него, почувствовав, как непрошенные слезы унижения подступают к уголкам ее глаз. Ее рот скривился, пока она боролась с собой, чтобы не зарычать или не заплакать.

— Я не могу говорить, пока меня не спросят, — сухо ответила она.

Малфой замер и молчал на удивление долго. На его лице промелькнуло непонятное выражение, прежде чем он моргнул и слабо рассмеялся.

— А я-то думал, это была какая-то демонстрация твоей программы по защите эльфов, — сказал он с ухмылкой. Его взгляд все еще выглядел слегка замороженным. — Я пришлю эльфа позже, чтобы проверить, сможешь ли ты говорить, если он начнёт разговор.

Малфой развернулся и вышел, не сказав больше ни слова.

Когда Гермиона закончила ковыряться в тарелке, в ее комнате появилась домовая эльфийка, чтобы забрать посуду.

— Хозяин хочет знать, не нужно ли тебе ещё чего-то, — сказала та, избегая взгляда девушки.

— Календарь с указанием даты, если это возможно. И... книгу, любую.

Эльфийка выглядела смущенной.

— Я могу принести календарь. Но хозяйка сказала, что Грязнокровка не должна пачкать книги Малфоев и заколдовала их, чтобы они жгли твою грязную кровь.

Гермиона отвела взгляд, и ее грудь сжалась. Она прикусила губу, чтобы та не дрожала. Конечно, Малфой или Астория сделают что-нибудь злобное, например, специально запретят ей читать.

— Тогда больше ничего не нужно, — тихо сказала она.

— Ты могла бы взять «Ежедневный пророк», если хочешь, — предложила эльфийка.

— Это... было бы неплохо, — сказала Гермиона, не желая обнадеживать себя.

— Грязнокровка желает чего-нибудь еще?

Рот Гермионы дернулся. Она чуть не попросила называть ее Гермионой. Никто не называл ее Гермионой с тех пор, как...

Было трудно вспомнить.

Но она не была уверена, что хочет знать, были ли у слуг конкретные инструкции о том, чтобы называть ее именно так. Наверное, были. Намного проще даже не поднимать эту тему.

— Больше ничего не нужно, — сказала Гермiona, глядя в окно.

Эльфийка исчезла.

Когда девушка, дрожа, вернулась с прогулки, на стене появился календарь, а на кровати лежал экземпляр «Ежедневного пророка».

25 декабря. Увидев число на стене, Гермiona застыла на несколько минут.

Номер газеты подтверждал дату. Девушка боялась протянуть руку и дотронуться до неё, почти ожидая, что бумага обожжет ее.

Она нерешительно коснулась газеты кончиком пальца. Ничего не случилось.

Гермiona села и прочитала номер от начала до конца. Смакуя каждое предложение.

Чтение.

Она забыла, каково это. В последний раз, когда девушка читала «Ежедневный пророк», это было слишком поспешно.

Гермiona медленно прочитала газету ещё один раз. А потом еще раз. И еще раз. Каждое слово.

В основном там был мусор. Тонко завуалированная пропаганда. Политические новости были почти неразборчивы в интерпретации авторов «Пророка». Гермiona никогда не находила квиддич интересным, но жадно читала описания игр, так как они, казалось, были единственной точной информацией. Страницы светской хроники все время писали об Астории. Ее имя фигурировало в каждой светской колонке.

Гермiona читала внимательно. Она все ещё искала какие-нибудь закономерности. Или скрытые пароли. На всякий случай.

На следующее утро Гермiona нашла в шкафу среди своих туфель пару сапог. «Подарок» Малфоя. Каждые несколько дней она надевала новую пару хлипких туфель, при ходьбе по снегу несколько раз чуть не обморозив пальцы ног.

Новые сапоги были из драконьей кожи. Когда Гермiona их надела, они идеально ей подошли. Девушка могла сказать, что в них были вплетены чары, чтобы держать ее ноги в идеальной температуре. Она могла пройти в них сотню миль и не получить ни одной мозоли.

Гермiona в замешательстве уставилась на них. Это было слишком.

Как и мантия, которую он ей дал.

Возможно, Малфой даже не знал, где купить обычную обувь. Он просто предположил, что все ботинки должны быть из кожи дракона, с контролем температуры и чарами против изнашиваемости.

Излишнее внимание Малфоя вообще приводило в замешательство. Девушка

смотрела на ботинки еще несколько минут.

Она быстро отбросила эту мысль. Если бы у Астории была комнатная собачка, та, несомненно, была бы снабжена драгоценными камнями на ошейнике.

Гермиона была просто хорошо обутом и одетым домашним суррогатом, предназначенным для траханья за столом несколько дней в месяц.

Малфой, наверное, боялся, что, если она получит обморожение, ему снова придется возиться с ней.

И учитывая, что Гермиона якобы собиралась родить троих детей до того, как покинет поместье, она предположительно должна была прожить тут не менее четырех лет. Возможно, даже около пяти или шести.

Принимая во внимание, насколько спартанской казалась обстановка поместья, Малфой, по-видимому, придерживался строгой философии приобрести что-то «раз и навсегда». Тот факт, что ему пришлось купить ей двадцать пар обуви за два месяца, вероятно, был слишком оскорбительным.

Если бы сапоги были даны Гермионе раньше, она могла бы надеяться использовать их для побега. Но, глядя себе под ноги, девушка не чувствовала ни малейшего проблеска оптимизма.

Хотя будет неплохо, если ее ноги перестанут болеть часами каждый день.

Вещи, за которые Гермиона ощущала благодарность, поистине ужасали.

Эльфийка снова появилась, чтобы забрать ее посуду и спросить, не хочет ли она чего-нибудь.

— Мне позволено оставлять газеты после того, как я их прочитаю? — осторожно спросила Гермиона.

Вопрос был явно не из тех, на которые эльфийка была готова ответить. Она переминалась с ноги на ногу и, казалось, размышляла.

— Топси надо подумать. Обычно мы выкидываем их после прочтения, — сказала эльфийка через несколько минут. — Зачем Грязнокровке они нужны?

Гермиона пожала плечами.

— Здесь нечем заняться. Будет неплохо иметь бумагу, которую я могла бы использовать. Я предполагаю, что мне откажут, если я попрошу клубок ниток или пряжи.

Эльфийка кивнула, подтверждая ее догадку.

— Топси должна содержать эту комнату в чистоте. Но Грязнокровка может использовать бумагу, пока не придет следующая газета, — сказала эльфийка.

— Справедливо, — согласилась Гермиона. Как будто у неё было право выбора в этом вопросе.

Девушка прочитала дневную газету двенадцать раз, прежде чем разорвать ее на аккуратные квадратики. Предыдущую ночь она провела, перебирая список вещей, которые, по ее мнению, могли ей позволить иметь. Гермиона предполагала, что у нее не может быть вязальных спиц. Запрет пряжи оставался загадкой, хотя, возможно, Малфой волновался, что она сможет удушить себя или повеситься... если сможет избавиться от пристального наблюдения портрета... Версия, конечно, была сомнительной.

Возможно, ей удастся повеситься снаружи. Придётся повнимательнее присмотреться к деревьям в поместье... она отбросила подобные планы, чтобы отложить их на потом.

Гермиона не думала больше о самоубийстве. Она не думала о причине, по которой ее голова все еще пульсировала, и том ущербе, который Волдеморт нанес ее разуму. Она не думала об этой боли. Или о том, что ее руки снова начали трястись. Или о том, как Волдеморт заставил ее снова пережить изнасилования. Воспоминания, казалось, травмировали ее даже больше, чем сам момент, когда это произошло. Она не думала о том, что никогда не сможет сбежать.

Девушка не думала ни о чем и рвала «Ежедневный пророк» так настойчиво, как только позволяли ее судорожные пальцы.

Вот и все.

Это было единственное, что ее занимало.

Сделав несколько идеальных квадратов, она принялась складывать их. Гермиона делала оригами в форме журавлей.

Девушка не могла точно вспомнить, где научилась их делать. Эта способность ровно складывать бумагу в определенном порядке, который она не знала, возможно, осталась на уровне мышечной памяти.

Отец? Это он ее научил?

Кто-то с ловкими и точными пальцами. За кухонным столом, сидя с ней рядом.

— Если сложишь тысячу журавликов за год, то твоё желание исполнится, — произнес мужской голос.

— Нет, ты получишь удачу и счастье, — раздался женский голос из соседней комнаты.

— Это одно и то же.

— Не совсем. Желание предполагает, что человек знает, что для него лучше. Удача и счастье оставляет его на волю судьбы, чтобы привести позже в нужное место. Я бы предпочла, чтобы мне подарили удачу и счастье, а не одно желание.

— Ладно, Конфуций. Буду полагаться на твоё компетентное понимание мистики.

— Я знаю, ты нарочно пытаешься спровоцировать меня. Слияние конфуцианства и японской мифологии — это оскорбление перед всеми богами педагогики. Я не

позволю тебе забивать голову нашей дочери подобной дезинформацией.

— Может быть, я делаю это, чтобы развить ее критическое мышление... Ладно, я искренне извиняюсь за то, как ужасно она теперь будет воспитана. Я возьму на себя всю ответственность, когда она будет изгнана из гражданского общества и вынуждена будет скитаться по земле в качестве кочевника. В будущем я обязательно буду ссылаться на все проверенные первоисточники, когда что-то ей объясняю.

— Да, спасибо. Было бы чудесно.

— Проблема с женитьбой на ком-то, кто никогда не надоедает тебе, заключается в том, что эта женщина даже не может оставить мужчину в покое, чтобы он смог научить дочь своему любимому занятию. Сейчас я наконец покажу тебе, как сделать оригами. Твоя мать не знает ничего о том, что я тебе расскажу. А я только что прочитал статью астрофизика, который предлагает использовать эту технику оригами для хранения больших мембран на спутниках.

Гермиона складывала оригами-журавлей, пока кончики пальцев не начали болеть. Затем она разложила их на полу так, чтобы они стояли, расправив крылья.

Газета не была идеальным материалом для оригами, но это приятно — заниматься хоть чем-то. У Гермионы так давно не было никаких дел.

Жаль, что японская мифология не была настоящей магией. Она бы сложила сто тысяч журавлей, если бы это принесло ей немного удачи.

Девушка собрала фигурки и расправила их все, оставив в аккуратной кучке эльфу для уборки.

Интересно, какими были ее родители? Какая у них была работа?

Она надеялась, что ее неспособность вспомнить их означала, что они где-то в безопасности. Что она смогла защитить их до начала войны.

Гермиона надеялась, что они никогда не узнают, что с ней стало.

Примечание к части

Арты к главе.

Автор flyora.art "Тысяча бумажных журавлей"

https://www.instagram.com/p/CAvBXtOA31n/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор lyrium_mysterium [https://lyrium-](https://lyrium-mysterium.tumblr.com/post/641797230442037248/manacledhermione-with-a-lil-paper-crane)

[mysterium.tumblr.com/post/641797230442037248/manacledhermione-with-a-lil-paper-crane](https://lyrium-mysterium.tumblr.com/post/641797230442037248/manacledhermione-with-a-lil-paper-crane)

13.

Пять дней спустя Гермиона сидела на полу у окна, складывая, по ее подсчетам, двести тридцать шестого бумажного журавля, когда дверь открылась, и в неё заглянул молодой человек. Его глаза скользнули по комнате. Заметив Гермиону, парень вошел и быстро закрыл за собой дверь.

Выражение его лица изменилось, когда он пристально посмотрел на нее.

Молодой человек, казалось, торопился.

Он был крепко сложен, с темными волосами и угловатым лицом. На нем была строгая темно-синяя парадная мантия. Лицо покрывала густая щетина.

Инстинктивная реакция Гермионы при виде гостя была полнейшим ужасом.

Девушка застыла, словно окаменев, и уставилась на него.

Бежать было некуда. Она даже не могла закричать.

Гермионе никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день в ее комнату может войти незнакомец.

Подойдя ближе, он немного помедлил, заметив выражение ее лица.

— Ты меня не помнишь, — удивленно сказал тот. В этих словах, казалось, был намек на обиду.

Гермиона в отчаянии смотрела на него, пытаясь угадать, кто он такой. Он казался ей смутно знакомым. Может быть, со школы? Кто-то, кого она отдалённо знала.

Парень продолжал осторожно приближаться. Он был уже на полпути к ней, и руки Гермионы начали судорожно сжиматься, пока девушка пыталась придумать, что делать. Если она захочет убежать, ей придется двигаться быстрее, иначе незнакомец просто прикажет ей остановиться. Возможно, если она заткнет уши... но он может успеть оглушить ее.

Гермиона не сможет...

Он был всего в нескольких футах от неё, и выражение его лица становилось все более торжествующим.

Внезапно раздался резкий треск, и рядом с ней из воздуха возник Малфой. Гермиона вздрогнула и дёрнулась к нему — подальше от приближающегося незнакомца.

Напряженное, торжествующее выражение на лице молодого человека резко сменилось безразличием при виде Малфоя. Остановившись, он выпрямился и снова оглядел комнату.

— Заблудился, Монтегю? — холодно спросил Малфой, слегка встав перед Гермионой.

Монтегю пожал плечами.

— Просто проходил мимо, — ответил он. — Мне стало любопытно, когда я увидел эту комнату. Здесь у тебя слишком много оберегов, Малфой.

Взгляд Гермионы метнулся к стенам. Защитные чары? Она никогда этого не замечала. Было трудно обнаружить определенные типы оберегов без палочки или магии.

— Темный Лорд доверил ее мне с конкретными инструкциями относительно ее пребывания. Всегда полезно знать, когда кто-то вторгается на чужую территорию, — ответил Малфой. Его тон был совершенно ледяным.

Монтегю рассмеялся.

— Ей не разрешено принимать посетителей?

— Нет, — сказал Малфой, отходя от Гермионы, бросив на нее самый небрежный взгляд. — Но если тебе было так любопытно, мог бы спросить у меня. Уже почти полночь. Вероятно, нам стоит вернуться на вечеринку. Уверен, что Астория уже ищет нас.

Малфой пересек комнату, ожидая, что Монтегю последует за ним. Тот, казалось, намеренно не спешил.

Монтегю неторопливо провел взглядом по комнате, а затем снова посмотрел на Гермиону. Напряженность вернулась в его глаза, когда он смотрел на нее сверху вниз, а Малфой стоял позади него.

Его взгляд. Было что-то, что он пытался донести до нее.

Затем он повернулся и последовал за Малфоем.

Гермиона несколько минут смотрела на закрывшуюся за ними дверь.

Монтегю.

Грэхэм Монтегю?

Он состоял в отряде Амбридж. И был капитаном слизеринской команды по квиддичу. Фред и Джордж засунули его в исчезающий шкаф на пятом курсе.

Гермиона едва помнила его. Они никогда не пересекались в школе.

Когда она успела узнать его настолько, что он ожидал ее реакции на его появление?

Девушка отложила в сторону листок бумаги, который она продолжала мять дрожащими пальцами.

Малфои устраивали в поместье новогоднюю вечеринку. Она и понятия не имела, если бы не появились Монтегю и Малфой.

Гермиона встала и в нерешительности направилась к двери. Она хотела увидеть людей своими глазами, но эта мысль сводила ее с ума от страха.

Если кто-нибудь узнает ее, то сможет сделать с ней все, что захочет, если только Малфой не появится и не остановит это. Внезапное инстинктивное облегчение, вызванное его появлением, выбивало ее из колеи гораздо сильнее, чем хотелось бы.

Знакомый дьявол был лучше, чем дьявол, которого ты не знаешь.

Гермиона постояла у двери несколько минут, прежде чем нерешительно открыть ее. Она прокралась по коридору и проскользнула в один из заброшенных коридоров для слуг, направляясь к главному крылу дома.

Постепенно до ее ушей стали долетать звуки струнного квартета, сопровождаемые гулом разговоров. Девушка остановилась и прислушалась.

Музыка.

Гермиона уже много лет не слышала музыки.

Она прислонилась к стене, чтобы впитать это ощущение. Закрыв глаза и дыша в такт струнам.

Она уже забыла, каково это — слышать музыку.

Через пятнадцать минут Гермиона опомнилась и продолжила свой путь. Она приоткрыла дверь и заглянула в темный коридор, чтобы проверить, был ли там кто-то. Девушка уже собиралась войти, когда услышала шорох ткани и женский смех. Гермиона резко отступила назад, увидев, как Астория выскочила из-за угла, схватившись за чье-то запястье. Мужское запястье, явно не принадлежащее Малфою.

Гермиона не могла ясно видеть в темноте, но телосложение мужчины было неправильным. Шире и ниже. Недостаточно бледным. Ее спутник не был блондином.

Астория прислонилась спиной к стене, и мужчина приблизился к ней, пока образ ведьмы не скрылся из поля зрения девушки. Глаза Гермионы расширились, когда хихиканье сменилось хрипыми вздохами.

Она изменяла мужу... хотя это не было удивительно... Гермиона просто не ожидала, что станет невольной свидетельницей этого события.

Внезапно в темноте мелькнули две стройные молочно-белые ноги, и в момент, когда они обернулись вокруг бедер мужчины, звуки вздохов сменились страстными стонами.

Гермиона почувствовала себя странно очарованной, пока ужасная мысль не пришла ей в голову...

Малфой найдет это в ее памяти.

Она резко отступила назад и бесшумно побежала вверх по лестнице. Девушка

знала ещё один маршрут в сторону бального зала.

Гермиона довольно хорошо ориентировалась в большей части поместья. Если на ее пути были стены в качестве опоры, она могла пройти почти куда угодно без приступов паники.

На третьем этаже располагалась узкая извилистая маленькая лестница, которая вела к балконной ложе над бальным залом. Гермиона предположила, что вечеринка проходила именно в нем.

Она надеялась пойти куда-нибудь, где можно было бы подслушать разговор, но в ее план вмешалась интрижка Астории в коридоре. Гермиона попыталась проанализировать увиденное. Сам по себе поступок не был удивительным, но неосторожность казалась чрезмерной. Изменять мужу в коридоре, заполненном портретами его семьи. Даже если это был фиктивный брак, такая откровенность казалась крайне грубой.

Гермиона проскользнула в балконную ложу, опустилась на колени и взглянула сквозь перила вниз. Бальный зал был заполнен людьми, одетыми в свои самые роскошные наряды. Комната была великолепна в своем убранстве. Сверкающая. Люстры украсили волшебными гирляндами, а в центре комнаты соорудили башню из фужеров шампанского высотой не менее шести футов — шампанское стекало вниз бесконечным волшебным фонтаном.

Эта вечеринка предназначалась для светской хроники. Несколько фотографов делали снимки для утренней газеты.

Гермиона увидела Пия Толстоватого и еще нескольких важных персон из Министерства. Там были десятки Пожирателей Смерти, которых она узнала.

Бледная вспышка волос привлекла внимание Гермионы, и девушка заметила, что Малфой был занят разговором с Долорес Амбридж. Надзирательница нарядилась в темно-розовую парадную мантию с глубоким вырезом и кулоном, внушительно выделяющимся на груди.

Амбридж улыбалась и трогала Малфоя за руку, в то время как его взгляд оставался каменным. Его глаза исподтишка скользили вниз по ее груди, в его взгляде читалась смесь любопытства и беспокойства.

Прежде чем Гермиона успела обдумать происходящее, ее внимание привлекла алая фигура. Она не поверила своим глазам. На вечеринке была суррогатная мать.

Глаза Гермионы пробежались по комнате, и она поняла, что их там было девять.

Девушка изумленно уставилась на них. Она не смогла никого узнать. Все суррогаты были в шляпах и следовали за волшебниками, словно тени. Их головы были опущены вниз, а плечи покорно поникли.

Некоторые из волшебников, которых они сопровождали, были Пожирателями Смерти. Гермиона узнала Амикуса Кэрроу, Мальсибера и Эйвери. Остальные волшебники были моложе. Она подумала, что один из них — Адриан Пьюси, а другой — Маркус Флинт.

Гермиона поняла, что суррогаты использовались как символы статуса. Демонстрация важности родословной их владельцев.

Грудь Гермионы сжалась, а лицо исказилось, когда она наблюдала за этим вживую.

Женщины не подходили друг к другу близко. По-видимому, им было приказано не перемещаться без команды по залу. Но, когда они проходили мимо друг друга, Гермиона видела, как их руки на мгновение соприкасались. Чтобы передать сообщение или просто для утешения — девушка не могла точно рассмотреть из-за расстояния.

Гермиона думала, что всех суррогатных матерей держат взаперти в поместьях, как и ее саму. Очевидно, это было ошибочное предположение.

Исключением была только Гермиона. Последний член Ордена. С потерянными воспоминаниями. Наручниками, связанными кровной магией. В собственности у Верховного Правителя. Под личным контролем самого Волдеморта.

Возможно, другим девушкам даже разрешалось выходить за пределы поместья в одиночку. На самом деле, учитывая, что их можно было отследить, не было никаких причин, по которым они не могли этого сделать.

Возможно, Гермионе тоже технически было позволено сделать это. Хотя почему-то она в этом сомневалась. Если ей было запрещено принимать гостей, то Малфой вряд ли позволит ей покинуть поместье.

— Минута до полуночи! — весело крикнула ведьма со звучным голосом, прервав размышления Гермионы. — Найдите вашу пару для новогоднего поцелуя!

Астория вернулась в комнату. Ее мантия слегка развевалась, а выражение лица было невинным, но в ней чувствовалась легкая растерянность, которая казалась Гермионе очевидной. Ее губная помада была слегка размазана. Не слишком явно, но достаточно, чтобы заметить, что форма ее рта была небрежно очерчена. Выражение ее лица было самодовольным.

Гермиона наблюдала, как Астория подошла к Малфой. Ее нахальство сменилось выражением нежности, когда она подошла ближе, но в глазах ведьмы мелькнуло что-то еще.

Малфой внимательно посмотрел на неё, его взгляд даже не дрогнул. Гермиона не могла хорошо разглядеть лицо Астории.

— Десять! Девять! Восемь! Семь! — зал начал скандировать обратный отсчет до Нового года.

Когда цифры закончились, Малфой протянул руку вперед безо всякого выражения на лице и провел большим пальцем по губам Астории.

На нулевой отметке он наклонился и прижался губами к губам Астории. Зал взорвался волшебным фейерверком, криками и звоном посуды, когда люди произносили тосты.

Губы Малфоя оставались прижатыми к губам Астории, но, целуя жену, он поднял

взгляд, смотря поверх ее головы. Его холодные серые глаза остановились на лице Гермiony.

Она забыла, как дышать.

Гермиона смотрела на него в ответ. Не в силах отвести взгляда.

Ее желудок резко дернулся. Сердце начало колотиться, пока она не услышала звон в ушах. Вздвогнув, девушка почувствовала, что должна отодвинуться подальше, но оказалась в ловушке, словно холодное серебро его взгляда продолжало удерживать ее.

Он продолжал смотреть на нее, пока Астория не прервала поцелуй и не отвернулась. Затем его глаза опустились, и фальшивая аристократическая улыбка искривила его губы, когда Малфой оглядел комнату, хлопая без энтузиазма в течение нескольких секунд, прежде чем схватить бокал шампанского с плавающего подноса.

Он залпом выпил его, как будто это была жидкость для полоскания рта.

Гермиона откинулась назад и прижала руки к груди, желая, чтобы сердце перестало так бешено колотиться.

Вечеринка продолжалась несколько часов. Гермiony внимательно наблюдала за социальными взаимодействиями. Ища признаки напряженности и альянсов. Пытаясь определить социальный порядок, который существовал, чтобы понять, что было упущено «Ежедневным Пророком».

Она заметила, что Грэхэм Монтегю смешался с толпой, и некоторое время наблюдала за ним, пытаясь понять, нет ли в нем чего-нибудь знакомого. Он казался ей совершенно чужим.

Малфой невозможно было смешаться с кем-либо. Он стоял и позволял другим людям разговаривать с собой. Для Гермiony становилось все более очевидным, кто из людей знал, что он — Верховный Правитель, а кто нет. В том, как юные Пожиратели Смерти приближались к нему, было что-то вроде почтения и деликатности. Пожиратели Смерти постарше, такие, как Мальсибер, Нотт-Старший и Якли, относились к нему со смесью уважения и негодования.

В то время как другие присутствующие, возможно, не осознавали, почему Малфой был так тесно окружён Пожирателями Смерти. Внимание к нему распространялось по комнате, точно верховой огонь. Комната была ориентирована вокруг Малфоя таким образом, что это начинало нервировать.

Малфой играл свою роль доброжелательного хозяина. Холодность и ощущение опасности его персоны были неоспоримы, но он сменил их на аристократическую вежливость. Жесткое непреклонное выражение, которое он носил рядом с ней, отсутствовало. Он со снисходительным видом ухмылялся и занимался бесконечным потоком светской беседы с каждым, кто приближался. Но Гермione, неспособной разобрать его слова и просто наблюдающей за ним, он казался холодным и скучающим.

Было почти четыре часа утра, когда разошлись последние гости.

Гермиона осторожно возвращалась в свою комнату. Она не хотела снова столкнуться с Асторией или с какими-нибудь отставшими гостями. Добравшись до коридора, ведущего в ее комнату, девушка выглянула из-за угла и обнаружила там Малфоя.

Он оглянулся и сразу же увидел ее.

— Повеселилась? — спросил он.

Гермиона колебалась несколько секунд, прежде чем завернуть за угол и, пожав плечами, направилась к нему.

— Было интереснее наблюдать вживую, чем постоянно читать о подобном в газете, — ответила она.

Малфой фыркнул.

— Слова, которые я никогда не ожидал услышать от тебя, — сказал он. Затем он уставился на нее, прищурившись. — Почему Монтегю интересуется тобой? — осведомился он, выгнув бровь.

Гермиона взглянула на него.

Она удивилась, что он спрашивает. Девушка поняла, что у Малфоя есть график для изучения ее воспоминаний. Примерно каждые десять дней. Он пропустил последний сеанс и оставил его Волдеморту. Если бы Малфой захотел правдивую информацию, то мог бы просто подождать.

— Не представляю, — ответила она. — Я едва знала его в школе.

В глазах Малфоя расцвело любопытство.

— Неужели? Как интригующе, — сказал он задумчиво. — Ты полна сюрпризов.

Гермиона закатила глаза.

— Говоришь эту фразу каждой девушке? — сказала она саркастически-сладким тоном.

Он пристально посмотрел на нее и усмехнулся.

— Отправляйся спать, Грязнокровка.

Несмотря на формулировку, это не было похоже на команду. Гермиона еще мгновение смотрела на него, прежде чем войти в свою комнату.

Он все еще стоял в коридоре, когда она закрыла дверь.

На обложке утренней газеты была фотография Малфоя и Астории. Там был запечатлен момент, когда Малфой потянулся вперед и провел большим пальцем по губам Астории, прежде чем наклонился, чтобы поцеловать ее, а позади них взорвались фейерверки и ленты.

Это выглядело мило, романтично и интимно.

На следующей странице была фотография Верховного Правителя, убившего несколько человек во Франции. Одна девушка показалась ей смутно знакомой. Гермиона подумала, что она могла посетить Хогвартс во время Турнира Трех Волшебников.

Гермиона не знала, что Малфой уезжал из страны в начале недели.

Девушка сложила фотографию Малфоя и Астории в оригами, позабавившись тем, что заставила их отскочить, а затем врезаться друг в друга.

Она разорвала фотографию Верховного Правителя на мелкие полоски и переплела их между собой.

«В другой жизни, — подумала она, — я могла бы заниматься украшением выпечки».

Затем Гермиона встала и приступила к упражнениям.

Девушка становилась до смешного подтянутой, что было удовлетворительным, хотя, в основном, бессмысленным чувством. На самом деле не имело значения, сколько ударов она сможет нанести, если не может действительно ударить кулаком в лицо Малфоя. Не было особого смысла в выносливости, ведь у нее чуть не каждый раз случался приступ паники, когда Гермиона убирала руку от тисовой изгороди или пыталась двигаться со скоростью, которая не была опасно быстрой.

Малфой появился ближе к вечеру, чтобы просмотреть ее воспоминания. Похоже, он не нашел в них ничего особенно интересного. Он даже не отреагировал, когда увидел момент, где Астория трахалась с кем-то в коридоре. Портреты, вероятно, уже сообщили ему об этом. Закончив с ее воспоминаниями, он встал.

Гермиона пересилила головную боль и села, глядя на него.

— Завтра я пришлю последний пузырек с зельем, — сказал он.

Девушка кивнула. Малфой больше ничего не сказал и развернулся, чтобы уйти.

В тот вечер Гермиона тщательно продумала план на следующий день. Если это действительно была ее последняя доза зелья, то было много вещей, которые она хотела попробовать, прежде чем эффект исчезнет.

На следующее утро девушка не стала задерживаться, чтобы прочесть газету. Она залпом выпила зелье прежде, чем успела заколебаться или испугаться его побочных эффектов. Затем Гермиона направилась к двери с холодной решимостью.

Ее первым пунктом плана было южное крыло поместья. Единственная часть дома, которая до сих пор оставалась не исследованной. Гермиона начала с самых верхних этажей, постепенно спускаясь вниз.

Добравшись до первого этажа, она почувствовала, как воздух изменился, став более густым и холодным. Даже сквозь смягчающее действие зелья девушка ощущала какое-то воздействие. Волосы на затылке встали дыбом, а тело

покрылось холодным потом.

Темная магия.

Воздух настолько сильно был ею пропитан, что, казалось, Гермиона могла почувствовать ее на вкус.

Девушка замерла на лестнице на несколько минут, размышляя.

Инстинкты настойчиво кричали ей развернуться и уйти. Но они были нейтрализованы зельем.

А вот её любопытство — нет.

Она спустилась на последние несколько ступенек и двинулась туда, куда вели ощущения. Дверь была приоткрыта. Гермиона заглянула внутрь. Это была большая гостиная. Совершенно пустая. Ни одного предмета мебели. Никаких штор. Никаких портретов на стенах. Даже обои, казалось, были содраны.

В центре помещения не было ничего, кроме большой клетки.

Темная магия, пропитавшая комнату, казалось, больше всего сосредоточивалась вокруг нее.

Гермиона медленно вошла и приблизилась к клетке.

В этой комнате гибли люди. Медленно. В муках.

Мозг Гермионы автоматически начал составлять список темных ритуалов, которые обеспечивали такое длительное присутствие губительной магии.

Вероятно, эта магия даже затронула родовую магию поместья.

Подойдя ближе, Гермиона обнаружила, что клетка была встроена в пол. Её в буквальном смысле невозможно было убрать, если только не разрушить фундамент поместья, но, вероятно, и этого могло оказаться недостаточно.

Просто стоя рядом, она ощущала во рту привкус меди, похожий на вкус крови.

Девушка внимательно осмотрела клетку.

Та была на дюйм ниже ее. Вероятно, ровно пять футов в высоту и около трех футов в ширину. Достаточно высокая, чтобы держать там человека или нескольких.

Гермионе стало интересно, сколько людей в ней побывало.

Какой-то шум испугал ее. Она обернулась и увидела, что Малfoy стоит в дверях и смотрит на нее с раздражением, граничащим с яростью.

— Конечно, у тебя не хватило мозгов держаться подальше отсюда, — произнёс он твердым голосом, направляясь к Гермионе.

14.

Гермиона безразлично взглянула на Малфоя. Даже без воздействия зелья, ее едва ли встревожило бы его появление. Девушка не отводила глаз, наблюдая, как он приближается. Она знала, что Малфоем было запрещено вредить ей, да и он сам не испытывал особого желания причинять ей боль. Даже в те моменты, когда бесцеремонно вторглся в сознание Гермионы.

Страуд, скорее всего, объяснила Малфоем, что ее стабильное психическое состояние имело большое значение.

— И многих вы держите в клетках? — спросила Гермиона.

Малфой прожигал ее взглядом. Его лицо было слегка бледным, а глаза потемнели от едва контролируемой злости. Девушка чувствовала, как эта ярость сгущается вокруг него.

Гермионе пришло в голову, что если она хочет, чтобы он убил ее, то сейчас настал идеальный момент. Малфой был окружен разрушающей темной магией. Девушка чувствовала, как эта ядовитая сила проникает сквозь ее поры. Любой волшебник может впасть в экстаз, колдуя здесь.

Губы Малфоя сложились в жесткую линию, а челюсти напряглись. Так много эмоций скрывалось за его притворной холодностью. Ярость пряталась под напускным спокойствием.

Эта комната явно сильно влияла на него. Гермиона чувствовала, что ей стоит лишь немного разозлить его, и он взорвется. Она раздумывала, как именно его подтолкнуть.

Вдруг Малфой усмехнулся.

— Пленница здесь только ты, Грязнокровка, — сказал он. Его лицо вновь стало непроницаемым, словно ему удалось справиться с гневом, — разве ты не заметила?

Гермиона в раздражении поджала губы. Малфой осмотрел комнату напряженным взглядом, но, повернувшись к ней, снова ухмыльнулся.

— Эта часть замка принадлежит моему отцу, — добавил он.

Гермиона стала судорожно оглядываться по сторонам, словно Люциус Малфой мог появиться здесь в любую секунду, взирая на нее своим безумным взглядом. Со временем он стал таким же сумасшедшим, как и покойная Беллатриса.

— Но, к твоему счастью, — продолжил Малфой, — он за границей с тех пор, как закончилась война. Я, конечно, надеюсь, что отец не станет мучить и пытаться тебя проклятиями, если вдруг ваши пути пересекутся. Но если бы я делал ставки, то не уверен, что поставил бы на его примерное поведение. Так что советую больше не соваться сюда. Или хочешь еще раз оглядеться тут? Чтобы быть точно уверенной, что не упустила ничего, идеально подошедшего бы для моего убийства?

Сказав это, он жестом указал на дверь комнаты, и Гермиона вышла. Она чувствовала его шаги позади себя и слышала, как Малфой плотно закрыл дверь. Стоило только раздаться щелчку замка, как девушка ощутила пульсацию магии, и что-то темное и тяжелое испарилось из окружавшего их воздуха. Дверь была запечатана Охранными чарами. Гермиона осознала, что это была одна из бесчисленных комнат, вход в которые был ей запрещен. Она задумалась, были ли остальные покои в поместье такими же насквозь пропитанными темной, неправильной магией.

— Астория не говорила, что есть места, куда мне нельзя ходить. Я подумала, что могу гулять по всему поместью, — сказала Гермиона.

— Уверен, она будет в восторге, если для тебя все закончится плохо. Даже не учитывая того, что одно твое существование здесь для нее оскорбительно, твоя кончина может подписать смертный приговор и мне. Тогда Астория станет состоятельной вдовой и сможет продолжать крутить свои интрижки на стороне еще более беззастенчиво, чем сейчас, — ответил Малфой безразличным тоном.

Гермиона подняла на него взгляд.

— И тебе все равно?

Он холодно посмотрел на Гермиону.

— Мне было велено жениться на Астории, поэтому я женился. Но никто не приказывал мне интересоваться ею.

— Похоже, твои оковы не легче моих, — колко подметила девушка.

Малфой резко остановился посреди коридора и медленно повернулся к ней, вскидывая бровь. Он всматривался в ее лицо несколько секунд, и Гермионе ничего не оставалось, как сверлить его взглядом в ответ.

— Пытаешься спровоцировать меня или же переметнуть на свою сторону, Грязнокровка? Слишком смело с твоей стороны.

Гермиона изучала его лицо пару мгновений, прежде чем приподнять бровь в ответ.

— Ты и сам считаешь так же. Иначе сейчас чувствовал бы себя оскорбленным моими словами.

Малфой продолжал всматриваться в ее лицо, пока через несколько секунд на его губах не заиграла слабая улыбка.

— Знаешь, ты почти напомнила мне сейчас прежнюю гриффиндорку.

— Я никогда не прекращала быть гриффиндоркой, — ответила она.

Его глаза засветились непонятной эмоцией.

— Это правда. Полагаю, ты всегда была ею.

Этот момент тянулся бесконечно. Они продолжали смотреть друг на друга.

Гермиона сузила глаза, оценивающе глядя на Малфоя.

Казалось невозможным, что ему было всего двадцать четыре года. Никто в таком юном возрасте не должен смотреть на мир глазами, в глубине которых пряталась подобная ледяная ярость. Гермиона видела много лиц, на которые война наложила свой отпечаток, но Малфой был особенным случаем. Он всегда безупречно держал себя в руках, и только в его глазах бушевал шторм, словно в них таилась глубина и мощь океана.

Сколько людей он убил? Тех, кого знал, и тех, кто был ему незнаком. И это, казалось, вовсе его не беспокоило. Его лицо словно обошли стороной все печали и заботы. Оно было юным и безразличным. Но Гермиона смогла различить отголоски войны в его взгляде. Все смерти, случившиеся от его рук, и те, что он наблюдал со стороны, словно призраки, отражались в серой радужке.

Джинни. Он убил Джинни. Подвесил ее тело под потолком и оставил гнить на виду у всех ее друзей.

И Минерву. Поппи Помфри, женщину, которая стала первым учителем Гермионы по целительству. Невилла — первого друга, который появился у нее в волшебном мире. Грюма.

Малфой убил всех, кто выжил после войны. Стер с лица земли остатки Ордена Феникса.

Даже под действием зелья Гермиона не могла сбежать от ненависти и злости, которые испытывала к нему. Ярость овладела ей не только на уровне чувств, она была словно частью самой девушки. Малфой должен был заплатить за то, что сделал. Даже лишенная эмоций, она знала это.

Гермиона не могла понять, в чем заключалась его выгода от всех этих смертей. Малфой был богат, но было не похоже, что он собирался что-то делать со всеми этими деньгами. Он обладал властью, но был вынужден держать свою личность в тайне. У него не было каких-то очевидных увлечений, кроме чтения и оттачивания мастерства убийства людей. Не похоже, что последнее приносило ему удовольствие.

Его жизнь казалась невероятно сухой и аскетичной. Что же двигало им?

Гермиона собиралась спросить Малфоя напрямую, но, поймав себя на этой мысли, передумала. Ей нужно будет потихоньку выяснить это. Сначала стоило поподробнее разобраться в его мотивах.

Малфой ухмыльнулся, увидев, как она сдерживается от расспросов.

— Составляешь мой психологический портрет? — спросил он.

Девушка изогнула губы в легкой усмешке.

— Да.

— Жду не дождусь, когда смогу его увидеть, — ответил он и повернулся, чтобы продолжить путь.

Гермиона хмыкнула и вперила взглядом в его спину.

Послышался отрывистый стук каблуков, затем из-за поворота внезапно появилась Астория. Увидев Гермиону и Малфоя вместе, она прищурилась и поджала губы.

— Может, теперь пообщаемся все вместе? — спросила Астория елейным тоном.

— Можешь присоединиться к совместной прогулке по поместью, — протянул Малфой, и Астория слегка побледнела. — Дверь одной из комнат в Южном крыле оказалась открытой.

— Скорее всего, домовые эльфы забыли закрыть ее, — ответила девушка натянутым голосом.

— Конечно, — сказал Малфой, усмехаясь, — без сомнения, это дело рук эльфов.

— Я думала, ты занят сегодня, — подметила Астория, резко меняя тему разговора. — Когда я предложила тебе заглянуть позже на благотворительный вечер, ты сказал, что будешь занят весь день. Однако сейчас ты здесь и «прогуливаешься по поместью».

Гермиона слегка отступила назад, все еще оставаясь между Малфоем и его женой. Астория казалась психически нестабильной, и Гермиона не хотела привлекать ее внимание или, еще хуже, навлечь на себя ее гнев. К сожалению, у девушки не было возможности незаметно исчезнуть в разгар их напряженного разговора.

Поэтому она замерла на месте, внимательно наблюдая за разворачивающейся сценой, стараясь оставаться незаметной. Во взаимных намеках Малфоя и его жены сквозила обоюдная неприязнь. Астория источала едва прикрытую злость и почти скалилась, гневно смотря на мужа.

— Темный Лорд довольно отчетливо дал понять, что дела Грязнокровки стоят на первом месте, в сравнении со всем остальным, — сказал Малфой холодно.

Астория ответила ему резким истеричным смешком.

— Не знала, что наследники так важны, — сказала она, бросив взгляд на живот Гермионы.

— Важно то, что имеет значение для Темного Лорда, — ответил Малфой со скучающим лицом. Он даже не смотрел на свою жену. С запозданием девушка заметила, что его взгляд был направлен поверх головы Астории в зеркало на стене, в котором отражались он сам и Гермиона. — Если бы мне приказали разводить флоббер-червей, я бы занимался этим с такой же отдачей.

Гермиона едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

— Не заметила, чтобы кто-то из суррогатных матерей нуждался бы в подобной опеке. Ты даже не подпускаешь к ней никого. словно прячешь, — резко возразила Астория.

Малфой засмеялся. Когда он перевел взгляд на свою жену, в его глазах

мелькнуло злое веселье. Во взгляде Астории скользнула нерешительность, словно она растерялась, когда Малфой наконец обратил на нее свое внимание.

— Я сделал вывод, что ты не хочешь видеть ее рядом с собой, Астория. Я оказался не прав? — тон его голоса был мягким, почти обольстительным, но в нем чувствовался скрытый холод. — Быть может, мне следует выходить в свет с ней? Брать с собой в оперу? Возможно, нам стоит сделать совместное фото втроём на обложку рождественского выпуска «Ежедневного Пророка» в следующем году? Весь мир уже и так в курсе, что она моя. Хочешь, чтобы я демонстрировал это всем снова и снова?

Краска сошла с лица Астории, и она взглянула на Гермиону с неприкрытой ненавистью.

— Мне без разницы, что ты будешь с ней делать, — почти прорычала Астория. Резко развернувшись, ведьма унеслась прочь.

Вместе со стуком каблуков из воздуха словно испарилась ее неуравновешенность. Малфой смотрел вслед удалившейся жене с выражением раздражения на лице. Он перевел хмурый взгляд на Гермиону.

— Ты взбесила мою жену, Грязнокровка, — сказал он.

Гермиона посмотрела на него. Малфой, казалось, ждал ее извинений.

— Ее бесит сам факт моего существования, — ответила девушка равнодушно. Глядя ему в глаза, она добавила: — Если тебя так это волнует, ты знаешь, как можешь избавиться от этой проблемы.

Он фыркнул и оглядел ее.

— Это зелье точно что-то творит с тобой, — сказал он. Малфой смотрел на нее так пристально, словно пытался сохранить в памяти.

Гермиона спокойно встретила с ним взглядом. Ей бы хотелось быть такой же невозмутимой, не чувствуя себя мертвой изнутри. Так много вещей ей хотелось разузнать о Малфое и попробовать использовать. Если бы только она могла обуздать свои эмоции и справиться со страхом.

Слишком многое в характере Малфоя никак не хотело складываться в целостную картинку.

Если бы у нее только получилось подобраться к нему ближе.

— Я чувствую, словно снова могу дышать, — сказала Гермиона. — Как будто я была под водой так долго, что забыла, что такое кислород.

Потом она скривилась.

— Но следующий день после приема зелья... не самое приятное ощущение, — добавила она.

Малфой засмеялся и наконец отвел взгляд от ее лица.

— Если бы я не оставлял тебя одну справляться с тошнотой и ознобом, ты могла ошибочно решить, что меня волнует твое состояние, — сказал он пренебрежительно.

Гермиона взглянула на него.

— Ты, кажется, сильно переживаешь, что я могу подумать именно так, — ответила она прохладным тоном.

Малфой остановился и взгляделся в ее лицо. Через несколько секунд на его губах расцвела довольная ухмылка.

— Значит, мы переходим к главной теме на повестке дня? — протянул он. Гермиона сощурила глаза. — Напомни мне, что там было? Изучить Южное крыло, попробовать пробраться на кухню, отыскать ангар или конюшню в саду, найти Малфоя и попытаться узнать его главную слабость, чтобы воспользоваться ею? Уже дошла до конца списка? Как умело.

Гермиона уставилась на него. Ей хотелось почувствовать злость, но зелье хорошо контролировало вспышки гнева.

— Ты был в моей голове прошлой ночью, — ответила она наконец.

— Я пытался уснуть, но ты думаешь слишком громко, — сказал Малфой вкрадчивым тоном, смахивая несуществующие пылинки с поверхности своей мантии и оглядывая коридор так, словно он был декоратором интерьеров. — Ну что ж, развлекайся, — добавил он спустя несколько секунд. — Конюшни находятся позади розария с южной стороны поместья. Сарай расположен за дальним концом лабиринта из живой изгороди. Из надежного источника мне известно, что ты не можешь прикоснуться ни к садовым ножницам, ни к вилам. Можешь попробовать задушить меня лошадиной уздечкой, но я сомневаюсь, что ты действительно способна на это.

Малфой ухмыльнулся, посмотрев на оковы на ее руках, и, развернувшись, стал спускаться по лестнице, не сказав больше ни слова. Гермиона смотрела ему вслед, пока его фигура не исчезла за поворотом. Она огляделась, продолжая думать о Малфое и пытаясь решить, что делать дальше.

Он влез в ее мысли прошлой ночью. Гермиона не была удивлена, но чувствовала, что теперь все ее планы стали абсолютно бесполезными. Ему даже не нужно было дожидаться сеансов легилименции. Малфой мог запросто узнать самые важные мысли в ее голове.

Гермиона вернулась в свою комнату, чтобы надеть мантию и переобуться в новые ботинки. Покинув поместье и выйдя на веранду, она начала считать в уме, каждый раз прибавляя два.

Два, четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать...

Считая, она позволяла своим мыслям течь неторопливо.

Драко Малфой был загадкой. Под его внешней холодностью пряталось столько противоречий. Какие же он преследовал цели?

Двадцать два, двадцать четыре, двадцать шесть, двадцать восемь...

Казалось, он старался получить больше власти, не имея точных планов, как ее использовать.

Малфой знал, что был связан приказами, которых не мог ослушаться. Женитьба на Астории, осквернение чести семьи связью с грязнокровкой, постоянный контроль и наблюдение за Гермионой...

Он преданно следовал приказам Волдеморта, хотя не находил в них ничего приятного. Что он получал со всего этого? Что его мотивировало? Власть и статус Малфоя, казалось, не имели большого значения. У него не было ничего из того, что не мог бы себе позволить любой Пожиратель рангом ниже.

Шестьдесят шесть, шестьдесят восемь, семьдесят, семьдесят два...

Конечно, была вероятность, что Гермиона чего-то не знала. Малфой проводил по несколько дней вне дома, в течение которых мог заниматься чем угодно. Она могла не догадываться и о десятой части его поступков.

Гермиона точно что-то упускала из вида. Какой-то нюанс, не дававший ей покоя, который она не могла разглядеть. Что-то не сходилось. Словно отсутствовала важная часть головоломки, которую девушка никак не могла решить.

Сто тридцать два. Сто тридцать четыре. Сто тридцать шесть.

Гермиона ощутила, как у нее в голове словно что-то щелкнуло, и в ее сознании всплыли строки, написанные на странице какой-то потрепанной книги.

Менять приемы, дабы отвлечь внимание, тем паче враждебное. Не держаться начального способа действия — однообразие позволит разгадать, предупредить и даже расстроить замысел. Легко подстрелить птицу, летящую по прямой; труднее — ту, что кружит. Не держаться до конца и второго способа, ибо по двум ходам разгадают всю игру. Коварство начеку. Чтобы его провести, немалая требуется изощренность. Опытный игрок не сделает того хода, которого ждет, а тем более жаждет, противник. Явит один умысел, дабы проверить соперника помысел, а затем, круто повернув, нападает врасплох и побеждает. Хитрость сражается, применяя стратагемы умысла: никогда не совершает то, о чем возвещает; целится так, чтобы сбить с толку; для отвода глаз искусно грозит и внезапно, где не ждут, разит, непрестанно стараясь обморочить. Иная игра, иные приемы — теперь хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия. На помощь тогда приходит наблюдательность; разгадав дальновидную цель, она под личиной света обнаруживает мрак, изобличает умысел, который, чем проще кажется, тем пуще таится. Так, коварные тучи Пифона борются со светозарными лучами Аполлона.

Гермиона остановилась, пытаясь вспомнить, откуда знала эти слова. Их не было ни в одной из книг, которые приходили ей в голову. Казалось, она просто выучила какой-то отрывок текста. Пытаясь повторить цитату, Гермиона вспомнила, как когда-то заучивала ее.

Хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия.

Она повторила фразу несколько раз.

Продолжив путь по дорожкам лабиринта, девушка стала считать, прибавляя три к каждому следующему числу. Она собиралась добраться до сарая в саду.

День продолжился без каких-либо значительных событий, заполненный только ее бессмысленными подсчетами. Во время очередной прогулки по территории, прилегавшей к поместью, Гермiona так и не нашла ничего, что бы могло ей как-то пригодиться.

Сарай, к которому ее направил Малфой, оказался закрыт.

Она узнала, что Малфой держит целую конюшню крылатых коней: абраксанской, гранианской и эфонской пород. Лошади следили за каждым шагом девушки возле ограды и громко били копытами, стоило ей приблизиться.

Изящный гранианец был единственным, кто не отшатнулся от Гермiony. Он взмахнул своими дымчатыми крыльями и просунул нос сквозь решетчатый забор конюшни, издавая громкое ржание.

Гермиона мягко погладила морду животного и почувствовала тепло его дыхания на внутренней стороне ладони. Если бы она не была под воздействием зелья, то точно расплакалась бы от осознания, что этот конь — единственное не желавшее ей зла живое существо, которого она коснулась за долгое время.

Девушка простояла рядом со скакуном несколько минут, продолжая почесывать его лоб и нос, пока тот обнюхивал ее мантию в надежде отыскать спрятанное яблоко или морковь. Когда конь ничего не нашел, то просунул морду обратно сквозь прутья конюшни и перестал обращать на Гермionу внимание.

Она ещё долгое время стояла возле конюшни. Гораздо дольше, чем следовало.

Гермиона пошла дальше по одной из многочисленных дорожек, и та вывела ее к главному входу во владения Малфоев. Огромные ворота из кованого железа были закрыты. Конечно же, они не открылись для нее. Гермiona даже не была уверена, как бы она поступила в противном случае.

Она гуляла по окрестностям поместья, пока не заметила, что устала.

Девушка отыскиала семейное кладбище. Бесчисленные надгробия и склепы были погребены под толщей снега. Род Малфоев был по-настоящему древним.

Только один склеп оказался расчищенным от снега. Возле входа с каждой стороны двери цвели зачарованные нарциссы. Гермiona прочитала слова, выгравированные на мраморе:

«Нарцисса Блэк Малфой. Любимая жена и мать. *Astra inclinant, sed non obligant*»*.

Огромный надгробный камень с надписью: «Беллатриса Лестрейндж» возвышался рядом. На нем был изображен фамильный герб Блэков. Внизу чернела надпись:

«*Toujours Pur*»**.

Гермиона покинула кладбище и продолжила гулять по окрестностям. Казалось, они были бесконечными. И абсолютно изолированными. Заснеженные холмы, на которые, по всей видимости, не ступало ни одно живое существо, ослепляли своей нетронутой белизной под ясно-голубым небом.

Гермиона бродила снаружи, даже когда стемнело. Она рассматривала светящиеся в небе созвездия, пока не почувствовала, как спадает эффект зелья.

На следующее утро девушка чувствовала себя так, словно умирает. Стоило проснуться, как ее сразу вырвало на пол рядом с кроватью. Только несколько часов спустя она смогла встать и доковылять до ванной. Гермиона не знала, будет ли она когда-нибудь в силах выработать иммунитет к действию зелья, но чувствовала, что может умереть, если станет и дальше принимать его. Даже, если Малфой пришлёт очередную склянку, она сомневалась, что решится выпить его ещё хоть раз.

Два дня девушка справлялась с последствиями приема зелья. Гермиона сидела на подоконнике, прислонившись к окну, дрожа и покрываясь испариной, пока снадобье полностью не вышло из ее организма. Когда лихорадка немного отступала, она снова и снова думала о Малфое и комнате в Южном крыле. На вторую ночь ей приснилась Джинни.

Она сидела, сгорбившись на полу возле кровати, и тихо всхлипывала. Девушка резко повернулась, когда Гермиона вошла в комнату. При виде подруги лицо Джинни исказила гримаса страдания. Грудь девушки сотрясалась от рыданий, из приоткрытого рта вырывалось рваное дыхание. Даже ее рыжие волосы были мокрыми от слез.

Гермиона подошла ближе. Волосы Джинни рассыпались по плечам, открывая взору шрам, рассекавший одну сторону лица девушки от лба до подбородка.

— Джинни, — позвала Гермиона, — Джинни, в чем дело? Что случилось?

— Я... я не знаю... — Джинни заплакала еще сильнее.

Гермиона опустилась на колени рядом с подругой и обняла ее.

— Боже, Гермиона, — плакала Джинни. — Я не знаю, как...

Джинни замолчала, пытаясь отдышаться. Сдавленные прерывистые звуки вырывались из ее горла, пока она боролась со спазмами в легких.

— Успокойся. Дыши. Тебе нужно дышать. Скажи мне, что случилось, и я помогу тебе, — пообещала Гермиона, успокаивающе поглаживая плечи подруги. — Просто дыши. Я буду считать. Вдохни на счёт «четыре». Задержи дыхание. Выдыхай через нос на счёт «шесть». Попробуем вместе. Я буду дышать одновременно с тобой, хорошо? Ну же, дыши вместе со мной. Я рядом.

Джинни только сильнее заплакала.

— Все в порядке, — продолжала твердить Гермиона, делая глубокие демонстративные вдохи, чтобы Джинни пробовала повторять за ней. Она крепко обняла Джинни, чтобы та почувствовала, как размеренно расширяется и сужается ее грудная клетка. Она надеялась, что Джинни начнет неосознанно

подстраивать свое дыхание под этот ритм.

Девушка продолжала плакать еще несколько минут, прежде чем ее дыхание наконец начало восстанавливаться.

— Ты расскажешь мне, что случилось, или мне лучше сходить за кем-нибудь другим? — спросила Гермiona, когда убедилась, что Джинни перестала задыхаться от слез.

— Нет! — резко ответила девушка. — О Боже! Я не...

Джинни снова зарыдала, уткнувшись в плечо Гермiony.

Она продолжала плакать, пока Гермiona, наконец, не проснулась.

Девушка прокрутила сон в голове.

Джинни редко плакала. Когда умер Перси, она провела в слезах несколько недель. Но чем дольше шла война, тем реже девушка плакала. Как и все остальные. Джинни едва ли пролила слезинку, когда проклинали ее отца и когда не стало Джорджа.

Гермiona не помнила, чтобы подруга когда-нибудь впадала в подобную истерику.

Девушка прокручивала воспоминание снова и снова, пытаясь в нем разобраться.

Она забыла, что у Джинни был шрам на лице. Судя по виду, казалось, что ему было уже несколько месяцев, но Гермiona не могла толком вспомнить, что произошло. Шрам выглядел так, словно кто-то содрал кусок кожи с лица Джинни.

Гермiona не могла вспомнить, была ли она той, кто залечил ее рану.

* *«Astra inclinant, sed non obligant»* — «Звезды направляют, но не обязывают нас».

** *«Toujours Pur»* — «Чистота навеки».

Отрывок и фраза, которые вспомнила Гермiona, взяты из трактата «Наука Благоразумия» испанского писателя Бальтасара Грасиана.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор Dralamy "Словно ты ее прячешь" https://www.instagram.com/p/CAJKfVFhX7f/?utm_source=ig_web_copy_link

У Гермионы снова наступил период, благоприятный для зачатия.

Стол вновь появился в центре комнаты, и она почувствовала себя смирившейся со своей участью. Это начало казаться неизбежным.

Неизбежность.

Гермиона со стыдом поняла, что начинает привыкать к своей клетке.

Малфой собирался насиловать ее за столом, и эта мысль стала для нее обыденной. Даже понятие «изнасилование» начинало казаться не совсем верным.

Все будто становилось...

Менее пугающим.

Физически и морально страх начал исчезать по мере того, как разум заставлял ее приспособливаться. Она не чувствовала тошноты. Сердце не колотилось в груди от ужаса. Мучительное ощущение внутри не было таким гнетущим — она перестала задыхаться от паники, когда думала об этом.

Ее разум метался в попытке логически оправдать этот процесс. Пытаясь заставить ее адаптироваться. Заставить ее жить дальше и оставить попытки самоубийства.

Если положение в доме перестанет ее тревожить, у нее будет меньше шансов сбежать. Меньше шансов спровоцировать Малфоя.

Гермиона могла понять это с научной точки зрения. С точки зрения целительницы, она могла бы объяснить физиологию и психологию своего поведения. Остаться в состоянии постоянного страха, стресса и тревоги было невыносимо. Ее организм не мог всегда поддерживать ее на эмоциональном пике. Она либо будет вынуждена адаптироваться, либо в конце концов сойдёт с ума. Зелье, которым накачивал её Малфой, вероятно, помогало притупить ее желание бороться.

Понимание науки этого явления не делало осознание лучше. От этого становилось только хуже. Гермиона знала, что будет дальше.

Она адаптируется и привыкнет к своей жизни в поместье.

Эта мысль потрясла ее до глубины души.

Девушка продолжала смотреть на стол, не зная, что с ним делать. Она не понимала, как ей бороться. Без возможности сопротивляться больше, чем уже сопротивлялась.

Малфой не делал ничего такого, что причиняло бы ей боль. Это было даже хуже, чем если бы ее пытали. Отсутствие боли заставляло ее отвлекаться от своего положения пленницы.

Гермионе нужно было бежать. Вот и все. Побег или хотя бы шанс на него. Нужно найти способ выбраться. Где-то должен существовать выход. Ни одна клетка не была идеальной. Никто не был идеальным. В Малфое должно быть что-то, что она могла бы использовать против него. Ей просто нужно выяснить, что это.

Она должна. Она просто обязана это сделать.

Девушка продолжала повторять про себя эту мантру, даже когда пересекла комнату и наклонилась на стол. Ноги врозь.

Не позволяя себе думать о происходящем. Не позволяя себе думать о неудачах.

«Я убегу, — пообещала она себе. — Убегу в место, полное доброты и тепла, и буду свободна».

Гермиона зажмурилась, снова и снова повторяя про себя это обещание, пока не услышала щелчок двери.

Она наблюдала, как сменяются январские дни.

Малфой приходил пять раз. На шестой день он вошёл в комнату и молча изучил ее воспоминания. Он казался озадаченным.

Затем девушка была предоставлена самой себе.

Она складывала оригами. Планировала осмотреть поместье. Осматривала поместье. Читала газету.

Информации о военных действиях становилось все меньше с каждым днём. Общественное увлечение суррогатами медленно начинало поглощать страницы светской хроники. Женщины в красном все чаще и чаще появлялись на публике. Их стали выставлять напоказ, водили в оперу, обращались с ними, как с экзотическими домашними животными. Фотографии их фигур в шляпах всегда сопровождалась едким сарказмом авторов статьи и догадками на тему возможных беременностей. Неназванные источники утверждали *«о большой вероятности того, что Флинты добавят новое имя к семейному гобелену к концу года»*.

Целительница Страуд была неразговорчива с репортерами, что только подливало масла в огонь для дальнейших спекуляций.

Панические атаки Гермионы, казалось, остались в прошлом. Она знала свои границы и старалась не преступать их. Когда девушка была сосредоточенной и занималась изучением портретов и осмотром поместья, она могла оставаться спокойной. Когда старалась не думать о войне и о том, что все, кого она знала, погибли.

Постепенно Гермиона так хорошо научилась держать себя в руках, что на мгновение забывала обо всем. Она делала вдох и представляла любой момент, где не чувствовала себя разбитой, опечаленной или отчаявшейся.

Чувство вины, которое обрушивалось на нее мгновением позже, было холодным и горьким, как морская вода.

Гермиона замирала на мгновение, а затем проглатывала комок ужаса в горле и повторяла свою клятву бежать.

Но она не могла сбежать.

Девушка исследовала поместье сверху донизу. Она обнаружила набор волшебных шахмат и играла партии против самой себя. Строила карточные башни из колод карт, которые нашла в ящике стола. Навещала лошадей.

Гермиона попыталась найти Малфоя, но так и не смогла. Она не знала, был ли он вообще в поместье. Он мог быть снаружи или просто за дверью, которая была запечатана. Иногда казалось, что он намеренно избегает ее.

Она разыгрывала в воображении сцены побега.

Девушка все чаще стала видеть Асторию. Знакомый стук каблуков вдалеке, и Гермиона быстро исчезала за занавеской или в коридоре для слуг.

Коридоры для прислуги были заполнены искусно замаскированными глазками. Гермиона подозревала, что, учитывая наличие в поместье домовых эльфов и извилистых маленьких туннелей, все это вероятнее всего использовали для слежки за нежелательными гостями или членами семьи. Поместье было переполнено скрытыми ходами: некоторые были очевидны, другие хорошо спрятаны. Гермиона нашла их все. Каждый раз, когда размеры комнаты казались странными, Гермиона принималась за работу: легонько постукивала по стенам, нажимая на каждую плитку, или крутила каждую лампу, пока не чувствовала, что что-то поддается. Иногда волшебным образом появлялись скрытые двери, иногда искусно построенная вращающаяся мебель открывала тайный проход.

Астория редко бывала одна. Ее сопровождал все тот же смуглый широкоплечий мужчина, которого Гермиона мельком видела на Новый год. И вскоре стало ясно, что ни Астория, ни ее любовник не имели привычки использовать спальню для выражения своей страсти. Когда Гермиона в очередной раз застукала их, Астория была почти голой и прижималась к окну в гостиной.

У них, казалось, была цель заняться сексом в каждой комнате поместья.

Гермиона изо всех сил старалась избегать их. Ей не особенно нравилась мысль о том, что Малфой использует ее воспоминания, чтобы наблюдать, как его жену трахают со всех сторон. Сначала она хотела было посмотреть назло ему, но позже отбросила эту мысль. Малфоя, вероятно, было наплевать на то, что творит Астория. И этот просмотр, скорее всего, мало его заденет. Зато он был крайне неудобен для Гермионы.

Всякий раз, когда Гермиона натыкалась на Асторию во время очередной измены, она быстро отводила глаза и ускользала.

Какое-то время девушка просто мельком видела влюбленную пару, сразу убегая, но в конце концов Гермиона обнаружила их обоих полностью одетыми. Она бродила по самому верхнему этажу Северного крыла, когда заметила парочку, гуляющую по гравийной дорожке вдоль живой изгороди. Астория оживленно болтала, в то время как мужчина рядом с ней повернулся и посмотрел на Северное крыло. В тот момент Гермиона взглянула на него, наконец рассмотрев

его лицо.

Грэхэм Монтегю.

Гермиона в шоке смотрела вниз, пока его глаза внимательно осматривали нижние окна Северного крыла. Когда он поднял голову выше, Гермиона резко отступила назад и скрылась из виду.

Ее сердце внезапно заколотилось.

Грэхэм Монтегю был любовником Астории. Именно тот гость, что «случайно» наткнулся на комнату Гермионы во время новогодней вечеринки. Незнакомец, который ожидал, что Гермиона сразу же его узнает.

У него был роман с Асторией. Монтегю посещал поместье почти ежедневно. Он смотрел на окна, где находилась комната Гермионы, с выражением стальной решимости на лице.

Было ли все это совпадением? Могло ли это быть совпадением?

Гермиона прокрутила в голове все сценарии, которые только могла придумать.

Что она знала о нем?

Слизеринец. Бывший член инспекционной дружины Амбридж. Опозорен Фредом и Джорджем. В какой-то момент во время войны Гермиона знала его и забыла об этом. У него был роман с Асторией. Казалось, он искал Гермиону.

Был ли он Пожирателем Смерти? Гермиона не исключала этого. Либо он работал в Министерстве, либо был в армии Волдеморта, раз оказался на приеме в поместье. Он, похоже, пользовался уважением в обществе, значит, не был обычным егерем. На новогодней вечеринке не демонстрировал особой близости с чиновниками Министерства.

Гермиона прокрутила в голове все, что могла вспомнить из событий той ночи. Она была поглощена наблюдением за Малфоем, а потом за девушками-суррогатами и не обратила внимание на тот факт, что Астория и Монтегю пропали одновременно. Когда Гермиона наблюдала за ним позже вечером, он общался с толпой и казался наиболее знакомым с Маркусом Флинтом и Адрианом Пьюси.

Несмотря на смутные воспоминания о войне, Гермиона была совершенно уверена, что Флинт и Пьюси были ничем не выделявшимися Пожирателями Смерти.

Получение Темной метки считалось знаком отличия — доступом в самый близкий круг избранных Волдеморта. По мере того, как его власть над Европой усиливалась, он все реже отмечал своих последователей.

Поэтому логичным выводом было то, что Монтегю тоже был Пожирателем Смерти. С Меткой или нет, было сложно сказать.

Но это не объясняло его интереса к Гермионе.

За исключением...

Мог ли он...

Никаких шансов на побег.

Гермиона почти боялась даже подумать об этом, позволить этой мысли существовать в ее голове, где Малфой мог бы найти ее, но она уже не могла остановиться.

Мог ли Монтегю быть шпионом Сопротивления? Возможно, поддерживал связь с Орденом? Может быть, именно это он пытался сообщить ей перед тем, как уйти с Малфоем?

Она начала внимательно наблюдать за Асторией и Монтегю, когда они не были заняты сексом. Она следила за ними из потайных ходов и все больше убеждалась, что у Монтегю были скрытые мотивы для пребывания в поместье. Он был чрезвычайно заинтересован домом, и его глаза странно блуждали по интерьеру всякий раз, когда Астория отворачивалась.

Гермиона размышляла, чем ей грозила попытка приблизиться к нему. Он редко бывал один. Астория, казалось, никогда не отходила от него дальше, чем на несколько метров.

В тех редких случаях, когда Гермиона видела его одного, она колебалась. Он был слишком незнакомым. Конечно, если бы раньше она доверяла ему, то почувствовала бы это инстинктивно.

Она продолжала оправдывать своё нежелание к нему приближаться. Если бы он был членом Сопротивления, и девушка подошла бы к нему раньше времени, то могла бы разоблачить его прикрытие. Тем более если бы выяснилось, что он не знал способ снять кандалы, все оказалось бы бесполезно.

Гермиона решила тянуть время и продолжить наблюдение. Лучше уж неподтвержденные подозрения, чем что-то конкретное, что Малфой мог от нее получить.

Она продолжала колебаться.

Прибывшая вновь целительница Страуд обнаружила, что девушка снова не беременна. Ее лицо во время изучения результатов диагностики казалось раздраженным. Гермиона продолжала наблюдать за стрелкой часов.

— Почему у тебя такой низкий уровень натрия? — спросила Страуд, просмотрев результаты анализов Гермионы.

Девушка оглянулась.

— В моем рационе нет соли.

— Нет соли? — удивленно произнесла целительница. — Чем они тебя кормят?

Гермиона пожала плечами:

— Овощи, мясо и яйца. Все в вареном виде. И ржаной хлеб.

— Но почему?

— Я предположила, что это то, чем они должны меня кормить. Не то чтобы у меня была какая-то свобода слова в этом вопросе, — холодно ответила Гермиона.

— У тебя должна быть сбалансированная диета. Она включает в себя соль, — раздраженно сказала Страуд. Она протянула руку и постучала кончиком палочки по наручнику на запястье Гермионы.

Через минуту вошел Малфой со своим обычным хмурым выражением лица.

— Требуется мое присутствие? — сказал он.

— Да. Есть причина, по которой ей не дают соль? — сказала целительница.

Малфой моргнул.

— Соль? — эхом отозвался он.

— Она говорит, что вся ее еда без соли и в вареном виде. Это начинает влиять на ее уровень натрия, — продолжала целительница Страуд, ее глаза сузились, когда она посмотрела на Малфоя.

Брови того удивленно поползли вверх.

— Эльфам было приказано обеспечить ее едой. Я предположил, что она ест то же, что и мы с Асторией, — сказал он. Затем его челюсти слегка сжались, а глаза сузились. — Астория согласовывает меню. Я выясню, что случилось.

— Пожалуйста, сделайте это. Темный Лорд становится нетерпеливым из-за отсутствия прогресса. Мы же не хотим дополнительного вмешательства.

— Действительно, — холодно ответил Малфой, встретившись взглядом с целительницей Страуд. — А сейчас, если ты закончила, я должен вернуться к своей работе.

— Конечно, Верховный Правитель, не смею вас задерживать, — ответила целительница, бросив на него последний взгляд, прежде чем повернуться к Гермионе.

В тот вечер Гермиона получила свой первый обед с гарниром, свежим салатом, приправами и солонкой.

Она не понимала, как сильно скучала по соли, пока, наконец, не получила ее снова.

Размышляя об этой ситуации, девушка понимала: не было ничего удивительного в том, что Астория решила приказать домовым эльфам держать ее на какой-то... тюремной диете? Пище, достойной грязнокровок? Гермиона даже не была уверена, какой смысл она в это вкладывала. Эта женщина была... странной. Ее раздражение присутствием Гермионы, казалось, проявлялось каким-то нелогичным способом, потому что она думала, что это сойдет ей с рук.

И это сходило ей с рук в течение трех месяцев, примерно двухсот семидесяти приемов пищи. Гермиона не хотела больше даже думать о ещё одной порции отварных овощей.

Малфой вошел в комнату, когда она почти закончила есть, и, приблизившись, осмотрел еду на тарелке.

— Видимо, я обязан был лично во всем убедиться, — сказал он с хмурым видом после того, как еда, судя по всему, оправдала его ожидания. — Ты могла бы упомянуть об этом.

— Если бы я решила жаловаться, еда стала бы последней вещью, которую я бы упомянула, — ответила Гермиона, злобно тыча вилкой в помидор.

Он слегка усмехнулся.

— Да. Вероятно, так и было бы.

Малфой смотрел в окно, пока она ела. Девушка намеренно не торопилась и мысленно повторяла все раздражающие глупые песни, которые выучила в детстве.

Закончив с едой, Гермиона взглянула на него. Она видела его профиль и заметила, как его глаза на мгновение расфокусировались. *«Надеюсь, ты умрешь самой медленной и ужасной смертью, которую кто-либо когда-либо придумывал, Малфой»*, — тут же прорычала она про себя. Через мгновение он моргнул и посмотрел на нее без всякого выражения. Она встретила его пристальный взгляд без всяких извинений.

— Приму к сведению, — сказал он и указал на кровать.

Гермиона покорно подошла и села на край кровати, прежде чем взглянуть на него и почувствовать, как его холодные серебряные глаза погружаются в ее сознание.

Она всегда оказывалась лежащей на спине, когда он заканчивал копаться в ее воспоминаниях.

Он несколько раз просмотрел ее воспоминания о Джинни.

Потом наблюдал, как она шпионит и размышляет о Грэхэме Монтегю. Малфой выскользнул из ее мыслей.

— Монтегю получил Темную метку после финальной битвы, — сказал он, глядя на нее сверху вниз. — Мне рассказали, что это было сделано в знак признания его исключительных заслуг.

Говоря это, он усмехался.

— Твои заслуги тоже были исключительными? — спросила она, пристально глядя на Малфоя. Она понятия не имела, лжет ли он ей о Монтегю.

Он посмотрел на нее сверху вниз и жестоко улыбнулся.

— Более исключительные, чем у Монтегю, — сказал он. Затем улыбка исчезла. Малфой продолжал смотреть на нее, внимательно изучая лицо, а затем окинул взглядом все остальное.

Его взгляд казался мягче и темнее, чем обычно.

Гермиона запоздало поняла, что раскинулась перед ним на кровати. Она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Девушка быстро села.

Он еще мгновение смотрел на нее, потом отвел взгляд и уставился на стену позади нее.

— Если у тебя есть какие-то надежды на Монтегю, позволь им умереть, — холодно сказал Малфой. Потом повернулся и ушел.

Через неделю Гермионе приснился новый сон о Джинни.

***

Гермиона была в своей спальне на Площади Гриммо, когда вошла подруга.

— Ты рано вернулась, — сказала Джинни.

Гермиона взглянула на часы.

— Удачный день, — ответила она.

— Да, — сказала Джинни, выглядя немного неловко. — Слушай. Я хотела попросить тебя об одолжении.

Гермиона ждала.

Джинни нервно теребила волосы, но выражение ее лица было невинным.

— Я... ну... ты, очевидно, в курсе обо мне и Гарри, — сказала Джинни.

Гермиона коротко кивнула.

— Да, верно. Что ж. Дело в том, я хочу быть максимально осторожной. Я уже пользуюсь заклинанием. Но... есть что-то в наследии Прюэттов, они не похожи на другие волшебные семьи. Они просто обречены беременеть, несмотря ни на что. Рон и я были незапланированными случайностями после того, как появились близнецы. В этом-то и состоит просьба... не могла бы ты помочь мне с приготовлением противозачаточного зелья. Если у тебя будет время. Я всегда отвратительно их готовила. Если ты не сможешь... ну тогда ладно. Я могу попросить Падму. Знаю, ты ужасно занята. Просто... я не хочу, чтобы ты думала, что я намеренно тебя избегаю.

— Конечно. Я все равно буду варить зелья сегодня вечером. Его легко будет включить в список. У тебя есть предпочтения по вкусу? Самые эффективные не очень приятны на вкус.

— Мне все равно, каково оно на вкус, если будет работать, — смело сказала

Джинни.

— Ну, у меня есть несколько готовых флаконов. Я могу дать их тебе сейчас, если хочешь.

— Откуда они у тебя? — Джинни моргнула и подозрительно уставилась на Гермину. — Ты...?

Гермина уже видела, как Джинни составляет в уме список ее возможных мужчин.

— Ты ведь не... со Снейпом, правда? — Джинни вдруг запнулась.

Гермина разинула рот.

— Мерлин... Нет! — пролепетала она. — Я целительница! Я держу много вещей под рукой. Ты невозможна! Почему ты вообще подумала про него?

Джинни выглядела слегка смущенной.

— Просто он единственный человек, с которым ты можешь долго разговаривать. Кроме Фреда, который сейчас с Анджелиной. Со всеми остальными ты лишь споришь и ругаешься. И эти словесные баталии, уверена, не включают примирительный жаркий секс.

— Это не значит, что я сплю с ним, — пробормотала Гермина, чувствуя, что ее лицо вот-вот вспыхнет. — Он мой коллега. Я советуюсь с ним насчет зелий.

— Ты просто выглядишь одинокой, — сказала Джинни, глядя на Гермину долгим взглядом.

Гермина слегка вздрогнула и уставилась на нее в ответ.

— Ты ни с кем не сближаешься, — продолжила Джинни. — Раньше вы были неразлучны с Роном и Гарри. Но даже до того, как покинуть их, чтобы стать целительницей, ты, казалось, уже отдалилась ото всех. Я подумала... Может, у тебя кто-то есть. Конечно, Снейп был бы странным выбором по многим причинам... но это война. Слишком тяжело справляться с ней в одиночку.

— Снимать напряжение с помощью секса — это фишка Рона. Не моя, — сухо ответила Гермина. — Кроме того, я не участвую в сражениях.

Джинни задумчиво посмотрела на нее, прежде чем сказать:

— Я считаю, больничная палата намного хуже поля боя.

Гермина отвела взгляд. Иногда она размышляла об этом. Могло ли это быть на самом деле правдой... Она не слышала иного мнения, потому что никогда не решалась спросить об этом.

— Я думаю об этом каждый раз, когда нахожусь там. На поле боя все так упорядоченно. Кого-то ранили. Ты просто трангрессируешь всех раненых прочь, а затем возвращаешься сражаться. Ты немного побеждаешь. Ты несешь потери. Иногда тебя бьют. Ты бьешь в ответ. И у тебя есть дни, чтобы восстановиться и

передохнуть, или есть время для скорби, если твой партнер, прикрывающий тебя на поле, умирает. Но в больничной палате каждая битва выглядит проигранной. Я всегда испытываю больше стресса, проводя время в больничных палатах, а не на поле битвы.

Гермиона молчала.

— И у тебя никогда не бывает свободного времени, — добавила Джинни. — Ты на работе, поэтому никто не может пожалеть тебя, дать тебе оплакивать потери. Я знаю от Гарри и Рона, что ты все еще настаиваешь на темных искусствах, когда ходишь на собрания Ордена. Я не согласна с тобой... но я понимаю. Я понимаю, что ты видишь войну под другим углом зрения. Наверное, под самым худшим. Я просто хочу сказать, что если у тебя кто-то появился, я была бы очень рада за тебя. Даже если это будет Снейп.

Гермиона закатила глаза.

— Тебе, наверное, стоит прекратить, если ты все еще хочешь получить своё противозачаточное зелье, — сказала она с сердитым взглядом.

***

Гермиона проснулась в полном шоке.

Джинни и Гарри были вместе.

Джинни и Гарри были вместе, и Гермиона ничего об этом не помнила. В ее воспоминаниях не было и намёка на это. Она полностью забыла про них.

Она забыла эту деталь...

Намеренно?

Было ли это тем, что скрывала Гермиона?

Джинни была еще жива, когда Гермиону посадили в тюрьму. Джинни не участвовала в последней битве. Ее не пытали до смерти вместе с остальными Уизли.

Гермиона думала, что Джинни все еще жива, пока Ханна не рассказала ей о Верховном Правителе.

Если бы Волдеморт знал, какое значение имеет Джинни для Гарри, ее смерть была бы ужасной. Гораздо хуже, чем то, что случилось с остальными Уизли.

Гермиона сделала бы все, чтобы защитить Джинни, заперла бы собственные воспоминания, чтобы попытаться спасти ее.

Ради Гарри.

Ради самой Джинни.

Во время войны она всегда была ее подругой. Не близкой, но всегда постоянной в своей дружбе с Гермионой, даже когда у самой Гермионы начались проблемы с остальными. Джинни, Луна и Гермиона жили вместе на Площади Гриммо, пока Луна не умерла.

Но Джинни была мертва. Малфой выследил ее и убил.

Гермиона почувствовала, что ее сейчас вырвет.

Неужели все это было настолько бессмысленно? Она заперла свое прошлое, чтобы защитить Джинни, не зная, что та уже умерла? Гермиону передали Малфою, таскали к Волдеморту, и все это было для того, чтобы защитить ту, кто уже была мертва.

И ещё был Снейп.

После освобождения Гермиона очень старалась не думать о Снейпе.

Она думала, что он был на их стороне.

Он обучил ее мастерству приготовления зелий, посвятив этому бесчисленное количество часов своего личного времени.

Вскоре после того, как Дамблдор был убит, Гермиона спустилась в подземелье к двери Снейпа и спросила ровным голосом:

— Если начнется война, какие зелья я должна уметь приготовить? Где я смогу купить ингредиенты, которые не смогу найти?

Вместо того, чтобы усмехнуться и захлопнуть дверь перед ее носом, он пригласил ее, и она каждый вечер до поздней ночи проводила в его кабинете. Готовя одно сложнейшее зелье за другим. Когда Хогвартс был покинут, он продолжал учить ее на Площади Гриммо.

Загадочный мужчина не третировал ее, возможно, из-за отсутствия сил, которые он тратил на ее тренировки. Он был жестким и требовательным, но щедрым в своих знаниях. Снейп, казалось, был одним из немногих других людей, который готовился к войне, составлял собственные рецепты зелий, рисовал карты местности, где искать ингредиенты, когда закончатся средства для их покупки. Среди ночи и рано утром он таскал ее с собой по всей Англии. Он трансгрессировал с места на место, чтобы научить ее находить растения и собирать их таким образом, чтобы сохранить их свойства. Он научил ее строить силки, ловить и гуманно убивать животных и магических существ, необходимых для приготовления зелья.

Он даже ничего не сказал, когда она заплакала, убив своего первого растопырника.

Снейп обучал ее, пока Гермиона не получила квалификацию мастера зелий.

Во время войны она была его самым верным защитником.

Чарли Уизли возненавидел ее за то, что девушка предпочла Снейпа почти всем остальным. Она защищала методы Снейпа и все то, что он делал в качестве

Пожирателя Смерти. Она защищала его, когда Гарри и Рон хотели убрать его из Ордена.

Гермиона считала его больше чем коллегой или наставником. Он был тем, кому она безоговорочно доверяла.

Все это было обманом. Хитрой уловкой. Без Дамблдора, который мог бы поручиться за него, он вырастил себе нового защитника. Обвел ее вокруг пальца, щедро делась своими знаниями. Купил ее преданность мастерством зелья.

Затем, одержав победу, он бросил ее. У него был шанс избавить ее от участия в программе Страуд, и он отказался. Он уехал в Румынию и оставил ее на растерзание Малфою.

Это было настолько горьким и глубоко личным предательством, что она едва могла заставить себя думать об этом.

Гермиона встала и принялась читать газету.

В середине февраля при попытке нападения на Министра Магии была убита Долорес Амбридж.

На территории Хогвартса проходило мероприятие, посвященное открытию памятника Волдеморту, который должен был послужить напоминанием о его победе в Финальной битве. Надзирательница Амбридж стояла на помосте рядом с Министром Магии Пием Толстоватым, пока тот произносил речь для толпы, состоящей из тюремной стражи, репортеров и кучки министерских чиновников. Во время торжественного разрезания красной ленточки со стороны Запретного леса вылетела арбалетная стрела и, прорвавшись сквозь окружающие замок защитные чары, едва не задев Министра, воткнулась в грудь Долорес Амбридж.

Она умерла не сразу. Осколки ожерелья, застрявшие в ране, и наконечник стрелы сдерживали кровотечение. Стражи, вероятно, не знали о существовании этого средневекового маггловского оружия, стрелы которого были пропитаны ядом. Они, по всей видимости, даже не имели понятия о простейших правилах оказания первой помощи. Один из них выдернул древко стрелы из груди женщины. Амбридж скончалась на месте в результате потери крови.

Попытка нападения на Министра, занимавшего свой пост уже третий срок подряд, привела магическое сообщество в ужас. Считалось, что все участники Соппротивления были убиты. Их неожиданное появление повергло в хаос общественность и заставило мобилизоваться Пожирателей смерти.

Волдеморту воспринял нападение как личное оскорбление.

Монтегю внезапно перестал появляться в поместье. Бледная как полотно Астория бродила по коридорам замка, выглядя еще более неуравновешенной, чем обычно. Гермиона как-то услышала, как та расспрашивала Малфоя, какие именно охранные чары окружали поместье.

В те редкие моменты, когда Гермиона видела Малфоя в замке, он всегда был одет в нечто среднее между охотничьей одеждой и боевым снаряжением. Возвращался в поместье он всегда с ног до головы покрытый грязью и бледный от ярости.

Гермиона была взволнована.

С одержимостью она выискивала любую информацию в газетных статьях. Хотя в репортажах и заострялось внимание на том, что попытка убийства Министра с треском провалилась, Гермиона считала, что смерть Амбридж являлась гораздо большей удачей. Пий Толстоватый был мелкой пешкой, ведомой чужими приказами. Вина же за преступления Амбридж лежала на самой надзирательнице.

Но даже радость от заслуженного возмездия блекла по сравнению с тем облегчением, которое Гермиона испытала, узнав, что кто-то из Соппротивления остался в живых. Впервые за долгое время девушка почувствовала, как в ней зарождается надежда.

В течение многих дней она ощущала такую легкость, что даже шаги ее

наполнились энергией, оставляя панику позади.

Целительница Страуд в очередной раз пришла с проверкой, чтобы узнать, что Гермиона снова не забеременела. Было видно: женщина едва сдерживала раздражение. Наложив на Гермиону целую серию различных заклинаний, она долго изучала показания.

— Что ж, уровень натрия в крови приходит в норму, — наконец сказала целительница после нескольких минут молчания.

Гермиона посмотрела на часы и ничего не ответила.

Страуд покопалась в своей медицинской сумке и вытащила большую бутылку, наполненную фиолетовой жидкостью.

— Выпей всю, — приказала она.

Гермиона против воли поднесла бутылку к лицу, но все же спросила:

— Что в ней?

Целительница Страуд не ответила, пока не убедилась, что девушка выпила все до последней капли.

— Это зелье, повышающее фертильность. Тебе оно, вероятно, не нужно, но другого выхода я не вижу. Боюсь, побочные эффекты тебе не понравятся. Зелье увеличивает вероятность многоплодной беременности.

Гермиона ощутила, как от лица отхлынула кровь. Голова закружилась, и она почувствовала, что может свалиться со стола, на котором сидела. Пустая бутылка из-под зелья выпала из ее руки и разбилась на мелкие кусочки. Быстрым движением палочки целительница избавилась от осколков стекла.

— От зелья набухнет грудь и повысится ее чувствительность, немного увеличится живот. Возможны перепады настроения и головные боли, а также вероятны приступы жара. В результате приема зелья могут снова проявиться твои страхи и панические атаки, — сказала целительница Страуд, добавляя пометки в медицинскую карту девушки. — Я предупрежу Верховного Правителя.

Гермиона тяжело сглотнула и, прикусив губу, устремила взгляд на часы, висящие на стене напротив.

Малфой так и не пришел в тот день для очередного сеанса легилименции. Гермиона не удивилась, это было предсказуемо.

Ее ожидала встреча с Волдемортом. Это будет продолжаться каждый месяц, пока она не забеременеет.

Когда на следующий день Малфой появился в ее комнате, он выглядел уставшим и злым. Не сказав ни слова, он схватил Гермиону за руку и трансгрессировал вместе с ней в один из петляющих коридоров владений Волдеморта.

Здесь было еще более душно, чем в прошлый раз. В воздухе стоял отвратительный запах гниющей плоти. Стоило Гермионе сделать вдох, как она

тут же почувствовала тошноту. Казалось, Малфой был привычен к этой вони, судя по тому, как он сразу прошел в главный зал и опустился на колени, потащив Гермиону за собой. Пол был сырым и липким и едва заметно мерцал.

Комната была почти полностью погружена во мрак, слабыми источниками света служили лишь несколько подсвечников, стоявших поодаль. В зале, кроме них троих, больше никого не было.

— Я привел Грязнокровку, Повелитель, — сказал Малфой.

Со стороны помоста слышался протяжный вздох, похожий на змеиное шипение, и Гермиона увидела алеющие в темноте глаза Волдеморта.

— Подведи ее ближе, — произнес он через несколько мгновений.

Малфой поднял Гермиону с пола и потащил ее вперед по ступенькам. Там он снова заставил ее опуститься на колени. Гермиона с отвращением посмотрела перед собой.

Трона, на котором раньше восседал Волдеморт, больше не было. Теперь он полулежал-полусидел на огромном сплетении из змей, которые извивались вокруг друг друга и вместе создавали нечто, похожее на стул. Питоны, переплетаясь, лениво шевелили своими скользкими телами под восседавшим на них волшебником.

Волдеморт задумчиво рассматривал Гермиону, чуть склонив голову набок и водя по своей груди длинными костлявыми пальцами.

— Все еще не беременна, — сказал он угрожающе.

— К моему сожалению, Повелитель, — ответил Малфой извиняющимся тоном. — Но вы скоро сможете удостовериться, что целители были правы в своих предположениях. Ее воспоминания начинают восстанавливаться даже несмотря на то, что она до сих пор не беременна.

Волдеморт раздраженно вздохнул, и один из питонов отделился от общей массы, положив голову на колено волшебника. Тот стал лениво поглаживать змею, откинувшись глубже на своем жутком троне.

— Держи ее, — приказал Волдеморт.

Малфой поставил колено между лопаток Гермионы и обхватил рукой ее подбородок, не позволяя шевелить головой. Девушка задрожала, когда взгляд красных глаз ворвался в ее сознание, словно нож, полоснув по лицу.

Гермиона чувствовала руку Малфоя, обвитую вокруг шеи и подбородка, в то время как ее тело разрывалось от боли. Казалось, легилименция Волдеморта была кинжалом, который разрезает ее разум изнутри. Она закричала сквозь стиснутые челюсти.

В этот раз все происходило медленно. Вместо обжигающей и ослепляющей агонии ее накрывало волнами тупой, постепенно нарастающей боли, которая проникала в каждую частицу ее тела и ума, не желая отпустить.

Волдеморт неспешно просматривал ее воспоминания, разделяя их на отдельные эпизоды. Словно кот, он играл с пойманной добычей. Гермиона не понимала, для чего он делал это. Волшебник стирал те части воспоминаний, которые казались ему несущественными, только чтобы почувствовать страдания девушки. Из ее памяти испарялись фрагменты жизни. То, как она складывала оригами, пока ее родители обсуждали восточный мистицизм; момент, когда она нашла конюшню с крылатыми лошадьми. Волдеморт разрывал воспоминания Гермионы на мелкие кусочки, словно те были листами пергамента.

Девушка чувствовала, как они исчезают... Старалась ухватиться за отрывки прошлого, но они ускользали от нее. Потом боль стала совсем нестерпимой, и она больше не могла восстановить в памяти те фрагменты, которые так отчаянно старалась удержать в голове.

Воспоминания о Джинни привели Волдеморта в восторг. Когда он наконец покинул сознание Гермионы, ее тело обмякло на полу возле Малфоя. Перед ее глазами все еще стояли алые радужки Волдеморта. Девушка не знала, видела ли она их наяву, или они были теперь навечно отпечатаны в ее сознании.

Голова раскалывалась так сильно, что Гермионе казалось, будто ее мозг расплавился. Даже сквозь царивший в сознании туман она чувствовала, как бешено бьется пульс под обхватившими ее руку пальцами Малфоя.

— Какая жалость, что ты не оставил девчонку Уизли в живых, — сказал наконец Волдеморт.

— Прошу прощения, Повелитель, я не догадывался о ее важности. Как вы можете помнить, девчонка была едва жива, когда досталась мне.

Гермиона попыталась пошевелиться и едва не взвыла от боли. Стараясь преодолеть то и дело накатывавшие спазмы, она прислушивалась к разговору.

— Это объясняет ее нападение в Сассексе, — сказал Волдеморт задумчиво. — Абсолютно бессмысленная попытка спасти умирающую подругу. Орден всегда был слишком предсказуемым.

— Действительно. — Голос Малфоя был полон презрения.

Последовало долгое молчание. Малфой ослабил хватку на подбородке Гермионы, и она распласталась на полу у его ног. Девушка почувствовала, как холодное и скользкое тело змеи начало обвиваться вокруг ее ноги.

— Я разочарован, что ты до сих пор не нашел причастных к нападению, Верховный Правитель, — сказал Волдеморт. В его голосе проскальзывали яростные нотки.

Гермиона едва могла дышать. В зале становилось слишком душно, и стоявший запах гнили совсем не помогал ей сосредоточиться. Девушка видела, как в тусклом свете поблескивает чешуя змеи, обвивавшей ее лодыжку. Питон скользнул под край ее мантии. Дрожа от отвращения, она постаралась сбросить рептилию с ноги.

Гермиона едва различала очертания предметов в сумраке зала. Из-за невозможности хорошо видеть, она стала подмечать все звуки, которыми

наполнялась комната. Девушка слышала, как в темноте позади нее, шипя, скользят по полу змеи.

— Я вас не разочарую. Если за это в ответе члены Ордена, я найду всех до единого, — ответил Малфой. Его спокойный голос был полон решимости. Он звучал беспощадно.

Гермиона почувствовала, как задрожали ее губы. Несмотря на боль, она ощущала, как ее накрывает бессильная ярость, от которой тряслись руки. Девушка ничего не могла изменить. Малфой мог просто притащить кого-то в ее комнату и там же убить, если бы захотел, а Гермиона молча стояла бы рядом и наблюдала. *«Я ненавижу тебя, Малфой. Ненавижу. Ненавижу».*

— Конечно, это дело рук Ордена. Кто еще мог знать об этом? Идиот Слизнорт, видимо, рассказал Дамблдору. Значит, и Поттер был в курсе всего. Поэтому он и появился в Хогвартсе. Мы упустили кого-то, когда одержали победу. Кого-то, кто был важной фигурой и не являлся рядовым солдатом их жалкого Сопротивления. Уверен, Грязнокровка знает, кто это.

Темная магия словно начала сгущаться в комнате, пока Волдеморт говорил. Казалось, сам воздух теперь неподъемным грузом стал давить на грудь Гермионы. Она чувствовала, как под воздействием магии сжимаются ребра, и все ее тело словно вдавливают в каменный пол огромная сила.

— Мой Лорд, возможно, стоит послать за Северусом, — сказал Малфой. Казалось, слова давались ему с трудом. Видимо, не одна Гермиона чувствовала влияние темной магии.

— Нет, Румыния слишком важна, — холодно ответил Волдеморт. — Возникнут вопросы, если мы вернем Северуса в Англию. Он останется там. Ты узнал, как у Амбридж оказался медальон?

Давление магии уменьшилось, и Гермиона стала отчаянно хватать ртом воздух. Она почувствовала, как змея скользнула выше по ее ноге. Теперь холодные чешуйки, покрывавшие тело существа, скользили по неприкрытой чулками голени Гермионы. Девушка всхлипнула от отвращения и снова постаралась сбросить питона. В ответ он обвился вокруг другой ноги.

— Я тайно изучил детали. Есть фотографии, снятые в Министерстве в девяносто пятом, на которых у Амбридж уже был этот медальон. Она говорила, что он — часть наследия Селвинов. Никто не знал точно, как она заполучила драгоценность, но ее секретарь поделился подробностями. Надзирательница любила оставлять себе отнятый у нелегальных торговцев товар.

— Получается, ты не узнал ничего. Ни того, как Орден смог уничтожить медальон с такого расстояния. Ни того, как они смогли понять его ценность. Ты не знаешь даже, как Амбридж заполучила его. Ты хоть что-нибудь в состоянии сделать? — прорычал Волдеморт. Затем он немного успокоился, прежде чем добавить более тихим, но не менее опасным тоном: — Я разочарован в тебе, Верховный Правитель. Надеюсь, ты не забыл, что случилось в последний раз, когда ты обманул мои ожидания. *Круцио!*

Гермиона почувствовала, как Малфой внезапно упал. Вместо того, чтобы свалиться на пол, он повалился на четвереньки прямо на Гермиону, и она

оказалась окруженной его телом. Девушка чувствовала, как содрогается его тело. Из груди Малфоя вырвался низкий болезненный рык.

Волдеморт быстро прекратил действие заклятия. Не прошло и минуты, как он опустил палочку. Тело Малфоя перестала бить дрожь, и Гермиона почувствовала его сбивчивое дыхание над ухом, пока он пытался прийти в себя.

— Я не подведу вас, Повелитель. Я отдал наконечник стрелы и осколки медальона на экспертизу гоблину, — сказал Малфой, поднимаясь на ноги. Его голос лишь едва заметно дрожал. — Наконечник был сделан из серебра гоблинской работы и отравлен смесью яда из хвоста мантикоры и яда василиска. Яд мантикоры позволил арбалетной стреле преодолеть окружающие замок чары, а яд василиска смог уничтожить медальон.

— Ты узнал, где они смогли достать необходимые материалы?

Гермиона почувствовала, как питон скользнул своим языком по оголенной коже на внутренней стороне бедра, и тихо всхлипнула.

— Молодого василиска смог бы держать почти любой среднестатистический волшебник, у которого имелась бы жаба и талант к ослепляющим проклятиям. Больше вопросов вызывает яд мантикоры, учитывая, что использование веществ такого рода строго регулируется с тех пор, как Министерство находится под вашим контролем. Макнейр настаивал, что в силах провести расследование самостоятельно, что было чрезвычайно великодушно с его стороны. Я допросил наедине одного из его помощников. Выяснилось, что уже в течение какого-то времени в учетных документах наблюдаются несоответствия в количестве некоторых ввозимых Макнейром тварей. Также в последние несколько лет дела на черном рынке стали идти хорошо.

— Отправь за ним, — приказал Волдеморт. Его голос искрился яростью. — Нападение оказалось возможным из-за его неосмотрительности. Похоже, некоторые из моих слуг стали слишком жадными.

— Как прикажете, Повелитель, — ответил Малфой и потянул Гермиону вверх, заставляя встать.

Питон, обвившийся вокруг ног девушки, усилил хватку, утягивая ее обратно на пол. Волдеморт резко прошипел что-то, и существо медленно отпустило ее ноги, сопровождая свои действия раздраженным шипением. Когда Малфой окончательно избавил Гермиону от змей, ее зрение прояснилось, и она смогла разглядеть Волдеморта.

Он был наполовину обвит телами питонов и внимательно рассматривал Гермиону.

— Грязнокровка носит печать темной магии. Змеи чувствуют это. И она весьма плодовита сейчас, — сказал Волдеморт, оглядывая девушку и потирая рукой свой безгубый рот.

Гермиона смотрела на него в ответ в течение нескольких мгновений, пока ее зрение снова не заволгло дымкой. Она чувствовала, как слегка подрагивают руки Малфоя от перенесенного Круциатуса.

— Целительница Страуд напоила ее вчера каким-то зельем плодородия, — ответил Малфой. — По поводу темной магии... Что ж, последствия ее нападения в Сассексе доказывают, что Грязнокровка не так строго придерживалась правил Ордена об использовании лишь светлой магии.

Волдеморт издал согласное шипение.

— Внимательно следи за ней. Сейчас, когда Орден снова начал действовать, они обязательно придут за девчонкой, — сказал он.

— Вы знаете, что я скорее умру, чем позволю ей ускользнуть от меня, — ответил Малфой тихо. Гермиона почувствовала, как усилилась его хватка на ее руке.

— Мне нужен труп моего врага, Верховный Правитель. Кем бы он ни был. Мне нужно тело последнего члена Ордена. Хочу, чтобы его череп пополнил мою коллекцию.

— Он у Вас будет. Я предоставлю его так же, как и тела всех остальных, — поклялся Малфой.

Гермиона вздрогнула и попыталась выдернуть свою руку из хватки Малфоя. Волдеморт рассматривал ее, и в его взгляде она видела безжалостность и злобу. Он приоткрыл рот, и его язык скользнул наружу — словно он пробовал воздух на вкус. Его десны были белыми и беззубыми, как у змеи, а влажный язык блестел в слабом свете комнаты. Прикрыв рот, он наклонился вперед и издал тихое шипение.

Лицо Волдеморта оказалось в нескольких сантиметрах от лица Гермионы. Она почувствовала, как его дыхание скользнуло по коже. Девушка не могла понять, собирался ли он лизнуть ее, как змея, или же хотел снова проникнуть в ее разум. Налитые кровью глаза изучали ее несколько мгновений, прежде чем он снова откинулся назад на своем троне, сплетенном из питонов.

— Когда Грязнокровка выдаст все секреты, тебе нужно будет избавиться от нее. Она слишком много знает. Нельзя, чтобы она была частью программы Страуд. Но... если она забеременеет, я разрешу тебе подождать, пока на свет не появится твой наследник.

— Как прикажете, Повелитель, — ответил Малфой без колебаний и вывел Гермиону из комнаты.

Когда они вышли в один из ближайших коридоров, Малфой заставил Гермиону выпить обезболивающее зелье. Девушка усмехнулась про себя, прежде чем проглотить содержимое колбы.

Она старалась увидеть что-то сквозь туман в голове. Казалось, сам воздух зала, в котором восседал Волдеморт, был для нее отравой. Ослабев, Гермиона осела на пол. Ее голова раскалывалась, несмотря на выпитое зелье. Но даже в таком состоянии, она хотела задать много вопросов.

— Я атаковала тюрьму? — С трудом выдавила девушка.

— После смерти Поттера, — прозвучал голос Малфоя из темноты, — через несколько часов после Финальной битвы. Тебя смогли поймать только тогда,

когда ты сровняла с землей половину тюрьмы, пытаюсь проникнуть внутрь. Никто не ожидал нападения. Я изучил отчеты уже после того, как тебя назначили ко мне. Жаль, что никто не догадался допросить тебя сразу же. Полагаю, всему виной излишняя самоуверенность из-за победы.

Гермиона посмотрела в ту сторону, откуда доносился его голос. Она едва смогла различить светлые волосы Малфоя, прежде чем ее зрение вновь заволочло дымкой. Девушка облокотилась о каменную стену, чтобы найти себе какую-то опору.

— Я была целительницей, — пробормотала Гермиона. — Я не могла участвовать в... Мне не позволяли...сражаться.

Она нахмурилась, пытаясь разобраться.

— Но Джинни смогла выбраться? Я спасла ее?

— Да.

— Но она почти умирала, когда ты схватил ее. Почему? — Спросила Гермиона тихо, ее голос был полон боли.

На несколько секунд повисла тишина, прежде чем Малфой ответил.

— В тюрьме Сассекса находились лаборатории для экспериментальных исследований.

Из груди Гермионы вырвался тихий вопль ужаса.

— Подразделение, занимающееся изобретением новых проклятий под руководством Долохова... — ее голос задрожал и сорвался. Она увидела, как Малфой кивнул в темноте.

Внезапно ее живот скрутило, и девушку вырвало.

Боже, Джинни...

Малфой подождал, пока у нее прекратятся приступы тошноты, и поднял ее с пола, чтобы трансгрессировать обратно в ее комнату в поместье.

Из горла Гермионы вырвался нечеловеческий крик боли — так дорого ей обошлась трансгрессия. Она повалилась на Малфоя и только тогда заметила, что вся покрыта остатками непереваренной пищи. Ее зрение прояснилось лишь на несколько секунд, прежде чем ее снова поглотила тьма. Она едва сдержала всхлип, пытаясь вслепую вытереть руки о ткань столь же грязной мантии.

Малфой пробормотал несколько очищающих заклинаний, и неприятный запах, окружавший Гермиону, пропал. Он толкнул ее на кровать.

— Даю тебе три дня, — сказал Малфой, и сквозь сгущавшийся в голове туман она едва расслышала, как он вышел из комнаты.

Гермиона хотела оставаться в сознании. Так она смогла бы оплакать утраты и обдумать все то, что успела выяснить сегодня, но, казалось, ее голова налилась

свинцом. Она никак не могла ухватиться за какую-нибудь мысль...

Гермиона потянула рукава мантии вниз, пока не затрещали пуговицы. Девушка скинула ее на пол. Стягивая чулки, она старалась стереть воспоминания о холодном и скользком прикосновении змеи к коже.

Прошло два дня, прежде чем ее зрение относительно восстановилось. Из-за головной боли Гермиона не могла заставить себя поесть. Когда она пыталась сесть или встать, комната начинала расплываться у нее перед глазами.

Гермионе ничего не оставалось, кроме как бесконечно размышлять.

Когда на третий день пришел Малфой, она заставила себя сесть и посмотреть на него твердым взглядом.

— Еще вопросы? — спросил он холодным тоном, разглядывая Гермиону.

Девушка покачала головой. Малфой, казалось, удивился.

— Хотя один, думаю, все же найдется, — сказала она через минуту.

Малфой замер в ожидании. Гермиона постаралась собрать воедино имеющиеся обрывки информации и все противоречия, которые беспокоили ее на протяжении месяцев. Похоже, у нее наконец-то получилось составить что-то, напоминающее целостную картину.

Гермиона сделала глубокий вдох, прежде чем заговорить. Она встретилась с Малфоем взглядом.

Хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия.

— Война давно окончена, — сказала она. — Даже несмотря на то, что в некоторых частях Европы она официально продолжается, это больше не имеет значения. Учитывая то, что публикуется в прессе, я подозреваю, что скоро будет объявлено перемирие. За последние два года с тех пор, как умер Гарри, больше не было никаких достижений, кроме разве что завоевания Великобритании.

Малфой молчал. Лицо его ничего не выражало.

— На самом деле, практически ничего и не происходило с тех пор, как Гарри погиб. Все до этого пропагандируемые Волдемортом идеи перестали получать продвижение после его победы в Финальной битве. Потому что... — она на секунду засомневалась. — Потому что между ними существовала какая-то связь. Их что-то объединяло, возможно, еще со времен, когда Волдеморт не смог убить маленького Гарри. Поэтому иногда они проникали в сны друг друга и поэтому, если помнишь, Гарри мог разговаривать на парселтанге. Вот почему, когда Волдеморт использовал убивающее заклятье в Хогвартсе в первый раз — чтобы убить Гарри — оно поначалу не сработало...

Голос Гермионы надломился. Она сглотнула и заставила себя продолжить. Девушка ощущала, как к ней подкрадывается новый приступ боли, но оставила его без внимания.

— Поэтому ему пришлось наложить убивающее еще раз. Из-за их связи. Но дело было не только в Гарри... Бессмертие Волдеморта... Профессор Квиррелл, тот дневник, что был у твоего отца... Каким-то образом твой хозяин мог связывать свои жизненные силы с одушевлёнными и неодушевленными предметами. И Орден об этом знал. Вот как он понял, что нападение на Министра было делом рук Ордена, а не какого-то нового отряда Сопrotивления. Потому что целью нападения было не убийство Министра или Амбридж. Медальон, который носила Надзирательница. Я видела его, когда мы проходили обучение. Этот медальон принадлежал Волдеморту. Был одним из тех самых связующих предметов. Оставшийся член Ордена, кто бы он ни был, смог понять, в чем ценность этого украшения и потому разрушил его.

Малфой едва заметно прищурился. Гермиона чуть склонила голову. Они изучающе смотрели друг на друга.

— Боюсь, я пропустил вопрос, — сказал Малфой через мгновение.

— Я еще не задала его, — ответила Гермиона спокойно, продолжая игнорировать нараставшую головную боль. Казалось, что её мозг сейчас взорвется.

— Программа увеличения рождаемости, — выдавила она, глубоко дыша, стараясь преодолеть боль, — это ведь просто уловка для отвлечения внимания. Волдеморту нет дела до магического сообщества. Это трюк для публики. Он не собирался поработать магглов из-за того, что беспокоился о демографической ситуации. Он просто хотел получить немного времени, организовывая весь этот спектакль с чистокровными семьями и суррогатными матерями. Волдеmort не останавливал войну, потому что хотел. Он был вынужден ее остановить.

Резкая боль словно расколола ее голову надвое, и взгляд Гермионы заволокло красной дымкой. Будто у нее на лбу была рана, кровь из которой застилала глаза. Она закричала от боли и повалилась вперед. Девушка заставила себя поднять взгляд на Малфоя. Он дернулся навстречу ей.

Гермиона сдавленно прошептала:

— Он умирает, не так ли?

Примечание к части

Арт к главе.

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CADSpl0Hg3Z/>

17.

Гермиона стояла на третьем этаже в доме на площади Гриммо. В тускло освещённом коридоре было непривычно тихо. Такое обычно случалось поздним вечером или рано утром. Проходя мимо одной из комнат, она заметила знакомую рыжую макушку, склонившуюся над столом с картами. Девушка остановилась и легонько постучала в дверь.

— Эй, Миона, — рассеянно произнёс Рон, передвигая фигуры на карте. Выражение его лица было напряженным.

— Есть минутка? — спросила она.

— Конечно. — Он сунул палочку в задний карман джинсов и взглянул на нее. — Изучаю отчеты за те дни, что меня не было. Смотрю, у Сопротивления было немало работы в последнее время. Ты, наверно, была сильно занята?

Он бросил на нее пронизательный взгляд. Гермиона опустила глаза.

— Я уверена, ты понимаешь суть подобной стратегии, — тихо произнесла она.

— Кингсли использует крестражи, чтобы держать Гарри подальше от поля боя, — сказал он.

Гермиона коротко кивнула.

— Ты ведь осознаёшь причину?

Выражение лица Рона стало жестче, когда он пожал плечами и кивнул.

— Чтобы не рисковать Гарри в мелких стычках, потому что тот нужен для финального удара. Да. Я понимаю. Но это не значит, что мне это нравится. И некоторые из этих рейдов... — он вытащил несколько свитков и просмотрел их, — это почти самоубийственные миссии. Я не представляю, как Кингсли удаётся все проворачивать перед остальными, манипулируя влиянием Гарри. Нас не было всего пару недель, и вот как изменилась его тактика...

Он замолчал, сердито глядя на отчеты.

— Скажи мне, скольких мы потеряли за эти недели?

Гермиона открыла рот, чтобы ответить, но он оборвал ее.

— Хотя можешь не отвечать. Я вижу цифры в чертовом отчете. Просто, блять, невероятно! Если бы Кингсли сейчас был здесь, я бы ему врезал!

Его лицо побагровело от ярости.

— Рон, мы не можем продолжать вести войну без потерь, — сказала Гермиона, чувствуя, как ее внутренности сжимаются при воспоминании о том, скольким людям она закрывала глаза за последние несколько недель. Как им с Биллом пришлось накладывать заклятие расширения на одно из убежищ, чтобы там поместились все смертельно раненные бойцы. — Не думаю, что ты понимаешь,

насколько истощены наши ресурсы. Как считаешь, сколько ещё лет Соппротивление сможет продержаться только на наследстве Гарри? В Больничном крыле не хватает персонала и медикаментов. Влияние Тома над Европой усиливается. Единственный вариант, который у нас остался, — это принять ситуацию и взять на себя ответственность за все эти решения. И мы не можем рисковать Гарри.

Рон молчал. Гермиона видела, как он сжал челюсти, пытаясь справиться с эмоциями.

— Нам нужно отыскать крестражи, — наконец сказал он. Гермиона медленно выдохнула. Она не замечала, что все это время задерживала дыхание, ожидая его реакции. Затем девушка кивнула.

— Да, — ответила она. — Том и Гарри — ключевые фигуры в войне. Пожиратели Смерти амбициозны и нестабильны. Том — это та сила, которая держит армию сплоченной. Если мы сможем убить его окончательно, это подтолкнет к личным междоусобицам. У Соппротивления появится шанс нанести решающий удар.

— Единственный плюс в одержимости Тома собственным бессмертием — это отсутствие у него даже мысли о том, чтобы выбрать себе преемника, — устало отметил Рон, смотря на один из лежавших на столе отчетов. Гермиона могла разглядеть на нем свою подпись, подтверждавшую количество пострадавших и погибших. Бездушные цифры, выведенные на бумаге ее аккуратным почерком. — Хотя я не сомневаюсь, что Малфои будут считать себя первыми в очереди к власти теперь, когда Беллатриса мертва. Ебанные психопаты.

— Тебе нужно убедить Гарри, что поиск крестражей для нас сейчас на первом месте, — сказала Гермиона, смотря Рону прямо в глаза. — Это очень важно. После того, что случилось с Джинни, боюсь, он захочет снова участвовать в сражениях, игнорируя поиски.

Рон слегка побледнел.

— Понимаю, — тихо ответил он.

Гермиона нерешительно подошла ближе.

— Рон, то, что я сказала на вчерашнем собрании... Надеюсь, это не заставило тебя чувствовать себя виноватым. Ты спас Джинни. Я подумала, что не могу скрывать эту информацию от Ордена, но я не хотела причинить тебе боль.

— Все в порядке, — сухо ответил он. — Ты поступила правильно.

— Мне очень жаль...

— Прекрати, я действительно не хочу об этом говорить, — сказал он дрожащим голосом, не терпящим возражений.

Гермиона посмотрела на него. Кончики его ушей покраснели, а сам он был бледен как полотно. Веснушки на его лице выделялись ярко, словно капли крови.

Если она продолжит, он взорвется.

Гермиона почувствовала, как у неё сжалось сердце.

— Ладно... Тогда я не буду больше отвлекать тебя, — сказала она и повернулась к выходу.

***

Гермиона пришла в себя и в шоке обнаружила, что кто-то склонился над ней, запрокидывая её голову. Правая сторона ее лица и тела была сильно напряжена и обездвижена. Она не могла пошевелить пальцами, а язык болел так, словно его кусали несколько раз.

Она отпрянула от держащих её рук, и человек... мужчина перестал прикасаться к ней. Он отступил назад, внимательно разглядывая ее. Она в замешательстве уставилась на него. Он был бледным, со светлыми волосами. Его лицо, которое казалось выразительным, когда девушка впервые открыла глаза, теперь стало абсолютно пустым.

— У тебя был приступ, — сообщил он ей спокойным голосом. — Очевидно, зелье плодородия и легилименция не сочетаются.

Он взглянул на палочку в своей руке.

— Ты можешь говорить? Ты кричала в течение нескольких минут.

Гермиона с трудом сглотнула. В горле у нее пересохло, будто несколько минут были явным преуменьшением. Она попыталась открыть рот и обнаружила, что мышцы на правой стороне ее челюсти были так напряжены, что девушка едва могла разжать зубы.

Она чувствовала себя странно опустошенной. Словно ее ударило током. Её мышцы и сухожилия были натянуты до такой степени, что казалось: ещё немного, и они лопнут. Когда она попробовала вздохнуть, из ее горла вырвался низкий задыхающийся звук.

Гермиона попыталась вспомнить, что произошло. Попыталась сесть, но тело не слушалось. Она беспомощно разрыдалась.

— Кто ты такой? — пробормотала девушка сквозь зубы, когда наконец перестала всхлипывать. Она посмотрела на мужчину, стоящего рядом с ней.

Мириады эмоций внезапно мелькнули на его лице. Он открыл рот, но тут же закрыл его, сомневаясь в ответе.

— Я тот, кто обязан заботиться о тебе, — наконец ответил он, и его лицо снова стало пустым. Он вытащил маленькую склянку, казалось, из ниоткуда. — Ты должна выпить это. Вероятно, ты сможешь вспомнить, что произошло, когда очнёшься в следующий раз.

Гермиона колебалась, потом кивнула в знак согласия. Он скользнул рукой под ее шею, придерживая голову, и помог наклонить ее обездвиженное тело, чтобы она могла проглотить зелье. Как только девушка выпила его, усталость полностью овладела ею, и она почувствовала, что засыпает.

— А тебя я вспомню? — спросила она, когда ее глаза закрылись.

— Полагаю, что да, — ответил он.

***

Когда Гермиона снова проснулась, в правой стороне ее тела ощущалась слабая боль, а на языке — легкий привкус исцеляющего зелья.

Она мысленно вернулась назад, пытаясь вспомнить, что произошло.

Она говорила с Малфоем о Волдемorte, о крестражах... Гермиона вдруг вспомнила это слово. Наконец она задала вопрос, который вряд ли был вопросом, потому что она была почти уверена, что права. Волдемор*т умирает*.

А потом все в ее голове словно взорвалось, комната начала вращаться, и она упала в обморок.

У нее случился приступ на глазах у Малфоя.

Когда девушка проснулась в первый раз, то была практически неподвижна и даже не помнила, кто он такой. Он накачал ее зельем Снов без сновидений.

Гермиона вспомнила их недолгий диалог. «Обязан заботиться». Это было слишком великодушное сравнение с его стороны. Она фыркнула.

Девушка передернула плечами и попыталась открыть рот. Челюсть болела, но она смогла полностью разжать зубы. Гермиона осторожно села и осмотрела себя.

Ее определённо лечили.

Приступы с потерей сознания не были ее специализацией, но Артур Уизли слегка страдал от них после того, как был проклят Люциусом Малфоем. Она присматривала за ним. Лечение приступов было похоже на лечение от последствий Круциатуса. Терапия, с которой Гермиона была хорошо знакома.

Она включала в себя не только исцеление палочкой, но и магическую физиотерапию. Использование заклинания, а затем точечное массажирование и снятие напряжения мышц вручную. Кто-то дотрагивался до нее. По крайней мере, этот человек разминал всю правую сторону ее тела, чтобы полностью снять напряжение и скованность суставов. Учитывая, что она чувствовала себя почти нормально, Гермиона подозревала, что ее лечили с обеих сторон от челюсти до пальцев ног.

Она слегка вздрогнула, но попыталась успокоиться.

Это было просто исцеление. Обычная терапия. Она сама исцелила сотни и сотни людей. Лечила травмы на любой части тела. Травма — всего лишь травма. Как и сам процесс исцеления. Он был совершенно лишен всякого рода чувственности или сексуальности. Полностью обезличен. Тела пациентов редко воспринимались как нечто большее, чем то, что можно исцелить и отправить снова на поле боя.

Но все же... Мысль о том, что кто-то ухаживал за ней, пока она была без сознания в доме Малфоя, заставила ее почувствовать себя нехорошо.

Она прижала одеяло к груди, словно защищаясь.

Гермиона взглянула на календарь и увидела, что прошло два дня с момента ее разговора с Малфоем.

Она пошевелилась и слабо зашипела, глядя вниз. Ее грудь болела и... увеличивалась в размерах. Несколько секунд девушка смотрела на неё с ужасом, потом вспомнила, что это побочный эффект зелья плодородия, которое дала ей Страуд. Она поморщилась и выбралась из постели.

Малфой использовал очищающие чары на ней после возвращения из зала Волдеморта. Она собрала полотенца и одежду и пошла по коридору в душевую, находящуюся в комнате неподалёку.

Долгий душ снял оставшееся напряжение в теле. Она откинула голову назад под струи воды и вспомнила Рона. Крестражи. Количество жертв. Джинни.

Все всегда возвращалось к Джинни.

Рон. Он выглядел таким изможденным. Растоптанным войной. В его волосах виднелась седина, хотя ему было не больше двадцати двух лет. Она забыла эти подробности. Забыла о том, как война сжирала его изнутри, как физически проявлялся в нем стресс.

Рон планировал миссии вместе с Грюмом и Кингсли. Пользуясь своим талантом стратегии игр в волшебные шахматы, он научился применять его на войне. Он был так горд, когда Кингсли впервые одобрил одну из его стратегий.

Рону, Гарри и Отряду Дамблдора потребовалось время, чтобы понять, что война будет долгой. Они думали, что магический мир восстанет в поддержку Ордена. И тот факт, что Гарри был свидетелем поражения Волдеморта во время Первой магической войны, наполнит общество волшебников уверенностью в силе Света.

Но Волдеморт извлек уроки из Первой войны. Он стал более умен, осторожен и хитер, особенно после неудачной битвы в Отделе тайн. Он ограничил свой террор магглорожденными, семьями полукровок и предателями крови. Захватив Министерство, он сразу объявил Орден Феникса террористической организацией. И убил Дамблдора в его собственной школе руками шестнадцатилетнего подростка.

Любая уверенность магического мира в силе Света была быстро подавлена. Магглорожденные и полукровки составляли лишь небольшую часть популяции волшебников. Всему остальному магическому сообществу было проще не высовываться и оставить Орден в одиночку сражаться с Волдемортом «за права магглорожденных».

Было трудно вести войну с позиции террористов.

Даже если у тебя были деньги, попасть в Косой переулок или пробраться в хранилище Гринготтса стало нелегко. Идентификация личности с подачи Министерства стала необходимой для любой покупки: будь то еда или поставка

зелей. Покупка больших количеств сразу вызывала подозрение. Человек также мог быть отправлен в больницу после сражения, но любые травмы, связанные с боевыми, требовали того, чтобы Святой Мунго связывался с Авроратом. Раненые члены Сопrotивления обвинялись в терроризме, помещались под арест и исчезали в одной из тюрем Волдеморта.

Сопrotивление не было готово к тому, насколько решительными будут первые атаки Волдеморта. У них не хватало запасов. Они не прятали достаточное количество людей в укрытиях, многие из тех, кого пытались защитить, не были в состоянии скрываться. Всегда находились люди, которые думали, что им сойдет с рук их выбор, если они изменят его, переметнувшись в другой лагерь. Все заканчивалось пытками, мучительными смертями и публичной казнью.

Гордость, которую испытывал Рон, когда применялись его стратегии, быстро стала угасать, когда он обнаружил, что почти невозможно организовать бой без потерь. Люди не были многоразовыми фигурами на шахматной доске. Когда их приносили в жертву, они умирали. Ужасной смертью. И даже если ты сделал все возможное стратегически, чтобы защитить их, они не всегда поступали так, как хотелось бы.

Рон, как правило, принимал каждую смерть и боевую травму близко к сердцу. Та зависть к лучам славы и героизму, которую он испытывал к Гарри, исчезла. Война быстро отрезвила его, и это понимание еще больше сблизило их с Гарри, залатав все трещины в дружбе. Они объединились в чувстве вины, решимости и идеализме сил Добра и Света. Стали ближе и роднее. Больше, чем братья.

Для Гермионы почти не осталось места.

Девушка вздохнула и опустила голову, чувствуя, как вода стекает по ее щекам. Ее губы скривились и задрожали, когда она вспомнила Хогвартс.

Гарри, Рон и Гермиона. Неразлучное трио... до смерти Дамблдора, когда Гермиона выбрала специализацией зелья и исцеление, а не тренировку защитной магии с Гарри, Роном и остальным отрядом.

Ее дни были потрачены на изучение целительства под руководством Поппи Помфри. Ночи она проводила в изучении зельеварения со Снейпом. Дружба отошла на второй план. Даже ее оценки уже не имели значения.

У нее было мало времени, чтобы тратить его на тренировки защитных заклинаний. Остальные изучали боевую и защитную магию. Казалось, никто больше не беспокоился о травмах или о том, как противостоять проклятиям. Или о возможности делать зелья, необходимые для исцеления ран.

В течение месяца после битвы в Отделе Тайн Гермиона ежедневно принимала десять различных зелей, чтобы восстановить все внутренние повреждения от невербального проклятия Долохова. Ей повезло, что она выжила.

Спустя несколько месяцев со смерти Дамблдора, девушка уже остро понимала, какую важную роль сыграют целительство и зельеварение в том, сможет ли Сопrotивление вести войну достаточно долго, чтобы выиграть ее. Но она была единственной, кто беспокоился об этом. Все считали ее параноиком. Больницы были нейтральной территорией. И, если кому-то требовалось исцеление, всегда можно было обратиться в больницу Святого Мунго.

Вот только потом они стали террористами. А для террористов не существовало нейтральных зон.

Когда Волдеморт внезапно захватил контроль над Министерством, первым указом министра Толстоватого было подписание «Акта о регистрации магглорожденных». Тщательно рассчитанный и продуманный ход. Магглорожденных и полукровок — авроров и целителей Святого Мунго арестовали. Их палочки были изъяты, прежде чем они смогли бежать в Орден.

Они стали бы бесценными членами Сопротивления, если бы Орден смог их вовремя перехватить.

Вместо этого «террористическая организация» внезапно оказалась отрезанной от цивилизации, ненадолго оставшись с Поппи Помфри в качестве своего самого опытного целителя. Всех бойцов Сопротивления привозили в Интернат Старших сестёр для лечения от боевых ранений и темных проклятий. Кингсли удалось нанять двух врачей общей практики, чтобы создать полуфункциональную больницу. И из-за тенденции Волдеморта наказывать целые семьи большинство волшебников не стремились бежать, бросая свою прежнюю жизнь, и вступать в союз с Орденом.

В тот момент война была сосредоточена в Англии. После захвата британского Министерства Магии европейские магические больницы, сочувствующие Сопротивлению, тайно протягивали руку помощи и предлагали специализированную подготовку по исцелению темной магии и проклятий. Гермiona была единственным человеком, обладающим достаточными базовыми навыками в области целительства, которого Орден мог отправить на переподготовку.

И вряд ли это было просьбой или пожеланием. Орден нуждался в целителе. Если они не могли нанять его, то должны были создать. У Гермiony были способности. Ей едва дали время попрощаться, как Кингсли тайно вывез ее из Британии. Она не знала, когда вернется.

Девушка одержимо училась почти два года. Она уже заканчивала обучение, когда после очередной стычки Ордена было раскрыто нахождение лечебницы. Пожиратель Смерти схватил Эрни Макмиллана, когда тот аппарировал туда. Как только Пожиратель оказался внутри защитных оберегов, он тут же ушел и привел с собой остальных.

Укрытая чарами Фиделиуса больница не была хорошо защищена. Плана эвакуации не было. Никакой охраны. Это была кровавая баня, прежде чем Орден успел мобилизоваться и отправить подкрепление. Сопротивление потеряло двух целителей, которые были завербованы, их стажеров-целителей, Горация Слизнорта и почти всех раненных, находящихся там на лечении.

Пожиратели специально оставили Эрни в живых.

Орден требовал немедленного возвращения Гермiony.

Волдеморт позволил Антонину Долохову создать подразделение по разработке проклятий. Пожиратели использовали в боях усовершенствованные проклятия, которые требовали продвинутого анализа заклинаний для противодействия.

Специальность, которую изучала Гермиона. Орден также нуждался в новом Мастере зелий, и Гермиона была достаточно квалифицированной, чтобы заступить на эту должность.

Через три дня Кингсли лично прибыл в австрийский магический госпиталь, где она училась, и забрал ее обратно в Англию.

В ее отсутствие Гарри и Рон стали дуэтом. С её возвращением трио попыталось возобновить дружбу, но после двухлетней разлуки они оказались по разные стороны баррикад в отношении использования определенной магии.

Гермиона не разделяла идеалистической веры в то, что Свет и Добро в конце концов переломят ход войны. В ее глазах война была словно цунами, и Орден использовал недостаточно ресурсов, чтобы справиться с ней и не оказаться стёртым с лица земли.

С того момента, как девушка вернулась в Англию, она жила в новой больничной палате, расположенной на втором этаже в доме на площади Гриммо. Она проводила дни и ночи, наблюдая, как умирают люди, видя, как они понимали, что скоро умрут. Пыталась спасти их. Она сидела рядом с ними и как можно мягче объясняла, что они никогда не будут разговаривать или никогда не будут есть, возможно, никогда не будут видеть или ходить. Что у них никогда не будет детей. Что их партнер, супруг, родители или дети погибли, пока они были без сознания.

Гермиона жила так каждый день после сражений, дышала этим опустошением, пока, наконец, не утонула в нем.

Девушке не разрешалось драться. Ее не пускали на поле боя. Она была слишком ценной в качестве целительницы и Хозяйки зелий. Орден не мог рисковать.

Она бесконечно смотрела на «результаты» сражений, на которые не имела никакого влияния.

Поэтому она пускала в ход то, что у нее было: голос и положение члена Ордена. Гермиона использовала свое место на собраниях, чтобы убедить Орден расширить обучение за пределы защитной магии. Она не выступала за пытки или непростительные. Девушка просто хотела, чтобы бойцам Сопротивления было дано явное, а не просто молчаливое разрешение убивать Пожирателей Смерти в целях самообороны.

Она не думала, что это станет такой большой жертвой или сложным решением в данном положении дел.

Но это стало.

Гарри был непреклонен. Они не будут использовать темную магию, не будут убивать людей. Большая часть Ордена его поддержала.

Гермиона стала откровенным изгоем. Это разрушило большинство ее дружеских отношений.

Она не удивилась, когда Джинни пришла к выводу, что Снейп был единственным человеком, с которым у Гермионы могли быть отношения. Джинни была права.

Гермиона почти всегда была одна.

Девушка вздохнула про себя и выключила душ.

Если бы она поступила иначе, могло ли это изменить исход войны? Если бы она посвятила себя защитной магии? Если бы она не занялась целительством или зельеварением? Если бы она не уехала тогда на два года?

Разве это что-то изменило бы? Спасла ли она кого-нибудь?

Комок образовался в горле, когда Гермиона повторила насмешку Малфоя, брошенную им за несколько месяцев до этого:

Ты ведь даже не участвовала в сражениях, не так ли? На поле битвы тебя я точно не встречал. Тебя не было там с Поттером и Уизли. Ты просто пряталась. Проводила все свое время в больничных палатах. Тщетно размахивая палочкой, спасая людей, которым в итоге лучше было умереть.

Она с трудом сглотнула и сжала губы в жесткую линию, выходя из душа и вытираясь полотенцем.

Девушка остановилась на мгновение и уставилась в зеркало.

Гермиона ненавидела свое отражение. Ненавидела смотреть на себя. Она старалась отводить глаза всякий раз, когда сталкивалась с зеркалом. Она с трудом узнавала человека, которого там находила.

В своих воспоминаниях Гермиона была изможденной от стресса и недоедания. Бледной от постоянного пребывания в камерке, готовя целебные и укрепляющие зелья. Ее неуправляемые волосы всегда были тщательно заплетены в тугие косы, которые она закручивала на затылке. Худая, с тонкими костлявыми конечностями. Ее глаза были большими и темными, с пылающим в них огнём надежды.

Сейчас же...

Ее лицо больше не было изможденным. Благодаря ежедневному питанию она набрала вес, ее щеки перестали быть впалыми. Регулярные прогулки улучшили цвет её лица, добавили легкого естественного румянца. Без гребня или каких-либо зажимов для волос Гермиона могла расчесывать их только руками. Волосы падали буйными волнами кудрей и завитков, доставая ей до локтей. Ее колени, локти, тазовые кости и ребра больше не торчали. Она нарастила мышечную массу упражнениями.

Она выглядела здоровой. Даже слишком. Нормальной. Как Гермиона из другой жизни.

Но ее глаза...

Ее глаза были мертвы. В них не осталось прежнего огня.

Искра, которую она считала самой неотъемлемой частью своей сущности, погасла.

Она была живым трупом.

Девушка отвернулась от зеркала и оделась.

Зелье плодородия повлияло на то, как теперь сидела на ней одежда. Пуговицы на ее груди натянулись, и она могла видеть свои соски сквозь ткань платья. Гермиона ссутулилась, пытаясь скрыть это, и распустила волосы по плечам.

Вернувшись в свою комнату, девушка обнаружила там приготовленный для нее обед. Она ткнула вилкой в салат из огурцов и уставилась в окно. Снег растаял. В поместье царил бесконечный серый цвет. Даже небо было серым.

Гермиона все еще смотрела в окно, когда дверь щелкнула. Девушка оглянулась и увидела, что вошел Малfoy. На нем была его «охотничья» одежда. Она казалась чистой, так что, предположительно, он скорее уходил, чем возвращался.

Гермиона внимательно посмотрела на него. Без верхней мантии он выглядел заметно выше и гибче. Вся одежда была черной, но на предплечьях, груди и ногах блестело металлическое посеребренное защитное снаряжение. «Броня из чешуи украинского железнобрюхого дракона», заключила Гермиона, изучив его в мгновение. Для защиты от заклинаний и оружия, если, конечно, у него не было хобби укрощения драконов, о котором она не знала. В одной руке он сжимал пару перчаток.

Ей стало интересно, носил ли он свою броню, когда убивал Джинни, Минерву Макгонагалл, Аластора Грюма, Невилла, Дина, Симуса, профессора Стебль, мадам Помфри, профессора Флитвика и Оливера Вуда. Наверное, он всегда носил её под одеждой Пожирателя Смерти.

Чешуя железнобрюхого была очень устойчива к магии и почти непроницаема для физических атак. В поединке, если нападающий не мог попасть ему в голову или использовать смертельное проклятие, Малfoy было трудно победить. У кого-то с кандалами, блокирующими магию, не существовало вообще никаких шансов против него.

С другой стороны, когда вообще слизеринцы заботились о честной борьбе?

Его глаза встретились с ее глазами в другом конце комнаты, и он внимательно посмотрел на нее.

Она скрестила руки на груди, словно защищаясь.

— Вспомнила меня наконец? — спросил он.

— К моему глубочайшему сожалению, — сказала она, отворачиваясь от него. Он медленно приблизился.

— Я сообщил Страуд о случившемся. По-видимому, она не потрудилась проверить факторы риска совмещения зелья плодородия и сеансов легилименции, — сказал он с легкой усмешкой.

— Я сомневаюсь, что эта комбинация регулярно изучается мастерами зелий, — сухо ответила Гермиона.

Наступила пауза, Малфой вытащил из воздуха газету и протянул ей. Она с любопытством выхватила её из его пальцев.

— Ты явно извлекла пользу из чтения, — сказал он, когда она развернула газету.

«Мирные переговоры в Скандинавии!» — кричали буквы на первой полосе.

Она слегка усмехнулась про себя, просматривая статью.

— Как ты догадалась? — спросил он после минуты молчания.

Она подняла глаза от газеты.

— Насчет этого? — невинно сказала Гермиона, указывая на статью.

Он закатил глаза.

— Нет.

Уголок ее рта слегка дернулся.

— Я целительница, — сказала она, затем посмотрела на свои запястья. — Или, по крайней мере, ею была. Я специализировалась на исцелении темной магии. Я знаю признаки магической коррозии. Слишком большая концентрация использования темной магии начинает превращаться в яд в организме. Тело и собственная магия пытаются побороть это. Но как только темная магия проявляется на клеточном уровне, пути назад нет. Темная магия пожирает тело изнутри.

Она отложила газету в сторону.

— Магия, конечно, все еще очень сильна в нем. Он до сих пор является одним из самых могущественных волшебников в мире. Но физически слабеет. Даже вся эта кровь единорога, в которой он купается и которую поглощает, не может в достаточной мере справиться с симптомами. Лежать в оцепенении в змеином гнезде — попытка оттянуть неизбежное. Даже если он бессмертен, то скоро станет всего лишь тенью. Он растворится в эфире. И теперь, когда Гарри мертв, у него не будет возможности возродиться снова. Если все его крестражи будут уничтожены, он просто перестанет существовать.

Малфой резко взглянул на нее, и она встретила с ним взглядом.

— Эти связующие предметы называются крестражами, не так ли? — спросила она.

Он медленно кивнул.

— Новое воспоминание? — сказал он.

Она кивнула.

— Во время приступа, — ответила Гермиона, откидываясь на спинку стула. — Орден охотился за ними. Это была задача Гарри и Рона.

— Что-нибудь еще? — спросил он низким и опасным голосом.

— Рон был расстроен количеством жертв. Мы умирали с голоду. Я сомневаюсь, что это та информация, которую ты не знал, — тихо сказала она. Девушка пристально посмотрела на него, ожидая, что он немедленно вторгнется в ее сознание. Для проверки. Он просто смотрел на нее.

Она отвела взгляд, а через минуту оглянулась и заколебалась.

Малфой заметил ее внимание и наклонил голову, выгнув бровь.

— Кингсли Бруствер... — медленно произнесла она. — Ханна не упоминала о нем. Все твердят, что я — это все, что осталось от Ордена. Но я не помню...

— Он погиб за несколько месяцев до Финальной битвы, — сказал Малфой, отводя от нее взгляд. Его челюсть слегка дернулась.

Гермиона подозревала... но все равно почувствовала острую боль в груди, когда услышала подтверждение.

Она была уверена, что уже знает ответ и на следующий вопрос.

— Это ты был тем, кто...

Он встретился с ней взглядом и кивнул.

— Он встал у меня на пути.

18.

Гермиона в замешательстве смотрела на кусок бумаги, который держала в руках.

Она нахмурилась и сложила его вдвое. Сделав это, девушка остановилась в растерянности.

Она больше не помнила, как складывать бумажных журавликов.

Гермиона сделала больше тысячи таких фигурок. Больших и маленьких. Она помнила, как складывала их одну за другой изо дня в день.

Теперь же девушка не понимала, в какой последовательности нужно складывать бумагу. Сначала по диагонали? Может, в первую очередь пополам, а потом еще раз вдвое? Она испробовала оба варианта.

Гермиона не могла вспомнить. Это знание... Оно исчезло.

У нее не было на руках ни одного из уже сделанных журавликов, чтобы развернуть его и попытаться повторить процесс заново. Эльфы всегда уничтожали все фигурки к концу дня.

Гермиона вздохнула и отложила бумагу в сторону.

Видимо, она забыла, как складывать оригами, во время недавнего приступа. Возможно, он повредил ее мозг.

Воспоминания каким-то образом испарились, не оставив и следа.

Теперь она не помнила ни того, зачем делала журавликов, ни того, когда вообще этому научилась. Скорее всего, в младшей школе.

Гермиона надела мантию и отправилась на улицу.

Поместье выглядело мрачно и тоскливо. Зима пыталась отвоевать последние морозные дни перед приходом весны. Стекла окон по утрам были покрыты инеем. Но все же становилось теплее, и порой несколько дней подряд шел дождь.

Сегодня лишь слегка моросило, так что Гермиона продолжила путь по окрестностям.

Теперь она могла гулять в одиночку почти по всему поместью и прилегающей к нему территории. Но открытые пространства все еще оставались для нее проблемой.

Порой, когда Гермиона пыталась покинуть пределы живой изгороди и пройти дальше, к простиравшимся вдаль лугам, она чувствовала себя так, словно ее тело вскрывают заживо. Казалось, кто-то вытягивает из нее всю жизненную энергию. В эти моменты рассудок покидал ее, оставляя один на один с ощущением абсолютного, неконтролируемого страха.

Она не могла... была не в силах справиться с ним.

Гермиона не знала, сможет ли когда-нибудь преодолеть этот страх. Получится ли у нее излечиться от агорафобии. Казалось, что страх пронизывал всё ее существо, жил в каждой клетке тела и сжимал ее горло и легкие в невидимых тисках, не позволяя дышать.

В дни, когда не было дождя, Гермиона проводила большую часть времени на улице. В поместье она возвращалась в испачканной грязью одежде, портя начищенные до блеска полы в коридорах. В домах волшебников не было ни ковриков у двери, ни щёток для обуви, так как одним взмахом палочки можно было избавиться от любых загрязнений. Каждый день Гермиона извинялась про себя перед эльфами за оставленные следы.

Так проходили дни. Один похожий день сменялся другим.

Гермиона просыпалась и завтракала. Несколько раз перечитывала газету. Раньше, до того, как она разучилась делать оригами, девушка бы занимала себя фигурами из бумаги. Потом обедала. Гермиона часами гуляла по окрестностям поместья в те дни, когда позволяла погода. Если шел сильный дождь, она выходила на улицу лишь ненадолго, а потом возвращалась в свою комнату и занималась физическими упражнениями, пока не чувствовала, что едва хватает сил, чтобы встать. Принимала душ. Гуляла по комнатам поместья. Ужинала. Иногда Малфой приходил для очередного сеанса легилименции, иногда — чтобы безразлично трахать ее на столе. Потом она ложилась спать. На следующее утро все повторялось заново.

И так каждый день.

Ничего, кроме новостей из газет, не разбавляло эту рутину.

Гермиона ни с кем не говорила, кроме Малфоя и Страуд.

Понимание того, что программа увеличения магической популяции — это обман, ничего не меняло. Не имело значения и то, что Волдеморт умирает.

Не для нее.

Малфой все еще проводил все свое время в попытках поймать того, кто разрушил медальон. Когда он приходил в ее комнату, чтобы в очередной раз изучить воспоминания, то выглядел заметно изможденным. Он лишь ненадолго вторгался в ее сознание, словно опасаясь, что может навредить ей и вызвать еще один приступ.

Гермиона начала подозревать, что Волдеморт регулярно пытал Малфоя Круциатусом. Каждый раз, когда тот докладывал, что до сих пор не поймал нападавшего.

Она поняла, что он возвращался в поместье побледневшим вовсе не от ярости. Всею виной были пытки. На самом деле, он выглядел так, словно его наказывали Круциатусом ежедневно. Каждый раз, когда Гермиона видела его, симптомы последствий заклинания проявлялись все сильнее и сильнее.

Влияние Круциатуса на человека всегда было несложно заметить. Волшебник,

постоянно находящийся под действием этого заклинания и даже сумевший сохранить рассудок, будет вынужден иметь дело с неприятными последствиями для организма. Руки Малфоя... они дрожали так же, как до сих пор иногда дрожали руки Гермионы. Она гадала, лечил ли его кто-то. Было ли у него вообще на это время.

Малфой точно проходил какую-то исцеляющую терапию восстановления, решила Гермиона. Даже она получила лечение после своего приступа. И Малфой, скорее всего, обратился к тому же целителю. Возможно, у него был личный лекарь, которого он заполучил еще во время войны. Гермиона не могла представить себе Малфоя, терпеливо ожидающего своей очереди в коридорах больницы Святого Мунго.

Она старалась не замечать его симптомы. Болезненную бледность. Спазмы и дрожь в руках. Расширенные зрачки. Гермиона напоминала себе, что он охотится за последними оставшимися членами Ордена. И каждый раз, когда Малфой возвращался в поместье с явными последствиями пыток, означал, что он провалил задание, а Орден выжил.

Но это все равно терзало Гермиону как целителя. Ухудшение его состояния, которое она не могла не замечать. Из-за этого ее постоянно мучила совесть.

Гермиона старалась игнорировать ее.

Волдеморт умирал. Дни его были сочтены, и Малфой, зная об этом, продвигался вверх по службе, пытаясь стереть остатки Ордена с лица земли. Раньше она старалась понять, почему он так покорно подчинялся любым приказам. Малфой спокойно отреагировал даже на то, что к нему прислали Грязнокровку, которая должна была стать матерью его детей. Теперь она знала почему. Он был готов сделать все, что угодно, чтобы остаться на хорошем счету у Волдеморта.

Рон был прав. Малфой, по всей видимости, считал себя его преемником. Да и почему бы ему так не думать? Верховный Правитель. Правая «Рука Смерти» Темного Лорда. Когда Волдеморта не станет, кто осмелится спорить, что Малфой — самый подходящий кандидат на роль следующего Повелителя? Ни один другой Пожиратель не мог сравниться с ним по могуществу.

Малфой, без сомнения, собирался стать следующим Темным Лордом. И Гермиона была уверена, что он достигнет своей цели, если только Волдеморт не убьет его раньше.

Она думала о том, каким Темным Лордом мог бы стать Малфой. Для чего ему вообще это было нужно? Гермиона до сих пор не могла разобраться. Возможно, она так никогда и не узнает этого. Она всегда гадала о мотивах Малфоя, но все равно никак не могла понять его.

«Он заслуживал смерти, — думала девушка про себя. — Заслуживал пыток Круциатусом. Этот мир однозначно станет лучше, если Драко Малфоя убьют или доведут до сумасшествия Круциатусом».

Но Гермиона чувствовала себя странно, представляя Малфоя в одной палате с душевнобольными. Девушка ощущала, будто каким-то образом виновата в том, что бездействовала и просто наблюдала, как ежедневные пытки калечат Малфоя.

Гермиона ничего не могла сделать, даже если бы захотела. Она хладнокровно повторяла себе это, бродя по дорожкам лабиринта из живой изгороди. Она и не хотела помогать ему. Малфой был Пожирателем Смерти. Никто не заставлял его вступать в ряды последователей Волдеморта или убивать Дамблдора. Его не принуждали стать тем, кто уничтожит всех членов Ордена и большую часть Соппротивления. Малфой заслуживал всю ту боль, что сопровождала его служение Темному Лорду. Он заслуживал даже большего.

Если Гермиона не сможет убить его своими руками, то это вполне способен сделать Волдеморт своей бесконечной жестокостью. То, что Малфой мог умереть от рук своего хозяина, казалось удачной насмешкой судьбы. Мысли об этом радовали Гермиону.

По крайней мере, должны были радовать.

Она вздохнула и остановилась, прижав основания ладоней к глазам, стараясь прекратить думать обо всем этом.

Видимо, Гермиона сумела сохранить крупницы сострадания даже для таких бесчеловечных монстров. Она всегда испытывала отвращение к самой идее пыток. Даже наблюдать за наказанием для Амбридж было невероятно тяжело. Очевидно, что девушка не могла не обращать внимания и на Малфоя.

В следующий ее период фертильности Гермиона чувствовала себя еще хуже из-за зелья плодородия.

С его приближением ее грудь увеличилась на несколько размеров. Это особенно явно ощущалось без наличия лифчика, который мог бы поддерживать грудь, ставшую болезненно чувствительной от каждого движения. Низ живота опух так, словно она уже была на ранних сроках беременности. Это было ужасно. Мысли о беременности переставали быть далекими и эфемерными, когда Гермиона видела себя в таком состоянии.

Она часто плакала из-за резкой смены настроения. Одежда перестала подходить по размеру. Из-за последствий приема зелья Гермиона не могла тренироваться. Она чувствовала себя невероятно уставшей. Свернувшись калачиком в своей кровати, девушка пыталась игнорировать все изменения, происходившие в ее теле.

Когда однажды посреди ее комнаты снова появился стол, оказалось, что теперь ей стало неудобно лежать на нем, потому что весь вес ее тела давил на ее чувствительную грудь. Гермиона тяжело сглотнула. Все ее тело стало слишком чувствительным, особенно в тех местах, о которых она бы с радостью не думала. Когда девушка услышала щелчок открывающейся двери, то постаралась сосредоточиться на боли, еще сильнее перенесла вес на грудь и игнорируя любые другие ощущения.

«Пожалуйста, не забеременей. Пожалуйста, не забеременей», — молила она собственное тело.

Спустя пять дней, когда Малфой появился в комнате Гермионы, чтобы провести сеанс легилименции, он, казалось, стал выглядеть лучше. Не таким бледным и измученным. Девушка боялась, что это означало его продвижение в

расследовании.

Малфой с осторожностью изучал ее воспоминания. Более досконально, чем в прошлый раз, но все еще очень аккуратно, не пытаясь проникнуть в скрытые части сознания. Он повторил разговор Гермионы с Роном несколько раз, словно пытаясь рассмотреть его детально. Добравшись до ее переживаний по поводу его пыток, Малфой покинул ее сознание.

— Волнуешься за меня, Грязнокровка? — спросил он насмешливо. — Должен признать, никогда не думал, что доживу до того дня, когда ты будешь переживать за меня.

— Не обольщайся, — сухо ответила Гермиона. — Даже Амбридж вызывала у меня жалость, когда ее пытали. Но я все равно с радостью станцую на ее могиле.

Уголки его губ приподнялись.

— К сожалению, ее тело скормили змеям.

Гермиона поймала себя на том, что улыбается вместо того, чтобы сохранять нейтральное выражение лица. Увидев это, Малфой издал лающий смешок.

— Всегда подозревал, что ты злобная стерва, — сказал он, покачав головой.

Улыбка Гермионы померкла.

— Некоторые люди заслуживают смерти, — ответила она холодно. — А те, кто ее не заслуживал, уже убиты тобой.

Малфой закатил глаза, словно девушка только что раскритиковала его манеру держаться в обществе.

— Я следовал приказам, — заметил он, пожав плечами.

— Часто повторяешь это себе, чтобы не чувствовать угрызений совести? — Гермиона села на кровати, одаривая Малфоя презрительной усмешкой. — Подвешиваешь трупы под потолком и оставляешь их гнить там. Может, тебе кажется, что ты оказываешь им услугу, убивая их собственноручно?

Он ухмыльнулся и вздернул бровь.

— Участники Сопротивления не теряли надежды на победу даже после того, как у них на глазах убили Поттера. Они были не из тех, кто слепо верил слухам о количестве погибших, основанным лишь на словах Пожирателей. Как думаешь, сколько еще членов Сопротивления попыталось бы сбежать из тюрьмы Хогвартса, если бы они не увидели воочию гниющие тела своих товарищей? Ты, конечно, не из тех, кто верит, что надо поддерживать в людях бессмысленный оптимизм, который будет стоить им жизни?

— Кто-то из них до сих пор жив, — ответила Гермиона. — Кто-то, кого ты так и не поймал.

Он едва заметно усмехнулся.

— Ненадолго.

Гермиона почувствовала, как резко отхлынула от лица кровь.

— Ты уже..? — Ее голос задрожал.

— Еще нет. Но я могу гарантировать тебе, что последний член Ордена будет убит задолго до того, как не станет Темного Лорда. И твое драгоценное Соппротивление так никогда и не узнает, что один из них до сих пор оставался в живых, — ответил он со злой улыбкой.

— Ты не можешь быть уверен в этом, — пылко возразила Гермиона.

— Я точно знаю это, — отрезал Малфой. Его лицо приняло столь холодное выражение, словно оно было высечено из мрамора. — У этой истории всегда был возможен только один конец. Если Орден хотел другого исхода, то должен был принимать иные решения. Возможно, более жесткие и реалистичные. Они должны были распрощаться со своими сказочными представлениями о войне, в которой они смогли бы выиграть, не запачкав руки. Почти весь Орден состоял из наивных идиотов. — Он посмотрел на нее сверху вниз, ухмыльнувшись. — Знаешь, как легко убить кого-то, кто может лишь оглушить тебя? Слишком просто. Так просто, что, кажется, я мог бы делать это даже во сне.

Гермиона смотрела на него в неверии. Она видела, как его губы искажает злая ухмылка, а в глазах горит яростный огонь.

— Кого... Кого ты так сильно ненавидишь? — спросила она. Потому что даже сейчас Гермиона не могла понять, какой силы должна быть ненависть, чтобы питать темную магию Малфоя.

— Многих, очень многих людей, — ответил Малфой, презрительно пожав плечами. Потом на его губах заиграла улыбка. — Почти все из них уже мертвы.

Он развернулся и вышел из комнаты, прежде чем Гермиона успела сказать еще что-нибудь.

Спустя примерно месяц Монтегю стал снова появляться в поместье. Гермиона больше не пыталась следить за ним. Она решила, что он вряд ли был членом Ордена или участником Соппротивления. Если бы Монтегю хоть немного подозревали в предательстве, Волдеморт давно приказал бы Малфою избавиться от него.

В один из дней, когда Гермиона возвращалась с прогулки, она обнаружила целую толпу домовых эльфов на веранде возле Северного крыла поместья. Они сервировали огромные столы и расставляли повсюду бесчисленное количество ваз с цветами. Один из эльфов при виде девушки тотчас же трансгрессировал, и мгновение спустя Топси появилась рядом с Гермионой.

— Хозяйка проводит празднование в честь богини Остары, — сказала эльфийка.

Гермиона недоуменно моргнула и огляделась по сторонам. Больше походило на то, что на веранде собираются отмечать чью-то свадьбу, а не день весеннего Равноденствия.

— Понятно, — ответила она и продолжила свой путь вдоль стен поместья к другому входу в замок. Наблюдая за приготовлениями из окон второго этажа, Гермiona сделала вывод, что праздник весеннего Равноденствия был лишь удобным предлогом для Астории, чтобы устроить вечеринку. Ничто не напоминало о древнем празднике, кроме, разве что, видневшихся повсюду цветов.

С наступлением вечера веранда стала выглядеть по-настоящему сказочно, освещенная волшебными гирляндами, спрятанными в букеты из тюльпанов и нарциссов. Гермiona предполагала, что Астория заказала где-то цветы, потому что в окрестностях поместья все еще было холодно, и, казалось, весна еще не успела вступить в свои права.

Девушка наблюдала, как прибывали гости. Все до единого из них были Пожирателями Смерти. Они придерживались приличий и общались достаточно формально до тех пор, пока не стали разливать напитки.

Когда все гости расселись, и ужин был в самом разгаре, Гермiona отступила от окна, из которого следила за верандой, и надела мантию. Почти бесшумно она прошла по безлюдным коридорам и выскользнула в сад. Даже сквозь стены изгороди девушка слышала голоса, доносившиеся с веранды. Она подумала, что сможет подслушать гостей, если найдет подходящее для этого место. Возможно, кто-то из них поделится какой-нибудь информацией об Ордене или Сопротивлении. Или о других суррогатных матерях.

Статьи в Ежедневном Пророке были полны домыслов на эту тему, но Гермiona не была уверена, стоит ли им доверять.

Она продолжала неслышно ступать по петляющим дорожкам лабиринта. Ей не давали указаний оставаться сегодня в доме.

Пытаясь подслушать разговоры пьяных гостей, Гермiona испытывала странное облегчение. Она чувствовала себя... живой. Не беспомощным существом, которое проводило день за днем, складывая origami и выполняя физические упражнения. Не безвольной куклой, покорно ждущей, когда в центре ее комнаты снова появится стол, на котором ее будут насиловать. Чтобы потом оставить в покое до следующего цикла.

Теперь веранда находилась совсем рядом, по другую сторону изгороди лабиринта. Гермiona могла четко расслышать все, что говорили гости.

— У нее почти не осталось пальцев, — жаловался голос. — Нельзя же быть такой непослушной сукой. От этого зрелища мурашки по телу бегут. Вначале у меня даже с трудом вставал, чтобы трахнуть ее. Но теперь, когда она зачала, у нее появились невероятно огромные сиськи. Неплохая компенсация отсутствию пальцев.

Гермiona замерла. Они обсуждали других девушек. Возможно, Парвати или Анджелину. Они обе потеряли почти все пальцы.

Некоторые девушки были беременны.

— По крайней мере, у твоей есть оба глаза, — раздался другой голос. — Моя... просто ужас во плоти. Я трахаю ее сзади или надеваю что-нибудь ей на лицо,

чтобы не видеть эту чертову дыру в голове. Повязка на глаза немного спасает ситуацию, но все же...

Ханна Эббот.

— Они не предназначены для того, чтобы на них смотреть, — вмешался резкий голос Астории.

В ответ раздался пьяный пронзительный хохот.

— Вы бы видели, как я натренировал свою, — вмешался другой голос. — Все, что мне нужно сделать, это щелкнуть пальцами, и она сразу наклоняется и раздвигает ноги. Ее дырка настолько огромная, что я предпочитаю иметь ее в задницу, если это не один из обязательных дней. Должно быть, она была шлюхой еще в Хогвартсе, но она определённо знает, как сосать член. Она отсасывает у меня под столом каждое утро, пока я завтракаю.

Гермиона почувствовала себя так, словно кто-то ударил ее ножом. Ужас, который она испытывала, был физически болезненным.

Раздалось много возгласов восхищения.

— Тебе ведь досталась Грязнокровка, Малфой? Читал ту милую статейку в Пророке.

— Так и есть, — холодно ответил он.

— Надзирательница ненавидела ее еще в школе. Держу пари, на ней и живого места не осталось.

— Нет, — резко ответил Малфой. — Темный Лорд хотел, чтобы она оставалась в целости и сохранности.

— Счастливчик, — пробормотал кто-то.

— Должно быть, забавно смотреть в ее маленькое всезнающее личико, когда ты ей вставляешь. Скажи, она плачет? Я всегда представлял ее плаксой. У меня было так много фантазий в школе, в которых я прижимаю ее к парте и трахаю, пока она рыдает.

По коже Гермионы побежали мурашки, и она плотнее закуталась в плащ.

— Я никогда не обращал внимания, — скучающим тоном ответил Малфой. — Я выполняю то, что мне прикажет Темный Лорд, и в ней нет абсолютно ничего, что удерживало бы мой интерес.

Несколько голосов проворчали что-то о Малфое, но сплетни продолжились.

Гермиона прислушалась внимательнее. За столом принялись обсуждать смерть Амбридж. Потом она услышала, как мужчины стали жаловаться друг другу на необходимость патрулировать Запретный лес и на кентавров, доставляющих им кучу проблем. Казалось, что никто из них ничего не знал о крестражах. Это одновременно расстроило и удивило Гермиону.

Она продолжила слушать.

Малфой должен был отправиться в Румынию. Это стало для Гермионы неожиданной новостью. Была запланирована казнь нескольких человек, и Волдеморт хотел сделать эти убийства показательными. Демонстрация силы на тот случай, если другие европейские страны восприняли покушение на Пия Толстоватого проявлением слабости. Поэтому было решено поручить казнь Верховному Правителю.

Гермиона гадала, не это ли было причиной, по которой Волдеморт прекратил пытаться Малфоя. Он должен был оставаться в хорошей форме, чтобы показать свой талант к убийству в Румынии.

Мужчины начали обсуждать задание Малфоя. В их голосах Гермиона отчетливо слышала зависть. Она скривилась. Насколько отвратительными должны быть люди, чтобы завидовать кому-то, кто собирался отправиться на убийство.

— Просто используешь на них убивающее? — спросил кто-то восхищенным тоном.

— Не буду изменять привычкам, — протянул Малфой. Даже не видя его, Гермиона могла представить, как он закатил глаза, произнося эту фразу.

Она не могла решить, что ужасало ее больше. То, как небрежно говорил об убийстве Малфой, или энтузиазм, с которым остальные Пожиратели воспринимали эти новости.

Разговоры продолжались, но в них больше не было ничего интересного. Через некоторое время девушка услышала звук отодвигаемых стульев и шаги гостей, встающих из-за стола. До нее донесся голос Астории, которая говорила какую-то ерунду, касавшуюся цветов в оранжерее поместья.

Гермиона развернулась и поспешила к другому входу в замок. Она не хотела нарваться на кого-нибудь из Пожирателей, решившего прогуляться по лабиринту из живой изгороди.

Она была уже у самого входа, как вдруг откуда-то прозвучало:

— *Иммобилиус.*

Заклинание ударило ее в голову. Гермиона замерла на месте, наблюдая, как Грэхем Монтегю выходит из дверей поместья.

— Кто бы мог подумать, что мне улыбнется такая удача, когда я отойду отлить?

Монтегю подошел ближе. Казалось, он светился от счастья.

— Из-за всех этих охранных чар, которыми Малфой окружил твоё крыло поместья, я уже решил, что никогда не смогу до тебя добраться. Ну что, он уже успел тебя обрюхатить?

Монтегю наслал на Гермиону чары, выявляющие беременность. Когда они показали отрицательный результат, он ухмыльнулся.

— Никогда бы не подумал, что предложение Астории закатить вечеринку наконец сработает, — сказал он, посмеиваясь. Мужчина рассматривал ее лицо. Он весь светился от самодовольства, точно так же, как во время празднования в новогоднюю ночь. Монтегю расстегнул мантию Гермионы и стянул с ее плеч.

— Блять. А вот этого у тебя в прошлый раз точно не было.

Грудь Гермионы все еще была на несколько размеров больше из-за зелья плодородия. Монтегю сжал рукой ее левую грудь и приблизился настолько, что их тела теперь соприкасались. Он зарылся лицом в волосы Гермионы. От него исходил сильный запах вина. Он явно был пьян.

— Знаешь, ты ведь должна была достаться мне, — сказал он, немного отступив назад и снова окидывая девушку взглядом. — Это я был тем, кто поймал тебя тогда, в Сассексе. Когда я увидел тебя, стоящую на фоне горящих в небе дементоров... Я захотел трахнуть тебя прямо там, на этом поле.

Его хватка на груди Гермионы усилилась. Пальцы болезненно впивались в кожу. Если бы она могла пошевелиться, то уже задыхалась бы от боли.

— Вот так я и получил свою Метку: поймав тебя. Моя исключительная служба Темному Лорду. Когда я увидел тебя в Сассексе, то сразу узнал. Помнишь, там, в пещере, я обещал, что ты будешь принадлежать мне. Я был тем, кто напомнил о тебе Темному Лорду, когда заговорили о суррогатных матерях. Он пообещал тебя мне. Но потом передумал и отдал Малфоя.

Монтегю зашипел и снова сильно сжал грудь Гермионы.

— Гребаный Малфой всегда получает все, что хочет. Но я задолжал тебе слишком много страданий за то, что ты проткнула меня теми отравленными ножами. Я никому не позволю забрать мое вознаграждение. Я так долго представлял себе это. Даже купил Омут Памяти, в котором мог бесконечно смотреть, как ты встаешь на колени и расстегиваешь мои брюки.

Гермиона задрожала бы от ужаса, если могла бы пошевелить хоть одним мускулом. Она не понимала, о чем говорил Монтегю, но по его тону было ясно, что он одержим желанием отомстить. Он улыбнулся Гермионе и прислонил кончик палочки к ее голове.

— Мы ведь не хотим, чтобы Малфой пришел и испортил все веселье, верно?
Конфундус.

Сквозь затуманенное сознание Гермиона почувствовала, как прекратилось действие парализующего заклинания, и она рухнула в ожидающие руки Монтегю.

Имобилиус — парализующее заклинание.

Конфундус — заклятие, повергающее противника в ступор, дезориентирующее.

Примечание к части Хоть и Хэллоуин был вчера, глава как никогда ему подходит. Наслаждайтесь!

19.

Происходило что-то...

Что-то было не так. Гермиона подумала об этом, когда ее прижали к изгороди и разорвали платье.

Холодно.

Её кожу обдало морозным воздухом.

Зубы впились ей в горло. Было больно.

Ей это не понравилось.

Она попыталась отодвинуться, но ее руки были грубо отдернуты в стороны, а затем она ощутила зубы на своей груди за мгновение до того, как её укусили.

Сильно.

Гермиона почувствовала слезы на лице.

Пальцы оказались между ее ног и вонзились в нее. Яростно проникая внутрь.

Она попыталась сжать ноги, но что-то ей мешало.

Поэтому она не могла.

Гермиона не думала, что...

Этого не должно было произойти...

Живая изгородь царапала ее. Удары ножей в спину.

Пальцы продолжали врезаться в нее, а зубы кусали плечи и грудь.

Потом она оказалась на земле.

Гермиона чувствовала под собой гравий от дорожки.

Острые, холодные камушки.

Что-то, чего она не желала.

Сейчас это произойдет.

Она лишь...

Гермиона не была уверена, что именно должно случиться.

Это было как-то связано с Малфоем?

Мужчина стоял на коленях между ее ног. Монтегю.

Она пристально посмотрела на него. Стеклянные глаза.

Ее руки тряслись, цепляясь за гравий.

Он склонился над ней.

Его лицо было очень близко.

Возможно, он собирался открыть ей секрет.

Что-то уперлось ей между ног.

Она чувствовала, что должна что-то понять, но не могла вспомнить, что именно.

Что-то, чего не должно было произойти.

Секрет.

Скрытый от Малфоя.

Но... она не хотела этого делать.

Малфой узнает... если у нее появится секрет.

Он всегда был в ее голове.

Гермиона попыталась рассказать об этом мужчине, но вместо этого просто заплакала.

Внезапно человек исчез, и раздался громкий грохот.

Она обернулась и увидела, что мужчина врезался в стену особняка.

Малфой пинал его так сильно, что раздавался хруст костей.

Гермиона села и стала наблюдать.

Малфой схватил его за горло и потянул вверх по стене, пока они не оказались лицом к лицу.

— Как ты смеешь? — Малфой зарычал. — Неужели ты думал, что это сойдет тебе с рук, Монтегю?

— Тебе, кажется, было плевать на неё, Малфой, — прохрипел Монтегю. — Я решил, что ты не против делиться, видя, как ты позволяешь Астории играть со мной. Грязнокровка должна была принадлежать мне. Ты встал на моё место. Я был тем, кто поймал ее. Она должна была стать моей.

— Она никогда не будет твоей, — усмехнулся Малфой и резким движением разрезал заклятием рубашку Монтегю в районе живота.

Не колеблясь и не опуская Монтегю с того места, где он его держал, Малфой засунул руку в брюшную полость Монтегю и начал вытаскивать внутренние органы, обматывая их вокруг кулака.

Монтегю дергался и кричал.

Малфой держал в руке его кишки так, что они блестели в лунном свете.

— Если я когда-нибудь увижу тебя с ней снова, то придушу тебя этим, — сказал Малфой с убийственным спокойствием в голосе.

Он отпустил его внутренности, и теперь они свисали с Монтегю, словно часовые цепи. Малфой стряхнул кровь со своей руки, наблюдая, как Монтегю, спотыкаясь, убегает прочь, всхлипывая и пытаясь запихнуть внутренности обратно в живот.

Малфой снова повернулся к Гермионе. Его лицо было белым.

— Ты идиотка... Почему...ты вышла сегодня вечером?

Гермиона спокойно сидела на гравии и смотрела на него широко распахнутыми глазами.

Она подумала, что должна что-то сказать. Но...не была уверена, что именно.

Что-то насчет Малфоя, подумала она. Вот что Гермиона хотела сказать тому человеку. Монтегю.

— Малфой всегда приходит за мной, — прошептала она.

Он уставился на нее, стиснув зубы и сжав кулаки на несколько секунд, прежде чем, казалось, изменился в лице.

— Что он с тобой сделал? — сказал Малфой тихим голосом, опускаясь на колени рядом с ней.

Он испробовал на ней несколько контрзаклинаний, прежде чем внезапно одно из них не щелкнуло. Затем, словно ледяная вода, реальность обрушилась на Гермиону.

Сдавленный вопль вырвался из ее горла, и она обхватила себя руками. Ее одежда была разодрана, и девушка чувствовала следы укусов по всему телу. Она не могла перестать дрожать.

Малфой стоял на коленях рядом с ней, совершенно ничего не выражая. Он медленно потянулся и взял ее за руку.

— Давай приведем тебя в порядок.

С хлопком они снова появились в ее комнате, и он мягко толкнул ее на край кровати, прежде чем развернуться и исчезнуть в ванной. Вернувшись через несколько минут, Малфой принес таз и мокрую тряпку, которые протянул ей. Гермиона перестала всхлипывать, изо всех сил стараясь не плакать и не

задышаться.

Малфой отвернулся и уставился в окно, пока она пыталась стереть с себя остатки грязи и засохшую кровь от укусов. Некоторые из них были настолько глубокими, что казались скорее большими полумесяцами, чем следами зубов. Она чувствовала, как кровь из них ручейками стекает по ее телу. Ее руки так сильно дрожали, что она то и дело роняла тряпку на колени.

Девушка услышала раздраженное шипение, и рука Малфоя внезапно выхватила у нее тряпку. Она отпрянула назад.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал он напряженным голосом, садясь рядом с ней на кровать. Малфой медленно протянул руку и взял ее за плечи, поворачивая к себе, чтобы оценить ущерб.

Его челюсти сжались, когда он уставился на нее.

Он медленно двинулся к ней, словно она была пугливым животным, и снова прикоснулся к ее плечам. Слегка вытирая кровь, Малфой бормотал заклинания, чтобы залечить раны. Она старалась не вздрагивать каждый раз, когда он дотрагивался до нее. Он прошелся по ее плечам, а затем по шее, прежде чем перейти к самым худшим ранам, которые были сосредоточены на ее груди.

Его губы были сжаты в прямую линию, когда он начал исцелять их. Некоторые следы от укусов были настолько глубокими и рваными, что потребовалось несколько заклинаний, чтобы исцелить их. Пока он работал, выражение его лица было спокойным и сосредоточенным. Гермиона смотрела на него, все еще не в силах сдержать дрожь.

До этого момента он почти не прикасался к ней. Помимо минимального контакта во время попыток оплодотворить ее, единственные другие разы, когда Малфой вообще касался ее, были только когда он остановил ее от броска с балкона или когда они трансгрессировали.

Он действовал быстро и эффективно и наконец отодвинулся от неё, отводя взгляд от ее тела.

— Где-нибудь еще? — спросил Малфой.

— Нет, — сказала Гермиона напряженным голосом, натягивая свою изуродованную одежду и обнимая себя.

Он бросил на нее быстрый взгляд, словно взвешивая, говорит ли она правду. Затем убрал таз с кровавой водой и встал.

— Тебе будут присылать успокоительное зелье и Сон без сновидений до конца следующей недели, — сказал он. — Уверен, ты слышала, что я буду отсутствовать в течение нескольких дней. Ты должна оставаться в своей комнате, пока я не вернусь.

Гермиона промолчала. Она просто застегнула мантию и уставилась в пол. Она видела его обувь, когда он стоял рядом с ней. Затем Малфой развернулся и вышел из ее комнаты, закрыв за собой дверь.

Гермиона продолжала сидеть неподвижно в течение нескольких минут. Потом встала и пошла в ванную. Она позволила мантии и платью упасть вниз, наблюдая, как вода наполняет ванну.

Девушка оставила одежду на полу, надеясь, что домовые эльфы сожгут ее вместо того, чтобы зашить и отослать обратно.

Вода становилась красной от оставшейся крови. Девушка снова наполнила ванну, продолжая оттирать своё тело, пока кожа не начала гореть.

Она все еще чувствовала, как зубы Монтегю впиваются в нее. Кожа на ранах, которые исцелил Малфой, была тонкой и слишком чувствительной. Гермиона боролась с искушением проткнуть её ногтями.

Она сидела в ванне и плакала, пока вода не остыла и ее не перестала бить дрожь.

Вылезая из ванны и прижимая к себе полотенце, девушка неуверенно побрела обратно к кровати. На узком прикроватном столике стояли два пузырька с зельем. Она проглотила Сон без сновидений и забралась в постель.

На следующее утро Гермиона осталась в постели. Не было никакой причины, чтобы вставать.

Она не хотела двигаться. Не хотела думать. Она просто хотела еще одну дозу Сна без сновидений. Как Гермиона ни старалась, она больше не могла уснуть. Девушка сделала глоток успокоительного зелья и почувствовала, как узел ужаса в ее животе слегка ослабевает, пока она лежала, свернувшись калачиком в своей постели.

Гермиона не могла перестать думать.

Ее разум никогда не мог успокоиться. Всегда присутствовали сожаление, вина и скорбь. Любые вещи, о чем можно было думать и беспокоиться.

Монтегю... ей даже думать не хотелось о Монтегю.

Она переключалась на ту малую часть прошлого вечера, которая была не связана с ним.

Гермиона почему-то считала, что ситуация была одинаковой для всех девушек в программе Страуд. Что те Пожиратели, кому они были отданы, будут относиться к суррогатам почти так же, как и Малфой относился к Гермионе. Обезличенный процесс в медицинских целях, после которого суррогатных матерей оставляют в покое.

Но это явно было не так. Оглядываясь назад, становилось очевидно, что суррогаты никогда не предназначались для возрождения популяции. Целитель Страуд могла считать свою программу узаконенным научным исследованием генетики, но по факту это было прикрытием. Между Пожирателями просто поделили военные трофеи, и в действительности суррогаты являлись сексуальными рабынями.

Гермиона с горечью осознала, что была настолько поглощена собственным

положением, что даже не подумала, насколько хуже эта ситуация могла быть у других девушек.

Их роль всегда заключалась только в одном. Никакого лифчика. Отсутствие нижнего белья. Или то, как пуговицы на их платьях отрывались при малейшем резком движении.

Всегда доступные.

Пожиратели Смерти должны были насиловать их в периоды повышенной фертильности, но в инструкциях никогда не упоминалось об ограничениях в остальные дни.

Каким-то образом тот факт, что ее отдали Малфоя, делал ее... везучей?

Он казался излишне отчуждённым и незаинтересованным во время секса.

Возможно, это было просто потому, что Волдеморт не хотел, чтобы она становилась слишком травмирована, пока ее память не будет восстановлена. Возможно, ему не позволялось причинять ей боль или насиловать так, как ему хотелось бы.

Но... это не казалось похожим на правду. Вероятно, он действительно не был заинтересован в этом. Было не похоже, чтобы он сдерживал себя. Казалось, Малфой всегда стремился скорее покончить с этим. Скорее уйти от нее. Словно она была для него обузой.

Возможно ли, что Верховный Правитель был наименее жестокой фигурой в окружении Волдеморта?

Этот факт также был под сомнением. Особенно после того, что она видела. Что он сделал с Монтегю. Наблюдать за тем, как он хладнокровно стоял там и голыми руками вытаскивал внутренние органы Монтегю, было...жутко.

Будто это было его обычным занятием.

То, с какой легкостью он это совершил.

В Малфое оказалось много жестокости. Бурлящей прямо на поверхности в ожидании, когда ее выпустят.

Возможно, изнасилование не было в списке его пристрастий.

Странная мысль, но это выглядело самым правдоподобным объяснением, какое только могло прийти ей в голову. Он ненавидел прикасаться к ней и избегал этого, насколько было возможно.

Очевидно, Малфой не был законченным монстром.

Не то чтобы это имело значение. Все это не имело значения. И никогда не будет иметь.

Это было как и осознание того, что Волдеморт умирает. Или понимание того, что другим девушкам было хуже. Все это не имело значения. Гермiona не могла

повлиять ни на что из перечисленного.

Даже если каким-то чудом она найдет способ сбежать, что само по себе было совершенно невозможно, Гермиона не сможет спасти кого-то еще. Ей придется бежать. Очень быстро и очень далеко. Лучшее, что она могла бы сделать, это попытаться найти того, кто остался от Ордена, и узнать, есть ли у них способ спасти остальных. Но если и существовала хоть какая-то возможность это исполнить, то Орден наверняка уже сделал бы это. Конечно, Орден не оставил бы суррогатов так надолго, если бы был хоть какой-то шанс их спасти.

Гермиона не могла думать ни о ком, кроме себя. Если у нее есть информация, которой, по мнению Волдеморта и Малфоя, она обладает, то самое важное, что она может сделать, — это не дать им ее получить.

Ей нужно было бежать.

У нее осталось совсем мало времени.

То, что она до сих пор не беременна, казалось настоящим чудом. Гермиона была уверена, что это произойдет после зелья плодородия.

Однажды она забеременеет...

Гермиона почувствовала, что не может дышать. Ее грудь и горло сдавило от паники, и она начала дрожать, стараясь не заплакать.

Ее шансы на побег и так были ничтожно малы. Как только она забеременеет, они практически перестанут существовать и будут уменьшаться с каждым днем.

Она даже не могла идти по полю или по дороге без заборов и деревьев. Побег с дополнительными проблемами, которые появляются у беременных, будет невозможен.

Как только она родит, Малфой вырвет ребенка из ее рук (возможно, он даже позволит ей поддержать его), затем отвезет Гермиону к Волдеморту, и тот убьет ее. Она будет съедена его мерзкими питонами, а ее ребенок останется один в кошмарном доме Малфоя, чтобы его воспитывали он и его ужасная жена...

Грудь Гермионы тяжело вздымалась, и прежде чем она смогла остановить себя, девушка начала рыдать так сильно, что стала задыхаться.

Даже если она сбежит, Малфой никогда не перестанет ее искать.

Бежать было некуда. Все идеи, которые приходили ей в голову, не имели успеха. Она была похожа на беспомощное насекомое.

Поместье представляло собой безупречную клетку.

Если только каким-то чудом ей не удастся убедить Малфоя отпустить ее...

Ведь выхода просто не было.

Она даже не была уверена, *сможет ли* он отпустить ее, если и захочет. В его взгляде, время от времени обращенном на наручники, было нечто, заставляющее

Гермиону сомневаться, что Малфой в состоянии их снять.

Он мог только убить ее. И никаких шансов, что она заставит его хотя бы попытаться.

Гермиона перевернулась на спину и в отчаянии уставилась на балдахин.

Выхода не было.

Она никогда не сбежит. Скоро она забеременеет.

И тогда она точно никогда не сбежит.

Волна депрессии в конце концов заставила ее отключиться.

Следующие несколько дней Гермиона почти не вставала с постели.

Она смотрела в окно, когда дверь ее комнаты внезапно распахнулась, и вошла Астория с палочкой в одной руке и газетой в другой.

Гермиона быстро встала, и Астория остановилась. С минуту они молча смотрели друг на друга.

Астория не подходила к Гермионе с той ночи, когда привела ее в комнату Малфоя. Пальцы Гермионы нервно дернулись. Астория, должно быть, пришла из-за ситуации с Монтегю.

— Подойди, Грязнокровка, — приказала женщина резким голосом.

Гермиона неохотно пересекла комнату и остановилась всего в шаге от Астории. Ее сердце колотилось, и у нее было сильное предчувствие, что разговор, который они собирались начать, закончится плохо.

Астория казалась бледной. Хрупкой. Она была безукоризненно одета и ухожена, но в ней чувствовалась какая-то растерянность. Ее серьги слегка дрожали, а глаза сузились в щелочки, когда она смотрела на Гермиону.

— Я знаю, что ты всегда шпионишь. Уже в курсе этой истории? — сказала Астория, поднимая газету так, чтобы Гермиона могла видеть фотографию на первой странице.

Девушка была слишком подавлена, чтобы даже смотреть на «Ежедневный пророк» после Равноденствия. Ее взгляд опустился вниз, чтобы изучить фотографию, и глаза расширились.

На обложке «Ежедневного пророка» была фотография Малфоя, спокойно потрошащего Грэхэма Монтегю посреди приемной больницы Святого Мунго.

Гермиона лишь на мгновение оцепенела, прежде чем Астория дернула рукой и сложила газету пополам.

— Должна признаться, — сказала Астория неестественно спокойным голосом, — когда я впервые услышала новость о том, что Драко публично убил Грэхэма, я подумала: «Он наконец-то заметил».

Губы Астории дрогнули, и она отвела взгляд от Гермiony.

— Я старалась быть примерной женой, когда меня выбрали, — продолжила женщина. — Жена Драко Малфоя. Не существовало никого, с кем можно было его сравнить. Самый могущественный генерал в армии Темного Лорда. Все остальные девушки завидовали и ревновали. Конечно, наш брак был фикцией, но я считала, что, в конце концов, он поймет, что я ему подхожу. Что я буду хорошей женой. И я делала все. Я появлялась на всех важных мероприятиях, присоединилась к каждой благотворительной организации. Я была идеальной женой. Я сама была идеальной. Но ему было все равно.

Астория пожала плечами и небрежно махнула рукой с палочкой. Ее ногти, выкрашенные в серебристый цвет, блестели на свету.

— Люди не догадывались, но он даже не жил здесь. Мы поженились, и он... он просто оставил меня одну здесь, в этом доме. Никогда не устраивал мне экскурсии по поместью. В день нашей свадьбы он привез меня сюда и оставил в коридоре, не потрудившись даже закрепить наш брак. Заявляя, что будет навещать меня только в дни, когда я смогу зачать. А потом, как только целители определили, что я бесплодна... Драко вообще перестал появляться. Он просто исчез. Я никогда не знала, где он. Я никогда не могла связаться с ним. Я думала, что смогу привлечь его внимание, если заставлю ревновать, но его *никогда* это не волновало. И поэтому я предположила, что он просто был таким.

Горечь на лице Астории исказила его в нечто одновременно уродливое и пугающее.

— Но потом появилась ты, — голос Астории дрожал от негодования. — А затем он переехал и перевернул все поместье вверх дном, чтобы убедиться, что оно под охраной и в безопасности. Водил тебя на прогулки и устроил тебе экскурсию по дому.

Гермиона открыла рот, чтобы указать на то, что Малфоем было приказано сделать все это.

— Заткнись! Я не желаю ничего слушать, — резко сказала Астория, оскалив зубы.

Газета смялась в ее сжатом кулаке.

— А потом появился Грэхем и начал оказывать мне знаки внимания, — сказала Астория, ее голос дрожал, как будто она сдерживала слезы. — Он был таким отзывчивым и всегда составлял мне компанию на всех мероприятиях, на которых Драко никогда не появлялся. Он хотел видеть все, чем я увлекаюсь, замечал все мелочи, которые предназначались вниманию Драко. Он хотел, чтобы я показала ему все поместье, чтобы посмотреть, как я его украсила. Это была его идея — устроить новогоднюю вечеринку здесь, в поместье. И званый обед. И даже праздник Равноденствия на веранде Северного крыла. Он очень точно указал на то, что это должно быть Северное крыло...

Голос Астории затих, и она несколько секунд смотрела в окно.

— Когда я узнала, что Драко убил Грэхема, я решила: Драко наконец заметил, он просто был занят раньше... Но потом мне пришло в голову, что Грэхем впервые

обратился ко мне через неделю после того, как «Ежедневный пророк» написал эту мерзкую статью о том, что ты живешь здесь. Он так сильно хотел приехать в это поместье, не в отель или в свой таунхаус. Был очень настойчив. Он хотел увидеть поместье и усадьбу. И все комнаты, даже если нам приходилось прорываться через охранные чары, чтобы попасть внутрь. А потом мне пришло в голову, что Грэхем всегда исчезает: во время Нового года, званых обедов и вечеринок в саду. Он всегда... исчезал.

Астория замолчала на несколько секунд. Гермiona съежилась, не в силах говорить или что-то объяснить. Она не знала, будут ли вообще ее оправдания иметь какое-то значение для жены Малфоя.

— Это все было из-за тебя, — наконец сказала Астория. — Грэхэм приезжал сюда из-за тебя. Драко убил его из-за тебя. Грэхэм просто использовал меня! Он использовал меня, чтобы добраться до тебя!

Астория швырнула газету на пол. Страницы рассыпались по деревянному полу, показывая, как Малфой хладнокровно убивает Грэхэма Монтегю в непрерывном черно-белом кадре.

«Драко Малфой Публично Убивает Своего Приятеля Пожирателя Смерти!»

— Почему они так заинтересованы в тебе? — потребовала Астория, шагнув к Гермione и резко вонзив палочку ей в горло. — Что в тебе такого особенного, что Драко переехал сюда, в этот дом, который так ненавидит? Зачем Грэхэм тратил своё время, используя меня, чтобы добраться до тебя? Почему кого-то вообще волнует Грязнокровка? Почему все думают, что ты так важна?

Блеск в глазах Астории, когда она посмотрела на Гермionу, был сумасшедшим.

Гермiona открыла рот, и Астория резко ударила ее по лицу.

— Я не хочу слушать твои оправдания, — прорычала женщина. — Я предупреждала тебя. Я говорила, что будет, если ты начнёшь создавать мне проблемы.

Астория резко ткнула палочкой ей в лицо, прямо в глаза. Грудь Гермiony сжалась, и она резко отвернулась.

— Ты ведь знаешь, — сказала Астория дрожащим, певучим голосом, схватив девушку за подбородок, — Маркус рассказывал, что он едва может смотреть на свою суррогатную мать, потому что дыра в голове делает ее отвратительной. Возможно, Драко станет меньше заикливаться на тебе, если у тебя совсем не будет глаз.

Гермiona отшатнулась.

— Стой смирно, — скомандовала Астория.

Гермiona замерла, а Астория снова придвинулась ближе.

«Малфой придет. Малфой придет. Малфой придет».

Малфой был в Румынии.

Астория снова схватила Гермиону за подбородок.

— Открой глаза пошире, Грязнокровка, — приказала она.

Гермиона почувствовала, что начинает дрожать, когда ее глаза расширяются.

— Пожалуйста... не надо!

— Заткнись, — холодно ответила Астория, притягивая к себе лицо Гермионы. Астория прижала кончик палочки к внешнему углу левого глаза девушки и воткнула ее в глазницу. Затем усмехнулась.

— Я надеюсь, что буду рядом, когда Драко увидит тебя в следующий раз. Даже если он убьет меня, удовлетворение от его взгляда будет того стоить.

Гермиона попыталась оторвать палочку от лица, и Астория на мгновение взмахнула ей, чтобы обездвигнуть девушку быстрым заклинанием, замораживая на месте, прежде чем резко ударить палочкой в глаз Гермионы.

Боль в глазу девушки нарастала, она чувствовала, что ее глазное яблоко вот-вот вырвут из глазницы. Все ее тело тряслось, и она не могла пошевелиться.

Звук ее испуганного дыхания пререзал сюрреалистическое понимание того, что лицо Астории Малфой может стать последним, что она когда-либо увидит. Гермиона услышала свой собственный сдавленный вопль, когда почувствовала, как что-то на ее лице дернулось, и ее глаз перестал видеть.

Внезапно вдалеке раздался треск, такой резкий, что, казалось, задрожало все поместье. Астория вздрогнула от неожиданности, но не остановилась.

— *Экспеллиармус!* — прорычал Малфой, появляясь из ниоткуда.

Палочка, вонзившаяся в глаз Гермионы, исчезла, а Асторию отшвырнуло через всю комнату, и она с тошнотворным хрустом ударилась о стену, прежде чем упасть на пол.

Гермиона стояла неподвижно на месте с открытыми глазами, истерически рыдая, там, где ее оставила Астория.

Малфой мелькнул перед ней, снимая обездвигивающее заклинание. Гермиона упала на пол. Он опустился перед ней на колени и наклонил ее лицо к себе. Его лицо было бледным и застывшим от ужаса, когда он увидел, что с ней произошло.

Малфой наложил на нее диагностическое заклинание. Через минуту он сглотнул и сделал несколько глубоких вдохов, будто пытаясь успокоиться.

— Твой глаз наполовину вынут из глазницы, и у тебя глубокий прокол в склере, — сказал он наконец. — Какие заклинания могут это исправить?

Гермиона ошеломленно уставилась на него. Рыдающая. Ее лицо исказилось, когда она дрожала под его рукой и чувствовала, как ее слезы собираются под его пальцами. Она видела его правым глазом, с левой стороны виднелось только

темное пятно.

Она не могла перестать плакать и дрожать, когда смотрела на Малфоя.

Гермиона знала, что должна знать ответ на его вопрос, но не могла вспомнить. Она чувствовала только то место, где палочка Астории проткнула ей глаз.

Все расплывалось...

Малфой резко вдохнул, и его лицо застыло, когда он пристально посмотрел на нее.

— Мне нужно, чтобы ты успокоилась и *рассказала мне, как это исправить*, — сказал Малфой. В его голосе прозвучала отчаянная команда.

Гермиона подавила рыдание и попыталась вздохнуть. Она хотела закрыть глаза, но не смогла, потому что Астория попыталась вытащить один из них.

Девушка несколько раз прерывисто вздохнула, пытаясь успокоиться. Затем заставила себя посмотреть на диагностические показания, все еще видимые на палочке Малфоя.

Она была целительницей. У кого-то был поврежден глаз. Ей нужно было работать эффективно, если она хотела попытаться сохранить зрение пациента.

— Для проколотов склеры, — сказала Гермиона дрожащим голосом, пытаясь припомнить, что же произошло, пока она анализировала показания. Малфой провел детальную диагностику ее состояния, и она могла видеть, что повреждения были обширными. — *Склера Санентур*. Ты должен произносить это размеренно, почти напевая. И провести кончиком палочки у прокола.

Малфой повторил интонацию и ритм, и она коротко кивнула. Он продолжал произносить заклинание, осторожно направляя палочку к ее лицу. Она слегка заскулила, когда почувствовала, что прокол начал восстанавливаться сам по себе.

— Затем... для *исправления* вынутого левого глаза, — сказала Гермиона более спокойным голосом, чем чувствовала себя на самом деле, — это *Окулус Синистер Ретрехо*. И движение палочки...

Она осторожно, почти вслепую потянулась к левой руке Малфоя, и, когда он не отдернул ее, сомкнула свои пальцы на его и продемонстрировала изящное спиралевидное движение.

— Только не слишком быстро, иначе заклинание только ухудшит ситуацию, — добавила она.

Малфой кивнул.

Гермиона почувствовала, как ее глаз скользнул обратно на свое место. Темное пятно стало чуть ярче, но все равно казалось, что смотришь в сильно запотевшее окно.

Малфой сотворил новое диагностическое заклинание.

— С-сколько ты можешь видеть? — спросил он, снова поднимая ее лицо к своему, его пальцы слегка коснулись ее подбородка.

Она посмотрела на него снизу вверх и прикрыла рукой правый глаз. Его лицо было всего в нескольких сантиметрах от ее лица.

— Ты блондин. Думаю... я могу видеть, что ты блондин, и если я попытаюсь сконцентрироваться, то смогу немного разглядеть твои глаза и рот... — ее голос прервался всхлипом, и она задохнулась, когда снова начала плакать. Ее рука соскользнула с правого глаза, и Гермиона зажала ей рот, пытаясь остановить рыдание.

— Что еще мне нужно сделать? Как мне это исправить? — спросил он.

— Бадьян, — ответила она. — Экстракт бадьяна, вероятно, смог бы восстановить остальные повреждения. В редких случаях. Вся сложность в том, что его не всегда получается применить вовремя.

— Топси! — немедленно крикнул Малфой. — Принеси мне экстракт бадьяна.

Эльфийка появилась и быстро исчезла.

Руки Малфоя оставались на ее лице, пока рыдания девушки не стихли, а затем он медленно убрал их.

— Жди здесь. Я должен разобраться с Асторией, — сказал Малфой.

Гермиона кивнула и вытерла лицо, обнаружив, что плачет кровью. Она смотрела, как Малфой подошел, подняв жену с пола и опуская ее на стул, прежде чем выполнить диагностическое заклинание. Нечеткое зрение Гермионы мешало разглядеть ее повреждения. Она предположила, что у Астории было сломано несколько ребер и сотрясение мозга.

Малфой залечил переломы с привычной легкостью, а затем в течение нескольких минут пристально смотрел на Асторию, прежде чем наконец произнести:

— *Реннервейт!*

20.

— Драко? Как ты здесь оказался? — воскликнула Астория, как только пришла в себя. Она протянула руку и осторожно дотронулась до своего бока, откинувшись на спинку стула.

— Мне пришлось трансгрессировать через всю Европу из-за тебя, — прорычал Малфой.

В его голосе чувствовалась ярость.

Гермиона вытаращила глаза. Межконтинентальная аппаратура была... почти невозможным явлением. Для этого требовалось огромное количество прыжков аппаратуры, из-за которых человек полностью расходовал свою магию и вынужден был останавливаться, чтобы восстановиться. Или же было необходимо колоссальное количество концентрации для перемещения, при котором выжить было практически невозможно. Большинство людей, перепрыгнувших через несколько стран, разбивались насмерть. Если Малфой действительно апарировал так далеко, он должен был находиться на грани смерти от магического истощения.

В таком случае неудивительно, что поместье содрогнулось. Сила и концентрация, необходимые для успешного выполнения такого прыжка, делали приземление схожим с ударной волной от звукового удара. Вероятно, в поместье была комната, которая превратилась в щепки.

— Это... это совершенно невозможно, — пробормотала Астория.

— Недооцениваешь своего мужа, Тори? — сказал он спокойно-убийственным тоном. — Как-то не по-супружески с твоей стороны.

— О, так ты здесь из-за своей супруги? — огрызнулась Астория. — Нет. Конечно, нет. Ты здесь из-за этой Грязнокровки. Ты бросил в меня проклятие. Швырнул об стену. Ты убил Грэхема Монтегю из-за этой Грязнокровки.

— Да, — ответил Малфой. — Я сделал все это, потому что она — последний член Ордена Феникса. А это значит, она, в отличие от тебя, очень важна. Бесконечно важнее тебя. Гораздо важнее Монтегю. Ты знала, что Темный Лорд регулярно приводит ее к себе, чтобы проверить ее воспоминания? Глаза весьма полезны при выполнении легилименции.

Астория побледнела, а Малфой продолжил говорить своим холодным убийственным голосом.

— Я пытался быть терпеливым с тобой, Астория. Я был готов не обращать внимания на твое непристойное поведение и мелкое вмешательство, ведь, помимо своей некоторой декоративности, ты для меня абсолютно бесполезна. Если ты снова приблизишься к ней, заговоришь с ней или воспользуешься своим статусом хозяйки этого поместья, чтобы прорваться сквозь мои защитные чары, — я убью тебя. И я буду делать это медленно, возможно, в течение нескольких дней. Это не угроза. Это обещание. А теперь. Прочь. С моих. Глаз.

Астория испуганно всхлипнула и выбежала из комнаты.

Малфой стоял, глубоко дыша, несколько секунд, прежде чем повернуться к Гермионе.

Он медленно подошел к ней, опустился на колени и поднял ее лицо, чтобы снова посмотреть в глаза.

— Зрачки разного размера, — сказал Малфой через мгновение. — После того, как я применю экстракт бадьяна, я пошлю за специалистом, чтобы он осмотрел тебя и дал рекомендации.

Гермиона уставилась на него.

— Тебе не нужны мои глаза, чтобы выполнять легилименцию, — сказала она деревянным голосом. — С глазами процесс выполнять проще. Но в целом, не будет никакой разницы, если я ослепну на один глаз.

Она почувствовала, как пальцы на ее лице слегка дрогнули, и его челюсть сжалась.

— Я считаю это вопросом удобства, — сказал он после небольшой паузы.

Его большой палец легко скользнул по ее скуле, пока Малфой продолжал смотреть на нее.

Она уставилась на него в ответ. Он выглядел изможденным, но, возможно, ей показалось из-за проблем со зрением.

— Как ты трансгрессировал из Румынии? — спросила Гермиона.

Он устало ухмыльнулся:

— Эта способность досталась мне от Темного Лорда. Хотя... я не думаю, что он имел какое-либо представление об этом в тот момент. Изначально это задумывалось как наказание.

Гермиона нахмурилась. Она понятия не имела, какое наказание может иметь побочный эффект в виде возможности межконтинентальной аппарации. Какая-то ужасно неправильная темная магия.

— Какого рода проклятие...

— Это не было проклятием, это был ритуал, и я не хочу его обсуждать, — резко сказал он.

— Как ты догадался, что я знаю заклинания? — спросила она через минуту, когда Малфой продолжал изучать ее лицо.

— Ты была целительницей, — ответил он, слегка пожав плечами. — Если бы я трансгрессировал с тобой в больницу Святого Мунго, вероятно, давление повредило бы глаз. Нельзя было терять времени, пока процесс не стал необратим.

— Где ты научился целительству? — спросила она, вспоминая все заклинания и

диагностики, которые он использовал.

Малфой слабо ухмыльнулся.

— Я был генералом армии Темного Лорда в течение многих лет, собирая все полезные навыки и обучаясь в процессе войны. Целительство было очевидным преимуществом.

— Не для всех, — сказала она. Гермиона много раз пыталась научить членов Ордена чему-то большему, чем простые заклинания экстренного исцеления, но большинство из них не желали обучаться ничему, кроме *Эпискей*.

— Да. Но я был на стороне победителей, и, очевидно, мы сделали выбор в пользу лучшей стратегии, — сказал он холодным голосом, убирая руки.

— Ты применил расширенное диагностическое заклинание, едва ли большинство целителей с ним знакомы, — сказала Гермиона, игнорируя его жестокий комментарий.

— Это была долгая война, — ответил он, все еще стоя перед ней на коленях.

Гермиона с минуту смотрела в пол, потом снова подняла взгляд на него. Виски начинали пульсировать из-за несбалансированного зрения.

— У тебя... природный талант к исцелению. В другой жизни ты мог бы стать целителем, — сказала она.

— Одна из величайших ироний судьбы, — сказал он, отворачиваясь от нее. Ей показалось, что уголок его рта слегка дернулся, но, возможно, это было просто обманом зрения.

— Полагаю, что да, — сказала Гермиона, снова глядя на свои руки. Кончики ее пальцев были слегка испачканы кровью. Как и его.

Раздался треск, появилась Топси с маленьким флакончиком экстракта бадьяна и протянула его.

— Почини дверь, — приказал Малфой эльфийке, едва взглянув на неё, и повернулся к Гермионе.

Девушка начала неуверенно подниматься на ноги.

— Я должна... я должна прилечь. Оно не сработает в вертикальном положении, — сказала она. Гермиона с трудом сохраняла равновесие, ее руки дрожали и не выдерживали ее веса. Она снова опустилась вниз и в отчаянии прикусила губу. Возможно, она просто ляжет на пол.

Чья-то рука схватила ее за локоть и подняла на ноги.

— Я не стану наклоняться к тебе на пол, — сказал Малфой холодным голосом, потянув ее через всю комнату, а затем прижал к кровати: — Ложись.

Гермиона протянула руку, нащупав подушку, и скользнула на кровать.

Малфой склонился над ней с флаконом в руке. Его лицо то появлялось, то исчезало всякий раз, когда она моргала. Темнота. Свет. Темнота. Свет.

— Сколько капель? — спросил он.

Гермиона колебалась. Экстракт бадьяна был очень ценным зельем. Когда она была целительницей, ей приходилось распределять его очень экономно, тщательно взвешивая выгоду и затраты.

— Одна капля каждые два часа в течение следующих нескольких дней — это идеальная дозировка. Но одной дозы в три капли также будет достаточно, — наконец сказала она.

— Достаточно для чего? — сказал он.

— Я, вероятно, смогу различить очертания силуэтов и определять цвет в пределах нескольких метров, — ответила Гермиона.

Малфой наклонился вперед и правой рукой слегка придержал ее левый глаз, пока капал одну каплю экстракта. Жидкость начала пощипывать, и Гермиона тут же закрыла глаза, чтобы не сморгнуть ее.

Рука на ее лице исчезла.

— Я вернусь через два часа. И прослежу, чтобы Астория держалась подальше.

Она услышала его удаляющиеся шаги и подняла руку, чтобы закрыть левый глаз и посмотреть ему вслед.

Подойдя к двери, Малфой слегка споткнулся, словно не мог твердо стоять на ногах.

Гермиона снова закрыла глаза и лежала неподвижно, стараясь не заплакать.

«Не плачь. Только не плачь, — повторяла она себе. — Это станет пустой тратой зелья».

Малфой появился через два часа со специалистом — пожилым мужчиной в лимонной мантии. Выражение лица целителя было напряженным, но он, казалось, был полон решимости скрыть свой дискомфорт. Он едва взглянул на Гермиону.

— Проколы склеры — довольно неприятное происшествие, — сказал целитель хриплым голосом, наколдовав стул рядом с кроватью и посмотрев на Малфоя. — В большинстве случаев процесс необратим. Основные целебные заклинания неэффективны для сохранения зрения. Посмотрим, с чем тут можно работать. Это она сказала вам, какие заклинания нужно применить?

Малфой коротко кивнул и прислонился к стене.

Целитель повернулся к Гермионе и произнес незнакомое диагностическое заклинание для глаз.

Гермиона смотрела на цветные линии, плавающие у нее над головой, но не

смогла их прочесть. Целитель несколько минут молчал, управляя диагностикой.

— Это... совершенно исключительная работа по исправлению зрения, — удивленно воскликнул целитель, в последний раз ткнув ленту кончиком палочки и посылая в нее маленькие искорки света. Линии замерцали, продолжая кружиться.

— Какое заклинание вы сказали ему использовать? — спросил целитель, наконец взглянув на лицо Гермионы.

— *Склера Санентур*, — ответила она.

Его брови слегка подскочили.

— Вы, вероятно, потеряли бы зрение, если бы воспользовались более общими заклинаниями. Где вы обучались этой области целительства? — спросил он удивленным голосом.

— Австрия, Франция, Албания и Дания, — тихо сказала Гермиона. — Я много путешествовала. Моей специальностью было исцеление раненых от темных искусств.

— Неужели? — пренебрежительное отношение целителя к Гермионе исчезло, и он задумчиво посмотрел на нее. — Я подавал заявление на учебу в Албанию. Еще в 64-м. Не смог пройти, моя работа палочкой была недостаточно точной. Красивая больница. Их отделение по изучению средневековой магии было лучшим в Европе.

— Оно было именно таким, — задумчиво произнесла Гермиона.

— Жаль, что террористы уничтожили его во время войны, — сказал целитель. — С другой стороны, — он посмотрел на одежду и запястья Гермионы, и его губы слегка скривились, — полагаю, вы были одной из них.

— Никто никогда не нападал на больницу, — сказала Гермиона.

Это была излюбленная тактика Волдеморта. Атаковать места, которые должны были оставаться нейтральной территорией, и позже обвинять в этом террористов Соппротивления. Это помогло объединить общественность с Волдемортом и загнать Соппротивление еще глубже в подполье.

Она вспомнила момент, когда они узнали, что албанскую больницу взорвали. Выживших почти не осталось. Все целители, которые обучали Гермиону, погибли под обломками.

Соппротивление в Албании быстро было подавлено.

Специалист продолжал изучать диагностическое заклинание над Гермионой еще несколько минут, прежде чем заставил его исчезнуть взмахом палочки. Он произнес несколько заклинаний, которые, как почувствовала девушка, впитались в нее, и в голове у нее возникло странное ощущение холода. Затем целитель наклонился вперед и добавил каплю экстракта бадьяна в ее глаз.

— Я считаю, вы действительно в состоянии полностью восстановить зрение. Не

перегружайте глаза ярким светом и капайте экстракт бадьяна каждые два часа в течение дня и дополнительную каплю непосредственно перед сном в течение следующих двух недель. Выполняйте эти рекомендации, и я думаю, что в конечном итоге вы пойдёте на поправку.

Гермиона наблюдала одним глазом, как он встал и повернулся к Малфой, напыщенно расправляя мантию.

— Должен сказать, у вас в распоряжении оказалась совершенно исключительная юная целительница. Когда вы рассказали мне, что случилось, я ожидал, что она в конце концов ослепнет на этот глаз. Заклинания разновидности *Санентур* довольно неясны и специфичны для травм. Примечательно, что у нее хватило силы воли и концентрации, чтобы понять, что именно было уместно для исправления данного конкретного типа прокола.

— Большая удача, — сказал Малфой мягким тоном. — Может, посоветуете что-нибудь еще? У меня строгий приказ держать ее в хорошем состоянии. Не хочу упустить ничего важного.

— Ну, возможно, понадобятся прохладные компрессы. Экстракт бадьяна лучше всего действует при низкой температуре. Питательный рацион. Куриные бульоны и тому подобное, чтобы помочь организму исцелиться. Она, вероятно, об этом знает.

— Хорошо, — сказал Малфой, выпрямляясь и указывая на дверь комнаты Гермионы, которую отремонтировали домашние эльфы.

Целитель снова посмотрел на девушку.

— Совершенно исключительный случай, — повторил он удивленным голосом. — Как жаль. Такая утрата таланта.

Малфой уклончиво хмыкнул в ответ.

— И вы, сэр. Просто невероятно, что вы так хорошо справились с заклинаниями. Очень впечатляющий союз. Вы и сами могли бы стать целителем.

— Мне все время об этом говорят, — сказал Малфой с неискренней улыбкой. — Как думаете, Святой Мунго все еще захочет меня нанять после того, как я убил кое-кого в их приемной?

Лекарь побледнел:

— Ну... я имею в виду... вероятно...

— Если вы закончили, я провожу вас, — оборвал его Малфой и вышел из комнаты.

Гермиона провела большую часть следующих нескольких дней в постели. Каждые два часа появлялась эльфийка с флаконом экстракта бадьяна, наблюдала, как девушка капает зелье, а затем снова исчезала.

Через четыре дня ее зрение на расстоянии вытянутой руки было восстановлено, но за пределами этого радиуса все продолжало расплываться, и любые попытки сосредоточиться были очень болезненны.

Малфой больше не появлялся, но Гермионе часто казалось, что она слышит его шаги в коридоре.

Потом появилась целительница Страуд.

— Слышала, у тебя был довольно неудачный месяц, — сказала та, наколдovывая медицинский стол и ожидая приближения Гермионы.

Девушка ничего не ответила. Она подошла и села на край кровати, Страуд вытащила пузырек Веритасерума. Девушка, открыв рот, проглотила зелье.

Страуд наложила диагностические чары на Гермиону, и они обе принялись изучать показатели. С глазом все было в порядке. Уровень натрия оставался в норме. Показатель кортизола был сильно повышен.

Он всегда был высоким, но в этот раз всплеск гормонов был чрезвычайно большим.

Страуд вздохнула и написала что-то в файле Гермионы, прежде чем наложить диагностику обнаружения беременности.

Гермиона уже знала, каков будет результат. Она многозначительно посмотрела на часы на стене. Со своим несбалансированным зрением девушка не могла различать цифры или даже стрелки, если не прикрывала левый глаз.

Последовало долгое молчание, настолько долгое, что Гермиона наконец оглянулась и обнаружила, что целительница проводила более детальную диагностику ее репродуктивной системы.

Гермиона не могла ясно разобрать все показания, но уже знала достаточно, чтобы понять, что у неё не было ничего необычного. Она взглянула на лицо целительницы.

Женщина была размыта, но Гермиона все еще могла различить знакомое напряженное раздражение вокруг ее рта, когда та проводила палочкой по диагностике.

— Ты до сих пор не беременна, — решительно заявила Страуд.

Эти слова были одновременно обвинением и осуждением.

Гермиона не вздрогнула и даже не моргнула.

— Ты одна из немногих, у кого до сих пор не наступила беременность, — продолжала Страуд. — А в случае с другими причина кроется в проблемах со здоровьем.

Последовала пауза. Целительница, казалось, ждала ее оправданий.

— Возможно, у Верховного Правителя имеются проблемы, — наконец сказала Гермиона.

— С ним все в порядке. Я проверяла его самостоятельно уже несколько раз. Он

совершенно здоровый и полноценный мужчина. Даже в исключительной степени.

Гермиона с трудом удержалась, чтобы не дернуть губами от смеха при мысли о том, что Страуд лично проверяла Малфоя. «Должно быть, он был в восторге», — подумала она.

Девушка ничего не ответила. Целительница резко вздохнула.

— В какой позе он тебя берет? Ты остаешься неподвижной после полового акта, как было указано в инструкции? Принимаешь ванну только на следующий день? — интонация у вопросов была подозрительной.

Гермиона почувствовала, как ее щеки вспыхнули, когда она поняла, что вынуждена отвечать на вопросы.

— Там на стене висят часы. Я всегда жду отведенного времени перед тем, как встать. Я следую всем инструкциям насчёт принятия ванны. Портрет может это подтвердить.

Глаза Страуд сузились.

— А как он тебя берет?

Гермиона пристально смотрела на расплывчатые часы, пока у нее не начала болеть голова.

— На столе.

— Что? — резко сказала целительница.

— Он... он призывает стол в центр комнаты. И приказывает мне наклониться.

— Он берет тебя сзади?

Гермиона почувствовала, как ее щеки и уши пылают.

— Да. Он очень... обезличенно относится к этому процессу.

— Сколько раз в день?

— Раз в день. Пять дней в месяц.

Наступило долгое молчание.

— Что ж... — наконец произнесла Страуд. Затем она наклонилась и дважды постучала палочкой по одному из наручников на запястьях Гермионы. Девушка почувствовала прилив тепла от браслетов.

Через минуту раздался резкий стук в дверь, и вошёл Малфой, выглядя еще более холодным и отстраненным, чем обычно. Она едва могла разглядеть его лицо, когда он приблизился к целительнице. Гермиона закрыла левый глаз, чтобы лучше видеть.

— Ты вызывала, — сказал он.

— Она до сих пор не беременна, — объявила Страуд.

Малфой не выглядел ни удивленным, ни разочарованным этим заявлением.

— Какая жалость, — холодно произнёс он.

— Действительно. Это начинает становиться аномальным. И я не могу найти причин для объяснения.

Глаза целительницы сузились, когда она посмотрела на Малфоя.

В Гермионе внезапно вспыхнуло любопытство. Неужели Страуд подозревала, что Малфой пытается избежать зачатия? Так ли это было? Зачем ему это? Он должен отчаянно хотеть, чтобы она забеременела. Если не ради наследника, то хотя бы в надежде, что магия плода наконец-то прорвется сквозь магию, защищающую воспоминания Гермионы.

— У Темного Лорда могут возникнуть причины для беспокойства, если она не забеременеет. Как вы знаете, эта задача сейчас в приоритете.

— Действительно. Я в курсе, — ответил Малфой, и в его голосе послышались опасные нотки.

— Тогда вы не будете возражать, если я дам несколько рекомендаций, чтобы увеличить ваши шансы на успех.

— Все, что угодно, ради службы у Темного Лорда, — ответил Малфой.

— Тогда больше никаких столов, — резко сказала Страуд.

В глазах Малфоя мелькнуло что-то, возможно, раздражение.

— Ладно.

— И пусть она будет в полулежачем положении, — добавила целительница, — с меньшей отстраненностью от процесса.

На губах Малфоя появилась усмешка, но прежде чем он успел что-то сказать, Страуд добавила:

— Магическая беременность — это нечто более сложное, нежели обычный биологический процесс оплодотворения. Она может потребовать особого, более личного участия. В противном случае мы могли бы использовать маггловские методы для этой программы повышения популяции. Что, безусловно, было бы более удобным вариантом для всех.

— Неужели? То есть все другие беременные суррогаты, которые у вас есть, объясняют свою беременность особой связью, которую они имеют со своими осеменителями? — протянул Малфой.

— Она исключительна в своей магии так же, как и вы, — холодно ответила Страуд. — Согласно некоторым теориям, такая сила заставляет искру жизни

требовать *большого*. Если только вы не можете предложить какое-то другое объяснение.

Она долго смотрела на Малфоя, он, в свою очередь, сверлил ее взглядом в ответ.

Гермиона теперь была уверена, что Страуд действительно подозревала Малфоя в том, что тот пытается саботировать процесс зачатия.

— Отлично, — огрызнулся он через мгновение.

— Отлично, — самодовольно сказала целительница. — В конце концов, Темный Лорд очень хочет получить доступ к этим воспоминаниям. Если ваши усилия по зачатию будут продолжать терпеть неудачу, мы будем вынуждены рассмотреть других «осеменителей».

— У меня сложилось впечатление, что использование магической беременности для восстановления воспоминаний требует, чтобы отец был легилиментом, иначе это может привести к выкидышу, — сказал Малфой слегка резким тоном.

— Это правда. Генетическая сторона для сеансов легилименции во время беременности очень важна. Однако это не обязательно должен быть отец ребёнка. Единокровные братья и сестры могут стать запасным вариантом. До меня дошли слухи, что вашего отца могут отозвать обратно в Британию.

Гермиона почувствовала, что ее трясет, а горло начинает сжиматься, как будто ее сейчас вырвет. Выражение лица Малфоя не дрогнуло, но он заметно побледнел, даже в затуманенном взоре Гермионы.

Страуд продолжала, в ее голосе отчетливо слышалась насмешка:

— Я еще не говорила об этом варианте Темному Лорду, но знаю, как он жаждет прогресса. Рекомендация такого решения нашему Повелителю стала бы огромным разочарованием для меня. Ведь, будучи учёным, я признаю, что мне особенно любопытно было бы наблюдать за потомством двух таких уникальных и сильных волшебников. Но... моя первоочередная задача — это верность Темному Лорду, поэтому, если созданная пара все еще будет оставаться бесплодной после шести месяцев, я чувствую, что у меня не останется выбора, кроме как предложить альтернативное решение.

— Конечно, — сказал Малфой, его тон был спокойным, но резкость, прозвучавшая в ответе, Гермионой без сомнений распознавалась как ярость. — Что-нибудь еще?

— Это все, Верховный Правитель. Спасибо, что уделили мне время, — сказала целительница Страуд.

Малфой развернулся и исчез в дверном проеме.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор _knar.m_ "Прочь. С моих. Глаз." <https://www.instagram.com/p/CK7buxqhHLS/>

igshid=1srhy2ss9ofwg

21.

Гермиона в ужасе замерла на смотровом столе. Скрип от пера целительницы Страуд начинал сводить ее с ума вместе с бесконечным монотонным тиканьем часов.

Во рту у девушки пересохло, и она с трудом сглотнула появившийся на языке привкус кислоты. Гермиона попыталась дышать ровно, но напряжение наряду с наступающей паникой не давали ей этого сделать. Ей больше ничего не оставалось, кроме как неподвижно сидеть и стараться не потерять сознание при мысли о том, что ее отдадут Люциусу Малфою.

Люциусу Малфою, который был сумасшедшим психом; гораздо более безумным, чем даже Беллатриса Лестрейндж. Человеку, который всегда нарушал правила, переходил границы и каким-то образом всегда умудрялся использовать изворотливый язык, чтобы спасти свою шкуру. Тому, кто мог убить Артура Уизли, но вместо этого обрёк его на вечную пытку, лишив главу семейства Уизли разума, тем самым превратив здорового мужчину в беспомощного ребёнка. Человеку, который проклял Джорджа ужасающей вариацией проклятия некроза, которое заставило Гермиону отрезать ему ногу, пока он был еще в сознании, чтобы спасти его. Тому, кто убивал Рона на глазах у Гермионы, не переставая смеяться.

Комната перед глазами поплыла, и девушка осознала, что сейчас у неё случится обморок или истерика.

Ее начинало трясти.

— Что случилось? — спросила Страуд.

Гермиона вздрогнула.

— Ты... только что угрожала передать меня Люциусу Малфою, — сказала она.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — мягко ответила целительница.

— А что, если дойдёт?

— Ну, мы сможем взять его под контроль, если будет слишком много опасений насчёт его сумасбродного поведения. Жаль, я не могу дать тебе зелье плодородия в этом месяце. Я пришлю несколько зелий, которые, по крайней мере, облегчат ситуацию и, возможно, увеличат ваши шансы на успех.

Гермиона замолчала, больше ничего не ответив.

Малфой пришёл поздно вечером, и она вяло уставилась на него. Выражение его лица было жестким. Сжатая челюсть и холодные суровые глаза, в которых смутно читалась усталость. Вероятно, он вернулся к охоте на последнего члена Ордена. Или, возможно, его волновало, что отец все же не выдержит и убьет ее преждевременно.

Она изучала его, пытаясь по выражению лица понять, почему он сделал все, чтобы не дать ей забеременеть. Гермиона не могла придумать этому

объяснение. Она все время прокручивала эту идею в голове, но не могла найти ничего, что казалось бы ей правдоподобной причиной.

Девушка изучила все варианты.

Возможно, мысль о том, что она станет биологической матерью его наследника, казалась ему невыносимой, но Гермиона сомневалась, что причина была в нетерпимости ее статуса крови. Во-первых, помимо постоянного упоминания «Грязнокровки», будто это было ее настоящее имя, он, казалось, не очень заботился о чистоте крови. Он не восхвалял победу Волдеморта как свидетельство превосходства чистокровных и не держал Гермиону в темнице из-за ее «грязной» крови. Всякий раз, рассуждая о войне, он ссылаясь в первую очередь на противоборство взглядов: идеализма и реализма.

По опыту Гермионы, все фанатики были одержимы своими идеями. Драко Малфой в Хогвартсе был маленьким попугаем фанатических идей своего отца. Взрослая же версия Драко Малфоя... Девушка не была уверена, чем он был одержим на данный момент.

Гермионой, если верить Астории.

Она не знала, чему верить.

У него всегда был такой чёткий ответ и убедительное оправдание для каждого своего поступка.

Почему он не хочет, чтобы она забеременела? Гермиона не могла представить, куда вписать стратегически его поступок.

Она не хотела своей беременности, но теперь знала, на что могут пойти целительница Страуд и Волдеморт, чтобы гарантировать это...

Гермиона все еще чувствовала тошноту при мысли о том, что Малфой «возьмет» ее на кровати «с меньшей отстранённостью», или о том, что она, возможно, забеременеет — или не забеременеет и будет передана Люциусу...

Ни один из вариантов не был обнадеживающим; все становилось только хуже. Хотя, возможно, у неё наконец случится психический срыв.

Она не могла перестать думать об этом, и каждый раз, когда девушка снова перебирала варианты, в конце концов ей становилось только хуже от осознания неизбежности ее положения.

Малфой наложил на ее глаза диагностическое заклинание и внимательно изучил его.

— Как много ты теперь можешь видеть? — спросил он.

Гермиона резко рассмеялась.

Она понятия не имела, когда смеялась в последний раз. Скорее всего, несколько лет назад. Но вопрос ее позабавил. Даже рассмешил.

Все в ее жизни было полнейшим и абсолютным ужасом, и почему-то

единственной вещью, что заботила сейчас Малфоя, было ее зрение. Он держал ее пленницей в своем доме, насиловал, следуя чужому приказу, и его очень волновало состояние ее глаз.

Она не могла перестать смеяться. Это продолжалось, и продолжалось, и становилось все более истеричным, в конце концов смех сменился рыданием. Гермиона продолжала рыдать, раскачиваясь на краю кровати, а Малфой все это время просто стоял и смотрел на нее своим пустым взглядом.

Прошло двадцать минут, прежде чем девушка наконец перестала всхлипывать. Затем она просто сидела, заикаясь и пытаясь восстановить дыхание. Ей казалось, что внутри у нее пустота, будто Гермиона выплеснула все своё содержимое, и все, что от неё осталось, — лишь оболочка.

Наконец она затихла, лишь изредка прерывисто дыша, уставившись в пол и желая просто умереть.

— Чувствуешь себя лучше?

Уголок ее рта дернулся, и Гермиона устало пожала плечами.

— Настолько близко к лучшему, насколько это вообще возможно, — сказала она. Девушка посмотрела на его руки и заметила, что пальцы снова слегка подергиваются. Она подняла на него глаза.

— За что тебя пытали на этот раз? — спросила Гермиона.

Он ухмыльнулся, пряча палочку в свой правый рукав.

— Ты явно не следишь за новостями в последнее время. Общественность, благодаря своему коллективному разуму, каким-то невиданным образом пришла к выводу, что я — Верховный Правитель, даже без подтверждения «Ежедневного Пророка».

Эта новость пробудила ее интерес.

— Из-за Монтегю?

Он пожал плечами.

— Возможно, в какой-то степени, но я подозреваю, что это связано с моим последним появлением в Румынии, совпавшим с визитом Верховного Правителя. Пресса в других европейских странах менее контролируется, в сравнении с Великобританией. Как только одна газета подхватывает сенсацию, этой новости не нужно много времени, чтобы разлететься за пределы одной страны. Теперь я публично признан протее Темного Лорда. Предыдущая анонимность сохранялась, безусловно, для моей защиты.

— Безусловно, — ответила Гермиона. — Однако ты был наказан за это.

— Другие люди мертвы, — холодно сказал он, — меня просто наказали.

— Значит, всего лишь две минуты Круциатуса? — язвительно сказала Гермиона.

— Пять.

Гермиона побледнела от ужаса, глядя на него снизу вверх. Он слегка улыбнулся ей.

— Не беспокойся за меня, моя добросовестная юная целительница. Это было несколько дней назад. Я живу дальше.

Последовала пауза.

— Почему ты убил Монтегю? — спросила она. Гермиона уже несколько дней лежала в постели и думала об этом. Если он собирался убить Монтегю, то почему не сделал этого немедленно? Почему публично?

Малфой ухмыльнулся.

— Я все гадал, когда же ты наконец задашь этот вопрос. Я решил, мой поступок был очевиден. Он нагло и намеренно вмешался в мое задание и поставил его под угрозу, несмотря на неоднократные предупреждения о том, что ты не должна подвергаться никакому воздействию. Я бы сделал это более формально, но с моей поездкой у меня, к сожалению, было мало времени.

— И поэтому ты убил его посреди Святого Мунго? — с сомнением произнесла она.

— Ну, я планировал убить его в больничной палате, но он попытался сбежать. Я импровизировал. А теперь, если ты закончила забрасывать меня вопросами, я полагаю, у нас впереди запланирован сеанс легилименции.

Он не смотрел ей в глаза. Гермиона не была уверена, существовала ли какая-нибудь медицинская рекомендация об использовании легилименции после травмы глаза, но Малфой, очевидно, решил не рисковать и просто пронзил ее череп.

Это было немного больнее, чем обычно, но как только он прорвался, боль начала отступать. Гермиона хотела бы найти какой-нибудь способ диссоциации, пока Малфой просеивал ее воспоминания, но легилименция всегда тащила жертву через разум вместе с легилиментом. Куда бы он ни проникал в ее сознании, Гермиона оказывалась там же.

У нее не было никаких новых воспоминаний, только более свежие повторения старых, особенно плач Джинни. Казалось, ей снилось это каждую ночь. Всегда одно и то же воспоминание. Сон всегда обрывался на одном и том же месте.

Малфой, казалось, немного колебался, прежде чем скользнуть в ее недавние воспоминания. Монтегю. Астория. Вопросы Страуд до и после его прихода.

К тому времени, когда он вышел из сознания Гермионы, она снова почувствовала руины и пустоту внутри себя. Переживание всего этого заставило ее неосознанно стиснуть зубы, пока девушка не почувствовала скрежет, пытаясь удержаться от внутреннего разрушения.

Она перекатилась на бок и свернулась калачиком.

Малфой тихо вздохнул, но не сказал ни слова. Он задержался еще на несколько

мгновений, прежде чем она услышала, как он уходит.

Гермиона лежала в постели, стараясь ни о чем не думать, желая просто отвлечься.

Ужас поглотил ее, как саван; как холод призрака, он неотвратимо обволакивал ее.

Девушка не могла от него избавиться. Она даже не потрудилась попробовать.

На следующий день после визита Страуд Гермиона впервые после Равноденствия покинула свою комнату. Она не выходила за пределы Северного крыла, бесцельно блуждая. Тихая. Дрейфующая из комнаты в другую. От окна к окну.

По мере того как зрение продолжало восстанавливаться, она могла видеть достаточно ясно, чтобы обнаружить, что весна наконец начала расцветать в поместье. Холодная серая английская усадьба начинала наполняться едва заметными проблесками свежей зелени, выглядывающими из-под верхушек ветвей деревьев и осторожно пробивающимися из темной почвы.

Наблюдать, как медленно наступает весна, было почти равносильно надежде.

Вот только то место внутри Гермионы, где когда-то жила надежда, теперь казалось дырой. словно кто-то протянул руку и вырвал эту часть из неё. Там, где когда-то цвела надежда, теперь не было ничего, кроме болезненного и разъедающего ее страха.

Но все равно — весна была прекрасна.

Было удивительно обнаружить, что в мире все еще существовали прекрасные, незапятнанные вещи. Это казалось противоестественным.

Иррациональным. Гермиона понимала, что правление Волдеморта не затмевает звезд на ночном небе, не разрушает последовательности Фибоначчи и не оскверняет цветение первых весенних крокусов. Но почему-то ее поразило, что она все еще в состоянии замечать эту красоту.

Девушка считала, что уродливая пустота ее жизни указывала на то, что безликая холодность и жестокая красота были единственными вещами, оставшимися в пределах ее видимости.

Когда она смотрела на поместье, которое обновлялось и начинало впускать в себя новую жизнь, что-то внутри Гермионы съежилось.

Если бы у нее появился ребенок... это было бы прекрасно. Незапятанный. Чистый, гладкий и розовый. С доверчивыми глазами, которые знали бы только добро и теплоту. С руками, которые тянулись бы к любому, кто потянулся бы к нему. Прекрасное создание. Чистое, как весна. Сладкое, как лето.

А потом его заберут. Гермиона умрет, и ее ребенок останется позади. Одурманенный извращенными понятиями о жизни, раненый и искалеченный внутри. Потом он станет холодным, жестоким монстром, как Малфой, и Астория, и остальные Пожиратели Смерти.

Гермиона оторвалась от окна, перед которым стояла, и поспешила в другие комнаты Северного крыла. Комнаты без окон. Ей не хотелось думать ни о весне, ни о жизни, ни о детях, ни о красоте, ни о добре.

Она не хотела думать о прекрасных вещах, которые были для неё испорчены. Или о той красоте, которая все еще оставалась. Это превращало ее существование в еще более сильную пытку, пока не становилось физически больно думать... дышать... жить.

Если бы только человек мог умереть, просто страстно желая этого.

Она не могла есть. Она едва могла проглотить хоть каплю воды. Когда принесли набор из пяти зелий с запиской от Страуд, она запихнула их в шкафчик в ванной.

Страх все сильнее сжимался вокруг ее сердца день за днем — осознание того, что ее следующий период фертильности становился все ближе.

Малфой неожиданно вошел в ее комнату, и Гермиона чуть не разрыдалась от стресса.

Он выглядел достаточно напряженным, чтобы взорваться, когда смотрел на нее.

Она подскочила, поднявшись на ноги, словно ее ударило током, и замерла.

Последовала пауза, и на лице Малфоя вдруг мелькнуло смущение.

— Я подумал, что, отправив тебе оповещение раньше времени, только усугублю ситуацию, — заметил он, наблюдая за ней.

— Я... я не подготовилась, — пробормотала она, отворачиваясь от него.

— Ты принимаешь душ каждое утро. Я не требую чрезмерной чистоплотности, — отрезал он, подходя к ней.

Портрет, по-видимому, все еще помогал ему, сообщая обо всем, что она делала.

Гермиона продолжала стоять и смотреть на него. Это было похоже на первую ночь, когда она была в его комнате, стараясь не дрожать, задаваясь вопросом, должна ли просто подойти и лечь на кровать.

Захочет ли он, чтобы она находилась у подножия кровати или в центре?

— Выпей это, — приказал он, вытаскивая из-под мантии пузырек с чем-то и протягивая ей.

Гермиона взяла его и посмотрела на консистенцию и цвет, прежде чем вытащить пробку. Успокаивающее зелье.

Он смотрел, как она принимает его.

Девушка почувствовала, как зелье подействовало, когда ее челюсть и плечи расслабились, а давящее напряжение в основании черепа исчезло. Узел в ее животе, который скручивался все туже в течение последних двенадцати дней,

наконец немного ослаб.

Пока Гермиона принимала успокаивающее зелье, Малфой снова полез в карман мантии и достал второе зелье. Она была удивлена, увидев, что он принял его сам.

Похоже, второй флакон не был с успокоительным. Во всяком случае, Малфой казался более напряженным и сердитым после того, как выпил его.

Зелье либидо? Гермионе даже в голову не приходило, что он что-то принимает. Неужели Малфой всегда это делал? За исключением самой первой ночи, она никогда не смотрела на него в эти моменты. Даже тогда он мог принять что-нибудь, когда она стояла к нему спиной.

Зачем ему это нужно? Страуд описала его как совершенно полноценного мужчину. Исключительного.

Изнасилования, видимо, действительно не было в списке его пристрастий.

— Я?.. Должна ли я быть в центре или на краю кровати? — Гермиона заставила себя спросить.

Он пристально посмотрел на нее.

— Центр, — наконец произнес он сдавленным голосом. — Учитывая, что мне приказано быть менее отстраненным.

Гермиона повернулась к своей кровати.

Ее кровать.

Место, где она спала каждую ночь.

Единственный уголок, где она чувствовала хоть какое-то утешение или безопасность.

Ее кровать.

Где она собиралась... что? Считалось ли это изнасилованием, если девушка предпочла бы, чтобы это был он, а не его отец?

Гермиона прикусила губу и с трудом сглотнула, когда подошла к кровати и попыталась не заплакать.

Она села на край, а затем скользнула к самому центру и заставила себя лечь на спину. Малфой подошел через мгновение.

Он снял мантию, оставшись только в рубашке и брюках.

Гермиона напряглась, как только он стал двигаться. Она почувствовала, как ее челюсть сжалась. Девушка старалась не задыхаться, когда он приближался к ней, и смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

Ее взгляд, казалось, выводил его из себя.

— Просто закрой глаза, — прошипел он. — Я не причиню тебе вреда.

Она заставила себя закрыть глаза и попыталась сосредоточиться на том, чтобы выровнять дыхание, когда почувствовала, что кровать прогнулась под чужим весом. Гермiona чувствовала его запах — резкий запах лесного мха внезапно охватил ее, когда она попыталась не задышаться.

Последовала пауза, а затем девушка почувствовала, как он сдвинул ее одежду в сторону и остановился между ее ног.

Между ее ног. Как Монтегю.

Острые холодные камушки.

Она всхлипнула сквозь зубы и вздрогнула. Ее тело было так напряжено, что Гермiona дрожала. Девушка чувствовала, как ногти впиваются в ладони, когда она сжимала их все крепче и крепче.

— Я не причиню тебе вреда, — прошептал Малфой возле ее левого уха.

Она слегка кивнула в знак согласия. Лучше, чем Люциус. Боже, она даже думать об этом не могла. Гермiona дернулась и подавила еще один всхлип. Пытаясь немного расслабиться.

— Просто... дыши, — сказал он.

Она услышала, как он пробормотал заклинание смазки за мгновение до того, как вошёл в нее.

Гермiona попыталась сосредоточиться на дыхании. Заставить себя сосредоточиться на ощущении того, как расширяется или сжимается ее грудная клетка. Или на ощущении ногтей в ладонях.

Она чувствовала слабое дыхание Малфоя на своем лице, запах кедрового масла на его одежде. Тяжесть его тела давила на нее. Ощущение его тела внутри нее.

Девушка не хотела ничего этого чувствовать. Она не могла не чувствовать. Он был повсюду. Окружая ее. Ощущение его тела в ней и его веса на ней было слишком реальным. Она не могла отстраниться так, как научилась делать это на столе.

Ей хотелось умолять его остановиться.

«Лучше, чем Люциус. Лучше, чем Люциус», — напоминала она себе.

Гермiona просто хотела, чтобы это закончилось.

Она не хотела, но почувствовала, что слезы текут из уголков ее глаз, пока девушка изо всех сил старалась не рыдать под ним.

Наконец Малфой дернулся внутри неё и с шипением кончил.

В тот же миг он оторвался от нее и от кровати.

Гермиона открыла глаза и попыталась успокоить дыхание. Лежа на кровати, она вдруг услышала звук рвоты, доносящийся из ванной.

Лежа там, она услышала, как в туалете спускают воду, а потом в течение нескольких минут из крана лилась вода.

Гермиона попыталась успокоиться и не думать о том, что не может пошевелиться. Не думать о физическом опыте того, что только что произошло.

Он был деликатным, насколько это было возможно.

Это было странно. Он был холодным, равнодушным, кровожадным человеком, который мог легко потрошить людей, но изнасилование переходило черту.

Его всегда потом рвало? Или это произошло только из-за того, что ему пришлось смотреть на неё?

Может быть, что-то подобное случилось с кем-то, кого он знал. С кем-то, о ком он заботился. Возможно, это было связано с его способностями к убийственному проклятию.

Малфой снова вышел из ванной. Его напряженное выражение лица, казалось, исчезло, как будто он не мог полностью сохранить свою маску. Он был бледен и измучен и выглядел более травмированным, чем она когда-либо видела его.

До сих пор он никогда не оставался. Малфой всегда уходил раньше, чем она его видела. Может быть, он всегда так выглядел потом.

Казалось, он... беспокоится о ней. Не то чтобы он действительно спрашивал, но казалось, что Малфой внимательно изучает ее с другого конца комнаты.

— Мне очень жаль, — неожиданно для себя произнесла она. Гермиона моргнула.

Почему она извиняется перед Малфоем? Это было похоже на слова, выскользнувшие не по своей воле. Он удивленно уставился на нее. Она попыталась прояснить их.

— За слезы. Ты был... — девушка не знала, как описать его. «Не самым страшным насильником?» — Все это... просто... напомнило мне Монтегю, — наконец сказала она.

— Надеюсь, завтра будет легче, — сказал он твердым голосом. Затем схватил мантию и быстро вышел из комнаты, не проронив больше ни слова.

Гермиона лежала и смотрела, как стрелки часов медленно перемещаются на циферблате. Когда прошло десять минут, девушка все еще не двигалась. Может быть, если бы она подождала дольше, беременность бы состоялась, и тогда ей не пришлось бы лежать и терпеть это снова, потому что она беременна...

Гермиона не знала, как правильно назвать то, что Малфой сейчас сделал с ней.

Хотя общая концепция и ситуация были классифицированы как изнасилование, она не чувствовала, что этот термин полностью отражает то, что произошло. Это

не было ни сексом, ни перепихом, ни близостью. Совокупление, возможно, было подходящим термином для «раннего процесса» на столе. Но сейчас это казалось слишком реальным, связанным и несчастным процессом для них обоих, чтобы использовать такой медицинский термин.

Для этого не было подходящего слова.

Она с радостью убежала бы, больше никогда в жизни не прикасаясь к мужчине. Гермиона не хотела думать о том, что Малфой придёт завтра, чтобы повторить все это снова.

Мысль о том, что внутри неё зарождалась жизнь, вызывала у нее тошноту и ужас. Мысли о том, что этого не произошло... Нет.

Она могла вынести Малфоя. Она не думала, что сможет вынести Люциуса.

Гермиона повернулась на бок и заснула поверх одеяла.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор dralamy

"Просто закрой глаза" https://www.instagram.com/p/CAd2ozsBpCI/?utm_source=ig_web_copy_link

22.

На следующее утро Гермиона еле заставила себя встать с кровати и отправиться в душ, расположенный в одной из комнат дальше по коридору. Горячая вода в ванной стала для нее теперь единственным источником физического комфорта.

Она долго стояла под струями душа, закрыв глаза. Через какое-то время девушка опустилась на пол, обняв колени, и крепко зажмурилась. Стараясь не думать о произошедшем прошлой ночью.

Она сосредоточилась на воде, стекавшей по ее коже.

Одним из самых недооцененных преимуществ магии в поместье был нескончаемый доступ к горячей воде. Сколько бы ты ни использовал ее, она никогда не заканчивалась, сохраняя нужную температуру. Даже если Гермиона просидела бы под душем целый день, вода продолжила бы идти, такая же горячая, какой изначально была.

Когда девушка наконец заставила себя закрутить краны и подняться с пола, она встала посреди объятый паром ванной комнаты.

Никогда еще Гермиона не чувствовала себя настолько опустошенной. Само ее существование казалось слишком тяжелой ношей.

Девушка что угодно отдала бы за книгу. Она так устала от газет и фальшивых новостей.

Возможно, ей стоило пойти прогуляться. Гермиона не выходила на улицу со дня Весеннего Равноденствия. Она сомневалась, что когда-нибудь сможет снова приблизиться к лабиринту из живой изгороди, но чувствовала, что могла бы пройти по одной из аллей. Рассмотреть набухшие на деревьях почки. Или посчитать количество растущих возле поместья нарциссов. Просто заняться хоть чем-нибудь.

Она вышла из ванной, обернутая в полотенце, и направилась по холодному коридору обратно в свою комнату. Затем подошла к гардеробу и достала из него чистую одежду.

Разложив вещи на кровати, она скинула с себя полотенце и посмотрела на свое тело.

Оставшиеся после нападения Монтегю раны полностью прошли. Но внутренняя сторона ее правой груди все еще оставалась чувствительной, напоминая о нанесённых увечьях.

Гермиона в задумчивости провела пальцами по следу от укуса. Царапина на груди была настолько глубокой, что, возможно, для ее лечения требовались более продвинутые целительские чары. Кожа под пальцами ощущалась излишне натянутой.

Видимо, рана на груди была достаточно глубокой, чтобы задевать не только кожный покров. Обычные заживляющие заклинания были направлены на

восстановление целостности эпидермиса и мышечных волокон. Возможно, существовали специальные чары, которые использовались для лечения травм молочных желез, но Гермиона не могла их вспомнить. Она закрыла глаза и сосредоточилась, стараясь воскресить в памяти момент, когда могла изучать такие заклинания.

Девушка помнила толстый справочник с целительскими чарами. В течение нескольких лет Гермиона постоянно носила его с собой. Использовала на нем уменьшающее заклинание, чтобы он мог уместиться в любой карман. Страницы справочника были испачканы пятнами крови и следами от пролитых зелий, которые она не всегда успевала вовремя очистить. Гермиона загибала уголки листов с наиболее важной информацией. Оставляла заметки на полях.

Этот справочник был первой вещью, которую она купила после смерти Дамблдора. Гермиона помнила, как сова доставила его прямо в Большой зал Хогвартса.

Все остальные говорили о возобновлении собраний Отряда Дамблдора. Запасались книгами с описанием защитной боевой магии. Но Гермиона обратилась к целительству. С этого и начался раскол в их дружбе. С тех пор пропасть между ней и остальными участниками Сопротивления только росла.

Пока ее однокурсники отрабатывали защитные и оглушающие заклинания, Гермиона обучалась лечебной магии под руководством мадам Помфри.

Большую часть своих дней она проводила с целительницей, запоминая любые заклинания и диагностические чары, которым могла обучить ее наставница. Девушка училась отличать признаки и симптомы различных повреждений.

Целительские чары требовали безукоризненного владения магией. Было важно уметь абстрагироваться от любых отвлекающих факторов и контролировать накладываемые заклинания с невероятной точностью. Также необходимо было определять нужное заклинание, постоянно отрабатывать произношение и движение палочкой, а затем правильно применять его.

Магические целители не использовали хирургические скальпели, но аккуратность и скрупулезность, с которой они должны были накладывать чары, делала их работу похожей на практику маггловских врачей.

Гермиона заучивала наизусть анатомические диаграммы. Бесконечно повторяла показатели и их значения в диагностике, из которых потом складывался диагноз пациента.

По вечерам она покидала больничное крыло и отправлялась в подземелья, чтобы изучать зельеварение под руководством Снейпа.

Когда Гермиона заканчивала практиковаться в изготовлении зелий, она шла в библиотеку, чтобы занять там самый уединенный уголок и приняться за поиск заклинаний, которые могли бы пригодиться Гарри. Она продолжала читать, пока ее, в конце концов, не одолевал сон.

Вот так, незаметно, она продолжала отдаляться от друзей.

После смерти Дамблдора они все были полны праведного гнева, но при этом не

теряли оптимизма. Казалось, в них горел огонь веры в правильность выбранного пути. Но Гермiona не могла найти в себе и искорки этого пламени даже на истоках войны. Чем больше она узнавала, тем слабее становилась ее уверенность, что Соппротивление сможет победить. Но никто, кроме нее, казалось, не понимал, насколько тяжело спасать чьи-то жизни.

Ее друзей задевало то, что девушка не разделяла всеобщего энтузиазма. Как подруга Гарри, разве не должна была Гермiona больше всех верить в него? Она что, считала себя умнее их всех? Через какое-то время у Гермiony перестал получаться патронус. Возможно, если бы она больше занималась отработкой защитных заклинаний, то не чувствовала бы себя так подавленно.

Все остальные члены Соппротивления не относились к войне легкомысленно, но все же их точка зрения казалась Гермione чересчур односторонней. Свет против тьмы, добро против зла. Свет всегда выигрывал. Ей постоянно напоминали, что об этом написано в книгах по истории. Да, в борьбе со злом кто-то обязательно жертвовал жизнью, но все это делалось для общего блага. Это были героические смерти. Люди не боялись умереть ради таких вещей.

В какой-то момент Гермiona просто прекратила попытки обсуждать эти темы. Никого не волновал тот факт, что книги по истории всегда писались победителями. Не имело значение, что в маггловском мире люди, участвовавшие в сражениях, часто становились не более чем пушечным мясом. Что многие войны в конечном счёте ни к чему не приводили, кроме бесконечных списков погибших и огромного количества свежих могил.

Возможно, им всем было необходимо сохранять оптимизм. Но Гермiona не могла разделять это мнение. Ей нужно было готовиться к войне. Поэтому она бросилась с головой в изучение целительских заклинаний, зелий и бесконечных свитков по магии. Так продолжалось до того момента, как пало Министерство и война официально началась.

Гермиону в срочном порядке отправили на обучение во Францию. Потом была Албания, когда оставаться во Франции вдруг стало слишком опасно. Затем ее отправили в Данию. Потом — вроде бы в Австрию? Хотя нет.

Было ли еще что-то до обучения в Австрии? Казалось, в воспоминаниях отсутствовал какой-то фрагмент. Гермiona постаралась вспомнить. Она была где-то еще, но вот где? И почему забыла об этом? Девушка сосредоточилась на расплывчатых воспоминаниях тех дней, но они не хотели проясняться. Она помнила тусклый свет настольной лампы, запах пыли и древних страниц и тонкую цепочку медальона, которую держала в руках.

Это было все, что ей удалось вспомнить. Гермiona старалась сильнее сосредоточиться на фрагментах воспоминаний, но они продолжали ускользать от нее.

Так же, как и ее медицинские навыки лечения травм груди.

Гермiona тихо вздохнула.

Девушку нервировало то, какими обрывочными оставались ее воспоминания.

Порой ей казалось, что она вовсе не знала, какой была во время войны. Гермiona

помнила, что была целительницей и хозяйкой зелий. Вот и все, что девушка знала о себе.

Но в какой-то момент она изменилась, и Гермиона не имела понятия, как и когда это произошло.

Когда она стала той, кого Волдеморт считал опасной? Волшебницей, сровнявшей с землей половину магической тюрьмы. Когда она превратилась в ту, кто могла сжечь стаю дементоров и ранить ядовитыми кинжалами Грэхема Монтегю?

Гермиона не представляла, как она сумела так измениться. Девушка едва была в состоянии поверить, что действительно совершала все эти поступки.

Каким-то образом эта ее неправильная «опасная» версия оказалась заточенной в подземельях Хогвартса. Если бы не обрывки фраз Малфоя, Волдеморта и Монтегю, она бы никогда не поверила, что была способна на такое. Но мелкие шрамы на теле, происхождение которых было ей неизвестно, только подтверждали их слова.

Гермиона опустила взгляд на левое запястье. Потом провела кончиками пальцев по россыпи бледных шрамов, покрывавших середину ее грудной клетки и ключицы, и по длинному тонкому шраму, расчерчивавшему кожу между седьмым и восьмым ребрами.

Целительница Страуд считала, что провалы в ее памяти не были результатом диссоциативной фуги или множественного расстройства личности, хотя девушке казалось, что это вполне могло стать причиной блокировки памяти. Потому что та Гермиона, которую она помнила, никогда бы собственноручно не уничтожила половину тюрьмы, убив в процессе бесчисленное количество людей, только чтобы пробраться в здание. Она не сделала бы этого даже ради Джинни. Гермиона не смогла бы отнестись так к человеческим жизням ради спасения подруги. Она не представляла, как поджечь дементоров. Никогда она не носила с собой отравленных кинжалов и тем более не имела понятия, как с ними обращаться.

В том, какие воспоминания были для нее утеряны, существовала какая-то логика. Но Гермиона никак не могла понять связи между ними.

Она надела мантию, спустилась на первый этаж и замерла в нерешительности у дверей веранды. В воздухе витали сладковатые запахи весны. За несколько прошедших недель клумбы с нарциссами и ирисами успели распуститься. Слышалось пение птиц.

Казалось, весь окружающий мир успел преобразиться за то время, что Гермиона провела в своей темной комнате. Природа сбросила оковы зимы, перестав отражать холод и серость жизни Гермионы. Мир отвернулся от нее. Все вокруг дышало и кипело жизнью, пока она оставалась в своей одинокой клетке.

Гермиона развернулась и вернулась в дом.

Она не хотела видеть, как расцветает природа. Не хотела наблюдать, как зарождается жизнь. Ни вокруг нее. Ни внутри нее.

Топси появилась в ее комнате перед обедом.

— Ты должна подготовиться к визиту хозяина прямо сейчас, — пропищала она.

Малфой обычно приходил гораздо позже. Гермиона не могла представить, что могло вызвать такие изменения в его распорядке. Сталкиваясь с чем-то, выбивавшимся из привычной рутины, она начинала чувствовать себя еще хуже. Гермиона похолодела от ужаса.

Она приняла ванну. Ее руки дрожали, пока девушка вытиралась полотенцем. Она вспомнила про зелья, которые оставила для нее целительница Страуд. Прошлой ночью Гермиона так волновалась, что совсем забыла о них.

Одевшись, она подошла к комоду в ванной и достала из ящика один из флаконов. Это явно было не успокаивающее зелье — запах и консистенция были незнакомы Гермионе. Она принюхалась. У зелья был резковатый запах. Гермиона учуяла перечные и цитрусовые ноты. Она капнула зелье на кончик пальца и попробовала его. Оно было теплым и сладким на вкус.

Она подождала минуту. Казалось, тревога немного отступила.

Гермиона выпила зелье. Оно обдало жаром ее горло и разлилось теплом по всему телу.

Вдруг ее кожа покрылась мурашками, словно став более чувствительной. Замерев, Гермиона задохнулась от ужаса. Она бросилась к зеркалу и уставилась на свое отражение. Ее щеки пылали румянцем, а зрачки увеличились. Она прижала руки к губам и, спотыкаясь, отошла от зеркала.

Страуд подложила ей зелье похоти.

Гермионе хотелось разрыдаться, пока она пыталась взять себя в руки и избавиться от ощущений, которые вызывало в ней выпитое снадобье.

Это не могло происходить с ней.

Это было слишком жестоко.

Руки девушки тряслись, пока она пыталась придумать какой-то выход из ситуации. Ей нужно было найти что-то, что нейтрализовало бы действие зелья. Гермиона схватила чашку, стоящую на полке позади раковины, и принялась пить воду, чтобы вывести зелье из крови. Но это не помогло. Казалось, жар, объявший все ее тело, теперь сосредоточился внизу живота.

Гермиона вернулась в свою комнату. Она не могла понять, почему Страуд так с ней поступила.

Одно дело, если бы целительница пыталась как-то отомстить Малфоя за то, что он препятствовал ее программе, совсем другое — обманом опохоть ее зельем похоти. Это было слишком жестоко.

На трясущихся ногах Гермиона подошла к кровати, забралась на нее и легла, закрыв глаза. Возможно, если она не будет двигаться и сохранит сосредоточенность, эффект зелья сойдет на нет.

Щелчок дверного замка заставил ее вздрогнуть.

Гермиона открыла глаза и посмотрела на Малфоя. Он расстегнул мантию и скинул ее с плеч. Сегодня он выглядел ещё более отстраненным и напряженным. Подойдя ближе, Малфой кинул мантию на край кровати и посмотрел на нее сверху вниз.

— Хочешь порцию успокаивающего зелья? — спросил он.

Гермиона предположила, что успокоительное действительно может помочь и справиться с тем огнем, который разливался по всему ее телу и никак не хотел отступить. Она резко кивнула в ответ и села на кровати.

Когда девушка протянула руку, чтобы забрать у Малфоя флакон с зельем, их пальцы соприкоснулись, и Гермиона едва удержалась от судорожного вздоха.

Она откупорила колбу и выпила ее содержимое, наблюдая, как Малфой делал то же самое со своим зельем.

Успокоительное сделало все только хуже. Вместо того, чтобы сгладить эффекты предыдущего зелья, оно позволило телу Гермионы расслабиться и полностью отдаться ощущениям. Она уронила пустой флакон на кровать, пока пыталась вернуть его Малфоя.

Гермиона прижала руки ко рту и заплакала. Малфой молча смотрел на нее несколько мгновений.

— В чем дело? — потребовал он ответа.

— Целительница Страуд прислала мне несколько зелий, которые, по ее словам, могли бы облегчить процесс, — ответила она, вытерев слезы и опуская глаза, уставившись на покрывавшие одеяло узоры. — Вчера я забыла о них. Но сегодня я приняла одно, как раз перед твоим приходом. Я думала, оно будет иметь успокаивающий эффект. Так мне показалось, когда я попробовала каплю. Я ведь не могу сделать подробный анализ только по одному глотку. Так что я приняла его, но оказалось, оно... — она почувствовала, что задыхается, — оказалось, что это был афродизиак.

Повисла оглушительная тишина.

— Ты идиотка, — наконец выплюнул Малфой. — Ты что, просто выпиваешь любое зелье, не задавая вопросов?

Гермиона поморщилась.

— В последний раз, когда я попросила тебя рассказать мне состав зелья, ты просто влил мне его в рот. Как я должна была догадаться, что в этот раз ты не сделаешь то же самое?

Малфой ничего не ответил. Казалось, напряжение и ярость, исходившие от него, можно было потрогать руками. Даже воздух вокруг Малфоя, казалось, был пропитан его гневом, пока он стоял и свирепо рассматривал Гермиону.

— Какая же ты идиотка, — в конце концов сказал он снова.

Гермионе хотелось свернуться калачиком и забыть о ситуации, в которой она находилась.

Жар внизу ее живота, похоже, вовсе не собирался утихать. Все тело Гермионы становилось чувствительным и было горячее, чем обычно. Она ощущала пустоту внутри себя. Ей хотелось, чтобы к ней прикоснулись. Никто не прикасался к ней безумно долго...

Нет. Нет. Нет.

Гермиона сделала дрожащий вдох.

— Ты не можешь вернуться чуть позже? Уверена, действие зелья не продлится больше нескольких часов.

— Нет. Мне срочно нужно отправляться во Францию. Поэтому я и пришел сегодня рано. Меня не будет в поместье до завтрашнего вечера, — ответил Малфой.

Гермиона тихо всхлипнула.

— Хорошо, — наконец сдавленно сказала она и заставила себя снова лечь. — Тогда просто... просто сделай это.

Гермиона крепко зажмурилась и постаралась сосредоточиться на счете и вычитании от тысячи в обратном порядке. Она увеличивала вычитаемое число в два раза с каждой новой цифрой.

Минус один.

Девятьсот девяносто девять.

Минус два.

Девятьсот девяносто семь.

Минус четыре.

Девятьсот девяносто три.

Минус восемь.

Девятьсот восемьдесят пять.

Она почувствовала, как Малфой развел края ее мантии в стороны, и задрожала.

Минус шестнадцать.

Девятьсот семьдесят девять.

Минус тридцать два.

Ощущение пальцев Малфоя на ее животе резко сбilo ее со счета. Гермиона не сдержала тихого стога. Она резко открыла глаза.

Малфой смотрел на нее раскрытыми от ужаса глазами.

Девушка пристально посмотрела на него. Она никогда прежде не воспринимала Малфоя как сексуальный объект. Несмотря на то, что он уже пять месяцев брал ее на столе, Гермиона никогда не думала о нем с этой точки зрения. Он был холодным и опасным. Красивым, но только с эстетической точки зрения, словно статуя из мрамора. Она не размышляла о нем как о мужчине, будоражащем ее кровь. Или мужчине, с которым она хотела бы иметь хоть какой-то физический контакт.

Она никогда не хотела, чтобы он прикасался к ней.

Теперь ей хотелось почувствовать его губы на своих. Ощутить тепло его ладоней на коже. Почувствовать тяжесть его тела, которую Гермиона еще вчера избегала. Теперь она хотела испытать все. Ощутить, как он прижимает ее своим телом. Скользит внутри неё.

Жар в животе становился нестерпимым. До этого момента она никогда не хотела ощутить что-то внутри себя, но теперь была готова кричать, если Малфой не прикоснется к ней.

Гермиона не могла представить, что вторая ночь на кровати окажется хуже, чем первая. Но происходящее сейчас было в тысячи раз хуже.

Она заставила себя закрыть глаза, чтобы прекратить изучать лицо Малфоя. Перестать подмечать все детали его внешности, до которых ей раньше не было дела. Его волосы и острые скулы, глубину его взгляда, тонкие губы и ровные белые зубы. Линию подбородка и бледную кожу шеи, исчезавшую за черной тканью рубашки.

— Просто продолжай, — сказала Гермиона и едва не зарыдала от усилия, которое потребовалось, чтобы не начать двигаться самой.

Спустя мгновение она почувствовала, как он толкнулся и скользнул в нее, и сразу же подалась бедрами навстречу, принимая его глубже.

Гермиона закрыла лицо руками, стараясь абстрагироваться от происходящего и пытаясь сдерживать стоны, чувствуя, как внутри неё все рушится.

Она дрожала.

Гермиона могла думать лишь о том, что хочет, чтобы он не останавливался. Продолжал двигаться. Быстрее и жестче.

Всхлипы продолжали формироваться в ее горле, и она не могла их подавлять. Все ее мышцы, казалось, застыли в напряжении, пока девушка продолжала пытаться сдержать свое тело.

Узел внизу живота затягивался все туже и туже. Гермиона закусила губу. Она не собиралась сдаваться.

Ей просто нужно было подождать. Скоро он кончит, и все завершится. А она просто даст эффекту зелья сойти на нет. Его толчки стали более резкими и

жесткими, как и всегда, когда он был уже близок к завершению. Малфой немного ускорил темп, и Гермиона прикусила язык, пытаясь не двигаться в такт.

И потом...

Она разразилась отчаянным криком, отпуская своё напряжение.

Все ее тело задрожало и сжалось вокруг него. Гермиона чувствовала, как она сжимала его, пока Малфой продолжал двигаться. Наконец его тело напряглось и из горла вырвался мучительный стон.

Через мгновение он резко отстранился, и она едва успела открыть глаза, как Малфой схватил свою мантию с края кровати и трансгрессировал прямо из ее комнаты. Она успела увидеть его лицо. Оно было серым. Будто Малфой собирался упасть в обморок.

Гермиона лежала на кровати и плакала, пока ее сознание немного прояснялось. Реальность наваливалась на нее, горькая, как вкус принятого зелья.

Это был первый в ее жизни оргазм. По крайней мере, первый, о котором она помнила.

Гермиона не знала, была ли она девственницей до того, как ее отправили к Малфою. Если и не была, то это воспоминание было утеряно для нее так же, как и многие другие. Хотя казалось слишком странным, что ее разум мог прятать такую деталь. Так что, скорее всего, у нее не было секса во время войны.

Все казалось новым. Ничто не указывало на то, что подобные вещи были знакомы ее телу.

Зелье похоти изменило ее восприятие. Она боялась, что навсегда. Пробудило в ней инстинкты, которые до этого оставались спящими.

Гермиона пролежала на постели, не шевелясь, десять минут.

Когда, наконец, нужное время истекло, девушка поднялась с кровати и прошла в ванную. Достав все лежавшие в ящике флаконы с зельями, она откупорила их и вылила в раковину.

Когда Гермиона подняла взгляд, то увидела в зеркале отражение висевшего на стене портрета. За ней всегда следили. Безмолвно следовали по пятам.

Гермиона горько улыбнулась изображенной на картине волшебнице и опустилась на пол.

Молодая ведьма с портрета пристально смотрела на нее, не отводя взгляд.

Гермиона чувствовала холод, как при наступлении приступа паники. Сжавшись, она притянула колени к груди, стараясь дышать.

Она точно сойдет с ума.

Потеряет рассудок.

Она больше не могла так жить. Гермиона даже не понимала, ради чего продолжает держаться. Почему она просто не сошла с ума, еще когда была заперта в подземельях Хогвартса.

Поместье Малфоев было намного хуже тюрьмы.

Гермиона прижала ладони к лицу. Она чувствовала остатки его спермы и своей смазки на внутренней стороне бедер.

Она заснула прямо на полу в ванной.

23.

Гермиона стояла на кухне дома в Паучьем тупике. Она медленно повернулась, осматривая поверхности, заваленные записными книжками, готовыми ингредиентами и бурлящими зельями.

Девушка остановилась, заметив мерцающее в углу зелье. Она подошла и посмотрела на поднимающийся из отверстия пар, украдкой понюхав его. Пряный, землистый запах дубового мха, ноты кедра, запах опавшей листвы и пергамента... нет. Она снова принялась. Это был папирус.

Девушка резко отпрянула в сторону и посмотрела на другие котлы, окружавшие ее.

— Вы готовите слишком много разновидностей любовного зелья, — сказала она, глядя туда, где Северус склонился над кипящим котлом.

— Новый проект Темного Лорда. У него внезапно проснулся интерес к тому, чтобы попытаться использовать эти зелья в качестве оружия, — сказал Северус, усмехаясь перед темной светящейся жидкостью, над которой он работал.

Гермиона почувствовала, как кровь застывает у нее в жилах.

— Это действительно может стать возможным?

Северус пожал плечами со слабой улыбкой.

— Я скепичен и не мотивирован... так что, скорее всего, нет. Думаю, это скорее было мимолетной идеей. Я составляю подробный отчет на тот случай, если Темный Лорд снова заговорит об этом. И я делаю это дома, а не в лаборатории, чтобы убедиться, что никто больше не предложит никаких новаторских идей.

Гермиона оглядела комнату. На полках находилось с десяток склянок Амортенции, несколько афродизиаков, которые она смогла распознать, и еще пятнадцать приворотных зелий, числившихся экспериментальными.

— Что может представлять собой боевое любовное зелье?

— Исключительную силу, не требующую повторного приема. Темный Лорд воображает, что сможет использовать его для допросов.

— Это... непристойно, — наконец сказала Гермиона.

— Действительно. К счастью или нет, у него есть другие задачи, которые он считает более неотложными для Сассекса.

***

Гермиона проснулась, все еще лежа на холодном полу ванной. Она продолжила лежать; если и была какая-то положительная сторона ее депрессии, так это то, что девушка теперь без труда могла засыпать. Казалось, ее тело сдалось. Гнев, который она растила в себе месяцами, растаял, и с каждым днем Гермиона становилась все более усталой и вялой.

Из-за отчаяния и депрессии она могла спать большую часть дня.

Девушка поднялась с пола, пошла в свою комнату, забралась под одеяло и зарылась в него, обнимая себя.

Даже ее мозг чувствовал усталость и апатию. Словно даже мысли отнимали у нее слишком много сил.

Она взглянула на часы. Было почти девять вечера. Рядом со стулом стоял поднос с ужином, но у Гермионы не было аппетита.

Она задумалась, почему Малфой отправился во Францию — вероятно, для того, чтобы убить еще больше людей.

Останется ли он в маске или сделает это открыто? Интересно, как он выглядел, когда накладывал смертельное проклятие? Лица большинства людей застывали в отвратительной гримасе, когда они произносили смертельное проклятие. Даже лицо Волдеморта. Но ненависть и ярость Малфоя были так холодны. Возможно, он выглядел так же, как и тогда, когда убивал Монтегю.

Гермиона задалась вопросом, было ли намеренным шагом выставить себя на всеобщее обозрение в качестве Верховного Правителя.

Если Малфой собирается захватить власть у Волдеморта, его нужно знать. Знать и бояться. Раскрыть себя, возможно, было оправданным риском; полагаясь на то, что Темному Лорду будет нужен публичный палач, чтобы спасти свою жизнь. Если ситуация в Румынии оставалась такой нестабильной, как предполагалось, Волдеморт не смог бы убить Малфоя сейчас — даже если бы захотел. Его убийство создаст вакуум власти, дестабилизирует всю армию Пожирателей Смерти и даст Европе возможность действовать.

В армии Волдеморта не было других значимых фигур, которые были хотя бы отчасти сопоставимы с ним по угрозе и могуществу. У него были местные правительственные деятели, но Малфой оставался единственной заметной фигурой и опорой власти режима на континентальном уровне.

Астория упоминала, что он самый могущественный генерал в армии Темного Лорда. «Генерал на протяжении многих лет» — вот как Малфой говорил про себя.

Гермиона задержалась на этой мысли. Малфой был генералом во время войны?

Она не помнила этого. Она почти ничего не помнила о нем после смерти Дамблдора. Девушка предполагала, что его возвышение произошло в конце войны, но, вероятно, это было не так. На протяжении войны было трудно получить достоверную информацию. Гермиону не включали в состав большинства собраний, на которых обсуждалась стратегия. Должно быть, она упустила какую-то деталь.

В Малфое было так много непонятного. Его сила. Его настоящие желания и амбиции. Талант к исцелению, над которым он иронизировал. Его невероятная способность к трансгрессии.

Ритуал, задуманный как наказание...

Гермиона мысленно пыталась собрать этот пазл.

Вероятно, именно это имел в виду Волдеморт, когда говорил о Малфое, что тот глубоко разочаровал его в прошлом. Гермиона гадала, что бы это могло быть. Ритуалы темной магии, как правило, были физически и ментально разрушительными. Малфой казался подозрительно целым во всех смыслах.

На самом деле, когда она начинала рассуждать об этом более детально, то все больше убеждалась, что Малфой был слишком нормален.

С тем количеством воздействия темной магии, которому он постоянно подвергался, как через его собственное использование, так и через проклятия Волдеморта, он должен был быть полностью отравлен ею. Если только Малфой не проводил все свое свободное время в ритуалах очищения, но и даже тогда его относительное здоровье казалось невозможным.

Гермиона почувствовала себя плохо, едва войдя в зал Волдеморта, в то время как Малфой казался совершенно равнодушным к этой обстановке; и он, безусловно, бывал там несколько раз в неделю. Люди не могли оставаться невосприимчивыми к темной магии. Она была похожа на ядовитый наркотик. Вызывающий привыкание. Манящий своей эффективностью.

И всегда приводящий к смерти.

Большинство магов, не пренебрегавших темными искусствами, чувствовали постоянную потребность использовать их чаще, тем самым разрушая себя физически, как Волдеморт, или же сходя с ума, как Люциус или Беллатриса.

Но Малфой был цел и невредим. Нетронутый магией физически и психически.

И способный трансгрессировать через весь континент.

Как такое вообще было возможно?

Гермиона снова и снова прокручивала этот вопрос, пока наконец не сдалась. У нее было слишком мало информации, чтобы строить догадки.

Девушка перешла к другой проблеме.

Она никак не могла понять, как оказалась втянута в это. Каким бы ни был план Малфоя, похоже, что Гермиона должна быть каким-то образом включена в него. Малфой был слишком предан заботе и уходу за ней. Она изначально полагала, что все дело в приказах, но позже начала подозревать, что его внимание часто выходило за их рамки. Казалось, он был вовлечен лично и эмоционально. То, как он смотрел на нее... было почти невозможно отрицать его напряженность и волнение. Она была важна для него или для его планов.

Как можно вписать в стратегию то, что Гермиона не должна забеременеть?

Он ненавидел насиловать ее, казалось, ему это совсем не нравилось. От этого ему становилось плохо. Разве он не хотел бы, чтобы она забеременела как можно скорее?

Если только это не было связано с ее воспоминаниями. Мысль о том, что беременность вскроет ее воспоминания, была очень притянутой. Но если Малфой подозревал, что в ее памяти было что-то, что он не хотел вскрывать... это могло бы все объяснить.

Но даже без беременности воспоминания уже начинали возвращаться.

И если Гермиона забеременеет, он получит девять месяцев эксклюзивного доступа к ним. А пока она не беременна, Волдеморт с легкостью обнаружит любые возникшие воспоминания.

Зачем Малфоя каждый месяц заставлять их двоих проходить через пять травмирующих дней?

Гермиона не могла этого объяснить.

Она снова задумалась.

Единственным дополнительным фактом, который девушка могла придумать, являлось то, что Малфой был в курсе, что она скорее умрет, чем забеременеет.

Имело ли для него это значение?

Она продолжала размышлять, пока не заснула.

Весь следующий день Гермиона нервничала до тех пор, пока не начала бояться, что примется сдирать с себя кожу. Она едва успела пролистать «Ежедневный пророк», прежде чем стала рвать его на куски и складывать в любую форму, какую только могла придумать. Девушка не могла складывать журавлей, но могла складывать самолетики и всякие другие геометрические фигуры. Она изливала всю свою энергию в бумагу, пока кончики пальцев не начали болеть.

Затем Гермиона прошла по коридору Северного крыла, легко проводя пальцами по стенам.

Когда наступил вечер, она приняла ванну без всяких инструкций. Топси не появилась, зато появился ужин. Гермиона проигнорировала его. Было уже почти девять, когда в комнату неожиданно ворвалась эльфийка.

Топси отвела глаза, когда девушка посмотрела на нее сверху вниз.

— Хозяин вернулся. Ты должна подготовиться.

Последовала пауза.

— Я уже готова, — сказала Гермиона.

Топси кивнула и исчезла.

Гермиона подошла к кровати и села на край.

Когда Малфой появился в дверях, они несколько минут смотрели друг на друга через всю комнату.

Говорить было не о чем.

Он пересек комнату и достал пузырек с успокаивающим зельем, который молча протянул ей. Она проглотила содержимое, а затем вернула его.

Пока он принимал собственное зелье, Гермиона откинулась на матрас и лежала, решительно глядя на балдахин над кроватью.

Она даже не вздрогнула, когда почувствовала, что кровать сдвинулась. Она не издала ни звука, когда ощутила, как он сдвинул ее одежду в сторону и обнажил ее. Когда Гермиона почувствовала, что он разместился между ее ног, она прикусила губу, продолжая смотреть на балдахин. Когда он пробормотал заклинание смазки, она сжала руки в кулаки.

Когда он вошел в нее, она тихонько ахнула и в отчаянии отвернулась к стене. Корчась от внутренней тоски.

Ее тело предвидело это. Настроенное и ожидающее. Готовое. Нуждающееся.

Это было слишком личное предательство.

Осознание того, что ее возбуждение было обусловлено физиологией, не облегчало чувства вины.

Когда изнасилование было обезличенным и вынужденным, это было терпимо. Когда в изнасиловании участвовали наркотики-афродизиаки, это было терпимо. Но когда речь шла только о ней, о ее собственном разуме и физиологии, это было хуже всего. Осознание этого разбивало ее на части.

«Меня насилуют, и мое тело наслаждается этим», — с горечью думала она и хотела свернуться калачиком.

Гермиона считала, что ее может просто стошнить.

Она не хотела знать, ощущает ли Малфой разницу. Знает ли он о ней.

Она смотрела на стену и старалась не издавать больше ни звука. Когда он кончил, то немедленно удалился, поправив ее одежду, схватив свою и аппарирова.

Она не обернулась, чтобы посмотреть, как он выглядит, прежде чем исчезнуть. Гермиона просто поджала ноги и лежала там. Она чувствовала, как слезы оставляют холодные следы на висках.

Следующие два дня были такими же.

На утро после пятого дня она не испытывала облегчения. Гермиона просто чувствовала холод и пустоту.

Ее комната и кровать потеряли для нее всякое ощущение комфорта.

Она достала из шкафа свежий комплект халатов и прошла по коридору в ванную комнату с душем. Затем уселась на полу душа, свернулась в тугий клубок и

осталась там под водой.

Не было смысла отрицать. Все изменилось. Ничто не было похоже на то, как было раньше. Уже нет.

Афродизиак стал важным фактором, но Гермиона не могла отрицать наличие множества других причин.

Малфой не был тем чудовищем, каким она его себе представляла. После того, как девушка узнала, что происходит с другими суррогатными матерями, после того, что Монтегю пытался сделать с ней, после Астории, после угрозы появления Люциуса Малфоя. Образ человека, каким она представляла Малфоя, изменился.

То, что он не раз «спасал» ее, повлияло на многое.

Он дотрагивался до нее, когда лечил. Никто не прикасался к ней так долго.

Он исцелил ее — гораздо больше, чем было нужно.

Он даже не хотел ее насиловать.

Хотя он настаивал на том, что его защита была полностью основана на личных интересах — потому что ему было приказано... она была почти уверена, что он делал намного больше того, чего от него требовал долг.

Не помогало и влияние кандалов. Они всегда были предназначены для создания уступчивости и зависимости. Чтобы лишить ее способности сопротивляться.

Если бы она могла противостоять насилию Малфоя, если бы он физически насилует ее и причинял боль, то ей было бы тяжелее смириться с этим и привыкнуть. И все не свелось бы к спокойному лежанию и ожиданию неизбежности, которой Гермиона не могла сопротивляться.

Если бы способы, которыми он причинял ей боль, были продиктованы его желанием, а не приказами, было бы проще винить его и видеть в нем монстра.

Хотя даже и в этом случае ее разум смог бы приспособиться. Подсознательная воля к жизни была заложена в человеке глубже, чем что-либо другое. Инстинкт выживания не требовал, чтобы Гермиона оставалась невредимой. Или чтобы она была в порядке. Оставалась собой. Этот инстинкт лишит ее принципов и силы воли — всего, что может хоть как-то препятствовать выживанию.

Эта сила будет сглаживать и уменьшать душевную боль. И каждый проблеск доброты будет иметь для неё значение. Заставит ее душу перестать кровоточить.

Если Гермиона не будет осторожна, этот инстинкт украдёт все, пока она не станет настолько сломленной внутри, что примет свою клетку.

Девушка задрожала под обжигающей водой.

Ей нужно держаться подальше от Малфоя.

Она не станет больше с ним разговаривать. Она не будет позволять себе задавать ему вопросы. Если он спросит ее о чем-нибудь, она ответит ему как можно короче. Нужно прекратить сотрудничество с ним. Перестать пытаться понять его.

Гермиона не могла контролировать то, что делало ее тело, но она в состоянии контролировать свой разум. Все, что Малфой захочет от нее, он должен будет заставить ее силой.

Девушка уронила голову на колени, когда ее охватило чувство отчаяния.

Она так устала от одиночества. Гермиона поджала губы, пока боролась против подступающих слез.

Даже ее память была одинокой бездной. Почти все годы войны Гермиона была одна.

Самая лучшая, но одинокая ученица в Хогвартсе. Затем было обучение в Европе, в течение которого у неё никогда не было времени ни на что, кроме профессиональных отношений. Позже, когда она вернулась, то практически жила в больничной палате.

По возвращении у неё не осталось времени и на дружбу. Когда оно появлялось, Гарри и Рон отправлялись на задания. Когда они возвращались, обычно это происходило после битвы — Гермиона всегда была нужна раненым. У нее было так мало воспоминаний о дружеских, а не профессиональных моментах с ними.

Тогда, после Финальной битвы, заточение Гермионы в Хогвартсе было похоже на бесконечное падение. Одна. Одна. Одна. Пока ее память не уничтожила саму себя.

Когда Гермиону наконец вытащили и заставили участвовать в программе увеличения рождаемости, вся ее роль была сведена к ряду функций. Для целительницы Страуд она была инкубатором. Для Волдеморта — потенциальным источником для военной разведки.

Она не была личностью.

Ни с кем, кроме Малфоя.

Он обращался с ней как с человеком. Он отвечал на большинство ее вопросов и смотрел на нее так, словно видел. Он разговаривал с ней. Он вел себя с ней так, словно она лично имела для него значение. Когда он причинял ей боль, это всегда казалось вынужденным поступком.

Все остальные просто причиняли ей боль, потому что могли.

Даже домашние эльфы едва смотрели на нее.

В поместье Малфоев не было работы, в которой можно было бы забыться. Не было бесконечной пустоты, в которой можно затеряться. Лишь Гермиона, сидящая, размышляющая и складывающая бумагу; запертая в холодном доме.

Малфой был для нее только частичкой тепла, жизни или человеческого контакта.

Хотел он того или нет, но Гермиона цеплялась за него, виня свое отчаянное одиночество.

Она не могла так больше продолжать.

Он убил всех. Он убил или казнил их всех. Хотел он того или нет, но он насиловал ее. Она была для него всего лишь пешкой.

Гермиона не собиралась предавать воспоминания своих друзей таким ужасным способом. Она не собиралась предавать себя.

Если Гермиона умрет в поместье, то сделает это, сохранив остатки себя. Подобно самой Смерти, Малфой отнимал у нее все, всегда высматривая, что можно взять еще.

Она сможет держаться подальше от Малфоя.

Она сможет. И сделает это.

Она привыкла к одиночеству.

Остаток дня Гермиона провела, пытаясь прийти в себя. Собираясь с духом. Ей предстоял очередной сеанс легилименции с ним. Малфой всегда приходил после ее периода фертильности.

Когда это произойдёт, он найдет все мысли в ее голове. Он, вероятно, будет насмехаться над ней.

Она не станет ему отвечать.

Весь день девушка строила карточную башню.

День прошел. Наступил ужин. Малфой не появился.

Гермиона старалась не волноваться. Она старалась не смотреть на часы. Она проигнорировала ощущение напряжения в груди, продолжая ожидать его появления.

«Возможно, он делает это нарочно», — напомнила она себе. Возможно, он прочёл ее мысли и специально мучил ее.

Гермиона все ждала, что он в конце концов появится, пока не пробило одиннадцать. Наконец она легла спать.

Она не могла уснуть.

Девушка просто лежала, размышляя, почему он не пришел. Может быть, он снова был в отъезде. В газете ничего подобного не освещалось, но, вероятно, он снова уехал. Возможно, он был с Асторией на каком-то мероприятии. Гермиона не думала, что помнит упоминания чего-то подобного на страницах светской хроники. Может, они просто пошли ужинать. Они с Асторией ужинали вместе?

Гермиона лежала в постели и размышляла, пока часы на стене не показали, что уже почти два часа ночи.

Она встала с кровати. Была почти полная луна.

Девушка подошла к двери и вышла из комнаты, блуждая по залитым лунным светом коридорам Северного крыла. Портрет следовал за ней, как бледный призрак.

Пальцы Гермионы скользили по стенам, пока она шла. У нее никогда не было приступов паники внутри поместья, но ощущение каменной кладки под пальцами успокаивало.

Лунный свет отбрасывал длинные тени на пол и стены.

Внезапно Гермиону осенила мысль. Что, если Малфой умрет? Узнает ли она об этом вообще? Скорее всего, нет. Целительница Страуд придет и заберет Гермиону, чтобы отправить ее к другим легилиментам. Возможно, Волдеморт вернет Снейпа из Румынии и прикажет теперь ему оплодотворить ее.

А что, если она уже беременна? От этой мысли ей стало холодно. Что, если она забеременеет, а Малфой умрет? Будет ли Волдеморт ждать, пока она родит, или попытается самостоятельно взломать ее воспоминания? Или он заставит Страуд сделать аборт, чтобы ее перевели? Что, если она родит? Волдеморт отдаст ребенка Астории?

Астория убьет его. Она замучает его до смерти. Если он будет похож на Малфоя и Гермиону, Астория, скорее всего, выцарапает ему глаза и заморит голодом...

Гермиона ахнула и начала задыхаться в коридоре.

Она ничего не сможет сделать. Ничего. Она ничего не сможет изменить.

Она несколько месяцев мечтала, чтобы Малфой умер, но теперь эта мысль наполняла ее ужасом.

Что, если он действительно мёртв?

Ее дыхание участилось. Руки и кисти начали покалывать, будто иголки задевали кожу. Ее грудь начала сжиматься, как при наступлении паники. Она никак не могла успокоиться.

Внезапно в темноте что-то шевельнулось. Гермиона замерла, подавила вздох и огляделась.

Малфой вышел из темноты. Она была уверена, что минуту назад его там не было.

Лунный свет освещал его бледные волосы и кожу, он выглядел устрашающе и завораживающе одновременно.

Она уставилась на него, чувствуя, как ее паника исчезает. Он не был мертв и не умирал. Чувство облегчения, которое девушка испытала, увидев его...

Она старалась не думать об этом, внимательно изучая его.

Что-то в его лице было другим...

Напряжение в нем, казалось, немного ослабло, и то жесткое холодное выражение, к которому она так привыкла, отсутствовало. Он уже не выглядел так, словно был на грани нервного срыва.

Малфой подошел к ней ближе. Его глаза медленно скользили по ней, пока он оценивал ее.

— Грейнджер.

Ее имя слетело с его губ, как мурлыканье. Она почувствовала, как дрожь неуверенности прошла сквозь нее. Он никогда не называл ее по фамилии — ни разу с тех пор, как она приехала. Она всегда была Грязнокровкой.

Ее глаза слегка расширились.

Он был пьян.

Его шаги оставались ровными, а голос — неторопливым, но... Гермиона была уверена в этом.

Она не шевельнулась.

Он придвинулся ближе, пока девушка не начала отступать назад. Но Малфой продолжал приближаться, пока Гермиона не оказалась прижатой к стене, а он — всего в нескольких дюймах от нее.

— О, Грейнджер, — вздохнул Малфой, глядя на нее сверху вниз. Он поднял руку и положил ту ей на горло, но не сжал; он просто оставил ее там. Гермиона чувствовала, как его жар проникает в ее кожу.

Она пристально посмотрела на него. Даже в пьяном состоянии его лицо было похоже на маску. Девушка не знала, что он собирается делать дальше. Он легко провел большим пальцем по ее шее, и она почувствовала, как по коже побежали мурашки.

Он снова вздохнул.

— Если бы я знал, какую боль ты мне причинишь, я бы никогда тебя не взял.

Он просто стоял, держа ее за горло. Она чувствовала, как ее пульс трепещет под его рукой. Гермиона не была уверена, что он имел в виду и должна ли она извиниться.

Девушка ощутила слабый запах алкоголя в его дыхании.

— Но, — сказал он через минуту, — на данный момент я полагаю, что заслуживаю того, чтобы гореть. И мне интересно, сгоришь ли ты вместе со мной.

Его лицо внезапно оказалось совсем близко, она почувствовала, как его дыхание коснулось ее кожи.

Его губы обрушились на нее.

Примечание к части

Арт к главе

Автор animusdiscidium <https://www.instagram.com/p/CDmPkVOF8Ea/>

Его поцелуй на вкус был как огневиски.

Он не был нежен. Словно этим поцелуем он наказывал ее.

В ту же секунду, как их губы соприкоснулись, Малфой прижал ее тело к своему. Его рука, лежавшая на шее девушки, скользнула вверх к затылку, запутавшись пальцами в кудрях, когда он углубил поцелуй. Другой рукой он на мгновение обхватил ее щеку ладонью, прежде чем скользнуть вниз по ее телу.

Малфой приподнял ее голову, продолжая целовать. Его язык скользнул ей в рот, и прежде чем отстраниться, он прикусил ее губу. Не до крови, но достаточно, чтобы причинить боль. Когда ей стало не хватать воздуха, Малфой отстранился и прижался губами к её шее.

Гермиона застыла в шоке. Податливая и ошеломленная в его собственнических руках.

Малфой начал стягивать с неё одежду. Она почувствовала, как мантия соскользнула на пол, а верхние пуговицы платья расстегнулись, позволяя холодному воздуху поместиться коснуться ее кожи. Он сорвал оставшиеся пуговицы, оголяя ее грудь и исследуя обнаженную кожу.

Продолжая вжиматься в неё всем телом и стягивать платье с плеч, обнажая ее до талии.

Холодный воздух обжигал ее кожу. Она чувствовала, как соски начинают твердеть от смены температуры. Его руки метнулись вверх, чтобы погладить и подразнить ее грудь. Малфой продолжал целовать и покусывать ее шею, когда вдруг Гермиона застонала.

Они оба замерли.

Малфой резко отстранился от неё.

Он стоял и смотрел на нее. Она прислонилась к стене, наполовину раздетая и... возбужденная.

Его глаза были широко раскрыты, как будто он только что осознал произошедшее. Замерев, Малфой стоял так несколько мгновений, а потом вдруг его маска со щелчком вернулась на место. Выражение лица стало жестким, и он ухмыльнулся.

— Вижу, ты наконец смирилась со своим положением, — сказал он с усмешкой.

Затем резко развернулся и исчез в темноте.

Гермиона стояла в шоке. Она замерла, когда холодное чувство опустошения охватило ее.

Она... она отвечала на ласки Малфоя. Она получала от них удовольствие.

Ее уступчивость не была подкреплена наручниками. Гермиона даже не подумала о том, чтобы оттолкнуть Малфоя. У неё и мысли не возникло воспротивиться ему.

Он поцеловал ее, и она... позволила ему. Гермиона не чувствовала отвращения. Это взволновало что-то одинокое и болезненное внутри нее. Желание быть нужной. Кому-то с теплыми руками, ласкавшими ее. Это было страстное желание, пронизывающее ее насквозь.

Запертая в поместье, она цеплялась за любую крупницу доброты, которую могла найти.

Но это была не доброта.

Малфой не был добрым — он просто не был жестоким. Он был не таким ужасным, каким мог бы быть. В нем ещё оставалось немного человечности.

Очевидно, отсутствие жестокости было достаточным утешением для ее измученного сознания. Для ее изголодавшегося сердца этого было достаточно.

Сдавленный всхлип вырвался из ее груди, она накинула на себя мантию и убежала в свою комнату.

Распахнув дверцы платяного шкафа, девушка достала новый комплект мантий и переделась, застегнув все пуговицы, как можно быстрее. Затем она обхватила себя руками для дополнительного ощущения безопасности. Из соображений приличия.

Гермиона была выше всего этого.

Она не собиралась позволять своим подсознательным инстинктам выживания обманывать ее — заставляя влюбиться в монстра, желать внимания человека, ответственного за развязывание войны, быть восприимчивой к человеку, который убил ее друзей.

Она не могла позволить своему разуму логически обосновать любовь к насильнику только потому, что он не был для нее таким чудовищем, каким мог бы стать.

Она не могла влюбиться в него. Она не собиралась в него влюбляться.

Она не позволит этому случиться.

Не позволит.

Она могла вынести предательство своего тела. Но она не позволит своему разуму предать себя.

Она скорее сломает его.

Ей нужно было выбираться из поместья.

Девушка прижала руку к холодному окну и с отчаянием посмотрела на залитую лунным светом усадьбу.

Затем она откинула голову назад и изо всех сил ударила ею по стеклу.

Непробиваемое стекло не разбилось. Конечно.

Она повторила удар ещё раз.

И еще раз.

И еще раз.

Кровь заливала ей глаза, но она продолжала.

Снова.

И снова.

Чья-то рука обхватила ее за талию, а другая сжала оба запястья, оттаскивая ее от окна.

Она боролась. Пыталась освободить свои руки. Гермиона упиралась пальцами ног в деревянную поверхность пола, чтобы сопротивляться.

Всхлипывая.

— Грейнджер. Не надо... прекрати, — голос Малфоя был совсем близко от ее уха.

Она продолжала слабо вырываться, пока ее грудь сотрясалась в рыданиях.

Гермиона так устала от боли и одиночества. Она хотела покончить с этим. Если она останется в этом доме, то начнет искать отдушину. Что-то, что позволит ей больше никогда не чувствовать холод и одиночество.

Гермиона хотела ощущать чьи-то прикосновения. Хотела чувствовать себя в безопасности, пусть даже это было бы лишь иллюзией. Она так хотела этого...

Но не могла себе позволить.

Гермиона не собиралась предавать друзей. Гарри. Рона. Минерву. Джинни...

Она не могла предать саму себя.

— Не могу... Я не могу... — сказала девушка сквозь слезы, снова начав вырываться.

— Не причиняй себе вреда. Грейнджер, это приказ. Прекрати причинять себе вред, — жестко сказал Малфой.

Она продолжила попытки освободиться.

— Остановись, — почти прорычал он.

— Прекрати пытаться нанести себе физический вред, — его голос дрожал.

Гермиона почувствовала, как после слов Малфоя наручники на запястьях стали

горячими. Обессиленно она пыталась высвободиться из его рук, сопротивляясь магии оков.

— Нет! — девушка продолжала плакать, чувствуя, как наручники лишают ее воли, делая тело податливым.

Она пошатнулась и упала на Малфоя. Он отпустил запястья Гермионы и обхватил ее плечи, словно ожидал, что она в любой момент может снова броситься к окну.

Девушка так и осталась стоять, опираясь на него, дрожа и тихо плача. Кровь стекала по ее лицу и капала с губ и подбородка на пол.

— Что ж... — начал он напряженным голосом. — Вижу, ты нашла способ обойти магию наручников.

Сквозь затуманенное сознание Гермиона не сразу поняла, что он был прав. Она нашла способ.

Рамки существовали только в ее голове. Ей приказывали не вредить себе, но не уточняли, имеются ли в виду физические увечья или вред, нанесённый психике. Так что, когда Гермиона испытывала достаточно сильные душевные муки, она была в состоянии обойти этот приказ. Когда ее сознание находилось в агонии, она не могла заставить его прекратить причинять ей боль. Таким образом, приказ переставал иметь смысл.

Гермиону всегда ограничивал только ее собственный ум.

Ее понимание приказов и являлось тем, что вгоняло ее в рамки. Суррогатным матерям было приказано не шуметь, и Гермиона думала, что ей не разрешается говорить, пока к ней не обратятся. Зная мстительный характер Малфоя, она считала, что он вкладывал в этот приказ именно такой смысл. Если бы она поняла его по-другому, как, например, запрет говорить громким голосом, девушка бы смогла разговаривать, пока Малфой бы не уточнил, что именно нельзя делать.

Магия наручников была направлена на подавление осознанного непослушания.

Когда Гермиона не думала, что нарушает запреты, или делала и говорила что-то без обдумывания, инстинктивно, она могла обойти магию наручников. Она просто не замечала этого.

— Думаю, и правда нашла, — сказала Гермиона тихо. Она отстранилась от Малфоя и выпрямилась.

Его руки соскользнули с ее плеч. Девушка почувствовала, как сжалось что-то внутри неё при потере контакта.

Малфой повернул ее лицо к себе и взмахом палочки заставил кровь исчезнуть. Затем наложил заклинание исцеления на то место, где была повреждена кожа. Голова Гермионы раскалывалась от боли.

— Почему сейчас? — спросил Малфой жестким голосом. — С чего вдруг понадобилось заходить так далеко именно сейчас?

Гермиона посмотрела на него. Их разделяло всего несколько сантиметров. Его серые глаза внимательно изучали ее лицо. Малфой явно принял отрезвляющее зелье – она чувствовала знакомый запах снадобья в его дыхании.

— А почему нет? — сказала она обреченным голосом. — У меня всегда было только два варианта: сбежать или умереть.

— Да, вот только это первый раз, когда тебе хватило решимости сделать что-то. Так почему сейчас, а не вчера, к примеру? Или в тот день, когда я уезжал во Францию?

Значит, Малфой все-таки заметил, что ее тело реагировало на его прикосновения против ее воли. Губы Гермионы дрогнули, и она отвернула от него своё лицо, прижавшись щекой к плечу.

«Не говори ему ничего. Он тебе не друг» — напоминала она себе.

— Ты ведь знаешь, что тебе необязательно отвечать, — добавил Малфой через несколько минут. — Однако я думал, что ты скорее предпочтешь признаться сама. Хотя у нас все равно запланирован очередной сеанс легилименции.

Гермиона сжала челюсти. Невольно она покосилась на свою кровать. Ей не хотелось снова лежать на ней перед Малфоем. Если он будет просматривать ее воспоминания, то увидит, насколько отчаянно одинокой она себя чувствовала. Насколько важным он стал для неё.

Если Гермиона просто ответит на его вопрос, то у неё хотя бы будет контроль над сказанным.

Девушка несколько раз открывала рот, не решаясь начать. Она чувствовала такой холод, что даже ее кожа болела. Она обняла себя, растирая руки.

— Думаю, что у меня начал развиваться стокгольмский синдром, — наконец тихо сказала Гермиона. — Это понятие из маггловской психологии. Один из побочных эффектов инстинкта самосохранения или защитного механизма психики. Думаю, так это можно назвать в магическом мире.

Она замолчала и взглянула на Малфоя. Он сохранял обычное холодное выражение лица, видимо, ожидая, что она продолжит объяснение. Гермиона отвернулась от него.

Малфой раздраженно вздохнул.

— Видимо, мы пойдём сложным путём. Прекрасно. Значит, снова легилименция.

Гермиона замерла и опустила плечи, словно защищаясь.

— Такое иногда случается, когда заложник начинает привязываться к своему похитителю... из-за своего зависимого положения, — заставила она себя сказать. Голос Гермионы едва заметно дрожал. Она не смотрела на Малфоя.

Гермиона заставила себя продолжить:

— Я не очень много знаю об этом. У меня было слишком мало времени, чтобы

изучать ещё и психологию. Но, кажется, я начинаю рационализировать твои поступки, оправдывать их. Отсутствие жестокости становится добротой. Это... это просто один из механизмов выживания, так что он основывается на подсознательных адаптационных реакциях организма. Чтобы создать достаточную эмоциональную связь, я могу даже начать испытывать к тебе чувства... — ее голос сорвался, и ей пришлось замолчать на несколько мгновений.

Повисла пауза.

— Честно, я лучше буду изнасилована твоим отцом, чем начну испытывать что-то к тебе, — наконец сказала она, смотря на капли крови на полу.

В наступившей оглушающей тишине Гермиона наблюдала, как Малфой медленно сжимает руки в кулаки.

— Что ж, — сказал он через какое-то время. — Если тебе повезёт, ты окажешься беременна и будешь избавлена от необходимости встречаться с кем-то из нас. Тебя просто оставят в покое.

Он начал отступать назад. Не успев подумать, Гермиона протянула руку и схватила его за мантию. Малфой замер. Гермиона едва слышно всхлипывала, крепче вцепившись в ткань и опустив голову ему на грудь. Он пах кедром и мхом. Дрожа всем телом, она сильнее прижалась к его груди. Он поднял руки и положил их на плечи девушки. Гермиона почувствовала, как жар от его ладоней начал проникать ей под кожу. Пальцы Малфоя слегка поглаживали ее плечи, пока она не перестала дрожать.

Вдруг его руки замерли, и он с силой оттолкнул ее от себя. Споткнувшись, Гермиона едва не врезалась в свою кровать. Малфой отшатнулся от неё. Он смотрел на неё холодным взглядом. Что-то странное было в выражении его лица, какая-то эмоция, которую Гермиона никак не могла определить.

Несколько секунд он просто смотрел на неё сверху вниз. Его челюсти были крепко сжаты. Затем он вдруг сделал резкий вдох и рассмеялся, приглушенно и как-то горько.

— У тебя нет стокгольмского синдрома.

Он вздернул бровь.

— Тебя не волнует выживание. Гриффиндорцы всегда готовы жертвовать своими жизнями, — на слове «гриффиндорцы» его губы скривились в презрительной усмешке. — Не забывай, как ты планировала грандиозное убийство-суицид для нас обоих в течение многих месяцев. Нет, не выживание волнует тебя. Тебя мучает одиночество. Бедная маленькая целительница, у которой нет никого, о ком можно позаботиться. Никто не нуждается в тебе, никто тебя не ищет.

Гермиона смотрела на Малфоя во все глаза, пока он продолжал.

— Ты не можешь выносить одиночество. Ты просто не знаешь, что с ним делать. Тебе нужно любить кого-то. Ты сделаешь все что угодно ради людей, которые позволяют тебе любить их. Война для тебя прошла именно так, разве нет? Ты хотела участвовать в сражениях, но была достаточно умной, чтобы понять, что

ещё один юный, семнадцатилетний боец едва ли сможет повлиять на исход войны. Зато целитель сможет. Но я не могу представить, чтобы кто-то из твоих друзей оценил твои старания. Едва ли кто-то из них понял, что этот выбор был жертвой с твоей стороны.

Гермиона почувствовала, как вся кровь отхлынула от ее лица.

— Поттер и остальные твои друзья были слишком глупы и преданы идеалам, чтобы оценить сделанный тобой выбор. Тяжелая ноша — быть одной из немногих, кто понимал, что требуется для победы. Быть действительно готовой заплатить цену, которой бы эта победа стоила. Но они так и не поняли этого. Ты позволила друзьям отослать тебя в другую страну. Потом, вернувшись домой, ты позволила им до смерти загрузить тебя работой. И целителям никогда не доставалось ни особых почестей, ни похвалы. Не то что участникам сражений. Даже Джинни понимала это. Когда умер Криви, Поттеру позволили горевать в течение нескольких недель. Хотя он просто наблюдал, как тот умирал. Ты была той, кто пытался спасти мальчишку. И сколько времени они дали тебе? Четыре часа, прежде чем ты снова должна была выйти на смену?

— Все. Было. Не. Так. — Она так крепко сжала руки в кулаки, что заболели пальцы.

— Именно так все и было. Можешь убеждать себя в чем угодно, но я слишком много времени провёл в твоих воспоминаниях. Кажется, я помню их лучше, чем свои собственные. Ты бы сделала все что угодно ради своих друзей. Взяла бы на себя все самое тяжелое и расплачивалась бы за свой выбор, никогда не жалуясь. Продала бы своё тело ради победы, если бы потребовалось. Но ответь мне, потому что мне действительно очень интересно: что такого сделал для тебя Поттер, чтобы заслужить все это?

Гермиона яростно посмотрела на него.

— Гарри был моим другом. Он был моим самым близким другом.

Малфой усмехнулся:

— И что?

Гермиона отвела взгляд и сделала дрожащий вдох.

— В детстве у меня никогда не было друзей. Я всегда была слишком странной, всегда слишком любила книги. Больше всего на свете я мечтала о друзьях, но никто не хотел становиться моим другом. Когда я узнала о Хогвартсе, я подумала... подумала, что там все будет по-другому. Что я всегда отличалась от остальных, потому что была волшебницей. Но... когда я начала учиться в Хогвартсе, ничего не изменилось. Я все ещё была книжным червём, с которым никто не хотел иметь ничего общего. Гарри... Гарри был первым человеком, который позволил мне стать его другом. Я бы сделала ради него все что угодно. Без него... вряд ли у меня когда-нибудь была бы счастливая жизнь.

После ее слов последовала долгая пауза.

— Это самое жалкое, что я слышал в своей жизни, — наконец сказал Малфой, поправляя мантию. — Так что? Я для тебя заменитель Поттера? — он

ухмыльнулся. — Если кто-то говорит тебе доброе слово, ты сразу привязываешься к нему? Даже шлюхи в Косом переулке ценят себя больше.

Подбородок Гермионы задрожал, но Малфой ещё не закончил.

— Давай-ка проясним кое-что, Грязнокровка. Я не хочу тебя. Я никогда не желал тебя. Я не твой друг. Нет ничего, чего бы я желал сильнее, чем наконец-то избавиться от тебя.

— Я знаю, — ответила Гермиона глухим, низким голосом.

— Хотя... — добавил Малфой после небольшой паузы. — Не могу отрицать, что с тобой стало интереснее в последнее время. Следует передать Страуд мои благодарности, — он окинул взглядом ее тело.

Гермиона резко втянула носом воздух и свирепо посмотрела на Малфоя. Потом она усмехнулась:

— Правда? Значит, поэтому ты поцеловал меня? Всему виной зелье?

Малфой пожал плечами. Он насмешливо смотрел на неё, его глаза оставались холодными.

— Ну что я могу сказать. Принуждение к сексу не приносит мне удовольствия. Но вот твоя растущая привязанность ко мне... Довольно забавна и увлекательна. Никогда не думал, что ты из тех, кто воображает себе, что моя вынужденная забота о тебе будет являться проявлением каких-то чувств. Мне даже сложно представить, как позабавится Тёмный Лорд, когда увидит это в твоём сознании. Грязнокровка Поттера, влюбившаяся в насилующего её Пожирателя Смерти. Не думал, что ты можешь быть ещё более жалкой, но, видимо, у Грязнокровок не существует границ в самоунижении.

Он повернулся, собираясь уйти, но остановился.

— Я вернусь позже, чтобы посмотреть твои воспоминания. Пожалуйста, не воображай себе, что я умер, просто потому что у меня порой есть дела поинтереснее, чем смотреть на твою маленькую трагичную жизнь.

Малфой усмехнулся и вышел из комнаты Гермионы.

Когда на следующий день он пришёл, чтобы просмотреть воспоминания девушки, она едва ли сдвинулась с места. Малфой рассматривал ее в течение нескольких минут. Гермиона не подняла на него взгляд и никак не отреагировала на его присутствие.

— На кровать, — наконец скомандовал он.

Гермиона молча подошла к постели и присела на край. Она смотрела в пол. Малфоя не нужно было видеть ее глаза, чтобы использовать легилименцию.

После небольшой паузы он, в конце концов, ворвался в ее сознание.

Большую часть времени он просматривал ее воспоминания о Снейпе, не задерживаясь на событиях последних дней. Когда он наконец посмотрел все до

настоящего момента, то вышел из ее сознания и, не задерживаясь, покинул комнату Гермiony, не сказав ни слова.

Девушка чувствовала себя так, словно умерла. Если бы, посмотрев в зеркало, она увидела вместо себя призрака, то вовсе бы не удивилась.

Холод и пустота.

Вот и все, что она чувствовала.

Гермиона лежала на кровати и шептала слова извинения друзьям за то, что подвела их.

Когда спустя шесть дней Страуд появилась в ее спальне, девушка безмолвно пересекла комнату и села на край стола. На автомате она открыла рот, чтобы в него влили сыворотку правды.

— Выглядишь бледной, — заметила Страуд. Ее губы чуть кривились, пока она разглядывала девушку. — Как успехи с зачатием в этом месяце?

— Понятия не имею. Разве вы здесь не для того, чтобы узнать это? — ответила Гермiona горько, опустив взгляд на колени и перебирая руками ткань мантии.

Страуд холодно рассмеялась в ответ:

— Остроумно.

Повисла пауза, в течение которой целительница накладывала на Гермionу заклинание диагностики. Затем последовала ещё более продолжительная пауза.

— Ты беременна. — Ее голос был полон триумфа.

Руки Гермiony замерли.

Нет.

Пожалуйста. Нет.

Девушке показалось, словно ее резко опустили в ледяную воду. Ей не хватало воздуха и она чувствовала давление, сжимающее ее тело со всех сторон. Гермiona ощущала, как ускоряется ее пульс, пока шум крови в ушах не перекрыл все остальные звуки.

Страуд что-то говорила, но девушка не могла разобрать ни слова.

Она не могла дышать.

Страуд говорила все громче и громче. Гермiona слышала звуки, но не могла связать их воедино. Она задыхалась, пыталась набрать воздух в легкие, но ее горло словно сдавило тисками.

Сердце гулко стучало в груди, и в какой-то момент ее грудную клетку пронзила резкая и острая боль — словно в нее воткнули нож.

Страуд стояла перед ней, смотря ей в лицо. Она продолжала что-то говорить, снова и снова. Движения губ целительницы повторялись, пока та склонялась над Гермией и активно жестикулировала. Но девушка все ещё не могла разобрать ни слова. Выражение лица Страуд становилось все более и более нетерпеливым, пока она продолжала повторять одно и то же. Все звуки вокруг сливались в один неопределенный гул.

Гермиона не могла дышать. Ее легкие горели от усилий, пока она пыталась сделать хотя бы глоток воздуха. Лицо целительницы расплывалось у неё перед глазами. Казалось, что женщина растворяется в окружающем ее воздухе.

Все вокруг становилось все более и более расплывчатым. Гермиона чувствовала, словно в ее ноги и руки вонзаются тысячи маленьких иголок.

Вдруг перед ней возник Малфой. Он обхватил ее плечи руками.

— Успокойся.

Его жесткий голос прорвался сквозь неясный гул в ее ушах.

— Дыши.

Гермиона открыла рот, пытаясь глотнуть воздуха, и смогла, наконец, сделать дрожащий вдох. А потом она разрыдалась.

Нет. Нет. Пусть это будет ошибкой. Она не может быть беременной. Пусть ее отдадут Люциусу, чтобы он замучил ее до смерти.

Каждый раз, когда девушка делала вдох, ее пронзала острая боль, словно нож вонзался в ее грудь.

— О боже... Нет... — Гермиона продолжала плакать, дрожа всем телом.

— Дыши. Продолжай дышать, — снова приказал Малфой. Его лицо выглядело изможденным. Сжав челюсти, он наблюдал, как Гермиона с трудом делала вдохи и выдохи.

Только через несколько минут она перестала делать поверхностные, прерывистые вдохи и немного восстановила дыхание. Хватка Малфоя на ее плечах ослабла, и он повернулся к целительнице Страуд. Его взгляд пылал яростью.

— Ты знаешь, что она склонна к паническим атакам. Ты не можешь вот так вываливать на неё информацию, — сказал он разъяренно, все ещё крепко сжимая дрожащие плечи Гермионы.

— Я думала, ее панические атаки провоцируют только открытые пространства, — Страуд скрестила руки на груди и приподняла подбородок. — Учитывая, в какой ужас она пришла от идеи отдать ее вашему отцу, я думала, она будет рада.

— Значит, тебе стоило подумать получше, — ответил Малфой ледяным тоном. — Я начинаю подозревать, что ты специально травмируешь ее. Сначала ты угрожала отдать ее моему отцу, потом без предупреждения подложила ей афродизиак. Ты специально делаешь все, чтобы довести ее до нервного срыва?

Целительница Страуд только фыркнула, накладывая на Гермиону ещё одно заклинание диагностики.

— Можете не беспокоиться, я не делаю ничего, что могло бы хоть как-то нарушить целостность ее воспоминаний. Я и сама с нетерпением жду, когда она все вспомнит, после того, как узнала, что это она была ответственна за нападение на Сассекс, — Страуд окинула Гермиону холодным взглядом. — Интересно, как ведьма, даже не закончившая Хогвартс, без какого-то специального обучения, смогла изготовить бомбу, способную убить всех моих коллег?

Повисла долгая пауза, прерывавшаяся только тихими всхлипами Гермионы. Малфой продолжал прожигать целительницу взглядом.

— Она террористка Сопротивления. Ее обучали в разных странах Европы для того, чтобы она стала целительницей, способной разрушать проклятия, изобретённые в Сассексе. И это ещё не считая того факта, что она мастерски разбиралась в зельях. Если она могла обнаружить и нейтрализовать проклятие, очевидно, она могла и изобрести его. Если тебя так мучило любопытство, могла спросить у меня, — холодно произнёс Малфой. — Доведя ее до срыва, ты бы не получила никаких ответов. Особенно учитывая, что она сама ничего не помнит. Твоя программа — это не возможность отомстить. Похоже, ты забыла, что я делаю с идиотами, которые мешают мне выполнять приказы.

— Я не мстила...

— Именно это ты и делала. Тёмный Лорд доверил ее мне. Ты отлично знаешь, насколько она важна. Я прилагал немалые усилия, чтобы она оставалась в безопасности. Учитывая, что Тёмный Лорд не возражал, когда я убил одного из его последователей за то, что тот полез к ней, как думаешь, будет ли он сильно переживать по поводу тебя?

Страуд смертельно побледнела.

— Моя программа...

— Просто фарс, — Малфой усмехнулся. — Причина, по которой ты не умерла тогда в Сассексе наравне со своими коллегами в том, что твою программу посчитали научно необоснованной, а тебя саму не допустили до лабораторий. Где статистические данные по твоей программе? Где доказательная база и историческое обоснование? Весь этот спектакль с программой, о которой трубят в специально оплаченных статьях газет, может легко продолжаться и без тебя. — Глаза Малфоя злобно сверкали, пока он говорил. — Это мое единственное предупреждение. Тебе больше не разрешается находиться с ней наедине. Сегодняшний визит окончен. Если у тебя появятся новые инструкции для неё, ты передашь их мне. Топси!

Эльфийка появилась в комнате с характерным щелчком. Малфой не отводил глаз от Страуд.

— Сопроводи целительницу Страуд в гостиную. Я спущусь вниз, как только закончу.

Женщина раздраженно хмыкнула, но она все ещё оставалась бледной от страха, а ее руки била мелкая дрожь, пока целительница собирала свои бумаги и складывала их в портфель. Когда дверь за ними закрылась, Малфой повернулся к Гермионе и посмотрел на неё сверху вниз. Она уже перестала плакать и старалась теперь размеренно дышать.

Малфой тихо вздохнул и потянул ее со стола, заставив встать.

— Пойдём, — сказал он, ведя ее через комнату к кровати. Он внимательно изучал ее лицо, прежде чем засунуть руку в карман мантии и достать флакон зелья Сна без сновидений. — Учитывая последние события, боюсь, я не могу оставить тебя одну в сознании. Выпей это.

Гермиона с трудом протянула руку и взяла флакон из рук Малфоя, но замерла, уставившись на него в нерешительности. Ее дыхание все ещё не желало выравниваться.

— Некоторые зелья могут повлиять на нормальное развитие плода. Я не помню, является ли зелье Сна без сновидений одним из них.

— Оно безопасно.

Гермиона подняла взгляд на Малфоя. Откуда он мог знать об этом?

Он встретился с ней взглядом.

— Я предполагал, что что-то подобное может случиться, когда ты забеременеешь. Я подтвердил его безвредность.

Гермиона продолжала сомневаться.

— Это не просьба. Если ты не выпьешь его сама, я заставлю тебя, — добавил он жёстко.

Гермиона поджала губы и тяжело сглотнула. Ее грудная клетка продолжала дрожать от сбивчивого дыхания. Наконец девушка откупорила флакон и неуверенно поднесла его к губам. Проглотив зелье, она закашлялась и снова расплакалась. Пустой флакон выскользнул из ее руки и упал на пол, разбившись на куски.

— Боже... — Гермиона всхлипывала в прижатые к лицу ладони, чувствуя, как зелье разливается по телу и омывает ее сознание, словно темные воды. Она опустилась на кровать. — Боже... Боже... Пожалуйста...

Она продолжала плакать, но ее веки постепенно тяжелели и закрывались. Гермиона смутно ощутила, как кто-то уложил ее, подняв ее ноги на постель. Затем девушку поглотила темнота.

— *Мне жаль, Грейнджер.*

Когда Гермиона открыла глаза, был уже поздний вечер. Повернув голову, она увидела Малфоя, стоящего возле портрета на стене и тихо разговаривающего с ним.

Ведьма на картине сразу же заметила движение и кивнула ему, указав на Гермиону. Он замолчал и, медленно развернувшись, уставился на нее.

Он выглядел уставшим и совершенно не обеспокоенным предстоящим отцовством.

Гермиона чувствовала, что ее сейчас стошнит.

Она зажмурилась, обхватив себя руками, и попыталась не расплакаться снова. Девушка слышала стук ботинок Малфоя, когда он пересек комнату и подошел к ее кровати.

Наступило долгое молчание, и она почувствовала на себе его пристальный взгляд. Опустив подбородок на плечо, она мысленно желала ему поскорее убраться отсюда.

— Тебе не разрешается причинять себе вред или делать что угодно, что может привести к аборту или выкидышу.

Это было не утверждение, а приказ. Гермиона почувствовала, как жар окутал ее запястья.

— Я уверен, ты попытаешься обойти этот приказ, объясняя своё поведение в голове как защиту, но это не так. Тебе не разрешается делать ничего, что мешает твоей беременности.

Она почувствовала, как в уголках ее глаз появились слезы, и тихо всхлипнула.

— Топси теперь будет постоянно следить за тобой, чтобы ты не споткнулась на лестнице или не рискнула попробовать тисовых ягод. Она и раньше ухаживала за беременными ведьмами, поэтому прекрасно знает, что можно, а что нельзя употреблять в пищу. И у нее есть мое разрешение немедленно остановить тебя, если ты попытаешься что-нибудь предпринять.

Гермиона ничего не ответила. Малфой продолжал стоять у ее кровати несколько минут, а потом тихо вздохнул. Она услышала его удаляющиеся шаги и щелчок двери.

Девушка оставалась в постели, свернувшись калачиком и обхватив руками живот.

— Мне очень жаль. Прости меня. Я очень сожалею, — шептала она снова и снова.
— Я сделаю все, чтобы избавить тебя от этого мира.

Малфой появился через четыре дня.

— Ты не можешь лежать неподвижно все девять месяцев, — сказал он. — Тебе

нужно поесть. И ты должна выходить на улицу.

Гермиона проигнорировала его и понадеялась, что он уйдет. Если только Малфой не планировал силой поднять ее с кровати. Она не собиралась двигаться. Наступило долгое молчание. Девушка чувствовала на себе его пронзительный взгляд.

— У меня есть кое-что для тебя, — наконец сказал он.

Она почувствовала, как что-то тяжелое упало на покрывало, и приоткрыла один глаз. Рядом с ней лежала увесистая книга. *«Руководство по эффективному ведению магической беременности и родам»*.

Гермиона снова закрыла глаза.

— Я не могу прикасаться к вашим книгам, — сказала она, ее губы скривились, а голос слегка дрожал. — Астория наложила на все книги защиту от грязнокровок.

— Она не из библиотеки поместья, — тон Малфоя был слегка удивленным. — Книга не обожжет тебя.

Последовала пауза.

— Я ожидаю, что завтра ты встанешь с постели.

Когда он ушел, Гермиона снова открыла глаза и неуверенно потянулась к книге, слегка коснувшись пальцем обложки. Когда она дотронулась до нее и положила сверху руку, жжения не было.

Девушка взяла ее и притянула ближе, прижала к груди и крепко обняла.

На следующий день Гермиона заставила себя встать с кровати и подойти к окну. Книга была совершенно новой. Кожаный переплёт слегка скрипел, когда она раскрыла обложку, ее страницы слабо пахли машинным маслом и чернилами. Книга была толщиной в три дюйма и напечатана на писчей бумаге. Гермиона начала с оглавления и продолжала читать несколько часов подряд.

Это был медицинский учебник, не обычное руководство по беременности для ведьмы. Со стороны Малфоя было очень милым понять, что она предпочла бы именно такую книгу.

Девушка углубилась в главу об эндокринной регуляции, влияющей на инвазию трофобласта, когда Малфой снова вошел в ее комнату.

Она схватилась за края книги, а он смотрел на нее с задумчивым выражением лица.

— Когда ты в последний раз выходила на улицу? — наконец спросил Малфой.

Гермиона заколебалась и сглотнула.

— В тот день, когда ты уехал во Францию. Я выходила на веранду.

Его глаза сузились.

— И как долго это длилось?

Гермиона слегка выпятила челюсть и покраснела.

— Меньше минуты.

На его лице промелькнуло раздражение.

— А до этого?

Гермиона замолчала и опустила глаза.

— Ты ведь не выходила на улицу с самого Равноденствия?

Девушка, не мигая, смотрела на страницу перед собой, пока слова не стали расплываться. Малфой вздохнул.

— Поднимайся, — приказал он.

Она встала, крепко прижимая книгу к груди. Он снова вздохнул.

— Ты не можешь взять книгу с собой, она весит почти пять фунтов. Я не позволю тебе таскать ее по поместью. Оставь учебник здесь.

Гермиона только крепче сжала книгу. Он поднял правую руку и схватился за виски, как будто у него болела голова.

— Никто не украдет и не заберет книгу, если ты оставишь ее здесь. Если все же что-то произойдет, я куплю тебе еще одну. Оставь ее. — Последние слова были приказом.

Гермиона неохотно положила книгу на кровать и пошла за своими ботинками. Пока она собиралась, Малфой смотрел в окно, изучая горизонт. Затем он резко повернулся и бросил на нее быстрый взгляд, прежде чем направиться к двери.

Гермиона медленно последовала за ним.

Он остановился в дверях веранды и посмотрел на нее.

— Мы не будем подходить близко к лабиринту из живой изгороди.

Он повел ее через розарий, а затем по одной из аллей, на которой зацветали фруктовые деревья. Весной в поместье было прекрасно. Гермиона не могла отрицать этого, но красота казалась ей горькой и ядовитой, когда она начинала думать об этом.

Ни она, ни Малфой не проронили ни слова, пока он не проводил ее обратно в комнату.

Когда он уходил, ей удалось заговорить.

— Малфой, — ее голос дрогнул, когда она произнесла его имя.

Он остановился и повернулся к ней. Выражение его лица было скрыто, а взгляд настороженным.

— Малфой, — повторила она. Ее подбородок задрожал, и Гермиона вцепилась в одеяло на кровати. — Я никогда ничего у тебя не попрошу...

Его рот дернулся, а взгляд стал жестким. Она почувствовала, как что-то внутри нее ломается от отчаяния, но заставила себя продолжать:

— Ты можешь делать со мной все что захочешь. Я никогда не буду просить у тебя пощады. Но... пожалуйста, пожалуйста, не трогай ребенка. Даже если у тебя уже есть другой наследник, он все равно наполовину твой. Не надо... не... не причиняй...

Она начала заикаться, изо всех сил пытаясь дышать и не заплакать. Ее затрясло.

— Не позволяй Астории причинить ему боль... — сказала Гермиона прерывающимся голосом. — Пожалуйста... пожалуйста...

Ее голос оборвался, когда она начала задыхаться. Девушка вцепилась в кровать, пытаясь отдышаться.

Малфой пересек комнату и взял ее за плечи.

— Никто не причинит вреда твоему ребенку, — сказал он, глядя ей в глаза.

Она отстранилась от него, освободив одно плечо.

— Не... не давай мне обещаний, которых ты не имеешь в виду и не можешь выполнить.

Выражение его лица дрогнуло, и он снова дотронулся до ее плеча, проведя ладонями по ее рукам.

— Даю тебе слово. Никто не причинит вреда твоему ребенку. Астория никогда не прикоснется к нему.

Гермиона прикусила губу, глядя на него снизу вверх, и изо всех сил старалась выровнять дыхание. Ее легкие продолжали неконтролируемо сжиматься. Все ее тело сотрясало, когда она делала резкие, прерывистые вдохи.

— Никто не причинит ему вреда. А теперь успокойся, — твердо сказал он. — Тебе нужно дышать медленно.

Гермиона на мгновение прильнула к его рукам, положила голову ему на грудь и попыталась сделать медленный вдох, но тут же замерла и оторвалась от него, пятась к стене.

— Хватит... развлекаться со мной, — сказала она дрожащим голосом. — Мне не нужны твои обещания или внимание, чтобы «поддерживать» мое окружение, — девушка тихо всхлипнула себе под нос. — В конце концов, ты ясно дал мне понять, какой жалкой я бываю, когда принимаю твою обязательную заботу за что-то другое...

Она обхватила себя руками и сползла на пол, дрожа и закрывая рот, пока все ее тело сотрясало.

— Ты... тебе не нужно больше беспокоиться... я сама о себе позабочусь. Тебе не нужно сопровождать меня повсюду и приходить.

Малфой неподвижно смотрел на нее несколько минут, пока она прижимала руки ко рту и пыталась успокоить дыхание. Его рука слегка дернулась вперед, прежде чем он сжал ее в кулак, резко кивнул и ушел.

Она не видела его больше трёх недель.

Присутствие Топси теперь стало постоянным. Когда Гермиона садилась в постели, та немедленно материализовывалась и спрашивала, не нужно ли ей чего-нибудь.

За прошедшие три недели у девушки обострилась утренняя тошнота. Она начиналась рано утром, с каждым днём становясь все сильнее. Гермиона с трудом переносила запах многих продуктов, не говоря уже о том, чтобы попробовать их на вкус или съесть.

К счастью, запахи на улице ее не беспокоили. Когда она не перечитывала своё руководство по беременности, то совершала долгие прогулки по поместью. Она заставляла себя проходить вдоль изгороди, снова и снова напоминая себе, что Монтегю мертв.

У нее появились головные боли. Это была скрежещущая боль, которая начиналась с давления в задней части черепа, но, казалось, распространялась все дальше с каждым днем.

Когда она не гуляла и не читала, то сворачивалась калачиком в своей постели и спала.

По мере того, как ее беременность продолжалась, голова уже стала болеть так сильно, что девушка начала неосознанно сжимать челюсти, пытаясь справиться с постоянной болью. Дневной свет усиливал ее мигрень. Яркие солнечные дни не давали ей спать, теперь она старалась сдерживать рвоту от сочетания утренней тошноты и боли. Через несколько дней боль стала такой сильной, что Гермиона не смогла читать.

Топси повесила темные тяжелые шторы, которые не пропускали почти никакого света в комнату.

Гермиона ела все меньше. Когда она перестала есть и вставать с постели в течение двух дней, Малфой наконец появился.

Она услышала, как он вошел, но не убрала руку от глаз, чтобы посмотреть на него.

— Тебе нужно питаться, — сказал он.

— Неужели? — сказала девушка слабым, но саркастическим тоном. — Я и понятия не имела. В медицинском учебнике никогда не упоминалось, что питание необходимо во время беременности.

Она услышала, как он вздохнул.

— Это волшебная беременность, — с горечью сказала Гермиона. — Даже маггловские женщины страдают от утренней тошноты, это просто немного тяжелее проходит у волшебниц, особенно грязнокровок.

Последовала пауза, и она услышала, как он пошевелился.

— Есть что-нибудь, что ты хочешь съесть? Что ты, думаешь, смогла бы поесть?

— Хот-дог из дешёвой забегаловки, — сказала она шутливо, — или, возможно, пачку чипсов.

Наступило долгое молчание.

— Ты серьезно? — сказал он с сомнением в голосе.

Она слабо усмехнулась, и от этого голова ее забилась так болезненно, как будто кто-то вогнал металлический стержень в основание ее черепа. Гермиона тихо всхлипнула. Бесконечная растущая боль была похожа на то, как будто ее мозг медленно давили и превращали в пыль.

— Даже если бы я могла придумать что-нибудь съедобное, сомневаюсь, что смогла бы надолго задержать еду в своём организме, — ответила она напряженным голосом.

Девушка почти слышала, как он пытается придумать, что еще сказать. Она перевернулась на другой бок и обхватила голову руками.

— Ведьмы рожают детей уже тысячи лет. Статистическая вероятность показывает, что я вряд ли умру от этого, — сказала она ему.

Последовала пауза.

— Моя мать чуть не умерла в процессе, — сказал он. Его голос звучал глухо.

Гермиона больше ничего не сказала. Малфой не ушел. Он все еще стоял у ее кровати, когда она в конце концов заснула от мучительной усталости.

Через несколько дней прибыла целительница Страуд. Малфой маячил позади нее зловещей тенью.

Когда Страуд наколдowała смотровой стол в центре комнаты, он усмехнулся ей.

— Пройди еще пару метров до ее кровати и наложи на нее свои диагностические чары, — сказал он холодным голосом.

Страуд слегка фыркнула себе под нос и подошла к Гермионе, свернувшейся калачиком.

Целительница едва смотрела на девушку, пока проводила сложную диагностику ее живота. Появился крошечный шар бледного, почти ослепительно яркого желтого света, пульсирующего так быстро, что это было похоже на трепетание.

Он выглядел почти как золотой снитч, но был миниатюрным, чуть больше горошины.

Гермиона замерла и уставилась на него. Ее затошнило от количества света и резкой боли в голове, но она не могла оторвать глаз. Он освещал почти всю комнату.

— Это магическая голограмма вашего наследника, — сообщила Страуд Малфой.

Глаза Гермионы метнулись к Малфой. Он выглядел так, словно кто-то ударил его бладжером по голове. Его лицо было пепельно-серым, и он выглядел почти ошеломленным.

— Трепетание — это биение сердца. Размер соответствует росту плода. И яркость указывает на магические способности, которые являются исключительными, как я и предсказывала. — Последние слова целительницы сочлись самодовольством. — Хотя это может сделать беременность ещё более травмирующей для нее. Сильные дети всегда так делают со своими матерями.

Страуд взглянула на Гермиону и неискренне улыбнулась.

Целительница потратила несколько минут, накладывая различные заклинания на шар света и на девушку. Наконец она наложила одно на ее голову. Гермиона подняла глаза. Светящиеся огоньки, разбросанные по голограмме ее мозга, казались одинаковыми, за исключением того, что слабо отливали золотым цветом.

Страуд повернулась к Малфой.

— Вы проверяли ее воспоминания в последнее время?

— Нет, — ответил он. — Она уже перенесла один приступ из-за того, что на нее воздействовали легилименцией, когда у нее был повышен уровень гормонов. Я подожду, пока ее мигрень и утренняя тошнота пройдут. Легилименция, скорее всего, будет являться инвазивной и травматичной для плода в данный момент.

Целительница кивнула:

— Скорее всего, мигрени вызваны в первую очередь фугами. Головные боли во время беременности не редкость, но уровни боли, на которые указывает диагностика, превышают норму.

Лицо Малфоя напряглось.

— Можно ли что-нибудь сделать? — спросил он.

— Назначать обезболивающие зелья во время беременности не рекомендуется. Это может привести к аномалиям развития плода или выкидышу на ранних стадиях беременности, — ответила Страуд. — Вы можете попробовать маггловское обезболивание, если вас это так волнует, но обычно вызванные магией болезни требуют магического лечения.

Малфой скептически посмотрел на целительницу. Она в ответ вздернула подбородок.

— Если вы мне не верите, то можете получить стороннее мнение или вызвать акушерку, чтобы подтвердить это. Целитель разума сообщит вам, что процесс коррозии, вероятно, будет мучительным. Разрушение блокировки воспоминаний в значительной степени более болезненно, чем ее создание. Магический уровень вашего наследника, вероятно, ускорит процесс, но мы не имеем ни малейшего представления о том, сколько времени это может занять. Вполне возможно, как только ее гормональный уровень восстановится, боль несколько ослабнет. Но не менее вероятно, что процесс коррозии останется таким же на протяжении всей беременности. Это невозможно предсказать. С этим действительно ничего нельзя поделать. Есть безопасные зелья, чтобы уберечь ее организм от обезвоживания, которые можно принимать, если она будет в состоянии контролировать свою тошноту. Однако пока она не потеряет критическое количество веса или не начнет кричать от боли, мы не начнём это лечение, так как длительное вмешательство может подвергнуть риску ее жизнь или беременность и сделать только хуже.

Малфой стиснул зубы:

— Ладно.

Вскоре после этого Страуд ушла, но он остался, глядя на Гермиону сверху вниз.

Она закрыла глаза и постаралась не думать о том, какой несчастной чувствует себя и что, возможно, останется такой еще тридцать четыре недели. Ее голова болела слишком сильно, чтобы даже думать. Девушка попыталась заставить себя уснуть, представляя крошечный светящийся шар, трепещущий в ее сознании.

Гермиона почувствовала, как кровать прогнулась под весом Малфоя, и прохладные пальцы коснулись ее щеки, откинув назад волосы, а затем коснулись лба. Она прикусила губу и попыталась сдержать слезы.

Гермиона так устала плакать.

Она попыталась притвориться, что это кто-то другой. Это Гарри. Или Рон. «Это мама», — сказала она себе. Девушка не стала заставлять себя отстраняться от прикосновения.

Еще через неделю она начала задаваться вопросом, не умрет ли от беременности. Несмотря на передовую науку акушерского врачевания, магическое вмешательство в беременность было крайне ограничено. Магические беременности, как правило, либо нейтрализуют магию, либо крайне плохо реагируют на внешние магические воздействия.

Гермиона пыталась сохранить уровень гидратации своего организма. Топси по несколько раз в день давала ей питательные микстуры и зелья против обезвоживания, но девушка редко могла удержать их в течение нескольких секунд, необходимых для того, чтобы ее организм их впитал.

Она не была уверена, было ли это связано с гиперемезисом у беременных или же тошнота и рвота возникали из-за непрекращающихся мигреней. Если Гермиона что-нибудь съедала, ее тут же рвало, и это продолжалось до тех пор, пока она не начинала всхлипывать от дополнительной боли в голове.

Девушка потеряла почти весь свой мышечный тонус.

Она безвольно лежала в постели в своей темной комнате, мечтая умереть.

Малфой приходил к ней. Слишком часто, как она считала. Он приводил с собой нескольких целителей разума, которые просто нервно заикались возле него и не давали никаких полезных советов. Он приводил акушеров и целителей, специализирующихся на волшебных беременностях, которые ворковали над уровнем магии его наследника и прописывали еще более противные на вкус зелья, от которых Гермиону сразу рвало.

Она подозревала, что Малфой иногда приходил, когда она спала, потому что ее сверхчувствительный нос часто улавливал его запах в комнате.

Он садился на край ее кровати и гладил ее волосы, а иногда брал ее за запястье и притягивал к себе. Когда он сделал это в первый раз, Гермиона подумала, что он просто перебирает ее пальцы, но постепенно поняла, что он массирует ее руку, постукивая кончиком палочки по ней в различных точках давления, посылая слабые вибрации в мышцы. Затем он наклонялся и слегка касался ее пальцев и ладони.

Она поняла, что Малфой массирует руку так, как целители, когда хотят вылечить дрожь от Круциатуса. Он, должно быть, запомнил технику из-за того, как часто сам нуждался в лечении.

Она не отдергивала руку.

Гермиона сказала себе, что это только потому, что если она пошевелится, у нее еще больше заболит голова.

По мере приближения конца мая ее голова болела все сильнее и сильнее. Девушка становилась все тоньше, пока наручники не начали болтаться на ее руках и с лёгкостью доходили до середины предплечий. Топси забеспокоилась и стала встречаться глазами с Гермионой, мягко умоляя ее попробовать проглотить еще зелья или выпить немного мятного или имбирного чая.

Малфой начал терять связь с внешним миром. Он должен был уходить на «охоту» и выполнять другие обязанности, о которых Гермиона старалась не думать, но он часто бывал в ее комнате. Он не разговаривал с ней. Малфой редко встречался с ней взглядом, но гладил ее волосы, держал за руки и теребил наручники на запястьях. Иногда, открыв глаза, она обнаруживала, что он смотрит на ее живот, но никогда не пытается прикоснуться к нему.

Гермиона была почти на девятой неделе беременности, когда внезапно проснулась в панике.

Было что-то... что-то, к чему она должна быть готова.

Она не могла вспомнить...

Это было важно.

Самое главное. То, что она не могла забыть.

Ей нужно было быть готовой.

Несмотря ни на что. Она должна была держаться.

Гермиона заставила себя подняться с кровати. Боль от того, что она оказалась в вертикальном положении, заставила ее задохнуться. Девушка схватилась за голову. Она заставила себя продолжать стоять.

Она должна была это сделать...

Она не могла вспомнить. Это лежало прямо на поверхности.

Ее ноги дрожали от атрофии мышц. Она заставила себя идти и постаралась не паниковать.

Она должна была что-то делать.

Что это могло быть?

Появилась Топси.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, — дрожащим голосом ответила Гермиона, пытаясь собраться с мыслями. «О боже, что это было?» — Ее сердце бешено забилося, когда она попыталась вспомнить. Пыталась думать сквозь ослепляющую боль.

В ее глазах заплясали черные пятна, становясь все больше и больше. Давление в голове продолжало нарастать.

Малфой внезапно оказался перед ней. Он аппарировал? Она не слышала щелчка перемещения.

— Что?.. — он вздрогнул и осекся, увидев, что она стоит перед ним.

— Я... не могу... вспомнить... — выдавила Гермиона. — Я... должна... продержаться...

Ее голос прервался низким криком, когда давление в голове стало настолько сильным, что она подумала, будто упадет в обморок. Ее зрение затуманилось. Девушка моргнула, пытаясь что-то разглядеть, а когда зрение прояснилось, обнаружила в руке Малфоя нож. Она удивленно посмотрела на него. Выражение его лица было холодным и напряженным, когда он бросился на нее.

Она отступила назад, инстинктивно пытаясь оттолкнуть его.

За мгновение до того, как ударить ее ножом, Малфой внезапно исчез.

Перед ней стоял Аластор Грюм. С мрачным и усталым выражением лица.

— *«Появилась возможность. Та, которая могла бы переломить ход войны в нашу пользу».*

Прежде чем Гермиона успела что-то ответить, Грюм исчез, и она начала падать.

Нет, она не падала.

Малфой схватил ее за горло и повалил на землю.

Между ее ребрами скользнуло лезвие ножа.

Она была в центре сражения. Все падали на землю, задыхаясь от боли. Гарри. Рон. Пожиратели Смерти. Все вокруг нее умирали, а она кричала.

«Как ты думаешь, сколько раз я смогу ударить тебя ножом, прежде чем свет в твоих глазах погаснет?»

Джинни рыдала: — «Я не хотела этого!»

«Что-то, что сможет согреть мое холодное сердце».

Она была прижата к стене жёстким поцелуем.

«Я не хочу тебя».

Ощущение ее запястья, ломающегося под железной хваткой.

«Похоже, тебя радует, что твоё распутное поведение в конечном счете возымело успех. Счастлива узнать, что твоя шахматная фигура снова в игре?»

Гарри стоял перед ней, бледный и разъяренный, его лицо было покрыто коркой засохшей крови. — «Если ты так мало веришь в нас, значит, ты не та, в чьей помощи я нуждаюсь».

Она сидела рядом с Тонкс, которая настороженно смотрела на Гермиону подозрительным взглядом. — «Сколько человек ты сегодня убила, Гермиона? Десять? Пятнадцать? Ты вообще считала?»

Минерва Макгонагалл, сжимая чашку с чаем, дрожащим голосом сказала: — «Ты не грешница, это не та судьба, которую ты заслуживаешь. И все же, кажется, ты уже решила попробовать проклясть себя ради победы».

Ее собственный голос:

— «Если моя душа – это цена за то, чтобы защитить их... за то, чтобы защитить вас. Это не цена. Это выгодная сделка».

«Ты моя. Ты поклялась мне», — прорычал он ей на ухо.

Северус холодно произнес, глядя на нее:

— «Если вам удастся добиться успеха, вы с такой же вероятностью сможете уничтожить Орден, как и спасти его».

Гермиона плакала:

— «Прости меня. Прости за то, что так с тобой поступила».

Наконец Малфой возвышался над ней, его лицо было белым, а глаза сверкали от ярости.

— «Если с тобой что-то случится, я лично уничтожу весь Орден. Это не угроза. Это обещание. Считай, что твоё выживание так же необходимо для выживания Соппротивления, как и жизнь Поттера. Если ты погибнешь, я убью каждого из них».

Это было похоже на падение, когда прошлое вырвалось на свободу и пронеслось сквозь ее разум, поглощая его.

Примечание к части

Арты к истории.

Автор ceresartsy <https://www.instagram.com/p/CDFxb61C06A/>

Автор grapesodaandpuddin "Гермиона и Малфой"

<https://grapesodaandpuddin.tumblr.com/post/625145160498642944/in-dj-khaleds-voice-another-one-thanks-to>

<https://grapesodaandpuddin.tumblr.com/post/624283048896282624/my-adaptation-of-the-famous-manacled-by-senlinyu>

Автор dralamy [https://www.instagram.com/p/CAT7jNuhuYP/?](https://www.instagram.com/p/CAT7jNuhuYP/?utm_source=ig_web_copy_link)

[utm_source=ig_web_copy_link](https://www.instagram.com/p/CAT7jNuhuYP/?utm_source=ig_web_copy_link)

Автор anottart [https://www.instagram.com/p/CGN6_ObFwrl/?](https://www.instagram.com/p/CGN6_ObFwrl/?utm_source=ig_web_copy_link)

[utm_source=ig_web_copy_link](https://www.instagram.com/p/CGN6_ObFwrl/?utm_source=ig_web_copy_link)

26. Флэшбэк 1.

Три года назад.

Март 2002 года.

Около шести лет после смерти Альбуса Дамблдора.

Гермиона заскрипела зубами от разочарования, разливая по флаконам противоядия. Она только что вернулась с очередного бессмысленного собрания Ордена.

Иногда девушка задавалась вопросом, была ли она единственной, кто знал, что они проигрывают войну.

Поставив новые флаконы на полку, она сунула несколько штук в карман и поспешила в соседнюю комнату, где суежилась мадам Помфри. В больничной палате, занимавшей второй этаж дома на площади Гриммо, царила зловещая тишина.

Ни у кого из присутствующих в комнате не было легких травм.

Ли Джордан лежал на первой кровати. Мозговое вещество все еще сочилось из его ушей, капля за каплей. Гермиона придумала способ отменить проклятие, но контрзаклинание действовало медленно. Она могла только надеяться, что вытекание прекратится в течение следующего часа. Было сомнительно, что его умственные способности восстановятся. Повреждение мозга оказалось тяжелым и необратимым. Она не была уверена в том, насколько серьезными будут последствия. Ей придется подождать, пока он очнется.

Если он очнется.

Скорее всего, к тому времени, когда вытекание мозга прекратится, и он не умрет окончательно, Ордену придется пойти на риск и быстро транспортировать его в больницу Святого Мунго, чтобы сохранить ему жизнь.

Джордж Уизли сидел на кровати рядом со своим другом. Он был бледен от боли и отчаяния. Его ранили чуть выше колена быстродействующим проклятием некроза. К тому времени, когда он смог преодолеть боль и аппарировать обратно, гниение распространилось до самого бедра. Контрзаклинания от некроза не существовало. Гермиона едва успела, не задев жизненно важных органов, отрезать ему ногу. У нее даже не было времени, чтобы остановиться и оглушить его. Его руки все еще дрожали, сколько бы успокоительных таблеток и болеутоляющих зелий Гермиона ему ни давала.

Кэти Белл спала на кровати в дальнем углу. Гермиона надеялась, что ее скоро выпишут. Какой-то отвратительно изобретательный Пожиратель Смерти призвал дикобраза у нее в груди. Иглы разорвали и искромсали легкие и желудок девушки и только чудом не остановили ее сердце. Она чуть не утонула в крови, прежде чем Гермионе и мадам Помфри удалось изгнать существо и стабилизировать ее. Кэти находилась в палате уже три недели. Она уже выздоравливала, но ее торс все еще был покрыт множеством крошечных круглых шрамов. Ее дыхание издавало слабый дребезжащий звук, когда девушка

шевелилась.

Гермиона подошла к Симусу Финнигану и влила ему в горло противоядие. Он упал в яму с гадюками и был укушен тридцать шесть раз, прежде чем ему удалось аппарировать. Только благодаря невосприимчивости волшебников к немагическим повреждениям ему удалось вернуться к ним до того, как он умер.

В больничной палате находилась ещё дюжина человек, но Гермиона не знала имен остальных бойцов Сопротивления, а они были слишком ранены, чтобы сказать ей.

Стоя в комнате и глядя на безмолвные израненные тела, девушка чувствовала себя странно потерянной.

Она только что вернулась с очередного собрания, на котором убеждала Орден начать использовать более эффективные проклятия в бою. Ее предложение отвергли. Снова.

Среди многих членов Ордена царил безумный оптимизм по поводу того, что они смогут каким-то образом выиграть войну, не прибегая к темным искусствам. Большинство бойцов Сопротивления вынуждены были оглушать или парализовывать противников, когда те загоняли их в угол. Будто Пожиратели Смерти не могли отразить эти заклинания за несколько секунд или пережить их, чтобы в следующей стычке снова искалечить кого-нибудь или убить.

Оставалось несколько человек, которые все же применяли более жестокие боевые заклинания. В основном те, на кого обрушилось проклятие, едва не убившее их. Это походило на маленький грязный секрет в рядах Сопротивления; все закрывали на этот способ глаза, притворяясь, что его не существует.

Каждый раз, когда Гермиона появлялась на собраниях, посвящённых военной стратегии, она излагала аргументы, почему всех бойцов стоило обучить более эффективной боевой магии. И каждый раз ловила на себе недоверчивые взгляды.

По-видимому, находясь на стороне «Света», они должны были полагаться на силу Удачи. Не важно, что их враги хотели вырезать все Сопротивление, а затем убить или поработить всех магглов в Европе. Очевидно, этого факта было недостаточно, чтобы начать убивать Пожирателей Смерти в целях самообороны.

Каждый раз девушка получала один и тот же ответ. Гермиона была целительницей, разве она не понимала, как использование темных проклятий в конечном итоге «разъедает» человека? Но, если члены Сопротивления делали личный выбор, чтобы использовать эти виды заклинаний, это было их решение. Орден никогда не будет заставлять или требовать. Никогда не станет никого поучать.

Кроме того, кто-то всегда вежливо указывал Гермионе на то, что она едва ли знала, каково это — быть там, на поле боя, стоя перед выбором, лишить ли кого-то жизни. Она всегда возвращалась на Площадь Гриммо в качестве целительницы, хозяйки зелий и разрушительницы проклятий. Вот где ее мнение было ценно. Она должна была позволить людям, специализирующимся на сражениях, самим принимать решения о военных стратегиях.

Осознание этого было достаточной причиной для того, чтобы каждый раз после

собраний Гермионе хотелось кричать от бессилия.

Когда она стояла рядом с Ли Джорданом, продолжая кипеть от гнева, то услышала стук дерева об пол и, обернувшись, увидела входящего в комнату Аластора Грюма. Его крутящийся волшебный глаз был устремлён прямо на неё.

— Грейнджер. На пару слов, — сказал он.

Собравшись с духом, она повернулась и пошла за ним по коридору. Гермиона надеялась, что ее не будут снова ругать за то, что она осмелилась подвергнуть сомнению военную стратегию Ордена. Она и представить себе не могла, чего хотел Грозный Глаз. Он был одним из немногих членов Ордена, кто не голосовал против ее предложений.

Грюм провел их в маленькую каморку и, как только они оказались внутри, повернулся, произнеся серию мощных заклинаний уединения.

Закончив, он внимательно оглядел комнату. Его волшебный глаз вращался, когда мужчина внимательно осматривал каждый уголок. Через минуту он посмотрел на нее сверху вниз.

Аластор Грюм казался странно напряженным, даже для человека, который призывал к постоянной бдительности чаще, чем говорил что-либо еще.

Казалось, ему было не по себе.

— Мы проигрываем войну, — сказал он через мгновение.

— Знаю, — сказала Гермиона свинцовым голосом. — Иногда мне кажется, что я единственный человек, который понимает это.

— Некоторые люди могут сражаться, только ощущая под ногами опору оптимизма, — медленно произнес Грюм. — Но... и он когда-то закончится.

Гермиона продолжала смотреть на него. Ей не нужно было, чтобы он говорил ей это. Она все понимала.

Гермиона являлась той, кто должен был спасать людей, в то время как они умирали в агонии от проклятий, которые она не могла отменить. Кто должен был войти после этого в комнату для допросов и перечислить погибших и раненых, подробно описывая, сколько времени займет их восстановление и можно ли будет ожидать, что эти люди снова смогут сражаться, когда лечение будет окончено.

— Появилась возможность, — тихо сказал Грюм. Он внимательно изучал ее лицо.
— Та, которая могла бы переломить ход войны в нашу пользу.

У Гермионы не осталось ни малейшего запаса надежды, чтобы оживиться при этих словах. Судя по тону, которым Грюм говорил с ней, она подозревала, что цена за это преимущество будет достаточно высока.

— Что за возможность?

— По мере того, как силы Волдеморта росли, доступ к сведениям для Северуса

становился все более ограниченным. Он в основном продолжал исследовать и разрабатывать новые проклятия с Долоховым. Они больше не информируют его о стратегиях будущих атак.

Гермиона кивнула. Она заметила это за последние несколько месяцев. Некоторые члены Ордена восприняли это как повод снова усомниться в преданности Снейпа.

— У нас появилась возможность привлечь нового шпиона. Есть доброволец с высоким рангом в армии Волдеморта, который готов примкнуть к нам.

Гермиона скептически посмотрела на Грюма.

— Кто-то из высокопоставленных генералов хочет присоединиться к Сопротивлению сейчас?

— Условно, — уточнил Грюм. — Мальчишка Малфой. Говорит, что станет шпионом, чтобы отомстить за свою мать. С условием его полного помилования и... — он замялся. — И он хочет тебя. Сейчас и после войны.

Гермиона стояла в полном шоке. Даже если бы Грюм сейчас ее проклял, это бы не так сильно ее поразило, как заявление Малфоя.

— Северус считает его предложение обоснованным. Говорит, что Малфой был какое-то время заинтересован тобой в школе. Ничто не указывает на то, что его предложение — уловка.

Гермиона едва расслышала эти слова, пока стояла, внутренне приходя в себя.

Она не видела Малфоя со школы.

Шестой год едва начался, когда он развязал войну, убив Дамблдора и затем сбежав. Она иногда слышала о нем, когда Северус докладывал последние новости о военной структуре рядов Волдеморта. Малфой все эти годы неуклонно поднимался вверх по служебной лестнице.

Зачем Драко Малфоя становиться шпионом? Обоснованно было бы обвинить его в том, что он приложил руку к развязыванию войны. Не было никакой правдоподобной причины для такого позднего перехода в Сопротивление.

Возможно, сила Волдеморта была не такой могущественной, как все полагали. Возможно, в рядах его генералов начались междоусобицы. Это казалось слишком хорошей причиной, чтобы быть правдой.

И зачем вообще просить ее?

Гермиона не помнила, чтобы их школьное соперничество было чем-то таким, о чем можно было упоминать в письмах родителям. Он всегда уделял гораздо больше внимания издевательствам над Гарри, чем над ней. Она всегда была скорее дополнением, просто ещё одним оскорблением, потому что была магглорожденной. Она никогда не была истинной мишенью его жестокости.

Если... только требовать ее не было... своего рода извращённой попыткой отомстить Гарри.

Может быть, он думал, что они с Гарри были вместе. Мерзкий ублюдок.

Она стояла и размышляла, пока Грюм не заговорил снова.

— Нет ничего, чего бы я не сделал для получения информации, которую он может предоставить. Но требуется твоё согласие. Он хочет, чтобы ты согласилась.

Нет. Нет. Никогда.

Она проглотила отказ. Ее руки сжались в кулаки, пока Гермиона не почувствовала ногти под своей кожей.

— Я сделаю это, — сказала она, не позволяя голосу дрогнуть. — При условии, что он не сделает ничего, что помешает моей способности помогать Ордену. Я сделаю это.

Грюм внимательно посмотрел на нее.

— Тебе следует больше подумать о том, на что ты идёшь. У тебя есть несколько дней. Если ты согласишься... то никому не сможешь об этом рассказать. Только после войны. Ни Поттеру, ни Уизли, ни кому-либо еще. Кингсли, Северус, Минерва и я будем единственными членами Ордена, которые будут в курсе.

Гермиона пристально посмотрела на него. В груди у нее возникло ощущение, будто что-то внутри нее сжимается и умирает, но она не позволила себе обратить на это внимание.

— Мне не нужно больше времени на размышления, — резко сказала девушка. — Я понимаю, чего от меня хотят. Чем скорее мы получим информацию, тем лучше. Я не буду откладывать ответ только из-за того, что у меня есть время подумать или испугаться своего решения, которое я уже приняла.

Грюм резко кивнул.

— Тогда я пошлю сообщение, что ты согласилась.

Убрав магические обереги с двери, он вышел, оставив Гермиону одну, чтобы она могла переварить то, на что согласилась.

Девушка не была уверена, что не сломается.

Например, что не расплечется. Сейчас это было ее самое сильное желание.

Казалось, Грюм взвалил всю войну на ее плечи.

Но также... вероятно... надежду на мир. Настолько, насколько это было возможным, чтобы чувствовать надежду после того, как она согласилась продать себя Пожирателю Смерти в качестве его военного приза.

Гермиона уже давно не чувствовала надежды.

Почему-то до самой смерти Дамблдора и даже некоторое время спустя она

думала, что война будет простой и быстрой. Гарри столько раз спасался от смерти в школе. Он, Рон и она столько раз испытывали судьбу, невероятным образом избегая смерти.

Поэтому Гермиона всегда думала, что быть умной, быть хорошей... что дружбы, храбрости и силы любви достаточно, чтобы выиграть войну.

Но это было не так.

Быть умной было недостаточно. Доброта в ней превратилась в прах под тяжестью всех потерянных или разрушенных жизней, которые ничего не значили в бесконечной войне. Дружба не остановит никого от смерти, оставив тебя корчиться и кричать в агонии. Храбрость не выиграет битву, когда у твоих врагов есть множество способов навсегда вывести тебя из строя, а ты все ещё будешь пытаться взять верх над ними с помощью обездвиживания. Любовь до сих пор не победила ненависти Волдеморта.

Казалось, с каждым днем шансов на это становилось все меньше.

Гарри находился под постоянным давлением чувства вины. Он был таким худым и измученным... Гермиона боялась, что он может сломаться в любой день.

Он продолжал закрываться и все дальше уходить в себя. Смерть Дамблдора следом за потерей Сириуса, казалось, изменила его так сильно, что было ощущение, что он никогда полностью не оправится. Каждая травма или смерть кого-то из его друзей, казалось, подталкивали его немного ближе к пропасти, и он не был уверен, что сможет из нее вернуться.

Гарри цеплялся за надежду, что война каким-то образом закончится, и жизнь после этого сразу станет нормальной. Это было невозможно, но вера в это была его единственной движущей силой.

Именно он самым непреклонным образом настаивал на том, что Орден и Сопротивление никогда не будут использовать темную магию. Если они это сделают, рассуждал он, обратного пути не будет. Они будут запятнаны на всю оставшуюся жизнь. Станут такими же, как Пожиратели Смерти.

И поэтому Гермиона была вынуждена следовать за ним и за его идеями вместе с Орденом и большей частью Сопротивления. А потом смотреть, как их друзья умирают в ее больничной палате. Они полагались на Гарри. Если он впадет в отчаяние, то окончательно сломается и сдастся.

Орден отчаянно нуждался в преимуществе. Конкретной информации. Чтобы быть готовым к засадам. Или к возможности ударить по слабым местам противника. Хоть в чем-то.

Малфой мог дать им все это.

Его лично обучала Беллатриса, прежде чем умереть вместе с его матерью. Он достиг высокого ранга на службе.

И теперь он делал предложение, от которого они не могли отказаться.

От которого *она* не могла отказаться.

Он явно знал это, ведя себя как король, требующий дани.

Потому что он был очарован ею...

Она задумалась над этим.

Если бы Северус не подтвердил это, Гермиона бы никогда не поверила в такое.

Желая отомстить за свою мать. Прося о помиловании. Требуя ее сейчас и после войны. Какой из его мотивов был истинным? Хоть какой-то из них вообще был правдой? Или он хотел обмануть их, играя в свою игру?

Его мать умерла больше года назад в результате несчастного случая, с ней также погибла Беллатриса Лестрейндж. Пожиратели смерти пытались схватить Гарри и Рона, когда те бежали из поместья Лестрейндж. На самом деле ни одна из сторон не была виновата в случившемся. Если бы ее смерть положила конец верности Малфоя, это должно было случиться еще тогда. Но прошёл год. И он использовал потерю своей тети — заняв ее место, — чтобы подняться еще выше, наращивая силу и мощь.

Однако желание помилования казалось до нелепого странным. Если только не было каких-то невероятных шансов, о которых она не знала... Вероятность того, что Орден может выиграть, была в лучшем случае ничтожной.

Значит, из-за нее? Возможно, он ненавидел ее больше, чем она думала. Или желал...

Гермиона содрогнулась от отвращения и попыталась отогнать эту мысль, прежде чем взять себя в руки и заставить себя остановиться и обдумать ее.

Если желание получить ее было его мотивацией... эта возможность зависела не только от ее согласия. Как только он овладеет ею однажды, а может быть, и несколько раз, она ему надоеет.

Возможно, для него это было просто игрой.

Притвориться шпионом и получить шанс поставить ее на колени. Зная, что она поползёт за ним, если это будет означать спасение Гарри. Спасение Ордена. А потом, когда он получит то, что хочет... он вернётся назад. Швырнёт ее в сторону и будет смотреть, как они все умирают.

Ее горло сжалось, и Гермиона почувствовала, что ее сейчас стошнит. Она прогнала ужас и проигнорировала мучительное, скручивающее ощущение внизу живота.

Гермиона должна была найти способ очаровать его. Чтобы удержать его внимание и интерес.

Возможно ли это вообще?

Она вышла из комнаты, чувствуя себя опустошённой, и вернулась в больничную палату. В комнате по-прежнему было тихо.

— Поппи, я нужна тебе сейчас? Или я могу ненадолго отлучиться? — тихо спросила она.

— Конечно, дорогая. Тебе нужно отдохнуть. Ты уже двенадцать часов на ногах, — мягко сказала ей Помфри. — Если что-нибудь случится, я вызову тебя.

Гермиона теребила браслет на запястье. На него были наложены Протеевы чары, которые Орден использовал, чтобы вызывать ее в убежища, где она была наиболее необходима.

Девушка вышла из больничной палаты и направилась в свою комнату. Она не собиралась отдыхать. Гермиона переоделась в чистую одежду, а затем вышла на крыльцо и аппарировала прочь.

В волшебном мире не было того, что ей было нужно.

Гермиона пробралась к ближайшей книжной лавке.

Она просмотрела все разделы. Выбирала книги по философии, психологии, межличностным отношениям и истории, пока не набрала целую охапку.

Женщина за прилавком изогнула бровь, просматривая заголовки. Несколько исторических биографий наложниц и женщин-шпионов, подробное руководство по сексу, «Искусство войны» Сунь-Цзы, «Наука Благоразумия» Бальтасара Грасиана, биография Макиавелли, «Наука и практика» Роберта Чалдини, пособие о языке тела. В общей совокупности наличие всех этих книг было странным выбором.

— Они для эссе университета, — импульсивно солгала Гермиона, чувствуя необходимость объясниться.

— Думаю, некоторые из них пригодятся и для личного пользования, — женщина дерзко подмигнула ей, когда складывала книги в сумку.

Гермиона почувствовала, что краснеет, но заставила себя рассмеяться.

— Ну, я ведь и покупаю их, чтобы пользоваться лично, — съязвила она, но слова показались ей песком во рту.

— Если еще раз заскочишь, обязательно дай знать, как все пройдет с эссе для твоего преподавателя. И не окажется ли что-нибудь из этого полезным для внеклассных занятий.

Гермиона неловко кивнула, расплатившись, и вынесла сумку из магазина. При этих словах женщины перед ее глазами вспыхнуло лицо Макгонагалл. Минерва тоже была в курсе.

Но именно Грюм был выбран, чтобы поговорить с Гермионой. Интересно, почему?

Ей стало немного нехорошо, когда она посмотрела на подборку книг, которыми теперь владела. Она хотела выпить чашку чая. Ну, вообще-то Гермиона хотела провалиться сквозь землю и умереть там, но глоток горячего чая был ее вторым желанием.

Девушка нашла поблизости забегаловку и выудила книгу, название которой меньше всего ее беспокоило, пока она ждала свой чай.

Менять приемы, дабы отвлечь внимание, тем паче враждебное. Не держаться начального способа действия — однообразие позволит разгадать, предупредить и даже расстроить замысел. Легко подстрелить птицу, летящую по прямой; труднее — ту, что кружит. Не держаться до конца и второго способа, ибо по двум ходам разгадают всю игру. Коварство начеку. Чтобы его провести, немалая требуется изощренность. Опытный игрок не сделает того хода, которого ждет, а тем более жаждет, противник. Явит один умысел, дабы проверить соперника помысел, а затем, круто повернув, нападает врасплох и побеждает. Хитрость сражается, применяя стратагемы умысла: никогда не совершает то, о чем возвещает; целится так, чтобы сбить с толку; для отвода глаз искусно грозит и внезапно, где не ждут, разит, непрестанно стараясь обморочить. Иная игра, иные приемы — теперь хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия. На помощь тогда приходит наблюдательность; разгадав дальновидную цель, она под личиной света обнаруживает мрак, изобличает умысел, который, чем проще кажется, тем пуще таится. Так, коварные тучи Пифона борются со светозарными лучами Аполлона.

Гермиона закусила губу, наливая себе чашку чая, снова вспомнив о Малфое. Ее рука поднялась к горлу, и она нервно поиграла цепочкой ожерелья, крутя ту вокруг пальцев.

Затем она порылась в сумке и с помощью волшебной палочки незаметно превратила перо и пергамент в ручку и маленькую записную книжку. К тому времени, как ее чайник опустел, тетрадь была уже забита заметками.

Запихивая книги в расширенную заклинанием сумку, Гермиона еще раз обдумала ситуацию, в которой оказалась.

Она не могла полагаться только на свои предположения о Драко Малфое. Требуется узнать о нем как можно больше информации, ничего не упустив.

После почти шести лет в качестве Пожирателя Смерти Малфой, вероятно, являлся опытным манипулятором.

Отчеты Северуса указывали на то, что в ближайшем окружении Волдеморта царил безжалостная обстановка. Он был жестоким хозяином и беспощадным в своих наказаниях. Пожиратели Смерти были враждебно настроены друг к другу. Стремились уничтожить тех, кто был выше по рангу, если это помогало им обезопасить свои собственные места или получить больше доступа к власти и собственной защите.

Предложение Малфоя легко могло являться уловкой, чтобы подняться еще выше. Чтобы стать двойным агентом для Волдеморта, таким же, каким был Снейп для Ордена. И предоставить Соппротивлению ложную информацию в критический момент, который может привести к их окончательному падению.

Однако Северус поддержал эту идею, полагая, что предложение Малфоя было обоснованным. Ей придется поговорить с ним. Ей хотелось выяснить, что именно он знал, чтобы поверить в намерения Малфоя.

Она проскользнула в темный переулок и аппарировала обратно на Площадь

Гриммо. Поднимаясь в свою комнату, Гермиона заметила Лаванду Браун, выходящую из комнаты, которую Рон делил с Гарри и Фредом.

Рон и Лаванда были не совсем в типичных отношениях. У Рона было около пяти девушек, которые менялись в зависимости от их доступности после миссий и стычек. Война делала его более злым и напряженным. Он постоянно был на взводе, разрабатывая планы нападений. Его талант к волшебным шахматам превратился в талант к военной стратегии. Он был склонен считать каждый несчастный случай личной ответственностью. Если он не трахался с кем-то, то впадал во взрывные приступы ярости.

У всех были разные механизмы совладания со стрессом.

Невилл Лонгботтом и Сьюзен Боунс курили на чердаке так много бумсланга, что от них разило дымом даже после наложенных чар свежести.

Ханна Эббот кусала ногти до крови.

У Чарли была набедренная фляжка, которая, как подозревала Гермиона, обладала заклинанием расширения, учитывая, что его дневные ядовитые комментарии никогда не иссякали.

Гарри курил сигареты и привычно пробирался в подпольные маггловские бойцовские клубы.

Гермиона помедлила в коридоре, глядя вслед Лаванде, прежде чем подойти и тихонько постучать в дверь спальни.

— Открыто! — крикнул Рон.

Гермиона заглянула внутрь и увидела, что он натягивает рубашку.

— Все в порядке? — поинтересовался он.

— Да, — неловко ответила она. — Я просто... хотела узнать, не мог бы ты рассказать мне о том, что случилось в тот день, когда сгорело поместье Лестрейндж. Я занималась исследованием заклинаний. Это ведь было Адское пламя, не так ли?

Рон бросил на нее странный взгляд.

— Это случилось давно. В тот момент, когда нас с Гарри схватили егеря. Я наложил на него жалящее заклинание, так что они не сразу узнали его. Они отвезли нас к Беллатрисе, ее сестра тоже была там. Они послали за Малфоем, чтобы тот опознал Гарри, прежде чем вызывать Волдеморта. Но еще до того, как он добрался, Луна успела сообщить об этом Ордену, и она, Грюм, Тонкс и Чарли появились на драконе, влетевшем прямо из чёртова окна.

Рон провел пальцами по волосам, и Гермиона с болью заметила, что в них появились седые пряди.

— В любом случае там творилось безумие. Проклятия летели градом, и Крэбб, похоже, пытался остановить нас проклятием Адского пламени и потерял контроль над ним. Он всегда был идиотом. Он сжег все здание в считанные

минуты. Мы, скорее всего, все бы погибли, если бы не дракон Чарли. Но... мы не сумели дотянуться до Луны. Она была слишком далеко... одна из огненных химер поглотила ее. — По мере того, как он говорил, выражение лица Рона становилось все более далеким и призрачным.

— А что произошло с Беллатрисой и Нарциссой? Они погибли так же? — небрежно спросила Гермиона.

— Да. Они, вероятно, могли бы аппарировать из поместья, если бы вовремя сообразили. Но Крэбб стоял прямо за ними, когда вызвал пламя. Оно поглотило их первыми, и, видимо, поэтому он потерял контроль. Наверное, испугался, когда понял, как ему достанется за убийство Беллатрисы.

— Возможно, — кивнула Гермиона.

— Адское пламя — это не шутки, Гермиона. — Рон серьезно смотрел на нее. — Я знаю, ты всегда настаиваешь на том, чтобы Орден начал использовать более опасные заклинания, но то, что это не темная магия, не делает ее менее серьезной. Если ты собираешься настаивать на использовании Адского пламени на поле боя, я буду первым, кто тебе запретит.

Гермиона поджала губы и сжала ручку двери в ладони так крепко, что та слегка задребезжала. Она быстро ослабила хватку.

— Я не идиотка, Рональд. Мне просто нужны яйца огневицы для приготовления зелий, и я пытаюсь решить, какое заклинание создания пламени будет лучшим. — Это была слишком нелепая ложь, но прошло уже много лет с тех пор, как Рон варил зелье.

— О. Ну, надеюсь, это будет не Адское пламя.

Она резко кивнула в знак согласия.

— Ну, мне следует еще кое-что выяснить, — сказала Гермиона и вышла из спальни.

Когда она толкнула дверь в свою комнату, Гарри и Джинни отпрянули друг от друга с виноватым видом.

— Прошу прощения, — извинилась Гермиона. — Я вам не помешала?

— Нет, — быстро ответил Гарри. — Я как раз расспрашивал Джин о том задании, с которого они с Дином вернулись.

Он быстро вышел из комнаты.

Гермиона посмотрела на Джинни.

— Детали миссии?

Джинни покраснела.

— Мы просто разговаривали. Он все еще... против... он просто иногда приходит поговорить.

Гарри и Джинни скользили на грани отношений друг с другом уже много лет. Их интерес был очевиден, но Гарри отказывался вступать в отношения. Он всегда отвечал, что это слишком опасно. Что он сразу нарисует мишень на спине Джинни.

Но всякий раз, когда Джинни встречалась с кем-то еще, Гарри стремился улизнуть в маггловский Лондон и вернуться домой с отсутствующими зубами, сломанным носом, разбитыми костяшками пальцев и сломанными ребрами.

Джинни уже больше года ни с кем не встречалась. И, словно черная дыра, ее доступность продолжала притягивать Гарри к ней. Он не мог держаться от нее подальше, но и не мог заставить себя признать свой интерес.

— Ну, по крайней мере, он с тобой разговаривает, — пробормотала Гермиона.

Гермиона и Гарри... отдалялись друг от друга. Ее настойчивые призывы использовать темную магию воспринимались как недостаток доверия к нему и Дамблдору. Возможно, даже как предательство, хотя ни Гарри, ни Рон никогда не использовали это слово. Каждый раз, когда она касалась темы использования темных искусств, он не разговаривал с ней в течение нескольких дней.

Гермиона отбросила эту мысль. Она не могла больше думать об этом. У неё и так в голове было много вещей, о которых стоило сейчас позаботиться.

Примечание к части

Арт к истории

Автор avendell обложка <https://www.instagram.com/p/CMIIImHJhTGb/>

27. Флэшбэк 2.

Март 2002.

Гермиона проводила за новыми книгами любую свободную минуту. Она зачаровала обложки, чтобы они выглядели как учебники по нумерологии, древним рунам и целительству. Поэтому никто не удивлялся, наблюдая, как девушка читает что-то во время приготовления зелий, дежурств в палате или за обедом.

Гермиона не была уверена, что написанное в книгах действительно ей пригодится, но так она хоть как-то могла подготовить себя ко встрече с Малфоем. Книги были единственным ресурсом, которым она располагала. Поэтому девушка читала, анализировала информацию и бесконечно переживала. Из-за постоянной тревоги Гермиона стала часто срываться на других.

— Прости, Фред, — сказала она раскаивающимся тоном, когда тот зашёл навестить Джорджа. Он старался разрядить обстановку в палате, отпуская шуточки, что Гермионе стоит быть более похожей на озорную медсестру, согревающую своими объятиями всех пациентов мужского пола. Этот комментарий Фреда неожиданно настолько сильно ее задел, что она накричала на парня и едва сдержалась, чтобы не залепить ему пощечину.

— Просто я... очень мало сплю в последние дни.

Это было жалким оправданием.

Все спали по несколько часов в сутки, давно забыв о нормальном режиме.

В какое бы убежище она ни попадала, ночью там всегда бодрствовали несколько человек. Они курили, играли в карты и занимались чем угодно, лишь бы скоротать время до утра.

Гарри почти всегда был среди тех, кто страдал от бессонницы. Он каким-то образом продолжал держаться на ногах, несмотря на невероятно малое количество сна. Гарри даже не был теперь уверен, что сновившиеся ему кошмары — это влияние Волдеморта, а не его собственное чувство вины и накопившийся стресс. Когда доходило до того, что он в буквальном смысле врезался в стены от недосыпа или неожиданно замирал, уставившись в пустоту, Гермиона почти силой провожала его в больничную палату и заставляла принять зелье Сна без сновидений.

Ее тоже мучила бессонница из-за кошмаров. В них почти всегда погибали Гарри и Рон, пока она безуспешно пыталась спасти их. Но иногда ей снились те, кого уже не было в живых.

Все те люди, которых Гермиона не смогла спасти, потому что ей не хватило сноровки, знаний или целительских навыков.

Ей часто снился Колин Криви.

Колин был первым, кто умер на руках Гермионы. Это случилось сразу после того, как Волдеморт захватил Министерство, но ещё до того, как Орден покинул стены

Хогвартса. Когда Колина доставили в больничное крыло, Мадам Помфри как раз отлучилась, чтобы купить зелья. Гарри тоже был там, составляя компанию Гермионе тем вечером.

Колин был поражен проклятием, которое беспрерывно сдирало с него кожу. Для него не существовало контрзаклинания.

Гермиона не могла ввести Колина в состояние сна, чтобы ослабить его мучения.

Проклятие заставило его оставаться в сознании. Оглушение. Сон без сновидений. Даже Напиток живой смерти. Ничего из этого не помогало. Проклятие прорывалось и продолжало удерживать его в сознании. Гермиона перепробовала все, что только могла придумать, чтобы обратить этот эффект. Или замедлить его. Или приостановить. Кожа продолжала сходить кусками. Колин продолжал кричать. Стоило ей начать восстанавливать его кожу на небольшом участке тела, она снова начинала рваться. Если девушка переставала восстанавливать кожу, проклятие проникало ещё глубже. В мышцы и ткани.

Проклятие не прекращалось, пока не достигло костей.

Колин Криви умирал, окруженный грудой тонких кусочков его плоти и лужами крови, в то время как Гермиона рыдала и пыталась сделать все возможное, чтобы спасти его.

Когда мадам Помфри вернулась, его тело было похоже на кровавый скелет.

Гермиона так и не смогла оправиться после этого.

Она не курила, не пила спиртное, не ввязывалась в драки и не заводила романы на одну ночь. Она просто работала. Усерднее и дольше. У неё не было времени горевать или сожалеть. Каждый день в больничное крыло доставляли новых раненых, и у Гермионы не было возможности сомневаться в собственных силах.

Засыпала она только тогда, когда была уже слишком измучена, чтобы видеть сны.

Девушка подняла глаза на Фреда и добавила:

— Просто у меня был плохой день.

— Все в порядке, Гермиона. Ты имеешь такое же право быть не в духе, как и любой из нас. Честно, я вообще не понимаю, как ты можешь продолжать заниматься всем этим.

Гермиона обернулась и окинула взглядом больничную палату.

— Если я не буду заниматься этим... то кто тогда будет?

Орден рассчитывал на нее.

И это не было основано на эмоциональной привязанности или еще каких-то сантиментах. Это являлось неоспоримым фактом. На данный момент Гермиона была самым квалифицированным специалистом в исцелении от темных проклятий среди всех целителей в Британии.

Когда Волдеморт захватил Министерство Магии, Орден был вынужден прекратить обращаться в Больницу Святого Мунго. Любого члена Сопrotивления, попадавшего в госпиталь, тотчас же задерживали как террориста и отправляли гнить в одну из тюрем Волдеморта.

Захват Министерства был тщательно спланирован по времени. «Комиссия по учету маггловских выродков» стала первой официально вступившей в силу инстанцией. Волдеморт понимал, насколько важное значение в войне играла магия целителей, так что Больница Святого Мунго стала первым местом, которого коснулся новый закон. Все магглорожденные целители и целители-полукровки были незамедлительно арестованы. Их палочки были конфискованы и сломаны пополам. Никто из них не смог сбежать.

Поппи Помфри внезапно стала одной из самых квалифицированных целительниц в Сопrotивлении. Гермиона была ее ученицей еще с тех времен, когда погиб Дамблдор, и усиленно обучалась лечебной магии под руководством наставницы. Когда целители из Европы, поддерживающие Сопrotивление, втайне связались с ними и предложили помощь в обучении, Гермиона оказалась единственным человеком с достаточными знаниями, чтобы Орден мог отправить ее в другую страну.

Она покинула всех своих друзей. Успев лишь попрощаться с ними, прежде чем скрытно отправиться в Европу, чтобы перемещаться из страны в страну, меняя один магический госпиталь на другой и изучая столько продвинутой лечебной магии, сколько было возможно. В Англию она вернулась спустя почти два года, когда госпиталь Сопrotивления был атакован Пожирателями, а все нанятые целители были убиты вместе с Горацием Слизнортом. Северус обучал Гермиону зельеварению до того момента, как она покинула страну, но девушка продолжала самостоятельно учиться зельям и разбираться в них в течение двух лет вдали от дома, так как эта дисциплина была близка к целительству.

Через два года обучения Гермиона вернулась в Англию квалифицированным целителем по части экстренного лечения и мастером медицинских зелий. Она специализировалась в разборе проклятий темной магии на составляющие и переработке информации с целью изобретения контрзаклинаний.

Первым ее лично разработанным заклятием стало контрзаклинание против сдирания кожи. Подразделение по изобретению проклятий, принадлежавшее Волдеморту, продолжало непрерывно создавать экспериментальные заклинания, которые применялись Пожирателями во время битв, так что Гермиона была необходима Ордену.

Она обучала целительской магии всех желающих членов Сопrotивления. К сожалению, эти чары требовали точности и особой сноровки. Чтобы достичь нужного результата, нужно было колдовать с невероятной сосредоточенностью и отдачей. Орден старался включать в каждый отряд хотя бы одного человека с навыками первой помощи, чтобы сражающимся было оказано быстрое магическое лечение, достаточное, чтобы доставить их живыми в больничные покои. Но из-за высоких требований к боевым целителям, они были слишком загружены работой и не успевали защищать самих себя во время битв. Поэтому их смертность оказалась чрезвычайно высока.

Большая часть членов Сопrotивления предпочитала проводить свое свободное

время, отрабатывая защитные боевые чары. Они считали, что базовых знаний первой помощи было более чем достаточно.

Отчаянный, беспочвенный оптимизм, на котором основывалась эта вера, заставлял Гермиону дрожать от бессилия, когда она позволяла себе задумываться об этом.

У Ордена попросту не хватало людей, чтобы распределять все необходимые обязанности. Даже самые маленькие ошибки в управлении, накапливаясь, приводили к ухудшению положения всего Сопротивления.

Они не были готовы к войне. Смерть Дамблдора словно выбила почву у них из-под ног, и с тех пор они с большим трудом держались на плаву.

Малфой начал все это.

То, что он убил Дамблдора, стало для Ордена ударом под дых. Это ослабило их. Обрело их всех на конец.

И теперь он вновь появился на горизонте, словно какой-то спаситель, готовый помочь залечить рану, которую сам же и нанёс. Это походило на какую-то извращённую насмешку судьбы.

Гермиона ненавидела его. Больше, чем кого бы то ни было, кроме, разве что, Волдеморта. Антонин Долохов, возглавлявший подразделение, занимавшееся изобретением проклятий, в воображаемом списке ненавистных ей людей занимал третье место.

Малфой развязал войну, дал начало всем этим страданиям и несчастьям, и теперь Гермиона должна была забыть обо всем этом, обо всей своей ненависти и отправиться к нему... добровольно.

Ужас сковывал девушку с того самого момента, как состоялся их с Грюмом разговор.

Она не представляла, как ей перестать ненавидеть Малфоя. Гермиона не была уверена, что ее актерских способностей хватит, чтобы притворяться, что она перестала испытывать к нему отвращение. Одна мысль о том, что она будет находиться с ним в одной комнате, не пытаясь проклясть его, заставив заплатить за все, что он сделал... Гермиона не была уверена, что ей хватит выдержки не сделать что-нибудь подобное.

Девушка сжала челюсти и прислонилась лбом к оконной раме, раздумывая. Она старалась дышать ровно. Не давая себе шанса сорваться, начав крушить вещи, или расплакаться.

Ей нельзя было терять контроль над собой. Ей нужно было взять себя в руки. Запереть всю ненависть к Малфою в воображаемую коробку и задвинуть подальше, чтобы та не мешала Гермионе взаимодействовать с ним. Она не сможет мыслить ясно, если позволит ярости затуманить сознание.

Ей нужно было посмотреть на ситуацию шире.

Возможность использовать Малфоя как шпиона была гораздо важнее, чем то

недолговечное удовлетворение, которое принесёт Гермионе шанс проклясть его.

Они нуждались в Малфое.

Но какая-то ее часть все равно мечтала о том, чтобы он страдал. Гермиона надеялась, что после того, как у Ордена пропадёт необходимость в Малфое, она сможет заставить его заплатить за все, что он совершил.

Хотя... если им удастся одержать победу на данном этапе войны... Это будет его заслугой. И, если это произойдёт, Гермиона готова заплатить цену за такой исход. Как бы она ни ненавидела его, если он сможет привести их к победе, Гермиона не сможет не сдержать своё обещание принадлежать ему.

Что бы он ни планировал с ней совершить.

Она внезапно почувствовала тошноту. Ее тело бросало то в жар, то в холод.

Она подняла голову от окна.

На стекле остался след от ее дыхания.

Поднеся кончик пальца к стеклу, Гермиона нарисовала руну *турисаз* — для защиты, самоанализа и фокусировки. Рядом с ней она нарисовала ее обратную сторону *меркстав* — опасность, враждебность, незащитность, ненависть и злобу.

Ее возможности.

В противовес Малфою.

Гермиона смотрела, как руны постепенно исчезают вместе со следом от ее дыхания.

Затем она вернулась к чтению книг.

Позже этим же вечером Гермиону отыскал Грюм.

— Мы договорились о времени и месте встречи.

— Где мы встретимся? — спросила Гермиона.

— В Королевском лесу Дин. В пятницу, в восемь вечера. Я проверю это место и в первый раз трансгрессирую туда вместе с тобой.

Гермиона кивнула, встретившись взглядом с Грюмом. Какая-то ее часть, отчаявшаяся и уставшая, хотела, чтобы он запомнил этот момент. Чтобы в памяти Грюма отложилось, как она выглядела... до всего этого.

Казалось, он слегка засомневался, прежде чем его лицо снова приняло ожесточенное выражение.

— Тебе нужно будет удержать его интерес к себе как можно дольше.

Губы Гермионы слегка скривились, но она лишь кивнула в ответ.

— Я понимаю это, — ответила девушка, водя пальцем по корешку книги, пока не почувствовала, как края страниц врезаются в кожу, норовя порезать ее, — но не уверена, что смогу. Но я очень постараюсь. Могу ли я переговорить с Северусом до пятницы? У меня есть несколько вопросов к нему.

— Я договорюсь о встрече, — сказал Грюм. После этого он развернулся и ушёл.

Пятница.

Всего через два дня.

Слишком мало времени, чтобы подготовиться.

Но слишком много — чтобы в страхе ожидать.

Гермиона ничего не ела с их первого разговора с Грюмом. Просто не могла заставить себя. Каждый раз, когда она пыталась съесть хоть что-то, ее горло словно сжимало тисками. Гермиона держалась на одном чае.

Она прикрыла глаза и постаралась выровнять дыхание.

Захлопнув книгу, которую держала в руках, Гермиона сосредоточилась на окклюменции.

По словам Северуса, у девушки был к ней талант.

Она перебирала в голове воспоминания и мысли, сортируя их. Гермиона возвела ментальные стены вокруг воспоминаний о важных собраниях Ордена. Она скрыла знания о крестражах. Потом Гермиона постаралась отодвинуть на край сознания все, о чем она пыталась никогда не думать.

У неё было так много воспоминаний о том, как умирали люди.

Она постаралась задвинуть их как можно дальше, чтобы не слышать мучительные крики умирающих, которыми была наполнена ее память.

Гермиона заперла свою ненависть к Малфою где-то на краю сознания, чтобы это чувство не отвлекало ее и не мешало.

Только используя окклюменцию, она чувствовала, что ее сознание успокаивается.

Отчасти это и делало из неё хорошего целителя. Гермиона умела отбрасывать чувства симпатии и сострадания и сосредотачиваться на самом процессе лечения.

Похоже, это было характерной особенностью многих магических целителей.

Когда-нибудь, когда война наконец закончится, возможно, она даже проведёт исследование о том, сколько среди них существует прирожденных окклюментов.

Гермиона подозревала, что у большинства целителей неотложной помощи имеется хотя бы небольшая склонность к блокированию мыслей. Окклюменцию

так редко изучали, что многие люди могли даже не подозревать, что у них есть к ней талант. Гермиона как раз была одной из них.

Долгое время девушка думала, что она просто бесчувственная. Чем дольше шла война, тем больше проявлялась ее склонность блокировать переживания и использовать рациональное мышление, что так сильно контрастировало с эмоциональностью Гарри и Рона.

Но Гермиона не была бесчувственной, она испытывала эмоции. Она просто не позволяла им руководить ее поступками.

Гермиона всегда сначала прислушивалась к голосу разума, а потом уже — к зову сердца.

Это началось со смертью Колина. Она не могла быть как Гарри. Тот момент стал поворотным для них обоих.

Наблюдая, как Гермиона пыталась спасти Колина, Гарри окончательно убедился, насколько отвратительным злом была темная магия. Он делал только то, что считал правильным. Следовал своим убеждениям.

Для Гермионы все было наоборот. Она осознала, каким огромным преимуществом над ними обладали Пожиратели. Тогда девушка поняла цену проигрыша в войне. Она поняла, что для победы над Волдемортом подойдут почти любые средства. Война будет стоить им слишком дорого, если они будут и дальше держаться за свои моральные принципы. На самом деле это было самым логичным заключением. Чем дольше тянулась война, тем больше невинных людей умирало.

Столь сильное различие во взглядах и привело к расколу в их с Гарри дружбе.

Чёрная магия лишила его родителей. Сириуса. Дамблдора. Колина... В их смертях были виноваты темные проклятия. То, что Гермиона предлагала отплатить Пожирателям той же монетой, было совершенно неприемлемо для Гарри.

Он твердо стоял на этой позиции. Они не будут никого убивать. Орден не станет уподобляться Пожирателям. Любовь — вот та сила, которая смогла победить смертельное проклятье. Именно она сможет повергнуть Волдеморта.

Более циничным и прагматичным членам Ордена затыкали рты, стоило им заикнуться об использовании Чёрной магии. И чем хуже становилось положение Сопrotивления, тем сильнее укоренялась вера в это убеждение с каждой новой жертвой войны.

Те, кто верил в Свет, не могли так просто изменить своё мнение, ведь это означало бы, что все смерти были напрасной жертвой. Что они требовали от людей умирать за идеалы, которые больше ничего не значили.

Вместо того, чтобы признать эту горькую правду, члены Сопrotивления становились все более одержимы мыслью, что им надо стать достойными всех жертв и смертей их друзей. Что в какой-то момент Добро одержит победу над Злом... просто потому, что по-другому и быть не может.

Гермиона всегда покидала собрания Ордена, готовая плакать от бессилия. Она даже решила сделать презентацию о том, как на самом деле были велики их

потери, как иррациональна была вера в силу Добра и попытка придерживаться норм морали. Но когда девушка объясняла это все, используя маггловскую психологию, ее слова попросту игнорировали. Продолжая убеждать Орден в своём мнении, она лишь все больше казалась каким-то монстром, пытающимся убедить людей в необходимости убивать.

Однажды Гермиона провела тринадцать часов в попытках восстановить легкие профессора Флитвика. Когда сразу после этого ее вызвали на собрание Ордена, она, уставшая и злая, снова заговорила о применении темной магии, едва сдерживая свое раздражение. Рон, который был таким же уставшим и злым, как и она, сказал, что Гермиона вообще не понимает идей Ордена и ведёт себя как настоящая стерва. Несколько человек закивали в согласии.

Гарри не поддержал их, но он даже не взглянул на Гермиону и сочувственно похлопал Рона по плечу, покидая собрание.

После этого она долго плакала.

У неё случился нервный срыв. Именно в таком состоянии ее нашёл Северус в одном из чуланов на втором этаже. Он отпустил несколько замечаний по поводу ее поведения и несколько минут поливал грязью остальную Орден, совершенно не стесняясь в выражениях. Это заставило Гермиону взять себя в руки.

В его колких словах она услышала поддержку.

На следующем собрании Ордена Северус дал ей книгу по окклюменции. У него не было времени заниматься с ней, но Гермионе и не требовался учитель. Просто читая о концепциях этого искусства, она смогла сама научиться необходимым техникам.

Северус сказал, что он подозревал о ее таланте к окклюменции. Вот что помогало ей быть таким хорошим целителем и мастером зелий. Она умела отстраняться от эмоций и чувств, когда этого требовали обстоятельства.

После пяти лет войны Гермиона все больше ощущала, что вся ее жизнь и воспоминания теперь были сложены по воображаемым коробкам в сознании. Ее натянутые отношения с Гарри и Роном были отодвинуты куда-то в дальний угол, и она почти перестала чувствовать что-то по этому поводу. Так было почти со всеми отношениями в ее жизни. Там, где когда-то огромное место занимала ее дружба с Гарри и Роном, теперь зияла огромная пустота, похожая на чёрную дыру, и девушка пыталась заполнить ее работой.

Гермиона оторвалась от воспоминаний и посмотрела на книгу в руках. Ей нужно было продолжать читать. У неё осталось всего два дня на подготовку.

На следующий день Минерва Макгонагалл неожиданно появилась на Площади Гриммо, как раз когда у Гермионы заканчивалось дежурство. Бывший директор Хогвартса теперь редко покидала Шотландию. После захвата Хогвартса Пожирателями Макгонагалл взяла на себя ответственность за всех несовершеннолетних волшебников и волшебниц, ставших сиротами. Также она опекала всех тех, чьи родители участвовали в войне. Она вернулась в дом своего отца в Кейтнесе, расширила его специальными заклинаниями и сделала приютом для более чем сотни детей.

Макгонагалл чувствовала ответственность за каждого ребёнка, у которого не было родителей. И Гермиона также попадала в эту категорию, ведь ее родители находились в Австралии и даже не помнили о существовании дочери.

Женщины решили выпить чаю в кафе в маггловском Лондоне.

Когда они сели за один из столиков, Минерва долго молча смотрела на Гермиону.

— Я надеялась, что ты откажешься, — наконец сказала она.

— Вы действительно верили в это? — спокойно спросила Гермиона, закончив разливать чай.

— Нет, — сухо ответила женщина. — Мои надежды и убеждения уже какое-то время противоречат друг другу. Именно поэтому я сказала, что будет бессовестно требовать от тебя согласия.

— Орден нуждается в нем.

Повисла тишина, во время которой обе женщины внимательно изучали друг друга. Воздух между ними вибрировал от напряжения. Натянутый, как струна скрипки, задев которую, услышишь неприятный, расстроенный звон.

Спустя минуту Минерва снова заговорила.

— Ты была одной из самых... самых выдающихся учениц, которых я имела счастье учить. Твое упорство во время учебы в Хогвартсе всегда восхищало меня... — Минерва сделала небольшую паузу.

— Но? — поторопила Гермиона. Она внутренне готовилась к критике, которая должна была обязательно последовать за этими словами.

— Но... — Минерва со звоном опустила чашку на блюдце. — Но эта черта характера осталась с тобой и во время войны. И это беспокоит меня. Порой я думаю: где та граница, за которой наступит твой предел. И существует ли он вообще.

Когда-то... такое замечание заставило бы Гермиону засмущаться и пересмотреть свои взгляды. Сейчас она даже глазом не моргнула в ответ на эти слова.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, — процитировала Гермиона известное изречение. — В борьбе с тяжелыми болезнями все средства хороши.

Выражение лица Минервы ожесточилось. Она поджала губы.

— А как же первая заповедь врача, гласящая: «Не навреди»? Или ты считаешь, что эти слова теряют силу, когда ты наносишь вред самой себе?

— Эти слова никогда не принадлежали Гиппократу, — Гермиона отпила глоток чая, создавая видимость спокойствия, которого не чувствовала. — *Primum non nocere*. Выражение придумано не раньше семнадцатого века, это выдаёт структура слов на латыни. Кроме того... я делаю это не в качестве целителя.

— То, что Грюм осмелился предложить тебе это, делает его столь же жестоким,

как и того, кто вообще придумал эту идею. — Шотландский акцент в ее голосе проявлялся сильнее, когда женщину обуревали эмоции. — Я думала, что даже для Аластора существуют какие-то границы. Разве цена победы и так уже не слишком высока? В этой войне уже участвует слишком много детей. Теперь мы ещё будем и продавать их Пожирателям?

— Я больше не ребёнок, Минерва. Этот выбор я сделала самостоятельно. Никто не принуждал меня ни к чему.

— Любой, кто знаком с тобой лично, понимал, что ты бы согласилась. Даже Драко Малфой знал, что ты ответишь, когда выдвинул это предложение. Ты действительно думаешь, что с твоим характером у тебя в этом вопросе был выбор?

— Не больше выбора, чем в случае с моим решением стать целителем или любым решением, которое я принимала за все это время. — Гермиона вдруг почувствовала отчаяние. — Кому-то нужно делать сложный выбор. Кто-то должен. Кому-то придётся принести жертву в этой войне. И я готова сделать это. Я смогу все выдержать и хочу сделать это. Зачем тогда заставлять кого-то другого, кто не сможет справиться с таким давлением?

— Ты так похожа на Аластора, — горько заметила Минерва. В уголках ее глаз появились слезы. — Когда он рассказал мне это, я ответила ему «нет». Я сразу сказала: «никогда!» Есть границы, которые нельзя пересекать, потому что, как только мы просим об этом, нам не стать лучше. А потом он ответил, что рассказывает мне не для того, чтобы посоветоваться. Решение уже было принято и согласовано с Кингсли. Он просто ставит меня перед фактом, чтобы был кто-то, кто позаботится о тебе в том случае, если Драко Малфой решит...

Голос Минервы резко оборвался.

Гермиона почувствовала, как ее захлестнула волна нежности к суровой женщине, сидевшей напротив. Но она заставила себя не реагировать. Не колебаться.

— Он убил Альбуса, — сказала Минерва через мгновение. Ее голос дрожал от волнения, когда она произнесла это.

— Я знаю. Я не забыла об этом, — тихо ответила Гермиона.

— Ему тогда едва исполнилось шестнадцать. Он хладнокровно убил одного из величайших волшебников нашего времени в коридоре, полном первокурсников. Даже Тому Риддлу было почти семнадцать, когда он начал убивать, и начал он со школы тайком в ванной. Как ты думаешь, что за человек Драко Малфой сейчас, шесть лет спустя?

— Он — наш единственный шанс выиграть войну. Нам нужна эта возможность, Минерва. Вы видите сирот, а я вижу тела. Сейчас мы не можем позволить себе упускать этот шанс.

— Ты готова пойти на все, чтобы положить конец этой войне.

— Поэтому я так и поступаю.

— Джеймс Поттер говорил, что война — это ад. Раньше я с ним соглашалась. Но теперь я думаю, что он ошибался. Война — это гораздо хуже, чем ад. Ты не грешница, это не та судьба, которую ты заслуживаешь. И все же, кажется, ты уже решила попробовать проклясть себя ради победы.

— Война и ад не одно и то же. Война — это война, а ад — это ад, и первое намного хуже. В ад попадают грешники, там нет невинных, на войне таких очень много, — процитировала Гермиона и грустно улыбнулась. — Мой отец часто так говорил. Это цитата из маггловского телешоу.

Гермиона на мгновение заколебалась, прежде чем добавить:

— Я готова на все, чтобы выиграть эту войну. И я не знаю, правильно ли поступаю. Я уверена, что большинство людей со мной не согласятся. Я знаю, что мое решение станет точкой невозврата в отношениях с Гарри и Роном... даже если это принесет победу в конце концов. Но... спасение их стоит того. Я всегда была готова заплатить цену за те решения, на которые согласилась. И никогда не была слепа к последствиям.

Минерва не ответила. Она отхлебнула чаю и посмотрела на Гермиону так, словно видела ее в последний раз.

Гермиона встретила с ней взглядом и задумалась, насколько близко к истине это могло оказаться.

28. Флэшбэк 3.

Март 2002.

Грюм прислал сообщение, что Северус появится в Паучьем тупике в пятницу поздним вечером. Гермиона вздохнула, понадеявшись, что разговор с ним пройдет лучше того, что состоялся у нее с Минервой.

Во время войны у них с Северусом завязалась своего рода дружба. Это началось с инициативы Гермионы, когда та появилась у двери его кабинета после смерти Дамблдора, прося обучить ее зельеварению. С годами по мере того, как отношения Гермионы с другими членами Ордена становились все более напряженными, они стали наслаждаться взаимной горечью в обществе друг друга.

Не то чтобы они были близки.

Ни у одного из них не было времени на построение дружбы.

Они просто демонстрировали уважение друг к другу маленькими жестами. Северус не так резко критиковал Гермиону во время собраний Ордена, как оскорблял всех остальных. А Гермиона пресекала все темы, касающиеся подозрений об истинной преданности Снейпа.

Когда Гермиона вошла в его дом, она обнаружила, что дверь для нее оставлена приоткрытой, а сам Северус находился на кухне. Запах в душной комнате стал бы настоящим безумием для неподготовленного обоняния. Зельеварение сформировало у Гермионы привычку распознавать состав снадобья, вдыхая лишь его запах. Воздух был густым от смешанных ароматов сушеных трав и настоек. Острота сладкого тысячелистника, затхлость сухих соцветий одуванчика, горечь измельченных минеральных корней, жжение и шероховатость яичной скорлупы огневицы — она узнала почти все ингредиенты. Сквозь аромат пробивался привкус магии, цепляясь за ее кожу и волосы.

— Что-то новенькое? — спросила Гермиона после того, как несколько минут наблюдала за тем, как он склонился над котлом.

— Очевидно, — ответил Снейп ехидным тоном, добавляя каплю яда Акромантула.

Зелье изрыгнуло облако кислого желтого дыма, и Северус отступил назад, чтобы избежать его, раздраженно зашипев.

Гермиона взглянула на разложенные ингредиенты.

— Новое проклятие?

— Так и есть. Долохов на этот раз превзошел самого себя. Легкое, чтобы наложить его быстро, и в то же время очень эффективное. Несмотря на то, что его нетрудно отразить, при попадании в цель ущерб будет нанесен моментально. Скоро они начнут использовать его на сражениях.

— Какого рода проклятие?

— Быстро распространяющиеся кислотные ожоги.

Гермиона сжала челюсти, чтобы сдержать тяжёлый вздох. Впереди её ожидало много исследований для подготовки к лечению. В прошлом кислотные проклятия редко использовались во время сражений, но их последствия часто становились разрушительными и трудно поддавались исцелению.

Северус добавил четыре капли лунной росы, а затем повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— У вас есть двадцать минут, мисс Грейнджер, — сказал он, уходя в гостиную. Она еще немного помедлила, изучая медленно кипящее зелье, прежде чем последовать за ним.

— Слышал, вы намерены пожертвовать собой ради дела, — протянул он из кресла, прежде чем Гермиона успела сесть.

— Грюм сказал, что вы считаете его предложение обоснованным, — ровным голосом произнесла она.

— Верно, — сказал Снейп.

Чаю он не предложил.

— Почему же? — спросила Гермиона. Не было никакого смысла юлить или стесняться. Ей нужны были прямые ответы. После стольких лет войны она обнаружила, что Северус отвечает на короткие прямые вопросы лучше, чем кто-либо.

— Драко Малфой никому не служит, — ответил он.

Гермиона молча ждала.

— Конечно, формально он служит Темному Лорду, — продолжил Снейп, делая пренебрежительный жест рукой, — но это обусловлено необходимостью, а не преданностью. Его мотивация носит личный характер. Каким бы ни был мотив, он решил, что Орден сможет помочь ему в достижении этой цели эффективнее, чем Темный Лорд.

Северус помолчал и добавил:

— Он не будет целиком предан Ордену, но станет таким же превосходным шпионом, каким сейчас является Пожирателем Смерти.

— Нужна ли нам вообще такая помощь, если мы не сможем доверять ему? — спросила Гермиона.

— На данный момент я не думаю, что у Ордена есть какой-либо другой вариант. А вы?

Гермиона слабо покачала головой и вцепилась в подлокотники кресла.

— И... я думаю, он немного просчитался, когда озвучивал свои требования, — добавил Северус.

— Каким образом?

— Попросив вас. Я полагаю, это была ошибка с его стороны, — сказал он, задумчиво глядя на нее.

Гермиона моргнула.

— Почему же?

— Как я уже сказал Грюму, я замечал, что Драко был очарован вами в школе. Не поймите меня превратно: я не утверждаю, что это было чем-то значимым в романтическом ключе. Все гораздо менее серьезно. В то же время вы были кем-то, кого он заметил. Вы можете использовать этот факт в своих интересах. Я не верю, что он в полной мере осознаёт это.

— Он потребовал, чтобы я принадлежала ему. Я думаю, он прекрасно это осознаёт, — заметила Гермиона.

— Если бы он просто захотел женского тела, то смог бы получить практически любое без особых усилий. Вы едва ли Елена Троянская, но даже если это и было так, и он положил бы на вас глаз — это случилось почти шесть лет назад. Не думаю, что он вообще знает, как вы выглядите сейчас. Да и сомневаюсь, что в списке обид, которые его сейчас волнуют, ваше академическое соперничество все еще стоит на первом месте, — парировал Снейп. — Вы определённо не являетесь мотивом для смены его преданности.

Слова Северуса повергли Гермиону в состояние одновременного облегчения и отчаяния. Она не хотела внимания Драко Малфоя, но в то же время нуждалась в нем. Ей вдруг захотелось заплакать от невозможности выполнить возложенную на нее миссию.

— Поэтому, — продолжал Снейп, — его решение добавить вас в список требований — это возможность. Если вы решите воспользоваться ею, то сможете сделать его преданным.

— И как именно? Путём соблазнения? — скептически спросила Гермиона.

— Удерживая его интерес, — ответил Северус, закатывая глаза, как будто она сказала ерунду. — Вы достаточно умная ведьма. Заинтересуйте его. Найдите путь в его разум, чтобы он захотел того, чего не может просто потребовать от вас. И, конечно же, вы не удержите его внимание своими женскими уловками.

Снейп фыркнул, когда произнёс это.

— Такие мужчины, как Драко Малфой, честолюбивы и пресыщены, поэтому им быстро надоедает все, что доступно. Секс, возможно, одна из самых легких вещей, которые он может получить. Даже секс с вами сейчас... учитывая условия, которые он поставил. Вы должны стать чем-то большим и заставить его заметить это.

Гермиона коротко кивнула с уверенностью, которой не чувствовала, когда Снейп добавил:

— У него будет значительное преимущество власти над вами. Однако тот факт, что вы сможете удержать его внимание, означал бы, что у вас в руках появится фигура, достойная игры. Спустя почти шесть лет, когда у него появился шанс требовать что-либо, ему пришло в голову попросить именно вас. Вам придется тщательно использовать это знание, если желаете уравнять свои шансы.

— Малфой не идиот. Он будет ждать этого.

— Верно.

— И вы считаете, что я справлюсь?

— Вы пытаетесь напроситься на комплименты, мисс Грейнджер? — холодно сказал Северус. — На данный момент войны я считаю, что важна любая возможность. Вероятность того, что у вас будет хоть какой-то шанс на успех, крайне мала. Вы согласились продать себя в обмен на информацию невероятно опасному волшебнику, который получил большую часть своей силы с помощью собственного значительного интеллекта. Волшебнику, чьи нынешние мотивы остаются тайной даже для тех, кто знает его всю жизнь. Он исключительно изолирован и скрытен, даже по стандартам Пожирателей Смерти. И он не добился бы того, кем стал, будучи слабым или предсказуемым.

Последовала долгая пауза. Возможно, Снейп действительно должен был сорвать этот пластырь.

Гермиона встала, чувствуя себя опустошённой и деморализованной.

Она продавала себя, участвуя в азартной игре, заранее ожидая, что ее ждёт провал.

Но все равно собиралась попробовать победить.

Гермиона немного помедлила над вопросом, который почти боялась задать.

— Он... — она слегка запнулась. — Насколько... насколько жестоким он может быть?

Снейп уставился на нее своими непроницаемыми черными глазами.

— Я плохо его знаю, если иметь в виду его жизнь после пятого года обучения. Однако каким бы хулиганом он ни был, я никогда не считал его садистом.

Гермиона резко кивнула, чувствуя легкое головокружение, и повернулась, чтобы уйти.

— Желаю вам удачи, мисс Грейнджер. Вы самый лучший и преданный друг, которого Гарри Поттер не в состоянии оценить по заслугам.

В голосе Северуса прозвучало сожаление. Гермиона остановилась и поднесла руку к горлу, проведя большим пальцем по ключице, прежде чем скрутить цепочку ожерелья между пальцами.

— Я делаю это не *только* ради Гарри, — сказала она. Северус фыркнул, и она посмотрела на него, защищаясь. — Существует целый мир, который даже не

знает, что его безопасность зависит от нас. Кроме того, если мы проиграем, как вы считаете, каковы мои шансы?

Он коротко кивнул в знак согласия. Она покинула Паучий тупик, не сказав больше ни слова.

Когда Гермиона вернулась на Площадь Гриммо, она пошла в ванную и уставилась на свое отражение.

Девушка была худой и выглядела уставшей. Ее кожа оставалась бледной от недостатка солнечного света. Черты ее лица были более резкими, чем в школе, и чуть более изящными. Выступающие скулы делали ее более утонченной. Ее глаза — ну, она всегда считала их своей лучшей чертой — большие и темные, в них было достаточно огня, который избавлял ее взгляд от остатков наивности. Ее волосы по-прежнему оставались густыми и длинными, но теперь она заплетала их в две тугие косы, скручивала и закалывала на затылке, чтобы кудри не лезли ей в лицо.

Гермиона стянула одежду и вошла в душ. Душ с горячей водой, бьющей ее по коже, казался безопасным местом. Ей не хотелось покидать его, но, вымывшись с головы до ног, девушка заставила себя выключить воду и выйти.

Она быстро наложила на ноги и подмышки чары бритья и вытерлась полотенцем.

Вытирая пар с зеркала, Гермиона критически осмотрела тело в отражении.

Она должна была надеяться, что подсознательный интерес Малфоя к ней был основан на ее внутреннем мире, потому что она определенно не была Еленой Троянской. Стресс не сказывался положительно на ее внешности. Гермиона была худой, с тонкими костлявыми конечностями. Никаких выразительных изгибов тела или мягкости тех мест, которые так привлекали мужчин.

Что касается внутренней сексуальности, то девушка, несомненно, была посредственностью.

Она просто никогда не задумывалась об этом качестве и не имела возможности культивировать его в себе. Размышлять о том, как она попала в подобную ситуацию — отсутствие интереса к себе... просто не имело особого значения.

Гермионе не приходило в голову, что война потребует, чтобы она предложила себя... в качестве любовницы? Шлюхи? Военного трофея? Для Пожирателя Смерти.

Одеваясь, она не стала переживать из-за своего нижнего белья или одежды. Не было никакого смысла притворяться, что Гермиона обладает каким-то выдающимся вкусом или навыками в соблазнении. Она, несомненно, сделает это плохо. Но странное поведение девушки и излишнее внимание к своей одежде точно вызовет вопросы у остальных и может раскрыть ее.

Собираясь уходить, Гермиона взглянула в зеркало и, поколебавшись, коснулась цепочки на шее, прежде чем вытащить ее из-под рубашки и посмотреть на висевший на ней амулет. Кулон Асет. Кроваво-красный камень в форме солнечного диска располагался словно на маленьком троне, удерживаемый причудливыми рогами. Его подарили Гермионе, когда она недолго изучала целительство в Египте, а потом вернулась в Европу, чтобы учиться в Австрии.

Она сняла его и сунула в расшитую бисером сумку под кроватью.

Если девушка умрет, Северус, вероятно, сможет определить, чем на самом деле является этот кулон.

Место, которое указал Малфой, находилось близ деревни Уайткрофт. Грюм аппарировал с ней туда, а затем, быстро оглядевшись волшебным глазом, снова исчез с громким хлопком.

Чувствуя себя брошенной, Гермиона стояла на гравийной дорожке, осматривая пустырь.

На местность вполне вероятно были наложены чары ненаносимости. Или же это была второстепенная точка аппарации перед конечным пунктом.

Нервно оглядевшись, она с трудом сглотнула, пытаясь смириться с ожиданием.

На обочине дороги стоял пенёк. Гермиона присела, не зная, куда ей идти. Еще через минуту она вытащила книгу, прислушиваясь к любому шуму.

Девушка прочитала шесть страниц, когда звук слева заставил ее резко поднять голову. Внезапно появился свет из едва проступающего дверного проема на пустыре, и вместе с ним в поле зрения начала появляться обветшалая лачуга.

В дверях стоял Драко Малфой.

Она не видела его больше пяти лет.

Гермиона сунула книгу в сумку и пошла вперед, с каждым шагом ее сердцебиение учащалось.

Он повзрослел, стал выше и шире в плечах. Надменность его школьных дней исчезла, сменившись ощутимым чувством власти. Смертельной уверенностью.

Даже после того, как она поднялась по ступенькам, он возвышался над ней. Он был примерно одного роста с Роном, но казался крупнее. Рост Рона всегда компенсировался его долговязостью и неуклюжестью. Малфой же не скрывал ни один дюйм своего роста, будто это было дополнительным свидетельством его превосходства, когда он смотрел на нее сверху вниз.

Его лицо утратило все мальчишеские черты. Оно было устрашающе красивым. Резкие аристократические черты застыли в жестком непреклонном выражении. Его серые глаза сверлили ее, словно ножи. Белокурые волосы были небрежно зачесаны в сторону.

Он лениво прислонился к дверному косяку, оставив достаточно места, чтобы она могла войти, лишь слегка касаясь его одежды. Проходя мимо, Гермиона уловила резкий запах кедра.

Она чувствовала опасность, исходящую от него. Запах темной магии окутывал его.

Приближаться к нему было все равно что идти навстречу волку или дракону. Все

ее тело было на пределе, когда она проходила мимо него. Гермиона боролась со страхом, который, казалось, прорезал себе путь вниз по позвоночнику.

Ее пугало его чувство безжалостности.

Он убил Дамблдора в возрасте шестнадцати лет, и это было только началом его кровавого восхождения.

Она пристально посмотрела на него. Анализируя все детали.

Красивый и проклятый. Падший ангел. Или, возможно, Ангел Смерти.

Нелепые штампы, и все же они каким-то образом подходили ему. Если он и был сложной или противоречивой личностью, то не показывал этого; он просто казался жестоким, устрашающим и красивым.

— Малфой. Я так понимаю, ты хочешь помочь Ордену, — сказала она, войдя в хижину, и он закрыл за ней дверь. Гермиона боролась с желанием вздрогнуть или резко обернуться, услышав щелчок.

Она была одна в доме с Драко Малфоем, которому согласилась продать себя в обмен на информацию.

Успокаивающего зелья, которое девушка приняла непосредственно перед аппарацией, было явно недостаточно для того тошнотворного ужаса, который распространялся внутри неё. Она чувствовала его повсюду: в позвоночнике, в животе, в руках, он сжимал ее горло так уверенно, словно душил ее.

Гермиона расправила плечи и заставила себя медленно осмотреть комнату.

Мебели почти не было. Два стула. Стол. Больше ничего.

Кровать отсутствовала.

— Ты в курсе условий? — холодно сказал он, когда она снова посмотрела на него.

— Помилование. И я. В обмен на информацию.

— Сейчас и после войны. — Его глаза сверкнули смесью жестокости и удовлетворения, когда он произнес это.

Гермиона даже не вздрогнула.

— Да. Отныне я принадлежу тебе. Грюм сказал, что будет действовать как связующий клятвы, если ты потребуешь Непреложного Обета, — сказала она, стараясь скрыть горечь в голосе.

Он слегка ухмыльнулся.

— В этом нет необходимости. Я поверю силе твоего гриффиндорского благородства, если ты поклянешься мне сейчас.

— Клянусь тебе. Я твоя. Даю тебе слово, — ответила Гермиона, не давая себе времени на раздумья.

Ей хотелось торжествовать, что он отказался от Обета, оставляя ей право выбора. Но, если они выиграют войну, то только из-за него. Она будет у него в долгу. Они все будут.

— Пока мы не победим, ты не сделаешь ничего, что помешает мне внести свой вклад в дело Ордена, — твердо напомнила она ему.

— Ах да. Я должен быть уверен, что сохраню тебе жизнь, пока все это не закончится, — он ухмыльнулся, оглядывая ее.

— Я хочу, чтобы ты поклялся в этом, — сказала Гермиона напряженным голосом.

Его глаза вспыхнули, и он положил руку на сердце.

— Клянусь, — сказал он шутливым тоном, — я не стану мешать твоей помощи Ордену.

Затем он слегка цыкнул.

— Боже мой, но ты ведь подозреваешь меня, не так ли? Это ведь могло оказаться лишь уловкой с моей стороны, чтобы получить кусочек тебя до того, как закончится война, а позже предать твой Орден, — предположил он. — Не волнуйся. В знак моей искренности я не прикоснусь к тебе... пока. В конце концов, я так долго ждал, чтобы заполучить тебя в качестве приза, что смогу потерпеть ещё немного.

Он по-волчьи улыбнулся ей.

— А пока я позволю тебе бежать обратно в свой драгоценный Орден с моей информацией и продолжу мечтать о твоём восхитительном обществе.

Если Малфой пытался вывести Гермиону из себя, то у него это отлично получалось.

Как будто мысль о том, чтобы согласиться на то ужасное, что он хотел с ней сделать, не была достаточно плохой, чтобы продолжать мучить ее ожиданием.

Она стиснула зубы и заставила себя дышать. Заведя руку за спину, девушка крепко сжала ее в кулак, затем с усилием медленно разжала пальцы. Мысленно собираясь с духом и очищая свой разум.

«Это могло стать неплохим раскладом», — рассудила она. Чем дольше он ждал и бездействовал в отношении нее, тем больше времени у Гермионы оставалось, чтобы попытаться обеспечить его лояльность, найти способ заставить его подчиниться, прежде чем он устанет от нее.

Она коротко кивнула.

— Хорошо. Это... очень великодушно с твоей стороны.

Он положил руку на сердце.

— Ты даже не представляешь, какую радость я испытываю, когда слышу

подобное от тебя, — сказал Малфой с фальшивым восторгом.

Глаза Гермионы сузились. Она не могла понять его. Его истинный мотив... полностью ускользал от нее. Она ненавидела себя за то, что оказалась в невыгодном положении.

— Но знаешь... — вдруг задумчиво произнёс Малфой, — возможно, ты дашь мне что-нибудь взамен...

Гермиона вытаращила глаза.

— Что-то, что согреет мое холодное сердце, — ухмыльнулся он. — Воспоминание, которое останется со мной и поддержит мою мотивацию.

— Чего ты хочешь? — спросила она напряженным голосом. Она начала мысленно просчитывать возможные варианты своего унижения. Может, он заставит ее раздеться. Или отсосать у него... она никогда не делала этого раньше, скорее всего, это будет отвратительно. Или захочет кончить ей на лицо. Возможно, он прикажет ей просто стоять, в то время как сам будет швырять в неё проклятиями. Или вместо заклинаний будут пощёчины в отместку за третий год.

— Что-то ты не выглядишь воодушевлённой, — заметил Малфой. — Теперь я действительно оскорблен.

Гермиона с трудом сдержалась, чтобы не сверкнуть на него глазами.

— Хочешь, чтобы я поцеловала тебя или просто стояла и позволяла тебе проклинать себя? — спросила она самым скромным тоном, на который была способна.

Малфой издал лающий смешок.

— Боже мой, Грейнджер. Ты действительно в отчаянии.

— Я ведь здесь. Думаю, это очевидно.

— Действительно, — кивнул он. — Ну, на сегодня у меня уже припасён вариант. Давай посмотрим, способен ли твой рот на что-то помимо разговоров.

Гермиона подумала, что ее сейчас вырвет, и отвращение, должно быть, отразилось на ее лице. Малфой жестоко улыбнулся.

— Поцелуй меня, — сказал он, чтобы прояснить ситуацию, — в знак демонстрации своей искренности.

Он ухмыльнулся ей и не сдвинулся с места. Малфой просто стоял и ждал, когда она подойдет к нему.

Все тело Гермионы наполнилось холодным ужасом при мысли о том, чтобы протянуть руку и дотронуться до него. О том, как он прикоснется к ней своими холодными бледными руками убийцы.

Дотронется своим ртом до её.

Стоять рядом с ним, не направляя палочку ему в сердце, было так же незащитно, как подставлять свое горло волку.

Она колебалась.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала? — спросила Гермiona.

— Порази меня, — ухмыльнулся он, слегка пожимая плечами.

Поразить его. Что ж, это было... возможностью, которую она должна была использовать. Девушка быстро проанализировала ситуацию.

Он подначивал ее. Весь этот разговор, казалось, намеренно пытался рассердить ее. Чтобы увидеть ее злую беспомощность в ответ на власть, которую он имел над ней. Этот поцелуй, вероятно, должен укрепить ее враждебность.

Малфой ожидал, что она будет строптивой и гордой, не в силах подавить своё отвращение; поэтому обманом заставлял ее возненавидеть собственное наказание, тем самым отвлекая от поставленной цели.

Гермиона не могла ему этого позволить.

Она взяла себя в руки. Она ему не проиграет.

Девушка придвинулась ближе, внимательно изучая его лицо.

Она никогда еще не была так близко к нему. Для того, кто так сильно «жаждал» ее, он выглядел неубедительно. Его зрачки были сужены. Он казался... удивленным.

Спираль страха в ее позвоночнике ощущалась как игла, вонзающаяся в спину. Ее сердце билось так сильно, что казалось, оно разобьётся о ребра.

Гермиона обвила руками его шею и притянула к себе. Он ухмыльнулся и позволил ей.

Когда их губы почти соприкоснулись, она остановилась, почти ожидая увидеть нож, по самую рукоятку воткнутый ей в живот.

На мгновение между ними воцарилась тишина... они медленно дышали. Достаточно близко, чтобы воздух скользил по их лицам. Его дыхание пахло можжевельником, оно было резким и острым, как свежесрезанное вечнозеленое дерево. Гермiona изучала эту мертвенность и холодность его глаз. Интересно, что он видел, смотря на неё?

«Даже убийцы были мужчинами», — сказала она себе.

А затем медленно и мягко поцеловала его.

Гермиона представила, как целует того, к кому испытывает нежные чувства. Погрузив руки в его волосы, она углубила поцелуй. Продолжая дразнить его губы языком, она тихо простонала ему в рот. На вкус он был как джин.

Он явно ожидал не этого. Очевидно, что сюрпризы были не по его части. Малфой

замер в явном изумлении, как только их губы мягко встретились, и через мгновение отпрянул от нее.

Теперь его глаза потемнели.

Гермиона не была уверена, довольна она или обеспокоена этой деталью.

Ее сердцебиение замедлилось.

Веселье в его глазах исчезло, и Малфой вдруг, казалось, стал рассматривать ее более серьезно.

— Ты ведь почти не сражаешься, правда? — резко спросил он.

— Нет. Большая часть моей работы не связана с рейдами, — призналась Гермиона, не желая вдаваться в подробности. Она была тут, чтобы получить информацию, а не делиться ею.

— Ты владеешь окклюменцией?

— Грюм тренировал меня, — солгала она. — У меня не было большой практики, но он говорил, что у меня неплохо получается.

— Что ж, значительное облегчение. Было бы проблемой, если бы тебя когда-нибудь схватили и нашли детали нашего соглашения в твоем сознании, — сказал он с самым серьезным выражением, которое она когда-либо видела на его лице.

Затем Малфой слегка усмехнулся.

— Надеюсь, ты не будешь возражать, если я лично проверю, насколько ты хороша.

Это было единственное предупреждение, которое он дал, прежде чем резко войти в ее сознание.

Щит Гермионы уже был наготове, и силы, с которой он вонзился в него, было достаточно, чтобы заставить ее голову идти ходуном так, словно он ударил в гонг внутри нее. Малфой продолжал с силой давить на ее стены, снова и снова, пока она не начала задыхаться от боли, удерживая его снаружи. Потом он остановился, и Гермиона чуть не споткнулась.

— Ты на удивление хороша, — сказал он, выглядя так, как будто действительно был удивлен.

Комплимент застал ее врасплох. Внезапно он снова врезался в ее сознание. Короткая передышка оказалась уловкой. Она была недостаточно подготовлена к новой атаке. Он нашел слабое место и прорезал его со скоростью стрелы.

Гермиона попыталась вытолкнуть его обратно, но он моментально проник в ее воспоминания.

Затем резко, даже не останавливаясь, чтобы посмотреть на что-нибудь в ее сознании, Малфой вернулся обратно.

Девушка чуть не упала от силы его атаки, но удержалась, схватившись за лоб и задыхаясь от боли.

— Это обычная уловка, — небрежно сказал он, словно нападение на ее разум не требовало каких-либо усилий с его стороны. — После интенсивной атаки, когда окклюмент думает, что все закончено, он немного расслабляется. Это прекрасная возможность попасть внутрь.

У Гермионы все еще перехватывало дыхание, и она не могла ответить, поэтому он продолжил:

— Если когда-нибудь тебя будут допрашивать по-настоящему опытные легилименты, ты никогда не сможешь удержать их силой своего ментального щита. Будь ты обычным членом Сопrotивления, вероятно, тебя бы просто убили вместо того, чтобы попытаться добыть информацию. Но ты — член Ордена. Золотая девочка Поттера. Если они когда-нибудь доберутся до тебя, то, скорее всего, приведут ко мне, или к Северусу, или к самому Темному Лорду. Боюсь, тебе придется освежить свои навыки окклюменции.

— Каким образом? — ее голос звучал хрипло. Она и не подозревала, что ментальная атака может быть такой мощной. Неудивительно, что Гарри ненавидел свои сеансы со Снейпом. Ее разум был в агонии.

— Уловка в том, чтобы впустить легилимента, — сообщил ей Малфой.

— Что?

— Приложи немного усилий, но в конце концов сделай вид, что уступаешь. Как только в твоё сознание войдут, покажи ложные воспоминания или отвлеку, делая обманный манёвр в сторону чего-то менее важного. Ты никогда не сможешь выбросить Темного Лорда из головы, но если он решит, что ты слаба, то будет думать, что одолел тебя. Тебе придется отказаться от чего-то достаточно ценного, чтобы выглядеть правдоподобной. Таким образом ты сохранишь наиболее важные вещи в тайне.

В голове Гермионы все перемешалось, пока она обдумывала это. Конечно, окклюменция являлась чем-то большим, чем ментальными стенами. Северус не мог обманывать Темного Лорда столько лет, просто отказывая ему в доступе к своему разуму.

— Потрать время, чтобы обдумать это. Если я ищу информацию о Поттере, Уизли или Ордене, что ты сможешь выдать взамен? Что окажется самым большим секретом, который у тебя есть? Легилименция — это как поджог чьего-то дома. Разум инстинктивно пытается защитить то, что важнее всего скрыть. Ты должна приучить себя делать обратное. Направляйся к тому, что не имеет значения. Практикуйся быть внимательной к менее важным воспоминаниям в своем уме, будто ты их прячешь. Я попробую еще раз на следующей неделе.

Гермиона кивнула. Она ненавидела саму мысль об этом, но его рассуждения были здравыми. Этот навык был бесценен.

Малфой сунул руку в карман и бросил ей что-то. Она рефлекторно поймала.

Гермиона уставилась на свою ладонь. Это было... ну, это было похоже на

обручальное кольцо, если бы обручальные кольца были черными.

Она удивленно посмотрела на Малфоя.

— Твои протеевы чары с пятого курса вдохновили меня, — он ухмыльнулся и поднял правую руку, указывая на такую же ониксовую полоску на пальце. — Оно ненадолго загорится, если мне понадобится встретиться. Дважды, если это срочно. Я бы очень советовал прийти быстро, если оно загорится дважды. Если ты захочешь связаться, сигнальные чары дома дадут мне знать, когда ты прибудешь. Но в остальном мы должны придерживаться графика. Есть ли время, когда ты можешь уйти, не вызывая подозрений?

Гермиона надела кольцо на указательный палец левой руки. Это была простая тонкая полоска. Не бросающаяся в глаза и не привлекающая внимания. Она заподозрила, что на кольцо были наложены сильные маскирующие чары.

— Я выхожу за ингредиентами для зелий рано утром во вторник. Я могу добавить еще полчаса, никто не обратит на это внимания. Семь тридцать подойдет?

Он кивнул.

— Если я по какой-то причине не смогу прийти, приходи вечером в то же время, — сказал он ей.

— А что, если я не смогу прийти? — спросила Гермиона.

Его глаза сузились.

Он пытался понять, чем именно она занималась для Ордена. Ну, она не собиралась добровольно делиться информацией.

— Я подожду пять минут и предположу, что ты не смогла прийти.

— Хорошо, — решительно согласилась она.

Малфой ухмыльнулся и взмахом волшебной палочки вызвал свиток пергамента, который протянул ей.

— Мой первый взнос, — пояснил он, снова глядя на нее.

Гермиона взяла его и слегка развернула, взглянув на несколько карт и чертежей зданий.

— Я надеюсь, что у Грюма хватит мозгов не использовать все сразу, — сказал он.

— Твоя служба будет одной из самых тщательно охраняемых тайн Ордена. Ты станешь бесполезен, если твое прикрытие окажется раскрыто. Мы не собираемся рисковать.

— Хорошо, — ответил он холодным голосом. — Тогда увидимся во вторник. Тренируй свою окклюменцию.

Малфой с треском исчез.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор artemisia_flora. "Ожидание" <https://www.instagram.com/p/CJhZpwdHdZY/>

Примечание к части Поздравляем всех с наступившим Новым годом! Тысяча извинений за томительное ожидание. Следующая глава будет завтра. Приятного прочтения!

29. Флэшбэк 4.

Апрель 2002.

В следующий раз, когда Гермиона аппарировала в хижину, она едва успела переступить порог, как Малфой резко материализовался из воздуха совсем рядом.

Он крепко схватил ее за плечи, прижимая к стене, и поцеловал.

Гермиона не успела никак отреагировать. Ее глаза широко распахнулись от удивления, и Малфой встретился с ней взглядом, тотчас же врываясь в ее сознание.

Он застал ее врасплох, и Гермиона не успела возвести в своём сознании ментальные стены. Малфой вжимался в неё всем телом, продолжая целовать, и это не давало ей возможности сосредоточиться на вторжении в ее мысли.

Он просматривал последние воспоминания: как она варила зелье Невидимости для кольца, которое он дал ей в прошлый раз; как трансгрессировала вместе с Ли Джорданом и оставила его возле Больницы святого Мунго. Малфой остановился на ее воспоминании об их прошлой встрече.

Она чувствовала, как он анализирует его, и в то же время остро ощущала, как губы Малфоя отрываются от ее губ, как он целует её подбородок, в то время как его руки принимаются изучать ее тело.

Закончив просматривать воспоминание их встречи, он начал продвигаться дальше, к ее разговору со Снейпом. Нет. Гермиона не могла позволить ему увидеть это. И хотя она была уверена, что Малфой поймёт, что она пытается сделать, девушка все равно решила попробовать.

Она заставила себя не пытаться спрятать это воспоминание или специально думать о чем-то другом. Вместо этого Гермиона ухватила за первый попавшийся фрагмент из прошлого и специально задвинула его на самый край сознания, словно скрывая. Малфой, конечно, должен был догадаться, что это уловка, но он все равно последовал за ней. Гермиона продолжила прятать выбранное воспоминание в течение ещё нескольких секунд, а потом дала возможность Малфоя прорваться к нему.

Это был третий курс. Перед ней стоял Малфой, его губы кривила усмешка.

— Вы когда-нибудь видели что-то настолько жалкое? — сказал он. — И это ничтожество назначили нашим учителем.

Гарри и Рон дернулись в сторону Малфоя, но Гермиона их опередила.

Послышался громкий звук пощечины.

Она ударила Малфоя по лицу со всей силой, на которую была способна. Ее ладонь горела, а кожа Малфоя заалела в том месте, где она нанесла удар. Он пошатнулся, смотря на неё со смесью боли и опаски.

— Не смей называть Хагрида жалким, ты, мерзкий... отвратительный... — прорычала она.

Малфой резко покинул сознание Гермионы и отодвинулся от неё, вздрагивая всем телом.

Гермиона не отводила от него взгляда, ожидая, что эти воспоминания о третьем курсе приведут его в ярость. Через несколько секунд она поняла, что Малфой смеётся.

Это показалось ей даже более устрашающим.

— Неплохо, — сказал он через минуту, все ещё посмеиваясь. — Я не ожидал, что ты так скоро сможешь использовать эту технику.

Гермиона растерянно стояла у стены, стараясь оправиться от одновременно ментальной и физической атаки Малфоя. Она чувствовала, как у неё уже начинает раскалываться голова.

— Ты всех так обучаешь окклюменции? — спросила она через несколько секунд.

Уголки его губ едва заметно приподнялись.

— Только тебя, — сказал Малфой с издевкой. — Не мог допустить, чтобы ты засомневалась в моей искренности. И мне нужно было сделать что-то, что позволило бы сбить тебя с толку. Поэтому, — он пожал плечами, — я решил убить двух зайцев одним выстрелом. Ты же не ждала, что я буду держать руки при себе.

Гермиона едва сдержалась от усмешки в ответ.

— Мне надеть чулки на следующую встречу? — саркастично спросила она.

Его глаза, казалось, немного потемнели.

— Ммм.. Нет. Я предпочитаю тебя такой. Тебе подходит грязь и маггловская одежда. И я не собираюсь торопиться с тобой. Так что тебе не нужно надевать чулки... пока что.

Гермиона почувствовала дрожь: не только от страха, но и от напряжения, которое повисло между ними. Казалось, сам воздух был полон враждебности и расчетливости, с которой они присматривались друг к другу.

Малфой шагнул ближе к ней и взял ее левую руку в свои; поднёс ее кисть ближе, проведя пальцем по кольцу, которое материализовалось от его прикосновения.

— Как оно работает?

— Заколдовано чарами, работающими по тем же магическим принципам, что и заклинание Фиделиуса, — ответила Гермиона, высвобождая руку из его хватки.

— Кольцо видно только тем, кто знает о его существовании. Для остальных оно совершенно незаметно. Поэтому его можем видеть только ты и я.

Малфой приподнял бровь с выражением одобрения на лице.

— Не думаю, что слышал о таких чарах.

— Они совсем новые, — сказала Гермиона настороженно.

— Твоё изобретение?

Она неохотно кивнула.

— На самом деле они не слишком практичны. Действуют только на металлические предметы.

— Очень интересно, — прошептал Малфой, подходя ещё ближе.

Каждый раз, когда он приближался, Гермиона остро осознавала, насколько он опасен. Малфой был весь пропитан чёрной магией: она исходила от него волнами, цеплялась за его одежду и волосы, и, казалось, была частью его самого. Словно он всегда носил мантию, сотканную из темноты и злости, но при ней старался скрывать это.

Вокруг него было так много тьмы. Все те смерти, за которые он был в ответе.

Он буквально погряз в них.

— Давай попробуем ещё раз. Посмотрим, как долго ты сможешь продержаться, — он слабо ухмыльнулся. — Без поцелуя... на этот раз.

Потом он снова вошёл в ее сознание. Гермиона удерживала ментальные стены в течение нескольких мгновений, стараясь сконцентрироваться и собраться с мыслями, а затем сделала вид, что Малфой пробил ее защиту.

Гермиона не была уверена, оказалась ли она достаточно хороша или у Малфоя хватило такта не просматривать все ее воспоминания. Он позволял ей отвлекать его внимание на более незначительные моменты. Когда девушка смогла удачно проделать этот трюк больше десяти раз, он наконец покинул ее сознание.

Ее голову пронзали приступы боли. Казалось, давление могло расколоть ее череп надвое. Боль была нестерпимой. У Гермионы на глазах выступили слезы, и она прикусила губу, стараясь не расплакаться.

— Выпей это, — приказал Малфой, вкладывая ей в руку пузырёк с зельем Сна без сновидений. — Иначе ты можешь потерять сознание, пытаясь аппарировать. Я бы не советовал так экспериментировать.

Гермиона проглотила зелье, решив, что Малфой вряд ли собирается ее отравить.

— С тобой такое случалось? — спросила она, когда боль в голове начала потихоньку отступать и перед глазами перестали плясать темные пятна.

— И не раз, — ответил он коротко. — Мое обучение было довольно... жестким.

Гермиона кивнула. Ей до сих пор с трудом верилось, что перед ней стоит тот самый мальчишка, который издевался над ними в школе.

Холодность и жестокость окружали его, как стены замка. А под ними пряталась едва сдерживаемая ярость.

Мальчик, получавший посылки со сладостями. Тот, кому купили место в команде по квиддичу, и тот, кто плакал от небольшой царапины на руке. Этого мальчика больше не существовало. Трусость и избалованность, которыми он отличался в школьные годы, были украдены войной. Он не заплатил ни монеты, чтобы продвинуться в рангах приспешников Волдеморта. Он расплачивался за это чужой кровью.

Все его слова и движения были четко выверены и отточены. Его ухмылки, взгляды и легкая учтивость — все это было притворством. Словно Малфой носил маску, которая скрывала, насколько холодным он был на самом деле.

И, если она хотела достичь чего-то в своём задании, ей нужно было заглянуть под эту маску и увидеть, что прячется за его холодностью и злостью. Возможно, он хотел использовать ее, чтобы отомстить или развлечься, но Гермиона собиралась стать для него чем-то значимым.

Ей нужно было поддерживать его интерес, пока она не поймёт, что является его целью — пока не найдёт слабость в его броне и сможет ею воспользоваться.

Не существовало абсолютно бесчувственных людей. Даже Малфой не мог быть совершенно холоден.

Гермиона замечала это в нем. В его взгляде. Казалось, в нем горел огонь, который был спрятан глубоко внутри. Ей нужно было добраться до этого пламени и разжечь его ярче, чтобы потом использовать в своих целях.

Малфой ожидал, что она будет ненавидеть его и попытается втереться в доверие своей притворной добротой и участием. Ей нужно было перехитрить Малфоя. Стать даже более расчетливой, чем он.

— Это случилось после пятого курса?

Он взглянул на неё более настороженно.

— Да, — ответил Малфой сухо.

— Твоя тетя?

Он хмыкнул в подтверждение.

Они оба пристально посмотрели друг на друга.

— Не единственное, чему ты научился тем летом, — заметила Гермиона.

— Тебе нужно признание? Мне рассказать тебе обо всем, что я сделал? — он подошёл ближе и теперь возвышался над ней, ухмыляясь в лицо.

Гермиона заставила себя не отстраниться и не поежиться от его близости.

— А тебе бы хотелось? — спросила девушка.

На его лице промелькнуло едва заметное выражение удивления. Казалось, этим вопросом она застала его врасплох.

Малфой был одинок. Гермиона подозревала об этом, но теперь её мысли подтвердились. Его мама умерла, а отец сошёл с ума. Сам он был слишком высоко в рядах последователей Волдеморта, которые к тому же были печально известны своей склонностью к предательству. Если у него и были какие-то сожаления, ему даже было не с кем ими поделиться.

— Нет, — ответил он резко, отходя от неё.

Гермиона не стала продолжать эту тему. Если Малфой почувствует, что она нападает на него с расспросами, то закроется от неё ещё сильнее. У неё не было необходимости знать его мысли. Ей нужно было, чтобы он захотел рассказать о них кому-то...

Чтобы Малфой захотел рассказать о них ей.

Это сделает её особенной для него. Важной с эмоциональной точки зрения. Это может стать для Гермионы удачным вариантом, чтобы заинтересовать его в себе.

— Ты хочешь продолжить? — спросила она после небольшой паузы.

Малфой пристально посмотрел на неё.

— Когда тетя обучала меня окклюменции, она приказывала кому-нибудь пытаться меня Круциатусом, пока сама пыталась проникнуть в мое сознание. Тебя, скорее всего, ждёт то же самое, если тебя когда-нибудь поймут Пожиратели.

Малфой не дал ей толком поразмыслить над этими словами, сразу же ворвавшись в её сознание. Закончив просматривать её воспоминания, он не стал ждать, когда Гермиона придёт в себя, кинул возле её ног свиток с информацией и аппарировал.

В течение той недели Гермиона снова посетила книжный магазин. Она купила книги, в которых говорилось о воздействии одиночества на психическое состояние человека, рассказы о жизни сирот и исследования о детях, участвовавших в военных действиях.

Гермиона выделяла в тексте отрывки с описанием слабостей таких людей: то, что ими часто было довольно легко манипулировать.

Она наложила сильное охранное заклинание на блокнот, в котором принялась составлять психологический портрет Малфоя. Девушка записывала детали, которые замечала в его поведении. Строила предположения и теории.

В центре его психологического портрета — там, где должны были располагаться мотивация и цели — пока что зияла пустота. Но Гермионе казалось, что она понемногу начинает подбираться к границам его истинных интересов.

В следующий вторник Малфой не прикасался к ней, пока проводил сеанс окклюменции. Он начал изводить её другим способом.

Малфой не пытался как-то сдерживаться, когда атаковал ее сознание. Пробиравшись в потаенные уголки ее воспоминаний, он просматривал все, что ему попадалось. Заставлял Гермиону снова переживать смерти людей, которые она меньше всего хотела вспоминать. Потом совершенно случайно он наткнулся на момент, который произошёл сразу после ее встречи со Снейпом. Гермиона постаралась отвлечь его внимание, когда он нашёл это воспоминание, и Малфой сразу же пригляделся к нему внимательнее.

Он наблюдал, как девушка придирчиво изучала черты своего лица в отражении, прежде чем ступить под струи воды. Выйдя из душа, она принялась рассматривать своё обнаженное тело в зеркале. Задержавшись на этом моменте, Малфой стал разглядывать её. Гермиона чувствовала, как забавляет его то, как она подмечает недостатки своей внешности. Она внутренне сжалась от такого унижения, и Малфой это заметил.

Он просматривал это воспоминание гораздо дольше, чем требовалось, а потом полностью вышел из ее сознания.

— Что ж, — начал он, выглядя так, словно едва сдерживался, чтобы не засмеяться. — Это был однозначно неплохой способ, чтобы отвлечь внимание легилимента.

Она зло посмотрела на Малфоя. Гермиона боролась с желанием ударить его в пах, а затем выбить ему зубы.

— Рад своему приобретению? — ее голос был едким.

— Ты довольно костлявая. Если бы ты прислала мне это воспоминание заранее, я, быть может, попросил бы себе другую, — ответил он насмешливо, немного отодвинувшись, чтобы ещё раз оглядеть её с ног до головы.

— Какая жалость для нас обоих, — подметила она, поджав губы и скрестив руки перед грудью в защитном жесте.

— Возможно. Хотя, если бы я попросил кого-то другого, то никогда бы не увидел мозг, устроенный как хранилище с документами, — тон Малфоя казался обычным и даже легким, но его взгляд внезапно ожесточился. Он слегка склонил голову набок. — Грюм не обучал тебя. Ты природный окклюмент.

Гермиона обреченно кивнула. Она понимала, что рано или поздно он догадается об этом. Придумывая эту ложь, девушка не рассчитывала, что он проведёт столько времени, копаясь в ее голове.

— Ты самоучка, верно?

— У меня был учебник, — ответила она сухо.

Малфой издал лающий смешок:

— Ну конечно.

Он рассматривал её с выражением, которое Гермиона не могла понять. Словно это открытие заставило Малфоя пересмотреть его мнение о ней.

Гермиона не хотела, чтобы он что-то переосмыслял, потому что он мог поменять тактику поведения. Ей нравилось, как все складывалось сейчас, когда он не заставлял её спать с ним.

— Что? — нетерпеливо огрызнулась она в надежде сбить Малфоя с мысли. Казалось, это сработало, потому что его взгляд перестал быть таким сосредоточенным.

— Ничего, — отмахнулся он от неё. — Просто никогда до этого не сталкивался с кем-то другим таким же.

Он ухмыльнулся.

Гермиона уставилась на него, прищурившись.

— Ты тоже природный окклюмент, — поняла она с ужасом. Все это время девушка пыталась пробить защиту человека, который тоже умел отгораживаться и скрывать свои эмоции и желания.

Он шутливо поклонился.

— Какова была вероятность такого исхода? — протянул Малфой, пожав плечами.

Повисла долгая пауза.

Теперь они оба переосмыслили тактику своего поведения.

— Но ты все равно собираешься учить меня окклюменции? — наконец спросила Гермиона.

— Да... — ответил Малфой медленно. — Будет глупо останавливаться на половине. Тем более ты в состоянии учиться быстрее, чем я ожидал.

— Хорошо, — кивнула она и внутренне подобралась, приготовившись.

Малфой подошёл ближе. Её сердце, казалось, пропустило пару ударов.

Его движения напоминали ей хищника, отслеживающего свою добычу. Сначала медленные, размеренные и мягкие, а затем резкий скачок — и вот он уже слишком близко.

Гермиона смотрела в лицо Малфоя, потому что так было проще не думать о разнице в физической силе между ними. О том, что он может сломить её голыми руками.

Он протянул руку и слегка приподнял её подбородок, немного откидывая голову Гермионы и открывая шею.

— Ты полна сюрпризов, — сказал Малфой, внимательно рассматривая её лицо, прежде чем встретиться с ней взглядом.

Гермиона на секунду закатила глаза.

— Говоришь это каждой девушке? — спросила она притворно сладким тоном.

Когда Малфой вошёл в её сознание, Гермиона даже не попыталась отгородиться от него ментальными стенами. Именно удержание этих стен заставляло её голову взрываться от боли после сеансов легилименции. Она была уверена, что уже может достаточно правдоподобно притворяться, что ее ментальные стены легко разрушить.

В этот раз он проник в её сознание безболезненно, и это смутило Гермиону. Она думала, что легилименция всегда приносит боль. Сейчас же возникало ощущение, что ее разум — это Омут памяти, в который без помех погружается Малфой. Границы между его и её сознанием стали немного размытыми.

Малфой, казалось, проверял состояние её разума.

Не испытывая боли, обычно сопровождавшей легилименцию, Гермиона смогла лучше сосредоточиться на более тонкой и стратегически выверенной тактике защиты. Она специально активно перебирала свои воспоминания, привлекая внимание Малфоя, прежде чем выбрать какое-то одно, которое незаметно прятала в самый удаленный уголок сознания.

Это... было сродни обучению танцам. Или, возможно, походило на изучение боевых искусств. Все движения делались неторопливо, без давления и применения силы.

Малфой дал ей время хорошо усвоить эту технику. Позволил почувствовать, как правильно выполнять её, разобраться по пунктам в тактике. Он тренировал Гермиону снова и снова, пока она не смогла делать это инстинктивно, не задумываясь.

Наконец он покинул её сознание и взглянул на часы на запястье.

— Мы сильно задержались.

— Да? — тихо сказала Гермиона, все ещё обдумывая нюансы техники, которую пыталась освоить.

Малфой пристально смотрел на неё, пока она наконец не выпрямилась и не встретила с ним взглядом.

— Появилась какая-то новая информация на этой неделе?

— Едва ли. В этом месяце из Румынии должно прибыть большое число вампиров. Но пока у меня нет никаких точных деталей.

— Что, если... — Гермиона засомневалась.

Малфой приподнял бровь, смотря на неё сверху вниз и ожидая, когда она продолжит.

— Что, если нам кое-что понадобится? Ты сможешь достать это для нас? —

спросила девушка.

— Зависит от того, что вам нужно.

— Книга.

Малфой усмехнулся.

— Она называется «Тайны наитемнейшего искусства». Я испробовала все, чтобы найти её. Но у Ордена ограниченные ресурсы.

— Посмотрю, что я смогу сделать, — он раздраженно вздохнул.

— Будь осторожен, — сказала она неожиданно для себя.

Малфой выглядел немного удивленным.

— Нам не нужно, чтобы Волдеморт узнал, что ты ищешь.

— Насколько важна эта книга? — спросил он, сузив глаза.

— Я не знаю. Она может оказаться бесполезной. Или же может стать очень важной. Но не стоит из-за этого подставляться.

Он закатил глаза.

— Как будто бы я стал, — пробормотал Малфой, прежде чем резко посмотреть на Гермиону. — Тебе пора идти. Уверен, Поттер уже страдает без тебя.

Гермиона взяла сумку с ингредиентами для зелий и вышла из хижины.

Она видела, что Малфой задумчиво смотрел ей вслед, пока она закрывала за собой дверь. Потом девушка аппарировала.

Нарезая и раскладывая по местам ингредиенты в комнате на Площади Гриммо, Гермиона продолжала раздумывать.

Малфой оказался не таким, каким она его себе представляла.

Гораздо менее злым, чем она ожидала. Гермиона все ждала, что в какой-то момент его истинная сущность проступит из-под маски учтивости. Либо он был менее бессердечным, чем она думала, либо ему требовалось от Гермионы что-то другое, что-то более сложное. Теперь девушка была почти уверена, что у него нет особого желания причинять ей физическую боль.

Она не могла понять, чего он хочет.

Северус был прав. Малфой сразу доказал, что он — превосходный шпион. Вся информация, которую он передал Грюму, оказалась исключительно полезной. Ордену удалось напасть на тюрьму Пожирателей и освободить больше пятидесяти человек.

Но... мотивация Малфоя все ещё оставалась загадкой.

Гермиона не понимала, в чем для него выражалась выгода быть шпионом. Благодаря рангу в рядах Пожирателей он точно получил бы огромную награду, если бы Ордена не стало.

Если же Орден победит, даже получив помилование от суда, Малфой станет изгоем для всего волшебного мира. К шпионам и предателям никогда не будут относиться с уважением, каким бы ни был их вклад в войне.

Кроме того... Люциус был преданным последователем Волдеморта. Он винил Гарри и Рона в смерти Нарциссы и направлял всю свою энергию на то, чтобы отомстить им. Даже если Драко не разделял его мнения, казалось подозрительным, что он решился идти против своего отца. В школе он так старался быть похожим на него. Малфой был в ярости, когда в конце пятого курса Люциуса заключили в Азкабан.

Гермиона выложила на поднос стебли бадьяна и направила на них поток горячего воздуха из кончика палочки. Наблюдая, как засыхают от жары листья, другой рукой она помассировала висок.

Малфой не был заинтересован в ней. Точно не в физическом смысле. По крайней мере, не больше, чем обычный мужчина был заинтересован в любой случайной женщине. Гермиона изучала физиологию сексуального влечения, и Малфой не проявлял почти никаких признаков даже после того, как провёл несколько минут, разглядывая её обнаженное отражение в зеркале.

Гермиона почувствовала, что краснеет. Однозначно, этот момент стал одним из самых неловких в её жизни.

Так для чего же Малфой делал все это? Зачем целовать её и прижиматься к ней своим телом? Даже если для того, чтобы спровоцировать её, его мотив все ещё оставался неясен.

Зачем ему было доводить её? Что заставляло его использовать определенные тактики при общении с ней?

Очевидно, изначально Малфой ожидал, что она будет настолько ненавидеть его, что окажется просто не в состоянии сдержать эмоции. Потом он, казалось, решил, что сможет отвлечь внимание Гермионы и помешать ей мыслить ясно, если будет целовать её во время сеансов легилименции. Без сомнения, он так долго разглядывал её обнаженную, чтобы поиздеваться над ней.

Малфой хотел, чтобы она ненавидела его.

Но когда он понял, что она тоже природный окклюмент, то, возможно, решил опять сменить тактику. Он наконец-то понял, почему у него не получается спровоцировать её, и подстроился под новые обстоятельства.

Но зачем ему было адаптироваться к перемене условий? Для чего ему это было нужно?

Гермиона никак не могла понять.

Она поместила высушенные листья бадьяна в ступку и принялась толочь их.

— Миона? — голова Чарли показалась из-за дверцы ее шкафа с ингредиентами зелий.

— Да?

— Снейп приходил и искал тебя.

— Правда? Он не сказал, что ему нужно?

— Думаю, хотел передать новый рецепт зелья. Он отдал его Поппи. Зелье должно вылечить последствия проклятия, которое он сам же и изобрёл.

Лицо Чарли скривилось от злости. Большая часть Ордена винила Снейпа за каждое заклинание, созданное в лабораториях Пожирателей. Они считали, что если бы Снейп действительно был шпионом, то нашёл бы способ развалить все подразделение, занимающееся изобретением проклятий.

Гермиона закатила глаза.

— Ты ведь знаешь, что, если бы не было Снейпа, мы бы потеряли гораздо больше людей, пока искали бы подходящие контрзаклинания. Его информация мне необходима, чтобы успеть подготовиться.

— Да, вот только скольких, ты думаешь, он убил, пока доставал для нас эти сведения? В их лабораториях ставят опыты на наших людях. Он убивал людей, но это не имеет значения, ведь «он приносит нам необходимую информацию о контрзаклинаниях». Ты реально так считаешь?

Гермиона замерла, перестав толочь листья бадьяна.

— Он шпион, Чарли. Он должен продолжать поступать так, если не хочет, чтобы его поймали. Если он позволит раскрыть себя из-за того, что попытается спасти кого-то из заключённых или подорвёт работу всего подразделения, Волдеморт просто создаст новые лаборатории, а мы тем временем останемся вообще без информации. Это окажется слишком большой потерей, если посмотреть в долгосрочной перспективе.

— Это только ты так считаешь, — ответил Чарли, его губы были поджаты, а в глазах застыло жестокое выражение. Затем он повернулся и зашагал прочь.

Гермиона продолжала толочь листья в течение ещё нескольких минут, а затем высыпала их в банку.

«Северус, должно быть, приготовил зелье против Кислотного проклятья», — подумала Гермиона. Она надеялась, что это не то самое зелье, над которым он работал, когда она последний раз встречалась с ним в Паучьем тупике.

У неё не осталось яда акромантула, а купить его в аптеках можно было только со специальным разрешением от Министерства. Ей нужно попробовать найти его на черном рынке, хотя стоимость, скорее всего, окажется не меньше нескольких сотен галлеонов. У Ордена было не слишком много денег.

Гоблины заняли нейтральную позицию в войне, так что Гринготтс оставался доступен для всех волшебников, но попасть туда кому-то из Ордена, не будучи

арестованным, стало почти невозможно. И это ещё не учитывая того факта, что быть магглорожденной само по себе являлось преступлением.

Большая часть Соппротивления оставалась безработной из-за своего происхождения или из-за связей с магглорожденными.

Им повезло, что Гарри в наследство досталось огромное состояние, потому как иначе Орден, скорее всего, давно перестал бы существовать.

Если для нового зелья требовался яд акромантула, то оставалось только надеяться, что Северус сможет одолжить ей несколько капель. Гермиона очень сомневалась, что Орден выделит деньги на покупку этого ингредиента для контрзаклятия. Возможно, они позволят приобрести его, когда само проклятье станет постоянно использоваться во время битв.

Она скрестила пальцы на удачу и отправилась искать Поппи.

Больничные покои были снова заполнены пациентами.

Операция по освобождению членов Соппротивления из тюрьмы прошла удачно, но многие вызволенные волшебники оказались измучены пытками или изнурены голодом. Во время битвы было использовано немало неприятных проклятий.

Тех, чьи раны оказались несущественными, перенаправили в другие убежища. На Площади Гриммо остались только волшебники, чьи травмы были достаточно серьезными, чтобы их лечением занимались Гермиона и Помфри.

Когда Гермиона зашла в больничные покои, Поппи стояла, склонившись над кушеткой Роланды Хуч. В трахее волшебницы была небольшая ранка, которая никак не заживала и начала медленно увеличиваться в размере, несмотря на все наложенные на неё исцеляющие заклинания. Тот, кто дежурил в больничных покоях, должен был накладывать на женщину лечебные чары каждые две минуты.

— Никаких изменений? — спросила Гермиона, подойдя к волшебнице и склонившись над ней, чтобы снова взглянуть на ее рану.

— О, Гермиона, ты уже вернулась, — сказала Поппи грустным голосом. — Когда Северус был здесь, он осмотрел её рану. Он сказал, что это точно не одно из новых проклятий, изобретённых в лабораториях Волдеморта. Так что... скорее всего, это неправильно наложенное заклинание.

Гермиона тихо выдохнула от облегчения, прежде чем её настигло чувство вины. Если это было неправильно наложенное заклинание, они вряд ли столкнутся с его последствиями ещё раз. Но это также означало, что им, скорее всего, не удастся исцелить Роланду. Гермиона пыталась разложить проклятие на составляющие, чтобы суметь подобрать контрзаклинание, но её попытки не увенчались успехом. Его структура была столь запутанной и непостоянной, что её невозможно было разобрать и нейтрализовать.

— Как думаешь, сколько ещё будут работать исцеляющие заклинания? — тихо спросила целительница, с грустью смотря на коллегу, с которой проработала почти всю жизнь.

Гермиона подсчитала в уме время, которое прошло с того момента, как мадам Хуч поступила к ним в палату. Магический закон, о котором спрашивала Поппи, был довольно запутанным, но, согласно ему, исцеляющие заклинания прекращали работать, если их использовали слишком часто. Даже возможности магии ограничивались законами физики. В какой-то момент человеческое тело просто переставало исцеляться.

— Если мы будем и дальше накладывать исцеляющее заклинание каждые пару минут, то оно, возможно, продолжит действовать ещё в течение двадцати часов, — мягко ответила Гермиона.

Поппи кивнула и подоткнула одеяло Роланды.

— Северус оставил для тебя новый рецепт зелья, — сказала она Гермионе. — Он сказал, что тебе нужно сварить сразу полный котёл.

Поппи засунула руку в карман и достала из него свиток пергамента и небольшой флакон.

Гермиона подняла склянку, чтобы рассмотреть содержимое на свету.

В ней оказалось несколько капель яда акромантула. Скорее всего, они стоили больше пятидесяти галлеонов.

Ей нельзя было совершать ошибок. Она положила флакон в карман и развернула пергамент, чтобы посмотреть, что ей понадобится для приготовления зелья.

У неё в наличии были все ингредиенты. Кроме разве что дескурении, но её можно было собрать только в полнолуние. Гермионе придётся подождать неделю, прежде чем она сможет сварить партию нового зелья.

Если проклятие было таким серьезным, как говорил Северус, девушке оставалось надеяться, что до полнолуния не будет никаких сражений. А это само по себе уже было идиотской мыслью.

В конце рецепта Северус написал своим острым почерком контрзаклинание против Кислотного проклятия. Она просмотрела его. Все было просто, как он и говорил.

Гермиона переписала контрзаклинание на чистый лист пергамента. Травма, связанная с кислотой, должна быть немедленно устранена. Даже минутное ожидание, потраченное на прибытие целителя или аппарацию раненого, могло добавить несколько дней к выздоровлению. Контрзаклинание было достаточно простым; каждый член Сопротивления мог его выучить.

Гермиона написала короткую записку с пояснениями, а затем одним взмахом волшебной палочки сложила ее в бумажный самолетик и отправила его Гарри.

— А ты не могла бы пораньше приступить сегодня к своей смене? — поинтересовалась Поппи.

Гермиона подняла глаза и увидела, что женщина еле стоит на ногах от усталости.

— Конечно, — быстро ответила девушка.

— Я хочу написать Филиусу, Помоне и Минерве. Возможно, они захотят прийти и попрощаться, — сказала Поппи. — Все записи о том, что я делала, есть в регистрационном журнале, и я только что запечатала ее разрез. Так что ты можешь начать двухминутный отсчет прямо сейчас.

Гермиона смотрела, как Поппи Помфри медленно и тяжело выходит из больничной палаты.

Девушка подошла к столу и заглянула в журнал. В нем не было никаких сюрпризов. Она тихо переходила от кровати к кровати. Все еще спали, некоторые были под действием напитка живой смерти. Это был способ сохранить людям жизнь, пока для их исцеления готовились медленно варившиеся зелья. Гермиона провела расширенную диагностику каждого пациента и мысленно перечислила, какие зелья им нужно принимать. Ей следовало разослать первые дозы волчьего противоядия всем заражённым ликантропией в Ордене.

Это был спокойный тихий день в больничной палате. Помимо постоянного наложения исцеляющего заклинания на мадам Хуч, большинство других травм требовали просто тщательного наблюдения и времени.

Гермиона размышляла о том, каким будет Малфой во время их следующей встречи.

Тот факт, что он также являлся природным окклюментом, был... проблематичным, мягко говоря.

Это означало, что уровень его контроля был силен. Попытка заинтересовать его и заставить его быть преданным окажется почти невозможной, если Малфой был в состоянии отсеять лишние эмоции и сдержать любое воздействие, которое она оказывала на него.

Если Гермиона хочет получить хоть какой-то шанс на успех, ей придется действовать медленно и хитро. Суметь так глубоко проникнуть в его душу, что он не сможет вытащить ее оттуда. Найти путь в его сердце. Единственное место, которое никакое количество окклюменции не могло заблокировать или изолировать.

Она слегка вздрогнула.

Она никогда раньше не чувствовала себя жестокой. Холодной. Бесчувственной. Ее постоянно так называли, и девушка верила, что это может быть правдой. Но жестокость была той чертой, которую она всегда считала несвойственной своей природе. Но то, что Гермиона задумала, было, возможно, одной из самых жестоких вещей, которые она могла себе представить.

Девушка подавила в себе любые колебания на этот счёт.

Он был тем, кто потребовал ее.

Сейчас и после войны.

И очевидно, что его не заботили ее чувства и переживания на этот счёт. Она

вполне могла отплатить ему той же монетой.

Гермиона собралась с духом и достала из сумки книгу.

30. Флэшбэк 5.

Апрель 2002.

В следующий вторник Малфой вел себя почти так же, как и неделю назад.

Он учил ее окклюменции, позволяя практиковать различные формы и техники. Он не причинял ей боли, применяя легилименцию. И едва ли произнёс хоть слово. Он прикоснулся к ней только один раз, чтобы откинуть ее голову назад и посмотреть в глаза. И затем — в то время как он находился в ее сознании — она чувствовала его руку на своей шее и большой палец, прижатый к горлу.

Малфоя необязательно было прикасаться к ней. Она это знала. Он мог легко выполнить легилименцию с расстояния нескольких футов.

Он не пытался проникать в ее сознание глубоко. Не искал те воспоминания, в которые она не хотела его впускать. Малфой просто позволял ей использовать его как своего рода тренировочный манекен для обучения ментальному маневрированию.

Когда он мягко вышел из её сознания, Гермиона с любопытством посмотрела на него.

— Где ты этому научился? — спросила она. — Не думаю, что твоя тетя использовала эту технику.

— Она обучала меня иначе, — его зубы слегка оскалились. — Я читал об этом в книге. В поместье Малфоев есть большая библиотека. Такой способ не сработает с большинством людей, только между природными окклюментами. Даже если в теории кто-то сможет хорошо изучить окклюменцию или легилименцию, процедура всегда будет проходить для него либо болезненно, либо настолько неуловимо, что человек едва ли сможет почувствовать и понять, что происходит.

Он посмотрел на нее и с ухмылкой добавил:

— Можно сказать, я тоже ставлю на тебе опыты.

Гермиона закатила глаза.

— Книга тоже требовала физического контакта? — фыркнула она, многозначительно глядя на его руку.

И тут же пожалела, что произнесла это.

Его рука слегка напряглась, ровно настолько, чтобы перейти от состояния покоя к твердой хватке. Его глаза потемнели, а зрачки постепенно расширились.

— Нет. Это... только потому, что я могу.

Он слегка ухмыльнулся, притянув ее к себе, чтобы поцеловать.

Это был холодный поцелуй. Его губы, прижатые к ее губам, не пылали желанием или страстью.

Это было просто напоминание.

Что он мог.

Что он ее удерживает. И в его силах потребовать от нее все, что он пожелает, ведь она уже согласилась дать ему это.

Гермиона не ответила на поцелуй. Она просто позволила его холодным губам встретиться с ее, не сопротивляясь, пока он не отстранился.

— У тебя есть информация на этой неделе? — спросила девушка, когда его рука соскользнула с ее горла и он отступил назад.

Малфой вытащил из-под мантии свиток и протянул ей.

— Анализ заклятий и информация о контрзаклинаниях для новых проклятий из отдела разработки проклятий Темного Лорда, — сказал он ей. — В настоящее время идёт изготовление новой партии.

Гермиона развернула свиток и пробежалась взглядом по перечисленной информации. Северус уже сообщил ей все подробности о новых проклятиях, но Малфой не мог этого знать. То, что ему пришло в голову раздобыть это, являлось знаком, насколько полезным он был. Если они потеряют Северуса, Малфой сможет обеспечить Ордену два типа разведки.

Превосходный шпион.

— Это бесценная информация, — сказала она, аккуратно укладывая свиток в сумку.

Он пожал плечами.

— Нет, правда, — настаивала Гермиона. — Это спасет жизни. Я даже не думала просить тебя об этом. То, что ты сделал... я не знаю, как тебя отблагодарить.

Малфой выглядел смущенным ее благодарностью.

— Не имеет значения. Это была очевидная информация, которую следовало предоставить. Уровень смертности в вашем Сопротивлении становится заметным.

Гермиона побледнела, в то время как он пристально посмотрел на нее.

— Как думаешь, сколько еще вы сможете сражаться?

— Столько, сколько потребуется, или пока никого не останется. Нет никакого запасного плана, Малфой. Мы не сдадимся.

Он кивнул.

— Приятно знать.

Затем он сделал паузу, будто внезапно что-то вспомнив.

— А в Кейтнесе существует убежище, где живут дети?

Гермиона побледнела.

— Почему... почему ты спрашиваешь?

Его лицо стало жестким.

— Его заметили. Кого-то отправят туда на обыск, скорее всего, к концу недели. Не дай им ничего найти.

Гермиона резко кивнула.

— Мне нужно идти, — сказала она, бросаясь к двери.

Девушка вызвала патронус силой воли. Они стали для нее проблемой с тех пор, как она наложила *Обливиэт* на своих родителей. Ей потребовалось несколько лет, чтобы восстановить эту способность, но Гермиона так и не смогла полностью восстановить серебряное свечение, которое было у ее патронуса на пятом курсе.

— Отыщи Минерву Макгонагалл, — приказала она. — Скажи ей, чтобы готовилась к эвакуации.

Когда ее выдра убежала, она вызвала еще одну. Гладкое полупрозрачное существо встало на задние лапы и уставилось на нее.

— Беги и найди Кингсли Бруствера. Скажи ему, что нам нужно новое безопасное место. Убежище в Кейтнесе раскрыто.

Затем она аппарировала прочь, чтобы найти Грюма.

Процесс эвакуации детей был медленным и трудным. Они не могли аппарировать сами, а это означало, что все доступные члены Сопrotивления оказались мобилизованы, чтобы отправить их в безопасное место с помощью метел, парной трансгрессии или на спинах фестралов. Создание портключей отнимало слишком много времени. Ни одно из убежищ не могло рисковать прикрытием и использовать открытую каминную сеть.

Отдаленное место было стратегическим выбором. Оставалось только надеяться, что все пройдет незаметно для Волдеморта, несмотря на присутствие большого количества странных детей в таком маленьком городке. Оглядываясь назад, можно было с уверенностью утверждать, что им и так слишком долго везло.

У них не было запасного убежища для стольких людей. Детей пришлось размещать в десятках конспиративных домов. Переправляя их небольшими группами в другие части Великобритании, а затем вновь расселяя, расширяя комнаты и трансфигурируя новые кровати.

Гермиона аппарировала за ними трижды. Вернувшись, она в изнеможении прислонилась к стене. Девушка переместила нескольких малышей до самой Северной Ирландии. Их рвало, они кричали и рыдали с каждым новым прыжком аппарации. Она была вынуждена останавливаться и успокаивать их, чтобы

безопасно трансгрессировать, никому не навредив.

В комнату вошла Минерва и остановилась перед Гермией, выражение ее лица было противоречивым.

— Твоя информация? — тихо спросила Минерва.

Гермиона слабо кивнула.

— Грюм расскажет всем, кто спросит, что он узнал об этом во время допроса.

Минерва резко кивнула в знак согласия и сжала губы, глядя на Гермию несколько секунд.

— Ты хорошая девушка, надеюсь, никто не будет никогда ставить это под сомнение. Ты... в порядке?

— Он не причинил мне вреда, — успокоила ее Гермия.

Лицо Минервы слегка просветлело. Она резко кивнула, а затем умчалась, чтобы помочь в подготовке домов.

Гермиона взглянула на часы. Близилось полнолуние, и ей нужна была дескурация.

Девушка вышла из дома и пошла к границе антиаппарационных барьеров. Затем с помощью серии прыжков она переместилась в сторону Лондона.

Она остановилась на большом поле, с которого обычно начинала свой маршрут в лес Дин. Держа палочку наготове, Гермия наложила заклинание компаса и последовала за ним в поисках растения.

Яркий свет луны отбрасывал на траву мрачные тени. Сгрудившиеся неподалеку деревья поднимались черным занавесом на фоне яркого ночного неба. Когда Гермия скользнула вниз по небольшому склону, порыв ветра пронесся по полю, взъерошив траву так, что та тихо зашелестела. В момент, когда скользящий звук затих, из-за деревьев донесся низкий вой.

Гермиона застыла на месте.

Оборотень.

Раньше здесь никогда не было оборотней. Она была так утомлена и рассеянна, что даже не подумала принять какие-либо меры предосторожности.

Затем раздался еще один вой. Еще дальше. Справа от нее.

И еще один вой.

В лесу Дина находилась стая оборотней.

Она почти решилась аппарировать домой, но затем остановилась. *Ей нужна была дескурация.* Если Гермия не достанет ее сегодня в полнолуние, то не сможет собрать растение до следующего месяца. Ей нужно было это зелье. Северус не

стал бы давать советы или тратить своё время на передачу записок и ингредиентов, если бы это не было срочно.

Она бросилась вниз по склону в том направлении, куда указывали чары.

Еще один вой. Ближе.

Гермиона выхватила из кармана серебряный нож и начала нарезать дескурению так быстро, как только могла, не затрагивая ее корневой системы. Но одного растения оказалось недостаточно.

Она перенаправила заклинание и побежала в том направлении, куда ее повела палочка. Сделав это, девушка подняла глаза и увидела резкую вытянутую тень оборотня, медленно спускающегося по склону к ней.

Она поскользнулась и чуть не упала, когда добралась до места, где росло несколько нужных ростков, и срезала их в считанные секунды.

Оборотень был уже менее чем в двенадцати футах от нее и готовился к прыжку, когда Гермиона наконец развернулась и аппарировала в самое близкое место, о котором только могла подумать.

Она снова появилась на ступеньках хижины Малфоя. Задышавшись, девушка опустилась на верхнюю ступеньку и села, пытаясь отдышаться и прийти в себя.

Она прислонилась к двери и закрыла глаза, ее сердце продолжало бешено колотиться.

Гермиона была в ужасной физической форме. Она не могла поверить, что так быстро устала от бега. Ее внутренности горели, и каждый раз, когда она вдыхала, в легких появлялась острая, колющая боль.

Кроме тех моментов, когда Гермиона бродила по сельской местности в поисках ингредиентов для зелий, она не занималась никакими другими делами, связанными с физической активностью. После того, как ее вытащили из сражений, у нее не было времени тренироваться или даже беспокоиться о своей выносливости.

Мерлин, она была бесполезна. Если Гермиона когда-нибудь снова окажется на поле боя, то наверняка будет убита в считанные секунды.

Ее дыхание немного замедлилось, но она оставалась на месте еще минуту, пытаясь заставить свое сердцебиение успокоиться.

Затем дверь позади нее резко распахнулась, и девушка свалилась в дверной проем.

Ее голова ударилась о деревянный пол, и единственное, что удержало Гермиону в сознании, — это яростное выражение лица Малфоя, смотрящего на нее сверху.

— Какого черта ты здесь делаешь, Грейнджер?

— Малфой? — сказала она, глядя на него в замешательстве. — Что ты здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? — прорычал он. — Сигнальные чары сработали. Я думал, случилось что-то серьёзное, раз ты активировала обереги.

— О,— слабо произнесла Гермиона. — Я не знала, что чары выходят за пределы комнаты. Я не хотела тебя беспокоить.

Она перевернулась на бок и встала.

Малфой оглядел ее с головы до ног.

— Как ты здесь оказалась? — он продолжал требовать ответа.

— Мне нужно было достать дескурению в полнолуние, — объяснила она, обнаружив, что все еще слегка задыхается. — Как выяснилось, в лесу были оборотни. Я не могла ждать до следующего месяца. Поэтому мне пришлось убежать и пытаться собирать растение на бегу. Я выдохлась и была не в лучшей форме, чтобы аппарировать сразу домой. Это было самое ближайшее место для прыжка. Так я оказалась здесь, чтобы отдышаться и отправиться дальше.

— Где именно ты добывала дескурению? — в его тоне слышалось раздражение.

— Здесь недалеко в лесу Дин есть поле. Это одно из тех мест, куда я обычно хожу, чтобы найти ингредиенты для зелий.

— И... что, для тебя в порядке вещей бродить ночью по лесу? Собирая... растения? — выражение его лица слегка застыло.

— Да. Я упоминала об этом ранее.

— Нет... Ты сказала, что достанешь ингредиенты для зелья. Я предположил, что это значит, что у тебя есть поставщик. — Его лицо стало жестким, а глаза обвиняющими, как будто она солгала ему.

Гермиона недоверчиво уставилась на него.

— Я террористка Сопротивления. Покупка ингредиентов для зелья на черном рынке будет стоить мне целого состояния. Я не собираюсь тратить свой бюджет, когда могу достать их бесплатно и в отличном состоянии, собирая ингредиенты самостоятельно.

— И поэтому ты бродишь по лесам и полям волшебной Британии ночью — чтобы добывать ингредиенты для зелья? В одиночку?

— Думаю, это очевидно, — фыркнула Гермиона. — Поэтому мы встречаемся во вторник утром после того, как я закончу.

Последовало долгое молчание.

— Ты не можешь больше продолжать этим заниматься, — он объявил это решительным тоном. — Ты остановишься. Сегодня. Ты останешься в своем унылом маленьком безопасном убежище, где они держат тебя, и больше не пойдешь на поиски растений в лес.

Гермиона несколько секунд возмущенно смотрела на него.

— Конечно же, нет! Ты не можешь указывать мне, что делать!

Выражение его лица стало жестче.

— Вообще-то могу. Неужели ты забыла? Ты принадлежишь мне. И, если я скажу тебе сидеть в этой комнате и смотреть в стену до следующей недели, ты уже дала слово, что сделаешь это.

Гермиона почувствовала, как ее охватывает гнев.

— А ты дал слово не вмешиваться в мою работу в Ордене! Поиск ингредиентов — это часть моей работы. Это не подлежит обсуждению. Если ты хочешь контролировать все, что я делаю, тебе придется подождать, пока мы не победим. У меня тоже есть твоё обещание!

Малфой стоял, пристально глядя на нее, его глаза оценивающе рассматривали ее. Затем он резко сменил тему разговора.

— Значит, ты убежала от оборотней?

Она покраснела.

— Нет. Я имею в виду, они не сразу заметили меня и погнались за мной в последний момент перед аппарацией. Я пробежала не больше сотни ярдов.

— И ты все еще задыхаешься из-за этого? — сказал он скептически.

— Я... я вообще-то не занимаюсь никакой физически активной работой, кроме добывания растений. Нет особой необходимости работать над моей выносливостью, — сказала она, защищаясь.

Рот Малфоя внезапно слегка приоткрылся в изумлении, он резко закрыл его и на несколько секунд прикрыл глаза рукой, словно пытаясь успокоиться. Затем он убрал руку и пристально посмотрел на нее.

— Когда именно в последний раз ты тренировалась с кем-то в дуэли? — потребовал он ответа. — Я предполагал, что ты практикуешь основные виды защитной магии, учитывая твою особую ценность, раз тебе даже не позволено участвовать в сражениях. И конечно, если тебя отпускают одну посреди ночи, твоя защита должна быть непревзойденной.

Гермиона опустила глаза и принялась тереть ремень своей сумки.

— Я очень занята. Отчасти причина, по которой Орден вытащил меня с поля боя, заключается в том, что есть много других вещей, для которых я нужна.

— Как давно это было, Грейнджер? — его голос был жестким.

Гермиона обвела взглядом комнату. В этой дурацкой комнате не было ни единого предмета, подходящего, чтобы притвориться, что она его разглядывает. Девушка сосредоточилась на трещине в половицах.

— Наверное... прошло уже около двух с половиной лет, — тихо призналась она.

Он закрыл лицо руками и молчал, словно не мог даже смотреть на нее.

Гермиона закатила глаза.

— Ну, тогда я пойду, — сказала она излишне бодрым голосом. — Прости, что побеспокоила тебя. Этого больше не повторится.

— Я буду тренировать тебя, — резко объявил Малфой, выпрямляясь и глядя на нее сверху вниз.

— Что? — она в замешательстве уставилась на него.

— Я собираюсь тренировать тебя, — медленно произнес он. — Поскольку заставить тебя остановиться — это явно не выход из ситуации. Я не буду тратить свое время на то, чтобы сотрудничать с новым контактом в Ордене только из-за того, что ты недостаточно умна, чтобы оставаться в хорошей боевой форме. Учитывая то, что все остальные сражаются, я уверен: любой другой человек, которого я бы заполучил, был бы дерьмовым окклюментом и, вероятно, в конечном итоге попал бы в плен.

Что ж, слизеринский инстинкт самосохранения Малфоя определенно все еще был силен. Гермиона раздраженно вздохнула.

— В этом действительно нет необходимости. Я не сражаюсь. А когда занимаюсь добычей ингредиентов, у меня редко возникают какие-либо проблемы. Тебе не нужно беспокоиться из-за неудобств, связанных с возможной потерей своего драгоценного военного трофея.

— Неужели? — беззаботно сказал он, шагнув к ней. — И ты не хочешь этого? Потому что скоро мы закончим изучать окклюменцию. Я полагаю, ты предпочтешь заполнить это время дуэльной практикой, а не некоторыми *другими* видами физической активности, в которых я мог бы потребовать твоего участия.

Гермиона сердито посмотрела на него.

Она сомневалась, что у него было хоть какое-то намерение довести до конца свою плохо завуалированную угрозу, учитывая, что он не выказывал никакого особого желания. Если он хочет научить ее драться, то в этом не было ничего страшного. И Гермиона, конечно, предпочла бы дуэль. Ей нужно было продолжать проводить с ним время. Она не сможет преуспеть в своей миссии, если они перестанут взаимодействовать и будут проводить мало времени друг с другом.

— Отлично, — отрезала Гермиона, и ее лицо исказилось легкой насмешкой.

— У тебя такой оскорбленный вид, — усмехнулся он. — Разочарована, что я предпочёл поединок вместо того, чтобы трахнуть тебя?

— Только в твоих снах, — сказала она, бросив на него свирепый взгляд.

— Каждую ночь.

Гермиона закатила глаза.

— Вынужден всегда покупать себе компанию? — спросила она, снисходительно глядя на него. Малфой даже не моргнул.

— Я наслаждаюсь профессионализмом, — мягко сказал он, глядя в потолок, как будто читал мантру. — Четкие границы. Никакой драмы. И я не обязан притворяться, что мне не все равно.

При последнем слове он слегка усмехнулся, как будто забота была самым оскорбительным понятием, известным человечеству.

— Ну конечно. Как это мило с твоей стороны.

— Вполне, — согласился он с легкой улыбкой.

Воцарилось молчание. Гермиона хотела сказать ему, что он мерзкий, но была уверена, что он уже знает.

— И что же? Ты разговариваешь с ними и плачешь, рассказывая им о том, как печальна и одинока твоя жизнь? Или просто нагибаешь их без единого слова? — насмешливо спросила она.

Его глаза слегка блеснули.

— Хочешь, чтобы я показал тебе? — его голос стал резким и холодным, как осколки льда.

У Гермионы, едва не столкнувшейся с оборотнями, в крови все еще бурлил адреналин. Она привыкла к сильному стрессу в больничной палате, но это всегда была чья-то чужая жизнь. Девушка чувствовала себя словно под кайфом от близкого соприкосновения со смертью. Она вдруг поняла Гарри. Гермиона ощущала, что может сделать все что угодно.

Она насмешливо посмотрела на Малфоя.

— Ты не сделаешь этого, — смело заявила девушка.

Его взгляд стал жестоким, но, прежде чем он успел ответить, она продолжила:

— Это стало бы слишком настоящим для тебя. Заниматься этим с кем-то, кого ты знаешь. С кем-то, кого ты снова увидишь. Это бы испортило твои четкие границы.

— Хочешь испытать меня, Грейнджер? — его голос был тихим и ласковым.

Она пристально посмотрела на него.

— Полагаю, что да, — холодно ответила Гермиона, но ее сердце начало колотиться от осознания того, что она только что натворила.

Он наклонился к ней, его глаза были жесткими. Его лицо находилось в нескольких сантиметрах от ее собственного.

— Раздевайся, — приказал он.

Гермиона не дрогнула, и Малфой тоже, поэтому он медленно подошел ближе, пока девушка не попятилась назад. Он навис над ней. Его глаза сверкнули.

— Она убивает тебя, не так ли? Неизвестность. Ты ожидала, что я сделаю это с тобой сразу же. И поэтому бесконечное ожидание... попытки угадать, когда я предпочту это сделать... беспокоит тебя больше, чем сама мысль о том, что я тебя трахну.

Он усмехнулся.

— Ну что ж, ты завладела моим вниманием. Раздевайся.

Гермиона пристально посмотрела на него, чувствуя, как ее лицо горит, хотя все остальное тело начинало холодеть от страха.

— Ты даже не хочешь меня. Почему ты вообще включил меня в свои требования? Какой в этом смысл? — спросила она. Ее голос был сердитым и смущенным.

Он ухмыльнулся.

— Ты совершенно права. Я не хочу тебя. Однако бессрочная возможность владеть тобой никогда не потеряет свою ценность. «Сейчас и после войны». Мне не терпится увидеть, когда я заставлю тебя горько сожалеть о своей клятве. Итак, раздевайся. — Его голос стал ниже: — Или ты хочешь, чтобы я сделал это за тебя?

Руки Гермионы потянулись к воротнику ее рубашки, и она вцепилась в него, защищаясь. Девушка была напугана и взбешена до такой степени, что боялась разрыдаться. Он действительно владел ею. Она согласилась на это. Ее челюсть задрожала, а руки слегка затряслись.

— Это обладание силой делает тебя таким, не так ли? — ее голос дрожал от ярости, когда она заставила себя расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке. — Причинять боль тому, кто не может... или не хочет... сопротивляться. Использовать то, что людям небезразлично, чтобы мучить их, сажать в клетку и заставлять делать то, что они не хотят. Ты точно такой же, как Волдеморт.

Злоба на лице Малфоя внезапно исчезла, и он побледнел. Контроль над его яростью внезапно исчез, и тьма и магия хлынули из него волнами, заполняя все пространство.

Холодная ярость, появившаяся на его лице, была ошеломляющей. Его глаза потемнели, губы скривились в усмешке, и он становился все бледнее и бледнее.

Глаза Гермионы расширились от ужаса, и она отпрянула, собираясь с силами.

— Убирайся! — рявкнул он.

Она смотрела на него, не двигаясь. Как животное, окаменевшее от страха.

Малфой в ярости зарычал. Внезапно дверь хижины распахнулась с такой силой,

что петли сорвались, и дверь рухнула на пол.

— УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! — взревел он.

Гермиона не нуждалась в повторении. Она рванулась к двери и аппарировала в ту же секунду.

Оказавшись в доме на площади Гриммо, девушка рухнула на пол вестибюля, дрожа от ужаса.

Глупая. Самонадеянная. Идиотка. Она ругала себя. Пытаясь заставить себя дышать. Гермиона чувствовала себя так, словно у нее начинается паническая атака.

Она не могла понять, что заставило ее попытаться спровоцировать его. Если бы сейчас не была середина ночи, Гермиона бы ударилась головой об пол из-за своего идиотизма.

После всех бесчисленных раз, когда она ругала Гарри, предупреждая его о последствиях глупого стремления к острым ощущениям, девушка поступила абсолютно так же.

Она была полной идиоткой.

Гермиона прижала руку к колотящемуся сердцу и уткнулась лицом в сгиб локтя. Она тихонько всхлипнула.

Draco Dormiens Nunquam Titillandus.*

Вот только девушка не щекотала спящего дракона. Ее действия больше походили на удары по его голове битой.

Им нужен был Малфой. Они отчаянно нуждались в нем, а теперь немного адреналина заставило ее потерять голову.

Он был прав, она не могла справиться с этим ужасом. Постоянное ожидание и неизвестность. Изнуряющие размышления о том, чего же он хочет. Что он собирается с ней сделать. Постоянное ожидание этого момента. Эти чувства пожирали ее изнутри.

Если он собирался причинить ей боль или трахнуть, Гермиона просто хотела знать, когда это произойдет.

Ходить к нему каждую неделю, не зная, что он может сделать с ней в следующий раз...

Разрывало ее на части.

Она кусала губы, продолжая опираться на дверной косяк. Девушка старалась не разрыдаться, когда поток норадреналина перестал действовать. Ее резко захлестнули ужас и отчаяние.

Она закрыла лицо руками и тихо всхлипнула.

Ее поведение, вполне возможно, только что стоило Ордену положения в войне. Или, по крайней мере, чужих жизней.

Она должна была найти способ исправить это.

Она обхватила себя руками и попыталась успокоиться и подумать.

Дыши. Дыши. Дыши.

Когда ее грудь наконец перестала дрожать, Гермиона встала и смахнула слезы.

Она направилась к своему шкафу с зельями, где хранила дескурению, и провела несколько минут, пытаясь привести в порядок мысли и заставить руки перестать дрожать.

Девушка прошла в свою комнату.

Дверь была слегка приоткрыта. И это было странно, потому что и она, и Джинни обычно очень щепетильно относились к тому, чтобы держать дверь закрытой и запертой. Площадь Гриммо не была доступна большей части Сопrotивления, но иногда попадались любопытные личности, не слишком уважающие частную жизнь и личные вещи.

Гермиона заглянула внутрь и от неожиданности попятилась назад.

Джинни и Гарри были полуобнажены, и с каждой секундой одежды на них становилось все меньше.

Гермиона быстро наложила на дверь заклинание Уединения и поспешила прочь. В коридоре она остановилась и заколебалась. Комнаты сейчас были забиты битком. Туда заселили несколько подростков из Кейтнесса.

В гостиной внизу в настоящее время находились все страдающие бессонницей. Мест для ночлега оставалось не так уж много.

Она так устала. Приступ рыданий оставил у нее ощущение внутренней пустоты.

Гермиона забралась на подоконник и попыталась задремать, но ее разум никак не мог успокоиться. Она продолжала проигрывать в голове разговор с Малфоем. Беспокоиться о зелье, которое ей нужно было сварить. И заново переживать тот момент, когда вся ярость выплеснулась из Малфоя, и он зарычал на нее.

Он не причинил ей вреда.

У него были все возможности и более чем достаточно злости, но он сдержался и прогнал ее вместо этого.

Пожиратель Смерти-убийца с каким-то особым моральным кодексом. Оксюморон, если это понятие вообще было тут уместно.

Его поведение, по-видимому, было связано с мотивом помогать Ордену.

Чего же он хотел?

Ее глубоко раздражало то, что она не могла понять этого.

Повозившись с полчаса на подоконнике, девушка со вздохом села. Она не хотела пробовать варить зелье Северуса, пока не отдохнет. Гермиона прыгнула с окна и поднялась по лестнице на самый верхний этаж дома. Там была тренировочная комната.

Она заглянула внутрь и обнаружила, что помещение пустовало.

Девушка вышла на середину комнаты и, выхватив палочку, начала вспоминать некоторые виды дуэльных поз.

Когда она вернулась с обучения целителей по всей Европе, то участвовала всего в двух небольших стычках, прежде чем Орден решил окончательно вывести ее из сражений. После долгих лет отсутствия она стала гораздо менее опытной в дуэлях, чем кто-либо другой ее возраста. Остальные члены ОД были быстры и произносили мощные заклинания, уклоняясь и сохраняя отличную точность даже на расстоянии.

Исцеление являлось тонкой наукой. Оно почти всегда требовало спокойствия и контроля. Внимательности к работе с мельчайшими деталями.

Попытка снова драться на дуэли была таким резким изменением техники, что она провалилась.

Рон и Гарри потратили немало времени, пытаясь помочь Гермионе наверстать упущенное, но, прежде чем она успела это сделать, Кингсли посоветовал полностью вывести ее из боя. Никто даже ничего не пробормотал в знак несогласия.

Гермиона понимала причину, но годы спустя это решение все еще причиняло ей боль. Она чувствовала себя так, словно... каким-то образом потерпела неудачу, и ее отстранили от всех остальных.

Гермиона прикусила губу и бросила Протега так сильно, как только могла. Перед ней расцвел щит.

Девушка слабо вздохнула с облегчением, снимая заклинание. По крайней мере с этим она все еще могла справиться.

Она бросила серию проклятий на манекены в другом конце комнаты. Половина из них попала в цель. Ни одно не было точным.

Она покраснела и попыталась снова. Во второй раз почему-то стало еще хуже.

Гермиона мысленно выругала себя. Она не должна оставаться неподвижной. На поле боя ее это не спасёт. Только не тогда, когда в нее будут лететь заклинания.

Она была полным дерьмом.

В том маловероятном случае, если Малfoy все-таки решит снова обучать ее, он разорвет Гермиону на куски из-за ее неумелости.

Она расправила плечи и попыталась снова.

Произнесла еще несколько сложных проклятий.

Ну что ж, она с этим справится.

Дело было не в недостатке ее мастерства как волшебницы. Ей просто не хватало навыков в реальных боевых условиях.

Это было некоторым утешением.

Ну, почти.

Она продолжала пускать заклинания до тех пор, пока не выдохлась настолько, что ее руки начали дрожать от усталости. Затем девушка упала на один из тренировочных ковриков и заснула.

— Гермиона, черт побери! Как ты здесь оказалась?

Следующим утром она прищурилась и увидела Рона, стоящего над ней в окружении Джинни, Невилла, Дина, Симуса, Лаванды, Парвати, Падмы, Фреда и Анджелины.

Гермиона со стоном села и потерла глаза.

— Моя кровать была занята из-за экстренной эвакуации, — солгала она, бросив взгляд на Джинни. — Я пришла сюда, чтобы поспать.

— А-а, — протянул Рон. — Ну, мы собираемся потренироваться выстраивать линию атаки, прежде чем Невилл и Симус отправятся на разведку. Так что... нам нужна комната.

Гермиона кивнула и встала.

— Можно мне посмотреть? — Она поймала себя на том, что никогда об этом не просила.

Рон наморщил лоб и пристально взглянул на нее.

— Конечно. Думаю, да. Если у тебя есть на это время. Просто... держи щит повыше. Будет много заклятий.

Гермиона отступила в угол и наблюдала, как Рон излагает свою стратегию. Она не понимала многих терминов, которые они использовали. Это была не традиционная боевая терминология, а скорее своего рода стенография, которая со временем развивалась среди бойцов. Свой собственный язык.

Когда орденцы рассыпались по комнате, она накинула на себя щит. Рон активировал один из оберегов в комнате с помощью палочки, и затем все начали бросать серию заклинаний в сторону стен.

Проклятия отскакивали и рикошетили туда-сюда по стенам комнаты. Вскоре помещение наполнилось летящей боевой магией.

Гермиона наблюдала, как члены ОД начинают прорываться сквозь стену

заклятий. Все их заклинания были точны. Их щиты были мощными. Никто из участников даже не пострадал от летящих в них заклятий. Для них все происходящее было на уровне инстинктов. Они знали, когда их щиты нуждаются в обновлении. Знали, как сражаются остальные, и кто будет их прикрывать. Они сражались быстро и четко, успевая бросать невербальные.

Их боевые навыки значительно превосходили ее собственные. Немыслимо, чтобы она сумела достичь такого уровня.

Гермиона наблюдала, как они дважды пробежали через стену атакующих заклятий, прежде чем повернуться и выскользнуть из тренировочной комнаты.

Она подошла к своему шкафу с зельями, собрала ингредиенты и была готова заниматься зельем.

В следующий вторник девушка аппарировала в Уайткрофт и медленно приблизилась к тому месту, где стояла хижина.

Интересно, придёт ли Малфой? Она молилась, чтобы он уже был там.

Гермиона понятия не имела, как все исправить, если он не появится. Она могла только надеяться, что то, что заставляло его шпионить, было достаточной мотивацией, несмотря на ее недавнее поведение.

Если его там не будет, она подождёт.

Если же он будет там... девушка надеялась, что он просто накажет ее и покончит с этим, а не заставит ее постоянно бояться и ждать момента расплаты.

Дверь была отремонтирована. Гермиона собралась с духом и толкнула ее.

Пусто.

Подождав с минуту, девушка подошла к стулу у стола. Ее желудок скрутило от ужаса, и она попыталась отвлечься, повторяя про себя формулы нумерологии, пока сидела там.

Ей просто нужно перестать думать о том, что может произойти дальше.

Внезапно раздался резкий треск. Гермиона встала и резко обернулась, когда появился Малфой. Он стоял и смотрел на нее, выражение его лица было нечитаемо.

Гермиона ничего не ответила. Она просто смотрела на него в ответ. Она была рада, что не дрожит.

Девушка заставила себя встретиться с ним взглядом. Колющее ощущение ужаса начинало пронизывать ее позвоночник. Ей вдруг стало холодно. Она почувствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом, когда Гермиона взяла себя в руки.

Она заметила, как он сжал челюсти и отвернулся от нее.

Малфой явно не собирался говорить первым.

Гермиона глубоко вздохнула. Орден нуждался в нем. Он явно все еще злился на нее, и она должна была это исправить. Чего бы это ни стоило.

— Мне очень жаль, — сказала девушка в отчаянии. — Я потеряла голову и перешла черту. Извини меня. Что бы мне ни пришлось сделать, чтобы загладить свою вину, я сделаю все, что ты захочешь. Просто позволь мне все исправить.

*Draco Dormiens Nunquam Titillandus (лат.) — Не щекочи спящего дракона.

31. Флэшбэк 6.

Апрель 2002.

Драко внимательно посмотрел на неё, тень непонятной эмоции промелькнула на его лице.

— Все в порядке, — сказал он жёстким голосом. — Когда я говорил, что не собираюсь принуждать тебя к чему-то, это означало, что ты можешь говорить «нет». Но в следующий раз постарайся выразить свое несогласие словами вместо того, чтобы специально провоцировать меня.

Гермиона ошарашенно смотрела на него.

Малфой сжал руку в кулак и прижал её ко лбу, словно испытывал головную боль.

— Ты хочешь продолжать тренировки с окклюменцией? — спросил он.

Гермиона слегка пошевелилась, но ничего не отвечала. Она чувствовала растерянность. Этот разговор был не таким... Она не ожидала...

Что имел в виду Малфой?

Было ли это уловкой, чтобы сбить её с толку?

Если ей позволено было отвечать «нет» на его предложения, Малфой, конечно же, забыл предупредить её об этом. И он старательно делал вид, что ей не предоставляется никакого выбора. Хотя... в действительности он едва ли делал хоть что-то, кроме бесконечных попыток спровоцировать её.

И поэтому...

Гермиона взглянула на него с опаской.

Что-то из того, что она сказала ему тем вечером сильно задело его. Очень сильно.

Что она тогда сказала?

Что его опьяняет чувство власти, и ему нравится причинять боль тем, кто не может или не хочет защищаться. Что он использует людей, чтобы пытать их, держать в плену или заставляет их делать что-то против их воли. Что он такой же, как и Волдеморт...

Он такой же, как и Волдеморт.

Вот оно. Скорее всего, именно это так задело его. Малфой считал себя лучше своего хозяина. Возможно, помогая Ордену победить Волдеморта, он надеется заполучить освободившееся место после смерти своего Темного лорда.

При мысли об этом все внутренности Гермионы сжались от ужаса.

Неужели так все и было? Он натравливал обе стороны друг на друга, собираясь

впоследствии захватить власть?

Быть может, он был не согласен с жестокими методами Волдеморта: обвинениями Ордена в терроризме, пытками и экспериментами над заключёнными. Возможно, Малфой представлял, что будет править в более благородной манере, и женщины будут иметь право говорить «нет», а казни будут проводиться более традиционно.

И все же... похоже, он был не просто оскорблён. Ярость, с которой он отвечал на ее слова, была гораздо сильнее, чем если бы девушка просто задела его гордость или принизила амбиции.

Настороженное выражение лица Гермионы явно начинало раздражать Малфоя. Он издал тихое шипение, слегка оскалив зубы.

— Достаточно ли будет отметить, что я не собираюсь причинять тебе боль, — выдавил он. — Так что перестань смотреть на меня так, словно я собираюсь кинуть проклятие тебе в спину.

Его слова заставили Гермиону вздрогнуть. Если бы они не нуждались в том, чтобы Малфой продолжал шпионить для Ордена, она бы усмехнулась и спросила у него, почему тогда он не дал такой возможности Дамблдору. Он, видимо, заметил молчаливый протест в выражении её лица, потому что крепче сжал челюсти.

Гермиона прикусила язык и оглядевшись вокруг, произнесла:

— Я хочу продолжить обучаться окклюменции.

— Хорошо.

Его тон был сухим. Он, казалось, смог справиться со своей злостью. Его лицо снова превратилось в холодную и бесчувственную маску. Но серые глаза продолжали изучающе смотреть на неё. Гермиона почти чувствовала его взгляд на своей коже.

Малфой подошёл ближе к ней.

Он казался одновременно таким же, как и всегда, и в то же время немного другим. Словно он делал все то же самое, но с большей осознанностью, чем раньше. Как будто старался быть особенно аккуратным с ней.

Приподняв пальцами её подбородок, Малфой немного откинул её голову назад. Когда Гермиона взглянула ему в глаза, то увидела в них горечь, которой никогда раньше не было.

Он безболезненно вошёл в её сознание.

В последующие две недели происходило то же самое. Больше окклюменции и ещё больше сдержанного Малфоя. Они почти не разговаривали, хотя информация, которую он предоставлял, оставалась такой же полезной.

Гермиона все сильнее злилась на себя с каждой их встречей, когда Малфой в очередной раз аппарировал из хижины, за все утро обменявшись с ней не больше

чем парой фраз.

За последние недели она не добавила ничего нового к психологическому портрету Малфоя. Гермиона лишь записывала в блокнот все больше вопросов, на которые у неё не было ответов. Список предполагаемых мотивов, которые могли побуждать Малфоя помогать Ордену, увеличивался до устрашающих размеров.

Она понимала, что обучение окклюменции почти подошло к концу. Проникновения в ее сознание снова стали жесткими и очень болезненными, словно Малфой проверял, как девушка усвоила новые техники.

Гермиона хотела спросить у него, не передумал ли он обучать её искусству дуэли, но опасалась поднимать этот вопрос.

Она начинала чувствовать отчаяние.

Аппарировав снова в хижину, Гермиона принялась нервно мерить шагами комнату, стараясь придумать, как ей перебороть появившуюся между ними неловкость. Должен быть какой-то способ подобраться к Малфоя. Какая-то слабость, которая позволит ей стать ближе к нему.

Малфой резко появился в комнате с характерным для аппарации треском и едва заметно скривился, расправляя спину.

Гермиона достаточно часто видела это мимолетное выражение на лицах сражавшихся, чтобы сразу понять, в чем дело. Хотя Малфой очень постарался не подать виду, что что-то не так. Не дав себе времени на размышления, она взмахнула палочкой и наложила на него диагностические чары.

Прежде чем она успела посмотреть на результаты, Малфой бросился к ней, выбивая палочку из рук Гермионы, крепко прижимая её к стене.

— Что ты делаешь? — прорычал он.

Точно, и как она могла забыть. Он вряд ли был из тех, кто добровольно позволял кому-то накладывать на себя заклинания.

Гермиона, спокойно встретившись с ним взглядом, произнесла:

— Ты ранен.

Он отпустил её плечи, делая шаг назад.

— Ничего серьезного, — сказал он. — Я позабочусь об этом позже.

Гермиона опустила взгляд на проекцию диагностики, которая светилась возле её палочки, лежавшей на полу в нескольких метрах от них, и проанализировала основные показатели.

— У тебя трещины в рёбрах, сотрясение и кровоподтеки по всему телу. Я смогу исправить все за десять минут. И, — Гермиона многозначительно посмотрела на него, — аппарация в подобном состоянии в следующий раз будет ещё более болезненной, трещины в твоих рёбрах могут стать полноценными переломами, а осколок кости может проткнуть легкое. В зависимости от тяжести перелома,

возможно, придётся даже удалять и заново магически восстанавливать часть твоих рёбер.

Несколько секунд Малфой просто молча смотрел на неё, прежде чем закатить глаза.

— Как скажешь.

Гермиона опустилась на колени и подобрала свою палочку с пола.

— Раздевайся... До пояса.

Малфой замер на пару мгновений.

— Думал, это моя реплика, — наконец сказал он, напряжённо поднеся руки к воротнику и расстёгивая мантию, позволяя ткани упасть к его ногам. — Если ты так хотела раздеть меня, нужно было просто сказать об этом.

Он откровенно фальшиво ухмыльнулся ей.

У каждого существовал свой способ справляться с болью. Гарри был очень тихим, а Рон становился тем, кого Фред и Джордж называли «стервозным». Симус и Чарли ругались так сильно и громко, что Гермионе приходилось накладывать на них Силенцио.

Испытывая боль, Малфой, очевидно, становился ещё более саркастичным, чем обычно.

По крайней мере, он снова разговаривал с ней.

Гермиона закатила глаза.

— Да. Ничто не заводит меня сильнее, чем вид голого торса, покрытого ссадинами и синяками.

— Всегда подозревал, что ты кровожадная стерва.

Этот комментарий настолько застал Гермиону врасплох, что она разразилась хохотом.

Малфой, казалось, был поражен произведённым эффектом, пока расстегивал рубашку и с трудом пытался снять её.

Его плечо было травмировано.

Девушка осторожно приблизилась к нему, словно имела дело с диким животным. Малфой не отстранился, когда она аккуратно помогла стянуть рубашку с его плеч, анализируя его ранения.

Похоже, его со всей силой швырнули... обо что-то.

Его плечо явно было вывихнуто, но, видимо, Малфой самостоятельно вправил его. Вся правая сторона его тела оказалась покрыта синяками. Удивительно, как при этом его рука не была сломана.

— Что с тобой произошло? — спросила Гермиона с искренним любопытством.

— Новая стая оборотней, — коротко ответил он. — Были проблемы с новоиспеченным лидером.

— И что же? Ты подрался с вожаком их стаи? — скептически спросила она, принявшись заживлять трещины в рёбрах Малфоя.

— Ну, ему было строго запрещено кусать или царапать меня, а мне — убивать его. Но... когда имеешь дело с существами со стадной иерархией власти и пытаешься заставить их делать то, что тебе нужно... не будучи их вожаком, то просто напрашиваешься на очередное восстание, — легко ответил Малфой, словно это был общеизвестный факт.

— И все эти раны от победы или поражения? — спросила Гермиона, принявшись лечить другое ребро.

Малфой пристально посмотрел на неё.

— Победы, разумеется. Я не смог бы аппарировать, если бы проиграл. Гребаный зверь даже не подумал воспользоваться палочкой. Они окончательно превращаются в дикарей, стоит им примкнуть к стае.

Он закатил глаза, говоря последнюю фразу. Затем добавил:

— Теперь я, по всей видимости, являюсь вожаком стаи оборотней. Что ж, думаю, это добавляет определённого шарма к моему природному очарованию.

— Их вожак точно захочет убить тебя, — заметила Гермиона.

Малфой фыркнул.

— Пусть попробует. Мне понадобится меньше минуты, чтобы убить его, как только у меня появится разрешение на это, — его губы изогнулись в презрительной усмешке.

Гермиона ничего не ответила. С помощью невербального заклинания она призвала свою сумку и достала из неё набор первой помощи, который всегда носила с собой.

— Сядь и выпей это, — сказала девушка, отдавая ему в руки флакон с зельем. — Оно вылечит твоё сотрясение.

Пока Малфой пил зелье, Гермиона пыталась немного согреть руки, потеряв их друг о друга, а затем опустила пальцы в маленькую баночку, обмакнув их в мази.

Девушка задумчиво смотрела на Малфоя несколько секунд, прежде чем невесомо коснуться его голого плеча.

Он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Расслабься, — сказала Гермиона, чувствуя, как напрягаются мышцы под её пальцами. — Мазь не сможет проникнуть достаточно глубоко, если ты будешь

напряжён.

Малфой и не пытался расслабить плечи.

Гермиона закатила глаза.

Она провела кончиками пальцев по его плечу, принявшись размазывать мазь и позволяя ему привыкнуть к контакту. Мышцы его плеч едва заметно подергивались от её прикосновения. Это напоминало Гермионе попытки погладить норовистого коня.

Представляя ситуации, в которых Малфой мог быть наполовину раздетым в её присутствии, Гермиона никогда бы не могла подумать, что это случится, когда она будет лечить его. Но... она могла воспользоваться этой возможностью, чтобы восстановить их прежние отношения и продолжить работать над своим планом.

Малфой, без сомнений, был одинок. Казалось, его выбивали из колеи любые прикосновения, которые носили не сексуальный или насильственный характер.

Гермиона полагала, что это было неудивительно. Кто мог быть добр к нему? Судя по словам Малфоя, никто не препятствовал его тренировкам с Беллатрисой, даже его собственная мать. Эта мысль заставила ее слегка вздрогнуть.

Истязать Круциатусом шестнадцатилетнего подростка, чтобы научить его окклюменции, до тех пор, пока он просто не потеряет сознание.

Гермиона могла воспользоваться этой пустотой в его жизни. Его одиночеством. Потребность в утешении была неотъемлемой частью человеческой психики. Малфой мог даже не осознавать ее в себе, чтобы вовремя противостоять попыткам Гермионы. И если она сможет пробудить в нем эту потребность...

То достигнет своей цели.

Физический контакт, не носивший сексуальный характер, был привычен для Гермионы. Дотрагиваться до тел пациентов. Успокаивать их и помогать им. Она осознала, что у неё появилось неожиданное преимущество над Малфоем. Ему нравились четкие границы в отношениях. Она сможет разрушить выстроенные им стены и подобраться ближе к нему.

Гермиона склонилась ниже, совсем немного, так, что её губы были теперь рядом с его ухом. Кожа Малфоя едва ощутимо пахла солью и тонкими, терпкими нотами дубового мха в сочетании с более резким ароматом папируса.

— Будет немного больно, — мягко сказала она.

Гермиона принялась активно растирать мышцы, чтобы позволить исцеляющей мази проникнуть глубже под кожу и помочь восстановить растянутые сухожилия. Если не дать лекарству полностью впитаться, травма может приобрести хронический характер, и плечо Малфоя станет склонно к вывиху.

— Черт, — простонал он. — Ты действительно злобная стерва.

Её руки на секунду замерли, прежде чем она возобновила массирующие движения.

— Я думала, мы уже выяснили это, — заметила Гермиона тихо.

Такой ответ, казалось, немного выбил Малфоя из колеи. Он замолчал и крепко сжал челюсти, в то время как Гермиона продолжила растирать его мышцы. Спустя минуту она закончила наносить мазь, но продолжила массировать его плечи. Мягко и осторожно. С медицинской точки зрения, это... не было строго обязательным.

Ещё через минуту она остановилась, оставив ладони лежать на его плечах.

— Мне нужно закончить лечить твои рёбра. Будет удобнее, если ты ляжешь на спину.

Малфой вздохнул и лёг на пол. Гермиона подложила ему под голову свёрнутую мантию и опустилась рядом с ним.

Малфой прожигал её подозрительным взглядом.

Гермиона принялась перебирать снадобья в своей сумке и достала из неё большой флакон с эссенцией. Взмахом палочки девушка очистила руки от остатков мази и выдавила густую жидкость на ладонь. Легкими круговыми движениями она распределила эссенцию по руке, боку и груди Малфоя. Гермиона подмечала, в каких местах жидкость впитывалась быстрее и наносила на кожу дополнительный слой.

Свободной рукой она наложила на него ещё одни чары диагностики. У Малфоя также была задета почка. Она едва слышно вздохнула.

— У тебя ушиб почки. У меня с собой нет подходящего зелья, так что позже тебе нужно будет обратиться к целителю. Травма не слишком серьезная, но если оставить её заживать без лечения, то почка будет болеть ещё в течение нескольких дней.

Синяки и ссадины на его груди стали постепенно исчезать под пальцами девушки. Гермиона замедлила движения рук, в первый раз хорошо рассмотрев тело Малфоя.

Он был... довольно привлекательным. В физическом смысле.

По всей видимости, Малфой был генетически предрасположен к низкому содержанию жира на теле, потому что мышцы его рук и туловища четко выделялись под кожей. Его тело было жилистым и худым, без единого намёка на мягкость. Малфой не был качком, но он явно был... в хорошей физической форме.

У большинства мужчин имелся хоть какой-то жир, покрывавший мышцы. Несмотря на то, какими сильными были все братья из семьи Уизли, их мышцы не выделялись так явно. Гарри же имел врожденную склонность к худобе, на которую не влияла его физическая форма.

Гермиона полагала, что это не должно было удивлять её. Люциус Малфой был хорошо сложен и никогда не отличался лишним весом, в то время, как Нарцисса была даже излишне худой.

Она задумчиво посмотрела на Малфоя.

— Ты пялишься так на всех своих пациентов или я особенный? — внезапно протянул он.

Гермиона резко отвела от него взгляд и покраснела.

— Я не пялилась, — ответила она, защищаясь. — Просто задумалась о процентном показателе жира в твоём организме.

— Ну конечно, — усмехнулся Малфой.

Гермиона убрала руки с его груди.

— Я закончила, — сказала она тихо.

Он сел и, подвигав плечом, стал изучать проделанную Гермионой работу. Затем Малфой надел рубашку и быстро застегнул пуговицы.

Гермиона отвела от него взгляд и принялась убирать склянки обратно в свою сумку.

— Так как же можно победить оборотня, не убивая его? — поинтересовалась она.

— Кинуть *Бомбарду Максима* ему в глаз как один из вариантов, — сказал он обыденно, поднимая мантию с пола и вставая. — Но для этого нужно подпустить оборотня достаточно близко к себе. И вот эта часть, очевидно, прошла не совсем так, как планировалось.

Гермиона уставилась на него.

— Ты взорвал его глаз?

— Это убило бы волшебника, но оборотни обладают свойством регенерировать.

— Он абсолютно точно попытается убить тебя, — серьёзно сказала она.

— Именно на это я и рассчитываю, — свирепо ответил Малфой.

Гермиона закатила глаза в ответ на эти слова и тоже поднялась с пола.

— Итак. Нас снова ждёт больше оборотней. Ещё какая-нибудь новая информация?

Он призвал свиток пергамента беспалочковой магией.

— Несколько несмертельных проклятий, которые твой Орден может использовать, не рискуя переступить через свои драгоценные понятия о совести и чести. Информация о новой тюрьме в Корнуэлле. Также Темный Лорд подумывает о том, чтобы наложить на своё имя табу. Тебе стоит предупредить об этом ваших особо отважных бойцов, считающих, что кричать его имя направо и налево — проявление гриффиндорской смелости.

Гермиона забрала свиток из его рук, и Малфой развернулся, собираясь уходить.

— Спасибо, что подлатала, Грейнджер.

Он аппарировал.

Замерев на несколько мгновений, Гермиона оглядела хижину, а потом засунула полученный свиток в сумку.

Она лечила Драко Малфоя.

За свою жизнь она успела исцелить сотни людей, но каким-то образом его исцеление ощущалось иначе.

В течение нескольких минут она не думала о нем как о Пожирателе Смерти. Он был просто человеком, испытывавшим боль.

Обычным человеком.

Ей было непривычно думать о нем в таком свете.

Проще было представлять его частью её плана. Концепцией или идеей в ее сознании.

Пожиратель Смерти. Убийца. Шпион. Ее цель. Оружие в руках Ордена.

Гермиона предпочитала думать о нем такими определениями.

Она не хотела воспринимать его как раненого человека. Кого-то, кто кривится от боли в треснувших рёбрах. Кого-то, не привыкшего к человеческим прикосновениям и избегающего их на уровне инстинктов.

Не хотела видеть в нем кого-то... привлекательного.

Этот инцидент помог им преодолеть неловкость. Немного сократил пропасть между ними. Но он также больше не позволял ей воспринимать Малфоя как кого-то «чужого», не такого, как все остальные люди. Или думать о нем только как о враге и убийце Дамблдора. Такой взгляд позволял ей представлять возможные способы манипулирования им, которые даже могли привести к его смерти.

Когда она начала воспринимать Малфоя как человека, ей стало сложнее думать о нем как о бездушном монстре.

Девушка не могла себе этого позволить. Такие мысли превращали её в Гермиону времён обучения в Хогвартсе. В четырнадцатилетнюю девочку, вязавшую шапки и выступавшую за права эльфов. Та Гермиона была бы в шоке от того, как её повзрослевшая версия пытается рационализировать необходимость воспринимать Драко Малфоя как какой-то неодушевленный предмет.

Руки Гермионы едва заметно дрожали, пока она пыталась задвинуть эти мысли на задний план.

Малфой аппарировал к ней, как только она появилась в хижине. Несмотря на свои травмы. Он сразу же появился.

Она раздумывала, имело ли это какое-то значение.

Вернувшись на Площадь Гриммо, Гермиона сразу поднялась в свою комнату. Прежде чем зайти, она аккуратно заглянула за дверь, чтобы убедиться, что комната была пуста.

Гарри и Джинни были «не вместе». Джинни специально отыскала Гермиону несколько недель назад, чтобы уточнить, что между ними с Гарри все было несерьезно и что это была лишь связь на одну ночь, на которую они решились в минутном порыве.

Очевидно, с тех пор случилось ещё немало «минутных порывов», учитывая, что Гермиона уже не раз чуть не вламывалась в комнату, когда они были там вместе.

Все проживающие на Площади Гриммо старательно делали вид, что не замечают, как сильно у Гарри улучшилось настроение.

Гермиона достала из-под кровати свой блокнот и прошептала несколько контрзаклинаний против наложенных на него охранных чар.

Она задумчиво перелистывала страницы. Просматривая все свои записи, девушка подмечала, как некоторые из её теорий и предположений успели сильно развиться, а другие — стать абсолютно бесполезными. Она покусывала кончик пера, рассматривая надпись, которую подчеркнула и обвела ещё несколько недель назад.

Одинокий. Изолированный от всех.

Гермиона все больше убеждалась, что эти качества являются основой личности Малфоя. Его мать умерла. Отец сошёл с ума. Амбициозные друзья думали только о своей безопасности.

То, что заставило Малфоя отделиться от армии Волдеморта и присоединиться к Ордену, скорее всего, оставалось тайной абсолютно для всех. Дружба и честность были не тем, что могли позволить себе приспешники монстра, отличавшегося манией величия и невероятными способностями в легилименции.

Гермиона была почти уверена, что никто из Пожирателей не знал, что Малфой является шпионом. Он не стал бы так сильно рисковать, рассказывая об этом кому-то.

Что ж, Гермиона может стать той, кому он доверил бы свои тайны. Если только она сумеет добиться его доверия. Малфой мог говорить с ней откровенно, рационализируя это тем, что она достаточно хороша в окклюменции. Гермиона превратит его силу в слабость, которая будет играть ей на руку.

Она засунула голову под кровать, чтобы найти книгу по психологии, к которой часто прибегала за помощью. Посмотрев на сложенные в стопку книги, Гермиона замерла...

Кто-то трогал её вещи.

Это было едва заметно, но Гермиона не сомневалась, что она права. Кто-то лазил

у неё под кроватью. Она наколдовала заклятие Обнаружения, но оно ничего не показало.

Она перевела взгляд на свой блокнот. Гермiona наложила на него несколько заклинаний, которые должны были показать, если кто-то притрагивался к нему. Блокнот оказался нетронутым.

Она снова заглянула под кровать, а потом оглядела комнату.

Кричер.

Старый эльф почти всегда только ругался и сердито бродил по дому, но изредка все же принимался за уборку.

Комната действительно выглядела чище. Обычно не заправленное одеяло Джинни теперь было сложено более аккуратно.

Гермiona немного успокоилась, но все же проверила сохранность книг ещё несколькими заклинаниями, а затем наложила на область под кроватью дополнительные охранные чары на случай, если кто-то захочет там прибраться. Также она ещё раз зачаровала блокнот от чужих глаз.

Когда она встала с пола и собралась уходить, в комнату вошла Джинни.

— Ты рано вернулась, — сказала та.

Гермiona взглянула на часы и ответила:

— Удачный день.

— Да, — сказала Джинни, выглядя немного неловко. — Слушай. Я хотела попросить тебя об одолжении.

Гермiona ждала.

Джинни нервно теребила волосы, но выражение ее лица было невинным.

— Я... ну... ты, очевидно, в курсе обо мне и Гарри, — сказала Джинни.

Гермiona коротко кивнула.

— Да, верно. Что ж. Дело в том, я хочу быть максимально осторожной. Я уже пользуюсь заклинанием. Но... есть что-то в наследии Пруэттов, они не похожи на другие волшебные семьи. Они просто обречены беременеть, несмотря ни на что. Рон и я были незапланированными случайностями после того, как появились близнецы. В этом-то и состоит просьба... не могла бы ты помочь мне с приготовлением противозачаточного зелья. Если у тебя будет время. Я всегда отвратительно их готовила. Если ты не сможешь... ну тогда ладно. Я могу попросить Падму. Знаю, ты ужасно занята. Просто... я не хочу, чтобы ты думала, что я намеренно тебя избегаю.

— Конечно. Я все равно буду варить зелья сегодня вечером. Его легко будет включить в список. У тебя есть предпочтения по вкусу? Самые эффективные не очень приятны на вкус.

— Мне все равно, каково оно на вкус, если будет работать, — смело сказала Джинни.

— Ну, у меня есть несколько готовых флаконов. Я могу дать их тебе сейчас, если хочешь.

— Откуда они у тебя? — Джинни моргнула и подозрительно уставилась на Гермиону. — Ты?..

Гермиона уже видела, как подруга составляет в уме список ее возможных мужчин.

— Ты ведь не... со Снейпом, правда? — Джинни вдруг запнулась.

Гермиона разинула рот.

— Мерлин... Нет! — пролепетала она. — Я целительница! Я держу много вещей под рукой. Ты невозможна! Почему ты вообще подумала про него?

Джинни выглядела слегка смущенной.

— Просто он единственный человек, с которым ты можешь долго разговаривать. Кроме Фреда, который сейчас с Анджелиной. Со всеми остальными ты лишь споришь и ругаешься. И эти словесные баталии, уверена, не включают примирительный жаркий секс.

— Это не значит, что я сплю с ним, — пробормотала Гермиона, чувствуя, что ее лицо вот-вот вспыхнет. — Он мой коллега. Я советуюсь с ним насчет зелий.

— Ты просто выглядишь одинокой, — сказала Джинни, глядя на Гермиону долгим взглядом.

Девушка слегка вздрогнула и уставилась на подругу.

— Ты ни с кем не сближаешься, — сказала Джинни. — Раньше вы были неразлучны с Роном и Гарри. Но даже до того, как покинуть их, чтобы стать целителем, ты, казалось, уже отдалилась ото всех. Я подумала... Может, у тебя кто-то есть. Конечно, Снейп был бы странным выбором по многим причинам... но это война. Слишком тяжело справляться с ней в одиночку.

— Эмоционально снимать напряжение с помощью секса — это фишка Рона. Не моя, — сухо ответила Гермиона. — Кроме того, я не участвую в сражениях.

Джинни задумчиво посмотрела на нее, прежде чем сказать.

— Я считаю, больничная палата намного хуже поля боя.

Гермиона отвела взгляд. Иногда она размышляла об этом. Могло ли это быть на самом деле правдой... Она не слышала иного мнения, потому что никогда не решалась спросить об этом.

— Я думаю об этом каждый раз, когда нахожусь там. Во время сражения все так упорядоченно. Кого-то ранили. Ты просто трансгрессируешь всех раненых прочь,

а затем возвращаешься сражаться. Ты немного побеждаешь. Ты несёшь потери. Иногда тебя бьют. Ты бьешь в ответ. И у тебя есть дни, чтобы восстановиться и передохнуть, или есть время для скорби, если твой партнер, прикрывающий тебя на поле, умирает. Но в больничной палате каждая битва выглядит проигранной. Я всегда больше травмирована после пребывания там, чем после сражений.

Гермиона молчала.

— И у тебя никогда не бывает свободного времени, — добавила Джинни. — Ты на работе, поэтому никто не может пожалеть тебя, хотя бы дать тебе оплакать потери. Я знаю от Гарри и Рона, что ты все еще настаиваешь на темных искусствах, когда ходишь на собрания Ордена. Я не согласна с тобой... но я понимаю. Я понимаю, что ты видишь войну под другим углом зрения. Наверное, под самым худшим. Я просто хочу сказать, что если у тебя кто-то появился, я была бы очень рада за тебя. Даже если это будет Снейп.

Гермиона закатила глаза.

— Тебе, наверное, стоит прекратить, если ты все еще хочешь получить своё противозачаточное зелье, — сказала она с сердитым взглядом.

Джинни резко замолчала. Гермиона подняла свою сумку с кровати.

— Пойдём. Оно в моем шкафу с ингредиентами для зелий, — сказала она, выходя из комнаты.

Флаконы с противозачаточным зельем были сложены в маленькую коробку, стоявшую на самой верхней полке. Гермиона взяла несколько склянок для Джинни и сложила их в небольшой мешок.

— Один флакон в день. Лучше, если ты будешь принимать его каждый день в одно и то же время. На этой неделе я сварю ещё партию и дам тебе месячный запас зелья.

— Спасибо, Гермиона.

Джинни вышла из комнаты, и девушка поставила коробку обратно на полку.

Она соврала. Она никогда не держала противозачаточное зелье под рукой просто так. В коробке лежал её личный запас, который она на всякий случай хранила с того дня, как состоялся их первый с Грюмом разговор о Малфое.

На следующей неделе, когда Гермиона аппарировала в хижину, Малфой уже был там. Когда она открыла дверь, он взглянул на неё с выражением легкого раздражения на лице. Гермиона удивленно посмотрела на него.

— Я опоздала? — спросила она, взглянув на наручные часы.

— Нет, — ответил он. Его тон был сухим.

Чувствуя себя неловко, она закрыла дверь и замерла в ожидании.

— Думаю, мы закончили с обучением окклюменции, — сказал Малфой спустя минуту.

— Хорошо.

Она уже собиралась спросить, будет ли он учить её искусству дуэли, но передумала и стала ждать, что скажет Малфой. Что-то в его настроении слегка встревожило ее.

— Мы начнём с основ техники дуэли, чтобы я мог посмотреть, насколько у тебя с этим все плохо, — объявил он.

Гермиона закатила глаза.

— Хорошо, — ответила она. — Какие правила?

— Для тебя никаких. Делай что хочешь, — сказал он. — Я ограничусь только Жалящими проклятиями. Хочу посмотреть, как долго ты продержишься.

Гермиона покраснела.

— Должна предупредить, что в сражении я просто отвратительна, — сказала она.

— Знаю. Большого я и не ожидал.

Она прожгла его злым взглядом, положила свою сумку на пол возле двери и взмахом палочки наложила на неё чары, защищающие от воздействия заклятий. Затем Гермиона повернулась к Малфой.

Он переместился в другой конец комнаты, лениво прислоняясь к стене.

— Приступим.

Малфой засунул руку в карман мантии и достал палочку. Гермиона склонила голову набок.

— Это ведь не та палочка, что была у тебя в школе? — спросила она.

Он опустил взгляд на палочку и покрутил её между пальцами.

— Нет, — ответил Малфой. — Палочка с волосом единорога не слишком подходила для использования темной магии, так что мне пришлось заменить её. Эта тоже из боярышника, но более жесткая, с сердцевинкой из сердечной жилы дракона. К тому же, на несколько дюймов длиннее.

Произнося последнюю фразу, он вызывающе приподнял брови.

Гермиона задвинула полученную информацию на край сознания, собираясь осмыслить её позже. Ей вспомнилось, что в библиотеке Блэков на Площади Гриммо должна была храниться книга по теории строения волшебных палочек.

Она встала в боевую позицию.

Малфой выпрямился и уверенно встал в такую же позу.

Гермиона старалась тренировать дуэльные техники каждую свободную минуту, когда могла прийти в комнату для тренировок. Она послала в Малфоя невербальное Оглушающее, и он с легкостью отразил его Щитовыми чарами, посылая в ответ серию Жалящих проклятий.

Гермиона тоже резко кинула Протего, окружая себя магическим щитом, который поддерживался заклинанием Фианто Дури.

Малфой накладывал на неё бесчисленное число Жалящих проклятий и с легкостью отражал любые посланные в него заклинания.

Несмотря на то, что используемые им проклятия были несложными, скорость, с которой он их посылал, ослабляла её Щитовые чары.

Прежде чем Гермиона успела обновить магический щит, он послал проклятие ей в ноги. Она слегка вскрикнула, когда заклинание попало ей в лодыжку.

После этого дуэль стала гораздо жёстче. Не успев подумать, Гермиона отпрыгнула назад, оставив себя без защитных чар. Малфой сразу же наслал на неё ещё пять Жалящих проклятий.

— Все! — крикнула она. — Ты выиграл! Прекрати!

— Это не так работает, Грейнджер, — протянул он, продолжая посылать в неё невербальные проклятия. — На поле боя ты либо побеждаешь, либо умираешь. Либо просто убегаешь от противника.

Гермиона стала уклоняться от его заклинаний и наконец смогла снова наколдовать вокруг себя Щитовые чары. Она стояла, опираясь на одну ногу. Та сторона ее тела, в которую Малфой несколько раз попал проклятиями, воспалилась и горела огнём.

Девушка со злостью послала в него немного более тёмное заклинание. Не смертельное, но менее безобидное, чем обычное Оглушающее.

Малфой отразил его и приподнял бровь.

— У котёнка, оказывается, есть когти, — сказал он с притворным восхищением.

— Заткнись, — прорычала она, посылая в Малфоя серию невербальных заклинаний.

— Боже, Грейнджер, ты прицеливаешься просто ужасно, — сказал он, продолжая закидывать её Жалящими проклятиями. — Я даже не двигаюсь, а ты все равно не попадаешь в меня.

— Я в курсе.

— Неудивительно, что тебя отстранили от сражений.

— Заткнись!

— Задел за живое, не так ли? — спросил он сухо. Его глаза зло блестели, и Гермиона поняла, что он наказывает её за что-то. Он отыгрывался на ней за то,

что раздражало его с самого начала их встречи.

Пассивно-агрессивный ублюдок.

Малфой даже не пытался сражаться с ней. Он и так знал, что она ужасна в дуэли. Малфой делал это для собственного удовольствия.

Гермиона увернулась от летящих в неё проклятий и обновила Щитовые чары. Она уже успела устать: как от избегания летящих в неё заклинаний, так и от скорости, с которой ей приходилось колдовать в ответ.

Девушка крепче сжала палочку и продолжала отбиваться, пока Малфой не послал в её правую руку столько проклятий, что она больше не могла шевелить ею.

Её палочка упала на пол. Вместо того, чтобы пытаться уклониться от заклятий, Гермиона просто стояла, позволяя Малфоя наслать на её туловище и ноги ещё целую дюжину проклятий.

Наконец он остановился, и девушка посмотрела на него.

— Теперь тебе стало легче? — поинтересовалась она.

Он ухмыльнулся и спрятал палочку в карман мантии.

— Годами мечтал проклясть тебя, — ответил Малфой. Его глаза светились удовлетворением.

— Я ведь уже говорила, что ты можешь это сделать, — сказала она безжизненным голосом, мысленно отмечая все места на теле, которым потребуется лечение. — Но, полагаю, тебе нравится делать вид, что ты даёшь мне возможность защищаться.

— Не моя вина, что ты отвратительна в дуэлях.

— Согласна, это моя вина, — тихо ответила Гермиона. Она приподняла правую руку и поморщилась, пытаясь пошевелить пальцами.

Ожоги от Жалящего проклятия заживали довольно быстро, но их невозможно было вылечить магией. С той силой, с которой Малфой накладывал заклинания, ей потребуется не один день, чтобы раны прекратили болеть. Гермиона была уверена, что он выбрал Жалящее проклятие именно по этой причине.

— Хочу заметить, — сказала она, стараясь скрыть дрожь в голосе, — что это квалифицируется как вмешательство в мою работу. Так что в следующий раз попробуй использовать обратимое заклинание или ограничься одним местом на теле, когда будешь накладывать Жалящее проклятие.

Малфой ничего не ответил.

— Так... — сказала она минуту спустя. — Могу я хотя бы узнать, за что?

— Когда дело доходит до сражения с тобой, Грейнджер, одно твоё существование является достаточной причиной, чтобы проклясть тебя.

Гермиона сжала губы и с трудом сглотнула. Она ощутила пощипывание в носу и щеках и поморгала глазами, отгоняя это ощущение.

— Есть новая информация на этой неделе?

— Нет.

— Понятно. Тогда я пойду, — сказала она и, присев, с трудом левой рукой подняла палочку с пола. Затем Гермиона подошла к двери и закинула на плечо свою сумку, скривившись от боли, когда ремешок задел несколько ранок.

Малфой не проронил ни слова, пока она выходила за порог.

Гермиона стояла возле хижины и чувствовала растерянность. Не от того, каким злым был Малфой, а потому, что не знала, что ей делать дальше. Девушка не могла вернуться на Площадь Гриммо в таком виде, иначе все бы поняли, что она с кем-то сражалась. У неё не было подходящих объяснений.

Она доковыляла до выступавшего из земли пня и села на него.

Вздыхнув, Гермиона сняла с плеча сумку и принялась вынимать из неё склянки и мешочки с травами. Ей придётся выбросить все ингредиенты для зелий, которые она собрала с утра. Найденные ей компоненты требовалось хранить в особых условиях, но девушка не сможет правильно заколдовать их, чтобы они не потеряли свои магические свойства, когда её рука находится в таком состоянии.

С грустью она бросила на землю щупальца растопырника. Позже ей придётся поймать и убить ещё одного. Затем она выбросила крылья феи. Гермиона продолжала вываливать на землю все собранные ингредиенты, пока у неё в сумке не осталась лишь пара пучков крапивы.

Скривившись, она приложила листья крапивы к израненным щиколоткам, кистям и запястьям. Потом провела ими по лицу. Бросив использованные пучки на землю, она посмотрела на появившиеся на коже волдыри, скрывшие все раны от проклятий, которые не могла спрятать её одежда.

Вздыхнув, девушка встала и, с трудом удерживая палочку, аппарировала на Площадь Гриммо.

— Гермиона? Что с тобой случилось? — спросила Анджелина, зайдя в комнату и смотря на нее расширившимися от удивления глазами.

— Я споткнулась и упала в куст с крапивой, — солгала Гермиона.

— Вот черт, — Анджелина всматривалась в её лицо, и Гермиона почувствовала, что начинает краснеть. — Ты можешь как-то вылечить это?

— К сожалению, нет. Нет никаких зелий от крапивных ожогов. Они должны пройти через пару дней. Но у меня не получилось толком собрать ингредиенты. Придётся завтра снова отправиться в лес.

— Как жаль. Бедное твоё лицо.

Гермиона слегка пожала плечами.

— Моим рукам досталось сильнее. Мне нужно пойти предупредить Помфри. Не уверена, что от меня сегодня будет какая-то польза в лазарете.

Из-за проклятий Малфоя у Гермионы неожиданно появился выходной день. Но она едва ли могла наслаждаться им, не имея возможности пользоваться руками. Девушка даже не могла толком согнуть пальцы, чтобы переворачивать страницы в книге.

Гермиона не могла вспомнить, когда у неё в последний раз было свободное время. Если она не дежурила в палате, то обычно варила довольно сложные зелья или пополняла запасы ингредиентов.

Она сидела на чердаке и смотрела в окно на проходящих внизу магглов.

Гермиона раздумывала, что могло так спровоцировать Малфоя.

Она не знала, считалось ли хорошим знаком то, что он так жёстко обучал её технике сражения. Это могло означать, что она смогла подобраться ближе к нему и как-то задеть его чувства, из-за чего Малфой старался отдалиться от неё, накладывая на неё болезненные проклятия. Исцелив его неделю назад, Гермиона повлияла на их отношения. Возможно, Малфой решил, что, прокляв её, сможет вернуть их в прежнее русло.

Он был таким мстительным.

Занятия окклюменцией проходили гораздо более болезненно, но они хотя бы имели смысл. Тогда он причинял ей боль для достижения какой-то цели. И от мигрени хотя бы имелись подходящие зелья.

Но не было никакого смысла в том, чтобы использовать Жалящие проклятия. Малфоем двигала только злость.

К тому же, это была совершенно бессмысленная тактика, чтобы попытаться оценить её способности дуэлянта, потому что в итоге она не сможет толком колдовать всю следующую неделю. Если бы Малфой действительно хотел проверить её умение прицеливаться или её выносливость, то использовал бы Оглушающие или Парализующие чары.

Он не воспользовался никакими серьёзными или необратимыми проклятиями, скорее всего, придерживаясь своих моральных принципов, которыми был так озабочен. Наверно, он руководствовался своими «этическими нормами». Малфой не хотел воспринимать себя как кого-то мстительного и жестокого. Возможно, он оправдывал себя тем, что давал ей возможность защищаться от его проклятий. Что она сама заслужила каждый полученный ожог, потому что не смогла отразить заклинание или увернуться от него.

Малфой не хотел думать о себе как о ком-то злом.

Скорее всего, он считал себя выше этого.

Гермиона опустила взгляд на свои руки.

По наносимому ущербу и уровню боли Жалящие проклятия едва можно было назвать по-настоящему опасными. Однако она чувствовала эмоциональное разочарование и опустошение, в которых не хотела признаваться даже самой себе.

Гермиона спрятала лицо в сложенных на коленях руках, стараясь не заплакать.

Слёзы все равно потекли из-под закрытых век.

Примечание к части

Слёзы хлынули не у одной Гермионы, мы в процессе перевода ими несколько раз умылись, пока осилили переводить и редактировать эту огромную главищу.

32. Флэшбэк 7.

На следующей неделе Гермиона встала пораньше, чтобы отправиться на поиски растений. Она тщательно упаковала собранные ингредиенты в подготовленные флаконы и мешочки, прежде чем аккуратно сложить их в сумку. Девушка не могла позволить себе снова потратить недельный запас.

Аппарировав в хижину, Гермиона сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь собраться с духом, прежде чем открыть дверь. Она пришла к выводу, что существует довольно большая вероятность того, что Малфой снова воспользуется прежним методом обучения.

На это указывал жестокий и удовлетворенный блеск, не покидающий его взгляда даже в момент, когда он убирал свою палочку.

Когда девушка вошла, комната была пуста.

Гермиона поставила свою сумку в угол и наложила на неё защитное заклинание. Потом снова замерла в ожидании. Ее пальцы продолжали нервно постукивать по ноге. Она была почти на грани обморока.

Гермиона ненавидела ждать. Она терпеть не могла моменты, в которых ей приходилось бояться неизвестности. Ее разум всегда начинал дико метаться по сценариям того, что произойдет. Обычно ее воображение оказывалось намного хуже реальности.

Но Малфой обладал необычным талантом удивлять ее.

Он опаздывал почти на пять минут.

Она не была уверена, следует ли ей продолжать ждать. Он сказал, что подождет ее всего пять минут, но никогда не упоминал, как долго стоит дожидаться его. Гермиона не думала, что Малфой откажется от помощи Ордену только потому, что наконец-то смог бросить в неё проклятия.

Ее почти вырвало на пол из-за нарастающей тревоги. Она не могла этого вынести...

Она не будет просто сидеть и ждать, когда он снова набросится на нее.

Гермиона резко развернулась, сняв с сумки охранные заклинания и перекидывая ее через плечо. Она уже выходила из хижины, когда Малфой с треском появился в комнате.

Девушка остановилась и посмотрела на него. При одном взгляде на него возникало плохое предчувствие. Она чувствовала, как что-то застряло у нее в горле, и поэтому едва могла сглотнуть.

Малфой пристально смотрел на нее. Он не выглядел раздраженным. Он выглядел... смущенным.

— Я задержался, — сказал Малфой.

Она кивнула и вернулась в хижину, закрыв за собой дверь. Последовала пауза.

— Продолжим то же, что и на той неделе? — тихо спросила она, отворачиваясь от него.

— Нет, — он сказал это так резко, что Гермиона быстро подняла на него глаза.

Он вздохнул и провел рукой по волосам. Это был самый откровенный жест дискомфорта, который она когда-либо видела от него.

— Я... переступил черту, — сказал он, но это не было извинением. — Я больше так с тобой не поступлю.

— Хорошо, — машинально согласилась она, совершенно не доверяя ему. Девушка была уверена, что, если дать ему достаточно времени, он придумает какой-нибудь новый способ отомстить, который сможет обосновать.

Несколько секунд Малфой молча смотрел на нее. Гермиона подозревала, что выражение ее лица все еще было слегка обиженным. По какой-то причине независимо от того, сколько окклюменции она бы ни использовала, девушка не могла полностью скрыть это.

Он открыл рот, будто хотел сказать что-то еще, но потом проглотил слова.

— Что? — с горечью спросила Гермиона. Приготовиться к тому, что он собирался сделать дальше, было самым худшим.

— Я... сказал, что не причиню тебе вреда, — тихо произнес он. — А потом сделал это. Извини.

Она растерянно посмотрела на него. Малфой был сплошным противоречием.

— Я ожидала этого.

В его взгляде вспыхнуло раздражение. Ах, она снова оскорбила его моральный кодекс.

— И все же ты здесь, — сказал он.

— Да. — Она пожала плечами и встретила с ним взглядом. — Если Орден проиграет эту войну, я умру. И Гарри, и Рон, и Джинни, и все остальные, кого я знаю. Так что... твои оскорбления и проклятия на самом деле не имеют никакого значения.

— Пожалуй, так и есть, — согласился он с холодным выражением лица.

— Если ты собираешься сделать это снова, просто сделай. Не превращай это в фарс, заставляя меня бороться, — сказала она деревянным голосом. — Просто признай, что дело в твоём желании.

Его рот слегка скривился. Гнев в нем начинал возрастать. Гермиона собрала с духом.

Все резко прекратилось.

— Первое, над чем нам нужно поработать, — это твоя цель, — сказал он, меняя тему разговора.

— Хорошо.

Он вытащил палочку и призвал тренировочный манекен. Кончиком волшебной палочки Малфой сделал отметку в виде креста в центре манекена и отлевитировал его через всю комнату.

— Брось десять любых заклинаний. Я хочу посмотреть, насколько ты точна, — сказал он ей.

Она поставила сумку на землю и встала рядом с ним, остро ощущая его близость.

Мишень находилась примерно в пятнадцати футах от них.

Она прицелилась в крест и наложила на него парализующее, заклинание окаменения, несколько жалящих заклинаний и обездвиживающее. Гермиона попала в него восемь раз из десяти, но только четыре — прямо в отметку.

Она остановилась и приготовилась к язвительной критике Малфоя. Он молчал, и это было еще хуже.

— Ты ведь в основном изучала заклинания для ближнего боя, не так ли? — спросил он наконец.

— Да, — сухо ответила Гермиона.

— Я так и думал, — сказал Малфой и задумчиво кивнул. — Твоя техника заклинания идеальна, но ты настолько точна, что уделяешь лишнее внимание управлению кончиком палочки, а потом забываешь сосредоточиться на цели. Заклинания и проклятия не требуют такого тонкого контроля моторикой; большинство из них не имеют сложных движений палочкой. Твоя чрезмерная внимательность оказывает тебе медвежью услугу в бою.

— О...

— С другой стороны, это довольно легко исправить. Гораздо труднее обучить неумелого заклинателя. Попробуй наложить проклятие со сложным движением палочки и не забудь прицелиться кончиком, когда будешь заканчивать произносить его.

Гермиона мысленно искала какое-нибудь заклинание со сложным движением. Малфой был прав: большинство проклятий были простыми. Колющие, режущие... в них редко оказывалось что-то сложное в наложении. Она и не подозревала, как сильно техника боевых заклинаний будет отличаться от исцеления.

Подходящее проклятие само пришло к ней.

Глубоко вдохнув, Гермиона быстро сделала движение и убедилась, что ее палочка находится над крестом, когда последние слова заклинания соскользнули с ее губ.

Алый свет метнулся через комнату и приземлился прямо в центр отметки. В то же мгновение маленькая струя горячей черной смолы взорвалась в том месте, где заклинание вступило в контакт с целью. Если бы это был реальный человек, смола продолжала бы кипеть и обжигать, но на тренировочном манекене действие проклятия быстро прекратилось.

Малфой усмехнулся.

— Моя дорогая Грейнджер, неужели твой Орден одобряет известные тебе проклятия?

— Нет, — с горечью в голосе ответила Гермиона. Врать было бессмысленно. Пожиратели Смерти не могли не знать, что Соппротивление почти всегда использовало несмертельные заклинания.

— Я и представить себе не мог. Скажи-ка мне, Грейнджер, ты смогла бы кого-нибудь убить? — спросил Малфой, пристально глядя на нее.

Она встретила с ним взглядом. Он стоял всего в нескольких дюймах от нее. Выражение его лица напомнило Гермионе о том мгновении, когда она впервые поцеловала его. Изумление. Затем мгновенная серьезность.

— Я не хочу быть жестокой. Но... если встанет выбор между мной или ими... или для защиты того, кто мне дорог, я сделаю это.

Он продолжал смотреть на нее сверху вниз еще мгновение, прежде чем слегка ухмыльнуться. Холодная мертвенность его глаз сверкнула, и Гермиона вдруг поняла, как близко они стоят друг к другу.

— Я так и думал, — тихо сказал Малфой и снова вернулся к мишени. — Еще десять заклинаний. Посмотрим, улучшится ли твоя точность теперь, когда ты поняла причину.

Гермиона бросила еще одну серию простых заклинаний через всю комнату, попадая в манекен каждый раз. Шесть из десяти заклятий попали в отметку.

— Продолжай, — приказал ей Малфой.

Она продолжала бросать заклинания, но отвлеклась, заметив, как он приблизился к ней и скрылся из ее поля зрения.

— Продолжай бросать заклинания, — раздался его голос прямо у нее за спиной.

Гермиона собрала с духом и попыталась продолжить, но волнение из-за того, что она не могла видеть его, но все еще ощущала его присутствие рядом, заставляло ее нервничать. Ее заклинания летели мимо манекена.

Малфой снова появился с другой стороны от нее.

— Продолжай колдовать, — повторил он.

Она продолжила, и ее точность снова улучшилась.

— Ты приросла к полу, — наконец сказал он, глядя на ее ноги.

Гермиона посмотрела вниз.

— Что это за поза? — сказал он, склонив голову набок и глядя ехидно, — у нас что, уроки фехтования?

Гермиона покраснела и зашаркала ногами.

— Дуэли на поле боя сильно отличаются от тренировочных. Ты должна уметь перемещаться куда угодно, черт возьми, если это даёт четкое понимание положения противника. Главное — уметь двигаться быстро. Нападение может произойти с любого направления... если только у тебя нет напарника, который прикрывает спину. Ты должна быть всегда готова к передвижению.

Он бросил заклинание через всю комнату в манекен.

— Теперь используй несмертельные заклинания, — сказал Малфой, — они срикошетируют туда, откуда были брошены.

Гермиона произносила заклинания медленнее, стараясь держаться на ногах и быстро отодвигаться, как только они покидали ее палочку. Она была полностью поглощена процессом и почти забыла, что Малфой кружил вокруг нее, наблюдая за ее техникой.

— Мерлин, Грейнджер, ты так напряжена, — пробормотал он прямо у нее за спиной. Она вздрогнула и подпрыгнула так сильно, что оказалась на пути оглушающего заклятия, летевшего через всю комнату.

Реннервейт.

Она проснулась и увидела Малфоя, склонившегося над ней со смесью удивления и раздражения на лице.

— Напряженная... как я уже сказал, — повторил он.

Гермиона села, тряхнув головой, чтобы прояснить ее. На ней не было ни единой царапины, а это означало, что она не упала на землю. Малфой вполне мог поймать ее. Мысль о том, что он держал ее в руках, пока она без сознания, была ужасающей. Интересно, сколько времени прошло?

Он встал и протянул ей руку. Гермиона неловко приняла ее и встала.

— Повторим еще раз, — приказал он, — и постарайся не заколдовать себя, когда я начну говорить.

Она закатила глаза и продолжила.

Когда ее реакция улучшилась, Малфой решил, что на сегодня вполне достаточно.

— Тренируйся в любое свободное время, — сказал он.

— Я тренировалась, — тихо сказала она. — Несколько недель назад у меня получилось еще хуже. Если ты можешь, конечно, это представить.

Малфой воздержался от того, чтобы ответить. Он просто задумчиво смотрел на нее.

— Ты слишком тощая, — сказал он.

Гермиона скрестила руки на груди, словно защищаясь.

— Тебе стоит наращивать мышечную массу и уделять большее внимание рукопашному бою, нежели технике дуэли. Особенно если мы в первую очередь сосредоточены на том, чтобы сохранить твою жизнь, пока ты бродишь по лесам в темноте. Тебе скорее попадётся стая гарпий или оборотней, чем банда Пожирателей Смерти.

— Я всегда смогу аппарировать, — напомнила она ему.

— Нет, не сможешь, — коротко ответил Малфой. — Поскольку население темных существ в Британии продолжает расти из-за войны, на огромных пространствах за пределами города будут установлены антиаппарационные барьеры. И когда-нибудь в твои места для сборов ингредиентов придут фурии, или гарпии, или вампиры, или кто-то ещё. И велик шанс, что в этот момент ты случайно обнаружишь, что не сможешь аппарировать.

Гермиона почувствовала, что бледнеет.

— Ты не знаешь, где именно их установят? — спросила она.

— Только малую часть. Я не отвечаю за это, и поскольку никто другой регулярно не ходит в одиночку через опасные леса до восхода солнца, большинство не считает это важной информацией. Так что будь осторожна. Я предполагаю, что ты не собираешься прекращать.

— Я не могу.

Он пристально посмотрел на нее и покорно кивнул. Затем достал свиток и протянул ей.

— Я продумаю режим тренировок, который не отнимет слишком много твоего драгоценного времени и не привлечет внимания.

— Хорошо, — согласилась она, совсем не ожидая этого.

Малфой внезапно снова стал выглядеть немного неловко.

— Что-нибудь ещё? — спросила Гермиона.

Взмахнув палочкой, он призвал большую книгу в выцветшем черном кожаном переплете и протянул ей.

Она неуверенно приняла ее.

Тайны наитемнейшего искусства.

— Ты нашел ее, — тихо сказала девушка.

— Надеюсь, она окажется полезной, — ответил он. И затем исчез.

Гермиона сунула книгу в сумку и поспешила обратно на Площадь Гриммо.

Она была в восторге от того, что Малфой разыскал книгу. Это был единственный известный экземпляр о крестражах, о котором Гермиона смогла найти хоть какое-то упоминание. Слизнорт сказал, что в Хогвартсе была копия, но он признался в этом только тогда, когда школа была захвачена Волдемортом.

Спрятав все приготовленные зелья в шкаф, она бросилась в библиотеку на Площади Гриммо, чтобы приступить к чтению.

Гермиона отсутствовала, обучаясь на целителя, когда было сделано открытие о том, что у Волдеморта имелись крестражи. Гораций Слизнорт признался, что Том Реддл расспрашивал его на эту тему, а Северус рассказал, что Дамблдор был смертельно ранен кольцом Гонта.

Постепенно Орден пришел к выводу, что Волдемортом каким-то образом создан больше одного крестража, хотя и было загадкой, каким образом ему это удалось, потому что никто не знал, как вообще работают темные предметы.

Они были почти уверены, что именно по этой причине Волдемортом смог возродиться после попытки убить Гарри в детстве. Крестражем являлся дневник Тома Реддла, который чуть не убил Джинни. Потом было фамильное кольцо семейства Гонт.

Но Орден не был уверен, сколько вообще их было, что это были за предметы или где их разыскать.

Они создали хронологию жизни Волдеморта после его окончания Хогвартса, пытаясь угадать, были ли другие моменты, в которых он мог создать крестражи.

Гермиона прочитала все разделы об этих предметах, которые были в новой книге. В ней подробно описывалось, как именно создавать крестраж. Требовалось убийство, чтобы разорвать душу, а затем заклинание, чтобы удалить часть души и привязать ее к другому объекту. Не было никакого упоминания о создании более чем одного крестража. Девушка задалась вопросом, должны ли эти вместилища душ быть неодушевленными или же они потенциально могут быть живыми сосудами, учитывая странную привязанность Волдеморта к его змее Нагайне.

Она выписала всю информацию на свиток, а затем аккуратно сложила всё в зачарованную охранными чарами сумку. Девушка положила ее рядом со столом и оставила для Грюма, чтобы он забрал ее. Они старались ограничивать встречи, чтобы не давать повод даже малейшим подозрениям. У Аластора Грюма не было особых причин встречаться с целителем Ордена каждую неделю.

Направляясь в свою комнату, Гермиона оценивала поведение Малфоя в их последнюю встречу.

Он принёс извинения. Это было довольно неожиданно.

Она вытащила блокнот из-под кровати и задумалась.

На прошлой неделе девушка оформила страницу, на которой подробно изложила свои лучшие предположения относительно морального кодекса Малфоя. Она перечитала записи, сделанные неделю назад.

«Считает себя лучше Волдеморта».

«Гордится своими моральными принципами».

«Верит в выбор».

«Рационализирует жестокость».

«Не верит в свою мстительность».

Гермиона добавила ещё одну заметку:

«Считает свое слово обязывающим. Пытается загладить вину, когда думает, что нарушил его».

Книга о крестражах, вероятно, была его способом купить ее прощение. Она гадала, поймал ли он ее при падении, потому что захотел или только по причине того, что испытывал чувство вины за нарушенное слово.

Она добавила:

«Думает, что прощение можно купить».

Это было очень полезной информацией.

Затем Гермиона закрыла блокнот и положила его обратно под кровать, аккуратно сменив защитные заклинания.

Девушка снова легла и уставилась в потолок. Она чувствовала себя измученной. Проспав всего несколько часов, Гермиона проснулась в четыре утра, чтобы пойти собирать запасы для зелий.

У нее уже кончилось противоядие Северуса для кислотного проклятия. И не осталось больше яда акромантула, чтобы сделать еще одну партию.

Проклятие было ужасным и медленно заживало. Ущерб, который оно наносило, был мгновенным и трудноизлечимым. Зелье, которое изобрел Северус, являлось обезболивающим средством, помогающим нейтрализовать кислоту и остановить ее дальнейшее разъедание кожи.

Северус оказался прав насчет того, как легко оказалось отразить это проклятие. Сильный щит мог бы остановить его, но оно все равно стало самой частой травмой, с которой сталкивалась больничная палата. Неважно, в какую часть тела заклинание попадало, восстановление шло слишком медленно.

Гермиона приготовила все болеутоляющие и нейтрализующие мази, какие только смогла придумать, но их эффективность меркла по сравнению с зельем, содержащим яд акромантула.

Девушка была в таком отчаянии, что уже подумывала о том, чтобы попытаться самостоятельно выследить акромантула. Она знала, что тот был под контролем Волдеморта вместе со всеми остальными темными существами.

Ее глаза внезапно распахнулись.

Возможно, Малфой сумеет заполучить яд. Если он все еще чувствовал себя немного обязанным, то мог бы согласиться.

На следующей неделе ее меткость значительно улучшилась. Она практиковалась с заклинанием рикошета на тренировочных манекенах на Площади Гриммо и стала более искусной в перемещении по кругу во время броска. Малфой выглядел смутно довольным.

Он еще больше критиковал ее фигуру и ходил вокруг нее, тщательно изучая ее технику так, что девушка чувствовала себя ещё дискомфортнее. Когда Гермиона закончила, он протянул ей свиток с описанием того, что она должна была сделать, чтобы привести себя в форму. Отжимания, прыжки, подтягивания и еще что-то под названием «берпи», которое Гермиона смутно припоминала из упоминаний своей кузины в прошлом. Кроме того, там было еще с полдюжины других упражнений.

— Твоя меткость достаточно улучшилась, гораздо важнее поднять твою выносливость до базового боевого уровня. Когда у тебя будет время, тренируйся, — сказал Малфой, указывая на свиток.

Гермиона слегка поморщилась, но молча сунула его в сумку.

— Есть какая-нибудь информация? — поинтересовалась она.

Выражение его лица слегка посуровело, а губы дернулись, как будто он колебался.

— Темный Лорд тайно покинет страну на следующей неделе. Это означает, что ответная атака Пожирателей на нападение Ордена будет немного запоздалой. Если Орден ждал подходящего момента, это может стать хорошей возможностью атаковать. Я бы не советовал пытаться снова захватить Министерство, но если направить одновременные атаки сразу на несколько тюрем, большая вероятность, что их не смогут защитить в полной мере.

— Я передам Грюму, — сказала она. Затем нерешительно посмотрела на него.

Он изогнул бровь и стал ждать.

Гермиона чуть было не спросила его о яде акромантула, но тут же растеряла своё красноречие.

— Тогда я пойду, — тихо сказала она.

Он аппарировал еще до того, как девушка вышла за дверь.

33. Флэшбэк 8.

Май 2002.

Новость об отъезде Волдеморта стала той возможностью, которую так долго ждали Грюм и Кингсли.

Все это время они незаметно анализировали полученную от Малфоя информацию: планы тюрем, режим смены караула. Они продумывали стратегию и ждали подходящего шанса.

Орден был готов к полноценной атаке.

Чарли, Гарри и Рон месяцами ждали серьёзного сражения.

В конце концов, все сработало идеально.

Это была самая масштабная операция Сопrotивления. В ней приняли участие почти все имеющиеся свободные бойцы. Они атаковали несколько наиболее крупных тюрем, а также Подразделение, занимавшееся разработкой проклятий.

Гермиона так переживала перед готовящимся штурмом, что почти довела себя до нервного срыва. Она следила, чтобы в больничном крыле всегда хватало лечебных зелий и трав. Старалась подготовиться к любым возможным травмам.

Гермиона старалась не задумываться об этом, но её одолевали опасения, что она, возможно, обрекла Орден на гибель. Что это был хитроумный план, придуманный Волдемортом и Малфоем, чтобы сломить Сопrotивление.

Девушка продолжала прокручивать в голове момент, в котором Малфой засомневался на долю секунды перед тем, как поделиться с ней новой информацией. Она боялась, что его сомнения могли быть признаком предательства.

Когда все отправились сражаться, в доме на площади Гриммо остались только Гермиона, Поппи и ещё несколько целителей, нервно ожидающих хоть каких-то новостей.

Гермиона едва не протерла дырку в полу, с тревогой расхаживая туда-сюда по коридору, пока наконец в больничное крыло не стали поступать первые жертвы.

Один за другим в палате появлялись умирающие или тяжело раненные люди.

Её одежда и руки были насквозь пропитаны кровью. Дом на площади Гриммо был временно полностью переделан под госпиталь, чтобы поместить всех пострадавших, нуждавшихся в помощи целителей.

Когда спустя несколько часов Гермиона узнала, что операция Ордена прошла невероятно успешно, то едва смогла в это поверить.

Сопrotивление сумело вызволить несколько сотен заключённых и превратить тюрьмы, где они содержались, в руины. Та же участь постигла Подразделение, занимавшееся изобретением проклятий.

Следуя совету Северуса, Орден совершил набег на лаборатории Пожирателей и смог раздобыть огромное количество редких и невероятно ценных ингредиентов для зелий, которые Гермиона мечтала достать в течение многих лет. Они принесли целый флакон яда Акромантула. Гермиона чуть не расплакалась, когда Падма вручила ей эту склянку.

Вызволённые из лабораторий выжившие волшебники находились в ужасном состоянии. Многие из них так жестоко истязали проклятиями, что они потеряли рассудок. Их тела были изуродованы до такой степени, что уже не поддавались восстановлению. Для многих из бывших заключённых не было надежды на выздоровление. Гермиона могла лишь облегчить их боль и надеяться, что их смерть будет быстрой.

Озлобленность на Северуса среди молодых членов Сопротивления, которые знали, чем он занимался в лабораториях, выросла до неконтролируемых размеров. Грюму пришлось временно исключить Северуса из собраний Ордена, чтобы избежать открытых конфликтов.

Для сражавшихся, не получивших никаких травм, битва длилась меньше суток. Для Гермионы и других целителей день сражения был только началом.

Они едва успевали уделять внимание огромному количеству бывших пленных, страдавших от недоедания и тяжелых повреждений, и лечить бойцов, получивших травмы во время захвата тюрем.

Волшебников с несложными повреждениями довольно быстро выписывали, чтобы освободить место для пострадавших со специфичными травмами, которые требовали особого лечения.

В течение нескольких недель у Гермионы не хватало времени ни на сбор трав в лесу, ни на встречи с Малфоем. Он несколько раз в срочном порядке вызывал её в хижину и забирал обратно планы и чертежи, в которых содержалась важная информация, а также предупреждал о готовящихся контратаках Пожирателей. Волдеморт был разгневан неожиданными победами Ордена и наносил удар за ударом в ответ. Он полностью сжёг маггловскую и магическую части Годриковой впадины, повесив кости Лили и Джеймса Поттеров на дереве, чтобы Орден нашёл их, когда придёт на место пожара.

Волдеморт совершил несколько нападений на маггловскую часть Англии, и Гермионе пришлось оказывать первую помощь пострадавшим магглам, чтобы Орден мог стереть им воспоминания и отправить лечиться в немагические больницы.

В течение трёх недель она дежурила по двадцать четыре часа в сутки с четырехчасовыми перерывами на сон, пока, в конце концов, у неё не перестало получаться колдовать от недосыпа. Поппи буквально силой вытолкала Гермиону из больничного крыла, сказав Грюму, что им придётся найти ещё целителей, если они не хотят, чтобы она умерла от истощения или совсем потеряла магические способности.

Девушка подозревала, что Орден взял в заложники нескольких целителей из больницы Святого Мунго и заставил их работать в те дни, когда она была вынуждена отдыхать. Помфри отказывалась отвечать на её вопросы и отводила

взгляд, стоило Гермионе завести разговор о заменявших её целителях.

Спустя почти месяц все наконец стало приходить в норму.

У Гермионы почти не осталось ингредиентов для зелий. Она решила отправиться в лес, чтобы отыскать нужные компоненты. Стоял конец июня, и все вокруг цвело, так что девушка смогла быстро пополнить запасы необходимых трав, прежде чем отправиться на встречу с Малфоем. В течение последних нескольких недель у неё едва было время подумать о нем.

Стоило ей переступить порог, как Малфой появился в хижине, слегка скривившись и едва заметно пошатнувшись после аппарации.

Они пристально посмотрели друг на друга.

— Выглядишь дерьмово, — наконец сказал Малфой.

— Спасибо за комплимент, — грубо ответила Гермиона.

— Что с тобой произошло? — спросил он.

— У Соппротивления, кроме меня, нет целителей с необходимыми навыками, — ответила она уставшим голосом.

Девушка внимательно посмотрела на Малфоя.

— Ты и сам выглядишь не лучше, — заметила она, окинув его взглядом. Это являлось сильным преуменьшением.

Его лицо было изможденным и болезненно худым. Кожа казалась серой и безжизненной, словно лист пергамента. Он выглядел так, словно совсем не спал с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Как ты можешь догадаться, Темный Лорд был немного огорчён внезапными победами Ордена, — ответил Малфой спокойным тоном.

Гермиона почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а в груди неприятно кольнуло. Она даже не задумывалась об этом... Получив нужную информацию от Малфоя, она сразу же поспешила передать её Ордену. Она переживала, что он может предать их, подсунув ложные сведения, но даже не подумала, чего ему будет стоить эта информация, если окажется правдивой.

— Что с тобой случилось? — потребовала она ответа, достав палочку и подойдя ближе к нему.

— Все в порядке, — ответил он сдержанно.

— Что он с тобой сделал?

— Отвали, Грейнджер, — сказал Малфой, скривившись, и отодвинулся от неё. Она заметила, что его пальцы слегка дрожали.

Гермиона проигнорировала его слова и наложила на него чары диагностики. Малфой даже не шелохнулся.

Появившаяся диаграмма показала, что на него накладывали Круциатус. Учитывая, что последствия пыток были видны до сих пор, возможно, его пытали так долго, что его организм был доведён почти до предела.

На диаграмме виднелось что-то ещё. Гермиона наложила на Малфоя более углубленные диагностические чары, пытаясь разобраться в показателях.

— Что... что произошло с твоей спиной? — разбирая результаты новой диагностики, ей с трудом удавалось сохранить твёрдость голоса. Диаграмма показывала какое-то невероятное переплетение темной магии и яда — Гермиона не была уверена, что правильно идентифицировала увиденное.

Лицо Малфоя слегка напряглось.

— Круциатус — идеальное наказание за любой проступок, — ответил он легким тоном. — Но используя его слишком долго, можно нанести необратимый вред мозгу. Поэтому порой требуются иные виды наказаний, которые будут постоянно напоминать о допущенной ошибке.

— Снимай рубашку, — потребовала Гермиона. Ей нужно посмотреть, что сделали с его спиной, иначе она не сможет разобраться в показателях диагностики. Из того, что девушка могла видеть прямо сейчас, она понимала лишь, что это было тяжелое комбинированное повреждение, подобных которому Гермиона никогда раньше не встречала.

— Оставь меня в покое, Грейнджер, — ответил он жестко. — Твой Орден получил то, чего так сильно желал, — Малфой слегка усмехнулся. — Я лишь надеюсь, что все это было не впустую и вы не вытащили из тюрем лишь бесполезную кучку калек.

— Позволь мне взглянуть на твою спину, — настояла она. — Просто позволь мне это сделать.

— Не притворяйся, что тебя это заботит, — холодно сказал Малфой. — Собираешься делать вид, что удивлена? Хочешь, чтобы я поверил, что ты не ждала именно этого? В конце концов, не ты ли первая, кто мечтает о моей смерти, как только я стану бесполезным для Ордена?

Горечь в его голосе была столь сильной, что Гермионе казалось, будто она чувствует ее привкус во рту. Вся комната была наполнена его разочарованием. Его одиночеством.

— Нет. Мне... Прости меня. Я не... — Она подошла ближе.

Неделями он жил в агонии из-за возможности, которую предоставил им. Учитывая его положение в армии Волдеморта, большая доля вины за успехи Ордена легла на его плечи даже при том, что никто не подозревал, что это Малфой позволил Спротивлению победить.

Она даже не подумала об этом. Не поблагодарила его. Она просто... не задумывалась о нем. Гермиона даже не представляла, чем для него обернутся победы Ордена.

— Мне так жаль, — сказала она, приблизившись к нему, едва держась на ногах от испытываемых чувства вины и ужаса. — Я была так занята работой... Я даже не подумала...

Гермиона расстегнула его мантию и осторожно сняла ее с плеч Малфоя. Он вздрогнул и поднял глаза к потолку, словно смирился с её действиями.

Расстегнув его рубашку, она встала за его спиной и постаралась как можно аккуратнее стянуть ткань с его плеч.

Взглянув на спину Малфоя, девушка задохнулась от ужаса.

На каждом его плече было выгравировано больше десятка рун. Кровоточащие рваные раны, расположенные по всей спине. Порезы были настолько глубокими, что, похоже, доставали до самых костей.

Раны были пропитаны темной магией. В таком количестве, что ее присутствие явственно ощущалось в комнате. Просто стоя рядом с рунами, девушка чувствовала, как покрывается холодным потом.

Гермиона читала, что когда-то существовали колдуны, проводившие темные рунические ритуалы на слугах, чтобы заставить их беспрекословно подчиняться. Но такие зверски жестокие церемонии не использовались уже больше тысячи лет.

Малфой находился в сознании, когда эти руны вырезали на его спине. Он чувствовал, как магия вступает в реакцию с кровью в его ранах.

Порезы выглядели совсем свежими, словно кожа на них не могла затянуться, хотя было件нятно, что им не меньше трёх недель. Раны на его спине были похожи на повреждения, наносимые оборотнями. Темная магия вызывала в его организме септическое воспаление.

Гермиона поднесла руку к его спине, но не стала дотрагиваться до кожи.

— Что он сделал с тобой? Драко, как проходил ритуал?

— Руны вырезали серебряным кинжалом гоблинской работы, отравленным ядом Нагайны. Мне сказали, что, возможно, раны когда-нибудь затянутся, — ответил он безжизненным голосом. — Ты ничего не сможешь изменить. Теперь, когда ты утолила своё любопытство, думаю, мы наконец-то можем заняться делами.

Он хотел повернуться к ней лицом, но Гермиона осталась стоять у него за спиной и наложила ещё несколько сложных диагностических чар. Её магические способности успели восстановиться, но она все ещё чувствовала легкое головокружение от недосыпа.

Смесь яда и темной магии образовывала под его кожей черные разветвляющиеся линии. Яд струился по венам на его спине, обвивая плечи и рёбра, словно стебли отравленной лозы. Он въелся ему под кожу и проникал в самую сущность его магии.

Гермиона призвала свою сумку с пола.

— Мне так жаль.. Я не могу это вылечить. Но, думаю, я смогу сдержать распространение яда. Пожалуйста, позволь мне попробовать.

Малфой взглянул на неё через плечо, но не сделал попытки отойти.

Гермиона сотворила сложное заклинание и затем очень аккуратно провела кончиком палочки по одной из линий под кожей Малфоя. Она направляла яд обратно от нижних рёбер к вырезанной руне, из которой он распространялся, а затем вытягивала тонкую нить яда заклинанием из пореза. Удалив яд, она поместила его в пустой пузырек, резким движением разрывая связь между нитью и кожей.

Малфой едва не упал на колени от боли. Из его горла вырвался почти беззвучный гортанный звук человека, привыкшего к пыткам.

— Что ты себе позволяешь? — наполовину прорычал, наполовину простонал он.
— Ты считаешь, что я все ещё недостаточно страдаю?

Гермиона положила ладонь на его руку, пытаюсь успокоить его.

— Прости. Я не пытаюсь причинить тебе боль. Мне нужно очистить раны от темной магии. Она ядовита. Если ты оставишь её под кожей, твое тело и магия начнут меняться из-за неё. Проникая в организм на клеточном уровне, тёмная магия приводит к необратимым изменениям. Она будет разрушать тебя изнутри. Такая магия сделала из вашего Темного Лорда того, кем он сейчас является. И, учитывая количество рун у тебя на спине, тебе останется жить не более нескольких лет. Твое тело или сознание не выдержат этого. Темная магия всегда очень дорого обходится волшебникам.

— Я в курсе, как работает темная магия, — прошипел Малфой. Его руки были сжаты в кулаки, а тело пробирала легкая дрожь.

— Тогда прошу, дай мне попробовать помочь тебе.

Драко немного опустил голову и едва слышно выдохнул, словно рассмеялся. Гермиона внимательно посмотрела на него. Он больше ничего не сказал.

Она вытянула из ран ещё две ядовитых полосы. На третьей Драко упал на колени. Он смертельно побледнел, а его кожа покрылась холодным потом.

Гермиона как можно мягче опустила руку на его плечо. Она ощущала под пальцами изгиб его ключицы и видела яростно пульсирующую вену на шее.

— Хочешь, чтобы я оглушила тебя? — спросила девушка тихо. — Так я смогу работать быстрее. Это никак не отразится на эффективности лечения. Но тебе придётся довериться мне.

Малфой замер. Очевидно, он раздумывал над её словами.

— Действуй, — сказал он спустя минуту. — Ты и так можешь убить меня в любой момент, когда посчитаешь нужным.

Она прижала его тело к своему.

— *Ступефай*, — сказала Гермиона мягко и подхватила Драко, когда он обмяк в ее руках. Отработанным движением она наложила на его тело чары Левитации и опустила его на пол, подложив под голову свернутую мантию.

Гермиона работала быстро. Она уже когда-то использовала такую целительскую технику во время обучения в Албании. Девушка лечила молодого волшебника, который сам вырезал на своей коже руну, не понимая законов, по которым работает темная магия, и который чуть не поплатился за своё незнание жизнью.

Пока Малфой был без сознания, ничто не мешало чувству вины полностью поглотить Гермиону.

Она должна была предвидеть это. Должна была проверить его состояние раньше. Она боялась, что уже опоздала. Что яд успел проникнуть слишком глубоко.

Гермиона полностью очистила все порезы на спине Драко, и теперь перед ней стояли восемь склянок, наполненных смесью яда и темной магии. Ей нужно будет уничтожить их в магическом пламени.

Она осторожно заколдовала руны на его плечах чарами, сдерживающими распространение темной магии. Этому заклинанию её научил Северус: благодаря ему он когда-то смог сдержать проклятие на кольце Марволо Мракса и не дать ему распространиться по телу Альбуса Дамблдора. Учитывая, что магия разошлась по всей спине Малфоя, Гермиона сомневалась, что чары возымеют какой-то эффект, но все равно решилась попробовать.

Раны на коже Драко были специально вырезаны так, чтобы не нанести ему смертельного вреда. Их использовали, чтобы причинить ему боль и изменить качество его магии. Ему подписали смертный приговор, который будет растянут во времени и станет постепенно лишать его жизни. Темное колдовство и рунические ритуалы, связанные с магией крови, были древними и невероятно могущественными разновидностями магии.

Гермиона прочитала символы на его спине.

Они не являлись обычной рунической клятвой. Волдеморт решил не использовать привычные руны, заставляющие волшебника быть преданным и честным. Он проклял Малфоя с целью исключить возможность ошибок в исполнении его приказов. Руны, выгравированные на спине Драко, заставляли его быть решительным, коварным, безжалостным, непреклонным; стремящимся к достижению идеального результата.

Гермиона не знала, насколько эффективными были рунические клятвы на крови, но она подозревала, что чрезмерная вера Волдеморта в способность Темной метки контролировать его последователей невольно спасла Малфоя жизнь. Если бы он был вынужден жить с выгравированными на коже рунами преданности и честности, то ему, скорее всего, пришлось бы признаться в своём предательстве. Вместо этого Волдеморт, сам того не желая, с помощью рун дал Драко возможность делать все, что тот захочет.

Гермиону ужасало, насколько бесчеловечным был этот поступок. Раны на спине Малфоя не выглядели как рядовая боевая травма, полученная мгновенно в сражении и требующая времени на восстановление. Магический ритуал явно

занял не один час, Малфой оставался в сознании и был связан, пока руны вырезали на его плечах. Аккуратность и идеальное выведение каждого пореза. Непрерывное использование темной магии. Время, которое требовалось, чтобы вытереть кровь перед следующим разрезом. Не было необходимости вводить кинжал так глубоко под кожу, но острие ножа врезалось почти до костей, чтобы доставить Малфой дополнительные мучения. Для исполнения клятвы было достаточно нанести её на кожу, магия не требовала вырезать руны на костях волшебника. Он также находился под действием Круциатуса либо перед ритуалом, либо сразу после завершения. Вероятно, его пытали несколько раз.

Гермиона почувствовала себя нехорошо только от одной мысли об этом.

Она достала из сумки флакон с экстрактом бадьяна. У неё в запасе оставалось всего несколько склянок с ним.

Девушка вытащила щупальца растопырника и смешала их с десятью каплями экстракта бадьяна, превратив их в мазь, которую нанесла на порезы. Она не могла исцелить их, но хотела попытаться снять боль и снизить действие яда, чтобы помочь ранам заживать быстрее. Потом она наложила на спину Драко защитные чары, чтобы даже без повязок нанесённая мазь оставалась в порезах.

Гермиона осторожно погладила его руки, ощущая напряжение в его мышцах после пережитого Круциатуса. Похоже, он все-таки проходил лечебную терапию с целителем.

Волдеморт явно не хотел нанести Малфой смертельный вред, но он точно не испытывал никаких угрызений, пытая его почти до предела физических возможностей.

Для Волдеморта Малфой был оружием. Он провёл рунический ритуал, чтобы сделать свое оружие ещё более смертоносным. Превратить его в безжалостного последователя, век которого не будет долгим.

Темная магия разрушала организм волшебника с течением времени. По этой причине темные волшебники редко доживали до ста лет. Они сходили с ума, или их тела не выдерживали напора магии. Учитывая количество подобной магии, которое было наложено на Драко, при хорошем раскладе ему оставалось жить около десяти лет. Возможно, у него была всего пара месяцев, прежде чем он начнёт медленно лишаться рассудка. Он и до этого всегда был окружён темной магией.

Гермиона поднесла руку к кулону на шее и покрутила цепочку в пальцах, задумчиво рассматривая Малфоя.

Она коснулась его правой руки. По сравнению с его длинными пальцами, её собственные казались совсем небольшими. На его ладонях были мозоли от полетов на метле и работы с палочкой.

Гермиона мягко помассировала его кисть. Его пальцы подёргивались от её прикосновений, хотя тело должно было сохранять неподвижность под действием Оглушающего заклятия. Она постукивала кончиком палочки по болевым точкам на его руке, посылая легкие вибрации в напряженные мышцы и помогая им прийти в норму.

Когда его пальцы наконец полностью расслабились, Гермиона продолжила сгибать и массировать их, пока они не перестали дрожать от её прикосновений. Такие спазмы могли стоить волшебнику жизни, потому что нарушали точность движений палочки во время магической дуэли.

Продолжая массировать его руки, она склонила голову набок, разглядывая лицо Драко. Оно было расслабленным, потерявшим своё обычное жесткое и холодное выражение. Он выглядел грустным.

Гермиона испытывала такое сильное чувство вины, что это причиняло ей почти физическую боль. Она чувствовала себя идиоткой. Она должна была предвидеть это. Его запросто могли убить.

В отличие от неё, Малфой понимал, что его ожидает наказание. Он на мгновение засомневался, когда делился с ней новой информацией...

Он мог подготовиться заранее. Мог превратить операцию Ордена в ловушку. Он точно знал, на какие тюрьмы они собирались совершить нападение.

Что Малфой тогда ей сказал?

«Реакция на атаку Ордена будет запоздалой. Если Сопротивление ждало подходящего момента для нападения, то это станет идеальной возможностью. Если вы захватите сразу несколько тюрем, ответная атака Пожирателей будет... ещё более неорганизованной».

Он подарил Ордену возможность впервые за много лет одержать масштабную победу. Драко продумал план операции и позволил им привести его в действие. Это он обеспечил запоздалую и неорганизованную реакцию со стороны Пожирателей.

Мотив, который заставлял Драко шпионить для Ордена, явно был для него важнее всего остального.

Гермиона села с другой стороны от него и наложила на него разновидность Оживляющих чар, которые должны были медленно привести его в сознание. Этот вид чар позволял волшебнику не испытывать головную боль и головокружение после Оглушающего заклинания.

Пока Малфой возвращался в сознание, Гермиона продолжала посылать кончиком палочки легкие вибрации по мышцам другой его руки, а затем массировала их. Стоило ему окончательно прийти в себя, она почувствовала, как тотчас же напряглось все его тело.

Гермиона предполагала, что он оказал ей несвойственное ему доверие, когда позволил насладиться Оглушающее заклинание. Не в его природе было доверять кому-то. Она продолжала массировать кисть его руки, когда Драко повернул голову и посмотрел на неё. Гермиона чувствовала на себе его взгляд, но продолжала работать, не поднимая глаз.

— Необязательно делать это, — сказал он через несколько минут. — У меня уже назначена встреча с целителем сегодня вечером.

— Если это тот же целитель, который абсолютно ничего не сделал с ранами на

твоей спине, то я бы предложила скормить этого идиота гигантскому кальмару,
— ответила она резко.

Он поднял голову и с болезненной гримасой посмотрел через плечо на свою спину.

— Что ты сделала?

— После того, как я очистила порезы от яда и магии, я наложила на обработанные руны Защитные чары. Я не могу полностью вылечить их, но надеюсь, что заклинание сдержит тёмную магию и не позволит ей продолжать отравлять твой организм. Я наложила на раны мазь из экстракта бадьяна и растопырника. Она должна помочь снять боль. Я полагаю, что ты и так уже принимаешь Обезболивающие зелья?

Драко коротко кивнул. Гермиона осторожно водила пальцами вверх и вниз по его руке, чувствуя знакомые мозоли на его ладонях, проверяя его мышцы на наличие остаточных спазмов. Она склонилась ближе к нему и, прошептав привычное заклинание, снова кончиком палочки пустила по его руке легкие вибрации, а затем помассировала её.

— Надеюсь, что это поможет порезам исцелиться быстрее. Но я ничего не могу сделать со шрамами и магией, которую несёт в себе рунический ритуал. Мне так жаль... Я должна была проверить твоё состояние раньше. Если бы я пришла раньше, возможно, мы могли бы удалить часть костей твоей спины и вырастить их заново прежде, чем темная магия успела бы проникнуть глубже. Сейчас, даже если я сделаю это, руническая клятва все равно будет действовать...

— Это не имеет значения, — сказал он, резко выдернув руку из её хватки и поднявшись с пола. Любое движение должно было вызывать у него адскую боль, но Драко не издал ни звука. Он лишь сильнее побледнел и едва заметно пошатнулся, распрямляясь. — Как ты и упоминала, ты была довольно занята. Не похоже, чтобы ты проводила это время на пляже, принимая солнечные ванны и нарочно игнорируя своего подопечного Пожирателя Смерти. Мое исцеление никогда не входило в твои обязанности.

Очевидно он чувствовал себя немного лучше, учитывая, что в его слова вернулся привычный сарказм.

— Я должна была прийти раньше, — повторила она снова. — За твоими ранами нужно следить. И желательно ежедневно наносить мазь, которую я использовала сегодня, для достижения лучшего результата...

— Что, к сожалению, невозможно.

— Я могу приходить каждый день, — сказала Гермиона. — Нанесение мази займёт всего несколько минут. Если ты сможешь выделить на это немного времени утром или вечером. Я буду приходить.

Он пристально посмотрел на неё.

— Серьёзно? У тебя есть на это время? — иронично спросил Малфой.

— Я найду время.

Казалось, он раздумывал над чем-то несколько секунд.

— Хорошо. Встретимся в восемь часов вечера. Если ты сможешь прийти, я тоже появлюсь. Если же нет — не имеет значения.

— Я приду.

Гермиона помогла ему надеть и застегнуть рубашку. Она остановилась, когда ей осталось застегнуть последние пару пуговиц.

— Мне так жаль, Драко, — сказала она.

Он опустил взгляд на её лицо и приподнял бровь.

— Если бы я знал, что, немного полечив меня, ты станешь такой фамильярной, то никогда бы не позволил тебе этого.

Она застегнула последние пуговицы на его рубашке и подняла на него взгляд.

— Не хочешь, чтобы я называла тебя Драко? Просто я решила, что довольно странно все ещё обращаться друг к другу по фамилиям спустя столько времени. Если мы оба переживем войну и ты не захочешь избавиться от меня после всего этого, нам предстоит ещё долго находиться в компании друг друга.

Он закатил глаза, явно сомневаясь в её словах.

— Обращайся ко мне как хочешь, Грейнджер. Я не собираюсь ничего менять.

Как предсказуемо.

Она подозревала, что обращение к ней по фамилии было для Драко ещё одним способом сохранять дистанцию между ними. Поэтому Гермиона решила, что пришло время самой начать использовать его имя.

Человеческое подсознание всегда стремится сохранять дистанцию с другими людьми в целях самозащиты. Если Гермиона хотела стать ближе к Малфою, ей нужно было первой преодолеть защитные механизмы своего разума.

— Появилась новая информация на этой неделе?

Он коротко кивнул, а уголок его рта слегка дернулся.

— Заново отстроенное Подразделение по разработке проклятий будет располагаться в Сассексе. На этот раз выделен гораздо больший бюджет, так что это будут огромные лаборатории. Также они собираются организовать исследовательский отдел. Опыты будут проводиться на заключенных.

Гермиона сглотнула.

— Естественно.

— Хогвартс собираются превратить в тюрьму. Замок окружён достаточным количеством защитных чар, так что станет подходящей заменой всем

разрушенным тюрьмам. На данный момент Хогвартс проверяют на наличие любой магии, которая может воспротивиться новому режиму.

Что-то внутри Гермионы сжалось при упоминании школы. Когда они покидали Хогвартс, они постарались взять с собой все, что могли, но портреты и домовые эльфы были привязаны к замку. Пришлось оставить их там. Её губы слегка скривились.

— Уверена, магия школы будет бороться с посторонним вмешательством, — сказала она.

— Без сомнения. Такое решение было принято, потому что Тёмный Лорд надеется, что новость об этом приведёт Поттера в ярость. И... ещё это последняя возможность поиздеваться над Дамблдором.

Гермиона резко подняла на него взгляд, а затем сразу отвела глаза, когда он произнес имя их бывшего директора. Она заставила себя сохранять спокойное выражение лица.

— Я прослежу, чтобы Гарри был готов и не наделал глупостей.

Драко ответил на её слова кивком головы.

— Тогда до встречи завтра, — сказала Гермиона и снова окинула его взглядом. — Береги себя... Драко. Мне очень жаль.

Уголок его губ слегка дернулся, прежде чем он сжал челюсти, и его лицо снова приобрело привычное жесткое и сосредоточенное выражение. Драко собрался с силами, прежде чем аппарировать прочь.

Примечание к части

Арт к главе.

Автор bookloverdream. "Руны Драко" <https://bookloverdream-blessedindeed.tumblr.com/post/185947808684/senlinyuwrites-and-her-amazing-story-manacled>

34. Флэшбэк 9.

Июнь 2002.

На следующий вечер Гермиона выскользнула из дома после ужина, заявив, что ей понадобилось молоко с рынка на соседней улице.

Войдя в хижину, она неловко остановилась, гадая, появится ли Драко. Девушка подозревала, что он совсем не ждал ее прихода.

Он появился внезапно с резким треском, поморщившись от боли.

Девушка изумленно уставилась на него. Раньше он всегда был полностью одет: рубашка, мантия и плащ на всякий случай. И хотя она дважды раздевала его до пояса, оба случая были в основном связаны с работой, и сразу же после исцеления Драко одевался.

Сегодня он был одет только в брюки и рубашку на пуговицах. Полностью в чёрном. Отсутствие мантии подчеркивало, насколько высоким и гибким он являлся. Драко был похож на пантеру: чёрную, холодную и опасную.

В практическом смысле отсутствие верхней одежды было логичным решением. Меньше слоев снимать. Меньше веса, давившего на раненую спину. И все же это казалось странно интимным.

Драко резко призвал стул и, оседлав его, принялся расстегивать рубашку.

Он зашипел и задохнулся, когда дернул плечами, чтобы снять ее.

— Боль немного уменьшилась? — спросила она и нерешительно положила руку ему на плечо. Его кожа все еще была неестественно холодной. Прикосновение к нему вызвало у нее дрожь страха, когда он слегка дёрнулся, и его мускулы задрожали под ее пальцами.

— Немного, — сказал он после небольшой паузы.

Взмахом волшебной палочки Гермиона осторожно убрала остатки компресса бадьяна и растопырника, а затем наложила очень нежное Очищающее заклинание на все раны.

Драко дернулся, уронив голову на спинку стула.

— Блять, Грейнджер! — зарычал он, костяшки его пальцев побелели там, где он сжимал стул.

— Я уже закончила, это было Очищающее, — сказала она. — Мне жаль. Я должна была его наложить. Волшебники могут быть невосприимчивы к большинству инфекций, но неизвестно, для чего еще использовали этот нож. Или какими свойствами обладает яд Нагайны. Он может нейтрализовать твой естественный иммунитет.

— Небольшое предупреждение в следующий раз не помешает, — сказал он слегка дрогнувшим голосом.

— Извини. Большинство людей предпочитают не знать. Некоторым после предупреждения становится только хуже.

— Я бы предпочел быть в курсе.

Гермиона внимательно осмотрела руны. На нее нахлынуло холодное ощущение отчаяния. Щупальца темной магии уже снова начинали выползать из рун. Вероятно, она опоздала. Руны будут продолжать отравлять его.

Девушка нерешительно положила руку на плечо Драко.

— Сейчас... сейчас опять будет больно. Ты... хочешь, чтобы я тебя оглушила?

Он оглянулся на нее и внимательно посмотрел ей в лицо. Что-то мелькнуло в его глазах на мгновение, и выражение его лица стало жестче.

— В этом действительно есть смысл? — спросил Драко.

Гермиона вздрогнула и опустила глаза.

— Позволь мне попробовать, — тихо сказала она.

Драко пристально смотрел на нее еще с минуту, а потом слегка фыркнул и, недоверчиво покачав головой, отвернулся.

— Ладно. Еще один раз, — сказал он, прежде чем положить голову на спинку стула.

Гермиона снова оглушила его.

Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы убрать все следы темной магии. Затем она наложила несколько диагностических чар, пытаясь распознать структуру ритуала и найти что-то, что помогло бы нейтрализовать или обратить его действие.

Ритуал полностью вступил в свою силу.

Она опоздала.

Она провела пальцами по его спине, раздумывая, как ей поступить.

Он, скорее всего, был в курсе. Гермиона была почти уверена: он знал, что эти руны в конечном счете убьют его.

Постепенный смертный приговор как расплата за его помощь Ордену. Чего бы он ни хотел, помогая им, это не являлось долгосрочной целью. Учитывая цену, которую Драко заплатил, она сомневалась, что он собирается узурпировать власть Волдеморта. Если он это сделает, его правление будет недолгим.

Драко был нужен Ордену. Первая Волшебная война длилась одиннадцать лет. Когда Гермиона рассказала Грюму о том, что сотворили с Драко, и предложила вылечить его, он велел ей сделать все, что в ее силах.

Если Гермiona не сможет найти способ остановить разрушение его тела, им сильно повезет, если Драко продержится долго. И даже если это случится, вряд ли он останется таким же хорошим шпионом.

Гермiona протянула руку и провела кончиком пальца по цепочке на шее. Задумчиво покрутив ее в течение нескольких минут, она вытащила амулет из-под рубашки.

Девушка пристально посмотрела на солнечный диск. Затем расстегнула цепочку и сняла амулет. Прижав к нему кончик волшебной палочки, она сняла ряд оберегов и защитных чар, прежде чем положить его на пол. Гермiona резко наступила на амулет и почувствовала, как стекло крошится под ее каблуком. Когда она убрала ногу, среди красных осколков и искореженного металла лежал маленький белый камешек.

Гермiona не притронулась к нему. Взмахнув палочкой, она подняла камень, и он завис в воздухе. Девушка чувствовала исходящую от него магию. Из-за нее окружающий воздух гудел. Она аккуратно потянула Драко на себя, стараясь не давить на руны.

Еще одним движением палочки Гермiona перевернула камень и опустила тот на левую сторону его груди, прижав к обнаженной коже.

Он начал светиться все ярче и ярче, пока ей не пришлось зажмуриться. Затем она увидела, как свет медленно погрузился в его кожу и исчез.

Гермiona продолжала смотреть на него, гадая, произойдет ли что-нибудь еще, будут ли сразу заметны какие-нибудь изменения. У неё не было достаточно информации о том, как именно работал этот процесс.

Она наложила диагностику и осмотрела его. Драко был лишен сна и жил на высокой дозе качественного обезболивающего; мышцы были повреждены Круциатусом, а также имелись неразборчивые и искаженные изменения в области спины от последствий рунической магии, порезов, яда и ритуального проклятия. Диагностические чары не показывали больше ничего аномального. «И это хорошо», — подумала она, ведь именно так все и должно было происходить.

Через минуту, когда ничего так и не случилось, Гермiona осторожно наклонила Драко вперед на спинку стула.

Она снова наложила мазь, которую изготовила, нанося ее так легко, как только могла, прежде чем сменить Сдерживающее заклинание и все защитные чары.

Затем девушка сунула остатки амулета в карман и вернула Драко в сознание.

Он резко поднял голову и встал. Гермiona осторожно натянула рубашку на его плечи. Он смотрел на нее сверху, пока она застегивала его рубашку, прежде чем взглянуть на него. В его глазах читалась усталость.

Гермiona импульсивно протянула руку и коснулась его щеки. Она почувствовала, как его челюсть слегка дернулась под ее рукой, пока она изучала выражение его лица. Ей показалось, что его кожа стала чуть менее холодной.

Его глаза сверкнули, а уголок рта дернулся, но он не убрал ее руку.

— Мне надо идти, — сказала Гермиона, — увидимся завтра вечером.

Драко ничего не сказал, когда она покинула хижину и аппарировала прочь.

На следующую ночь из рун больше не вытекали ни яд, ни следы темной магии. Гермиона никак не прокомментировала это. Она спокойно убрала старый компресс, очистила порезы, снова наложила мазь, а затем тщательно сменила все заклинания.

Драко с каждой ночью становился все молчаливее. Он напрягался и слегка задыхался от боли, пока Гермиона промывала раны, и редко что-то говорил, если девушка не задавала ему вопрос.

— Это ведь не будет подозрительным... что кто-то исцеляет тебя? — резко спросила она через несколько дней.

Драко на мгновение замер, а затем тихо рассмеялся.

— Тебе только сейчас это пришло в голову?

Гермиона вспыхнула.

— Обычно исцеление не вызывает беспокойства.

Он покачал головой.

— Нет никаких приказов, запрещающих исцелять меня. Если тебе это каким-то образом удастся, то вряд ли это будет впервые, когда я преуспею в чем-то, вопреки невероятным шансам. — Его губы слегка скривились. — Так что, конечно, продолжай тыкать в меня своей палочкой.

Гермиона продолжила работать, не говоря больше ни слова.

К своему небольшому огорчению, она обнаружила, насколько редко кто-то обращал внимание на ее отсутствие. Ей даже не нужно было придумывать никаких оправданий, чтобы каждый вечер покидать Гриммо.

Гарри, Рон и Джинни отправились на поиски зацепок по крестражам. Гермиона поняла, что несколько артефактов основателей Хогвартса пропали еще при жизни Волдеморта, и поэтому Орден поручил Гарри попытаться разыскать их. Гермиона подозревала, что у Кингсли и Грюма было мало надежд на то, что ее друг что-нибудь найдет; она полагала, что это был просто способ удержать Гарри от настойчивого участия в каждом сражении.

Благодаря данным, предоставленным Драко, Грюм и Кингсли начали одобрять более рискованные и амбициозные атаки. Эти решения были вызваны частично возможностями, которые Драко предоставил Спротивлению, но прежде всего тем, что ситуация уже была катастрофической. Орден был вынужден либо идти на риск, либо признать то, что они не в состоянии выиграть войну.

Несмотря на успешные атаки, они все равно были в кошмарном положении.

У них появились сотни новых бойцов, которых нужно было кормить и содержать,

и в то же время их ресурсы в Европе неуклонно истощались, поскольку власть Волдеморта набирала силу. Французское Сопротивление почти исчезло. Они получили известие, что Хагрид и Олимпия Максим были схвачены и казнены вскоре после нападения на тюрьму. Вся Восточная Европа была под твёрдым контролем Пожирателей Смерти, в то время как северные европейские страны были настолько заняты сдерживанием наступающих сил Волдеморта, что могли оказать мало поддержки.

У Ордена заканчивались деньги. Заканчивались ресурсы. Сопротивление продолжало держаться только за счёт своих личных запасов и тайных пожертвований. Бойцам Сопротивления было трудно найти работу в маггловском мире.

Гермиона почти полностью опустошила собственный банковский счет, лично оплачивая поставки зелий, поскольку Орден был вынужден неоднократно сокращать ее бюджет, даже когда потребность в целебных зельях резко возросла.

Они еще не умирали с голоду. Но Гермиона уже начала подозревать, что Кингсли добивается именно такого результата.

Иногда она сомневалась, что даже победы над Волдемортом будет достаточно. Даже если бы он умер, с тем контролем, которым обладали сейчас Пожиратели Смерти, существовал хороший шанс, что кто-то просто придёт ему на смену.

Когда эта мысль посещала ее голову, рассуждения Гермионы всегда возвращались к Малфою.

Ей еще только предстояло увидеть настоящую демонстрацию его способностей, но, судя по тому, что Орден знал о нем, он считался одним из вероятных преемников в случае смерти Волдеморта.

Грюм и Кингсли были почти уверены, что это было истинным мотивом Драко, заставившим его шпионить для Ордена.

По словам Северуса, Темная метка состояла из нескольких элементов. Она позволяла Волдеморту вызывать к себе последователей, где бы они ни находились. Также она позволяла ему всегда находить последователей — они не могли сбежать. И наконец, Темная метка мешала носителям атаковать своего хозяина. Даже если Малфой считал себя в состоянии убить Волдеморта, он не мог использовать магию против него. Драко понадобится кто-то другой, чтобы нанести ему смертельный удар.

Гермиона иногда тоже думала, что целью Драко было стать следующим Темным Лордом, но после рун она стала сомневаться в этом выводе. В нем было что-то более беспощадное и озлобленное, чем честолюбие. Смертоносность и холодная ярость больше походили на отчаяние, чем на гордость и амбиции.

Когда она сказала Грюму, что Драко не требовал от нее Непреложного Обета, блеск в глазах Грюма заставил ее заподозрить, что он собирается использовать ее, чтобы в какой-то момент убить Драко.

Она старалась не думать об этом.

Она не могла думать о том, чтобы убить его.

Она не могла стоять возле него каждую ночь, пытаясь исцелить руны, вырезанные на нем, и думать о том, чтобы убить его, когда он перестанет быть полезным. Такая холодность превосходила даже ее способность к окклюменции и стратегическому мышлению.

Ее пальцы слегка дрожали, когда Гермиона накладывала защитные чары на порезы. Изначально она попыталась использовать бинты, но яд продолжал сочиться сквозь них.

— Я закончила, — тихо сказала девушка, бережно натягивая его рубашку на плечи.

Выйдя из хижины, она не сразу аппарировала на Площадь Гриммо. Вместо этого Гермиона спустилась по тропинке и продолжила свой путь по деревне Уайткрофт.

Травма Драко разъедала ее решительность. Заставляла ее сворачивать с намеченного пути к цели.

Пожиратель Смерти. Убийца. Шпион. Ее цель. Оружие Ордена.

Она снова и снова повторяла про себя этот список. Но ее выверенная убежденность казалась абсолютно пустой.

Гермиона подошла к ручью и посмотрела на темную воду, сверкающую в лунном свете, пока пыталась заставить себя снова мыслить стратегически. Она засунула руки в карманы, а затем зашипела, выдергивая правую руку. Девушка обнаружила, что ее указательный палец слегка кровоточит. Кусочек ее амулета поранил кожу. Она совсем забыла о нем.

Гермиона вытащила осколки из кармана и бросила их в ручей, прежде чем залечить царапину.

«Он убил Дамблдора», — напомнила она себе. Возможно, он просто пытается стать следующим Темным Лордом.

Пожиратель Смерти. Убийца. Шпион. Ее цель. Оружие Ордена.

Но потом Гермиона вспомнила его упрек: что она знала, что с ним произойдет. Что она только притворяется, что ей не плевать на него и его травмы. Что она, вероятно, надеется, что он умрет, как только перестанет быть полезным. Горечь и смирение в его голосе преследовали ее.

Возможно, он ожидал, что однажды она предаст его.

Эта мысль заставила что-то внутри Гермионы дрогнуть, как будто это осознание ранило ее изнутри.

Почему он не заставил ее заключить Обет?

Чего он хотел? Окружавшая его тайна притягивала все ее мысли к нему. Заставляла становиться одержимой каждой деталью. Пытаться понять, что же в

конечном счете движет всеми его непоследовательными поступками.

Сближение, затем отталкивание, которые сквозили в его отношении к ней, ощущались как ураган. Его высокомерие и одиночество. Она не нравилась ему, несмотря на весь «интерес», который побудил его требовать Гермиону. Казалось, он *не желает* иметь с ней ничего общего.

Но Малфой настолько изолировался от людей, что не мог заставить себя полностью оттолкнуть ее.

Все было именно так, как и говорил Северус. Она была ошибкой с его стороны. Даже при том, что он, казалось, подозревал ее в манипулировании, их сближение было неизбежным и, очевидно, непреодолимым.

Драко был не единственным, кто попал в эту ловушку.

Гермиона знала, что он использует ее. Использует Орден. Она знала, что он был жестоким, опасным манипулятором, ответственным за бесчисленные смерти людей. Но по мере того, как она пыталась его разгадать, его судьба становилась все более трагичной, а сам он — пугающе человеческим.

Она прижала ладони к глазам и глубоко вздохнула, пытаясь избавиться от сочувствия.

Гермиона чувствовала, что как только узнает, каковы его истинные мотивы, то сможет вырвать эту симпатию, растущую внутри нее.

Она не чувствовала вины за то, что манипулировала им, но не была уверена, что у нее хватит решимости в конце концов убить его.

Иногда девушка с горечью спрашивала себя, считают ли Грюм и Кингсли, что для нее не существует никаких границ. Сделав ее сначала шлюхой, а потом убийцей. Неужели они решили, что она захочет этого?

Иногда ей казалось, что они ведут ее в преисподнюю и смотрят, как она проходит через адские врата. Интересно, они довольны наличием у себя такого человека, который будет страдать, когда и как им будет выгодно?

Грюм был ее направляющим. Он сделал ее инструментом для достижения цели. Какие бы ни были у него сомнения, когда он впервые попросил ее отдаться Малфою, он все равно пошел дальше. Она была полезной. Отличной пешкой для Ордена. Ключом к тому, что им действительно было нужно.

К Малфою.

По сравнению с ценностью Драко, Гермиона была приемлемой потерей.

Если Гарри и Волдеморт были королями по обе стороны доски, то Малфой был второй по значимости фигурой после Волдеморта. Заполучить его стоило того, чтобы пожертвовать почти всеми остальными пешками. Он был не ограничен в ресурсах и смертельно опасен. Ключевая фигура.

Это имело смысл. Стратегически — она видела логику. Понимала, что это необходимо.

Но по человеческим меркам это осознание было таким болезненным, что она едва могла дышать.

Она ненавидела себя.

Она ненавидела Грюма. Ненавидела Кингсли.

Они будут и дальше забирать у неё частицы ее души, пока к концу войны не останется ничего, кроме пепла.

Но на самом деле они не забирали. Гермиона отдавала сама. Они не требовали от нее ничего, что она не готова была отдать добровольно.

«Ради Гарри и Рона», — напомнила она себе.

«Это того стоит».

Но что-то внутри нее подсказывало, что война развращает ее. Меняет. Превращает в существо, которое она всем сердцем возненавидит.

«Тьма проникает в твою душу», — так всегда говорил Гарри.

Неважно, насколько непоправимой трагедией она считала убийство Дамблдора и ответственность Драко за это. Если Гермиона когда-нибудь предаст Драко, то это будет не менее тяжким грехом, чем его собственные.

Но она все равно уже делает это.

Минерва была права. Гермиона была готова проклясть себя, если это означало победу в войне.

Она спустилась вниз по берегу ручья, собрала несколько камней и начала складывать их в кучу.

Ее мать много путешествовала до замужества и рассказывала Гермионе, как в Корее люди складывают камни, каждый из которых символизирует их желание и молитву.

Матери строили большие молитвенные башни для своих детей.

В детстве Гермиона строила башни на заднем дворе, много молясь за друзей. Искренние пожелания, которые оставались без ответа в течение многих лет, пока она не добралась до Хогвартса.

Гермиона заложила фундамент для башни из больших камней для Гарри и Рона.

«Пусть они живут, — молилась она. — Пусть они переживут эту войну. Пожалуйста, не дай мне их потерять».

Затем она положила камень для Джинни. Фреда. Джорджа. Чарли. Билла. Молли и Артура.

Перси погиб во время захвата Министерства.

— Пожалуйста, пусть они продолжают жить, — пробормотала она.

Гермиона добавила камни для Ремуса и Тонкс, Невилла, Поппи и Северуса, Минервы и сирот из Кейтнесса. Она боялась, что будет слишком эгоистичной, если включит всех членов Ордена и Соппротивления. Башня уже слегка покачивалась.

Она подняла последний камень и заколебалась.

Если башня упадет, ее желания не сбудутся.

Она посмотрела на последний камень в своих руках, слегка проведя по нему пальцами. Он был ледяным, но покалывание от его холода медленно исчезало, пока она колебалась, снова и снова поворачивая его в руках.

Может быть, ей не стоит его ставить.

Возможно, это будет слишком эгоистично.

Она чуть не бросила его обратно в ручей.

Потом Гермиона прикусила губу и положила его на верхушку.

«Если есть какой-то способ, не делай меня ответственной за смерть Драко», — молилась она.

Башня покачнулась, но не упала. Девушка с облегчением выдохнула и чуть не расплакалась.

Она вымыла руки в ручье и посмотрела на построенную ею башню.

Это был всего лишь глупый суеверный ритуал. Он ничего не значил.

Но она отдала почти все войне, и этого все равно было недостаточно. Суеверие — это все, что у нее осталось.

Она произнесла заклинание, отталкивающее магглов от каменной башни, и аппарировала прочь.

Гермиона продолжала исцелять Драко каждую последующую ночь. Яд в сочетании с рунической магией делал рану одной из самых тяжелых, с которыми она когда-либо сталкивалась. Что бы девушка ни делала, порезы не заживали. Он должен был находиться в больнице или на постельном режиме, а не аппарировать и шпионить для Ордена, одновременно выполняя приказы Волдеморта.

Она рылась в старинных изданиях по целительству и допоздна варила зелья, которые, как Гермиона надеялась, могли бы исцелить или, по крайней мере, ослабить боль, но ничего из того, что она пробовала, не помогало. Яд Нагайны являлся нейтрализатором любого вида исцеления, магического или не магического свойства.

В конце концов, его действие должно было сойти на нет. Когда змея укусила

Артура в министерстве, яд исчез через несколько дней. Но руническая магия взаимодействовала с ядом, и он продолжал разъедать раны. Гермиона не могла просто удалить его из организма Драко.

Менять компрессы с экстрактом бадьяна и растопырника и не дать появиться инфекции — вот и все, что могла сделать Гермиона, пока яд не исчезнет сам по себе.

Через несколько недель Драко наконец заговорил с ней.

— Будь осторожна с поисками в лесу, — резко произнёс он, когда она снимала с него рубашку.

Гермиона ответила не сразу.

— Я осторожна. Накладываю заклинания обнаружения каждый раз, когда аппарирую куда-то, чтобы убедиться, что поблизости нет антиаппарационных барьеров. И вся моя одежда защищена чарами.

— Темный Лорд хочет, чтобы Орден был разгромлен в течение года. Его власть становится более стабильной в Европе. Он увеличивает свою армию и вводит новые ресурсы.

Гермиона почувствовала, что холодеет.

— И в соответствии с моим нынешним положением, — добавил он, — мне в собственность предоставили мантикору. Я не имею ни малейшего представления, что мне с ней делать.

Небрежная манера, с которой Драко объявил об этом, заставляла думать, что ему дали нежеланного спаниеля, а не одного из самых смертоносных, полумразных темных существ в волшебном мире.

— Тебе предоставили мантикору? — повторила она. Ей пришлось выдать из себя эти слова, ее грудь словно сдавило.

— Мне сказали, что она только наполовину выросла. Макнейр сообщил мне, что ее бросили в моем поместье, — сказал он с раздраженным выражением лица, застегивая рубашку.

— Тебе позволено ее убить? — сказала Гермиона, глядя, как его бледная кожа исчезает под черной тканью.

— Ну... я сомневаюсь, что это было изначальным планом, но к ней не прилагалось инструкций.

— Кровь мантикоры невосприимчива к большинству видов магии. Ты, вероятно, мог бы создать с ее помощью очень полезное оружие.

Он повернулся и посмотрел на нее сверху вниз.

— Например?

Гермиона заколебалась, а затем протянула руку, чтобы закончить застегивать

его рубашку и поправить воротник. Они стояли так близко, что их тела почти соприкасались. Она почувствовала запах кедра на его одежде и осторожно положила руку ему на грудь, чувствуя биение сердца под своими пальцами. Девушка на мгновение прикусила губу, прежде чем обратить на него взгляд. Его губы изогнулись в легкой усмешке, когда он посмотрел на нее сверху вниз, его глаза потемнели, когда она взглянула на него в ответ.

— Я читала, что гоблинские ножи или наконечники стрел, пропитанные ядом мантикоры, могут прорезать защитные чары, — медленно произнесла она. — Одежда, пропитанная их кровью, будет невосприимчива почти ко всем видам магии. Ее защитное действие не исчезнет с одежды с течением времени.

Глаза Драко сузились.

— Ну и что? — спросил он, внимательно наблюдая за ней. — Думаешь, я должен убить свой подарок от Темного Лорда, а затем использовать его для изготовления зачарованных предметов для Ордена?

— Нет, — сказала она, убрав руку и опустив взгляд. — Даже если бы ты сделал это, я не смогла бы дать никаких объяснений, каким образом их заполучила. И большинство членов Ордена все равно не стали бы ими пользоваться. В конце концов, мантикоры — существа, порождённые темной магией. — На последних словах ее тон стал горьким. Она резко вздохнула. — Большинство бойцов Сопrotивления были бы убиты, если бы столкнулись с мантикорой на поле боя. Существуют, вероятно, около сотни людей, которые знают, как убить хотя бы одну. Так что... если бы ты мог придумать предлог, чтобы избавиться от нее до того, как твой хозяин решит выпустить ее, это было бы намного предпочтительнее.

Она придвинулась еще ближе и нервно коснулась тыльной стороны его руки.

Она будет умолять... Гермiona сделает все, чтобы убедить его.

Он резко отдернул руку, и на мгновение она приготовилась к его раздражению. Но потом Драко схватил ее за подбородок и запрокинул ее голову назад, пока ее глаза не встретились с его. Какое-то время он изучал выражение ее лица, пока она смотрела на него.

Он наклонился к ней, и ей показалось, что он собирается поцеловать ее.

— Всегда такая прагматичная.

Она почувствовала, как слова коснулись ее губ.

Затем он резко отпустил ее подбородок и отступил. Его глаза сверкнули, когда он заметил ее замешательство.

— Не умирай, Грейнджер. Я могу начать скучать по тебе, — сказал Драко, ухмыляясь, прежде чем с треском исчезнуть.

Примечание к части

Арты к главе

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CAG5Ljenv6u/>
<https://www.instagram.com/p/CAIhmHmnNMW/>

35. Флэшбэк 10.

Июль 2002.

Во вторник Гермиона почувствовала себя параноиком, отправляясь на поиски ингредиентов для зелий, но её вылазка в итоге обошлась без инцидентов.

Позднее тем же утром, когда она аппарировала в хижину, Драко уже ждал её там.

— Итак, вернёмся к дуэлям, — сказал он, крутя палочку в руках, когда Гермиона появилась в дверном проёме.

Она замерла и слегка побледнела.

Девушка быстро взяла себя в руки, она была готова... к подобному развитию событий. Напоминая себе, что Драко, скорее всего, снова придумает что-нибудь гадкое, как только почувствует себя лучше. Видимо, причиняя ей боль, он надеялся сохранить дистанцию в их отношениях.

Гермиона приложила много сил, чтобы вылечить последствия его наказания. Гораздо больше, чем во время исцеления его после схватки с оборотнем. И если он решит, что она вышла за рамки, исцеляя его руны... тем самым сокращая расстояние между ними, то сделает все что угодно, чтобы снова увеличить его.

Гермиона знала это...

Но все равно чувствовала, как ее внутренности сжимаются от одной мысли о его наказании.

Девушка опустила взгляд, стараясь сохранить нейтральное выражение лица.

— Хорошо, — сказала она и бросила сумку на полу возле двери, наложив на неё охранные чары.

Лицо Малфоя оставалось холодным и расчётливым, пока он наблюдал за ней из другого конца комнаты.

— Хочу посмотреть, улучшились ли твои навыки в уклонении от заклинаний. Надеюсь, мне не придётся приводить тебя в чувство после каждой атаки...

На последних словах Гермиона едва заметно вздрогнула.

— Главное не целься мне в руки, — перебила она Малфоя. — Я не смогу работать... если ты снова повредишь мои руки.

Драко раздраженно сузил глаза.

— Иди к черту, Грейнджер, я не собираюсь проклинать тебя, — грубо ответил он. Драко резко взмахнул палочкой в её сторону, и Гермиона почувствовала, как об её руку ударилось что-то холодное и... мокрое.

Она опустила взгляд на свою ладонь, с тыльной стороны которой стекали капли

воды.

— Я понимаю, что ты считаешь меня абсолютным монстром, — сказал Драко сухо. — Но я, как правило, придерживаюсь своих обещаний. Надеюсь, обычная вода не оскорбит твоих чувств.

Гермиона все ещё изумленно смотрела на свою руку. Наконец она подняла взгляд на Малфоя и покраснела.

— Прости, — пробормотала она.

— Неважно. — Его лицо ожесточилось. — В первую очередь меня интересует, как ты двигаешься. Однако ты можешь попытаться проклясть меня, если, конечно, сумеешь попасть.

Малфой встал в довольно небрежную дуэльную стойку и подождал, пока она сделает то же самое.

Гермиона повторила его позу и слегка склонила голову в поклоне, прежде чем наслать на него проклятье, сковывающее движения. Он отбил заклинание слабым движением палочки.

Драко кинул в неё с десятков капель воды одновременно, и она с легкостью отразила их невербальным Протего.

Гермиона наслала на него несколько Оглушающих подряд, и он снова отбил их, не сделав ни единого шага в сторону.

— Почему тебя так интересуют мои движения, если ты сам совсем не двигаешься во время дуэли? — спросила она, снова бросив в него проклятье, сковывающее движения, и несколько других заклинаний, блокирующих ноги.

— Потому что это... даже дуэлью назвать нельзя, — ответил он с кривой ухмылкой и, отразив её заклинания, выпустил из палочки очередную струю воды. Несколько капель попало Гермионе на ногу. — Твои Щитовые чары не защищают тебя полностью. Либо прекрати использовать их и уворачивайся от проклятий, либо окружи защитным барьером всё своё тело.

Девушка покраснела и уклонилась от очередной партии капель, летящих в её сторону, одновременно бросая в Малфоя несколько несложных проклятий в ответ.

— Ты даже не пытаешься попасть в меня, — сказал он, нахмурившись. — Ты же понимаешь, что дуэли — это важная часть моей жизни. Я сражаюсь с оборотнями, Пожирателями смерти, твоим Орденом... Особенно часто это происходит в последнее время, многим Пожирателям теперь кажется, что моя травма — это отличная возможность занять мое место.

Гермиона чуть не споткнулась и с ужасом уставилась на Малфоя.

— Что? — спросила она шокированно. Если бы на его месте стояли Рон и Гарри, она бы дала им подзатыльники после этих слов.

Очередная порция воды попала ей между бровей.

— Сосредоточься! — выкрикнул он и прижал руку ко лбу с обреченным выражением лица. Однако это не помешало ему отбить Ножное проклятие, брошенное в него Гермионой. — Ты безнадежна. Мерлин, именно поэтому вы и проигрываете войну.

— Я — целительница, — ответила она раздраженно. — Если ты хотел, чтобы я пыталась навредить тебе всерьез, нужно было рассказать мне о том, как ты наслаждаешься, мучая и убивая котят.

— Каждый вечер перед сном, — невозмутимо согласился он, прежде чем бросить очередную порцию капель. Половина хижины уже была покрыта водой.

— Хочешь сказать, что все это время ты участвовал в дуэлях? — потребовала ответа Гермиона. Она остановилась и просто яростно смотрела на Малфоя, лишь отмахиваясь от летящих в неё капель воды, которые он продолжал посылать в неё.

Драко закатил глаза.

— Если ты вдруг забыла, я — Пожиратель Смерти, — заметил он. — Не понимаю, почему тебя так это удивляет.

— Ты ранен! Я думала, что даже у Пожирателей Смерти есть хоть какие-то представления об этичности, — Гермиона буквально закипала от злости.

— Что ж, значит, ты ошибалась. Тёмный Лорд придерживается принципа «выживает сильнейший», несмотря на немагическое происхождение этого правила. Именно на нем основывается его стремление поработить всех магглов. Если нынешняя травма делает меня слабым и неспособным защищать своё положение в рядах Пожирателей, значит, я его не заслуживаю.

— И что? Получается, каждый, кому вздумается, может в любой момент напасть на тебя? — зло спросила она, продолжая отгораживаться от летящих в неё капель Щитовыми чарами. На полу комнаты становилось всё больше воды.

— Конечно, нет, — Малфой одарил её снисходительной ухмылкой. — Внутренние распри плохо влияют на нашу сплоченность в бою. Поэтому дуэлям отведено специально назначенное время. Они проводятся раз в неделю в присутствии Темного Лорда. Нам запрещено убивать друг друга или наносить серьёзные увечья.

— Это просто отвратительно.

— Современный человек — это более опытный и мудрый дикарь, — процитировал Малфой.

Гермиона изумленно взглянула на него.

— Откуда ты знаешь Дарвина и Торо?

— Как говорится, «если ты знаешь своих врагов и знаешь себя, ты можешь победить в сотнях сражений без единого поражения*», — ответил он с ухмылкой. — Мы, безнравственные и неэтичные Пожиратели Смерти, все-таки умеем

читать. Темного Лорда не волнует, на что я трачу своё свободное время, пока я продолжаю приносить ему победы.

Вдруг он резко вздохнул и прекратил посылать в неё струи воды.

— Ты ведь даже не пытаешься атаковать меня, не так ли? — спросил он раздраженно, взмахом палочки избавляя их от воды под ногами.

Гермиона слегка покраснела.

— Я потратила много времени, пытаюсь исцелить тебя и избавить от боли. Я не хочу навредить тебе ещё больше, — признала она с неохотой.

— Ты чертова идиотка, — выплюнул он, прожигая её взглядом. — Думаешь, Пожиратели Смерти ответят тебе тем же? Даже если ты будешь лежать на земле, истекая кровью, они будут продолжать насыпать на тебя проклятья, просто потому что считают это забавным.

— По-моему, и так понятно, что из меня получился бы довольно никудышный Пожиратель Смерти, — гневно ответила Гермиона.

— Бесспорно. Но я надеялся, что в тебе достаточно прагматичности, чтобы сражаться, используя все свои навыки.

— Я могу быть прагматичной. И когда необходимо, я могу быть жестокой. Но я не буду пытаться нанести тебе вред прямо сейчас.

Она закусила губу и отвела взгляд.

— Ты... — начала Гермиона. — Ты спас жизни нескольких сотен человек. И, возможно, никто никогда об этом не узнает. Тебя даже наказали за это. Поэтому... я не собираюсь причинять тебе боль. Не тогда, когда ты ранен.

Она неловко замолчала. Малфой вздохнул и пристально посмотрел на неё. Он рассматривал её с холодным и расчётливым выражением лица. Повисла долгая пауза.

— Ты знала, что я был там, когда Пожиратели разыскали семью Криви? — спросил он легким тоном.

Гермиона замерла. Казалось, она была бы меньше шокирована, если бы он сейчас залепил ей пощечину. Девушка резко подняла на него взгляд, пока он продолжал говорить.

— Сразу двое магглорожденных волшебников в одной семье магглов. Практически аномалия. Они были в приоритете у Пожирателей. Тёмный Лорд хотел, чтобы их смерти были... впечатляющими.

— Ты... — выдавила Гермиона. Слова застряли в горле, которое словно сдавило тисками ужаса.

— Если бы ты слышала, как кричали эти магглы, когда их пытали. Моя дорогая тётушка Белла просто обожала использовать Круциатус. Помнишь, что она сделала с родителями Долгопупса? Она решила повторить тот же трюк с семьей

Криви. Мальчишки попытались сбежать. Сообразительные малые. Им хватило ума понять, что родителей они не спасут.

Гермиона почувствовала себя так, словно ее ударили. Снова и снова. Она пыталась дышать, но легкие не хотели ей подчиняться. Горло продолжало сжиматься, не давая ей вздохнуть.

— Конечно, через какое-то время твой Орден прибыл за ними, но было уже слишком поздно, — безжалостно продолжил Драко. — Криви-старший откусил себе язык и умер в луже собственной крови. Их мать буквально выпотрошили и развесили ее органы по всей гостиной. Пока остальные разбирались с родителями, мне было велено поймать мальчишек. Отыскать их не составило труда: они шумно переговаривались между собой и старались держаться вместе. Спрятать свою семью на отшибе было ошибкой с их стороны — особенно учитывая то, что они даже не могли сразу аппарировать. Младший из братьев наступил в барсучью нору и сломал ногу. Ему пришлось ползти по траве. Довольно легкая мишень для Убивающего проклятья. Он был вторым, кого я ударил в спину. Ну ты уже знаешь... смертельным проклятием.

Рука Гермионы дернулась вперед раньше, чем она успела осознать, что делает. Из её палочки вырвалось Режущее проклятье и полоснуло по щеке Малфоя. Он даже не поморщился, когда из глубокого пореза выступила кровь и потекла по его лицу. Он подошёл ближе к ней.

— Знаешь, — продолжил он мягким голосом, — каждое Убивающее проклятие будто отнимает что-то у тебя. Это заклинание не из тех, что запросто получают у любого. Особенно тяжело накладывать Аваду несколько раз подряд. Колин мог бы и дальше бежать. Если бы он это сделал, то, возможно, сегодня был бы еще жив... Но он остановился. Увидев своего мертвого брата, он остановился и вернулся назад, пытаясь тащить его тело на себе...

— Это ты был тем... — прохрипела она, чувствуя, что может умереть от поглотившего ее ужаса, — кто сделал...

Малфой приподнял бровь и одарил её холодной ухмылкой.

— Хочешь узнать, не я ли в ответе за тот кошмар, который навсегда отпечатался в твоей памяти?

Гермиона боялась, что, если она попробует что-то ответить, её тут же вырвет. Палочка дрожала в её руке, и она не знала, чего ей хочется больше: закричать или заплакать. Малфой приблизился к ней вплотную. Гермиона никогда не считала себя способной пытать кого-то Круциатусом, но, увидев блеск в его глазах, девушка почувствовала, что сейчас готова пойти на все.

— Это был не я, — сказал он мягко, и Гермиона словно вышла из какого-то транса. — Это сделал Долохов. Он только что изобрёл новое проклятие и хотел испробовать его. Это заклятие нелегко наслать: противник должен находиться достаточно близко. Если бы Колин не остановился тогда... проклятие не смогло бы его задеть.

Гермиона прижала ладони ко рту и стала оседать на пол. Из её горла вырвался приглушённый всхлип.

Малфой опустил на колени рядом с ней и приподнял её подбородок, заставив посмотреть на него. Его взгляд был холоден.

— Вот чего на самом деле стоят ваши гриффиндорские принципы. Все эти благородные правила. Не оставлять товарищей на поле боя, даже погибших; не добивать лежачего противника; не использовать тёмную магию. Вселять в бойцов веру в героизм и человечность. Каждый раз, когда тебе захочется последовать этим принципам, помни, *почему* Колин попал под проклятие и как он умирал в мучениях на твоих руках. Ты даже не представляешь, сколько членов Сопrotивления я смог убить только потому, что они верили в сказки о силе Добра и Света.

Он отпустил её подбородок и поднялся с пола.

— Если ты не научишься сражаться хладнокровно, ты умрешь. Тот факт, что тебя все ещё не убили во время одной из прогулок по лесу, можно считать подарком судьбы. Думаю, ты достаточно разумна, чтобы больше не полагаться только на свою удачу. Если ты поняла меня, я ожидаю, что в следующую нашу встречу ты будешь настроена более решительно.

Он кинул свиток пергамента рядом с её ногами и аппарировал прочь.

Гермиона ещё долго просидела на влажном полу хижины. Её била дрожь.

Никто не говорил с ней о Колине.

Из-за сочувствия к Гарри и Гермионе друзья старательно избегали этой темы в разговорах.

Гермиона спрятала воспоминания о смерти Колина в глубины своего сознания, но они продолжали кровоточить и разъедать ее изнутри, словно незаживающая рана. Обучая её окклюменции, Малфой должен был видеть, как сильно это ее мучило.

Но использование его смерти как способа доказать ошибочность её принципов было слишком жестоко даже для Малфоя. Гермионе казалось, что её тело сковало онемением от разбуженных воспоминаний.

В жизни Гермионы осталось не так много вещей, которые она считала неприкосновенными.

Её тело больше не было неприкосновенным.

Как и её душа.

Но смерть Колина... Это воспоминание было слишком личным. Слишком болезненным. Оно повлияло на ее отношения с друзьями. Заставило отправиться учиться в Европу. Привело к тому, что сейчас она находилась в этой хижине. Привело её к Малфоя, который использовал это воспоминание, чтобы растоптать то малое, что все ещё оставалось в ней от того человека, которым она была раньше.

Гермиона крепко прижимала руки к глазам, пока те не начали болеть, стараясь собраться с мыслями.

Когда она наконец-то заставила себя подняться с пола и аппарировать на Площадь Гриммо, её смена уже успела начаться.

Гермиона не помнила, как пролетел день. Она чувствовала себя удивительно отстраненной. Словно её и весь остальной мир разделяло толстое стекло.

Её день был полон обычной больничной рутины. С наступлением вечера она занялась приготовлением зелий.

Орден отчаянно нуждался в большой партии Напитка Живой Смерти. Это зелье помогало справляться с заключёнными. Они не убивали пойманных Пожирателей, но у них не хватало ресурсов, чтобы держать их в тюрьмах. Так что пленных погружали в состояние магической комы в одном из убежищ, на которое были наложены чары Ненаносимости. Пойманные Пожиратели находились под присмотром Билла и Флёр Уизли. Будучи ликвидаторами заклятий, пара следила за магическими барьерами и поддерживала их вокруг этого места.

Гермиона сидела и ждала, когда истекут две с половиной минуты, оставшиеся до готовности зелья. Она взглянула на наручные часы. Было почти восемь часов вечера.

Девушка вздохнула и закрыла лицо руками. Ей не хотелось снова видеть Малфоя. Если она пойдёт на встречу, то, скорее всего, не сдержится и врежет по его злобному лицу.

Вероятно, он и не ждал, что она появится сегодня.

Её палочка издала короткий звук, указывающий, что необходимое время уже прошло, и Гермиона добавила в зелье остатки корня валерианы.

Снадобье приобрело светло-розовый оттенок.

Она наложила на котёл Защитные чары и убрала его в сторону.

Гермиона взяла в руки баночку с мазью и покрутила её в ладонях. У неё почти не осталось экстракта бадьяна. Она использовала немало мази, пытаясь исцелить руны на спине Малфоя. Гермиона постаралась не думать о том, сколько других раненых она смогла бы вылечить с помощью того количества экстракта бадьяна, которое потратила на Драко. Постаралась не оценивать, насколько важной была его жизнь по сравнению с жизнями других людей. Она пыталась не считать, скольких он спас и убил. И как дорого им обходилась полученная от него информация.

Он убил Дамблдора. И развязал войну. Все смерти, которые последовали после этого, были на его совести. Сколько бы жизней он ни спас, он никогда не сможет расплатиться за это.

Возможно, если он поможет им одержать победу в войне — это станет достаточным искуплением. Если они выиграют, он сполна расплатится за свои грехи.

Она горько улыбнулась про себя.

Драко Малфой оставался тем же человеком, которого Гермиона знала до этого. Просто теперь она узнала о нем немного больше.

Она не могла понять его. Почему его так разозлило ее нежелание причинять ему боль, когда он и так был сильно ранен. Его раздражение и жестокость казались совершенно беспричинными. Гермиона чувствовала, словно она каким-то образом разрушила тот хрупкий мир, которого они достигли в отношениях друг с другом.

Но провоцировать её упоминанием о Колине было слишком низко с его стороны даже по представлениям Гермионы.

Может быть, он действительно не хотел, чтобы она погибла.

Девушка усмехнулась. Даже если так и было, скорее всего, он переживал, что вместо неё к нему приставят кого-то без навыков в окклюменции.

Не дав себе времени на размышления, Гермиона положила баночку с мазью в карман и вышла из комнаты, собираясь на встречу с Малфоем. Она аппарировала в хижину на четыре минуты раньше положенного.

Она чувствовала усталость, даже просто находясь в этой лачуге.

Гермиона опустилась на стул и достала из кармана фотографию. На ней были запечатлены она, Рон и Гарри, сидящие за гриффиндорским столом в Большом зале. Их засняли во время обеда, и на их лицах можно было увидеть легкое раздражение от того, что их сфотографировали в таком виде. Снимок был сделан Колином.

Она всегда смотрела на него, когда чувствовала себя подавленно.

Гермиона положила фотографию обратно в карман. Она скрестила руки на столе перед собой и опустила на них голову.

Может быть, ей стоит выпить сегодня порцию зелья Сна без сновидений, когда она вернётся на Площадь Гриммо. Гермиона чувствовала, что впереди ночь, полная кошмаров. Они словно никогда не покидали её, ожидая момента, когда она будет слабой и уставшей, чтобы присниться ей.

За этот месяц девушка уже успела принять снотворное зелье восемь раз. Ей до сих пор снились кошмары с пострадавшими от пыток, которых доставили к ним из Подразделения по разработке проклятий.

Она так старалась исцелить их. Так старалась спасти.

Но Гермиона никак не могла им помочь. Почти все из пострадавших через какое-то время умерли. Ей пришлось подвергнуть эвтаназии остальных, чтобы избавить от бесконечных мучений, которые ожидали их, когда они придут в сознание. Она больше ничего не могла сделать для них.

Если Гермиона снова выпьет зелье Сна без сновидений, то нарушит правило, которого заставляла придерживаться всех остальных. Кроме случаев, когда это было необходимо для исцеления, никому нельзя было принимать больше восьми

склянок снотворного в месяц.

Хотя, конечно же, никто не узнает, если она это сделает. Гермиона была единственной, кто вел учёт зелий в Ордене. У Сопротивления было слишком много других дел, чтобы ещё и приставлять к Гермионе человека, который следил бы за тем, как она выполняет свои обязанности. Тем более едва ли у кого-то хватило бы познаний в зельях, чтобы трезво оценивать её работу. Девушка все равно смогла бы найти пути, чтобы сделать так, как ей захочется.

Но нарушить это правило было все равно что ступить на скользкую дорожку. Сначала она примет девятую склянку со снотворным. После этого решиться на десятую будет очень легко. А затем и на одиннадцатую.

Пока в какой-то момент зелье не перестанет действовать.

И ей будет нужно что-то с более сильным эффектом.

Северус предупреждал её об этом. Мастера зельеварения могли применять свои навыки совсем не для благих целей.

Быть может, вернувшись домой, она найдёт Невилла и попросит у него немного травы. Или отыщет Чарли и одолжит у него бутылку огневиски.

Но Гермионе не хотелось быть под кайфом. В любом случае, ей было нельзя. Она должна была всегда оставаться в трезвом уме на случай, если кому-то понадобится неотложная помощь.

Она могла бы напиться. У неё всегда оставалось про запас несколько склянок с Отрезвляющим зельем в шкафах с ингредиентами. Но она едва ли находила общий язык с Чарли, даже когда была трезвой.

Ей так хотелось с кем-нибудь поговорить.

Каждая встреча с Малфоем была для Гермионы подобна удару под дых. После них она чувствовала себя эмоционально опустошённой. Но, возвращаясь на Площадь Гриммо, девушка должна была делать вид, что с ней не происходит ничего особенного.

Она жила в доме, полном людей, но чувствовала себя невыносимо одинокой.

Послышался слабый щелчок аппарации. Гермиона устало подняла голову и посмотрела на входящего в хижину Малфоя. Его лицо как всегда было холодным и безразличным.

Ей хотелось расплакаться или сбежать куда-нибудь. Или насрать на него какое-нибудь темное проклятье и бросить одного в этой хижине.

Она проглотила нахлынувшие эмоции и встала.

Малфой расстегнул рубашку и оседлал стул. Гермиона не произнесла ни слова, помогая ему стянуть ткань с плеч и принимаясь за работу.

— Я собираюсь использовать Очищающее заклинание, — сказала она механическим голосом. Девушка досчитала до трех и взмахнула палочкой у рун

на его спине.

Затем она быстро нанесла мазь. Экстракт бадьяна сумел почти полностью нейтрализовать яд. Похоже, можно было наконец-то попробовать исцелить раны. Если так пойдёт и дальше, то, возможно, на следующей неделе ей даже удастся зашить порезы. Сам процесс исцеления займёт несколько часов. Ей нужно будет следить, чтобы новая кожа на спине не была натянута слишком туго и не мешала ему двигать плечами.

Гермиона не хотела разговаривать с ним, но заставила себя произнести:

— Если у тебя будет время на следующей неделе, я могу попробовать зашить твои раны. Процедура займёт около трёх часов. Я свободна с восьми часов вечера до пяти утра. В течение дня у меня обычно много других дел в Больничном крыле.

Малфой ничего не ответил.

Она наложила на его спину Защитные чары и помогла ему натянуть рубашку. Затем девушка развернулась и вышла из хижины, не сказав больше ни слова.

Стоял прохладный летний вечер. Гермиона слегка поежилась и пошла по узкой дорожке, ведущей к деревне. Она решила, что сегодня хорошенько напьётся.

Остановившись возле паба, Гермиона засомневалась. Она всегда много болтала, когда напивалась. Девушка не могла пойти в маггловский бар и начать рассказывать там, как много людей умерло на её руках. Даже если ей удастся притвориться, что она доктор в неотложном отделении, если ей начнут задавать вопросы, она точно выболтает что-нибудь лишнее.

Гермиона пошла дальше по улице, пока не нашла рынок, где купила бутылку портвейна. Её родителям всегда нравилось пить его на праздничных ужинах.

Она спустилась к ручью, возле которого строила молитвенную башню из камней. Гермиона удивленно остановилась. Оба берега покрывали заросли камыша, которых она не помнила здесь раньше. Само место казалось теперь другим. Более тёплым. Окружённым магией. Она наложила на берег заклинание, отталкивающее магглов, и более сложные Охранные чары. Затем открутила крышку бутылки и сделала большой глоток.

Девушка вспомнила, как кто-то говорил ей, что можно напиться быстрее, если пить через трубочку. Гермиона не знала, правда ли это, но решила все равно заколдовать её для себя. Она подсчитала, что у неё есть несколько часов до смены в Больничном крыле. Этого времени было достаточно, чтобы напиться, вдоволь поплакать, сидя под мостом возле ручья, и немного протрезветь, прежде чем отправиться обратно на Площадь Гриммо.

Гермиона не успела поужинать, поэтому алкоголь быстро ударил ей в голову.

Она сидела в зарослях камыша и плакала.

Она ненавидела Малфоя. Как он посмел потребовать её, сделать её изгоем и напомнить ей о семье Криви. Она так хотела придушить его собственными руками.

Резко поднявшись, Гермиона взяла верхний камень со своей молитвенной башни и бросила его в воду.

От её неосторожного движения вся башня затряслась и с грохотом рухнула в воду. Задохнувшись от ужаса, девушка стала собирать мокрые камни, пытаясь отстроить её заново.

В таком состоянии её движениям не хватало ловкости и координации, которые были необходимы для возведения новой башни. Сделав несколько неудачных попыток, Гермиона обессилено села в воду, продолжая плакать.

Она давно не чувствовала себя такой жалкой, но сейчас ей было всё равно. Девушка подумала о том, что ей следовало купить две бутылки портвейна вместо одной.

— Какого черта ты здесь делаешь, Грейнджер?

* цитата из трактата Сунь-Цзы «Искусство войны»

Примечание к части

Арт к истории

Автор bombina62 <https://www.deviantart.com/karinkacherryb/art/Manacled-829064367>

36. Флэшбэк 11.

Июль 2002.

Гермиона резко подняла голову и увидела Малфоя, стоявшего на дороге. Она была слишком уставшей и злой, чтобы смущаться из-за того, что ее нашли пьяной и плачущей в ручье.

— Отвали, Малфой, — сказала она, шлепнув ладонью по воде так, чтобы та брызнула в его сторону.

— Ты что, пьяна? — спросил он.

— Нет, придурок, я сижу в ручье абсолютно трезвая, — ответила девушка, закатив глаза. — Проваливай отсюда. Я не хочу с тобой разговаривать. Я не хочу видеть твое мерзкое лицо. Если бы я могла забыть о твоём существовании, не рискуя положением Ордена, то сделала бы это в мгновение ока.

Она снова заплакала.

— Черт бы тебя побрал, — выругался Малфой, глядя на нее сверху вниз с тем же раздражением, которое читалось на его лице, когда он рассказал ей о подаренной ему мантикоре. — Грейнджер, ты не можешь сидеть и рыдать в ручье, — наконец сказал он.

— Вообще-то могу, — возразила она. — Кроме тебя, здесь никого нет. Я уже зачаровала эту местность. Никто из магглов не подойдет и не заметит меня. Я тщательно спланировала свой эмоциональный срыв, а ты все портишь. Поэтому... просто проваливай отсюда.

Ее голова казалась тяжелой, и Гермиона уронила ту на колени. Ей было холодно сидеть в ручье, но девушка твердо решила не двигаться, пока Малфой не уйдет.

Раздался приглушенный хлопок, а затем крепкая хватка внезапно сомкнулась на ее руках, и она обнаружила, что ее вытаскивают из воды.

— Отпусти!

Гермиона ударила Малфоя по запястью и пнула его в голень, пытаясь освободиться.

— Оставь меня в покое. Вы с Волдемортом разрушили мою жизнь. Неужели мне даже не позволено иногда сожалеть по этому поводу?

— Грейнджер, ты идиотка!

Малфой схватил ее в охапку и аппарировал. Они снова появились в хижине.

Она ошеломленно оглядела комнату, цепляясь за него для равновесия.

— Зачем мы здесь? — потребовала Гермиона ответа. Ее голос дрожал, когда она отступила и попыталась выпрямиться. — Ненавижу это место. Представитель одной из богатейших волшебных семей во всей Европе выбирает местом для

встреч жалкую лачугу. Как будто я не в курсе, с каким презрением вы относитесь к грязнокровкам. Почему бы тебе просто не купить бордель или соляную шахту, чтобы встречаться там со мной?

— Я говорил тебе, что существует табу, и ты все равно использовала имя Темного Лорда! — прорычал Малфой. — Вот почему ты не можешь напиваться в гребаном ручье, независимо от того, сколько проклятых магглоотталкивающих чар ты наложила.

Гермиона моргнула и уставилась на него.

— Ненавижу тебя, — наконец сказала она.

— Это чувство определенно взаимно, — ответил он, глядя на нее с выражением презрения.

Она обессиленно рухнула на пол.

— Я так ненавижу тебя, — сказала Гермиона. — Я уже была одинока... а потом ты потребовал меня и сделал еще хуже. По крайней мере раньше... если кто-нибудь спрашивал, все ли со мной в порядке, я могла ответить правду. Но сейчас... я не могу сделать даже этого. Теперь... даже если мы победим, у меня никогда уже не будет нормальной жизни. Все остальные будут свободны, а я все еще буду принадлежать тебе. Я навсегда останусь одна...

Она закрыла лицо руками и снова заплакала.

— Гарри и Рон никогда не простят меня, — продолжила Гермиона. Все ее тело сотрясало от рыданий. — Даже если это поможет выиграть войну... они никогда не простят меня.

Через несколько минут ее плач немного стих.

— Я действительно не понимаю, почему ты решила, что меня это волнует, — Малфой безразлично глядел на нее сверху вниз.

Она пристально посмотрела на него.

— Ты привел меня сюда, зная, что я пьяна. Если тебе так не хотелось выслушивать меня, то мог бы просто оставить в покое, как я тебе неоднократно говорила. Не понимаю, почему бы тебе просто не убраться ко всем чертям!

Он выгнул бровь.

— Сначала проклятие во время дуэли, теперь ещё и оскорбления в мой адрес — и все это в один день. Похоже, я наконец-то добрался до тебя. А я все гадал, что же заставит тебя отказаться от своих сладких ласк и наконец признаться, что ты на самом деле чувствуешь. — Выражение его лица было насмешливым.

— Заткнись! — зарычала она, прежде чем уронила голову на колени и обхватила себя руками.

— Но на самом деле... вероятно, стоит копнуть еще глубже? Возможно, мне следует перечислить всех, кого я убил, — сказал Малфой, медленно обходя ее со

злорадной улыбкой. — Сначала было несколько магглов: небольшая тренировка перед тем, как я вернулся в школу. Тетушка Беллатриса говорила, что нужно привыкнуть к Убивающему, прежде чем пробовать его на тех, кого я действительно знаю. Затем был Дамблдор. После — еще больше магглов. Ты знала, что мне даже поручили разыскать твоих родителей? Должно быть, ты лично их прятала, потому что мы не нашли ни единой зацепки об их местонахождении. Никаких посланий или тайных встреч. Они исчезли бесследно. Хотя из-за этого несладко пришлось их соседям. Белла была так раздосадована твоей тщательной подготовкой.

Гермиона в ужасе уставилась на него.

— Затем были Криви. И Финч-Флетчли. Моя другая тетушка Андромеда и ее муж Тед. Для Беллы это было довольно личное — позорная связь с магглорожденным в родословной семейства Блэков. Она искренне сожалела, что ей не удалось убить Нимфадору, особенно после того, как прошел слух, что та вышла замуж за оборотня. Затем последовало ещё больше жертв, через какое-то время ты просто перестаешь замечать их... но, полагаю, подавляющим большинством все-таки были магглы.

Гермиона чувствовала, как беззаботное ощущение опьянения покидает ее, пока Малфой продолжал говорить и перечислять знакомые имена в своём списке. Его холодные серые глаза сверкали, а на лице снова застыла непроницаемая маска.

— Знаешь, Малфой, — тихо сказала она через минуту, — ты тратишь слишком много времени, чтобы убедиться, что у меня достаточно причин для ненависти. Это странно.

Он замолчал, и Гермиона пристально посмотрела на него.

— Обычно люди так не поступают, — заметила она. — Человеческий мозг устроен так, что он пытается рационализировать происходящее, чтобы нас не съедало чувство вины. Мы извиняемся, когда виноваты. Мы находим для себя какие-то оправдания, которые помогают нам уснуть. Люди не склонны считать себя злодеями. Они убивают, чтобы защитить себя, или свою семью, или свои деньги, или свой образ жизни. Даже твой Хозяин не считает себя злодеем. Он просто думает, что он лучше всех остальных. Он считает, что заслуживает того, чтобы править всеми. Когда он мучает и убивает магглов... для него это не имеет значения, потому что они на самом деле не люди. Когда он часами вырезал руны на твоей спине... это было логично, ты заслужил это, потому что подвел его. По его мнению, он не злодей, а Высшая Сила. Но ты... ты действительно считаешь себя злом во плоти. Ты считаешь, что заслуживаешь, чтобы тебя ненавидели, — Она склонила голову набок, изучая его. — И я все чаще задаюсь вопросом, по какой причине это происходит.

Лицо Малфоя становилось все холоднее, пока она говорила.

— Я избавлю тебя от лишних усилий, — сказала Гермиона, и уголки ее губ приподнялись. — Я и так ненавижу тебя. Можешь больше не пытаться убедить меня в этом сильнее. Я уже тебя ненавижу. Больше, чем кого-либо другого, кроме твоего Хозяина. Я ненавижу тебя. Я возлагаю на тебя часть ответственности за каждого человека, погибшего в этой войне, и за каждого, кто еще умрет в ней. Тебе не нужно убеждать меня в том, что ты чудовище, я и так это знаю. Когда ты был ранен, я исцеляла тебя вовсе не по доброте душевной. А

нежелание проклинать тебя на дуэли, когда ты был тяжело ранен, было не сентиментальностью. А последней каплей участия, которая у меня осталась. Вся остальная моя доброта уже была уничтожена тобой. И поэтому... вопреки тем словам, что ты швыряешь мне в лицо, я не позволю тебе добраться до последнего, что у меня осталось. А теперь... просто иди к черту.

Боже, как приятно было наконец-то выговориться. Возможно, позже она пожалеет об этом, но сейчас Гермиона чувствовала только облегчение.

Малфой слегка ухмыльнулся.

— Приятно знать.

Гермиона легла на пол и уставилась в потолок.

После нескольких минут молчания стало ясно, что он не собирается уходить. Она перестала его прогонять. Ее переполняло желание говорить. Она села на пол.

— Так и какой же ты, когда выпьешь, Малфой? — сказала девушка, поворачивая голову, чтобы посмотреть на него. Он стоял рядом с ней и смотрел вниз, туда, где она сидела у его ног.

Он выглядел удивленным вопросом.

— Не такой болтливый, как ты. И ещё более злой, чем обычно.

Она фыркнула.

— Конечно. Боже упаси тебе быть хоть немного интересным.

— Ну, мне явно далеко до тебя, плаксивая пьяница. — Малфой поднял бровь и наколдовал стул, садясь рядом с ней. Ей пришло в голову, что он, вероятно, не может ни на что опираться спиной. Гермиона размышляла, насколько больно было вытаскивать ее из ручья, а затем аппарировать, когда она боролась и пыталась отбиться от него.

— Я не всегда была такой, — сказала она задумчиво. — Конечно, я всегда была разговорчивой. Но алкоголь делает меня эмоциональнее. Раньше я была счастливой под его действием. Я была просто... забавной. Я пошла на вечеринку, где в пунш был подмешан алкоголь, и мне сразу снесло крышу. Гарри пришлось наложить на меня Силенцио, пока они с Роном тащили меня по коридорам. Я так неудержимо хихикала. Раскаты смеха... просто отскакивали от стен. Филч едва не поймал нас.

— Когда это было? — спросил он.

— На мой день рождения. Мне исполнилось семнадцать. Это было... это было за день до того, как ты убил Дамблдора. — Ее челюсть слегка задрожала, и она посмотрела вниз на свои руки. — Я... я должна была дежурить в коридоре на следующий день. Помогать первогодкам в качестве старосты. Но моя голова раскалывалась. Я спала допоздна. Я часто задавала себе вопрос... что бы изменилось, если бы я?..

— Ничего бы не изменилось, — ответил Малфой.

— С тех пор, немного выпив, я всегда начинала плакать. Не то чтобы я часто напивалась. Обычно в таком состоянии я говорю вещи, которые выводят людей из себя.

— Ты всегда так делаешь, — заметил он, бросив на нее многозначительный взгляд.

— Я говорю еще больше раздражающих вещей, — поправилась она.

— И ты выбрала ручей?

— Мне некуда было идти. Я не могу пойти в паб. Или напиться с кем-нибудь из Ордена. Не похоже, что Грюм мечтает быть моим плечом, на котором можно поплакать.

— Поттер и Уизли?

— Поскольку они ничего о тебе не знают, как я могу хоть что-то им объяснить? — Гермиона не собиралась упоминать, что они отправились на охоту за крестражами без нее. — Не могу поверить, что ты просто не оставил меня в покое, — продолжила она. — Как ты вообще там оказался?

— У меня было предчувствие, что ты собираешься сделать что-то глупое. Назовем это шестым чувством.

Девушка закатила глаза.

— Не понимаю, почему тебя вообще это волнует. Твоя тайна умрет вместе со мной. Уверена, ты все равно найдешь способ получить то, что тебе нужно, и без меня.

— Уверен, что любой, кого Грюм пришлёт на замену тебе, будет еще более раздражающим, — возразил Малфой со слабой гримасой. — Считаю это моей дополнительной услугой твоему Ордену. Я сохраняю жизнь их целительнице и хозяйке зелий.

Гермиона фыркнула. Она начала чувствовать себя невероятно сонной. Мысль о сне заставила ее вспомнить Колина. На глаза навернулись слезы. Девушка закрыла лицо руками и зарыдала.

— Что опять? — спросил Малфой, когда ее рыдания стихли. Его голос казался скучающим, но, когда она посмотрела на него, он отвел взгляд. Все это время он наблюдал за ней.

— Сегодня ночью мне приснится Колин, — печально ответила она, уронив голову на колени.

— Ты явно бредила, когда говорила, что сможешь кого-то убить. Ты даже не можешь смириться с тем, что люди умирают от чужой руки, — сказал он, пренебрежительно качая головой.

Гермиона напряглась и уставилась на Малфоя.

— Я не считаю, что в смерти есть что-то ужасное. Я знаю, что это война. Люди умирают, — сказала она. — Что меня волнует, так это используемые способы убийства. Ты даже не представляешь, Малфой, каково это, когда кто-то умирает, а ты делаешь *все*, что в твоих силах, чтобы спасти его. Он умирал медленно, все время крича, пока я пыталась сохранить ему жизнь. Вот что меня преследует. Все эти смерти в моей голове... то, какими они были. Их жизни были в моих руках... я *пыталась* спасти их... и потерпела неудачу...

Она слегка поперхнулась, и ее голос дрогнул на последних словах.

Малфой посмотрел на нее и, казалось, впервые задумался.

— Почему Колин так важен? Вы не были близки. Почему эта смерть настолько важна для тебя? С тех пор ты видела смерти и похуже.

Гермиона колебалась. Она ни с кем об этом не говорила. Совсем. В течение многих лет.

— Его смерть стала началом конца, — ответила она, глядя вниз и замечая зацепившуюся нитку на своей рубашке. Она импульсивно потянула ее и смотрела, как вязаная ткань затягивается и морщится, пока нить внезапно не порвалась, и не появилась дыра. Она зашила ее одним взмахом волшебной палочки. — Он был первым человеком, который умер в мою смену. Гарри видел, как это произошло. И после этого я поняла, что всего того, что делает Орден, недостаточно. Просто защитных заклинаний было недостаточно. И я начала об этом говорить. Но Гарри был не согласен. Для него смертельное проклятие — самое страшное, что может случиться с человеком. Оно опустошает. Поэтому убийство в любом случае является злом. Не имеет значения, самооборона это или убийство из милосердия. Это... несогласие... разделило нас. После этого все изменилось. Вот почему я стала целительницей, в то время, как все остальные отправились вместе на поле боя.

— Немного иронично.

— Одного человека, использующего темные искусства на поле боя, недостаточно, чтобы что-то изменить. Если бы я проявила неподчинение и попыталась привлечь людей на свою сторону... это могло бы расколоть Орден.

— Если бы ты снова сражалась, как бы ты убивала?

— Быстро. Есть заклинания, которые останавливают сердце. Проклятия, которые душат. Перекрывают своим действием кислород. Возможно, я бы даже применила Смертельное проклятие, если бы мне хватило сил, но Гарри, вероятно, никогда бы мне этого не простил.

— И как же тогда Поттер планирует победить Темного Лорда?

— Существует... пророчество. Гарри думает, что ключ ко всему это пророчество, — сказала она неопределенно. Она не была уверена, что Сила Любви была реальной стратегией Ордена, но Малфою действительно не нужно было знать детали.

— Фантастически. Мы все ставим наши жизни на Мальчика-Который-Не-Убивает и пророчество. Мы обречены.

— Дамблдор победил Гриндельвальда, не убивая его, — заметила Гермиона.

На Малфоя это не произвело впечатления.

— Где ты изучала целительство? — спросил он ее. Она посмотрела на него с удивлением.

— Сначала во Франции, — сказала она, — но война быстро достигла берегов Ла-Манша, безопаснее было перевестись оттуда, чем рисковать быть обнаруженной. Поэтому я поехала в Албанию. Их отделение средневековой магии отличалось лучшей информационной базой по исцелению темной магии. Я пробыла там некоторое время. Тебе повезло... я, вероятно, одна из немногих оставшихся в живых целителей, кого обучали правильному обращению с рунами. Позже больница была разрушена. Затем была Дания, там меня обучали анализу заклинаний и их разрушению. После этого я отправилась в Египет. Их больница специализировалась в ликвидации проклятий, но ситуация в стране была нестабильной, поэтому меня быстро перевели в Австрию. Я находилась там, пока Орден не вернул меня обратно.

— Многие думали, что ты умерла или сбежала, — сказал Малфой, изучая ее прищуренными глазами. — До тех пор, пока Темный Лорд не приказал узнать, почему Сопротивление выжило после того, как их госпиталь был разрушен, и Северус не упомянул, что маленькая грязнокровка – подруга Поттера – была отозвана из своего путешествия за границу. Целительница и хозяйка зелий в придачу. Это вызвало небольшой переполох среди генералов высшего ранга.

Она пристально посмотрела на него. Значит, он знал, чем она занималась, когда предъявлял свои требования. Ей стало интересно, сыграло ли это какую-то роль в его решении.

Разговор зашел в тупик. Через несколько минут Гермиона встала.

— Я достаточно трезва, чтобы аппарировать, — сказала она.

— Ты же не собираешься пойти и напиться где-нибудь в другом месте? — спросил он, подозрительно глядя на нее.

Она покачала головой.

— Нет. Ты совершенно отбил всякое желание. И я достаточно выплакалась.

На его лице отразилось небольшое облегчение.

— Надеюсь, тебя не расщепит в процессе, — протянул он ей вслед, когда она выходила за дверь.

Вернувшись на Площадь Гриммо, Гермиона подошла к своему шкафчику и выпила зелье трезвости. Головная боль и тошнота тут же обрушились на нее, напоминая удары кувалдой.

Она уронила голову на столешницу и застонала.

Чертов Драко Малфой даже не дал ей спокойно напиться. Вездесущий придурок.

Она ожидала, что трезвость наполнит ее ужасом от содеянного, но на удивление она не раскаивалась в том, что наконец высказала ему все, что думает. И это, конечно, не удивило и не расстроило его. Он ожидал этого.

Она обнаружила, что совершенно не знает, как интерпретировать или осмыслить произошедшее.

Гермиона нащупала в шкафу пузырек с обезболивающим и выпила его, пытаясь сосредоточиться.

Драко считал себя злодеем.

Это было важным выводом. Возможно, самым важным из тех, что она делала в отношении него. Непоследовательность, которая была в его сердце.

Она ломала голову, вспоминая все, что он сказал. Теперь, когда она выплеснула на него всю свою ярость, её разум внезапно просветлел.

«Младший из братьев наступил в барсучью нору и сломал ногу. Ему пришлось ползти по траве. Довольно легкая мишень для Убивающего. Он был вторым, кого я проклял в спину. Ну ты уже знаешь... смертельным проклятием. Оно будто отнимает что-то у тебя. Это не то проклятие, которое запросто получится у любого. Особенно тяжело накладывать его несколько раз подряд. Колин мог бы и дальше бежать. Если бы он это сделал, то, возможно, сегодня был бы еще жив.. Но он остановился. Увидев своего мертвого брата, он остановился и вернулся назад, пытаясь тащить его тело на себе... »

Гермиона замерла.

Он мог убить Денниса Криви бесчисленным количеством более жестоких и медленных способов, чем смертоносное проклятие. Со сломанной ногой Деннис не мог бежать дальше. Он стал бы идеальной приманкой, чтобы вернуть Колина обратно. Но... вместо того, чтобы просто стоять над раненым Деннисом и ловить обоих мальчиков... Драко убил его, гуманно. Возможно, в надежде, что смерть брата оттолкнёт Колина и сохранит ему жизнь.

Гермиона почувствовала, что готова упасть от осознания, поразившего ее.

Малфой пытался пощадить Колина.

Но, возможно, более важным открытием для Гермионы было то, что Малфой не считал эту деталь оправдывающей его поступок.

Он был уверен, что она совершенно обезумела от ненависти к нему, как только узнает, что он в этом замешан. Непреднамеренное признание в том, что он пытался дать мальчикам сбежать, не было попыткой оправдать себя. Она подозревала, что он даже не рассматривал эту идею.

Малфой считал себя злодеем из-за того, что совершил. И это означало, что он не хотел этого делать. Это значило, что его желание помочь Ордену могло быть искренним, а не просто средством достижения какой-то другой цели.

Гермиона задумчиво барабанила пальцами по столешнице, еще раз оценивая

все, что она знала о Драко Малфое.

37. Флэшбэк 12.

Август 2002.

«К каждому подбирай отмычку. В этом искусство управлять людьми. Для него нужна не отвага, а сноровка, умение найти подход к человеку. Сначала надо заставить натуру врасплох, затем атаковать уязвимое место».

Гермиона не могла уснуть, целую ночь прокручивая в голове выводы о характере Драко. Она исписала заметками весь блокнот настолько, что ей пришлось начать новый.

Казалось, ее голова могла лопнуть от такого количества новых идей. Гермиона не была уверена, что на ее способность мыслить здраво не повлияло отсутствие сна, но все же ей казалось, что она наконец-то сделала самые важные выводы. Добралась до истины. Словно она долгое время пыталась открыть маггловский сейф и сегодня, в конце концов, услышала заветный щелчок кодового замка. Тёплое чувство радости грело ее весь следующий день.

Гермиона впервые за долгое время чувствовала лёгкость.

Все может получиться. Её идея может сработать. У неё получится победить. Получится подобраться к нему. Заставить его привязаться к ней.

Раньше Гермиона не осознавала, насколько сильно ее восприятие Малфоя влияло на их отношения. Она думала о нем как о монстре со своими принципами. Воспринимала его как кого-то бесчувственного и не верила, что сможет сблизиться с ним. Она была уверена, что в какой-то момент он предаст Орден, убьёт ее и всех остальных. Несмотря на то, что Гермиона умела контролировать свои чувства с помощью окклюменции, она не могла заставить себя думать о нем как-то по-другому. Это влияло на их взаимодействие.

Даже несмотря на игру, в которой они оба участвовали. Драко целовал ее и обучал окклюменции. Позволял говорить «нет» на его предложения. Она лечила его и следовала советам в искусстве дуэли. Но при этом тренируясь и почти мирно сосуществуя друг с другом, казалось, каждый из них продолжает ждать от другого предательства.

Теперь Гермиона по-новому смотрела на все действия Драко.

Он не был монстром. В нем ещё оставалась доля человечности. Он пытался что-то исправить. Загладить вину за какой-то поступок. Не за смерть Дамблдора и не за все отнятые им жизни. За что-то другое.

Он знал, что заслуживает расплаты. В какой-то момент в его жизни случилось что-то ужасное, что-то, из-за чего он теперь был готов страдать или даже умереть. Малфой стал шпионом не из корыстных целей. Он не пытался натравить Орден и Пожирателей смерти друг на друга, чтобы в итоге захватить власть. Драко просто пытался что-то исправить.

Он раскаивался в чем-то. Не в войне и не в убийствах. В чем-то другом.

Ее первые впечатления были верны. Драко Малфой вовсе не был холоден. Под

окружавшей его аурой смерти, темноты и ярости таилось что-то ещё. И Гермиона могла использовать это.

Она сомневалась, что он расскажет ей, что им движет. Драко слишком старался скрыть это. Он запутывал её своими словами и действиями, только чтобы сохранить все в тайне. Но Гермиона умела быть терпеливой. Теперь, когда она поняла, что роль шпиона являлась для него попыткой искупить свою вину, она не собиралась поддаваться его провокациям и ненавидеть его. Она могла продолжать быть доброй и понимающей. Поддерживать его интерес к себе. И в какой-то момент у неё обязательно получится подобраться к нему.

У неё получится выиграть.

Близился вечер, и Гермиона стала собираться на встречу с Малфоем. Она дала себе несколько секунд, чтобы разложить все по полочкам.

Ей нужно было начать с начала.

Между ними было что-то... о чем она старалась не думать. Какая-то связь, которую она, возможно, разрушила своей пьяной выходкой.

Ей придётся попробовать восстановить ее.

Ей следует быть аккуратной. Подбираться к нему медленно.

Действовать незаметно, словно яд.

Гермиона закрыла глаза, снова прокручивая в голове последние воспоминания. Она отслеживала свои самые сильные эмоции и старалась отгородиться от них ментальной стеной.

Чувство необычайной легкости, внутреннюю уверенность в ожидающем ее успехе девушка отодвинула на край сознания, позволяя разуму очиститься. Остаться полностью сосредоточенной.

Девушка аппарировала в хижину всего на минуту раньше восьми.

Когда появился Малfoy, она несколько секунд пристально разглядывала его, прежде чем опустить взгляд и закусить губу, неловко соединив руки в замок.

— Прости, — пробормотала Гермиона. — Ты был прав. Мой поступок прошлой ночью был безответственным. Такого больше не повторится.

Она посмотрела на него из-под ресниц, стараясь понять, насколько убедительными ее извинения были для Малфоя.

— Хорошо, — ответил он, изучая взглядом противоположный конец комнаты. — Я не нанимался быть твоим телохранителем. И не собирался присматривать за тобой, чтобы ничего не случилось.

— Больше такого не повторится, — повторила она.

Малfoy внимательно посмотрел на нее, а затем снова отвёл взгляд, взмахом палочки призывая стул с другого конца комнаты. Оседлав его, он принялся

расстегивать рубашку. Гермиона помогла ему стянуть ее с плеч и взглянула на спину.

Она осторожно положила руку ему на плечо, приблизившись, чтобы лучше рассмотреть раны. Малфой не вздрогнул от её прикосновения, но Гермиона почувствовала, как его мышцы едва заметно напряглись под её ладонью.

— Когда у тебя будет время, чтобы я смогла зашить твои раны? — тихо спросила она, палочкой очищая спину от мази и изучая взглядом воспалённую кожу порезов.

Те все ещё выглядели невероятно болезненными. Гермиона с трудом представляла, как Малфой мог нормально двигаться и использовать палочку с такой травмой, а тем более продолжать аппарировать и участвовать в дуэлях. Каждый раз, когда она видела его раны, все внутри неё сжималось.

Малфой ничего не ответил.

Она осторожно опустила руку ему на спину.

— Я собираюсь использовать Очищающее заклинание.

Гермиона почувствовала, как напрягся Малфой после ее слов, и увидела, как побелели костяшки его пальцев. Она сосчитала до трех и наложила на его спину заклинание.

Его тело пробила легкая дрожь.

— Прости, — сказала она. — Если бы существовал какой-то способ вылечить твои раны быстрее или хотя бы облегчить боль, я бы обязательно воспользовалась им.

— Я в курсе, — ответил он напряженным голосом.

Легкими движениями она нанесла мазь на раны.

— Тебе подойдёт понедельник? — спросила Гермиона, проведя кончиками пальцев по его плечам в надежде немного расслабить болезненно напряженные мышцы. — Я могу пропустить ужин, если тебе будет удобнее прийти раньше восьми.

— В восемь меня устроит, — ответил он после небольшой паузы.

— Хорошо.

Девушка обновила Защитные чары вокруг порезов. Затем она снова осмотрела руны, водя кончиками пальцев по коже возле них. Теперь Гермиона едва могла различить исходящую от них магию. Та словно впиталась в его кожу, стала частью его сущности.

— Ты... как-то ощущаешь руны? — спросила Гермиона. — Чувствуешь, что они влияют на тебя?

Казалось, Малфой задумался.

— Да, — ответил он, выпрямляясь. — В целом они не изменили меня, но я чувствую, что они влияют на мои поступки. Стало легче быть беспощадным. Сложнее сдерживаться от импульсивных действий. И раньше мало что могло отвлечь меня, но теперь все внешние обстоятельства... стали иметь ещё меньше значения.

Гермиона снова прочла руническую клятву.

— Ты знал, какие символы будут вырезаны на твоей спине? — спросила она.

— Я сам выбирал их, — ответил Малфой, надевая рубашку и застегивая пуговицы.

Гермиона пораженно посмотрела на него.

— Это наказание... Главной идеей были максимальная болезненность и унижительность. Выбирая руны самостоятельно, я точно знал, что на моей спине не вырежут ничего лишнего. Поэтому я предпочёл выбрать так много. Не хотел оставлять на спине места на случай, если у Темного Лорда появятся какие-то свежие идеи. Мне нужно было убедить его в своём глубочайшем раскаянии, — сказал он, поднявшись со стула. Его глаза напоминали штормовое небо. — Но он забыл упомянуть кое-что о ритуале, — добавил Малфой. Его губы искривила легкая усмешка, а взгляд горел яростью. — Темный Лорд не предупредил, что раны будут заживать так долго. Хотя, конечно, я должен был ожидать, что мое наказание будет не таким простым.

— После того, как я зашью порезы, понадобится некоторое время. Нужно будет убедиться, что новая кожа не будет мешать твоим движениям. Тебе придется оставаться в сознании во время процедуры. Думаю... будет лучше, если ты захватишь с собой что-нибудь выпить.

Малфой прищурился и несколько секунд пристально разглядывал Гермиону.

— Я не собираюсь пить в твоём присутствии, Грейнджер.

Она пожала плечами.

— Это просто предложение. Я принесу что-нибудь на случай, если ты поменяешь своё мнение. Но имей в виду, что любой алкоголь, который у нас есть, едва ли будет отвечать твоему изысканному вкусу.

Малфой усмехнулся.

— Приму к сведению.

Не произнеся больше ни слова, он аппарировал.

На следующий вечер Малфой был в скверном настроении, и Гермиона старалась не говорить с ним, пока лечила его спину. С удивлением она отметила, что он начал привыкать к ее прикосновениям. Его тело перестало напрягаться, когда она дотрагивалась до него. Девушка сомневалась, что он сам замечал это.

Гермиона поняла, что все чаще чувствует себя комфортно в его присутствии. Теперь, когда она почти не ощущала исходящей от него темной магии, пропал и

ее инстинктивный страх перед ним. Она дотрагивалась до него, не испытывая опасений, что Малфой в любой момент может разозлиться и причинить ей вред.

Находиться рядом с ним стало привычным делом. Естественным.

В субботу вечером, когда Гермиона в очередной раз использовала Обезболивающее заклинание, оно впервые подействовало на порезы Драко. После этого его тело гораздо легче перенесло Очищающие чары.

— Раны наконец-то полностью очистились от яда, — отметила она с облегчением в голосе. Взмахом палочки девушка призвала свою сумку и стала рыться в ней в поисках склянки с анальгетиком, который изобрела сама. Достав несколько кусков ткани, Гермиона пропитала их зельем, предварительно наложив на свою руку Защитные чары, чтобы предотвратить онемение.

— Поначалу ты почувствуешь холод и легкое жжение, но потом зелье полностью снимет болевые ощущения, — сказала она. — Я собираюсь сначала приложить компресс к твоему левому плечу.

Она провела кончиками пальцев по коже возле самой верхней руны, прежде чем приложить мокрую ткань к его плечу, слегка прижав ее к порезам. Драко вздрогнул.

Гермиона засекала время, которое требовалось для действия компресса, и приступила к лечению правого плеча.

— Боль от порезов больше не должна беспокоить тебя, но не забывай, что на твоей спине все ещё открытые раны, — заметила она. — Не делай глупостей и не ввязывайся в сражения с оборотнями только потому, что больше не испытываешь невыносимой боли.

— У меня как раз во вторник встреча с оборотнями. Дашь своё благословение?

Гермиона закатила глаза.

— Я бы посоветовала дать ранам хотя бы три дня, чтобы затянуться, прежде чем участвовать в любых кровавых распрях.

Он негромко засмеялся.

После этого разговор между ними стих, но в целом вечер закончился на удивительно мирной ноте.

Гермиона возвращалась на Площадь Гриммо в приподнятом настроении. Приземлившись на пороге дома, она почувствовала, как внезапно браслет на ее запястье стал невыносимо горячим. Девушка поспешно открыла дверь и остановилась на пороге. Пол коридора был испачкан пятнами крови.

— Гермиона, — услышала она крик Невилла. — Джинни ранена!

Девушка поспешила подняться наверх, старательно избегая россыпи капель крови на ступеньках лестницы.

В больничной палате она застала Гарри, Рона и всех остальных членов семьи

Уизли, которые жили на Площади Гриммо. Помфри и Падма склонились над кушеткой, на которой лежала Джинни.

— Что случилось? — потребовала ответа Гермиона, скинув с плеча сумку и приблизившись к кровати.

Джинни лежала без сознания. Глубокая рваная рана пересекала одну сторону ее лица. Из неё продолжала струиться кровь.

— В её щеку попало Проклятие некроза, — ответила Помфри, не переставая колдовать над раненой девушкой. — Ребята постарались вырезать поражённый участок так быстро, как только возможно, но ещё никто не выживал после того, как это проклятье попадало ему в голову.

— Падма! Мне нужны склянки с Крововосполняющим зельем! — резко выкрикнула Гермиона, накладывая на Джинни собственную диагностику. Травмы головного мозга никогда не были ее специализацией. Как правило, если проклятие успевало поразить мозг, последствия оказывались необратимыми.

Она использовала наиболее продвинутое диагностическое заклинание для проверки мозговой активности и стала изучать появившиеся диаграммы.

— Проклятие некроза не задело ее мозг, — облегченно выдохнула Гермиона. Затем она наложила ещё одно диагностическое заклинание. Появившуюся в воздухе диаграмму было сложно разобрать из-за пелены проявившихся на ней последствий сильной кровопотери. Девушка не могла разглядеть никаких явных признаков оставшегося в теле Джинни некроза и с трудом надеялась на такую удачу. Не спросив разрешения, Гермиона вырвала из руки Помфри ее палочку. Пробормотав заклинание, она стала использовать кончик второй палочки, чтобы перемещать диаграмму. Гермиона боялась, что под верхними проекциями, сообщавшими о состоянии кожных покровов после пореза, она могла не заметить показатели, указывающие на наличие некроза.

Вдруг она замерла.

— Я нашла остатки некроза в скуловой и лобной костях. Нужно срочно удалить их, — сказала Гермиона. — Всем выйти из палаты!

Она услышала возгласы протеста, но проигнорировала их, накладывая на Джинни сразу несколько Кровоостанавливающих заклинаний. Девушка пыталась разобрать, какие именно области костей были поражены некрозом.

— Дай ей одну каплю Напитка Живой Смерти, — приказала она Падме, которая как раз влила Крововосполняющее зелье Джинни в рот. — Он может замедлить ее выздоровление, но зато мы сможем быть уверены, что она не будет двигаться.

Стиснув зубы, Гермиона молилась, чтобы все получилось, пока призывала из шкафа склянки с зельями. Затем она стала накладывать серию запутанных заклинаний вокруг головы Джинни. Многие из них Гермиона использовала до этого лишь раз. Некоторые — и вовсе ни разу.

Удалять какую-либо часть черепа было крайне рискованно при любых обстоятельствах, а особенно так поспешно, как требовалось в данной ситуации. Эта процедура вела к тому, что венозные синусы, область над глазом и часть

лобной доли головного мозга останутся ничем не защищёнными до тех пор, пока не вырастут новые кости.

Гермиона смотрела, как начинают разрастаться темные пятна на черепе Джинни. Она быстро наложила на ее голову заклинание, удаляющее волосы, а затем стала распределять густую фиолетовую мазь у краев раны, на лбу и вокруг глаза. Убедившись, что мазь нанесена равномерно во всех местах, Гермиона использовала Закрепляющее заклинание. Зелье стало затвердевать, превращаясь в экзоскелет.

Девушка сделала глубокий вдох и взмахом палочки удалила поражённые участки черепа. Экзоскелет заменил отсутствующие кости, защищая головной мозг от внешних воздействий. Гермиона снова воспользовалась заклинанием диагностики и внимательно проверила появившиеся показатели. Поражённые некрозом ткани были полностью удалены. Она успела удалить кости, прежде чем проклятие распространилось на головной мозг.

Гермиона слегка пошатнулась. Ей захотелось расплакаться от облегчения.

Она чуть не опоздала. Джинни едва не погибла. Гермиона никогда никому не расскажет, что они едва успели спасти ее.

Девушке с трудом удавалось сдерживать дрожь в руках, пока она поила Джинни Костеростом. Она выставила Защитные чары над головой подруги и оставила висеть в воздухе диаграмму с ее текущими показателями. Затем она засекала нужное время на таймере.

Из-за Напитка Живой Смерти кости будут отрастать заново в течение десяти часов. Гермиона не могла начать зашивать рану на лице Джинни, пока череп девушки не восстановится полностью, иначе новая кожа не будет иметь под собой никакой опоры.

На лице Джинни навсегда останется длинный шрам, но зато она будет жить. Кто бы ни вырезал некротические ткани первым, он успел сделать это достаточно быстро, чтобы спасти девушке жизнь. Гермиона мягко погладила руку подруги. Все тело Джинни было покрыто кровавыми разводами. Гермиона использовала Очищающее заклинание, а затем взмахом палочки превратила одежду Джинни в больничную пижаму. Она решила проверить, не было ли на теле подруги других повреждений.

Чары диагностики показали, что у неё была поцарапана голень и ушиблена рука. Гермиона вылечила их за пару минут.

Потом она встала, сжав в руках две палочки.

— Прости,— сказала она, протягивая Поппи ее палочку. Пользоваться чужой палочкой без разрешения считалось крайне неприличным.

С потрясённым выражением лица Поппи спрятала ту в карман мантии.

— Я успела использовать четыре вида диагностических чар до твоего прихода, но ни одни не показали поражённых некрозом костей. Я никогда до этого не видела, чтобы кто-то использовал две палочки для анализа диаграммы. Я рада, что ты не стала спрашивать разрешения, чтобы воспользоваться моей палочкой.

— Я читала об этом в книге по теории целительства. Травмы головного мозга очень непросто диагностировать. Магия считывает огромное количество нервных импульсов. Даже специалистам сложно быстро разобраться в них. Нам просто повезло, что все сработало.

Гермиона тяжело вздохнула. Она почувствовала слабость в ногах. Теперь, когда опасность миновала, она ощутила последствия стресса. Руки девушки дрожали, а сердце бешено стучало в грудной клетке. Она ощущала головокружение, словно в любой момент могла упасть в обморок.

— Мне нужно сказать остальным, что Джинни в порядке, — с трудом выдавила она.

Гарри, Рон и почти все остальные обитатели дома на площади Гриммо собрались у дверей палаты.

— Она в порядке, — сказала Гермиона, выйдя им навстречу. — Теперь с ней все будет хорошо.

Гарри издал дрожащий вздох и пошатнулся, оперевшись о стену.

— Слава Мерлину, — пробормотал Чарли.

Рон прижал ладони к глазам, и Гермиона заметила, что его руки и вся одежда были в крови. Она подошла к нему и взмахнула палочкой, проводя диагностику. Он оказался не ранен. На нем была кровь Джинни.

— Это ты вырезал пораженное место? — спросила она Рона.

Он кивнул. Его светло-голубые глаза наполнились слезами. Тело Рона била дрожь, словно он находился в состоянии шока.

— Ты спас ей жизнь, Рон, — сказала Гермиона, заключая его в объятия. — Ты дал нам время вылечить ее. Если бы не ты, возможно, проклятие стало бы необратимым или она лишилась глаза. У неё останется шрам, но с ней все будет хорошо.

— Мерлин. — Рон слегка покачнулся. — Там был Люциус. Когда он появился, мы сразу аппарировали в другое место, но, приземлившись, поняли, что в Джинни попали проклятием. Когда я увидел ее лицо...

Дрожащей рукой он прикрыл глаза, оставив на бледной коже кровавые полосы.

— Я не мог перестать думать о том, каким вернулся с битвы отец. Что стало с Джорджем. И когда это случилось с Джинни... я... я понял, что должен попробовать спасти ее. Это было ужасно. Гермиона, это было хуже всего на свете...

Рон заплакал, опустив голову на плечо Гермионы. Она обняла его ещё крепче.

— Я старался напоминать себе, что делаю это ради ее спасения... — пробормотал он. — Мама бы не пережила... Я... я обещал маме, что защищу Джинни... Обещал, что позабочусь о ней...

— И ты выполнил обещание, Рон, — прошептала Гермиона возле его уха. — Ты сделал все, чтобы спасти Джинни.

— Я собираюсь убить Малфоев, — услышала она его яростный шёпот. — Люциуса и его мерзкого сыночка. Я убью их обоих. Мне без разницы, даже если ради этого мне придётся ждать окончания войны. Все их семейство заслуживает смерти.

Гермиона продолжала мягко поглаживать спину Рона, не давая его словам сбить ее с толку. Она прижала его ближе к себе.

Она все чаще слышала обещание разобраться с Малфоями от кого-нибудь из братьев Уизли. Похоже, что желание уничтожить это семейство побеждало даже их убежденность в том, что Светлая сторона не должна использовать Смертельное проклятие.

Все началось со смерти Дамблдора. Позже их ненависть разгорелась только сильнее. После того, как Билл вернулся с очередной битвы, таща на себе тело ничего не соображающего Артура, желание отомстить Малфоям достигло апогея.

В Артура попало какое-то древнее проклятие, посланное Люциусом. Оно что-то сделало с его мозгом. Теперь разум Уизли старшего был на уровне новорожденного ребёнка.

Гермиона перерыла сотни справочников по целительству и фолиантов с древними заклинаниями, но так и не нашла ничего, что могло бы обратить или хотя бы облегчить последствия попавшего в Артура проклятия. В каком-то смысле, виновато думала Гермиона, это было даже хуже, чем если бы его убили. Возможно, Люциус поступил так специально. Артур Уизли был жив, но потерял себя. Он был словно ребёнок, заключённый в теле взрослого. За ним нужно было постоянно следить. Он не мог выносить большого количества людей и был склонен к неконтролируемым выбросам магии, когда его что-то расстраивало. Порой у него случались приступы.

Молли пришлось отойти от дел Ордена, чтобы полностью посвятить себя уходу за мужем. Они переехали жить в одно из убежищ Сопротивления, где обычно содержались умирающие. Когда у Джорджа появлялась возможность покинуть больничную палату на Площади Гриммо, он помогал матери присматривать за отцом.

— Ты замечательный брат, Рон, — прошептала Гермиона.

Когда Рон перестал дрожать, она немного отодвинулась, чтобы спросить то, что уже какое-то время не давало ей покоя.

— Рон, можешь сказать мне, чем ты удалял некроз? Заклинанием или ножом?

— Ножом. Одним из тех, что раньше лежали в хранилище Гарри, — ответил он.

— Могу я взглянуть на него? — спросила она твёрдым голосом.

— Конечно, — ответил Рон немного растерянно. Он огляделся, все ещё выглядя так, словно не мог прийти в себя от шока. — Думаю, нож внизу у Невилла с

остальными вещами.

Гермиона выпустила Рона из объятий и, отойдя, открыла дверь в палату.

— Поппи, можешь проверить, не ранены ли Гарри и Рон? И дать им Успокаивающего зелья? Рону лучше двойную дозу. Мне нужно ненадолго отлучиться.

Гермиона спустилась на первый этаж и увидела, как Невилл и Ханна Эббот при помощи магии очищают полы от крови.

— Нев, могу я взглянуть на рюкзак Рона?

Кивком головы тот указал на ближайший угол.

— Он там. Тот, на котором больше всего крови. Я ещё не успел его почистить.

Гермиона подошла к рюкзаку и осторожно открыла его. Вещи в него явно скидывали в спешке. Все содержимое рюкзака было перепачкано кровью. Наконец в боковом кармане она заметила торчащую рукоять ножа.

Девушка аккуратно вытащила его. Как она и предполагала, это был кинжал гоблинской работы. Гермиона прошла на кухню и смыла с него всю кровь. Затем она достала из морозилки кусок замороженной курицы и провела по ней кончиком ножа. Отложив нож в сторону, девушка стала ждать.

Прошла минута. Потом две. Гермиона начала сомневаться в своём предположении. Затем, спустя несколько секунд, на мясе появилось маленькое тёмное пятнышко. Гермиона наблюдала, как за пару минут пятно увеличилось в два раза. Она попробовала наложить на мясо Замораживающие чары, но они не возымели никакого эффекта. Пятно продолжало разрастаться.

Она окружила острие несколькими защитными заклинаниями. Затем осторожно завернула нож в полотенце и наложила на свёрток Отталкивающие чары.

Гермиона засунула завернутый в полотенце нож в один из кухонных ящиков, который затем закрыла на замок и окружила Жалящими проклятиями, чтобы никто не смог его открыть.

Потом она вышла из кухни и поднялась обратно в больничную палату.

Гарри сидел рядом с Джинни, держа ее за руку и нервно покусывая губу. На его лице застыл шок. Когда Гермиона легонько положила руку ему на плечо, он вздрогнул и пристально посмотрел на нее.

Он слегка улыбнулся. Дежурной улыбкой, которая не коснулась его глаз. Слабое движение на лице, которое должно было казаться ободряющим или дающим надежду, но по факту лишь ещё больше показывающее, насколько сломленным был этот человек.

Когда Джинни проснётся, у нее будет такое же выражение лица и она будет уверять всех, что с ней все в порядке и что она совсем не возражает против своего шрама, потому что действительно в порядке.

Гермиона грустно улыбнулась Гарри и призвала стул, чтобы сесть рядом.

— Ей не следовало туда ходить, — сказал Гарри через минуту.

— Орден принимал решение, чье именно подразделение будет заниматься этой миссией, — сказала Гермиона. — Обида Люциуса не имеет никакого отношения к тому, что вы там оказались вместе с Джинни.

— Я собираюсь попросить, чтобы нас больше не ставили в пару, — сказал Гарри, отрывая взгляд от руки Джинни и смотря вдаль.

Выражение его лица было ошеломленным, а яркие изумрудные глаза, казалось, не видели больничной палаты. Гермиона знала это выражение. Он мысленно возвращался на задание, переживая его снова и снова, чтобы возложить на себя вину за все, что пошло не так.

— Это я во всем виноват, — сказал он. Его голос был тихим и слегка дрожащим. — Я должен был поставить защиту раньше. Задание было таким простым. Бессмысленным. Будто обычная прогулка с ней и Роном. Будто в летнем лагере. Я потерял бдительность.

Гермиона промолчала. Это была исповедь. Он был так шокирован и опечален произошедшим. Ему просто нужно было выразить все словами. Он не мог сказать об этом Рону. Тот чувствовал себя слишком виноватым, чтобы говорить о Джинни.

Гермиона выслушала множество признаний от тех, кто находился в больничной палате. Иногда она чувствовала себя священником.

— После того, как мы аппарировали оттуда... когда я увидел это на ее лице... я замер, — сказал он после нескольких минут молчания. — Когда я увидел, что ее задело... Я не... Она заплакала. Рон оглушил ее. А я просто стоял. Я просто стоял там, пока он резал ее лицо. Я едва успел прийти в себя, чтобы аппарировать всех обратно. Рону приходилось делать почти все самостоятельно. Это было так похоже на произошедшее с Колином. Я просто стоял и ничего не делал.

— Никто не мог спасти Колина, — тихо сказала Гермиона.

— Я мог попытаться помочь Джинни! — внезапно разъярился Гарри. — А если бы она погибла? Пока я только и делал, что стоял? Женщина, которую я люблю... сестра моего лучшего друга. Я же просто стою и смотрю, как гниет ее лицо...

Он отпустил руку Джинни и поправил очки, протирая глаза.

— А если бы она умерла? Или стала такой же, как Артур? Потому что я потерял бдительность и не поставил защиту? — голос Гарри дрожал, а руки сжимались в кулаки. Гермиона чувствовала, как магия вибрирует вокруг него, в то время как его вина и эмоции продолжали расти.

Она призвала графин с Успокаивающим зельем и преобразила кусок хлопчатобумажной повязки в чашку. Девушка наполнила ее и стала ждать. Если отдать ее слишком рано, чашка полетит в стену.

— Никто не может всегда быть идеально подготовленным, — сказала она.

— Это больше не повторится, — решительно заявил Гарри. — Я не собираюсь больше рисковать.

Гермиона ничего не ответила, и через минуту Гарри рухнул на ее плечо. Она сунула ему в руку чашку с Успокаивающим напитком. Затем положила свою голову на его.

— С ней все будет в порядке, — сказала она. — Я обещаю. Она поправится.

Гарри кивнул, и Гермиона дала себе время просто побыть с ним. Побыть его лучшей подругой.

На деле все чаще казалось, что они живут в разных мирах.

Мальчик, который спас ее от тролля. Для которого она сварила Оборотное зелье. С которым она отправилась в прошлое, чтобы спасти его крестного. Друг, которого она научила заклинанию Акцио. Человек, с которым она создала отряд Дамблдора.

Гарри всегда был для нее героем, но каким-то образом их пути разошлись.

Он все чаще обращался к ней как к целительнице, а не как к другу.

Она запустила пальцы в его растрепанные волосы.

— Джинни влюблена в тебя, ты же знаешь, — сказала Гермиона. — Не отталкивай ее. Не поступай так с ней. Не поступай так с собой. Вы оба и так в опасности из-за этой войны. Не отказывай себе в счастье, которое тебе досталось. Не позволяй Тому забрать у тебя это.

Гарри ничего не сказал, но глотнул Успокаивающее, продолжая смотреть на Джинни.

— Она меня слышит? — спросил он через несколько минут печальным и полным надежды голосом.

— Нет, извини. Я поместила ее в стазис до тех пор, пока кости не восстановятся и я не смогу заняться раной. Для нее было бы опасно двигаться с такими повреждениями. Она проснется завтра.

Несколько минут они сидели молча, пока в палату не ворвался серебристый бульдог.

— Поттер, Грейнджер, отчет о миссии через пять минут, — прорычал голос Грюма, прежде чем патронус исчез.

Гарри вздохнул и встал.

— Ну, увидимся там, — сказал он, в последний раз поглаживая руку Джинни.

Гермиона проводила его взглядом и повернулась к Джинни. Она провела несколько диагностических тестов, чтобы убедиться, что ее состояние стабильно. Затем Гермиона спустилась на кухню и достала нож из ящика,

прежде чем отправиться в столовую, где проходили собрания Ордена.

Ремус и Тонкс уже были там и улыбнулись Гермионе, когда она вошла и заняла свое место. Билл появился через несколько минут. Они с Флер поочередно посещали собрания, так как один из них постоянно следил за тюрьмой. Чарли последовал за ней, все еще бледный, как тогда, когда Гермиона объявила, что с Джинни все будет в порядке. Следующим вошел Невилл, за ним Амелия Боунс. Потом Рон и Гарри. Кингсли Бруствер и Аластор Грюм вошли следом за ними.

Это было меньше четверти текущего состава Ордена. Лишь малая часть его членов была проинформирована о крестражах. Орден на собственном горьком опыте убедился в том, как опасно доверять важные знания слишком многим людям, когда их противник — опытный легилимент. Молли и Минерва редко посещали встречи, хотя технически они все еще находились на достаточно высоком уровне разведки, чтобы получать всю информацию. Северус посещал только важные или экстренные встречи.

— Гарри, Рон. Мы хотели бы получить полный отчет о вашей миссии с поиском крестражей, — сказал Кингсли без всяких предисловий.

— Докладывать не о чем, — отрезал Гарри. — Мы проделали весь путь до Албании и ничего не нашли. Мы никого не видели и не испытывали никаких проблем, пока не появился Люциус.

— Как Люциус выследил вас? — спросил Грюм, медленно переводя взгляд с Гарри на Рона.

— Не знаю, — ответил Гарри, — мы только начали разбивать лагерь. Щиты отсутствовали, мы пробыли там меньше пятнадцати минут.

— Где вы находились?

— Думаю, где-то во Франции или Бельгии. В каком-то лесу. Мы планировали аппарировать обратно завтра.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— У вас есть еще какая-то информация, чтобы сообщить Ордену? — спросил Кингсли.

Гарри и Рон переглянулись и покачали головами.

На лицах у всех застыло разочарование.

Гермиона глубоко вздохнула и собралась с духом. Возможно, она была слишком пессимистично настроена, но, учитывая ее послужной список в орденских собраниях, девушка не особенно ждала хорошую реакцию на своё заявление.

— Я хочу кое-что сообщить, — тихо сказала она.

38. Флэшбэк 13.

Август 2002.

Все внимательно посмотрели на Гермиону.

Она положила сверток с ножом на стол и быстро произнесла заклинание, чтобы развернуть его.

— Я не считаю, что миссия была бессмысленной. Думаю, я поняла, как уничтожить крестражи после того, как они будут найдены. Я долго изучала свойства гоблинской стали, а именно ее возможность магически поглощать все, что сделает ее сильнее. Я не была точно уверена, как именно работает поглощение: связано ли оно с предварительным наложением заклинания или нет. Но в момент исцеления Джинни я заметила, что некроз продолжал распространяться именно в тех местах, где были небольшие царапины в кости. Это навело меня на одну мысль, и поэтому позже я отыскала нож, которым были вырезаны участки кожи, поражённой проклятием.

Она осторожно подняла нож.

— Этот нож из гоблинской стали теперь в своем лезвии имеет Проклятие некроза. Я подтвердила свой вывод на кухне и теперь смогу продемонстрировать его вам. Когда проклятие удаляли ножом с лица Джинни, его лезвие, должно быть, неосторожно коснулось некроза и поглотило это свойство. Поэтому, когда нож коснулся костей черепа Джинни, он распространил некроз ещё сильнее.

Рон побледнел и выглядел так, словно его сейчас вот-вот стошнит. Гермиона бросила на него извиняющийся взгляд.

— С Джинни все будет в порядке. Никто не мог знать, что подобное произойдёт. Клинок, выкованный гоблином, был более логичным выбором из-за остроты лезвия, чем любой немагический нож, — твердо сказала она ему.

— Но это привело меня к идее, — продолжала она, — о том, как мы сможем уничтожить крестражи. Нам доподлинно известно, что они опасны, потому как даже Дамблдор был смертельно проклят, пытаясь уничтожить один из них. Гарри уничтожил дневник с помощью клыка василиска, но у нас нет доступа к ним без Хогвартса. Однако у нас есть меч Гриффиндора, и я думаю, что именно он поможет уничтожить крестражи.

Все присутствующие в комнате продолжали молча смотреть на Гермиону.

— Меч выкован гоблинами, — заметила она, — и Гарри использовал его, чтобы убить василиска. Это значит, что в нем должен остаться яд, который сможет уничтожить крестражи.

Она огляделась, пытаясь оценить реакцию окружающих. Грюм и Кингсли выглядели задумчивыми. Рон все еще оставался пепельно-серым.

— Это может оказаться правдой, — медленно произнес Ремус, задумчиво потирая подбородок. — То, что ты сказала о свойствах гоблинской стали, безусловно, верно.

— Мы знаем, где находится меч Гриффиндора? — спросил Билл.

— Я думаю, он у Минервы, — сказал Невилл. — Мне кажется, я видел меч, когда недавно помогал ей в Кейтнессе.

— Нужно узнать мнение Северуса о свойствах яда, — сказал Грюм.

Лица Гарри и Чарли заметно помрачнели при упоминании Снейпа.

— Я могу встретиться с ним, — вызвалась Гермиона. — Мне все равно нужно выяснить некоторые детали, касающиеся недавних проклятий.

— Хорошо. Жду твой доклад. На следующей неделе мы снова соберёмся и обсудим ситуацию, — кивнул Грюм.

— Мы должны что-то сделать с этим ножом, — сказал Ремус. — Небезопасно держать его здесь.

Гермиона положила нож на середину стола.

— На нем есть Защитные чары, но я не уверена, надолго ли их хватит.

— Я разберусь с этим, — сказал Грюм, призывая нож к себе. — И пошлю весточку Северусу.

Грюм развернулся и вышел из комнаты.

Когда Гермиона вернулась в палату после ужина, Гарри снова сидел рядом с Джинни. Все показатели ее диагностики были в норме, но Гермиона остановилась, чтобы снова их перепроверить.

— Тебе не следовало этого делать, — сказал Гарри, когда она взмахнула палочкой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Гермиона, остановившись на середине заклинания, чтобы посмотреть на него. Ее дыхание слегка сбилось, а хватка на палочке дрогнула.

— Использовать травму Джинни таким образом. — Голос Гарри был жестким и напряженным. — Ты произнесла свою речь так, будто все, что с ней случилось, было к лучшему.

Гермиона вздохнула, борясь с желанием закатить глаза.

— Я не имела это в виду, — сказала она. — Ты же знаешь, я ненавижу, когда кто-то страдает.

— Тебе следовало подождать. Мы могли бы обсудить это на следующей встрече, когда Рон немного пришёл бы в себя. И скажи мне, ты утешала его, потому что тебе было не все равно или потому что просто хотела знать, где нож?

Гермиона опустила руку с палочкой и сузила глаза. После последних слов Гарри она почувствовала обиду вместо привычного раздражения.

— Я хотела убедиться, что он не порезался. Я хотела убедиться, что никто больше не найдет нож и не пострадает, — сказала девушка стальным голосом.

Гарри вздохнул и резко взглянул на нее.

— Но именно так ты и рассуждала. Когда Джинни была ранена и ты лечила ее, то думала только о возникновении порезов в ее черепе. «Интересно, пригодится ли позже эта информация для уничтожения крестражей?» Твоя соседка по комнате истекала кровью и все, о чем ты могла думать в тот момент, это то, как можно позже это использовать. Один из твоих лучших друзей рыдал у тебя на руках, потому что ему пришлось разрезать лицо своей младшей сестры, а ты только и думала об этом долбанном ноже.

Гермиона сжала левую руку в кулак так сильно, что почувствовала, как ногти врезаются в ее кожу.

— Я в состоянии думать сразу о нескольких вещах одновременно, Гарри, — ее тон был ледяным, — или ты предпочёл бы, чтобы ваша миссия оказалась совершенно бессмысленной? Чтобы Джинни пострадала просто так?

— Не относись к этому так спокойно, Гермиона. Не обращай с людьми так, будто они для тебя всего лишь уравнения из учебника.

Гарри резко встал и сердито посмотрел на нее.

Гермиона слегка вздрогнула. Она не могла понять эмоциональных доводов, которые использовал Гарри. Было утомительно пытаться понять, куда он ведёт разговор. Это съедало умственные ресурсы, которые она не могла себе позволить тратить попусту.

— Либо все происходит по какой-то причине, либо нет, — сказала Гермиона с холодной яростью. — И если все это имело смысл, ты не можешь обижаться, когда я указываю на это, и обвинять меня в бессердечности.

Гарри побледнел еще больше и разочарованно провел рукой по волосам. Он уставился на нее сверкающими глазами, а потом отвернулся, слегка скривив губы.

— То, как ты обращаешься с людьми... иногда мне кажется, что я больше тебя не знаю, — сказал он.

— Возможно, так и есть, — холодно ответила она, глядя на свою палочку и заканчивая диагностику Джинни.

— Ты должна была подождать вместо того, чтобы рассказывать всем о ноже сегодня вечером. У нас даже нет крестража. Ты могла просто подождать, — повторил он, как будто это было завершением их разговора.

Гермиона слегка поджала губы и глубоко вздохнула, прежде чем ответить.

— Война не будет ждать, оставляя нам время погоревать, и мне жаль, что ты не согласен с моим решением. Я не хотела, чтобы оно причинило кому-то боль.

Гарри отвернулся от нее.

Гермиона прошла в соседнюю комнату и прислонилась к стене, чувствуя холод в груди.

Ее руки слегка дрожали. Внутренности скрутило от напряжения. Она жалела, что вообще что-то ела сегодня.

Девушка сделала несколько глубоких вдохов через нос и сильно прижала ладони к стене, пытаясь сосредоточиться.

Гермиона покачала головой, стараясь не думать о том, что сказал Гарри.

Через минуту она выпрямилась и посмотрела на часы, чтобы проверить время. Оставалось ещё несколько часов до того, как кости Джинни полностью срастутся.

Гермиона задумалась над процедурой. Нужно дать возможность Падме понаблюдать за процессом.

После того, как Малфой потребовал ее, Грюм и Кингсли решили взять одного из полевых целителей и переквалифицировать его на больничную службу. Падма была лучшей полевой целительницей и прекрасно разбиралась в зельях, поэтому ее выбрали ученицей Гермионы и Поппи.

Когда Кингсли сообщил Гермионе, что Падму направляют в больницу, он выставил это как дополнительную помощь для Гермионы, потому что та выглядела слишком изможденной. Но Гермиона была слишком измождённой в течение многих лет. Она знала, почему они взяли Падму. Орден нуждался в запасном варианте после того, как Гермиону потребовал Малфой.

Падма была ее заменой.

Теперь, когда большинство пленных были освобождены, Орден мог позволить себе выбрать еще несколько человек, чтобы специализировать их на целительстве. Поппи отвечала за подготовку пятидесяти новых полевых целителей. Падма медленно вникала в обязанности Гермионы по сменам в больнице и всем основным зельям, чтобы Гермионе приходилось дежурить только в случае чрезвычайных ситуаций и изготовления сложных зелий. Они освобождали ее время для встреч с Малфоем.

Когда Гермиона сообщила Грюму о намерении Малфоя тренировать ее, он напомнил, что ей нужно делать все, что тот потребует.

Гермиона почувствовала себя нехорошо, когда снова обсуждала это.

Не то чтобы она была с ним не согласна. Просто иногда это было... тяжело. В глубине души девушка хотела, чтобы Грюм все еще казался переживающим по поводу ее задания. Чтобы он выглядел так, словно раскаивается по поводу того, на что им пришлось подтолкнуть ее.

Она хотела, чтобы кто-то заботился о ней. Возражал ей. Заступился за нее хотя бы во время их последнего разговора с Грюмом, чтобы она не чувствовала себя такой шлюхой.

Это было нерационально. Стратегически она знала, что Грюм прав. Даже если он не приказывал бы ей делать то, что хочет Драко, она все равно так поступила бы.

Такова была сделка.

Но иногда ей все же хотелось, чтобы кто-то попытался сказать ей «нет». Чтобы Гермиона могла быть уверена, что тошнотворное, царапающее ощущение внутри нее было правильным. Что это действительно ужасно и мерзко — быть проданной Пожирателю Смерти в обмен на информацию. Потому что хоть Малфой обычно не оскорблял Гермиону и не принуждал ее к сексу, поведи он себя иначе — у Грюма для нее были бы те же инструкции.

В конце концов, они все ожидали подобного исхода, когда отправляли ее к нему. Ожидали, что Драко так или иначе изнасилует ее.

Каким-то образом Гермиона не была готова к тому, как опустошающе тяжело будет переживать все это в одиночестве. Как ее тайная миссия будет медленно пожирать ее изнутри.

Конечно, она могла пойти к Минерве. Минерве будет не все равно. Она будет возражать всем от имени Гермионы. Но это станет слишком эгоистичным поступком со стороны Гермионы. Это только заставит ее бывшую наставницу горевать еще сильнее. Гермиона не собиралась отступать. Ее не нужно было отговаривать. Даже если бы каким-то чудом Грюм и Кингсли попытались это сделать, ничего бы не вышло.

Девушка просто хотела перестать чувствовать себя одинокой. Чтобы кто-то сказал ей, что в ее поступках есть смысл. Что все в порядке, если это ее ранит.

Это было глупо. Эмоционально. Желать, чтобы другие люди переживали за нее. Она попыталась раздавить это чувство. Но оно продолжало расти внутри нее.

Гермиона всегда была зависима от чужого одобрения. Желала, чтобы кто-то сказал ей, что она умна. Пыталась убедиться в своей значимости с помощью оценок и похвал.

Она прикусила губу. Никто никогда не похвалит ее за то, что она делает.

Если члены Сопrotивления узнают об этом, они, вероятно, обвинят ее в распутстве и моральном падении.

Война между Добром и Злом должна быть выиграна отказом Добра идти на компромисс со Злом. Только не с помощью темной магии. Только не через продажу целительницы Пожирателю Смерти ради получения информации.

Грюм и Кингсли участвовали в этом спектакле, позволяя принципам Сопrotивления оставаться соответствующими пожеланиям семьи Уизли и Гарри. Лица лидеров Сопrotивления по-прежнему были олицетворением Добра и Света.

Гермиона задумалась, как много действий Грюм и Кингсли совершали без ведома большинства членов Ордена. Действий, в которых Гермиона была их соучастницей. Например, в ситуациях, когда Кингсли перехватывал некоторых егереy и Пожирателей Смерти, ради которых иногда вызывали Гермиону, чтобы

та лечила их в перерывах между допросами. Или ее знание того, каким образом Билл и Флер содержали пленников для Ордена. Какими методами иногда допрашивали заключенных. Откуда поступала дополнительная провизия для бойцов.

Было так много логичных вопросов, о которых остальная часть Ордена, казалось, никогда не задумывалась. Как и о том, откуда стабильно поступает вся новая информация. Как после стольких месяцев минимума разведданных они внезапно начинают получать подробную информацию о местонахождении и защите тюрем Пожирателей Смерти, будущих нападениях в маггловской Британии и рейдах против Сопrotивления. Как Орден узнал, что нужно эвакуировать Кейтнесс или что Волдеморт временно покинул Британию.

Казалось, все старались не обращать внимания на подобные мелочи.

Единственное, что они не могли игнорировать, это то, что Северус был шпионом. Даже после пяти лет они все еще ненавидели его. Чарли, Рон или Гарри постоянно спорили с остальными, требуя исключения Северуса.

Гермиона вздохнула и отправилась на поиски Падмы.

На следующее утро она наложила на лицо Джинни последние Исцеляющие чары, добавив позже в лечение зелье Виггенвальда.

Палата, в которой лежала Джинни, пустовала. Гермиона заставила всех выйти, несмотря на яростные возражения Гарри и Рона.

Джинни медленно зашевелилась. Она приоткрыла один глаз и, застонав, уткнулась лицом в подушку.

Через мгновение девушка подняла голову и огляделась. Ее рука тут же метнулась вверх, чтобы коснуться лысого черепа, а затем переместилась к лицу. Она потрогала широкий шрам, который теперь пересекал ее лицо.

— Что произошло? — спросила Джинни. Ее голос звучал сухо.

Гермиона протянула ей стакан воды.

— Люциус Малfoy бросил в тебя Проклятие некроза, задев щеку, — сказала Гермиона так мягко, как только могла. — Рон спас тебя, срезав поражённую кожу прежде, чем проклятие смогло достигнуть твоего мозга.

Пальцы Джинни пробежались по шраму. Он начинался у линии ее волос, задевая лоб и спускаясь к челюсти. Края зашитой раны выглядели широкими и устрашающими, искажая и излишне разглаживая одну часть лица и заставляя сморщиться другую.

Джинни медленно села и положила руки на колени. Глядя на них сверху вниз, она сжала их в кулаки. С минуту девушка молчала.

— Не подашь мне зеркало? — наконец спросила Джинни.

Гермиона приготовила зеркало для Джинни, но помедлила, прежде чем отдать его.

— Шрам изменится. Через несколько месяцев после лечения он побледнеет и станет почти незаметным.

Нижняя губа Джинни задрожала, и она сжала губы в жесткую линию. Она протянула руку к зеркалу.

— Мне уйти, пока ты смотришь? Или остаться с тобой? — спросила Гермiona.

Джинни колебалась.

— Остаюсь... — наконец сказала она.

Гермiona протянула зеркало и ничего не сказала, а Джинни глубоко вздохнула и повернула его, чтобы рассмотреть свое лицо.

Наступило долгое молчание.

Джинни смотрела в зеркало, бледнея все сильнее, медленно поворачивая голову, чтобы рассмотреть все целиком. Ее пальцы медленно поднялись, скользя по шраму, как будто она не могла поверить, что это ее лицо отражается в зеркале.

Через несколько секунд Джинни сжала губы и слегка дернула головой, ее глаза наполнились слезами. Она смотрела еще мгновение, проводя пальцами по шраму, прежде чем убрать зеркало.

Затем Джинни резко втянула воздух через нос, словно стараясь не заплакать. Ее губы слегка скривились, и она продолжала крепче сжимать их, слегка покачиваясь на кровати.

Девушка продолжала делать резкие, быстрые вдохи через нос. Ее голова вздергивалась вверх с каждым ударом.

Наконец ее плечи опустились.

— Мерлин, я такая жалкая! — сказала она с легким всхлипом. — Я жива, но продолжаю рыдать из-за какого-то шрама.

Гермiona почувствовала, как у нее самой задрожала челюсть, когда она положила руку на плечо Джинни.

— Шрамы — это тяжело... — сказала Гермiona, и ее голос затих, заставляя горло сжиматься. — Все, что меняет наше представление о себе... это трудно. У тебя есть право переживать из-за этого. Тебе позволено горевать о себе. Тебе не нужно притворяться, что все в порядке.

— Знаю, — сказала Джинни хриплым голосом. — Я просто хочу снова быть собой. Чтобы все было хорошо. Я не хочу беспокоиться. Или думать, что этот шрам как-то изменил меня. Но... я лишь чувствую, что какая-то часть меня умерла. И это кажется таким мелочным и эгоистичным. Джордж потерял ногу, а я плачу, потому что у меня теперь порез на лице.

Слезы потекли из глаз Джинни, и она вытерла их тыльной стороной ладони.

Гермиона подождала несколько минут и, когда дыхание Джинни наконец немного успокоилось, взяла ее за руку.

— Гарри и Рон ждут снаружи, — сказала Гермиона. — Но ты можешь провести одна столько времени, сколько захочешь, прежде чем принимать посетителей.

Джинни слегка дернулась.

— Они... они... — заикнулась Джинни и неловко поерзала. — Гарри уже видел его?

Гермиона кивнула.

— Гарри был с тобой все это время. Я заставила его уйти. Я подумала, что тебе понадобится немного времени.

Джинни кивнула.

— Возможно, ещё пару минут, — сказала девушка через мгновение.

Гермиона присела на край кровати Джинни.

— Ты все еще одна из самых красивых девушек, которых я знаю, — сказала ей Гермиона.

Джинни фыркнула.

— Перестань. Ты бы так сказала, даже если бы Рон отрезал мне нос.

Гермиона закатила глаза.

— Я бы не стала. Краснота и воспаление пройдут через какое-то время. Если ты позволишь мне исцелять его регулярно. И будешь пить восстанавливающие зелья. Позже кожа вокруг шрама станет более эластичной, так что ты перестанешь чувствовать его. Он побледнеет. И, если хочешь, я могу помочь тебе маскировать его чарами.

— Все нормально. Я всегда хотела выглядеть круто, когда была маленькой. Представляешь, как пугающе я теперь буду выглядеть на поле боя? Вся лысая и с этой сумасшедшей штуковиной у себя на лице, — слабо пошутила Джинни. Застывшая дежурная улыбка на мгновение озарила ее лицо. Затем натянутое веселье исчезло, и она стала похожа на ребенка.

— Я скучаю по маме, — тихо сказала Джинни.

Даже когда ее дети были ранены, Молли редко могла позволить себе навестить их.

Гермиона обняла Джинни, и та тихонько всхлипнула ей в плечо.

— Хочешь поехать к ней сегодня? — спросила Гермиона.

— Нет. Она с ума сойдёт от беспокойства, — сказала Джинни, слабо качая головой. — Я навещу ее, когда он немного побледнеет. У тебя есть зелье для

отрастания волос?

— Извини. Не прямо сейчас. Я попрошу Падму сварить немного. Оно будет готово в течение следующего часа.

— Что ж, это большое облегчение. По крайней мере, мне не придется вечно быть одновременно лысой и уродливой.

Гермиона покачала головой и снова обняла Джинни. Девушка всегда была склонна отпускать ужасные шутки о себе, когда лежала в больнице.

Когда Гермиона ушла, Джинни была полностью окружена вниманием Гарри и ее братьев под бдительным оком Поппи и Падмы.

Грюм сообщил, что Северус будет дома через два часа, поэтому Гермиона аппарировала туда на несколько минут раньше положенного, а затем осторожно приблизилась к Паучьему переулку. Гермиону никогда не переставало озадачивать, как это место может быть таким унылым даже летом. Словно особенности личности Северуса каким-то образом передались его дому.

Дверь была закрыта. Гермиона тихонько постучала и стала ждать. Поскольку он больше не был профессором, даже самая элементарная вежливость Северуса полностью исчезла. Иногда он оставлял членов Ордена ждать у своего порога в течение часа. Фред и Джордж однажды попытались просто вломиться к нему и вернулись на Гриммо, демонстрируя фурункулы по всему телу.

Гермиона простояла у двери еще несколько минут, прежде чем вытащить книгу, приготовившись к ожиданию.

Девушка успела прочесть две главы своей книги по психологии, когда дверь резко распахнулась. Она быстро встала и последовала за развевающимися одеяниями, которые уже исчезли за углом гостиной.

Северус уже сидел в одном из своих неудобных кресел, когда появилась Гермиона. Она присела на самый краешек другого стула и посмотрела на него.

— Гоблинская сталь, пропитанная ядом василиска. Достаточно ли этого, чтобы уничтожить крестраж? — спросила она, решив пропустить банальные любезности светской беседы.

Северус моргнул; его ониксовые глаза всегда были непроницаемы. Она почти видела окклюменционные стены вокруг него.

— Меч Гриффиндора, — сказал он через мгновение.

Гермиона кивнула.

— Думаю, да, — медленно произнес он, задумчиво сложив пальцы. — Хотя мы не будем знать наверняка, пока не испробуем эту теорию на крестраже.

Гермиона кивнула со слабым вздохом. Губы Северуса слегка скривились.

— В такие моменты... мне всегда любопытно, как сильно Альбус манипулировал событиями на протяжении многих лет, — сказал он.

Гермиона удивленно произнесла:

— Думаете, события второго года обучения были спланированы?

Он отмахнулся от нее легким движением руки.

— С Альбусом невозможно ни в чем быть уверенным наверняка. Но это до странного удобно, что у нас есть подобное оружие в пределах досягаемости, — сказал Северус. Затем его лицо стало жестким. — Он всегда был слишком уверен в своих навыках манипулирования. Возможно, если бы он был менее скрытен, мы не проигрывали бы сейчас войну.

— Что вы имеете в виду?

Северус посмотрел на нее.

— Вы уже в курсе, что его рана от кольца была смертельной. Я готовил зелья, чтобы сдержать проклятие, но смерть Дамблдора стала неизбежна в тот момент, когда его пальцы коснулись кольца. Он планировал свою гибель на конец шестого курса. Он даже потребовал, чтобы я убил его, а не оставил на растерзание проклятию. Еще до начала семестра он начал подозревать, что Драко попытается его убить.

Гермиона в шоке уставилась на него.

— Альбус был настолько уверен, что у него все под контролем, что не принял достаточных мер предосторожности, — продолжил Северус. — Не могу представить, чтобы он просто забыл упомянуть о крестражах после того, как был проклят одним из них. Вероятно, он намеревался сообщить о них Поттеру с помощью серии туманных намеков. Он знал о ранних годах Темного Лорда гораздо больше, чем кто-либо другой, но никогда не снисходил до того, чтобы доверить свое знание другим.

Выражение лица Северуса стало горьким и отстраненным, когда он замолчал.

— Он знал, что Драко попытается его убить? — спросила Гермиона, ошеломленная этим открытием.

— Знал. Подозревал, — ответил Северус с легким кивком. — Когда дело касалось Альбуса, трудно было говорить наверняка, но да, он предвидел это. К несчастью для его планов, Драко оказался более быстрым и решительным, чем он ожидал. Можно было предположить, что такой старый волшебник будет менее беспечным, но это явно было не так. Его чрезмерная самоуверенность навредила всем, кто смог пережить его.

Северус взглянул на Гермиону.

— Почему вы вдруг вспомнили о мече Гриффиндора? — спросил он подозрительно небрежным тоном.

Гермиона встретила с ним взглядом.

— Меня навела на эту мысль травма, с которой я недавно столкнулась, —

ответила девушка.

— Ну конечно, — сказал Северус с лукавым выражением лица.

Гермиона посмотрела на него.

— Вы были в курсе наказания Драко?

— Безусловно. Мне выпала восхитительная задача: сжегивать яд Нагайны. Аластор упоминал, что вы вызвались исцелять его. Я был удивлен, услышав это.

— Не то чтобы он мог хоть как-то скрыть свою травму. Вы хоть представляете, насколько критическим было его состояние? Том намеревался отравить его магию. К тому времени, как я узнала... — Гермиона на минуту замолчала. — Жаль, что вы не предупредили меня, чтобы я могла начать действовать раньше.

Северус молчал и оценивающе изучал Гермиону.

— Вы этим воспользовались, — наконец сказал он.

Гермиона слегка покраснела и встретила с ним взглядом.

— Да, — ответила она. — Это показалось мне логичным решением. Вы были правы, он изолирован. Драко чуть не выпрыгнул из кожи, когда я впервые прикоснулась к нему, чтобы исцелить.

— Если бы вас годами обучала Беллатриса Лестрейндж, вы бы тоже вздрагивали каждый раз, когда кто-то дотрагивается до вас, — сухо заметил Северус.

Задумавшись, Гермиона спросила:

— Что вы знаете о его обучении? Он говорил вещи... которые... не укладываются у меня в голове. Применяемая жестокость кажется чрезмерной даже по стандартам Пожирателей Смерти.

Рот Северуса дернулся.

— Изначально его завербовали в качестве наказания за неудачу Люциуса. Следовательно, полагаю, Темный Лорд дал Белле много свободы в отношении методов обучения. Она с подозрением относилась к моей верности, поэтому это был не тот процесс, в детали которого меня посвящали. Но я знаю, что, несмотря на жестокость, Драко был настроен решительно. Он выносил все и продолжал возвращаться, даже когда в этом уже не было необходимости. Он был полон решимости подняться по служебной лестнице и стал самым молодым волшебником, когда-либо получившим Метку. В тот момент семья Малфоев не могла позволить себе оказаться в чем-то несостоятельной.

— Был ли кто-то, с кем он был близок в прошлом? Возможно, кто-то погиб? Человек, который был ему небезразличен? Его мотив... иногда видится мне искуплением за что-то.

Северус сцепил пальцы и задумчиво прижал их к губам.

— Насколько я знаю, нет. По крайней мере, не среди его одноклассников, —

сказал он через минуту.

Гермиона вздохнула.

— А как же его мать? Он как-то упоминал ее.

— Нарцисса стала затворницей после ареста Люциуса. Я редко видел ее, а когда она появлялась, то была очень замкнута. Если у нее и были возражения, я никогда не слышал, чтобы она их высказывала.

— Мне показалось, что они были близки во время его обучения в Хогвартсе, — сказала Гермиона, склонив голову набок и пытаясь вспомнить подробности о Нарциссе Малфой. — Она часто отправляла ему посылки совиной почтой. Не похоже, чтобы ей были безразличны его дела.

— Возможно, заключение мужа произвело на нее куда более сильное впечатление. Очевидно, что смерть Нарциссы очень сильно повлияла на Люциуса.

Гермиона слегка вздрогнула при мысли о Люциусе.

— Значит, Драко бросили на растерзание без чьей-либо защиты, — заключила она, чувствуя жалость к нему. Она подавила в себе это чувство и сменила тему разговора. — Люциус чуть не убил Джинни прошлой ночью. Мы до сих пор не знаем, как он их выследил.

— Существуют заклинания Генетического следа, — задумчиво произнес Северус. — Это очень темная магия, требующая немалых физических затрат. Однако я не стал бы недооценивать решимость Люциуса.

— Есть ли способы нейтрализовать подобные заклинания?

— Я пошлю книгу Грюму. Не думаю, что Уизли в состоянии адекватно воспринимать советы по любым защитным ритуалам, рекомендованным мной... или вами, если уж на то пошло.

Губы Гермионы сжались, и она отвела взгляд, чувствуя себя уязвленной такой справедливой оценкой. Ее методы в отношении темной магии и общение с Северусом стоили ей большого доверия среди ее друзей.

Девушка проглотила обиду и резко сменила тему разговора.

— Я наконец-то нейтрализовала яд в рунах и собираюсь зашить раны завтра вечером. У вас будут какие-нибудь рекомендации?

Северус фыркнул.

— Уверен, ваше запланированное лечение будет лучшим, на что он может надеяться.

Гермиона пристально посмотрела на Северуса. Казалось, она что-то упускает.

— Хорошо, — сказала девушка, вставая.

— Скажите, мисс Грейнджер, что вы теперь думаете о Драко?

Гермиона остановилась и посмотрела на Северуса. Его глаза сузились. Почти в подозрении. Ее губы дернулись, прежде чем она почувствовала, что готова заговорить, и она сжала их на мгновение, собираясь с мыслями. Гермиона заправила выбившийся локон за ухо.

— Он одинок. И злится по какой-то причине. Я думаю, он хочет быть лучше, чем есть. Вы были правы, что-то во мне притягивает его. Он старается не показывать этого, но, кажется, не может сопротивляться, когда у него появляется возможность.

Северус внимательно посмотрел на нее, и Гермиона задалась вопросом, что же он смог прочесть на ее лице.

— Не истолковывайте это как преданность, — сказал он через мгновение.

— Я этого не делаю, — возразила Гермиона, теребя подол своей рубашки. — Я понимаю, что это еще ничего не значит. Это нельзя пока использовать как какой-то рычаг давления. Но я надеюсь, что если буду осторожна, то в конце концов смогу извлечь из этого выгоду. Эмоционально... он уязвим. Нет никого, кому он может доверять. Я не думаю, что у него вообще есть кто-то, кто заботится о нем. Думаю, со временем он не сможет сопротивляться тому, что я ему нужна. Он упомянул, что... из-за рун, когда он хочет чего-то... его труднее разубедить. Я думаю, что в конце концов смогу это использовать.

Рот Северуса дернулся, подозрение исчезло из его глаз, но лицо напряглось.

— В таком случае, если вам удастся добиться успеха, вы с такой же вероятностью сможете уничтожить Орден, как и спасти его. Надеюсь, вы уже поняли, насколько он опасен. Если вы таким образом решили вытеснить все его нынешние амбиции...

Северус на мгновение замер.

— Если даже Темный Лорд не смог держать его на привязи, я бы не советовал обманывать себя, думая, что вы сможете управлять им.

Гермиона слегка дернулась и уставилась в холодный камин. Ее тело сковало напряжение, а ноги задрожали, хотя она изо всех сил старалась не сломаться. Гнев вспыхнул в ней, подобно взрыву.

— *Вы* велели мне сделать его преданным. Именно *вы* рекомендовали использовать его интерес, — сказала девушка резким голосом. — Теперь вы называете меня сумасшедшей и обвиняете в том, что я подвергаю опасности Орден.

— Я сказал *поддерживать* его интерес. Вы же пытаетесь заставить его зависеть от вас, — ответил Северус внезапно ледяным тоном. — Разница велика. В некоторых отношениях Малфои ближе к тому, чтобы быть драконами, чем волшебниками. Они не делятся своим. Они одержимы тем, что считают своим. Вы знаете, в ком нуждался Люциус? В Нарциссе. Если вы преуспеете в том, что пытаетесь сделать, он никогда не отпустит вас. Он не будет удовлетворен лишь второстепенным участием в вашей жизни или таким же отношением к нему.

Сердце Гермионы слегка дрогнуло. Она чувствовала, как холодный ужас сползает с затылка и растекается по мышцам. Девушка расправила плечи и встретила взглядом Северуса. Она резко вдохнула.

— Он уже владеет мной, — сказала Гермиона с горечью в голосе. — Сейчас и после войны. Таковы были условия. Если не считать его смерти, когда именно Орден собирался меня отпустить? Нам нужна эта информация. С того самого момента, как вы все согласились продать меня ему, моя судьба уже была определена. Неужели вы действительно думали, что я вернусь оттуда?

Ее плечи слегка дрожали.

— Я не знаю, как сохранить его интерес, не привязывая его эмоционально. Это его единственная слабость. Если вы считаете, что это большой риск, вам следует поговорить с Грюмом, потому что я... *не вижу... другого... пути.*

Ее голос дрожал и несколько раз прерывался, пока она произносила последние слова. Гермиона резко выдохнула сквозь зубы, пытаясь успокоиться.

— Он природный окклюмент. Гораздо лучше меня. У меня не было другого выбора, — добавила она.

Северус выглядел удивленным.

— Это в корне меняет дело, — сказал он через мгновение.

— Теперь вы понимаете мое затруднение, — проговорила она, глядя в пол. — Если вы думаете, что я совершаю ошибку, вы должны сообщить Грюму об этом прямо сейчас.

Он ничего не ответил.

— Тогда мне лучше уйти.

Покидая Паучий переулок, Гермиона чувствовала себя неуверенной и сбитой с толку. Там было слишком душно и тесно. Ей нужно было пространство, чтобы дышать. Она закрыла глаза и аппарировала к ручью.

Девушка шагнула с берега на большой валун в воде, садясь на него. Быстро сбрасывая туфли, она погрузила ноги в холодный ручей. Острое ощущение воды приносило с собой ясность.

Гермиона не знала, почему все время возвращается сюда. Наверное, это было единственное место, где она ничего не скрывала.

Девушка смотрела на воду, вспоминая предупреждение Северуса, и чувствовала себя растерянной. Все надежды, которые она питала в начале недели, как будто начали растворяться где-то внутри нее. Она прижала руки к глазам и постаралась дышать ровно.

Гермиона не могла колебаться. Если у Северуса существовали какие-то альтернативы или возражения, ему следовало обсудить их с Грюмом. Она не могла изменить тактику сейчас, когда наконец нашла ту, которая работает.

Девушка смотрела вниз на свою упавшую молитвенную башню.

Она чувствовала себя такой... злой.

В ней разгоралась обида на весь мир. Через какое-то время Гермиона почувствовала, что вот-вот взорвется от нахлынувших эмоций.

Она злилась на Северуса — за то, что он обвинил ее в угрозе Ордену; на Грюма и Кингсли — за то, что они решили попросить ее стать шлюхой, зная, что у нее не будет выбора; на Гарри и всю семью Уизли — за то, что они отказывались использовать темную магию и довели войну до того, что Гермиона почувствовала, что не может отказаться от предложенного ей выбора; на родителей — за то, что они были беспомощны и нуждались в ее защите; и даже на Минерву — за то, что та была так расстроена из-за Гермионы, и теперь Гермиона чувствовала, что должна защитить Минерву от горя.

Гермиона всегда считала, что сможет сделать для своих друзей все что угодно. Все что угодно, лишь бы защитить их.

Каким-то образом все принятые ей решения привели ее к полной изоляции, и теперь она чувствовала, что умирает от разбитого сердца.

Должен же быть предел. Момент, когда ее сердце по крайней мере перестанет так болеть.

Но этого, казалось, никогда не произойдет. Боль просто продолжала расти, и когда-нибудь кто-то сломает ее фасад, как это пытались сегодня сделать Гарри и Северус...

Гермиона больше не знала, как привести себя в порядок, и казалось, никто даже не замечал, что она ломается.

Она позволила себе плакать в течение пяти минут, прежде чем использовать окклюменцию, загоняя отвлекающие эмоции на край своего сознания. Плач заставил ее почувствовать легкое головокружение и вызвал боль в висках. Девушка достала из сумки болеутоляющее зелье и проглотила его.

Гермиона закрыла глаза и заставила себя перестать думать о других людях.

Полуденное солнце просачивалось сквозь деревья и согревало ее руки. Воздух наполнялся запахом речной воды и грязи, а также резким запахом зеленого тростника. Через несколько минут она откинула голову назад, чтобы окунуться в лучи солнца. Гермиона не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала на своем лице тепло солнечных лучей. Свет от восхода солнца всегда был холодным, несмотря на свою красоту.

Все в ее жизни было холодным.

Через несколько минут она пришла в себя. Девушка вытащила ноги из воды и ещё раз взглянула на ручей, прежде чем аппарировать на Площадь Гриммо.

39. Флэшбэк 14.

Август 2002.

Тем вечером они с Малфоем оба были не в духе. Он даже не вздрогнул, когда Гермиона использовала Очищающее заклинание, и не сказал ни слова, пока она наносила на его спину мазь с аналгетиком.

— Мелкая Уизли выжила? — вдруг спросил он, вставая со стула.

Гермиона удивленно посмотрела на него. Она пыталась понять причину, по которой Малфой заинтересовался состоянием Джинни. Неужели Люциусу требовалось подтверждение?

Малфой ещё не успел надеть рубашку и стоял так близко к Гермионе, что та почти чувствовала жар, исходящий от его тела. Он смотрел на неё сверху вниз, и, когда она ничего не ответила, по его лицу скользнула тень какой-то эмоции.

— Значит, выжила, — сказал он, отодвигаясь от неё и натягивая рубашку.

Гермиона моргнула, прогоняя оцепенение.

— Выжила. Но не по причине того, что твой отец плохо старался, — ответила она с горечью.

Лицо Драко ожесточилось.

— Надеюсь, ты не собираешься вешать на меня ответственность за поступки моего отца. Думаю, мне достаточно своих собственных грехов, — сказал он сдержанным тоном, быстрыми движениями застёгивая рубашку.

— Просто я не понимаю, зачем тебе интересоваться Джинни, — признала Гермиона. Она не чувствовала в себе сил продолжать этот разговор.

— Грейнджер, возможно, ты удивишься, но у меня нет особого желания наблюдать, как умирают твои друзья.

Гермиона промолчала. Она не представляла, что можно ответить на это.

— Отец... он... — начал Драко, но, засомневавшись, замолчал. Его лицо снова превратилось в холодную маску. — Забудь.

Гермиона почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Ей нужно было поговорить с ним. Не дать ему снова закрыться. Она протянула руку и схватила его за запястье. Драко остановился и повернулся к ней, на его лице застыла маска безразличия.

— Прости. Твой вопрос сбил меня с толку. Я не виню тебя в том, что сделал твой отец. Просто... — голос на секунду подвёл ее. Гермиона крепче сжала запястье Малфоя. — Я знаю, с каким презрением ты относишься ко всем Уизли... Но то, что творит Люциус... это просто ужасно.

Какое-то время Малфой ничего не говорил.

— Мне жаль, — наконец сказал он. — Сомневаюсь, что ты поверишь мне, но... я знаю, что его месть бессмысленна.

— Ты не согласен с его мнением? — осторожно спросила девушка, ожидая реакции.

Сжав ладонь Гермионы, Малфой аккуратно высвободил своё запястье из ее хватки.

— Если бы я винил Уизли в смерти матери, то не стал бы интересоваться здоровьем младшей из них.

— Спасибо, что спросил про Джинни, — сказала Гермиона, неловко отводя взгляд. — Понимаю, как, должно быть, это для тебя непросто. Я помню, как ты восхищался своим отцом.

Драко выглядел так, словно ему было некомфортно оттого, в какую сторону повернул их разговор.

— Что ж, тогда... До встречи, Грейнджер, — сказал он и, не добавив больше ни слова, аппарировал.

После его ухода Гермиона провела ещё несколько минут в хижине, заново проигрывая в уме состоявшийся разговор, прежде чем аппарировать на Площадь Гриммо.

Поднявшись на второй этаж, она обнаружила, что в её комнате были Гарри и Джинни. На несколько секунд девушка в нерешительности застыла посреди коридора, прежде чем развернуться и отправиться обратно к лестнице. Проходя мимо одной из комнат, Гермиона заметила знакомую рыжую макушку, склонившуюся над столом с картами. Девушка остановилась и легонько постучала в дверь.

— Эй, Миона, — рассеянно произнёс Рон, передвигая фигуры на карте. Выражение его лица было напряженным.

— Есть минутка? — спросила она.

— Конечно. — Он сунул палочку в задний карман джинсов и взглянул на неё. — Изучаю отчеты за те дни, что меня не было. Смотрю, у Сопротивления было немало работы в последнее время. Ты, наверно, была сильно занята?

Он бросил на нее пронизательный взгляд. Гермиона опустила глаза.

— Я уверена, ты понимаешь суть подобной стратегии, — тихо произнесла она.

— Кингсли использует крестражи, чтобы держать Гарри подальше от поля боя, — сказал он.

Гермиона коротко кивнула.

— Ты ведь осознаёшь причину?

Выражение лица Рона стало жестче, когда он пожал плечами и кивнул.

— Чтобы не рисковать Гарри в мелких стычках, потому что тот нужен для финального удара. Да. Я понимаю. Но это не значит, что мне это нравится. И некоторые из этих рейдов... — Он вытащил несколько свитков и просмотрел их. — Это почти самоубийственные миссии. Я не представляю, как Кингсли удаётся все проворачивать перед остальными, манипулируя влиянием Гарри. Нас не было всего пару недель, и вот как изменилась его тактика...

Он замолчал, сердито глядя на отчеты.

— Скажи мне, скольких мы потеряли за эти недели?

Гермиона уже собиралась ответить, но Рон резко прервал ее:

— Хотя можешь не отвечать. Я вижу цифры в чертовом отчете. Просто, блять, невероятно! Если бы Кингсли сейчас был здесь, я бы ему врезал!

Его лицо побагровело от ярости.

— Рон, мы не можем продолжать вести войну без потерь, — сказала Гермиона, чувствуя, как ее внутренности сжимаются при воспоминании о том, скольким людям она закрывала глаза за последние несколько недель. Как им с Биллом пришлось накладывать заклятие Расширения на одно из убежищ, чтобы там поместились все смертельно раненные бойцы. — Не думаю, что ты понимаешь, насколько истощены наши ресурсы. Как считаешь, сколько ещё лет Сопротивление сможет продержаться только на наследстве Гарри? В Больничном крыле не хватает персонала и медикаментов. Влияние Тома над Европой усиливается. Единственный вариант, который у нас остался, — это принять ситуацию и взять на себя ответственность за все эти решения. И мы не можем рисковать Гарри.

Рон молчал. Гермиона видела, как он сжал челюсти, пытаясь справиться с эмоциями.

— Нам нужно отыскать крестражи, — наконец сказал он. Гермиона медленно выдохнула. Она не замечала, что все это время задерживала дыхание, ожидая его реакции. Затем девушка кивнула.

— Да, — ответила она. — Том и Гарри — ключевые фигуры в войне. Пожиратели Смерти амбициозны и нестабильны. Том — та сила, которая держит армию сплоченной. Если мы сможем убить его окончательно, это даст толчок личным междоусобицам. У Сопротивления появится шанс нанести решающий удар.

— Единственный плюс в одержимости Тома собственным бессмертием — это то, что он даже не думает о выборе преемника, — устало отметил Рон, смотря на один из лежавших на столе отчетов. Гермиона могла разглядеть на нем свою подпись, подтверждавшую количество пострадавших и погибших. Бездушные цифры, выведенные на бумаге ее аккуратным почерком. — Хотя я не сомневаюсь, что Малфои будут считать себя первыми в очереди к власти теперь, когда Беллатриса мертва. Ебанные психопаты.

— Тебе нужно убедить Гарри, что поиск крестражей для нас сейчас на первом месте, — сказала Гермиона, смотря Рону прямо в глаза. — Это очень важно.

После того, что случилось с Джинни, боюсь, он захочет снова участвовать в сражениях, игнорируя поиски.

Рон слегка побледнел.

— Понимаю, — тихо ответил он.

Гермиона нерешительно подошла ближе.

— Рон, то, что я сказала на вчерашнем собрании... Надеюсь, это не заставило тебя чувствовать себя виноватым. Ты спас Джинни. Я подумала, что не могу скрывать эту информацию от Ордена, но я не хотела причинить тебе боль.

— Все в порядке, — сухо ответил он. — Ты поступила правильно.

— Мне очень жаль...

— Прекрати, я действительно не хочу об этом говорить, — сказал Рон дрожащим голосом, не терпящим возражений.

Гермиона посмотрела на него. Кончики его ушей покраснели, а сам он был бледен, как полотно. Веснушки на его лице выделялись ярко, словно капли крови.

Если она продолжит, он взорвется.

Гермиона почувствовала, как у неё сжалось сердце.

— Ладно... Тогда я не буду больше отвлекать тебя, — сказала она и повернулась к выходу.

Выйдя в коридор, девушка направилась к лестнице.

Существовало так много тем, которых она избегала при общении с Гарри и Роном, чтобы не ссориться с ними. Она многое скрывала от друзей. Это еще больше увеличивало и без того огромную пропасть между ними.

Гермиона всегда старалась в первую очередь думать о делах. О задачах, которые ей было необходимо решить. Отодвигала собственные чувства на задний план, обещая себе, что когда-нибудь разберётся с ними. Она верила, что когда-нибудь закончится война и они с Гарри и Роном смогут разрешить все свои разногласия.

Но война затянулась на долгие годы.

И теперь они чувствовали себя рядом друг с другом почти незнакомцами. Накопилось слишком много обид. Слишком много тем, которые они не успели обсудить вовремя. Корни проблем в их отношениях уходили куда глубже регулярных ссор на почве стратегии боя.

Надежда, что однажды они смогут вернуть прежнюю дружбу, таяла все сильнее с каждым днём.

Возможно, у них ещё оставался шанс восстановить отношения до того дня, как

ее отдали Малфою... Но не теперь.

Гермиона была почти уверена, что совершила то, за что друзья никогда не смогут ее простить. Пересекла черту, после которой уже не было пути назад.

Даже просто думая об этом, она начинала задыхаться.

Гермиона поднялась в тренировочную комнату. Подойдя к шкафу, в котором хранилась экипировка, она просунула ноги в щель между ним и полом и стала качать пресс до тех пор, пока не почувствовала, как мышцы живота горят от напряжения.

Девушка заметила, что рекомендованные Драко упражнения помогали ей отвлечься от тяжелых мыслей. Гермиона не собиралась признаваться ему в этом, но она очень сожалела, что не начала тренироваться ещё много лет назад. Даже окклюменция не позволяла волшебнику избежать влияния продолжительного стресса на организм. Упражнения позволяли контролировать выработку кортизола.

Повышение уровня эндорфинов в крови после тренировки также было немалым плюсом, как отмечала про себя Гермиона.

После того, как девушка сделала столько подходов на пресс, что едва смогла заставить себя подняться с пола, она перевернулась на живот и принялась отжиматься. Это упражнение Гермионе давалось плохо, но она была решительно настроена довести количество подходов до того количества, которое прописывал Драко в графике тренировок.

После окончания тренировки Гермиона была липкой от пота и чувствовала себя так, словно на неё наслали проклятие Ватных ног. Она смогла выполнить лишь четверть от необходимого количества подходов, но зато ей удалось справиться со всеми упражнениями из плана.

Покинув тренировочную комнату, Гермиона с трудом спустилась по лестнице вниз на несколько пролетов и, устроившись на широком подоконнике, сразу заснула.

На следующее утро все ее тело болело. Казалось, она чувствовала каждую мышцу. Девушка поспешила спуститься на первый этаж и занять ванную, чтобы принять душ, пока все остальные обитатели дома ещё спали.

Вечером Гермиона решила ещё раз мысленно пройтись по тем вещам, которые могли понадобиться ей для встречи с Драко. Она купила бутылку дешевой текилы на случай, если он все же захочет выпить. Девушка сомневалась, что Драко когда-нибудь пробовал маггловский алкоголь, и решила, что он заслуживает небольшого наказания за то, что не послушался ее совета и не захватил что-то себе по вкусу.

Пока Гермиона складывала в сумку склянки с зельями, она почувствовала, как кто-то пересёк Охранные чары, которым был окружён шкаф с ингредиентами. Повернувшись, она увидела Гарри, неловко застывшего позади неё.

— Гермиона, — произнёс он, лишь на секунду встретившись с ней глазами, прежде чем снова опустить взгляд.

— Да? — осторожно спросила она, положив еще несколько склянок в карман своей сумки.

— Я... — начал Гарри и запнулся.

Гермиона взглянула на наручные часы. У неё оставалось семь минут до встречи с Драко.

— Это Джинни заставила тебя прийти? — спросила она с нотой раздражения в голосе. Ещё до того, как Гарри с Джинни начали встречаться, Джинни всегда старалась помирить друзей после каждой их ссоры.

— Да, — неловко ответил Гарри, засунув руки в карманы. Гермиона сжала челюсти.

— Что ж, можешь передать ей, что мы с тобой поговорили. Все в порядке. Я не обижена. Уверена, тогда в тебе говорили усталость и переживания за лучшего друга, — сухо сказала Гермиона, ещё раз взглянув на часы.

Гарри ничего не ответил, и Гермиона стала обходить его, собираясь выйти из комнаты. Он поймал ее руку.

— Гермиона, — его голос был твёрд. — Прости меня. Мне действительно жаль, и это не из-за Джинни. Я пересёк черту. Я был очень зол из-за того, каким виноватым чувствовал себя Рон, и сорвал свою злость на тебе. Я знаю, что ты всегда ставишь самочувствие пациентов на первое место, но я позволил себе сомневаться в тебе.

Гермиона остановилась и взглянула на Гарри, сохраняя спокойное выражение лица.

Он извинялся за то, что недооценивал и оскорблял ее как целительницу. Гарри воспринимал ее как профессионала. Не как друга.

Несколько секунд он внимательно вглядывался в ее лицо.

— Ты... все еще моя близкая подруга, — добавил он.

Гермиона почувствовала, как все внутри заледенело. Словно раньше в ее груди горел огонь, который внезапно погас, и она осталась одна в темноте.

Его последние слова о том, что она его близкий друг... Он вспомнил о них не сразу. Гарри лишь сказал то, что много раз говорил ей до этого. Словно по привычке, он чувствовал, что должен сказать это.

Гермиона ощутила, как у неё задрожали губы.

Она посмотрела на Гарри. Видимо, что-то промелькнуло в выражении ее лица, потому что в следующую секунду он подошёл ближе и заключил ее в объятия.

На минуту она позволила себе просто расслабиться в его руках.

Гермиона старалась собраться с мыслями. У неё не было ни времени, ни сил на

эти эмоции.

Она сжала руки в кулаки и на несколько секунд крепко прижалась к Гарри в ответ, прежде чем заставить себя возвести в разуме ментальные стены. За пределами этих стен для Гарри не было места.

— Я просто устала. Ты правильно сделал, что встал на защиту Рона. Ты был прав, я не подумала о нем, когда заговорила о мече Гриффиндора. — Она высвободилась из рук Гарри. — Рон тоже твой близкий друг.

Гарри внимательно посмотрел на неё.

— А ты все еще считаешь меня своим другом? — спросил он.

Гермиона встретила с ним взглядом.

— Лучшим, — ответила она твёрдо. — Ты всегда будешь моим лучшим другом.

На лице Гарри промелькнуло облегчение.

— Джинни хочет сходить в какой-нибудь маггловский паб, чтобы, как она выразилась, проверить на других своё новое лицо. В общем, мы и ещё несколько человек собираемся выбраться куда-нибудь сегодня вечером. Помфри сказала, что у тебя сегодня нет дежурства. Не хочешь пойти с нами?

На секунду сердце Гермионы забило быстрее от радости, но затем она почувствовала укол разочарования.

— Я не могу, — сказала она. — Пообещала осмотреть пациентов и провести инвентаризацию в одном из убежищ для досмотра умирающих.

— Ладно... просто хотел предложить, — сказал Гарри.

— Повеселитесь там.

Гарри кивнул.

— Тогда я пойду расскажу Джинни.

Гермиона смотрела, как он выходит из палаты. Когда Гарри ушёл, она закрыла дверцу шкафа с зельями и простояла пару минут, стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

Она сделала несколько резких выдохов через нос и ударила носком туфли по плинтусу, тут же ощутив, как пальцы ноги пронзает острая боль.

Ей нельзя было плакать. Ей предстояло провести сложную процедуру по исцелению. В ее голове не было места для переживаний из-за друзей.

Гермиона сжала губы и постаралась сконцентрироваться.

Спустя минуту она смогла побороть эмоции и выровнять дыхание. Покидая дом на площади Гриммо, она даже смогла заставить себя кивать и улыбаться всем встречавшимся ей членам Ордена.

Гермиона аппарировала в хижину на четыре минуты позже оговоренного времени. Спустя минуту в комнате появился Драко.

Он пристально посмотрел на неё.

— Я уже было подумал, что ты решила не приходить, — сказал он сухо.

— Кое-кто хотел поговорить со мной, а у меня не было подходящего оправдания, чтобы избежать разговора, — ответила она, взмахом палочки придвинув стол и принявшись расставлять на нем склянки с зельями, которые доставала из сумки.

Малфой какое-то время молча наблюдал за ее работой.

— Ты просто ходячий госпиталь, — заметил он.

— Мне нужно, чтобы все необходимое всегда было под рукой.

После того, как девушка расставила на столе зелья в том порядке, в котором они должны были понадобиться ей во время процедуры, она призвала заклинанием стул из другого конца комнаты.

— Новая кожа на ранах не должна мешать твоим движениям. Будет проще удостовериться в этом, если ты будешь сидеть на стуле, а не лежать на медицинском столе, — сказала Гермиона. — Тебе следует полностью снять рубашку.

Малфой начал расстегивать пуговицы, пока Гермиона в последний раз пробежалась взглядом по выставленным на столе склянкам, проверяя, что все готово к процедуре.

— Есть два способа, которыми можно исцелить такие глубокие раны, как у тебя, — сообщила она, встретившись взглядом с Малфоем. — Один из них — безболезненный, но соединительная ткань, образовавшаяся на месте травмированной мышечной ткани будет ещё долгое время мешать твоим движениям. Другой способ — болезненный, но у меня будет возможность проконтролировать, что исцелённые ткани не будут препятствовать твоей ловкости. Я предполагаю, что ты выберешь последний.

Малфой кивнул, продолжая внимательно смотреть на неё.

— Я могу нанести анальгетик на порезы, которые не буду зашивать. Использование обезболивающих зелий на глубоких порезах невозможно, так как те могут притупить твои ощущения и мы не сможем понять, правильно ли формируется рубцовая ткань. Процедура будет очень болезненной.

— Я в курсе, — ответил Малфой жестким голосом.

Гермиона достала из сумки бутылку с текилой и поставила ее на стол.

— Алкоголь должен помочь. Конечно, не стоит доводить себя до опьянения, но если ты выпьешь немного, это поможет тебе перенести боль. При этом мы сможем удостовериться, что швы не будут мешать подвижности твоей спины. Это маггловское спиртное — текила. Очень дешевое. Орден не выделяет нам

отдельный бюджет на алкоголь.

Она взяла в руки флакон с Успокаивающим зельем:

— Двойная доза успокоительного также должна помочь перенести процедуру. Нужно, чтобы твоё тело оставалось расслабленным.

Она передала Драко флакон с зельем и проследила, чтобы он его выпил.

— Готов? — спросила Гермиона. Она уже и забыла, когда в последний раз так волновалась перед процедурой исцеления.

Малфой оседлал стул, и девушка приступила к работе.

Она аккуратно срастила разорванные мышечные волокна и зашила кожу, а затем заставила Малфоя свести и развести лопатки и покрутить плечом. Кожа на рубце мешала его движениям. Гермиона использовала специальное заклинание, чтобы уменьшить ее натяжение, но и оно не помогло. Ей пришлось удалить часть новых тканей и вырастить их заново.

От постоянных движений и воздействия магии через какое-то время все руны на его спине стали кровоточить.

Она успела зашить четыре глубоких раны, прежде чем Драко не выдержал и взмахом палочки призвал бутылку элитного огневиски.

Гермиона подождала, пока он вытащит зубами пробку и сделает несколько жадных глотков. Затем он поставил огневиски рядом с бутылкой текилы и устало опустил голову на спинку стула.

— Блять. Блять. Блять, — бормотал он сквозь зубы.

— Прости, — тихо сказала она, мягко опустив руку ему на спину и возобновляя работу.

— Обойдёмся без сожалений, Грейнджер, — почти прорычал Драко. Его лицо было бледным, а костяшки пальцев побелели от того, с какой силой он сжимал спинку стула.

Он стал делать по несколько глотков огневиски после каждой зашитой Гермионой руны.

К тому времени, как девушка приступила к работе с другим плечом, Драко уже казался слегка опьяневшим.

— Твою мать, — простонал он низким голосом. — Я и так в курсе, что ты кровожадная стерва. Тебе не обязательно доказывать мне это.

Гермиона сжала губы в тонкую линию, чувствуя одновременно легкую обиду от его слов, странное веселье и сочувствие.

— Стерва, которая занимается твоим лечением, — заметила она.

Он засмеялся.

— Как оказалось.

Он больше не заговаривал с Гермией до самого конца процедуры, лишь давал односложные ответы на вопросы о самочувствии.

Закончив зашивать раны, девушка очистила его спину от крови.

Она мягко нанесла на раны несколько мазей с анальгетиком и затем смазала их густым зельем, которое должно было помочь смягчить кожу на рубцах. Они были ярко-красного цвета.

Гермия взглянула на наручные часы. Было около часа ночи. Процедура заняла гораздо больше времени, чем она предполагала.

— Все, я закончила, — подытожила девушка.

Малфой облегченно вздохнул и допил оставшийся огневиски, прежде чем поставить вторую пустую бутылку на пол рядом с первой.

Он просидел неподвижно несколько секунд, словно собираясь с мыслями. Затем склонил голову набок и посмотрел на бутылку с текилой.

— Что это вообще такое, Грейнджер? — спросил Драко, обхватив горлышко бутылки и читая этикетку.

Он не выглядел пьяным. Его речь оставалась четкой, а руки — ловкими. Гермия никогда не видела, чтобы кто-то, выпивший столько алкоголя, сохранял такое трезвое сознание.

То, насколько сильно он себя контролировал, казалось пугающим.

— Не пей это. Оно очень дешевое. Ты только что залил в себя две бутылки дорогого огневиски стоимостью в несколько сотен галлеонов. Не стоит запивать их чем-то настолько дешевым.

Малфой явно не собирался прислушиваться к ней. Он открутил крышку, принюхался, а затем сделал пробный глоток. И тут же выплюнул текилу на пол.

— Твою мать, Грейнджер! Что это за пойло? Решила теперь попробовать отравить меня?

— Я решила, что это будет хорошим наказанием, если ты все-таки не слушаешь моего совета и не принесешь что-то на свой вкус, — ответила Гермия, ухмыльнувшись. — Мне говорили, что текила вкуснее, если закусывать ее солью с лимоном.

— Говорили?

— Сама я редко пью. Тем более по понятным причинам я не пью с магглами, — заметила Гермия.

— То есть ты даже не знала, что покупаешь. — Он все ещё кривил губы, словно никак не мог избавиться от неприятного вкуса во рту.

— Я просто искала недорогой и крепкий алкоголь, — ответила она.

— И почему я не удивлён. Учитывая, что твой «алкогольный» план — это пить портвейн и притворяться троллем под мостом, — сказал Малфой, посмеиваясь.

В ответ на его слова Гермиона состроила недовольное лицо и продолжила собирать вещи. Подобрав со стола склянки из-под зелий, она принялась копаться в сумке. Девушка выругалась про себя. Она забыла принести Отрезвляющее зелье. Она собиралась взять его из шкафа на Площади Гриммо, но совсем забыла о нем из-за разговора с Гарри.

— Мне пора идти. Ты сможешь аппарировать? — спросила Гермиона, внимательно взглянув на него. Она не считала разумным решением аппарировать в таком состоянии.

Казалось, Малфой задумался над ее вопросом на несколько секунд. Повернув голову из стороны в сторону, словно проверяя ясность мыслей, он вздернул бровь.

— Не думаю, что это целесообразно с медицинской точки зрения, — наконец сказал он.

Гермиона облегченно выдохнула. Она не представляла, что делала бы, если бы Малфой настаивал на том, что достаточно трезв для аппарации. Девушка гадала, смогла бы она оглушить его, если бы пришлось принимать более жесткие меры.

— Хорошо. Мне наколдовать для тебя кровать? У меня они неплохо получаются, — заметила она.

— Так спешишь уйти? — спросил он, вставая и одаривая ее пронзительным взглядом. Он совершенно не выглядел пьяным. — Кто-то ждёт тебя дома?

Вопрос застал Гермиону врасплох. Она подумала о друзьях, которые сейчас веселились без неё в каком-то пабе.

— Нет, — ответила девушка, покачав головой.

— Меня тоже, — заявил Малфой. Затем, не произнеся ни слова и не воспользовавшись палочкой, он наколдовал ещё одну бутылку огневиски. — Давай выпьем.

Гермиона удивленно посмотрела на него. Она никак не могла предположить, что их сегодняшняя встреча повернётся таким образом. Видимо, Малфой на самом деле был ужасно пьян. Учитывая количество выпитого им спиртного, он вообще должен был уже валяться без чувств.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила она, направляясь в сторону выхода.

— Да брось, Грейнджер, — возразил он вкрадчивым тоном и приблизился почти вплотную к ней. В его руке была зажата бутылка с огневиски. Он все ещё был без рубашки. — Бедненькая, никому не нужная целительница. Попробуй напиться где-то, кроме речки под мостом.

Гермиона почувствовала, как ее спина коснулась стены, пока она пыталась отодвинуться от Малфоя. Он возвышался над ней, и ей пришлось задирать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Он ухмыльнулся ей в лицо.

— Ты должна быть польщена. Обычно я не пью с другими людьми. Выпивать в компании — дурацкая затея. Алкоголь препятствует окклюменции. Замедляет реакцию. Действительно дурацкая затея.

— Ты уже говорил это, — заметила Гермиона, стараясь нащупать за спиной ручку входной двери.

— Правда? — Он озадаченно моргнул. — Вот видишь... как я и говорил... Но почему-то... когда дело касается тебя, все не так... — Он вздохнул и прислонился лбом к ее макушке. Гермиона замерла в изумлении.

Драко поднёс свободную руку к ее лицу и обхватил ладонью щеку, большим пальцем мягко погладив скулу. Гермиона почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

— Ты заставляешь меня принимать неправильные решения. Я не могу понять... Что-то в тебе... — Он поднял голову и слегка отодвинулся, чтобы взглянуть ей в глаза. — Что делает тебя такой особенной?

Гермиона наконец нащупала ручку и повернула ее, попытавшись открыть дверь. Та не поддавалась. Она опустила взгляд и увидела, что Драко прижал дверь носком ботинка. Гермиона посмотрела на него, и он ухмыльнулся.

— Ну, давай же, Грейнджер. Где же твоя хваленая гриффиндорская смелость? — подначивал он. Его голос звучал низко и хрипло. — Выпей со мной. Я даже буду называть тебя Гермионой.

При звуке ее имени, произнесенном Драко, по телу Гермионы пробежала дрожь. Обычная сдержанная манера, с которой он говорил, исчезла. Он вёл себя совсем по-другому. Несерьезно и игриво. словно кот, поймавший в свои когти мышь.

Гермиона снова подергала дверь. Малфой, казалось, придвинулся ещё ближе. Между ними почти не осталось пространства. Она чувствовала на своём лице жар, исходящий от его тела. Его взгляд был слегка затуманен. Гермиона видела, как блестят глаза Малфоя, пока он смотрел на неё сверху вниз.

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее в груди. Гермиона была уже почти готова попросить Малфоя отпустить ее. Почти готова сказать ему, что он ее пугает.

Она уже собралась заговорить, но вдруг остановилась.

Ей нужно было остаться.

Драко Малфой сам преподносил ей себя на блюдечке. В пьяном виде.

Если она ждала удачного шанса, чтобы подобраться к нему, это был он. Возможно, у неё больше никогда не появится такой возможности. Даже Драко признавал, что, решив выпить с ней, совершал ошибку. Что это был риск.

Но остаться с ним было рискованно для неё самой. Эта мысль всплыла где-то на краешке сознания Гермионы. Девушка слегка тряхнула головой и решила ее проигнорировать.

Ей необходимо остаться.

Она постаралась не показывать, что уже приняла решение в его пользу.

— Я не боюсь, — сказала она, гордо приподняв подбородок. Она отпустила дверную ручку.

Малфой ухмыльнулся:

— Правда?

— Правда, — ответила Гермиона, сделав крошечный шаг навстречу ему.

Между ними совсем не осталось места.

Она вырвала у него из рук бутылку и посмотрела на этикетку. Это было марочное огневиски восьмидесятилетней выдержки. Девушка вынула пробку и принялась.

Гермиона легко пьянела, но была уверена, что просто притвориться пьяной у неё не получится. Драко сразу раскусит ее план.

Тем более ей нужно было выпить, чтобы набраться смелости. Она не представляла, на что способен Драко Малфой, когда не держит себя в привычных жестких рамках. Подумав об этом, она похолодела от ужаса. Гермиона встретила с его довольным взглядом и сделала первый глоток.

Один из них сегодня угодил в собственную ловушку. Вопрос заключался только в том, кто именно это был.

40. Флэшбэк 15.

Август 2002.

Огневиски оставил горькое послевкусие у неё в горле, заставляя стук ее сердца немного утихнуть. Острое чувство храбрости наполняло ее изнутри.

Гермиона протянула бутылку Драко, и он сделал большой глоток. Его глаза не отрывались от нее. Наконец он отвёл взгляд. Оглядев пустую комнату, Малфой вытащил палочку из кобуры, пристегнутой к правой руке, и призвал маленький диван для двоих.

Гермиона удивленно посмотрела на него.

— Я не собираюсь тянуться на другую сторону дивана каждый раз, когда мы будем передавать друг другу бутылку, — сказал он. Затем добавил насмешливым тоном: — Я могу заколдовать столик посередине, если тебе требуется граница.

В его глазах читалась насмешка. Он все еще оставался без рубашки.

— Или ты мог бы заколдовать парочку бокалов, — парировала она, бросив на него многозначительный взгляд. Гермиона опустилась на диван и подождала, пока он сделает то же самое.

Он сел, положив руку на спинку за ее плечом, и наклонился к ней ближе, передавая бутылку.

— Твоя очередь. Тебе нужно многое наверстать, — тихо сказал он. Драко был гораздо ближе, чем следовало бы.

Гермиона сделала еще один глоток, пока он продолжал смотреть на нее. Когда она попыталась вернуть бутылку, он возразил и показал жестом, чтобы она продолжала.

— Ты пожалеешь об этом, когда я опять начну рыдать в твоём присутствии, — сказала она, снова возвращаясь к своим мыслям о том, насколько же сильно он был пьян. Гермиона уже чувствовала, как алкоголь начинает ударять ей в голову. С ужина прошло несколько часов, и теплое притупляющее ощущение эйфории уже охватывало ее.

— Ты не так уж много плакала, — заметил Драко, осторожно откидываясь назад. Затем с громким вздохом облегчения он полностью оперся о спинку дивана. — Я и понятия не имел, как сильно скучал по тому, чтобы прислонять спину.

— Будь осторожен в течение следующих нескольких дней, — сказала Гермиона между глотками. — Если не будешь, кожа может порваться, и мне придется переделывать швы. Если хочешь... я могу продолжать осматривать твою спину. Если я продолжу лечить руны еще несколько дней, ты даже не почувствуешь их потом. Как минимум, не физически.

Он ухмыльнулся ей и покачал головой, словно не веря своим ушам.

— Есть ли хоть кто-то, за кого ты не чувствуешь своей ответственности? —

спросил он.

Гермиона не ответила на вопрос и сделала еще один глоток огневиски. Внезапно в уголках ее глаз появились слезы.

— Все мои друзья сегодня пьют в баре. Они пригласили меня, но я не смогла пойти, — резко сказала она.

На мгновение он замолчал.

— Мне жаль. Мы могли бы перенести встречу, — сказал Малфой.

Гермиона усмехнулась.

— Верно. Я бы просто оставила тебя с рваными ранами на спине ещё на один день ради того, чтобы пойти выпить. В любом случае я не могу даже нормально сходить с ними повеселиться. Скорее всего, вечер закончился бы тем, что я ввязалась бы в очередной яростный спор с Гарри и Роном.

Она разрыдалась и проплакала несколько минут. Пока Гермиона плакала, Драко выхватил бутылку из ее рук и принялся осушать ее. Когда ее рыдания наконец превратились во всхлипывания, он усмехнулся.

— Знаешь, — сухо сказал он, — если бы мне когда-нибудь пришлось допрашивать тебя, я бы пропустил пытки и легилименцию и просто влил бы тебе бутылку огневиски в глотку.

Гермиона засмеялась сквозь слезы.

— О боже, как ты прав, — сказала она, пытаясь восстановить дыхание и вытирая глаза.

Он вернул ей бутылку, и девушка несколько минут молча потягивала ее.

— Спасибо, Грейнджер, — тихо сказал он через некоторое время.

Она слабо улыбнулась.

— Мне казалось, ты говорил, что, если я выпью с тобой, ты будешь звать меня Гермионой.

— Гермиона, — сказал он. Она посмотрела на него. Его глаза, казалось, были непроницаемой маской, когда он пристально смотрел на нее.

— Да?

Драко ничего не ответил, просто продолжал смотреть на нее, пока она не начала краснеть. Смотреть на него, когда на нем не было рубашки, было неловко. Ее глаза то задерживались на его лице, то спускались ниже, потом она спохватывалась и поднимала взгляд, обнаруживая, что Малфой все еще смотрит на нее.

— Мне казалось, ты говорил, что злишься сильнее, когда выпьешь, — наконец нервно сказала она.

— Обычно да, — ответил он. — В прошлый раз, когда я напился, я заперся в комнате и разгромил всю мебель.

— Ты не выглядишь пьяным, — сказала Гермиона. Вот она уже начала чувствовать себя по-настоящему пьяной. Голова становилась тяжелее, и появлялось непреодолимое желание одновременно смеяться и плакать, свернувшись калачиком на диване.

— Я не очень расслабленный человек.

— Я уже заметила. И все же ты продолжаешь делать мне замечания о том, что именно я слишком напряжена на дуэлях, — строго сказала она. Девушка почувствовала, что ответила ему чуть более экспрессивно, чем ей бы хотелось.

Он слабо рассмеялся.

— Мое напряжение не мешает мне сражаться. Бьюсь об заклад, я и сейчас могу победить тебя на дуэли.

— Скорее всего, можешь, — вздохнула Гермиона. — Но я тренировалась. Я думала, что возненавижу эти упражнения, но на самом деле вышло довольно интересно.

Он ухмыльнулся, и улыбка получилась свободной и настоящей. Гермиона покраснела.

— Тебе стоит надеть рубашку, — наконец резко сказала она. — Ты, должно быть, замерз.

Внезапно ее рука оказалась в его, и он прижал ее ладонь к своей груди. Она слегка задохнулась от удивления и почувствовала, как ее пульс начал стремительно набирать обороты.

— Заметно, что мне холодно? — спросил он, понизив голос. Драко наклонился, и они вдруг оказались слишком близко. Так близко, что Гермиона чувствовала его дыхание на своей шее. По ее спине пробежала дрожь.

— Н-нет, — прошептала она, глядя на свои пальцы, лежащие на его груди. Гермиона часами прикасалась к нему, исцеляя его руны, но, когда они были лицом к лицу, физический контакт становился неожиданно интимным. Она чувствовала слабое биение его сердца под своим указательным пальцем. Не раздумывая, девушка слегка погладила его кожу.

Драко резко вдохнул, и она почувствовала мурашки под своей рукой. Его рука все еще накрывала ее ладонь, но он уже не удерживал ее на месте. Она провела большим пальцем по его груди и почувствовала, как он вздрагивает.

Гермиона чувствовала, что едва дышит — что если она вдохнет или выдохнет слишком резко, что-то в воздухе сломается.

Это мгновение, это напряжение между ними было похоже на крылья бабочки. Нежное. Потрясающе хрупкое.

Девушка подняла на него глаза. Его лицо было в нескольких дюймах от неё. Его глаза потемнели и изучающе рассматривали ее.

Драко был поразительно красив.

Она не позволяла себе замечать это. Но, каким-то образом, пьяная и ощущающая под пальцами биение его сердца, она смогла разглядеть это. Холодность исчезла с его лица, а его кожа была теплой, его дыхание на ее коже было теплым.

Гермиона не могла вспомнить, когда перестала его бояться.

— Должен признаться, — произнес он тихо, словно это было секретом, — если бы кто-то сказал мне, что ты станешь такой красивой, я бы никогда не приблизился к тебе. Я был поражен, когда снова увидел тебя.

Она в замешательстве уставилась на него.

— Ты словно роза на кладбище, — сказал он, и его губы изогнулись в горькой улыбке. — Интересно, во что бы ты превратилась без войны?

— Я никогда об этом не думала, — сказала она.

— Меня это не удивляет, — тихо ответил он. Он протянул руку и поймал локон, выбившийся из ее косы. — Твои волосы остались такими же?

Она слегка фыркнула.

— Да. Почти.

— Словно это ты, — сказал он, крутя локон так, что тот обернулся вокруг кончика его пальца. — Связанная и в ловушке, но все равно такая же, как и прежде.

Гермиона с минуту смотрела на него, а затем на ее глаза навернулись слезы. Его глаза расширились.

— Боже, Грейнджер, — поспешно сказал он, — не плачь больше.

— Извини, — сказала она, убирая от него руку и вытирая слезы. Ей стало холодно.

Когда Гермиона снова посмотрела на него, на его лице была написана задумчивость.

Она никогда раньше не находила его лицо таким выразительным. До этого момента все казалось маской. С короткими проблесками чего-то настоящего, мелькающими время от времени.

Пока они сидели там, Гермиона почти думала, что видит его настоящего.

И он выглядел...

Печальным.

Одиноким.

Словно его сердце было разбито.

— Я предупреждала, что начну плакать, если ты меня напоишь, — напомнила она ему.

— Я знаю. Я не против. Просто не хочу быть причиной этого сегодня вечером, — сказал Драко, отводя взгляд и убирая руку с ее волос.

Она сделала еще один глоток огневиски и протянула бутылку ему. Она была заполнена менее чем на четверть.

Драко взял ее и оглядел комнату. Выражение его лица вдруг стало горьким. Воздух вокруг него внезапно похолодел.

Гермиона узнала эту перемену. Она походила на ее внезапные слезы. Ему что-то пришло в голову. Воспоминания, которые его терзали. Алкоголь истончил его окклюментные стены, и он не мог больше сдерживаться, чтобы не чувствовать это.

Тихий. Злой. Как он и говорил.

Не раздумывая, она потянулась и взяла его ближайшую к ней руку. Левую.

Он посмотрел на нее. Девушка обхватила его руку своими и провела большими пальцами по его ладони. Разглаживая ее. Она чувствовала едва заметные спазмы, оставшиеся после пыток Круциатусом.

— Когда ты успел стать амбидекстром? — спросила она.

Он удивленно встретился с ней взглядом.

— Когда ты догадалась? — спросил Драко через мгновение.

— Кобура от палочки у тебя на правом запястье, но ты всегда использовал эту же руку, когда дрался со мной, — сказала она. — И у тебя одинаковые мозоли от палочки на обеих руках. Я заметила это в тот день, когда впервые начала исцелять твои руны.

— Ты слишком умная, — сказал он.

Гермиона ухмыльнулась.

— Ты только сейчас это понял?

Он фыркнул.

— И скромная, — сухо добавил он.

Она вытащила палочку и пробормотала заклинания, постукивая кончиком по его руке. Пытаясь унять оставшиеся спазмы.

— Ты не обязана продолжать исцелять меня, Грейнджер, — сказал он через мгновение. Она почувствовала, как снова краснеет под его пристальным

взглядом.

— Гермiona, — напомнила она ему. — Ты выглядел грустным. И я не знала, могу ли обнять тебя, чтобы тебе стало лучше. Вот я и подумала об этом. Я решила, что исцеление — по крайней мере то, чего ты хочешь и чему не будешь противиться.

Он молчал, а она продолжала массировать его руку. Пробегая пальцами по его пальцам.

— А что если я захочу чего-то другого? — тихо сказал он.

Ее руки замерли, и она посмотрела на него. Казалось, весь кислород в комнате внезапно исчез. Ее сердцебиение утроилось, и в груди внезапно стало пусто.

— Чего же ты хочешь? — осторожно спросила Гермiona. Она изучала его лицо. Его глаза были темными, но выражение лица оставалось расслабленным. Любопытствующим. Его волосы упали на лоб, смягчая угловатые черты лица. Он выглядел совсем юным.

— Может, распустишь для меня волосы? Я хочу посмотреть, — сказал он.

Она моргнула.

— Серьезно? — недоверчиво спросила Гермiona.

Он только коротко кивнул.

Она медленно подняла руку и вытащила шпильки. Косы упали вниз, девушка сняла с них заколки и начала медленно пробегать пальцами по волосам, распуская их с каждой стороны. Добравшись до макушки, она еще раз провела пальцами по волосам и уронила руки на колени.

— Вот. Моя копна.

В течение нескольких секунд он смотрел на нее в тишине.

— Я и не знал, что они такие длинные.

— Косы делают их более послушными, — сказала она, оглядываясь вокруг, не зная, куда смотреть. Она собрала шпильки и спрятала их в карман. Кончик длинного локона коснулся ее запястья, и она слегка вздрогнула.

Гермiona не привыкла к распущенным волосам. Обычно она распускала их только для того, чтобы принять душ, а потом сразу же заплетала обратно. Она чувствовала себя почти викторианкой, словно распущенные волосы открывали что-то глубоко интимное в ней самой.

Драко наклонился вперед и запустил пальцы в ее волосы возле виска. Его лицо все еще выражало любопытство. Она вздрогнула, и у нее перехватило дыхание, когда Гермiona почувствовала, как его пальцы скользнули вниз к ее талии.

— Они мягче, чем я ожидал, — сказал Драко. Он не отводил от неё взгляда. Никто никогда не интересовался ее волосами. Все это общение выходило за пределы ее зоны комфорта, и она понятия не имела, что должна была сказать

или сделать.

Девушка посмотрела на него и поняла, что его взгляд слегка затуманился. Драко был очень, очень пьян.

Внезапно его лицо оказалось еще ближе. Всего в нескольких сантиметрах от нее. Его рука скользнула вверх по ее шее и запуталась в завитках волос у основания головы. Это было так...

Уязвимо.

Интимно.

Чувственно.

Он больше не смотрел на ее волосы. Он не сводил глаз с ее лица. С ее губ.

Они были так близко.

— Если ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал, то должна сказать об этом прямо сейчас, — сказал он.

Она чувствовала дыхание от каждого слова на своих губах.

Все казалось нереальным. Необыкновенным. Сумбурным и полным ощущений.

Она чувствовала, как тяжесть ее жизни давит на нее, давит так, что она едва может дышать.

Но также она ощущала руку Драко в своих волосах. Он был нежнее, чем она думала. Тёплым на ощупь. Красивым. И так близко, что она чувствовала его дыхание.

Он смотрел на нее так, будто видел саму ее суть.

И он спрашивал разрешения.

Если бы она не заговорила с Гарри в тот вечер. Если бы не была так пьяна. Если бы не была так одинока. Если бы вечернее откровение не заключалось в том, что Драко Малфой действительно хорош, когда пьян, она могла бы поступить иначе.

Но она этого не сделала.

Она поцеловала его.

Настоящим поцелуем.

Вкус огневиски ощущался на губах каждого из них.

Как только ее губы коснулись его, Драко сразу же взял всю инициативу на себя. Как будто она выпустила что-то в нем наружу. Его рука в ее волосах напряглась, и он притянул ее ближе, сажая девушку к себе на колени.

Она положила руки ему на плечи, когда он углубил поцелуй. Он потянул ее за

волосы, чтобы выгнуть шею назад, и скользнул другой рукой вниз по ее горлу. Скользнул пальцами по ее коже, по ключицам и плечам, по изгибу горла, словно оценивая ее.

Она провела рукой по его подбородку и волосам. Когда ее ладонь скользнула по его скуле, он на мгновение прижался к ней лицом.

Он так изголодался по прикосновениям.

Он прикасался к ее телу, и она прижималась к нему сильнее. Она и не подозревала, как сильно хочет, чтобы к ней прикасались.

Что она тоже изголодалась по близости.

Драко скользнул рукой по подолу ее рубашки, задев кожу на животе, затем медленно завел ладонь под одежду и провел по ее пояснице. Прижимая ее к своему животу так, что ей пришлось выгнуть спину, чтобы продолжать целовать его.

Поцелуи были неторопливыми. Изучающими. Он снова коснулся ее волос, изменяя темп, и медленно поцеловал. Слегка коснувшись губами ее губ, так, что она вздрогнула, прежде чем он нежно прикусил ее губу. Затем кончик его языка скользнул по укусу. Она ахнула, и когда ее рот открылся, он углубил поцелуй, скользя языком по ее губам.

Его поцелуй был на вкус одновременно ледяным, огненным и греховным.

Гермиона провела руками по его плечам, изучая его. Твердый и бледный, как мраморная статуя, но в то же время теплый. Он был таким теплым на ощупь. Она запустила пальцы в его волосы и мягко потянула за них, выгибаясь навстречу ему, пока он ласкал ее талию, и она задрожала. Напряжение начало накапливаться внутри нее.

Она никогда этого не делала...

Голос в глубине ее сознания жестко напомнил, что ей следовало лишь сыграть эти чувства. Она слегка дернулась, как будто эта мысль физически поразила ее.

Драко взял ее за волосы, чтобы откинуть голову назад и обнажить шею. Оставив ее губы, он принялся целовать ее подбородок и шею, пока она не застонала и не прильнула к нему.

Чувства, которые она испытывала, были неподдельными.

Она не умела притворяться.

Она обхватила его лицо руками и притянула его губы к своим. Яростно прижавшись к ним, Гермиона обвила его руками. Пытаясь почувствовать его целиком.

Их тела были прижаты друг к другу, и девушка не была уверена, чувствует ли она свое сердцебиение или его. Возможно, их сердца бились в одном ритме.

Она так устала от одиночества.

Она так устала от того, что ей приходится выполнять свои обязанности. Целительница. Разрушительница темных проклятий. Хозяйка зелий. Связной Ордена. Шлюха.

Как будто она стала кем-то из этого списка, потому что желала того.

Гермионе хотелось заплакать, но она не смогла, только поцеловала Драко еще яростнее, и он ответил ей с тем же жаром.

Его руки блуждали под ее рубашкой, лаская грудь через лифчик. Он легко провел большим пальцем по соску сквозь ткань, так что она вздрогнула и выгнулась дугой.

Гермиона слышала его дыхание, когда он оторвался от ее губ и начал осыпать поцелуями подбородок, слегка царапая зубами ключицу.

Драко скользнул рукой под лифчик и провел большим пальцем по соску. Гермиона почувствовала, как самоконтроль рушится под его прикосновением и как она жаждет большего. Девушка прикусила губу и тихо застонала, когда он повторил движение. Она вцепилась в его плечи.

Он приподнял ее лифчик и сжал обнаженную грудь. Его рот обжигал стык ее шеи и плеча, и Гермиона почувствовала, как он слегка посасывает кожу.

Ее рука скользнула по его плечу, ощущая слабые очертания рун. Она мягко коснулась их. Гермиона провела пальцами другой руки по его груди, чувствуя напряжение мышц. Запоминая контуры его тела и то, как Драко реагировал на ее прикосновения. Он прижимался к ее руке.

Драко застонал, уткнувшись ей в шею. Стон удовольствия, а не боли. Вибрация этого звука разливалась по ее груди, горячее, чем обжигающее ощущение от огневиски.

Она задохнулась, когда он продолжил дразнить ее грудь, целовать и посасывать плечо.

Она и не подозревала, что может чувствовать так много вещей одновременно. Что все эти ощущения могли смешиваться в ее теле, превращаясь в нечто большее, чем она сама.

Она чувствовала, как тонет в своих ощущениях и эмоциях.

Гермиона не осознавала, что его руки и дыхание, его губы и язык, его твердое тело, прижатое к ней, прикосновение его волос к коже могут так сильно влиять на нее эмоционально.

Она и понятия не имела, что то, как Драко отзывался на ее прикосновения и тело, повлияют ещё сильнее.

Она не знала, что это возможно.

Никто ей не сказал. Никто не предупредил.

Гермиона не понимала, что может влиять на него *таким образом*. Не ожидала, что понравится ему физически. Он никогда не казался заинтересованным в ее внешности.

«Костлявая». Именно так он назвал ее, увидев обнаженной. Он сказал, что хотел бы попросить кого-то другого.

Она слегка вздрогнула.

Еще одна нежелательная мысль пришла ей в голову.

Она могла быть кем угодно. Драко просто был одинок и захотел бы любую, кто прикоснулся бы к нему.

К горлу подступил комок, и Гермиона не смогла его проглотить. Ее руки замерли, и она изо всех сил старалась дышать без слез.

Драко заметил это. Он поднял голову, отрываясь от ее плеча, и пристально посмотрел на нее. Затем горько улыбнулся, убрал руки, аккуратно расправил на ней одежду и снял ее со своих колен.

— Тебе пора идти.

Его голос был холодным. Жестким. И возвращающим в реальность.

Его маска снова вернулась на своё место.

Примечание к части

Арт к главе

Автор avendell "Вот. Моя копна" <https://www.instagram.com/p/CALw1Uan11A/>

41. Флэшбэк 16.

Август 2002

Гермиона сделала резкий вдох, плотно сжимая губы, чтобы не расплакаться.

— Я слишком пьяна. Я не смогу сейчас аппарировать, — сказала она. — Я предупреждала тебя, что начну плакать, если выпью. Я не знаю, как сдерживать все эти эмоции в таком состоянии.

Сказав это, Гермиона прижала ладони ко рту, стараясь не разрыдаться сильнее. Слезы текли по щекам и капали с пальцев, прижатых к губам.

Драко вздохнул.

— Ну и из-за чего ты плачешь сейчас? — спросил он, пока она продолжала пытаться справиться со слезами.

— Из-за того, что я ужасно одинока и что целуюсь тут с тобой, хотя ты даже не считаешь меня привлекательной, — признала девушка с горечью.

Несколько секунд Драко просто молча смотрел на неё, а затем откинул голову на спинку дивана и уставился в потолок.

— Почему, ты думаешь, я тебя поцеловал? — наконец напряжённо спросил он спустя минуту.

Губы Гермионы дрогнули, и она отвела взгляд.

— Просто потому что я была рядом, — тихо ответила девушка.

— Почему же ты поцеловала меня? — спросил он, оторвавшись от созерцания потолка и взглянув на неё.

Гермиона рассматривала выпирающую из пола доску, неловко крутя в руках прядь своих волос.

— Потому что ты воспринимаешь меня как личность. Мои друзья относятся ко мне исключительно как к целительнице, — сказала она горько. — Когда мы поссорились с Гарри, он извинился передо мной за то, что обидел меня как профессионала. Словно меня задело именно это. Каким-то образом рядом с тобой я вспоминаю, что, несмотря на все произошедшее со мной за время войны, где-то глубоко во мне всё ещё существует та девушка, какой я была раньше.

Гермиона прикусила губу, стараясь снова не разрыдаться. Она схватила с пола бутылку, по всей видимости переместившуюся туда во время их поцелуев, и сделала несколько жадных глотков оставшегося огневиски. Девушка надеялась, что если допьёт бутылку до конца, то сможет опьянеть достаточно, чтобы ничего не чувствовать.

Малфой отвёл взгляд и откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза рукой. Сделав последний глоток огневиски, Гермиона взглянула на него. Рука Драко, до этого прикрывавшая его глаза, теперь расслабленно покоилась на диване — он

спал.

Она долго разглядывала его лицо, изучая его черты так внимательно, как никогда не позволяла себе раньше. Постепенно ее веки начали тяжелеть. Ей нужно было сделать что-то... Она не могла вспомнить, что именно. Мысли с трудом ворочались в голове. Возможно, ей нужно было встать с дивана? Или наколдовать кровать? Ее взгляд затуманился. Девушка продолжала разглядывать лицо Драко, пока не уснула.

Гермиона не знала, как за ночь они переместились так, что, проснувшись утром, очутились в объятиях друг друга. Казалось чудом, что при этом никто из них не свалился с узкого дивана. Они лежали, плотно прижавшись друг к другу. Их руки были переплетены. Если бы голова Гермионы не раскалывалась от боли, девушка бы сразу же отодвинулась от Драко. Вместо этого она лежала, придавленная к дивану его телом и парализованная ужасом.

Драко резко открыл глаза, и она увидела на его лице такой же ужас и панику, когда он понял, как тесно они прижимались друг к другу.

Он постарался высвободить руку из-под ее спины, и они опасно закачались на самом краю дивана.

— Если мы свалимся с дивана, меня вырвет прямо на тебя, — поспешила сказать Гермиона. Малфой тотчас же замер, и они уставились друг на друга.

— И что ты предлагаешь, всезнайка? — наконец спросил он.

— Мне нужно минутку сообразить, — ответила Гермиона, заливаясь краской. Она закрыла глаза, пытаясь придумать решение. Она старалась не думать о том, что Драко был слишком тесно прижат к ней. Все ещё без рубашки. Воздух в комнате выхолодел за ночь, но его кожа оставалась тёплой, а дыхание, касавшееся ее щеки — горячим. Тело Драко было переплетено с ее, а рука под ее спиной заставляла девушку прижиматься к нему грудью. Что-то твёрдое упиралось ей в бедро, и спустя несколько секунд замешательства она почувствовала, как оно слабо дернулось... О боже!

Она не будет думать об этом. Потому что ничего не заметила. Гермиона повторяла это про себя как мантру. Она будет думать лишь о том, как им с Драко подняться с дивана так, чтобы одного из них не вырвало на другого.

Драко лежал прямо на ней, и его рука, находившаяся ближе к краю дивана, была прижата к ее талии. Когда он снова попытался высунуть ту из-под спины Гермионы, они опасно закачались, рискуя оказаться на полу.

Если бы он высвободил свою другую руку и схватился ей за спинку дивана, то ему, возможно, удалось бы подняться. Но когда Драко попытался сделать это, диван снова опасно закачался.

Возможно, если бы он спустил первыми ноги, то затем коснулся бы коленями пола и смог бы слезть с неё. Но Гермиона опасалась, что, если он попытается сползти на пол, это приведёт к тому, что их бёдра будут соприкасаться ещё теснее...

— Думаю, если я спущу свою левую ногу... — начал Драко.

— Не смей! — резко выкрикнула Гермиона, чувствуя, как пылает ее лицо.

— Блять, Грейнджер, не ори, — поморщившись, зло сказал он.

— Просто... дай мне ещё немного подумать, — сказала Гермиона, сожалея о том, что вчера не уснула на полу.

— Просто, блять, невероятно, — тихо выругался он.

Гермиона почувствовала, как в ее груди разгорается раздражение вперемешку со смущением из-за сложившейся ситуации.

— Не надо обвинять в этом меня. Я вообще-то хотела уйти домой прошлым вечером. Это ты заблокировал дверь и потребовал, чтобы я с тобой выпила, — сказала Гермиона резко.

— Я был пьян. Должен заметить, что оказался я в подобном состоянии, следуя твоим профессиональным советам. — На его лице было написано презрение.

— Ну прости, что предложила тебе что-то, что помогло уменьшить твою боль, — ответила она, прожигая Малфоя взглядом. — Если моя помощь была тебе так неприятна, мог бы обратиться за лечением к другому целителю.

— Вообще-то, я как раз собирался так поступить, — сказал он холодно.

Гермиона почувствовала, как в груди кольнуло от его слов. На несколько мгновений она замерла, а затем резко толкнула Драко так, что тот не удержался на диване и свалился на пол. Гермиона успела быстро сесть, чтобы не упасть с дивана вместе с ним.

Его голова со стуком ударилась о дощатый пол.

— Ты гребаная стерва, — простонал он, схватившись за голову.

Поднявшись с дивана, Гермиона усмехнулась, глядя на него сверху вниз.

— Думаю, эта истина уже всем известна, — ответила она, сжав губы в тонкую полоску.

Девушка схватила свою сумку с пола и резко открыла входную дверь.

— Если у тебя есть какая-то полезная информация, оставь свиток. Я зайду за ним позже, — сказала Гермиона, быстро покидая хижину, и тут же аппарировала, не дожидаясь реакции Малфоя.

Она приземлилась недалеко от дома на площади Гриммо. Живот Гермионы свело резким спазмом, и ее вырвало в одну из расположенных рядом изгородей. Очистив траву под ногами заклинанием, девушка вытерла рот и стала рыться в сумке в поисках зелья от похмелья, которое она собиралась дать Драко после процедуры.

Гермиона залпом проглотила зелье. Она чувствовала, как дрожат ее губы, пока она старалась не заплакать, обдумывая события прошлой ночи уже с

отрезвленным сознанием.

Она поцеловала Драко Малфоя. И не раз. Она позволяла ему целовать себя и отвечала на его поцелуи. Она хотела этого.

Последний раз она целовалась на четвёртом курсе с Виктором Крамом. Но Гермиону волновало не это.

Стоя на пустой улице и нервно крутя ручку своей сумки, она переживала о том, что провалила свою миссию. Драко на какое-то время позволил ей увидеть себя без маски. Он хотел, чтобы она осталась с ним. Хотел поцеловать её. А она испортила все из-за того, что была пьяной, растерянной и неуверенной в себе.

Гермиона не считала, что переспать с ним стало бы правильным шагом, но прошлым вечером она должна была придерживаться хоть какого-нибудь плана. Должна была выработать какую-то стратегию. Вместо этого ее стали одолевать сомнения, и Малфой почувствовал это.

Он говорил, что не собирается принуждать ее к чему-то. Он всегда подчеркивал это в разговорах. В момент, когда она засомневалась, Малфой снова возвёл вокруг себя непроницаемые стены.

Прошлым вечером Гермиона даже не думала о своём задании. Драко говорил ей, что она красива и касался ее волос. Казалось, он понимал ее чувства. Она хотела поцеловать его.

Если бы огневиски не сделал ее такой неуверенной в себе, возможно, она бы переспала с ним. Девушка не могла предположить, что чьё-то прикосновение может так подействовать на неё. Не могла представить, что его реакция на ее прикосновения разбудит что-то глубоко скрытое в ней самой.

Теоретически она понимала, что такое секс и романтические отношения. Но на деле девушка совершенно не разбиралась в таких вещах и чувствовала себя настолько растерянной, словно ее бросили в открытый океан.

У неё не было ни времени, ни возможности построить отношения с кем-то. Ни когда она училась за границей, ни когда вернулась домой. Большинство ее ровесников не имели доступа к лабораториям, в которых Гермиона варила зелья или занималась исследованиями, а посещения в больницах были строго ограничены. К тому моменту, как пациенты выздоравливали достаточно, чтобы обратить на нее внимание, их, как правило, переводили в другие госпитали.

У неё попросту не было шанса познакомиться с кем-то.

Наблюдая за Роном и его бесчисленным количеством связей на одну ночь, Гермиона сделала вывод, что секс не требует эмоционального контакта между партнерами. Будто это нечто обезличенное, доставляющее физическое и моральное удовольствие. И что проведя с кем-то одну ночь, несложно разойтись как ни в чем не бывало, даже зная, что твой партнёр найдёт себе кого-то нового уже на следующий день.

Гермиона думала, что, если когда-нибудь ей придётся совершить этот шаг с Малфоем, она сможет обойтись без эмоций. Верила, что, если будет смотреть на все рационально, это никак не заденет ее. Собиралась следовать совету

«расслабиться и думать об Англии», который давали девушкам перед первой брачной ночью. Женщины поступали так в течение нескольких сотен лет.

Но она ошиблась.

То, что она испытала, целуя Драко, прикасаясь к нему, было, наверное, самым сокровенным переживанием в ее жизни, пробудившим необъяснимую тоску в ее груди. Тоску по чему-то, что она хотела бы почувствовать снова.

Испытанные ею чувства казались почти сакральными. Их поцелуи не были спланированными. Гермиона захотела поцеловать того, кто был в ней искренне заинтересован. Кто казался таким же одиноким, как и она сама. Того, кто понимал, каким темным был окружающий их мир, и не злился на неё за то, что она хотела выиграть войну любой ценой.

Ей хотелось, чтобы для него прошлый вечер значил столько же, сколько для неё. Понимание, что это, скорее всего, было не так, словно надломило что-то внутри. Наверное, он был таким же, как Рон, и для него это все оставалось просто удовлетворением физических потребностей.

То, что она придавала этому большее значение, казалось ужасно несправедливым. Хуже всего, она хотела испытать это снова несмотря ни на что.

Гермионе казалось, что разум и тело предали её. Она больше никогда не хотела видеться с Драко. Она чувствовала, что встречи с ним теперь всегда будут приносить боль.

Он был Пожирателем Смерти. Убийцей. Шпионом. Ее задачей.

Но она все равно хотела снова ощутить его руки на своей коже, почувствовать, как он зарывается пальцами в ее волосы. Увидеть, как он реагирует на ее прикосновения.

Никогда раньше девушка не желала ничего подобного и не знала, как игнорировать эти новые эмоции. Она не представляла, как перестать хотеть испытать их снова. Она не могла справиться с ними при помощи окклюменции.

Гермиона умела умирять своё сознание. Но это новое желание было чем-то большим. Оно пронизывало все её существо.

Но все это не имело значения. Было неважно, хотела ли она видеть его или нет. Никого не волновало, что она чувствовала. Ее задание оставалось таким же: поддерживать интерес Драко и заставить его сохранить верность Ордену.

Гермиона сглотнула горечь, появившуюся от зелья, и направилась на Площадь Гриммо.

— Черт возьми, Гермиона! — воскликнул Рон, когда она вошла.

Он сидел в гостиной вместе с остальными обитателями дома, страдавшими от бессонницы.

Гермиона удивленно посмотрела на него.

— Что случилось с твоими волосами? — спросил он.

— Зацепилась за куст с ежевикой, — без запинки соврала она.

— А кажется, словно сражалась с книззлом, — сказал Рон шутливо.

Гермиона рассеянно кивнула.

— Я и забыл, что твои волосы выглядели так, — добавил он после того, как несколько секунд просто рассматривал её. — Тебе очень идёт, когда ты заплетаешь их в косы.

Гермиона заставила себя слабо улыбнуться в ответ и почувствовала, как дрожит ее нижняя губа.

— Ты прав. Лучше всего держать их убранными в косу, — сказала она. — Я так отвыкла от распущенных волос, что даже не знаю, что с ними делать, когда они не заплетены.

Она не хотела ни с кем разговаривать. И она совершенно точно не хотела сейчас обсуждать свои волосы.

Гермиона поспешила подняться по лестнице и занять ванную комнату, чтобы принять душ. Она жёстко тёрла кожу мочалкой, словно стараясь стереть любое воспоминание о прикосновениях рук Драко. Вода в душе была обжигающе горячей, но девушка не могла заставить себя выключить ее. Смыв с себя мыло, она ещё долго простояла под душем, впустую растрачивая время, которого у неё не было.

«Это были не слезы, — повторяла она про себя. — Это была всего лишь вода, стекающая по лицу».

Выйдя из душа, Гермиона лишь слегка промокнула волосы полотенцем, тут же принявшись заплетать мокрые пряди в две тугие французские косы, которые скрепила невидимками на затылке. Теперь ее волосы выглядели аккуратно. Ни одна прядь не выбивалась из прически.

Гермиона проводила инвентаризацию зелий, когда ее отыскал Кингсли.

— Грейнджер, ты нужна в «Ракушке», — сказал он.

Она на секунду замерла, прежде чем повернуться и нарисовать в воздухе руну, направив палочку на невзрачного вида сундук, стоящий на полу. Его крышка откинулась, и Гермиона достала небольшой кожаный портфель. Открыв его, она проверила, что все необходимые зелья были на месте.

— Я готова, — сказала девушка, стараясь успокоить бешеный стук своего сердца и игнорируя сковавшее живот неприятное чувство.

Гермиона проследовала за Кингсли к выходу из дома. Ступив на крыльцо, они аппарировали.

Когда они приземлились, рядом не оказалось знакомого коттеджа Билла и Флёр. Гермиона знала, что они на самом деле и не собирались аппарировать туда.

Они стояли возле входа в узкую пещеру. Кингсли приблизился к камням и постучал палочкой по огромному валуну.

Камни у ног Гермiony задрожали и стали расходиться в стороны, открывая доступ к уходящей под землю лестнице. Несколько секунд девушка стояла, плотно сжав губы, прежде чем шагнуть на первую ступеньку.

У подножия лестницы ее ждала Габриэль Делакур, как всегда поражавшая своей неземной красотой.

— ‘Э’миона, я поймала ещё одного! — провозгласила она с триумфом. — У него нет Метки, но, думаю, он важен, потому что п’одождает доставлять т’удности.

Габриэль была новобранцем Британского Сопротивления. Она оставалась одной из немногих сторонников Французского Сопротивления, которые успели сбежать в другие части Европы, когда Волдеморт захватил Францию. Все ее друзья и одноклассники погибли. Она была полна желания отомстить.

Вместо того, чтобы официально принять ее в ряды Британского Сопротивления или Ордена, Кингсли предпочёл сделать Габриэль членом секретной разведывательной группы, о которой не знал почти никто из бойцов их стороны.

Шпионы Кингсли собирали информацию по всей Европе. В большинстве своём они были добровольцами, не привязанными к Сопротивлению. Кингсли не сильно обременял их правилами и ограничениями касательно того, какие способы они могли использовать для добычи информации. Его устраивали любые методы до тех пор, пока полученные сведения оказывались полезными для Ордена.

Шпионы должны были не только добывать информацию, но и привозить с собой обратно в Англию тех, за кем следили, чтобы поместить в тюрьму. Гермiona была нужна для того, чтобы исцелить заключённых перед тем, как их поместят в магическую кому. Габриэль отличалась особым талантом к сбору информации. Она пускала в ход свои чары вейлы, чтобы завлечь и поймать цель, а затем допрашивала волшебников так, как ей хотелось. Почти всегда она возвращалась в Англию с большим количеством полезных сведений, в редких случаях — с живыми пленниками.

Гермiona подозревала, что она убивала большую часть своих жертв после того, как заканчивала допрос. Глаза Габриэль горели холодным торжеством, показывающим, что младшая сестра Флёр была привычна к боли и с готовностью причиняла страдания другим. Красивая молодая девушка всегда носила одежду, закрывающую все ее тело за исключением лица.

Когда Габриэль возвращалась в Англию с пленниками, это означало, что она не смогла добиться от них информации. В таком случае она оставляла их на попечение Кингсли и Грюма с их классическими методами допроса: легилименцией, Сывороткой правды и психологическим давлением.

Каждый раз, когда Кингсли аппарировал вместе с Гермioniой на пляж, она не знала, чего ей следовало ожидать.

Она старалась морально подготовиться.

Девушка открыла дверь и увидела перед собой молодого мужчину, привязанного к стулу. Вокруг него на полу скапливалась в небольшие лужицы кровь.

Гермиона сделала глубокий вдох, положила свой кожаный портфель на стол и открыла его. Достав склянки с зельями, она аккуратно расставила их на столешнице. Закончив с приготовлениями, девушка подошла ближе к мужчине и наложила на него диагностические чары.

У него не оказалось никаких серьезных травм. Ничего, что могло бы угрожать его жизни. Гермиона увидела много незначительных повреждений в местах с большой концентрацией нервных окончаний. В основном травмированными оказались его руки и — Гермиона напряжённо сглотнула — гениталии.

Мужчина находился в сознании, но игнорировал Гермиону, что было ожидаемо.

Ее работа заключалась в том, чтобы подлечить пленника перед тем, как Кингсли приступит к допросу. Это делалось не по доброте душевной, а скорее из желания запугать пленника ещё больше. Чтобы он с ужасом ожидал того, что произойдёт с ним дальше.

Иногда такого трюка было достаточно для того, чтобы человек не выдержал и начал выдавать информацию прямо во время лечения.

В первый раз, когда Гермиону привели в это место и она узнала, что Орден позволяет использовать пытки для получения информации, она пришла в ярость. Между использованием темной магии для самозащиты и пытками была большая разница. Гермиона считала, что, если она согласится исцелять заключённых, она, можно сказать, поддержит Орден с его бесчеловечной стратегией допросов. Кингсли совершенно не тронули ее попытки убедить его прекратить применение пыток. Он напомнил девушке, что в Ордене не существовало никого, кто мог бы сравняться с ней в целительском мастерстве, и если она не будет лечить заключённых, то их просто станут оставлять в том состоянии, в котором доставили в Англию.

Гермиона пыталась уговорить Кингсли не давать шпионам возможность выбора методов допроса. Она предложила приготовить больше Сыворотки правды. Тогда Кингсли ответил ей, что члены разведывательной группы не нуждались в этом зелье. Они жаждали мести. Наняв их для работы на Сопротивление, он лишь направлял их злость в нужное русло. Ордену требовались шпионы, готовые пойти на все. Им нужны были люди, которые не сомневались в критические моменты, которые могли пойти до конца. Кингсли напомнил ей, что то, как поступали с пленниками Пожиратели Смерти, было в миллион раз хуже. Словно Гермионе нужно было напоминать об этом, когда она сама и занималась лечением тех, кого держали в лабораториях Пожирателей.

Она чувствовала себя монстром каждый раз, когда ее вызывали для исцеления пленников. Даже если они были Пожирателями Смерти, позволение Ордену пытаться людей выходило за грани человечности.

— Я собираюсь сначала исцелить твои руки, — мягко обратилась она к мужчине.

Гермиона опустила на пол возле него и, взяв его правое запястье, поднесла ближе к свету.

Проворным движением палочки она распылила анальгетик по руке мужчины, уделив особое внимание пальцам. Судя по всему, ему под ногти вгоняли иголки.

Когда зелье впиталось в кожу, Гермиона начала исцелять поврежденные ткани.

Она успела вылечить три пальца на правой руке, прежде чем он заговорил.

— Я знаю тебя, — сказал мужчина, подняв голову.

Гермиона взглянула на него. Он выглядел смутно знакомым. Плотный сложенный, темноволосый, с лицом, поросшим густой щетиной. Его предплечья и кисти рук были покрыты волосами.

— Ты грязнокровная сучка Поттера, — сказал он.

Гермиона вздернула бровь и продолжила лечить его пальцы.

— Ты определённо изменилась, — добавил мужчина, окинув ее похотливым взглядом. — Никогда бы не подумал, что та серая мышка станет выглядеть вот так.

Гермиона проигнорировала его.

— Грейнджер, не так ли? Нужно будет рассказать всем, что я видел тебя. Мы думали, ты уже мертва.

Он наклонился вперёд, пока его лицо не оказалось пугающе близко к лицу девушки.

— Я собираюсь раскрыть тебе секрет, Грязнокровка, — прошептал он. — Вы проиграете войну. И когда это случится, я буду пытаться ту белобрысую стерву так долго, что она будет молить меня о смерти.

Гермиона продолжала игнорировать его, зашивая ровные линии ран, вырезанных на его руках бритвой. Она закончила исцелять правую руку и принялась за левую. Гермиона старалась не думать о том, что в какой-то момент она закончит работать с его руками и будет вынуждена приступить к лечению других частей его тела.

— Нужно, чтобы ты откинулся назад на стуле, если хочешь, чтобы я исцелила твои гениталии, — заставила она себя невозмутимо произнести, когда закончила заживлять руки мужчины.

Гермиона чувствовала себя так, словно выхолодела изнутри. Ее внутренности скрутило так сильно, что она сомневалась, что когда-нибудь сможет переваривать еду.

Мужчина откинулся назад на стуле, к которому он был привязан, и раздвинул колени. Выражение его лица было насмешливым, словно это он являлся хозяином ситуации.

Гермионе хотелось оглушить его заклинанием.

Но она должна была оставлять пленников в сознании, когда занималась их

лечением. Это было одним из способов психологического давления, которым пользовался Кингсли.

Взмахом палочки девушка расстегнула его брюки и, немного склонившись, руками стянула их ниже.

Габриэль использовала что-то с тонким остриём, чтобы вырезать буквы у основания его члена. Гермиона не могла различить французские слова сквозь покрывавшую их кровь. Она поймала себя на внутренней радости, что это были хотя бы не руны. Затем Гермиона приступила к работе.

Девушка не хотела дотрагиваться до него, и это делало ее работу более сложной. Взмахнув палочкой, она очистила раны от крови, а затем использовала антисептическое заклинание.

Молодой мужчина застонал от боли. Гермиона взяла в руки склянку с настойкой растопырника и нанесла ее на раны, используя магию. Конечно, таким образом, лечение становилось более болезненным для мужчины, но она запретила себе переживать на этот счёт.

Пробормотав необходимые заживляющие заклинания, Гермиона ещё раз воспользовалась диагностическими чарами. В кровеносной системе мужчины содержалось большое количество алкоголя. Скорее всего, Габриэль подобралась к нему с помощью выпивки. Гермиона достала из портфеля склянку с Отрезвляющим зельем и залила его в рот мужчины. По всей видимости, он узнал зелье, потому что не сопротивлялся и с готовностью проглотил его. Затем Гермиона отодвинулась.

Мужчина следил за ней взглядом, пока она доставала из сумки Антипохмельное зелье. Гермиона предложила зелье ему.

Выпив его, пленник презрительно ухмыльнулся.

— Подлатала меня для следующего раунда пыток? — предположил он. — А я-то думал, что вы тут все святоши, которые не убивают своих врагов.

Гермиона одарила его кривой ухмылкой, которой она научилась у Малфоя.

— Мы не собираемся убивать тебя.

Она развернулась и вышла из комнаты. Когда дверь позади неё закрылась, девушка замерла, стараясь собраться с мыслями.

Гермиона чувствовала себя омерзительно.

Она солгала, когда пьяной сказала Малфоя, что у неё ещё остались какие-то принципы. У неё больше не было никаких принципов. Война украла даже их.

Единственным, что у неё осталось, было желание спасти Рона и Гарри. Желание выиграть войну.

И ради этого она была готова переступить через замученные пытками тела, продать своё тело и вырвать сердце Драко Малфоя, если потребует.

И потом, когда она убедится, что ее друзья в безопасности, она с радостью примет заслуженное наказание за свои грехи наравне с Грюмом и Кингсли.

42. Флэшбэк 17.

Август 2002.

Гермиона сидела на берегу пляжа, ожидая Кингсли. Сидя на камне, она снова и снова прокручивала в памяти события прошлой ночи, пытаясь отыскать хоть какую-то незначительную деталь, которую могла упустить.

После подробнейшего анализа произошедшего она пришла к выводу, что Драко в какой-то степени был заинтересован в ней физически. В конце концов, он назвал ее красивой, сравнил с розой на кладбище и заявил, что был ошеломлён при первой встрече. Она слегка фыркнула, засомневавшись, прозвучало бы вообще это признание без третьей бутылки огневиски у него внутри.

Ему не хватало близости в жизни. Независимо от того, соответствовала ли она его стандартам физической привлекательности, он оставался эмоционально уязвим для нее.

Она также решила, что, возможно, то, что у них не было секса, было к лучшему.

Его интерес теперь должен походить на разгорающееся пламя. Добавив слишком много топлива, она все испортит. Теперь, когда казалось неоспоримым, что Гермиона завладела его вниманием, ей придется действовать осторожно. Ключ к разгадке будет заключаться в том, чтобы превратить эти чувства в нечто неподвластное его контролю, в нечто такое, от чего он не сможет держаться на расстоянии.

На это потребуется время.

Драко был терпеливым. Он был готов лгать, манипулировать, убивать и заходить так далеко, насколько это было необходимо ради достижения своей цели. Месть как искупление, или на чем там был основан его союз с Орденом... была чем-то, чего он готов был ждать; он будет страдать и жертвовать столько, сколько потребуется.

Пытаться направить его честолюбие и одержимость на саму себя было ужасающим риском. Как сказал Северус, она в одинаковой мере могла как уничтожить Орден, так и спасти его.

Девушка почувствовала, что начинает паниковать от этой мысли. Ее грудь напряглась, и ей показалось, что океанский ветер уносит ее дыхание. Гермиона опустила голову на колени и заставила себя медленно вдохнуть.

Она сможет это сделать. Она сможет, потому что должна. Потому что другого способа выиграть войну не было.

Сама мысль о том, что она сможет контролировать его, до сих пор казалась бредовой.

Мысль о том, что Гермиона может помочь выиграть войну своей эмоциональной близостью, казалась совершенно абсурдной, пока она не почувствовала себя погруженной в глубокое подводное течение безудержного внимания Малфоя.

Он был так сдержан, даже когда был пьян. Даже когда целовал ее. Он не торопился. Его страсть не была взрывной. Она была похожа на подземный огонь — тот, что тайно рос глубоко в земле, распространяясь и выжидая, прежде чем подняться, разрушая мир наверху. Она подозревала, что он жаждал чего-то большего, даже не осознавая этого.

Девушка тщательно продумала свой план.

Он будет более осторожен, когда увидит ее в следующий раз. Он, вероятно, попытается силой оттолкнуть ее и восстановить дистанцию. Возможно, это сыграет на руку Гермионе.

В конце концов, нет большего искушения, чем запретный плод. Чем больше он думал о том, чтобы быть осторожным с ней, о том, что он не должен сближаться с ней, тем больше она будет поглощать его мысли. Тем больше он будет хотеть ее.

Тот факт, что она хотела его...

Гермиона сглотнула и нервно прикусила ноготь большого пальца.

Она и этим воспользуется. Если напряжение будет реальным с обеих сторон, ему будет труднее сопротивляться. Гермиона все равно не знала, как притворяться. Она была слишком неопытна. Тоска, которую она испытывала, тоже станет частью плана.

Она горько усмехнулась про себя.

Она продаст свою душу, чтобы выиграть войну. Использовать свои чувства в качестве валюты, скорее всего, будет еще проще.

Скорее всего...

Каким-то образом рационализация поступков не всегда останавливала от боли, последующей за ними.

Резкий звук хрустящих камней привлек ее внимание. Она обернулась и увидела приближающегося Билла.

— Кингсли послал меня за тобой, он закончил, — сказал Билл.

Гермиона внимательно посмотрела на него. Война состарила старшего сына семейства Уизли. Веселый, хладнокровный разрушитель проклятий превратился в сурового и задумчивого мужчину.

Билл был на задании вместе с Артуром, когда того проклинали. Чувство вины за произошедшее полностью изменило его. В работе он оставался холодным и исполнительным, и работа была всем, что его интересовало. Гермиона иногда советовалась с ним по поводу анализа проклятий. Между ними никогда не завязывалась светская беседа, не звучало шуток или бесцеремонных замечаний. Даже Северус был более разговорчивым.

Гермиона встала и последовала за ним. Когда они шли по пляжу, Билл резко остановился и взглянул на нее.

Гермиона молчала.

— Габриэль, она... — начал было Билл, но запнулся. — Флер волнуется.

Гермиона ничего не ответила. Она понятия не имела, что ему сказать об этой девушке.

— Чем именно она занимается? — спросил Билл.

— Она перехватывает людей, которых Том отправляет в другие части Европы, — осторожно сказала Гермиона.

— Я в курсе. Но каким образом?

— Она передо мной не отчитывается, — ответила Гермиона. — Тебе придется спросить ее или Кингсли.

— Я думаю, она их трахает, — резко сказал Билл. Все его лицо казалось высеченным из камня. — Я думаю, она их трахает, а потом, когда они засыпают, она связывает их и пытается.

Гермиона сжала губы и ничего не сказала.

— Я ничего об этом не знаю, — наконец прервала Гермиона долгую паузу. — Я лечу только тех, кого привезли сюда. Меня не информируют о том, что с ними произошло.

Билл заметно стиснул зубы.

— И какого рода их травмы?

Гермиона пошевелилась и почесала нос.

— Ничего особенного, — тихо сказала она.

Он немного постоял молча, прежде чем повернуться и продолжить путь. Гермиона последовала за Биллом к лестнице, ведущей на пляж.

Когда она вошла в комнату, уже знакомый ей пленник находился под сильным воздействием Веритасерума. Он сидел в кресле, свесив голову набок.

Гермиона подошла и наложила на него диагностическое заклинание.

— Мы победим... обязательно победим. Ты умрешь. Вы все умрете... — бормотал он себе под нос.

Гермиона изучила диагностику и обнаружила, что Кингсли ввел ему какой-то галлюциноген вперемешку с зельем правды. Она резко посмотрела на стол, за которым Кингсли что-то записывал.

— Химическая реакция этих зелий может вызвать маниакальное расстройство и навязчивое поведение, — сказала она с упреком. — Вам следовало посоветоваться со мной.

Кингсли взглянул на нее.

— Я посоветовался с *другим* Мастером зелий, — спокойно сказал он. — Допрос не входит в зону вашей компетенции. Этот немного владел окклюменцией. Он нуждался в дополнительных мерах.

Гермиона прикусила язык и повернулась к пленнику. В его мозге появлялись признаки сильнейшего воспаления. Она выругалась себе под нос и порылась в сумке в поисках чего-нибудь, что могло бы нейтрализовать эффект. Это была нетипичная реакция, и, не обладая сейчас полным запасом зелий, Гермиона не могла эффективно противостоять ей.

Настойка дистиллированной слизи жала билливига в сочетании с каплей сиропа морозника окажет охлаждающее действие на мозг, решила она. Девушка быстро смешала ингредиенты во флаконе, а затем наклонила голову пленника назад, чтобы дать ему настойку.

Его глаза закатились назад, и, когда она поднесла пузырек к его губам, он зажмурился и закрыл рот.

— Ну же, — мягко сказала Гермиона. — Это поможет твоей голове.

Он приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть на нее, прежде чем открыть оба. Она увидела, как его зрачки внезапно расширились, и он пристально посмотрел на нее.

— Я помню тебя, — сказал мужчина, — ты сучка Поттера.

— Ты должен принять это, иначе рискуешь получить необратимое повреждение мозга, — невозмутимо сказала Гермиона.

Он приоткрыл рот и выпил настойку, а затем зашипел, слегка качая головой. Гермиона снова сотворила диагностику и наблюдала, как воспаление быстро исчезает.

Она посмотрела мужчине в лицо и увидела, что его зрачки превратились в крошечные точки в центре радужной оболочки. Его пристальный взгляд все еще был прикован к Гермионе, и это начинало нервировать ее.

— Как ощущения? — спросила она.

— Холодно... я чувствую холод. Мой мозг заморожен, но вид тебя согревает меня изнутри, — сказал он нараспев.

Пленник внезапно рванул вперед, и его зубы щелкнули в воздухе, когда Гермиона быстро отступила назад. Он рассмеялся.

— Вообразил себя оборотнем? — резко сказала она. Вопрос был риторическим, диагностические показания не указывали на ликантропию.

Мужчина хихикнул. Его сознание до сих пор было затуманено действием Веритасерума, но глаза по-прежнему устремлялись на Гермиону.

— Я не оборотень. Но я запомню тебя, — сказал он. — Когда вы проиграете эту войну, я напомню о тебе. Я собираюсь прикончить белобрысую сучку и после этого я попрошу Темного Лорда о праве владеть тобой. Возможно, он захочет сохранить тебе жизнь. Именно я буду тем, кто сохранит твою жизнь.

Его взгляд скользнул по Гермионе, и она вздрогнула. Девушка начинала жалеть, что залечила воспаление его мозга. Что-то в том, как быстро она справилась с галлюциногеном, казалось, оставило в нем навязчивую тенденцию, произвольно сконцентрированную на ней самой.

— Довольно, Монтегю! — рявкнул Кингсли, вставая и подходя к ней.

Гермиона оглянулась, наконец-то узнав пленника. Он учился в Хогвартсе на пару курсов старше нее. Грэхэм Монтегю.

— Мы получили от него все, что нужно, — сказал Кингсли, собирая несколько свитков пергамента. — Теперь вы можете его усыпить.

Гермиона кивнула и оглушила Монтегю. Его глаза все еще были прикованы к ее лицу, когда он откинулся назад.

Закончив готовить мужчину к стазису, она утешила себя тем, что, даже если Орден проиграет войну, вряд ли пещера будет обнаружена. Гермиона больше никогда его не увидит.

Когда Напиток живой смерти был введен, Гермиона передала Монтегю Биллу и направилась обратно на Площадь Гриммо.

Когда вечером Гермиона вернулась в хижину, она обнаружила, что Драко не оставил никакого свитка с информацией. Она постояла там несколько минут, гадая, придет ли он, чтобы проверить свои швы.

После десяти минут ожидания она ушла.

Гермиона не была уверена в том, что это означало. Возможно, никаких новых сведений и не поступало, но она не могла избавиться от страха, что это было возмездие за сегодняшнее утро. Она старалась не обращать на это внимания и успокаивала себя тем, что, если бы у Малфоя было что-то срочное, он бы сказал об этом раньше.

После того, как она прекратила исцелять Драко каждый вечер, девушка чувствовала, что ее прогресс застопорился. Она поймала себя на том, что часто думает о нем. Не в рамках своего задания. Она переживала о том, как он себя чувствует, не беспокоят ли его швы.

Гермиона продолжала переосмысливать и анализировать их вечер с поцелуями и его последствия, пока не почувствовала себя немного одержимой.

Неопределённость терзала ее разум. На этой неделе ей было трудно сосредоточиться или заснуть.

Она перестала пользоваться своей комнатой для отдыха. Гарри и Джинни регулярно занимали ее в течение всей ночи. Гарри спал, когда был с Джинни. Он действительно мог спать спокойно. Эффект впечатлял. Его настроение

стабилизировалось, чего не случалось уже много лет, и Гермиона редко видела его по вечерам в гостиной. Напряжение, которое мучило его в течение многих лет, казалось, ослабело впервые после смерти Дамблдора.

Гермиона предпочитала спать на любой пустой кровати, которую могла найти, или в тренировочных залах. Она продолжала тренироваться и старательно наращивала свою выносливость.

В следующий вторник девушка была настолько взвинчена, что приняла успокаивающее зелье, прежде чем аппарировать в хижину. Она понятия не имела, чего ждать от Драко.

Войдя в хижину, она подпрыгнула от удивления и замерла в ожидании. Потом поняла, что на столе лежит свиток.

Она с минуту смотрела на него, потом подняла и развернула. Рейды на предстоящую неделю. Новые проклятия.

Ничего связанного с Гермионой.

Не то чтобы она ожидала, что он оставит ей личную записку.

Девушка тихо вздохнула и ушла.

Она не видела его весь август.

Гермиона беспокоилась об этом. Намеренное молчание между ними терзало ее. Она продолжала анализировать то, что произошло, подвергая сомнению свои выводы и делая новые. Может быть, она все испортила. Или, возможно, он избегал ее, потому что боялся того, как она искушала его.

Она продолжала колебаться. Это могло быть хорошим или плохим знаком?

Хуже всего было то, что она скучала. Ей не хотелось признаваться в этом даже себе самой, но в конце концов Гермиона смирилась с этим чувством. Исцеление его травм стало важным аспектом ее повседневной жизни. Общение с ним стало важным аспектом ее жизни. Когда все так внезапно закончилось, она остро ощутила эту пустоту. У нее было не так много людей, которых она видела регулярно.

Девушка продолжала проигрывать все их прошлые взаимодействия. Она продолжала оценивать его поведение. Она была одержима, но не знала, как это остановить. Он был нужен ей для выполнения задачи.

Ей нужно было заикнуться на нем. Это была ее работа.

«Но я не должна скучать по нему», — твердо решила Гермиона. Это стало ее личным поражением.

Наступил сентябрь, а он продолжал оставлять свитки.

Гермиона чувствовала себя разбитой.

Она не знала, что ей делать дальше.

Конечно, это было разумно с его стороны. Будь она на его месте, то, вероятно, поступила бы так же. Но понимание не решало вопроса о том, что теперь делать Гермионе.

Она продолжала искать возможности для встречи и посещать лачугу, но ее надежды с каждым разом угасали все сильнее.

Как и предупреждал Малфой, весь пригород Англии был защищен от аппарации. В течение нескольких недель Гермиона старалась избегать этих мест и заниматься поиском ингредиентов для зелий все дальше от дома, но, в конце концов, антиаппарационные барьеры окружили все участки сбора трав, которые она знала. Девушка пыталась найти новые места, но нигде больше не осталось достаточного количества некоторых важных ингредиентов.

Когда ее запасы бадьяна иссякли, Гермиона сдалась и отправилась в Хэмпшир. Она применила все известные ей заклинания обнаружения и была начеку.

Девушка собирала третью связку лечебных трав, когда в лесу стало неестественно тихо. Она немедленно спрятала свой запас и резко повернулась, бросая новые заклинания обнаружения во всех направлениях. Ничего.

Гермиона доверяла своим инстинктам. Она находилась в сотне футов от границы антиаппарационных барьеров. Она спокойно направилась к ней, стараясь не выдавать своего беспокойства. Держа в одной руке серебряный нож, а в другой волшебную палочку, Гермиона осторожно пробиралась сквозь папоротник.

Ей позволили добраться достаточно близко к краю барьера, чтобы она почувствовала надежду.

Острые, как бритва, зубы внезапно впились в ее правую ногу. Гермиона слегка вскрикнула и обернулась, обнаружив, что из темноты появился гитраш и вспорол ей икру.

— Люмос! — прокричала она. Призрачный пес быстро отпустил ее ногу и растворился в темноте леса. Гермиона не остановилась, чтобы проверить рану. Она подняла палочку и бросила взгляд на других существ. Призрачные псы имели обыкновение бегать стаями.

Они также обычно не были агрессивны по отношению к людям.

Когда девушка осторожно повернулась, что-то внезапно упало на нее с дерева. Она едва успела поднять глаза и увидеть бледную кожу и удлинённые клыки вампира, прежде чем тот сбил ее с ног. Вампир сомкнул ладонь вокруг основания ее волшебной палочки и прижал к земле, погрузив свои клыки в ее плечо.

Гермиона не дала себе времени на раздумья. Она резко вонзила лезвие ножа для сбора трав в висок вампира, вырываясь на свободу. Девушка вскочила на ноги и пронеслась через барьер.

Она аппарировала и чуть не упала на середине ручья в Уайткрофте.

Место не особенно подходило для перемещения. Она ошеломленно огляделась и удивилась, почему именно оно первым делом всплыло в ее памяти. У нее было

сильное кровотечение. Вампирские клыки впрыснули антикоагулянтный яд в кровь, и Гермиона сильно поранила руку, когда вырвалась на свободу. Все ее плечо было залито кровью, пока она пыталась прийти в себя.

Она посмотрела на ногу. Та тоже оказалась задета и истекала кровью.

У Гермионы не было сил снова аппарировать.

Мимо проезжала машина, и девушка неуклюже нырнула под мост, пока та не уехала. У нее были травы, необходимые для лечения, но ей не особенно хотелось исцелять себя в темноте под мостом.

Она посмотрела на часы. Оставалось больше часа перед тем, как она должна была появиться, чтобы забрать свитки Драко. Гермиона вздохнула. Зная его, можно было предположить, что он, вероятно, оставил все необходимое накануне вечером.

Она наложила на себя Дезиллюминационное заклинание, а затем сильно прижала руку к плечу, замедляя кровотечение, и заковыляла к хижине.

Как Гермиона и предполагала, свиток уже лежал на столе, когда она открыла дверь. Девушка закатила глаза и сунула его в сумку менее окровавленной рукой.

Гермиона тяжело опустилась в кресло и провела диагностику. Она потеряла много крови. У нее начинала кружиться голова, и она чувствовала, что, вероятно, скоро потеряет сознание, если не остановит кровотечение. Девушка вытащила бинт из своего аварийного набора и заклинанием обернула его вокруг своей икры. Она залечит укус гитраша после того, как разберётся с плечом.

Гермиона выгнула шею и попыталась разглядеть порезы. Движение причинило резкую боль, и она зашипела, призывая зеркало. Вампир укусил ее в место соединения шеи и плеча. Когда она вырвалась, его клыки оставили длинные глубокие раны на ключице, едва не задев яремную вену и сонную артерию.

Гермиона срезала с себя рубашку и сотворила Очищающее заклинание. Используя зеркало, она оторвала и смяла листья бадьяна, а затем положила их на порезы. Бадьян был не очень эффективен в свежем виде, особенно его листья, но у нее не было под рукой экстракта. В процессе исцеления она жевала несколько листьев.

Крепко прижимая одной рукой скомканную рубашку к ранам, Гермиона принялась смешивать ингредиенты, которые могли бы действовать как коагулянт. Она была не в силах сварить зелье, но у нее под рукой оказались тысячелистник и эссенция растопырника. Она соединила их несколькими отработанными взмахами палочки и быстро проглотила. Через минуту кровотечение в плече начало ослабевать.

Гермиона была вся в крови, и на полу под ней скопилась лужа приличных размеров. Девушка проигнорировала ее. Она приберется в хижине, когда закончит.

Она принялась убирать листья бадьяна из порезов с помощью зеркала, а затем, снова наложив Очищающее, повторно оценила рану. Плюссом в укусах вампиров было то, что они легко заживали, не оставляя рубцов.

Гермиона начала с ключиц, где рваная рана была самой неглубокой, и принялась бормотать заклинание, чтобы снова сшить кожу.

Она уже почти перешла к плечу, когда Драко внезапно аппарировал в комнату.

Он, казалось, слегка побледнел, когда увидел ее, а Гермиона покраснела и тут же пожалела, что разрешила свою рубашку. Затем, фыркнув, она поняла, что без неё вся была залита кровью. Гермиона понадеялась, что у Драко не было странного фетиша, хотя он, вероятно, не обращал никакого внимания на то, какую одежду она носила или не носила.

— Что произошло? — спросил он после того, как просто смотрел на нее несколько секунд.

— Я собирала травы, — вежливо ответила Гермиона, снова сосредоточившись на своем отражении в зеркале и возобновляя исцеление. — Извини. Я приберусь здесь перед уходом.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Гермиона рассмеялась. Она была намного ближе к смерти, чем когда-либо за долгое время, была в шаге от потери сознания, и такой вопрос, обращенный к ней, пока она заливала кровью пол его лачуги, оказался для нее странно весел.

— Нет, не совсем, — ответила Гермиона. — Но ничего такого, что я не смогу исправить.

Драко заметно разозлился.

— Я же говорил тебе быть осторожнее, — наконец сказал он.

— Я была, — ответила девушка, и ее веселье внезапно исчезло. Это ведь он говорил, что научит ее защищаться, а потом отказался даже встречаться с ней, как только она закончила исцелять его. — Но, как тебе известно, по всей Англии висят барьеры. Мне нужен был бадьян. Я и так долго тянула, запасы давно были критически малы. Я наложила чары обнаружения и попыталась уйти, как только почувствовала неладное. И, как ты ранее заметил, именно по милости судьбы я все это время оставалась живой, — ее голос стал горьким. — Когда-нибудь моя удача должна была иссякнуть.

— Почему бы просто не купить его, как поступают нормальные люди? — спросил Драко, как будто она была недалекой.

— Потому что, — сказала Гермиона, ее голос звучал напряженно с пронзительной и слегка насмешливой ноткой, — я известная террористка, черт побери. Возможно, ты забыл. И... — она икнула, — у меня... совсем не осталось денег.

Он замолчал и с минуту просто стоял, глядя на нее.

— Что произошло? — снова спросил он.

— Я искала ингредиенты в Хэмпшире. В лесу стало слишком тихо, поэтому я применила все известные заклинания обнаружения, но ничего не произошло. Но

я все равно решила уйти. Я почти сбежала, но меня укусил гитраш, а потом, когда я прогнала его, на меня напал вампир. Я убила его и аппарировала. Не знаю, почему я аппарировала в Уайткрофт. Это было незапланировано. Но я потеряла слишком много крови, чтобы аппарировать снова, и я не могла... у меня не было с собой экстракта бадьяна, чтобы исцелиться. Листья также непригодны, чтобы моментально приготовить зелье для восполнения крови. Поэтому мне пришлось прийти сюда, чтобы исцелить себя подручными средствами.

Голос Гермiony дрожал, когда она закончила говорить. Она была на грани истерики. Как только девушка рассказала о том, что произошло, это событие внезапно перестало быть забавным и превратилось в травмирующее и пугающе близкое.

У Гермiony перехватило дыхание, когда она подумала о том, как близка была к тому, чтобы умереть в одиночестве в лесу. Никто бы даже не знал, где ее искать, а к тому времени, когда о ней бы вспомнили, она была бы уже давно мертва.

Она зажала рот и несколько раз икнула, пытаясь дышать ровно.

— Кажется, у меня начинается шок, — сказала Гермiona.

Ее голос звучал странно тихо и по-детски. Она с трудом сглотнула.

Ей захотелось расплакаться, но Гермiona не позволила себе этого. Она уже несколько раз плакала перед Малфоем. Девушка не хотела, чтобы он думал, что она была плаксой, которая просто рыдала по любому поводу.

Она была так зла, что он пришел. Из всех случаев, когда ему нужно было появиться, он решил сделать это именно сейчас. Она пожалела, что не аппарировала в другое место.

— Я не на грани смерти. Орден не в опасности. Ты можешь просто уйти. Я приберусь перед уходом, и ты даже не заметишь, что я была здесь, — сказала она.

Стратегически это было неверно, но Гермiona не хотела его видеть. Он поцеловал ее, а затем назвал стервой. Он позволял ей неделями лечить себя и благодарил ее только тогда, когда был пьян, а затем, протрезвев, сказал, что собирался обратиться к другому целителю.

Он оборвал с ней любое общение.

Он заставил ее скучать по нему, как идиотку, в то время как сам, вероятно, трахнул столько пышногрудых шлюх, сколько его душе было угодно.

Она ненавидела Драко. И не хотела, чтобы он видел ее, когда она была вся в крови и на грани истерики.

Почему он просто не может оставить ее в покое, когда она этого хочет?

Через минуту Гермiona снова повернулась к зеркалу, чтобы и дальше исцелять плечо. Он продолжал стоять и смотреть на нее.

Через несколько минут раны закрылись и остались только слабые рубцы. Они исчезнут, как только она применит немного экстракта бадьяна.

Гермиона призвала другой стул, подняла ногу и начала разворачивать ее. Затем разрезала джинсы на коленях и бросила их рядом с остатками рубашки в лужу крови.

Она оглядела укус гитраша. Было трудно рассмотреть все проколы на задней стороне икры. Девушка развернула бедро, чтобы лучше видеть. Две длинные раны и несколько проколов. Она наложила Очищающее заклинание на ту область, что кровоточила. Ни одна из ран не была очень глубокой. Скорее всего, даже шрама не останется.

Она быстро все исцелила.

Комната, казалось, медленно вращалась. Гермиона откинулась на спинку стула и на минуту закрыла глаза. Затем снова открыла их и наложила на себя новое диагностическое заклинание. Она потеряла чуть больше пинты крови, что укладывалось в приемлемый диапазон, но у нее был критически низкий вес, поэтому потеря составила более 15% от ее объема крови.

Она несколько мгновений моргала, глядя на диагностику, и наколдовала стакан воды. Губы слегка покалывало.

Гермиона порылась в своей сумке, пытаясь найти что-нибудь съестное, и нашла старый батончик мюсли. Она залпом выпила воду и принялась за еду, упрямо игнорируя присутствие Драко. Он все еще просто стоял и смотрел на нее.

Допив третий стакан воды и съев все до последней крошки мюсли, Гермиона раздраженно обратила на него внимание.

— Я пробуду здесь некоторое время, прежде чем смогу аппарировать, — сказала она, свирепо глядя на него.

— Почему ты не можешь аппарировать? — спросил он.

Она смерила его пристальным взглядом, а затем указала на пол.

— Потеря крови. Мне пришлось идти сюда пешком от моста. Вероятно, там остался след. Как я уже упоминала, у меня не было с собой экстракта, соответственно, и зелья для восполнения крови. Мне придется подождать, пока я не почувствую, что мое состояние пришло в достаточную норму, чтобы аппарировать. Если я сейчас встану, то, скорее всего, упаду в обморок.

Драко, казалось, побледнел от ярости. Его челюсти сжимались и разжимались, как у Рона, когда тот был на грани взрыва. Он продолжал смотреть на нее так, словно его возмущало само ее существование.

Он явно сумел полностью преодолеть свой мимолетный интерес к ней. Она тосковала, а он, очевидно, провел последние шесть недель, вспоминая, как ненавидел ее, ведь ее грязнокровное существование в этом мире само по себе являлось оскорблением для него.

Он был гораздо лучшим окклюментом, чем она.

Ей придется признаться Грюму, что она провалила свое задание.

Губы Гермионы задрожали, она отвела взгляд и принялась с привычной легкостью очищать пол от пятен крови заклинанием. Рубашка уже не поддавалась никакой магии и была окончательно испорчена.

Она подняла глаза и обнаружила, что Малфой аппарировал без единого звука. Ее губы скривились. Она и не знала, что он может аппарировать бесшумно.

Гермиона почувствовала одновременное облегчение и опустошение от того, что он действительно ушел. Она резко покачала головой и только один раз позволила себе всхлипнуть, очень тихо, прежде чем снова продолжить собирать свои вещи.

Пока девушка рылась в сумке в поисках чего-нибудь, что можно было бы превратить в рубашку, он внезапно появился снова.

— Зелье для восполнения крови, — холодно произнес Драко, протягивая ей пузырек.

Она уставилась на него. Гермиона узнала острый почерк Северуса на этикетке. Она откупорила зелье и проглотила содержимое.

Комната немедленно перестала двигаться, а ее губы перестали покалывать.

— Спасибо, — сказала девушка. Она преобразовала кусок ткани в белую футболку и, после того, как забинтовала плечо, руку и торс, натянула ее через голову. Затем собрала все свои припасы обратно в сумку и встала, чтобы уйти.

— Видишь? — сказала Гермиона, указывая на пол. — Словно меня здесь никогда и не было.

Он не произнес ни слова, когда она вышла за дверь.

43. Флэшбэк 18.

Сентябрь 2002.

Аппарировав в хижину на следующей неделе, Гермиона обнаружила ту абсолютно пустой.

Стол, стулья, а также вся остальная немногочисленная мебель, которая стояла там раньше, исчезли.

Она почувствовала, как от страха скрутило внутренности, и услышала, как дёрнулась ручка двери после того, как девушка ее отпустила.

Гермиона оглядела комнату в поисках свитка. Очевидно, что его не было, но она продолжала надеяться, что могла просто не заметить его.

Комната была абсолютно пуста.

Она медленно обошла комнату и снова огляделась.

«Возможно, Малфой просто был занят. Быть может, он принесёт свиток вечером», — нервно рассуждала она.

Но теперь здесь не было даже мебели.

Может, он был ранен или убит. Ей никогда не приходила в голову эта мысль. Драко мог погибнуть, а она даже не узнала бы о случившемся. Он бы просто исчез из ее жизни, и она никогда больше его не увидела бы.

Северус сказал бы ей, если бы что-то случилось с Драко...

Как бы то ни было, дом был пуст...

И Гермиона продолжала стоять посреди комнаты, не зная, что ей делать дальше.

Конечно же, он бы не отказался от сотрудничества с Орденом только из-за того, что она испачкала кровью его потрёпанный диван. Ради того, чтобы остаться шпионом их стороны, он позволил превратить свою спину в кровавое месиво. Вряд ли его смогло расстроить то, что она запачкала своей кровью его тайное убежище.

Возможно, он просто сжёг всю мебель.

Она в последний раз окинула комнату взглядом и направилась к двери. Гермиона решила, что вернётся сюда вечером. И позволит себе запаниковать, только если от него не будет никаких вестей на следующей неделе. А пока она не станет волноваться. Возможно, всему этому есть какое-то рациональное объяснение.

Она как раз переступала через порог, когда услышала позади себя хлопок аппарации. Резко повернувшись, девушка увидела Малфоя, оказавшегося посреди комнаты.

Замерев в растерянности и смущении, она посмотрела на него широко

распахнутыми глазами. Драко оглядел ее с ног до головы, словно ожидая, что Гермiona снова может быть ранена.

— Нам нужно возобновить тренировки, — сказал он спустя несколько секунд.

Девушка ничего не ответила. Ее обуревали противоречивые эмоции. Ей хотелось одновременно плакать и смеяться. Ее губы дрогнули, пока она пыталась проглотить сдавившие горло чувства. Рука девушки, лежавшая на дверной ручке, дрожала из-за того, каких усилий ей стоило сдержать все те слова, которые она хотела высказать ему.

Я приходила каждую неделю. Это ты перестал появляться. Я даже не хотела тогда выпивать с тобой. Это ты заставил меня остаться, а теперь наказываешь меня за это решение. Почему тебя вообще это так волнует? Почему ты снова появился здесь? Зачем шпионишь для нас? Почему я никак не могу разгадать твои мотивы, чтобы понять, осталась ли в тебе хоть капля человечности? Что-то, из-за чего ты все ещё можешь заслуживать прощения. Все это время я была здесь. Я ждала тебя тут, и именно ты не хотел возвращаться.

Но Гермiona не произнесла вслух ни слова, а продолжала молча стоять в дверном проёме.

Ей так хотелось просто развернуться и уйти. Покинуть это место, чтобы дать себе возможность разобраться, почему все это ее так задевает.

Ведь ее действительно задевало его поведение. Она чувствовала себя преданной.

Он предупреждал ее об опасностях, заставлял тренироваться, практиковать технику дуэли и советовал быть осторожной. Он вынудил ее переживать каждый раз, когда ее ожидал очередной поход в лес за ингредиентами. Довёл ее до того, что теперь она даже не могла ничего поесть вечером перед вылазкой в лес, потому что из-за накрывавшего волнения вся еда казалась абсолютно безвкусной.

Он заставил ее осознать, насколько сильно она не хотела умирать.

Гермiona хотела жить.

Малфой первым решил тренировать ее, ругал за то, что она была недостаточно жестокой во время дуэли, а потом... отвернулся от неё.

Не от Ордена.

Только от неё.

Но это не должно было так тревожить Гермionу. Ведь ее миссия всегда стояла на первом месте. Главным было то, что он не предал Орден. Но происходящее ранило ее. Каждый раз, когда он не появлялся в хижине в оговорённое время, ей становилось больно.

Неужели она была настолько незначительной, что ее оказалось так легко отбросить в сторону?

Гермиона чувствовала, как сжимается ее грудная клетка и как сводит щеки от усилий, которые она прикладывает, чтобы не расплакаться.

Она ничего не сказала и ничего не сделала. Девушка просто стояла и смотрела на него широко раскрытыми глазами, продолжая молчать, пока не почувствовала, что справляется с эмоциями.

— Ладно, — в конце концов ответила она. — С сегодняшнего дня? Или со следующей недели?

— С сегодняшнего дня. Если, конечно, у тебя уже не назначена другая встреча.

У неё не было назначено никаких встреч. У неё было много свободного времени. Падма брала на себя все больше обязанностей в лазарете, а у Гермионы осталось не так много других дел за его пределами. Кроме ситуаций, когда в ней нуждался Кингсли или когда в больничное крыло доставляли пациентов со сложными повреждениями, она была полностью в распоряжении Малфоя.

Гермиона подозревала, что он знал об этом.

Она была специалистом в исцелении темных проклятий. Хозяйкой зелий. Она покинула страну и своих друзей, чтобы научиться всему этому. Чтобы приносить пользу во время войны.

Но больше всего Орден нуждался в ней не по этой причине. Им нужно было, чтобы она научилась контролировать Драко Малфоя, заставила его зависеть от себя. Она должна была воспользоваться тем, что ему не хватает близости, и суметь подобраться к нему.

Иногда она ощущала такую злость, что, казалось, могла умереть из-за одного только чувства.

Во всем этом был виноват Малфой. Это он потребовал ее. Он вынудил их обоих быть заложниками ситуации, но почему-то расплачивалась только она одна.

Бывали моменты, когда Гермиона ненавидела его так сильно, что ей казалось, будто ее сердце сгорит и превратится в пепел.

Она переступила через порог, возвращаясь в хижину, и закрыла за собой дверь.

— Как ты смогла сбежать от вампира? — спросил Драко мгновение спустя.

— Он прижал к земле мою руку с палочкой, так что я проткнула его висок ножом для сбора трав, — ответила Гермиона, пожав плечами и стараясь не смотреть на Драко.

Потому что смотреть на него было... больно.

Он кивнул, ни на секунду не отводя взгляда от ее лица.

— Ты всегда носишь этот нож с собой?

— Он нужен мне для сбора трав, так что да. Обычно я держу его в своей сумке.

— Тебе следует разместить его на теле. Ты держишь палочку в кобуре, прикреплённой к руке?

Его взгляд скользнул вверх и вниз по ее телу, словно он инспектировал ее внешний вид.

— Довольно редко, — ответила Гермиона, скрещивая руки на груди, поскольку чувствовала себя неудобно от столь пристального внимания. — Моя палочка почти одиннадцать дюймов в длину. А предплечье не настолько длинное, так что она ограничивает подвижность кисти. Получается, что я не могу согнуть либо запястье, либо локоть.

Она достала палочку из кармана пиджака и приложила к предплечью, чтобы подтвердить свои слова.

Драко нахмурился и сжал челюсти.

— Понятно. Это может стать проблемой. Тогда где ты держишь палочку?

— Если на мне пиджак или куртка, то во внутреннем кармане. Если на мне нет ни того, ни другого, то в сумке или кармане джинсов.

— Ты не сможешь достать ее достаточно быстро, если на тебя нападут. Тебе нужно носить с собой хотя бы нож. Вся твоя одежда теперь защищена заклинаниями, не так ли?

— Да, — немедленно ответила Гермиона. — Вся одежда, в которой я отправляюсь в лес, окружена защитными заклинаниями.

Джордж и другие обитатели убежищ, руки которых все еще были достаточно проворны для колдовства, занимались тем, что накладывали защитные чары на одежду членов Сопrotивления, делая ее полезной в сражениях.

— Ты предпочитаешь носить пиджаки или мантии? — спросил он спустя несколько секунд слишком обыденным тоном, что показалось Гермионе немного подозрительным.

Девушка прищурилась.

— Мантии не так приметны в магическом мире. А пиджак на волшебнице сразу относит ее к магглорожденным, — ответила она.

— Понятно. Что ж, — сказал он, левой рукой доставая свою палочку из кобуры. Затем он переложил ее в правую руку. — Давай проверим, улучшилась ли твоя техника с прошлого раза.

Опустив сумку на пол и наложив на неё защитные чары, Гермиона встала в дуэльную позу.

Ее навыки значительно отточились с тех пор, как они с Малфоем практиковались в последний раз. Она так усердно тренировалась, что развила приличную выносливость. Гермиона даже несколько раз просила Кингсли и Грюма сразиться с ней, чтобы проверить свои способности.

К тому же, на этот раз она была достаточно зла, чтобы искренне желать попасть в Драко заклятием.

Во время их тренировки ему даже пришлось несколько раз уклоняться от выпущенных ею заклинаний, а Гермионе удавалось отбить большую часть летящих в неё капель воды.

Наконец Малфой опустил палочку.

— Твои навыки стали гораздо лучше, — сказал он.

— Я не хочу умирать, — ответила она, пожимая плечами. Ее тон почти не выдавал горечи слов.

— Это хорошо, — отрывисто кивнул Драко. Убрав свою палочку, он принялся искать что-то во внутренних карманах мантии. Он достал свиток пергамента и флакон с какой-то жидкостью, в которой Гермиона почти сразу узнала экстракт бадьяна.

Девушка не сдержала удивленного вздоха и потянулась к флакону руками, не успев подумать. Экстракт бадьяна требовал такого огромного количества листьев бадьяна, что Гермионе редко удавалось приготовить даже небольшое его количество. Им удалось заполучить несколько склянок, когда Орден уничтожил подразделение, занимавшееся изобретением проклятий, но ей пришлось использовать практически весь раздобытый экстракт для лечения доставленных пленников. Остатки зелья она потратила на то, чтобы нейтрализовать яд в ранах Драко.

Гермиона не могла позволить себе купить экстракт, и у неё не было возможности сварить хотя бы один флакон. Даже для одной его капли требовалось несколько сотен листьев бадьяна. Чтобы сэкономить, Гермиона обычно перетирала листья в мелкий порошок или делала на них настойку. Их действенность была меньше, но зато собранных ей ингредиентов хватало на более долгое время, а значит, она могла вылечить больше пациентов.

— Больше не появляйся в Хэмпшире, — сказал Драко. — Там обитают сотни вампиров. Тебе повезло выбраться оттуда живой.

Гермиона нерешительно приняла флакон из его рук.

— Тебя не обнаружат из-за этого? — спросила она, почти с тоской поглаживая стекло флакона. — Такое количество экстракта бадьяна может вызвать подозрения. Один человек за всю жизнь не сможет использовать такое количество зелья.

Малфой снисходительно усмехнулся.

— Я являюсь генералом армии Темного Лорда. Я могу попросить все, чего пожелаю. Тот, кто подвергнет сомнению мои просьбы, может недосчитаться языка.

Гермиона резко побледнела. Увидев ее реакцию, Драко закатил глаза.

— Это был сарказм, Грейнджер. Я никогда никому не отрезал язык. Думаю, что

должен уточнить, что не собираюсь делать ничего, что могло бы раскрыть меня, только из-за любви к тебе, — он усмехнулся Гермионе в лицо и всунул ей в руки свиток с новыми сведениями. — Продолжай тренироваться.

Он беззвучно аппарировал.

Замерев, Гермиона несколько минут смотрела на то место, где до этого стоял Малфой. Затем она покинула хижину.

Вернувшись на Площадь Гриммо, девушка тайком разлила флакон с экстрактом бадьяна по нескольким десяткам склянок и надежно их спрятала. Большинство членов Ордена совершенно не интересуются зельями, так что они даже не заметят, что у Гермионы появился огромный запас с заживляющим снадобьем. Но Падма заметит. Они постоянно старались придумать, как растянуть их небольшой запас бадьяна на несколько недель.

Они с Малфоем продолжали тренироваться. Он оставался молчаливым и мрачным. Драко игнорировал ее вопросы и открывал рот, только чтобы выразить своё недовольство дуэльной техникой девушки.

Гермиона даже могла решить, что он ненавидит ее, если бы она не замечала, как он смотрит на неё каждый раз, когда она появляется в дверях хижины. Он выглядел так, словно пытался подготовить себя к тому, что она снова будет ранена. Каждый раз он внимательно осматривал ее с ног до головы, словно пытаясь убедиться, что она в порядке.

Их тренировки становились все более продолжительными.

Гермиона делала вид, что не замечает этого.

Несколько недель спустя после очередной тренировки Малфой протянул Гермионе мантию. Девушка присмотрелась к ней внимательно. Мантия была окружена защитными чарами.

— Вся моя одежда защищена заклинаниями. — Гермиона взяла мантию из его рук и расправила ее. Оказалось, что та полностью подходила ей по размеру.

— Эта пропитана магией из крови мантикоры.

Гермиона резко перевела взгляд на Малфоя.

— Это значит, что ты убил ее?

— Нет. Оказалось, что невероятно трудно найти убедительную причину для убийства подобного существа. Но моя мантикора оказалась странно меланхоличной, и Макнейр никак не может разобраться, что с ней не так, — сказал он с усмешкой.

— Ты пускаешь ей кровь, — догадалась Гермиона, снова опустив взгляд на мантию в руках.

Малфой кивнул.

— Мантикорам не подходит холодный климат. Возможно, моя встретит свой

конец уже этой зимой. Если мне повезёт, она успеет повзрослеть достаточно, чтобы начать производить яд, прежде чем ее окончательно погубит местный климат.

— Надеюсь, ты не мучаешь ее? — спросила Гермиона, глядя ему прямо в глаза. — Мантикоры — разумные существа. И даже если бы это не было так, каждое живое существо заслуживает человеческого обращения.

— Я не мучаю ее. Правда, называть ее разумной только потому, что она может говорить, слишком великодушно, — заметил Драко с легкой ухмылкой. — Она только и делает, что бормочет о том, как хочет сожрать меня живьем.

— Если бы ты держал меня в заключении, пуская кровь и лишая магических способностей, я бы бормотала примерно то же самое, — ответила Гермиона.

Драко безрадостно рассмеялся.

— Спасибо тебе за мантию, — сказала она, после того как внимательно осмотрела ткань, которую держала в руках. Мантия была искусно сшита. В ткань оказались вплетены чары, регулирующие температуру, так что Гермиона смогла бы носить ее круглый год, не испытывая никаких неудобств. Внутри мантии было вшито больше десятка потайных карманов с наложенным на них заклятием незримого расширения, а это означало, что в них могло вместиться большое количество нужных ей вещей. Подол был сконструирован так, что в нем невозможно было запутаться. Даже если бы мантия не была защищена магией мантикоры, она должна была стоять целого состояния только из-за тонкой работы того, кто ее смастерил.

— Считаю это моей благодарностью за то, что ты исцелила мне спину, — сказал Малфой, не смотря на неё.

Гермиона всматривалась в его лицо, в то время Драко упорно продолжал изучать происходящее за окном.

— Твои раны... — с сомнением начала она, — шрамы не мешают твоим передвижениям? Я собиралась... ты... ты так и не появился, когда я пришла, чтобы проверить твоё состояние.

— Все в порядке, — ответил он напряженным голосом. — Физически я почти не ощущаю их. Мне больше не потребуются осмотры.

Его челюсти были крепко сжаты. Гермиона несколько секунд изучала выражение его лица, прежде чем опустить глаза на подаренную мантию.

— Что ж, это хорошо, — сказала она. — Я... никогда до этого не проводила процедуру такого рода. Я переживала...

— Не стоило! Мне не нужно, чтобы за меня переживал кто-то вроде тебя.

Гермиона смотрела на него расширившимися от неожиданности глазами. Драко сжимал кулаки, разглядывая ее лицо.

— Я лишь хотела... — начала девушка.

— Просто... Отвали, Грейнджер, — жестко отчеканил он. Резким движением Малфой достал свиток пергамента из внутреннего кармана и, бросив его на пол хижины, аппарировал прочь.

Гермиона подняла пергамент с пола и положила его в сумку.

Она вышла из хижины и в задумчивости побрела к ручью.

Что он говорил о влиянии рун?

«В целом они не изменили меня, но я чувствую, что они влияют на мои поступки. Гораздо легче быть беспощадным. Сложнее сдерживаться от импульсивных поступков. Раньше мало что могло отвлечь меня, но теперь все внешние обстоятельства... стали иметь ещё меньше значения».

Она выучила его руническую клятву наизусть, проводя столько вечеров за ее разглядыванием.

Решительность, коварство, непреклонность, безжалостность, стремление к достижению идеального результата...

Но то, в чем он хотел преуспеть, оставалось туманным, предоставленным на его усмотрение.

Он хотел ее.

Она была почти уверена в этом. Сейчас он разрывался между своей решимостью оттолкнуть ее и желанием обладать ею.

Вот почему он был так взбешен тем, что она была ранена.

Он не смог убедить себя в безразличии до такой степени, чтобы не волноваться о ней. В то же время он был полон решимости не поддаваться этому желанию, чтобы не скомпрометировать себя. Малфои были собственниками, как драконы — так говорил Северус.

Он знал, что она делает, для чего конкретно она была послана. Гермиона осознала это по тому, как изменился его взгляд. В нем теперь всегда присутствовали злость и обида, которых раньше не было.

Но он был загнан в угол осознанием того, что она, скорее всего, умрет, если он не будет тренировать ее. Нападение вампира стало удивительно удачным совпадением. Если бы она решилась инсценировать это, то, вероятно, ее попытка не возымела бы подобного эффекта.

Если они продолжают проводить совместные тренировки, то его срыв будет вопросом времени. К тому моменту он уже будет слишком одержим ею, чтобы продолжать сдерживаться. Руны поспособствуют этому.

Когда это произойдёт...

Гермиона вздохнула.

Когда это произойдёт, он будет принадлежать ей.

Если только он не настолько отчаянно попытается освободиться от своей навязчивой идеи, что захочет убить ее.

Иногда она чувствовала на себе его взгляд во время дуэли, похожий на подбрасывание монетки. Как будто он постоянно взвешивал варианты.

Как бы Гермиона ни была уверена в его влечении, в то же время она не была достаточно уверена, сможет ли она выжить в конечном счете. В Драко Малфое было так много всего, чего она не знала и не понимала. Когда она смотрела на него, то могла только гадать, принадлежал ли он к разряду тех людей, которые в итоге уничтожают то, что любят.

Чем бы ни являлся... его мотив для шпионажа... он уже убил бесчисленное множество людей, чтобы попытаться заполучить то, что хотел. Если он решит, что Гермиона помеха для его цели... возможно, она станет следующей.

Решительный, коварный, непреклонный, безжалостный, стремящийся к успеху...

Гермиона крутила лямку сумки, продолжая размышлять.

Ей стоило уделить больше внимания обучению Падмы, используя любое свободное время, что у нее оставалось.

Падма демонстрировала неплохие способности к исцелению. Она могла оставаться спокойной в стрессовых ситуациях и обладала хорошими навыками анализа ситуации и подбора нужных заклинаний. Но у нее все еще оставались проблемы с точностью, необходимой для сложных заклинаний. Также она была склонна полагаться на зубрежку, не используя воображения, необходимого для изобретения контрзаклятий. Но Гермиона надеялась, что с помощью Поппи Падма все-таки сможет в достаточной степени заменить ее.

Гермиона начала брать Падму с собой на поиски ингредиентов. Кому-то следовало учиться собирать травы, ведь с приближением зимы уже нужно было пополнить все запасы. Но Гермиона оставалась очень осторожной в том, чтобы не дать Драко понять, что у нее появился напарник по сбору ингредиентов. Если бы он узнал, то, вероятно, перестал бы тренировать ее.

По утрам в четверг она собирала травы вместе с Падмой. По вторникам она по-прежнему отправлялась за травами одна, но с большей осторожностью.

Гермионе нужно было снова продумать своё поведение, прежде чем она попыталась бы продвинуться дальше в отношениях с Драко.

Она смотрела, как вода ускользает под мост, и гадала, не тянет ли время.

Она не хотела умирать.

Последние несколько недель она думала о смерти почти так же часто, как и о Драко.

Почувствовав, как клыки вампира впиваются ей в плечо, Гермиона внезапно осознала, как сильно хочет жить. Она и не подозревала, насколько ошеломляющим будет этот опыт.

Разумом девушка всегда понимала, что смерть — это что-то неизбежное, с чем ей когда-нибудь предстоит столкнуться.

Но в тот момент, когда она почувствовала ужас от рук, прижимающих ее к земле, и зубов, впивающихся в ее плоть, инстинкт вырваться на свободу любой ценой поглотил ее. Гермиона и не подозревала, что ее чувство самосохранения вытеснит все остальное.

Гермиона и не подозревала, как сильно ей не хочется умирать.

Но если дело дойдет до ее сражения с Драко, она, скорее всего, умрет. Он мог с лёгкостью убить ее. Еще один труп в его списке. Через некоторое время она просто истечет кровью вместе со всеми остальными его мертвецами.

Она горько улыбнулась про себя, думая о том, насколько сильно они отличались.

Количество трупов на счету Гермионы было отражением ее неудач. Все те жизни, которые она не смогла спасти.

Количество трупов на счету Драко было иллюстрацией его достижений. Они олицетворяли то, кем он являлся и почему был ценен для Волдеморта и Ордена.

Их отношения... казались слишком жестокой формой иронии. Словно они были полными противоположностями друг другу.

Инь и Ян. Неумолимо кружащиеся друг вокруг друга.

Каким-то образом война связала их.

Гермиона аппарировала обратно на Площадь Гриммо и отправилась на поиски Кингсли.

Обычно она разговаривала только с Грюмом, но Аластор находился сейчас в Ирландии, обучая новобранцев вместе с Ремусом и Тонкс.

Кингсли стоял спиной к двери в кабинете, глядя на карту, висящую на стене. Гермиона знала, что он был в курсе ее присутствия, но продолжал не обращать на нее никакого внимания.

— Кингсли, — сказала Гермиона, тихо закрывая дверь, — можно вас на пару слов?

Он резко повернулся и произнес несколько защитных заклинаний, окружая ими комнату, прежде чем заговорил.

— Грейнджер, — ответил он, — новые сведения?

Гермиона расстегнула сумку и протянула ему свиток. Кингсли развернул его и изучал в течение минуты, прежде чем спрятать под мантией и снова посмотреть на Гермиону.

— Хочешь что-то обсудить со мной, Грейнджер?

Гермиона на мгновение посмотрела на него. С тех пор, как Драко потребовал ее, Кингсли перестал называть ее по имени. Она это заметила. Он обращался к Гарри, Рону и большинству других членов Ордена по имени, но к ней всегда обращался по фамилии. Вероятно, чтобы дистанцироваться, решила она.

— Я предполагаю, что Северус говорил с вами и Грюмом о своих опасениях относительно Малфоя, — сказала девушка.

Кингсли кивнул. Его лицо ничего не выражало.

— Да, мы уже обсудили это.

Гермиона кивнула в ответ:

— Судя по тому, как идут дела... я начинаю подозревать, что Малфой в конечном счете захочет убить меня.

Кингсли пристально посмотрел на нее и поправил свою мантию:

— Ты просишь нас вытащить тебя с задания, Грейнджер?

Гермиона перевела взгляд на натюрморт, висящий на стене.

— Нет. Нам нужна эта информация. Если бы не Малфой, мы уже были бы мертвы. Я просто... я хочу знать, что мне стоит поставить в приоритет при тренировке Падмы. У нее не было соответствующего обучения, как у меня. Она должна закрепить ещё многие базовые навыки целительства, прежде чем я смогу научить ее продвинутой специализации исцеления темных проклятий. И еще зелья и добыча ингредиентов. Я просто не уверена... есть ли у нее мотивация и желание быть целительницей. Я знаю, что она хочет участвовать в рейдах с Парвати. Поэтому мне нужно знать ваше мнение о приоритетах в нынешней ситуации.

Кингсли с минуту молчал.

— Я поговорю с Аластором и просмотрю отчеты больницы. Мы составим список тех вещей для изучения, которых не хватает Ордену. Ответ на твой запрос будет готов на следующей неделе.

— Хорошо, — кивнула Гермиона. Ее голос звучал натянуто и механически.

— Грейнджер. Скажи мне, какую именно стратегию ты пытаешься использовать?

Она снова посмотрела на Кингсли и почувствовала усталость.

— Он хочет меня. Он становится одержимым мною. И он знает, что делаю я. По тому, как он смотрит на меня, я могу точно утверждать, что он знает. Я до сих пор не могу выяснить его долгосрочные цели. Он никогда не говорит ничего такого, что могло бы его выдать. Если я продолжу манипулировать им, и выяснится, что я мешаю его первоначальным амбициям, он может решить устранить меня. Если же он не убьет меня... по словам Северуса, Малфои склонны к одержимому собственничеству. Не думаю, что он сможет отказаться от Ордена — не теперь, когда он уже так далеко зашел. Похоже, для него чрезвычайно важно, чтобы я оставалась рядом с ним добровольно. И он точно

знает, что я буду рядом с ним, пока он остается верен Ордену.

Затем она пожала плечами:

— Или я ошибаюсь, и он обернется против Ордена, как считает Северус. Честно говоря, я не знаю. Это не... я не знаю, как мне правильно вести себя с ним...

Кингсли молчал.

— Если он стал одержимым тобой... это уже больше того, что я ожидал, — сказал он, положив пальцы на край стола и задумчиво постукивая ими.

Гермиона чувствовала, что у нее должна быть хоть... какая-то реакция на эти слова: обида, удовлетворение или что-то еще. Но она ничего не ощущала. Казалось, что ее сердце медленно сжимается в груди, превращаясь в камень.

— Я не... — начала она, но тут же замолчала, поджав губы. Гермиона слегка повернула голову, почувствовав, как напряжение в шее начало расходиться вниз по плечам. — Я не могу лгать ему, Кингсли. И я не могу притворяться. Эмоциональная связь между нами вполне реальна.

Пальцы Кингсли замерли, и он изучающе посмотрел на нее слегка прищуренными глазами:

— Надеюсь, он не настроит тебя против нас, Грейнджер. Судьба Ордена зависит от возложенной на тебя миссии.

Гермиона натянуто кивнула:

— Моя преданность Ордену всегда будет на первом месте.

Выражение лица Кингсли не смягчилось:

— Гарри... Ты же в курсе, что я могу уберечь его от самых опасных миссий, только если знаю, когда и где они будут.

Гермиона вздрогнула:

— Я понимаю. И я делаю все, что в моих силах, Кингсли. Даже больше. Я никогда не совершу ничего, что могло бы подвергнуть опасности Гарри.

— Тогда продолжай делать что должна, — сказал Кингсли, снова отворачиваясь к карте на стене.

Гермиона несколько мгновений смотрела на его спину, потом, развернувшись и положив ладонь на дверную ручку, она тихо рассмеялась.

— Что-то ещё, Грейнджер? — в голосе Кингсли слышались легкие нотки раздражения.

Гермиона оглянулась через плечо. Он все еще стоял к ней спиной.

— Я только что осознала, — тихо сказала она, — что если мне удастся преуспеть в своей миссии, вы будете использовать меня, чтобы контролировать Малфоя так

же, как используете Гарри, чтобы контролировать меня. Это... это почти заставляет меня испытывать жалость к нему.

Кингсли на мгновение замолчал.

— Он, в отличие от тебя, заслуживает этого.

44. Флэшбэк 19.

Октябрь 2002.

В следующий раз, когда Гермiona появилась в хижине, Драко нес граммофон и выглядел явно раздраженнее, чем обычно.

Она внимательно посмотрела на него:

— Кажется, я что-то пропустила.

— Будь уверена, Грейнджер, если бы я мог придумать решение получше, я бы им воспользовался. — Он наколдовал стол и поставил на него граммофон. После взмаха палочки в комнате заиграла музыка.

— Это... — Гермiona слегка задохнулась и недоверчиво уставилась на него. — Ты хочешь, чтобы мы танцевали?

— Вальс. — Он повернулся и пристально посмотрел на нее. — Во время дуэлей ты двигаешься как пингвин.

Гермiona почувствовала, как ее щеки запылали.

— Конечно же, нет, — отрезала она.

— Я провел гораздо больше времени, наблюдая за твоей дуэльной техникой, чем ты, и поверь мне, именно так ты и двигаешься, — его губы насмешливо скривились. — Ты медлительна и неуклюжа, и единственная причина, по которой я не попадаю в тебя чаще, состоит в том, что я намеренно не целюсь.

Гермiona едва сдержалась, чтобы не возразить.

— И поэтому ты думаешь, что решением этой проблемы станет вальс? — натянуто произнесла она.

— Не думаю, а знаю. Беллатриса была одной из самых выдающихся танцовщиц, с которыми я когда-либо имел несчастье танцевать. Сражалась она с той же легкостью. Я знаю, что ты умеешь танцевать. Нам просто нужно перевести эти движения в дуэльную технику.

Гермiona на мгновение задумалась, а затем кивнула и отложила сумку в сторону:

— Хорошо.

Драко подошел к ней с выражением человека, который скорее получит пощечину, чем сделает то, что собирался сделать.

Спустя мгновение он поднял левую руку, чтобы она приняла ее. Затем он жестко сжал челюсти и положил правую руку на ее спину, поместив ниже лопатки, прежде чем притянуть девушку ближе, пока между ними не осталось всего несколько дюймов. Гермione казалось, что она едва дышит.

Она пристально посмотрела ему в лицо, положив левую руку на его плечо.

Они стояли неподвижно, просто глядя друг на друга. Она видела, каким напряженным был его подбородок и как ожесточилась линия рта, когда он почти насмешливо посмотрел на нее сверху вниз. Она также могла видеть его глаза и, встретившись с ним взглядом, увидела, как расцвели его радужки, пока он резко не вздернул подбородок и не уставился в другой конец комнаты.

Она почувствовала, как его пальцы дрогнули на ее спине, прежде чем Драко успел взять себя в руки.

— Итак, — его голос был жестким, когда он отвел взгляд. — Танец, который лучше всего отражает скорость и плавность движений, которых тебе явно недостаёт, это венский вальс. Обычно для женщины не составляет никакого труда овладеть соответствующим чувством такта, если та отзывчива и способна следовать за мужчиной. Учитывая, что ничего из этого не является теми качествами, которые каким-то образом могли бы быть применимы к тебе, я уже смирился с тем, что потребуется значительное количество времени, прежде чем ты овладеешь хоть каким-то подобием изящества.

Он снисходительно улыбнулся ей.

Гермиона почувствовала, как в груди начинают подниматься возмущение и решимость, и она слегка напряглась, прежде чем до нее дошло. Драко явно не хотел «держат» ее в своих объятиях и пытался спровоцировать ее на то, чтобы она изо всех сил старалась как можно скорее закончить их «уроки танцев».

Она ответила ему тонкой копией его собственной ухмылки.

— Сделаю все, что в моих силах, — сказала девушка, слегка пошаркав ногой, почти случайно задевая его ногу.

— Тогда, пожалуйста, не наступай мне на ноги. — Он презрительно посмотрел на нее сверху вниз. — Я бы предпочел не бегать к целителю каждый раз только из-за того, что твоя неуклюжесть приводит к переломам.

— Я с радостью исцелю их ради тебя, — сказала она с притворной нежностью.

Он снова ухмыльнулся ей и резко двинулся с места. Гермиона попыталась следовать за ним, их колени ударились. Она взвизгнула, и он выругался.

— Предупреждай, прежде чем начнешь двигаться, — сказала она напряженным голосом, чувствуя, как пульсирует ее правое колено.

— Учись следовать за мной, — отрезал он. — И говоря о дуэли. Никто не собирается давать тебе «предупреждения», прежде чем бросать проклятия. Тебе нужно научиться двигаться инстинктивно.

Гермиона сжала челюсть.

— Ладно.

— Начнём сначала.

Гермионе не нужно было притворяться неуклюжей, когда она танцевала с Драко. Скорость, которую он ждал от нее в танце, была почти головокружительной. Он не был с ней терпеливым. На самом деле он, казалось, был полон решимости сделать эти уроки настолько невыносимыми, насколько возможно. Вероятно, с целью замотивировать ее ускорить своё обучение.

Пальцы ее ног пульсировали, и Гермиона была совершенно уверена, что его ботинки из драконьей кожи были укреплены сталью, потому как в момент, когда он случайно пнул ее в голень, она подумала, что он мог с легкостью сломать ей ногу.

Гермиона с воем упала на пол и обхватила свою ногу руками.

— Ты худший учитель по танцам на этой планете, — прорычала девушка и рывком задрала брюки, обнаружив, что на ее голени уже расцвел фиолетовый синяк.

— И как же я теперь буду с этим жить? — сухо сказал он, даже не взглянув на нее. — Моей тайной мечте о преподавании не суждено сбыться.

— Ты что, хочешь сломать мне ногу? Почему на тебе вместо туфель военные ботинки? — спросила она с яростью в голосе.

Малфой резко обернулся и увидел синяк на ее ноге. Выражение его лица дрогнуло на долю секунды, прежде чем он вернул себе маску безразличия.

— Не ожидал, что ты будешь настолько неуклюжей, — ответил он.

— Ты настоящий мерзавец, — сказала Гермиона, роясь в своей сумке в поисках целебного набора.

— И все же, если бы не я, большая часть твоего драгоценного Ордена уже была бы мертва, — Драко злобно ухмыльнулся ей. — Теперь я их спаситель, превосходящий по своей эффективности даже Святого Поттера, и ты принадлежишь мне, так что не в твоём положении сейчас меня оскорблять.

Гермиона почувствовала, что бледнеет, когда ощутила, как ярость пульсирует в ее груди. Она ненавидела его. Она ненавидела его и одновременно хотела, и это заставляло ее ненавидеть его еще сильнее.

Но, возможно, она ненавидела в большей степени потому, что он был прав насчет Ордена. Война в Британии истощала все ресурсы Сопротивления после многолетних неудачных сражений с их стороны. Орден хоть и находился в сравнительно невыгодном положении, но Волдеморт одерживал все меньше побед с тех пор, как Малфой начал шпионить в их пользу. Помощь Драко привела чашу весов войны в равновесие, и он знал это.

Он держал Орден у себя в кулаке.

Это была самая ненадежная форма выживания из всех возможных, потому как они понятия не имели, какой шаг он предпримет следующим.

— Я действительно стараюсь следовать твоему темпу, — сказала она дрожащим голосом, размазывая пасту от синяков по своей коже. — Если бы ты меня

предупредил, я бы взяла книгу и попрактиковалась в движениях, прежде чем прийти сюда. Это не означает, что я намеренно плохо танцую. Я пока не разобралась в особенностях темпа этого вальса. Ты мог бы попробовать дать мне чуть больше объяснений.

Драко несколько мгновений пристально смотрел на нее, прежде чем отвернуться:

— Ну, теперь ты знаешь, что учить. Поэтому тренируйся.

Он исчез с сердитым треском.

Гермиона осталась. Она сняла туфли, чтобы проверить, нет ли переломов на пальцах ног, и поразмышляла над тем, каким же невероятным засранцем был Драко Малфой. Она вздохнула и закрыла лицо руками.

Хуже всего было то, что на самом деле она его не винила. Если бы кто-то делал с Гермионой то, что она сейчас делает с Драко, и, очевидно, преуспевал в этом, ей было бы трудно не обижаться и не хотеть причинить боль этому человеку в ответ. Должно быть, его гложет осознание того, что, несмотря на то, что она манипулирует им эмоционально, он все еще чувствует влечение к ней. Это было ужасно жестоко по отношению к кому-то.

Особенно к нему.

Все, что она узнавала о нем, заставляло ее чувствовать себя еще более виноватой.

Гермиона проглотила свою вину. Драко Малфой был взрывоопасной бомбой, способной одновременно уничтожить Орден и помочь ему. Если она не возьмет его под контроль, он всегда будет представлять угрозу для всех них.

Не то чтобы ей нравилось или хотелось так поступать с ним. Конечно, он должен был это понимать.

Но она не лгала. Она не была неискренней. Вот почему это до сих пор работало. То, что он знал о ее мотивах, не отменяло подлинной связи, которую они каким-то образом установили. Вот почему всё было настолько ужасным. Эти чувства были настоящими, а она использовала их как оружие.

Она вышла из хижины и аппарировала в книжный магазин, чтобы найти книгу, объясняющую тонкости движений венского вальса.

На следующей неделе Драко был таким же угрюмым, но у него хватило вежливости надеть другую обувь. Когда Гермиона появилась, она села перед ним и принялась трансфигурировать свои походные кроссовки в пару туфель на низком каблуке.

— Собираешься надевать каблуки во время дуэлей? — спросил он, подняв бровь и глядя на нее сверху вниз. Его губы снисходительно скривились.

— В книге, которую я прочла, говорилось, что я должна быть в специальной обуви. Легче привыкнуть к ритму и плавности движений, если мои ноги уже находятся в правильном положении. Я снова переключусь на обычную обувь, как

только ты решишь, что у меня появилось хоть какое-то подобие грации, — ответила она, вздернув подбородок.

— Тогда тебе нужны туфли получше. Эти маггловские обноски, которые ты носишь, выглядят абсолютно бесполезными, — сказал он с усмешкой.

Гермиона вспыхнула. Большая часть ее одежды была из маггловских ящиков для пожертвований. Хорошие туфли ее размера было трудно найти. Ее нынешняя обувь все еще оставалась пригодной для ношения только из-за многочисленных *Репаро*.

Драко «Богатенький Придурок» Малфой, вероятно, даже не знал, сколько стоит пара его сапог из драконьей кожи.

— В них можно ходить, — сказала девушка напряженным голосом, — это все, что меня волнует.

Она встала.

— Не возражаешь начать немного медленнее, а затем постепенно набирать скорость? Думаю, что смогу лучше следовать за тобой, — сказала девушка.

Драко закатил глаза:

— Ладно.

Он даже не взглянул на нее сверху вниз, когда протянул ей руки, и она встала в нужную позу. Гермиона была готова, когда он без предупреждения двинулся вперед. Она отвела правую ногу назад и сделала короткий, быстрый шаг, позволив себе повернуться на одной ноге, а затем он сделал длинный шаг назад, и она последовала за ним левой ногой.

Это был, как он и сказал, чрезвычайно легкий темп с технической точки зрения. Трудность заключалась в скорости и доверии к партнеру, в необходимости расслабиться настолько, чтобы следовать за ним инстинктивно.

Теоретически следовать за ним было нетрудно — он явно хорошо танцевал. У него была превосходная осанка и фигура, и двигался он легко, как пантера. К несчастью, он также был придурком, который намеренно пытался сделать танец с собой как можно более неприятным, в то время как она пыталась приспособиться к новому темпу, который включал их бесконечное вращение по часовой стрелке в одновременном движении против часовой стрелки по комнате.

За двадцать минут он восемь раз наступил ей на носки, и Гермиона размышляла, сколько раз из них были намеренными.

— Ради всего святого, Драко! — Девушка резко пнула его в голень после того, как он особенно больно надавил ей на правую ногу. — Мы проведем гораздо меньше времени вместе, если ты просто дашь мне возможность привыкнуть к новому темпу. Это займет невероятно много времени, если ты сломаешь мне все пальцы на ногах.

— Есть хоть что-нибудь, что ты умеешь делать, кроме того, как жаловаться? — сказал Драко с усмешкой, когда она наклонилась, чтобы осмотреть

повреждённую ногу.

— Ну не знаю. Не сможешь вспомнить? — холодно сказала она, вставая и расправляя плечи. Гермiona встретила с ним взглядом и подняла руки в вальсе, прежде чем он успел это сделать.

Выражение его лица дрогнуло, и Драко на мгновение растерялся. Она насмешливо ухмыльнулась ему, и выражение его лица на мгновение стало убийственным, когда он притянул ее к себе и прижал к груди. Она подняла на него глаза.

— Если только у тебя нет какой-то особой причины так себя вести, может, мы наконец могли бы попробовать танцевать нормально? — сказала она ровным, но слегка игривым тоном. — В конце концов, это была твоя идея. Чем скорее я овладею плавными и изящными движениями, тем скорее мы сможем вернуться к дуэлям и взаимным проклятиям.

— Вот уж чего я искренне не могу дождаться, — ответил он с холодным выражением лица.

Драко двигался медленнее. Гермiona на самом деле не была ужасной танцовщицей, просто сильно отставала из-за долгого отсутствия практики и была сбита с толку, находясь в объятиях кого-то физически привлекательного и очень злобного.

Через час она уже могла следовать за ним, и у них стало получаться танцевать в нужном темпе без причинения друг другу вреда.

Наконец он остановился.

— Достаточно неплохо. Начинай думать о том, как использовать эту плавность во время дуэли, — сказал Драко, убирая волосы с лица и вытирая лоб.

— Верно. Я просто буду вальсировать в тренировочных залах в полной уверенности, что никто меня не заметит, — язвительно сказала Гермiona между тяжелыми вдохами. Она сильно вспотела. Влажная рубашка неприятно холодила спину. Пряди волос прилипали к шее.

Малфой выглядел свежим и бодрым. Вероятно, во всю его одежду были вплетены чары, регулирующие температуру. Хотя он все же слегка вспотел.

Гермiona потянула себя за рубашку, чтобы та перестала прилипать к телу, и наложила охлаждающее заклинание, прежде чем наколдовать стакан и немного воды.

— Это в твоих интересах, — холодно сказал он и вытащил свиток. — Темный Лорд все больше расстраивается из-за ваших спасательных операций. У него уже есть Сассекс, работающий над чем-то, что усложнит Сопротивлению жизнь. У меня нет доступа к этому подразделению, но Орден должен начать готовиться к тому, что скоро они будут не в состоянии спасти всех пленников.

Гермiona с трудом сглотнула.

— Я и не подозревала, что Долохов такой талантливый волшебник, — наконец

сказала она.

— Он им и не является, — ответил Драко, призывая свой собственный стакан воды. — Теперь, когда большая часть Европы находится в руках Темного Лорда, он может собрать вместе довольно много амбициозных ученых с небольшим количеством этических принципов. Ты же понимаешь, что Сассекс уже расширяется за пределы изобретения новых проклятий. Что действительно ускоряет прогресс магической науки — так это наличие подопытных, с которыми такие ученые могут делать все что угодно.

Гермиона чувствовала себя так, словно что-то внутри нее рухнуло и оставило после себя лишь пустоту:

— Я понимаю... Полагаю, это не удивительно. Подобные вещи уже происходили во время маггловской Второй мировой войны.

Драко кивнул ей с усталым видом.

— Откуда ты знаешь о Второй мировой войне?

Его глаза жестко сверкнули.

— Как уже ранее упоминалось, я умею читать. Почему бы мне не изучить этот период? Очевидно, это тот самый сборник пьес, из которого Темный Лорд черпает своё вдохновение. Проработанная пропаганда. Та же тактика. Он учится на ошибках Гитлера и не тратит никаких ресурсов на Россию, тщательно избегая прямого провоцирования МАКУСЫ как можно дольше. Хотя я не знаю, что они будут делать, если он попытается нарушить Статут секретности.

Гермиона кивнула:

— Мы пытались обратиться за помощью, но, по-видимому, геноцид не является достаточным поводом для вмешательства. Другие страны должны решать свои собственные проблемы, ты же знаешь. МАКУСА — не защитники всего мира. Они даже не примут наших беженцев. По крайней мере, им потребуется несколько лет, чтобы оценить ситуацию. Они не приняли даже детей. По-видимому, существует слишком большой риск привнести европейский экстремизм на их территорию, и у нас нет никаких юридических бумаг для большинства несовершеннолетних...

Ее голос затих. Она серьезно посмотрела на него:

— Как ты думаешь, Драко, мы сможем победить?

Гермиона хотела услышать ответ от него больше, чем от кого-либо другого. Рон, Гарри, Фред, даже Кингсли или Грюм... Они все будут лгать или предлагать верить в лучшее. Но Драко Малфой не станет. Почему-то она была в этом уверена. Он скажет ей то, что действительно считает вероятным.

Он вздохнул и прислонился к стене:

— Разве имеет значение, что я думаю?

— Я живу в мире идеалистов, но всё, что я вижу, это лишь растущее число жертв.

Я хочу услышать мнение того, кто действительно знает реальное положение дел и не верит, что оптимизм каким-то образом увеличивает шансы на победу.

— Ты прекрасно знаешь, что я считаю твой Орден в значительной степени идиотским, — выражение его лица было горьким. — Хотя я заметил, что Бруствер и Грюм иногда делают разумный выбор в пользу стратегии, когда им это сходит с рук.

Он многозначительно посмотрел на Гермину, и та ответила ему тем же не моргнув глазом.

— Я не вижу варианта, при котором вы выиграете, продолжая свою политику против использования темных искусств. С другой стороны, идиот Поттер все еще жив. У него самый неестественный талант к выживанию, который я когда-либо встречал. И сила тоже, если бы он действительно захотел использовать ее в полной мере. Если дело дойдет до дуэли между Темным Лордом и Поттером, я дам Ордену один шанс из четырех, но только исходя из невероятного везения Поттера. Если же мы говорим о продолжительной войне... — Он потер лоб. — Шансы на победу незначительны. Мягко говоря.

— Зачем же тогда помогать нам?

Драко изогнул бровь, и выражение его лица стало сдержанным и насмешливым:

— Не считаешь, что ты этого стоишь?

— Ах да, твоя роза на кладбище. — Она отвела взгляд, слегка фыркнув, и поправила одежду. — Так значит, это ради меня ты позволил вырезать эти руны на своей спине?

Его глаза на мгновение вспыхнули, а затем он покачал головой.

— Тогда почему же? — спросила она, изучая его.

Драко пристально посмотрел на нее, и выражение его лица дрогнуло. Он выглядел озлобленным. Раненым. Его глаза несколько секунд оценивающе смотрели на нее, потом его выражение лица снова стало замкнутым.

— Не имеет значения.

Гермиона начала было открывать рот. Она хотела возразить, сказать, что это действительно важно и если он перестанет быть загадочным, то ей не придется им манипулировать. Но она не могла этого сделать, и он это знал. Каковы бы ни были его мотивы, он не доверял Ордену, чтобы тот не использовал их против него.

Они оба знали, что Орден так и поступит.

— Полагаю, так и есть, — она вздохнула и села, чтобы преобразовать свои туфли.

Гермиона уже собралась уходить, но, подойдя к двери, оглянулась на Драко. Он стоял, прислонившись к стене, и его взгляд метнулся в ее сторону, когда она повернулась.

— Не умирай, Драко.

Он пристально посмотрел на нее, прежде чем улыбнуться.

— Только потому что ты просишь, Грейнджер, — его тон сочился сарказмом.

Он все еще стоял, прислонившись к стене, когда она закрывала за собой дверь.

Их вторники состояли из странного сочетания танцев и дуэлей. Драко решительно изнурял ее тренировками до тех пор, пока она не научилась уворачиваться и двигаться настолько плавно, насколько ему хотелось. Он был прав, танец и дуэль были полезны для обучения правильной реакции, и Гермиона быстро это поняла.

Этот факт немного нервировал ее, когда она осознала, что ее движения и техника действительно становились все более похожими на движения Беллатрисы.

Она почти решила, что становится неплохим дуэлянтом, но Малфой никогда не пользовался левой рукой. Ей было интересно, как он сражается на дуэли, когда действительно старается.

Иногда он приходил с заметными повреждениями, но всегда холодно отказывался от ее предложения исцелить его.

Время, которое они проводили вместе, становилось все продолжительнее. Дуэльная практика прерывалась каждые полчаса только для небольшого отдыха и регидратации. Гермиона пыталась заговорить с Драко, но он почти не обращал на нее внимания, а когда отвечал на ее вопросы, то, казалось, лгал.

Иногда Гермиону резко отзывали в госпиталь, но Пожиратели Смерти редко проводили операции так рано утром.

Напряжение войны, казалось, было бесконечным, будто хрупкое равновесие могло разрушиться в любой момент. Напряжение между Гермионой и Драко было таким же.

К декабрю ей казалось, что даже воздух между ними вибрирует, когда они вместе. Злостью. Обидой. И отчаянием.

Драко становился все более напряженным. Казалось, что стресс начинает слегка ослаблять его. Она не была уверена, влиял ли подобным образом только стресс от войны или же она сама способствовала этому.

Однажды он пришел на встречу слишком бледным и с кровоточащей левой рукой. Драко чуть не откусил ей голову, когда она в последний раз пыталась исцелить его, так что Гермиона старалась не обращать внимания на его травмы. Когда через полчаса кровотечение не прекратилось, она, наконец, быстро увернувшись от проклятия, смогла наложить на него диагностическое заклинание. Ей потребовалось меньше секунды на изучение.

— Ты идиот! — Гермиона была вынуждена отступить и сделать прыжок в сторону, чтобы избежать быстрой и агрессивной серии парализаторов, которую он швырнул в нее. — Ты не можешь игнорировать укусы вампиров.

Гермиона выстрелила полудюжиной спотыкающихся проклятий ему под ноги, и, пока он избегал их, она взмахнула палочкой и сумела попасть ему в лоб парализатором.

Драко упал, и она изумленно посмотрела на него, почти ожидая того, что он вдруг сядет. Девушка была потрясена тем, что ей действительно удалось попасть в него. Затем ей пришло в голову, что успех, вероятно, был больше связан с его кровотечением, нежели с ее дуэльными талантами. Она поспешно сотворила еще одну диагностику.

Он потерял слишком много крови. Его укусили куда-то в предплечье. Также она разглядела на диаграмме внутреннее кровотечение и открытую рану на боку.

Гермиона наколдовала кровать и отлевитировала его на нее. Она лишь на мгновение заколебалась, прежде чем сесть на край кровати рядом с ним. Даже потеряв сознание, Драко выглядел напряженным. Девушка осторожно протянула руку и коснулась его щеки. Затем она провела кончиком пальца между его бровей, пытаясь прогнать напряжение с его лица.

Гермиона произнесла заклинание, чтобы расстегнуть его мантию и рубашку, а затем с помощью отработанного заклинания частичной левитации подняла его так, что он прислонился к ней, и сбросила всю одежду с его плеч и рук. Его голова упала ей на плечо, и она не могла не заметить шрамы от рун. Девушка легонько провела по ним пальцами и ощутила холодную и неумолимую магию, заключенную в них. Вырезанную в самой его сущности. Магия слегка вибрировала под ее прикосновением.

Его кожа была неестественно холодной.

Она опустила его обратно на кровать и оглядела с ног до головы. У него был укус на бицепсе: два глубоких прокола, которые Гермиона быстро исцелила. Более серьезную проблему представлял его торс, испещренный огромными синяками, которые, как подозревала Гермиона, были результатом *Экспульсо*, пущенного в него с близкого расстояния. Возможно, они были получены в сражении с Орденом прошлой ночью. У него была рана на боку, явно полученная давно, которая снова начала кровоточить из-за укуса вампира.

Девушка призвала сумку и вытащила оттуда свой аварийный набор. Она влила ему в горло несколько снадобий и принялась за восстановление раны на боку.

Драко был идиотом, и она похолодела от беспокойства, поняв, что он не получал никакого лечения. В прошлом, когда она исцеляла его, он был в отличной физической форме.

Его руки и торс испещряли многочисленные шрамы, которых раньше не было. Изучая их, Гермиона могла сказать, что он просто игнорировал их вместо того, чтобы идти к целителю.

Возможно, он отказался от услуг своих предыдущих целителей после того, как они не предложили никакого облегчения для рун.

Он сказал, что у него появился другой целитель. Всякий раз, когда она предлагала исцелить его, Драко настаивал, что у него теперь есть кто-то, кто

позаботится об этом.

Он намеренно вёл себя беспечно.

Возможно, он делал это, чтобы наказать себя. Возможно, она отвлекала Драко от его... цели, и поэтому он наказывал себя. Гермиона закусил губу. Возможно, он намеренно пренебрегал своим физическим состоянием, чтобы сосредоточиться. Или же... пытался проверить физические возможности своего организма.

Девушка старалась не заикливаться на последнем варианте.

Она вытащила мазь от синяков и распределила ее по его торсу, а затем начала произносить заклинания, чтобы помочь его шрамам немного зажить и исчезнуть.

Снова наложив диагностические чары, Гермиона внимательно их изучила, чтобы убедиться, что не пропустила ни одной травмы.

Удостоверившись, что больше ей не о чем переживать, девушка взяла его руку, переплетая свои пальцы с его, и прижала тыльную сторону его ладони к своей щеке. Гермиона подождала, пока его кожа начала медленно согреваться и стало действовать зелье, восполняющее кровь.

Она убрала волосы с его лица и внимательно посмотрела на него, обводя взглядом его черты и наблюдая за тем, как на его лицо медленно возвращается румянец.

Когда Драко, несомненно, согрелся, Гермиона убрала руки, наложила Очищающие чары на его одежду и надела на него рубашку и мантию. Его одежда была пропитана темной магией, словно та была вплетена в самую ткань.

Девушка колебалась, оставаться ли ей рядом с ним или отойти на другой конец комнаты, прежде чем привести его в сознание.

Она осталась.

Гермиона едва успела произнести заклинание, как он вскочил и, схватив ее за горло, швырнул на матрас, прежде чем она успела вскрикнуть от удивления. Его рука осталась на ее шее, и она почувствовала, как несколько заколок вонзились ей в голову, когда он прижал ее к кровати. Его глаза были дезориентированы, но на лице застыла ярость. Их лица были всего в нескольких сантиметрах друг от друга.

Она заметила, как дрогнуло его лицо, когда он узнал ее, осознавая, что вот-вот ее задушит. Его хватка тут же ослабла.

— Какого хрена, Грейнджер? — Драко огляделся вокруг и выглядел немного смущенным, когда понял, что они находились в одной кровати.

Она смотрела на него снизу вверх, и сердце ее бешено колотилось. Ей даже не пришло в голову, что он может вот так напасть на нее.

— Ты был ранен.

Он отдернул руку от ее шеи, и выражение его лица стало яростным.

— Я чуть не убил тебя. Потому что ты опять лезешь не в своё...

Она резко перебила его:

— Возможно, ты каким-то образом не осознал того, что я тебе уже сказала, но яд вампира — это антикоагулянт. У тебя были незначительные внутренние повреждения после вчерашней стычки. Ты истекал кровью снаружи и изнутри.

— Я бы позаботился об этом, когда счёл нужным, — сказал он, но его глаза не встречались с ее; они переместились ниже. Его рука двинулась вперед, и Гермiona почувствовала, как большой палец скользнул по ее шее.

Она слегка вздрогнула и почувствовала, как ее кожу покалывает в том месте, где его пальцы касались шеи.

— Неужели? И кто же тебя лечит? Потому что должна заметить, основываясь на всех новых шрамах, усеивающих твоё тело, что считаю твоего нового целителя мошенником.

Его рука замерла.

— Ты снимала с меня одежду?

— Только рубашку. Не смотри на меня так удивленно. Я целительница, Драко. И я не в первый раз вижу тебя без рубашки.

Его глаза вспыхнули гневом.

— Не исцеляй меня без моего разрешения! — его голос был похож на низкое рычание.

Его ярость была явной, но страх Гермiony был разрушен тем фактом, что в то же время он осторожно поворачивал ее голову, проверяя, не ударились ли она из-за него.

Гермиона почувствовала, как уголок ее рта слегка дернулся, когда она смотрела на него. Он склонился над ней, сжимая пальцами ее подбородок, продолжая поворачивать ее голову из стороны в сторону и легко проводя большими пальцами по ее коже.

Ее сердце билось сильнее, чем тогда, когда он внезапно прижал ее к кровати.

— Постарайся не умирать в моем присутствии, и я не буду делать то, что должна. Я не хочу, чтобы ты тренировал меня, когда ранен. Ты и так об этом знаешь. — Ее рука сомкнулась вокруг его запястья. Он поднял глаза и встретился с ней взглядом, и она серьезно посмотрела на него. — Найми себе целителя, Драко. И очень хорошего. Приплати ему, чтобы тот был всегда начеку, и вызывай его, когда ты ранен. Пожалуйста. Пожалуйста, просто используй целителя.

Он просто смотрел на нее, и Гермione казалось, что ее сердце остановилось от напряжения. Ее пульс дрожал под его пальцами, и она смотрела, как его зрачки медленно расширяются, поглощая серебро радужной оболочки. Тепло его кожи проникало в нее, и она чувствовала его дыхание на своем лице.

Его лицо почти незаметно стало ещё ближе. Ее сердце билось так сильно, что она даже могла решить, будто Драко его слышит. У нее перехватило дыхание, и она крепче сжала его запястье. Все вокруг было теплым, и они были так близко. Он был так близко.

Драко опустил голову еще ниже, пока их губы почти не соприкоснулись. Затем он рассмеялся.

Он резко выдернул свою руку из ее и сел. Выражение его лица было холодным, как лед, и он насмешливо посмотрел на нее сверху вниз.

— Неужели ты действительно думала, что я тебя поцелую?

Гермиона пристально посмотрела на него.

Запрокинув голову, он горько рассмеялся:

— Знаешь, меня отчасти удивляет, что человек, подобный тебе, смог так долго дружить с Поттером и Уизли.

Гермиона вздрогнула.

— Подобный мне?

Он посмотрел на нее сверху вниз и приподнял бровь. Выражение его лица оставалось бесстрастным, но она заметила огонь негодования в его глазах.

— Кто-то, у кого нет моральных и этических принципов, которых у них всегда было в избытке. Учитывая праведность Поттера и Уизли, я ожидал, что ваши идеальные отношения закончатся во время войны.

Гермиона уставилась на него, и ее губы дрогнули. Она крепко их сжала. Он ухмыльнулся и слегка склонил голову набок:

— Что? Неужели ты решила, что я имею в виду твою кровь?

Она опустила глаза. Она не будет отвечать на правду. Ничего хорошего не выйдет из признания его правоты. Ее безжалостность фактически положила конец ее дружбе с Гарри и Роном.

Гермиона села и потянулась назад, чтобы поправить заколки, удерживающие ее косы:

— Ты был первым человеком, который назвал меня Грязнокровкой.

Драко с легким недоверием покачал головой:

— Но ты уже должна была догадаться, что эта война ведется не из-за чистоты крови.

— Я знаю, что это не так. — Она вздернула подбородок. — Но большая часть волшебного мира, похоже, этого не заметила.

Он поправил мантию и пожал плечами. Его маска снова была на своём месте: выражение лица равнодушного аристократа. Гермиона пристально смотрела на него, пытаясь осознать то глубокое противоречие, которым был Драко Малфой. Убийца. Шпион Ордена. Чистокровный аристократ. Любитель маггловской философии и истории. Генерал Пожирателей Смерти.

Чем больше она узнавала его, тем меньше понимала.

Он прислонился к изголовью кровати и внимательно посмотрел на нее.

— Война требует очевидных врагов. Кого-то, отличающегося от нас. Когда я говорю, что меня зовут Малфой, я сразу же подразумеваю себя в контексте волшебной истории. Фамилия Малфоев имеет почти тысячелетнюю историю в Англии. Люди знают, кто мои родители, дедушка с бабушкой и прадедушка с прабабушкой. У нас есть огромная магическая родословная и коридоры портретов, чтобы нести и поддерживать наследие рода. Но ты... твоя семейная история слишком запутана и никем не отслежена. Никто не знает, кто твои родители, какие генетические заболевания ты можешь переносить или каким может быть твой магический потенциал.

Он склонил голову набок и окинул ее взглядом с головы до ног, словно оценивал лошадь.

— Очень легко относиться с подозрением к людям, о которых ничего не знаешь. Когда что-то пугает, легко это возненавидеть. Магглорожденные со своей нелепой одеждой, электричеством и слухами о своём странном оружии. Твои родители — вот причина того, что волшебный мир был вынужден жить скрытно в течение нескольких сотен лет. Но в тот момент, когда магглы проявляют намек на магические способности, мы сразу должны раскрыть объятия и приветствовать их в нашем мире, чтобы они могли рушить наши традиции и красть наши рабочие места.

Гермиона фыркнула и повернулась к нему так, чтобы они снова оказались ближе друг к другу. Глаза Драко на мгновение расширились, прежде чем он подавил свое удивление. Гермиона сократила расстояние между ними и пристально посмотрела на него.

— Так вот почему ты ненавидел меня в школе, Драко? Потому что я собиралась украсть твою работу?

45. Флэшбэк 20.

Декабрь 2002.

Драко приподнял бровь, не отрывая взгляда от ее лица.

— Ты поступила гораздо хуже, украв мое место в школе. С самого детства меня готовили к Хогвартсу, обучая дома и нанимая репетиторов. У моего отца был далеко идущий план на всю мою жизнь. Сначала я должен был стать первым по всем предметам в школе, потом занять место префекта, стать капитаном сборной по квиддичу и главным старостой. После выпуска я должен был пройти стажировку в Министерстве, через какое-то время занять место среди членов Визенгамота и, в конце концов, стать Министром Магии. Карьера в Министерстве была недоступна моему отцу из-за участия в Первой магической войне — я должен был добиться этого вместо него. И вот, представь себе, в первый же год школы меня по всем предметам обставляет какая-то жалкая грязнокровная девчонка.

Драко поднял руку и обхватил ее горло ладонью. Дыхание Гермионы сбилось, когда его хватка на горле начала усиливаться и он притянул ее лицо ближе к своему.

Глаза Драко сверкнули. Тон его голоса был почти небрежным, словно он проверял, рискнет ли она высвободиться из его хватки.

— Должен признать, когда на втором курсе открыли Тайную комнату, я действительно надеялся, что ты умрешь. Я сам заработал своё место в команде по квиддичу ещё до того, как мой отец подарил новые мётлы всем игрокам. Но после твоих слов вся школа думала, что он просто купил место в команде для меня.

Говоря это, он скользнул большим пальцем от шеи к линии челюсти и надавил на подбородок, заставляя ее запрокинуть голову. Он пытался заставить ее отстраниться первой. Гермиона продолжала оставаться на месте и не отводила от него взгляда. Она видела, как глаза Драко потемнели. В комнате становилось ощутимо жарко.

Он продолжал говорить.

— Было так легко поверить, что во всех проблемах этого мира были виноваты магглы и их маггловское отродье. Хорошим примером тому была именно ваша троица. Полукровка Поттер, который обладал своим тупым везением и незаслуженным поклонением окружающих, ты и, наконец, нищий Уизли, служащий отличным доказательством того, что случается с предателями крови. У меня не было ни единой причины не верить, что магический мир стал бы гораздо лучше без тебя и тебе подобных.

— Я и не знала, что ты так много думал обо мне в школьные годы, — сказала Гермиона.

Она чувствовала, как тепло медленно разливалось по ее телу, начинаясь с места, где его рука касалась кожи ее шеи, затрагивало плечи и неуклонно двигалось к месту где-то внизу живота. Ее тело пробивала легкая дрожь, когда она

продолжала встречаться с ним взглядом.

Его губы дрогнули.

— Моя ненависть к тебе меркла по сравнению с моим соперничеством с Поттером. Ты просто раздражала меня. Хотя ты и была первой в учебе, это не меняло того факта, что ты всего лишь была уродливой, неуверенной в себе всезнайкой, — его губы скривила легкая усмешка. — То, что ты училась лучше меня, не имело бы никакого значения, не будь ты лучшей подругой Поттера. Из-за него ты всегда была в центре внимания, к тому же, он явно очень нуждался в тебе и даже не пытался это скрыть. Если бы я не ненавидел Поттера так сильно, ты бы вообще не имела никакого значения.

Гермиона почувствовала, словно что-то внутри неё оборвалось. Она вспомнила о своём изначальном подозрении, что Драко потребовал ее, просто чтобы отомстить таким образом Гарри. Она уже успела забыть об этом страхе.

Он улыбнулся и наклонился вперед так близко, что она больше не видела ничего, кроме его лица. Его рука все ещё лежала на ее горле, а взгляд был прикован к ее лицу. Их тела почти соприкасались, и Гермиона впервые за долгое время вновь осознала, насколько больше и сильнее ее был Драко и как легко он мог причинить ей боль, если бы захотел. Она поняла, что все это время пыталась вскрыть запечатанную комнату, не зная, есть ли по другую сторону что-то кроме ярости и злости.

Но все это не имело никакого значения, потому что в этом состояла ее задача.

Дыхание девушки сбилось, и она едва заметно задрожала в его руках. Глаза Драко потемнели.

Он притянул ее ещё ближе к себе. Ее сердце так сильно билось в грудной клетке, что это почти причиняло боль.

Это всего лишь игра, напоминала она себе. Он не причинил ей боли, даже когда был пьяным. Он просто пытается напугать ее.

Его горячее дыхание обжигало ее лицо, а голос был слишком тихим, что казался почти шепотом. Его тембр действовал ей на нервы.

— Темному Лорду на самом деле нет дела ни до чистоты крови, ни до его последователей или магических способностей всего остального волшебного мира. Вы, магглорожденные, просто достаточно отличались, чтобы сделать из вас угрозу для магического сообщества. Это дало возможность Темному Лорду собрать вокруг себя последователей и стало достаточной причиной, чтобы заставить множество темных существ вступить в его ряды. Именно так он смог заключить альянс с большей частью Восточной Европы. Первой ему подчинилась Румыния. После этого все остальные страны почти не оказывали сопротивления. Существуют тысячи темных магов, которые только и ждали отмены Статута о секретности и разрешения на свободное использование волшебных палочек. Почти все чистокровные семьи были недовольны тем, что волшебники должны скрываться во имя благополучия магглов. И этого недовольства было достаточно, чтобы — даже если не получится заставить их вступить в ряды Пожирателей — убедить их закрывать глаза на происходящее в волшебном мире.

Драко одарил её кривоватой ухмылкой. Их лица оказались совсем близко друг от друга.

— Все, чего хочет Темный Лорд, — это власть. Ему плевать на тех, кого придётся растоптать, чтобы добиться желаемого. Будь то магглы или магглорожденные волшебники, — его губы почти касались ее, — просто... растоптать именно вас было... проще всего.

Гермиона едва могла вздохнуть. Ее тело было напряжено, словно натянутая струна; она испытывала что-то, очень похожее на страх. Сердце бешено стучало в груди. Все вокруг начало расплываться и ускользать из поля зрения. Ей хотелось бежать. Она чувствовала себя напуганной и слишком уязвимой. Она разбиралась в человеческой физиологии и особенностях психики, но с ее телом творилось что-то совершенно ей непонятное. Реакции ее организма не должны были сбивать ее с толку. Гермиона хотела покинуть эту комнату. Выйти из этой хижины на воздух, чтобы разобраться во всех этих смущающих эмоциях. Но... при этом она хотела остаться здесь, замерев и не двигаясь с места. Она никогда не испытывала ничего подобного. Ей были понятны и знакомы дружеские, успокаивающие и поддерживающие прикосновения других людей. Но то, что происходило между ними сейчас, вовсе не приносило успокоения. Рука Драко, все ещё слегка сжимавшая ее горло, не дарила ощущения спокойствия. Его прикосновение к ее коже казалось пугающим... и завораживающим.

— Мы всего лишь пешки, — заставила она себя прошептать. — Лишь средство достижения цели.

Драко слегка отодвинулся от ее лица:

— Именно.

Гермиона всматривалась в его лицо. Его глаза казались почти чёрными, а на скулах виднелся лёгкий румянец. Он очертил подушечкой большого пальца линию ее челюсти. Она облизала губы.

— Так что, убийство таких, как я, решило все твои проблемы? — спросила девушка.

Его рука замерла. Он смотрел на неё в течение нескольких секунд. Затем его глаза блеснули, и Драко улыбнулся.

— Ну, теперь ты точно не представляешь угрозу моей работе, не правда ли? — сказав это, он скользнул свободной рукой ей между ног.

Его глаза оставались холодными. Он не отводил от неё взгляда. Умело согнув пальцы, он надавил на чувствительную точку между ее бёдер. Ей показалось, что по телу пробежал разряд электрического тока. Она не смогла сдержать стон.

И в ту же секунду на неё навалилось осознание произошедшего, и она похолодела от ужаса.

Гермиона резко отодвинулась от него.

Драко сразу же убрал руки от ее тела и с безразличным выражением лица смотрел, как она отодвигалась все дальше от него, пока не оказалась на другом

краю кровати.

Ее трясло. Она все ещё чувствовала его прикосновение, тепло его руки между бёдер и его холодные глаза, которыми он словно напоминал, что превратил ее в свою собственность. Не потому, что он хотел ее. А просто потому, что имел на это право. Его забавляла идея потребовать ее у Ордена. Потому что у него была власть над ними, а она была всего лишь жалкой пешкой.

Ради Ордена она готова была сделать все что угодно. Продать своё тело, отдать все, что имеет, лишь бы стать кем-то, с кем Драко не захочет расстаться. Драко даже не нужно было пытаться как-то унижить ее. Он мог просто наблюдать, как она сама лишает себя всякого самоуважения.

Гермионе казалось, что ещё немного, и ей станет плохо. Ее руки продолжали дрожать, сколько бы она ни пыталась успокоить их. Девушка прикусила нижнюю губу и сделала несколько глубоких вдохов.

Когда Гермиона наконец перестала так сильно дрожать, она заставила себя спросить:

— Есть... какие-то новые сведения на этой неделе?

Казалось смешным спрашивать об этом в такой момент. Хотя... Она всегда спрашивала одно и то же. Потому что, что бы ни происходило между ними, его информация для Ордена была всем, что должно было ее волновать. Ее чувства не имели значения. Гермиона теперь принадлежала Малфоя, и он мог делать с ней все, что хотел.

Внезапно от этой мысли стало ещё больнее. Все эти эмоции навалились на неё так не вовремя, что в каком-то нездоровом смысле она даже сочла это забавным. Она не знала, нормально ли находить во всем этом юмор.

Драко усмехнулся и достал из внутреннего кармана мантии свиток пергамента. Он знал, что у него получилось напомнить ей о том, какое место она теперь занимает.

Гермиона чувствовала себя так, словно он воткнул ей в сердце нож и, отломив рукоятку, оставил острие внутри.

Ее рука едва заметно дрожала, когда она потянулась за пергаментом. Забрав у него свиток, девушка встала с кровати и вышла из хижины, не сказав больше ни слова.

До Рождества оставалась всего неделя.

Вернувшись на Площадь Гриммо, Гермиона выпила успокоительное. Она простояла какое-то время в подсобке с ингредиентами, ожидая, когда ее руки перестанут дрожать.

Наконец, почувствовав, как напряжение уходит, она с грустью оглядела крошечную комнату. Девушка поправила корзину, наполненную обтянутыми кожей коробками. Рождественские подарки, которые она подготовила для друзей в этом году, навевали тоску. Гермиона снова собрала для каждого набор оказания первой помощи. Она дарила такие наборы своим друзьям уже в течение

нескольких лет. В них входили самые необходимые зелья, упакованные так, чтобы их было легко всегда носить с собой.

У Гермионы не было денег, чтобы купить для них книги, которые они все равно не стали бы читать, и у неё не хватало времени связать для них шапки или шарфы. Поэтому она снабжала их наборами с зельями первой необходимости в надежде, что ее друзья будут использовать их вместо того, чтобы каждый раз аппарировать в больничное крыло, даже когда их повреждения были несерьёзными.

Девушки в Ордене действительно пользовались ими: они часто приходили к Гермионе, чтобы она выдала им новую порцию зелий. Невиллу, Фреду, Дину Томасу и Майклу Корнеру эти наборы тоже порой пригождались.

Но Гермиона была почти уверена, что Гарри и Рон даже ни разу не открывали свои подарки. Каждое Рождество они со смущением возвращали ей нетронутые прошлогодние наборы первой помощи. Они оба либо просто игнорировали свои раны, либо в панике аппарировали с ними в больничное крыло. В этом смысле Джинни была идеальным напарником для Гарри и Рона, потому что после совместных с ней заданий ребята всегда возвращались на Площадь Гриммо в гораздо лучшем состоянии.

Гермиона тяжело сглотнула, сняв с полки несколько склянок, и принялась собирать ещё один подобный набор.

Это было ее работой, и не имело значения, что она могла чувствовать в этот момент.

Ее чувства никогда не имели значения.

На следующей неделе, аппарировав в хижину, они с Драко оба замерли и какое-то время просто смотрели друг на друга.

— У меня есть для тебя рождественский подарок, — сказала Гермиона спустя почти минуту. — Ну, точнее, не совсем подарок. Но, учитывая обстоятельства, трудно назвать это как-то по-другому.

Она достала из сумки небольшую кожаную коробку и протянула ему.

— Это... это набор с зельями первой необходимости. Я дарю коробки с такими наборами всем своим друзьям.

Драко вздернул бровь и, издав тяжелый вздох, вырвал коробку у неё из рук. Словно он делал ей одолжение, принимая ее подарок.

— Если ты не собираешься обращаться за помощью к целителю, тебе нужно хотя бы носить с собой этот набор, — быстро сказала Гермиона, боясь, что он не даст ей договорить и швырнёт подарок обратно ей в руки. — Если ты позволишь мне научить тебя нескольким заклинаниям, то сможешь самостоятельно лечить любые легкие травмы, не обращаясь к целителю.

Драко откинул крышку коробки и взглянул на ее содержимое.

— Ты ведь понимаешь, что почти все из этого я запросто могу купить.

Губы Гермiony дрогнули. Она и не ожидала, что он будет благодарен. Она готовила себя к тому, что он вообще не примет ее подарок.

— Значит, ты сможешь легко заменить те зелья, которые закончатся.

Она заставила себя шагнуть ближе и указала на лежащие в коробке склянки:

— Все флаконы подписаны. Вот это зелье нужно принимать при сотрясениях. При попадании любого заклятия в голову надо использовать диагностические чары, чтобы проверить мозг на повреждения. Настойка растопырника подходит для лечения небольших царапин и ран. Более серьезные внешние повреждения сможет вылечить мазь от ушибов. Экстракт бадьяна просто идеальное средство почти от всех видов травм, если только они не прокляты. Он подойдет при серьезных повреждениях внутренних органов, укусах оборотней и даже расщеплении от аппарации. Он будет бесполезен только в случае с глазными и мозговыми повреждениями. Для их лечения тебе потребуется помощь целителя. Даже не думай о том, чтобы аппарировать, если у тебя задеты глаза или есть открытая рана в районе черепа. Давление от аппарации может привести к необратимым последствиям. В склянке с противоядием находится зелье, которое сработает почти от всех видов яда или ядовитых укусов, только если тебя не укусило существо высшей категории опасности. Антидот в этом флаконе нейтрализует антикоагулянтное действие яда вампира.

Драко издал слабый смешок.

Не обращая на него внимания, Гермiona продолжила:

— Также тут есть Успокаивающее и Крововосполняющее зелья. В этом флаконе зелье, которое необходимо принимать при повреждениях внутренних органов, удара в область почек или печени. Я научу тебя диагностическому заклинанию для таких случаев. Зелье в этой склянке — это анальгетик при болях от Кислотного проклятия. Думаю, контрзаклятие от него ты и так знаешь. Анальгетик поможет полностью нейтрализовать проклятье и снимет боль. После поражения Кислотным проклятием придется удалить поврежденные кости и вырастить их заново, но это зелье поможет сократить время восстановления тканей и уменьшить вероятность поражения нервных окончаний. Ну и плитка шоколада на случай встречи с дементорами. Когда достанешь нужный флакон из коробки, он примет свой нормальный размер. Я уменьшила все склянки заклинанием, чтобы их было удобно носить с собой.

Гермiona не стала упоминать, что в набор для Драко входило намного больше зелий, чем в тех, что она дарила всем остальным. В случае со своими друзьями она всегда знала, что при необходимости они придут к ней за помощью. Но девушка не могла ожидать того же от Драко. Поскольку он игнорировал целителей, она хотела хотя бы снабдить его всеми необходимыми зельями, чтобы он смог справиться с большинством повреждений самостоятельно.

Драко опустил крышку коробки. Гермiona подняла на него серьезный взгляд.

— Просто... держи его при себе. И позволь мне научить тебя диагностическим чарам, чтобы ты смог определить, насколько серьезны твои повреждения.

— Я знаю, как пользоваться диагностическими чарами, Грейнджер. — Выражение

его лица было слегка оскорбленным.

— Но не теми, которым собираюсь научить тебя я. Это более продвинутые чары для целителей. Лучше подходящие в случае травм, полученных во время сражений. Базовые чары диагностики используют для выявления простуд, инфекций и мелких бытовых травм. В большинстве книг по колдомедицине приводятся заклинания для общего обследования организма, так как их авторы считают, что при необходимости целитель сам распознает нужное заболевание. Но в твоём случае диагностические чары, скорее всего, понадобятся после участия в рейде или дуэли. Поэтому я научу тебя специальному заклинанию, которое не будет показывать ненужные данные вроде отсутствия у тебя Драконьей оспы или неправильно наложенных трансфигурационных чар.

В подтверждение слов Гермиона наложила на себя диагностические чары.

— Видишь? Само заклинание простое. Сложность состоит лишь в том, что диаграмму нужно уметь читать, но я научу тебя самым базовым показателям. Внимания требуют цвета показателей и места, в которых они располагаются на диаграмме. На мне нет проклятий, и я не ранена, так что диагностика не показывает ничего специфического. Кончиком палочки я могу увеличивать изображение необходимых мне зон. Видишь, все окрашено в небесно-голубой — цвет здоровья. Если он станет превращаться в бирюзовый, это указывает на сильную кровопотерю или резкое снижение температуры тела. Темно-синий цвет — показатель лихорадочного жара. Диаграмму следует читать, начиная с головы. Чем ярче цвет, тем более опасным является повреждение. Чёрный цвет даже в совсем небольшом количестве означает, что рана может быть смертельной. Красный указывает на внешние телесные повреждения. Фиолетовый — на повреждения внутренних органов. Фиолетовый цвет в районе головы означает сотрясение. Если он появится на диаграмме в районе туловища, необходимо принять зелье от внутренних повреждений. Салатовым цветом на диаграмме показаны неопасные заклятия, а изумрудным — серьезные проклятия, в купировании которых не обойтись без целителя. Желтый цвет указывает на наличие в крови яда. Трещины в костях будут отображаться оранжевым цветом, смещённые и сломанные кости — бледно-оранжевым, ближе к тыквенному. Трещины в костях ты сможешь срастить самостоятельно. Для этого требуется несложное заклинание, я научу тебя ему.

Малфой схватывал знания на лету и порой казался даже заинтересованным некоторыми ее словами. Пока он позволял ей продолжать говорить, Гермиона постаралась показать ему как можно больше лечебных заклинаний, а затем заставила его продемонстрировать, что он может самостоятельно накладывать их.

Драко обладал природной склонностью к целительству. Гермиона не удивилась этому. Он был окклюментом с невероятной способностью к концентрации. Точность и скрупулёзность в наложении заклинаний, которая требовалась целителям, была дарована ему от рождения.

Девушка подозревала, что у него имелись кое-какие базовые знания о теории целительства. Гермиона хотела спросить, зачем он изучал эту область, но не знала, как он отреагирует на такой вопрос. Она решила сдержать своё любопытство и продолжила обучать его лечебным заклинаниям.

— В любом случае, вот самое основное, что нужно знать, — наконец подытожила

она.

Драко взглянул на свои наручные часы.

— Ты осознаёшь, что проговорила в течение двух часов без перерыва.

Гермиона покраснела:

— Все равно, это лишь самые базовые знания в области целительства.

Повисла пауза, и Гермиона впервые осознала, что теперь стояла так близко к Драко, что их плечи соприкасались. Она чувствовала исходящий от его кожи запах дубового мха. Девушка подняла на него взгляд, и их глаза встретились.

На мгновение все между ними стало таким простым: словно не было ни злости, ни напряжения, ни даже войны, а были только они вдвоём. Гермиона почти улыбнулась ему. Потому что он мог быть добрым к ней, когда хотел этого, а она сегодня чувствовала себя особенно уставшей.

Она старалась не думать о том, какой жалкой ее делают эти мысли.

Гермиона увидела, как Драко сжал челюсти. Его глаза сверкнули и снова стали холодными и жесткими, как у хищной птицы.

Девушка отступила назад и опустила взгляд:

— Счастливого Рождества, Драко.

Он в задумчивости смотрел на неё. Она не могла понять выражение его лица. Гермиона почувствовала, как ее сердце забилося быстрее. Она никогда не могла предугадать, что он мог сделать в следующую секунду.

Девушка постаралась не заламывать от волнения пальцы.

Челюсти Драко были напряжены. Гермиона готовила себя к худшему, чувствуя, как по ее телу разливается ощущение холода и пустоты.

— У меня тоже есть кое-что для тебя, — наконец произнес он.

Драко достал из кармана мантии тканевый сверток и протянул его Гермионе. Взяв его в руки, она медленно развернула ткань. Внутри в изящном чехле лежал набор красивых и смертельно острых кинжалов.

— Они должны как раз подходить по размеру для того, чтобы ты крепила их к предплечью. Кобура для них сделана из шёлка акромантула, пропитанного кровью мантикоры. Она сама подстроится под размер твоего предплечья и не будет мешать твоим движениям. Тебе следует носить второй кинжал на голени. — Было видно, как неуютно Драко себя чувствовал, рассказывая ей это. Он не встречался с ней взглядом, но продолжал смотреть на ее руки, которые поглаживали чехол с кинжалами.

— Они из серебра гоблинской работы? — спросила Гермиона минуту спустя.

— Да. И, к сведению, пропитаны ядом мантикоры.

Гермиона резко посмотрела на него:

— Означает ли это, что...

— Мантикора умерла. Это было очень трагично, — уголок его губ слегка приподнялся. — Подозреваю виной всему слишком суровый местный климат. Я заполнил нужные бумаги и отдал ее тело Макнейру.

— Но, конечно же, только после того, как взял у неё приличное количество яда, — заметила Гермиона, доставая один из кинжалов из чехла и рассматривая его острие, способное разрезать почти любой материал. Он бы с легкостью прошёл сквозь защитные заклинания так, словно их и вовсе не существовало.

— Не слишком много, иначе это бы вызвало подозрения. Но достаточно для того, чтобы пропитать им дюжину кинжалов и оставить целый флакон на чёрный день.

Гермиона стала перечислять в уме те вещи, которые получила в подарок от Драко.

Два кинжала из серебра гоблинской работы, которые стоили по меньшей мере по сто галлеонов каждый. Яд мантикоры, за который она тоже отдала бы не меньше сотни галлеонов. Чехлы из шёлка акромантула по той же цене, что и яд, и кинжалы.

Рождественский подарок Драко стоил целое состояние. И Гермиона даже не была уверена, что он сам осознавал его стоимость.

Она очень жёстко контролировала свой бюджет и свои расходы. Ей приходилось строго следить за этим. Она сокращала все возможные траты, и берегла каждый кнат и каждую каплю зелья. В ее сознании особое место было отведено мыслям о том, как сохранить или раздобыть необходимые ресурсы.

Ее поражало, с какой лёгкостью Драко мог подарить ей зачарованную мантию или набор кинжалов, которые вместе стоили больше, чем весь выделенный на госпиталь бюджет Сопротивления.

Гермиона решила, что продаст кинжалы. Хотя бы один из них. Возможно, оба. Она сможет получить неплохую сумму за них на чёрном рынке. Достаточно, чтобы купить больше яда акромантула или экстракта бадьяна, или любых других необходимых зелий. Или, быть может, лучше будет отдать их Грюму и Кингсли: они смогут найти применение таким ножам, как эти. Возможно, у неё даже получится выторговать сумму на увеличение бюджета больничного крыла взамен этим кинжалам.

— Спасибо, Драко, — сказала она, положив кинжал обратно в чехол и спрятав весь подарок в свою сумку.

— На всякий случай уточняю, что тебе запрещено продавать их или отдавать кому-то другому.

Руки Гермионы замерли, и она виновато посмотрела на Драко. Он не отводил взгляда от ее лица. Его глаза сверкнули недовольством.

— Ты поняла меня, Грейнджер? — его тон был ледяным.

Она неохотно кивнула.

— Я ожидаю, что ты будешь носить их во время каждого своего похода в лес. И буду следить за тем, чтобы они были при тебе.

Гермиона почувствовала, как все ее тело напряглось от раздражения. Она заставила себя выдать:

— Хорошо.

Выражение его лица немного смягчилось.

— Что ж, это было просто очаровательно. Даже не могу припомнить, сколько раз я мечтал о том, чтобы провести канун Рождества, выслушивая лекцию об использовании диагностических чар, — Драко одарил её фальшивой улыбкой. Гермиона ничего не ответила. На несколько секунд в комнате повисло молчание, а затем он добавил: — Как ты и просила, предупреждаю заранее: со следующей недели тебя ждёт обучение технике рукопашного боя.

Затем он достал из кармана свиток пергамента:

— Мой очередной взнос для Грюма.

Когда Гермиона приняла свиток из его рук, Драко ухмыльнулся.

— Должен признать, что в конечном счете ты обходишься мне довольно дорого, Грейнджер.

Он беззвучно аппарировал из хижины.

Рождественским утром у Гермионы было дежурство в больничном крыле. Анджелина сильно пострадала во время рейда в маггловский Лондон. В ее колено попало Кислотное проклятие, и пока девушка не могла пошевелиться, один из Пожирателей смерти пустил в неё проклятие, разрушающее внутренние органы. Фред сумел отыскать Анджелину и аппарировать с ней обратно на Площадь Гриммо до того, как проклятие нанесло непоправимый вред ее здоровью.

Гермиона сидела в безмолвной больничной палате и медленно восстанавливала мышечную ткань и сухожилия на колене девушки.

— Хорошо, теперь мне нужно, чтобы ты согнула колено. Нужно проверить, правильно ли все сформировано. Восстановление костей при подобных травмах не всегда получается с первого раза.

Анджелина закусила губу. Ее лицо побледнело от боли, когда она осторожно двигала коленом.

— Угх, — она слабо ахнула и остановилась. — Внутри. Внутри все болит... как будто скрежещет.

Гермиона наложила диагностику и внимательно ее изучила. Даже с учетом экстренной транспортировки Анджелины в госпиталь Кислотное проклятие нанесло значительный урон ее организму, прежде чем ему удалось оказать сопротивление. Оно разрушило большую часть костей в колене Анджелины и оставило огромные участки выжженной плоти. Костная ткань была поражена, и это мешало исцелению. Гермиона сначала испугалась, что ей придется ампутировать ногу, но теперь, после восстановления ткани, правильно срастить кости будет лишь вопросом времени.

— Я нашла проблему. Мне понадобится оглушить тебя. Нет никакой необходимости оставаться в сознании во время восстановления кости.

Анджелина кивнула и закрыла глаза.

Прошло почти четыре часа, прежде чем Гермиона вновь обратилась к девушке.

— Ладно, теперь попробуй еще раз пошевелить ею.

Анджелина подняла ногу и слегка согнула ее.

— Так намного лучше. Нога ещё болит, но уже терпимо.

Цвет ее лица сменился на более здоровый.

— Тебе придется восстанавливаться по крайней мере месяц, но я уверена, что ты сможешь ходить. Колено будет болеть, особенно в холодные дни. Возможно, ты будешь немного прихрамывать или ощущать дискомфорт. Но ты все еще сможешь сражаться, если захочешь.

— Я не покину поле боя, — твердо сказала Анджелина.

Гермиона кивнула, ничуть не удивившись, и начала втирать зелье в новую кожу Анджелины. Пока Гермиона работала, она заметила напряженный взгляд девушки. Гермиона подняла глаза и встретилась с ней взглядом:

— Что-то не так?

Анджелина наклонила голову, все еще не сводя с Гермионы изучающего взгляда:

— Иногда я пытаюсь вспомнить, какой ты была до войны, но больше не вижу ту девушку.

Челюсть Гермионы напряглась. Она пыталась ограничить свою защиту темных искусств высказываниями исключительно на собраниях Ордена, но со временем ее позиция стала известна в более широких кругах. Члены Сопротивления регулярно брали на себя труд проповедовать Гермионе о силе добра и последствиях использования темных искусств.

По выражению лица Анджелины девушка поняла, что ей предстоит выслушать новую лекцию.

Она заставила свой голос оставаться ровным:

— И кого же во мне ты пытаешься увидеть?

— Даже не знаю. Ты была громкой, прямолинейной и веселой. По правде говоря, иногда довольно резкой. И когда ты организовала Отряд Дамблдора, то казалась немного безжалостной, но в этом была какая-то честная праведность. Теперь, в моменты за пределами лазарета, в тебе осталась только безжалостность. Ты почти все время молчишь, но всегда окружена таким потоком ярости, что я иногда чувствую ее. Словно война превратила тебя в кого-то другого. Я чувствую, как ты позволяешь ей себя менять.

Уголок рта Гермiony дернулся, и она ощутила, как ее глаза сузились.

— Война — суровое испытание. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из нас останется таким же, каким был раньше?

Анджелина посмотрела на свое колено и пожала плечами.

— Я буду с гордостью носить свои шрамы внутри и снаружи, но в глубине души я всегда останусь тем же человеком, — Анджелина перевела взгляд на Гермiony. — Но я не понимаю, осталась ли ты прежней, потому что в глубине души всегда была такой, или ты действительно так сильно изменилась. У меня такое чувство, что ты просто сдалась.

Руки Гермiony замерли, и она откинулась назад.

— Сдалась?

Анджелина пошевелилась, явно почувствовав себя неловко.

— Я беспокоюсь за тебя. Фред сказал, когда навещал здесь Джорджа, что с тобой, кажется, что-то случилось. Все, что было в тебе до войны... исчезло. А в последнее время я наблюдаю за тобой и вижу только одно... я даже не знаю, как именно это назвать. Иногда мне кажется, это ярость. А иногда я вижу только отчаяние. Ты словно потеряла себя.

У Гермiony пересохло во рту, она несколько раз сглотнула, чтобы выиграть время, закупоривая флаконы. Девушка так крепко сжала их, что у нее слегка задрожали руки.

— Эта война забрала у меня все, Анджелина, — наконец медленно произнесла она.

Прежде чем она успела сказать ещё что-то, Гермiony резко дернуло вперед и она утонула в копне чужих волос, когда Анджелина притянула ее в крепкие объятия.

— О, Гермiona. Не позволяй себе так думать. Ты должна научиться визуализировать победу. Чувствовать ее. Бороться за нее. Представлять свою жизнь после окончания войны. Если ты оставишь надежду, то окажешься в темноте совсем одна. Свет всегда побеждает тьму. Но ты должна в это верить.

Гермiona почувствовала, как что-то внутри нее скрутило. Она отстранилась от Анджелины, качая головой и кривя губы.

— Этого недостаточно, чтобы выиграть войну. Я не собираюсь ставить только на

свою или чью-либо еще способность верить в победу.

— Ты все еще хочешь, чтобы мы использовали темные искусства, не так ли? — Анджелина изумлённо посмотрела на Гермину с выражением явного разочарования.

Гермина с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза, и кивнула.

Плечи Анджелины слегка опустились.

— Если мы потеряем себя ради победы, разве это действительно будет означать, что мы победили? Если мы отравим себя, чтобы получить ее, и станем монстрами, с которыми сейчас сражаемся?

Гермина стиснула зубы, борясь с желанием хорошенько встряхнуть Анджелину.

— Что, по-твоему, произойдет, если мы проиграем?

— Мы все умрем, — слегка пожала плечами Анджелина.

Гермина внезапно поняла, почему Драко так сильно ненавидел гриффиндорцев. Она не смогла удержаться от насмешки.

— Ты действительно думаешь, что мы просто умрем? Анджелина, они не собираются закрывать Сассекс, когда выиграют. Мы станем их домашним скотом. Ты не видела пленников, которых доставили из последнего отдела проклятий. Они были... — голос Гермины дрогнул. — Они разлагались снаружи и внутри, с содранной кожей, внутри них ползали какие-то твари... и все они были в сознании, — ее голос прервался. — Те, кто еще мог говорить, умоляли меня убить их.

Гермина шипела сквозь зубы. Удушливое чувство разочарования усилилось, когда ей снова пришлось столкнуться с вечным оптимизмом бойцов Сопrotивления. Стресс и отчаяние внутри нее ощущались как ядовитая кислота, медленно разъедающая на клеточном уровне.

— Если мы проиграем... они соберут всех оставшихся членов Сопrotивления и будут использовать нас как лабораторных крыс или еще кого-нибудь похуже, пока мы им не наскучим. После того как мы уничтожили их отделение проклятий, они просто соорудили еще одно, намного больше предыдущего. Война не закончится нашим проигрышем. Они захотят завоевать маггловскую Европу. Вот каково мое видение войны. Все темные существа объединились с Томом, потому что он обещал им весь мир. Я не знаю, достаточно ли он безумен, чтобы думать, что может это выполнить, но это было его обещанием. И он, вероятно, сделает все, чтобы его сдержать.

Гермина почувствовала, что при одной мысли об этом у нее учащается дыхание. Ее грудь трепетала и дергалась, и девушка продолжала делать короткие, быстрые вдохи.

— Но, Гермина... — Анджелина положила ладонь на руку Гермину. — Мы ведь побеждаем.

Гермина замерла и медленно моргнула, недоверчиво глядя на Анджелину. Она

чуть не рассмеялась, но тут же с ужасом поняла, что Анджелина говорит совершенно серьезно.

— Мы... что?

— Мы побеждаем, — Анджелина выпятила челюсть, и выражение ее лица стало оборонительным. — Так и есть. Вспомни последние тюремные рейды. С весны мы вывели оттуда около сотни людей. В этом году мы успешно отразили сотни атак. Оставайся верной Свету и твоя вера окупится сполна. Победа на нашей стороне. Скоро волшебный мир начнет это понимать и присоединится. Вот как работает надежда. Для нее достаточно лишь искры.

Гермиона почувствовала себя так, словно ее сильно ударили по голове, словно у нее было легкое сотрясение мозга, и это объясняло сюрреалистический мир, в котором она внезапно оказалась. Девушка молча уставилась на Анджелину, которая ободряюще улыбнулась.

— Тебя с нами нет, поэтому ты, вероятно, не видишь всей ситуации. Я знаю, что какое-то время у нас были трудные времена, но ночь перед рассветом всегда темнее всего. И я почти уверена, что сейчас мы на пороге рассвета.

Гермиона с трудом сглотнула, борясь с искушением закричать. Она слышала, как кровь стучит у нее в ушах, а напряжение в голове быстро нарастало.

Но они не выигрывали.

Они выживали. Их шансы уравнивал аморальный убийца Драко Малфой. Ещё существовала Габриэль Делакур, использовавшая свое тело для того, чтобы непрерывно доставлять в плен случайных Пожирателей смерти. Вот каковы были источники информации, которую использовало Сопротивление для своих рейдов, в то время как Орден тщетно пытался найти крестражи, которые могли быть где угодно.

Но они не побеждали. Они и близко не были к победе.

Анджелина с надеждой смотрела на нее.

— Да... — услышала Гермиона собственный голос. — Я... наверное, ты права. Меня с вами нет, поэтому я ничего не вижу. Я... не до конца понимаю, что, видимо, мы... побеждаем.

Анджелина кивнула и снова обняла Гермиону.

— Проблема в том, что ты слишком изолирована. Помфри после смены проводит свое время с профессорами Хогвартса, а у Падмы есть Парвати, чтобы держать ее в курсе. Но ты почти не выходишь отсюда, разве что за ингредиентами для зелий. Я знаю, что Гарри и Рон не так уж часто бывают рядом, но у тебя есть и другие друзья. Тебе нужна компания. Когда вокруг тебя одно отчаяние... верные друзья помогут пройти через ужасы войны. Мы часто говорим об этом. Я знаю, что ты очень умная, Гермиона, но когда речь идет о таких вещах, как добро и зло, ты не можешь прочитать ответ в учебнике. Ты должна сама почувствовать этот ответ. Например, полёт... ну, я думаю, это плохой пример в твоём случае, но ты должна быть в состоянии поверить, что не упадёшь. Это все часть нашего жизненного пути: достигнуть дна, чтобы потом от него оттолкнуться. Добро

требует жертв. Я надеюсь, что, когда война закончится, ты сможешь наконец это осознать. Вот как работает Вера.

— Конечно, — на автомате ответила Гермиона, избегая смотреть Анджелине в глаза. — Наверное, я действительно слишком потерялась в своих фантазиях.

— Все в порядке. Тебе не нужно расстраиваться из-за этого. Такое может случиться с каждым. Я была в похожем состоянии, когда Джордж и Кэти серьезно пострадали. Во время войны очень легко оказаться в отчаянии. Но потом Гарри произнёс свою ободряющую речь. Он говорил о том, как Дамблдор победил Гриндевальда. А еще он рассказывал об Ордене во время Первой Магической войны и о том, как все было плохо. Тогда все думали, что Том победит — Министерство использовало непростительные методы, но Орден выдержал. Там были смерть и предательство, но Любовь и Свет только ярче сияют в такие моменты. Вот почему они всегда побеждают. Мы просто должны верить. Сразу же после той речи Гарри мы впервые успешно захватили тюрьму.

Гермиона резко встала. Ей казалось, что она не может дышать. Ей нужен был... воздух. Холодный. Хотя бы один успокаивающий глоток.

— Мне нужно кое-что взять из кладовки. Я вернусь через несколько минут.

Гермиона ошеломленно бросилась к своему шкафу с припасами.

Спотыкаясь, она промчалась по коридору и закрыла за собой дверь, пока трясущимися руками откупоривала пузырек и глотала успокоительное. Когда зелье подействовало, Гермиона резко выдохнула и разрыдалась.

Она стояла, всхлипывая несколько минут, прежде чем смогла опереться на столешницу. Гермиона закрыла лицо руками и попыталась прийти в себя после того, что только что услышала.

Она не понимала... ей даже в голову не приходило, как этот перевес сил в войне повлияет на Сопротивление. Конечно. Конечно, для них не существовало никакого кризиса. Все они считали, что именно их верность убеждениям о добре и зле лишила войну присущей ей неизбежности.

Они понятия не имели, что Пожирателей Смерти пытали за информацию или что Гермиона продала себя Драко.

Гермиона невольно превратилась для всех в сумасшедшую Кассандру, несущую правдивые предсказания у ворот Трои.

Девушка судорожно всхлипнула и попыталась медленно дышать через нос, пытаясь собраться с мыслями.

Она должна была продвигаться вперед в отношениях с Драко.

Падма была вполне пригодна для изготовления зелий и исцеления. Кингсли просмотрел все записи Гермионы и каким-то образом нанял запасного целителя для пострадавших. Ей было интересно, как долго он держал саму эту возможность в тайне от неё.

Она собрала все свои заметки о контрзаклятиях, которые разрабатывала на

протяжении многих лет, и инструкции, объясняющие методы анализа проклятий.

Грюма, казалось, все больше не устраивало отсутствие прогресса, о котором она сообщала неделю за неделей. Последнее время, когда она рассказывала им о Драко, то замечала, как их с Кингсли отношение странным образом становилось другим... появился скептицизм, как будто она не оправдывала их ожиданий.

Теперь она все поняла. Им нужно было быстрее взять Драко под свой контроль.

Его информация все еще оставалась бесценной, но он с самого начала поставил условия, что сформировало баланс сил, которому они не желали доверять и который стремились изменить.

Они хотели поскорее надеть на него свой ошейник.

Гермиона лишь оттягивала неизбежное.

46. Флэшбэк 21.

Рождество 2002 года.

Уизли отмечали Рождество в «Ракушке». Когда Падма приняла свою больничную смену, Гермиона переоделась и аппарировала, чтобы присоединиться ко всем в коттедже.

Несколько минут она стояла на улице в снегу, пытаясь собраться с силами. Разговор с Анджелиной выбил ее из колеи, и девушка стремилась взять себя в руки.

Гермиона смотрела на входную дверь и мысленно репетировала предстоящий вечер. Рождество пройдет тихо, совсем не так, как прошлые праздники. С каждым годом все празднования становились тише, а отмечающие — пьянее. В прошлый раз Артур был шокирован таким количеством людей, и у него случился припадок, из-за чего Молли была вынуждена уехать вместе с ним.

Гермиона могла перетерпеть этот вечер. Уверенные приветствия. Дежурная улыбка. Пение рождественских песен. Позже нужно будет проверить Артура и Джорджа. Она глубоко вздохнула и открыла дверь.

— Все сюда! Гермиона пришла! — завопил Фред, замечая ее.

Гости повернулись и кинулись к ней. Все были в удивительно приподнятом настроении, веселые и возбужденные. Прежде чем она успела пересечь комнату, ей в руки сунули кружку с пуншем.

Все были одеты в рождественские свитеры от Молли.

Гермиона тайком выстроила флаконы с Антипохмельным зельем на верхней полке камина.

Билл молча сидел в углу посреди всеобщей суеты. Флер устроилась на подлокотнике его кресла, запустив пальцы ему в волосы.

Гарри с Джинни вжались в одно кресло и о чем-то шептались. Гарри и Рон вернулись с очередной охоты на крестражи всего несколько дней назад.

— Гермиона, дорогая, я так рада, что ты пришла. Это тебе, — Молли сунула девушке в руки завернутый в папиросную бумагу подарок.

Гермиона присела на пуфик и открыла его. Внутри оказался джемпер с буквой «Г» посередине.

— Спасибо, Молли, — сказала она. — Он очень красивый.

— Мама! Почему ты решила нарядить Гермиону в слизеринский зелёный? — спросил Рон, заглядывая девушке через плечо.

Молли шлепнула его с оскорбленным выражением на лице:

— Рональд! Это глубокий изумрудный оттенок, и он прекрасно подходит под ее

тон кожи. Он напоминает мне глаза Гарри.

— А по-моему, это зелёный цвет Слизерина, — Рон поморщился, когда Гермиона натянула его через голову: —Тьфу. Одного взгляда хватит, чтобы меня преследовали кошмары.

Отношения Гермионы и Молли были несколько натянутыми. Когда Артура проклинали, оставалась большая надежда, что Гермиона и Билл сообща смогут обратить проклятие. Молли была очень благодарна Гермионе за все ее старания. Однако время шло, надежда угасала, и Молли отдалилась. В сущности, Гермиона была ни в чем не виновата, но в то же время всем было очень больно. На Гермиону возложили ожидания, которые она не смогла оправдать.

Их общение все еще было теплым, но теперь всегда сдержанным.

Гермиона знала с чужих слов, что Молли яростно возражает против ее позиции по темным искусствам, но они ни разу не обсуждали эту тему лично.

Гермиона не была уверена, выбрала ли Молли этот цвет, исходя из тона ее кожи, или это была своеобразная форма упрека. На самом деле об этом не стоило думать. Она так устала от бессмысленных споров и намеков.

Девушка оставила Рона и Молли спорить и пошла искать Артура.

Мистер Уизли сидел на полу в углу и листал детскую книгу-раскладушку. Гермиона внимательно наблюдала за ним, наложив на его мозг диагностическое заклинание. Взрослая ипостась Артура Уизли все еще оставалась где-то заперта. Проклятие, которое использовал Люциус, не свело Артура с ума и не стерло его память. Магия вернула сознание Артура в определенный момент раннего детства. Однако остальная часть Артура все еще оставалась внутри, ждущая, что ее освободят от проклятия. Гермиона могла установить это по диагностике. Но девушка не знала, как прорваться к этой части, не вызвав серьезного повреждения мозга.

Запертая часть сознания Артура медленно разрушалась. Его мозговая активность постепенно уменьшалась по мере того, как исчезали неиспользуемые нейронные связи.

Гермиона ничего не могла с этим поделать.

— Артур, — Гермиона опустилась рядом с ним на колени, — у меня есть для тебя рождественский подарок.

Он выжидающе поднял глаза от книги. Каждый раз, когда их взгляды встречались, она чувствовала острую боль в груди и непреодолимое желание принести извинения, которых он не мог понять. *Простите. Мне очень жаль, что я не могу вас вытащить. Мне очень жаль, что я не могу это исправить.*

— Я не собиралась покупать подарки в этом году, но, когда увидела это в магазине, сразу поняла, что возьму его для тебя. — Гермиона сунула руку в карман и вытащила подарок. — Это резиновый утёнок. Он умеет плавать по воде. Ты можешь запустить его в ванну или раковину.

Артур выхватил подарок у нее из рук и резко встал. Гермиона сжала свою

волшебную палочку. Он несколько раз сильно толкал ее раньше, когда был перевозбужден или сердит.

— Билл! Билл, сделай это, — голос мужчины был взрослым, но слова и интонация оставались настойчиво детскими. Он помахал уткой над головой. — Раковина!

На лице Билла застыло напускное фальшивое выражение жизнерадостности, которое неизменно появлялось у него в присутствии отца. Наклонившись вперёд, он спросил:

— Что это у тебя там такое?

Артур поднес игрушку к лицу Билла и ткнул ею так, что она чуть не попала Биллу в глаз. Гермiona поморщилась.

— Это утёнок! Хочу в раковину!

— Ладно, пойдём проверим, как он плавает? — Билл встал. Артур развернулся и побежал по коридору в сторону ванной комнаты. — Не бегай, Артур!

Гермiona вышла во двор и обнаружила Фреда и Джорджа в саду. Джордж пытался сделать стойку на руках на своих костылях. Когда Гермiona открыла дверь, он потерял равновесие и упал лицом в сугроб.

— Джордж! — Гермiona подбежала и помогла ему выбраться, стряхивая снег с его одежды. — Если ты собираешься вытворять подобные вещи, по крайней мере будь трезвым.

— Прости, мам, — шутливо ответил он, позволяя ей поднять себя на ноги и суесться вокруг него, пока Фред подбирал костыли.

Гермiona закатила глаза, и он с силой поцеловал ее в губы.

Она изумленно уставилась на него.

— Счастливого Рождества, Герм. Хорошенькая девушка заслуживает рождественского поцелуя. Фред уже пообещал свой Анджелине, поэтому я выбрал короткую соломинку и поцеловал девушку, которая спасла мне жизнь. — Он приложил руку к сердцу и очаровательно улыбнулся.

Гермiona отрицательно покачала головой:

— Ты просто ужасен. А что, если это был бы мой первый поцелуй?

Джордж изобразил на лице искусное отчаяние:

— А разве это не так? До меня ты целовалась с другими своими пациентами?

Гермiona почувствовала, как у нее теплеют кончики ушей, и отвернулась:

— Вообще-то мой первый поцелуй был с Виктором.

— Ты разбиваешь мое сердце. — Джордж чересчур драматично отшатнулся назад, опираясь на костыли. — Это потому, что я недостаточно угрюм, не так ли?

А может, дело в том, что ты западаешь только на ловцов?

Гермиона отрицательно покачала головой, стараясь не думать про ещё одного угрюмого ловца.

— Я возвращаюсь в дом. Если тебе не терпится рисковать своей шеей после всего того, сколько сил я потратила, исцеляя тебя, по крайней мере, делай это, когда меня нет поблизости.

Она вернулась в дом и уселась на диван в углу, с недоумением наблюдая за празднеством.

Чарли дразнил Джинни и Гарри. Он искренне смеялся, запрокинув голову. Гермиона не могла вспомнить, когда в последний раз слышала смех Чарли. Или Рона, или Гарри.

Они все были счастливы. Она уже много лет не видела их настолько счастливыми.

Когда Гермиона осознала это, ее охватило ползучее чувство ужаса.

Жизнерадостность, царившая в доме, переполняла его сильнее, чем когда-либо. Коттедж буквально взрывался, почти вибрируя от ощущения надежды.

Гермиона ничего бы не заметила, если бы не ее разговор с Анджелиной.

Фальшивая радость не ограничивалась одним Сопротивлением. Члены Ордена также искренне верили, что они находятся на пути к победе.

Пока Гермиона сидела в углу, осознавая происходящее, она чувствовала себя так, словно попала под действие чар Иллюзий, в то время как мир вокруг нее сгорел дотла.

Теперь Орден никогда не изменит тактику: они никогда не согласятся использовать темные искусства. Она сама поспособствовала этому.

Если с Драко что-нибудь случится или он добьется своего искупления и прекратит шпионить для них — Сопротивление полетит в пропасть, и его уже ничего не спасёт.

И если Орден когда-нибудь узнает об участии Драко, в любом контексте... это, скорее всего, разрушит все. Доверие к Кингсли и Грюму будет подорвано.

Гермиона почувствовала подступающую тошноту. Ей захотелось уйти отсюда как можно скорее.

Но она продолжала сидеть в углу, замерев, как статуя.

Гарри подошел к ней и опустился рядом на диван. Они внимательно наблюдали за остальными. Джинни была с Артуром. Рон, Фред и Джордж, казалось, планировали какой-то розыгрыш. Молли суетилась, расставляя еду, а Чарли помогал ей.

— Это все, о чем я когда-либо мечтал, — сказал Гарри через минуту. — Именно

это чувство даёт мне силы бороться. Каждый день.

Гермиона молчала.

— Ты думаешь о своей семье? — Гарри внимательно посмотрел на нее. Гермиона коротко кивнула. Гарри обнял ее за плечи и притянул к себе. — Когда-нибудь твои родители тоже будут здесь, рядом с нами.

Гермиона наблюдала, как Молли остановилась, чтобы поцеловать Артура в лоб и полюбоваться его уткой.

— Они... они никогда не вернутся из Австралии, — тихо сказала она. Гарри растерянно посмотрел на нее. Девушка опустила взгляд. — Обширное заклинание Забвения имеет определенный период для отмены действия. В противном случае существует высокий риск тяжёлого повреждения головного мозга. Если я собиралась отменить действие заклинания, то это нужно было сделать до Рождества прошлого года. До истечения пятилетнего срока.

Последовало долгое молчание.

— Ты никогда этого не говорила, — его голос звучал опустошенно.

Гермиона нервно теребила рукав джемпера, даже не взглянув на него:

— Мне было легче сосредоточиться на работе, не думая об этом. Я знала, чем рискую, когда принимала решение их спрятать.

— Мне очень жаль. — Гарри сжал ее руку. — Мне так жаль, Гермиона.

— Все в порядке. Я уже смирилась с тем, что защита близких мне людей может означать их потерю.

— Ну, меня ты не потеряешь. Ты всегда будешь частью моей семьи.

Прежде чем Гермиона успела что-то ответить, Молли поспешила к ним, таща за собой Рона и размахивая фотоаппаратом.

— Давайте я сфотографирую вас троих. Гермиона, подвинься немного, дорогая, чтобы Рон мог сесть рядом. Ну вот, отлично. Обнимите-ка друг друга. Гарри, постарайся немного пригладить свои волосы. О, ничего страшного, милый. Улыбочку...

Гермиона никак не могла выдавить из себя улыбку. Уголки ее рта слегка изогнулись, когда тяжелые руки Рона и Гарри обняли ее за плечи. Затем последовала вспышка света.

— Это будет чудесный снимок. Мы так долго не могли сфотографировать вас троих вместе, — Молли отошла, чтобы снять и Билла с Флер.

Рон фыркнул, наблюдая, как его мать поправляет позу Флер, а затем потянул за один из локонов Гермионы, который выскользнул из ее косичек:

— Волосок не на месте. Думаю, ты все-таки не из Слизерина.

Гермиона слабо улыбнулась:

— Наверное, поэтому распределяющая шляпа отправила меня в Гриффиндор. Гарри мог попасть туда по той же причине.

Они с Роном одновременно посмотрели на спутанные волосы Гарри. Он выглядел так, словно его ударило током, и пытался скрыть это с помощью геля для волос. Половина из них, казалось, была приглажена, но остальные волосы торчали в разные стороны.

— Что с твоими волосами? — сказала Гермиона, недоверчиво качая головой.

Гарри покраснел:

— Я причесывал их. А потом мы с Джинни... э-э... немного обнялись.

Рон издал рвотный звук:

— Обнялись, ну конечно, — он усмехнулся, — это же моя младшая сестрёнка. От одной мысли о вас двоих вместе мне хочется выколоть себе глаза.

— Поверь мне, я понимаю тебя как никто другой, — пробормотала Гермиона. — Клянусь, ни один из них не знает элементарных запирающих чар.

Гарри выглядел испуганным.

— Рональд, — крикнула Молли с другого конца комнаты. — Я хочу сфотографировать вас вместе со всеми братьями и сестрой! Подойди-ка сюда и встань рядом с Джинни.

Гермиона и Гарри смотрели, как Рон неторопливо идёт к остальным и позирует для семейного фото. Гермиона почувствовала себя так, словно ее режут ножом изнутри.

Гарри взглянул на Гермиону, и она заметила, что выражение его лица слегка изменилось, прежде чем он заговорил.

— Когда все это закончится, я надеюсь, что все вернется на круги своя.

Он внимательно разглядывал ее — его глаза казались одновременно юными и старыми. Глаза, в которых навечно была запечатана война. Сердце Гермионы замерло, когда она снова посмотрела на него.

Она уже открыла рот, чтобы сказать, что хотела того же. Потому что так оно и было. Она сделает все что угодно, лишь бы каким-то образом пережить войну с ними, надеясь сохранить хоть что-то живое в себе.

Но прежде чем девушка успела это сказать, Гарри схватил ее за руку и крепко сжал.

— Ты всегда будешь моей семьей. А я буду твоей. Я знаю, что в последнее время мы часто ссорились. Но я понимаю, что все, на что ты была готова пойти, так ужасно только потому, что ты пыталась защитить нас. Я просто не могу смириться с мыслью о том, что с тобой сотворит темная магия. Я не знаю, как

боротся, чтобы выиграть эту войну без тебя, Рона и остальных Уизли. Жаль, что я не сказал тебе об этом раньше: я хочу, чтобы мы исправили все, что произошло между нами. Ты всегда заботилась обо мне больше, чем кто-либо другой. Я хочу, чтобы ты знала, что я очень ценю тебя и твою помощь.

Глаза Гермионы наполнились слезами, и все ее тело затряслось.

Гарри, ты даже не представляешь всего того, что я готова сделать ради тебя.

Она открыла рот и тут же закрыла его, проглотив свои слова.

— Мы еще не победили, Гарри, — наконец ответила Гермиона хриплым голосом.

— Я понимаю. Я знаю, что нам еще предстоит пройти долгий путь, но я не хочу больше ждать, чтобы сказать тебе это. — Гарри глубоко вздохнул: — Я не заботился о тебе должным образом, и мне очень жаль. Я так беспокоился о том, чтобы как можно больше людей участвовали в сражениях, что никогда не задумывался о том, как все обстояло для тебя. Мы с Джинни разговаривали, и она упомянула, насколько ужасно находиться в твоей больничной палате. Она сказала: все, что ты видишь, — это самое худшее из всех сражений, повторяющееся изо дня в день, и я действительно сожалею, что никогда не понимал этого... когда мы с Роном сражались раньше, у него всегда была его семья, а у меня всегда была ты, но из-за споров о темных искусствах... он и я были так сосредоточены на сохранении своих принципов, что перестали думать о тебе. Мы втроем всегда были непобедимы, когда были вместе. Я хочу, чтобы мы снова стали такими. А ты?

Гермиона пристально посмотрела на Гарри и заколебалась.

Ее друг. Ее лучший друг. Ее самый первый друг. Она сделает для него все что угодно. Все что угодно, лишь бы защитить его.

Все.

Даже сможет отказаться от него.

Ты уже сделала свой выбор. Если ты попытаешься согласиться, то только навредишь ему еще больше, когда он узнает о том, что ты совершила. Ты только еще больше навредишь себе, если позволишь себе поверить, что между вами не все потеряно.

Она сглотнула и медленно убрала свою руку. Это было похоже на удар в замедленной съемке. Она заранее знала исход их разговора.

— Мне кажется, я больше не знаю, как с тобой дружить, Гарри, — ее голос был низким и твердым.

Гарри уставился на нее широко раскрытыми ошеломленными глазами:

— Что ты имеешь в виду?

Гермиона перевела взгляд на свои руки. Холодное чувство отчаяния наполняло ее изнутри.

— Мы... мы уже много лет не являемся друзьями, Гарри, — сказала она как ни в чем не бывало. — Когда именно ты в последний раз обращался со мной как со своим другом? Когда ты заходил в больничную палату не для того, чтобы навестить кого-то другого?

— Я...

— Я стала целительницей, чтобы попытаться защитить тебя, а в ответ ты бросил меня.

— Гермиона, я признаю, что мог бы поступить по-другому, но то, чем были заняты мы с Роном, не походило на весёлые каникулы.

— Конечно, — Гермиона не могла дышать. Она продолжала говорить тем жестоким, безжалостным голосом, которому научилась у Драко. — У тебя просто не было на меня времени. Очевидно, что члены Сопротивления были в приоритете. Все ради сплочения и поднятия боевого духа. Если бы ты не был так занят, я уверена, все было бы по-другому. За все эти годы ты мог бы хоть как-то отблагодарить меня. Но так как у тебя не было времени, у тебя не оставалось другого выбора, кроме как похлопать Рона по плечу после того, как он назвал меня стервой перед всем Орденом. В конце концов, он ведь лучший друг и напарник, — ее тон был едким.

— Ты настаивала, что мы должны использовать смертельные проклятия, — голос Гарри звучал горько и недоверчиво.

Гермиона издала слабый смешок:

— И я продолжаю на этом настаивать.

Воцарилось ошеломленное молчание. Вся комната погрузилась в тишину. Гарри на целую минуту лишился дара речи.

— Ты все ещё этого хочешь?

Гермиона коротко кивнула.

Гарри медленно покачал головой, словно не мог поверить своим ушам.

— Я реалистка, Гарри. Я хочу, чтобы эта война закончилась. Я не хочу, чтобы Орден думал, что победил, а потом все началось бы снова спустя четырнадцать лет, как это было в прошлый раз, — ее голос был жестким. И безжизненным.

Она точно знала, где резать.

У нее болело сердце. Казалось, все сдерживаемые чувства разрывают ее изнутри. Если бы Гарри все еще держал ее за руку, он бы почувствовал, что она дрожит.

— Ты хоть представляешь, что делает с человеком темная магия? — в голосе Гарри звучала ярость.

Гермиона сохраняла холодное выражение лица.

— Конечно, я же целительница. Это часть моей специализации. И я продолжаю утверждать, что это того стоит. Я не утверждаю, что нужно использовать темные ритуалы или пить кровь единорога, я просто говорю о том, что стоит убивать людей, которые пытаются убить тебя. Ты действительно думаешь, что сможешь просто посадить их в тюрьму? Неужели ты думаешь, что победишь их с помощью Экспеллиармуса? Ты готов поставить на это свою жизнь? Рона? Или, может быть, жизнь Джинни? Судьбы и жизни всего Соппротивления? Неужели ты все еще недостаточно ненавидишь Пожирателей, чтобы использовать смертельные проклятия?

— Это никогда не будет стоить того, — отрезал Гарри. — Мы не одержим победу таким образом. Я не смогу так сражаться. Когда я сражаюсь на дуэлях, я думаю обо всех людях, которых люблю. Как я их защищаю и как хочу снова увидеть. Какой в этом смысл, если победа будет означать вашу медленную смерть из-за использования тёмной магии? Каждая битва служит для меня испытанием. Не поддаваться ненависти — вот мой ежедневный выбор. Ты не можешь выбирать между любовью и ненавистью. Я не хочу быть похожим на Тома Реддла. Урок первой войны состоит в том, что любовь побеждает все, когда люди верят в нее. Мы должны выбирать между тем, что легко, и тем, что правильно. Если мы ошибемся, то никогда не победим его.

— Ты обвиняешь меня в том, что я хочу сделать легкий выбор? — Гермиона была совершенно ошеломлена.

— Ты хочешь использовать темные искусства, потому что уверена, что они более «эффективны». Поэтому да, я бы сказал, что это выбор в пользу легкого, а не правильного. — Гарри был бледен, а его кулаки — сжаты так, что побелели костяшки пальцев. — Борьба между добром и злом — это испытание. И ты не просто проиграла это сражение сама, Гермиона, ты ещё пытаешься переманить на свою сторону все Соппротивление. Какое-то время я думал, что это из-за того, что ты проводишь слишком много времени со Снейпом. Но теперь я понимаю, что только ты виновата в этом. Ты действительно веришь в свою правоту.

Гермионе больше не нужно было притворяться рассерженной и злой. Она усмехнулась ему прямо в лицо.

— Конечно, я в это верю. Вспомни о Колине, Гарри. Вспомни, как он умирал у тебя на глазах, а затем умножь это чувство. Умножь на потери от каждого сражения и рейда за последние три года. Это... — она резко обвела рукой вокруг себя, — было всей моей жизнью с того момента, как я вернулась с обучения. Каждый день видеть, как умирают мои друзья.

— Ты не рассказала мне ничего нового, Гермиона, — голос Гарри дрожал, и он наклонился к ней, сверкнув зубами. — Они были и моими друзьями. Я сам их тренировал. Я сражался вместе с ними. Я готов был умереть за них. И я сделал все необходимое, чтобы спасти их. Но когда дело доходит до выбора светлой и темной магии... ничего не будет важнее этого. Ничего не стоит того, чтобы отдаваться темным искусствам, независимо от того, какую цель ты преследуешь. Орден всегда будет символизировать свет.

Что-то внутри Гермионы щелкнуло.

— Ты не являешься светом, если позволяешь людям жертвовать собой, чтобы сохранить свои руки и душу чистыми, — она презрительно усмехнулась ему.

Гарри побледнел.

— Как ты смеешь? — наконец произнес он дрожащим от ярости голосом. — Да как ты смеешь, мать твою? Я никогда... никогда не буду просить кого-то умереть за меня. Все, чего я когда-либо хотел, это чтобы люди перестали умирать из-за меня. Я не хочу быть Избранным. Я не хочу этой гребаной войны. Все, чего я когда-либо хотел... это иметь семью. Люди в этой комнате — все, что у меня осталось. Мои родители умерли. Они пожертвовали собой, веря в любовь, а не в ненависть, и в чем теперь ты хочешь меня убедить? Что они были не правы? Что, если бы они были такими же умными, как ты, они до сих пор были бы живы? Мой крестный отец мертв. По крайней мере, твои родители сейчас где-то живые и в безопасности. У меня нет такого утешения. Я умру с улыбкой на лице, если это потребуется, чтобы выиграть эту войну. Я буду сражаться столько, сколько потребуется. Но я не позволю людям отравлять свои души. Я не потребую от них, чтобы они следовали во тьму, и не буду подавать подобный пример Сопротивлению.

Он пристально посмотрел на Гермиону, и она почувствовала, как от него исходят волны ярости. Это ужасно напомнило ей о Драко.

— Рон был прав, — добавил Гарри через мгновение. Ярость в его голосе внезапно исчезла, он казался почти опустошенным. — Ты чертова стерва и действительно не понимаешь целей Ордена.

— Защита волшебного и маггловского мира от Тома Реддла и Пожирателей Смерти, — тихо сказала Гермиона. — Такова цель Ордена Феникса.

Она встала и мгновение смотрела на Гарри сверху вниз, запоминая его взглядом, прежде чем отвернуться.

— Но, наверное, ты прав, я и правда чертова стерва. Не думаю, что сейчас есть какой-то смысл отрицать это, — она сдавленно рассмеялась. — Похоже, это единственное, о чем мне постоянно твердят. Надеюсь, ты прав насчет войны, Гарри. Я очень надеюсь, что того, что ты делаешь, будет достаточно.

Гермиона развернулась и вышла из коттеджа.

Она прошла через сад и направилась к холмам за ним. И продолжала идти. Ее сердце билось так сильно, что это причиняло нестерпимую боль. Кровь так громко стучала у нее в ушах, что девушка едва слышала шум ветра, хотя и чувствовала, как он холодит ее щеки.

Наконец она остановилась и оглядела бесконечную белизну, окружавшую ее. Это было прекрасное Рождество. Гермиона не могла вспомнить, когда в последний раз видела снег в рождественскую ночь.

Ее руки и ноги онемели от холода. Она хотела остаться здесь навсегда. Остаться здесь и замерзнуть. Это не стало бы хуже того положения, в котором она уже находилась.

Ей не хотелось думать о том, как ужасно она сейчас себя чувствует. Как сильно болела ее голова. И ее сердце тоже. В груди у нее словно разверзлась бездна. Она была разорвана на части, и ей было больно. Гермиона ощущала агонию,

холодную, как зима вокруг, поселившуюся внутри нее самой.

— Гермиона! — голос Джинни прорезался сквозь ветер.

Она обернулась.

— Гермиона... — Джинни пробиравась к ней по снегу. — Что случилось? Зачем ты так поступила?

Гермиона тупо уставилась на Джинни:

— Поступила как?

— Ты сделала это нарочно... я видела... чтобы Гарри разозлился и позволил тебе уйти. Почему? Он и Рон — это все, что у тебя осталось. Они частенько забывают об этом, но я это знаю. Почему ты это сделала? Чего ты боишься? Еще до того, как Гарри подошел к тебе, ты сидела на диване и выглядела так, словно присутствуешь на наших похоронах. Что случилось?

Гермиона молча смотрела на Джинни, дрожа на морозе в слизеринском зеленом.

Джинни подняла руку с палочкой и наложила на нее согревающее заклинание.

— Я... — начала Гермиона, но тут же замолчала на несколько секунд. — Я больше не могу этого продолжать, Джинни. Я не могу притворяться, что все будет хорошо. Даже если мы завтра победим, я не собираюсь менять свое мнение о том, что мы могли бы поступить лучше. Темные искусства могли бы сократить войну и спасти бойцов Сопrotивления. Если Гарри ожидает, что я буду стоять рядом с ним и улыбаться, когда все это закончится, то он должен отказаться от своих иллюзий прямо сейчас.

Джинни пристально посмотрела на Гермиону. Ее ресницы были покрыты ледяными кристаллами, сверкающими на свету. Ветер отбросил ее волосы назад, обнажив шрам, идущий вдоль лица. За несколько месяцев он немного побледнел, но от холода, казалось, еще резче выделялся на фоне бледной кожи. Это уродство только подчеркивало красоту Джинни. Контраст несовместимого делал ее поразительной. Результат трагического стечения обстоятельств.

— Ты... ты не собираешься оставаться с нами, — медленно произнесла Джинни, ее глаза широко распахнулись в изумлении, — после войны.

— Я полностью отдала себя этой войне, Джинни. Когда все закончится, от меня уже ничего не останется.

Джинни покачала головой и потянулась к Гермионе:

— Не говори так... Гермиона...

— Джинни, если сейчас я снова услышу еще одно пустое ободряющее обещание, то могу сорваться, — голос Гермионы не дрожал. Она резко вдохнула, затем выдохнула и посмотрела, как холодный пар исчезает в небе. — Я больше не могу... у меня не осталось сил притворяться перед всеми вами. Я слишком устала.

Джинни открыла рот, чтобы ответить, но Гермиона аппарировала прочь.

Она вернулась на Площадь Гриммо и спряталась в библиотеке.

На следующий день во время смены в больничном крыле Гермиона чувствовала себя холодной и опустошённой. Она не хотела ни с кем разговаривать. Она могла сдерживать свои чувства с помощью окклюменции, но даже не подозревала, что горе может причинить настолько сильную физическую боль.

Грюм застал ее за работой над зельями.

— Грейнджер, Северус хочет видеть тебя сегодня вечером.

Гермиона повернулась и настороженно посмотрела на Грюма.

— С какой целью?

— Чтобы обсудить твои успехи.

Глаза Гермионы сузились.

— Я думала, вы держите его в курсе событий.

Выражение лица Грюма не изменилось.

— У него есть вопросы, на которые он хочет получить ответы.

Гермиона ощутила странную тревогу в районе живота.

— В котором часу?

— В семь.

— Хорошо, я буду вовремя, — она снова повернулась к своему котлу.

Гермиона была слишком взволнована, чтобы обратить внимание на Грюма, который несколько секунд оценивающе смотрел на нее, прежде чем развернуться и уйти.

47. Флэшбэк 22.

Декабрь 2002.

Гермиона стояла на кухне дома в Паучьем тупике. Она медленно повернулась, осматривая поверхности, заваленные записными книжками, готовыми ингредиентами и бурлящими зельями.

Девушка остановилась, заметив мерцающее в углу зелье. Она подошла ближе и посмотрела на поднимающийся из отверстия пар, украдкой вдохнув его. Пряный, землистый запах дубового мха, ноты кедра, запах опавшей листвы и пергамента... нет. Она снова принялась. Это был папирус.

Гермиона чувствовала себя так, словно все это время предполагала о своей болезни, а теперь наконец получила подтверждение диагноза. Казалось, внутри все оборвалось. Девушка резко отпрянула в сторону и посмотрела на другие котлы, окружавшие ее.

— Вы готовите слишком много разновидностей любовного зелья, — сказала она, глядя туда, где Северус склонился над кипящим котлом.

— Новый проект Темного Лорда. У него внезапно проснулся интерес к тому, чтобы попытаться использовать эти зелья в качестве оружия, — ответил Северус, усмехаясь перед темной светящейся жидкостью, над которой он работал.

Гермиона почувствовала, как кровь застывает у нее в жилах.

— Это действительно может стать возможным?

Северус пожал плечами со слабой улыбкой.

— Я скептичен и не мотивирован... так что, скорее всего, нет. Думаю, это, скорее, мимолетная идея. Я составляю подробный отчет на тот случай, если Темный Лорд снова заговорит о ней. И делаю это дома, а не в лаборатории, чтобы убедиться, что никто больше не предложит никаких новаторских идей.

Гермиона оглядела комнату. На полках находилось с десятков склянок Амортенции, несколько афродизиаков, которые она смогла распознать, и еще пятнадцать приворотных зелий, числившихся экспериментальными.

— Что может представлять собой боевое любовное зелье?

— Исключительную силу, не требующую повторного приема. Темный Лорд воображает, что сможет использовать его для допросов.

— Это... непристойно, — наконец сказала Гермиона.

— Действительно. К счастью или нет, его занимают другие дела, которые он считает более неотложными для Сассекса.

В течение нескольких минут Гермиона молча смотрела, как Северус давил в ступке яйца огневицы.

— Драко сказал, что Сассекс старается изобрести варианты предотвращения спасательных операций Соппротивления.

На несколько секунд повисла пауза, после чего Северус повернулся и задумчиво посмотрел на неё.

— Я не знал, что он в курсе этого.

— Разве не вы называли его идеальным шпионом?

— Похоже, что да, — пробормотал Северус, возвращаясь к своей ступке. — Вы уже выяснили, почему он шпионит для Ордена?

Гермиона опустила глаза.

— Нет, — признала она. — Все, что он рассказывал мне за время наших встреч, казалось правдой, но я до сих пор так и не узнала мотив, стоящий за его помощью Соппротивлению.

Повисла тишина, прерываемая только бульканьем закипающего зелья.

— Вы в курсе, что он продвигается все выше в рядах Пожирателей? — спросил Северус, поворачиваясь к котлу и высыпая в него толченые яйца огневицы. Порошок медленно образовывал на поверхности зелья узор, похожий на восьмёрку.

Гермиона молчала в течение нескольких секунд.

— Я ничего не слышала об этом.

— Пару недель назад я доложил об этом Кингсли. Драко становится могущественнее. Он занимает все более прочную позицию среди Пожирателей. Не буду делать вид, что знаю о том, чем вы занимаетесь во время ваших еженедельных... встреч... Но иногда я задаюсь вопросом, помните ли вы о том, что большую часть свободного от вас времени он проводит, убивая людей.

Гермиона почувствовала, как у неё сбивается дыхание, в то время как Северус продолжал говорить своим нервирующе спокойным голосом.

— Я редко видел кого-то, кто использовал бы темную магию так беспощадно, как он в последнее время. Тёмный Лорд в восторге от того, какого идеального генерала он взрастил для себя. Те, кто решается переступить Драко дорогу, имеют свойство умирать от умело замаскированных проклятий, изобретённых в лабораториях против Соппротивления. Несколько недель назад один из Пожирателей, Гиббон, был найден с оторванными руками, с которых была содрана кожа. Я принимал участие в анализе причин его смерти. На теле Гиббона остался сильнейший отпечаток темной магии, использованной для того, чтобы заставить его оставаться в живых ещё несколько дней, пока его продолжали истязать.

Гермиона замерла и резко замотала головой.

— Этого не может быть... Драко не стал бы... Вы сами говорили, что он не садист.

Северус покосился на неё.

— Считаете, если он не садист, то ни разу не пытал никого до смерти? — На его лице было написано презрение. — Уверен, вы помните значение его рун. Как думаете, мисс Грейнджер, в чем именно он остаётся «непреклонным» и «стремящимся к идеальным результатам»?

Гермиона почувствовала, как все ее тело сковало от напряжения. Ее подбородок дрожал.

— Вы тоже убивали людей, однако я никогда не сомневалась в вашей преданности, Северус.

Он издал тихий смешок, и его губы искривились в ухмылке.

— Я предан только одной цели: победе Ордена в войне. Ужасные вещи, которые я вынужден творить, совершались мною только в случае крайней необходимости. Думаете, мне нравится чувствовать, как разрушается моя душа? Как ее отравляет темная магия? И все это ради тех, кто даже не готов идти на подобные жертвы, кто презирает меня и сомневается во мне, — он покачал головой. — Однако сейчас главное не это. Смерть Гиббона не была необходимостью. Он даже не являлся важной фигурой. Его убийство не служило никаким стратегическим целям. Оно не было совершено ради Ордена. И уж точно не было никакого смысла держать его в сознании, пока ему отрезали руки.

Гермиона продолжала качать головой.

— Его мог убить кто-то другой. Вы не можете быть уверены, что это сделал Драко.

Северус замер и неторопливо повернулся к Гермионе.

— Это был он. Я точно знаю, что это был Драко. Причина моей уверенности состоит в том, что, осматривая тело Гиббона, я наткнулся на след интересной магии. Это были сдерживающие чары моего собственного изобретения. И я обучал им только одного человека. Вас. Вы использовали эти чары, чтобы исцелить его руны, не так ли?

Комната закружилась перед глазами Гермионы, и ей пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть.

Северус смотрел на неё сверху вниз. Выражение его лица было суровым.

— Я был шпионом почти столько же лет, сколько вы живете на этом свете, мисс Грейнджер. Поэтому прекратите защищать его и внимательно выслушайте меня.

Гермиона замерла.

Окинув ее взглядом, Северус поджал губы.

— Драко вышел из-под контроля. Если он когда-то и был предан Соппротивлению, то сейчас все изменилось. Чего бы Драко ни пытался добиться, он делает это не только ради Ордена. Он является одним из самых влиятельных генералов и

отчитывается только перед самим Темным Лордом. У него свои собственные источники информации. Он использует добытые сведения, чтобы заставить Орден зависеть от него и не позволить сдать его.

Гермионе стало трудно дышать. Кончики ее пальцев покалывало. Она слабо кивнула.

— Думаю, я знаю, зачем он убил Гиббона, — добавил Северус мгновение спустя. — Он постарался все скрыть и обставить убийство как смерть от пыток. Но стоило мне заметить след сдерживающих чар, как я обнаружил и другие детали, которые проливают свет на реальные намерения Драко. Он пытается найти способ избавиться от Темной метки и не умереть впоследствии.

— Умереть?

— Если бы можно было избавиться от Метки, просто отрубив себе руку, Игорь Каркаров был бы жив до сих пор. Ещё несколько Пожирателей пытались сбежать или переметнуться на Светлую сторону во время обеих магических войн, и, к несчастью для них, ничего хорошего из этого не вышло. Темная метка связывает Волдеморта с его последователями. Попытки избавиться от неё приводят к появлению проклятой раны на том месте, где раньше была Метка. Человек, решившийся на такой шаг, истекает кровью, пока не умрет. Не существует заклинаний или зелий, способных предотвратить это. Однако Драко все равно пытается отыскать способ избавиться от Метки, если таковой вообще существует.

Вдруг Гермиона с ужасом вспомнила о своём наблюдении.

— Раньше он был левшой. Но теперь он амбидекстр.

Северус приподнял бровь в задумчивости.

— Довольно логичное решение для человека, который рано или поздно собирается отрезать себе руку. Вы знаете, как давно он стал амбидекстром?

— С самого начала наших встреч. Я редко видела, чтобы он пользовался левой рукой, — она чувствовала, как в ее животе разливается горечь.

Лицо Северуса приобрело мрачное выражение.

— Значит, он планировал это в течение многих лет.

Гермиона пошатнулась, пытаясь заново переосмыслить все то, что, ей казалось, она знала. Драко вёл свою игру на протяжении долгого времени. Она была всего лишь незначительной деталью в его планах. Или средством для достижения нужных результатов. Теперь она ни в чем не была уверена.

Северус пристально смотрел на неё. На его лице читалось напряжение.

— Он станет смертельно опасен для обеих сторон, если сможет избавиться от оков, вынуждающих его быть преданным.

Гермиона кивнула. Если Драко избавится от Темной метки, ему больше не нужно будет подчиняться ни одной из сторон. И если все это время он планировал

захватить власть в волшебном мире, то многое начинало обретать смысл.

Особенно теперь, когда Гермиона рассказала ему, что Гарри не собирается убивать Волдеморта.

Северус тяжело вздохнул. Внезапно он стал казаться гораздо старше своего возраста.

— Признаюсь, я полагал, что захват тюрем Орденом в июне станет для Драко началом конца. Учитывая, какое наказание он получил от Темного Лорда, я думал, что его дни сочтены, — Северус окинул ее внимательным взглядом. — За то, что в итоге все вышло не так, мы, похоже, должны быть благодарны исключительно вашей невероятной заботе о его здоровье.

Повисла пауза. Казалось, на несколько секунд весь мир вокруг Гермионы замер, а потом рассыпался на кусочки.

— Вы знали, что вся вина за июньскую атаку ляжет на его плечи, — произнесла Гермиона, смотря на Северуса расширившимися от осознания глазами. — Вы, Кингсли и Грюм. Вы все знали об этом. Вот почему вы были готовы использовать все наши ресурсы и так тщательно продумывали стратегию нападения. На самом деле вы не переживали о том, что Драко поймут на шпионаже. Вы надеялись, что его убьют за это.

Северус ничего не ответил.

— Почему... почему вы не сказали об этом мне? — наконец выдавила Гермиона. Ее голос дрожал от едва сдерживаемой злости.

— Мы не считали, что это необходимо, — пожал он плечами.

Гермиона чувствовала такую ярость, что, казалось, готова была спалить дом Северуса дотла.

— Мы полагали, что рано или поздно вы догадаетесь сами. Когда стало ясно, что вы так ничего и не поняли... что вы сочувствовали Драко или же считали себя обязанной ему... мы решили дать вам возможность попытаться исцелить его, раз вы так этого хотели. Мы подумали, что это меньшее, что мы можем сделать для вас после того, о чем мы вас попросили.

— Вы не ожидали, что у меня получится. Надеялись, что к моменту нашей встречи его уже будет невозможно исцелить.

Северус снял с полки банку, наполненную крыльями фей. Гермиона чувствовала, что не может дышать. Все звуки в комнате внезапно стали казаться оглушающе громкими. Бульканье зелий на огне. Ее собственные дрожащие вдохи. Она могла слышать даже биение своего сердца.

— Можете представить себе наше удивление, когда оказалось, что вместо того, чтобы умереть от проклятия, он стал ещё более опасным, чем был прежде. Шпион Ордена с сомнительными намерениями. Так ответьте же мне, мисс Грейнджер, как вам удалось спасти Драко Малфоя?

Гермиона поджала губы и несколько секунд ничего не отвечала.

— Для этого Грюм заставил меня прийти к вам? Чтобы вы могли узнать детали?
— сказала она наконец.

Северус промолчал.

Гермиона отвела взгляд и одернула рукав своей кофты.

— Вам удалось добиться того, чтобы его раны достаточно пропитались темной магией. Она уже начала отравлять его душу. Руническая магия всегда разрушительна, она никогда не исчезает и не теряет своего влияния. Если бы я встретила с ним сразу же после нанесения рун — если бы вы упомянули о его наказании раньше — возможно, я смогла бы вылечить его, не используя крайние меры. Но к тому времени, как я узнала об этом, было уже слишком поздно. Моим заданием всегда было как можно дольше удерживать Драко в роли шпиона Ордена. Когда я заговорила о его исцелении с Грюмом, тот сказал мне сделать все что в моих силах. Если вы на самом деле не хотели, чтобы я его исцелила, вы *должны были* сказать мне об этом.

— И что конкретно вы сделали, чтобы вылечить его?

Гермиона сглотнула.

— Я спасла его душу.

— Что. Вы. Сделали? — спросил Северус, чеканя каждое слово.

Гермиона молча поднесла руку к своей шее и сжала в пальцах висевшую на ней цепочку.

— Когда я проходила обучение в Египте, перед самым моим отъездом глава больницы подарил мне Сердце Исида. Он считал, что оно сможет помочь Гарри.

Повисла оглушающая тишина. Северус стоял неподвижно рядом с одним из котлов.

— Вы не могли сделать этого, — неверяще сказал он. — Вы хоть представляете, насколько ценен был этот медальон? Если бы вы продали его, Соппротивление не нуждалось бы в деньгах ближайшие лет десять. Магический артефакт, по ценности уступающий только Философскому камню, и вы воспользовались им, чтобы спасти Драко Малфоя?

Гермиона даже не моргнула в ответ на его гневную тираду.

— Это было логичным решением. Я все равно не смогла бы продать медальон на чёрном рынке. Вы можете себе представить, что случилось бы, если бы он попал в руки Тома Реддла? Меньше чем за четыре месяца Драко спас несколько сотен людей. Несколько сотен! И ещё не меньше сотни избавил от смертельных экспериментов в лабораториях. Он спас детей в Кейтнесе, хотя стратегически это не принесло ему никакой выгоды. Драко не монстр, — в ее голосе появилась горечь. — Вы позаботились о том, чтобы его раны не подлежали исцелению. Вы даже не дали мне возможности вовремя помочь ему. Наших сил было недостаточно. Мы проигрывали войну и теряли все больше людей, пока он не начал шпионить для нас.

Реакция Северуса была почти взрывной. Его лицо, всегда выглядевшее болезненно, побледнело ещё сильнее, а глаза наполнились яростью.

— Ему удалось полностью одурачить вас. Я и представить себе не мог, что он сможет так заморочить вам голову. Ему понадобилось лишь спасти горстку сирот и появиться перед вами с отравленными рунами, и вы сразу решили, что он достоин Сердца Исиды. Вы еще большая идиотка, чем Гарри Поттер, — он презрительно усмехнулся.

Гермиона отшатнулась от него.

— Но ведь он все ещё не отрезал себе руку.

— Думаете, он предупредит вас перед тем, как сделает это? Драко смертельно опасен. Он не предан ни одной из сторон, а теперь, благодаря вашей помощи, ещё и силён настолько, что способен уничтожить даже такого могущественного мага, как Темный Лорд.

— В его причинах кроется нечто иное, — ответила Гермиона, вскинув голову и взглянув Северусу прямо в глаза. — Драко не знал о том, что у меня есть Сердце Исиды. Он не мог знать, что его ожидает подобное наказание, когда попросил меня у Ордена. Вы бы видели его, Северус: он знал, что его раны смертельны, и был готов умереть. Он смирился с ожидающим его концом.

— Вы уверены в этом? Вы никогда не думали, что все это время он мог просто искусно вами манипулировать? В конце концов, что он получает от встреч с вами? Вы даже не спите с ним. Он учит вас дуэльной тактике, обучает вас окклюменции. Какую пользу он получает от вас взамен?

Гермиона слегка побледнела, но сохранила твердость взгляда.

— Драко одинок. У него никого нет. Я единственная, кого он подпустил достаточно близко к себе. Наши встречи становятся все более продолжительными — Драко делает их такими. Он понимает, что из-за меня у него появилось слабое место, но все равно не может держаться от меня подальше. Именно так и работает сила его рун. Он не может сдерживаться, если желает чего-то слишком сильно.

— Ваше время истекло, мисс Грейнджер, — ответил Северус. Его тон был непреклонен: — Вы должны доказать, что у вас есть хоть какое-то влияние на него. До конца следующего месяца. Если вы не сможете убедить нас в этом, то должны будете передать Кингсли свои наиболее компрометирующие воспоминания о Малфое.

Гермиона смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она шокировано застыла.

— Вы не можете раскрыть его Пожирателям! — ее голос дрожал. — Он нужен нам. Все в Соппротивлении думают, что мы выигрываем войну, и это все благодаря ему. Гарри думает, что мы побеждаем. Если мы останемся без информации, которую приносит нам Драко, это станет сокрушительным ударом для Ордена.

Северус выглядел так, словно ее слова его совершенно не тронули.

— К счастью для Соппротивления, Драко стал настолько значимой фигурой среди последователей Темного Лорда, что его смерть сильно пошатнёт имеющийся баланс сил.

— Вы... не можете так поступить с ним.

— И почему же? Потому что он ваш..? И кто же он вам? Не совсем уверен, как можно назвать то, кем для него являетесь вы.

Гермиона сглотнула, но проигнорировала слова Северуса.

— Его будут пытаться. Он будет убит самым жестоким способом, и вы отлично знаете об этом. Даже то, что делают с подопытными в лабораториях Пожирателей, будет казаться милосердием по сравнению с тем, что ожидает Драко, если его раскроют. Вы... вы не можете так поступить с ним...

Северус повернулся и холодно посмотрел на неё сверху вниз.

— Вы отказываетесь подчиняться приказам, мисс Грейнджер? Вместо Гарри Поттера и Ордена вы выбираете Драко Малфоя?

Гермиона застыла. Казалось, даже время остановилось, пока она пыталась набрать воздуха в лёгкие. Она проваливалась в бездну, разверзшуюся внутри неё. В ней не осталось ничего, кроме пустоты.

— Нет, — ответила девушка безжизненно. — Нет. Я всегда остаюсь преданной Ордену.

Северус снова повернулся к своему котлу.

— Если бы он не был так полон самодовольства, он смог бы защитить себя, потребовав от вас Непреложный обет. Уверенность в собственной несокрушимости — это всегда главная слабость любого Темного мага, — он усмехнулся, помешивая зелье.

Гермиона покачала головой.

«Делай что хочешь. Ты и так можешь убить меня в любой момент, когда считаешь нужным».

— Вы ошибаетесь. Драко поступил так не из-за своего самомнения или уверенности в собственных силах. Он все отлично понимал. Все это время он осознавал, что может погибнуть из-за моих воспоминаний. Он знал, что Орден подставил его в июне, хотя я была слишком наивной, чтобы понять это. Его намерения не так просты, как кажутся. Просто мы не можем понять их. Мы упускаем что-то, — сказала она, сжимая кулаки и чувствуя, как ногти врезаются в ладони.

Северус взглянул на неё. Он выглядел огорченным.

— Вашему мнению в этом вопросе больше нельзя доверять. Вы поддались его влиянию.

Гермиона почти прорычала:

— Это не так! Грюм говорил, что я должна сделать все возможное, чтобы вылечить Драко. Я следовала приказам Ордена, когда исцеляла его, — она сделала резкий вдох. — Для Драко важно, чтобы я оставалась в живых. Моя жизнь по непонятной причине имеет для него значение. В чем бы ни состояла его конечная цель, он стал почти одержим тем, чтобы со мной все было в порядке. Но он не хочет мириться с этим. Драко в ярости от того, что не может перестать заботиться о моем благополучии, хотя это и мешает его планам. Он и сам понимает, что почти достиг предела. Почти сломался передо мной. Я смогу добиться его полной преданности Ордену. Все, чего я прошу, это дать мне ещё немного времени. Пожалуйста...

Лицо Северуса оставалось жестким.

— У вас было достаточно времени. Крайний срок — конец следующего месяца. Вы должны суметь заполнить его.

Гермиона чувствовала, что внутренне умирает. Ее легкие словно сжимало тисками.

— Вы сделали все, чтобы он погиб, но вина за его смерть будет лежать на моей совести, Северус.

— Вы сами подписались на это, когда согласились на эту миссию, — ответил он, отведя взгляд.

Гермиона сделала дрожащий вдох.

Северус взглянул на неё и добавил более мягким тоном:

— Когда Кингсли и Грюм решат разоблачить Драко, мы дадим вам час, чтобы предупредить его.

Гермиона сжала руки в кулаки и яростно посмотрела на него.

— Если вы считаете, что мне стало легче от этого, то вы плохо меня знаете, — ее голос дрожал.

Северус ничего не ответил.

Она чувствовала, как от подступающих слез сдавило горло. Гермиона с трудом сделала вдох и, развернувшись, поспешила выйти из комнаты.

Достигнув границы антиаппарационного барьера у дома Северуса, Гермиона сразу аппарировала.

Она снова оказалась в Уайткрофте. В конечном счёте она всегда оказывалась там. Гермиона остановилась возле дороги и с тоской посмотрела на видневшуюся неподалёку хижину. Приблизившись к ней, девушка замерла перед входом.

У неё не было причин приходить сегодня. То, что она появилась здесь, не

договариваясь о встрече, было нелогично и иррационально. Драко, скорее всего, будет в ярости, если она активирует защитные чары без весомого повода.

Она толкнула дверь хижины.

Драко появился в комнате прежде, чем она успела переступить через порог.

Он оглядел ее с ног до головы. Гермиона не отводила взгляда от его лица. Казалось, все то время, пока она не видела его, ее мучила жажда, а теперь она, наконец, получила глоток воды.

— Что ты делаешь здесь в такое время? — в конце концов спросил Драко.

Гермиона озадаченно моргнула.

— Я... — она замолчала, пытаясь придумать вескую причину для своего появления, — хотела узнать о сражении, случившемся в ночь перед Рождеством. Я... я волновалась.

Он приподнял бровь.

— Оно было два дня назад, Грейнджер.

— Я не могла прийти раньше. Мы потеряли много бойцов, — сказала она. — Я была нужна в больничном крыле.

— Значит, ты появилась здесь при первой же возможности? — В его глазах читалось сомнение.

Гермиона кивнула и приблизилась к нему. Она всматривалась в его лицо, пытаясь отыскать в нем... тень хоть какой-нибудь эмоции. Чего-то, что помогло бы ей понять, кем он был на самом деле.

— С тобой все в порядке, Драко?

— Грейнджер... — в его голосе слышалось беспокойство. — В чем дело?

— Ни в чем, — она опустила взгляд на его руки. Он прикасался к ней этими руками. Его пальцы скользили по ее коже и запутывались в ее волосах. Он сжимал ее шею своей ладонью, и она чувствовала огонь, разгорающийся у нее внутри.

Этим же руками он убивал людей. Он лишил жизни десятки или даже сотни волшебников. Среди которых были и ее друзья. Он убил Дамблдора...

Драко стал амбидекстром, потому что в течение многих лет планировал отрезать себе руку, чтобы обрести полную свободу. Чтобы стать кем-то, кто не будет нуждаться ни в Ордене, ни в Волдемorte.

— Я просто... я хотела убедиться, что с тобой все в порядке, — сказала Гермиона, оторвав взгляд от его рук и уставившись на дощатый пол под ногами.

Драко подошёл ближе, и она резко подняла на него свой взгляд. Его глаза были холодны. Гермиона хотела отодвинуться от него, но он схватил ее за запястье и

резко притянул к себе. Он заставлял ее отступать назад, пока ее спина не столкнулась со стеной. Драко стоял вплотную, возвышаясь над ней.

— С каких пор ты волнуешься обо мне? — спросил он с кривой ухмылкой. Его взгляд был жестким.

— Не знаю, — ответила она, чувствуя, что может расплакаться от своего признания.

Он усмехнулся.

— И что же случилось сегодня? Ты вдруг решила, что больше не можешь сдерживать свои чувства?

— Я просто хотела увидеть тебя.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Почему?

— Потому что боюсь, что однажды приду сюда, а тебя не... — ее голос сорвался. Гермиона повернула свою руку в его ладони и сжала его запястье в своих пальцах.

Глаза Драко сверкнули. Его хватка на ее руке оставалась такой же крепкой, а его лицо было всего в нескольких сантиметрах от ее.

Он вглядывался в нее несколько секунд, а затем его взгляд изменился. Гермиона увидела в его глазах вспышку какой-то эмоции. Чего-то, чему она не могла дать определения.

Он сделал резкий вдох, а потом тихо рассмеялся.

— Так значит, это наше прощание, Грейнджер?

— Нет! — Она сильнее сжала его запястье.

Ей было трудно дышать. Гермиона не отводила взгляда от его лица, сжав в свободной руке ткань его мантии. Пытаясь восстановить дыхание, она опустила голову ему на грудь. Драко пах кедром и дубовым мхом.

Она задрожала.

— Я... я просто хотела увидеть тебя.

Гермиона почувствовала, как его правая рука легла ей на плечо. Он скользнул пальцем по ее ключице, и тепло от его прикосновения медленно растекалось по всему ее телу. Она продолжала крепко сжимать его левое запястье в своей руке.

— Не... не умирай, Драко.

— Что случилось, Грейнджер?

— Все в порядке. Просто... я потратила слишком много времени, собирая твой

набор для исцеления. С твоей стороны будет невежливо умереть сразу после того, как я вручила его тебе. Поэтому... не смей умирать.

Он горько рассмеялся, и его хватка на ее плече усилилась. Гермиона почувствовала, как он опустил голову и прислонился лбом к ее макушке. Несколько секунд они простояли так, а потом Драко выпрямился.

— Только потому, что ты просишь, — ответил он. Его саркастичные слова прозвучали неубедительно. В голосе слышалась горечь.

Гермиона сильнее сжала пальцы на его запястье. Ей хотелось...

Ей так хотелось...

Но это не имело значения. Было неважно, чего она хотела. Ее желания уже давно ничего не значили.

Ради Гарри. Ради Рона. Все это стоило делать ради них.

Она сотни раз повторяла про себя эти слова, но вдруг они словно потеряли всякий смысл.

Драко был виновен во многих вещах, но он не заслуживал того наказания, которое ждёт его, если Волдеморт узнает о его предательстве. Тот факт, что она собственноручно подписывает ему смертный приговор ради жизней других людей, едва ли приглушил бы голос ее совести.

Для всех остальных она стала бы героем, осознала Гермиона с горечью. Для всего мира такой поступок оправдал бы все ее предыдущие ошибки. Но она сама никогда не смогла бы простить себя за это. Она не смогла бы жить, если бы своими руками убила Драко. Ее бы задушило чувство вины.

Гермиона выдохнула сквозь зубы, пытаясь собраться с мыслями.

— Грейнджер, что с тобой? — снова спросил Драко после того, как она молчала в течение целой минуты.

— Ничего. Просто у меня выдалось очень плохое Рождество, — ответила она напряженно.

Он издал слабый смешок и высвободил своё запястье из ее хватки. Отступив на шаг, Драко взглянул на ее лицо. Он сделал глубокий вдох.

— Ты не должна активировать защитные чары без крайней необходимости, — сказал он. — Ты не можешь появляться здесь просто потому, что у тебя выдался неудачный день или ты переживаешь из-за чего-то. Я не должен аппарировать сюда без веской причины, это может скомпрометировать меня. Если ты будешь продолжать приходить в хижину просто так, в следующий раз я буду вынужден хорошо подумать, стоит ли мне реагировать на твоё появление.

Гермиона почувствовала, как от лица отхлынула кровь.

Когда Кингсли и Грюм решат разоблачить Драко, мы дадим тебе час, чтобы предупредить его.

— Прости. Я больше никогда не появлюсь здесь без крайней необходимости, — пообещала она. Драко не выглядел убежденным ее словами. — Клянусь, — добавила Гермиона, смотря ему прямо в глаза. — Если я когда-нибудь активирую защитные чары, значит, это будет чрезвычайная ситуация.

Драко отрывисто кивнул.

— Ты дала мне слово, и я верю, что ты сдержишь его.

Она ответила ему слабым кивком головы. Драко беззвучно аппарировал из хижины.

Гермиона осталась стоять посреди пустой комнаты. Она не знала, что ей делать дальше.

48. Флэшбэк 23.

Декабрь 2002

В следующий раз, когда Гермiona появилась в хижине, на Драко были лишь брюки и рубашка. Она удивленно посмотрела на него.

Драко приподнял бровь и окинул себя взглядом.

— Мне вовсе не хотелось, чтобы ты запуталась в моей мантии, — сказал он, многозначительно растягивая слова.

Он пристально посмотрел на нее сузившимися глазами, прежде чем жестом позвать к себе.

— Учитывая, что ты не участвуешь в полномасштабных сражениях, нам нужно сконцентрироваться на расширении твоих навыков ближнего боя, — отрывисто начал он. — У вампиров, лесных ведьм или гарпий нет волшебных палочек, но все они очень опытные, когда дело доходит до нападения на волшебников. Они используют близкие контратаки, которые трудно отразить магией. Большинство волшебников изучают защитные заклинания, готовясь к дальнему бою, но умная лесная ведьма подберется к тебе на расстояние вытянутой руки за считанные секунды. Они в курсе, что боевые заклинания трудно насылать с близкого расстояния. У оборотней могут быть волшебные палочки, но большинство из них предпочитают рукопашный бой. Ты же... маленькая и слабая. — Гермiona фыркнула, и Драко мягко посмотрел на нее. — В любом бою ты окажешься в невыгодном положении. Ты должна научиться защищать себя творчески.

— Я поняла, — резко кивнула Гермiona в ответ.

Глаза Драко сверкнули, и он навис над ней.

— А теперь представь, что я вампир. Моя цель — твоя шея. У тебя нет напарника, который тебя прикроет. Пока ты отбиваешься от гитраша, я уже приблизился к тебе, — он шагнул ближе, пока их тела не соприкоснулись. — Твои действия?

Гермiona взмахнула палочкой вверх, но Драко был слишком близко, чтобы она могла выполнить движение, подходящее для большинства защитных заклинаний. Прежде чем она успела отпрянуть и сделать выпад назад, его рука резко ударила ее по запястью. Волшебная палочка вылетела из ее пальцев и покатилась по полу. Она развернулась к нему спиной, чтобы наклониться за ней, но рука Драко сомкнулась на ее запястье, и он дернул ее назад.

— Теперь ты обезоружена. Твой ход, Грейнджер, — он начал наклоняться к ее горлу, как будто собирался укусить ее.

Она вскинула левую руку, чтобы оттолкнуть его, но его вторая рука сомкнулась вокруг ее левого запястья. Гермiona попыталась высвободить руки, но его хватка была железной.

— Один совет, — непринужденно сказал Драко, пока она пыталась освободиться. — Не оставляй свои запястья открытыми. Как только я схвачу тебя за запястье, у

меня сразу появится значительное преимущество. Мне будет гораздо проще удерживать тебя, а твои тщетные попытки сбежать окончательно провалятся. То же самое касается и твоих ног. Будь осторожна, пиная ногой выше колена. Если тебя схватят за лодыжку, то через несколько секунд ты окажешься на земле. Удар коленом будет гораздо эффективнее. Удар по ногам противника тоже подойдет, но для этого ты должна будешь максимально задействовать свой вес. Бей изо всех сил ступни, лодыжки или боковые части коленей противника. Твоя цель: вывести его из строя или хотя бы отвлечь внимание. Удар коленом в пах подействует одинаково эффективно на всех: волшебников, вампиров, оборотней... даже ведьмы ненавидят его.

Гермиона попыталась ударить Драко коленом, но он, схватив ее за запястья, вывернул руку и легко уклонился от ее ноги.

— Видишь ли, когда твои руки оказываются в ловушке, твои возможности ограничены, а мои... почти безграничны в зависимости от того, что я хочу сделать с тобой дальше.

Его лекция начинала раздражать. Гермиона наступила Драко на ногу и пнула в голень. Он тихо зашипел.

— Лучше. Но если бы я был вампиром, у тебя бы уже не осталось сил сопротивляться. Тебе явно не хватает способностей к грязным приемам.

Он резко отпустил ее, и Гермиона, вырвавшись, повернулась к нему лицом. Драко серьезно посмотрел на нее.

— Грейнджер, если на тебя нападут, ты окажешься в меньшинстве. Даже если тебя не будут превосходить численно, физически ты никогда не будешь так же сильна, как большинство темных существ. Они сделают все возможное, чтобы убить тебя. Борьба будет складываться не в твою пользу во всех возможных проявлениях. Делай все, что будет в твоих силах, чтобы сбежать.

Гермиона коротко кивнула.

— Дерись с умом, — холодно продолжил он. — Будь хитрее. Когда твой противник сильнее, очень важно использовать его слабые места против него. Ты никогда не станешь сильнее оборотня, но они всегда теряют контроль над собой из-за жажды крови и поэтому ведут себя в нападении очень предсказуемо. Если ты будешь держать это в уме, то, возможно, сможешь пережить вашу встречу. Кроме того, — он бросил на нее быстрый взгляд, — не стесняйся бить в ответ, несмотря на то, что сейчас мы просто тренируемся.

Драко вернул ей волшебную палочку и снова напал на нее. И снова, и снова. Он был неумолим и раздражающе разговорчив. Он обезоруживал ее даже без помощи магии, а затем ставил ей подножку или выкручивал руку за спину, заставляя ее беспомощно падать на пол. Затем безжалостно твердил свои замечания, растягивая слова и действуя ей на нервы.

Гермиону все больше злило его поведение, а его, казалось, это только сильнее забавляло.

— Теперь я лесная ведьма, — объявил он с ухмылкой, прежде чем накинуться на нее в двадцатый раз. Гермиона бросила в него серию парализаторов, пытаясь

удержать приличное расстояние, но он легко уклонился от них, приближаясь к ней. Она постаралась присесть, чтобы увернуться от него, но Драко поймал ее за лодыжку. Девушка развернулась и попыталась бросить проклятие, но он выхватил палочку из ее руки и швырнул ту в угол, а затем уселся на ее бедра. — Сейчас я уже, наверное, вспорол бы тебе живот и начал бы поедать твои внутренности, — заметил он, небрежно проводя рукой по ее животу. — Рукопашный бой у тебя получается ещё хуже, чем танцы. А уж танцовщица из тебя точно была никакая.

— Я никогда раньше так не дралась, — раздраженно ответила Гермиона, изо всех сил пытаясь освободиться. — Ты хоть представляешь, сколько существует видов рукопашного боя? Я изучила десятки книг, но до сих пор не имею ни малейшего представления о том, какой вид борьбы мне предстоит изучать. — Она яростно сверкнула глазами и добавила, все еще находясь под ним: — В таком положении я могу заколоть тебя одним из своих ножей.

Он задумчиво посмотрел на нее и кивнул.

— Мы должны использовать тренировочные ножи. Я принесу набор в следующий раз.

Гермиона в недоумении посмотрела на него.

— Почему ты сегодня в таком хорошем настроении?

Несколько месяцев она была вынуждена терпеть его холодную ярость, а теперь он вдруг стал веселым и разговорчивым безо всякой на то причины.

С минуту он просто смотрел на нее, а затем ухмыльнулся.

— Наверное, я решил наслаждаться жизнью. А может быть, мне просто неожиданно приятно сидеть на тебе сверху.

Гермиона в изумлении посмотрела на него, пытаясь оценить, не был ли он под кайфом.

Драко встал и протянул ей руку. Девушка удивленно моргнула и приняла ее. Затем внимательно посмотрела на него.

Он выглядел странно счастливым... даже в какой-то степени был ласковым с ней. Гермиона же не могла разделить его радости. Она чувствовала себя на грани нервного срыва, даже просто сталкиваясь с ним взглядом.

Месяц. У нее был только месяц. Месяц, чтобы найти способ взять его под контроль.

Контролировать Драко. Даже если она и могла это сделать, Гермиона понятия не имела, как сможет доказать это Ордену.

«В конце концов, что он получает от встреч с вами? Вы даже не спите с ним. Он учит вас дуэльной тактике, обучает вас окклюменции. Какую пользу он получает от вас взамен?»

«Не совсем уверен, как можно назвать то, кем вы для него являетесь».

Гермиона почувствовала, что у нее начинается приступ паники. Она в отчаянии посмотрела на Драко.

— Не бойся использовать свои локти, — сказал он. — Когда ты отражаешь атаки с близкого расстояния, удар кулаком не будет результативен. Локти, в свою очередь, жёстче и идеально подходят для ближнего боя. Гораздо лучше той же самой пощечины.

— Пощечина когда-то подействовала на тебя довольно хорошо, — парировала Гермиона.

Драко едва заметно фыркнул.

— Если собираешься напасть на тринадцатилетнего ребенка, то непременно используй ее.

Гермиона нахмурилась.

— Еще раз, — сказал он, когда она отдышалась.

Драко бросился на нее. Вместо того, чтобы попытаться убежать, она двинулась к нему и в последний момент отступила в сторону. Он тут же развернулся, но она уже ударила его жалящим заклинанием и зацепила его лодыжку заклинанием подножки. Драко находился слишком близко к ней, поэтому у нее не было возможности снова воспользоваться палочкой. Она попыталась увернуться, но он схватил ее за руку, отбросил палочку и потянул за собой на землю.

Гермиона брыкалась, царапалась и рычала, пытаясь вырваться, но он весил по меньшей мере на пятьдесят фунтов больше. Она попыталась вырваться, но уже через минуту была полностью придавлена им.

— Если бы я был оборотнем, то уже разорвал бы тебе глотку, — тихо сказал он. Его губы были почти у основания ее шеи, и Гермиона внезапно осознала, что он прижимается к ней всем своим телом. Его дыхание касалось чувствительной кожи на стыке ее шеи и плеча. Его ноги были между ее ногами, и когда она попыталась освободиться, то ещё сильнее вжалась бедрами в его.

Он резко отпрянул и встал, свирепо глядя на нее. Его рот слегка приоткрылся, а глаза потемнели.

— Если ты когда-нибудь будешь сражаться с оборотнем, я бы не рекомендовал пытаться вырваться *подобным* способом, — произнес Драко напряженным голосом, вытаскивая палочку и снимая проклятие, попавшее в его ногу.

— И что же мне тогда делать?

— Сломай ему нос ударом головой, а когда он отпустит твои запястья, выколи ему глаза, — сухо ответил он. — Атакуй его колени, пах, глаза, лодыжки. Как я уже упоминал, ты должна вывести из строя своего противника.

— Верно, — она поднялась с пола и задумчиво посмотрела на него.

— Еще раз, — сказал Драко. Он снова напал на нее.

К тому моменту, как Гермиона аппарировала из хижины, она вся оказалась покрыта синяками. Драко снова и снова сбивал ее с ног, одновременно читая ей лекцию о предпочтительных методах нападения всех потенциально опасных темных существ.

Вернувшись на Площадь Гриммо, она спряталась в ванной и принялась растирать все тело настойкой растопырника. Гермиона потратила весь вечер, читая литературу по самообороне и просматривая свои заметки о Драко.

Она не знала, что делать. Не знала, как его контролировать. Не представляла, как доказать, что может добиться контроля над ним.

Гермиона не знала, чего именно он хочет. Ее. Каким-то образом... по какой-то причине... он хотел ее. Но она не понимала, как именно была связана со всем остальным планом в его голове.

Она тщательно перебирала свои воспоминания: пересматривала, упорядочивала, пыталась найти что-то, что могло бы помочь.

По ночам Гермиона лежала в постели и гадала, насколько сильно она рисковала, пытаясь продлить ему жизнь. Возможно, она действительно была скомпрометирована. Ненадежна. Быть может, Северус прав, и Драко было лучше умереть. Возможно, став настолько важной фигурой в армии Волдеморта, он просто пытался занять его место.

Но она никак не могла смириться с подобным вариантом. Отказывалась в него верить.

Девушка свернулась в клубок. Ей казалось, что она может умереть от охватившего ее отчаяния.

Каждую последующую неделю, пока Драко тренировал ее, она постоянно отвлекалась. Повторяла все движения механически, и Драко это заметил.

— Есть ли хоть какой-то смысл в трате моего времени на тебя, если ты даже не пытаешься ничему научиться? — спросил он с раздражением на лице.

Ее губы скривились. Гермиона почувствовала, как глаза защипало. Она отвела взгляд.

— Я просто больше не вижу в этом смысла.

Он смотрел на нее несколько секунд, слегка ошеломленный.

— Я думал, ты не хочешь умирать, — наконец ответил Драко.

— Если на меня нападет стая оборотней, маловероятно, что я это переживу. И если даже у меня получится выжить, меня будут буквально собирать по кусочкам, так что вряд ли такая жизнь будет вообще стоить борьбы, — тихо сказала она.

Он отодвинулся назад и пристально посмотрел на нее, будто что-то переосмысливая.

— Что случилось?

— Я устала, — ответила она, уставившись в пол. — Я устала от этой войны. Я устала пытаться спасти людей и смотреть, как они все равно умирают. Или же спасать их, а потом наблюдать, как они умирают позже. Я чувствую себя Сизифом, пойманным в свой личный ад. Я не знаю, как выбраться из него, и не знаю, как продолжать жить в нем дальше.

Драко на мгновение замолчал.

— Что же теперь будет с Поттером и Уизли, ради которых ты была готова на все? — его тон был полон презрения.

— Цена становится все выше. Не знаю, смогу ли я продолжать платить ее.

Его лицо напряглось.

— Полагаю, даже у мучеников есть свои пределы.

Гермиона вяло улыбнулась.

— Или, по крайней мере, плохие дни.

Она посмотрела на Драко, изучая его сдержанное выражение лица, похожее на маску, и то, как пристально он наблюдал за ней.

«Сдайся. Пожалуйста, сдайся», — молила она про себя. Гермиона видела это в его глазах, он колебался и был так близок к признанию.

Но в конечном счёте всегда отказывался переступить эту черту. Уступить ей. Всякий раз, когда она пыталась воззвать к его сердцу, его злоба всплывала наружу и заполняла все вокруг.

Он всегда становился особенно жестоким и язвительным, когда чувствовал себя уязвимым.

Возможно, если бы Гермиона была более стойкой, она смогла бы найти способ справиться со своей болью. Но Драко всегда знал, где резать, чтобы причинить ей наибольшую боль.

Что бы его ни сдерживало — она не знала, как подобраться ближе к нему.

Ее рука дернулась, и девушка почти дотянулась до него, прежде чем отпрянуть. Гермиона глубоко вздохнула и заставила себя подавить отчаяние и сосредоточиться на текущей ситуации.

— Ты прав. Мое время хандрить истекло, — сказала она, поднимаясь.

Гермиона схватила свою палочку с пола и встала в боевую стойку. Какое-то мгновение Драко задумчиво смотрел на нее, а потом вдруг набросился на нее.

Она отступила в сторону и сильно толкнула его, но он смог удержаться от падения и резко обернулся. Его рука схватила ее за запястье и заставила

выронить волшебную палочку. Гермиона толкнула его локтем под ребра, вывалилась и нырнула за палочкой.

Она схватила ту, вскочила на ноги и успела ударить его несколько раз, прежде чем он снова приблизился. Он дернул ее за руку и снова вырвал волшебную палочку. Гермиона попыталась зацепить его ногой за лодыжку, но он отскочил назад и увернулся, вывернув ей руку за спину. Она рывком высвободилась из его рук и почувствовала вспышку триумфа, прежде чем поняла, что он отпустил ее. Пользуясь небольшим расстоянием, он развернул ее, ударил по лодыжке ногой и швырнул на землю.

Гермиона извивалась, пытаясь освободиться, но Драко крепко держал ее за запястья.

Слегка зашипев от разочарования, она замерла, когда он склонился над ней.

— Ты все еще пытаешься выиграть скоростью, а не хитростью, — проворчал Драко.

Он отпустил ее запястья и встал.

— Еще раз.

Гермиона начинала уставать, но ей все же удалось продержаться на ногах дольше предыдущих попыток. Она дважды сбивала его с ног, но не смогла побороть. Когда он в очередной раз попытался прижать ее к земле, она резко качнулась в сторону, используя инерцию его тела, и они покатались по полу.

В конце концов он все равно оказался на ней сверху.

Она чуть не выругалась от досады.

— Уже лучше, — сказал он, тяжело дыша.

Его лицо было меньше чем в дюйме от ее, когда Драко взглянул на нее сверху вниз. Его руки сжимали ее запястья над головой.

Она чувствовала, как бьется его сердце.

Сегодня было 21 января, и следующая неделя станет для них последней. Затем она должна будет передать свои воспоминания о нем Кингсли.

Драко. Он был тем, кто беспокоился о ней больше, чем кто-либо другой. Кто посвятил ей время, которого у него практически не было, пытаясь научить ее сражаться, чтобы сохранить ей жизнь. Просто потому, что он хотел, чтобы она выжила.

С тех пор, как он сказал ей, что она может говорить ему «нет», он никогда ничего у нее не просил. Пока он продолжал смотреть на нее сверху вниз, выражение его лица оставалось закрытым, но глаза были сосредоточенными, словно он запоминал ее. Затем на его лице мелькнуло знакомое выражение горечи.

И она осознала причину.

Он ждал, что она предаст его. Он знал, что это случится. Что она всегда будет выбирать Орден.

Это было тем, что сдерживало его.

Он предвидел этот исход с самого начала, еще до того, как подобная мысль пришла ей в голову. И он все равно тренировал ее.

Она не могла этого понять. Какой смысл был во всем этом, если он ожидал, что его убьют из-за помощи Ордену?

Гермиона пристально посмотрела на него. Ей не нужна была книга, чтобы понять этот взгляд. Она ощущала его всем своим существом. Жар в животе, будоражащее ощущение в груди и гул в венах. Напряженность, с которой он изучал ее. Его руки сжимали ее запястья, а большой палец бессознательно скользнул по внутренней стороне ее руки, когда он окинул ее взглядом.

Он двинулся навстречу к ней. Гермиона затаила дыхание. Затем черты его лица ожесточились. Он убрал руки и начал подниматься.

Ладони Гермионы взметнулись вверх, она схватила его за рубашку, притянула к себе и прижалась своими губами к его.

Это не было медленным или нежным поцелуем. Или поцелуем, вызванным алкоголем или неуверенностью в себе.

Этот поцелуй состоял из ярости, отчаяния и желания, столь горячего, что оно грозило сжечь ее дотла.

Возможно, это был их прощальный поцелуй.

Когда Кингсли и Грюм решат разоблачить Драко, мы дадим вам час, чтобы предупредить его.

Драко замер, когда ее губы коснулись его губ, и она решила, что он просто оттолкнет ее. Она почувствовала его руку на своем плече и напряглась, углубляя поцелуй и крепче сжимая его одежду.

Он колебался.

Затем что-то будто сломалось у него внутри. Словно прорвало плотину, и Гермиона утонула в нем.

Он крепко обнял ее и яростно поцеловал в ответ.

Огонь, охвативший их, был подобен лесному пожару.

Долгие месяцы возрастающего напряжения и ожидания. Все это время она ждала, когда он решится сделать с ней то, зачем ее послали к нему. То, к чему ее готовил Орден.

Но это было лишь уловкой с его стороны. Прикасаюсь к ней, целовать ее, «желать» ее. Ложный ход, чтобы скрыть свои истинные мотивы. Требовать ее

было той же самой формой дезориентации, которую он учил ее использовать в окклюменции.

Все было ложью...

До тех пор, пока вдруг не стало правдой.

Она изменила его отношение к себе. Манипулировала им, чтобы занять то самое место, которое, как он притворялся, занимала с самого начала.

Гермиона скользнула пальцами по его плечам. Одной рукой он схватил ее за волосы, дергая за косы, а другой потянулся вниз и распахнул ее рубашку, отодвинув в сторону лифчик. Он с такой силой сжал ее грудь, что она зашипела ему в рот.

Она не переставала целовать его. Ее пальцы скользнули по его волосам и сухожилиям на шее и замерли, врезаясь ногтями в его плечи.

Несмотря на то, как холодно он всегда себя вел, его имя было подходящим. Он был драконом, который удерживал вокруг себя ледяные стены, в то время как в его сердце горел огонь.

Они яростно срывали друг с друга одежду. Его рубашка потеряла несколько пуговиц, когда Гермиона разорвала ее и укусила его за плечо. Чувствовать его рядом, оставлять на нем отметины. Его тело было ей так знакомо. Она уже успела запомнить ощущение его кожи под ее ладонями.

Драко провел руками вверх по ее телу, вдоль изгибов, над которыми смеялся и которые считал тощими. Он целовал ее грудь, запуская пальцы в косы и оттягивая волосы назад, пока она не застонала и не запрокинула голову.

Его губы скользили от ее шеи к плечу, он целовал и покусывал ее ключицу, пока не почувствовал, как она гортанно застонала и выгнулась навстречу ему.

Все происходило быстро. Жестко. Это было похоже не на романтический порыв между ними, а скорее на столкновение двух противоположных сил.

Он раздвинул ее ноги и вошел в нее одним резким толчком. Затем остановился и поцеловал ее, прежде чем снова начать двигаться.

Гермиона подавила крик боли и заставила себя не напрягаться и не отстраняться.

Это было больно.

Она знала, что такое возможно, если не сделать все медленно. Но боль все равно застала ее врасплох.

Возможно, он предполагал, что до него были и другие.

Гермиона была рада, что ощущала боль. Она распутничала ради войны. Она соблазнила Драко после того, как он совершенно ясно дал понять, что не хочет пересекать эту черту. Она манипулировала им, придерживаясь своих целей.

Она хотела, чтобы все происходящее причиняло ей не меньшую физическую боль, чем душевную.

Его тело было намного мощнее и практически обволакивало ее. Руки Драко запутались в ее волосах так сильно, что она едва могла шевелить головой, когда он встретился с ней взглядом и снова вошел в нее.

Его челюсть была напряжена. Выражение его лица оставалось таким же непроницаемым, как и почти всегда. Та самая жесткая линия его рта.

Но его глаза... напряженность в них, когда он смотрел на нее, была обжигающей. По этому выражению лица она могла бы сказать...

Он принадлежал ей.

Это осознание разбило ее сердце.

Гермиона заставила себя не выказывать никаких признаков дискомфорта. Она двинула бедрами навстречу его движениям и сжалась вокруг него, проводя ногтями по его спине. Она обхватила ногами его бедра, позволяя ему проникнуть еще глубже.

Драко зашипел и опустил голову ей на плечо, глубоко входя в нее. Угол его движений, их интенсивность поразили не только его — она всхлипывала и задыхалась возле его уха.

Его толчки слегка замедлились, и он поднял голову. Он выскользнул из ее волос и поймал ее руки, переплетая их пальцы. А затем поцеловал ее. Его обжигающие душу поцелуи заставляли ее грудь болеть каждый раз, когда она отвечала на них.

Он сменил темп на более медленный. Угол проникновения изменился, и их тела, казалось, становились единым целым. Гермиона с тревогой поняла, что каждое его движение к ней навстречу уничтожает ее чувство контроля. Внутри ее тела зарождался огонь, и она не знала, как спастись от него или обуздать его.

Драко целовал ее. Горячо. Оставляя на ней синяки. Почти наказывая своими поцелуями, он схватил ее за руки, продолжая входить в нее. Боль притупилась до более слабой пульсации посреди огня ощущений, которые пронизывали все ее тело.

Еще несколько сильных, глубоких толчков, затем его бедра дернулись, и Драко издал хриплый стон, опуская голову рядом с ней. Его дыхание скользнуло по ее коже, когда он, тяжело дыша, приблизился к ее уху и поцеловал в плечо.

Гермиона неподвижно лежала под ним. Она вдруг почувствовала, как грубые половички впиваются в ее кожу. В комнате внезапно стало очень холодно.

Единственное, о чем она могла думать, это о том, какое облегчение она испытала, когда не кончила вместе с ним.

Драко оставался внутри нее в течение нескольких секунд, а затем резко напрягся и отстранился. Выражение его лица было напряженным, и он даже не взглянул в ее сторону, пока хватал свою одежду с пола. Он быстро принялся

натягивать на себя рубашку и брюки.

Гермиона медленно села, внимательно наблюдая за ним. Одеваясь, он становился все бледнее и бледнее. Выражение его лица было одновременно недоверчивым и испуганным.

— Черт... — выругался он себе под нос, проводя рукой по волосам.

Драко казался странно опустошенным.

Он прикрыл рот ладонью и посмотрел ей прямо в глаза. Какая бы мысль ни посетила его, казалось, это вызывало у него что-то схожее с приступом паники.

Он судорожно сглотнул, и закрыв глаза, натянул рубашку. Затем снова открыл их. Казалось, он взял себя в руки. Драко глубоко вздохнул и повернулся к ней. Выражение его лица было напряженным.

Когда он снова посмотрел на нее, его взгляд упал на ее ноги, и он побледнел.

— Ты была девственницей? — прохрипел он.

Гермиона посмотрела вниз. На ее бедрах была кровь.

— Да, — ответила она. — Когда ты впервые поставил свои условия, предполагалось, что это именно то, чего ты хочешь.

Малфой выглядел так, словно его сейчас вырвет. Его челюсть была плотно сжата, и он просто продолжал смотреть на нее.

— Я... — голос его сорвался. — Я... был бы мягче... если бы знал, — наконец сказал он.

Гермиона скрестила колени, чтобы скрыть кровь, и подтянула свои ноги ближе к телу.

— На самом деле, я не хотела, чтобы ты был мягче.

Он поджал губы, выглядя странно потерянным.

Она не могла понять, почему это так сильно изменило его. Почему именно секс с ней стал каким-то решающим ударом, словно означавшим его поражение.

Хотя, вероятно, он таковым и являлся. После того, как Драко поцеловал ее, когда они оба были пьяны, он провел между ними четкую линию. Ту самую, за пределы которой не позволял ей заходить.

Если он ожидал, что она в конце концов убьет его, то, возможно, мысль о том, чтобы пересечь эту границу, казалась ему невыносимой.

Но это не объясняло всего остального, что он сделал. Если он ожидал, что она его выдаст, зачем занимать все более высокое положение? Зачем пытаться избавиться от Темной метки?

Его истинный мотив подпитывала руническая магия. И если сейчас он потерял

контроль, это могло бы склонить чашу весов в ее сторону. Вероятно, он боялся, что больше не сможет сконцентрироваться на своей цели. Как и произошло сегодня — его одержимость и чувство собственности взяли верх над его контролем. Драко принадлежал ей. И, возможно, будет принадлежать всегда, если она будет достаточно хитра, чтобы воспользоваться этим.

Было что-то ироничное в том, чтобы соблазнить кого-то в надежде, что это каким-то образом спасет ему жизнь. Уголки ее губ слегка дрогнули.

Гермиона обхватила колени дрожащими руками.

Она получила то, чего хотела, и будет горевать о цене позже. Девушка вернула стены окклюменции на место. Она не собиралась думать ни о чем кроме того, что происходило с ней сейчас.

Он был у нее в руках. По какой-то причине он был у нее в руках. Теперь она должна найти способ воспользоваться этим преимуществом.

Драко заметил выражение ее лица.

— Выглядишь довольной, — сказал он с горечью в голосе, скривив губы. — Похоже, тебя радует, что твоё распутное поведение в конечном счете возымело успех. Счастлива узнать, что твоя шахматная фигура снова в игре?

Гермиона даже не вздрогнула от его оскорбления. Она медленно сжала руки в кулаки, а затем заставила себя разжать их.

— Это было моей работой, — тихо сказала она. Не было никакого смысла в отрицании. — Ты должен был понимать, что это всегда было моей задачей.

— Конечно, — сказал он пустым голосом, не глядя в ее сторону. Его руки безвольно висели, как будто он не знал, что с ними делать. — Я просто... я никогда не думал, что ты действительно добьешься успеха. Я не хотел тебя... когда потребовал... я действительно не хотел тебя.

— Я знаю. — Она отвела взгляд. — Я поняла с самого начала, что все это было притворством.

Ее кожа горела от холода. Хижина не отапливалась, но до этого момента Гермиона даже не подозревала, насколько там было холодно.

Он сдавленно рассмеялся себе под нос и снова посмотрел на нее.

— Ну конечно.

Последовала пауза. Гермиона начала натягивать на себя одежду. Драко отвел взгляд.

— Я не собирался предавать ваш Орден, — наконец произнес он мертвым голосом. — Я никогда не планировал этого. Вы уже проигрывали, когда я пришел, и, вероятно, до сих пор проигрываете. Но... меня это никогда не волновало. Я стал шпионом не из-за этого. Я хотел отомстить за свою мать. И был готов умереть в процессе. — Он смотрел в пол, когда говорил. — К сожалению, к тому времени, когда мне представилась возможность предложить свои услуги, она

уже слишком долго была мертва. Это не могло стать «правдоподобным» объяснением.

Горечь на его лице была неподдельной. Он выпятил челюсть и посмотрел в потолок, запрокинув голову назад.

— Я и не подозревал, что существуют временные ограничения для скорби.

Драко посмотрел на нее, и выражение его лица стало злобным и презрительным. Его глаза сверкали.

— Поскольку это не являлось правдоподобной причиной, мне пришлось придумать что-то, что я якобы хотел получить от Ордена. Поэтому я решил потребовать помилование. Но я понимал, что и это вряд ли окажется правдоподобным условием. Я знал, что мне понадобится контакт для общения с Орденом, поэтому потребовать девушку и притвориться, будто у меня есть какой-то интерес к ней, показалось мне прагматичным решением. Способом сыграть в сказочку о влюблённом Пожирателе Смерти. — Он слегка улыбнулся. — Но большинство ведьм Соппротивления, вспыльчивые и сражающиеся на поле боя, постоянно рисковали своими жизнями. Их всегда могли убить или схватить в плен, и из-за этого я бы либо лишился своего прикрытия, либо был вынужден постоянно менять контакты.

Он сглотнул, и его рот искривился.

— А потом я вспомнил о тебе. Я много лет считал, что ты умерла, но потом Снейп сообщил, что ты являлась целителем Ордена. Когда ты пришла мне в голову, я думал, что нашел идеальное решение. Тебя держали в безопасных домах, а значит, не было никакого риска, что тебя схватят или убьют. И ты была достаточно прагматичной, чтобы согласиться, если решила бы, что это спасет твоих друзей. Все действительно шло идеально. Когда я сказал, что мои условия — ты и помилование, они тут же купились. Очевидно, фраза «сейчас и после войны» была настолько абсурдной, что вы сразу восприняли ее всерьёз.

Драко усмехнулся.

— Как будто я предал бы Темного Лорда ради шанса завладеть тобой. — Он закатил глаза. — Я знал, что они потребуют от тебя попыток заставить меня влюбиться в тебя, добиться от меня преданности и гарантировать, что я не устану от тебя и не передумаю. Но... вспомнив, какой стервой ты была еще в школе, я понимал, как сильно ты ненавидишь меня за убийство Дамблдора, и был уверен, что у тебя ничего не получится. Я даже считал, что это будет забавно: наблюдать, как ты пытаешься и терпишь неудачу раз за разом.

Он продолжал смотреть в пол.

— Но ты переиграла меня, — признал Драко. — Или, может, я слишком устал тосковать, чтобы продолжать отталкивать тебя. Это вряд ли имеет значение. Ты победила.

Он прислонился к стене и закрыл глаза.

Гермиона скептически посмотрела на него, натягивая на себя оставшуюся одежду. Она не была уверена, какую карту он решил разыграть на этот раз?

Сделать вид, что уступает ей? Сыграть в исповедь?

Его часть истории была достаточно правдоподобна. Это совпадало со всем, что она отмечала в нем. Гермиона лишь сомневалась в утверждении, что мать была его истинной причиной. Она рассматривала эту возможность бесчисленное количество раз и всегда отвергала ее.

— Неужели? Хочешь сказать, что ты перешел на другую сторону только потому, что твоя мать умерла? — она намеренно громко фыркнула, не веря своим ушам, и встала. — Ее смерть едва ли была виной твоего хозяина. И что же? До этого ты случайно стал самым заметным участником войны? Хотя, возможно, ты просто не обращал на этот факт внимание в течение пяти лет, а потом — о боже, что? Годовщина ее смерти миновала, и ты впал в такую меланхолию, что решил прибежать к нам?

Конечно, она дразнила его. Гермиона была уверена, что это выведет его из себя. Возможно, если она достаточно раззадорит его, он действительно скажет правду.

Глаза Драко резко открылись, и он побледнел от гнева.

— ДА ПОШЛА ТЫ, Грейнджер!

Гермиона слегка дернулась. Кожа на ее спине и плечах местами была исцарапана до крови, а низ живота слегка болел. Она чувствовала, как сперма скопилась в ее нижнем белье, создавая ощущение жжения между ног. Девушка сглотнула и заставила себя не обращать на это внимания.

— Ты Пожиратель Смерти, — холодно сказала она, скрестив руки на груди и глядя на него сверху вниз. — Неужели ты думаешь, что я забуду все то, что ты сделал? Вообразу, что ты добился своего звания из-за своей восхитительной личности? Ты убил Дамблдора. Ты убивал моих друзей. Ты пытал людей до смерти. И что же? Считаешь, что раз ты упомянул свою мать, мы сразу все забудем? Это не вопрос срока давности твоего горя. Если бы ты хотел, чтобы мы поверили в твоё намерение отомстить своему хозяину за смерть матери, то, возможно, тебе не стоило тратить все это время на убийства в его честь, прежде чем ты решил перейти на нашу сторону. После того, как ты начал эту войну. После того, как ты решил стать Пожирателем Смерти.

Драко снова взглянул на нее, и его лицо исказилось от ярости, когда он наклонился и разорвал рукав, прикрывающий левую руку. Выставляя напоказ свою уродливую черную татуировку.

— Ты хоть знаешь, зачем мне это было нужно? — спросил он, сверкнув зубами и насмешливо глядя на нее. — Ты когда-нибудь задумывалась об этом?

Он оттолкнулся от стены и направился к ней через всю комнату.

— После того, как ты и твои дружки бросили моего отца в Азкабан, Темный Лорд пришёл в мой дом, — сказал он, и глаза Гермионы расширились. — Я еще даже не вернулся из школы. Когда я добрался до дома, он уже ждал меня. Он держал мою мать в клетке в нашей гостиной. Он истязал ее почти две недели.

Его дыхание было прерывистым и неровным.

— Думаешь, у тебя есть какой-то выбор, когда Темный Лорд говорит тебе принять Метку? Ты продала себя, чтобы спасти тех, кто тебе дорог. Неужели ты воображала, что я намеренно буду проваливать свои задачи в качестве Пожирателя Смерти, когда я даже не был тем, кого наказывали за это? Убить Дамблдора и подняться по служебной лестнице было единственным способом вытащить ее оттуда.

Гермиона почувствовала, что бледнеет.

— Я не знала.

Его челюсть дрожала, когда он смотрел на нее сверху вниз.

— После ее смерти за мной следили. Темный Лорд не глуп, он знал, что я буду сомневаться в своих действиях, потеряв ее. Мне нужно было вновь завоевать его доверие, прежде чем я рискнул бы что-то сделать. Я не один из твоих наивных дружков. Если бы я связался с Орденом в следующие выходные после ее смерти, неужели ты думаешь, что возникли бы хоть какие-то вопросы о том, кто был шпионом? Мне потребовалось время, чтобы подобраться достаточно близко, чтобы действительно узнать что-то важное.

Драко отвернулся, а его голос стал хриплым.

— Она... она так и не оправилась после пыток. Судороги... они не прекращались, особенно после такого длительного использования Круциатуса. Я даже не знаю, что еще он сделал с ней... до того, как я добрался до неё... — его голос дрогнул. Он откинул волосы с лица и, казалось, с трудом дышал. — Все лето... я не мог... не мог ничего сделать, кроме как говорить ей, что мне очень жаль.

Драко отвернулся и прислонился спиной к стене, будто пытаясь не упасть.

— Он держал ее в клетке несколько месяцев, она все еще была там, когда я вернулся в школу. После того, как я убил Дамблдора, он выпустил ее. Но потом он остался и жил в поместье вместе с нами. Она едва могла с этим справиться. Она боялась любого звука и просто съеживалась на полу из-за постоянных приступов.

Он дышал так быстро, что у него тряслись руки, и продолжал говорить. Слова просто лились из него.

— Моя мать... она... она никогда не была сильной. Она чуть не умерла, когда была беременна мной, и так и не оправилась от этого. После этого она стала хрупкой. Мой отец всегда говорил, что мы должны заботиться о ней. Он заставлял меня клясться снова и снова по мере того, как я становился старше, что я всегда буду заботиться о ней. Когда Темный Лорд наконец покинул поместье... я попытался увезти ее подальше: куда-нибудь, где он не смог бы найти ее или снова причинить ей боль. Но она всегда отказывалась, боясь оставлять меня.

Он прижал ладони к глазам.

— Я пытался позаботиться о ней. Я пытался защитить ее. Я пытался придумать способ нашего побега... а потом... она сгорела заживо в поместье

Лестрейнджей...

Его голос сорвался, и он опустился, спиной к стене и продолжая дрожать.

Гермиона почувствовала, как у неё сжимается сердце.

Он всегда так отчаянно защищал свою мать, даже в школе. Когда кто-нибудь оскорблял его отца, Драко мог рассердиться, но малейший намек в сторону его матери вызывал в нем ярость.

Шокирующее превращение из школьного хулигана в убийцу, способного убить Альбуса Дамблдора, внезапно обрело смысл. Волдеморт бросил его в пекло с возможностью взяться за оружие или потерять единственного человека, о котором он заботился и за которого чувствовал себя ответственным. Забота о Нарциссе Малфой выковала его смертоносность, холодную способность просчитывать и раздвигать границы дозволенного.

— Мне очень жаль, Драко, — сказала она, чувствуя слабость от шока.

— Я не нуждаюсь в твоём фальшивом сочувствии, Грейнджер, — прорычал он. Его голос дрожал.

Вероятно, он никогда не рассказывал никому о том, что произошло. Северус не знал об этом. Его друзья не могли этого знать. Он носил это бремя с собой уже много лет, стараясь загладить свою вину. А потом появилась Гермиона, которая медленно и безжалостно манипулировала им, заставляя заботиться... о ней самой.

Неудивительно, что он был опустошен, осознав это.

— Я не лгу, — сказала она. — Мне очень жаль. Я искренне сожалею о том, что с ней случилось. И мне очень жаль, что я так поступила с тобой. — Гермиона придвинулась к нему еще ближе.

Он выглядел таким одиноким.

Она осторожно положила руку ему на плечо, почти ожидая, что он в ярости швырнет ее через всю комнату. Но после секундного колебания он опустил голову ей на плечо.

Она притянула его к себе. Он на мгновение застыл, а потом схватил ее за плечи и обнял. Гермиона никак не ожидала увидеть его таким уязвимым.

— Я не могу... я больше не могу... — повторял Драко, дрожа всем телом.

Гермиона не знала, что ей делать. Она провела пальцами по его волосам и затылку, а он все продолжал повторять эти слова снова и снова.

— Я не могу... я не смогу делать это снова, — выдохнул он. — Я больше не могу ни о ком заботиться. Я не могу... я не смогу этого вынести.

Гермиона положила руку ему на щеку и почувствовала, как его слезы скользят по ее коже и вниз по запястью.

— Мне очень жаль. Прости меня. Мне так жаль, Драко, — она повторяла эти слова снова и снова. Она извинялась перед ним за все.

Впервые Драко Малфой оказался для нее живым человеком. Она проскользнула сквозь его стены и защитные слои из злобы и жестокости и добралась до самого центра, обнаружив там его разбитое сердце.

И она собиралась воспользоваться этим.

Примечание к части

Арт к главе

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CAQnuP3npUn/>

Примечание к части Долгожданная для многих глава. В процессе перевода которой мы приняли волевое решение убрать сроки по выкладке глав. Честно говоря, свободного времени у нас после вынужденной изоляции стало только меньше, а желающих прочитать перевод в течение 10 дней ещё больше. Но жертвовать качеством ради быстрой выкладки мы не готовы. Это не значит, что мы забрасываем эту историю, просто пробуем двигаться дальше в комфортном для себя ритме.

Всем спасибо за понимание.

49. Флэшбэк 24.

Январь 2003.

Когда Драко успокоился, Гермиона убрала ладонь от его лица и внимательно посмотрела на него.

Когда он встретился с ней взглядом, выражение на его лице было настороженным и полным горечи.

Ее другая рука все ещё лежала на его плече. Несколько минут они просто молча смотрели друг на друга. Воздух в комнате словно вибрировал от повисшего в нем напряжения.

Она смогла заполучить его. Она сделала то, что ей было приказано, но все ещё не знала, как сможет доказать это Кингсли и Грюму. Что, черт возьми, ей нужно было сделать, чтобы они поверили, что она в состоянии контролировать Драко?

— Если ты не собирался предавать Орден, зачем было так стараться занять более высокое положение в армии Волдеморта? — наконец спросила она.

Глаза Драко были ясными, словно гладь зеркала. На его лице снова застыло привычное нечитаемое выражение. Он ухмыльнулся ей в ответ.

— Было очевидно, что вы приняли мое предложение только потому, что находились в отчаянном положении. Даже если священный Орден Феникса имел репутацию общества людей, держащих свое слово, то ожидать того же от Кингсли и Грюма было бессмысленно. Они оба стратеги. Обещание простить все мои преступления в случае победы Ордена в войне выглядело почти смехотворным. Я полагал, что ваша сторона выдаст меня сразу, как только я перестану быть полезным, и воспользуется хаосом, который начнется в рядах Пожирателей после моей смерти. Поэтому, — его губы скривились, — я решил, что чем выше будет мое положение в армии Волдеморта, тем больший удар я смогу нанести по его силам.

Гермиона крепче сжала его плечо.

— Зачем было убивать Гиббона?

Драко сузил глаза:

— Я лишь довёл до конца незаконченное дело. Он был одним из тех, кто вносил предложения о том, как лучше пытать мою мать.

— И поэтому ты решил расчленить его?

Выражение лица Драко внезапно стало холодным, словно лёд.

— Как много шпионов у Ордена?

— Нет никого с таким же доступом к внутренней информации, как у тебя. Зачем ты отрезал его руки и ноги?

Несколько мгновений он ничего не отвечал.

— Я хотел выяснить, получится ли у меня избавиться от его Темной метки. Я пытался сделать то же самое со своей Меткой до того, как умерла моя мать. Я решил предпринять ещё одну попытку, раз уж все равно собирался убить Гиббона. Но у меня ничего не вышло. От этой чертовой хрени невозможно избавиться.

Гермиона посмотрела на него с сомнением. Он говорил правду? Или лишь часть правды? Она не была уверена.

— Зачем ты поцеловала меня? — резко сменил он тему. — В чем был смысл... всего этого?

Гермиона опустила взгляд. Когда она решилась снова посмотреть на Драко, он все ещё внимательно изучал ее лицо.

— Я не знала... что ты не должен был пережить своё наказание тогда, в июле. Все было очевидно, но я не понимала этого.

Драко горько рассмеялся.

— Никто не ожидал, что мне удастся исцелить тебя. Когда Кингсли и Грюм поняли, что ты становишься все более значимой фигурой среди Пожирателей и пытаешься избавиться от Темной метки, они решили, что ты собираешься отобрать власть у своего хозяина. Что все это время ты шпионил для Ордена, чтобы в итоге натравить обе стороны друг на друга и стать следующим Темным Лордом.

Он снова безрадостно усмехнулся:

— И ты поверила в это?

— Нет. Но из-за того, что я исцелила тебя, Орден посчитал меня скомпрометированной. Я... я больше не... они решили, что моему мнению больше нельзя доверять. Мне дали время до конца месяца, чтобы доказать, что у меня есть контроль над тобой. Я думаю... — она издала горький смешок. — Думаю, что таким образом они хотели дать мне возможность попрощаться с тобой.

— Значит, это было что-то вроде прощального перепиха? Платой за оказанные мной услуги? — его губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Нет. Это было... — ее подбородок задрожал, и она отвела взгляд. — Я... это не было... все было не так.

Ее пальцы сильнее вцепились в его мантию. Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Почему ты не заставил меня дать Непреложный обет, когда я предлагала?

Уголок его губ дрогнул.

— Я не нуждался в том, чтобы ты не смогла предать меня только из-за того, что я сделал тебя неспособной к этому. Кроме того, за тобой всегда стояли Кингсли и Грюм, которые могли бы расправиться со мной и без твоей помощи.

Гермиона коротко кивнула. Ее горло словно сдавило тисками. На несколько секунд она опустила глаза, а затем снова встретила с ним взглядом.

— Я не... Я не могу выбрать тебя... вместо Ордена. В мире так много людей... Они надеются на нас. Лишь в Англии Сопротивление все ещё продолжает бороться. Я не могу забыть обо всех магглорожденных волшебниках и выбрать тебя. Если Орден проиграет войну... у них не останется никакой надежды.

— Я это знаю, — голос Драко звучал глухо. Его глаза сверкнули, когда он посмотрел на нее. Выражение его лица было жестоким, даже насмешливым.

Больше он не добавил ни слова.

Ее хватка на его плече ослабла, и она неверяще рассмеялась.

Он даже не хотел жить. Драко мечтал отомстить и был готов погибнуть, добиваясь своей цели. Он переживал за неё, но его беспокойство о ее безопасности не было достаточной причиной для того, чтобы он снова захотел жить.

Все попытки Гермионы были тщетными с самого начала. Она только все ещё больше испортила.

Все из-за того, что Грюм, Кингсли и Северус не рассказали ей о своих настоящих планах. Заставили ее поверить, что она будет принадлежать Драко. Что так будет всегда.

И она убедительно отыграла свою партию.

Но на самом деле все было напрасно... потому что Драко с самого начала все понимал. Он всегда знал правду.

Гермиона с трудом дышала, пока пыталась осознать это.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но затем передумала. Драко усмехнулся и отвёл взгляд от ее лица.

— Хорошо, — наконец ответила она безжизненным голосом, слабо кивнув. Казалось, в ее сердце вонзили нож. Прodelали дыру в ее груди и оставили истекать кровью.

Гермиона сглотнула.

— Они сказали... — голос подвёл ее. — Они сказали, что позволят мне встретиться с тобой, прежде чем раскроют тебя Пожирателям. Я приду, чтобы предупредить тебя. Прости меня, Драко.

Он никак не отреагировал на ее слова. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Оно оставалось все таким же холодным.

Гермиона оглядела его лицо, обращая внимание на все детали, которые и так знала наизусть: его волосы и острые скулы, его серые глаза, тонкие губы и ровные зубы, жесткую линию челюсти, бледную кожу шеи, исчезавшую под воротником его чёрной рубашки. Уголок воротника топорщился в сторону, и Гермиона протянула руку, чтобы расправить его.

— Мне... мне так жаль, Драко.

Гермиона убрала ладонь с его рубашки и попробовала подняться с пола. В комнате не хватало воздуха. Она пыталась восстановить дыхание, но ей отчаянно не хватало кислорода.

Она чувствовала, что скоро потеряет сознание.

— Так скажи мне, Грейнджер, что случится с тобой после всего этого? После того, как ты выберешь Орден... — голос Драко заставил ее остановиться.

Она повернулась обратно к нему и озадаченно моргнула:

— Что случится со мной?

— Да. — Он обхватил ее подбородок пальцами и слегка откинул ее голову назад, так что Гермиона теперь смотрела прямо в его холодные серые глаза. Драко изучал ее лицо, прищурив взгляд. — Что будет с тобой?

— Если ты... умрешь?

Он ответил коротким кивком.

Гермиона никогда даже не задумывалась об этом. Все ее мысли крутились вокруг того, как сделать так, чтобы Драко остался в живых. Она даже не думала о том, что будет делать, если у неё ничего не выйдет.

— Я не знаю, — ответила девушка, рассмеявшись. Казалось, она была на грани истерики. Гермиона высвободила свой подбородок из его пальцев. — Меня уже почти заменили в лазарете, — добавила она, пожав плечами. — Быть может, меня просто предложат следующему Пожирателю, который решит стать шпионом Ордена.

— Прекрати шутить. Я хочу услышать серьёзный ответ.

В его голосе слышалась едва сдерживаемая ярость.

Гермиона встретила с ним взглядом и усмехнулась.

— Я пообещала, что буду принадлежать тебе, Драко. Сейчас и после войны. Я поклялась в этом. Я не строила других планов на свое будущее.

Выражение его лица на мгновение дрогнуло, а затем его черты снова ожесточились.

— Я думал, ты не хочешь умирать. Уверен, есть что-то стоящее, ради чего ты ждёшь окончания войны.

Она горько улыбнулась.

— У меня... ничего не осталось, Драко. Мне нечего ждать.

Драко молчал. Она сжала губы и приготовилась встать с пола. Ей хотелось уйти. Комната начинала расплываться все сильнее.

— Я дам Непреложный обет, — вдруг сказал он. — Я выполню любое чертово обещание, которое заставит меня дать Грюм. Это будет считаться достаточным доказательством твоего контроля надо мной?

Гермиона резко перевела на него взгляд. Его лицо оставалось холодным, но в глазах горел огонь.

— Ты действительно сделаешь это? — неверяще спросила она.

Он выглядел уставшим, но в нем словно все ещё горел какой-то внутренний огонь, не дававший ему угаснуть окончательно.

— Передай мои слова Грюму. Думаю, он все ещё не будет против того, чтобы стать связующим для клятвы.

Гермиона медленно кивнула, не отводя от него ошеломленного взгляда. Драко вздохнул и потянулся рукой к ее шее, погладив пальцами ее кожу.

Гермиона почувствовала, как у неё сбилось дыхание.

— Зачем тебе это? — спросила она, внимательно всматриваясь в его лицо.

Он усмехнулся и опустил руку.

— Я вдруг понял, что не принял во внимание все обстоятельства. Мне не приходило в голову, что после встреч со мной ты можешь стать настолько... востребованной.

Он отвёл взгляд.

В некоторых отношениях Малфои ближе к тому, чтобы быть драконами, чем волшебниками. Они не делятся своим. Они одержимы тем, что считают своим.

Ей вдруг захотелось рассмеяться. Гермиона с усилием сглотнула.

— Ладно, тогда я... — она чувствовала, что ей нужно сказать ещё что-нибудь. — Я... я поговорю с Грюмом.

Драко молча кивнул.

Он не сказал ни слова, когда она встала и подняла с пола свою сумку. Его рука слегка дернулась вперёд, когда Гермиона повернулась, собираясь уйти. Он так и не поднял на неё взгляда, даже когда она ступила за порог дома. Гермиона взглянула на него, прежде чем закрыть за собой дверь хижины: Драко сидел у стены, уставившись невидящим взглядом в пол, его лицо выглядело смертельно бледным.

Гермиона несколько минут провела на улице под дождем, пытаясь собраться с мыслями. Она сделала судорожный вдох. Казалось, она стояла у края пропасти и не знала, сорвётся ли с нее вниз.

Девушка сделала ещё один глубокий вдох и аппарировала в Паучий тупик. В окнах дома Северуса не горел свет. Гермиона опустила на одну из ступенек крыльца.

К тому моменту, как дверь позади неё открылась, она успела насквозь промокнуть.

Северус смотрел на неё сверху вниз. Выражение его лица было холодным. Гермиона сильнее сжалась под его взглядом.

— Есть ли какая-то особая причина, объясняющая, почему вы пытаетесь подхватить воспаление легких, сидя на крыльце моего дома?

Гермиона встала и посмотрела на Северуса. Дождь стекал по ее лицу.

— Волшебники невосприимчивы к пневмонии.

Северус в ответ закатил глаза и распахнул дверь пошире.

— Полагаю, дело срочное. Учитывая, что вы пришли без приглашения.

Ступив на порог дома, Гермиона заклинанием высушила одежду и проследовала за Северусом в гостиную. Небрежным взмахом палочки он заставил загореться поленья в камине и, собрав разложенные на диване и креслах книги, принялся расставлять их обратно на полки.

Руки Гермионы болели от холода, и она протянула их к огню. Простояв так несколько секунд, девушка наконец сказала:

— Все это было ради Нарциссы. Она была причиной всех его поступков.

— Неужели? — услышала она сомневающийся голос Северуса где-то позади себя.

— Когда Драко приехал домой на летние каникулы после пятого курса, Том уже держал его мать в клетке. И он не выпускал ее, пока Драко не убил Дамблдора. Это правда, что она чуть не умерла, когда была беременна Драко?

Повисла пауза. Гермиона слышала глухой стук, с которым одна за другой книги опускались на переполненные полки.

— Правда, — наконец ответил Северус. — Это было в разгар первой войны. Люциус думал, что потеряет ее. Даже после рождения Драко он долгое время не был уверен, что Нарцисса оправится.

Гермиона слегка кивнула.

— По словам Драко, Люциус заставил его поклясться, что он будет всегда заботиться о матери. После окончания шестого курса он пытался отправить ее куда-нибудь, где она была бы в безопасности, но Нарцисса не собиралась уезжать без него. Кто-нибудь из Пожирателей Смерти погибал такой же странной смертью, как Гиббон, ещё до того, как в поместье Лестрейнджей случился пожар?

Шум позади неё резко прекратился.

— Теперь, когда вы упомянули об этом, я вспомнил, что было несколько случаев исчезновений Пожирателей. Из тех, чьи пропажи стали самыми заметными, — Треверс, Петтигрю и Джагсон, — его голос доносился с другого края гостиной.

Гермиона продолжала не отрываясь смотреть на горящий в камине огонь.

— Драко пытался избавиться от Метки, чтобы сбежать вместе с Нарциссой. Он шпионил для Ордена, потому что хотел отомстить за мать.

Северус ничего не ответил, принявшись снова расставлять книги. Гермиона не была уверена, что он верил ее словам.

Скомпрометирована. Ненадежна. Возможно, он думал, что она пришла молить о пощаде ради Драко.

— Он сказал, что даст Непреложный обет. О чем бы его ни попросил Грюм — он все сделает.

Повисла тишина. Спустя несколько секунд Гермиона почувствовала, как Северус схватил ее за плечо и резко развернул лицом к себе. Его темные глаза сверкнули в свете камина. Казалось, он впервые за вечер действительно посмотрел на нее. В его лице читался ужас.

— Что вы сделали?

Гермиона спокойно посмотрела ему в глаза:

— Я выполнила свое задание. Добилась его преданности.

Северус дотронулся до ее волос. Ее косы выбились из аккуратной прически и беспорядочно свисали вокруг ее лица. Гермиона покраснела и отодвинулась от его руки. Его хватка на плече усилилась, и он заставил ее подойти ближе к камину. Затем слегка приподнял ее подбородок и внимательно рассмотрел ее лицо. Крылья его носа раздувались от ярости.

Гермиона не хотела, чтобы ее так внимательно разглядывали. Она постаралась выскользнуть из его хватки.

— Могу я воспользоваться вашей ванной? Я не могу вернуться на Площадь Гриммо в таком виде, и мне не... мне больше некуда пойти.

Северус на несколько секунд еще сильнее сжал ее плечо в своей руке, словно

сомневался, что делать дальше. Его губы были плотно сжаты. Он снова окинул ее взглядом с ног до головы.

Гермиона отвернула лицо и опустила плечи, словно стараясь защититься от его изучающего взгляда. Северус отпустил ее плечо и, медленно отступив назад, жестом указал ей в сторону ванной комнаты.

Не сказав ни слова, Гермиона вышла из гостиной и прошла в маленькую ванную, находившуюся рядом с кухней. Заперев дверь, она посмотрела на себя в зеркало. Ее лицо было бледным, почти серым, но губы выделялись на фоне кожи: красные и искусанные. Ее волосы напоминали птичье гнездо. Кофта оказалась разорванной. Гермиона не заметила этого, когда в спешке натягивала на себя одежду в хижине.

Спустив до колен джинсы и трусы, взмахом палочки она очистила ткань от смеси крови и спермы, все это время холодивших ее кожу. Она не могла просто проигнорировать эти ощущения внизу живота. Ни тогда, в хижине. Ни сидя на пороге дома Северуса. Гермиона чувствовала мокрую ткань между бёдер, словно постоянное напоминание о том, что произошло.

Руки девушки едва заметно дрожали, пока она надевала и застегивала джинсы. Заклинанием заставив исчезнуть дырку в кофте, она стала доставать шпильки из волос.

Ее губы дрожали. Уголки глаз покалывало. Гермиона распутала волосы и аккуратно заново заплела их в косы. Она не будет плакать. Не сейчас. Она продолжала повторять эти слова про себя снова и снова.

Девушка старалась избавиться от ненужных мыслей с помощью окклюменции, но ей никак не удавалось возвести в своем сознании стены. Закусив губу, она заколола косы шпильками на затылке.

Гермиона снова взглянула на свое отражение. С тех пор как они в первый раз встретились с Драко в марте прошлого года, она успела похудеть еще больше. Щеки впали. Торчащие ключицы стали выпирать сильнее. Под глазами появились заметные синяки.

Стресс высасывал из нее силы. Капля за каплей.

Гермиона потянулась к своей сумке и достала из нее маленький флакон с настойкой растопырника. Нанеся каплю мази на губы, она наблюдала, как к ним возвращается привычный цвет. Затем покрыла ею следы на шее.

Она вышла из ванной. Северус оказался на кухне, вокруг него было расставлено несколько котлов с кипящими зельями. Повернувшись и увидев ее, он сразу же схватил несколько склянок и подошёл к ней.

— Выпейте это, — приказал он.

Гермиона взглянула на склянки. В одном из флаконов она узнала Успокаивающее зелье, которое должно было остановить дрожь в ее руках. В двух других были Противозачаточное и Обезболивающее зелья.

— Оно мне не нужно, — сказала она, возвращая ему склянку с

Противозачаточным зельем. — Я принимаю его уже некоторое время.

Лицо Северуса не выдавало почти никаких эмоций, когда он забрал из ее рук склянку с зельем и положил в карман мантии.

— Что произошло? — спросил он после того, как она выпила Успокаивающее зелье. В его тоне слышалась едва сдерживаемая злость.

Гермиона откупорила следующий флакон, избегая смотреть ему в глаза.

— Не понимаю, почему вас это так расстраивает. Разве не этого вы ожидали с самого начала наших с ним встреч?

Несколько секунд Северус ничего не отвечал.

— Я дежурил в тот вечер, когда вы впервые отправились на встречу с ним. На случай, если вам понадобится экстренная помощь. И все это время был на связи каждое утро вторника до начала моей смены в лабораториях.

— Правда? Я не знала об этом. — Она оглядела комнату, думая, почему никто не рассказал ей этого. Хотя они едва ли считали нужным делиться с ней хоть чем-то. Гермиона ведь была всего лишь средством для достижения нужных целей.

Она думала, что хотя бы Северус воспринимал ее как кого-то более значимого. Она поджала губы.

На столешнице стояла небольшая банка, наполненная порошком из когтя дракона. Гермиона подошла ближе и присмотрелась: порошок был изготовлен из когтей Перуанского змеезуба. Невероятно дорогой ингредиент, применяющийся в крововосполняющих зельях и укрепляющих настоях, добавляющий действенности бодроперцовому зелью, которое помогало справиться с кошачьим гриппом.

Она открутила крышку и принялась.

— Гермиона, что произошло?

Девушка замерла на несколько секунд, а затем вернула на место крышку. Северус почти никогда не обращался к ней по имени.

Гермиона холодно посмотрела на него. Ее подбородок слегка дрожал.

— Я говорила вам, что он желал меня. Сегодня он наконец поддался своему желанию. — Она отвела взгляд. — Все случилось... неожиданно. Видимо, он не знал, что я... что у меня не было... никого до этого. Я боялась, что он остановится, если узнает об этом. Когда он поцеловал меня в прошлый раз... В какой-то момент я начала сомневаться... И после этого он не приходил на встречи... я не видела его в течение месяца. Поэтому я не хотела, чтобы он знал об этом. Я боялась, что он уйдет и больше никогда не вернется.

Северус ничего не ответил.

Гермиона прижала ладонь к груди.

— Он был так подавлен после случившегося, что я даже думала, что он потеряет сознание. И после этого он начал рассказывать мне обо всем. Не думаю, что он говорил об этом с кем-то еще. Он плакал, когда упоминал о Нарциссе. Он ждал, что Орден сдаст его Пожирателям. Поэтому он старался занять высокое положение в армии Волдеморта. Он понимал, что таким образом его смерть сможет нанести большой урон по силам Тома.

Повисла тишина, прерываемая лишь бульканьем зелий в стоявших на столешнице котлах.

Гермиона не знала, куда ей смотреть. Она чувствовала на себе скептический взгляд Северуса.

Скомпрометирована. Ненадежна. Поджав губы, девушка отвернулась от него.

Спустя минуту она услышала, как Северус глубоко вздохнул. Гермиона взглянула на него, чувствуя, как бешено колотится ее сердце.

— Если он больше не хочет жить, то почему предлагает дать Непреложный обет?

Ее губы дрогнули. Она сжала края своей рубашки в ладонях.

— Думаю, сейчас, когда он больше не может отрицать свою одержимость, он больше не в силах контролировать свое желание. Не теперь, когда он уже поддался ему. Думаю, он никогда не умел сдерживать свое чувство собственности, даже тогда, когда у него на спине еще не было рун. Я не давала Непреложного обета, но я поклялась, что буду принадлежать ему. И Драко считает, что я принадлежу ему. Я думаю... думаю, именно это повлияло на его решение. — Гермиона отвела взгляд. Она нервно заламывала пальцы. — Вы... вы можете рассказать об этом Грюму? Мне кажется, сейчас он вряд ли поверит моим словам. Но... я выполнила то, что от меня требовалось. Поэтому вы не можете... вы не должны... не заставляйте меня...

Ее руки снова начали дрожать.

— Я поговорю с Грюмом, — сказал Северус. — Вы сделали более чем достаточно. Я не ожидал, что вы... — он на мгновение запнулся. — Если Драко согласен дать Непреложный обет, этого достаточно.

Гермиона закивала, окидывая комнату невидящим взглядом.

— Хорошо. Ладно. Тогда... я пойду.

— Вы останетесь еще ненадолго, — жестко сказал он.

Гермиона неловко замерла, но Северус не отводил от нее взгляда. Казалось, он собирался сказать что-то еще. Он протянул руку, но остановился в нескольких сантиметрах от ее плеча. Сжав руку в кулак, он опустил ее, продолжая сверлить ее взглядом.

— Вы... — Северус моргнул, и начал заново. — Вы хотите...

Казалось, впервые в жизни у него не находилось слов. Его губы дрогнули.

— Может, вы... — он снова запнулся. — Может, вы хотите поговорить... об этом?

Гермиона с ужасом посмотрела на него:

— Нет!

На его лице отразилось видимое облегчение. Северус кивнул и отвел взгляд.

— Вы не... пострадали? Может, вам нужно, чтобы я...

— Драко не был грубым, — резко сказала она, перебив Северуса. Гермиона обхватила себя руками и покачала головой. Ее голос звучал глухо, а горло сдавило. — Просто все случилось... слишком неожиданно.

Северус опустил взгляд и поправил манжеты мантии. Несколько секунд он ничего не говорил. Затем резко развернулся и подошел к котлам. Поочередно помешав несколько зелий, взмахом палочки он призвал с полки несколько склянок. Разлив по ним зелья, Северус ловко закупорил их и повернулся к ней. Выражение его лица дрогнуло, и на нем отразилась печаль, проблески которой она порой замечала и до этого.

Он подошёл к Гермионе и остановился в шаге от неё.

Повисла пауза. Он опустил взгляд на флаконы в своих руках.

— Это зелье должно помочь облегчить неприятные ощущения в случае... разрывов.

Гермиона почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Она опустила взгляд на флаконы. Гермиона сразу узнала зелья, которые находились в них. Это были дорогие обезболивающие.

— Все не так... все не так плохо, — выдавила она, избегая смотреть ему в глаза. — Кроме того, я могу сама сварить для себя зелья, Северус.

Его лицо ожесточилось.

— Вы можете позволить другим людям заботиться о вас. Я знаю вас достаточно, чтобы понимать, что вы не будете варить для себя обезболивающие зелья, потому что для этого придется потратить слишком много ингредиентов. Выпейте их, если не хотите, чтобы я рассказал Минерве о том, что вы сделали сегодня.

Услышав его угрозу, Гермиона выхватила флаконы из его рук и закинула их в свою сумку. Подняв на него взгляд, она увидела, что Северус продолжал внимательно смотреть на нее. Выражение его лица было нечитаемым.

— Что-то еще?

— Вы в порядке? — его голос звучал мягко.

Гермиона замерла, не отводя от него взгляда.

Нет. Она не была в порядке. Она не чувствовала себя в порядке так давно, что уже даже не помнила, когда было как-то по-другому. Она больше не знала,

каково это: чувствовать себя нормально.

Лицо Северуса выдавало его беспокойство, и это заставило Гермиону внутренне ошетиниться.

У нее есть родители. Они здоровы и счастливы, пусть даже и не знают о ее существовании. У нее есть родители, и она не нуждается в чьей-либо опеке. Ей не нужны люди, которые бы беспокоились о ней и говорили о том, что она принимает неправильные решения. Для этого у нее уже были Минерва, Гарри и почти все семейство Уизли.

— Я в порядке, — ответила она сухо. — Я пришла сегодня к вам не потому, что пыталась таким образом показать, что совершила нечто невероятное. Мне просто нужно было воспользоваться ванной, чтобы привести в порядок волосы.

Северус вздохнул.

— Вы... — он засомневался и замолчал.

— Что? — спросила Гермиона нервно, когда он продолжил смотреть на нее с сомнением.

Возможно, Непреложный обет не был достаточным подтверждением верности Драко? Может быть, им нужно что-то еще? Она с усилием сглотнула, раздумывая над этим и нервно крутя в пальцах ручку сумки. Возможно...

— Вы, без сомнения, самый исключительный человек, которым обладает Орден. Я очень сожалею об этом.

Руки Гермионы замерли, и несколько мгновений она просто смотрела на Северуса.

Внезапно ее дыхание сбилось, и она расплакалась.

Несколько минут Северус молча смотрел, как она плачет, прежде чем несмело положить руку ей на плечо.

В следующий вторник Грюм и Гермиона вместе аппарировали в Уайткрофт.

Они молча стояли под дождем, пока, наконец, дверь хижины не открылась.

Драко стоял в дверном проеме и смотрел на нее.

Гермиона первой ступила на крыльцо дома, чувствуя позади себя неровную поступь Грюма. Дойдя до двери, она остановилась и посмотрела на Драко.

Не встречаясь с ней взглядом, он отступил в сторону, освобождая дверной проем.

Он выглядел уставшим. Изможденным. Но Гермиона чувствовала его взгляд на себе.

Если у Грюма и были какие-то мысли о месте их встречи, его лицо этого не выдавало. Его взгляд скользнул по комнате и остановился на полу. Казалось, он

что-то там увидел.

Гермиона присмотрелась внимательнее. На одной из досок пола она с ужасом заметила несколько капель крови. Она была почти уверена, что это было как раз то место, где они с Драко занимались сексом. Гермиона резко взглянула на Драко. Похоже, что он, как и она, только что заметил это. Еще сильнее побледнев, он со злостью посмотрел на Грюма, который по-прежнему не отрывал взгляда от пола.

Гермиона чувствовала, что готова сгореть со стыда, в то время как Драко, похоже, едва сдерживал свою ярость.

Наконец Грюм перевел взгляд на Драко.

Казалось, воздух в комнате стал тяжелым от повисшего в нем напряжения. В нем чувствовалась опасность. Как если бы в лесу, до этого полном различных шумов, вдруг повисла абсолютная тишина. В комнате словно стало на несколько градусов холоднее. Наблюдая за ними, Гермиона чувствовала, как бешено колотится ее сердце. Казалось, любой резкий звук мог заставить их выхватить палочки и бросить друг в друга Аваду.

— Ты готов дать Непреложный обет? — наконец спросил Грюм.

— Разве не поэтому вы здесь? — губы Драко искривила презрительная усмешка.

Грюм резко кивнул и медленным движением достал палочку. Лицо Драко ожесточилось, но сам он даже не шелохнулся.

— Возьмите друг друга за правую руку, — проинструктировал Грюм.

Гермиона протянула свою руку, и Драко сжал ее в своей. Его глаза сверкнули, когда его пальцы сомкнулись вокруг ее ладони.

— Встаньте на колени.

Гермиона опустилась на колени. Драко сделал то же самое. Грюм опустил кончик палочки на их сплетенные руки.

Гермиона посмотрела на Драко. Ее рука дрожала в его ладони.

— Обещаешь ли ты, Драко Малфой, сделать все, что в твоих силах, ради победы Ордена Феникса над Лордом Волдемортом?

Драко встретился с ней взглядом.

— Обещаю.

После его слов из палочки Грюма вырвалась красная полоска света и оплела их сцепленные руки. Заклинание обжигало кожу, но никто из них даже не вздрогнул.

— Обещаешь ли ты, что после его смерти не будешь пытаться занять его место, чтобы стать следующим Темным Лордом?

Драко ни секунды не колебался:

— Обещаю.

Их руки оплела ещё одна сияющая нить. Крепко опутав их сплетенные кисти, она словно растворилась в их коже.

Гермиона задержала свою руку в его еще на несколько мгновений и затем отстранилась. Когда она отпустила руку Драко, то ощутила, словно разорвались соединявшие их нити.

Повисла тишина. Драко поднялся на ноги и снова посмотрел на Грюма.

— Грейнджер, ты можешь идти. Полагаю, нам с Грюмом есть что обсудить наедине, — сказал он, не глядя на нее.

Гермиона засомневалась.

— Иди, Грейнджер, — сказал Грюм. — Возвращайся в убежище.

Гермиона неохотно развернулась и зашагала к выходу. Драко так и не взглянул на нее, даже когда она повернулась, чтобы закрыть за собой дверь.

Грюм аппарировал на Площадь Гриммо спустя час. Гермиона все это время ждала его, сидя на лестнице в прихожей. Она не ожидала, что он расскажет ей, о чем они с Драко говорили в ее отсутствие, но надеялась, что он хотя бы намекнет, как прошел их разговор.

Закрыв за собой дверь, Грюм несколько секунд изучал ее взглядом.

— Отличная работа, Грейнджер.

Он двинулся дальше по коридору, не сказав больше ни слова.

50. Флэшбэк 25.

Февраль 2003 года.

В доме на площади Гриммо стояла зловещая тишина.

Местоположение одного из убежищ Ордена было раскрыто. В нем находились несколько важных фигур Соппротивления, членов ОД и Ордена Феникса. Никто так до конца и не понял, что именно произошло. Патронус Алисии Спиннет ворвался на Гриммо посреди ночи. К тому времени, как Орден смог мобилизовать свои силы для ответного удара, все уже было кончено.

Это даже не было похоже на полноценную атаку Пожирателей Смерти. В нападении участвовали по большей части ведьмы и несколько оборотней. Весь дом был переполнен темными существами. По словам Джинни, он буквально кишел лесными ведьмами: их было больше сотни. У многих выживших, доставленных в лазарет, отсутствовало слишком много внутренних органов, чтобы их можно было спасти.

Алисия Спиннет, Дедалус Дингл, Септима Вектор и еще около тридцати человек погибли.

Это событие внезапно разрушило то приподнятое настроение, что царило в Соппротивлении в последнее время. Пытаясь вызволить из атакованного дома уцелевших, Кингсли и еще несколько членов Ордена использовали темную магию, чтобы силой проникнуть внутрь.

Впоследствии это привело к большой ссоре между Гарри и Кингсли. Все присутствующие в тот момент на Площади Гриммо были на взводе.

На следующей неделе, когда Гермиона аппарировала к хижине, она медленно вошла в нее, не зная, чего ожидать. Комната была пуста. Девушка стояла и нервно ждала.

Драко появился через минуту.

Несколько минут они молча смотрели друг на друга. Он пробежал по ней глазами, уже привычным образом оценивая ее состояние.

Гермиона не знала, как начать разговор. Она не знала, чего ей ждать на этот раз.

— Сегодня я принес тренировочные ножи, — сказал Драко, словно последних двух недель и не было.

— О.

Он вытащил тренировочные наборы из-под своей мантии. Один из них был маленьким, такого же размера, как тот комплект, что он подарил ей на Рождество. Второй был побольше.

Драко продемонстрировал ей клинок:

— На острие и лезвие наложены чары, поэтому ножи не смогут поранить кожу. Хотя синяки от ударов, скорее всего, останутся.

Он бросил ей маленький нож.

— Ножи становятся все более распространенными в полях. Лесные ведьмы часто носят их с собой. Пожиратели Смерти начинают перенимать этот навык. Ножи станут достойной заменой, если ты лишишься в бою палочки.

Гермиона осмотрела нож, проведя пальцем по лезвию, которое казалось острым, как бритва, но на ощупь больше походило на ручку столового прибора.

— После драки на ножах трудно выжить. Даже если ты сможешь ее пережить.

— Знаю, — сухо ответила Гермиона. В течение последнего года она все чаще лечила ножевые ранения. Если говорить о немагических повреждениях, то ножевые раны были хуже всего. Искалеченные внутренние органы, сильная кровопотеря, пробитые легкие и кровоизлияния. Последствия были схожи с травмами от сильных режущих проклятий, только с более глубокими ранами и более сложной процедурой восстановления.

— Не сомневаюсь. — Он не смотрел ей в глаза, пока говорил. Ни разу. С того момента, как он дал клятву, его взгляд всегда был устремлён в пол. — Мы начнем с отражения атак. Затем я покажу тебе, как самой атаковать противника. Используй несмертельные заклинания, чтобы остановить меня. Твоя цель: отбросить меня прежде, чем я атакую, или отклонить мою атаку, если я окажусь слишком близко.

Драко направился к ней.

— Чтобы избежать прямой атаки, ты должна использовать вес и инерцию своего противника. Если он нападает, уклоняйся и попытайся обезоружить его.

Он продемонстрировал несколько приемов в замедленном темпе, показывая Гермионе, как правильно схватить противника за запястье, чтобы отвести его руку от себя, а затем попытаться вывернуть нож.

— Где ты всему этому научился? — спросила она после того, как он показал десятый способ обезоруживания, который включал в себя заламывание руки.

Его руки замерли.

— У Беллатрисы. Я тренировался у нее больше четырех лет. Она обожала ножи.

— Она знала о твоей матери?

Он отошел от нее, и выражение его лица стало напряженным.

— Да. Она всегда была верна Темному Лорду, но достаточно заботилась о своей сестре, чтобы желать моего успеха, а не провала, как ожидалось.

— Т-твой отец знал о происходящем? — она не могла удержаться, чтобы не задать этот вопрос.

Драко судорожно сглотнул.

— Нет. — Он отвел взгляд. — Мой отец... Он... Он очень заботился о моей матери. Если бы он узнал...

Драко на мгновение замолчал.

— Окклюменция не входила в число его сильных сторон. Не в той степени, в какой это было необходимо. Он всегда был слишком импульсивен в своих действиях, и это могло сгубить нас всех.

Мускулы на его челюсти дрогнули.

— Моя мать настояла, чтобы мы скрыли от него ее состояние. Мы использовали зелье, прописанное датским целителем разума. Оно маскировало большинство ее симптомов и помогало ей не впадать в панику, когда от нее требовали появления на публике. Она принимала его, когда приезжал отец. Темный Лорд по большей части держал его во Франции и Бельгии после освобождения. Отец предполагал, что она была такой холодной и отстраненной, потому что винила его в том, что я принял Метку.

— А после случившегося в поместье Лестрейнджей?

— Ну, полагаю, я мог бы рассказать ему об этом, — уголок его рта скривился. — Но я посчитал, что смогу сделать больше, чтобы отомстить за нее, если у меня будет достаточно времени. И я не представлял, как он воспримет эту новость. — Драко горько усмехнулся, глядя на свои руки. — Уверен, что Орден был бы счастлив, если бы я это сделал.

Гермиона моргнула, пытаясь представить себе, в каком состоянии находился бы Орден, если бы Артур, Молли и Джордж все еще были в строю, но в то же время без помощи Драко, спасательных операций, подробных разведданных и предупреждений о предстоящих атаках. Она покрутила нож в руках.

— Уизли — моя семья, но мы, вероятно, уже проиграли бы... не будь ты ключевым лицом среди командующих. Твоей смерти и смерти твоего отца было бы недостаточно, чтобы повлиять на исход войны. Скорее всего, все мы были бы мертвы.

Он слегка фыркнул, продолжая избегать ее взгляда.

— Драко... — неуверенно произнесла она, начиная тянуться к нему. Он резко отпрянул от нее.

— Нам нужно продолжить тренировки, — холодно произнёс он, — учитывая, что теперь ты в курсе того урона, который могут нанести лесные ведьмы.

Гермиона судорожно сглотнула.

— Мы до сих пор не знаем, как они туда проникли. У нас нет ни одной идеи на этот счет. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Ведьмы не входят в мою зону ответственности. Я ничего не слышал о нападении до самого конца, иначе попытался бы хоть как-то предупредить вас.

— Он заколебался. — Вполне возможно, что в Сассексе предпринимаются попытки обойти заклинание Фиделиуса с помощью магии темных существ. Если они отыскивали возможное местоположение убежища не наугад, то, к сожалению, это был успешный эксперимент. В Сассексе ведутся около сотни программ, филиалы которых почти не сотрудничают между собой. У меня нет своих людей внутри лаборатории. Вы должны переместить все убежища и как можно скорее перевезти оттуда все необходимое.

— Мы так и сделали.

— Хорошо, — сказал он, подбрасывая нож в руке. — Тогда продолжим тренировку.

Драко заставлял ее практиковать показанные приемы и техники снова и снова.

— Ладно, давай посмотрим, как ты справишься с настоящей атакой, — сказал он после часа замедленной тренировки. Он отступил от нее на шаг.

Драко вертел нож в своей правой руке так же, как вертел бы палочку, пока пересекал комнату, занимая удобную позицию. Его лицо было холодным и напряженным, когда он смотрел на нее.

Затем без всякого предупреждения он бросился на нее.

Гермиона увернулась и бросила в него простые заклинания, уклоняясь от его первой атаки. Драко был быстр и неумолим. Он резко развернулся и поднес нож к ее горлу, прежде чем она успела понять, что слишком долго накладывала заклинание, вместо того чтобы попытаться уклониться.

Они оба замерли. Их глаза на мгновение встретились, и время словно остановилось. Его лицо было всего в нескольких дюймах от ее лица. Гермиона забыла, как дышать.

Выражение его лица стало жестким, и он резко отошел от нее.

— Ещё раз. Правильно рассчитывай время для своих действий. Ты все еще слишком медленно двигаешься, — в его тоне ощущалась злость. Он пересек комнату и снова напал на нее.

Спустя час Драко остановился.

— На сегодня достаточно, — сказал он, отходя от нее, и вытащил из-под мантии свиток.

Гермиона закусил губу, подошла к своей сумке и достала конверт. Она нервно сжала его в руках и повернулась к нему.

— Грюм просил передать тебе это, — сказала она, глядя в пол. Половицы выглядели непривычно чистыми.

Девушка подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как тень какой-то эмоции промелькнула на его лице.

— Ну конечно, список моих задач на неделю, — его рот скривился, когда он

выдернул конверт из ее пальцев.

Она взяла свиток из его рук и остановилась в нерешительности.

— Драко...

— Беги домой, Грейнджер. У меня и без тебя много работы, — его тон был холоден. Он отвернулся от нее, вскрывая конверт.

Гермиона постояла еще с минуту, изучая его спину. Он даже не оглянулся на нее и исчез без единого звука.

На следующей неделе Драко все еще не смотрел ей в глаза. Он почти не разговаривал с ней. Он тренировал ее ровно два часа в неделю, приносил отчеты разведки, принимал письма от Грюма и уходил.

Но он был жив. Каждый раз, когда она видела его, она понимала, что он все еще жив.

Однако жизнь, похоже, не являлась для него чем-то воодушевляющим. Драко просто выглядел усталым. Ярость, раньше исходившая от него, исчезла. Казалось, он существовал исключительно из чувства долга.

Через три недели Гермиона поймала его за запястье, когда он принимал конверт из ее рук.

— Драко, пожалуйста... посмотри на меня, — произнесла она умоляющим тоном.

Он отдернул руку и взглянул на нее сверху вниз. Его лицо и глаза были холодны.

— Неужели тебе до сих пор мало, Грейнджер? Существует что-то еще, чего ты от меня хочешь?

— Нет. Я просто... очень сожалею.

Он усмехнулся.

— Возможно, когда-нибудь, когда у меня появится свободное время, я составлю для тебя список всех тех вещей, которые невозможно исправить извинениями.

Рука Гермионы упала.

— Драко, я...

Но он уже исчез.

Гермиона вернулась на Площадь Гриммо. В груди у нее образовалась пустота.

Все вокруг казалось пустым.

Она хотела избавиться от своих книг, дневников и всего того, что было связано с Драко. Сейчас ей казалось особенно жестоким иметь при себе записную книжку с аккуратными заметками:

~ Чувствительные руки (последствия Круциатуса), исцеление станет идеальным поводом для физического контакта

~ Плечи и шея

~ Шрамы, очень отзывчив к прикосновениям

~ Линия челюсти возле ушей

~ Скулы

А также заметки для самой себя:

~ Сильный интерес к волосам

~ Немного ослабить косы после поисков ингредиентов, вытащив несколько локонов

~ Запястья облегчат физический контакт: найти причину, чтобы подвернуть рукава рубашки

~ Любит держать за шею/горло. Собственническая черта?

~ Носить рубашки с воротником, частично расстегнутыми или с V-образным вырезом. Одолжить у Джинни синюю рубашку.

Все ее книги по психологии. Книги об эмоциональных травмах. О расстройствах, связанных с отсутствием привязанности. О языке тела и невербальных физических сигналах. Гермионе хотелось все это сжечь.

Она поднялась в их общую с Джинни комнату. Гарри находился на задании в Шотландии. Орден пытался найти способ проникнуть в Хогвартс. Это было единственное место, где они почти наверняка могли найти крестраж, но замок оставался невидимым. Пожиратели Смерти были очень внимательны ко всем мерам предосторожности, препятствующим проникновению в Хогвартс.

Хогсмид оказался почти полностью разрушен в первые годы войны. Такие тайные ходы, как в статуе Одноглазой горбатой ведьмы или через Визжащую хижину, были похоронены под руинами. Орден безуспешно пытался отыскать дорогу до Хогвартса, минуя охранные обереги. Это была уже третья вылазка с участием Гарри. С ним вместе на задание были отправлены Рон, Захария Смит и Терри Бут.

Гарри до сих пор не разговаривал с Гермионой после Рождества.

Она наложила отпирательные чары на дверь своей спальни и распахнула ее. Когда девушка вошла, то услышала прерывистые вздохи.

Джинни тихо всхлипывала, прижавшись к кровати. Она резко обернулась навстречу Гермионе. На лице Джинни было написано страдание; ее грудь дрожала, когда девушка быстро делала вдохи через открытый рот. Даже ее рыжие волосы намокли от слез.

— Джинни, — протянула Гермиона, — Джинни, в чем дело? Что случилось?

— Я не знаю... — Джинни заплакала еще сильнее.

Гермиона опустилась на колени рядом с подругой и обняла ее.

— Боже, Гермиона... — выдохнула Джинни. — Я не знаю, как...

Джинни замолчала, пытаясь отдышаться. Сдавленные прерывистые звуки вырывались из ее горла, пока она боролась со спазмами в легких.

— Успокойся. Дыши. Тебе нужно дышать. Скажи мне, что случилось, и я помогу тебе, — пообещала Гермиона, успокаивающе поглаживая плечи подруги. — Просто дыши. Я буду считать. Вдохни на счёт «четыре». Задержи дыхание. Выдыхай через нос на счёт «шесть». Попробуем вместе. Я буду дышать одновременно с тобой, хорошо? Ну же, дыши вместе со мной. Я рядом.

Джинни только сильнее заплакала.

— Все в порядке, — продолжала твердить Гермиона, делая глубокие демонстративные вдохи, чтобы Джинни пробовала повторять за ней. Она крепко обняла Джинни, чтобы та почувствовала, как размеренно расширяется и сужается ее грудная клетка. Она надеялась, что Джинни начнет неосознанно подстраивать свое дыхание под этот ритм.

Джинни продолжала плакать еще несколько минут, прежде чем дыхание девушки, наконец, стало восстанавливаться.

— Ты расскажешь мне, что случилось, или мне лучше сходить за кем-нибудь другим? — спросила Гермиона, когда убедилась, что Джинни перестала задыхаться от слез.

— Нет... останься... — Джинни резко схватила Гермиону за рубашку, чтобы остановить ее. — О боже! Я...

Джинни снова зарыдала, уткнувшись в плечо Гермионы.

— Я не хотела... — всхлипнула Джинни. — Я не хотела... Я не хотела... Я не знаю, что мне теперь делать.

— Джинни, что случилось? — Гермиона похолодела от ужаса. Что могло случиться, что заставило Джинни так сильно рыдать?

Несколько секунд Джинни молчала. Затем она глубоко вздохнула, на мгновение задержав дыхание, и произнесла:

— Я беременна.

Джинни снова разрыдалась.

Гермиона отпрянула назад и в ужасе уставилась на нее. Она чувствовала себя так, словно ее со всей силой ударили кулаком в грудь.

— Но как? Р-разве Противозачаточное зелье не сработало?

Гермиона чувствовала себя на грани приступа паники. Боже.

Если Противозачаточное зелье не подействовало...

Если Гермиона забеременеет после случившегося... ей придется сделать аборт. Она не может быть беременной во время войны. Это было бы слишком рискованно. Беременность могла привести к дестабилизации ее магии. Девушка регулярно использовала *определенные* виды заклинаний для разрушения проклятий, которые относились скорее к серой магии, нежели к светлой. Эта магия имела накопительный эффект, и ее воздействие могло привести к внутриутробным аномалиям плода. Возможно, последствия уже себя проявили... если она была беременна. Теперь, когда Падма почти полностью заменила ее, разработка контрзаклятий была почти единственной вещью, которую выполняла Гермиона в больничном крыле.

Если Драко узнает, что она соблазнила его и забеременела, он, вероятно, решит, что она сделала это нарочно. Он.. Он же...

Он будет ненавидеть ее за это вечно.

Даже больше, чем уже ее ненавидит.

Кончики пальцев Гермионы начало покалывать, как будто их протыкали иглами.

Джинни нахмурилась. Она смотрела на застывшее лицо Гермионы и вытирала слезы тыльной стороной ладони.

— Нет. Я не... Я принимала его только тогда, когда Гарри был здесь. Из-за специфического вкуса, конечно же. Но в прошлом месяце, когда я находилась в Ирландии, они с Роном неожиданно появились в убежище и у меня не оказалось с собой зелья. Я решила... Это ведь случилось всего один раз, и контрацептивного заклинания должно было хватить.

Джинни всхлипнула и закрыла лицо руками.

Гермиона чуть не задохнулась от облегчения. Ее Противозачаточные зелья были в порядке.

Гермиона отбросила эту мысль и захлопнула окклюменционные стены, заставляя себя сосредоточиться на Джинни. Она ободряюще обняла подругу и поцеловала ее в волосы.

— Все в порядке. Мне понадобится всего несколько дней, чтобы получить ингредиенты для приготовления abortивного средства.

— Я не могу, — выдавила Джинни и снова заплакала.

Руки Гермионы на плечах Джинни напряглись, когда она пристально посмотрела на подругу. Она быстро перевела дыхание.

— Ты хочешь оставить ребенка.

Джинни кивнула, шмыгая носом.

— Я должна это сделать. Гарри... Все, о чем он говорит, это о возможности иметь свою собственную семью. Что после войны у нас будут дети. Мальчиков будут звать Джеймс, Сириус или Колин, а девочек — Лили и Луна. Это... это все, о чем он мечтает. Если я сделаю аборт... это разобьет ему сердце. Он, конечно, скажет, что все в порядке, но в душе будет опустошен моим решением. Для него это будет значить, что я не верю в его победу. Да и я не смогу держать что-то подобное в секрете всю свою жизнь. Зная, что его сердце будет разбито, если он узнает, я не смогу просто притворяться, что все хорошо.

Гермиона медленно кивнула и отвернулась.

— Ладно, — она судорожно сглотнула. — Ты, наверное, можешь остаться здесь, пока Гарри не вернется со своей миссии. А потом мы сможем перевести тебя в один из безопасных приютов. Ты ведь планируешь находиться рядом со своей мамой, правда?

Джинни резко качнула головой, смахивая слезы с лица.

— Нет. Я хочу скрыть беременность. Никто не должен этого знать. Ни мама, ни Гарри, вообще никто.

Гермиона в недоумении посмотрела на Джинни.

Девушка в ответ посмотрела вниз, и ее грудь содрогнулась.

— Гарри... Гарри сейчас немного не в форме. Все были так взволнованы, что мы приближаемся к концу войны, думали, что мы вот-вот победим. И он был счастлив... но ситуация изменилась... вся эта ответственность очень сильно влияет на него. Все зависит от него, но он не знает, как победить. Как именно он должен сделать это. Он боится, что если кто-то почувствует его неуверенность в себе, то все Сопротивление может рухнуть. У него опять начались кошмары. Даже со мной. Я не думаю, что он вообще знает, как жить без Рона. Без нас... тех, кто его поддерживает. Если он узнает, что я беременна... боюсь, стресс окончательно поглотит его. Он не нуждается в дополнительной мотивации, чтобы хотеть скорее победить. Думаю, ребёнок, зависящий от него... сделает ситуацию только хуже.

Гермиона с трудом сглотнула, пытаясь взвесить, стоит ли пытаться отговорить Джинни. Она внимательно посмотрела на лицо девушки. Упрямая линия ее рта и решительный огонь в глазах.

Гермиона тихо и устало вздохнула.

— Как ты себе это представляешь?

— Ну, не знаю. Может быть, мне удастся притвориться, что я чем-то больна, и спрятаться в одном из приютов.

Гермиона с сомнением подняла брови, но через мгновение задумчиво склонила голову набок.

— Я думаю, что смогу это сделать. Но... Джинни, тебя нужно будет изолировать ото всех. На долгие месяцы. А что, если у тебя родится ребенок, а война все еще не закончится? Ты все равно будешь продолжать скрывать ребенка от Гарри?

Джинни отрицательно покачала головой.

— Нет. Если война продлится так долго, я признаюсь во всем. Но находиться беременной рядом с Гарри... он будет волноваться. Быть беременной... это совсем не то же самое, что иметь на руках ребенка. Если ты сумеешь убедить его, что я больна чем-то заразным, но излечимым, он будет расстроен, но так или иначе будет в порядке. Он тебе доверяет. Если ты скажешь ему, что исцеление займет несколько месяцев и я буду в порядке, он тебе поверит. Он знает, что ты никогда не лжешь ему, даже когда он этого хочет.

Глаза Гермионы опустились, и она покрутила подол своей рубашки в пальцах. Джинни схватила ее за руку.

— Помоги мне, Гермиона. Ты ведь сможешь мне защитить Гарри, правда?

Гермиона медленно кивнула. Все ее тело словно налилось свинцом.

— Я помогу тебе. Мне понадобится несколько дней, чтобы понять, как все организовать.

— Спасибо, Гермиона, — Джинни снова залилась слезами. — Боже, я была так осторожна. Я никогда не хотела, чтобы это случилось.

Гермиона крепко обняла ее и позволила Джинни поплакать ей в плечо еще несколько минут. Она рассеянно выводила круги на спине Джинни, пока составляла список нужных вещей в уме.

— Мы что-нибудь придумаем. Я знаю, что ты не пыталась забеременеть намеренно.

Джинни кивнула, уткнувшись в шею Гермионы.

— Спасибо. Я серьезно, Гермиона. Ты единственный человек, которому я могу доверить это. — Она откинулась назад и потерла лицо. — Боже, эти гормоны и запахи. Я даже не знаю, когда я так сильно плакала. Кажется, меня уже нужно оградить от всех. Я проходила мимо кухни, и меня чуть не вырвало в коридоре.

Гермиона кивнула, мысленно составляя каталог долгосрочных заразных болезней.

— Все в порядке. Мне нужно провести исследование. — Она встала. — Просто оставайся здесь. Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Гермиона вышла из комнаты и направилась по коридору в ванную. Она осторожно закрыла за собой дверь и, посмотрев вниз на свой живот, произнесла заклинание обнаружения беременности. Ее руки слегка дрожали.

Результат отрицательный.

Девушка закрыла глаза и с облегчением прислонилась к двери.

Она оставалась там еще с минуту, пока ее руки не перестали дрожать, а затем поспешила из ванной в библиотеку.

Гермиона провела почти два дня подряд, готовя экспериментальные зелья и практикуя маскирующие чары, пытаясь убедиться, что каждая деталь была совершенной. Она собрала полную сумку зелий и направилась в ванную. Она осушила маленький пузырек и наблюдала, как зелье начинает действовать.

Процесс занял несколько минут. Затем по ее коже пробежало ощущение, похожее на легкую форму обратного зелья, и она увидела, как преобразается ее внешность. Кожа вспыхнула плотными скоплениями болезненно выглядящих фиолетовых гнойничков по всему телу. Она поморщилась и осмотрела себя со всех сторон. Это была слишком убедительная трансформация. Гермиона ткнула пальцем в несколько фурункулов, но ничего не почувствовала. Формула маскирующих чар была безболезненной.

Она проглотила противоядие и, чувствуя небольшое покалывание по всему телу, наблюдала, как ее кожа очищается.

Девушка сложила зелья обратно в сумку и направилась в свою комнату.

Джинни сидела на кровати и листала журнал. Гермиона присела рядом, и Джинни посмотрела на нее широко раскрытыми от любопытства глазами.

Гермиона нервно теребила сумку в руках.

— Я разработала зелье, имитирующее внешние симптомы сыпи Спаттергруа.

Джинни поморщилась.

— Правда? Это действительно необходимо?

Гермиона закатила глаза.

— Это лучший вариант, который я могу предложить, соответствующий всем твоим требованиям. Болезнь заразна: известно, что выздоровление занимает до года, поэтому ты можешь оставаться скрытой так долго, как это будет необходимо. И она выглядит убедительно: если ты не будешь казаться серьезно больной, тебе могут не поверить. Особенно если учесть, что именно твои братья изобрели Лихорадочные леденцы. Никто не должен заподозрить, что ты притворяешься. И, главное, сыпь не смертельна. Гарри не придется беспокоиться, что ты можешь умереть от нее. Поскольку это не полная физическая трансформация, а только внешнее преобразование, я смогла модифицировать эффект зелья с помощью крови дракона. Это означает, что одной дозировки будет достаточно для эффекта длительностью в несколько недель. Тебе не придется ежедневно принимать зелье, чтобы сохранять свой внешний вид.

Джинни кивнула.

Гермиона нервно теребила шнурок на сумке.

— Болезнь Спаттергруа очень заразна. Если бы кто-то из членов Сопротивления действительно заразился ею, его бы пришлось немедленно поместить в карантинную зону, чтобы не подвергать риску все Сопротивление. Даже несмотря на то, что болезнь не смертельна. Я... мне придется сообщить Кингсли

о реальной ситуации, чтобы все прошло гладко.

Джинни тут же открыла рот, чтобы возразить, но Гермиона подняла руку, заставляя ее замолчать.

— Если я не скажу ему, он не одобрит, чтобы я была твоей целительницей. Обещаю, я все объясню так, что он не будет чувствовать необходимости рассказать об этом Гарри. Но ему нужно быть в курсе, чтобы поддерживать эту ложь. Т-таким образом, если... кто-то из членов твоей семьи или Гарри попытается потребовать встречи с тобой, у Кингсли будет больше прав для запрета подобных действий, чем у меня. Грюм его поддержит. Нам нужен Кингсли.

Джинни неохотно кивнула.

Гермиона вытащила книгу с помеченной главой и протянула ее Джинни.

— Ранними симптомами Спаттергруа являются зуд и боль в горле. Все, с кем ты будешь общаться, будут помещены в карантин на несколько дней. Так что избегай, пожалуйста, Поппи и Падмы, — губы Гермионы слегка дрогнули, — если есть кто-то, кому, по твоему мнению, нужно отдохнуть несколько дней, ты должна пойти к ним.

Уголок рта Джинни слегка приподнялся. Ее глаза затуманились.

Гермиона встала.

— Мне нужно поговорить с Кингсли. Я собираюсь дать тебе дозу, прежде чем ты уснешь. Поэтому проснешься ты уже с сыпью.

«Болезнь» Джинни повергла Площадь Гриммо в настоящий хаос. Комната Гермионы и Джинни находилась под горой карантинных и сдерживающих чар.

Кингсли и Гермиона согласовали все детали, насколько это было возможно. Как только диагноз был поставлен, Гермиона и несколько других обитателей Площади Гриммо были помещены под трехдневный карантин в другой комнате.

В ее отсутствие Падму послали за ингредиентами, и она взяла с собой Парвати. Девушки попали в ловушку, устроенную гарпиями. Они с трудом вырвались, Парвати добралась до лазарета с рваными ранами на спине, а правая нога Падмы была почти полностью отгрызена. Поппи советовалась с Гермионой через карантинные чары, но сохранить ногу Падмы так и не удалось.

Как только все, находящиеся под временным карантином, были выпущены, Кингсли поручил Гермионе следить за состоянием Джинни. Она должна будет навещать Джинни каждые четыре дня. Все остальное время Джинни придется держать в изоляции. Никому не разрешалось входить в ее комнату. Добби был назначен ответственным за ежедневную заботу о Джинни и доставку ей еды.

Когда Молли Уизли оправилась от своего гнева на Кингсли за то, что ей не разрешили увидеться с дочерью, она горячо поблагодарила Гермиону за то, как тщательно та спланировала уход за Джинни.

Исследование акушерства потихоньку вошло в бесконечный список вещей,

которые Гермиона тайно изучала, когда не находилась в больничной палате, заменяя Падму.

Соппротивление было слишком занято, чтобы известие о болезни Джинни долго тревожило его членов. Как только первоначальная паника, что болезнь может распространиться, утихла, все вернулось к тому смутному ощущению нормальной жизни. Гермионе оставалось только дожидаться реакции Рона и Гарри, когда те вернутся из Шотландии.

Вся ее жизнь была напряженной. Не оставалось ни мгновения, когда она могла хоть немного почувствовать облегчение. Стресс настолько изматывал ее физически, что девушка чувствовала себя абсолютно обессиленной.

Гермиона каждый день беспокоилась о Драко, но видеть его было всего лишь другой гранью агонии. Он был изможден и находился на грани нервного срыва. Он почти не смотрел на нее, почти не разговаривал с ней. Он только обучал ее, отдавал свитки с информацией, забирал пергаменты с заданиями от Грюма, а затем исчезал.

Всякий раз, когда она пыталась заговорить с ним, он игнорировал ее.

Через несколько недель перед аппарацией он остановился и вместо того, чтобы просто исчезнуть, произнес:

— Скажи Грюму, чтобы тебя покормили. Ты выглядишь как труп.

Он аппарировал прежде, чем Гермиона успела ответить.

Вернувшись на Площадь Гриммо, она увидела Анджелину, игравшую в шахматы с Кэти. Выражение лица девушки было слишком серьезным.

— Гарри, Рон и Терри вернулись. Сейчас Орден проводит разбор полетов. О Джинни им еще никто не рассказывал.

Гермиона кивнула и отправилась в столовую.

— В замке так много охранных чар, что некоторые даже трудно обнаружить, — сказал Гарри тихим неохотным голосом, когда Гермиона открыла дверь. Он тяжело опустился на стул. Под его глазами залегли такие темные тени, что казались ей синяками. — Мы двигались через руины Хогсмида, пытаюсь найти хоть один из старых потайных ходов. Мы пытались отыскать проход из Сладкого Королевства, но он обрушился. Поэтому нам пришла в голову мысль попытаться приблизиться к замку через Черное озеро. Но когда мы погрузились, инферналы начали всплывать и... Захарию схватили и потащили на дно...

— Гарри тут ни при чем. Озеро было моей идеей, — вмешался Рон, как только голос Гарри затих. — Когда он попытался броситься за Захарией, я остановил его.

На лице Рона была написана сильная растерянность, словно он до сих пор находился в шоке. Гарри даже не взглянул на друга.

— Это было правильное решение, Рон. С существами в воде почти невозможно бороться, — сказал Ремус, положив руку на плечо Рона.

— Это недостаточная причина, чтобы позволить Захарии утонуть, — сказал Гарри горьким голосом, его лицо исказилось от разочарования. Он держал в руках потрепанное перо и неуклонно срывал зазубрины с каждой стороны, пока крутил его в пальцах. — Мы могли бы что-то сделать, если бы Рон не задержал меня и не оставил Терри одного.

— Сохранить тебе жизнь — вот истинная задача Рона, Гарри, — сказал Кингсли.
— Такова его цель: если ты продолжишь вести себя агрессивно, я переведу его к другому человеку и лично займусь твоей защитой. Нуждаешься в смене своего напарника, Гарри?

Гарри свирепо посмотрел на Кингсли, сминая перо в руке.

— Нет.

— Хорошо. Есть что-то еще, что вы хотели бы сообщить?

Гарри молчал.

— Мы отступили после того, как потеряли Захарию, — сказал Рон обманчиво равнодушным тоном, все его тело казалось безвольным. — Большая часть миссии была потрачена на разведку, а затем на поиск потенциальных тайных ходов.

Кингсли медленно кивнул.

— Попасть в Хогвартс жизненно необходимо, чтобы положить конец этой войне. У вас будет несколько дней, чтобы прийти в себя, а потом мы пошлем туда команду побольше.

— Я бы хотел записаться добровольцем на следующее задание, — сказал Ремус, наклоняясь вперед. — До наступления полнолуния еще далеко. Я знаком с Запретным лесом, и у меня есть несколько идей, которые стоит проверить.

— Я тоже, — кивнула Тонкс.

— Хорошо. Гарри, Рон, Ремус и Тонкс из Ордена. Мы с Грюмом посмотрим списки и соберём еще две команды.

Гарри кивнул и рассеянно посмотрел на дверь.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Да... — медленно произнес Кингсли.

Гермиона внутренне съежилась. Гарри пристально посмотрел на Кингсли.

— Что случилось?

— Пока тебя не было, Джинни Уизли подхватила болезнь Спаттергруа...

— С ней все в порядке? Мне нужно увидеть ее, — Гарри вскочил на ноги, его глаза были широко раскрыты и полны паники.

— Ее поместили в карантинную зону, — сказал Кингсли, прежде чем Гарри успел сбежать в больничную палату. — Спаттергруа не смертелен, но очень заразен. Вспышка подобной болезни может иметь разрушительные последствия для Ордена. Ей не разрешено принимать посетителей, пока она не поправится.

Гарри сглотнул и вцепился в спинку стула.

— Ладно. Сколько времени это займет? Пару недель?

Все присутствующие обернулись и выжидающе посмотрели на Гермиону, стоявшую у двери. Выражение лица Гарри стало настороженным, когда он встретился с ней взглядом.

— Болезнь Спаттергруа долго лечится. Обычно исцеление занимает месяцы, но может длиться даже до года, прежде чем все инфекционные маркеры окончательно исчезнут. Невозможно сказать, как долго она пробудет в карантине, — тихо сказала Гермиона.

— Несколько месяцев? Год? — Гарри выглядел так, словно был на грани срыва. — Вы... вы не можете изолировать ее так долго. Это какое-то издевательство. Должен же быть какой-то способ навестить ее. Какие-то зелья. Или заклинания.

— Грейнджер как наш самый квалифицированный целитель единственная имеет право посещать ее, чтобы отслеживать состояние Джинни. Добби доставляет ей еду, поскольку домашние эльфы невосприимчивы к болезням и не могут являться переносчиками. Ты можешь отправлять с ними письма и сообщения. Они единственные, кому разрешено находиться в этой комнате. Если ты попытаешься вступить в контакт с Джинни, то потенциально поставишь под угрозу все военные усилия. Гарри, я скажу это только один раз: если ты попытаешься нарушить карантин, она будет перемещена в другое никому не известное место, пока не поправится. Если у тебя есть вопросы, задай их Грейнджер. Собрание окончено.

Все присутствующие вышли. Через несколько минут Гермиона осталась наедине с Гарри.

— С ней ведь все будет в порядке, правда? — сказал Гарри, как только комната опустела. — Она... ей не больно?

— Со временем она поправится, — ответила Гермиона, нервно теребя руки за спиной. — Ей совсем не больно. Она принимает восстанавливающие зелья и спит большую часть времени. Исцеление от Спаттергруа зависит от хорошего иммунитета, и я сделаю все возможное, чтобы она чувствовала себя комфортно.

— Ясно, — Гарри несколько раз кивнул. — Это... это хорошо. Ты не знаешь, как она заболела?

Гермиона покачала головой.

— Болезнь возникает от контакта со спорами грибов. Больше никто не заразился. Возможно, просто невезение.

Гарри кивнул и шагнул ближе, выражение его лица стало серьезным.

— Можно мне ее увидеть? Только один раз? Только на минутку. Я просто хочу убедиться, что она знает, что я люблю ее.

Уголок рта Гермионы дернулся, когда она покачала головой.

— Мне очень жаль, Гарри, но она в карантине. Не существует никакого «только на минутку». Никто не может туда войти.

Глаза Гарри стали еще больше.

— Я буду осторожен. Я буду следовать всем твоим инструкциям. Лишь один раз,
— его голос был одновременно умоляющим и заговорщическим.

Она так хорошо знала этот тон.

Гермиона посмотрела на него и печально улыбнулась, почувствовав, как сжались кулаки у неё за спиной.

— Мне очень жаль, Гарри. Я не могу нарушить приказ. Даже ради тебя.

Примечание к части

Арт к флэшбэкам

Автор winchesterchola

<https://winchesterchola.tumblr.com/post/622849790281170944/you-are-without-a-doubt-the-most-exceptional-asset>

51. Флэшбэк 26.

Март 2003 года.

Беременность Джинни протекала даже лучше, чем Гермиона смела надеяться. Джинни постоянно чувствовала слабость из-за влияния беременности на ее магию, но кроме постоянного желания спать и отвращения к еде особых проблем ее состояние не доставляло. Зная историю об опасной беременности Нарциссы Малфой, Гермиона превратилась в параноика, пытаясь принять во внимание все тяжелые последствия, которые может вызвать магическая беременность. Но Джинни, похоже, ее нынешнее физическое состояние мало тревожило.

— Наследие Прюэттов: женщины нашего рода легко беременеют и легко переносят беременность, — ответила Джинни, пожав плечами, когда Гермиона поинтересовалась об этом у нее.

— Мне бы не хотелось оставлять тебя без присмотра, если твое состояние окажется схожим с тем, что описывают книги о беременности ведьм, — сказала Гермиона, изучая проекцию в виде ярко-желтого шара, трепещущую над животом Джинни. — На магической голограмме все в норме и ребенок кажется здоровым. Но я не очень хорошо разбираюсь в заклинаниях подобного рода.

Гермиона перелистнула следующую страницу «Руководства по эффективному уходу при магической беременности и родам» и принялась подробно изучать заклинание для проверки предлежания плаценты.

— Ты что-нибудь слышала о Гарри и Роне? — спросила Джинни после нескольких манипуляций Гермионы с диагностическими чарами.

Гермиона кивнула и отменила все диагностические процедуры, проводимые над Джинни.

— Они снова вернулись в Хогвартс. До сих пор от них не поступало никаких сообщений.

— Гарри иногда посылает мне патронуса по ночам. Я думаю, он делает это, когда наступает его очередь дежурить. Его олень приходил в мою комнату прошлой ночью, — Джинни сжала губы и выглядела так, будто вот-вот расплачется.

Гермиона сжала ее руку.

— Мне так стыдно, что я лгу ему, — сказала Джинни, дергая себя за кончики волос. — И что я заставляю лгать тебя. Я сожалею. Мне следовало быть более осторожной.

— Все в порядке. Тебе не нужно беспокоиться еще и обо мне, — Гермиона устало пожала плечами, сжала книгу и сунула ту в сумку.

Джинни наклонилась вперед и схватила Гермиону за левое запястье.

— Ну, у меня здесь не так уж много дел. И я думаю, что тебе нужен кто-то, кому не безразлично твое состояние. Ты слишком худая. — Джинни провела большим пальцем по локтевой кости Гермионы, словно желая продемонстрировать свои

слова. Гермиона рывком высвободила запястье и опустила рукава. — Ты выглядишь так, словно вообще не спишь. Скажи мне, что ты нашла себе кого-то.

Гермиона отвела взгляд.

— Ну, Джордж предпринимал попытки, — ответила она с ухмылкой. — Но я не думаю, что он действительно имел это в виду.

Джинни ткнула ее в бок.

— Я серьезно. Ты не сможешь пережить эту войну в одиночку. Никто не сможет. Мы останемся в живых, если будем держаться вместе. — Джинни внимательно оглядела Гермиону. — Я имею в виду, возможно, раньше ты была в порядке. Но теперь... ты... ты больше не выглядишь так, будто справляешься. Кажется, с самого Рождества я ни разу не видела тебя спящей. Неужели у тебя вообще никого нет?

Гермиона с отвращением сморщила нос.

— Я уже упоминала, что мне не нужен секс, чтобы снимать напряжение от войны. — Она усмехнулась и покачала головой. — Если я заведу себе приятеля по переписке, это вряд ли улучшит мое эмоциональное состояние.

Джинни закатила глаза и покачала головой.

— Я не говорю, что тебе нужен приятель для переписки. Тебе ведь даже не с кем поговорить... никто не обнимает тебя после тяжелого дня. Ты отталкиваешь от себя любого, кто пытается помочь, как это было с Гарри на Рождество. Не понимаю, почему ты никому не позволяешь разделить твою ношу. Я знаю этот взгляд; он у тебя такой же, как у Гарри, когда война разрывает его на части. Но Гарри знает, что у него есть Рон, я, ты, моя семья, Ремус, Тонкс, Орден и даже его глупые маггловские бои. У него есть все это, чтобы передохнуть на некоторое время и снова собраться с силами. Признай, что в моих словах есть смысл.

Гермиона смотрела на свои ногти и с минуту возилась с заусенцами.

— Каким должен быть мой груз, чтобы кто-то был готов разделить его со мной?
— в ее голосе звучала горечь.

Она отвернулась и с минуту смотрела в окно, а потом снова взглянула на свои руки.

— Намного хуже, Джинни, думать, что рядом есть кто-то, на кого можно опереться, а потом обнаружить, что это не так, когда ты больше всего в этом нуждаешься. Я не стану... не стану так рисковать. Я не смогу с этим справиться.

Джинни разочарованно фыркнула и ткнула пальцем в одну из своих зачарованных пустул на запястье.

— Гарри и Рон злятся на тебя, потому что им не все равно. Предполагать, что люди собираются подвести тебя, и поэтому никогда не давать им шанса — глупая стратегия. А что, если они будут с тобой в сложный момент, но ты никогда не узнаешь об этом, потому что недостаточно доверяла им?

Гермиона покрутила палочку в руках.

— А что, если случится иначе? В момент, когда они действительно будут мне нужны?

Последовала пауза, и Джинни печально вздохнула.

Гермиона на мгновение закрыла глаза, прежде чем снова открыть их.

— Это уже вошло в привычку, Джинни. Я не знаю, как жить с людьми по-другому.

— А как же я? — возразила Джинни с легкой улыбкой.

Гермиона посмотрела на нее:

— Ты?

— Почему ты не можешь поговорить со мной? Мы дружим уже много лет, живем вместе почти четыре года. Но ты даже не подумала, что я могу быть той, с кем ты можешь поговорить. Даже до того, как я вступила в Орден, мы с Гарри уже могли говорить о разных вещах. Ты можешь поговорить со мной. Ты можешь мне доверять. Я не буду судить, а поддержу тебя. Если тебе кто-то нужен, ты можешь поговорить со мной о чем угодно.

Гермиона виновато посмотрела на Джинни.

— Джинни... я... дело не в том, что я тебе не доверяю. Я... просто... не знаю...

У Джинни вытянулось лицо.

— Неважно. Я не принуждаю тебя к разговору. Я просто хотела, чтобы ты знала, что тебе есть с кем поговорить. Если ты когда-нибудь этого захочешь. Даже если я буду не согласна с тобой, я не перестану быть твоим другом.

— Спасибо, Джинни, — сказала Гермиона, отводя взгляд. — Я действительно ценю это. Если бы я могла... я бы поговорила с тобой. Но я даже не знаю, с чего начать. И... — она взглянула на часы, — мне пора идти. Скоро начнется смена Падмы, а я все еще подстраховываю ее на дежурствах.

— Ладно, — вздохнула Джинни. — Тогда мне стоит отпустить тебя. С Падмой все в порядке?

— В той степени, в какой это могло бы быть возможно. Она приспосабливается к протезу; он беспокоит сустав, и она быстро устает... заклинание все еще не идеально синхронизируется с конечностью. Мы с Флитвиком продолжаем работать над балансом.

Гермиона собрала разложенные книги и склянки с зельями и сложила их в свою сумку. Выйдя из комнаты Джинни, она сделала вид, что снимает с себя специальные защитные заклинания и накладывает очищающие чары. Затем девушка отправилась в свою комнату, чтобы сменить одежду.

По пути в больничное крыло она остановилась и прислонилась к стене в

коридоре. Несколько минут Гермиона простояла, прижавшись к ней ладонями и пытаясь остановить дрожь в руках.

С Рождества ей не удавалось поспать больше, чем пару часов в сутки. Раз в неделю, в понедельник, Гермиона принимала зелье Сна без сновидений, чтобы на следующий день ее руки не дрожали во время тренировки с Драко.

Остальные страдавшие бессонницей обитатели дома обычно собирались в гостиной, но Гермиона не могла заставить себя спускаться туда. При ней всегда смолкали разговоры; многие пытались подбодрить ее или включить в беседу. У нее не было сил притворяться заинтересованной. Большую часть бессонных ночей она проводила в пустой кухне, пытаясь найти себе какое-то занятие, чтобы скоротать оставшиеся до рассвета одинокие часы.

Гермиона оторвалась от стены и продолжила путь в больничное крыло. Скоро начнется ее смена.

Позже, когда она помогала Падме учиться спускаться по лестнице без помощи трости, они услышали, как внизу с грохотом распахнулась входная дверь.

— Нет! Отпусти меня! Отпусти! — Гарри пытался вырваться из рук Ремуса, пока тот силой затаскивал сопротивляющегося парня в дверной проем. — Блять! Пусти меня! Мы не можем оставить их там!

Гарри заехал Ремусу кулаком по лицу, продолжая вырываться из его захвата.

— Оглушите его кто-нибудь! — крикнул Ремус, прижав Гарри к полу и придавив его весом своего тела.

— Нет, черт возьми. Черт. Ты оставил Рона! Отпусти меня! Ты не можешь заставить меня бросить его там!

Гермиона резко выхватила палочку из кармана джинсов и наложила на Гарри Оглушающее. Заклятье попало ему в висок. Обмякнув, Гарри растянулся на полу.

— Не приводите его в чувства, пока он не будет связан, — резко бросил Ремус, выбежав обратно за дверь и аппарировав, не дав им вставить и слова.

Гермиона оставила Падму на лестнице и бросилась к обмякшему телу Гарри. Она наложила на него диагностирующие чары, тщательно проверяя на наличие травм. Диаграмма показала сотрясение и несколько сломанных ребер. Гарри был с ног до головы покрыт грязью, а несколько ногтей на его руках были сломаны под корень. Диагностика отобразила наличие у него травм от проклятий.

— Кто-нибудь должен отправить патронус Кингсли и Грюму, — резко сказала Гермиона. Она отлевитировала Гарри в больничное крыло и приступила к лечению.

Ей не понадобилось много времени, чтобы исцелить его повреждения. Напоследок она влила ему в рот Крововосполняющее и Восстанавливающее зелья.

Гермиона вытерла лицо Гарри от грязи и пота. К его щекам стал возвращаться здоровый румянец. Откинув непослушные волосы с его лица, она провела по

тонкой линии шрама, пересекавшего лоб.

— Ох, Гарри, — прошептала Гермиона, прислонившись своим лбом к его. — Прошу, Ремус, возвращайся обратно вместе с Роном.

Она оставалась рядом с Гарри, пока в палату не вошли Невилл и Чарли, несший на руках бессознательную Тонкс. Падма скользнула в комнату следом за ними. Правая рука Невилла была сломана в нескольких местах, кости его предплечья торчали под неестественным углом.

— Что произошло? — спросила Гермиона, в то время как Падма отлевитиствовала Тонкс на одну из кушеток.

— Черт, если бы я только знал, — ответил Невилл. Он был настолько бледен, что его кожа казалась почти прозрачной. Гермиона наложила на него диагностику. На возникшей возле него диаграмме отобразились остаточные следы от пыток Круциатусом и кислотного проклятия, попавшего ему в руку. — Видимо, они ждали, что рано или поздно мы попробуем пробраться в Хогвартс по подземным туннелям. Похоже, когда мы спустились в них, активизировались какие-то сигнальные чары. Нас со всех сторон окружили не меньше дюжины Пожирателей. В туннеле находились антиаппарационные барьеры. Мы даже не подумали о том, чтобы заранее проверить возможность переместиться оттуда — так заняты были расчисткой завалов. Мы постарались задержать Пожирателей, в то время как Ремус взорвал часть потолка туннеля и вытащил Гарри наружу. Мы собирались последовать за ними, но в Рона прилетело какое-то заклинание. Мы с Энтони пытались вытащить его, но мне в правую руку попало кислотное проклятие. Энтони помог наложить контрзаклятие, а потом кинул в меня Левиосой, чтобы отлевитиловать меня из туннеля. Идиот. Он отвлекся из-за этого. Я видел, как в него попало Убивающее. Не знаю, как в итоге оттуда выбралась Тонкс... Но больше из туннеля так никто и не вышел. Когда Ремус вернулся обратно, он заставил нас всех аппарировать на Площадь Гриммо.

— Рон жив? — голос Гермионы дрожал. Она удалила часть костей из руки Невилла, но тот, похоже, был слишком шокирован, чтобы заметить это.

— Я не знаю...

— Мы отправили маме патронус, — сказал Чарли безжизненным голосом. — Чтобы узнать, что показывают семейные часы.

Выяснилось, что стрелка, принадлежавшая на часах Рону, указывала на «Смертельную опасность».

Гермиона отправилась сама взглянуть на них. Она стояла рядом с Молли Уизли и боялась отвести взгляд от циферблата. Словно стоило ей отвернуться, и рядом со стрелкой Перси, указывающей на надпись «Погиб», появится ещё одна.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Гермиона смогла заставить себя оторвать взгляд от часов.

— Молли, через час состоится собрание по поводу произошедшего. Я... могу присмотреть за Артуром, если вы хотите поучаствовать, — Гермиона опустила ладонь на плечо миссис Уизли.

Молли продолжала, не отрываясь, смотреть на часы. Она покачала головой.

— Нет, дорогая, мне нужно остаться здесь. Там будут остальные мальчики. Я останусь здесь.

Гермиона убрала руку с ее плеча.

— Прежде чем уйти, я приготовлю вам чай.

Когда она появилась на Площади Гриммо, собрание уже было в разгаре.

— Мы не собираемся организовывать никаких спасательных операций. Попытаться проникнуть в Хогвартс сейчас равносильно самоубийству, — сказал Кингсли, выслушав доклад о произошедшем. Он сохранял абсолютное спокойствие, несмотря на повисшее в воздухе напряжение. — Найти доступ в школу — было и остается нашей главной задачей. Однако на данный момент у нас нет возможности подобраться даже к стенам замка. Пока у нас не будет больше сведений об охраняющих Хогвартс чарах, ни о каких планах спасения не может быть и речи.

Чарли со злостью ударил кулаком по столу, и на несколько минут комнату заполнили крики и возражения.

— Мы не можем оставить Рона там. Он один из членов Ордена. Скорее всего, его пытаются. Вы можете представить себе, что случится, если до него доберется Люциус Малfoy? — дыхание Гарри было неровным из-за сжимавших его грудь паники и злости. Не помогли даже успокоительные зелья, которые Гермиона влила в него до того, как он пришел в сознание.

— Мы не можем ничего сделать, пока у нас не будет больше информации, — безапелляционно ответил Кингсли. Оглядев по очереди всех собравшихся в зале, он снова перевел взгляд на Гарри. — Пока вы восстанавливаете силы, Грюм со своей командой уже отправились к Хогвартсу. Мы отлично понимаем всю срочность ситуации, Гарри.

— Я не нуждаюсь ни в каком восстановлении, — выплюнул Гарри. — Мне нужно, чтобы вы помогли мне вызволить Рона. Должно быть что-то, что мы можем сделать. У нас в заложниках много их людей, мы можем провести обмен пленными.

Кингсли сделал глубокий вдох и покачал головой.

— Если Орден начнет торговаться, это покажет Пожирателям, насколько ценного заложника они взяли. Я понимаю твоё состояние, Гарри. Пока для тебя не найдется другого напарника, ты отстранен от миссий.

Гарри поднялся из-за стола и вышел из комнаты, не проронив больше ни слова.

— Приглядывайте за Гарри, — сказал Кингсли. — Ремус, Фред, Чарли, всегда держите его в поле зрения.

Собрание окончилось, и вскоре комната почти полностью опустела. Кингсли остался стоять во главе стола. Гермиона встала, собираясь выйти.

— Грейнджер, на пару слов.

Она остановилась и обернулась. Кингсли наложил на комнату Заглушающее заклинание. Гермиона сжала руки в кулаки за спиной.

— Тебе необходимо поговорить с Малфоем. Мне нужна вся информация о Хогвартсе, как можно быстрее.

— Прямо сейчас? — уточнила Гермиона напряженным голосом.

— Чем быстрее, тем лучше. Если нужно, подожди его в хижине. Скажи Малфоем, что ситуация критическая. Объясни, что сейчас для Ордена эта информация в приоритете.

Она кивнула и развернулась, чтобы уйти, но затем остановилась.

— Нужно ли объяснить ему, почему это так важно? Что мы пытаемся вызволить Рона?

Пристально посмотрев на нее, Кингсли медленно кивнул. По его лицу сложно было что-то прочесть, но его взгляд казался расчетливым. Ей часто было интересно, какие выводы он делает, когда так смотрит на людей.

— Да. Атакуя Хогвартс, мы потеряем многих бойцов, но если есть вероятность вызволить Рона из школы живым, это будет стоить всех жертв. Сомневаюсь, что Пожиратели глупы настолько, чтобы убивать своего пленника. Все знают о том, как Гарри им дорожит. Пока мы не вызволим Рона, Гарри будет абсолютно бесполезен. Любое из предпринятых сейчас действий будет означать риск для Ордена. Однако потеря Рона может стать слишком серьезным ударом по нашим силам.

Уголок ее губ дернулся, когда она подумала о том, что на самом деле означали эти слова. Жизнь Рона стоила того, чтобы пожертвовать жизнью Драко. Конечно. Именно поэтому она и согласилась на свою миссию. Потому что таков был расклад. Потому что война — это нечто гораздо большее, чем жизнь всего лишь одного ее участника. Но...

Гермиона с трудом сглотнула.

— Хорошо. Я расскажу ему, — ее голос звучал безжизненно. Спустя мгновение она добавила: — Но вы должны понимать, что Гарри попытается организовать свою собственную спасательную операцию.

Губы Кингсли слегка дрогнули.

— Именно поэтому я дал задание следить за ним Ремусу, Фреду и Чарли. Если бы я лично занялся его защитой, Гарри бы отправился в Хогвартс в одиночку. Однако пока за ним присматривают эти трое, есть вероятность, что он не отправится спасать Рона, не взяв их с собой. Тем более, я рассчитываю, что Ремус сможет отговорить Гарри, если ему придет в голову совершить какую-то глупость. Гарри сейчас неуправляем, сдержать его было бы возможно, только погрузив в магическую кому.

Гермиона хотела что-то сказать, но затем остановилась, засомневавшись.

Заметив это, Кингсли вопросительно приподнял бровь.

Гермиона сжала челюсти.

— Насчет Джинни. Возможно, стоит рассказать о ней Гарри? Это должно помочь нам немного его усмирить.

Она наблюдала за тем, как меняется выражение лица Кингсли, пока он обдумывал ее вопрос. Война шла уже несколько лет к тому моменту, когда Гермиона осознала, что когда-то Кингсли учился на Слизерине.

— Пока нет. Если у нас не получится вызволить Рона из Хогвартса до конца этой недели, мы расскажем Гарри о беременности, — наконец сказал Кингсли. — Пока что я хочу, чтобы о ситуации с Джинни знало как можно меньше людей. Если нам повезет, пока мы с Грюмом будем готовить спасательную операцию, все остальные будут заняты попытками самостоятельно собрать информацию о Хогвартсе.

— Понятно.

Гермиона покинула комнату и отправилась к выходу из дома, чтобы аппарировать с крыльца.

В хижине было холодно. Гермиона обняла себя руками, пытаясь согреться, пока ждала появления Драко.

Не прошло и пяти минут, как он аппарировал в хижину.

Он пристально посмотрел на неё.

— Полагаю, ты здесь из-за того, что произошло в Хогсмиде.

Гермиона резко кивнула в подтверждение.

— Они схватили Рона.

Выражение его лица изменилось.

— Это был Рон? Я слышал только то, что схватили кого-то из Уизли.

— Да, они схватили Рона. Он... он нужен нам. Эта ситуация крайне опасна для Ордена. Нам нужно вызволить его.

Лицо Драко превратилось в ледяную маску.

— Если вы попытаетесь сейчас атаковать Хогвартс, то подпишете себе смертный приговор. Замок безупречно защищен от проникновений извне.

— Нам нужно вытащить Рона оттуда, — повторила Гермиона твердо. — Это не подлежит обсуждению. Мне велели передать, что на данный момент это первостепенная задача для Ордена. — Она заметила, как глаза Драко сверкнули. — Жизнь Рона слишком ценна. Кингсли хочет получить всю возможную информацию о подземельях Хогвартса.

Драко резко втянул носом воздух и вскинул голову:

— Считай, что все уже сделано.

— Спасибо, — Гермиона старалась встретиться с ним взглядом.

Что, если он погибнет? Что, если это последний раз, когда она видит его?

Драко так и не посмотрел на нее.

— Я вызову тебя, как только у меня будут нужные сведения.

— Спасибо, Драко.

Он раздраженно зашипел сквозь зубы. Его челюсти были плотно сжаты.

— Я бы предпочел, чтобы ты перестала называть меня так.

Гермиона почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Драко, когда я поцеловала тебя...

На его лице отразилась ярость.

— Seriously, у нас есть время, чтобы это обсуждать?

Она постаралась проглотить следующие слова, но не смогла сдержаться:

— Наступит ли когда-нибудь момент, когда ты снова заговоришь со мной? Когда ты снова согласишься на меня? — в ее голосе звучала мольба.

Драко резко поднял на нее взгляд. Наконец-то он смотрел прямо на нее, но в его глазах горела злость. Снова ощущать на себе его полноценное внимание было для нее равносильно удару под дых.

— Хочешь, чтобы я посмотрел на тебя, Грейнджер? — спросил он. Его тон казался мягким, но под обманчивой легкостью прятался холод. Драко подошел к ней вплотную. — Что ж, хорошо. Я смотрю на тебя. Должен признаться, что это восхитительное чувство — видеть столько вины в твоих глазах.

Он презрительно усмехнулся ей в лицо.

— Знаешь, раньше я думал, что ничего отвратительнее рабской службы Темному Лорду уже не существует. Но я признаю, что это меркнет перед тем, что сделала со мною ты.

Гермиона едва могла дышать, но не отводила от него взгляда.

— Полагаю, никто не осознаёт, насколько легко быть под гнетом одних оков, пока к ним не добавятся другие, — добавил он, изучая ее лицо. — По крайней мере, раньше я мог успокаивать себя тем, что это не было моей виной, что я был вынужден вступить в ряды Пожирателей, потому что лишь так мог уберечь свою мать. Совершенно другое дело, когда мне больше некого винить, кроме самого себя.

Драко обхватил рукой ее горло.

— В конце концов, я ведь сам тебя выбрал. Ты так старалась добиться успеха в своей миссии, но в душе всегда оставалась настоящей гриффиндоркой. Я завидовал, что даже спустя столько лет, наполненных войной, ты оставалась такой наивной: находила хорошее в моих поступках, не понимала, что Грюм и Кингсли с самого начала собирались сдать меня Волдеморту. Когда ты попросила дать тебе возможность исцелить меня, я поддался. Ты прикасалась ко мне, а я не оттолкнул тебя. Я думал: «Что плохого может случиться?» Ведь скоро все равно все будет кончено. Моя жизнь так долго была холодной.

Гермиона дрожала.

Драко поднес руку к ее лицу и скользнул пальцами по ее щеке. Она закрыла глаза и резко вздохнула. Он был так близко, что она могла чувствовать его запах. Древесный мох и папирус.

— К тому моменту, когда я понял, что недооценил тебя, ты уже успела добиться своего. Твои старания были настолько очевидны, что от этого становилось только хуже. Я понимал, что ты готова позволить мне сделать с тобой все что угодно, ради спасения тех самых друзей, которые позволили продать тебя в обмен на информацию. Что бы я ни сделал, это не могло заставить тебя отступить. По крайней мере, когда я решил вступить в ряды Пожирателей, моя мать молила о том, чтобы принять Метку вместо меня. Полагаю, в некотором смысле, мне повезло больше, чем тебе.

Она едва слышно всхлипнула.

— Когда ты чуть не погибла в Хэмпшире, я решил, что хотя бы могу помочь сохранить тебе жизнь. «Она заслуживает того, чтобы кто-то беспокоился о ней и пытался уберечь ее от смерти», — думал я. Полагал, что рано или поздно, ты сдашься. Но, конечно же, ты сделала все, чтобы спасти жизни людей, за которых чувствуешь свою ответственность. Поэтому ты использовала свое чувство вины, превратив его в возможность манипулировать мной, — он издал горький смешок. — Уверен, во всем этом даже есть что-то поэтичное, но пока все, что я ощущаю, это лишь тяжесть от новых оков.

Его ладонь задержалась на ее щеке еще на несколько секунд, а потом он опустил руку и отошел от нее.

— Так что, прошу простить меня за то, что мне неприятно смотреть на тебя. Я все еще пытаюсь свыкнуться с новыми обстоятельствами.

Он развернулся и беззвучно аппарировал из хижины.

Гермиона села на пол и опустила голову на колени, пытаясь восстановить дыхание.

Вернувшись на Площадь Гриммо, она обнаружила, что кто-то заходил в ее кладовку с зельями. Осмотр стоявших на полках склянок подтвердил пропажу нескольких доз Обратного зелья и двух флаконов Сыворотки правды. Потайной отсек кладовки оказался нетронутым.

Падма упорно делала вид, что о пропаже зелий ей ничего не известно.

— Все это время я была на другом этаже. К тому времени, как я спустилась сюда, в кладовой уже никого не было, — Падма пожала плечами.

— Не могу представить, для чего кому-то могли понадобиться восемьдесят доз сыворотки правды, — тон Гермионы был резким. — Теперь нам придется экономно расходовать остатки зелья, пока следующая порция Сыворотки правды не будет готова. Надеюсь, в следующий раз, когда ты забудешь поставить охранные чары на кладовку, то убедишься, что у воришек будут хоть какие-то знания о нужных дозировках Сыворотки.

Густо покраснев, Падма развернулась и заковыляла к выходу.

Гермиона принялась обновлять защитные чары вокруг кладовки. Закончив с этим, она отправилась проверить состояние больных.

Пока Падма восстанавливалась после полученной травмы, у Гермионы прибавилось смен в больничном крыле. Она радовалась этому. Возможности чем-то занять свое время. На чем-то сосредоточить свои мысли. Гермиона чувствовала облегчение от того, что могла думать о чем-то нейтральном, что не относилось к тому клубку лжи, в котором она жила. Смены в больничном крыле были единственным занятием, после которого ей не хотелось содрать с себя кожу в знак раскаяния за свои поступки.

Хотя ее раскаяние не имело никакого значения. Никого вокруг не интересовали ее чувства.

По ночам, когда Гермиона оставалась одна в пустой кухне, она могла делать все, что хочется.

В первый раз это был лишь один порез. Она завороченно смотрела, как из раны выступает алая капля и скользит по ее бледной коже вниз, на стол.

Взмахом палочки девушка заставила кровь исчезнуть. Ещё один взмах — и на ее коже не осталось и следа.

На следующую ночь порезов стало только больше. Холодные ночные часы сменяли друг друга, пока она продолжала резать кожу на своих руках. Чертила тонкие, словно от лезвия бритвы, линии. Гермиона позволяла себе вырезать их на коже так долго, как только захочется, ведь ей с легкостью удавалось залечить их, не оставив даже намека на шрам.

Гермионе это удавалось лучше всего. Исцелять внутренние повреждения. К этому у нее был особый талант. Наконец нашлось, чем занять себя по ночам.

Когда днем Гермиона выходила в коридор после очередного визита к Джинни, возле двери ее ждал Гарри.

Он выглядел болезненно. Его лицо было бледным, а глаза лихорадочно блестели.

— У Джинни все в порядке? — спросил он еще до того, как Гермиона закрывала дверь в комнату подруги.

— Она хорошо справляется. Но пока в ее состоянии нет никаких изменений, — поспешила добавить Гермиона прежде, чем Гарри успел бы загореться надеждой. Она сняла действие окружавших ее защитных чар и наложила на себя очищающее заклинание.

Гарри отрывисто закивал.

— Она уже знает о Роне?

— Я рассказала ей. Пообещала сообщить, как только нам удастся вызволить Рона. — Гермиона сжала руку Гарри в своей ладони. — Мы вернем его домой, Гарри.

— Я знаю. Знаю, что мы вернем его, — ответил он. Вдруг Гарри посмотрел по сторонам, словно опасаясь, что кто-то может их подслушать. — Гермиона, ты можешь... можешь пойти со мной? — Гермиона посмотрела на него с беспокойством.

— Гарри, в чем дело?

— Просто мне нужен целитель, а ты лучшая в этом деле, — сказал он, пожав плечами с притворной беззаботностью.

Казалось, ее сердце пропустило удар.

— Гарри, что ты сделал? Ты же не... Ты пытал кого-то?

Гарри резко вскинул голову и посмотрел на нее. В его глазах отразился ужас.

— Что? Конечно, нет! Как ты вообще могла о таком подумать?

Гермиона облегченно вздохнула и на секунду прикрыла глаза.

— Кое-кто забрался в мою кладовку с зельями и украл почти месячный запас Сыворотки правды. И чего же мне ждать от тебя после этого?

Гарри засунул руки в карманы и окинул ее быстрым взглядом.

— Мы смогли схватить нескольких егерей. Среди них не было ни одного окклюмента. Сыворотка правды сработала как надо.

— Тогда зачем тебе нужна я?

— Объясню все, когда мы прибудем на место, — Гарри придержал ее за запястье и накинул на них обоих плащ-невидимку.

Выведя ее из дома, он схватил Гермиону за руку. Они аппарировали.

И приземлились посреди какого-то пустыря.

Гарри протянул руку и ухватился за что-то невидимое. Послышался скрип несмазанных петель, и Гарри потянул ее за собой во двор сквозь появившиеся словно из ниоткуда ворота. Чем глубже они заходили, тем отчетливее перед ними проступали очертания зачарованного коттеджа, окруженного огромным

садом и прудом. Они замерли у кромки воды.

— Что это за место? — спросила Гермиона, продолжая озираться по сторонам.

— Раньше этот дом принадлежал семье Тонкс, — ответил Гарри. — Ремус и Тонкс обновили защитные чары вокруг дома, чтобы у Ремуса было безопасное место, где он мог бы превращаться в полнолуние.

Гермиона неверяще посмотрела на него.

— Хочешь сказать, Тонкс вернулась в дом, в котором убили ее родителей?

Гарри окинул коттедж печальным взглядом.

— Это место, в котором она родилась и выросла. Они с Ремусом поженились в гостиной этого дома. Тонкс сказала, что ей нужно было вернуться сюда. Это все, что у нее осталось от родителей. Если бы дом моих родителей в Годриковой впадине не был разрушен, я бы тоже вернулся туда.

Он простоял в задумчивости еще около минуты, прежде чем вздрогнуть, словно вспомнив, где они находятся.

— Пойдем.

Гарри повел ее по гравийной дорожке ко входу в коттедж. Шагнув в дом, Гермиона окинула взглядом видневшуюся из прихожей гостиную. Сразу за ней находилась комната, служившая столовой. У овального стола их уже ждали Чарли, Фред, Ремус и Тонкс. Они все подняли взгляд на вошедших в комнату Гарри и Гермиону.

— Я привел целителя, — объявил Гарри.

Все присутствующие неверяще переводили взгляд с Гарри на нее.

— Гермиону? — удивленно спросил Фред. — Думал, ты приведешь нам полевого целителя.

— Они недостаточно хороши, — жестко ответил Гарри и подошел к столу. Гермиона так и осталась стоять у входа в комнату. — Прошло уже три дня. Мы не знаем, что они могли сделать с Роном за это время. Гермиона способна исцелить все что угодно.

— И когда она в последний раз участвовала в операциях? — Чарли окинул ее скептическим взглядом.

Гарри оглянулся на Гермиону.

— Три с половиной года назад, — ответила она, отводя взгляд.

— Мы не можем взять ее с собой, — сказал Фред, скрестив руки на груди. — Она нужна Ордену. У нас нет никого, кто сравнится бы с ней в знаниях. К тому же у нее совершенно нет полевого опыта.

— Что действительно нужно Ордену, так это перестать терять бойцов. В этом

случае Гермионе вообще не нужно будет никого лечить, — зло ответил Гарри.

— У нас есть Падма. Она хорошая целительница, и у нее к тому же есть боевой опыт, — заметил Ремус, не отводя от Гарри внимательного взгляда.

Тот отрицательно покачал головой.

— У Падмы нет ноги. Возможно, она будет готова участвовать в операциях через пару месяцев, но не сейчас. Помфри уже за шестьдесят, у нее начинается одышка после обычного подъема по лестнице на второй этаж. Нам нужен кто-то, кто сможет действовать быстро. Гермионе не понадобится сражаться. Мы будем прикрывать ее.

— И какой у тебя план? Вы ведь не рассчитываете, что сможете пробраться в Хогвартс впятером? — спросила Гермиона, сжав в руке волшебную палочку.

— Рон не в Хогвартсе, — заявил Гарри, разворачивая свиток пергамента и раскладывая его на столе. — Допросив егерей, мы узнали, что они переместили Рона куда-то ближе к Лондону. У них есть небольшая тюрьма неподалеку от Кембриджа.

— Неподалеку от Кембриджа? — удивленно повторила Гермиона. Им не было известно ничего о тюрьме в Кембридже. Драко бы упомянул о ней, будь это правдой. — И ты узнал об этом от егерей?

— Мы смогли раздобыть немало сведений от егерей. Большинство имеющихся у Ордена карт с тюрьмами и лабораториями, которые мы используем в наших спасательных операциях, появились у нас благодаря допросам егерей, ты же знаешь, — сказал Гарри, кивнув на разложенную перед ними карту, на которой Гермиона могла различить чертеж какого-то здания.

Гермиона вздрогнула. Грюм отдавал бойцам свитки с полученной от Драко информацией под видом сведений, добытых у егерей. Она подошла ближе к столу и внимательно всмотрелась в схемы на карте.

— Гарри... Это ведь может быть ловушкой, — заметила она как можно мягче.

— Ага. Как и любая другая информация, полученная от егерей. Но эти сведения до сих пор еще ни разу не подводили нас. Я не собираюсь сомневаться и отступать тогда, когда на кону находится жизнь Рона. Мы должны отправиться туда сегодня. Завтра полнолуние, — сказал Гарри напряженно.

Гермиона посмотрела на Чарли, Фреда, Ремуса и Тонкс.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Ремус, слегка улыбнувшись ей. — Ордену нужен Рон. Пожиратели Смерти, скорее всего, ожидают, что мы будем оттягивать нападение, чтобы подготовиться и собрать необходимые силы. Если мы отправимся туда сейчас, пока они еще не готовы к нашему приходу, мы сможем обойтись меньшими потерями.

Гермиона замерла в нерешительности. Не было никакой гарантии, что их можно будет остановить, раскрыв, какую роль играет во всем этом Драко. Этой информацией она может только навредить Ордену.

— Гермиона, ты отправишься с нами, чтобы помочь вернуть Рона домой? — Гарри выжидающе посмотрел на нее.

— Гарри... — начала она умоляющим тоном.

— Я не знаю, что они могли сделать с Роном за это время, Гермиона, — перебил он ее. Тон его голоса был серьезен. — Он может быть... тяжело ранен. Поэтому нам нужна ты. Ты лучшая. Если Рон при смерти, мы не справимся без твоей помощи. Я отправлюсь за ним в любом случае... Я должен вытащить его оттуда.

Пока мы не вызволим Рона, Гарри будет абсолютно бесполезен. Любое из предпринятых нами действий будет означать риск для Ордена. Однако потеря Рона может стать слишком серьезным ударом по нашим силам.

Гермиона тяжело сглотнула.

— Конечно, Гарри. Я пойду с вами.

Гарри облегченно вздохнул и одарил ее широкой улыбкой.

— Отлично. Давай я объясню тебе нашу стратегию.

Сразу стало понятно, что их план явно не может сравниться с удачными планами, когда-либо придуманными Орденом. Лучшим стратегом среди них всегда был Рон, и его отсутствие ощущалось сейчас, когда они обговаривали детали планируемой спасательной операции, особенно остро.

Задача Гермионы состояла в том, чтобы оставаться внизу, избегая драк, и позволить всем остальным сражаться с охраной. Она должна будет быстро исцелить Рона, как только они найдут его, на тот случай, если им придется пробиваться наружу с боем. Если начнется перестрелка, она должна будет вытащить Рона. Как только они с Роном вырвутся из коттеджа, все остальные отступят.

Гермиона внимательно посмотрела на чертеж. Это была ловушка. План был слишком очевиден и детализирован. Она прикусила губу, обдумывая, как ей поступить.

— Хорошо. Всем приготовиться. Мы отправляемся через пятнадцать минут, — сказал Гарри.

Гермиона нервно заерзала.

— Мне нужно забрать свой экстренный набор. У меня не было возможности взять с собой свои припасы.

Гарри повернулся и пристально посмотрел на нее, его зеленые глаза сузились.

— Ты пытаешься ускользнуть и связаться с Кингсли, чтобы он смог остановить нас?

Уголок рта Гермионы дернулся.

— Нет. Конечно, нет.

— Пообещай.

— Я обещаю, что просто заберу свои вещи с Гриммо и уйду. Я никому не расскажу о нашем плане ни из Ордена, ни из Сопротивления.

Гарри медленно кивнул.

— Хорошо. Поторопись. Если ты не вернешься через пятнадцать минут, мы уйдем без тебя.

Гермиона выбежала из коттеджа и аппарировала к хижине.

Она подождала еще несколько минут. С каждой секундой Гермиона замирала от ужаса все сильнее.

Грюм находился в Шотландии. Кингсли был занят сбором разведывательных данных. Не было никого, с кем можно было бы связаться достаточно быстро. Никто не мог остановить Гарри.

Если она пошлет патронуса, то ей нечего будет сказать помимо того, что Гарри попадет в ловушку где-то неподалеку от Кембриджа. Это будет недостаточной информацией для Кингсли, чтобы действовать оперативно.

Если бы Драко знал что-то, если бы он мог сказать ей что-то конкретное, то она смогла бы использовать это, чтобы отговорить Гарри.

Она грызла ногти и крутила воротник своей рубашки.

Наконец Гермиона с трудом сглотнула. Драко не появится. Прошло уже около десяти минут.

У нее не было времени.

Она наколдовала листок бумаги и нацарапала ему записку с соответствующими подробностями. Местоположение. Стратегия. Свои подозрения. Если он появится, то по крайней мере будет знать, зачем она его вызвала.

Гермиона использовала заклинание Удержания, чтобы поместить записку в центр пола, где ее будет невозможно не заметить, и отправилась на Площадь Гриммо.

Девушка бросилась по ступенькам к шкафу и вытащила свой личный набор для исцеления. Он был схожим с тем, что она дала Драко, но с несколькими другими специализированными зельями, бинтами и шинами. Гермиона уменьшила его и сунула в карман, а затем подняла половицу и схватила свои ножи, привязав один к левой руке под рубашкой, а другой — к икре под брюками. Она потянулась за плащом, но отдернула руку. Нет. Он может вызвать вопросы.

Гермиона поднялась на ноги и бросилась обратно к двери.

Гарри и все остальные стояли перед коттеджем Тонкс, когда она появилась.

— Вот и ты. Мы уже решили, что ты сбежала, — сказала Тонкс.

Гермиона покачала головой.

— Нет. Мне просто нужно было убедиться, что у меня все есть. Обычно я не исцеляю вне стен больничной палаты.

Тонкс кивнула.

— Хорошо. Держись за меня. Я аппарировать всех на место.

Гермиона схватила Тонкс за руку, и их отряд исчез и снова появился в лесу. На соседней поляне стоял большой заброшенный каменный дом.

— Примерно на полпути через поле есть антиаппарационные барьеры. Как только ты доберешься до Рона, Гермиона, вы вместе должны будете достигнуть границы барьеров и аппарировать обратно в коттедж Тонкс. Таким образом мы сможем убедиться, что на нем нет отслеживающего заклинания, прежде чем отправимся в одно из убежищ, — тихо проинструктировал Гарри.

— Хорошо, — ответила Гермиона, кивая и глядя на здание. Ее сердце колотилось так сильно, что этот стук причинял ей боль. Она нервно теребила палочку и ощупывала себя через рубашку, чтобы убедиться, что ее нож все еще там.

Гарри, Ремус, Фред и Чарли начали произносить сложное заклинание обнаружения, а Гермиона и Тонкс продолжали наблюдать.

Они образовали паутину магии из своих палочек, и та медленно поплыла из леса, едва заметная, если только не искать ее намеренно. Паутина плыла через поле к дому, слегка мерцая в разных точках, указывая на различные обереги. По мере того, как она постепенно проходила сквозь здание, в воздухе начинали мерцать небольшие вспышки красного света...

— Двое у двери, — сказал Гарри.

— Четверо наверху, — добавил Фред.

— В подвале около десятка, — сказал Чарли. — Держу пари, именно там они и держат Рона.

— Действуем быстро, — сказал Гарри. Его волшебная палочка была зажата в кулаке, а глаза сверкали, когда он смотрел на здание. — С учетом того, что в доме, скорее всего, установлены сигнальные детекторы, у нас есть максимум десять минут до прибытия подкрепления. Гермиона, твоя единственная задача — вытащить Рона.

52. Флэшбэк 27.

Март 2003 года.

Ловушка. Ловушка. Ловушка.

Это была единственная мысль в голове у Гермионы, пока она смотрела, как исчезающий под мантией Гарри направлялся к заброшенному дому.

Дверь отворилась, и они увидели бесшумные вспышки заклинаний, прежде чем появилась голова Гарри, поманившая всех остальных вперед.

Члены отряда последовали за ним в дом, окружённые сильными дезиллюминационными чарами.

Гермиона предположила, что Фред и Чарли направились вверх по лестнице, Гарри же махнул рукой остальным в сторону двери, ведущей в подвал.

Девушка чувствовала Тонкс, идущую позади нее, пока они спускались по узкой лестнице, и слышала приглушенные звуки заклинаний, принадлежащих Гарри и Ремусу. Они пробыли в доме меньше минуты.

Гермиона услышала, как с грохотом распахнулась дверь.

— Все чисто, — тихо произнес голос Гарри из пустоты.

Они шли вперёд по подвальному коридору, открывая по пути все встречные двери. Тишина казалась оглушительной... ее нарушало еле слышное шарканье ног. Кровь стучала в ушах, перекрывая звук, с которым Гарри врывался в комнату за комнатой.

Они находились уже на половине пути, когда дверь в конце коридора резко распахнулась. Десятки проклятий вырвались наружу. Гермиона нырнула, чтобы избежать Круциатуса, летящего в их сторону. Несколько проклятий рикошетом отскочили от стен, и воздух вокруг начал наполняться магией.

Все происходило слишком быстро и в то же время слишком медленно. Гермиона сосредоточилась на том, чтобы держать щит поднятым и двигаться как можно быстрее. Она едва успела увернуться от кислотного проклятия, направленного в лицо, как ей навстречу устремился смертельный зелёный луч.

«Тебе нужно научиться двигаться инстинктивно».

Она молниеносно опустилась на пол, кувыркнувшись в сторону, затем быстро поднялась на ноги с другой стороны коридора, непрерывно бросая в противников заклинания.

Ничего смертельного. Она не хотела случайно задеть Рона, который мог находиться в охраняемой комнате.

Наконец вспышки заклинаний прекратились. Последовала пауза.

— Он здесь, внутри! — закричал Гарри.

Гермиона быстро вбежала в комнату, снимая с себя маскирующие чары. Гарри резко рванул на себя цепи, на которых подвесили Рона. На земле лежали восемь Пожирателей Смерти без сознания.

Рон был избит. Его лицо настолько распухло, что стало почти неузнаваемым. Он что-то кричал, не издавая при этом ни звука. Его запястья были покрыты кровавыми ранами там, где кандалы врезались в кожу. Гарри резко дернул цепь, и Гермиона с Тонкс подхватили Рона, прежде чем он упал.

— *Фините Инкантитем*, — Гермиона взмахнула палочкой над лицом Рона, доставая свой набор для исцеления.

— Ты чертов идиот, Гарри! — взорвался Рон, как только ему вернули голос. — Убирайтесь отсюда! Какого хрена ты притащил сюда Гермиону?

Слишком просто. Все прошло слишком просто. Эти слова гремели в ее голове, пока она исцеляла Рона. Гермиона работала так быстро, как только могла. Залечивая его раны до такого состояния, чтобы дать возможность обороняться, если потребуется, пока они будут вытаскивать его отсюда.

— Проверь, что это он, — сказал Ремус.

— Это он, — ответил Гарри.

— Проверь его, — отрезал Ремус.

— Как Квиррелл прошел мимо Пушка?

— С чертовой арфой! — Рон попытался оттолкнуть Гермиону и встать. — Мы должны выбираться отсюда.

— Проглоти это. — Гермиона влила ему в горло зелье, исцеляющее повреждение внутренних органов, а затем другие — Восстановительное и Укрепляющее.

— Нам пора идти, — сказал Рон, пока она размазывала мазь от синяков по его лицу, уменьшая отёк, чтобы он мог видеть.

— Позволь мне исцелить твою руку, — сказала Гермиона, отодвигая кандалы, все еще опоясывающие его запястье, чтобы капнуть настойку бадьяна в глубокую рваную рану, из которой виднелась кость. Она залечила переломы так быстро, как только могла.

Пока девушка произносила заклинания, кольцо на ее руке внезапно раскалилось докрасна. Она судорожно вздохнула, продолжая работать. Обжигающее ощущение едва успело исчезнуть, как Гермиона почувствовала пульсацию снова.

— Достаточно, — поморщившись, Рон вырвал свою руку. — Мы должны выбраться отсюда. Вы взяли волшебную палочку?

Гарри вытащил одну из них, и Рон неуклюже сжал ее в руке, пытаясь встать. Он двинулся вперед и снова упал на землю.

Гермиона положила его руку себе на плечо.

— Ты со мной, — сказала она. — Я отвечаю за то, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Гермиона, ты сошла с ума, какого черта ты позволила Гарри уговорить себя на это?— Рон оперся на ее плечо, и она помогла ему спуститься в холл.

— Ты нужен Гарри, — тихо сказала Гермиона, — и ты мой лучший друг. Конечно, я согласилась.

Она потащила его на себе по лестнице, а ее кольцо загорелось снова. И снова. И снова.

Фред и Чарли ждали их на верхней площадке лестницы.

— Прошло девять минут, — голос Чарли буквально вибрировал от напряжения.

Чарли, Гарри и Фред вышли первыми, за ними последовали Гермиона и Рон, а Ремус и Тонкс прикрывали их сзади.

Взгляд Гермионы был прикован к границе аппарационных барьеров.

— Барьеры установлены в восьмидесяти футах, нам нужно будет пересечь с тобой только половину поля, — сказала она Рону. Ее голос дрожал, но она старалась говорить уверенно.

Они были уже в двадцати футах от дома, когда воздух разразился громким треском. Пространство за пределами барьеров внезапно стало заполняться прибывающими Пожирателями Смерти.

Гермиона замерла. Там было около сотни Пожирателей, которые сразу же двинулись в сторону барьеров, преграждая путь к бегству. Залпы проклятий летели прямо на них.

Укрепляющее зелье подействовало на Рона, он больше не опирался на Гермиону. Запасная палочка, которую они принесли для него, все еще безвольно висела в его руке.

— Оставайся на месте, Гермиона, — сказал он, выпрямляясь и направляясь к своему месту рядом с Гарри.

У Ордена не было никаких шансов, кроме надежды на своих превосходных бойцов. Скорость и точность, с которыми те сражались, были поразительными. Учитывая столь высокие шансы на смерть, было просто невероятно, что они не погибли сразу. Их было слишком мало.

Тонкс и Фред были единственными, кто использовал по-настоящему опасные заклинания во время сражения.

Гермиона потеряла Рона из виду, и их план спасения рассыпался на глазах.

Нападающие Пожиратели Смерти не казались ей профессиональными бойцами; в их атаках заметно отсутствовали ловкость и координация движений. Однако разница в количестве была ошеломляющей. На каждого члена из отряда Гарри приходилось больше десятка Пожирателей Смерти.

Гермиона аккуратно передвигалась с брошенным впереди щитом.

Она наложила Режущее заклятие на несколько движущихся в ее сторону противников. Крошечные порезы впились им прямо в горло. Просто и эффективно.

Она определённо улучшила свои навыки попадания в цель.

Три Пожирателя Смерти упали один за другим.

Гермиона попыталась повторить это заклинание, но у других Пожирателей хватило ума держать свои щиты поднятыми.

Она прицелилась и бросила на их ноги чары, перерезающие конечности. Большинство щитов Пожирателей не закрывали их полностью.

Раздались крики, и еще несколько Пожирателей упали с незащищенными израненными сухожилиями, роняя свои палочки.

Вслед за режущим заклинанием Гермиона бросила более опасные, чтобы убедиться, что вывела противников из строя окончательно.

Ее щит постепенно начал изнашиваться от количества проклятий, поражающих его. Она пригнулась и быстро отступила в сторону, избегая Смертельного проклятия. Девушка почувствовала, как зеленый луч пронзил воздух возле ее щеки, едва не задев ее. Она обновила свой щит, продолжая двигаться к антиаппарационному барьеру.

Она поискала глазами Гарри, Рона и остальных, но их нигде не было видно.

Повсюду были только Пожиратели Смерти.

Гермиона резко увернулась, чтобы избежать незнакомого проклятия. В этот момент что-то ударило ее по левому запястью. Боль была невыносимой.

Она отшатнулась назад и обнаружила, что ее рука случайно оказалась за пределами щита. Глубокие пузырящиеся нарывы вздулись на ее запястье. Кислотное проклятие. Если они лопнут, то кислота начнёт распространяться дальше.

Боль была настолько мучительной, что девушка с трудом могла выдавить контрзаклятие. Она была вынуждена остановиться и слабо уворачиваться, чтобы избежать новых проклятий.

С третьей попытки ей удалось наложить контрзаклинание. Нарывы исчезли, но боль все еще была неопишуемой.

Она опустилась на землю, тяжело дыша, пытаясь найти укрытие.

Местность была открытой. Не существовало ничего, за чем можно было бы спрятаться, кроме лежащих рядом тел.

Она не могла удержаться от того, чтобы не проанализировать свою травму.

Несмертельная, но тяжелая. У нее будет шрам, но риск в дальнейшем потерять руку отсутствовал. Область, где кислота разъела кости ее запястья, сама не восстановится, пока Гермиона не удалит кости и не исцелит ее. Сейчас она должна быть очень осторожной, чтобы не опираться или не упасть на эту руку; кости на ней были полуразрушенными и очень хрупкими.

Она бросила мощное заклинание взрыва, чтобы отогнать бегущих к ней Пожирателей Смерти. Где же были все остальные?

Ремус и Тонкс сражались спина к спине. Они умело прикрывали друг друга, но непрекращающиеся атаки заставляли их отступать обратно к дому.

Гарри был ближе всего к ней, яростно сражаясь с десятками Пожирателей Смерти. Его очки были разбиты и выглядели так, словно режущее заклинание попало ему в лоб. По половине его лица стекала кровь.

Фред, Чарли и Рон с трудом пробивались к нему.

Гермиона отвела глаза, и вдруг ее взгляд поймал отблеск острия ножа.

Она инстинктивно уклонилась и схватила запястье нападавшего, используя инерцию его тела, чтобы продолжить движение ножа и вонзить его в живот другого приближающегося Пожирателя Смерти.

Обладатель ножа зарычал от ярости и развернулся, чтобы снова напасть на нее.

Движения палочкой в непосредственной близости от противника были трудными. Она пыталась сделать правильный взмах, но у нее едва хватало места, чтобы пошевелить запястьем.

Быстро.

Смертоносно.

Едва заметным движением она подняла руку вверх. Крошечная алая полоска возникла на шее Пожирателя Смерти, прежде чем его голова свалилась вниз. Кровь брызнула на лицо Гермионы.

Кровь была везде, даже в ее глазах. Девушка почувствовала ее вкус, когда нож со звоном упал на землю.

Гермиона вытерла лицо и увидела, как огромный Пожиратель Смерти без маски схватил Рона и вонзил зубы ему в плечо. Это был оборотень.

Гарри, Фред и Чарли стреляли в него залпами парализаторов. Но это не помогало.

Рон кричал в агонии, пытаясь освободиться. Оборотень резко вскинул голову, разрывая Рону плечо.

До полнолуния оставался всего один день. Сила заклинания, необходимая для уничтожения оборотня в этот момент, должна быть значительной. Еще как минимум семь серий парализаторов.

Рон не сможет протянуть так долго.

Заклинание, выводящее из строя оборотня. Гермиона судорожно пыталась вспомнить подходящее.

Она сосредоточилась на своей магии и прошипела:

— *Карбонскере.*

Что-то в ней изменилось.

Темное проклятие вырвалось из ее волшебной палочки. Оно было похоже на облако черного дыма, которое пронеслось над полем и взорвалось вокруг Пожирателя Смерти. Оборотень на секунду замер и рассыпался в пыль. Рон упал на землю.

Пока Гермиона смотрела на него, внутри у нее все похолодело. Все вокруг казалось сплошным размытым пятном.

Она споткнулась и схватилась за грудь.

Когда мир снова оказался в поле ее зрения, она заметила движение в свою сторону. Девушка увернулась, отскочив назад.

Это было похоже на сильный удар кулаком в ребра.

Гермиона ахнула, пытаясь вдохнуть, и посмотрела вниз. В правую часть ее груди по самую рукоять был воткнут нож. Если бы она повернулась на долю секунды позже, он мог попасть ей в сердце. Хотя, возможно, нападавший не был в состоянии прицелиться достаточно хорошо.

Ее разум целительницы никак не мог отключиться.

Палочка выскользнула из пальцев, а руки резко метнулись вниз, чтобы сомкнуться на чужих, тех, которые все еще держали ее, останавливая противника, прежде чем он решит ударить ее снова.

Гермиона почувствовала, как хрустнули кости в ее левой руке, когда она крепко сжала его запястья в своих. Не позволяя себе останавливаться, чтобы думать о том, насколько больно будет двигаться с лезвием внутри себя, девушка яростно ударила коленом между его ног.

Он рухнул на землю, хватка на рукояти ножа мгновенно ослабела. Гермиона отшатнулась, захрипев от боли.

Куда делась ее волшебная палочка? В ее глазах стояла кровь. Она тряхнула головой, пытаясь прояснить зрение.

Девушка снова бросила взгляд на свою грудь. Правое легкое было проколото, и она подозревала, что была задета печень. С того угла, под которым Гермиона смотрела на свою рану, трудно было утверждать наверняка.

Она наконец заметила свою палочку. Аккуратно попыталась дотянуться до неё, не сгибая туловища. Когда ее пальцы коснулись палочки, Гермиона

почувствовала, как кто-то грубо запустил руку в ее заплетенные волосы и потянул вверх, пока она не повисла в воздухе, едва касаясь пальцами земли.

— Я помню тебя, Грязнокровка, — усмехнулся Рабастан Лестрейндж, снимая маску Пожирателя. Он опустил взгляд и заметил, что нож все еще торчит у нее из груди. — Посмотри-ка на это. Кто-то уже опередил меня.

Она попыталась проклясть его, но он отбросил ее палочку. Гермиона услышала, как та с грохотом полетела на землю.

Ее нож. Она должна попробовать дотянуться до него.

— Как думаешь, сколько раз я смогу ударить тебя ножом, прежде чем свет в твоих глазах навсегда погаснет? — спросил он, прежде чем выдернуть клинок из ее груди.

Гермиона судорожно вздохнула и дёрнулась, пытаясь остановить его. Правая сторона ее тела внезапно стала скользкой от крови, стекающей по телу. Рабастан провел лезвием вверх по ее груди, пока оно не остановилось возле ее сердца.

Гермиона попыталась высвободить голову и вытащить нож, не привлекая его внимания.

Он вдавил острие, оно задело кость. Затем переместил лезвие, пока оно не оказалось между ее ребер. Глаза Гермионы расширились, когда она посмотрела на него.

— Может, здесь? Или мне следует начать немного ниже? — в его голосе звучала насмешка. Он словно совершенно не замечал ничего, что происходило вокруг.

Гермиона не знала, как ей поступить: попытаться достать свой нож или остановить Лестрейнджа, чтобы тот не вонзил клинок ей в сердце.

Был ли вообще смысл делать этот выбор? Она чувствовала, что истекает кровью до смерти.

Он начал медленно толкать острие внутрь.

Когда кончик ножа разрезал ее кожу, Рабастан замер. Его хватка на волосах девушки ослабла, а выражение лица стало расслабленным, после чего он упал замертво к ее ногам. Гермиона рухнула вместе с ним, едва успев подставить руку, чтобы не удариться головой.

Позади Рабастана, сразу за барьером, одиноко стоял Пожиратель Смерти в маске.

Несколько Пожирателей поблизости замерли и с удивлением обернулись, когда Рабастан упал.

Они были мертвы, прежде чем успели поднять волшебные палочки.

Гермиона молча смотрела на него. Она начала подозревать, что в ее проколоте легком запустился процесс деформации. Девушка прижала руку к ране, чтобы

остановить кровотечение и не дать воздуху просочиться в грудную полость.

Она безвольно наблюдала, как только что появившийся Пожиратель Смерти начал пробираться через поле.

Это был Драко.

Она никогда не видела, чтобы он дрался по-настоящему. Но его стиль все равно казался знакомым.

Он был таким же смертоносным, каким она его всегда считала.

Влияние обучения Беллатрисы Лестрейндж было очевидным. Плавность движений. След из трупов, тянувшийся за ним через все поле. Непредсказуемый стиль Беллатрисы был продиктован ее садизмом... ее безумием.

Стиль Драко был обусловлен жесткой эффективностью.

Он не планировал искалечить кого-то или намеренно причинить боль. Ему не нужны были пленники. Он просто убивал всех подряд.

Он не выказывал ни малейшего колебания, пробиваясь сквозь толпу паникующих Пожирателей Смерти вокруг себя. Способы, которые он изобретал для эффективного убийства людей, были ужасающими. Это была исключительно игра чисел. Минимум усилий, максимум отдачи.

Невозможно было представить, чтобы раньше он когда-либо боролся в полную силу. Если бы Пожиратель Смерти сражался подобным образом, все бы знали об этом.

Он наложил на землю заклинание, которое превратило окружающий его радиус в жидкость. Пятнадцать Пожирателей Смерти тут же исчезли под водой. В мучительных криках. Он отменил действие заклинания и оставил их задыхаться под землей без кислорода.

Он произносил проклятие за проклятием, по большей части невербально. Пожиратели вокруг него не переставали падать.

Он призвал стаю серебристых колибри. Несколько Пожирателей Смерти заколебались, явно сбитые с толку. Драко взмахнул палочкой вперед, и крошечные птицы рассекли воздух, словно град пуль, вонзившись в горло и грудь любого, кто находился поблизости без мощного щита. Он призвал птиц, с которых капала кровь, и снова выстрелил.

Драко был всего в нескольких футах от Гермiony.

Он протянул руку и схватил ее за левое запястье. Она тихо вскрикнула, почувствовав, как ее поврежденные кости крошатся в его хватке. Он вытащил что-то из своей мантии. Держа предмет высоко над головой, он активировал его.

Это выглядело так, будто весь воздух и звук на поле внезапно высосали. Смертельная тишина. Все вокруг повалились на землю, задыхаясь и хватаясь за горло.

Гермиона кричала от боли и паники. Пытаясь освободиться, она почувствовала, как ее запястье ломается. Пожиратели Смерти беззвучно хватали ртом воздух, страдая от удушья.

— Гарри! Рон! Нет! Ты не можешь убить всех! Остановись, Драко! — она кричала изо всех сил. Их лица посинели.

Борьба подходила к концу. Тела замерли неподвижно.

— Драко, прекрати! — Она возобновила свои попытки освободиться и почувствовала, как кости в ее руке разрушаются окончательно. — Остановись!

— Ты идиотка, — прорычал он сквозь маску, отпуская ее запястье. — Жди здесь.

Он бросил темный артефакт на землю. Предмет зашипел и превратился в грудку металлолома. Он подошел к Гарри, Рону, Фреду, Чарли, Ремусу и Тонкс и наложил на каждого из них оживляющее заклинание, после чего пробормотал: «Обливиэт», прежде чем левитировать бесчувственные тела позади себя. Затем он вернулся, поднял ее волшебную палочку с земли и потащил вверх за руку.

Ей было трудно дышать.

Двигаться было ещё мучительнее. Левое запястье горело в огне. По животу текла кровь.

Дышать становилось все труднее с каждым шагом, пока Драко тащил ее через поле.

Ей срочно нужно было исцелить прокол. Как только она найдет кого-то... кого-то, кто сможет использовать заклинание, чтобы не дать ей истечь кровью... Кто-то вообще в состоянии сейчас удалить воздух из ее грудной полости?

Если бы только она могла аппарировать. Если бы у неё были силы аппарировать на Гриммо.

Если бы.

Гермиона споткнулась. У нее кружилась голова, и было трудно мыслить здраво. Она пыталась сделать ровный вдох, но почувствовала, что не может.

Драко оставил всех за пределами антиаппарационных барьеров. Она дёрнулась к их телам. Гермиона не знала, какое заклинание реанимации использовал Драко. Прежде чем она успела сделать шаг, хватка Драко усилилась, и он аппарировал вместе с ней.

Они приземлились в хижине.

Он тут же отпустил ее и сорвал с себя маску и перчатки. Девушка тяжело привалилась к двери.

— Ты... ты не можешь оставить их там, — прохрипела она.

— Они проснутся меньше чем через минуту, — отрезал он, и его лицо исказилось от ярости.

Опустившись на колени, он кончиком палочки начертил на полу несколько рун. Они на мгновение вспыхнули, и появился тайный люк. Рывком открыв его, он наклонился и вытащил то, что выглядело, как арсенал целого госпиталя.

Драко повернулся и посмотрел на нее. Его лицо побелело от гнева.

— Ты сможешь продержаться, пока я ищу для тебя целителя? — спросил он. Его голос дрожал.

Она покачала головой.

— Тебе придется рассказать мне, что делать. Я никогда не пользовался продвинутыми целительскими чарами, — сказал он, доставая зелья.

Гермиона с трудом оторвалась от стены и сделала небольшой жест в сторону своего правого бока сломанным запястьем.

— Моя печень. Место... откуда идет кровь. Я почти уверена в этом. В моей грудной клетке образовалась полость. Она разрушает мое легкое.

Он наколдовал носилки и помог ей опуститься на них.

Гермиона выпила зелье, восполняющее кровь, прежде чем заставить его провести диагностику, чтобы убедиться, что раны были именно такими, как она и сказала.

У него были все необходимые зелья, чтобы стабилизировать ее состояние и не позволить впасть в шок.

Драко держался уверенно. Он разрезал ее одежду и, тщательно следуя ее инструкциям, произнес ряд заклинаний, которые должны были остановить кровотечение и восстановить кровеносные сосуды и желчные протоки в ее печени. Затем он протянул ей еще один флакон с зельем для восполнения крови.

Правильно наложить заклинание, которое должно было выкачать воздух, разрушающий ее легкие, было сложнее. Гермионе было трудно показать ему необходимое движение палочки. Ее руки все еще дрожали, несмотря на обезболивающее, которое она приняла.

— Все гораздо сложнее, — попыталась объяснить девушка, — требуется еле заметный боковой наклон кончика палочки, иначе заклинание слишком сильно натянет и повредит легочную ткань.

Поморщившись, она обхватила его кисть ладонями и медленно повела левой рукой в нужном направлении, произнося заклинание в такт каждому движению.

Он сделал это правильно с третьей попытки.

— Затем, после того, как ты полностью восстановишь легочную ткань, нужно будет произнести обычное исцеляющее заклинание, чтобы зафиксировать диафрагмальную мышцу и закрыть разрез, — проинструктировала Гермиона, когда наконец снова смогла дышать.

Она опустилась на землю, чтобы прийти в себя, пока он вытирал кровь с ее лица.

— Что ты там делала? — спросил он тихим, дрожащим голосом, когда Гермиона отвернулась, преобразовав кусок одежды в рубашку и попыталась натянуть ее через голову.

— Гарри попросил меня отправиться с ними, — сказала она, слегка пожав плечами. — Как я и говорила, нам нужен Рон.

— У тебя нет боевого опыта, — возразил он. Драко был бледен, его руки слегка дрожали, когда он помогал ей натянуть рубашку через голову. — Почему они отправляют тебя, не дав партнера?

Гермиона даже не взглянула на него. Она сглотнула и засунула правую руку в рукав.

— Они нуждались в целителе. Другая целительница потеряла ногу, когда собирала ингредиенты для зелий. Меня выбрали потому, что я была в состоянии двигаться быстрее.

Он резко втянул в себя воздух.

— Ты знала, что это ловушка, — сказал Драко. — Ты точно это знала и все равно пошла. Засада в тюрьме Рабастана. Никто на самом деле не думал, что члены Ордена окажутся такими идиотами, чтобы отправиться туда. Это была тренировочная симуляция для новичков.

— Но Гарри отправился туда.

— И что с того?

— Он — смысл этой войны. Если он умрет, все будет кончено. Я всегда буду следовать за ним. Стратегически я — та жертва, которую мы можем себе позволить. А Гарри — нет. Если я хоть немного уравниваю его шансы на победу, это будет того стоить, — ответила она ровным голосом, осторожно поворачиваясь и поднимая сломанное запястье, чтобы скользнуть им в рукав.

— Ты не спасала Поттера. Ты отправилась за Уизли.

Гермиона дернула плечом.

— Рон очень важен. Гарри... он нуждается в Роне. Если с Роном что-то случится, он сломается. Ему нужен Рон, чтобы победить.

— А как же ты? Разве ты не нужна Поттеру? — Глаза Драко сверкали от ярости.

Гермиона отвела взгляд.

— Не в той степени, в какой он нуждается в Роне. Я... не такая, как он.

Она проглотила комок в горле.

— Уизли... — начала Гермиона, а потом коротко вздохнула: — Они — его семья. Они — все, что ему нужно. Чтобы победить, он должен иметь возможность

видеть себя вместе с ними в будущем. Вот что им движет. Если он потеряет эту мечту, то перестанет бороться.

— Я думал, что ты важная часть вашей троицы. Разве Поттер не впадет в отчаяние, если потеряет тебя?

— Нет, — ответила она, отводя взгляд. — Он будет горевать и даже рассердится. Но мы всегда были разными в эмоциональном плане. Ему сложно понять мою мотивацию и мои поступки, — ее губы дрогнули. — Рон, в свою очередь, хорошо понимает состояние Гарри и знает, что тот часто действует под влиянием эмоций.

— И что с того? Из-за этого Поттер втягивает тебя в стычку, зная, что у тебя нет никакого боевого опыта, потому что ты как никто другой подходишь под определение «расходного материала»?

— Гарри всегда будет заботиться о Роне в первую очередь. Он не может ясно мыслить, когда люди, которых он считает своей семьей, находятся в опасности. Он не понимает, что рискует другими, — сказала Гермиона, вздернув подбородок. — Гарри всегда был таким.

Драко пристально посмотрел на нее.

— Так кто же заботится о тебе, Грейнджер?

Она моргнула.

— Я не нуждаюсь ни в чьей заботе, — сухо сказала Гермиона, но ее голос дрожал. — Мое присутствие там не было случайностью, Драко. Я лишь пыталась помочь уравновесить наши шансы на победу.

Его лицо посуровело.

— Ты позволила себе стать расходным материалом для Поттера.

— Чем больше слабостей у Гарри, тем более уязвимым будет все Сопротивление.

Она не думала, что Драко может выглядеть более злым, чем сейчас, но внезапно его лицо исказилось испепеляющей яростью.

— Когда я думаю, что не могу ненавидеть Поттера ещё сильнее, он всегда находит новый способ доказать мне, что я не прав, — сказал он, доставая еще несколько зелий и протягивая их ей.

Гермиона попыталась откупорить флакон одной рукой, но не смогла. Она была почти уверена, что если снова пошевелит левым запястьем, то потеряет сознание.

— Что случилось с твоей левой рукой? — внезапно спросил Драко, выхватывая пузырек и открывая его для нее.

— Ты... сломал ее.

Казалось, он еще больше побледнел.

— Она уже была травмирована, — пояснила девушка, — я попала под действие кислотного проклятия. К тому времени, как мне удалось применить контрзаклинание, кости уже были разрушены. Ты просто случайно схватил это запястье.

— Ты должна была сказать мне.

Драко сунул руку в карман мантии и вытащил набор, который она подарила ему на Рождество. Он быстро достал анальгетик, смочил им тряпку и обернул вокруг ее запястья и кисти.

Гермиона чуть не задохнулась от облегчения, когда жжение утихло.

— Тебе нужно, чтобы я удалил кости? — спросил он через мгновение, наблюдая, как она прижимает запястье к груди.

Гермиона подняла на него глаза:

— А ты мог бы? Я... я собиралась сделать это сама, когда представится возможность.

Точное удаление костей, особенно их осколков, было болезненным процессом. Это станет для неё медленным испытанием, в процессе которого ей сложно будет оставаться сосредоточенной и аккуратной. Она планировала разобраться с этим после того, как вернется и обследует Рона.

— Я хорошо знаю это заклинание. Ты хочешь, чтобы я тебя оглушил? — спросил он.

— Н-нет. Я должна оставаться в сознании, если только ты не знаешь названия всех костей на руке и запястье.

— Нет, — сказал он, глядя в сторону, и его губы сжались в жесткую линию.

Снова развернув руку, Гермиона наложила на нее диагностическое заклинание и осмотрела повреждения. Помимо глубоких полостей, которые выжгла кислота, там были четыре раздробленные кости и еще шесть с разной степенью коррозии, включая локтевую. Ей придется вырастить заново половину предплечья.

Она смотрела на него несколько минут, потом резко вздохнула и отвернулась.

— Сначала трубчатая пястная кость. *Квинке Метакarpус.*

— *Квинке Метакarpус Оссиос Дисперсимус.*

Острая колющая боль, когда кость в руке Гермионы внезапно исчезла, едва не заставила ее вскрикнуть. Она уронила голову на плечо Драко и вздрогнула.

Боль без адреналина в ее крови ощущалась намного отчетливее.

— Теперь крючковидная. *Ос Хаматум.*

Она задрожала у него на плече, пытаясь собраться с силами.

К тому времени, как Драко удалил все осколки, Гермиона уже рыдала в его одежду. Половина ее предплечья и большая часть ладони были почти без костей и лежали на ее коленях.

Драко вытащил бутылку «Костероста». Она сжала рот и поморщилась, когда колющее, похожее на иглу ощущение вновь растущих костей охватило ее руку.

Он вылил экстракт бадьяна на всю ее руку, чтобы восстановить повреждённую кислотой кожу. Ей очень хотелось закричать на него.

— Не надо! — Гермиона попыталась вырвать у него пузырек. — Это пустая трата зелья. Я могу исцелить ее с помощью заклинаний после того, как кости восстановятся.

Он сердито посмотрел на нее:

— Заткнись.

Она молчала, пока Драко щедро поливал ее руку во второй раз, а затем, порывшись в своих зельях, быстро отыскал магический слепок для перевязки.

— Зачем тебе все это нужно? — спросила Гермиона, осматривая все запасы, пока он обматывал подобие лангеты вокруг ее руки и выше по локтю.

— Я оборудовал это для тебя, — ответил он. Она удивленно посмотрела на него. — После Хэмпшира я боялся, что ты снова будешь ранена. Я подумал, что если у меня будет все, что тебе может понадобиться, я стану меньше волноваться.

Сердце Гермионы болезненно сжалось в груди, когда он помог перекинуть ей повязку с гипсом через плечо.

— Но... это очень много. Это практически весь инвентарный список отделения военного лазарета.

Он поднял бровь.

— В то время я еще не знал, какие именно зелья имеют решающее значение для исцеления раненых. Я пополнял свой запас вслепую. Затем я получил длинную лекцию о лечении базовых боевых травм в качестве рождественского подарка в прошлом году. Это помогло мне дополнить список теми позициями, которые я упустил.

Гермиона покраснела.

— Ты мог бы стать целителем, — сказала она ему. — У тебя к этому природный талант.

Уголок его рта слегка дернулся.

— Одна из самых ироничных вещей, которые мне когда-либо говорили, — сказал он.

Разговор зашел в тупик.

— Мне нужно возвращаться. Рон ранен. И Гарри тоже, — сказала Гермиона тихим голосом, поднимаясь.

Драко встал, его глаза стали холодными.

— Никогда больше не отправляйся на задания.

— Это не тебе решать, — возразила она, встретившись с ним взглядом.

Он побледнел, и его челюсть дернулась.

— Напомни Грюму, что, если Орден нуждается в моих услугах на постоянной основе, они должны сохранять тебе жизнь.

Гермиона замерла, и ее рот скривился, когда она отвела от него взгляд.

— Ты делаешь это ради своей матери, Драко.

Он решительно развернул девушку к себе, держа ее за плечи, и посмотрел на нее сверху вниз.

— Она мертва, — сказал Драко. — А ты нет. Моя преданность была связана с теми людьми, кто меньше всего виноват в ее страданиях. Однако если Орден посчитает тебя приемлемой потерей и пошлет на бойню, я не буду благороден. У меня не будет никаких угрызений совести по отношению к мести Сопrotивлению. Я заставлю Поттера заплатить, если он будет виновен в твоей смерти.

Гермиона замерла.

Это было опасно.

Она не учла этот риск. Она знала, что преданность Драко не была основана на идеологии, скорее продиктована его личными моральными ориентирами. Он ненавидел Гарри, но еще больше ненавидел Волдеморта. Небрежное, эмоциональное признание Гермионы только что дало ему повод усомниться в этом. Он был собственником. Она принадлежала ему. И сейчас Гарри подвергал ее опасности.

Она должна была почувствовать панику. Осознание этого должно было ошеломить ее. Гермиона должна была напомнить ему о его клятве. Напомнить о том, что она всегда будет выбирать Орден в первую очередь, пока они не одержат победу, и если он хочет ее, ему придется подождать.

Она *должна была* это сделать.

Гермиона пристально посмотрела на него, и ее плечи затряслись. Она так устала. Ее жизнь так долго была холодной.

Ее пальцы дернулись. Она почти потянулась к нему.

А затем медленно сжала руку в кулак и спрятала за спину.

— Не... Не делай этого, Драко, — ее голос сорвался.

— Ты не расходный материал, — сказал он тихим отчаянным голосом. — Ты не можешь отталкивать всех ради того, чтобы они чувствовали себя комфортно, а потом использовали тебя, отправляя на смерть.

Рука Гермионы дрожала, а в горле словно застрял камень. Она опустила голову и глубоко вздохнула.

Рон был ранен. И Гарри тоже.

Она собралась с духом и попыталась высвободиться.

— Идёт война. И моя роль «расходного материала» не какая-то трагическая ситуация, требующая дискуссии. Это стратегически важная ответственность: принимать свою роль. Я думала, ты это понимаешь. Целитель не выиграет войну — вот почему я была доступна для переговоров и обмена. Теперь у меня даже есть замена в больничной палате... из-за тебя. Я сама ее тренировала, — она горько усмехнулась. — Ты сделал это со мной. Ты сделал меня этим «расходным материалом» еще раньше меня самой, — Гермиона подавила рыдание. — И после всего этого ты даже не хотел смотреть на меня.

Он вздрогнул, и его хватка ослабла.

— Мне пора, — ее голос дрожал, когда она сделала шаг назад.

Драко схватил ее за правую руку и потянул к себе.

— Тебя нельзя заменить, — сказал он. Его руки дрожали, когда он держал ее. — От тебя не требуется, чтобы твоя смерть была удобной. Тебе позволено быть важной для людей. Причина, по которой я дал эту чертову клятву, была в том, чтобы сохранить тебе жизнь. Чтобы обезопасить тебя.

Гермиона попыталась вырваться, но он не отпускал ее. Она извивалась, пытаясь уйти. Она должна была исчезнуть поскорее, потому что он продолжал смотреть на нее с глубоким отчаянием, написанным на его лице. И это разрывало ее изнутри.

Она всхлипнула, и, прежде чем успела обдумать свои действия, вцепилась пальцами правой руки в его одежду, и, притянув его к себе, поцеловала.

Примечание к части

Арты к главе

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CAUBUIUH5ne/>
https://www.instagram.com/p/COas_l9gzFQ

Автор klawdee890
<https://klawdee890.tumblr.com/post/187686690048>

53. Флэшбэк 28.

Март 2003

Драко обхватил ее лицо руками и ответил на поцелуй, осторожно притягивая девушку к себе, чтобы не причинить боли левой руке. Ее лицо все еще было залито слезами, пока она целовала его.

Гермиона провела пальцами по его шее, касаясь изгиба челюсти и притягивая ближе. Стараясь запомнить каждую деталь его тела: запах леса и папируса, его пульс под кончиками своих пальцев, его губы, прижатые к ее губам, его вкус.

Она заслужила это. Девушка ещё сильнее прижалась щекой к его руке, в то время как он ласкал ее губы.

Через несколько минут Гермиона вырвалась из его объятий.

— Я должна идти, — сказала она.

Драко не пытался остановить ее, но снова потянулся к ней, прежде чем спохватиться. Он пристально посмотрел на нее и резко выдохнул сквозь зубы.

— Возвращайся обратно. Возвращайся ко мне, если тебе что-нибудь понадобится, — наконец сказал он, отдергивая руку.

Гермиона взглянула на него и хотела сказать, что так и будет. Она заставила себя проглотить эти слова.

— Я должна идти, — повторила девушка, заставляя себя сделать шаг назад.

Он стоял и смотрел, как она уходит.

Гермиона сделала глубокий вдох и аппарировала обратно в дом Тонкс.

Она быстро постучала. Входная дверь распахнулась. Фред стоял в дверях, подозрительно глядя на нее сверху вниз.

— Как зовут твоих родителей? — спросил он.

— Венделл и Моника Уилкинс, они живут в Австралии, — ответила она, пристально глядя ему в глаза.

Он облегченно вздохнул и притянул ее к себе. Гермиона была прижата к его груди, когда он втащил ее внутрь.

— Мерлин, мы думали, что потеряли тебя. Когда все очнулись, тебя рядом не было.

— У меня... у меня началось кровотечение. Я не могла ждать. Я должна была найти кого-то, кто мог бы это исправить, — туманно объяснила она.

Фред недоуменно покачал головой.

— Я не понимаю. Минуту назад мы сражались, а потом вдруг проснулись, выброшенные за пределы барьеров. Все мое тело ощущается так, словно по нему прошёлся взрывопотам. Все Пожиратели Смерти были мертвы. Тебя не было. Гарри и Рон испугались и хотели начать поиски.

— Должно быть, кто-то пытался использовать темное проклятие, которое дало побочный эффект, — сказала Гермиона, осторожно доставая свой набор и вручая Фреду тонизирующее средство и пузырек с обезболивающим.

— Это определенно наша лучшая версия, — сказал Фред, с гримасой опустошая склянки с зельями. — Чертовски повезло. Я не могу поверить, что их было так много. С тех пор как мы сюда приехали, Рон постоянно отчитывает Гарри за безответственность.

Он серьезно посмотрел на Гермиону.

— Его плечо сильно пострадало.

Она мрачно кивнула.

— Я видела, что случилось.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Это ведь твое проклятие спасло его, не так ли?

Гермиона коротко кивнула:

— У меня было мало вариантов.

— Хорошо. Ты не услышишь от меня жалоб насчёт этого. После того, что случилось с Джорджем, я готов убить этих ублюдков. Гарри волнуется из-за этого. Но он был настоящим придурком, когда попросил тебя пойти с нами на миссию, зная, что это твой первый раз. Я правда рад, что ты вернулась живой, и мне все равно, какие методы тебе пришлось для этого использовать. — Он положил руку ей на плечо.

Она кивнула:

— Я уже много лет выступаю за смертельные проклятия. Даже если кто-то и удивился, что я их использовала, то, скорее всего, сделал вид, что не заметил.

— Там Рон. Я пойду отдохну. — Фред распахнул дверь.

Рон сидел на кровати. Его плечо было неаккуратно перевязано. Гермиону до сих пор озадачивало, как члены Ордена в течение стольких лет были в состоянии сражаться, не имея базовых навыков экстренного исцеления.

— Миона! Ты жива! — Рон попытался встать с кровати и чуть не заплакал, увидев ее.

— Прости меня, — сказала она, быстро направляясь к нему и решительно толкая его на кровать. Гермиона без промедлений сняла его небрежную повязку взмахом волшебной палочки. — Мне следовало вернуться раньше.

Гарри схватил ее за плечо, притянул к себе и обнял на минуту.

— Мне так жаль. Я думал, тебя схватили, Гермиона. Я осмотрел тела, но тебя нигде не было. Мне очень, очень жаль. Я не рассчитывал, что их будет так много.

Гермиона отстранилась.

— Мне нужно вылечить Рона, Гарри. — Ее голос вибрировал от напряжения, когда она высвободилась из его рук.

Плечо Рона было сильно искалечено. Оборотень глубоко впился в его руку, вырвав огромные куски плоти. Повреждения были серьезными.

Кто-то, предположительно, Ремус, посыпал на рану целую гору порошкообразного экстракта серебра и бадьяна.

— Где ты была? — спросил Гарри. — Мы повсюду тебя искали.

— Меня ранили, — сказала она, стараясь говорить спокойно. Она очистила плечо от порошка вперемешку с засохшей кровью, чтобы оценить степень повреждения. — Я истекала кровью, и мне нужен был человек с опытом в исцелении.

Она протянула Рону пузырек с обезболивающим зельем. Через мгновение после того, как он сглотнул, Гермиона наложила очищающее заклинание на это место. Он судорожно вздохнул.

Следы укусов оборотней, в особенности тех, что обладали людоедскими наклонностями, нуждались в дополнительном обеззараживании.

— Кто это был? — спросил Гарри.

— Один из тех целителей, кто занял нейтральную позицию в войне. Грюм недавно познакомил меня с ним, — сказала она, не поднимая глаз.

— Ублюдки, — пробормотал Рон, поморщившись, когда Гермиона накладывала компрессы из волчьего аконита на самые глубокие раны на его плече. — Любой, кто поддерживает нейтралитет в этой войне — просто трус. Что, по их мнению, произойдет, если мы проиграем? Я бы не доверял ему.

— Не все созданы для борьбы, Рон, — тихо сказала она, чувствуя себя обязанной защищать вымышленного целителя.

— Я это знаю. И все время напоминаю Гарри об этом. — Рон сурово посмотрел на Гарри, и тот упрямо ответил ему тем же.

— Мы ведь выбрались, не так ли? — возразил Гарри, опускаясь на стул рядом с кроватью. — Не будь с нами Гермионы с ее навыками целителя, мы не смогли бы спасти тебя.

— Орден нуждается в Гермионе больше, чем ты и твой самоубийственный план спасения, — сказал Рон сквозь стиснутые зубы. — Грюм и Кингсли скажут тебе то же самое, как только узнают о том, что ты натворил.

Гермиона убрала компресс из аконита и использовала кончик своей палочки, чтобы выкачать весь яд, который мог попасть в рану. Затем она посыпала порезы еще одним толстым слоем сухого экстракта из серебра и бадьяна и принялась перевязывать плечо.

Ее рука дрожала от изнеможения, когда девушка попыталась крепко обернуть марлю одной рукой.

Потерпев очередную неудачу с пятой попытки, она отступила назад и принялась рыться в поисках укрепляющего напитка, который изо всех сил пыталась откупорить одной рукой. Наконец, Гермиона вытащила пробку зубами, выплюнула ее на стол и выпила зелье.

Дрожь в ее руке ослабла.

— Гарри... — сказала она низким голосом, — мне нужна... мне нужна твоя помощь. Я не могу справиться с перевязкой Рона в одиночку. Мне нужно, чтобы ты поддержал его руку с компрессом, пока я перевязываю плечо.

Гарри встал и подошел к ней.

— Что случилось с твоей рукой? — он протянул руку и осторожно коснулся гипса.

— Просто проклятие, — она пожала плечами. — Пришлось удалить кости. Сейчас они в процессе отрастания.

Гарри поморщился:

— Мне очень жаль.

— Все нормально. Оно было не смертельным, — сказала она. — Просто потребуется время для восстановления. А теперь осторожно придержи компресс вот здесь, пока я перевязываю. Нам не нужна слишком тугая перевязка, достаточно будет того, чтобы рана была закрыта и держала компресс на месте.

Когда плечо Рона наконец было должным образом перевязано, Гермиона начала обрабатывать все оставшиеся после его заключения раны. Она никак не могла сообразить, как снять кандалы с его правого запястья, поэтому старалась обходить их стороной. Закончив, девушка легонько коснулась его руки.

— Оно не заживет, — серьезно сказала она Рону, кивнув на его плечо.

Он был бледен, его яркие веснушки резко выделялись на светлой коже.

— Знаю. Ремус сказал мне.

— Ты будешь чувствовать боль каждый раз в полнолуние.

Он резко кивнул.

— Возможно, Ремус уже упоминал, что завтра вечером нам придется изолировать тебя. Пока мы не узнаем, насколько сильное влияние окажет полнолуние. Оно... оно изменит тебя. Тебе придется быть осторожным. Когда ты злишься... ты не

обязательно почувствуешь, насколько сильнее и агрессивнее можешь стать, пока не сделаешь что-то действительно опасное. Ты... ты можешь случайно убить кого-нибудь.

— Этого не произойдёт, — защищаясь, сказал Гарри.

Челюсть Гермионы напряглась.

— Рон не первый, кого я лечу от укусов, Гарри. Это не его вина, но если мы не предпримем мер, он может кому-нибудь навредить. Подобные глубокие укусы имеют последствия. Если волчья сущность не может обратиться в полнолуние, то начинает бурлить внутри него, ожидая возможности вырваться. Рон потенциально опасен, и мы должны быть готовы к этому.

— Ну тогда, возможно, тебе стоило вытащить его раньше, как мы и планировали.
— Гарри скрестил руки на груди и дернул подбородком.

Гермиона вздрогнула, и комната слегка поплыла, когда она почувствовала, как кровь отхлынула от ее головы.

— Гарри, заткнись! — Рон побагровел от ярости. — Это был твой идиотский план! Гермионе не следовало там находиться. Как, черт возьми, она должна была меня вытащить?

Гарри рвался в бой. Гермиона видела это по его лицу. Он всегда злился, если кто-нибудь страдал. И теперь, когда Джинни ушла, его никто не мог успокоить или отвлечь.

Гарри мучило чувство вины. Он никогда не знал, как справиться с тем, что ощущал: истекал кровью от боли, что приносили все чувства, которые он не мог перестать испытывать.

— Я сделала все, что могла, чтобы защитить Рона.

— Да, я уже увидел, что в твоём понимании значит защита. Что за проклятие ты сегодня использовала? — спросил Гарри.

Она встретила с ним взглядом.

— Я нашла его в книгах. Одно из тех немногих заклинаний, которое может быстро вывести из строя оборотня, убив его, не считая Непростительного.

— Оно было темным, — сказал Гарри, сверкнув зелеными глазами. — Наверное, одним из самых темных заклинаний, которые я когда-либо видел.

— Я посчитала, что Рон того стоит. — Если бы у нее были силы, она бы кинула в Гарри заклятие через всю комнату.

— Мы почти обезвредили его парализаторами, — сказал Гарри.

— Неужели? Ты готов был поставить на это жизнь Рона? После всего того, что мы сделали, чтобы его спасти? — ее голос дрожал от ярости. — Я знала о последствиях и приняла их.

— И что с того? Ты у нас вдруг стала экспертом по части сражений? И для тебя стало нормой разрывать на части свою душу вместо того, чтобы поверить, что мы можем победить с помощью светлой магии? — Боль и страх в глазах Гарри были видны сквозь его гнев. — Она проникает в твою душу, Гермиона. Темная магия. Эта тьма останется в тебе и после войны. Она никогда не пройдет. Это теперь внутри тебя. В твоей магии.

Он взял ее за плечи, и она почувствовала, как дрожат его руки. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Мне все равно. — Гермиона вырвалась из объятий Гарри и вздернула подбородок. — Я хочу победить, и мне не важно, какой в итоге станет моя душа. — Потом она усмехнулась: — Ты был более чем готов рискнуть моей жизнью сегодня, и я не вижу причин, почему моя душа должна хоть что-то значить.

Гарри резко отступил назад и молча посмотрел на нее.

— Что ж, — сказал он наконец, — если ты так мало веришь в нас, значит, ты не та, в чьей помощи я нуждаюсь. Поверь мне, я больше никогда и ни о чем тебя не попрошу. — Он быстро развернулся и выбежал из комнаты.

Рон посмотрел на Гермиону, которая тяжело дышала, облокотившись на стену. Выражение его лица было печальным и покорным.

— Я не понимаю, зачем ты это делаешь, — сказал он через мгновение. — Ты все еще веришь, что мы победим, только если будем использовать темную магию?

Рука Гермионы пульсировала от действия костероста, и она с трудом сдерживала слезы.

— Это не мы — та сторона, которая пытается всех убить. Учитывая количество близких и родных людей, которые постоянно находятся в опасности, я готова пойти на все, чтобы защитить их, — сказала она, быстро моргая глазами, чтобы они перестали щипать от сдерживаемых слез.

— Ты же знаешь, что Гарри не сможет, — серьезно сказал Рон. — Он считает, что если ему придется уйти во тьму, чтобы победить, это разрушит все, за что он сражается. Он хочет остаться нормальным после всего. После использования темной магии обычная жизнь для него станет невозможна.

— Знаю. Я просто хочу, чтобы он перестал мешать остальным.

Несколько мгновений Рон молча смотрел на нее.

— Ты считаешь, что все остальные должны. Я, ты, члены ОД и Ордена.

— Моя работа здесь, в больничной палате, Рон, — сказала она, слишком уставшая, чтобы жестикулировать или даже двигаться. — Выиграешь ты битву или проиграешь, я вижу только цену. Иногда мне кажется, что вы с Гарри не понимаете, как мало жизней мы все еще можем позволить себе потерять. Эта война больше, чем Гарри и его семья. Как ты думаешь, что будет с Сопротивлением, если мы проиграем? А что насчет маггловского мира? У Гарри нет никого в мире магглов, о ком бы он заботился. Ты вообще никого там не знаешь. Но мои родители где-то там. Мои одноклассники из начальной школы.

Мои бабушка с дедушкой и двоюродные братья. Если моя душа — это цена за то, чтобы защитить их... за то, чтобы защитить вас. Это не цена. Это выгодная сделка.

Гермиона выпрямилась, чувствуя, что вот-вот упадет.

— Мне нужно проверить остальных, — сказала она, выходя из комнаты.

Травмы почти всех остальных членов отряда оказались несерьезными. В сражениях с Пожирателями Смерти все обычно заканчивалось либо смертельными ранами, либо незначительными повреждениями.

Чарли был весь в синяках и ссадинах, оставленных проклятием, которые не прекращали кровоточить. Он принял два зелья для восполнения крови, пока ожидал ее возвращения. У Фреда было сотрясение мозга и внутреннее кровотечение, которые Гермиона быстро исцелила.

Тонкс сильно растянула запястье. Гермионе потребовалось всего несколько минут, чтобы сотворить заклинание и нанести зелье.

— Рада видеть, что ты все ещё в состоянии сражаться, — сказала Тонкс, глядя на Гермиону с серьезным выражением лица. Волосы Тонкс были темными и безжизненными, в них виднелись седые пряди.

Гермиона слабо улыбнулась, втирая мазь в кожу Тонкс, чтобы уменьшить отек.

— Кто тебя обучал? — Тонкс понизила голос и наклонилась вперед.

Гермиона помедлила секунду, прежде чем продолжить массировать запястье Тонкс.

— Я училась, пока ездила по всей Европе.

— Не прикидывайся идиоткой, Гермиона, я не это имела в виду. Я видела, как ты дралась, — сказала Тонкс, глядя ей в глаза. — Ты теперь другая. И ты была смертельно опасна. Несмотря на твою неопытность в этой области, было очевидно, что ты умеешь гораздо больше, чем должна. Тебя тренировал кто-то очень опытный.

Гермиона промолчала.

— Сколько человек ты сегодня убила, Гермиона? Десять? Пятнадцать? Ты вообще считала?

Челюсть Гермионы начала дрожать, и она стиснула зубы, чтобы сдержать дрожь.

— Ты когда-нибудь убивала раньше? Думаю, нет, я бы это запомнила. Сегодня был первый раз, и у тебя даже не было времени на принятие этого решения, не так ли?

Гермиона вздрогнула.

— Как это произошло? — спросила Тонкс, протягивая руку и кладя ее сверху на руку Гермионы.

Последовала пауза.

— Это было сделано из предосторожности. Я не ожидала, что использую эти навыки, — наконец смогла выговорить Гермиона.

— Кто это был? Кто вообще может быть настолько смертоносным? Грюм обучал меня, так что я знаю, что это не его стиль. И не Амелии Боунс или Кингсли.

— У меня нет разрешения делиться данной информацией. Грюм в курсе. Ты можешь спросить у него.

Тонкс моргнула и несколько секунд смотрела на Гермиону.

— То проклятие, чтобы спасти Рона, — я слышала о нем... ты глубоко погрузилась в темные искусства. Существуют последствия, поэтому убедись, что ты не будешь одна.

Гермиона рассеянно кивнула. Боль в руке становилась все более нестерпимой. Она чувствовала, что ее внутренние ресурсы истощились, поэтому с восстановлением не справлялись уже никакие укрепляющие зелья.

— С Ремусом все в порядке? — спросила Гермиона. Она все еще не видела ни его травм, ни Гарри, но знала, что Тонкс проверит Ремуса, как только они вернутся.

— Да. Я внимательно осмотрела его. Ты же знаешь, как быстро он исцеляется практически от всего. Он пошел доложить Кингсли, что мы вернули Рона.

— Хорошо, — Гермиона кивнула, пытаясь встать.

— Гермиона, — Тонкс поймала ее, когда та споткнулась, — что с тобой случилось?

— Ничего страшного. Я в порядке. Я просто не привыкла сражаться. Я не такая выносливая, как вы, — сказала Гермиона, пытаясь отойти.

— Ты исчезла, когда все мы были без сознания. — Глаза Тонкс сузились, а затем расширились. — Это ты наложила проклятие, которое убило всех?

— Нет, — быстро ответила Гермиона, качая головой. — Я не знаю, что это было.

— Но ты ведь знаешь, как это произошло, не так ли? Твой учитель... пришел за тобой. — Тонкс внезапно стала выглядеть напряженной. — Насколько сильно ты была ранена? И кого настолько сильного ты припрятала у себя в рукаве?

Гермиона ухватила за единственное объяснение, которое удовлетворило бы бывшего аврора.

— Поговори с Грюмом. Если он позволит, я расскажу тебе все, что ты хотела бы знать.

— С каких это пор у тебя столько доступа к секретной информации? — спросила Тонкс, широко раскрыв глаза от удивления.

— Ты же знаешь, что я не могу тебе этого сказать, — ответила Гермиона, убирая руку.

— Ладно, — сказала Тонкс, — расскажи мне о своих травмах. Полагаю, эта информация не засекречена.

Гермиона не могла придумать ни одной причины, чтобы солгать.

— Меня ударили ножом. Прокол легкого и повреждение печени. Сейчас органы восстанавливаются.

— Черт! Ты не должна сейчас стоять. Ты лучше меня знаешь, что, если маггловские травмы можно быстро залечить, это не значит, что они не причиняют физических страданий. Ты должна быть в постели, а мы — тебя навещать, — прошипела Тонкс.

— Если я кому-нибудь об этом расскажу, это вызовет вопросы, на которые я не смогу ответить, — твердо сказала Гермиона. — Все хорошо. Я просто выплусь, когда закончу. Мне нужно только увидеть Гарри. Затем я отдохну.

— Хорошо, — Тонкс отступила назад и отпустила ее, но ее взгляд все еще был подозрительным и обеспокоенным.

Как только Гермиона вышла из комнаты, она прислонилась к стене. Попыталась собрать все оставшиеся у нее запасы сил, прежде чем отправиться на поиски Гарри.

Он сидел на крыше и курил, глядя на пруд внизу. Вокруг него были разбросаны десятки окурков.

Он заметил ее, но не сделал ни малейшего движения, чтобы подойти к ней.

Гермиона неуклюже вылезла из окна, опираясь только на одну руку, стараясь держать равновесие. Если она упадет с крыши в таком состоянии, то может умереть. Девушка собрала с духом и направилась к Гарри, стараясь не смотреть вниз.

— Что с нами стало, Гермиона? — спросил он, когда она подошла ближе.

— Война, — тихо сказала девушка, протягивая руку и поворачивая его лицо к себе. У него была глубокая рана на голове. Его бледная кожа слегка покраснела от крови, которую он пытался смыть. Его взгляд был печальным, усталым и злым.

— Кто из нас первый изменился? Это была ты или я? — спросил он, когда она запустила пальцы в его волосы и откинула их в сторону, чтобы залечить рану.

— Я, — призналась она, избегая его взгляда.

— Но почему? Неужели ты думаешь, я не смогу этого сделать? — сказал он. — Ты пытаешься убедить себя, что я потерплю неудачу?

Она наложила на него диагностическое заклинание. У него были сломаны два ребра и гематомы по всему телу. Гермиона слегка толкнула его, чтобы он лег, прежде чем приступить к исцелению.

— Я думаю, ты справишься. Но... пророчество. Это как подбрасывание монетки. После смерти Дамблдора... — она слегка запнулась. — Смерть — всего лишь убивающее проклятие для всех, — сказала Гермиона через мгновение. — Я не могу просто сидеть сложа руки и ждать, когда выпадет один шанс на миллион, думая, что знаю исход. Не тогда, когда от нас зависит так много жизней. То, что у тебя есть... то, как ты любишь людей... эта сила делает тебя могущественным. Но... сколько раз ты уже убивал Тома? В детстве — с помощью матери. На первом и втором курсе. Но он все еще здесь. А ты все ещё сражаешься. Я не хочу предполагать, каких именно твоих усилий будет достаточно.

— Ты просто не можешь принять тот факт, что добро может победить, — сказал Гарри. Упрек в его голосе был тяжелым.

— Все, кто выигрывает, всегда утверждают, что именно они были добрыми и хорошими, потому что победитель пишет историю. Я не видела ничего, что указывало бы на то, что победа им досталась благодаря моральному превосходству, — сказала она, бормоча заклинания, чтобы срастить перелом.

— Но ты говоришь о маггловской истории. Магия — это другое. В волшебном мире все иначе, — яростно сказал Гарри.

Гермиона покачала головой, и выражение его лица стало горьким. Он посмотрел на небо. Гермиона закончила с исцелением, а затем начала небольшими круговыми движениями наносить мазь на синяки на теле Гарри.

— Ты должна быть другой, — Гарри продолжил. — Более праведной и справедливой, чем я. Что случилось с девушкой, которая защищала права домашних эльфов? Та девушка никогда бы не стала оправдывать использование темной магии. Что с ней произошло?

— Та девушка умерла в больничной палате, пытаясь спасти Колина Криви.

— Я тоже был там, когда Колин умер, Гермиона. Но я не изменился.

— Я всегда была готова сделать все, что потребуется, Гарри. Во всех наших школьных приключениях. С того момента, как я подружилась с вами, я всецело поддерживаю вас и борюсь за вас. Может быть, ты просто никогда не замечал, как далеко я готова была зайти ради тебя.

— Не ради меня, — произнёс Гарри, качая головой. — Ты не должна говорить себе, что делаешь это ради меня. Я никогда не попросил бы тебя о подобном.

— Знаю, — сказала она, отводя взгляд. — Это не ради тебя. Ради всех остальных. Ты делаешь, что считаешь нужным, чтобы победить. И я тоже.

— Ты отталкиваешь всех, — сказал Гарри жестким голосом, садясь. — Возможно, ты думаешь, что я этого не замечаю, но я в курсе. Я просто не понимаю, почему. Ты всегда была мне как сестра. Но теперь... каждый раз, когда в нашей дружбе появляется трещина, ты берёшь и вбиваешь в нее ещё один клин. И я не понимаю... зачем ты это делаешь?

Он был на грани слез. Его глаза были настолько обиженными и злыми, когда он смотрел на нее, что Гермиона засомневалась.

Если она признается сейчас, возможно, это все исправит. Возможно, и правда у них ещё был шанс.

Ее первый друг. Ее лучший друг. Он тянулся к ней. Если она протянет ему руку навстречу...

Она печально посмотрела на него.

— Эти трещины были всегда, Гарри. Человек, которым я являюсь... эта личность была со мной всегда. Просто война заставила тебя видеть ее.

Его выражение лица стало холодным.

— Что ж, ладно. — Он встал и вернулся в дом.

Гермиона просидела несколько минут, пытаясь собраться с силами, чтобы слезть с крыши.

Она нашла кресло и свернулась в нем калачиком, настолько уставшая, что даже колющая боль в руке не могла помешать ей уснуть.

Когда девушка проснулась несколько часов спустя, то почувствовала ледяной холод. Она так замерзла, что у нее стучали зубы. Было уже далеко за полночь, когда Гермиона заснула, и теперь в доме было темно и тихо.

Она вздрогнула от холода, схватила волшебную палочку и наложила на себя согревающее заклинание. Это не принесло никакого облегчения.

Она чувствовала... присутствие. Словно кто-то в темноте смотрел на нее.

В основании позвоночника медленно поднимались вверх ледяные щупальца, распространяя боль по телу. Как будто она была заражена чем-то, что пыталось свести ее с ума, неторопливо окутывая ее организм.

Ее рука дрожала, когда Гермиона сотворила диагностику. Должно быть, она не заметила проклятие.

Ничего не было.

Болезненное, ледяное ощущение продолжало распространяться, достигая ее грудной клетки, пока дыхание не стало мучительным.

Ей было до ужаса страшно, но в то же время возникало что-то вроде желания сдаться. Желание боли ради облегчения. Например, пойти на кухню, чтобы резать запястья, пока это не причинит больше боли, чем все остальное.

Боль как освобождение. Как вкус крови.

Она резко встала.

Это были последствия темной магии, которую Гермиона использовала. Желание саморазрушения. Галлюцинации.

Теперь, когда она думала об этом, все вставало на свои места.

Тонкс была права. Она должна быть с кем-то рядом. С кем-то, кто поможет ей продержаться.

Гермиона, спотыкаясь, спустилась по лестнице. Была середина ночи. Она направилась в комнату, где находился Чарли. Они едва ладили, но он позволял ей иногда взять себя за руку. Ей было так холодно. Он мог бы поговорить с ней и помочь сосредоточиться...

Пусто.

Она проверила Фреда... пусто.

Она двинулась дальше.

Рон стонал от боли во сне. Она влила ему в рот напиток Сна без сновидений. Наблюдая, как он успокаивается, Гермиона достала зелье, помогающее восстановить связки и сухожилия в руке, и проглотила его.

Гарри спал в кресле рядом с Роном. Он не смыкал глаз с тех пор, как Рона схватили. Следующей ночью у Ремуса будет полнолуние, и Тонкс сейчас с ним.

Она вышла из комнаты и задумалась, что же ей делать.

Холод, поглотивший ее, был настолько болезненным, что даже дышать было тяжело. Девушка заколебалась и чуть не утонула в этом ощущении.

«Возвращайся ко мне, если тебе что-нибудь понадобится».

Гермиона заставила себя выйти через парадную дверь и аппарировала в Уайткрофт.

Она шагнула к двери, ее пальцы коснулись ручки, и девушка замерла. Свет был выключен.

Конечно, его там не было. Это было просто место встречи. Он не жил там. Прошло уже несколько часов с тех пор, как она ушла. Он, наверное, спал. В месте, где была кровать.

Или он мог быть занят.

Она не должна была звать его без крайней необходимости. Гермиона обещала, что не будет, она дала ему слово.

Она не будет вызывать его, потому что у нее был плохой день.

Сделав это, Гермиона рискнет его прикрытием, скомпрометирует его, поставит под угрозу Орден.

Она отдернула руку и отвернулась.

Если бы Гермиона снова могла аппарировать... в Гриммо всегда кто-нибудь бодрствовал. Она сжала палочку и закрыла глаза.

Ей показалось, что кто-то схватил ее за голову. Ее колени подогнулись. Все исчезло.

Когда мир медленно поплыл перед глазами, она поняла, что лежит на спине. Девушка посмотрела на небо. Звезды мерцали над головой, приглушенные луной. Холодной и одинокой.

Этот день был слишком длинным.

По коже побежали мурашки: она болела, словно внутри нее был яд. Внутри ее магии. Гермиона хотела избавиться от него. Если бы только она могла найти это место. Она могла бы вырезать его одним из своих ножей, чтобы яд перестал ползать внутри нее.

Она прикоснулась пальцами к своей груди и вонзила в нее ногти.

— Грейнджер... Что ты с собой сделала?

Она почувствовала, как ее оторвали от земли. Горячие руки сомкнулись вокруг ее тела, прогоняя холод. Ей было так холодно. Она так тянулась к теплу.

Гермиона явно была в бреду, потому что Драко был здесь, с ней, одетый в маггловскую одежду. Она никогда не видела его ни в чем, кроме чёрного.

Девушка прижалась к нему сильнее. Он был словно пламя разожженного камина, отгонявшее от нее эту пугающую, холодную темноту.

— Я использовала смертельные проклятия, — сказала она, зарываясь лицом в его майку. Даже будучи одетым в маггловскую одежду, Драко пах точно так же, как всегда. — Я никогда раньше никого не убивала. Но я даже не знаю, скольких убила за сегодня.

Его руки сжались крепче на ее спине.

— Тонкс сказала... Та темная магия, которую я использовала сегодня... Мне нельзя оставаться одной. Но у меня нет никого, к кому я бы могла пойти. У всех уже есть кто-то близкий... Кто-то, с кем они будут вместе...

— Но не у тебя.

Она кивнула.

— Какое заклинание ты использовала? Какого рода темную магию? — уточнил Драко.

— Мне пришлось наслать обугливающее проклятие на оборотня. Он собирался растерзать Рона. Он был слишком силен — оставался всего день до полнолуния. Чтобы оглушить его, понадобилось бы слишком много времени.

Это была первая галлюцинация в ее жизни. Возможно, она умирала. От Драко исходил невероятный жар. Он был одет в толстовку с надписью «Оксфорд» и... похоже, это были джинсы?

Казалось почти смешным, насколько странную картинку нарисовало ее воображение. Гермионе захотелось рассмеяться, когда она рассмотрела его внимательнее.

— Неудивительно, что тебе так холодно, — пробормотал он.

Гермиона почувствовала рывок аппарации. Она огляделась в растерянности. Они находились в номере какого-то, судя по виду, дорогого маггловского отеля.

Гермиона чувствовала себя совершенно сбитой с толку. Конечно, странно было ожидать, что в галлюцинации будет какой-то смысл, но все же это выходило за грани ее воображения. Она посмотрела на Драко.

— Думаешь, это то, чего хочет мое подсознание? — спросила девушка. — Быть с тобой вместе в маггловском мире?

Выражение его лица было нечитаемым.

— А чего же хочешь ты?

Ее взгляд застелили слезы.

— Я не хочу все время быть одинокой, — выдавила она. — Я хочу иметь возможность любить кого-то, не думая, что это может им навредить. Гарри был моим первым другом. Я всегда мечтала иметь друзей... Но я была слишком странной, слишком неловкой в общении, слишком привязанной к книгам. Я всегда была одна. Никто не хотел дружить со мной. Гарри был первым человеком, позволившим мне стать его настоящим другом. Я думала, что мы всегда будем близки. Но теперь... Мне пришлось оттолкнуть его, потому что так я смогу его защитить. То же самое с Роном. И с моими... с моими родителями. И сейчас... у меня никого не осталось. Я могу любить их только на расстоянии. И мне так одиноко... — Она прижала ладонь к губам, сдерживая всхлипы.

— Что произошло с твоими родителями?

— Я стерла им память после того, как ты убил Дамблдора. Я уничтожила все их воспоминания обо мне. Словно меня никогда не существовало в их жизни. И затем я отправила их в другую страну. Думала, если война будет короткой, я успею вернуть им воспоминания. Но Обливиэйт обратим только в течение пяти лет.

Жар, исходящий от тела Драко, словно проникал в самую ее сущность. Одна его рука покоилась у нее на шее, и Гермиона теснее прижалась к его ладони.

— Ты не обязана быть одинокой, Грейнджер, — сказал он.

Ей так хотелось поверить ему, но ее беспокойное сознание сопротивлялось этой идее. Ее мысли никогда не затихали. Планы, чувство вины и ответственности, которые она не могла игнорировать... Она не могла не думать обо всем этом. Пусть Гермиона была в бреду, но даже сейчас для нее существовали вещи, которым она не должна была поддаваться.

Гермиона постаралась оттолкнуть его руки, но это было все равно что сражаться с кирпичной стеной.

— И почему же? Из-за тебя? — спросила она горько. — Я не могу... Я не могу позволить себе думать о тебе. Если я буду переживать за тебя, я не смогу тебя использовать. А ты — единственная возможность выжить для всех моих друзей. Поэтому я не могу.

— Тогда используй меня, — сказал Драко. Он потянулся, чтобы поцеловать ее, но Гермиона отпрянула.

— Нет. Я не могу. Я не хочу... не хочу поступать так с тобой. Ты не заслуживаешь... Я могу сама позаботиться о себе, — она постаралась вырваться из его рук, но он не ослабил хватку.

— Тебе не надо отталкивать меня, чтобы защитить, — сказал он знакомым жестким тоном. — Мне это не нужно. Ты можешь перестать быть одинокой. Я знаю, что тебе просто нужен кто-то, чтобы не чувствовать одиночество. Я понимаю. Я не буду ожидать от тебя чего-то большего.

Она продолжала вырываться из его рук.

— Я тоже одинок, Грейнджер, — сказал он.

Она замерла, сжимая в ладонях ткань его майки.

— Я... — начала девушка.

Он прервал ее возражения поцелуем. Обхватив ладонями ее лицо, он прижался своими губами к ее. Гермиона ответила на поцелуй, вжимаясь в его тело.

Оторвавшись от ее губ, он поцеловал ее в лоб и заставил лечь на кровать.

— Просто отдохни, — сказал Драко, опустившись рядом с ней. — Я никуда не уйду. Можешь делать все, что необходимо, чтобы не поддаваться темной магии.

Он прислонился спиной к изголовью кровати и взял ее руку в свою.

Гермиона прижалась к его груди и крепко сжала его ладонь. Склонив голову, она прислонилась к его руке щекой. Девушка пыталась сконцентрироваться на дыхании. На жаре его тела. На ощущении его пальцев, переплетенных с ее.

Она закрыла глаза, сосредотачивая все свое внимание на нем. Гермиона даже могла слышать биение его сердца.

Он жив. Он жив. У нее получилось сохранить ему жизнь.

Она коснулась губами его пальцев и почувствовала, как он крепче прижал ее к себе. Гермиона приподняла голову и взглянула на него.

Драко смотрел на нее, не отрываясь, даже когда она отпустила его руку и прикоснулась ладонью к его лицу. Она придвинулась ближе и поцеловала его в щеку, лоб и, наконец, спустя несколько секунд, прижалась своими губами к его.

Он был словно пламя огня.

Гермиона не знала, сможет ли еще когда-нибудь быть вместе с ним. Возможно, этот день — это все, что у них осталось.

Она целовала его неторопливо. Гермиона притянула его ближе к себе, пока наконец его руки не обвились вокруг ее тела и он не ответил на поцелуй.

Она не могла сказать, было ли это попыткой удержать его или их прощанием.

Она зарылась пальцами в его волосы.

Коснувшись ее заплетенных волос, Драко достал державшие их шпильки. Он помог ей снять с руки лонгету. Гермиона опустила взгляд на свою кисть, рассматривая выросшие заново кости и новые шрамы, покрывшие кожу запястья. Он запустил руки в ее волосы, вызывая дрожь в теле, и заставил снова посмотреть на него.

Их поцелуи были неспешными. Не было ни нетерпения, ни резкости, ни чувства вины. Только отчаянная необходимость друг в друге. Но рядом с Драко она всегда ощущала эту необходимость в нем.

Гермиона целовала его так, как всегда мечтала. Так, как она втайне надеялась попробовать хотя бы однажды.

Она может позволить себе испытать это. Всего один раз.

Драко обхватил ее лицо руками. Она тихо всхлипнула ему в губы.

— Я мечтала, чтобы все было именно так, — призналась Гермиона. — Я мечтала, чтобы все было именно так с тобой.

Драко замер. Ее слезы оставляли мокрые следы на его пальцах, обхвативших ее лицо.

— Мне жаль. Мне очень жаль, что все было по-другому, — ответил он, прижав ее крепче к себе и поглаживая пальцами ее скулы.

Он всегда был таким теплым? Иногда она не могла разобрать, были ли настоящими ее воспоминания о той ночи, когда она поцеловала его после исцеления рун. Возможно, тогда Гермиона была слишком пьяна и выдумала некоторые детали, чтобы вспоминать о них в те часы, когда ее жизнь становилась совершенно невыносимой.

— Все в порядке, — сказала она, опуская голову на его плечо.

— Нет, не в порядке. Позволь мне сделать все по-другому в этот раз.

Он приподнял ее голову и накрыл ее губы своими.

Словно звезда, издалека он виделся холодным и прекрасным, но когда между ними не существовало расстояния, его тепло казалось бесконечным.

Драко углубил поцелуй, скользя руками по ее телу. Его пальцы выводили узоры вдоль ее позвоночника. Он стянул с нее майку и поцеловал в изгиб ключиц. Его руки ощущались родными, когда он запустил пальцы в ее волосы, откинул ее

голову назад и прижался губами к основанию шеи.

Она потянула вверх его майку, вынуждая Драко остановиться и наконец-то снять ее. Затем девушка снова притянула его к себе и накрыла его губы своими. Она изучала пальцами линию его челюсти, напряженные мышцы шеи и плеч. Он похудел, и его кожу испещряла целая россыпь новых шрамов, так что казалось, что она прикасается к нему в первый раз.

Драко покрывал поцелуями каждый сантиметр ее тела. Он расстегнул ее лифчик и, стянув бретельки, сжал ее грудь в ладонях. Он продолжал целовать ее, пока она не начала задыхаться. Жар от его прикосновений словно разжигал собственный огонь внутри нее.

Он следил за каждым ее движением, каждым вздохом, словно хотел, чтобы они навсегда отпечатались в памяти.

Все происходило не слишком быстро. Драко делал все так неспешно, как она того и хотела.

Он медленно вошел в нее. Его взгляд не покидал ее лица:

— Так хорошо?

Она едва слышно вздохнула и кивнула. Потому что так и было. Не было никакой боли. Это было приятно.

— Хорошо, — ответила Гермиона, сжимая его плечи в ладонях и ощущая под пальцами шрамы от рун.

Драко опирался на предплечья, и его руки обрамляли ее лицо, а пальцы зарылись в волосы. Прислонившись своим лбом к ее, он начал двигаться.

Он поцеловал ее, и это было похоже на начало чего-то, что будет существовать вечно.

Поначалу все происходило так неспешно и естественно, что Гермиона почти забыла, что может быть как-то по-другому. Даже если бы все осталось, как сейчас, этого для нее было бы достаточно. Вес его тела, тепло его кожи, соприкасающейся с ее. Гермиона уткнулась носом ему в плечо: он пах дубовым мхом и немного папирусом и кедром. Гораздо слабее, но все равно различимым был запах его пота.

Для нее кровати всегда ассоциировались с чем-то неизбежным и неприятным, необходимым только в случае крайней усталости. Спать в них было холодно и одиноко, и, отходя ко сну, Гермиона надеялась лишь на то, что кошмары не заставят ее пожалеть, что она вообще решилась на отдых.

Но сейчас ей не было холодно. Весь мир перестал существовать. Был только Драко: вокруг и внутри нее. Он знал, как прикасаться к ней, чтобы заставить задыхаться, целовать так, чтобы это заставляло ее крепче сжимать его бедра ногами, и двигаться внутри нее так медленно, что поначалу она даже не замечала, как нарастает напряжение в ее теле.

Но, конечно, этого было недостаточно, и Драко это знал. Он подмечал, какие

прикосновения заставляли ее дыхание сбиваться, какой угол движения — двигаться навстречу. Он продолжал смотреть ей в глаза и замечал, когда она сильнее стискивала его пальцы в своих.

Драко целовал ее. Казалось, их поцелуи продолжались бесконечно. Постепенно соприкосновение их тел и ускорившийся темп движений перестали ощущаться просто приятными.

Но когда он скользнул ладонью между ее ног, Гермиона поморщилась. Она не была уверена, что готова к этому.

Это было слишком...

В последний раз, когда он надавил пальцами между ее бедер...

«Ну, теперь ты точно не представляешь угрозу моей работе, не правда ли?»

Она сдавленно всхлипнула и отвернула лицо от него. Драко замер, убрал руку с ее бедер и, обхватив ее лицо ладонями, поцеловал.

— Ты можешь позволить себе это, — сказал он.

— Я... просто я не знаю, как все это происходит. То, что описано в книгах, не похоже на то, как это происходит в реальности, — выпалила Гермиона, опустив голову. — И в последний раз, когда ты прикоснулся ко мне там... Никто никогда не касался меня так... И когда ты сделал это, ты сказал... — Ее голос сорвался. — Теперь я всегда вспоминаю о твоих словах. Что я... Я...

— Прости меня, — сказал он, крепче сжимая ее ладонь в своей. — Мне жаль. Мне так жаль. Я столько успел испортить в твоей жизни. Позволь мне дать тебе хотя бы это. Позволь мне показать, что все может быть по-другому.

Она засомневалась, но затем нерешительно кивнула.

Он склонил голову к ее уху и прошептал:

— Закрой глаза.

Она почувствовала его дыхание на своей коже.

Когда Гермиона закрыла глаза, Драко снова поцеловал ее.

Теперь, когда она не могла видеть происходящее, все ее ощущения обострились. Жар его кожи, соприкасающейся с ее. Его запах. Ей казалось, что она чувствует даже движение воздуха в комнате.

Когда Драко прижался губами к ее шее, Гермиона не сдержала стона. Его рука сжала ее грудь, а палец скользнул по соску, когда он снова начал двигаться внутри нее. Темп его движений не был быстрым, но не сбивался ни на секунду, и Гермиона, задыхаясь, подавалась ему навстречу бедрами.

Он снова поцеловал ее, коснувшись ладонью между ее ног. Он углубил поцелуй, когда его пальцы нашли чувствительную точку между ее бедер. Дыхание Гермионы сбилось, когда она почувствовала, как все ее тело напряглось от этого

прикосновения.

Казалось, что она вся — словно натянутая струна. Гермиона могла чувствовать, как гулко бьется сердце в ее груди. Ее дыхание становилось короче и прерывистей, а мышцы — напряженней. По ее нервам разливался огонь. Каждый раз, когда Драко двигался внутри нее, прикоснулся губами к ее коже или скользил пальцами между ее бедер, он заставлял это напряжение нарастать все сильнее, пока девушка не почувствовала, что еще немного, и она больше не сможет противостоять его силе.

Но она не могла позволить этому случиться...

Если Гермиона сдастся, то это разрушит ее, и не будет никого, кто сможет собрать ее воедино.

Она чувствовала, что балансирует на самой грани.

— Я... Я не могу, — наконец выдавила она.

— Гермиона, — Драко коснулся губами ее щеки. — Ты можешь позволить себе чувствовать. Ты заслуживаешь того, чтобы испытывать что-то хорошее. Не заставляй себя быть одинокой. Позволь себе... позволь себе испытать это со мной.

Он приподнял ее ногу одной рукой, и это изменило угол движения, еще сильнее затягивая узел внизу ее живота. Он поцеловал ее, прижимаясь к ней крепче.

Гермиона резко открыла глаза. Она не отводила взгляда от лица Драко, пока весь ее мир разлетался на осколки.

— О боже... — Ее ногти вонзились в его плечи. — О...О...О боже...

Его бездонные серые глаза смотрели на нее, пока она выгибалась, дрожа и сжимаясь вокруг него.

Гермиона ловила воздух ртом, пытаясь восстановить дыхание, когда Драко начал двигаться быстрее. Он сделал еще несколько толчков и замер, и она увидела, как исчезла маска с его лица. Прежде чем он опустил голову ей на плечо, Гермиона успела увидеть его взгляд. Его сердце было разбито.

Драко отстранился и лег рядом с ней, накрывая их обоих одеялом. Он поцеловал ее в висок. Гермиона повернула голову, чтобы взглянуть на него, а затем подвинулась ближе, прижимаясь к его груди.

Она чувствовала невероятную усталость и осколки холода в груди, который оставила после себя темная магия. Гермиона задрожала и крепче обняла Драко. Приподняв голову, она посмотрела на него и встретила с его взглядом.

Поднеся руку к его лицу, девушка провела пальцем по его скуле.

— Мне кажется, я почти выучила наизусть твои черты. Особенно твои глаза.

Уголок его рта дернулся, пока он водил пальцами по свежим шрамам на ее запястье.

— Я тоже выучил наизусть твои, — он вздохнул. — Я должен был знать... В тот момент, когда я впервые взглянул в твои глаза, я должен был знать, что мне никогда не удастся переиграть тебя.

Гермиона слегка улыбнулась и прикрыла глаза. Она прижала ухо к его груди, слушая биение сердца.

— Я всегда думала, что глаза — моя лучшая черта.

— Одна из лучших, — ответил он тихо.

Она заснула, все еще окутанная исходящим от него теплом.

Примечание к части

Арт к главе

Автор ceresartsy <https://ceresartsy.tumblr.com/post/624903951374008320/someone-to-hold>

54. Флэшбэк 29.

Март 2003 года

Проснувшись утром, Гермиона обнаружила, что действительно находится в отеле с Драко. Это было удивительное открытие, и девушка решила, что, возможно, все еще видит галлюцинации.

Гермиона снова взглянула на комнату, пытаясь переварить эту информацию. Все происходящее не походило на сон, она действительно была в номере маггловского отеля с Драко. Точнее, в номере люкс, который он занимал, пока носил толстовку «Оксфорд».

Если бы Гермиона все еще составляла его психологический портрет, то это открытие потребовало бы новой тетради. Зачем он сюда отправился? Как часто находился здесь? С какой стати ему вообще ночевать в маггловском мире?

Она повернула голову и посмотрела на Драко.

Он спал, собственнически обняв ее, словно оберегая от кражи. Его тело было таким теплым, что почти обжигало.

Пока она в замешательстве смотрела на него, все события вчерашней ночи мгновенно всплыли в памяти.

Гермиона вздрогнула.

Ей не следовало приходить.

Ей не следовало приходить и оставаться здесь.

Это было ошибкой.

Драко был похож на дракона. То, как ревниво он хранил все, что было ему дорого... в этом не было никакой умеренности. Он был собственником, причем смертельно опасным. Драко держал ее в своих объятиях так, словно она принадлежала ему.

Искушение поддаться этому чувству, позволить ему овладеть ею и любить его пугало Гермиону.

Ее потребность любить людей и отчаянное желание, чтобы они любили ее в ответ... все это Гермиона давно заперла в себе, освободив место для холодной логики и стратегических решений ради войны. Она похоронила эти желания глубоко внутри себя, никого не подпуская близко.

Но Драко вытащил этот ящик наружу и принялся вскрывать замок. Она почти чувствовала, как его пальцы крутят диск, подбирая нужную комбинацию и все это время ожидая момента, когда появится возможность открыть его.

Его собственное горе и одиночество, то, как он смотрел на нее, как прикасался к ней... все это проскальзывало сквозь ее защиту и обвивалось вокруг сердца так же уверенно, как она обвивала его.

Гермиона попыталась выскользнуть из постели до того, как он проснется, но его глаза распахнулись, стоило ей пошевелиться. Его объятия стали крепче, и Драко притянул ее к себе на мгновение, прежде чем выражение его лица дрогнуло и он отпустил ее.

Гермиона замерла и посмотрела на него сверху вниз.

Чувство ужаса, которое он внушал ей год назад, полностью испарилось. Опасность, исходящая от него, никуда не исчезла, даже стала словно более осязаемой теперь, когда она знала, как хладнокровно Драко может убивать. Но, несмотря на осознание того, насколько безжалостным он может быть, оно помогало ей чувствовать себя менее испуганной.

Теперь Гермиона знала, как много он скрывает. Несмотря на высокое положение, которого Драко добился в армии Волдеморта, он сдерживал себя. Уничтожение целой дивизии Пожирателей Смерти едва ли потребовало от него усилий. Он прибыл и убил почти сотню человек за считанные минуты.

Она изучала его лицо, а он смотрел на нее в ответ. Выражение его лица было непроницаемым. Что бы Драко ни чувствовал, он тщательно это скрывал. Но его глаза...

Того, как он смотрел на нее, было достаточно, чтобы остановить ее сердце.

— Мне не следовало приходить, — наконец сказала она.

Он не выглядел обиженным или удивленным ее словами.

— Тебе нужен был кто-то. Я просто оказался под рукой. Не нужно беспокоиться, что это усложнит твою жизнь, — сказал он, отводя от нее взгляд, его пальцы легонько играли с ее запястьем. — Я не ожидаю, что это что-то изменит между нами.

Гермиона дернулась и нервно сглотнула.

Она не могла сказать ему, что имела в виду совсем другое. Он был не просто кем-то. Он был... он был для нее...

Вот в этом и состояла ее ошибка.

Должно быть, это отразилось на ее лице, потому что, когда он изучал ее, его глаза внезапно вспыхнули чем-то похожим на торжество. Прежде чем она успела отстраниться и уйти, Драко притянул ее к себе, и его губы коснулись ее.

Как только он ее поцеловал, все ее страхи, чувство вины и решимость уйти исчезли.

Все, о чем Гермиона могла думать, — это то, как бы ей хотелось быть здесь и ощущать его прикосновения. Он был как огонь, который больше не ждал подходящего момента, а яростно прожигал путь к своей цели.

Он видел все трещины в ее обороне, и так же безжалостно, как пробивал ее окклюментные стены, он пробивал себе путь в ее сердце.

Драко подмял ее под себя, обжигая губами, в то время как его руки блуждали по ее телу. Она прижалась к нему и страстно поцеловала в ответ.

Это было совсем не похоже на предыдущую ночь.

Это не было утешением.

Это было утверждение.

Его горячий рот касался ее губ, двигался вдоль подбородка, шеи и плеч. Она запустила пальцы в волосы Драко и обняла его, стараясь не заплакать оттого, как отчаянно она хотела его и как была благодарна, что он не заставил ее просить.

Его властные руки скользили по ее телу, притягивая все ближе и ближе, пока она не оказалась прижатой к нему. Затем он поднялся и резким толчком вошёл в нее.

Двигаясь внутри нее, Драко запоминал, как отзывается ее тело на его прикосновения, и целовал ее, пока Гермиона не начала задыхаться. Его толчки становились более глубокими.

Его объятия, его прикосновения — она не забудет этого никогда.

Драко был требовательным. Был полон решимости доказать, что она для него значит. Убедиться, что Гермиона не сможет отрицать чувства, которые он пробуждал в ней.

Он заставил ее кончить под его руками, под его телом дважды, прежде чем отпустить. Когда он излился в нее, его самообладание ускользнуло, оставив выражение лица открытым на мгновение. Теперь там не было разбитого сердца, а была одержимость.

И чувство триумфа.

— Ты моя. Ты поклялась мне, — прошептал он ей на ухо, крепко прижимая к себе. — Сейчас. И после войны. Ты обещала мне. Я буду заботиться о тебе. Я никому не позволю причинить тебе боль. Ты никогда не будешь одинока. Потому что ты моя.

Она должна уйти.

Но тогда, в тот момент Гермиона перестала быть собой. Она растворилась в опасных объятиях Драко Малфоя и чувствовала себя как дома.

Девушка спала в его руках, недоступная для остального мира. Она не могла вспомнить, когда в последний раз провела в кровати больше четырех часов без снотворного. На мгновение Гермиона очнулась от ощущения его ладони, скользящей по ее плечу. Она подняла глаза и увидела, что он изучает ее. Она выгнулась навстречу прикосновению и поцеловала его в самое сердце, прежде чем снова заснуть.

Когда девушка проснулась в следующий раз, был уже почти вечер. Драко сидел

рядом с ней, играя с ее пальцами.

— Как ты здесь оказался? — спросила она, озадаченно глядя на него.

Он приподнял бровь.

— Это мой номер.

Она закатила глаза:

— Как ты оказался в мире магглов? И как вообще ты можешь провести целый день в постели со мной? Разве ты не генерал армии?

Он запустил руку в ее волосы и притянул ее рот к своему, перекатываясь на нее сверху и целуя ее в течение нескольких минут, прежде чем откинуть голову назад и взглянуть на нее.

— Я обычно бываю в маггловском мире, когда не занят. Если я не под оборотным... — Он отвел взгляд. — Все в волшебном мире знают, кто я такой. Поэтому, когда я не на службе, то прихожу в маггловский мир. Для них я незнакомец и могу заниматься чем угодно. Если что-то потребует моего присутствия, Темный Лорд вызывает меня сам или посылает кого-нибудь за мной в поместье. Я узнаю, если кто-то попытается пройти через ворота.

— Разве ты не живёшь в своем поместье? — спросила она. Его рука собственнически скользнула вниз по ее горлу, и Гермиона почувствовала, как его большой палец коснулся ключицы.

— Нет, если только мне не требуется кого-то лично там принять. Я... — Он отдернул руку и резко сел. — Это... это место... — он на секунду опустил голову и резко вздохнул: — Там все испорчено. Каждый раз, когда я там бываю... я слышу крики моей матери. Как будто в доме водятся привидения. Клетка, где ее держали, встроена в пол гостиной с помощью магии и лей-линий поместья. Я не могу от неё избавиться.

Горечь в его голосе напомнила Гермионе о том, как глубоко он переживал свое горе. Как бережно нес свою вину. В полном одиночестве. Год за годом.

— Мне так жаль, — сказала она, положив руку ему на щеку и ловя кончиками пальцев пряди его волос. Он уронил голову на ее ладонь и на мгновение закрыл глаза.

— В любом случае, — его голос звучал напряженно и неуютно, — если меня увидят живущим в другом месте, возникнут вопросы. Вот так каким-то образом я оказался в мире магглов, — он издал тихий недоверчивый смешок. — Я бродил вокруг, пытаюсь понять, как здесь все работает. Консьержи оказались весьма полезны; независимо от того, насколько идиотские вопросы я задаю или какие странные просьбы прошу выполнить, они всегда находят способ помочь мне. Никогда не задают вопросов, и неважно, сколько полотенец я испачкал своей кровью.

— Что это за отель? — спросила Гермиона, садясь и оглядывая комнату.

— А какой сегодня день месяца? — задумчиво произнес он. — Последняя неделя

марта... значит, это «Савой».

Гермиона слегка отстранилась, чтобы посмотреть на него.

— У тебя что, несколько отелей, в которых ты останавливаешься?

— Слишком большая магическая активность может в конечном итоге привлечь внимание даже со всеми защитными оберегами. Поэтому я выбираю новое место из нескольких отелей с помощью арифметического уравнения рандомизации. Персонал под слабым заклятием Конфундус; ничего значительного, но достаточно для того, чтобы в случае вопроса об описании моей внешности они все предложили разные варианты. — Он пожал плечами.

Гермиона моргнула и постаралась не думать о том, сколько денег тратит Драко на то, чтобы постоянно иметь в своем распоряжении несколько гостиничных номеров. Богатенький придурок.

— Значит, ты живешь в шикарных номерах маггловских отелей, когда не являешься генералом в магической войне, — сказала она, недоверчиво качая головой.

— Ты знала, что я изучал историю магглов. Где, по-твоему, я это сделал? И ко всему прочему я довольно хорошо умею смешиваться с толпой, — его тон сочился аристократическим самодовольством, когда он произносил это, но Гермиона сомневалась, что где-нибудь в мире Драко Малfoy будет в состоянии смешаться с толпой.

Он снова отвернулся от нее, убрав левую руку, чтобы скрыть темную отметину.

— Мне казалось разумным найти себе какое-то нейтральное занятие, пока у меня было на это время.

Гермиона молчала. Конечно, он почти год ждал дня, когда она его предаст. Временное и нейтральное занятие. Это было разумно.

Она положила голову ему на плечо и обняла его. Девушка чувствовала под пальцами шрамы от его рун.

— Когда... когда ты понял, что я не знала, что ты должен умереть в июне?

Он издал слабый смешок:

— Когда ты об этом сказала. Я думал, ты поняла это, когда я сорвался, сказав, что ты должна была предвидеть мое наказание. Затем я предположил, что на следующий день тебе все объяснят. Но, видимо, этого не произошло, и я пришел к выводу, что Грюм и Бруствер решили, что мое выживание пока полезно Ордену. Судя по тому, как ты вела себя, было ясно, что они не сообщат тебе об этом, пока не решат сделать свой ход. Что делало твое присутствие рядом со мной одновременно забавным и мучительным. Иногда мне хотелось просто все рассказать тебе, но... наверное, мне нравилось твоё желание спасти меня.

Гермиона сжала губы и прижалась к нему лбом.

— В самом начале я предполагала подобный исход, но затем решила, что на это

уйдёт ещё несколько лет. Потом я старалась не думать об этом и в конце концов забыла. После того, как я исцелила твои руны, и ты перестал приходить... я оставила попытки понять планы Ордена. Я была слишком занята вопросом, увижу ли я тебя когда-нибудь снова.

Драко молчал.

— Когда я пришла в хижину в четверг после Рождества, я только узнала... что таким был изначальный план.

Драко едва заметно кивнул.

— Я так и думал.

Он медленно повернул голову и посмотрел на нее сверху вниз.

— Раз уж мы заговорили, я хотел бы спросить, что ты со мной сделала?

Гермиона виновато застыла.

Уголок его рта дернулся, когда он продолжил изучать ее.

— Грейнджер, эти руны были у меня целый месяц, пока ты не вложила в них свою палочку. Я обращался к нескольким целителям за помощью в обезболивании. Помимо общей неясности обращения с рунической магией... что бы ты ни сделала, это нарушало фундаментальные законы магии. У меня есть свои догадки, но я был бы признателен, если бы ты рассказала мне.

Гермиона помолчала с минуту, проводя пальцами по шрамам, ее другая рука все еще была сплетена с его рукой.

— В Египте Исида считается богиней исцеления, — наконец тихо произнесла она. — Некоторые говорят, что она имеет власть над самой судьбой. В египетской мифологии, когда человек умирает, его сердце взвешивается, и только те, кого посчитают добродетельными, допускаются в загробную жизнь. Говорят, Исида подарила египетским целителям мешочек с камнями, способными очистить и исцелить сердце. Эти камни называются Сердцем Исиды. Согласно мифам, тот, чье сердце было испорчено тьмой, может получить шанс на искупление, если его поступки были продиктованы благими намерениями, — она сглотнула. — Камни поглощают темную магию, очищая ее от яда.

— И у тебя есть один из них.

Гермиона изучала простыни на кровати.

— Главный целитель больницы в Египте доверил мне один из них. Он предназначался для Гарри. Он думал, что если Гарри победит Сам-Знаешь-Кого, то ему понадобится камень. Что Гарри заслуживает очищения, чтобы иметь шанс на жизнь, которую хочет после войны. Но Гарри никогда, никогда не будет использовать темную магию. Для него возражение против ее использования основано на принципе. Это не потому, что он боится умереть или пострадать от этого. Он не будет пользоваться ею, потому что не хочет, чтобы ею пользовались другие. Руны... они отравляли тебя. Ты знал, что они отравляют тебя. Я слишком опоздала с исцелением и поэтому не могла даже замедлить этот процесс. Ты

спас сотни людей, и мы нуждались в тебе. Поэтому я использовала камень, чтобы исцелить тебя. И... когда Орден узнал, что я сделала... тогда... Вот почему меня сочли скомпрометированной.

Она резко отстранилась, подтянув колени к груди и плотнее закутавшись в одеяло.

Скомпрометированная. Ненадёжная.

Голая в постели Драко Малфоя.

Если Грюм и Кингсли узнают, что она находится здесь по собственной воле... что она пошла к нему... будет ли это иметь какое-то значение? Или они всегда действовали, исходя из предположения, что она окажется здесь?

Гермиона посмотрела вниз на шрамы на своем запястье. Они оставались свежими и розовыми — если она еще немного над ними поработает, шрамы поблекнут еще больше.

Через минуту Драко нарушил молчание:

— И как именно работает сердце Исиды?

Гермиона взглянула на него. Он смотрел на нее без всякого выражения. Ее глаза снова опустились на руки.

— Природа подобного артефакта плохо изучена. В некоторых отношениях они похожи на философский камень. Но египетская больница не афиширует тот факт, что камни существуют. Все исследования с ними запрещены. До меня дошло не так много проверенной информации.

— Как он работает?

— Он... — она неловко заерзала, — для небольшого использования темной магии достаточно просто временной близости. Но, — она посмотрела вниз, — руны вечны. Каждая из них подобна темному проклятию, постоянно меняющему твою сущность. Ты... ты выбрал их так много... и чтобы исцелить тебя, я... камень... он внутри твоего сердца. Я вложила его туда, пока ты был без сознания. — Гермиона нервно взглянула на него, ожидая реакции.

Брови Драко резко поползли вверх.

— Ты вложила камень мне в сердце... пока я был без сознания?

— Магический камень, — Гермиона вздернула подбородок, — чтобы спасти тебя от смертельного отравления.

— Ты вложила камень мне в сердце, не спросив разрешения. — Он уставился на нее широко раскрытыми от изумления серебристыми глазами. — Его возможно извлечь?

Гермиона вспыхнула:

— Все было не так. Я не могла сказать тебе, потому что не знала наверняка,

планируешь ли ты стать следующим Темным Лордом в тот момент. Я не могла просто спросить, желаешь ли ты стать невосприимчивым к темной магии.

Он фыркнул и откинулся на подушки.

— У меня нет иммунитета к ней. Я бы заметил, если бы Круциатус перестал работать.

— Ты не получил неуязвимость к проклятиям, скорее невосприимчивость к последствиям его использования. Руны все еще воздействуют на тебя в той мере, в какой и были предназначены. Они просто не могут тебя отравить. Это как... непрерывный ритуал очищения твоей магии.

Драко молчал.

Она изучающе посмотрела на него и нерешительно протянула руку, коснувшись его груди над сердцем.

— Ты это чувствуешь? Я не знаю, каково это... для тебя. На диагностических заклинаниях ничего не видно. Но ты ведь заметил, не так ли? Что все теперь по-другому.

Он медленно кивнул, выражение его лица было замкнутым.

— Это все равно что быть разрезанным и не истекать кровью. Ты лучше меня знаешь, что происходит, когда темная магия воздействует на организм. Камень позволяет легче и в то же время тяжелее использовать темные искусства. Нет никакого мучительного ощущения, что внутри меня распространяется что-то зловещее. Даже ощущение боли притупляется. Я подозреваю... что в конце концов... вообще ничего не почувствую. — Он отвернулся от нее.

— Прости, — сказала Гермиона, отдергивая руку и отводя взгляд. Она прижала пальцы к груди. Ей казалось, что внутри у нее растет ощущение холода, как при прикосновении к трупам. В ее груди оставалось свежее ощущение заражения. Но это казалось... уместным. Есть определенные вещи, которые должны причинять боль.

Когда тырываешь свою душу на части, ты должен это чувствовать.

Она взглянула на Драко; тот смотрел в окно, выражение его лица было непроницаемым. Молчание становилось тяжелым. Девушка все ждала, когда он обернется. Но он этого не сделал.

Гермиона сглотнула и отвела взгляд. Ее кожа похолодела, и она подумала, не знак ли это того, что ей следует уйти.

— Прости, что не спросила, — наконец сказала Гермиона, продвигаясь к краю кровати. Ее одежда была... где-то там.

Она почувствовала, как чья-то рука сжала ее запястье.

— Боже милостивый, Грейнджер, твои друзья заморочили тебе голову. Я не сержусь на тебя. — Драко потянул ее обратно через кровать. Выражение его лица было жестким, когда он снова прижал ее к себе. — А если бы и сердился, то

пережил бы это. Но... ты ведь не сказала мне, что сделала. Я думал, что умираю. Потом мне казалось, что я схожу с ума. До декабря мне и в голову не приходило, что ты исцелила меня окончательно. Я никак не ожидал подобного исхода и до сих пор пытаюсь смириться с ним. Неужели ты действительно живешь с мыслью, что все, кого ты спасаешь, потом возненавидят тебя за это?

Гермиона вздрогнула.

— Это легче предвидеть, чем быть застигнутой врасплох.

— Не смей думать обо мне так. — Выражение его лица было твердым, как мрамор.

Гермиона натянуто рассмеялась, защищаясь, и резко отстранилась от него.

— Почему бы и нет? Ты делаешь это лучше, чем кто-либо другой.

Ее губы скривились, когда она посмотрела на него.

— В конце концов, впервые, когда я исцелила тебя, ты вернулся на следующей неделе и швырял в меня заклинаниями до тех пор, пока я не стала выглядеть так, будто меня выпороли. Когда я не захотела проклинать тебя, пока ты был ранен, ты бросил мне в лицо смерть Колина Криви. После того, как ты поцеловал меня пьяный, ты исчез, и я не видела тебя почти два месяца. После того, как я исцелила тебя в декабре, ты схватил меня за горло и, смотря мне в глаза, напомнил, что сделал меня шлюхой... просто потому что мог. Потом... — ее голос дрогнул, и она опустила голову, отвернувшись от него, — после того, как я сказала Ордену, что ты дашь нерушимую клятву, и умоляла их не убивать тебя, ты ответил, что не можешь смотреть на меня, потому что принести эту клятву было хуже, чем стать Пожирателем Смерти. Это было четыре дня назад. Почему бы мне не предположить, что в конце концов ты решишь наказать меня и за это? Ты всегда поступал со мной именно так.

Она села на край кровати спиной к нему и тихо всхлипнула.

— Я не слепа в отношениях с друзьями. Но у тебя нет никакого права утверждать, что твоё отношение ко мне было в каком-то смысле лучше. Вы... вы все одинаковые.

Драко молчал.

— Я сожалею, — наконец сказал он.

Гермиона издала низкий невеселый смешок:

— Да, все они в какой-то момент сожалеют. Гарри... Гарри так много извинялся вчера, когда я вернулась в убежище. Пока он не вспомнил, что я использовала темную магию. Затем он разозлился, упомянув, что я не спасла Рона каким-то другим способом. Я уверена, что на следующей неделе он снова извинится.

Драко резко вздохнул.

— Мне очень жаль.

Губы Гермионы дрогнули, и она посмотрела на пол, не отвечая.

— Я никогда не ожидал встретить... такую, как ты, — сказал Драко через минуту.
— Мы оба знали цели друг друга, но ты все равно продолжала смотреть мне в глаза и следовать своему плану. Когда я чувствовал, что у тебя получается, я делал все, что мог, чтобы заставить тебя остановиться. С того самого момента, как ты впервые вошла в хижину, я ждал, что именно ты будешь той, кто предаст меня. Но вместо этого ты вела себя так, словно меня можно было спасти. Ты вела себя так, словно действительно собиралась принадлежать мне до конца своей жизни. И была полна решимости смириться, если это спасет твой Орден. Я не знал, что они не введут тебя в курс дела.

Гермиона закусила губу.

— Думаю, они хотели убедиться, что я буду играть свою роль хорошо.

Девушка сглотнула, ее рот скривился, когда она попыталась подавить разрастающееся чувство боли и предательства, которое Гермиона ощущала по отношению ко всем, ради защиты кого она сделала все.

— Я думал, наступит момент, когда я буду достаточно жесток, чтобы ты прекратила попытки. Я предполагал, что у тебя есть предел. Думал, что, как только я найду его, ты перестанешь эмоционально обезоруживать меня. — Он испустил слабый вздох. — Я долго размышлял о том, что именно ты станешь причиной моей смерти. Мне не нужна была дополнительная боль от заботы, которую ты давала мне. Я, как мог, пытался от тебя отгородиться, причиняя боль. Мне очень жаль.

Гермиона смотрела в окно на Темзу.

— Мы отвратительная парочка, — сказала она, и уголок ее рта дернулся. — Не могу поверить, что все так закончилось. Я действительно хотела убить тебя, когда увидела в первый раз. Я думала, что ты изнасилуешь меня или, по крайней мере, заставишь заняться с тобой сексом, позабавишься, причинив мне боль, а потом когда-нибудь я убью тебя. И я ждала этого. Но я всегда чувствовала, что ты показываешь мне только маску; кого-то, кого, по твоему мнению, мне было бы легко возненавидеть. Возможно, если бы я была менее одинока, я бы поверила тебе, но ты напомнил мне меня. Сначала я думала, что мы — полная противоположность друг другу. Теперь, — она посмотрела на него и протянула руку, — я думаю, что мы похожи.

Его глаза потемнели, когда он переплел свои пальцы с ее и медленно притянул ее к себе, пока Гермиона не оказалась в его объятиях, их тела прижались друг к другу. Он поцеловал ее. Он целовал ее, а она целовала его.

Жизнь перестала быть холодной.

Он откинул голову назад и поцеловал ее в лоб, скользя руками по ее плечам и лаская горло так, что это стало уже привычным. Драко поцеловал ее между глаз.

— Ты намного лучше меня.

Она подняла руку и поймала его подбородок ладонью. Гермиона чувствовала себя так, словно, сколько бы ни прикасалась к нему, этого было недостаточно.

— Мне никогда не приходилось заходить так далеко. Ты прав, во мне еще осталось место для наивности. Хотя я была в курсе происходящего, мне и в голову не могло прийти, как далеко может зайти Орден. Я знала, что Кингсли манипулирует, используя людей, чтобы получить нужные ему результаты. Но... я не стратег, я не знаю, как думать об использовании людей подобным образом. Даже когда я пытаюсь... — Она положила голову ему на плечо, — я не знаю, как оставаться беспристрастной.

Он повернул ее лицо к себе.

— Ты сохраняешь людям жизнь. Ты смотришь на них и пытаешься сохранить им жизнь. Это значительно сложнее, чем просчитать все способы, которыми ты можешь их использовать или убить. Я думаю, то, что ты делаешь, — бесценно.

Уголок ее губ печально изогнулся, и она опустила взгляд. Драко прижался лбом к ее лбу, и Гермиона закрыла глаза. Казалось, что их души соприкасаются.

Она повернула голову, пока его нос не коснулся ее, и подняла подбородок так, что их губы встретились.

Она хотела провести остаток своей жизни, потерявшись в этом моменте.

Девушка неохотно отстранилась.

— Мне нужно идти. Я уверена, что Орден ждет моих объяснений.

Драко не отпускал ее.

— Тебе стоит поесть.

— Я должна идти, — сказала Гермиона, качая головой.

Его пальцы дернулись, когда он крепче сжал ее.

— Прими душ. Я закажу еды. Есть какие-то предпочтения?

— Драко. — Она схватила его за запястье и решительно отняла руку. — Ты не можешь держать меня здесь вечно. Я должна идти.

Его лицо на мгновение дрогнуло. Достаточно, чтобы показать частицу чувства собственности и еще чего-то голодного и отчаянного, что она не могла определить. Затем все исчезло, когда он убрал руки и позволил ей встать.

Выражение его лица было холодным и замкнутым, но глаза горели.

Гермиона протянула руку и коснулась его лица, откинув голову назад. Она поцеловала его в лоб.

— Я приму душ. — Она стянула с кровати простыню и завернулась в нее, собирая одежду с пола. Пересекая комнату, девушка чувствовала на себе пристальный взгляд Драко.

В ванной комнате стояла огромная ванна на когтистых лапах, на которую

Гермиона с тоской посмотрела, прежде чем войти в душ. Безошибочно узнаваемый запах секса витал вокруг нее, на ней все еще оставались следы крови со вчерашнего дня. Не только ее собственной. Она почувствовала кровь в своих волосах, когда начала мыть их.

Гермиона быстро вымылась с головы до ног, прежде чем выйти и вытереться. Она посмотрела в зеркало. Ванная комната была ярко, почти ослепительно освещена. Она явно предназначалась для женщин, которые тщательно наносят макияж и хотят иметь возможность осмотреть каждую свою пору. Гермиона посмотрела на себя в зеркало, прижимая полотенце.

Скудное освещение Площади Гриммо было гораздо добрее к ней. Она едва узнавала человека в отражении.

Пока девушка рассматривала себя в зеркале, Драко успел подойти и теперь наблюдал за ней из дверного проема. На нем были надеты брюки.

— Ты прав, я действительно выгляжу как труп, — сказала она через некоторое время.

Впадины его щек вспыхнули, а глаза опустились вниз.

— Тебе стоит больше есть.

Уголок ее рта дернулся:

— Это стресс. Не то чтобы меня не кормили. Я начну есть достаточно, только когда смогу нормально спать. — Она окинула его критическим взглядом. — Ты и сам не отличаешься здоровым весом.

Он посмотрел на себя, потом снова на нее, выгнув бровь.

— Как ты думаешь, кто вызывает у меня стресс? Ты — тот кошмар, о котором постоянно стоит беспокоиться.

Гермиона отвела взгляд, ее горло слегка сжалось, когда она начала теребить свою одежду.

— У меня появился напарник по добыванию ингредиентов.

— Патил, которая потеряла ногу. Та, кого ты обучала.

Гермиона подняла голову и посмотрела на него в зеркало.

— Откуда ты знаешь?

Он холодно встретил ее взгляд.

— Я обращаю внимание на любые сообщения о целителях Ордена. Ты удивительно незаметна, но Патил — знакомое лицо в Сопротивлении. Дружелюбная. Довольно разговорчивая. Мелкие подробности тут и там, я в состоянии понять общую картину. — Он был невыразителен. — Я легилимент. И часто являюсь тем, кто вытаскивает эту информацию.

Губы Гермионы дрогнули.

— Тогда зачем ты меня тренировал? Если был в курсе, что я уже не одна?

Он слегка улыбнулся и склонил голову набок.

— Когда это началось, в середине октября? Тогда ты все ещё ходила одна, а я хотел сохранить свое прикрытие. Затем я понял, что хочу, чтобы ты жила. Я хотел, чтобы после моей смерти ты оставалась живой. Я мог бы просто потребовать, чтобы у тебя появился напарник. Учитывая мои условия, это было бы вполне разумно. Но Бруствер или Грюм могли наплевать на мои условия, как только меня не станет. — Выражение его лица стало злобным. — Как ты сама сказала: если они продали тебя один раз, что помешает им сделать это снова? Кто знает, возможно, во второй раз они даже расскажут тебе обо всем.

В животе у Гермионы все сжалось, и она отвела взгляд.

— Они... они не монстры. У них мало вариантов. Они вынуждены работать в подобных условиях, сохраняя Сопротивление в живых. Именно их расчетливый выбор продвинул нас так далеко. Они не могут ставить меня выше всех остальных. Я не хочу, чтобы они это делали.

— Мне плевать на Сопротивление, — насмешливо произнёс он.

— А мне нет, — Гермиона не дрогнула. Говоря это, она смотрела ему в глаза. — Я забочусь о каждом из них. Я всегда буду заботиться о них.

— Они даже не знают тебя, — его тон был пропитан ядом. — Ты безликая фигура в их боли. Они любят своих медсестер, целительниц хосписа, Помфри, Патил. Тех, кто продолжает находиться рядом с ними, когда им перестаёт угрожать опасность. Они даже не знают, что ты была одной из тех, кто спасал их снова и снова. Или делала что-нибудь еще ради них.

Гермиона пожала плечами и натянула одежду. Она не привыкла находиться обнажённой ни с кем рядом. Надев рубашку и брюки, девушка начала заплетать волосы с привычной легкостью.

Драко остался стоять в дверях. Гермиона почти чувствовала, как от него исходит негодование, когда он смотрел, как она собирается уйти.

— Я не сделала ничего такого и не ожидаю, что меня сочтут героиней, — она усмехнулась. — Я не мечтаю о славе. Когда война закончится... — девушка отвела взгляд, ловя новые пряди волос и заплетая их в косы, — если Орден победит... — она сглотнула. — Если мы победим, существует большая вероятность того, что Кингсли, Грюма и меня будут судить за военные преступления.

Она встретила взглядом с Драко в зеркале.

— Я никогда не буду героем. Я знала это, когда решила изучать целительство.

Гермиона заколола наверх одну косу и принялась за другую.

— Поттер так много для тебя значит?

Уголок ее рта дернулся.

— Дело не только в нем. Гарри — мой лучший друг, но война больше, чем Гарри или кто-либо еще.

Ее руки замерли, и она некоторое время стояла молча.

— Я хочу... — начала Гермиона, но замолчала и сделала короткий вдох: — Я хочу, чтобы следующая магглорожденная ведьма с сияющими глазами пришла в волшебный мир, который приветствует ее. Мир, в котором ей не нужно будет постоянно отстаивать свое право на существование и где к ней не будут относиться так, будто само ее существование — это ошибка. Где она вырастет и окончит школу. Получит любую работу, которую захочет, выйдет замуж и родит детей, а затем состарится с кем-то. Я не... — ее голос на мгновение прервался. — Я... не получу ничего из этого. Поэтому я хочу создать мир, в котором хотела бы жить сама.

Примечание к части

Арты к главе

Автор saekaku https://www.instagram.com/p/B9A9lkJl7z0/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор jaxx in a box <https://jaxx-in-a-box.tumblr.com/post/621558053116002305/it-felt-as-though-their-souls-were-touching>

55. Флэшбэк 30.

Март 2003.

Гермиона аппарировала на Площадь Гриммо. Зачарованный браслет ни разу не нагрелся за день, и девушка решила, что за это время не возникло ничего, что потребовало бы ее присутствия.

— Да здравствует наша героиня! — крикнула Анджелина, когда Гермиона проходила мимо гостиной. Девушка неловко замерла, в то время как Анджелина подскочила со своего кресла. Затем она, Кэти, Парвати, Сьюзен, Невилл, Дин и Симус обступили Гермиону со всех сторон и принялись дружески похлопывать по плечам.

— Поверить не могу, что ты участвовала в операции.

— Я еле удержалась, чтобы не залепить Фреду пощечину, когда узнала, что он был на миссии без меня.

— Черт возьми, это просто невероятно, что у вас получилось вызволить Рона.

— Грюм и Кингсли в бешенстве, — предупредил Невилл, серьезно посмотрев на нее. — Когда Ремус пришел доложить о результатах миссии, Кингсли орал на него не меньше десяти минут.

Гермиона кивнула, внутренне готовясь к выговору.

— Мне нужно отчитаться перед ним. Где он сейчас?

— В зале для совещаний.

— Понятно. Спасибо всем вам. Было... — она задумалась, что можно сказать приятного о прошедшей миссии, — было волнительно снова участвовать в сражении. Я рада, что нам удалось вызволить Рона.

Кингсли стоял у заваленного свитками стола. Гермиона замерла в дверном проеме, дожидаясь, пока он обратит на нее внимание.

— Что ж, значит, ты вернулась?

— Да. Мне нужно было немного времени, чтобы исцелить полученные раны.

— Отлично, значит, я наконец-то смогу выслушать вменяемый доклад, не включающий в себя непонятно откуда взявшуюся смертельную ловушку, в которую каким-то чудом попали все, кроме членов Ордена, — Кингсли наконец посмотрел на нее. На его лице читалась ярость. Резким движением он достал из кармана палочку и наложил на комнату заглушающие чары.

Гермиона зашла в комнату и закрыла за собой дверь, прислонившись к ней спиной.

— Я не могла оставить записку. Я не знала, куда мы отправляемся и зачем. Гарри не сказал, куда мы собираемся, пока мы не аппарировали в дом Тонкс. Думаю, он

опасался, что я предупрежу вас. Мне дали всего пятнадцать минут, чтобы захватить с собой все необходимое. Вас не было на месте. Грюма тоже. Не оставалось никого, кого я могла бы предупредить.

— Поэтому ты решила обратиться к Малфое, — Кингсли обошел вокруг стола, не сводя с нее взгляда.

— Гарри добыл сведения у егерей. Я попыталась убедить его, что их слова могут быть уловкой, но он не захотел меня слушать. Я подумывала рассказать им о Малфое, но решила, что их это не остановит. Думала, если удастся поговорить с Драко Малфоем, он сможет предложить что-то взамен имеющимся данным. Надеялась, что если сведения будут расходиться, это поможет мне выиграть немного времени. Но Малфой так и не появился в хижине за те десять минут, что я была там. Я оставила ему записку со всей информацией, которая у меня имелась.

— Это была ловушка.

Гермиона коротко кивнула.

— Кажется, они даже не надеялись, что мы попадемся в нее.

— Что было дальше?

— Нас было слишком мало. Не думаю, что мы сражались с опытными Пожирателями. Драко сказал, что в основном в операции участвовали новички. Но у них был оборотень. И разница в численности была колоссальной.

Гермиона опустила взгляд и тихо вздохнула, прежде чем снова взглянуть на Кингсли.

— Рабастан Лестрейндж мертв. Вся эта операция была его идеей. Малфой появился через несколько минут после того, как оборотень напал на Рона.

На лице Кингсли не было ни намека на удивление.

— Как он убил всех Пожирателей?

— Как минимум треть погибла, просто сражаясь с ним. Потом он... применил какое-то проклятие, заключенное внутри магического артефакта. Его действие было похоже на вакуум. Он воспользовался им, как только отыскал меня. Проклятие не действовало на того, кто активировал его, и не принесло вреда мне, потому что я была рядом с Драко. Все Пожиратели задохнулись. Драко вынес Гарри и остальных за пределы действия артефакта и стер им память. Он не позволил мне остаться, чтобы проверить их состояние.

— Что произошло с тобой? — Кингсли окинул девушку пристальным взглядом. Его внимание задержалось на ее покрытом шрамами запястье.

Заметив, куда направлен его взгляд, Гермиона прикрыла кисть рукавом.

— Ничего такого, что невозможно было вылечить. Я использовала проклятье Карбонскере, чтобы убить оборотня. А пока пыталась прийти в себя после применения темной магии, кто-то вонзил в меня нож, — Гермиона отвела взгляд,

поджав губы. — Гарри не ожидал, что это окажется ловушкой, так что мне не дали напарника. Думаю, он рассчитывал, что в случае чего со мной будет Рон, но... Рон ведь напарник Гарри. Как только на поле появились Пожиратели Смерти, все начали сражаться в привычных им парах, так что я осталась одна. — Она не смогла скрыть обиду в голосе при этих словах. Опустив взгляд на свою обувь, девушка добавила: — Что, скорее всего, было к лучшему. Драко никогда не тренировал меня сражаться в паре с кем-то.

Ее обувь все еще была покрыта пятнами крови. Гермиона глубоко вздохнула.

— Драко... Малфой просил напомнить Грюму, что его преданность зависит от моего благополучия.

— Я и так в курсе этого, — ответил Кингсли жестко. — Ты больше не будешь участвовать в операциях. И меня не волнует, пусть даже тебя попросят отправиться спасать самого Гарри. Ты не будешь собирать ингредиенты для зелий. Не будешь покидать убежища, кроме тех дней, когда тебе необходимо встретиться с Малфоем. Твоя работа, Грейнджер, — оставаться в безопасности и держать под контролем Малфоя.

Гермиона втянула носом воздух, чувствуя, как разгораются в ее груди непокорность и злость. Она прожигала Кингсли взглядом несколько мгновений, а затем закрыла свое сознание стенами окклюменции, проглатывая все, что хотела бы высказать ему в лицо.

Сжав челюсти, девушка отвела взгляд.

— Тонкс задавала вопросы насчет моего исчезновения и моих дуэльных способностей. Я сказала ей обсудить это с Грюмом.

— Я разберусь, — сказал Кингсли, разглаживая складки на мантии.

Гермиона ответила коротким кивком и вцепилась пальцами в дверь позади, ощущая под кожей шероховатость древесины.

— Рон был укушен. Нам нужно изолировать его от всех на сегодняшнюю ночь.

— У нас есть проблемы посерьезнее. На Роне следящее заклинание. Оно закреплено на его запястье, и нам пока не удалось его снять.

Кожа Гермионы покрылась мурашками, а в животе поселилось тяжелое чувство.

— Это наручник? Следящее заклинание на наручнике, верно? Я пыталась снять его с руки Рона, пока лечила укус. Это и есть... думаете, это и есть то, над чем все это время работал Сассекс?

— Похоже на то. Это объясняет, почему они держали в заложниках Рона, а не пытались просто заманить Гарри в какое-нибудь пустое здание. Нам повезло, что мы предполагали такой вариант, и у Ремуса хватило здравомыслия не аппарировать с Роном сразу на Площадь Гриммо. Аластор следит за ситуацией. Похоже, из-за следящего заклинания, Пожиратели имеют примерное представление о местонахождении дома Тонкс. Пока мы не снимем это заклинание, наши убежища рискуют быть обнаруженными. Если они каким-то образом используют силы темных существ, чтобы прорваться сквозь магию

Фиделиуса, у нас почти не осталось времени.

Гермиона тяжело сглотнула.

— Вы связались с Северусом? Кто занимался анализом наручника? Мне не удалось... вчера. Нужно было разобраться с этим. Упущение с моей стороны. Я могу вернуться и все проверить.

Кингсли резко покачал головой.

— В ближайшее время тебя не должно быть даже рядом с тем домом. У Северуса сегодня смена в лабораториях. Он будет здесь к собранию Ордена.

— Хорошо. Вам нужно что-нибудь еще?

Кингсли опустил взгляд к бумагам на столе.

— Нет. Можешь предоставить позже полный отчет Аластору.

Гермиона повернулась, собираясь уйти. Она уже была в дверном проеме, когда ее остановил голос Кингсли:

— Грейнджер.

Она обернулась. Кингсли снова смотрел на нее.

— Ты в порядке?

Гермиона пожала плечами:

— В порядке.

— Рад слышать это. Я бы никогда не простил Гарри, если бы ты погибла, пытаюсь спасти Рона.

Гермиона горько улыбнулась, крепко сжав в ладони дверную ручку.

— Драко слишком важен для нас. Я знаю. Впредь я буду более осторожной.

Выражение лица Кингсли изменилось.

— Это не то, что я имел в виду. Когда Ремус сказал о подозрениях, что тебя поймали Пожиратели... — он сделал глубокий вдох и отвел взгляд. — Я бы скорбел о том, что мы потеряли тебя. Больше, чем о смерти кого-либо другого в Ордене.

Гермиона склонила голову и слегка ухмыльнулась, не веря его словам. Вздернув бровь, она сказала:

— Значит, теперь выясняется, что вы всегда переживали обо мне? — она усмехнулась и покачала головой. — Поэтому вы всегда обращались ко мне по фамилии? Потому что я настолько важна для вас?

Кингсли ответил грустной улыбкой.

— Я зову тебя по фамилии, чтобы напомнить себе, что несу ответственность за множество людей, а не только за тех, кто является моими любимчиками, — он вздохнул, обведя взглядом документы на столе, и затем посмотрел на нее. — Для меня было бы честью стать с тобой друзьями в следующей жизни, Гермiona Грейнджер.

Она изучала выражение его лица несколько мгновений.

— Возможно... В следующей жизни мы могли бы стать друзьями. Но... не думаю, что когда-нибудь смогу простить вас в этой.

Кингсли медленно кивнул и отвел взгляд.

— На тот случай, если у меня не будет возможности сказать это позже: прости меня... за все, что я просил тебя сделать.

Несколько секунд Гермiona просто молчала, а затем тихо вздохнула.

— Даже если бы вы не попросили, я бы вызвалась сама, — она пожала плечами.

— Вы никогда не принуждали меня. Вина за мои решения лежит на мне.

Она развернулась и вышла в коридор.

Несколько часов спустя Северус появился на Площади Гриммо с отчетом о строении наручников. Они были новой разработкой, и для их снятия требовалось наличие Темной метки. В лабораториях продолжали работу над улучшенными версиями наручников.

Когда Северус закончил с докладом, в комнате повисла тишина.

— Что ж, это не самый... все могло быть хуже, — сказал Чарли спустя минуту. — В таком случае Снейп сможет снять наручники. Или кто-то из наших заключенных. У нескольких из них есть Метка, верно?

— Я могу снять наручник с Рона Уизли, но Сассекс будет в курсе, как только это произойдет. Тогда следующая партия наручников будет иметь усложненную систему снятия, — Северус одарил Чарли презрительной усмешкой.

— Есть идеи получше? — спросил Чарли, прожигая Северуса взглядом.

— Мы избавимся от наручника Рона, — сказал Кингсли, в задумчивости постукивая пальцами по краю стола. — Однако до тех пор, пока у нас не появится более подробная информация о наручниках, мы не будем проводить спасательных операций. Мы не можем позволить себе потерять еще одно из наших убежищ.

— Разве Снейп не должен знать больше? Он ведь работает там. Я думал, что это и есть причина, по которой мы продолжаем держать его в Ордене.

— Я не управляю всей лабораторией, — тон Северуса сочился раздражением. — В круг моих обязанностей входит разработка зелий и проклятий. Я не провожу эксперименты над темными существами и не изобретаю наручники со следящими чарами. Есть предел тому, сколько информации я могу предоставить,

не вызывая подозрений, — его темные глаза на несколько секунд остановились на Гермионе. — Возможно, у меня появится больше информации к следующей неделе.

— Мы сформируем команду и отправим ее в дом Тонкс, — Кингсли свернул свиток с докладом Северуса и передал его для изучения Гермионе и Флер. — По словам Аластора, на данный момент у Пожирателей есть только приблизительная информация о местонахождении коттеджа. Мы соберем группу из двадцати человек и разделимся на небольшие подгруппы. Фред и Чарли проведут меня и Северуса через чары Фиделиуса. Мы займемся снятием наручника. Остальные будут нужны для отвлечения внимания. Скорее всего, путь обратно не обойдется без борьбы. Мы все примем оборотное. Это вызовет неразбериху, им сложно будет понять, кого выбрать для атаки первым. Я предупрежу Грюма и Поттера о нашем появлении. Грейнджер, подготовь склянки с оборотным зельем.

— Мне нужно знать, в кого вы будете превращаться и сколько времени вам понадобится на операцию, — сказала Гермиона, поднимаясь из-за стола.

— Доза на два часа, — Кингсли на мгновение задумался и добавил: — используй волосы Гарри. Они ожидают, что он появится там. Но они точно не ожидают, что там будут двадцать четыре Гарри. Их растерянность поможет нам выиграть немного времени. Нам придется изолировать Ремуса и Рона, когда они вернутся на Площадь Гриммо. Флер, зачаруй для них две комнаты в подвале.

Коротко кивнув, Гермиона вышла из комнаты и направилась к своему шкафу с зельями, оставляя остальных продумывать дальнейшую стратегию готовящейся операции.

Девушка подготовила склянки с необходимым количеством зелья. Она наблюдала, как два десятка членов Ордена принимают вид ее лучшего друга и, напоследок наложив на себя дезиллюминационные чары, аппаратируют с Площади Гриммо.

Ожидание всегда было хуже всего. Гермиона стояла в коридоре и наблюдала, как медленно ползут стрелки на настенных часах.

Она ненавидела ждать.

Кингсли и Грюм, Гарри, Рон, Северус, большая часть Уизли и ее друзей из Ордена. Они все сейчас находились в коттедже Тонкс. Только Гермиону оставили ждать их возвращения. Возможно, Драко тоже находился там и разрывался между тем, чтобы не раскрыть себя и защитить Орден.

Там могло происходить все что угодно.

Когда Гермиона была младше, она никогда не могла предположить, что станет тем, кто согласится оставаться в безопасности, пока остальные будут сражаться. Она была гриффиндоркой. Она думала, что смелость будет всегда заставлять ее стоять на передовой.

Прагматичность стерла с нее глянец героизма.

Гермиона прижала ладонь к оконному стеклу и посмотрела на залитую

сумерками улицу. Меньше чем через полчаса на небо взойдет полная луна.

Часы продолжали безжалостно отмерять пролетающее время.

Гермиона воспользовалась окклюменцией, чтобы заставить себя успокоиться. Перебрав в голове последние воспоминания, она отодвинула их на край сознания, давая своему разуму очиститься.

Пожиратели Смерти, ожидавшие Орден возле дома Тонкс, не были новичками.

Фред ввалился в дверь, прижимая руку к голове, — его ухо отрезало темным проклятием. Плечо и рука Грюма были искалечены настолько, что поначалу Гермиона подумала, что не сможет их восстановить. Тонкс аппарировала на Площадь Гриммо, таща за собой Ремуса, который уже начал превращаться, и сразу же отправилась с ним в подвал. Несколько минут спустя на пороге появились два Гарри. Один из них стонал от боли, тяжело привалившись ко входной двери.

— Давай же, Рон. Мы дома. Кто-нибудь, дайте ему обезболивающее! — крикнул настоящий Гарри, едва держась на ногах, пока тащил все еще не вернувшегося в свое обличие Рона дальше по коридору.

Гермиона подошла к ним и вытащила палочку. У Рона был сильный жар, он почти бредил. Сочетание непроявленной ликантропии и полнолуния заставляли его корчиться от боли.

— Черт возьми! Черт! — Рон продолжал кричать, в то время как его спина выгнулась так, словно могла вот-вот сломаться. — Заставь это прекратиться! Прекрати это!!!

Он вонзил ногти в свое плечо, словно пытался вырвать из него кусок. Гарри едва удалось схватить Рона за руки, чтобы тот не смог навредить себе.

Все тело Рона продолжало дрожать и выгибаться, пока заканчивалось действие обратного зелья. Даже когда его черты стали прежними, руки, ноги и спина не переставали выгибаться под неестественным углом. Кости в руках и плечах ломались, меняли форму, а затем снова вставали на место. Пальцы Рона были согнуты, словно когти: он вонзался ими в пол, оставляя борозды в деревянных досках и превращая свои ногти в месиво. Он продолжал кричать и рычать в агонии, пока его тело пыталось справиться с частичной трансформацией.

Гарри и Гермиона посылали в Рона оглушающие заклятья, но от них не было никакого толка. Рон резко дёрнулся с места, целясь Гермионе в горло, но она успела окружить себя магическим щитом, прежде чем он вцепился в нее зубами.

— Нужно оглушить его! Все используйте оглушающие!

Девушка едва успела отползти назад, когда Рон снова предпринял попытку напасть на нее.

Чтобы оглушить его, понадобилось десять одновременно наложенных оглушающих заклятий.

Гермиона, тяжело дыша, сидела на полу, когда Невилл, Симус и еще несколько

человек подхватили на руки бессознательного Рона и отнесли его в подвал.

Гарри сидел на полу рядом с ней, сжимая ее ладонь в своей так крепко, что казалось, будто он ломает ей пальцы.

— Я не знал. Я не думал, что все будет так, — его голос звучал растерянно.

Гермиона посмотрела вниз на их переплетенные руки.

— Он не может проявиться. Волк внутри него не может выйти наружу, — она перевела взгляд на пятна крови и борозды от ногтей на полу. — Возможно, нам нужно будет обсудить вариант, при котором Ремусу придется по-настоящему укусить его.

Они все еще сидели на полу, когда в дверях появился Кингсли. Он выглядел изможденным.

— Мы потеряли как минимум троих, — сказал мужчина. — Сказать точнее невозможно, пока не вернутся остальные.

Стерджис Подмор, Сьюзен Боунс и еще пять членов Сопротивления так и не появились на Площади Гриммо. Их посчитали погибшими.

Было легче надеяться на то, что их нет в живых, чем думать, что их взяли в плен.

Гермиона столкнулась с Тонкс в коридоре после окончания собрания Ордена. Они встретились взглядами, и Гермиона внимательно пригляделась к выражению лица девушки. Подозрение и озадаченность, читавшиеся на ее лице еще вчера, исчезли.

Грюм или Кингсли стерли Тонкс память до того, как она вернулась на Площадь Гриммо.

Гермиона лежала без сна той ночью, уставившись в потолок. Кингсли вернулся обратно со свитком, содержащим подробный анализ строения наручника, который они сняли с Рона. Они не могли принести с собой сам наручник из-за наложенных на него следящих заклинаний.

Она провела предварительный анализ. Это была хорошо выполненная работа. Сделанные из вольфрама наручники были крепкими и при этом имели хорошую магическую проводимость. Они могли распознавать наличие Темной метки благодаря искусно продуманной нумерологической формуле и сложным чарам, с которыми девушка никогда не сталкивалась прежде.

Гермиона прокручивала полученные сведения в голове снова и снова и не знала, что им делать. Скоро эта информация станет отчасти бесполезной. Следующая партия наручников будет усовершенствована. Снять их будет либо сложнее, либо вовсе невозможно.

Даже если ей удастся найти какое-то упущение в устройстве наручников, нельзя быть уверенной, что Орден сможет им воспользоваться. Им придется решить, применить ли полученные сведения сразу же или дождаться момента, когда это будет необходимо больше всего. Какой бы недостаток в защитном механизме наручников они ни нашли, как только Сассекс узнает об этом, они займутся его

устранением.

Это походило на код Энигмы: как только Ордену удастся разгадать секрет наложенных на наручники чар, Пожиратели окружают их еще более сложной защитой.

Гермиона перевернулась на бок и задумалась, стали бы Пожиратели изобретать наручники, если бы Драко не позволил Ордену столько удачных операций по спасению заключенных из их тюрем? Что было бы, если бы Соппротивлению не удалось атаковать их в июне и разрушить предыдущий отдел по изобретению проклятий?

Была ли разработка наручников неизбежной? Или они своими действиями сподвигли на это Пожирателей? Если бы Орден не воспользовался возможностью атаковать лаборатории и тюрьмы в июне, был бы у Соппротивления шанс продержаться так долго? Или, возможно, к этому моменту война бы уже закончилась?

Гермиона не знала этого.

Ей оставалось только гадать.

Этой ночью её постель казалась холоднее, чем когда-либо прежде.

Ей удалось проспать всего два часа. Проснувшись посреди ночи, она спустилась на кухню и заварила чай.

Гермиона взглянула на лежавший на столе свиток с информацией о наручниках и посмотрела в окно на взошедшую на небе полную луну. Та заливала все вокруг холодным серебристым светом. Гермионе нравилось смотреть на луну, когда она была ребенком. Ее завораживала мягкая лунная красота и то, как она менялась с течением времени. Все изменилось на третьем курсе, когда Гермиона встретила Ремуса. С тех пор луна казалась печальной и зловещей. Ее красота стала предвестником беды.

Рон тоже возненавидит луну.

Она обхватила чашку ладонями, чувствуя согревающее кожу тепло.

Ей было холодно.

Внутри и снаружи. Она чувствовала холод.

Теперь она всегда будет ощущать его. На ней всегда будет лежать отпечаток холода.

Гермиона опустила голову на столешницу и провела пальцами по неровной деревянной поверхности.

Она скучала по Драко. Ей хотелось прикоснуться к нему. Хотелось раствориться в его объятиях и забыть все происходящее.

Война отняла у Гермионы так много, что от нее почти ничего не осталось. Казалось, лапы войны впились так глубоко в грудь девушки, что у нее

получилось бы освободиться, только оставив в ее когтях свои легкие. Только лишившись единственного способа дышать.

С Драко она чувствовала себя живой. словно наконец могла вздохнуть полной грудью после всех лет, потраченных лишь на выживание.

Она сжимала чашку в ладонях, пока от той не перестало исходить тепло.

Гермиона даже не знала, как ей связаться с ним, когда это не касалось Ордена.

Она обещала, что не будет вызывать его по пустякам.

Покрутив кольцо вокруг пальца, она задумалась, был ли Драко среди тех, кто сражался в доме Тонкс. Был ли он ранен или, возможно, сам ранил кого-то из Ордена.

Гермиона слегка вздрогнула, мысленно ставя пометку спросить его об этом позже.

Драко использовал почти весь флакон обезболивающей мази для ее запястья. Северус вряд ли поделился запасами этого зелья с Пожирателями, так что Драко не удастся пополнить его нехватку самому. Ей нужно будет захватить с собой склянку для него, когда она будет собираться на встречу во вторник.

Также ей нужно пополнить запасы водорослей. Гермиона стала перебирать в уме места, где могла бы их найти. Вдруг она остановила себя, почувствовав укол разочарования.

Ей больше нельзя было собирать травы.

Гермиона прикусила губу, опустив взгляд на руки. Эти походы в лес были ее отдушиной. Они были опасными и непредсказуемыми, но вносили в ее жизнь разнообразие. Это был шанс покинуть Площадь Гриммо хотя бы на несколько часов. Шанс почувствовать дуновения свежего ветра на лице и холод утренней росы под пальцами. Возможность заметить, как сменяются один за другим сезоны.

Девушка с тоской посмотрела в окно.

Ей казалось, что она словно птица, крылья которой подрезают все короче и короче, пока та вовсе не потеряет способность летать.

Гермиона вздохнула и отвернулась от окна. Она снова взглянула на свиток пергамента перед собой и принялась делать пометки в тех местах, которые ей следовало изучить подробнее.

В следующий вторник Гермиона впервые не занималась сбором трав перед встречей с Драко.

Девушка нервничала, смотря на вход в хижину. Она не была уверена... Было невозможно предугадать, как поведет себя Драко.

Ее подбородок дрожал, пока ладонь зависла в нескольких миллиметрах от дверной ручки. Она отдернула руку и, сжав ее в кулак, заставила себя сделать

глубокий вдох.

Это была ее работа, напомнила она себе. Не имело значения, что происходило в ее жизни. Это была ее работа, и все остальное было не важно.

Гермиона сглотнула и, сжав губы, снова протянула руку к дверной ручке и открыла дверь.

Драко появился, как только она переступила порог хижины.

Он аппарировал совсем близко к ней и, схватив за плечи, прижал к стене. Его губы обрушились на ее.

В каждом его движении чувствовалось желание. В том, как жадно его руки скользили по ее телу. В его прерывистом дыхании, которое она чувствовала на своих губах.

Когда Драко прижал девушку к стене, ее глаза распахнулись от неожиданности. Вцепившись пальцами в его мантию, она закрыла глаза и поцеловала его в ответ.

Поймав рукой ее подбородок, он скользнул пальцами к основанию шеи девушки, слегка запрокидывая голову и углубляя поцелуй. Гермиона вжималась в него всем телом, и, обвив руку вокруг ее талии, Драко притянул ее ближе к себе.

Весь остальной мир перестал существовать. Гермиона жадно отвечала на его поцелуи. Ей хотелось полностью раствориться в нем.

Драко приподнял ее над полом, и Гермиона обвила ноги вокруг его бедер. Она запустила пальцы в его волосы и почувствовала, как его зубы царапнули по губам и языку.

Это было похоже на падение. Казалось, все границы стерлись. Гермиона уже не понимала, где заканчивалась она сама и начинался он. Легкие девушки горели, но она не могла заставить себя разорвать поцелуй.

А затем Гермиона действительно начала падать. Стена позади нее исчезла, и внезапно она оказалась прижатой к кровати, окруженной балдахинном. Гермиона почти не почувствовала рывка аппарации.

Она прервала поцелуй всего на мгновение, чтобы оглянуться по сторонам, и затем снова прижалась к губам Драко. Он рывком стянул с нее кофту. Она растянула его брюки.

Быстро и жестко. Гермиона уже была готова к нему. Она впилась ногтями в спину Драко, когда он вошел в нее.

В ее голове не осталось места для других мыслей. Касаться кожи Драко. Двигаться вместе с ним. Чувствовать его. Весь мир словно сжался до одной-единственной точки. Остался только Драко, его глаза и руки, биение его сердца. Гермиона ещё теснее прижималась к нему и целовала, пока хватало воздуха.

После, ещё несколько минут они лежали в тишине, прижавшись лбами друг к другу и тяжело дыша.

Драко поцеловал ее между бровей, очерчивая пальцами лицо. Затем провел руками по телу, внимательно рассматривая каждый сантиметр кожи.

Гермиона приподняла голову, пытаясь понять, что он делает.

— Ты ведь не участвовала в битве у коттеджа? Мне показалось, что ни один из подставных Поттеров не сражался как ты, но я не мог быть уверен наверняка, — он очертил пальцами ее ухо и провел дорожку вниз к плечу.

Гермиона помотала головой и легла обратно на подушку. Девушка тоже внимательнее присмотрелась к Драко, погладив руками его плечи и спину. По крайней мере, она не заметила на нем видимых ран.

— Меня там не было. Это была полноценная операция. Кингсли не взял бы меня с собой, — она отвела взгляд, ее челюсть напряглась. — Тебе не нужно переживать. Меня не... — слова застряли у нее в горле. — Мне больше не разрешается покидать убежища, кроме тех дней, когда я встречаюсь с тобой. Так что тебе не нужно больше волноваться.

Драко облегченно вздохнул, коротко поцеловав ее в лоб.

Гермиона закрыла глаза и сжала губы.

— В чем дело?

Открыв глаза, она увидела, что Драко смотрит на нее. Его лицо снова стало нечитаемым.

Уголок ее губ дрогнул.

— Мне нравилось ходить в лес. Это было... порой это было единственной приятной вещью среди всего, что мне приходилось делать, — она отвела взгляд. Переплетя свои пальцы с Драко, она посмотрела на их руки. — Моя жизнь становится все более темной и замкнутой.

Повисло молчание.

— Мне жаль.

Она пожала плечами.

— Ты не приказывал этого. Ты просто хотел, чтобы я была в безопасности. Это Кингсли решил, что я не должна покидать убежища. Я все понимаю. Он несет ответственность за все военные действия. Я не могу просить его учитывать еще и мои чувства. Просто я... — она запнулась, — я все еще стараюсь примириться с новыми условиями.

— Я не знал, что для тебя это было так важно.

Гермиона помедлила с ответом:

— Иногда... мне казалось, что эти вылазки в лес — единственное, что осталось от моей свободы.

Она почувствовала, как все его тело напряглось.

— Только... только до окончания войны, — сказал Драко тоном, который звучал одновременно как просьба и обещание.

Гермиона усмехнулась.

— Всего лишь до конца войны? И когда же он наступит? — На ее лице появилась горькая улыбка. — Каким должен быть исход войны, чтобы мы оба были в безопасности? Если Ордену каким-то образом удастся победить, уверена, в дело сразу же вмешается Международная Конфедерация магов. Они захотят участвовать в военных судах. Я уже говорила тебе, что многие мои действия были незаконными. Поскольку Орден должен всегда оставаться справедливым, когда некоторые детали моей деятельности выйдут наружу... — она отвела взгляд, — это может подпортить общую картину. — С ее губ сорвался тихий вздох. Приподняв брови, она продолжила: — Если мне повезет, они просто на несколько лет лишат меня возможности использовать палочку. Но есть определенные вещи...

Гермиона почувствовала, как в груди разрастается тяжелое чувство, когда она подумала о маленькой комнате, спрятанной в скале у моря. Кровь. Люди, с которых сдирали кожу. За последний год Габриэль стала беспощаднее и изобретательнее. Все чаще после ее допросов заключенных невозможно было вылечить, но Кингсли не пресекал жестокости девушки, потому что Орден нуждался в информации.

Фамилия Гермионы значилась в каждом файле наравне с фамилией Кингсли.

Все списки с повреждениями, которые ей приходилось лечить, и состоянием каждого пленного перед тем, как его погрузили в магическую кому, описанные в точных медицинских терминах, были записаны ее ровным аккуратным почерком.

Я тоже участвовала в этом. Я знала обо всем. Я тоже причастна к этому.

Гермиона тяжело сглотнула.

— Я не настолько хороший человек, как ты думаешь. Я... на самом деле, я вполне могу оказаться в Азкабанае.

Драко молча вглядывался в ее лицо несколько секунд. Его пальцы дрогнули и сжались крепче вокруг нее.

— Ты можешь сбежать. Только скажи, и я вытащу тебя отсюда. Ты не обязана здесь оставаться.

Какая-то эгоистичная часть нее вдруг ожила после его слов. Сбежать. Стать свободной. Вдалеке от этой войны.

Гермиона не понимала, как ей хотелось этого, пока не услышала эти слова от кого-то, кто действительно надеялся, что она решит сбежать.

Жизнь, в которой нет места войне... она мечтала об этом.

— Ты ведь знаешь, что я не сбегу, — сказала Гермиона, посмотрев Драко в глаза.

На его лице отразилась горечь. Она прочла по его глазам, что он пытается смириться с ее словами.

Драко кивнул.

— Предложение остается в силе. Только скажи, и я помогу тебе бежать.

Гермиона изучала выражение его лица.

— Что насчет тебя?

Он издал горький смешок.

— Если бы я мог сбежать, то сделал бы это, еще когда была жива моя мать.

Гермиона медленно кивнула. Если бы у Драко был выбор, он ни за что бы не остался здесь.

— Естественно. А ты бы решился на это сейчас, если бы мог?

Драко посмотрел на нее долгим взглядом. В его серебристых глазах отражалась твердость.

— Вместе с тобой — да.

— Тогда... мы сбежим вместе. После войны. — Она прижала его руку к тому месту, где под ребрами чувствовалось ее сердцебиение. — Когда война закончится, мы сбежим куда-нибудь, где никто нас не знает. Мы... просто исчезнем. Когда всему этому придет конец.

В его глазах промелькнула какая-то эмоция, прежде чем он встретился с ней взглядом и слабо улыбнулся.

— Конечно, Грейнджер.

Он лгал.

Они оба лгали.

Это было похоже на сказку — думать, что им удастся сбежать вдвоем. Что все закончится хорошо для них обоих и они смогут быть вместе.

Гермиона сжимала его руку в своей, пока ее воображение не перестало рисовать картинки невозможного будущего.

— На Роне был наручник с отслеживающими чарами, — сказала она спустя минуту. — Это изобретение Сассекса. Ты сможешь достать нам больше информации о том, как они работают? И сведения о том, какие функции планируется улучшить в следующих партиях наручников?

— Посмотрю, что смогу сделать, — его тон был сдержанным.

Он сел и покрутил шеей, пока не слышался хруст позвонков.

Гермиона рассматривала его. Драко был невероятно элегантен, но слишком худ. Слишком изможден. Его кожа была бледной, как мрамор. В тусклом утреннем свете он казался нереальным, словно только что сошёл с картины именитого художника. Его шрамы делали его облик жутким.

Когда Гермиона смотрела на него, то не могла не думать о войне. Она была вырезана на нем.

Девушка тоже села на кровати и принялась поправлять шпильки в волосах.

— Терпеть не могу, когда твои волосы собраны вот так, — вдруг резко сказал Драко.

Гермиона подняла на него взгляд и вздернула бровь:

— Вместо этого я могу просто их обрезать.

Выражение его лица стало почти оскорбленным.

Гермиона одарила его невеселой улыбкой и пожала плечами.

— Они мешают мне во время работы. Меня всегда может ждать срочный вызов. Так что заплетать их таким образом наиболее удобный вариант.

Драко несколько минут просидел, не смотря на нее.

— Я хочу чаще видеться с тобой.

Уголок ее губы потянулся вверх.

— Хорошо. У тебя найдётся на это время?

Драко посмотрел на нее, и в его глазах она снова увидела желание.

Чувство собственности.

Если бы он мог, то забрал ее отсюда и спрятал где-нибудь подальше от войны.

Гермиона могла прочесть в его взгляде, как он борется с самим собой, чтобы не поступить так, как хочет. Вид сдерживающегося Драко казался очень знакомым.

Желание. Гермиона могла чувствовать желание Драко так же отчетливо, как ощущала свое сердцебиение.

Если у него не получится спрятать ее, он сделает все возможное, чтобы держать ее как можно ближе к себе.

Она влюбилась в дракона.

— Я всегда готова подстроить свое расписание под встречи с тобой. У меня шестичасовая смена в больничном крыле, но вся остальная моя работа не привязана ко времени. Если ты вызовешь меня, я приду так быстро, как только

смогу.

— Тогда я буду вызывать тебя, когда свободен. Если кольцо активируется один раз, значит, это не имеет отношения к Ордену.

Драко подобрал свою мантию с пола и достал из кармана свиток пергамента.

— Какие-то новые распоряжения на этой неделе? — спросил он, протягивая Гермионе свиток. Его губы изогнулись в усмешке, когда он добавил: — Конечно, не считая поиска информации о наручниках?

Гермиона отрицательно покачала головой.

— Эта задача в приоритете.

Когда она протянула руку и обхватила свиток пальцами, Драко потянул его на себя, заставив и ее шагнуть ближе. Он сомкнул ладонь вокруг ее запястья.

Гермиона почувствовала, как свиток выскользнул из ее пальцев, когда вторая рука Драко легла ей на шею, и он притянул ее еще ближе к себе, накрывая губы поцелуем.

Он целовал ее, и она отвечала на его поцелуи.

56. Флэшбэк 31.

Апрель 2003 года.

Драко звал ее. Часто.

Иногда его обязанности в армии Волдеморта заканчивались поздно вечером, но чаще всего он вызывал ее рано утром. Гермиона работала в лазарете или занималась исследованиями, пока ее кольцо не начинало пульсировать. Затем она ускользала с Площади Гриммо и аппарировала в Уайткрофт.

Она едва успевала переступить порог, как появлялся Драко, хватал ее за руку и аппарировал в другое место. Всегда в гостиницу. Редко в одну и ту же.

Он целовал ее, лаская ее лицо в своих ладонях и вдыхая аромат ее кожи.

Потом отступал на шаг, чтобы посмотреть на нее.

— Ты в порядке? Все хорошо? С тобой ничего не случилось? — Он водил руками вдоль ее тела, чтобы убедиться.

Каждый раз Драко задавал один и тот же вопрос, как будто не мог поверить в это, пока не убедится лично.

Гермиона не ожидала, что он будет так сильно волноваться. Конечно, она подмечала, что в последние месяцы он стал появляться в Уайткрофте сразу после ее прихода и что он внимательно изучал ее после того, как на нее напали в Хэмпшире. Но она не учла, как глубоко страх укоренился в нем.

Девушка чувствовала, как расслабляется под его прикосновениями, когда его пальцы пробегали вниз по ее рукам, по ладоням и вверх по позвоночнику.

— Я в порядке, Драко. Тебе не о чем беспокоиться.

Эти слова, казалось, не имели никакого эффекта. Он поворачивал ее лицо к себе и смотрел ей в глаза, как будто ожидал что-то в них найти.

Гермиона отвечала ему взглядом снизу вверх и позволяла ему успокоиться.

Что бы ни происходило с его матерью, та никогда не рассказывала ему об этом полностью. Либо потому, что не могла, либо в попытке пощадить его. Утаивание правды, вероятно, было наихудшим выбором Нарциссы.

Драко был похож на Гермиону. Он становился одержим тем, чего не знал, больше всего на свете.

Она встречалась с ним взглядом и снова произносила:

— Драко, я в порядке. Со мной ничего не случилось.

Когда он был уверен, что Гермиона действительно не пострадала, казалось, напряжение внутри него наконец-то немного спадало. Он обнимал ее, вздыхая с облегчением, и клал свою голову на ее.

«Ты сделала это с ним, — напоминала она себе и крепко обнимала его в ответ. — Ты нашла его уязвимое место и воспользовалась этим».

Гермиона проводила по нему пальцами, пытаясь обнаружить какие-нибудь повреждения, прежде чем он снова поцелует ее.

— Драко, позволь мне исцелить тебя.

Она никогда никого не лечила так, как Драко: в его объятиях, прижатая к его телу. Девушка скользила руками по нему и целовала его плечи, руки и лицо, приоткрыв рот, бормоча заклинания. Она тщательно осматривала его до тех пор, пока он не выхватывал палочку из ее пальцев, бросая через всю комнату. Потом Драко толкал ее на кровать и медленно занимался с ней любовью.

Это почти всегда было безумно медленно. Он смотрел ей в глаза, пока она не ощущала, как их души соприкоснулись.

В другие дни Драко приходил, пропитанный темной магией. Та прилипала к его одежде, к коже. Когда он был таким, то всегда действовал более отчаянно. Резко. Быстро. Пытаясь затеряться в чем-то, что он мог чувствовать.

У стены. Или сразу на полу гостиничного номера, где они приземлились.

Его поцелуи были на вкус как лед и грех, и Гермиона впитывала их, пока не начинала задыхаться.

— Ты моя. Моя, — он повторял эти слова снова и снова, как мантру. — Скажи это. Скажи, что ты моя.

— Я твоя, Драко, — шептала она ему в губы или смотрела в глаза.

Он вплетал свои пальцы в ее и прижимал их лбами друг к другу, и иногда все его тело тряслось. Она аккуратно оборачивала руки вокруг него и целовала в ответ.

— Обещаю, Драко. Я всегда буду твоей.

В его глазах был собственнический ужас, когда он смотрел на нее... в том, как он прикасался к ней... словно ожидая, что это будет последний раз, когда он ее видит.

В те дни, когда Драко не вызывал ее, она находилась на Площади Гриммо, ощущая, что не может дышать, пока не почувствует, как загорается ее кольцо.

Тогда Гермиона была единственной, кто отчаянно жаждал знать, все ли с ним в порядке.

— Не умирай, Драко.

Это всегда было последнее, что она говорила ему.

Девушка всегда произносила эту фразу вместо прощания за мгновение до того, как он аппарировал, стоя в своем одеянии Пожирателя Смерти. Она брала его за подбородок и смотрела ему прямо в глаза.

— Будь осторожен. Не умирай.

Он наклонял голову вперед и целовал ее ладонь, его холодные серые глаза встречались с ее глазами.

— Ты моя. Я всегда буду приходить за тобой.

И Драко всегда возвращался.

Каждый день казалось, что обстановка накаляется все сильнее. Цена победы продолжала расти. Гермиона не была уверена, как далеко руны и его собственная решимость могут завести его, прежде чем все достигнет точки абсолютной невозможности и рухнет.

Она чувствовала это.

Драко шел по лезвию бритвы.

Когда он спал, Гермиона смотрела на его лицо и молилась, чтобы он пережил войну.

Они просто сбегут, когда все закончится. Далеко. Никто никогда не найдет их. Она решила, что найдет способ, и тихо обещала ему, что для них наступит «после».

Были моменты, когда они почти забывали о том, что находились на войне. Завтракая в номерах. Споря, являются ли хот-доги из местной забегаловки настоящей пищей. Пользуясь неоправданно большими ваннами, которые всегда были в его гостиничных номерах. Целуя друг друга.

Она могла бы провести с десятков лет, просто целуя его и чувствуя жгучее благоговение в том, как он прикасался к ней.

В тот момент, когда их губы соприкасались, Драко прижимал ее тело к своему. Его руки скользили по ее шее, запутываясь пальцами в волосах, пока он углублял поцелуй. Он прижимал ее щеку к своей ладони, а затем скользил вниз по ее телу.

Затем, когда Гермиона начинала задыхаться, он отрывался от ее губ и начинал целовать шею. Посасывая ее пульсирующую точку, пока стягивал с нее одежду. Девушка едва замечала, как одежда скользит и падает на пол, пока он раздевал и исследовал ее обнаженную кожу. Она расстегивала его рубашку и скользила руками по его телу.

Драко крутил застежку ее лифчика, а затем дергал его, прежде чем его руки поднимались к ее груди и дразнили ее, пока Гермиона не начинала хныкать. Его губы скользили по ее шее и плечу, пока он целовал и покусывал ее кожу.

— Идеальная. Прекрасная. Моя. Ты моя, — он выдыхал эти слова, прижимаясь к ее телу, когда обнажал ее для себя. Когда входил в нее. Когда прижимал ее к себе. Когда она распадалась на части в его объятиях или под его губами. Когда он переплетал их пальцы, и она чувствовала, как его хватка усиливается, когда он кончал.

— Я буду заботиться о тебе. Клянусь, Гермiona, я всегда буду заботиться о тебе,
— он бормотал эти слова ей в лицо или в волосы настолько тихо, что она едва могла их расслышать.

Однажды ночью в начале мая, полусонная в его объятиях, она услышала, как Драко повторяет эти слова, словно обещание, которое даёт себе снова и снова. Словно он не мог заставить себя прекратить говорить это.

Она подняла голову и взяла его лицо в ладони, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Драко, я в порядке. Со мной ничего не случится.

Он просто смотрел на нее с тем же самым горьким и смиренным выражением, которое было у него во время тренировок. Драко находился в постоянном напряжении, ожидая того, что считал неизбежным.

Война обвилась вокруг них, как терновое гнездо, из которого они не могли выбраться.

Драко успокоился и положил голову ей на грудь, обнимая ее, пока она перебирала пальцами его волосы.

Девушка все еще чувствовала, как он повторяет эти слова.

Она колебалась несколько минут, прежде чем заговорить:

— Расскажи мне о своей матери, Драко. Расскажи мне то, что никогда никому не рассказывал.

Он напрягся и замолчал. Она скользнула пальцами по его плечам и провела по шрамам от рун.

— Использование окклюменции только помогает держать все это в себе. Ты можешь рассказать мне, и я помогу нести твой груз. Расскажи мне о своей матери.

Он не говорил и не двигался так долго, что она засомневалась, не заснул ли он. Затем Драко повернул голову ровно настолько, чтобы она могла видеть его профиль. Выражение его лица было тщательно скрыто, но Гермiona видела, как он сомневался.

— Я никогда раньше не видел, как кого-то пытаются, — сказал Драко наконец. — Она была... первым человеком, которого я видел замученным. Он... — Гермiona почувствовала, как у него сжалась челюсть, когда он заколебался, — он экспериментировал на ней, позволяя нескольким Пожирателям Смерти вносить свои идеи о том, что с ней делать. Чтобы наказать Малфоев.

По мере того, как он говорил, его глаза постепенно расширялись, а с лица спадала сдержанная маска. Драко смотрел куда-то вдаль через комнату.

Гермиона наблюдала за ним и представляла его шестнадцатилетнего, приехавшего домой на каникулы.

Домой. Неосознанно шагая в кошмар, из которого ему никогда не выбраться.

— Я думал... — его голос внезапно помолодел, — какое-то время я думал, что если убью Дамблдора достаточно скоро, то она оправится. Что я смогу все исправить... если мне это удастся. Но... когда я вернулся из школы, она была лишь тенью самой себя. Я думаю... она пыталась держаться все лето, пока я тренировался. Но когда я ушел, она сломалась...

На мгновение он замолчал.

Драко снова начал говорить, но тут же закрыл рот. Его губы дернулись, как будто он продолжал выбирать, а затем отбрасывать то, что собирался сказать дальше.

— Не прошло и месяца. Меня не было месяц, — наконец сказал он.

Гермиона запустила пальцы в его волосы. Он закрыл глаза и опустил подбородок.

— Все это должно было быть обратимым, чтобы служить моей мотивацией... они не собирались непоправимо калечить ее. Но он разрушил ее разум. Использование легилименции для пыток — его любимый метод. У нее были приступы, в основном непродолжительные, но иногда очень серьезные. Особенно потом. Она просто... угасала на глазах. Она часто вздрагивала и, закрывая глаза, начинала раскачиваться, издавая хныкающие звуки. Она не останавливалась часами, и я не мог... не мог всегда оставаться рядом с ней... потому что мне нужно было тренироваться.

Говоря это, он не смотрел на Гермиону. Драко продолжал смотреть в другой конец комнаты. Его голос был низким и дрожащим.

— В тот день, когда я убил Дамблдора, Темный Лорд потребовал, чтобы мы поужинали с ним. Чтобы отпраздновать... он сказал, что мы празднуем мой успех. Ее отпустили всего на несколько часов, и он хотел, чтобы она играла роль хозяйки поместья. Ее трясло настолько сильно, что она едва могла держать столовое серебро. Ее руки тряслись за столом... она несколько раз роняла вилку и паниковала, когда пыталась ее поднять. Очевидно, шум отвлекал его. Поэтому Темный Лорд взял нож для стейка и вонзил его прямо ей в руку. Потом он оставил ее истекать кровью, пока не закончился ужин. Я сидел напротив нее, а она просто смотрела на меня все время, качая головой, предостерегая меня ничего не делать.

Он сжал руку Гермионы.

— Я не мог... ничего сделать. Я пытался защитить ее. Я старался держать ее в своей комнате как можно дольше. Я приводил целителей, чтобы помочь ей выздороветь. Целители разума ни черта не могли сделать. Я должен был начать лечение раньше. Так мне все говорили. Что я должен был вылечить ее раньше.

Гермиона сжала его руку и провела пальцами по рунам. Решительный, хитрый, непоколебимый, безжалостный и непреклонный; стремящийся к успеху.

Чтобы отомстить за свою мать. В наказание за то, что он, как ему казалось, подвел ее.

— Мне очень жаль, Драко.

Он промолчал. Затем закрыл глаза и резко вздохнул.

— Потом... — его голос прервался. Он попробовал еще раз. — Потом... — губы Драко скривились, и он замолчал на несколько секунд. — Потом... она стала понемногу приходить в себя. Однажды я замешкался во время рейда у Финч-Флетчли. Там была маленькая девочка, она, наверно, еще даже не ходила в начальную школу. Непростительные... с ними невозможно притворяться. Ты должен прочувствовать их. Должен действительно иметь в виду то, что собираешься сделать с их помощью. Мне было приказано использовать Круциатус, и я не смог... не смог применить его по-настоящему. Она была... такой маленькой.

Он судорожно сглотнул.

— Беллатриса прокляла меня и девочку, прежде чем позволить Фенриру Грейбеку забрать ее. Он... любил детей. Когда о моей неудаче доложили, Темный Лорд воспринял это как признак того, что я недостаточно предан или мотивирован. Он привел мою мать, чтобы показать, как правильно накладывать Круциатус.

Последовало долгое молчание.

— Она только начала поправляться, когда это случилось.

Гермиона подозревала, что на пальцах ее руки останутся синяки.

— Беллатриса действительно заботилась о своей сестре, в каком-то смысле. Она никогда не возражала Темному Лорду, но всегда пыталась удержать меня от неудачи. Летом, перед тем, как мне предстояло вернуться в школу, она приложила все усилия, чтобы тренировать меня. Я попросил ее научить меня всему, чему она научилась у Темного Лорда, и она это сделала.

Его голос изменился. Он становился все более знакомым по мере того, как его история подходила к концу. Следы его жесткого и резкого тона начали проявляться.

— Я перепробовал все, чтобы увезти маму. Чтобы вытащить ее оттуда. Но я не мог бежать вместе с ней. Я все приготовил, но не смог убедить ее уехать без меня. Я даже подумывал о том, чтобы применить Империио и заставить ее уйти. Но я слишком хорошо ее знал. Если бы я потерял сознание или умер, в ту же секунду, как спало заклинание, она бы сразу же вернулась, чтобы отыскать меня. И я не мог запереть ее... чтобы она не могла... я не... я не хотел быть тем, кто держит ее в клетке. Я не хотел, чтобы она снова почувствовала себя в ловушке.

Его голос стал глухим.

— Когда она умерла... когда я приехал, поместье Лестрейндж уже лежало в руинах. Я не знал, что произошло, пока меня не вызвали. О том, что она находилась там, почти не упоминалось, и то, что она умерла, ни для кого не имело значения. Палочка Дамблдора раскололась пополам. Это было как-то

связано с Беллатрисой. Палочка была единственной вещью, которая имела значение для Темного Лорда. Он убил каждого Пожирателя Смерти, который выжил. Я стоял там, окружённый телами, стараясь не закричать.

Он замолчал и долго ничего не говорил.

Гермиона высвободилась из-под него и села. Она смотрела на него сверху вниз, и в ее груди разрасталось ощущение тупой, разрывающей боли.

Его глаза были настороженными, когда он оглянулся на нее.

Она легонько коснулась его щеки.

— Драко... я — не твоя мать.

Он вздрогнул и открыл было рот, но она продолжала, не давая ему перебить себя: — Грюм и Кингсли не причинят мне вреда, если ты провалишь задание. Они не собираются пытаться или подвергать меня опасности, чтобы наказать тебя. Я не заложница. Я участвую в этой войне, потому что хочу этого. И я вовсе не хрупкая. Я не собираюсь ломаться. Пожалуйста, — она провела большим пальцем по его скуле, — поверь мне.

— Позволь мне вытащить тебя отсюда. Пожалуйста, Гермиона. Клянусь Богом, это никак не повлияет на мою помощь Ордену. Позволь мне вытащить тебя отсюда.

Она покачала головой:

— Я не могу уйти. Я верна Ордену. Я не собираюсь убегать, пока все остальные сражаются. Мы вместе сражаемся на этой войне. Позволь мне помочь тебе. Ты не должен делать все в одиночку.

Его глаза сверкнули, и она увидела в них отчаяние и покорность судьбе. Понимание этого разрывало её изнутри.

— Драко, ты не можешь просить меня бежать от войны.

Его губы скривились, и он усмехнулся:

— Почему бы и нет? Или что, ты еще недостаточно сделала ради них? Они продали тебя. Что, если бы я оказался... — его голос оборвался. Он отвернулся от нее. — Что, если бы это предложение поступило от кого-то другого? Или я не тренировал бы тебя, а Поттер все равно бросил бы тебя сражаться в одиночку?

Она провела большим пальцем по его коже. Там была едва заметная линия шрама в том месте, где она исцелила его.

— Я сама согласилась на это, Драко. На все это. Никто меня не заставлял. Мы не можем просто решить в какой-то момент, что уже сделали достаточно, и оставить других разбираться с остальным. Война устроена не так.

Он стиснул зубы и с горечью посмотрел на нее.

Но ему было все равно. Ему не было дела до того, выживет ли на войне еще кто-

нибудь, кроме нее. Они все могут умереть, и ему будет все равно.

Он дал нерушимую клятву. Даже если бы Драко был в силах избавиться от своей Темной метки, то не смог бы сбежать, пока продолжается война. Он загнал себя в ловушку без шанса на спасение.

Гермиона печально вздохнула и опустила голову, уткнувшись лицом в его плечо. Он обернул руки плотно вокруг нее.

Она уже почти заснула, когда снова услышала слабый шепот его голоса:

— Я буду заботиться о тебе. Клянусь, я всегда буду заботиться о тебе.

Спасательные операции прекратились. Кингсли отложил их до тех пор, пока не станет известно больше о наручниках из Сассекса. Первые образцы кандалов были использованы на заложниках во всех тюрьмах.

Соппротивление было почти полностью загнано в подполье и в маггловский мир. Повсюду было так много темных существ и егерей, что им стало трудно перемещаться.

Кингсли начал еще сильнее полагаться на разведывательную команду и больше использовать Драко в армии Волдеморта. Дезинформация. Саботаж. Как будто армия Пожирателей смерти была машиной, которую нужно было разобрать. Конверты с указаниями становились все толще с каждым разом, когда Гермиона их передавала.

Драко редко упоминал о том, что делал, но она могла сказать, что тот находился на грани срыва. С каждой их встречей он выглядел все более отчаянным.

Это разъедало ее изнутри. Смотреть, как он разрывается между тем, что должен делать для обеих сторон.

Почти вся нагрузка на Гермиону со стороны Ордена исчезла. Она являлась ошейником Драко. У Кингсли и Грюма не было для неё более важных заданий, чем поддерживать непрерывную подачу информации от противника.

Ей просто оставалось жить с этим.

Гермиона чувствовала себя загнанным в клетку зверем на Площади Гриммо. Она перемещалась от одного убежища до другого только для того, чтобы сменить обстановку.

Когда девушка не исцеляла раненых и не заботилась о Джинни, то вкладывала всю свою энергию в исследования и экспериментальные заклинания. Она пошла дальше в изучении темной магии, чем когда-либо в прошлом. Возможно, Орден и не воспользуется этой информацией, но Драко она может помочь.

Гермиона пыталась найти способ обойти оковы. Драко регулярно приносил ей обновленные свитки с разработками, и она внимательно изучала их, надеясь найти изъян или что-то, что можно было бы использовать. Наручники были безупречной работой. Они являлись произведением искусства.

Они приводили Гермиону в ужас тем, как быстро усложнялись.

В дополнение к неустранимому эффекту следящего заклинания, Сассекс начал экспериментировать с кандалами, предназначенными для подавления магии. Вольфрам, инкрустированный железом. Вольфрам, покрытый медью или алюминием. Элементы с сердцевинами от волшебных палочек.

Она почти не спала, если не была с Драко. Все остальное время Гермиона просто лежала в холодном ужасе при мысли о том, что может случиться с любым, кто попадёт в плен. Орден, возможно, никогда не сможет спасти ни одного из них.

Пожирателям Смерти уже выдавали кандалы, чтобы легче задерживать членов Сопротивления. После того, как кандалы были надеты, двое Пожирателей запечатывали их магией, и тогда наручники невозможно было снять.

Дин Томас появился на Площади Гриммо через день после того, как сбежал из плена. Его рука с наручником была отрезана. Он украл нож и отпилил себе кисть, чтобы сбежать.

Неделю спустя Северус принес известие, что кандалы вывозят из Сассекса, чтобы расширить производство. Теперь они будут выпускаться по двое.

Однажды вечером Драко принес Гермионе набор прототипов и наблюдал, как она их изучает.

Они выглядели почти как браслеты.

Гермиона выстроила вокруг них сложную паутину аналитической магии, рассекая все составляющие: алхимию, чары, нумерологию и руны.

Она потратила несколько часов, пытаясь найти хоть какой-нибудь изъян, пока не заснула прямо посреди исследования, а проснувшись, обнаружила, что Драко несет ее в постель.

— Я не могу... нет никакого способа обойти их. — Ее мозг был затуманен усталостью. Она почти дрожала от разочарования. — Должно же быть что-то. Использование Империи блокирует часть заклинания, но сразу же отменяет свое действие. Я думала, что, если попытаюсь вскрыть их таким образом, зачарованная сердцевина сможет взорваться изнутри. Я просто не... возможно, мне стоит подойти к этому с другой стороны. Я училась алхимии самостоятельно. Быть может, я недостаточно ее изучила...

Она начала отстраняться от него и попыталась вернуться к стопкам книг, которые принесла с собой. Драко остановил ее. Он обнял ее одной рукой за талию, а другой — за плечи.

— Ты не сможешь спасти всех, Грейнджер.

Она замерла и в отчаянии оглядела комнату.

— Я не знаю, как мы выиграем эту войну, — наконец сказала Гермиона.

Драко молчал. Он не мог поспорить с ее утверждением, не солгав ей при этом.

Она подняла руку и обняла его за плечи.

— Я не знаю, как вообще спасти кого-то. Все, что я делаю, это просто откладываю на потом тот момент, когда все умрут еще более страшной смертью. Я не хотела... я никогда не хотела становиться целительницей.

Гермиона никому раньше в этом не признавалась. Что она ненавидит то, чем занимается.

Гермиона рассказала ему о крестражах. Она не должна была этого делать. У нее не было на это разрешения. Но она все равно рассказала ему. Все, что знала об их создании и уничтожении, и все представления Ордена о том, какими они могут быть. О потерянных реликвиях Основателей.

— Мы думаем, что они могут быть в Хогвартсе, — сказала она, показывая ему все свои исследования. — Но я не знаю, сколько их всего. Их ведь не может быть больше пяти, верно? Раскол души подобным образом... ведет к обширному отравлению в теле. Яд разъедает его изнутри. Его нынешний внешний вид — лучшее, чего он смог добиться для своего тела с помощью зелья регенерации. Это зелье должно было вернуть ему его прежний облик, но душа Волдеморта уже слишком сильно повреждена, поэтому его тело — это все, чего он смог добиться с помощью магии. У крестражей должен быть предел. Я не думаю, что он может продолжать их делать. Если мы сумеем уничтожить все крестражи, он станет настолько уязвимым, что, даже если его никто не убьет, в конце концов он просто перестанет существовать. Но мы не знаем, где они могут быть. У нас слишком мало информации о его прошлом.

— Он подарил крестраж моему отцу во время Первой войны?

— Открытие Тайной комнаты во время нашего второго курса было вызвано фрагментом души, воздействующим на Джинни Уизли. Твой отец положил крестраж вместе с ее книгами в попытке дискредитировать Артура Уизли.

— Если они были сделаны во время Первой войны, и он доверил один из них своим последователям, я займусь этим. Ты должна была сказать мне об этом раньше.

— Мне не следовало говорить тебе об этом даже сейчас. — Она положила руку ему на сердце. — Я не пытаюсь загрузить тебя ещё больше. Я просто... мне не с кем поговорить. Мне проще размышлять, если я могу говорить вслух.

Драко фыркнул.

— Если это закончится, то оно того стоит. Чем занят Орден? Все, что мне поручают Грюм и Бруствер, — это задачи, чтобы просто выиграть время, — его голос дрожал от ярости.

— Драко...

Он больше ничего не сказал, но его гнев был очевиден.

Он не доверял ни Кингсли, ни Грюму, ни Ордену. Он боялся, что, если погибнет, они снова продадут ее, чтобы попытаться выжить.

И Гермиона не могла обещать ему, что не согласится на это. Она сделает все,

чтобы выиграть войну. И он это знал. Она подозревала, что страх движет им больше, чем что-либо другое.

Драко обнял ее, и она почувствовала этот страх в его руках, в том, как он прикасался к ней.

Она положила голову ему на грудь и прислушалась к его сердцу.

— Тебе нужна защита, — сказала девушка. — Я изучила этот вопрос. Броня из кожи Украинского Железнодорожного дракона. Она будет легкой, устойчивой к магии и почти непроницаемой для физических атак. Если ты будешь носить ее под одеждой, никто даже не узнает, что она на тебе. Когда-нибудь это может спасти тебе жизнь.

Он ничего не сказал. Он все еще смотрел на ее исследование крестражей.

Иногда они не сразу покидали хижину в Уайткрофте. Порой Драко приходил с таким количеством ран, что впадал в шок. В других случаях она чувствовала дрожь в его руках от использования Круциатуса.

Гермиона лечила его, а затем сидела, положив его голову себе на колени, пока он не придет в себя. Она исцеляла дрожь в его руках, пока Драко плавал на грани сознания. Она шепотом просила у него прощения, постукивая кончиком палочки по его рукам, сгибая, растирая и массируя его пальцы, пока они не переставали дергаться.

Ты убиваешь его. Ты убиваешь его. Это все из-за тебя.

Она позволяла себе плакать, когда он не был в сознании, чтобы видеть это. Она сжимала его руку в своей и повторяла одни и те же слова.

— Мне очень жаль. Прости меня. Мне очень, очень жаль.

Затем вытирала глаза и убирала все слезы заклинанием, прежде чем вернуть Драко к жизни. Она чувствовала, как напряжение пронзало его тело, когда он приходил в себя, затем наблюдала, как он дышит, как поднимает глаза и видит ее.

Он аппарировал их в отель и засыпал, собственнически обняв ее.

Когда даже присутствия Драко было недостаточно, чтобы успокоить ее демонов, она изучала его лицо и слушала биение его сердца, тихо обещая ему: «Я позабочусь о тебе. Клянусь, я всегда буду заботиться о тебе».

Примечание к части

Арты к главе

Автор ectoheart "Исцеление"

<https://ectoheart.tumblr.com/post/184785794339/healing>

Автор jaxx in a box <https://jaxx-in-a-box.tumblr.com/post/611335596339789824/im-going-to-take-care-of-you-im-always-going>

Автор katescreativecorner <https://www.instagram.com/p/CI6OIEYDwUQ/?>

utm_source=ig_web_copy_link

Автор cebanart <https://www.instagram.com/p/CL4it1lIFZe/>

Автор samadiw <https://www.instagram.com/p/CH02H2WBxcv/>

<https://www.instagram.com/p/CHvW3xQBllj/>

57. Флэшбэк 32.

Май 2003.

Ближе к концу мая Пожиратели Смерти напали на маггловский город в Суррее. Было совершенно очевидно, что этой атакой они хотели выманить Сопротивление.

Как бы то ни было, даже зная об истинных намерениях Пожирателей, Сопротивление все равно отправилось на помощь магглам.

Гермиона наблюдала, как члены Ордена один за другим аппарировали с Площади Гриммо. Дождавшись, пока дом опустеет, они с Падмой наложили на гостиную и коридор чары расширения и переоборудовали первый этаж под больничное крыло. Девушки вызвали на подмогу еще нескольких целителей, которые работали в других убежищах Сопротивления.

Поппи Помфри заразилась Синдромом чёрной кошки и находилась на карантине. Главным симптомом недуга было то, что заболевшего преследовала череда неудач, поэтому Орден никак не мог допустить распространения гриппа среди своих бойцов.

Стрелка на часах продолжала неумолимо бежать вперед, пока Гермиона мерила шагами комнату, стараясь успокоиться. Девушка отодвинула все мысли о Драко в самый дальний уголок сознания, туда, где она хранила воспоминания о родителях.

Гермиона не могла позволить себе думать о Драко. Не могла позволить себе переживать о том, что он также может принимать участие в этом сражении. Ей нельзя было отвлекаться на мысли о том, что Грюм или Кингсли могли заставить Драко рисковать жизнью, чтобы обеспечить Ордену преимущество в битве.

Гермионе нужно было работать. Ее переживания все равно ничего не могли изменить.

Поэтому она закрыла свое сознание от них.

Внезапно в дверях появился Симус, взваливший на плечи какую-то незнакомую женщину и Майкла Корнера.

— Укус вампира, — сказал он, кивнув в сторону женщины. — Что с ним, я не знаю.

Симус оставил обоих в коридоре и тут же аппарировал прочь.

С этого момента Площадь Гриммо стала заполняться ранеными. Среди них были члены Сопротивления и магглы — их всех оставляли на попечение Гермионы и Падмы.

Гермиона ввела женщине противоядие и крововосполняющее зелье, а затем провела диагностику повреждений Майкла. Диаграммы показали, что у него по непонятным причинам отказывали органы. Гермиона принялась накладывать ряд анализирующих заклинаний, пытаясь понять, какое проклятие могло вызвать подобную реакцию организма.

Раздался резкий хлопок.

В коридоре возник Кингсли с Тонкс на руках. Женщина кричала от боли.

Гермиона поместила Майкла под стазис, надеясь выиграть немного времени, и поспешила к Тонкс.

Рука женщины была под воздействием темного проклятья: с нее непрерывно слезала кожа. Гермиона воспользовалась контрзаклинанием и обезболила пораженное место, прежде чем поднести к губам Тонкс зелье, восстанавливающее кожный покров.

Кровь, смешанная с черной, похожей на кислоту жидкостью, капнула на рукав рубашки Гермионы. Девушка резко подняла взгляд на Кингсли.

— Вы ранены.

Темное пятно на плече Кингсли разрасталось и все сильнее проступало через ткань его мантии.

— Я должен вытащить Поттера, — ответил мужчина и развернулся, собираясь уйти.

Гермиона схватила его за руку.

— Рана находится слишком близко к сердцу. Позвольте мне вылечить вас.

Кингсли сбросил ее руку:

— У нас нет на это времени. Приготовьтесь. Раненых будет еще больше.

С хлопком в коридоре появилась Парвати, с трудом удерживающая сразу четырех пострадавших.

— Веди их к Падме, — сказала Гермиона и бросилась за мужчиной к выходу. — Позвольте мне хотя бы осмотреть вас, Кингсли.

Она протянула руку и ухватила за рукав его мантии как раз в тот момент, когда он начал аппарировать. Они вместе приземлились на главную городскую площадь, где велось сражение. Воздух над площадью был тяжелым от стоявшей столбом пыли, запаха крови и остаточного следа множества проклятий.

Повсюду лежали тела. Пожиратели Смерти посылали проклятья в тех, кто возвращался на поле боя, чтобы забрать раненых. Над площадью летали дементоры, искавшие очередную жертву для поцелуя.

Гермиона в ужасе огляделась вокруг.

— Возвращайся на Площадь Гриммо! Твоя работа — оставаться в безопасности, Грейнджер, — прорычал Кингсли, увидев, что она переместилась вместе с ним. Его лицо было перекошено от гнева. Он окружил их обоих защитным барьером.

Гермиона услышала неподалеку яростный крик, который, как она была уверена,

принадлежал Рону.

— Возвращайся в убежище, Грейнджер, — бросил Кингсли через плечо и направился в ту сторону, откуда доносились крики.

Гермиона уже собиралась аппарировать, когда ее взгляд зацепился за лежавшего на земле мальчика. Его живот был вспорот, вероятно, лесной ведьмой или оборотнем.

Девушка опустилась на колени рядом с ним и проверила пульс. Слишком поздно — мальчик был мертв. Волшебная палочка осталась зажатой в его руке. Он являлся бойцом Сопротивления, на вид ему было не больше четырнадцати.

Позади него на земле лежала женщина, ее ногу постепенно разъедало проклятие некроза. Было похоже, что она потеряла сознание от боли. Женщина была придавлена еще одним телом: молодой мужчина лежал прямо поперек нее. Гермиона перевернула его, чтобы проверить наличие пульса.

Стоило девушке притронуться к нему, как мужчина набросился на нее. Гермиона почувствовала, как в ее шею впились клыки. Вампир придавил ее к земле весом своего тела. Не раздумывая, она бросила в него темное проклятие.

Тело вампира превратилось в пепел.

Пошатываясь, Гермиона встала и, направив палочку в сторону раненой женщины, отлевитировала ее ближе к себе. Девушка оглянулась, выискивая глазами тех, кому еще могла понадобиться ее помощь.

Мужчина в нескольких метрах от нее выглядел так, словно подвергся нападению дементоров. Гермиона двинулась к нему, собираясь проверить, насколько сильным был нанесенный урон. Душа мужчины оказалась нетронутой, но он страдал от переохлаждения и был эмоционально истощен. Ему требовалось съесть несколько плиток шоколада.

Вдруг девушка почувствовала, как ее тело покрылось мурашками. Гермиона резко подняла голову и увидела, что за то время, пока она осматривала пострадавшего, несколько дементоров успели слететься к ним.

Гермиона сделала глубокий вдох и отправила в них патронус. Из кончика ее палочки вырвалось облако серебристого света, но патронус не смог принять окончательную форму.

Пока стена света отгоняла от них дементоров, Гермиона закинула руку мужчины себе на плечо, готовясь к аппарации.

Девушка едва устояла под его весом. В то время, как она накладывала на него чары невесомости, рядом с ней раздалось несколько хлопков аппарации. Гермиона подняла взгляд на прибывших, стиснув в руке палочку и крепче прижав к себе обоих волшебников.

Всего в нескольких метрах от них появились четыре фигуры в масках. Один из Пожирателей Смерти смотрел в их сторону. Он тут же направил на них палочку.

Гермиона поспешно вызвала в уме образ Площади Гриммо, готовясь к

совместной аппарации. Она сосредоточилась на главных правилах. Нацеленность. Настойчивость. Неспешность.

Ее уже закрутило в туннеле аппарации, когда девушка почувствовала, как проклятье ударило ее в грудь.

Гермиона появилась на улице, ведущей к дому на площади Гриммо. Она с трудом опустила на землю обоих волшебников и с болезненным стоном повалилась рядом с ними.

Сквозь пелену, застилавшую сознание, девушка слышала чьи-то ругательства и чувствовала, как кто-то поднял ее с земли и перенес в дом. Когда Гермиону уложили на пол в коридоре, она увидела склонившихся над ней Падму и нескольких членов Соппротивления, отвечавших за охрану дома во время сражений. Она старалась сдерживать всхлипы, в то время как ее тело била дрожь.

— Заклинание, Гермиона? Какое заклинание? — глаза Падмы расширились от ужаса. Палочка девушки дрожала в ее руке.

Гермиона указала на свою грудь. Падма разорвала ее майку и издала испуганный вздох.

Кислотное проклятье ударило Гермиону прямо в середину груди. Тот, кто произнес его, явно был искусен в его наложении. Проклятье успело прожечь ее грудину и верхние ребра и распространялось дальше, к ключицам.

Падма поспешно наложила на нее контрзаклинание. Гермиона лежала на полу, продолжая бороться со слезами, пока целительница призывала зелья из другой комнаты.

Ее тело горело. Боль от проклятья, когда-то попавшего ей в запястье, теперь казалась пустяком по сравнению с тем, что она испытывала сейчас. Огонь горел прямо в ее груди. Гермиона едва осознавала происходящее вокруг. Она не могла говорить, не могла ничего почувствовать, кроме одного. Все, что заполняло ее сознание: невероятная боль, прожигающая грудь. Ее кожу. Ее кости. Даже ее горло, казалось, было наполнено кислотой.

Кто-то должен ее оглушить. Она готова была молить о том, чтобы ее оглушили.

Гермиона зажмурилась, считая секунды до того момента, когда боль прекратится.

— Гермиона.

— Гермиона, — голос Падмы прорвался сквозь туман в ее голове.

Девушка заставила себя открыть глаза и посмотреть на Падму.

— Я не могу удалить пораженные кости сейчас, — сказала та дрожащим голосом, обрабатывая обожженный участок анальгетиком. — У нас слишком много раненых... я не смогу справиться без тебя. Многие поражены проклятиями, которых я никогда прежде не видела. Что еще мне дать тебе, помимо обезболивающего зелья и анальгетика?

Несколько секунд Гермiona смотрела на Падму в немом ужасе, не уверенная, что правильно расслышала ее.

Она закрыла глаза и сделала дрожащий вдох, прежде чем ответить. Огонь продолжал терзать ее грудную клетку. Даже обезболивающее не помогало унять этот жар. Если бы Гермiona не была уверена, что от крика ей станет только хуже, она бы кричала, пока не сорвала бы голос.

Девушка несколько раз с трудом сглотнула, прежде чем заставила себя заговорить.

— Укрепляющее зелье, умиротворяющий бальзам и каплю Феликс Фелициса, — ответила она сдавленным голосом. Гермiona буквально могла ощущать, как вибрируют ее голосовые связки в прожженной заклятием гортани.

Падма напоила ее необходимыми зельями и, растерев по коже анальгетик, нанесла экстракт бадьяна на ожоги. Еще несколько минут Гермiona пролежала на полу, ожидая, когда начнут действовать зелья. Она надеялась, что благодаря им боль станет хотя бы немного терпимее.

При каждом вдохе девушка чувствовала боль в груди и ребрах. Гермiona заставила себя подняться с пола и, сжав палочку в трясущейся руке, восстановила порванную на груди майку. Пошатываясь, она пересекла коридор.

Она умирает.

Она чувствовала, что умирает.

Стараясь не обращать внимание на боль, Гермiona принялась за работу. Она поспешила к тем, у кого были самые тяжелые травмы, в то время как Падма и другие целители взяли на себя заботу обо всех остальных.

Каждое движение отдавалось болью в ее теле. Процесс дыхания превращался в пытку. Гермiona не могла даже взмахнуть палочкой, не ощутив при этом, словно что-то разрушается в ее груди. Девушка прикусила губу, сдерживая слезы. Она боялась, что может потерять сознание, если от всхлипов начнет вибрировать грудная клетка.

Гермione постоянно хотелось кашлять. Спазм охватывал всю гортань и трахею. От сдерживаемого кашля грудная клетка тряслась мелкой дрожью. Если она закашляет, то, скорее всего, сломает свои рёбра.

Гермiona почти справилась с постановкой собственного диагноза и лечения, но не была уверена, точно не зная, сколько повреждений костей она проигнорировала.

Девушка проглотила зелье, подавляющее кашель, и заставила себя дышать неглубоко.

Выздоровление займет много времени. Даже на восстановление костей, скорее всего, уйдет не меньше десятка часов.

Гермiona медленно оглядела кушетки с пострадавшими, которым, казалось, не

было видно конца.

Среди раненых многие перенесли нападение лесной ведьмы или вампира. Укусы оборотня. Здесь было так много бойцов, попавших под такие тёмные проклятия, с которыми Гермиона никогда прежде не сталкивалась.

Сассекс стал для Сопrotивления чем-то вроде камеры смерти.

Некоторые проклятия были ей знакомы по рассказам Драко и Северуса, поэтому девушка знала необходимые контрзаклинания. Некоторые раны, казавшиеся на первый взгляд несерьезными, вскрывались, вызывая у пострадавших кровотечения, которые было невозможно остановить. Были и те, чьи внутренности пожирала изнутри змеи, скорпионы и даже лобстеры, и Гермионе приходилось извлекать этих существ из грудной или брюшной полости волшебников.

В воздухе стоял запах крови, желчи и темной магии.

Гермиона продолжала лечить раненых, но поток нуждающихся в ее помощи, похоже, не собирался заканчиваться.

В какой-то момент ей показалось, что в палате появились Гарри и Рон, но они исчезли, прежде чем она уллучила свободную минуту, чтобы еще раз оглядеться, закончив лечение маггловского мальчика.

Гермиона накладывала комплексное заклинание, восстанавливающее разорванный кишечник, когда почувствовала на себе чей-то взгляд.

Обернувшись, она встретила глазами с Кикимером.

— Поттеровская грязнокровка в порядке?

Гермиона окинула его ничего не выражающим взглядом и, промолчав, двинулась к следующей кушетке, на ходу выпивая еще одну порцию зелья от кашля.

— Грязнокровка Поттера ранена, — заключил Кикимер язвительным тоном.

— Кикимер, убирайся отсюда! — Падма метнула в эльфа яростный взгляд. — Мне срочно нужна помощь кого-то хотя бы с базовыми знаниями целительства!

— Как сильно пострадала грязнокровка?

— Давай я брошу в тебя кислотное проклятие, и посмотрим, как ты будешь себя чувствовать, — оттолкнув Кикимера, Падма пронеслась мимо него к следующему раненому.

Эльф отступил назад и следил глазами за Гермионой, пока та разбиралась с магическим следом проклятия, которое медленно разрушало кости пострадавшей волшебницы из Сопrotивления. Она никогда прежде не сталкивалась с такой магией.

Когда Гермиона снова бросила взгляд на то место, где стоял Кикимер, эльф уже исчез.

Закончив лечение волшебницы, дрожащими руками Гермиона откупорила склянку с обезболивающим и проглотила ее содержимое. Следом были выпиты укрепляющее зелье и умиротворяющий бальзам.

Каждый вдох вызывал хрипы в горле Гермионы. Проглотив очередную порцию зелья от кашля, она постаралась переключить внимание на происходящее вокруг. Падма бы точно сказала ей, если ее повреждения могли как-то угрожать жизни.

Гермиона огляделась, решая, к кому подойти следующим. Большинству пострадавших с наиболее серьезными ранами уже была оказана помощь. Девушка подошла к Падме, собираясь помочь с лечением травм средней тяжести.

— Хочешь, я займусь твоим проклятием? — спросила Падма, неуверенно коснувшись запястья Гермионы.

На мгновение девушка задумалась, а затем отрицательно покачала головой.

— Ты знаешь, почему еще одна целительница так и не появилась? Мы отправили просьбу о помощи больше двух часов назад.

Падма помрачнела.

— Нет. Я отправила пять патронусов, но так и не получила ответа.

Гермиона взмахнула палочкой, зашивая вспоротый живот волшебника. Кроме жгучей боли в груди, она ощущала странную пустоту во всем остальном теле.

— Тогда... — выдавила она с трудом. — Нам нужно подождать еще немного. Пока мы не убедимся, что всех пострадавших доставили сюда. Кингсли... Кингсли так и не вернулся. Я должна дождаться его... он ранен.

— Тебе не следует двигаться, — сказала Падма. — У нас достаточно полевых целителей; мы сможем справиться с оставшимися ранеными. Отдохни, пока мы ждем Кингсли. Я могу обездвижить тебя, если хочешь.

— Мне легче переносить боль, когда я занята. Просто... давай я займусь чем-то, не требующим сложных движений руками.

— Тогда, может, тебе заняться зашиванием ран? Всем, кто находится здесь, уже оказали первую помощь, осталось лишь зашить порезы. Будет задействовано только твое запястье. — Лицо Падмы было серым от волнения и чувства вины.

Гермиона только кивнула в ответ на ее предложение и направилась к кушеткам в другой стороне комнаты.

Девушка стала подозревать, что ее травмы были за пределами компетенции Падмы. Она была уверена, что у нее повреждены трахея и легкие, а значит, скорее всего, потребуется использование продвинутой целительской магии и, возможно, даже работа сразу двух целителей, чтобы правильно координировать накладываемые заклинания.

Учитывая, что Помфри находилась на карантине, а никто из вызванных на

помощь целителей так и не появился, Гермиона была единственной, кто владел подобным уровнем лечебной магии.

Ей придется оставаться в сознании, пока Падма будет удалять ее грудную кость и ребра и восстанавливать гортань, трахею и легкие, чтобы проследить за тем, что все выполняется правильно. Одна мысль об этом едва не заставила ее разрыдаться.

Возможно, она потеряет сознание от боли, и Падме придется приводить ее в чувства...

Возможно, даже не единожды.

Руки Гермионы затряслись. Она закрыла глаза и попробовала выровнять дыхание. Боль пронзила ее грудную клетку, и девушка не сдержала мучительного стона.

Гермионе необходимо было убедиться, что все тяжело раненные бойцы получили должное лечение, чтобы Падма смогла заняться ее повреждениями, ни на что не отвлекаясь. Будет совершенно невыносимо, если Падме придется делать перерывы в ее лечении. Возможно, если Кингсли вернется на Площадь Гриммо, он сможет найти для них еще одного целителя.

Гермиона открыла глаза и заморгала, пытаясь разогнать туман в голове. С громким хлопком перед ней снова появился Кикимер.

— Грязнокровка Поттера все еще работает, — проскрежетал он, оглядывая ее с головы до ног.

Гермиона собиралась обойти эльфа, когда тот протянул к ней костлявую руку и схватил за запястье. От неожиданности она успела лишь перевести на Кикимера удивленный взгляд, когда почувствовала рывок аппарации.

Давление аппарации на ее кости оказалось невыносимым. Когда Гермиона снова встала на ноги, из ее губ вырвался болезненный всхлип, вынудивший ее грудную клетку резко расшириться и сократиться. Девушка почувствовала, как что-то разорвалось в ее груди, и эта острая, пронизывающая боль заставила ее закричать.

Гермиона начала падать и почувствовала, как кто-то поймал ее за плечи.

Все ее тело было в агонии. Казалось, не существовало ничего, кроме боли. Каждый ее вдох или всхлип заставлял кости ее грудной клетки крошиться и ломаться, но она не могла перестать плакать.

— Остолбеней.

***

Когда Гермиона пришла в сознание, то почувствовала, что не может пошевелиться. Испуганно оглядевшись, она увидела Драко. Он прожигал ее взглядом. Его лицо было мертвенно бледным.

Гермиона уставилась на него в ответ.

— Ты... — горло сдавило от ярости, и девушке пришлось буквально проталкивать слова наружу. — Что ты наделал?

— Ты была ранена. Что, по-твоему, я должен был делать? — его голос дрожал от напряжения.

Гермиона хотела опустить взгляд вниз, но поняла, что не может пошевелить шеей. Она была парализована. Девушка скосила глаза на свою грудную клетку. Кто-то использовал на ней экзоскелет, который защищал грудную полость от внешней среды, пока сломанные кости отрастали заново. Часть ее груди была обернута бинтами. Гермиона ощущала острое, словно укол иглы, пощипывание костероста. Судя по тому, как она себя чувствовала, девушка провела без сознания несколько часов.

— Мы как раз собирались заняться моим лечением. — Было жутко понимать, что у нее отсутствовали обе ключицы, грудина и несколько пар верхних ребер. Она не могла ни повернуться, ни пошевелить руками или шеей. Ее пальцы непроизвольно дернулись. — Я ждала возвращения Кингсли.

— Ты едва не погибла, — дрожь в голосе Драко становилась все более явной. — Ты умирала, когда тебя перенесли сюда.

— Я боялась, что Кингсли не вернется. Возможно, он сейчас как раз на Площади Гриммо... — Гермиона издала испуганный вздох и попыталась повернуть голову. — В него попало проклятие. Я должна вернуться.

— Кингсли мертв.

Она вскинула потрясенный взгляд на Драко.

— Откуда ты знаешь? Как ты можешь быть уверен?

— Я убил его. — В его глазах не было и намека на сожаление.

Гермиона молча посмотрела на него.

— Ты... Ты что..?

Девушка почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Казалось, в животе образовалась гигантская черная дыра, которая затягивала ее.

Каким-то образом она успела забыть, кем он являлся на самом деле. Драко убил Дамблдора. Он был Пожирателем Смерти и мог лишить жизни сотню людей за раз, не испытывая при этом ни капли раскаяния. Она забыла, что именно его смертоносность делала его идеальным шпионом Ордена и что он продолжал предоставлять им бесценные сведения как раз потому, что был первоклассным последователем Волдеморта.

Казалось, Гермиона всегда понимала это. Но в то же время она позволила себе забыть, кто он такой.

Драко убил Кингсли. Скорее всего, он был даже рад, что смог сделать это собственными руками. Она знала, как сильно Драко ненавидел Кингсли и Грюма.

— Ты не должен был переносить меня сюда, — наконец сказала девушка.

— Если бы я не сделал этого, ты была бы уже мертва. Тебя укусил вампир, и все, что ты сделала, — это приняла зелье от кашля. У тебя все это время было внутреннее кровотечение. Когда тебя перенесли сюда, счет шел уже на минуты. Даже два целителя, работая вместе, едва успели тебя спасти.

Гермиона растерянно моргнула. Она совсем забыла про укус вампира. Все произошло так быстро. Как получилось, что Падма не заметила этого? Неужели девушка не проверила ее на внутренние повреждения?

Гермиона решила отложить эти вопросы на потом.

— Я не знала об этом. У нас был полный дом умирающих людей. Я ждала своей очереди на лечение, как и все остальные. Помфри заболела. Ни один из запрошенных на подмогу целителей не появился. Я была нужна там. Если бы кто-то занялся моим лечением, я бы осталась неподвижной. Не смогла бы помочь никому из пациентов. Твои целители работали со мной несколько часов, так ведь? Никто из наших целителей не смог бы выделить столько времени лишь на меня одну. Ты хотя бы представляешь, сколько людей погибло за сегодняшний день? Как много было тех, кого никогда не будет возможно вылечить полностью? Если тебя не волнует, что будет со всеми остальными, это не значит, что их жизни не имеют значения.

— Ты принадлежишь мне! — Драко оскалил зубы в ярости. — Я видел, как в тебя попало проклятие, а потом ты исчезла, и я даже не знал, выжила ли ты. Ты обещала, что не будешь покидать убежище. Обещала, что будешь в безопасности. И вот я вижу тебя прямо посреди поля боя. Потом... узнаю, что ты жива, но не получаешь никакого лечения.

Драко был так зол, что, казалось, еще немного, и он взорвется. Гермиона чувствовала, как его ярость заполняет всю комнату.

— В какой-то момент я даже подумал, что насильно забирать тебя — это перебор. Но я должен был знать... я должен был понимать, что ты чертова гриффиндорка. Ты собиралась пожертвовать своей жизнью.

— Это война, Драко. Здесь многие умирают, — сказала она ровным голосом. — Учитывая, скольких ты убил собственными руками, ты должен осознавать такие вещи лучше других. Если бы ты понимал, какой я человек, то знал бы, что мое собственное выживание никогда не будет важнее жизней других людей.

Несколько секунд Драко молча разглядывал ее лицо, тяжело дыша и сжимая кулаки.

— Но оно должно быть важнее, — внезапно его тон стал ледяным. — Я ведь предупреждал тебя. Если с тобой что-то случится, я собственноручно уничтожу весь Орден. И это не угроза. Это обещание. Считай, что сохранение твоей жизни — такое же необходимое условие для выживания всего Сопротивления, как и сохранение жизни Поттера. Если ты погибнешь, я убью их всех. Думаю, мысль о том, что ты рискуешь жизнями всех в Ордене, заставит тебя больше ценить твою собственную.

Гермиона шокировано смотрела на него, пока удивление от его слов не переросло в ярость.

— Как ты смеешь?!

Если бы девушка могла двигаться, то точно прокляла бы его или попыталась бы ударить.

Ей захотелось разрыдаться, когда к ней пришло полное осознание того, что значили его угрозы.

Драко был слишком опасен.

Он представлял угрозу для Ордена.

Когда она доложит об их встрече Грюму, тот, скорее всего, решит, что им следует избавиться от Драко.

Ее зрение затуманилось от слез, и она почувствовала влажные дорожки на щеках. Гермиона закрыла глаза, потому что так ей не нужно было встречаться взглядом с Драко.

На минуту в комнате повисла тишина, а затем девушка услышала, как он сделал тяжелый вздох. Она почувствовала, как прогнулась под его весом кровать, а затем ощутила его пальцы на лице. Драко убрал локон с ее лба и положил ладонь на щеку девушки.

— Ты думаешь о том, что вам придется убить меня, да? — спросил он. — Что теперь стало слишком опасно оставлять меня шпионить для Ордена. И если ты расскажешь обо всем Грюму, он прикажет избавиться от меня.

Драко скользнул рукой ниже и положил ее на грудь Гермионы, как раз над тем местом, где заново отрастали кости грудины. Жар от его ладони постепенно проникал ей под кожу, заставляя ее дыхание сбиваться.

— И ты выполнишь его приказ. Верно?

Гермиона открыла глаза и встретила взглядом с Драко. Он сидел на краю постели и неотрывно смотрел на нее. В его глазах больше не было злости.

— Ты не оставляешь мне выбора, — ответила она дрожащим голосом. — Ты знаешь... я не могу выбрать тебя... вместо всех остальных.

Он изучал выражение ее лица.

— Ты никогда не простишь себя за это.

Ее подбородок задрожал.

— Не прощу... — голос подвел ее. — Но это будет не первым поступком, за который мне не будет прощения. Я и так уже шлюха. — Рука Драко, лежавшая на ее груди, дрогнула. — Ничего не изменится, если к списку моих грехов прибавится еще и убийство.

— Если ты убьешь меня, что станет дальше с тобой?

— Уверена, ты можешь представить.

Гермионе хотелось отвернуться, но из-за отсутствия костей ее мышцы не поддавались командам.

Драко убрал руку, и потеря контакта заставила сжаться что-то внутри нее. Девушка постаралась сдержать всхлип.

Она ненавидела эту войну.

Гермиона была уверена, что сможет сделать все что угодно. Ей казалось, что не существовало той границы, которую она не готова переступить ради спасения Гарри... ради спасения всего Соппротивления. Она думала, что сможет заставить свою совесть молчать до тех пор, пока не закончится война.

Но, видимо, Драко стал для нее той чертой, которую Гермиона не могла переступить.

Девушка больше не представляла, как справляться с этой войной в одиночку. Одна мысль о том, что она увидит, как жизнь гаснет в его глазах...

Из ее груди вырвались рыдания.

Уже через секунду Драко навис над ней и аккуратно сжал в объятиях, стараясь не задевать раненой груди. Его лицо было всего в нескольких сантиметрах от ее.

— Просто живи, Гермиона, — его голос дрожал. — Это все, чего я прошу.

Гермиона тихо всхлипнула.

— Я не могу обещать тебе этого. Ты знаешь, что я не могу. И я не должна рисковать, зная, что ты сделаешь, если я умру.

Драко поцеловал ее. Его руки скользнули по ее щекам и запутались в волосах. Оторвавшись от его губ, Гермиона всхлипнула.

— Прости меня... — повторяла она снова и снова, целуя его. — Прости за то, что так с тобой поступила.

Его губы все еще были прижаты к ее, когда он внезапно напрягся и зашипел.

Драко отстранился, сжимая левое предплечье так, что побелели костяшки пальцев.

— Черт.

Он встал и посмотрел на девушку сверху вниз.

— Меня вызывают.

Она видела, как он мысленно перебирал варианты. Его челюсти сжались, и Драко, казалось, на мгновение засомневался. В его глазах промелькнуло

отчаянное выражение покорности.

— Я не могу медлить. Мне нужно идти. Топси!

В комнате появилась эльфийка. Гермиона слегка вздрогнула и огляделась, осознав, что находится не в гостиничном номере.

— Я... я в поместье Малфоев? — ее голос дрожал от недоверия.

Драко коротко кивнул, выражение его лица превратилось в маску.

— Мне пришлось привезти тебя сюда. Я не мог вызвать целителей в маггловский Лондон. — Драко схватил стопку мантий. Гермиона узнала в них форму Пожирателя Смерти. Он быстро оделся. — Я не думал, что придется оставлять тебя здесь одну.

Он наклонился к ней, и его пальцы скользнули по ее запястью.

— Клянусь, защитные чары никого не пустят в поместье. Ты будешь в безопасности. Я скоро вернусь.

Его зрачки расширились, когда Драко посмотрел на нее сверху вниз. Она распознала выражение ужаса в его глазах.

— Я вернусь. Никто не сможет прийти сюда. Ты будешь в безопасности, пока я не вернусь, — повторил он. — Топси, позаботься о Грейнджер.

Драко натянул маску и посмотрел на нее еще долю секунды, прежде чем исчезнуть из комнаты.

Гермиона уставилась на то место, откуда он исчез, пытаясь осознать тот факт, что она лежит парализованная, одна, в поместье Малфоев.

Девушка подняла глаза к потолку и услышала, как Топси заерзала рядом с ней. Гермиона на несколько секунд сжала губы, пытаясь решить, с чего начать.

— Кикимер часто сюда приходит? — наконец спросила Гермиона, переводя взгляд на Топси.

Эльфийка посмотрела на девушку своими огромными глазами и кивнула:

— Кикимер приезжает почти каждый месяц, чтобы повидаться с хозяином. Он служит благородному дому Блэков. Хозяин — последний оставшийся наследник рода Блэк.

— Понятно. — Гермиона внутренне кипела. — И что же делает Кикимер, когда приходит к Драко?

— Он рассказывает хозяину о мисс Грейнджер и Ордене Феникса. Кикимер ухаживает за могилами госпожи Малфой и госпожи Лестрейндж. Именно так господин обнаружил, что Кикимер все еще служит дому Блэк.

Гермиона снова посмотрела на потолок и облизнула губы.

— И давно Драко об этом знает?

— Топси не знает, Топси думает, что это длится, возможно, в течение года.

Гермиона поджала губы, вспоминая хронологию своих взаимодействий с Драко.

— А что Кикимер рассказывает Драко обо мне и Ордене Феникса?

Топси переступила с ноги на ногу и опустила глаза в пол.

— Топси ничего не знает. Хозяин разговаривает с Кикимером наедине.

Гермиона сжала челюсти.

— Как часто Драко бывает здесь?

— Он не приходит сюда часто. Топси и эльфы делают все возможное, но ему не нравится здесь находиться. Он появляется лишь для того, чтобы встретиться с Пожирателями Смерти и посетить могилу госпожи Малфой.

Наступило молчание, пока Гермиона пыталась решить, что спросить дальше.

— Ты... ты знаешь, что случилось с целителями, которых Драко привел сюда, чтобы вылечить меня?

Топси молчала.

— Он их убил? — голос Гермионы резко повысился.

— Топси ничего не знает.

Гермиона резко выдохнула и замолчала на несколько минут.

— Мисс Грейнджер чего-нибудь хочет? — Топси подошла ближе и посмотрела на девушку. — Топси может принести еду, чай, или бульон, или все, что нужно мисс.

— Нет. Мне не нужно ничего, кроме моих костей, которые должны отрасти, чтобы я могла двигаться. — Гермионе хотелось взорваться от ярости. Она собиралась убить Кикимера.

Как Орден мог не заметить свою ужасающую уязвимость? Если Кикимер был готов похитить ее с Площади Гриммо по просьбе Драко, то для чего еще Драко мог его использовать?

Гермиона неподвижно лежала, пока мысли лихорадочно метались в ее голове. Она слегка пошевелила пальцами и попыталась определить, как скоро к ней вернется подвижность.

Драко вернулся через час. Он аппарировал бесшумно, но Гермиона сразу же почувствовала его присутствие в комнате.

Она могла немного повернуть голову. Девушка окинула его взглядом, ища любые признаки того, что он пострадал. Выражение его лица было напряженным, но ничто не указывало на то, что Драко был ранен или получил травму.

Они молча смотрели друг на друга.

— Что случилось с целителями, которых ты привёл сюда? — наконец спросила Гермiona. Ее голос был ледяным.

Глаза Драко на мгновение вспыхнули.

— Обливизйт.

— Неужели?

— Два мертвых целителя могли вызвать вопросы, — пожал плечами Драко.

— Значит, ты не убил их лишь потому, что решил, что это причинит неудобство?

Его глаза сверкнули.

— Да, Грейнджер, все это ради удобства, которого, как ты знаешь, у меня в жизни и так хватает с двумя моими взаимоисключающими хозяевами.

Гермiona почувствовала, как чувство вины застревает у нее в горле.

— Я просто... я не хочу, чтобы ты убивал людей из-за меня.

Драко издал лающий смешок и ехидно посмотрел на неё сверху вниз.

— А чем, по-твоему, я занимаюсь все это время? Я убиваю людей. Я приказываю другим убивать людей. Я обучаю тому, как убивать людей. Я саботирую и дискредитирую людей, чтобы они были убиты, и я делаю это все из-за тебя. Каждое слово. Каждое заклинание. Из-за тебя.

Гермiona вздрогнула и тихо ахнула, как будто ее ударили.

Злобное выражение лица Драко тут же исчезло.

— Грейнджер, я не...

Гермiona слегка дернула головой и сжала челюсти.

— Нет. Не пытайся взять свои слова назад. Это правда. То, что ты сказал... чистая правда. Все, что ты делаешь, все это на моей совести. Каждое заклинание, — ее голос дрогнул и затих.

— Не надо. — Он сел на край кровати и взял ее за руку. — Не взваливай это на себя. Этот груз не твой. Хватит нести чёртову войну на своих плечах.

— Но это так. Я сделала это с тобой, — она сжала его руку в своей. — Кто-то должен об этом сожалеть. У тебя нет ни времени, ни возможности колебаться. Гораздо разумнее, если этот груз стану нести я. Быть может, если я это сделаю... ты когда-нибудь сможешь остановиться.

Драко замер, и его губы дрогнули. Вместо ответа он вытащил палочку и произнес диагностическое заклинание, которому она его научила. Они оба погрузились в

изучение. До полного восстановления оставалось еще по меньшей мере два часа.

Гермиона оторвала взгляд от волшебной палочки и пристально посмотрела на него.

— Я избавлюсь от Кикимера, как только вернусь. Если, конечно, Грюм еще не убил его. Ты можешь забрать его, но он никогда больше не ступит на Площадь Гриммо.

Драко стиснул зубы и молча отвернулся от нее.

— Как давно ты используешь его, чтобы шпионить за Орденом?

— Я встретил его в апреле прошлого года, когда он ухаживал за могилой моей матери.

— Апрель, — эхом отозвалась Гермиона. Потом ее глаза расширились. — Так вот почему ты проклял меня тогда? Ты читал мои записи?

Драко ничего не ответил.

— Я думала, ты сделал это, потому что я исцелила тебя, — сказала она через минуту.

— Знаю.

У нее перехватило горло.

— Каждый раз, когда я исцеляла тебя, я думала... думала, что ты можешь снова причинить мне боль.

— Знаю, — его голос был глухим.

Последовало долгое молчание. Гермиона сжала губы и медленно вздохнула, чувствуя, что вот-вот задохнется от горя.

— Я не знаю, что мне делать. Я не могу игнорировать угрозу Ордену.

Драко вздохнул и опустил глаза.

— Я просто разозлился.

Гермиона усмехнулась и дернула подбородком.

— Ты всегда злишься. Но ты не можешь угрожать нам подобным образом. Только не ты. Мое появление на поле боя было случайностью. Я пыталась исцелить Кингсли, и он аппарировал. Я хотела забрать нескольких пострадавших с собой. Мои руки были заняты, когда меня проклинали.

— Но ты продолжала работать. — Его голос был тщательно контролируемым. Резким. Она все еще слышала в нем скрытую холодную ярость.

— Потому что хотела, — твердо сказала она. — Падма не знала заклинаний для моего исцеления. Они с Помфри могли бы вместе помочь мне, но на этой неделе

Помфри заболела. Другая целительница так и не появилась. Я думаю, Падма запаниковала. Я не уверена, что она использовала продвинутые диагностические чары, чтобы хорошо проверить мое состояние. Я могла бы попросить ее оглушить меня, но хотела продолжать работать. И если бы Падма все-таки оглушила меня, так и не проведя полноценную диагностику... ну, тогда, возможно, я была бы уже мертва. Хотя, надеюсь, что она следила бы за моими жизненными показателями. Когда я вернусь, мне будет что рассказать ей о целительской практике. Но надо учесть, что было слишком много отвлекающих факторов. Ты не можешь раскидываться обвинениями, когда речь идет о таких сложных ситуациях. Ты не можешь держать Соппротивление в заложниках, чтобы контролировать меня.

Драко глубоко вздохнул и с минуту смотрел в другой конец комнаты, прежде чем заговорить.

— Если ты погибнешь, Грейнджер, все будет кончено. Я не буду продолжать это. Я очень устал.

Гермиона дернула запястьем, чтобы перехватить его руку.

— Драко, не...

Он перевел взгляд на нее. Выражение его лица было под контролем, но она видела всю тяжесть войны в его глазах.

— Я серьезно. Я не убью их, но с меня хватит. Ты — мое условие. Контракт недействителен, если ты умрешь.

Она покачала головой.

— У тебя есть жизнь по ту сторону войны, ты... твой мир не должен вращаться только вокруг меня.

Он изогнул бровь, и его верхняя губа дернулась.

— Твой мир едва ли больше. Или у тебя есть особые послевоенные планы, о которых ты забыла упомянуть?

Гермиона сглотнула и отвела взгляд.

— Слушай меня, а не повторяй за мной.

Драко тихо рассмеялся, и они погрузились в молчание, такое же тяжелое, как и ожидающее их будущее.

— Ты... ты мог бы стать целителем, — сказала она через минуту.

В уголках его рта мелькнула улыбка:

— Об этом я как-то не подумал.

Гермиона слабо улыбнулась.

— А следовало бы. Если бы ты решил всерьёз заняться этим, то мог бы стать хорошим целителем. Хотя над твоей манерой обращения с больными стоило бы

поработать.

— Это могло бы уравновесить число погибших от моих рук, — сказал он, не глядя на нее.

Она крепче сжала его ладонь.

— Мне очень жаль. Мне не следовало этого говорить. Это не твоя вина.

Он отвел глаза в сторону.

— Возможно, когда-то это не было моей виной. Но не сейчас. Я верю, что являюсь частью того, что совершил, и в ответе за это.

Гермиона почувствовала, как у нее скрутило живот.

— Ты гораздо больше того, во что превратила тебя война, — ее голос слегка дрожал.

Он по-прежнему не смотрел на нее.

— Ты... — сказала она, внимательно изучая его лицо, — такой же, как и я. В нас есть что-то большее... оно просто... просто ждёт возможности выбраться наружу. — Гермиона провела пальцами по его руке. — Когда-нибудь... когда-нибудь мы оставим все это позади. Только мы вдвоем... я думаю, у нас получится...

Его пальцы, вплетенные в ее пальцы, слегка напряглись.

Она не знала, что еще сказать. Гермиона почувствовала, как ее глаза закрываются.

Драко провел рукой по ее щеке.

— Поспи. У тебя еще есть несколько часов, прежде чем ты сможешь двигаться. Как только кости отрастут, я должен буду дать тебе восстанавливающие зелья. Ты никуда не пойдешь, по крайней мере, еще двенадцать часов. Я получил точные инструкции и должен быть уверен, что ты не попытаешься уйти или аппарировать преждевременно.

Гермиона закатила глаза.

— Двенадцать часов — слишком большой срок.

— Это минимум, и тебе об этом хорошо известно.

Рот Гермионы дернулся, и Драко фыркнул.

— Ты маленькая лгунья и манипулятор. Не жди, что я тебе поверю.

Глаза Гермионы закрылись, и она вдруг крепче сжала его руку.

— Не оставляй меня одну в этом доме.

— Не оставлю.

58. Флэшбэк 33.

Май 2003.

Когда Гермиона проснулась, Драко все еще был рядом с ней. Перед ним лежала большая стопка книг, в которых он делал перекрестные ссылки. Моргнув, Гермиона прищурилась, чтобы прочитать названия на обложках, и обнаружила, что он изучает уставные документы Гринготтса и наследственное право.

— Что ты делаешь? — спросила она через минуту.

Он оторвал взгляд от книг.

— Родольфус Лестрейндж был найден искусно развешенным по частям во время путешествия по Болгарии.

Гермиона сглотнула. Габриэль. Это определенно был ее почерк. В последние месяцы методы девушки становились все более безжалостными.

— Это стало причиной моего вызова, — сказал Драко, захлопывая книгу. — Темный Лорд возмущен дерзостью покушения и, как ни странно, крайне обеспокоен тем, кто теперь получит доступ к хранилищу Лестрейнджей.

Гермиона замерла, и ее глаза расширились.

— Ты считаешь...

Он коротко кивнул.

— Лестрейнджам вполне можно было доверить крестраж. Если выбрали моего отца, то Беллатриса и ее муж могли стать следующими идеальными кандидатами для подобного задания. Старинные семьи с семейными ценностями и отличной охраной. Беллатриса переместила свое наследство Блэков в хранилище Лестрейнджей. Если не считать дочери Андромеды, которая в настоящее время находится в розыске, я последний человек из рода Блэк. Лестрейнджей больше нет, если только какой-нибудь бастард не вылезет. Полагаю, что благодаря крови и формальностям я смогу получить доступ к хранилищу.

Мысли Гермионы понеслись вскачь:

— Подкупи гоблинов. Они ревностно относятся ко всему, что сделано гоблинами. Если ты согласишься отдать им несколько таких семейных реликвий Блэков или Лестрейнджей, они скроют, что ты когда-либо был там. Так мы получили доступ к некоторым хранилищам.

Глаза Драко сверкнули.

— Полезная информация.

Он взмахнул палочкой и призвал несколько флаконов с другого конца комнаты.

— Ты можешь двигаться?

Гермиона подняла руку и наклонила подбородок вниз, чтобы посмотреть на свою грудь. В какой-то момент, пока она спала, Драко снял гипс с экзоскелета. Девушка оказалась укутана в простыни до самых ключиц. Ее пальцы вцепились в ткань, но она заколебалась и посмотрела на него. — Насколько там все плохо?

Он пожал плечами, но не сводил глаз с ее лица.

— Это мелочи.

Гермиона слегка сжала челюсти, откинула простыню и посмотрела на свою грудь.

Она выглядела так, словно крошечная бомба взорвалась внутри ее грудной клетки. Более крупные шрамы были сосредоточены в самом центре ее груди, а затем расходились тонкими белыми полосками вверх к плечам.

Гермиона чувствовала на себе взгляд Драко, хотя он и не двигался. Она с трудом моргнула, не отрывая взгляда от шрамов.

Девушка медленно сглотнула.

Шрамы оказались незначительными, учитывая полученную травму. Гермиона почти не была изуродована. Они не будут иметь никаких пожизненных последствий. Со временем поблекнут. Она знала, что может исцелить их так, что следы почти исчезнут.

Ей очень повезло. Несколько шрамов — ничто по сравнению с ранами, которые останутся у других членов Сопrotивления на всю жизнь.

Все будет хорошо. Она просто будет носить рубашки с высоким горлом.

Гермиона снова сглотнула и посмотрела на Драко, который все еще внимательно наблюдал за ней. Она заставила себя улыбнуться.

— Сколько... сколько флаконов бадьяна у тебя ушло, чтобы справиться с этим? — Она уронила простыню и прижала к ней руки.

Драко закатил глаза.

— Не так много, как использовала на мне ты.

Она криво усмехнулась:

— Твои шрамы симпатичнее моих.

Он громко фыркнул в ответ:

— Мой целитель был намного лучше твоего.

Гермиона тихо рассмеялась, но смех застрял у нее в легких. Она попыталась вдохнуть, но вместо этого сильно закашлялась, пока не выплюнула несколько сгустков крови на ладонь.

Драко тут же оказался рядом с ней. Он скользнул рукой ей за голову, и у ее губ оказался пузырек.

— Это поможет очистить лёгкие.

Инстинктивной реакцией Гермионы было отстраниться и осмотреть зелье, чтобы убедиться в его словах, но она верила, что Драко был достаточным параноиком за них обоих. Она приоткрыла рот и проглотила зелье. Удушающее ощущение в легких пропало.

Драко пробормотал заклинание, и она почувствовала, как кровь на ее руке исчезла.

Драко вызвал еще несколько зелий. Гермиона посмотрела на склянки и мысленно перечислила каждую. Обезболивающее. Восстанавливающее. Зелья для легочной ткани. Зелья для сухожилий и соединительной ткани. Некоторые были даже излишними в ее случае. Драко все ещё был одержимо скрупулезен.

Она проглотила все зелья без единого звука, несколько раз подавившись.

Он поцеловал ее в макушку:

— Ты голодна?

Она фыркнула:

— Только не после восьми укрепляющих зелий. Хотя вода была бы очень кстати. Моя палочка у тебя? Я думаю... она ведь была у меня в руках, когда меня аппарировали? Я не могу... вспомнить точно.

Драко вытащил ее палочку из-под мантии и вложил ей в руку. Гермиона чувствовала нерешительность в его движениях.

— Мне очень жаль. Я и не подозревал, что от аппарации пострадают твои кости.

Гермиона вздрогнула при этом воспоминании. Она опустила глаза и заставила себя пожать плечами.

— Давление. Вот почему я говорила, что ты не можешь аппарировать, когда имеешь дело с повреждением мозга или травмой глаз. С повреждёнными костями схожая ситуация.

— Мне очень жаль.

Гермиона взглянула на него и слегка улыбнулась.

— Это не твоя вина. Просто не повезло.

Он напрягся, и выражение его лица застыло, прежде чем он усмехнулся себе под нос:

— Это не простое невезение. Понимает ли Орден, насколько предсказуемыми стали их рейды? Вчерашние потери были почти полностью односторонними. Это был ошеломляющий успех. Подобная атака не будет последней.

В его голосе звучала горькая ярость.

Гермиона замерла, а затем сжала губы, на мгновение заколебавшись.

— Она ведь была твоей, не так ли? Эта операция. Ты все спланировал.

Драко напрягся, и наступила пауза. Он отвернулся от нее, и она увидела, как дрогнула его челюсть.

— Я должен сохранять свое положение, чтобы делать все необходимое. Темный Лорд знает, что в армии завелись шпионы. Он прекрасно осознаёт, что Орден каким-то образом просочился в ряды Пожирателей. Бруствер переиграл самого себя. Сассекс и различные подразделения армии становятся более изолированными. Существуют десятки мер по борьбе со шпионажем. Поддержание своего положения — единственный способ оставаться в курсе событий.

Она скользнула рукой по его ноге.

— Я не виню тебя. Я просто никогда не думала об этом.

Последовало долгое молчание.

— У меня не было выбора, кроме как убить Кингсли, — наконец сказал Драко. — Его поразило проклятье, как ты уже знаешь. Уизли пришел в ярость, потому что погибла какая-то девушка. Кингсли вытащил Поттера и Уизли, но с ним уже было покончено. Попытки и допрос были бы для него еще хуже.

Гермиона медленно кивнула, не поднимая глаз.

Пожиратели смерти знали ценность Кингсли Бруствера. Они сделали бы все, что в их силах, чтобы вырвать у него все сведения, которыми он обладал.

Его бы ожидала медленная и мучительная смерть.

Это было бы рискованно для Ордена и поставило бы под угрозу все Сопротивление.

Жизнь Драко оказалась бы в опасности.

— Это было быстро?

— Это было быстро.

Обсуждать больше было нечего.

Она проигнорировала тяжесть в груди и взмахнула палочкой, чтобы провести диагностику.

Кости хорошо срослись, но легочная ткань, сухожилия и связки все еще оставались хрупкими и восстанавливались. Аппаратура была нежелательна в течение еще нескольких часов.

Она посмотрела на Драко.

— Тебе нужно работать? Я могу помочь в изучении наследственного права.

— Я уже нашел все, что хотел.

Гермиона оглядела комнату. Ничего лишнего. Кровать, высокий шкаф, письменный стол и стул.

— Это комната для гостей?

Губы Драко дрогнули:

— Нет. Она моя. Я нечасто здесь бываю.

Гермиона пригляделась внимательнее.

Комната была такой же безликой, как и его гостиничные номера. Гермиона не могла вспомнить ситуации, когда окружавшие Драко предметы как-то выдавали свою принадлежность ему.

— Я ждала, что твоя спальня будет зеленой и в серебре.

Драко издал невеселый смешок.

Она взяла его за руку, переплетая их пальцы.

— Прости, Драко, что тебе пришлось вернуться сюда из-за меня.

Его пальцы дернулись.

— Мне бы все равно пришлось появиться в поместье, чтобы взять нужные книги.

Гермиона просияла, и ее глаза расширились, когда она посмотрела на него.

— Могу я... могу я посмотреть твою библиотеку?

Глаза Драко сверкнули, и он усмехнулся.

— Я все гадал, сколько времени тебе понадобится, чтобы спросить.

Щеки Гермионы вспыхнули, и она опустила глаза.

— Просто... у меня не было доступа ко многим магическим свиткам с тех пор, как я вернулась из-за границы. Мы привезли кое-что из Хогвартса, я постаралась исследовать библиотеку Блэков. Большинство этих книг я уже прочла... мне негде искать новую информацию.

— Я покажу тебе свою библиотеку, Грейнджер.

Она оделась, и Драко взял ее за руку. Они ненадолго задержались в дверях. Драко резко вздохнул, словно собираясь с духом, прежде чем открыть дверь.

Они вышли в длинный темный коридор. Пока они шли по нему, несколько

портретов что-то пробормотали. Драко замер, а затем повернулся и взглянул на своего бледного предка, пристально смотрящего на них с одной из картин.

— Одно слово против нее, и я сожгу тебя дотла. Передай предупреждение остальным, — голос Драко был смертельно спокоен.

Предок позеленел и кивнул, прежде чем исчезнуть с портрета.

Библиотека оказалась огромной. Проходы и стеллажи с книгами, винтовые лестницы, ведущие на второй этаж, и дорожки, пролегающие вдоль других полок.

— Драко... — Гермиона почувствовала, как в ее глазах загорелись счастливые огоньки при взгляде на библиотеку, — это...

Она заколебалась. Он ненавидел этот дом. Находиться здесь с ней, должно быть, казалось ему кошмаром.

— Вполне хорошая библиотека, — наконец сказала девушка.

Драко тихо рассмеялся.

— Тебе позволено любить библиотеку, Гермиона. Ты вовсе не обязана ненавидеть поместье из-за меня.

Она подошла ближе к полке и пробежалась глазами по всем корешкам. Ее пальцы замерли на расстоянии одного вдоха от переплетенных в кожу томов, прежде чем девушка успела взять себя в руки.

— Можно мне их потрогать?

— Конечно. Я бы не стал показывать тебе книги, к которым ты не можешь прикоснуться.

Она пожала плечами.

— Некоторые библиотеки зачарованы против магглорожденных.

Драко прислонился к полке.

— Я не думаю, что Малфои когда-либо предполагали, что магглорожденный будет приглашен в поместье, — он криво улыбнулся ей. — Что ты хочешь увидеть?

Гермиона с тоской огляделась вокруг, прежде чем заговорить:

— «Теорию души», если она тут есть. Скорее всего книга будет в подразделе теории магии. У меня не так много времени.

Выражение лица Драко дрогнуло, когда он повернулся и повел ее по проходам.

Она потеряла счет времени за изучением фолиантов. Здесь было так много книг, которых девушка никогда не видела и о которых даже не слышала. Гермиона перелистывала одну книгу за другой, пока у нее не устали глаза. Оторвав взгляд

от страницы, она увидела, что Драко наблюдает за ней.

Его глаза были темными, когда он смотрел на нее. Кожу Гермионы покалывало, и дрожь пробежала по спине, когда она отложила книгу и встретилась с ним взглядом.

Драко двигался бесшумно, приближаясь к ней. Он поцеловал ее, и она упивалась его вкусом. Драко обнял ее за талию, и она на секунду оторвалась от его губ, чтобы сказать:

— Мы должны быть осторожны. Кости ещё немного хрупкие.

Он кивнул и снова поцеловал ее.

Драко действовал осторожно. Медленно и нежно. Он касался ее, словно она была хрусталем в его руках.

Когда он стянул с нее рубашку и посмотрел на нее сверху вниз, Гермиона вздрогнула, и ее руки метнулись вверх, чтобы прикрыть грудь.

— Они исчезнут, — быстро сказала она.

Внезапно девушка отчетливо поняла, почему Джинни плакала из-за своего шрама. Рана на груди казалась гораздо более заметной, чем шрамы на запястье. Она не могла спрятать ее под простынями, или за спиной, или в стороне, чтобы шрамы не были постоянно видны.

Гермиона не думала, что они повлияют на то, как Драко относился к ней, но, возможно, что все же повлияют. Шрамы были слишком заметными. Вырезанными прямо на ней. Возможно, через некоторое время, все изменится; в конце концов, он захочет чего-то, что не было бы испорчено войной. Когда-нибудь, если все закончится, он захочет чего-то, что не будет таким постоянным напоминанием о прошлом.

Эта мысль пронзила ее, как лезвие ножа. Гермиона прикусила губу и крепче прижала руки к груди.

— Я исцелю их, и они не будут так заметны, — она сглотнула, и ее пальцы слегка затрепетали, когда девушка попыталась прикрыть шрамы.

Драко замер на мгновение, затем поймал ее руки и отвел их в сторону. Он смотрел вниз, его серебристые глаза пристально изучали ее, пока Гермиона не почувствовала жар, поднимающийся к ее щекам и ушам и медленно стекающий по шее.

— Так ты видишь мои шрамы? Когда ты смотришь на меня, они все, что ты видишь? — спросил он.

Руки Гермионы дернулись в его ладонях.

— Нет.

— Я не вижу тебя такой. Ты моя. — Он отпустил ее руку, и его левая ладонь легонько провела по ее шее и ключицам, а затем вниз по груди, туда, где

шрамов было больше всего. — Не важно, что с тобой случится. Ты все равно будешь моей. — Его голова медленно наклонилась к ней, и он захватил ее губы своими, когда произнес последнее слово.

Она высвободила другую руку и запустила пальцы в одежду, притягивая его ближе. Гермиона поцеловала его и прижалась к нему так крепко, что у нее задрожали руки.

Когда она провела пальцами по его телу и ощутила шрамы на его торсе и плечах, ее сердце заныло, и девушка поцеловала их. Она хотела бы, чтобы они все исчезли, но ей никогда не приходило в голову, что из-за них он может ей разонравиться.

Он принадлежал ей. Она боялась признаваться, что любит его, стараясь заменить это слово у себя в голове. Он принадлежал ей.

Он толкнул ее, и Гермиона обхватила его лицо руками и почти произнесла.

«Я люблю тебя».

Это было у нее на языке, но она заколебалась и проглотила слова.

Какая-то ее часть чувствовала, что она может обречь их на гибель, если скажет это. Если какие-то важные вещи оставались невысказанными, то, возможно, наступит завтра.

Вместо этого Гермиона поцеловала его.

Я люблю тебя. Она говорила ему об этом в том, как прижималась губами к его губам; в том, как ее язык скользил по пульсирующей точке под его подбородком; в том, как отчаянно девушка запутывалась пальцами в его волосах и в узорах, которые она рисовала на его плечах.

Я люблю тебя.

Я люблю тебя.

Я люблю тебя.

Гермиона повторяла это себе, когда испытала оргазм и вместо признания вслух прижалась к нему. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя.

Наконец пришло время уходить. Не было никаких причин оставаться в поместье дольше. Ордену был нанесен серьезный удар, и Гермионе стоило быть готовой принять его.

Она еще раз взглянула на библиотеку, прежде чем повернуться, чтобы уйти.

— Я привезу тебя сюда ещё. В любое время, когда захочешь, — сказал Драко, когда они вышли из библиотеки.

Она сделала паузу и слегка улыбнулась ему:

— Спасибо, в этом нет необходимости.

Они вернулись в фойе, через которое проходили, когда направлялись в библиотеку. Это была безукоризненно чистая и пустая комната, но темная и холодная для приближающегося лета. Гермiona огляделась.

— Здесь всегда так холодно?

Драко поднял голову.

— По-моему, раньше было теплее. Я помню, что было теплее. Теперь же лей-линии повреждены. Это влияет на дом. Есть защитные чары, которые я мог бы использовать, чтобы уменьшить влияние темной магии на поместье, — он пожал плечами, — но они почти никогда не помогают.

Драко скользнул рукой вокруг ее талии и аппарировал их в хижину.

Гермiona отступила назад и крепче сжала палочку. Прежде чем она успела аппарировать, рука Драко метнулась вперед и схватила ее за запястье.

Он потянул ее назад.

— Гермiona, пожалуйста... — его голос прервался, когда он крепче сжал ее и заколебался. Она посмотрела ему прямо в глаза.

Она знала, о чем он хотел ее попросить.

Драко судорожно сглотнул.

— Не рискуй собой больше. Не...

Она приподнялась на цыпочки и прервала его поцелуем. Он держал ее за плечи, и Гермiona чувствовала его искушение аппарировать, забрать ее и умолять остаться в безопасности.

Она обхватила его лицо руками и медленно поцеловала, прежде чем прижаться лицом к его лицу так, что их носы соприкоснулись.

— Будь осторожен, Драко, — прошептала Гермiona в уголок его рта. — Будь осторожным. Не умирай.

Его пальцы на ее запястье напряглись и дернулись. Затем он тихо вздохнул и отпустил ее.

Она снова поцеловала его и заставила себя отойти. Их глаза были прикованы друг к другу, пока девушка не исчезла.

Когда Гермiona вошла в дом на площади Гриммо, она почувствовала царившее там напряжение. Казалось, даже стены пропитались отчаянием. Девушка постояла в фойе несколько секунд, впитывая эти ощущения. Теперь, когда на нее больше не давила исходившая от Драко убийственная ярость, у нее появилась возможность осознать свою собственную злость.

Гермiona направилась в больничную палату. Ее челюсти невольно сжались, стоило ей увидеть Падму.

При виде нее Падма разрыдалась:

— Ты жива. Когда я вернулась, тебя уже не было.

Падма поспешила к Гермионе и принялась накладывать диагностическое заклинание.

Гермиона оттолкнула от себя ее палочку.

— Я в порядке. Если бы я была в опасности, то не стояла бы здесь. Не думаю, что ты в состоянии это понять, так как, очевидно, что вчера ты забыла использовать на мне продвинутое диагностическое заклинание. Ты действительно ставила диагноз на глаз?

Падма застыла и побледнела.

— Что? Нет, подожди... я использовала... — ее голос оборвался, а глаза расширились от ужаса. — Ты совершенно права. Прости меня. Я так привыкла к тому, что ты накладываешь продвинутые чары, когда я с тобой. Я провела обычную диагностику... потом... Я растерялась и...

Гермиона покачала головой в неверии.

— Меня укусил вампир, и моя кровь была отравлена его ядом, но, как тебе известно, я была не в том состоянии, чтобы помнить об этом, Падма. Ты могла бы легко это исправить, если бы использовала продвинутые чары диагностики. Если бы тогда меня не забрали и не занялись моим лечением, скорее всего, я не протянула бы и часа.

Падма поморщилась в раскаянии.

— Этому нет оправданий. Мне очень жаль.

— Извинения не возвращают к жизни мертвых, — ответила Гермиона, едва справляясь с дрожью в голосе, которая могла выдать то, насколько ее переполняла злость. От усилий, которые она прикладывала, чтобы сохранять спокойное лицо, у нее сводило шею и плечи. — Есть вещи, которые должны выполняться тобой на автомате. Когда к тебе приводят пациента, ты должна проверить его продвинутым диагностическим заклинанием, чтобы точно знать, насколько серьезной является травма. Ты не должна ждать, что пациент сам расскажет о том, какие у него повреждения. Ты много лет была боевым целителем, Падма. Я не могу поверить, что нам вообще приходится обсуждать это с тобой.

— Я знаю. Знаю. Мне так жаль, — Падма расплакалась еще сильнее.

Губы Гермионы скривились от досады, которую она хотела излить на Падму. Она так разозлилась, что почувствовала, как ее магия потрескивает в кончиках пальцев.

Она заложила руки за спину и медленно сжала их в кулаки, заставляя себя проглотить ярость.

Гермиона резко вздохнула и отвела взгляд от Падмы.

— Где Аластор?

Падма шмыгнула носом и вытерла глаза.

— В комнате для переговоров. Он не выходил оттуда с тех пор, как Орден провел совещание. Вчера мы потеряли Кингсли. Гарри сказал, что Драко Малфой убил его.

Гермиона замерла.

— Гарри видел, как погиб Кингсли?

Падма кивнула, усталость проступила на ее лице.

— Много... очень много людей погибло вчера. У меня есть записи, составленные для тебя. У Рона случился срыв. Вчера погибла Лаванда. Они ведь были очень близки, наверное, ты в курсе. С тех пор как его укусили, их отношения стали серьезнее. Когда он увидел, как она умирает, то потерял самообладание. Гарри попытался увести его, но... Рон... очевидно, он убил Пожирателя Смерти, который убил Лаванду, и сломал Гарри руку, когда тот попытался остановить его. Кингсли вытащил их обоих, но когда Гарри тащил Рона до антиаппарационного барьера, то оглянулся. Он сказал, что видел Малфоя рядом с Кингсли и он понял, что это был Малфой, потому что тот снял свою маску и ухмыльнулся, прежде чем использовать смертельное проклятие.

Гермиона сглотнула и почувствовала, что вот-вот упадёт. Больничная палата вокруг нее начала вращаться.

Падма коснулась ее руки.

— Извини, мне следовало сообщить тебе об этом помягче. Я знаю, что вы были близки.

Гермиона моргнула и почувствовала себя ошеломленной.

— Что?

— С Кингсли. Вы ведь были друзьями, не так ли? Вы, кажется, часто встречались.

— О... мы... Мы... — она сглотнула. — Наши встречи в основном касались вопросов пополняемости запасов лекарств.

Что она могла сказать о своих отношениях с Кингсли?

Там, где должны были быть ее эмоции по поводу его смерти, в ее груди зияла пустота. Это был удар, ужасный удар для Ордена — потерять его; Гермиона искренне восхищалась его стратегическими умениями, его способностью принимать невозможные решения. И все же то, что он сделал... он сделал ее соучастницей... его молчаливое разрешение на пытки, его пренебрежение к ее советам как целителя, его эксплуатация Драко. Он был кукловодом, который находил нити, которыми мог манипулировать, и заставлял Орден играть в эти игры. Он сохранил им жизнь благодаря своей гениальности, но Гермиона

поймала себя на том, что задыхается от облегчения, освободившись от него.

Она не знала, что и думать о его смерти.

— Я не думаю, что Кингсли считал кого-то своим другом, — наконец сказала Гермиона, отводя взгляд от Падмы.

— Рон очень расстроен из-за всего этого. Из-за Лаванды и всех остальных.

Гермиона рассеянно кивнула. Она не знала, что Рон и Лаванда стали так близки. Она была так поглощена исследованиями и экспериментальными зельями, беспокойством о Драко, заботой о Джинни, что почти не обращала внимания на отношения на Площади Гриммо. Это не казалось важным. У нее не было ни времени, ни сил на то, что не относилось к вопросам безопасности Ордена.

Кингсли был мертв. Проиграв в битве, в которую Орден никогда не должен был позволить втянуть себя.

Война подходила к концу, и Ордену нечего было предъявить после этих шести лет. Весь последний год они только и делали, что выживали. Без ловких манипуляций Кингсли, поддерживающих Гарри и Сопротивление, она не знала, как они справятся даже с этой задачей.

Следующим будет Драко.

Гермиона чувствовала это.

Это было в его глазах, когда он смотрел, как она аппарირует прочь.

Падма зачитывала список погибших и раненых, но Гермиона слушала отчет вполуха.

— Мне нужно поговорить с Грюмом. Убедись, что все данные внесены в протокол, Падма; я проверю отчеты позже.

Грюм сидел за кипой бумаг. Когда он увидел Гермиону, выражение его лица стало жестким. Прежде чем заговорить, он сотворил дюжину заклинаний уединения.

— Ты жива. Я был завален отчетами, Патил сказала, что ты была ранена, а затем пропала, и этот чертов эльф пришел, чтобы «сообщить мне», что тебя переместили для твоей же защиты. Как давно Малфой его использует?

Гермиона сглотнула и глубоко вздохнула:

— С прошлого апреля. Так он мне сказал.

Рот Грюма скривился в отвращении. Он был самым параноидальным человеком, которого она знала. Открытие, что на Площади Гриммо сразу после потери Кингсли появился скрытый шпион, должно быть, стало для него шоком.

— Я думал, существо связано с Поттером.

Гермиона смотрела в пол.

— Магия домашних эльфов очень сложна. Я не исследовала ее подробно... большинство книг описывают эльфов только в ключе того, как использовать их. Домовые эльфы черпают свои силы из естественного накопления магии. Когда у древних семей есть поместье, домовые эльфы связывают свою магию с его лей-линиями, в процессе также используется родовая и кровная магия. Они становятся очень настроенными на принадлежность к семье, которой служат.

Ее горло сжалось, когда она подумала об эльфах, которые остались в Хогвартсе. Макгонагалл предложила разорвать связь между ними и замком; Гермиона умоляла их всех уйти, когда школа эвакуировалась. Некоторые согласились, но другие отказались. Хогвартс и магия в нем были их домом.

Она не знала, были ли они все еще живы в тюрьме Хогвартса, или Пожиратели Смерти убили их всех, когда школа была очищена от «несговорчивой магии».

Она подавила эту мысль.

— Моя теория такова: что бы ни сделал Сириус, чтобы заставить наследство Гриммо перейти к Гарри, это разорвало связь с Кикимером. Кикимер привязан к Площади Гриммо как к семейному месту, но он также связан с магией семьи Блэков. Люциус передал титул и поместье Драко после смерти Нарциссы. Если Драко защитил поместье с помощью оберегов крови, то Кикимер принадлежит Мэнору семьи Малфой так же, как и дому на Гриммо; возможно, даже больше, поскольку Гарри никогда не использовал кровную магию на Гриммо для защиты. Инструкции, которые дал ему Драко, имели большее влияние, чем приказы Гарри.

— Я хочу, чтобы он исчез.

— Я как раз собиралась это предложить. Его связь с Гарри настолько слаба, что, я думаю, смогу разорвать ее самостоятельно. Он потеряет связь с Площадью Гриммо.

— И что с ним произойдёт? — Глаз Грюма подозрительно вращался.

— Он будет связан исключительно с поместьем Малфоев.

Грюм, казалось, задумался. Наконец он откашлялся.

— Ладно. Сделай это сегодня вечером, или я буду тем, кто разберется с ним.

Плечи Гермионы напряглись, когда она резко кивнула:

— Я должна сообщить вам еще кое-что. Родольфус Лестрейндж был убит в Болгарии. Драко вызвали по этому поводу. Из-за реакции Тома на эту новость Драко подозревает, что в хранилище Лестрейнджей может находиться крестраж.

Грюм вздрогнул, пристально глядя на нее.

— Ты рассказала Малфою о крестражах? — его голос был похож на рычание.

Гермиона спокойно встретила его взгляд.

— Да.

— Тебе не разрешено было этого делать!

Она вздернула подбородок:

— Он дал обет, Грюм. Он не собирается предавать Орден. Мы знаем о крестражах уже пять лет, и нам не удалось найти ни одного. Драко более эффективен, чем кто-либо, — ее голос стал резче, — и вы знаете это, судя по тому, что ваш список заданий к нему с каждой неделей становится все длиннее.

Грюм встал.

— Следи за своим тоном, Грейнджер.

Гермиона и не думала следить за своим тоном. Ее голос понизился и задрожал от напряжения, когда она встретила с ним взглядом.

— Вы слишком много использовали его. Если бы я была обычной целительницей, он бы умер с десятков раз за последние два месяца; я говорила об этом вам, я говорила об этом Кингсли, но вы оба проигнорировали меня. Тот факт, что он попытается сделать все, что вы попросите, не означает, что вы можете продолжать требовать этого, пока от него не останется ничего, что можно использовать. Том знает, что у нас есть шпионы в его армии. Нам слишком везло, что он не заметил этого сразу. Он проверяет лояльность всех Пожирателей Смерти. Кингсли зашел слишком далеко, и вчерашний день был следствием этого.

Она наклонилась через стол к Грюму.

— Мы потеряли Кингсли, потому что он позволил Ордену угодить в ловушку. Я предупреждала, что Соппротивление не выдержит полномасштабной атаки. — Она так разозлилась, что у нее заныло в груди. — Я говорила, что мы не должны идти туда, и мне ответили, что ставить Соппротивление на первое место в сравнении с жизнями магглов — то же самое, что и девизы чистокровных о неравенстве, а затем мне напомнили, что каждая человеческая жизнь достойна спасения; как будто это не я пытаюсь спасти их. — Она пыталась дышать сквозь кипящую ярость и с горечью сглотнула. — Ну, теперь они знают, что мы из принципа готовы бежать в смертельные ловушки. И сколько же достойных жизней, по-вашему, стоил нам вчерашний героизм в долгосрочной перспективе?

Она еще крепче сдвинула в сознании свою окклюменционную стену и коротко вздохнула.

Гермиона вцепилась в край стола, и ее губы дрогнули, когда она встретила взглядом с Грюмом.

— Мне надоело следить за своим тоном.

Она выпрямилась и оглядела комнату.

— Я единственный человек, который теперь у вас остался. Я всегда была послушным бойцом. Я совершала много ужасных вещей для Ордена и не знаю,

сколько из них стоили того, — ее губы искривились, а грудь сжалась. — Мы до сих пор не приблизились к победе. Я выполняла приказы без единой жалобы. Я бы приняла и этот, если бы... Если бы я верила, что мы в конечном итоге выиграем войну благодаря ему. Но я не верю. Я даже не думаю, что вы в это верите.

Она встретила взглядом с Грюмом и слегка улыбнулась.

— Если у вас есть лучший союзник в Ордене, будьте добры, покажите мне его.

Грюм ничего не ответил.

Она резко выдохнула.

— Мы с Драко попытаемся найти крестраж. Мне нужен доступ к мечу Гриффиндора. Я могу... — ее горло сжалось, и она опустила глаза на стол, — помочь координировать разведывательную группу и управлять ею, так как они все знакомы со мной, и я могу позаботиться о распределении пищи в безопасные убежища; это может быть сделано наряду с распределением зелий, за которое я уже отвечаю. — Она изучала папки на столе между ними. — Дайте мне знать, в какой еще помощи вы нуждаетесь.

Примечание к части

Арт к истории.

Автор Lin <https://pin.it/mGJCKUy>

59. Флэшбэк 34.

Июнь 2003.

Меньше чем через неделю Драко достал чашу Пенелопы Пуффендуй.

Гермиона сразу узнала ее по иллюстрациям из своих книг, с помощью которых изучала крестражи.

— Ты нашел ее.

Драко опустил взгляд на богато украшенный кубок в своей руке.

— Я бы принес ее еще вчера, но мне пришлось официально получать право наследования счета Лестренджей. Их состояние должно перейти ко мне в следующем месяце, как только документы о смерти Родольфуса будут заверены в Министерстве. Обычно этот процесс занимает несколько месяцев, но из-за опасения, что дочь Андромеды решит заявить свои права на содержимое сейфа, все необходимые операции проводятся быстрее.

Гермиона окинула его внимательным взглядом.

— В Гринготтсе остались записи о твоём визите?

Драко одарил ее кривой ухмылкой.

— Ни одной.

Она почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Не поднимая взгляда на Драко, Гермиона сглотнула и отрывисто кивнула.

Они не могли рисковать, оставляя после себя любые следы. Но каждая новая смерть, казалось, еще туже затягивала петлю вины на шее Гермионы. Она отогнала эти мысли.

Девушка открыла свою сумку и достала Меч Гриффиндора.

Вскинув бровь, Драко осмотрел оружие.

— И давно ты носишь его с собой?

Гермиона опустила взгляд на острие.

— Мне удалось заполучить его на прошлой неделе. Я предполагала, что ты быстро справишься с поиском крестража, поэтому решила подготовиться заранее.

Глаза Драко сверкнули.

— Как мы собираемся избавиться от него?

Засомневавшись, Гермиона прикусила губу.

— Точно не знаю. Полагаю, нам стоит окружить крестраж защитными чарами, чтобы не допустить распространения его магии. Затем, думаю, мне придется разрубить его мечом, — она слегка улыбнулась. — Мне еще не доводилось атаковать кубки.

— Я сделаю это.

Драко протянул руку, чтобы забрать у нее меч.

Гермиона покачала головой и отступила назад, прижимая оружие к себе:

— Нет. Это должна сделать я. У нас слишком мало информации о крестражах. Мне нужно осмотреть и проанализировать то, что от него останется, когда он будет уничтожен.

Лицо Драко ожесточилось, и он шагнул к ней. От его взгляда повеяло холодом.

— Нет, ты не сделаешь этого. Ты упоминала, что Дамблдор был проклят, когда попытался разрушить кольцо Мраксов. Отдай мне меч, Грейнджер.

Она крепче сжала рукоятку в ладонях и вздернула подбородок, когда Драко подошел к ней вплотную.

— Дамблдор был проклят потому, что по какой-то причине решил надеть на руку кольцо Мраксов. Я не собираюсь примерять крестраж. Я исследую его магию и разрублю чашу мечом. У Гарри получилось без проблем уничтожить дневник клыком Василиска.

Ладонь Драко легла на ее руки с зажатым в них оружием:

— Ты целительница. Если я пострадаю от крестража, у тебя будет больше шансов спасти меня, чем наоборот.

Гермиона не ослабила хватку на мече. Посмотрев прямо в глаза Драко, она сказала:

— Также моей специализацией является анализ и разрушение темномагических проклятий.

Он взглянул на нее сверху вниз. Его лицо сохраняло каменное выражение. Сердцебиение Гермионы участилось, и она еще крепче сжала пальцы на рукоятке меча, ожидая, что Драко может в любую секунду попытаться вырвать его из ее рук.

— Драко, позволь мне сделать мою работу.

На его лице отразилась смесь непонятных эмоций, и он отпустил ее руки.

— Скажи, что я должен буду сделать, если что-то пойдет не так.

Гермиона расстегнула браслет на запястье и протянула его Драко.

— Эта часть браслета зачарована. — Девушка указала на выгравированный на украшении маленький котел. — Если ты активируешь чары, у Северуса появится

информация о моем местоположении.

Его лицо исказила презрительная гримаса:

— Снейп — двойной агент. Я думал, что Орден перестал доверять ему еще много лет назад.

— На самом деле он тройной агент. Официально Орден отстранил Северуса от всех важных дел, но в действительности это уловка. У него тот же доступ к секретной информации, что и у меня. Северус с самого начала знал, что ты шпионишь для нас. Это он убедил Грюма и Кингсли серьезно рассмотреть твоё предложение о сотрудничестве.

Драко смотрел на нее с недоверием.

Гермиона тихо вздохнула.

— Ты можешь не верить ему. Но если я буду ранена и без сознания, возможно, Северус — единственный человек, который сможет сделать хоть что-то. Он был тем, кто приостановил действие проклятья Дамблдора.

Лицо Драко выражало несогласие. Он так и не прикоснулся к протянутому ему зачарованному браслету.

Уголок ее губ дрогнул, и Гермиона опустила руку с зажатым в ней украшением.

— Ты спросил меня, что тебе делать, если со мной что-то случится. И я предложила тебе решение. Если что-то пойдет не так, Северус единственный, кто сможет помочь. Тебе выбирать, воспользоваться этим решением или нет.

На лице Драко заходили желваки, и он вырвал браслет из ее пальцев.

Гермиона окружила себя защитными чарами и наложила на чашу сеть анализирующих заклинаний. Крестражи являлись частью настолько темной магии, что, если когда-то и проводились какие-то исследования их чар, никаких записей об этом не сохранилось. Гермиона знала только общую информацию, которую успела почерпнуть из книг, но ей никогда еще не приходилось сталкиваться с чем-то подобным вживую.

Приступив к анализу крестража, она сосредоточилась только на окружавшей его темной магии, проигнорировав чары, которые использовала Пенелопа Пуффендуй, создавая чашу. На удивление, крестраж оказался довольно слабо защищен. Видимо, Волдеморт решил, что хранение артефакта в сейфе Лестрейнджей являлось достаточной мерой по его охране.

Магия чаши была тесно сплетена с заключенной в ней частицей души. Когда Гермиона приступила к работе с крестражем, окружавшие его темные и опасные чары словно почувствовали чужое присутствие. Девушка старалась работать быстро: если бы ей удалось получить информацию о магическом отпечатке Волдеморта, они смогли бы использовать ее для поиска остальных крестражей.

Гермиона подняла глаза на Драко. Тот наблюдал за ней, неподвижный, словно статуя. Ей даже казалось, что он и вовсе не дышал.

Девушка записала свои наблюдения на свитке пергамента и взяла в руки меч Гриффиндора. Клинок был хорошо сбалансирован, но даже так он ощущался громоздким в руках привыкшей к ножам Гермионы. Она сделала глубокий вдох и с размаху опустила меч на Чашу, разрубая ту пополам.

Несколько секунд ничего не происходило. В напряженной тишине Гермиона выхватила из кармана палочку.

Затем воздух вокруг нее сгустился.

Послышался громкий протяжный крик, и над разрубленной чашей поднялась темная призрачная фигура. Ее глаза горели красным. На мгновение Гермиона подумала, что призрак набросится на нее: он явно заметил девушку и резко двинулся в ее сторону. Но уже через секунду белесый силуэт задрожал и растворился в воздухе.

Больше ничего не произошло.

Гермиона жадно хватала ртом воздух, продолжая сжимать в руке волшебную палочку.

Она проверила комнату заклинанием, убеждаясь, что фрагмент души действительно исчез.

— Он уничтожен, — наконец сказала Гермиона, убирая защитный барьер вокруг себя. — Все оказалось... не так уж плохо. Я ожидала худшего.

Она подняла взгляд и увидела, что Драко успел подойти совсем близко к ней. Он резко притянул ее к себе и сжал в объятиях.

— Никогда... Пожалуйста, больше никогда так не делай.

Гермиона хотела возразить, но остановилась, заметив, что Драко едва не дрожал. Она медленно кивнула и пообещала:

— Хорошо. Не буду.

***

Гарри бродил по Площади Гриммо словно призрак. Рона отстранили от сражений, и он отправился в родительский дом, чтобы прийти в себя после смерти Лаванды и справиться с чувством вины из-за смерти Кингсли.

Она все чаще видела Гарри у двери Джинни.

Покидая ее палату после очередного осмотра, Гермиона снова наткнулась на стоящего в коридоре Гарри. Он смотрел на дверь палаты пустым взглядом. Его губа была разбита, а под глазом виднелся синяк. Костяшки оказались стёрты настолько сильно, что кровь продолжала стекать по пальцам, капая на пол.

Когда Гарри увидел Гермиону, его глаза заблестели, и он, казалось, пришёл в себя.

— Джинни в порядке? Ей стало лучше? Ты думаешь, она... Как считаешь, я смогу скоро с ней увидеться?

Гермионе наконец-то представилась возможность хорошо рассмотреть Гарри, и в ее животе заворчалось тяжелое чувство. Ее друг был на грани. Гермиона несколько раз пыталась уговорить Джинни рассказать ему правду, но девушка была убеждена, что это только ухудшит ситуацию. К сожалению, того же мнения придерживался и Грюм. Гарри был слишком нестабилен, и признание в обмане могло разрушить его хрупкое доверие, а Орден не мог рисковать в такой непростой период.

Гермиона проглотила привычное чувство вины и притворилась, что накладывает положенные очищающие заклинания после посещения Джинни.

Живот Джинни становился все более заметным, и девушкам приходилось использовать маскирующие чары, чтобы об их секрете не узнал Добби, регулярно докладывающий обо всем Гарри.

Джинни ждала мальчика. Она уже успела выбрать имя и называла его Джеймсом.

— Ее состояние без изменений, Гарри. Мне жаль.

Услышав это, Гарри поник. Он обреченно кивнул и повернулся, чтобы уйти.

Он был бледен, как призрак, все его движения выглядели механическими.

Гермиона придержала Гарри за руку и прикоснулась пальцами к его лицу.

— Ты снова дерешься? Когда ты в последний раз нормально спал?

Гарри встрепенулся:

— Пару дней назад. Я... смог заснуть на несколько часов.

Гермиона проверила его состояние диагностическим заклинанием. У него было несколько небольших трещин в кистях рук и костях глазницы, спина и живот были покрыты синяками.

Взяв Гарри за руку, девушка повела его за собой к больничному крылу.

— Тебе снова снятся кошмары? Я могу обучить тебя нескольким приемам окклюменции, возможно, они помогут. Давай я вылечу тебя и дам пару капель зелья Сна без сновидений.

Гарри ответил коротким, нервным смешком:

— Хотелось бы мне, чтобы дело было только в кошмарах.

Гермиона остановилась и взглянула на него:

— Что ты имеешь в виду?

Гарри непроизвольно дернул плечом.

— Мне не снятся кошмары, Гермиона. Уже много лет проблема не в них. Проблема в нем. Когда я засыпаю, я становлюсь им. Я пытаю и убиваю людей и испытываю то же самое, что и он. Это может произойти не только во сне, но когда мой мозг расслабляется, все становится в тысячу раз хуже. — Гарри дрожал от усталости. — Когда мне удалось уснуть в прошлый раз, я увидел, как он пробует новые проклятья, а затем выпивает кубок с кровью единорога. Проснувшись, я мог ощутить этот вкус на языке. После него я не... я не мог есть...

— Ты не говорил мне, что все стало настолько плохо. Ты должен был рассказать мне об этом.

Он поднял голову и посмотрел на нее:

— А мы что, снова разговариваем? — На его лице читалась обида.

Гермиона отпустила его руку и встретила с ним взглядом.

— Расскажи мне, что с тобой происходит.

Гарри рассеянно кивнул.

— Когда я сосредоточен на чем-то, видения не так ужасны. Когда я на задании... или провожу время с Роном и Джинни... когда я помню о том, почему продолжаю сражаться, у меня получается защищать свое сознание. Но в остальное время возникает ощущение, что мой разум — это комната с открытой дверью, и когда я не сосредоточен, то словно покидаю ее границы. Просыпаясь... я порой не сразу понимаю, кто я.

Гермиона поспешно достала из шкафа несколько склянок с восстанавливающим зельем.

— Выпей это. Мне все равно, насколько они ужасны на вкус, тебе необходимо выпить их все. Ты страдаешь от недоедания.

Гарри заставил себя проглотить две порции зелья, и через несколько секунд его вырвало на пол. Взмахом палочки Гермиона очистила пол и, взяв с полки склянку с настойкой от расстройства желудка, уже осторожнее протянула ее Гарри.

— Попробуй выпить это. Оно должно помочь, если ты ничего не ел несколько дней. Пей мелкими глотками.

— Гермиона... — выдавил Гарри между глотками зелья, пока девушка накладывала заживляющую мазь на порезы и синяки на его лице. — Мне кажется, со мной что-то не так.

Пальцы девушки, наносившие лекарство, дрогнули, и она резко покачала головой.

— Гарри... я действительно считаю, что тебе могла бы помочь окклюменция. Мы можем вместе потренировать несколько приемов. Я успела прочитать довольно много книг на эту тему, так что думаю, что смогу справиться с обучением лучше, чем Северус. Возможно, после занятий тебе станет легче.

Гермиона использовала расширенные диагностические чары. Кроме того, что Гарри страдал от дефицита веса, он также испытывал хроническую нехватку сна. Девушку волновало, что он был слишком истощен. Тело Гарри словно вибрировало от магии, а его магический отпечаток был размытым и неясным. Но в этом не было ничего необычного. Однажды она даже обсуждала это с Помфри, чтобы выяснить, что его магия была такой всегда.

Гарри прижал руку к шраму на лбу и отвел взгляд:

— Окклюменция не помогает.

Гермиона раздраженно вздохнула:

— Я знаю, что контролировать эмоции нелегко, особенно поначалу, но думаю, если ты будешь продолжать пробовать, она может помочь...

— Окклюменция делает только хуже, — ответил Гарри жестко. — Каждый раз, когда я пытаюсь воспользоваться ей, все становится только хуже.

Гермиона сглотнула и, сжав зубы, отвернулась, чтобы призвать еще несколько склянок с восстанавливающим зельем. Молча передав их Гарри, она наблюдала, как он медленно опустошил одну за другой. На этот раз ему удалось подавить тошноту.

Достав с полки флакон с зельем Сна без сновидений, она протянула его другу.

— Но ты согласишься, что крепкий сон может помочь.

Гарри коротко кивнул и выпил зелье.

Из-за принятых до этого восстанавливающих зелий, им пришлось ждать, пока подействует снотворное. Еще с минуту Гарри сидел на кушетке, а потом устало опустил голову Гермионе на плечо.

Девушка на секунду замешкалась, но затем обвила руки вокруг его плеч и крепко обняла.

— Уверена, тебе станет лучше, как только ты поспишь.

— Я скучаю по Джинни.

Ее горло сжалось, и Гермиона опустила голову на макушку Гарри:

— Знаю. Мне жаль.

Гарри едва слышно всхлипнул.

— Когда я находился рядом с ней, мне казалось, что на какое-то время все становилось лучше.

— Мне так жаль, Гарри, — прошептала она, чувствуя, как дрожат ее руки.

Гермиона просидела рядом с Гарри, пока тот не заснул. Аккуратно уложив его на

кушетку и накрыв одеялом, она вышла из больничного крыла, собираясь поговорить с Аластором.

Когда девушка зашла в комнату для совещаний, она застала там Флер.

— В последнее в'емя не получаю вести от Габ'иэль. Раньше она обязательно бы п'ислала мне записку с парой ф'аз или какой-то шуткой, чтобы я не волновалась за нее. Но уже несколько недель от нее ничего не слышно. У вас должен существовать какой-то способ связаться с ней. Габ'иэль — моя младшая сестра, я несу за нее ответственность.

Рот Грюма скривился, а его волшебный глаз принялся резко вращаться.

— Твоя сестра всегда работала с нами на своих условиях. Я посмотрю, что можно сделать.

Флер сдержанно кивнула:

— Мы с Биллом обновили защитные ча'ы на всех наших убежищах и установили новый магический купол вокруг пеще'ы. Но наши возможности очень ог'аничены. Мы используем слишком много магии для сок'ытия наших баз. Нам нужны новые ук'ытия, пока количество наложенных защитных чар не привлекло к себе внимание Пожи'ателей и не выдало наши убежища.

Грюм тихо вздохнул и покачал головой, соглашаясь. Его волшебный глаз с подозрением посмотрел вниз. Казалось, за те две недели, что прошли со смерти Кингсли, он постарел на десяток лет.

— Я соберу команду для поиска новых укрытий. Нам понадобятся люди, которые будут их охранять. Вы с Биллом займетесь обучением новобранцев.

Флер кивнула и направилась к выходу.

Гермиона бросила взгляд на лицо девушки, когда та проходила мимо. По сравнению с отчаянными и мрачными бойцами Соппротивления, Флер, казалось, оставалась все такой же красивой и неунывающей. Но даже на ней война оставила свой отпечаток, и это можно было заметить по взгляду девушки. Флер и Билл были похожи в том, как незаметно они несли на себе груз вины.

Когда война добралась до Франции, родители Флер оказались одними из первых погибших от рук Пожирателей. Тогда Габриэль не пострадала, потому что находилась в школе, но вскоре нападение было совершено и на Шармбатон. Выжить удалось только нескольким членам французского Соппротивления. Гермиона подозревала, что Габриэль осталась в живых не в последнюю очередь благодаря своим чарам вейлы. Казалось, что тем, как она продолжала использовать свою красоту для шпионажа и убийства противников, девушка пыталась искупить вину.

Габриэль становилась все более изощренной в своих методах. Кроважадные и жестокие, ее действия становились все менее осторожными. На грани беспечности. Гермионе приходилось принимать успокоительное, прежде чем отправляться к пещере в Корнуэлле для лечения очередного пленника.

Гермиона не знала, как много о деятельности сестры было известно Флер, но

предполагала, что та догадывалась о чем-то хотя бы по тому, с каким рвением Габриэль ждала каждой следующей миссии.

Взгляд Габриэль был холоднее, чем у Драко.

После того, как Флер вышла из комнаты, Гермиона молча смотрела на Грюма, пока тот не издал тяжелый вздох и не наложил заглушающие чары.

— Я волнуюсь за Гарри, — сказала девушка, когда Аластор опустил палочку. — Мне кажется, он уже на грани. Нам нужно как можно скорее попасть в Хогвартс.

— Мы пытаемся. Сейчас там находится Ремус со своей командой.

— Я... — Гермиона запнулась и скрестила руки на груди. — Я провела некоторые исследования. Кажется, я нашла способ разрушить чары, окружающие замок. Думаю... у меня получится изготовить бомбу. Мы можем поместить ее под стазис, чтобы Северус или Драко смогли спрятать ее в нужном месте, не рискуя оказаться разоблаченными. Я могу установить таймер так, что у нас будет от одного до трех дней до того момента, как произойдет взрыв.

Грюм посмотрел на нее в упор:

— Ты уверена?

От волнения у Гермионы свело горло, но она только вздернула подбородок и ответила:

— Ну, мне до этого никогда не доводилось изготавливать бомбу. Когда я выдвинула эту идею на собрании несколько лет назад, мне заявили, что это неправильно, даже несмотря на то, что мы могли локализовать взрыв так, что потери понесли бы только Пожиратели Смерти. Орден принял решение использовать взрывчатые вещества только на пустующих зданиях. Однако отличие этой бомбы в том, что основная сила взрыва придется на чары, защищающие замок, а не на людей. Поэтому... если мы правильно преподнесем этот план Ордену, в текущем положении никто не посчитает его неэтичным.

— Какие материалы тебе понадобятся?

Гермиона видела, как Грюм уже принялся подсчитывать в уме бюджет, который ему было необходимо выделить на ее предложение.

Она сглотнула:

— У меня уже есть все необходимое.

Грюм напрягся. Его волшебный глаз перестал вращаться и уставился на Гермиону.

— Значит, это идея Малфоя. Он готов обеспечить тебя нужными ингредиентами?

Девушка сжала челюсти.

— Нет. Это полностью мой проект. Я собираюсь воспользоваться образцами, которые принесли наши бойцы после рейда на лаборатории Пожирателей.

Многие из этих веществ... — она поджала губы. — Такие ингредиенты не используются в обычных зельях. Этих веществ более чем достаточно для изготовления бомбы.

Грюм посмотрел на нее долгим взглядом:

— Не припомню, чтобы ты докладывала об этом.

Гермиона вскинула брови.

— В то время я была занята другими вещами. Я успела лишь перенести ингредиенты в кладовую с зельями, чтобы разобраться с ними позже. Только в июле мне удалось понять, что именно смогло раздобыть Соппротивление. — Она пожала плечами. — Никто не давал мне приказа отчитываться по каждому зелью.

Лицо Аластора дернулось от раздражения, но он, похоже, всерьез рассматривал предложение Гермионы.

Он в задумчивости крутил пальцами древко палочки.

— Если мы используем бомбу для проникновения в Хогвартс, нам не избежать серьезной битвы.

— Я знаю. — На секунду Гермионе показалось, что она не может дышать: так сильно волнение сдавило грудную клетку. Ей пришлось заставить себя успокоиться. — Я подумала: что, если мы притворимся, что это спасательная операция? Тогда большая часть сил будет брошена на основную атаку, в то время как отдельная группа постарается проникнуть в замок. Магия Хогвартса, скорее всего, сможет распознать Минерву и позволит нам попасть на территорию школы.

Грюм медленно кивнул, все еще находясь глубоко в своих мыслях.

Не сказав больше ни слова, Гермиона покинула комнату.

Оказавшись одна в своей кладовке, она склонилась над рабочей столешницей и устало опустила голову на деревянную поверхность. Ее руки дрожали от накопленного напряжения. Волдеморт был для них словно приближающееся цунами. Гавань, в которой Соппротивление нашло свое убежище, уже начала тонуть под давлением волн.

Что бы Гермиона ни делала, ее усилий было недостаточно, чтобы они удержались на плаву.

Уже неделю Драко находился за границей, проводя ревизию подчиняющихся Волдеморту марионеточных правительств. Особой необходимости в такой проверке не было, это задание было простой прихотью темного мага.

Родольфус Лестрейндж выполнял схожее поручение, когда его схватила Габриэль.

Драко оставил в хижине записку, в которой объяснял свое отсутствие. Задание стало такой неожиданностью, что пара строк оказались единственным, на что у

него хватило времени.

С того момента, как Гермиона прочла записку, ей снились кошмары. Иногда в этих снах она аппарировала на пляж в Корнуэлле и обнаруживала в комнате для допросов измученного Драко, привязанного к стулу. В другие ночи девушке снилось, что он не возвращался обратно, а Северус сообщал ей, что им удалось обнаружить расчлененное тело Драко где-то за границей.

Ей даже не приходило в голову предупредить его о Габриэль.

Когда через несколько дней кольцо на ее руке внезапно нагрелось, Гермиона тут же бросилась к выходу с Площади Гриммо. Аппарировав к хижине, она взбежала по ступенькам и резко открыла дверь.

Драко уже ждал ее в комнате, все еще одетый в мантию Пожирателя Смерти.

— Ты вернулся. — От облегчения Гермиона едва устояла на ногах.

Он был здесь. Живой и невредимый.

Подойдя к нему, она положила дрожащую руку ему на лицо.

— Ты в порядке? — спросил Драко.

Гермиона коротко кивнула, положив голову ему на грудь.

— В чем дело?

Несколько секунд она молча вслушивалась в стук его сердца, и в ее голове билась только одна мысль: «живой».

— Все в порядке. Я просто очень устала. Кажется, что до этого момента я даже забыла, как дышать.

Мгновение он оставался неподвижен, а затем тихо вздохнул. Руки Драко в нерешительности замерли у плеч девушки, прежде чем он заключил ее в объятия.

От дурного предчувствия у Гермионы свело живот. Резко открыв глаза, она спросила:

— Что случилось?

Повисло молчание. Она почувствовала, как дрогнули пальцы Драко на ее спине.

— Мой отец... Он возвращается в Англию.

Сердце Гермионы пропустило удар, и она подняла взгляд на Драко.

Выражение его лица было спокойным. Даже смирившимся.

— Он ожидает, что я составлю ему компанию, когда мы оба будем свободны от заданий Лорда.

— О.

Гермиона не знала, что еще можно ответить на это. Посмотрев на Драко, она заметила, что тот избегает ее взгляда, хотя его руки все еще обнимали ее за плечи.

Задумавшись в поиске нужных слов, девушка добавила:

— Конечно, ты должен проводить время со своим отцом.

Драко издал резкий смешок.

— Ну, это вряд ли. Мой отец, он... — Драко засомневался и опустил взгляд в пол. Казалось, его голос стал звучать более юно. — Можно сказать, он всегда винил меня в слабом здоровье матери. — Его лицо сохраняло спокойное выражение, и только глаза опасно сверкнули. — Он всегда напоминал мне, что я должен быть безупречным наследником рода, чтобы как-то искупить то... что мама чуть не умерла из-за меня.

— Драко...

Он слегка вздрогнул и прочистил горло, возвращая тону привычную сдержанность:

— Достаточно сказать, что мне будет непросто... выполнять задания... в ближайшем будущем. Возможно, у меня будет уходить на это больше времени. Надеюсь, что, когда ты расскажешь о ситуации Грюму, он учтет это.

Он окажется недоступен для Ордена. И для нее.

Гермиона едва стояла на ногах от усталости, но все же кивнула и заставила себя выпрямиться:

— Конечно. Не переживай. Значит, тебе придется вернуться в поместье?

Драко кивнул.

Гермиона сжала его руки в своих и пробежалась пальцами по кистям, убеждаясь, что в них нет тремора. Она не была уверена, что им удастся встретиться в ближайшее время, так что ей нужно было удостовериться, что Драко не пострадал.

— Когда он прибудет в Англию?

— Завтра или послезавтра. Я узнал об этом, когда вернулся в страну с докладом о миссии, — его голос звучал безжизненно.

Губы Гермионы дрогнули:

— Мне жаль. Может быть... он не задержится надолго.

— Возможно. Он не любит проводить здесь много времени.

Какое-то время Драко наблюдал, как Гермиона массирует его руки, а затем вдруг

резко втянул носом воздух. На его лице заходили желваки.

— Кажется, что-то происходит. Передай Грюму. Мне сказали, что, пока меня не было, Волдеморт уже несколько раз лично посещал лаборатории в Сассексе. Что бы он ни затеял, он не делится этим ни с кем из своих приспешников, кроме разве что Долохова. Возможно, это как-то связано с возвращением в Англию моего отца.

Гермиона кивнула:

— Я скажу Грюму. Думаю... Орден планирует атаку на Хогвартс.

— Надеюсь, что это действительно так. В последнее время от Ордена было подозрительно мало вестей, — в его глазах читался немой вопрос.

Избегая взгляда Драко, она ответила:

— Смерть Кингсли стала для всех слишком сильным ударом. Это повлияло на боевой дух армии.

— Орден был подозрительно неактивен и по отношению ко мне. Может, имеются какие-то сомнения и в моем боевом настрое? — тон Драко казался легким, но в нем чувствовалась скрытая злость.

Гермиона взглянула на него:

— Нет. Я ничего не говорила Грюму о твоей угрозе, если это то, на что ты намекаешь.

Глаза Драко сверкнули. Она видела, как он сомневается в ее словах.

Поджав губы, Гермиона отпустила его руки и отступила назад.

— После смерти Кингсли я разговаривала с Грюмом. Я сказала ему, что они слишком часто использовали тебя, заваливая заданиями, не имея при этом отработанной стратегии. И что я больше не собираюсь просто молча наблюдать за этим, — Гермиона пожала плечами. — Сейчас у меня больше власти. Грюму нужен кто-то, кто взял бы на себя часть ответственности за деятельность Ордена вместо Кингсли, — она одарила Драко легкой улыбкой. — Теперь я смогу тебя защитить.

Губы Драко сжались в тонкую линию, а лицо превратилось в холодную маску.

— Мне не нужно, чтобы ты использовала свою власть как способ защитить меня, Грейнджер, — его тон был ледяным.

Гермиона застыла, чувствуя, как ранят его слова.

— Почему нет? Разве защищать имеешь право только ты? Мне что, нужно отсиживаться в безопасных убежищах, пока ты выигрываешь для меня войну? — Она вздернула подбородок. — Я не участвую в сражениях. Я продолжаю сидеть в своей клетк...

Она увидела, как вздрогнул Драко, прежде чем успела оборвать речь.

Гермиона отвела взгляд и опустила голову, резко втянув носом воздух и сжав руки в кулаки:

— Прости. Я... не это имела в виду. На самом деле я так не считаю.

Это была ложь.

— Я не покидаю убежищ. Теперь, когда часть обязанностей Кингсли лежит на мне, у меня появилась возможность использовать свое положение, чтобы влиять на принятие решений. Вот и все. Это не значит, что я... каким-то образом подвергаю себя опасности.

Она подняла взгляд на Драко. По его лицу все еще сложно было понять, о чем он думает.

Воздух в комнате сгустился, холодный и неживой, словно их окружали призраки тех, чьи смерти были на их совести.

Война походила на бездну: она поглощала все вокруг. Но этого было мало. Ей всегда требовалось больше жертв. Еще чья-то жизнь. Еще больше крови. Будь сильнее. Хитрее. Безжалостнее и коварнее. Будь готовым принять еще одну порцию боли.

Этого всегда будет недостаточно.

Гермиона молилась Элеосе и Панацее. Возносила молитвы богине войны Афине. Строила башни из камней. Она пожертвовала всем, что имела, пока от нее самой почти ничего не осталось.

Этого было недостаточно.

Драко стоял у алтаря Ареса, готовый проливать кровь.

Этого было недостаточно.

Никогда не станет достаточно. Война всегда будет требовать большего.

«Если долго всматриваться в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя».

Что еще они готовы принести в жертву, чтобы выиграть войну?

Гермиона сглотнула:

— Драко... что, по-твоему, я должна делать?

Он издал вздох, больше похожий на шипение.

— Я не хочу, чтобы ты участвовала в этой гребаной войне! — его голос дрожал от ярости. — Все, о чем я могу думать, — это что случится с тобой, если я не смогу выполнить все требования Ордена.

Сделав резкий вдох, она шагнула к Драко и потянулась к его ладони.

— Орден не похож на Пожирателей смерти, Драко...

Его лицо исказилось от злости.

— Я осознаю разницу, — он жестко усмехнулся. — Думаешь, меня успокаивает мысль, что тебя не принуждают, а ты просто вызовешься добровольно?

Гермиона отступила назад, прожигая его взглядом.

— Я не твоя собственность, которую можно спрятать в укромном месте, Драко. Я потратила годы, чтобы обучиться навыкам, которые требуются Сопротивлению. Ты не сможешь заставить меня оставить все и сбежать, просто потому что хочешь. Ты согласился... нет, ты дал клятву, что не будешь мешать моей работе в Ордене. Ты не имеешь права заставлять меня отсиживаться без дела.

Его глаза яростно сверкнули:

— Ты даже не представляешь, что случится, если тебя поймут. Если...

— Я отлично знаю, что случится, — огрызнулась Гермиона. От давящего чувства в горле ей было трудно дышать. — Чем, ты думаешь, я занимаюсь все время, Драко? Я лечу людей, которых вы, Пожиратели, не успели убить. Это все, что я делала все эти годы. Это я пыталась вылечить пострадавших, на которых ставили опыты в лабораториях. Ни один из них не выжил, — она постаралась сглотнуть ком в горле. — Они. Все. Умерли. Так что да, я хорошо осведомлена о последствиях. Порой мне кажется, что мысли об этом сведут меня с ума. Не смей... не смей обращаться со мной так, словно я ничего не понимаю. Мне известно не меньше твоего. Почему, ты думаешь, я так сильно стараюсь?

Лицо Драко оставалось все таким же холодным.

Гермиона отвернулась. Она чувствовала себя настолько опустошённой, что ей хотелось просто сесть на пол, только чтобы не продолжать стоять на ногах. Она так сильно переживала, пока Драко был за границей. Кажется, сегодняшний день стал последней каплей. Девушка чувствовала, как ослабились ее окклюментные стены: от истощения эмоции готовы были хлынуть через край, словно вода сквозь прорвавшуюся плотину.

Ты проиграешь. Пройграешь. Ты не сможешь никого спасти. Драко. Гарри. Рона. Джинни. Орден. Сопротивление.

Ты хочешь слишком многого.

Плечи Гермионы задрожали. Ей хотелось оказаться в своей кладовке с зельями и найти средство, которое бы заставило ее прекратить ощущать войну как медленную смерть от тысячи глубоких порезов.

Она поджала губы, сдерживая дрожь.

— Думаю, мне лучше уйти. Я слишком устала, чтобы спорить с тобой.

Гермионе хотелось просто исчезнуть. Она так устала просить его не умирать.

— Я предупрежу Грюма о возвращении твоего отца. Тебе нужно, чтобы я тебя

исцелила?

Драко протянул руку и схватил ее за запястье:

— Не уходи. Я не знаю, когда у нас получится встретиться снова.

Она засомневалась.

— Драко... я так устала. Я не хочу ссориться с тобой...

Он притянул ее ближе к себе.

— Просто останься со мной. Просто останься.

Гермиона нерешительно кивнула и опустила голову ему на грудь. Обняв ее за талию, Драко аппарировал. Они приземлились посреди его номера в Савое.

Он уложил ее на кровать и стянул с нее туфли. Присев рядом, он водил пальцами по ее руке, пока Гермиона не погрузилась в полудрему.

Драко встал:

— Мне нужно принять душ. Я скоро вернусь.

Гермиона схватила его за руку.

— Я боялась, что тебя убьют за границей, и все, что останется от тебя, — это короткая записка. — Ее голос был сдавленным от эмоций. — Ты постоянно в опасности, а я даже не могу попросить тебя прекратить все это.

Драко прочертил пальцами линию по тыльной стороне ее кисти.

— Если бы мог, я бы остановился. Ты знаешь это. Я сбежал бы с тобой, не раздумывая.

— Я знаю... — ее голос надломился. Гермиона пыталась не давать волю слезам, но не смогла сдержать тихого всхлипа. — Не умирай, Драко. Ты не можешь оставить меня здесь одну.

Он лег рядом с ней и не уходил, пока она не перестала плакать и уснула.

Гермиона проснулась, почувствовав, как прогнулся под чужим весом матрас, и увидела, что Драко сидит на другой стороне кровати. Его волосы были слегка влажными. Похоже, прошло много часов с тех пор, как они аппарировали в отель: ей уже давно не удавалось уснуть так надолго.

Она двинулась через всю кровать к нему в объятия, прижимаясь лбом к его обнаженной груди. Гермиона провела пальцами по его торсу, пока Драко не поймал ее руку и резко уложил на кровать, нависнув сверху. Он смотрел ей в глаза и не шевелился, пока она не подняла голову и не поцеловала его.

Его рука была на ее горле, большой палец скользнул вверх, чтобы прижаться к ее подбородку, пока он целовал ее в ответ. Медленно. Словно они пытались сохранить этот момент в своей памяти. Гермиона никогда не думала, что будет с

кем-то в такой тесной близости. Она запустила пальцы в волосы Драко и закрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущениях.

Девушка знала, что он коснется губами точки на шее, где бился пульс, теснее прижимая ее к себе. Знала ощущение его ладоней на своих бедрах и то, как он будет прикусывать ее кожу зубами.

Когда Драко вошел в нее, его ладони привычно сомкнулись на ее запястьях. Гермиона выгнулась, двигая бедрами ему навстречу. Она чувствовала его дыхание на своей коже.

— Моя. Ты моя, — прошептал Драко, целуя ее вдоль подбородка.

— Всегда.

60. Флэшбэк 35.

Июнь 2003 года

Через две недели Гермиона закончила собирать бомбу. Серебристая и овальная, размером чуть меньше хрустального шара, та мерцала слабым люминесцентным сиянием и была обжигающе холодной на ощупь.

Сроки сборки были точно рассчитаны. Когда работа подошла к концу, Гермиона немедленно послала сообщение Северусу. В тот же день он должен был посетить Хогвартс, чтобы отобрать новых заключенных для использования в Сассексе.

— Она видна только тем, кто знает, как ее искать, — сказала она, осторожно передавая бомбу Северусу. — Детонатор сработает ровно в полдень первого июля. На нее наложены некоторые амортизирующие чары, которыми я зачаровала ее при сборке, но... будьте аккуратны, не роняйте ее.

Северус внимательно осматривал шар, пока она говорила.

Он поднял на нее глаза и усмехнулся:

— Благодарю вас, мисс Грейнджер, без вашего предупреждения мне бы и в голову не пришло быть осторожным с бомбой.

Гермиона и глазом не моргнула.

— Вы бы предпочли более подробный инструктаж? — Она подняла брови. — Бомба предназначена для того, чтобы воздействовать на магию, удерживающую нас вне Хогвартса, так что чем выше вы сможете ее установить, тем лучше. Астрономическая башня будет идеальным местом. У бомбы есть некоторая горючая сила, но она в первую очередь предназначена для разрушения защитных чар, и чем ниже она находится при детонации, тем меньше воздействие будет иметь. По крайней мере, в теории... она полностью основана на нумерологии... я, конечно, не смогла это проверить на практике.

— После ваших слов меня просто переполняет уверенность, — сказал Северус, снова глядя на шар.

Гермиона так нервничала, что, казалось, ее грудь вибрирует от напряжения. В последнее время девушку преследовала постоянная головная боль, при которой она едва могла дышать.

— Я и не знал, что вы добавили в свой список задач изготовление бомб, — сказал Северус через минуту.

Гермиона стянула тяжелый фартук из драконьей кожи и перчатки и, поморщившись, посмотрела на свои руки. Ее кожа была покрыта следами от ожогов, а несколько пальцев изменили свой цвет и сморщились; ей придется удалить повреждённую ткань и отрастить ее заново. Защитная одежда и обереги имели ограниченный эффект при работе с материалами, которые специально были подобраны, чтобы разрушать защиту.

Она потерла пальцы и смотрела, как кожа трескается и слезает, оставляя кости открытыми в некоторых местах.

Гермиона поморщилась и тщательно обернула руки бинтами, пропитанными экстрактом бадьяна.

— Я начала изучать подобные вопросы после произошедшего в Албанской больнице. Только в теории. Я ничего не понимала в этих отчетах и чувствовала себя виноватой, что из-за меня, возможно, больница стала мишенью. Я подумала, что должна хотя бы разобраться, что там со всеми произошло. Затем... после атаки на лаборатории отдела проклятий... у меня уже было все необходимое, но не возможность хотя бы попытаться предложить Ордену использовать бомбу.

Она пожала плечами и начала упаковывать материалы во все их тщательно запечатанные и мягкие коробки и контейнеры, пока Северус наблюдал.

Они находились в заброшенном сарае в сельской местности, который Орден выделил для работы Гермионы. Первоначально, когда была предложена идея использования бомбы, слышались неуверенные возражения, но в конце концов Орден согласился. Ни у кого не было идеи лучше, и после полугода неудач и десятков жертв от попыток в каждом зародилось чувство глубокого отчаяния.

Гермиона осторожно положила фляжку, все еще наполовину наполненную мерцающей серебристой жидкостью, в прочную коробку и запечатала ее несколькими защитными заклинаниями.

— Когда в прошлом месяце Билл принес свой анализ охранных чар Хогвартса, я поняла, что есть шанс совместить заклинания и нумерологию с традиционным использованием зелий и алхимии для взрывчатых веществ. Когда я перечитывала совместный труд Дамблдора с Николасом Фламелем по использованию драконьей крови, мне в голову пришла идея. Я подумала, что если смешать нитрат серебра, растворенный в крови единорога, с кровью дракона, то силы получившейся реакции будет достаточно, чтобы разрушить защиту замка. Главная трудность заключалась в том, чтобы найти вещество, которое смогло бы направить силу взрыва только на магию, окружающую Хогвартс, поэтому я решила использовать яд мантикоры. Детонация в первую очередь предназначена для создания радиуса взрыва, достаточно большого, чтобы дестабилизировать и разрушить охранные чары, когда растворитель ударит по ним. Я проанализировала урон десятки раз, прежде чем принести подобное предложение Грюму; я почти уверена, что все рассчитала правильно.

Она поймала себя на том, что бормочет без какой-либо ответной реакции Северуса.

Его глаза сверкали, пока он изучал ее. Затем Снейп поджал губы и снова посмотрел на бомбу между ними.

— Неужели зелья и целительство настолько утомительны в военное время, что вы изобрели совершенно новую область магии, чтобы занять себя?

Гермиона почувствовала, как ее щеки вспыхнули. Ее глаза опустились, а уголок рта изогнулся:

— Мне показалось, что это логичный способ объединить все имеющиеся ресурсы.

— Я вижу, — приглушенно фыркнул Северус. — Если бомба сработает преждевременно, я надеюсь, вы вспомните все те случаи, когда я отвечал на ваши бесконечные вопросы, напоминая, что то, что вы можете себе представить, не всегда должно быть воплощено в реальность.

Он вздохнул.

— Вы всегда были невыносимой ученицей. — Последовала пауза, когда он снова посмотрел на бомбу. — Именно поэтому.

Гермиона опустила голову, чтобы скрыть улыбку.

В тот вечер она аппарировала в Уайткрофт и прождала почти полчаса, прежде чем появился Драко.

Она почти не видела его с тех пор, как он вернулся из поездки. Время от времени Драко приносил сведения и новые предупреждения о том, что Волдеморт, вероятно, готовится к своему последнему удару. В Англию вернулся не только Люциус, но и другие Пожиратели Смерти.

С самого начала она решила, что не будет говорить Драко о своем эксперименте с бомбой.

Когда он появился в хижине, на нем была официальная мантия, а выражение лица оставалось напряженным. Как будто он ожидал увидеть ее, истекающей кровью на полу.

Облегчение отразилось на его лице, когда Драко посмотрел на нее.

— Я не могу долго оставаться здесь без крайней необходимости, я на приеме. Что случилось?

Ей хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но Гермиона сдержалась. Ее пальцы все еще не полностью зажили; она тщательно зачаровала их, чтобы скрыть шрамы.

— Меня послали сообщить, что Соппротивление нападет на Хогвартс через два дня. Атака начнется ровно в полдень.

Его челюсть дернулась.

— Полагаю, тебя там не будет.

Гермиона кивнула.

— Я буду в лазарете.

Его глаза сузились, когда он продолжал изучать ее.

— Орден нашел способ обойти защитные чары?

Гермиона никак не отреагировала.

— Да. Мы приняли во внимание этот факт.

— Что я должен сделать?

Она облизнула губы и сжала левую руку в кулак.

— Гарри будет там. Для финального противостояния. Но прежде чем нам удастся добраться до Волдеморта, мы должны убить Нагайну. Гарри говорит... он уверен, что змея и есть крестраж. Нужно будет привести ее в Хогвартс либо найти способ убить, не приводя туда.

Его глаза сверкнули.

— Если появится Темный Лорд, Нагайна будет там.

— Хорошо. — Гермиона резко кивнула. — Это все, что нам нужно.

Она повернулась, чтобы уйти, но Драко шагнул вперед и схватил ее за руку. Его глаза потемнели, когда он приблизился к ней.

— Возвращайся сюда. Сегодня вечером.

Она решительно покачала головой:

— Ты сказал, что мы не можем, Драко. Сейчас не время рисковать.

Она попыталась отодвинуться, но его другая рука схватила ее за бедро, и он прижал ее к двери. Драко, казалось, забыл, что это он изначально не мог задержаться.

— Я хочу тебя увидеть. — Он скользнул рукой по ее руке к подбородку, наклоняя лицо к своему.

У Гермионы перехватило дыхание, и она вздрогнула.

Ей было холодно. Ей было так холодно, а с ним было так тепло.

Это может быть их последний раз.

Гермиона засомневалась.

— Хорошо. Я приду. Но сейчас ты должен идти.

Он отпустил ее.

— Я позову тебя.

Она кивнула, и Драко бесшумно исчез.

Вернувшись на Площадь Гриммо, Гермиона тщательно залечила ладони, пока шрамы не стали почти незаметными. На заново выросшей коже правой руки не было видно отпечатков пальцев, только если она специально не присматривалась к ним при определенном освещении.

Девушка провела пальцами по своей груди. После исцеления шрамы там поблекли, и она выглядела менее изуродованной. Сама грудь была испещрена кислотными ожогами до самой молочной железы, которую ей удалось немного восстановить. Шрамы, однако, остались навсегда. Лучшее, что Гермiona могла сделать, — это обработать их так, чтобы рубцовая ткань осталась эластичной, и добавить уходовых чар, чтобы полосы шрамов стали незаметны и приобрели здоровый цвет.

В три часа ночи ее кольцо загорелось.

Драко появился в тот момент, когда она вошла в хижину, и перенес их в гостиницу. Гермiona оказалась прижатой к стене, когда его губы нашли ее, и он жадно ее поцеловал.

Крепко обняв Драко, девушка провела руками по его плечам, отчаянно желая ощутить его. Кончики ее пальцев были слишком чувствительны из-за новой кожи, которую Гермiona отрастила.

Она тихонько всхлипнула у его губ, когда руки Драко скользнули вверх по ее горлу, чтобы сжать челюсть, и он отстранился, желая посмотреть на нее. Его острые глаза исследовали каждую деталь ее лица.

«Когда-нибудь мы будем вместе в мгновении, которое не будет украдено», — пообещала себе Гермiona.

— Ты в порядке? С тобой все в порядке? — спросил он, не отводя от нее пристального взгляда.

— Да. Все хорошо. Я в порядке. С тобой все хорошо? Ты не ранен? — Она сжала его руки в своих.

Драко прижался лбом к ее лбу. Они постояли с минуту, прежде чем он высвободил руки и поднял ее лицо, чтобы снова посмотреть в глаза. Она знала, что выглядит усталой, похудевшей и бледной от пребывания в помещении с недостатком солнечного света. Встретившись с ним взглядом, Гермiona слабо улыбнулась.

— Мне следовало позвать тебя раньше. — Его пальцы скользили по ее скулам, словно он ожидал, что она рассыплется в его руках.

Девушка покачала головой.

— Риск не стоил того. Мы не должны были встречаться сегодня. Я не должна была приходить, — сказала она, крепче сжимая его мантию. Гермiona притянула его губы к своим. Ответив на поцелуй, Драко оторвал ее от стены и повел к кровати.

Ровное тиканье часов на стене напоминало обратный отсчет.

Обычно она снимала его одежду или дергала, пока пуговицы не расстегивались сами, но сегодня вместо этого Гермiona вытащила палочку и пробормотала заклинание, которое использовала тысячу раз в больничной палате. Одежда Драко замерцала и постепенно исчезла. Она повторила заклинание на своей одежде.

— Эффективно, — пробормотал он себе под нос, когда его рука скользнула вверх по ее обнаженной спине.

Гермиона судорожно вздохнула, в то время как его кожа прижалась к ее.

— Я не хочу терять времени.

Она провела пальцами по его шее и вниз по плечам. Девушка была в таком отчаянии, что чувствовала, как колотится ее сердце, когда он выгибал ее тело к своему торсу и целовал ее грудь и живот, толкая в постель.

Она потянулась к нему и тронула плечи.

— Пожалуйста, Драко... у нас нет времени медлить. Я не смогу вернуться завтра.

Он оторвал губы от ее бедра, и Гермиона провела пальцами по его подбородку, чувствуя слабую щетину под кончиками пальцев. Она притянула его обратно к себе и легонько провела пальцами по его затылку, целуя, раздвигая ноги и обхватывая ими его бедра.

Гермиона не закрыла глаз. Она держала их открытыми и изучала его, запоминая каждую черту его лица. Она смотрела, как его глаза мерцали и меняли цвет, когда зрачки расширялись: серебристые, серые, ртутные, алмазные и ледяные. Она хотела запечатлеть в памяти то, как он ощущался под ее руками; сухожилия на его шее и изгибы его костей; вкус его кожи и запах дубового мха, папируса и кедра, когда она зарывалась лицом в его плечо.

Переплетя их пальцы, он вошел в нее. Выражение лица Драко было собственническим, обжигающим обожанием и голодом, который она чувствовала в своей душе.

Гермиона поцеловала его. Закрывая глаза, она поцеловала его снова.

Пусть это будет не в последний раз. Пусть это будет не в последний раз.

Она повторяла это снова и снова, обнимая его за шею.

Потом Драко прижал ее к своей груди, его голова покоилась на ее макушке, его пальцы рисовали руны и узоры на ее коже.

Я буду заботиться о тебе. Я всегда буду заботиться о тебе. Я буду заботиться о тебе. Я буду заботиться о тебе.

Слова были тихими, но она могла слышать их в слабом колыхании воздуха и чувствовать едва заметное, быстрое движение его челюсти, когда он произносил их. Снова и снова, пока у нее не перехватило горло.

Девушка закрыла глаза на несколько минут, потом села и пристально посмотрела на Драко.

Когда он встретился с ней взглядом, его ртутные глаза были настороженными. Она изучала его, запоминая и подмечая все детали его внешности, известные только ей.

Гермиона сплела свою ладонь с его и провела сверхчувствительными кончиками пальцев по его костяшкам. Ее губы дрогнули, и она заколебалась.

— Драко, — наконец сказала девушка, — есть шанс... мы надеемся, что война закончится битвой в Хогвартсе. Мы не знаем... не уверены, сколько еще продержимся, если этого не произойдет.

Его пальцы дернулись.

— Если же нет... — она издала сдавленный, почти всхлипывающий смешок, — что ж, тогда, полагаю, мы просто продолжим попытки. Но если мы... Если это станет началом конца войны, ты... — Гермиона прикусила губу и заколебалась, — твоя клятва помочь Ордену будет выполнена, и если ты останешься и попытаешься сохранить свое прикрытие, чтобы помочь нам, ты можешь рискнуть нарушить вторичную клятву, которую ты дал. Так что, если Гарри удастся победить Сам-Знаешь-Кого во вторник, тебе придется бежать, — она оторвала взгляд от его руки и встретила с ним глазами. — Ты должен будешь бежать.

Выражение лица Драко даже не дрогнуло.

Гермиона опустила глаза и потеряла кольцо на его руке.

— Я... возникнут определённые вещи, требующие моего присутствия, поэтому я не... я не смогу уйти с тобой... если мы победим. Но тебе все равно придется бежать.

Драко усмехнулся:

— Я не собираюсь уходить без тебя, Грейнджер...

Ее горло сжалось. Она приложила пальцы к его губам и встретила с ним взглядом.

— Ты должен. Если тебя поймут... я не смогу защитить тебя. Если ты предстанешь перед судом... даже если мы с Грюмом будем свидетельствовать в твою пользу, тебя все равно приговорят к казни. Если он умрет... как только умрет... беги. Ты наконец-то будешь свободен. Это будет только твоя жизнь, Драко.

Он сел с презрительным выражением лица.

— Я никогда не оставлю тебя.

У Гермионы свело живот, и она покачала головой, глядя вниз.

— Я уже давно об этом думаю. Драко, я должна остаться. Моя работа продолжится и после войны. В конце концов... начнется хаос. Пожиратели Смерти будут в отчаянии. Тебя будут ловить в первую очередь, и я не знаю, смогу ли защитить тебя... многое... многое выйдет наружу.

Он наклонился вперед и сжал ее руку.

— Ты моя. Сейчас и после войны. Твоя клятва, ты поклялась мне.

— Да, — Гермиона подняла глаза и встретила с ним взглядом. — Я обещала тебе это и не шутила. Всегда... всегда, пока я жива. Но... — ее грудь сжалась, а челюсть задрожала, — я не смогу уйти, когда тебе понадобится. Я не хочу, чтобы тебя поймали, потому что ты ждешь меня.

Глаза Драко сузились.

— И как долго, по-твоему, я должен буду ждать?

Гермиона опустила глаза.

— Я не знаю точных сроков. Вот почему я хочу, чтобы ты ушёл без меня.

— Уверен, у тебя есть мысли на этот счёт.

Она покачала головой:

— Я не знаю, как быстро все будет продвигаться. Может быть, у меня будет шанс уехать, как только мое присутствие в лазарете перестанет быть необходимым. Но... если у нас будут заключенные и жертвы из Сассекса, я буду единственной, кто сможет позаботиться о них. В прошлый раз... в прошлом году... это заняло несколько месяцев. К тому времени могут начаться слушания, а затем... возможно, я не смогу... уйти. Я не хочу волноваться, что ты попытаешься прийти за мной и тебя поймут.

— Ты имеешь в виду суд за твои предполагаемые военные преступления. — Его тон был обвиняющим.

Гермиона отвела взгляд.

— Я уверена, это продлится недолго. Как только я освобожусь... я отправлюсь туда, где ты сможешь меня найти. Это... для тебя будет хорошо... получить время, чтобы разобраться в себе.

— Так вот почему ты пришла сегодня? Потому что хотела сказать мне все это? — В его голосе прозвучала насмешливая нотка.

Он схватил ее за руку и притянул к себе, пока их лица почти не соприкоснулись, и скользнул рукой вверх по ее горлу.

— Ты моя. Моя. Ты поклялась. Твой гребаный Орден продал тебя мне, чтобы выиграть время. Если кто-нибудь попытается посадить тебя в камеру, чтобы выставить себя героем, я убью его.

Он не стал дожидаться ответа и поцеловал ее так, словно хотел заклеить своими губами. Гермиона обняла его за шею и поцеловала в ответ.

Когда стрелки на часах показывали ровно пять, она отодвинулась.

— Мне нужно идти. У меня есть еще работа.

Она быстро оделась и вытащила палочку, чтобы аппарировать. Затем она заколебалась и шагнула к Драко.

— Будь осторожен, Драко. И просто... подумай о том, что я сказала. Если у тебя появится шанс...

Выражение его лица было таким жестким, словно оно было высечено из мрамора.

— Увидимся после битвы.

Ее пальцы дернулись.

— Пожалуйста, будь осторожен, Драко.

Не умирай. Невысказанные слова повисли в воздухе.

Она сглотнула и аппарировала прочь.

Площадь Гриммо почти пульсировала от нервозности и решимости. Там были десятки лидеров Сопротивления, чьих имен Гермиона даже не знала, все они расположились в комнате переговоров с Грюмом и остальными членами Ордена. Атака планировалась как спасательная операция и финал долгого противостояния.

Гермиона находилась в больничной палате, готовя все необходимое с Поппи, Падмой и другими полевыми целителями и медсестрами.

В середине дня ирландский сеттер (патронус Билла) появился на Площади Гриммо в поисках Грюма. Аластор ушел, оставив Ремуса и Тонкс руководить собраниями в течение часа.

Гермиона отправилась навестить Джинни. Это было не по расписанию, но она не знала, появится ли у нее свободное время в ближайшие несколько дней.

Девушка протянула Джинни зелье от чар спаттергруа и взмахнула палочкой, чтобы снять дополнительные заклинания с ее живота.

— Как ты? — спросила Гермиона, садясь, когда коже Джинни стал возвращаться прежний вид. Ее живот медленно увеличивался в размерах, превращаясь в выпуклость, расположенную низко в тазу.

— Умираю от скуки, особенно когда слышу, как все бегает вокруг, готовясь к завтрашнему дню, — сказала Джинни. Лицо ее было задумчивым и печальным, но глаза сверкали. — Как думаешь, эта операция действительно может стать финальной битвой?

Гермиона дернула плечом и отвела взгляд.

— Если нет, то я не знаю, что нам дальше делать.

— Ну вот, он проснулся. Ты можешь почувствовать, как он толкается, — Джинни поймала ее руку и прижала к низу живота. Последовала пауза, затем Гермиона почувствовала слабое трепетание под своей ладонью.

— Чувствуешь? — спросила Джинни.

— Да. — Последовало еще одно шевеление, а затем тишина на несколько минут.

— Наверное, уснул, — сказала Джинни, скорчив гримасу. — Ты не представляешь, насколько он становится активным по ночам.

— Интересно, откуда у него взялись гены бессонницы, — сухо сказала Гермиона, поглаживая пальцами живот Джинни.

— Ты можешь представить его в Хогвартсе после окончания войны? — глаза Джинни сияли.

Гермиона встретила взглядом с Джинни и выдавила из себя слабую улыбку, убирая руку:

— Мне заранее жаль его профессоров.

Она взмахнула палочкой и вывела на экран всю диагностику.

Джинни положила руку на запястье Гермионы.

— В этом нет необходимости. Ты недавно проверяла все показатели, и я чувствую себя прекрасно. Просто... поговори со мной. Как Гарри? С Роном все в порядке? Ты видела маму в последнее время? У меня груда писем от них, но это ведь всегда только часть истории.

— Гарри, он... — Гермиона заколебалась и убрала палочку, — ему сейчас лучше. Последние несколько недель мы с Падмой держали его в больничной палате, чтобы он набирал вес и следил за сном. Так что... кажется, ему немного лучше. Его до сих пор мучают кошмары, я пыталась заставить его практиковать окклюменцию, но он не хочет меня слушать. С приближением битвы он наконец перестал спорить и ввязываться в рискованные рейды. Но он компенсирует это тем, что курит больше. — Гермиона тихо вздохнула. — В последнее время он очень молчалив, даже с Роном.

Она нервно теребила ногти.

— Рон... Рон держится. Он знает, что Гарри полагается на него, но его сердце все еще разбито из-за Лаванды. Он все еще думает, что смерть Кингсли — это его вина. Но он... он держится.

— Ты думаешь, завтра все получится?

Гермиона чувствовала себя так, словно у нее в желудке образовалась яма с кислотой.

— Ну, все нумерологические подсчёты точны. Флитвик и Минерва согласны с моей теорией, и до сих пор мы не нашли ничего, что может спровоцировать преждевременный взрыв. — Ее сердце бешено колотилось в груди, и она говорила все быстрее и быстрее. — Если его вообще не случится, а большая часть Сопротивления будет там...

— Я не имела в виду твою роль. Как ты думаешь, Орден может победить завтра?

Гермиона сглотнула, во рту пересохло.

— Мы попытаемся. — Она посмотрела на дверь. — Джинни, я не могу надолго остаться. Я должна выспаться и отдохнуть несколько часов перед завтрашним днем. У меня еще тысяча дел.

— Да, конечно, — расстроено произнесла Джинни. — Не буду тебя задерживать.

Гермиона достала флаконы с зельем, чтобы восстановить чары спаттергрута, и убедилась, что они подействовали должным образом.

— Я сообщу, как все пройдет, как только мы узнаем, — сказала Гермиона, бросив взгляд на дверь.

— Скажи Гарри, что я люблю его. Скажи ему, что я верю в него, — голос Джинни дрожал.

Гермиона обернулась и слегка улыбнулась ей.

— Я так и сделаю.

Стояло самое раннее утро, когда группы Сопротивления начали выдвигаться в сторону Шотландии. Гермиона собиралась еще раз перепроверить запасы зелий. Падма уже провела необходимые подсчеты, но оставались некоторые зелья, о которых девушка не знала, и Гермиона хотела убедиться, что они все на месте. Она успела пересчитать половину склянок, когда почувствовала, что кто-то пересек ее личные охранные чары.

Захлопнув одно из отделений шкафа, Гермиона принялась пересчитывать флаконы с костеростом, когда в дверях появился Гарри.

Она остановилась и посмотрела на него.

Гарри редко навещал ее перед отъездом. Он уходил на задания, не говоря ни слова, оставляя некоторые их конфликты незавершенными, словно ожидая, что они продолжат разговор, как только он вернется. Или он останавливался, только чтобы быстро сказать: "Я ухожу. Увидимся через две недели".

О риске и опасности никогда не упоминалось. Это было похоже на летние каникулы в школе. Просто короткая разлука. Воссоединение всегда считалось неизбежным.

Он выглядел по-другому. За время пребывания в больничной палате черты его лица немного преобразились, а глаза казались менее тусклыми и запавшими. Его кожа была бледной, но уже не такой серой.

В нем чувствовалась какая-то задумчивая тоска. Она вдруг вспомнила худого мальчишку в слишком большой для его роста одежде и в сломанных очках, катящего тележку по платформе. Он чувствовал себя разбитым. Не физически, а эмоционально, как будто его вдавили в землю.

Гермиона несколько секунд молча изучала его.

— В чем дело, Гарри?

Ее голос был мягким, осторожным. Тон, который она привыкла использовать в больничной палате.

Уголок его рта дернулся, и он склонил голову набок.

— Я думаю, что это будет финальная битва.

Гермиона слегка улыбнулась ему:

— Надеюсь, что так. Надеюсь, мы окажемся правы.

— Я... — начал было Гарри, но тут же замолчал. Он потерял ручку двери. — Я... я попробую убить его. Я никому ещё об этом не говорил. Но я все время думаю о пророчестве. Если оно правдиво, я должен убить его. Не уверен, что у меня хватит сил вести ещё одну войну.

Гермиона подошла к нему и взяла за руку, вплела свои пальцы в его и посмотрела ему в глаза.

— Я верю в тебя, Гарри. Когда тебе было одиннадцать, я сказала тебе, что ты великий волшебник. Я никогда не переставала в это верить.

Гарри слабо улыбнулся ей, но улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Он пристально смотрел на нее и казался почти призраком. Как будто ее пальцы могли внезапно провалиться сквозь его руку.

— Гермиона, я думаю, что сегодня умру.

Девушка пристально посмотрела на него. Она никогда раньше не слышала от него ничего подобного. Независимо от сражений, независимо от его травм, независимо от шансов; Гарри всегда верил, что они доживут до следующего дня.

— Нет! — Ее голос щелкнул, как хлыст. — Нет. Весь Орден и большая часть Сопротивления будут там...

— Гермиона... — твердым голосом перебил ее Гарри. Он глубоко вздохнул и посмотрел на их руки. — Я это чувствую. Я думал... какое-то время я думал, что в будущем... — его плечо дернулось, а губы сжались, — что победа будет только началом. Но... я... я думаю, ты права. Ты всегда была права. Война — это все, что у меня осталось.

Гермиона почувствовала себя так, словно ее ударили. Она крепче сжала его руку.

— Я не это имела в виду, Гарри. Вовсе не это. Ты не можешь отправиться в Хогвартс с таким настроением. Все получится. Клянусь, наши подсчеты идеальны... я проверила их сто раз. Мы можем победить. Ты можешь это сделать. Джинни ждет тебя...

— Гермиона, прекрати. — Гарри оборвал ее. — Я должен это сказать, прежде чем уйду.

Он резко вздохнул.

— Прости, что так долго не верил тебе. Я хотел, чтобы ты ошибалась. Я не понимал, что так зол на тебя только потому, что хотел, чтобы ты оказалась не права. Я просто... у меня уже никогда не будет времени, чтобы загладить свою вину.

Он говорил все быстрее и быстрее, как будто у него заканчивалось время. Как будто он видел оставшиеся минуты своей жизни, а их было немного.

— Я знаю, что не вправе просить тебя ни о чем, но... Но... я хочу попросить тебя позаботиться о Джинни. На случай, если умру. — Его хватка на ее руке стала еще крепче. — Я не знаю, что случится сегодня. Но я хочу знать, что кто-то позаботится о ней. Она не сможет защитить себя в ее состоянии, но я знаю, что ты... ты... ты сделаешь все возможное, чтобы защитить ее. Я хочу знать, что с ней все будет в порядке, что бы ни случилось. Я знаю, что с тобой она будет в безопасности.

— Гарри... ты вернешься.

В глазах Гарри мелькнуло раздражение, но, прежде чем он успел заговорить, за дверью послышался шум.

Гермиона подняла глаза и увидела Рона, просунувшего голову в дверь.

— Гарри, нам пора. Все уже ждут внизу.

— Конечно. Я пойду. — Гарри отпустил ее и отступил назад. Он бросил на Гермиону последний взгляд и слегка отсалютовал, прежде чем спуститься по лестнице. Она смотрела ему вслед, пока его голова не скрылась из виду.

Рон медлил, пока Гермиона не перевела взгляд на него.

— Он в порядке?

Гермиона отвела глаза.

— Он хотел, чтобы я пообещала позаботиться о Джинни, если он сегодня умрет. Рон, следи за ним.

Лицо Рона напряглось, но он не казался удивленным.

— Я так и сделаю. Куда бы Гарри ни пошел, я всегда буду рядом.

Она открыла рот, не зная, что сказать.

— Рон. Пожалуйста, будь осторожен. — Она потянулась к нему. — Верни его обратно.

Он одарил ее кривой улыбкой, которая не коснулась его глаз.

Он так постарел от войны. Его худое лицо выглядело изможденным. Его скулы выступали вперед, а лицо покрылось морщинами. Седых прядей в волосах стало больше. Он выглядел намного старше своих двадцати двух. Смерть Лаванды погасила в нем часть света.

Гермиона даже не знала о них. Не замечала их отношений, пока те не исчезли.

В его бледно-голубых глазах все еще чувствовалась сталь.

— Я привожу его обратно с каждого задания. Это моя работа. — Он посмотрел в сторону лестницы, и Гермиона поняла, что его мысли заняты предстоящим днем. — Будь осторожна, Миона. Эта битва может сильно ударить по больничной палате.

Она неуверенно кивнула.

— Ладно. Ну, теперь все ждут меня. — Рон на мгновение положил руку ей на плечо и повернулся, чтобы уйти.

Гермиона осталась стоять в одиночестве у шкафа с зельями, пытаясь вспомнить, когда они перестали обниматься на прощание.

Примечание к части

Арт к главе

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CAfwSsxnFYd/>

61. Флэшбэк 36.

Июль 2003.

Наконец наступило первое июля. Гермиона и другие целители собрались в коридоре Площади Гриммо и неотрывно следили за часами на стене в ожидании новостей. Тишина прерывалась короткими перешептываниями.

Прислонившись к окну, Гермиона рисовала на стекле руны, стараясь не думать о Драко. Ее глаза то и дело возвращались к часам на стене. Было уже почти двенадцать дня. Чтобы сдержать дрожь в руках, девушка вцепилась в оконную раму, продолжая следить за временем.

Симус обещал прислать патронус с новостями.

Когда часы пробили полдень, Гермиона отошла от окна и продолжила следить за минутной стрелкой, боясь сделать вдох от волнения.

Ничего не происходило.

Ты сделала что-то не так. Допустила ошибку в расчетах. Все доверились тебе, а ты просчиталась.

Гермиона так пристально всматривалась в стрелки на часах, что вся остальная комната начала расплываться перед глазами. Ее руки покалывало от волнения, а сердце колотилось так быстро, что в какой-то момент резкая боль пронзила грудь.

Вдруг в коридоре материализовалась полупрозрачная фигура лисы.

— Сработало! Точно в полдень! Чертова штуковина снесла половину Астрономической башни и разрушила защитные чары!

Гермиона стояла, замерев, пока патронус не растворился в воздухе, а затем сделала дрожащий вдох. Ее ноги подкосились, и она опустилась на пол, дрожа и плача. Каждый вдох отдавался болью в легких, словно кости в ее грудной клетке были сломаны. Прижав руки к груди, девушка пыталась сделать полноценный глоток воздуха.

Сработало.

Опустив голову и прижав подбородок к плечу, Гермиона старалась восстановить дыхание. Ее горло и грудь горели.

Бомба сработала.

Ее окружали чьи-то голоса, но она не могла разобрать ни звука. От пережитого стресса ее тело пробивала дрожь.

Прижав руку ко рту, Гермиона попробовала сдержать всхлипы. Ей надо успокоиться. У нее еще осталась работа. Спрятав лицо в ладонях, она плакала от облегчения, пока голова не начала раскалываться от боли.

Теплая ладонь взяла ее под локоть и потянула вверх, помогая девушке подняться на ноги.

— Пойдём, дорогая, — сказала Поппи, обнимая Гермину за плечи, пока та продолжала сдавленно всхлипывать, прижав ладонь к губам. — Я сделаю тебе чаю. Падма позовет нас, если кто-то появится.

Поппи повела девушку на кухню и усадила за стол. Смахнув слезы с лица, Гермину закрыла глаза. Она считала, делая медленные вдохи на четыре, выдыхая на шесть. Спазм, охвативший ее грудную клетку, понемногу исчезал, но боль так и не прошла. Девушка прижала руку к груди, ожидая, когда замедлится сердцебиение.

В комнате было подозрительно тихо. Гермину открыла глаза и обнаружила, что окружена десятками проекций диагностических заклинаний. Помфри стояла рядом с ней и с напряженным лицом изучала показатели.

Ее сердце забило сильнее, а по спине прокатилась волна напряжения, такая резкая, что, казалось, ее ударило током. Гермину схватила свою палочку и убрала все диаграммы одним быстрым и точным движением.

— Мне казалось, ты предлагала выпить чаю, Поппи? Или у этой фразы теперь другое значение? — Ее горло сжалось, а слова пропитались ядом.

Помфри подняла взгляд, на лице женщины не было ни капли раскаяния.

— Ты можешь быть гениальным целителем, Гермину, но я лечу людей на несколько десятков лет дольше, чем ты. Тебе... необходимо начать принимать зелья от тревожного расстройства.

Гермину сжала челюсти, затем сглотнула и опустила взгляд:

— Я не могу. Из-за них мне будет сложнее применять окклюменцию.

Поппи фыркнула:

— Использование окклюменции... словно попытка вылечить пластырем раны от взрыва Бомбарды. Ты не решаешь проблемы с ее помощью, а только отгораживаешься от них. И... — она сделала ударение на следующих словах: — твоя ситуация усугубляется использованием темной магии.

Гермину застыла и подняла глаза на женщину.

Помфри встретила ее взгляд спокойно.

— Я не глупа, Гермину. Я не могла не догадаться, какими контрзаклинаниями тебе приходится пользоваться, чтобы работать с проклятиями, разработанными в Сассексе. Ты... ты...

Ее голос сорвался, и на несколько секунд повисла тишина. Поджав дрожащие губы, Помфри сделала глубокий вдох.

— Темная магия копится в тебе. Неважно, на психическом или физическом уровне, от ее использования обязательно будут последствия. Я ничего не

говорила, потому что понимала, что ты знаешь это не хуже меня. — Поппи мягко положила руку на плечо Гермiony. — Но ты должна понимать, что почти достигла той черты, за которой вред от темной магии становится необратимым.

Уголки рта Гермiony дрогнули, и она отвела взгляд, замечая, что на комнату наложены заглушающие чары.

— Я знаю. — Девушка опустила взгляд на свои руки. — Раньше это не... не было так... — Гермiona замолчала. Сама того не замечая, она нервно перебирала пустую цепочку на шее. Покачивая головой, она добавила: — Неважно. Это не имеет значения.

Она снова взглянула на Поппи и устало улыбнулась:

— Я прекращу пользоваться темной магией, как только закончится война. Я обещаю. И я обращусь за помощью к целителю разума.

Поппи обреченно вздохнула и кивнула, успокаивающе поглаживая спину Гермiony.

— Вам всем нужна помощь специалиста. Особенно тебе и Гарри. Мне следовало настоять на том, чтобы он прошел обследование в больнице Святого Мунго.

Гермiona растеряннo моргнула и нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Поппи тяжело вздохнула. Усталость явственнo проступила на ее лице.

— На первом курсе, когда Гарри попал в больничное крыло после происшествия с профессором Квирреллом, я, занимаясь его лечением, была серьезно обеспокоена его магическим отпечатком. Тот выглядел очень необычно: казалось, что у Гарри их и вовсе было два.

— Два? — повторила Гермiona, чувствуя, как от ужаса ее словно окатило ледяной водой.

— Да. Мне никогда не доводилось видеть подобное раньше. Я рассказала о своих переживаниях Альбусу. Он сказал, что это может быть последствием Убивающего проклятия, которое Гарри пережил в детстве, и что, возможно, тогда заклинание просто раскололо его магический отпечаток на две части. Жаль, что никто не догадался осмотреть его ещё ребёнком, прежде чем отправить к родственникам. Альбус тогда сам изучил все показатели и сказал, что нам не о чем волноваться. Когда я продолжила настаивать на полноценном обследовании, он ответил, что в Мунго Гарри, скорее всего, будут ожидать неприятные тесты от целителей, которым захочется воспользоваться ситуацией и лучше разобраться в особенностях влияния Убивающего проклятия. Альбус считал, что через какое-то время ситуация разрешится сама собой. И, кажется, так и случилось: спустя несколько лет его магический отпечаток стал выглядеть целостным.

Поппи в задумчивости наклонила голову:

— Но... головные боли, которые его мучают... заставляют меня сомневаться.

Возможно, его магический отпечаток все-таки не восстановился так, как должен был.

Для Гермионы это было похоже на удар под дых.

— У Гарри было два магических отпечатка? Один из них точно не был остаточным следом Убивающего проклятия? — спросила Гермиона резким голосом.

— Да, это были два разных отпечатка. — Поппи опустилась на стул рядом с Гермионой. — Я пыталась найти упоминания похожих случаев в истории целительской практики, но мне так и не удалось ничего обнаружить. Но опять же, это неудивительно, ведь Гарри — единственный волшебник, которому удалось выжить после Авады Кедавры.

— Ты ведь говорила... Я спрашивала о его магическом отпечатке несколько лет назад. — Руки Гермионы дрожали. — Ты ответила, что все в порядке. Что для Гарри это норма.

Поппи снова успокаивающе сжала ее плечо.

— Мне не хотелось, чтобы ты волновалась. К тому времени, как ты спросила, его магические отпечатки уже почти слились в один.

Губы девушки дрожали. Она с трудом подбирала слова для своего следующего вопроса:

— Так значит, второй, меньший по размеру отпечаток выглядел в точности, как первый? Они были идентичны друг другу?

— Не совсем. Альбус сказал, что из-за проклятия, вторая часть магического отпечатка стала отличаться...

Гермиона встала так резко, что стул упал назад, с грохотом ударившись о каменный пол.

— Так не бывает. Магический отпечаток привязан к душе волшебника, он... не может отличаться. Мне нужно идти.

Она в спешке покинула кухню и, бросившись вверх по ступенькам, захватила мантию и сумку. Выбежав на крыльцо Площади Гриммо, девушка аппарировала, прежде чем кто-нибудь успел ее остановить.

С громким хлопком она появилась на опушке Запретного леса в отведенном для аппарации месте, которое заранее подготовил Орден.

Вдали возвышались каменные стены замка. Даже там, где стояла Гермиона, воздух был тяжелым от темной магии и металлического запаха взрывчатки. Девушка поспешила в сторону школы.

— Грейнджер?

Рядом с ней возник один из бойцов Сопротивления, на ходу снимающий с себя дезиллюминационные чары.

Мужчина был широкоплечим, и его лицо казалось Гермионе смутно знакомым, но она не могла вспомнить его имя.

— Грейнджер, что ты здесь делаешь?

— Мне нужно увидеть Гарри, — она посмотрела на него прямым взглядом, сжимая палочку в руке так крепко, что дерево врезалось в кожу ладони. Все ее тело было холодным от страха. — Я здесь, потому что мне нужно его увидеть.

Мужчина выглядел озадаченным ее словами.

— Гарри в замке. Все бойцы уже внутри. Снаружи остались только те, кто следят за территорией.

Гермиона с трудом сглотнула и кивнула:

— Значит, мне нужно попасть в замок.

Выйдя к границе Запретного леса, они остановились возле окруженных защитными чарами палаток. Отсюда была хорошо видна разрушенная взрывом Астрономическая башня, над которой вился дым.

— Гермиона, что ты здесь делаешь? — спросила Анджелина, которая как раз вышла из одной из палаток.

— Мне нужно встретиться с Гарри.

— Прямо сейчас? Это не может подождать хотя бы до вечера?

Гермиона усмехнулась:

— Если бы это не было срочно, я бы не аппарировала на пять сотен миль, только чтобы попасть сюда.

— Хорошо. Поняла. Я отправлю кого-нибудь, чтобы они привели сюда Гарри. Оставайся в лагере.

Гермиона сглотнула, смиряясь с перспективой ожидания. Ее живот скрутило от волнения.

Казалось, ей пришлось ждать Гарри несколько часов. Зайдя в одну из палаток, она принялась помогать медикам с пострадавшими, исцеляя и определяя, кого из них следовало отправить на Площадь Гриммо.

Пока Гермиона находилась в лагере, ей удавалось услышать отрывки отчетов о том, что происходит внутри замка. После того, как произошел взрыв, защитные чары, окружавшие Хогвартс, пали. Соппротивление сразу же проникло внутрь школы, чем застало охранявших ее Пожирателей Смерти врасплох. На удивление, оказалось, что изнутри замок был слабо защищен, и Ордену удалось быстро прорваться внутрь здания.

Бойцы Соппротивления смогли захватить главный холл и Большой зал и, расположившись там, готовились к неизбежной ответной атаке Пожирателей.

То, насколько гладко прошла операция по проникновению в Хогвартс, заставляло всех чувствовать необъяснимую нервозность. Гарри и его команда, тайно пробравшиеся в школу как раз во время взрыва, до сих пор не выходили на связь.

Воздух в палатке был затхлым и тяжелым, наполненным запахом зелий, крови и остаточными следами темной магии. Металлический запах крови, смешанный с магией, обжигал нос.

Гермиона работала молча, то и дело кидая взгляд в сторону входа в палатку, ожидая увидеть там фигуру Гарри.

Наконец полог палатки отодвинули в сторону, и вовнутрь ворвался Гарри, следом за ним шагали Рон и Фред. Сердце Гермионы подскочило к горлу, когда она увидела бледное лицо Гарри.

Ты должна была догадаться. Он твой лучший друг, ты должна была давно все понять.

— Гермиона, что происходит?

Приблизившись к Гарри, она ухватила за рукав его рубашки.

— Нам передали, что ты здесь, когда мы присоединились ко всем остальным в холле замка. — Вся одежда Гарри была покрыта грязью и пылью. Он провел рукой по лицу, оставив на лбу след от сажи. — Что ты здесь делаешь? Что-то случилось с Джинни?

— Нет. — Гермиона отрывисто покачала головой. — Нет, Джинни в порядке. Она на Площади Гриммо. Пойдем со мной. Там, чуть дальше, есть еще одна палатка поменьше.

Гарри громко выдохнул, на его лице отразилось облегчение. Он последовал за ней к другой палатке. Его глаза выглядели ясными, а осторожность, с которой он смотрел на нее до этого, исчезла. Он снова стал собранным и сосредоточенным, таким, каким Гермиона обычно видела его во время матчей по квиддичу.

— Мы нашли крестраж. Он действительно был в замке. Это диадема Кандиды Когтевран. Она была в Выручай-комнате. Рон разрубил ее с помощью меча Гриффиндора. Так что... осталась только змея. Невилл и...

Гермиона пропустила Гарри в палатку, остановив Рона и Фреда, которые уже собирались последовать за ним.

— Мне нужно кое-что проверить наедине. Это не займет больше пары минут.

Рон нахмурился:

— Гермиона, сейчас не лучшее... Гарри должен быть...

Ее живот снова свело от волнения. Подняв взгляд на Рона, она ответила:

— Мне нужно всего несколько минут. Это важно.

Мгновение он всматривался в ее лицо, а затем кивнул.

— Хорошо. Мы подождем снаружи.

Гермиона кивнула, чувствуя, как сжимается ее горло, и выдавила:

— Спасибо.

Наложив на палатку Заглушающие чары, она повернулась и увидела, что Гарри выжидающе смотрел на нее.

Гермиона сделала дрожащий вдох.

— Гарри, мне нужно, чтобы ты сел и позволил мне кое-что проверить. Понимаю, что сейчас не лучшее время, но тебе нужно довериться мне.

Усадив Гарри на стул, она обхватила руками его голову, большими пальцами проведя по вискам, надеясь убрать покрывавший его кожу слой грязи. Когда Гермиона взглянула ему в лицо, ее голову прострелила вспышка боли, заставившая пальцы слегка подрагивать.

Девушка укрепила окклюменционные стены в своем сознании и убрала руки с висков Гарри. Ее пальцы больше не дрожали, и с особой сосредоточенностью она наложила на друга серию сложных диагностических чар. Затем Гермиона пробормотала одно за другим несколько заклинаний, создавая вокруг Гарри сеть из аналитической магии.

Отступив на шаг, она внимательно вгляделась в проявившийся магический отпечаток. Если раньше их и было два, то теперь они слились воедино. Гермиона постаралась аккуратно отделить один отпечаток от другого и понять, какой из них принадлежал Гарри, но они были слишком тесно сплетены между собой.

Все это время Гарри наблюдал за ней.

— Гермиона, что ты делаешь?

Проигнорировав его вопрос, девушка следила за изменениями в проекции магического отпечатка, пока испытывала на ней различные заклинания. Однако та оставалась неизменной. Гермиона испробовала еще несколько заклинаний.

Пока она изучала окружавшую его диаграмму аналитической магии, в ее груди все сильнее разрасталась неприятная, болезненная тяжесть. Моргнув, Гермиона перевела взгляд на лицо Гарри и мягко положила руку ему на плечо.

— Гарри... Мне нужно дотронуться до твоего шрама.

— Нет. Не трогай. — Он отпрянул.

Хватка Гермионы на его плече усилилась. Гарри всегда был таким худым, и сейчас под пальцами она могла легко почувствовать выступающие кости его плеча и ключицы.

— Мне нужно сделать это, Гарри. Прости. Я понимаю, что это больно. Но ты

знаешь, что я бы не находилась сейчас здесь, если бы это не было важно.

На лице Гарри отразилось сомнение, и он встретился с Гермионой взглядом.

— Хорошо. Можешь дотронуться до него. Только сначала объясни мне, зачем тебе это нужно.

Гермиона закусила губу, колеблясь:

— Сначала я проверю... Потом все тебе объясню.

Гарри несколько секунд вглядывался в ее лицо, а затем коротко кивнул.

Гермиона произнесла заклинание и прижала кончик палочки к шраму, молнией пересекающей его лоб. В мгновение, когда ее палочка прикоснулась к коже Гарри, он закричал сквозь зубы, откинув назад голову, едва не теряя сознание от боли. Магический отпечаток, зависший в воздухе, задрожал и начал меняться: некоторые его части окрасились в кроваво-алый цвет, явно давая понять, что они не принадлежат Гарри. В местах, где меньший отпечаток опутывал больший, виднелись красные отростки, плотно стягивающие их вместе.

Второй магический отпечаток выглядел точно так же, как и тот, что был заперт в чаше Пенелопы Пуффендуй.

Гермиона отшатнулась, задохнувшись от ужаса:

— О боже!

— Что это такое? Гермиона? Что... что это? — Гарри смотрел на проекцию перед ним, его лицо было мертвенно бледным.

Гермионе казалось, словно ее внутренности растоптаны в пыль. Она открыла рот, собираясь ответить Гарри, но из ее горла не вырвалось ни звука.

Она с трудом сглотнула и заставила себя заговорить:

— Это... это осколок души, Гарри. Внутри тебя... находится часть души Тома Реддла.

Рот Гарри приоткрылся от изумления, а его и без того бледное лицо посерело, но он не отрывал взгляда от проекции.

Гермиона чувствовала, как дрожат ее губы. Она вертела палочку в трясущихся пальцах.

— Душа раскалывается... когда волшебник использует Убивающее проклятие. Возможно из-за того, что заклинание срикошетило от тебя, когда ты был ребёнком, часть души Волдеморта откололась. Обычно крестражами служат неодушевленные предметы... но поскольку часть души не была никуда заточена... возможно, она сама нашла для себя единственный подходящий объект и постаралась слиться с твоей магией.

Ее грудь сдавило так сильно, что Гермиона едва могла вздохнуть.

— Мне так жаль, Гарри. Я должна была понять это раньше. Я должна была... Если бы я знала... Мне так жаль, Гарри.

Он сидел неподвижно, а его глаза были прикованы к магическому отпечатку, который был обвит частицей чужой души, словно растением-паразитом.

Гермиону замутило, как будто ее вот-вот могло стошнить. Она пыталась переключить внимание на что-то другое, придумать какой-то выход. Они должны найти способ, как отделить часть чужой души, не убивая Гарри.

У Драко в библиотеке могла быть литература на эту тему. Сопровитвлению придется на время отступить и покинуть Хогвартс.

Ей нужно было время на то, чтобы провести исследования. Она была уверена, что сможет найти решение. Ей просто нужно увести Гарри отсюда. Потом девушка отправится к Драко.

— Ну конечно, — Гарри коротко рассмеялся, чем вырвал Гермиону из мыслей. — Конечно... вот что это значило: «Ни один не может жить спокойно, пока жив другой». Я должен был догадаться. — Он издал какой-то звук, и Гермиона не знала, было ли это смехом или всхлипом. Затем Гарри резко встал и взмахом палочки рассеял все окружавшие его проекции. Подняв руку, он прижал ладонь к шраму на лбу.

— Все это время я считал себя Избранным, потому что мы с Томом были похожи. Оба полукровки, сироты, умеющие разговаривать на парселтанге, с одинаковыми сердцевинами в палочках, — его голос затих, и он едва слышно рассмеялся. — Все это время... я думал, что смогу победить его, если откажусь использовать тёмную магию и всегда буду выбирать светлую сторону... даже когда я ощущал, что это совершенно бесполезно. Мне казалось, что об этом говорилось в пророчестве. Что это то, что от меня требуется, — Гарри задохнулся собственными словами. — Конечно же, дело было совсем не в этом.

Повисла тишина, лишённая надежды, словно остановившееся сердце.

Вдруг вдалеке послышался крик, разорвавший царившее в воздухе безмолвие.

— Гарри! Нам нужно идти! — крикнул Рон у входа в защищенную чарами палатку.

Гарри резко вскинул голову, но его взгляд казался далеким, словно он не верил в реальность происходящего.

Затуманенными глазами он посмотрел на Гермиону:

— Ты ведь позаботишься о Джинни, да? И передай Рону, когда все закончится, что он был лучшим напарником, о котором только можно было мечтать.

Он двинулся к выходу, и Гермиона вдруг с холодным ужасом осознала, как он собирался поступить. Девушка преградила ему путь, схватив за руки и вынуждая остановиться.

— Нет, Гарри. Нет. Я смогу что-то придумать. Мы добрались до крестража в Хогвартсе и теперь можем отступить. Дай мне немного времени, и я найду

способ извлечь частицу души. Я уверена, что есть другой способ. Я найду его. Гарри... Гарри, — она заглянула ему в глаза. — Ты не должен сегодня умирать.

Гарри протянул руку и прикоснулся к ее щеке пальцами. Он изучал лицо Гермионы, так словно пытался сохранить его в памяти. Словно не видел ее много лет и не ожидал встретить снова.

— Ты хороший друг, Гермиона. Ты всегда верила в меня. Порой даже больше, чем я сам.

Она отпрянула от его руки:

— Мы отправим патронус Грюму и отступим прежде, чем появятся Пожиратели. Гарри... ты должен позволить мне найти другой способ разобраться с этим.

Гарри покачал головой и задумчиво улыбнулся.

— Он в моей голове, Гермиона. Связь, которая у нас есть, она в моем мозгу. Нет никакого безопасного способа отменить воздействие долгосрочной темной магии на мозг. Это то, что ты сказала, после того как попыталась исцелить Артура.

Пальцы Гермионы дернулись.

— Я найду способ. Я придумаю его, если придется, — ее голос дрожал от напряжения. — Ты должен позволить мне попробовать.

Гарри схватил ее за запястье и решительно отстранил от себя.

— Гермиона, я же говорил тебе сегодня утром, что сегодня тот самый день. Так и должно быть. Ни один не сможет жить, пока жив другой. Вот что нам предначертано.

— Нет, это не так. Мы продолжим сражаться иначе. Мы отступим сегодня...

Он смотрел на нее с серьезным лицом.

— Сегодня погибли люди, Гермиона. Они умирали годами, сражаясь за меня, защищая меня, чтобы я мог попасть в Хогвартс. Всю мою жизнь люди умирали, пытались защитить меня. Я не могу позволить... кому-то еще умереть за меня... не тогда, когда знаю, что у меня есть возможность остановить это. Эта война не может больше продолжаться. Она должна закончиться. Это... то, что я должен сделать.

Он опустил взгляд, и решимость в его лице дрогнула.

— Ты ведь позаботишься о Джинни? Передай ей... что я думал о ней... до самого конца.

Гарри обошел ее и шагнул к выходу из палатки, когда Гермиона снова схватила его за рукав. Отчаяние сдавило ей горло.

— Гарри... Гарри... Джинни беременна.

Гарри замер так резко, словно она наложила на него Парализующее. Затем он

обернулся и посмотрел на нее. Его лицо выражало абсолютную растерянность.

Гермиона тихо всхлипнула. Ее сердце билось так быстро, что грудная клетка болела, словно от раны.

— Она поняла, что беременна, в феврале и попросила меня помочь скрыть это ото всех, потому что боялась, что волнение еще и из-за этого будет выше твоих сил. Но она действительно беременна. У вас будет мальчик. Он должен родиться в октябре. Поэтому... поэтому ты не можешь умереть, Гарри... ты должен увидеть своего сына. Пожалуйста... пожалуйста, пойдём со мной... — ее голос сорвался.

Гарри медленно покачал головой.

— Не надо... не поступай так со мной, Гермиона. Не надо придумывать такую ложь, только чтобы остановить меня.

Она чувствовала, как слезы холодят щеки. Когда девушка снова заговорила, ее голос дрожал от напряжения:

— Я не вру тебе, Гарри. Клянусь своей магией. Джинни уже почти на шестом месяце. С тех пор, как она узнала, что будет мальчик, она зовет его Джеймсом.

Гарри побледнел, и из его горла вырвался болезненный стон.

Лицо Гермионы исказилось, но она старалась не расплакаться. Девушка крепче сжала руку Гарри в своей.

— Пожалуйста, Гарри. Давай поговорим с Аластором и отступим сегодня.

Гарри дрожал. Гермиона видела, как он начал сомневаться в своем решении.

— Пожалуйста, Гарри.

Звуки снаружи становились все громче. Она услышала, как Рон снова позвал их. Гарри вздрогнул и перевел взгляд на выход из палатки.

На мгновение он опустил голову и сделал резкий вздох.

— Пообещай, что позаботишься о них обоих вместо меня.

Гермиона почувствовала, как что-то внутри нее оборвалось. Она отпустила руку Гарри. Не успела девушка убрать свою ладонь, как Гарри поймал ее и крепко сжал в своей. В его взгляде читалось отчаяние.

— Обещай мне, Гермиона. Обещай!

— Я обещаю. — Казалось, эти слова были вырваны из самого ее сердца. Они ощущались как кровь на губах. — Пока я жива, я всегда буду заботиться о них.

Его хватка на ее руке стала крепче, а его плечи опустились и расслабились после ее слов.

Отпустив ее, Гарри сделал шаг назад:

— Спасибо тебе. Спасибо за все, что ты сделала для меня.

Он достал из кармана мантию-невидимку и, накинув ее сверху, исчез.

Гермиона оглушенно смотрела на то место, где до этого стоял Гарри. Она едва могла думать. Было ощущение, что земля, на которой девушка до этого стояла, ушла из-под ног.

Она заставила себя сделать несколько шагов к выходу из палатки.

— Гермиона, где Гарри? — спросил Рон, заглядывая ей за спину и видя только пустую палатку.

— Он ушел... — ее голос звучал надломлено и хрипло. Она вцепилась в ткань палатки побелевшими пальцами. — Прости. Я пыталась остановить его, но Гарри воспользовался мантией-невидимкой и скрылся.

— Что... ты? Блять. Неважно. Быстрее уходи отсюда. Пожирателей оказалось больше, чем мы ожидали. — Рон яростным взглядом окинул сражение, которое подступало все ближе к палаткам. — Я сам найду Гарри. Возвращайся в убежище.

Прежде чем Гермиона успела что-то ответить, Рон вместе с Фредом сорвались с места и побежали в сторону замка.

Она осталась стоять у палатки и наблюдала за происходящим на поле боя так, словно была заперта в кошмарном сне и могла только смотреть со стороны.

Проклятия летели во всех направлениях. Воздух был тяжелым от такого количества магии, запаха дыма, крови и горящей плоти. Пространство заполняла какофония звуков: со всех сторон слышались выкрики проклятий и громкие стоны боли. Подкрепление армии Пожирателей Смерти приближалось со стороны Хогсмид. Новые силы наступали и буквально прижимали Сопротивление к каменным стенам Хогвартса.

В волшебницу в тридцати футах от нее попал фиолетовый луч проклятия. Когда женщина упала на землю, ее голова повернулась в сторону Гермионы, и девушка увидела ее безжизненное лицо и пустые глаза. Рука Гермионы дрогнула. Она знала эту волшебницу. Гермиона спасла ей жизнь меньше месяца назад после битвы в Суррее.

Пожиратель Смерти, запустивший проклятие в волшебницу, развернулся, собираясь уйти. На его лице не было маски. Когда Гермионе удалось разглядеть мужчину, она почувствовала, как кровь застыла в жилах.

Она узнала его.

Гермиона видела этого Пожирателя раньше. Много месяцев назад его взяли в плен члены Сопротивления во время атаки на тюрьму. Он был одним из того невообразимого числа Пожирателей Смерти, которых она готовила к коме с помощью напитка живой смерти. Девушка помнила, как его передали на попечение Билла и Флер, которые должны были запереть его в одной из тюрем Ордена.

Она снова оглядела сражавшихся. Пленные, которых они ловили и заточали в темницы в течение пяти лет, были выведены из комы и отправлены в битву. Вот почему сегодня здесь собралось гораздо больше Пожирателей Смерти, чем ожидало Сопротивление.

Как им удалось отыскать тюрьму Ордена? Это было практически невозможно. Орден специально организовал все так, чтобы даже в случае проигрыша Пожиратели не смогли бы найти своих приспешников.

Вдруг раздался взрыв такой силы, что затряслась земля. Десятки бойцов Сопротивления были отброшены назад полыхающим столбом Адского пламени. Воздух наполнил запах серы и гнили, и огромных размеров змея, охваченная огнем, проползла мимо сражающихся, вынуждая Сопротивление отступить еще дальше.

Волдеморт стоял неподалеку, окруженный группой Пожирателей, часть которых не скрывала лиц за масками. Нагайна обвивалась вокруг его плеч.

— Гарри Поттер, выходи и встретиться со мной.

Голос Волдеморта был высоким и холодным, словно острие кинжала, проведенное по коже. Магически усиленный, он звучал так, что можно было услышать каждый звук, словно Волдеморт находился у Гермионы за спиной и произносил слова прямо у ее уха.

— Сдайся, или я накажу каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка за то, что им хватило ума последовать за тобой и пытаться тебя защитить.

Гарри не появился и не выступил вперед из толпы.

Никогда до этого Гермиона не видела Волдеморта. Бесчисленное количество раз ей доводилось слышать его описания, но это был первый раз, когда она увидела его лично.

Он выглядел худым и пугающе бледным, а его глаза были красными, как кровь.

Десятки бойцов резко кинулись в атаку, но Волдеморт сделал едва уловимое движение палочкой, и их всех с силой отбросило назад. Группа стоявших позади него Пожирателей уже собиралась двинуться в наступление, но темный маг жестом остановил их.

— Ваш обожаемый Избранный привел вас сюда и бросил одних, — сказал Волдеморт.

Сопротивление продолжало пытаться атаковать, но раз за разом их вынуждали отступить. Гермиона увидела в толпе Аластора. Окруженный с двух сторон Ремусом и Тонкс, он яростно сражался. Минерва находилась неподалеку от них: она оставила своих подопечных детей, чтобы помочь Гарри проникнуть в Хогвартс и отыскать крестраж. Многие из Отряда Дамблдора были среди подкрепления со стороны Сопротивления. Парвати. Симус. Анджелина, которая сражалась, несмотря на свою хромоту, а также Невилл. Он уклонился от нескольких летящих в него проклятий и сумел пробраться достаточно близко к тому месту, где стоял Волдеморт.

После нескольких таких атак со стороны Сопrotивления Волдеморту, похоже, надоело ждать, когда появится Гарри. Он снова отбросил заклинанием большую часть бойцов, и оставил рядом лишь Невилла, который попался под Связывающее проклятье.

Волдеmort ступил ближе, всматриваясь в лицо Невилла:

— Пытаешься сражаться, не имея при себе даже волшебной палочки. Сопrotивление — это настоящая болезнь магического общества. Нагайна, насладись своим обедом.

Он вытянул руку, позволяя Нагайне сползти по ней с его плеча и опуститься на землю. Затем Волдеmort повернулся и, снова воспользовавшись огненным змеем, нанес очередной удар по Сопrotивлению.

Нагайна уже подняла голову, собираясь атаковать, но в этот самый момент Невилл освободился от связывающих его пут. Он вытянул вперед руку. Как и сказал Волдеmort, у него не было волшебной палочки. Сердце Гермионы замерло, когда она увидела, как меч Гриффиндора рассек воздух и отрубил Нагайне голову.

Змея безжизненно упала на землю, и волна темной магии всколыхнулась, а затем растворилась в воздухе.

Волдеmort издал крик ярости, наполненный такой силой, что Гермиона почувствовала, как этот звук давит на барабанные перепонки. Маг уже поднял палочку, чтобы проклясть Невилла, но, прежде чем он успел произнести заклинание, перед ним появился Гарри и встал так, чтобы закрыть собой друга.

— Я здесь, Том, — сказал Гарри. Его слова казались слишком тихими по сравнению с усиленным заклинанием голосом Волдеморта.

Все сражавшиеся замерли.

Гарри и Волдеmort стояли друг напротив друга у основания Астрономической башни.

Казалось, темный маг был удивлен, увидев перед собой Гарри. Несколько секунд он смотрел на него, не двигаясь.

— Гарри Поттер, — наконец раздался его шепот. — Мальчик, Который Выжил.

Никто из членов Сопrotивления не шелохнулся. Пожиратели Смерти также стояли замерев. Все ждали. Вся война словно сосредоточилась в одном-единственном моменте.

Палочка Гарри была сжата в его опущенной руке. Он не поднял ее. Не направил на Волдеморта, готовясь к дуэли. Он просто стоял, ожидая. Смотрел в глаза смерти с выражением печали и смирения на лице.

Волдеmort выглядел озадаченным. Он наклонил голову и просто разглядывал Гарри несколько секунд, прежде чем поднять руку с зажатой в ней палочкой.

Гермиона видела, как его губы шевельнулись.

Воздух рассекла зеленая вспышка.

Проклятие ударило Гарри в грудь и отрикошетило обратно в Волдеморта, сбив того с ног.

Гарри повалился на землю.

Гермионе показалось, что ее сердце перестало биться. Она не закричала, но чувствовала, как сдавленные рыдания застревали в горле, словно животное в смертельной агонии, мечтающее вырваться на свободу.

Казалось, что она тоже умирает.

Гарри. Пожалуйста. Ты ведь Мальчик, Который Выжил.

Вся армия была слишком шокирована, чтобы издать хоть звук.

Волдеморту поднялся с земли, с трудом держась на ногах, но Гарри остался лежать там, куда упал, когда в него попало проклятие.

— Мой Лорд, — Люциус Малфой и еще несколько Пожирателей Смерти без масок собрались вокруг Волдеморта.

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, — Волдеморту отстранился от протянутых к нему рук. — Мальчишка мертв?

Рон, Фред и еще несколько человек двинулись в сторону Гарри, но прежде, чем они успели подойти к нему, Волдеморту наложил заклинание, и магия протащила тело Гарри по траве ближе к темному магу.

— Позвольте мне, мой Лорд, — сказал Люциус, низко поклонившись, прежде чем подойти к телу Гарри.

Люциус выглядел болезненно худым даже с такого расстояния. Казалось, что его кожа была натянута на кости. Теперь его светлые волосы оказались длиннее, чем тогда, когда Гермиона сражалась с ним в Министерстве в конце пятого курса. Он все еще шел с непринужденной грацией, почти такой же, которая была присуща Драко, но в его движениях чувствовалась нетерпеливость и непредсказуемость. Жажда крови.

Люциус опустился на колени рядом с Гарри и медленно поднес ладонь к его шее. Затем он резко отдернул руку, словно обжегся, и вскочил на ноги.

— Он жив.

Как только Люциус произнес эти слова, Гарри вдруг открыл глаза и резко поднял палочку.

Но Волдеморту оказался быстрее и уже был готов к атаке.

— Авада Кедавра.

Проклятие ударило Гарри в грудь, и взгляд его зеленых глаз стал пустым.

Однако Волдеморту явно не было достаточно этого. Его лицо исказила яростная гримаса.

— Авада Кедавра. — Проклятие снова ударило в тело Гарри.

Вдруг со всех сторон слышались крики. Толпа снова и снова выкрикивала имя Гарри. Гермиона издала задушенный всхлип и вцепилась в ткань палатки, чтобы удержаться на ногах и не свалиться на землю от отчаяния.

— Гарри! — Рон бросился к тому месту, где лежал его друг.

Алый луч прилетел откуда-то со стороны Пожирателей Смерти и угодил в Рона. Сила проклятия заставила его пролететь по воздуху и удариться о стену Астрономической башни с тошнотворным хрустом, который был слышен даже оттуда, где стояла Гермиона.

Остальные бойцы Сопrotивления тоже двинулись в сторону Гарри, словно не знали, что еще делать, кроме как пытаться добраться до его тела.

Бегите! Гермионе хотелось выкрикнуть это. Умолять их об этом. *Оставьте погибших позади.*

Бегите.

— Авада Кедавра! — снова выкрикнул Волдеморт.

Гермиона бросилась прочь, но вздрогнула, когда снова услышала за спиной очередное «Авада Кедавра».

Она оглянулась в последний раз и увидела, как Волдеморт подходит ближе к Гарри и в шестой раз использует Убивающее проклятие. Его правая рука была вытянута вперед с зажатой в ней волшебной палочкой, но левая рука оказалась прижата к середине груди.

Этот жест показался ей странно человеческим. Словно Волдеморт был ранен, но пытался скрыть это от всех остальных.

Где-то до сих пор оставался еще один крестраж. План Гарри должен был сработать, он точно сработал бы, если бы не последний крестраж.

Гермиона оглядела поле боя. Сражение возобновилось, но Сопrotивление терпело поражение. Все были до сих пор шокированы и отчаянно пытались удержать оборону.

Рука девушки невольно потянулась вперед. Затем она сжала челюсти и заставила себя отгородиться от происходящего с помощью окклюменции.

Ты не сможешь спасти их. Кто-то должен найти последний крестраж.

Гермиона развернулась и бросилась к пункту аппарации.

Стоило ей выйти за пределы окруженных защитными чарами палаток, как ее тут

же обнаружили. Несколько заклятий просвистели рядом с ней, пока она бежала в сторону Запретного леса.

Одно из проклятий задело плечо Гермiony, но ее мантия сдержала его. Она бросилась в лес. Когда ей удалось добраться до антиаппарационного барьера, из леса появился Пожиратель смерти и преградил ей путь, схватив за руку.

Гермиона вырвалась из его хватки и ударила его локтем в солнечное сплетение. Почувствовав, как заканчивается действие барьера, она приготовилась перенестись.

Девушка уже аппарировала, когда почувствовала на себе чужую хватку.

Гермиона приземлилась и тут же закашлялась от наполнившей ее легкие холодной воды. Ее грудь горела огнем, пока она пыталась вырваться и оттолкнуть Пожирателя смерти, который удерживал девушку под водой. Гермиона чувствовала камни дна, которые впивались в ее тело. Наконец она смогла поднять голову над водой и закашлялась, отчаянно хватая ртом воздух. Шум крови в ушах заглушал все остальные звуки. Чужая рука схватила ее за волосы и подняла ее голову еще выше над поверхностью воды.

Гермиона нащупала под водой острый край камня и, схватив тот со дна, повернулась, чтобы ударить по голове Пожирателя Смерти, пока тот окончательно не утопил ее.

Ей удалось ударить всего раз, прежде чем мужчина вырвал камень из ее руки.

Мгновение спустя все вокруг затопила темнота.

62. Флэшбэк 37.

Июль 2003

Она резко пришла в себя и обнаружила, что лежит на импровизированной кровати. Драко находился рядом, склонившись над ней.

Гермиона дернулась вперёд, а затем замерла и огляделась, понимая, что находится в убежище в Уайткрофте. Она снова посмотрела на Драко, и осознание накрыло ее с головой. Девушка сделала резкий вдох и почувствовала себя так, словно ее раздавили насмерть. — Что... что случилось?

Его губы дрогнули, когда он выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз. Выражение его лица было нечитаемо, но она видела сдержанную ярость в его глазах.

— Несмотря на... — он старался контролировать каждое своё слово, — на все твои заверения вчера, ты все равно оказалась в Хогвартсе. Когда я обнаружил тебя, то попытался схватить, и ты аппарировала в ручей. Мне пришлось оглушить тебя; я думал, ты захлебнешься прежде, чем поймешь, что это я.

Гермиона осторожно села, все еще чувствуя легкую дрожь в теле и слабость от Оглушающего заклятия. Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от остатков сонливости.

— Ты был в маске, я тебя не узнала.

Гермиона посмотрела вниз. Ее одежда высохла. Ее легкие были чистыми, как будто прошло много времени с тех пор, как она потеряла сознание. Девушка взглянула на часы, и ее желудок резко сжался. Прошло много времени. Был уже почти вечер.

— Как надолго ты оставил меня здесь без сознания? — в ее голосе звучало недоверие, когда она посмотрела на Драко.

Выражение его лица было холодным.

— Я не мог оставаться с тобой. Как только я выкачал воду из твоих легких, и тебе больше ничто не угрожало, мне пришлось вернуться для выполнения своих обязанностей.

Гермиона отвела взгляд.

Гарри.

Рон.

Почти все остались в Хогвартсе. Помимо Северуса, она могла быть единственным оставшимся активным членом Ордена.

Гермиона на минуту сжала губы, собираясь с мыслями, прежде чем поднять глаза.

— Я не понимаю. Что случилось? Как они нашли нашу тюрьму?

Он отвернулся, его руки были сжаты в кулаки. Она почти чувствовала, как внутри него закипает ярость.

— Я не знаю подробностей того, как именно это произошло. Я говорил тебе, что Темный Лорд что-то подозревает. Он почти никому не доверяет и предоставляет каждому генералу разную информацию, пытаюсь определить, откуда идет утечка. Мне сообщили о десяти различных планах нападения, и ни один из них не был точным. Я знаю, что вчера вечером он находился в Сассексе, работая там в одиночестве, судя по информации от моих источников. К тому времени, как я узнал, что Пожиратели захватили вашу тюрьму, Сопротивление уже находилось в Хогвартсе. Не было никакой возможности послать весточку.

Гермиона сидела на краю кровати и пыталась переварить услышанное. Она чувствовала себя слишком опустошенной, чтобы мыслить ясно.

Драко кипел от злости. Его руки то сжимались, то разжимались, словно он с трудом подавлял желание что-нибудь сломать.

Он постоял рядом с ней еще мгновение, потом повернулся и принялся расхаживать по комнате, словно зверь в клетке.

— Я думал, это последний решающий удар Ордена. Неужели Поттер думал, что, позволив Темному Лорду убить себя, он каким-то образом выиграет войну? Или он просто решил сдаться?

Гермиона дернулась.

— Гарри был крестражем, — сказала она безжизненным голосом.

Драко застыл и пристально посмотрел на нее. Она опустила глаза и уставилась на свои ноги. Ее джинсы были порваны на обоих коленях.

Она сглотнула и убрала ноги.

— Я не знала этого... до сегодняшнего дня. Я поняла только после того, как началась битва. Двадцать лет назад было произнесено пророчество: «И один из них должен погибнуть от руки другого, ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой». Гарри подумал, что если все остальные крестражи будут уничтожены, то когда Темный Лорд убьет его, они оба умрут.

Она вспомнила безжизненное выражение на лице Гарри и его застывший взгляд. Ее горло сжалось, и все тело затряслось. Ее скулы и грудь болели.

Гермиона чувствовала себя хрупким стеклом, всего в одном вдохе от того, чтобы разбиться вдребезги.

Она вцепилась в край кровати и увидела, как побелели костяшки пальцев.

— Мы упустили его. Еще один крестраж. Я думала... думала, что мы нашли их все... но я ошиблась.

Когда она сглотнула, то почувствовала острую боль в груди:

— Мы должны его найти.

— Соппротивление проиграло, — ровным голосом сказал Драко. — Война окончена.

Гермиона резко дернулась, услышав эти слова, и ее обдало жаром.

— Я знаю. Тебе не нужно мне ничего говорить. Я знаю, что мы проиграли! — ее голос был прерывистым.

Она резко втянула воздух носом, и он обжег ее легкие. Гермиона сжала губы и приложила руки к глазам, выдыхая и пытаясь взять себя в руки.

— Я не говорю, что война не закончилась. — ее голос все еще слегка дрожал. — Я имею в виду, что мы должны найти крестраж. Мы обязаны его найти. Если мы сможем уничтожить его, он умрет... возможно, не сразу, но если он потеряет все свои крестражи, то умрет. — Она продолжала говорить, все быстрее и быстрее: — Пожиратели Смерти не разделяют его целей относительно темных существ, так что режим быстро рухнет без лидера. Не похоже, чтобы он готовил себе преемника. Мы просто... мы должны его найти.

Пока Гермиона сидела там, ее пронзало ощущение физического разрыва. Ей казалось, что ее сердце разбито, но она все еще была слишком потрясена, чтобы чувствовать это.

Она опустила голову и прижала подбородок к плечу.

— Соппротивление... проиграло. Я знаю. Возможно, осталось несколько группировок, которые были не так сильно вовлечены в дела Ордена, но большая часть наших действующих сил была отправлена в Хогвартс. Несколько человек могли сбежать, но в остальном мы с Северусом — единственные активные члены Ордена. Мы... — она чувствовала себя так, словно ее превратили в пыль. Груз всего, что произошло, казался слишком велик. — Пока мы не найдем оставшийся крестраж, мы не сможем никого спасти. Их всех выследят, мы не можем рисковать и тобой, и Северусом, пытаясь освободить их. Крестраж должен быть приоритетом. Только так мы сможем действительно покончить с этим и спасти остальных.

— Нет никаких «нас». Ты уезжаешь из Британии.

Гермиона посмотрела на Драко.

Его глаза все еще горели яростью, но выражение лица было твердым.

— Я найду его. Ты уедешь. Теперь не осталось никого, чтобы удерживать тебя. Орден разрушен. Поттер мертв.

Она вздрогнула.

Он замолчал и, казалось, несколько секунд взвешивал то, что собирался сказать дальше:

— Уизли умрет в течение недели. У тебя нет причин оставаться. Ты не будешь больше помогать; мне будет легче действовать, если Темный Лорд будет думать,

что одержал победу. Если он решит, что Орден все еще представляет угрозу, это затруднит поиск оставшихся крестражей.

Губы Гермионы дрогнули.

— Хорошо, — наконец сказала она напряженным голосом. — Думаю, первое время я могу сотрудничать на расстоянии.

Глаза Драко на мгновение вспыхнули, и она поняла, что он намерен сделать ее отъезд окончательным. Он сделает все, что в его силах, чтобы помешать ей когда-либо вернуться в Британию, если сочтет это опасным.

Она сглотнула и посмотрела на него.

— Я уеду при одном условии.

Гермиона видела, как Драко напрягся.

— Джинни Уизли. Она должна уехать со мной.

— Нет, — выражение его лица было холодным. — Я уже сказал: никаких спасательных операций.

— Это не будет спасательной операцией. Она находится в убежище. Только Джинни. Я не буду... — она заколебалась, и у нее перехватило горло, — я не буду просить тебя спасти кого-то еще. Но я должна взять Джинни с собой. Я не уйду без нее. Она в убежище. Я могу отправиться туда и забрать ее.

Он стиснул зубы, и на его лице появилось нечитаемое выражение.

Гермиона подалась вперед.

— Я должна послать сообщения в безопасные дома: убедиться, что они знают, что Орден проиграл, и сказать им, чтобы все затаились. Потом я возьму Джинни, и мы... мы уйдём.

Гермиона встала. Она так сильно оградила свое сознание окклюменцией, что чувствовала себя почти разделенной со своим телом. Физически она была раздавлена горем. В груди у нее ощущалась такая боль, словно ее разорвали на две части. Это была уже привычная боль, которая, казалось, в последнее время почти никогда не проходила.

Но ей, по крайней мере, удалось взять под контроль свой разум.

Драко слегка дернулся, когда она вытащила палочку, чтобы бросить патронус.

Гермиона взмахнула рукой знакомым движением и произнесла заклинание.

Ничего.

Она с трудом сглотнула и заставила свои окклюменционные стенки прочнее встать на место. Сделав глубокий вдох, девушка попыталась снова.

— *Эспекто Патронум*, — твердо сказала она.

Ничего.

Ни единого проблеска серебристого света.

Она уставилась на свою палочку.

Гарри научил ее вызывать патронуса. Ее выдру.

Стоя там, Гермиона вдруг поняла, что, скорее всего, больше никогда его не увидит. Ее горло болело от усилий, которые она прилагала, чтобы не заплакать.

Гарри был мертв. Он был мертв. Она ничего не могла сделать, чтобы вернуть его. Даже в волшебном мире воскрешение мертвых было не более чем сказкой.

Все ее счастливые воспоминания оказались испорчены, обращены в пепел. Ее прошлое превратилось в бесконечное пространство потерь. Ее детство, ее родители с новой жизнью и новыми именами и без воспоминаний о том, что у них когда-то была дочь, которой они гордились.

Все ее годы в Хогвартсе определялись войной, которую она теперь проиграла; людьми, которых она потеряла.

Гермиона сжала палочку так, что побелели костяшки пальцев, и медленно опустила ее, тяжело сглотнув.

Хватит думать об этом. Сейчас она должна забрать Джинни. Она обещала Гарри, что позаботится о ней.

Это было все, на чем она могла сосредоточиться.

— Мне придется лично отправиться в безопасные дома, — наконец сказала девушка, с трудом заставив свой голос работать. — Похоже, я больше не могу вызвать патронус.

— Нет.

Она подняла глаза, стиснув зубы.

— Я должна предупредить их, Драко. Я не собираюсь бежать, оставив их в неведении. Мне нужно забрать Джинни. Все это не подлежит обсуждению.

Глаза Драко сверкнули в ответ. Он посмотрел вниз и резко вздохнул, как будто был чем-то разочарован.

— Грейнджер... — сказал Драко после минутного колебания. — Пожиратели Смерти захватили вашу тюрьму. И это также значит, что они в курсе расположения всех безопасных домов Ордена.

Комната начала вращаться под ногами Гермионы. Она отшатнулась и чуть не упала.

— Что? Почему ты мне не сказал?

Она направилась к двери, но Драко схватил ее за руку и дернул назад. Когда Гермиона попыталась вырваться, он с яростным выражением лица прижал ее к двери. — Вот... вот почему я не собирался тебе говорить. Ты идиотка, которая готова бежать в любую ловушку.

Она взглянула на него, и ее обдало холодом от понимания ситуации. Пальцы сомкнулись вокруг его запястья, и девушка пристально посмотрела на него, не веря своим глазам:

— Ты нашёл меня и доставил сюда, чтобы я не смогла вернуться.

Выражение лица Драко было жестким.

— Не вся армия Темного Лорда сегодня находилась в Хогвартсе. Он планировал расположение своих сил в течение всего последнего месяца. Как только поступили сообщения о нападении на Хогвартс, стало ясно, что ваши убежища будут уязвимы. Как считаешь, куда были отправлены остальные Пожиратели?

Гермиона почувствовала, как опустошение захлестнуло ее, словно она истекала кровью изнутри.

— Ты продержал меня здесь без сознания несколько часов, — ее голос был полон горя и боли от предательства. — Я могла попытаться вытащить их, если бы ты дал мне шанс.

Выражение лица Драко было холодным и непримиримым.

— Ты не могла их спасти. Ты бы погибла или попала в плен с остальными.

— Ну, теперь мы этого не узнаем, не так ли? Потому что ты даже не дал мне шанса... — ее голос дрогнул.

Его губы дернулись, и Драко отвел взгляд. Его рука осторожно легла ей на плечо.

— У меня было время только на то, чтобы забрать тебя. Я оставил свой отряд, когда понял, что ты в Хогвартсе, я бы не успел сделать что-то еще.

Ее челюсть дрожала, а дыхание было прерывистым, но она продолжала бороться со слезами.

— Я собираюсь найти Джинни. Я должна, и это не обсуждается. Я не уйду без нее. Она находилась в одном из самых защищенных убежищ. Возможно, они ещё не нашли его.

Драко был невозмутим.

— Я не уйду без Джинни. — Ее голос был жестким, и она встретила с ним взглядом. — Ты не сможешь заставить меня уехать без нее.

Его глаза сверкнули, а пальцы на ее плече дернулись.

— Ладно. Мы наложим Дезиллюминационное и проверим.

Гермиона сглотнула и кивнула.

Она крепко держала Драко, пока аппарировала его к Площади Гриммо.

Их тут же оглушил вой сирен. Воздух был пропитан темной магией и запахом гари. Улицы были заполнены маггловскими аварийными машинами, их огни мигали.

Дом номер двенадцать на площади Гриммо лежал в руинах. Фасад дома был расколот, как будто его разломали на части. Здания, примыкающие к нему с обеих сторон, были повреждены, и медики выносили оттуда тела. На улице уже лежали десятки тел: среди них были случайные прохожие, бойцы Сопrotивления, стоявшие на страже на Площади Гриммо, несколько медсестер и целителей, которые находились в фойе, когда Гермиона уходила.

Часть магии над домом все еще держалась. Маггловские аварийные службы двигались к дому под номером двенадцать, затем останавливались и отворачивались, как будто они знали о существовании здания, но отталкивающие чары мешали им приблизиться к нему.

Прежде чем Драко успел остановить ее или аппарировать их отсюда, Гермиона рванула к дому и, нырнув под защитную ленту, побежала к двери. Ступеньки были разрушены, и она споткнулась, поднимаясь по ним.

Девушка услышала, как Драко выругался, следуя за ней.

Она взмахнула палочкой, и заклинание сорвало остатки двери с петель в фойе. Раздался глухой удар и звук падающего тела. Изнутри слышалось несколько смертельных проклятий. Гермиона упала на пол и откатилась в сторону.

— *Морсмордре!* — Она услышала, как Драко щелкнул зубами, и увидела, как Темная метка скользнула в открытую дверь и заполнила фойе.

Он стряхнул с себя маскировочные чары и шагнул внутрь. Гермиона застыла у двери. На полу лежали десятки трупов: те раненые бойцы, которых доставляли из Хогвартса на Площадь Гриммо.

— Прошу прощения, сэра, мы думали, что это члены Ордена. — При виде Драко из тени вышел долговязый человек со злобным лицом.

— Я так и подумал, — Драко с трудом выдавил из себя слова; на его лице застыла холодная ярость. Он повернулся, чтобы осмотреть Площадь Гриммо. — Отчёт по зданию.

Мужчина почесал голову кончиком палочки.

— У нас есть несколько десятков сбежавших из Хогвартса. Они уже отправлены обратно, — его губы скривились в жестокой улыбке. Ещё несколько Пожирателей Смерти возникли из комнат дальше по коридору. — Как только беглецы перестанут приходить, мы проведем детальный анализ здания.

Он пнул больничную койку, и обмякшее тело упало на пол. — Когда мы закончили с теми, кто был снаружи, здесь уже не осталось никого, кроме целителей и умирающих. Добили умирающих, а пленников отправили к

надзирателям. — Он поставил ногу на тело и перевернул его.

Драко наблюдал за ним без всякого выражения.

— Наверху есть комната для переговоров, которую мы нашли после того, как прочесали здание. — Мужчина сделал жест большим пальцем. — На ней были дополнительные защитные чары, пришлось немного потрудиться, чтобы попасть внутрь.

— Покажи, — сказал Драко.

Они начали подниматься по лестнице и были уже на полпути, когда Драко внезапно обернулся, сверкнув палочкой. Воздух рассек свет от дюжины проклятий, и люди, окружавшие его, замерли на мгновение, прежде чем упасть замертво. Драко оглянулся на дверь, и Гермиона вошла, проходя мимо тел, стараясь не смотреть ни на одно из них.

У подножия лестницы лежала крошечная фигурка; огромные голубые глаза Добби безучастно смотрели вверх. Гермиона отвела взгляд. Лестница пошатывалась, пока девушка быстро поднималась по ней, проходя мимо Драко и направляясь к комнате Джинни.

Дверь распахнулась, и тело Падмы упало лицом вниз поперек дверного проема. Из того, что осталось от целительницы, сочилась лужа черной жидкости. Нога Гермионы дрожала, когда она перешагнула через тело Падмы и посмотрела на пустую комнату.

— Они, должно быть, отвезли ее в Хогвартс, — ее голос дрожал. — Мы... мы должны вытащить ее из Хогвартса.

Позади нее раздался булькающий звук. Гермиона резко повернулась, вытащила палочку и увидела, как Падма зашевелилась.

— Миона? — Падма пыталась приподнять голову, точнее, ту ее часть, что осталась невредимой.

Гермиона в ужасе посмотрела на нее и сбросила Дезиллюминационные чары. Проклятие, которым была поражена Падма, разъедало ее насквозь. Почти невозможно было поверить, что она все еще жива.

— Падма... — Голос Гермионы был прерывистым и придушенным. Она поспешно провела диагностику. Почти все органы Падмы уже не функционировали; проклятие было в нескольких минутах от ее сердца.

— Миона. Они отвезли Джинни в Сассекс, — выдавила Падма. Ее голос был слегка искажен, она закашлялась, черная жидкость выплеснулась изо рта и потекла по подбородку. — Джинни. Они сказали, болезнь будет полезна.

Гермиона почувствовала, как у нее перехватило горло, когда сильный, тошнотворный ужас охватил ее.

Падма снова закашлялась, и из ее рта полилось еще больше жидкости. Гермиона посмотрела на нее сверху вниз; ее сердце словно наполнилось свинцом.

— Падма... мне так жаль, — голос Гермiony дрогнул. — Я не могу... я не могу исцелить тебя.

Рот Падмы скривился.

— Знаю. Что с Парв... — она поперхнулась и закашлялась.

— Прости, я не знаю, где Парвати. — Гермiona нежно коснулась лба Падмы, убирая прядь волос с ее глаз. — Мне очень жаль. Я принесу тебе зелье. Оно сделает все быстро.

Гермiona двинулась к своему шкафчику с зельями.

— Не беспокойся, — Драко шагнул вперед с того места, где стоял.

На лице Падмы отразились растерянность и медленный ужас, когда Драко опустился на колени рядом с ней. Прежде чем Гермiona успела пошевелиться, он приставил кончик палочки ко лбу Падмы.

— *Авада Кедавра*. — Он сказал это так спокойно, словно произносил обычное заклинание.

Сверкнула зеленая вспышка. Лицо Падмы стало пустым, и она обмякла в луже своих останков.

Драко встал и холодно посмотрел на Гермionу.

Она на мгновение застыла.

— Ты использовал Непростительное.

— Мне безразличны члены Сопротивления. Я уважал то, что они были полезны и важны для тебя, — его голос звучал равнодушно. — Заклинание подействовало бы быстрее, чем зелье.

Она сжала губы и слегка кивнула в знак согласия. Опустившись на колени, девушка нежно закрыла глаза Падмы.

Гермiona убрала руку от лица Падмы, встала и направилась к шкафу с зельями.

Джинни оказалась в Сассексе из-за чар спаттергруа.

Гермiona была вне себя от ужаса.

Ее шкаф был взломан и обыскан. Запасы зелий лежали на полу разбитой, тлеющей кучей.

Она вытащила палочку и начала постукивать заклинаниями по стенам, пока все тщательно скрытые отсеки не открылись. Девушка вытащила все хранившиеся в них зелья и засунула в старую расшитую бисером сумку, на которую наложила чары расширения.

— Грейнджер, мы уходим. — В дверях появился Драко.

— Мне нужно забрать это с собой, — сказала она резким голосом. Девушка собрала все зелья, которые спрятала. Все ее материалы, оставшиеся от бомбы. Она продолжала складывать все в сумку, пока ничего не осталось. Затем вытащила ножи из отделения в полу.

— Мы уходим, — повторил он, сжимая ее руку. — Уизли больше нет. Сопротивления тоже.

Драко потащил ее вниз по лестнице к выходу, держа палочку наготове. Он замаскировал их обоих и аппарировал, как только они покинули барьеры.

Они вернулись в хижину.

— Мне нужно забрать Джинни, — сказала Гермиона, как только они приземлились. Она опустилась на колени и начала рыться во всем, что принесла.

— Она в Сассексе.

— Знаю. Я должна ее забрать. — Гермиона задыхалась от переживаний, но из всех сил старалась, чтобы ее голос не дрожал. — О боже... — слова были тихим всхлипом. Ее руки дрожали, но она пыталась сохранить спокойствие. — Нам пора идти. Ты... ты можешь использовать меня... взять меня с собой в качестве пленницы, а потом, как только мы окажемся внутри, мы сможем попытаться найти ее. Или... я могу быть отвлекающим маневром, пока ты будешь ее искать.

Глаза Драко были ледяными.

— Она в Сассексе. Пленники не покидают это здание живыми.

Гермиона покачала головой:

— Я собираюсь забрать ее. Если ты мне не поможешь, я пойду одна.

Выражение его лица стало убийственным, и он приблизился к ней.

— Это самоубийство. Ты сама сказала: никаких спасательных операций. Поиск крестража должен быть в приоритете. Если она настолько больна, что ее отвезли прямо в Сассекс вместо того, чтобы направить в Хогвартс, ее уже бесполезно спасать.

Гермиона сглотнула.

— Джинни беременна.

Драко замер.

— Она не больна, она беременна. Это я скрыла ее состояние от Ордена с помощью чар, потому что... потому что это ребенок Гарри. — Ее начало трясти. — Если она в Сассексе... чары, которые я использовала... они не обманут диагностику. Они поймут и... и... — ее грудь начала сжиматься, когда она пыталась дышать. — Те вещи, которые Темный Лорд захочет сделать с ребенком Гарри... Драко... я должна ее забрать.

Драко побледнел и отступил от нее. Гермиона потянулась к нему.

— Он... он мог бы использовать ребенка, чтобы сделать еще одно зелье регенерации, — сказала Гермiona. — Это... это может дать ему еще десять лет. Я обещала Гарри, что позабочусь о Джинни и ее ребенке. Это было... это было последнее, что я ему сказала.

Драко стоял так неподвижно, словно она наложила на него парализующее.

— Пожалуйста, Драко.

Он не смотрел на нее.

— Драко, я должна вернуть Джинни, — она сглотнула и заставила себя сделать глубокий вдох. — После этого я... никогда ничего у тебя не попрошу. Но... мне нужно забрать Джинни.

Она попыталась дотронуться до него, но он отшатнулся.

— Грейнджер... — его голос был холоден. Непоколебим.

Я буду заботиться о них, пока жива.

Что бы ни произошло.

— Я сбегу с этой войны, — сказала она с отчаянием в голосе. — Я оставляю... все. Если ты найдешь Джинни, я сделаю все, что ты захочешь, клянусь. Я уйду. Я никогда больше сюда не вернусь. Все, что ты захочешь, все, что ты попросишь, если найдешь для меня Джинни.

Она коснулась тыльной стороны его руки, молча умоляя взглянуть на нее.

Драко молчал.

Она почти чувствовала, как он взвешивает варианты, оценивая ее предложение.

— Ты правда это сделаешь? — наконец спросил он, повернувшись и пристально глядя на нее.

Она встретила с ним взглядом и коротко кивнула.

— Да.

Драко изучал ее, прищурив глаза и прикидывая:

— Таковы твои условия? Девчонка Уизли, и ты уходишь?

— Да. Клянусь.

В его глазах мелькнуло торжество и что-то... что-то еще.

Он оглядел комнату и медленно кивнул.

— Хорошо. Если таковы твои условия, я достану ее для тебя.

Гермиона тихо ахнула. Ее охватило облегчение. Ее дыхание все еще было сбитым от волнения, но она заставила себя сохранять спокойствие.

— Спасибо. Спасибо, Драко.

Уголок его рта дернулся.

Гермиона расправила плечи и внимательно посмотрела на него.

— Что я должна сделать?

Он посмотрел на нее, и его лицо исказилось насмешкой.

— Оставаться здесь.

Гермиона опустила подбородок и нахмурилась, глядя на него.

— Ты уверен? Я принесла кое-какие зелья и... — она указала на свою сумку, — я могла бы...

— Если я отправлюсь один, то привлеку меньше внимания, — сказал он, резко оборвав ее. — Если хочешь, чтобы я вытащил ее, ты останешься здесь и позволишь мне действовать одному, не поддаваясь своей отчаянной потребности вмешиваться во все. — Его тон был холодным, а каждое слово — резким.

Он прошел в дальний угол комнаты и начертил на стене несколько рун. Драко провел пальцами по деревянной панели, пока не раздался щелчок. Он потянул за нее, и стена отодвинулась, открывая большой выбор оружия и темных артефактов.

Драко снял со стены несколько предметов и сунул их в свою мантию, прежде чем снова повернуться к ней с холодным выражением лица.

— Я вернусь через час. Оставайся здесь.

Это было все, что он сказал, прежде чем исчезнуть.

Гермиона ждала. Она разложила содержимое своей сумки. Затем прошлась по целебным припасам Драко.

Девушка не обращала внимания на тяжесть в груди. Если она станет заикливаться на своих ощущениях, те раздавят ее насмерть.

Она подозревала, что если не будет постоянно чем-то занята, то чувство вины поглотит ее целиком.

Гермиона оставляла всех позади. Орден, Уизли, ОД, Сопротивление. Она оставляла их всех позади.

— Ты действительно думаешь, что мы просто умрем? Анджелина, они не собираются закрывать Сассекс, когда выиграют войну. Мы для них — скот. Ты не видела пленных, которых привезли из последней спасательной операции. Они... они растворялись, гнили, их кожа была содрана, и внутри них, все еще живых,

ползали какие-то твари... те, что еще могли говорить, умоляли меня убить их.

Она продляла всем жизнь ради этого. Счастливики смогут умереть на допросе, но Сассекс станет приговором для всех остальных.

Ее желудок скрутило, и она прижала руки ко рту, изо всех сил стараясь, чтобы ее не вырвало от паники.

Гермиона не могла думать об этом. Не должна была. Драко не мог рисковать своим прикрытием, пытаясь спасти их.

Он и Северус обязаны сыграть решающую роль в поисках оставшегося крестража. Попытка вывести кого-либо из Хогвартса поставит под угрозу единственную надежду Ордена на победу над Волдемортом.

Как только Джинни окажется в безопасности, крестраж станет для них приоритетной задачей.

Ее руки дрожали, и она рылась в припасах Драко, пока не нашла успокоительное.

Воздух беззвучно задрожал, и Драко снова появился посреди комнаты, держа на руках обмякшее тело Джинни.

Чары на коже и животе Джинни были сняты.

Гермиона бросилась через всю комнату и, забрав Джинни у Драко, стала проводить на ней десятки диагностических тестов, стоя на коленях на полу и крепко сжимая ее в объятиях.

На запястьях Джинни не было никаких следов.

— Что случилось? Ты ее оглушил? Где она была, когда ты ее нашёл?

— Она была в лаборатории. Они как раз снимали чары, когда я появился. Я сдержал своё слово, — тон его голоса был спокойным. Ровным.

Гермиона провела диагностику живота Джинни и с облегчением увидела большой трепещущий свет. Бессознательное выражение лица Джинни застыло в ужасе. Ей дали какое-то зелье временного стазиса. Гермиона произнесла еще несколько заклинаний, чтобы убедиться, что с ней ничего не сделали.

— Как только ты подтвердишь, что она цела и невредима, нам нужно идти. Потребуется несколько часов, чтобы доставить вас в безопасное место и убедиться, что все будет в порядке.

Гермиона с тревогой изучала результаты диагностики, но в ее подсознание медленно просачивалось, что в тоне Драко было что-то нервирующее.

Она подняла на него глаза.

У него был длинный ожог вдоль челюсти, и он смотрел на Гермиону с выражением, которое было одновременно задумчивым и обречённым.

Таким же взглядом на нее смотрел Гарри.

Когда она это поняла, тревожное чувство начало распространяться внутри живота.

— Что с тобой? — Гермиона положила бесчувственное тело Джинни на пол и встала, потянувшись к нему, чтобы провести диагностику. — Что случилось?

Уголок рта Драко дернулся, а затем изогнулся в тонкой улыбке, когда она подошла ближе и ее пальцы скользнули по его подбородку.

Он на мгновение посмотрел в пол, потом поднял глаза и встретился с ней взглядом. — Я раскрыл свое прикрытие, чтобы вытащить девчонку Уизли.

Гермиона застыла, ее палочка выскользнула из пальцев и со стуком упала на землю.

— Что?

Она попробовала еще раз.

— Ты... ты сделал что?

Она посмотрела ему в глаза, уверенная, что неправильно поняла его. Но все уже было написано на его лице.

Драко прощался с ней. Потому что должен был скоро умереть.

Гермиона медленно покачала головой.

— Нет.

Это было похоже на тот момент в Кембридже, когда он активировал артефакт, и весь кислород исчез. Никакого воздуха. Не единого звука. Абсолютная тишина.

Тихий промежуток между замедляющимися ударами сердца, до того момента, когда оно больше не билось.

Это был тот самый звук. Вакуум. Пустота.

— Нет, — повторила она.

— Других вариантов не было.

— Нет, — ее сердце снова начало биться. Все быстрее и быстрее.

— Я говорил тебе, что существуют дополнительные меры, связанные с безопасностью и охраной. Есть записи, что я был там и входил в лабораторию со строго контролируемым доступом. Я едва ли мог сжечь здание и пробиться наружу, неся на руках беременную ведьму без сознания. Завтра, когда дежурство сменится, нападение обнаружат. Записи покажут, что я был единственным, кто остался в живых.

Она покачала головой.

— Нет.

— Нам пора идти.

— Нет, Драко... мы можем вернуться, — Гермиона повернулась к своей сумке. — Должен быть способ уничтожить записи... я смогу...

Он схватил ее за обе руки и оттащил назад с застывшим выражением лица.

— Ты заключила сделку, Грейнджер. Я выполнил свою часть.

Гермиона издала низкий, болезненный звук, когда он притянул ее ближе, заглядывая ей в глаза.

Драко смотрел на нее так напряженно, словно пытался запомнить. Потому что это был последний раз, когда он ее видел. В его взгляде читалось что-то вроде злого торжества.

— Все, что я захочу, если достану для тебя девчонку Уизли. Это были твои условия.

У нее все внутри оборвалось, не оставив после ничего, кроме пропасти. Ее грудь болела, словно Драко протянул руку и вырвал ее сердце.

Он не мог умереть.

Гермиона продолжала смотреть на него, даже когда перед глазами начали плясать черные точки.

Она ему не позволит.

— Драко...

Холодная ярость струилась по ее горлу. Это не было случайностью. Он знал. Гермиона помнила, каким расчетливым был его взгляд в тот момент, когда она озвучила свое предложение. Он заранее все знал и принял последствия. Драко сделал это, чтобы получить то, чего хотел, не дав ей шанса найти лучший вариант.

Никогда не заключайте сделку с дьяволом, его цена всегда будет больше, чем вы сможете заплатить.

Она стояла молча, не в силах дышать, и пыталась осознать то, что он сделал.

Драко неподвижно изучал ее еще несколько мгновений, прежде чем его губы изогнулись в слабой улыбке. Он поднял руку и коснулся костяшками пальцев ее щеки, не отрывая взгляда от ее лица.

— Мы хорошо держались, Грейнджер, но ты знала, что это не продлится долго. — Уголок его рта дернулся, и она почувствовала, как он убрал локон за ухо, прежде чем его рука скользнула вниз и ненадолго остановилась у основания ее горла. — Ты всегда знала это.

— Драко, пожалуйста, позволь мне... — начала она дрожащим голосом. Гермиона попыталась отодвинуться, но он схватил ее за руку.

Выражение его лица снова стало жестким.

— «Все, что захочу». Ты сама это сказала.

Ее легкие начинали гореть.

— Драко... Драко... не поступай так со мной.

— Это были твои условия, Грейнджер. Я пошёл на них. А теперь пора уходить. Ты поклялась, что уйдешь.

Она попыталась отстраниться от него, но не могла дышать. Драко начал плыть у нее перед глазами. Его контуры расплывались. Он что-то говорил, но слова становились все более невнятными, и их было трудно разобрать.

Она снова попыталась вырваться, но он держал ее слишком крепко.

Ее руки начали болезненно покалывать, как будто в кожу вонзались иглы.

Драко притянул ее ближе, и решительное выражение на его лице начало сменяться беспокойством.

— Грейнджер, дыши. — Контуры его тела расплывались и темнели. Его глаза стали напряженными и обеспокоенными. Он слегка встряхнул ее. — Гермиона... не... давай же... дыши... Гермиона.

Она не могла дышать.

Скоро она потеряет его.

Ее пальцы вцепились в ткань его одежды, когда Гермиона сглотнула и попыталась заговорить.

— Драко, — ее голос дрогнул, — не поступай так со мной.

Опустошение поглотило ее, как приливная волна, и Драко исчез в ее темноте.

***

Когда Гермиона пришла в себя, Драко снова склонился над ней. Она взглянула на него. Во рту был привкус горечи и трав. Все ее тело онемело, а мозг отказывался соображать.

Она моргнула, пытаясь собраться с мыслями. Все произошедшее вернулось с почти неистовой болью.

Она потеряла сознание от шока и недостатка кислорода.

Девушка сглотнула, ее язык защипало. Он дал ей успокоительное, пока Гермиона была без сознания, чтобы она была послушной и сговорчивой.

Она смотрела на него, пытаясь подобрать слова.

— Я никогда не прощу тебя за это, — наконец сказала Гермiona. Слова прозвучали невнятно, придавая фразе странный ритм, как будто ее рот не совсем слушался ее.

Драко даже не вздрогнул, его рука скользнула по ее скуле.

— Ты будешь жить и находиться далеко от войны. Такими... всегда и были мои условия.

Гермiona сжала губы на несколько секунд, пытаясь определить состав зелья, затуманившего ее разум. Что бы он ни дал ей, доза явно была большой. Она была удивлена, что ей вообще удалось прийти в сознание. Тот факт, что он дал ей зелье, пока девушка была без сознания, означал, что оно полностью подействовало, прежде чем она пришла в себя, чтобы бороться с ним.

В ней кипела холодная ярость, но снадобье блокировало вспышки эмоций.

Она заставила себя думать медленно.

Хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия.

В теории для окклюмента было возможно сделать себя невосприимчивым к любым зельям, изменяющим сознание, хотя было предпочтительнее, если бы окклюменты были в сознании во время приема зелья. Драко, вероятно, знал это и намеренно опоил ее до того, как она пришла в себя.

Веритасерум, седативные средства, любовные зелья — окклюменты потенциально могли противостоять их воздействию, если их разум уже был достаточно натренирован. Гермiona пристально посмотрела на Драко, старательно отгораживая эффект зелья, которое он ей дал, и замуровывая в нем события дня.

Ее разум внезапно стал кристально ясным.

Она изучала его лицо, прикидывая.

Гермiona могла видеть все эмоции в его тщательно сдерживаемом взгляде.

— Если ты заставишь меня уйти, а потом умрешь, мы можем никогда не найти крестраж, — сказала она, все еще используя медленную успокаивающую интонацию.

Его глаза сверкнули, а выражение лица стало холодным.

— Если Орден хотел победить, то должен был сделать лучший выбор. Если Темный Лорд перебьёт их всех, возможно, они наконец осознают последствия своей идеологии. Я сделал все, о чем меня просили, но не мог спасти армию, которая не в состоянии заплатить цену, что требует победа. Мне надоело смотреть, как ты пытаешься сделать это за них.

Гермиона медленно села на кровати.

Драко отступил назад и протянул руку.

— Мы уходим прямо сейчас.

— Нет.

Его глаза сузились.

— Грейнджер, ты дала мне слово.

Гермиона стиснула зубы.

— Знаю. Я пойду... как и сказала, но сначала мне нужно поговорить с Северусом. Он единственный оставшийся в живых союзник, кто сможет найти крестраж. У меня есть... исследования, которыми я должна поделиться с ним.

— Нет. — Его ответ был похож на рык.

Гермиона посмотрела на него с омертвевшим, но решительным выражением лица.

— Ты же знаешь, что я всегда буду ставить интересы Ордена на первое место.

Он вздрогнул. Его рот сжался в жесткую линию, а взгляд опустился, когда он сделал короткий вдох и посмотрел в пол. Она видела, как сжалось его горло и дернулись уголки рта, когда Драко сглотнул. Его серебристые глаза смотрели в сторону.

Гермиона продолжала говорить. Медленно. Упрямо.

— Если ты заставишь меня уйти, не поговорив с Северусом, это может быть расценено как нарушение твоего Непреложного обета помогать Ордену. Ты можешь просто упасть и умереть, прежде чем мы доберемся туда.

Драко взглянул на нее, она холодно встретила его взгляд и продолжила:

— И... последнее, что ты сделаешь, это подвергнешь меня опасности. Если ты позволишь встретиться с Северусом, возможно, когда-нибудь я смогу простить тебя.

Он смотрел на нее, и она не отводила взгляд, пока он, казалось, колебался.

— Хорошо. — В его голосе прозвучала горечь, и Драко снова отвернулся.

Она медленно кивнула и встала, потянувшись за палочкой и дважды постучав по амулету на запястье.

Пока они ждали, она пересекла комнату, чтобы еще раз осмотреть Джинни.

— Сначала ты должен перенести Джинни, — сказала Гермиона через несколько минут. — Стазис, в котором она находится, продлится еще несколько часов, у меня нет зелий, чтобы его усилить. Будет намного сложнее, если она проснется,

и мне придется объяснять, что произошло и почему мы должны бежать. Особенно когда ты накачал меня успокоительным.

Драко издал низкий смешок в глубине своего горла.

— Думаешь, я оставляю тебя здесь со Снейпом наедине?

Гермиона пожала плечами.

— Она беременна, а когда проснется, то узнает, что Гарри мертв, и вся ее семья погибла. У меня не будет времени попрощаться с тобой, если я буду ее успокаивать.

Снаружи послышался приглушенный треск. Драко повернулся, чтобы открыть дверь.

Гермиона задумалась, сможет ли она двигаться достаточно быстро, чтобы оглушить его. Она шевельнулась, и он тут же снова посмотрел на нее.

Северус шагнул в дверь, и, остановившись, переводил взгляд то на нее, то на Драко. Его губы скривились в усмешке, но она увидела в его глазах облегчение.

— Конечно, мне стоило догадаться, что ты каким-то образом заполучил ее, когда ее не оказалось в Хогвартсе.

Гермиона заложила руки за спину и до боли сжала пальцы в кулаки.

— Значит, они схватили всех?

Северус едва заметно кивнул.

— Габриэль Делакур была тайно поймана неделю назад. Они использовали ее, чтобы выманить Флер.

Гермиона медленно покачала головой.

— Флер никогда бы не стала...

Все безопасные дома.

Флер знала все. Она защищала и поддерживала их.

Гермиона снова покачала головой.

— Она не была Хранительницей тайны. Ее знаний все равно было недостаточно.

Рот Северуса насмешливо скривился.

— С бесконечной изобретательностью Сассекса невозможное становится возможным. Что-то связанное с магией вейл. Они уже несколько месяцев работали над взломом «Фиделиуса», — сухое презрение глухо прозвучало в его голосе. Он выглядел усталым.

Она задавалась вопросом, чувствовал ли он такое же отчаяние сквозь

собственную окклюзионную стену.

Северус настороженно взглянул на Гермиону.

— Что случилось в Хогвартсе?

Она опустила глаза.

— Гарри был крестражем. Я узнала об этом сегодня, когда нападение уже началось. Когда я подтвердила свою догадку, то попыталась убедить Гарри отступить, но он думал, что если все крестражи будут уничтожены, то, позволив Темному Лорду убить его, он выполнит пророчество и убьет их обоих.

Лицо Северуса дрогнуло.

— И как же вы догадались?

— Поппи рассказала, что заметила нарушения в его магическом отпечатке на первом курсе, но Дамблдор все отрицал. Вы знали об этом?

Его губы скривились.

— Нет. Я бы не стал учить Поттера окклюменции, если бы знал, что у него в голове крестраж.

Гермиона слегка кивнула.

— Ну, теперь это вряд ли имеет значение. Он мертв, и это не сработало. Мы упустили крестраж, и его нужно найти. — Ее челюсть дернулась, а голос стал напряженным. — Драко раскрыл себя, вытаскивая Джинни из Сассекса. Он считает, что осталось меньше двенадцати часов, прежде чем Темный Лорд узнает о его предательстве.

Северус перевел взгляд на Драко, который смотрел на него с безразличным выражением.

Гермиона сглотнула.

— Я согласилась покинуть Британию вместе с Джинни. Северус, вы должны будете найти и уничтожить последний крестраж. Все мои исследования были утеряны на Площади Гриммо, но я смогу все объяснить, прежде чем уйду.

Выражение лица Северуса даже не дрогнуло.

— Действительно, а чем же в это время будет занят Драко?

Гермиона собралась с духом.

— Сначала он перенесёт Джинни в безопасное место и все устроит, пока я буду передавать вам свои наработки. Затем он вернётся и заберёт меня.

Северус громко фыркнул и посмотрел на Драко.

— Неужели? Это и есть ваш план? А я, значит, должен оставаться здесь и

заниматься поиском крестража.

Драко посмотрел на него, злобно скривив губы.

— Мне все равно, чем ты будешь здесь заниматься. Грейнджер уходит.

Северус выгнул бровь и снова посмотрел на Гермиону.

— Неужели?

Уголок рта Гермионы дернулся вниз.

— Да. Я дала ему слово, что уйду.

Северус молчал достаточно долго, чтобы ее сердце бешено заколотилось в груди.

Он закатил глаза.

— Прекрасно. Учитывая, что я, похоже, единственный оставшийся в живых, кто помнит о цели Ордена.

Гермиона призвала стол и порылась в своей расшитой бисером сумке в поисках пергамента и чернил. Она начала писать, а потом посмотрела на Драко.

— Ты должен перенести Джинни прямо сейчас. Тогда мы успеем разобраться со всем к тому времени, как она проснется. Я полагаю, что это будет не скорое путешествие.

Драко оценивающе смотрел на нее.

— Я не доверяю тебе, Грейнджер. Снейпу я доверяю еще меньше.

Сердце Гермионы замерло, но она лишь медленно моргнула.

— Ладно. Тогда оставайся.

Девушка снова посмотрела на свиток и продолжила писать. Последовало долгое молчание.

— Я хочу Непреложный обет, — резко сказал Драко.

Пальцы Гермионы, державшие перо, дрогнули, прежде чем она посмотрела на него.

— От меня?

Драко усмехнулся.

— Нет. Только не от тебя. От Снейпа. Я хочу, чтобы он дал слово, что не будет вмешиваться и никуда тебя не поведет.

Гермиона перевела взгляд на Северуса, ощущая, как ее сердце гулко колотится в груди.

— Хорошо. Хочешь, чтобы я связала клятву?

— Вы оба глупцы, — сказал Северус, выпрямляясь.

— Ты сделаешь это? — глаза Драко сузились в щелочки.

Северус искоса взглянул на Гермиону и фыркнул.

— Конечно, я дам Обет, — он пренебрежительно махнул рукой, — похоже, что это единственный способ добиться хоть чего-либо.

Все было сделано в считанные минуты.

Драко не смотрел на Северуса во время Обета, его взгляд был прикован к Гермионе.

Затем Драко встал, все еще не отводя глаз от ее лица.

— Я вернусь через несколько часов.

Он поднял Джинни на руки. Перед тем, как он исчез, губы Гермионы приоткрылись.

Скажи...

Скажи ему...

— Хорошо. Я подожду тебя здесь... — сказала она, поворачиваясь к столу, за которым писала, и снова берясь за перо.

Гермиона не подняла глаз, когда он бесшумно аппарировал.

Как только Драко исчез, она уронила перо и перевела взгляд на место, где он стоял до этого. Она почти ждала, что он появится снова.

Но этого не произошло.

Ее пальцы несколько мгновений постукивали по столу, а затем она повернулась и прошла мимо Северуса, подхватив свою сумку с пола и используя кончик палочки, чтобы вырезать руны на полу. Доски засветились, и появилась крышка люка. Открыв его, Гермиона опустилась на колени и начала вытаскивать припасы.

Северус молча наблюдал, как она опорожнила несколько стеклянных пузырьков, а затем зачаровала их во множество изящных стеклянных сфер.

Она вытащила из сумки котел и вызвала под ним сильное пламя, прежде чем опрокинуть в него целый бочонок порошкообразного серебра из запасов Драко.

— Никогда не думал, что Драко возможно так легко одурачить.

Челюсть Гермионы дернулась, когда она вытаскивала флакон со смолой.

— Он больше всего на свете хотел увезти меня с войны. — Она немного помолчала, а потом добавила: — Я уже говорила вам, что моя жизнь важна для него. И вопреки всему, он не хочет, чтобы я его ненавидела. Полагаю, теперь можно сказать, что у него появилась предсказуемая слабость.

Она сжала губы, и ее горло напряглось.

— Я никогда не нарушала своего слова, и он верит, что я сдержу его.

— Он никогда больше не поверит вам, когда узнает, что вы ему солгали.

Гермиона не отрывалась от работы.

— Да. Не думаю, что он поверит мне когда-нибудь.

— Вы расскажете мне, что задумали? В одиночку убить Темного Лорда?

Уголок ее рта дернулся, когда она покачала головой.

— Я собираюсь взорвать Сассекс.

Последовало долгое молчание.

— Неужели?

Гермиона пожала плечами.

— Теоретически это возможно, и в данный момент у меня нет других вариантов.

— Вы собираетесь убить всех в этом здании ради того, чтобы спасти Драко?

Гермиона начала капать смолой в десятки сфер. Ее руки были твердыми, а взгляд острым, как бритва.

— Мне нужно, чтобы Драко жил. Я не могу... мне нужно, чтобы он жил. — Она сглотнула и вздернула подбородок. — Кроме того, в этом здании почти некого спасать. Я пыталась исцелить жертв их последних экспериментов, но не смогла. Они все погибли. — Она вытащила коробку, наполненную более чем сотней флаконов высококонцентрированного яда. В аэрозольном виде одной капли было достаточно, чтобы убить всех в комнате. — Я смогу сделать это быстро для всех. Это самый эффективный яд, который я встречала.

Гермиона отмерила несколько капель в каждую стеклянную сферу.

— Если я взорву Сассекс, то смогу спасти Драко и избавить жертв от всего того, что с ними может случиться, и... я смогу убить ученых, работающих на Пожирателей. Возможно, Долохов тоже будет там. Том, вероятно, не будет строить новую лабораторию теперь, когда Гарри мертв. У него не хватит ученых, чтобы восстановить штат до прежнего уровня, даже если он этого захочет. А значит, он не сможет отправить туда заключенных из Хогвартса. Я уверена, что он придумает... что-нибудь еще, но, по крайней мере, не сможет заставить их всех мучиться до смерти.

Северус молчал несколько минут.

— Это и есть... мой план. Вам, наверное, лучше уйти, — сказала Гермиона, не поднимая глаз. — Я никогда раньше не делала подобных бомб и могу случайно взорвать эту комнату.

— Уверен, это будет гораздо более быстрой смертью, чем то, что сделает Драко, если вернется и обнаружит, что его убежище пустое. Это самоубийственная миссия для вас, или вы собираетесь вернуться?

Гермиона запечатала несколько небольших стеклянных сфер и поместила их в более крупные.

— Я должна вернуться. Ради Драко.

— Если вы не вернётесь, он наверняка попытается убить меня.

Раздражение расцвело в глубине ее сознания, и она крепче сжала пузырек с раздавленными яйцами огневицы.

— Я уверена, вы что-нибудь придумаете, Северус. Вы были шпионом почти столько же, сколько я живу.

Последовало еще одно долгое молчание.

— Если вы не вернётесь, как думаете, что будет с ним?

Гермиона замерла, и ее окклюментционные стены дрогнули.

— Я собираюсь вернуться. Я сказала Драко, что буду ждать его здесь.

Северус больше ничего не произнёс. Он просто стоял и смотрел на нее в неодобрительном молчании.

Она изготовила несколько десятков бомб, размером не больше снитча, затем покрыла их серебром, прежде чем окунуть в зелье невидимости и спрятать в бесчисленных карманах своего плаща.

Затем Гермиона встала, взяла со стола листок, сложила его пополам и начала было убирать в сумку, но, поколебавшись, положила обратно. Она достала свои ножи и сунула их в пустой карман плаща.

Девушка посмотрела на беспорядочно разбросанные по полу материалы для бомб.

— Ничего не трогайте. Я все уберу, когда вернусь.

Северус внимательно оглядел ее с головы до ног. Его ониксовые глаза были непроницаемы.

— Как вы собираетесь туда попасть?

Сердце Гермионы бешено колотилось в груди, несмотря на успокоительное, но она упрямо вздернула подбородок. Уголки ее рта изогнулись:

— Однажды вы взяли меня с собой в Эшдаун на поиски трав. Я ходила туда каждую неделю, пока не наткнулась на барьеры.

Северус еще мгновение смотрел на нее, а затем протянул руку.

— Отдайте мне бомбы. Я все сделаю.

Глаза Гермионы расширились. Она поколебалась мгновение, прежде чем схватилась за ткань плаща и покачала головой:

— Я обещала Драко, что уйду с ним и не вернусь. Если мой план не сработает, и Драко... — ее голос резко оборвался. Она уставилась в пол. — Кто-то должен найти крестраж. Кроме того, — Гермиона указала на свой плащ, — у меня осталось не так много времени. Бомбы сделаны на скорую руку, только я смогу их активировать.

Его глаза сузились. Гермиона расправила плечи и повернулась к выходу. Когда она открыла дверь, ее пальцы дернулись, и она оглянулась через плечо. Северус стоял и настороженно наблюдал за ней.

— Северус... — начала она дрожащим голосом. Девушка отвела взгляд, сглотнула и начала снова: — Северус, если я не вернусь, скажите Драко... скажите, что я...

Гермиона опустила голову и быстро провела кончиками пальцев по щекам. Она откашлялась и покачала головой:

— Неважно. Уверена, он знает.

Гермиона сжала челюсти и, потянув дверь, трансгрессировала.

63. Флэшбэк 38.

Лаборатория в Сассексе представляла собой огромное черное здание, выглядевшее чужеродным посреди Эшдаунского леса. Антиаппарационный барьер, окружавший строение, тянулся на несколько сотен ярдов вокруг. Гермиона наложила дезиллюминационные чары и двинулась вперед к лаборатории, внимательно осматривая разбросанные по территории небольшие постройки. Главное здание возвышалось над всеми ними. Воздух был настолько пропитан темной магией, что становилось трудно дышать. Высоко над головой она увидела дементоров, патрулирующих территорию.

Со стороны, с которой приближалась Гермиона, главное здание напоминало ей Азкабан. Она примерно знала план строения Сассекса и даже видела лабораторию издалека, но это был первый раз, когда девушка собиралась подойти к ней вплотную.

Устрашающе огромное здание V-образной формы, казалось, не имело ни одной двери. На верхних этажах виднелось всего несколько окон. Из плана строения Гермиона знала, что единственным входом в лаборатории служил аппарационный пункт, находившийся прямо внутри здания. То же относилось и к выходу, только для него была выделена отдельная точка на другом этаже.

Если бы Гермиона не была так взволнована и убита горем, то сразу поняла бы, что Драко не смог бы так быстро вызволить Джинни, не скомпрометировав себя.

Они оба допустили ошибки из-за того, что были в отчаянии.

Гермиона огляделась. Несмотря на летний зной, небо оказалось затянуто облаками. Близилась ночь; скоро должно было наступить время всех темных существ.

Она продолжала путь, пока не подошла к последнему защитному барьеру. Чары, окружавшие лабораторию, были похожи на те, что использовались в Хогвартсе. По периметру барьера вся трава и цветы превратились в пепел.

Когда Гермиона протянула вперед руку, магия заискрилась, и, чувствуя чужое присутствие, приобрела очертания.

Достав из кармана нож, девушка опустилась на колени и воткнула острие в мерцающую стену барьера. Яд мантикоры, пропитавший лезвие, прошел сквозь защитную магию так легко, словно ее и не было. Гермиона вытащила из кармана одну из заготовленных бомб и, слегка постучав по ней кончиком палочки, просунула в образовавшуюся от ножа брешь, стараясь, чтобы взрывчатка не соприкасалась с чужеродной магией барьера или ножа. Если бомба взорвется раньше времени, Пожирателям Смерти придется собирать ее останки в радиусе пятидесяти футов.

Гермиона постаралась отогнать от себя эту мысль.

Переместив пять бомб через отверстие в барьере, взмахом палочки она отлевитировала их ближе к зданию и заставила две из них подняться вверх и зависнуть на уровне крыши, оставив три бомбы парить чуть выше земли. Гермиона аккуратно извлекла нож из защитного барьера, и отверстие в нем тут

же затянулось.

Она двинулась вдоль защитной стены и повторила ту же процедуру со следующей партией взрывчатки. Девушка обошла всю восточную часть здания, когда в ее карманах больше не осталось бомб. Судя по планам строения Сассекса, которые приносили Северус и Драко, именно с этой стороны находились и лаборатории, и все остальные подразделения, ставящие опыты на пленных. Западная часть здания была отведена под технические изобретения; там проводили разработку следящих наручников и искали методы преодоления защиты магии Фиделиуса.

Гермиона отошла как можно дальше от строения, оглядываясь на то место, за которым становилась возможной аппарация, и прикидывая расстояние, которое ей нужно будет преодолеть, чтобы добраться до него. Взмахнув палочкой, девушка воспользовалась заклинанием Головного пузыря.

Зажмурившись, она сделала медленный вдох, а затем открыла глаза и вытянула вперед руку с зажатой в ней палочкой.

Я позабочусь о тебе. Я всегда буду заботиться о тебе.

Гермиона сделала резкое движение кистью вверх, а затем вниз.

Секунду ничего не происходило. Затем раздался грохот, словно все частицы воздуха разом завибрировали.

Оглушительный звук ударил по ней стеной и заставил все тело содрогнуться. Магия, окружавшая Сассекс, запульсировала, когда серия из нескольких взрывов прогремела со стороны лабораторий. Взрывная волна врезалась в магический барьер и рикошетом ударила обратно по стенам здания. Облако из пыли и ядовитого тумана заполнило воздух; восточная часть строения задрожала и обрушилась, врезавшись в западное крыло Сассекса.

Земля тряслась так сильно, что Гермиону сбило с ног, и, падая, она ударилась головой. От боли окклюментционная защита в ее сознании треснула. Чувствуя себя дезориентированной и оглушенной, девушка с трудом поднялась с земли. Усиленно моргая, она помотала головой, пытаясь вернуть ясность мыслям. В ушах раздавался пронзительный, болезненный звон, перекрывающий все остальные звуки. Она в последний раз взглянула на разрушенную лабораторию, а затем развернулась и бросилась к антиаппарационному барьеру.

Гермиона успела пробежать чуть больше пятидесяти футов, когда внезапно ее пронзило оглушающее отчаяние.

Запнувшись, она остановилась.

Гарри был мертв.

Боль утраты накрывала ее, словно приливная волна.

Гарри. Падма. Добби. Каждый из них.

Все.

Всё, что она делала. Ничего из этого не имело значения.

Всё было бесполезным.

Потухший взгляд Гарри, когда в него одно за другим летели Убивающие проклятья.

Отчаянный крик Рона, когда он кинулся к телу своего друга.

— *Что с Парва..?*

Кричащий от боли Колин, лежащий в луже собственной крови на больничной койке.

Всё было бессмысленно.

— *Мы хорошо держались, Грейнджер, но ты знала, что это не продлится долго.*

Гермиона стояла одна посреди пустоши. Ее тело пробивала дрожь.

Одну за другой она вспоминала смерти всех близких.

Они все умрут.

Она осела на землю. Ей было так холодно. Каждый сантиметр ее тела болел.

Гермиона прижала руку к груди, пытаясь вздохнуть.

— *Ты должна понимать, что почти достигла той черты, за которой вред от темной магии становится необратимым.*

Все воспоминания, от которых она пыталась спрятаться. Все крики, страдания и смерти. Отвратительный, выворачивающий наизнанку запах омертвевшей, гниющей плоти. Руки с длинными загнутыми когтями, тянущиеся к ней... И мольбы: — *Помоги мне. Прошу, убей меня. Пожалуйста. Пусть это прекратится.*

Казалось, что по ее венам разливается холод.

Ей хотелось умереть.

Драко.

— *Ты моя. Я всегда буду возвращаться за тобой.*

Гермиона замерла. Она обещала Драко, что будет ждать его.

Если она не сдержит обещание, то, когда Драко вернется в хижину, он найдет там остатки от сделанных в спешке бомб и короткую записку на столе с повторяющимся: *Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.*

Гермиона заставила себя поднять голову и осознала, что дементоры успели заполнить все небо и уже приближались к ней.

Схватив крепче палочку, девушка попробовала встать с земли. Она больше не

могла использовать патронус. Ей придется бежать.

Гермиона с трудом встала на ноги, но, не удержавшись, снова упала на землю. Ее тело продолжало дрожать.

Дементоры подлетали все ближе и уже закрыли собой небо над ее головой, блокируя свет.

Она снова попыталась подняться, отчаянно перебирая в голове воспоминания в надежде ухватиться за подходящее. За что-то, не отравленное войной.

— Я позабочусь о тебе. Я не позволю никому причинить тебе вред. Тебе необязательно чувствовать себя одинокой. Потому что ты принадлежишь мне.

Это воспоминание не было счастливым. Гермиона не была уверена, каким оно было для нее. Но это обещание было только ее. Она должна вернуться к Драко. Он принадлежал ей. Она заслужила его. Она обещала, что будет ждать его.

Она не могла умереть здесь. Не могла оставить его одного. Гермиона знала, что Драко отправится даже в ад, чтобы вернуть ее обратно.

Кожа девушки горела от пронизывающего холода. Она смогла наконец подняться на ноги и направила палочку на приближающихся дементоров.

— Экспекто Патронум! — Она вложила в заклинание все испытываемые эмоции.

Белый свет вырвался из кончика ее палочки и начал разрастаться, пока не обрел форму полноценного патронуса.

Но тот не был ее выдрой.

Не напоминал ее ни единым намеком.

Гермиона расширившимися глазами смотрела, как белое облако света приобретает очертания дракона. Опаловоглазый антипод. Он заполнил собой все пространство. Откинув голову, дракон взревел и распахнул огромные крылья. Из его открытой пасти вырвалось пламя.

Дементоры взмыли обратно в небо, но дракон направился за ними, преследуя и заставляя их подниматься все выше над землей. В какой-то момент дементоры отлетели достаточно далеко, чтобы патронус потерял их след, а затем снова ринулись к поляне, на которой стояла Гермиона.

Девушка наблюдала за их приближением, зажав палочку в поднятой руке, готовая к атаке.

Возможно, Гермиона не могла убить дементоров, но она могла попробовать их сжечь.

Огромные языки Адского пламени вырвались из кончика ее палочки и, заметавшись, преобразились, превращаясь в несколько десятков огненных химер. Когда дементоры стали приближаться к земле, подгоняемые сзади огромным прозрачным драконом, Гермиона вскинула руку с палочкой вверх, заставив Адское пламя плотной стеной направиться вверх.

Небеса заполонились горящими фигурами дементоров, которых пожирало пламя, принявшее форму гигантского пылающего дракона.

Гермиона позволила себе смотреть на это всего несколько секунд, прежде чем снять заклятие, развернуться и броситься к антиаппарационному барьеру, пока дементоры, объятые огнем, с воем падали на землю.

Она успела пробежать несколько десятков ярдов, когда что-то набросилось на нее сзади и повалило на землю. Брыкаясь и пинаясь, девушка смогла вырваться из рук существа и ударила вампира заклинанием, прежде чем тот успел укусить ее. Вампир рухнул на землю, а Гермиона быстро поднялась на ноги.

Девушка едва успела выпрямиться в полный рост, когда из темноты выпрыгнула лесная ведьма, целясь когтями ей в лицо. Гермиона отскочила в сторону, взмахом палочки лишая ведьму рук и ног. Оглянувшись, она увидела, как поляну заполонили темные существа. Целое полчище тварей успело подкрасться к ней, пока девушка пыталась справиться с дементорами.

Она замерла, дожидаясь, когда они подойдут ближе, а затем ударила рукой с зажатой в ней палочкой по земле, превращая почву в жидкость. Оборотни, вампиры и лесные ведьмы погрузились под воду. Прежде чем они успели выплыть на поверхность, Гермиона отменила заклинание и, отвернувшись, продолжила бежать к барьеру.

Кто-то ударил ее сзади. Гермиона споткнулась и полетела на землю. Прокатившись кубарем несколько метров, она смогла перевернуться на живот и, оперевшись на руки, встала, не глядя посылая в нападавшего Бомбарду максима.

Совсем юный оборотень, в которого попало заклинание, опустил взгляд на свой живот, вспоротый проклятием, и повалился на землю. Скорее всего, он выживет благодаря своей ликантропии. Гермиона кинула серию режущих проклятий еще в нескольких тварей, успевших подобраться к ней слишком близко.

Она уже начала поворачиваться, чтобы продолжить путь, когда сзади произнесли:

— *Экспеллиармус!*

Заклинание вырвало палочку у нее из рук и заставило Гермиону отлететь на несколько метров назад. Падая, она ударилась головой о торчащий из земли камень. Ее зрение помутилось, перед глазами заплесали черные точки. Приподнявшись на локтях, девушка дезориентированно огляделась в поисках палочки.

Грэхэм Монтегю стоял в пятнадцати футах от нее. Палочка Гермионы была зажата в его руке.

— Сегодня однозначно мой день. Такое чувство, словно мы виделись только вчера, — сказал он, ухмыляясь. На его лице было написано злое торжество. — Не ожидал встретиться с тобой так скоро. Устроила все это в одиночку? — Он кивнул на дым, поднимающийся над руинами лаборатории, и на горящих дементоров.

Гермиона не шевелилась, ее взгляд был прикован к палочке.

— Блять. Готов поспорить, что получу Метку за то, что поймал тебя. — Он перевел взгляд на нее, а затем победно улыбнулся и, сжав ее палочку обеими руками, сломал пополам.

Гермиона замерла от ужаса.

Без палочки она не сможет аппарировать.

— Ну же. — Монтегю поманил ее к себе рукой, в которой была зажата его собственная палочка. Темные существа уже успели сгрудиться вокруг него. — Не усложняй. Иди ко мне, грязнокровка.

Гермиона обвела взглядом поле, надеясь придумать, как поступить дальше.

Она ссутулилась, словно признавая поражение, в то же время стараясь незаметно вытащить кинжал из внутреннего кармана мантии.

Неуверенными шагами Гермиона стала приближаться к Монтегю и окружающим его темным тварям.

Один из оборотней выступил вперед и потянулся к ней, собираясь схватить за руку.

Гермиона нанесла удар.

Блеснуло лезвие, и она отрубила оборотню руку, а затем вспорола ему живот.

За свою жизнь девушка успела вылечить достаточно ран, нанесенных лесными ведьмами, чтобы знать точно, где их слабые места.

Увидев летящее в ее сторону проклятие, Гермиона бросилась на землю. Ей нужно было добраться до Монтегю. У него единственного здесь была волшебная палочка.

Лесная ведьма выпрыгнула вперед, собираясь схватить ее за горло, но Гермиона успела развернуться и вогнала острие в шею существа, прежде чем продолжить прокладывать себе путь к Монтегю.

Глаза мужчины расширились от ужаса, и он снова попытался проклясть ее. Но в дуэлях Монтегю явно уступал Драко. Медлительный и неповоротливый. Гермиона уклонилась от первого проклятия. То же самое произошло и со вторым. Фиолетовый луч рассек ткань ее мантии, попадая в живот. Она продолжала приближаться к Монтегю, пока тот не споткнулся, пытаясь убежать от нее, и растянулся на земле.

Перехватив кинжал в руке, девушка метнула его в Монтегю, целясь в центр груди.

Он успел поставить защиту, но пропитанное ядом лезвие легко прошло сквозь магический барьер и вошло в плечо мужчины. Она почти попала ему в сердце.

Гермиона схватилась за второй кинжал.

Лицо Монтегю искажил ужас.

— *Авада Кедавра!*

Вместо зеленого луча из его палочки вырвался только сноп искр.

— *Авада Кедавра!*

Снова ничего.

— *Круцио!*

Красный луч проклятия пролетел мимо. Он сделал еще одну попытку.

Гермиона подошла вплотную и вогнала нож ему под ребра.

Пользуясь тем, что ее руки заняты кинжалом, Монтегю прижал кончик палочки к ее горлу и выкрикнул:

— *Круцио!*

Выпустив из ладоней рукоятку ножа, Гермиона с криком повалилась на землю. Она извивалась и корчилась от боли. Казалось, агония пронизывала каждое нервное окончание в теле. Горло саднило от крика. Было ощущение, что нервные клетки ее мозга перегорели. Кровь наполнила рот. Боль. Ничего, кроме бесконечного ада боли.

Наконец, все прекратилось.

Гермиона заставила себя открыть глаза и увидела, что Монтегю стоит на четвереньках. Его плечо и часть туловища были залиты кровью. Похоже, что он и сам с трудом оставался в сознании. Волшебная палочка безвольно повисла в его руке.

Гермиона всхлипнула и с трудом втянула воздух сквозь сжатые зубы, пытаясь перевернуться на живот и приподняться.

Достань его палочку. Достань его палочку.

Мышцы дрожали и не слушались, пока Гермиона пыталась встать.

— Тупая сука... *Ступефай!*

***

Гермиона очнулась от крика.

Она лежала на земле. Каждый мускул в ее теле болел и сопротивлялся движениям, когда девушка попыталась сесть. Она была заперта в огромной металлической клетке с десятком других людей. Некоторые из них казались Гермионе смутно знакомыми.

Было уже темно. Единственным освещением служили факелы, отбрасывающие

на землю оранжевые блики. Гермиона чувствовала запах крови и темной магии. Крики не стихали. Как и смех. До неё то и дело доносились злые, беспощадные и истерические приступы смеха.

Гермиона огляделась, понимая, что находится в Хогвартсе. У подножия Астрономической башни расположилось несколько десятков одинаковых клеток, заполненных людьми. Крики доносились с вершины башни.

Девушка подняла взгляд вверх.

В пятнадцати футах над землей к стене Астрономической башни была прикована Молли Уизли. Женщина кричала, плакала и пыталась вырвать руки из связывающих их цепей. Артур, висевший точно в таком же положении рядом с ней, вопил от боли. Посланное в него проклятие непрерывно резало его на части.

— Пожалуйста! Не поступайте так с ним!!! Накажите лучше меня! Он не понимает, что происходит! Пожалуйста, прекратите! — голос Молли срывался, но она продолжала умолять Пожирателей.

С металлических цепей рядом с женщиной свисали окровавленные куски мяса. Гермиона прищурилась, пытаясь рассмотреть получше.

Оторванные руки.

Чье-то туловище.

Голова Джорджа.

Поднявшаяся из желудка кислота заставила Гермиону согнуться пополам. Ее рвало так сильно, что боль от конвульсий отдавалась в позвонках спины.

Вытерев рот ладонью, она снова подняла взгляд вверх.

Билл, Чарли, Фред и Джордж были мертвы. То, что осталось от их тел, кусками свисало с цепей. Рон все еще оставался жив, но был истерзан так сильно, что вряд ли смог бы продержаться долго. Из вспоротого живота Тонкс свисали внутренние органы. Ремус висел на цепях рядом с ней. Их тела были в таком ужасном состоянии, что не оставалось сомнений: они мертвы.

Чуть выше семьи Уизли, Ремуса и Тонкс к стене была прикована еще чья-то фигура. Тело, от которого остался только скелет.

Руки Гермионы невольно дрогнули, когда она ухватила за прутья клетки.

— Это... Это Гарри? — с трудом выдавила она.

— Да, — ответила девочка, сидевшая рядом с ней. Ее голос был лишен эмоций. Если Гермиона правильно помнила, девочку звали Муфалда. — После того как Сама-Знаешь-Кто в последний раз использовал Убивающее проклятие, он применил другое заклинание, и тело Гарри начало гнить. Потом Сама-Знаешь-Кто повесил его тело так высоко... чтобы все могли видеть, как это происходит. А всех друзей Гарри... Их пытаются уже несколько часов.

Крики Артура становились все тише.

— Пожалуйста! Прекратите! Артур! Артур! — Рыдая, Молли пыталась дотянуться до мужа.

Руки Гермионы дрожали. Опустив подбородок, она отвела взгляд от Астрономической башни.

На ней не было ни ее мантии, ни цепочки, ни браслета. Пока Гермиона лежала без сознания, кто-то снял с нее все вещи и переодел в тонкое серое платье. Даже из ее волос достали все резинки и заколки. На ней осталось только кольцо, которое ей дал Драко.

— Малфой!

Гермиона на мгновение замерла, а затем повернулась, чувствуя, как кровь стынет в жилах. По полю, перемежаясь с металлическими клетками, были расставлены шатры. Пожиратели Смерти, стража и министерские чиновники веселились и пили внутри. Какой-то Пожиратель вышел вперед и бросил проклятие в одно из тел, висящих на Астрономической башне. Послышался очередной взрыв пьяного хохота.

Несколько мужчин кидали похотливые взгляды на сидящих в клетках женщин.

— А ты хорошенькая. Может, Темный Лорд позволит мне забрать тебя в награду за мои заслуги, — сказал Пожиратель, пытаясь схватить одну из пленных сквозь прутья решетки.

— Малфой!

Гермиона снова обернулась, ища взглядом Драко, но вместо него увидела приближающегося к клетке Люциуса.

— Мы уже думали, что ты и остальные собираетесь пропустить все веселье, — послышался чей-то хриплый голос.

Увидев, что Люциус подходит ближе, девушка забилась в угол клетки и отвела взгляд, стараясь стать незаметной. В ушах все еще звенело от взрыва, поэтому Гермиона задержала дыхание в надежде что-то расслышать.

— Мое присутствие было необходимо, — ответил Люциус. Его голос был раздражающе спокоен. — Случилась... непредвиденная ситуация.

Гермиона почувствовала, как сжалось горло.

Драко.

Голос второго говорящего стал тише:

— Сассекс?

— Верно, — ответил Люциус. — Темный Лорд не намерен сильно распространяться об этом. Только самые приближенные в курсе произошедшего.

Ее плечи опустились от облегчения. Речь шла не о Драко.

— Так это правда? Никто не выжил? — Мужчина с хриплым голосом, видимо, не собирался так легко сдаваться.

— Разве я не сказал сейчас, что об этом лучше не распространяться? Ты действительно хочешь узнать то, что Темный Лорд желает сохранить в тайне? — произнес Люциус вкрадчиво, почти нараспев. — Когда он и так фильтрует наши ряды в поисках шпионов? Я бы не хотел быть рядом, когда Темный Лорд узнает, что ты пытался выведать информацию. До сих пор с дрожью вспоминаю о том, что случилось на прошлой неделе с бедным Руквудом.

— Я не... Я просто хотел... Я всего лишь поинтересовался ради приличия. Смотри! Я оставил кое-кого специально для тебя. Многие хотели сами прикончить его, но я сказал всем, что это должен сделать ты. Посмотри, он все еще жив.

Гермиона подняла взгляд и увидела, что Люциус и другие Пожиратели смотрели на Астрономическую башню.

Неподвижное тело Артура свисало с цепей, а крики Молли превратились в тихие всхлипы.

— Некоторые из них все еще держатся. — Пожиратель кинул проклятие в Ремуса, и тело мужчины дернулось и снова безвольно повисло. — Этот никак не сдохнет. Уже дважды отращивал свои конечности, мы перепробовали все проклятия. — Он мерзко хихикнул. — И еще вот эта мамка семейства. Орет больше, когда пытаются одного из ее выроdkов, чем ее саму. Но для тебя я оставил самый лакомый кусок. Лучший друг Поттера, вечно таскавшийся за ним. Я лично убедился, чтобы он достался тебе.

— Как мило с твоей стороны, Мальсибер, — ответил Люциус, не отрывая взгляда от семейства Уизли, прикованного к башне. Он выглядел отрешенно и задумчиво.

В зловещем свете факелов лицо Люциуса было похоже на обтянутый кожей череп; его щеки впали, под глазами, казавшимся черными дырами на фоне бледной кожи, залегли темные круги.

— Я надеялся, что у меня будет больше времени, чтобы растянуть удовольствие... Но Темный Лорд хочет, чтобы мы избавились от всех до конца дня. — Его голос стал мечтательным. — Я долго размышлял о том, что бы мне хотелось сделать с ними.

Луч кислотно-желтого цвета вырвался из палочки Люциуса и ударил Рона в голову. Его тело забилось в конвульсиях, глаза расширились и едва не вылезали из орбит, словно что-то сжало его горло.

— Не над... — слова готовы были сорваться с ее губ, но в последний момент Гермиона остановила себя.

Серые глаза Люциуса сверкали, пока он рассматривал прикованные к башне тела.

— Я поклялся на могиле Нарциссы, что уничтожу всех предателей крови в этой стране. Я знал, что Поттер достанется Темному Лорду, но надеялся, что смогу

отправить на тот свет всю обожаемую поттеровскую «семейку».

Люциус резко дернул рукой, и это было похоже на произвольное движение. Возможно, он страдал от нервного тика. С напряженным лицом мужчина следил за Роном, а затем поднял палочку и отменил заклятие. Грудь Рона вздымалась, он с трудом делал дрожащие вдохи. Его взгляд казался остекленевшим.

Небрежно поигрывая палочкой в руке, Люциус неторопливо заговорил:

— Сгореть заживо — довольно мучительная смерть. Раньше магглы сжигали ведьм. Те горели, пока от них не оставался лишь пепел. От моей жены тоже ничего не осталось. Пустой гроб. Хотя я искал ее тело... очень долго. — Его плечо снова произвольно дернулось.

— Думаю, это будет подходящей расплатой. Пусть познает боль, через которую пришлось пройти Нарциссе. — Он поднял палочку. — Это за мою жену.

Темно-зеленое проклятие ударило Рона в ноги, и вокруг них за клубился дым. Откинув голову, Рон закричал.

Гермиона дрожала. В горле встал ком, и она едва сдерживала рвотные позывы. Это проклятие было ей знакомо. Оно превращало кровь в расплавленный свинец. И делало это очень медленно. Девушка сжалась в дальнем углу клетки и постаралась сдержать всхлипы.

Люциус откинул голову назад и расхохотался.

Вздрагнув, Молли пришла в сознание и снова взмолилась:

— Пожалуйста! Только не его! Не трогайте моего сына! Пожалуйста!

Гермиона зажмурила глаза и закрыла уши руками, но это не помогло ей отгородиться от криков Рона и Молли. Не помогло ей не слышать и сумасшедшего смеха Люциуса.

Стоны Рона становились все тише, когда Гермиона почувствовала, как ее обоняния коснулся приторно-сладкий запах. Резко открыв глаза, девушка увидела лицо Долорес Амбридж всего в нескольких сантиметрах от своего. Женщина рассматривала Гермиону со зловещим ликованием.

Позади Амбридж стояли несколько стражников.

— Думаю, мне знакомо лицо этой маленькой лгуни, — сказала Амбридж и, подозвав одного из стражников, приказала: — Отопри клетку и вытащи ее.

Послышался скрип металлической дверцы, и Гермиону грубо схватили за руку и выволокли наружу. Кто-то схватил ее за волосы и откинул голову назад.

Амбридж снова коротко хихикнула, обдавая лицо девушки таким приторным дыханием, словно она только что жевала конфету.

— Все-таки это ты. Я бы узнала твое грязнокровное лицо где угодно. Я тебя не забыла. — Глаза Амбридж злобно сверкнули. Кинув взгляд на стражников позади себя, она приказала: — Запишите. Я хочу, чтобы ее отправили в Сассекс со

следующей партией пленных. Поставь ее в начале списка. Она должна попасть именно к Долохову. — Женщина наклонилась к Гермионе, понизив голос до шепота. — Ему всегда нужны новые игрушки, которые можно сломать.

Один из стражников неловко кашлянул. Амбридж бросила на него раздраженный взгляд.

— Надзирательница, Сассекс... говорят, что он вне доступа... в связи с произошедшим там... инцидентом. И Долохов... мертв.

Увидев вытянувшееся лицо Амбридж, на несколько мгновений Гермиона почувствовала мрачное торжество.

Она надеялась, что Долохов умрет. Единственным человеком, которого она ненавидела больше, чем Долохова, был Волдеморт.

— Значит, это уже подтверждено? — голос женщины был резким.

Стражник сдержанно кивнул.

Амбридж вздохнула, выглядя разочарованной:

— Очень жаль.

Она ткнула палочкой в солнечное сплетение девушки и произнесла:

— *Круцио.*

Гермиона закричала, ее ноги подкосились. Рука, державшая ее за волосы, заставила девушку оставаться на месте. Тело билось в конвульсиях, и ей казалось, что в какой-то момент ее мышцы не выдержат и порвутся. Боль была такой адской, что Гермиона кричала, пока не сорвала голос. Всклипывая, она продолжала стоять на месте, пока ее тело билось в судорогах. Но боль не прекращалась.

Она чувствовала, как ее разум пытается придумать способ избежать этой агонии.

Сдайся. Просто сдайся.

Нет. Она не могла.

Я вовсе не хрупкая. Я не собираюсь ломаться. Пожалуйста, поверь мне.

Она продолжала стоять, пока ее тело содрогалось от боли.

Наконец действие проклятия прекратилось. Ее бросили на землю. Мышцы Гермионы дрожали в конвульсиях. Казалось, ее тело разорвали на куски. Из ее сжимающейся от пыток груди невольно вырывались жалобные всхлипы.

Гермиона заставила себя открыть глаза и поднять взгляд. Поверх плеча Амбридж она видела Астрономическую башню и прикованные к ней тела; Молли умирала.

Амбридж рассматривала лежащую на земле Гермиону, а затем снова кивнула одному из стражников.

— Я хочу, чтобы ее доставили ко мне, как только ее магия будет заблокирована. Уверена, с ней потребуется провести тщательный допрос. Брось ее обратно в клетку.

Амбридж издала противный смешок и повернулась, собираясь уйти.

Торфинн Роули, как раз проходивший мимо, остановился.

— Она не достанется тебе, Надзирательница, — произнес он нечетко, словно был сильно пьян, и неловким движением указал на лежащую на земле Гермиону. — Я помог доставить ее из Сассекса, после того как ее схватили. Темный Лорд хочет, чтобы ее оставили нетронутой на случай, если ему понадобится заняться допросом лично. Это есть в бумагах о переводе пленных.

Даже несмотря на болевой шок, Гермиона почувствовала, как от этих слов кровь стыла в жилах.

Амбридж помрачнела:

— Но они умирают так быстро, когда допрос ведет он.

Роули выпрямился в полный рост, прищулив глаза:

— Ставишь под сомнение мои слова, Надзирательница? Я могу вызвать Темного Лорда сюда, если ты не доверяешь написанному в бумагах.

Амбридж нервно сглотнула, ее подбородок дрогнул, и она резко покачала головой.

— Нет-нет. Я бы никогда не пошла против приказа Темного Лорда. Если она нужна ему нетронутой, конечно, я оставляю ее такой. Это было... — Амбридж указала на Гермиону, — всего лишь легкое наказание за... неповиновение. Я бы никогда не поставила под сомнение приказ кого-то столь значительного, как вы. Простите, видимо разочарование затуманило мне рассудок, — ее голос был приторно сладким. — В конце концов, вы один из тех... кому Темный Лорд оказывает исключительное доверие.

Роули расправил плечи и выпятил грудь. Глянув вниз, он ткнул Гермиону носком ботинка.

— Не думаю, что она вообще имеет значение. У Темного Лорда десятки пленников поважнее... Подорыватели, которых он планирует допрашивать... Если о ней все забудут... — Он пожал плечами. — Никого не будет интересовать, что ты с ней сделаешь.

Он зашелся лающим смехом и продолжил путь.

Несколько секунд Амбридж рассматривала Гермиону, а затем сказала:

— Когда ее магию заблокируют, я займусь ей лично. Мы же не хотим нарушать приказы, так что я должна проследить, чтобы ее разум остался нетронутым.

Гермиону подняли с земли и грубо бросили обратно в клетку.

Она свернулась калачиком на земле. Еще не отошедшее от шока тело продолжало судорожно дрожать, но Гермiona не обращала на это внимания. Она оцепенела от ужаса.

Волдеморт собирался допрашивать ее лично. Одна мысль об этом приводила ее в гораздо большую панику, чем любая пытка, которую могла придумать для нее Амбридж.

Ее сознание было переполнено воспоминаниями о Драко.

Их было так много, что скрыть эти образы окклюменцией было нереально. То же самое касалось и возможности заменить одни воспоминания другими.

Если в твое сознание пытается проникнуть по-настоящему опытный легилимент, противиться ему только с помощью окклюменции невозможно. Если бы она являлась рядовым бойцом Сопrotивления, никто бы не стал тратить много времени, пытаясь пробить защиту в ее сознании. Ее бы просто убили. Но она была членом Ордена Феникса. Поттеровской «Золотой девочкой».

Если бы я попросил кого-то другого, то никогда бы не увидел мозг, устроенный как хранилище с документами.

Прижав дрожащие пальцы к губам, Гермiona забилась поглубже в угол, стараясь сдерживать нарастающую панику.

— Ты в порядке? Она пытала тебя... я даже не знаю точно, как долго.

Мальчик подошел к Гермione и положил руку ей на плечо.

— Я в порядке. Не отвлекай меня, — ответила она напряженным, дрожащим голосом, отстраняя его руку. — Мне нужно подумать.

Глубоко вдохнув, она использовала окклюменцию, чтобы отгородиться от боли, пронизывающей тело.

Волдеморт поймет, что она окклюдент. Он узнает об этом и будет копать в голове, пока не увидит абсолютно все.

И он найдет Драко.

Если ее смерть после допроса будет быстрой, то Драко за предательство предстояло совсем другое наказание.

Его ожидала гораздо более мучительная смерть, чем та, что грозила ему за проникновение в лаборатории, избежать которой она хотела, взорвав Сассекс. Если Волдеморт узнает об их отношениях, скорее всего, он использует Гермione, чтобы заставить Драко страдать. Именно так он поступил с Нарциссой. Чтобы наказать Драко, он мучил дорогих ему людей.

Драко всегда больше боялся того, что случится с ней, если Волдеморт победит, чем переживал о собственной жизни.

Ей нужно было спрятать все мысли о нем. Убрать воспоминания так глубоко, что никто не сможет до них добраться.

Мозг, похожий на хранилище с документами...

Она собрала вместе все воспоминания о Драко, Джинни и крестражах и запрятала их так глубоко, как только могла. Поместила их дальше образов родителей; дальше той части сознания, где хранились ее самые первые воспоминания. Отодвинула их в такой сокровенный уголок собственного разума, до которого даже ей было почти невозможно добраться.

Затем... замерев в сомнении, Гермиона нервно сглотнула и облизала пересохшие губы. Зажмурившись, она сделала дрожащий вдох и снова прошла по собственным воспоминаниям, убирая все окклюменционные стены, которые успела выстроить за годы войны.

Вся ее четко разграниченная жизнь. Все разделенные на отсеки эмоции и воспоминания. Боль и печаль от потерянной дружбы с Гарри и Роном. Горькое, как яд, разочарование в методах Ордена. Все те ощущения, что Гермиона игнорировала, чтобы не терять концентрации и выполнять свои обязанности. Все те мысли, от которых она отмахивалась, которые прятала, чтобы сохранить здравый рассудок.

Смерть Колина. Это был первый раз, когда она не смогла облегчить чьи-то страдания. Крики Колина, пока с него слезала кожа, и его взгляд. Она смотрела на него все то время, пока он медленно умирал, превращаясь в скелет, слишком шокированная и мучимая чувством вины, чтобы отвернуться.

Все жертвы экспериментов лаборатории в Сассексе, которых она месяцами пыталась вылечить. Они все умерли. Все. Никто из них так и не выкарабкался.

Они все погибли на ее руках. Она столько пыталась спасти, но все они в конце концов умирали.

Гарри умер. Рон. Семья Уизли.

Вся ее жизнь походила на бесконечное кладбище.

Гермиона заполнила этими мыслями все свое сознание.

Когда она попадет в руки Волдеморта, все, что он найдет в ее голове, это нескончаемые годы войны, наполненные бесчисленными смертями. И она среди всего этого: просто незначительная деталь огромного механизма. Всего лишь целительница. Все собрания Ордена, где она боролась за применение темных проклятий и где ее мнение не брали в расчет. Она никогда не сражалась. Гермиона была обычной целительницей. Что она могла знать?

Взрыв Сассекса будет выглядеть как ее отчаянная попытка отомстить.

Она была потеряна в своих воспоминаниях, когда дверь клетки скрипнула, и кто-то выволок ее наружу. Услышав щелчок, Гермиона почувствовала, как холодный металл сомкнулся на ее запястьях. Ее повели к замку. Все прикованные к Астрономической башне, за исключением Ремуса, были мертвы.

Зеленый луч рассек воздух. Гермиона увидела, как Убивающее проклятие ударило Ремуса в грудь, и он безвольно повис на цепях. Больше он не двигался. Последний из Мародеров.

Ее вели через бесконечные коридоры, едва соображающую из-за той путаницы, что творилась у нее в голове, и остаточных последствий Круциатуса. Стены коридоров пустовали. Они прошли через целую вереницу металлических дверей, каждую из которых сопровождающему ее стражнику приходилось отпирать вручную. Гермиону заводили все глубже в недра замка. Миновав подземелья и учебные классы, стену, открывавшую вход в слизеринскую гостиную, и очередные тяжелые двери, они вышли в незнакомый коридор.

Амбридж поджидала их у входа. Увидев Гермиону, она улыбнулась своей тошнотворной улыбкой.

— Здесь мы держали самых проблемных заключенных до того, как отправить их в Сассекс. Будет не лишним подстраховаться, пока охранный барьер Хогвартса не восстановят. Особенно с пленником, которого Темный Лорд собирается допрашивать лично. Уверена, тебе придется по вкусу нахождение здесь.

Гермиону втолкнули в крошечную комнату, едва освещаемую лишь отблесками света от висящего в коридоре факела.

Каменные стены. Соломенная подстилка в одном углу. Ночной горшок в другом.

Девушка повернулась, услышав звук закрывающейся двери, но та вдруг снова распахнулась, и в проем вошла Амбридж. Казалось, та раздумывала над чем-то.

Надзирательница оглядела Гермиону.

— Мы ведь не можем пойти против приказов Темного Лорда, верно? — почти пропела она, указывая на Гермиону своей палочкой. — Он хочет, чтобы ты осталась нетронутой. Это очень важно. Мы же не хотим, чтобы ты сидела в этой камере, бормоча себе под нос, как умалишенная. Развлекая себя разговорами, словно маленькая грязнокровная дикарка. Давай-ка ты будешь сидеть здесь... очень тихо. — Палочка впилась Гермионе в подбородок, заставив девушку поднять голову. — *Силенцио*.

Амбридж тихо хохотнула, снова обдав лицо Гермионы своим приторным дыханием.

— Вскоре ты все поймешь.

Она отвернулась и вышла из камеры. С глухим стуком дверь закрылась, и через несколько секунд даже факел в коридоре погас.

Гермиона осталась одна в темноте и тишине.

На ощупь она дошла до угла комнаты и свернулась на соломенной циновке. Мышцы девушки все еще болели и тряслись мелкой дрожью. В подземельях стоял ледяной холод, а ее одежда была слишком тонкой.

Гермиона лежала, уставившись в темноту, надеясь, что если всматриваться

достаточно долго, через какое-то время ее глаза начнут различать очертания предметов.

Но всем, что ей удавалось видеть, была темнота.

В конце концов она закрыла глаза, сосредотачиваясь на окклюменции.

Но... у нее ничего не вышло...

Гермиона попробовала еще раз, но ее воспоминания...

Она с трудом продиралась сквозь собственные мысли. Казалось, что-то сдерживало ее сознание, не позволяя применять окклюменцию.

Гермиона застыла от ужаса. Дрожащими пальцами она потрогала холодный металл наручников, пытаясь не поддаваться панике.

Ей даже не пришло в голову, что, заблокировав ее магию... они лишили ее возможности использовать окклюменцию. Ее сознание осталось в том состоянии, в котором было в тот момент, когда на ее запястьях сомкнулись наручники. Годы войны, наполненные бесконечными страданиями, занимали все ее мысли, а воспоминания о Драко прятались так далеко, что она едва могла вспомнить его лицо.

Прижав руки к губам, она буквально заставляла себя дышать.

Медленный вдох на счет до четырех.

Выдох через рот.

Снова вдох и выдох.

И так раз за разом.

Гермиона заставила себя собраться с мыслями. Это было даже к лучшему. Когда Волдеморт займется ее допросом, он обнаружит у нее в голове только мешанину из болезненных воспоминаний. Если она будет осторожна и не позволит себе думать о Драко, он не сможет отыскать его у нее в сознании.

Гермиона обняла себя за плечи, дрожа от холода. Ей просто... нельзя думать о Драко. Она не должна вспоминать о нем. Не должна.

Ей нужно держаться. Вот на чем надо сосредоточиться. Держаться.

Внезапно ее кольцо раскалилось.

Гермиона безмолвно охнула, схватившись за руку. Кольцо продолжало нагреваться. Снова и снова. А потом все прекратилось.

Она покрутила кольцо на пальце. Возможно, Драко придет за ней до того, как до нее доберется Волдеморт. Она должна быть готова.

Он всегда возвращался за ней.

Она не может позволить себе быть слабой.

— *Держись, Гермиона. Держись.* — беззвучно повторяла она.

Девушка не знала, прошел ли целый день или всего несколько часов, когда кольцо снова нагрелось. Она чувствовала себя так плохо, что едва заметила жар раскалившегося металла. Ее мышцы горели, а тело ломало от остаточного действия Круциатуса, холода и голода. Гермиона едва могла пошевелиться.

Неважно, закрывала ли она глаза или смотрела в темноту, девушка видела перед собой лишь смерти близких. Потухший взгляд Гарри. Рона, кричащего в агонии, пока проклятие не лишило его жизни. Колина. Молли и Артура. Больничное крыло. Эти образы крутились у нее в голове, и она не могла думать ни о чем другом.

Гермионе не приносили еду. Ей даже не давали воды.

Ей казалось, что прошел всего день, но она не могла знать точно. Снаружи не было слышно ничего, даже монотонного звука капающей в сырых коридорах воды. Ее окружала только бесконечная тишина и темнота.

Возможно, Амбридж хотела, чтобы она умерла от голода.

Через какое-то время ее кольцо снова нагрелось, и Гермиона прижала пылающую руку к груди. Еще через несколько часов она внезапно почувствовала запах еды и ползком добралась до двери. У входа в камеру стояла тарелка с хлебом и мясом, а рядом — большое ведро с водой.

Ее руки тряслись так, что она едва не выронила ведро, пока подносила его к губам.

После этого в ее камере периодически стала появляться еда. Всегда через разные промежутки времени. Иногда ей казалось, что с предыдущего приема пищи прошли дни, иногда — всего несколько часов.

По ее ощущениям прошла неделя, когда ее тело наконец восстановилось. Гермиона заставила себя подняться с циновки и принялась изучать на ощупь каждый сантиметр своей камеры. Дверь была запечатана магией; стальные прутья, в которых отсутствовал даже намек на замочную скважину. Хотя будь в ней замок, Гермиона вряд ли смогла бы взломать тот с помощью соломенной подстилки или ночного горшка. Она прижималась к металлическим прутьям в надежде почуять что-то за пределами своей камеры, но воздух был неподвижным, сырым и холодным. Совершенно безжизненным.

Гермиона надеялась, что если тщательнее все проверит, то найдет в стене незакрепленный камень, какое-нибудь потайное отделение, скрывающее гвоздь, ложку или даже кусок веревки. Но, очевидно, в камере никогда не было дерзких заключенных. Никаких царапин, отмеряющих время. Никаких камней. Ничего.

Ничего, кроме темноты.

Ее кольцо продолжало периодически нагреваться. Каждый раз, когда это происходило, Гермиона облегченно выдыхала и не могла сдержать слезы.

Значит, Драко был все еще жив.

Потом она заставляла себя успокоиться. Ей нельзя было думать о Драко. Если Волдеморт доберется до нее первым, он не должен найти у нее в голове ни единой мысли о нем. Гермиона использовала крошечные остатки своей магии, чтобы задвинуть воспоминания о Драко еще дальше в своем сознании. Прячала оставшиеся образы под едва заметной окклюменционной защитой, которой она могла воспользоваться, не вызывая сопротивления наручников.

Кольцо продолжало периодически раскаляться на ее руке, едва не оставляя ожоги. Когда оно снова нагрелось уже, наверное, в пятидесятый раз, Гермиона решительно сдернула его с пальца и спрятала в одном из углов комнаты. После того, как в камере два раза появилась тарелка с едой, она наощупь отыскивала кольцо и надела его обратно. Гермиона боялась, что оно исчезнет, если она не будет носить его слишком долго.

Но кольцо больше ни разу не нагрелось. Возможно, Драко как-то узнал, что она сняла его.

Или он был мертв.

Она сжалась в углу клетки, чувствуя сквозь ткань платья грубые камни стен, и постаралась не думать ни о чем.

Гермиона мысленно повторяла рецепты зелий. Техники трансфигурации. Перечисляла руны. Даже детские стишки. Ее пальцы щёлкали, когда она имитировала движения палочки, беззвучно произнося заклинания. Она занималась вычитанием простых чисел от тысячи с последующим увеличением каждого числа в два раза.

Она массировала отвыкшие от движения мышцы, а потом заставляла себя выполнять упражнения, которые ей удалось вспомнить. Отжимания, подъем корпуса, берпи. Просунув ноги сквозь прутья клетки, она делала скручивания, свесившись вниз головой. Гермиона даже научилась стоять на руках.

Это помогало ей отвлечься. Постоянный счет. Дисциплина и всегда новые возможности своего тела.

Когда ее руки и ноги превращались в желе, девушка забивалась в угол и проваливалась в сон без последующих мыслей.

Это был единственный способ заставить себя не думать о последствиях войны.

Просто держись, — напоминала она себе, когда сил терпеть холод и отчаяние больше не оставалось. Перед глазами стояли смерти близких. Она до сих пор могла слышать их крики.

Иногда Гермиона садилась возле стены и раздумывала о том, чтобы разmozжить голову о камни. Только бы заставить все это прекратиться.

Но она каждый раз останавливала себя и отходила от стены.

Держись. Ты обещала, что не сломаешься.

Вот только она не помнила, для чего давала это обещание.

Иногда девушка вспоминала, почему ей нельзя сдаваться, но сразу же отгоняла эти мысли, а сама отвлекалась на что-то другое. К примеру, высчитывала площадь своей камеры. Или делала еще несколько подходов отжиманий. Она обдумывала, сможет ли досчитать от тысячи до нуля, если будет увеличивать каждое следующее число в два раза, до того, как ей принесут еду. А если попробует от двух тысяч? Гермиона продолжала занимать свои мысли подсчетами, пока ее мозг не утомлялся настолько, что она ложилась на циновку и бездумно водила пальцами по выступающим камням стены.

Стены ее камеры были единственным, что она с точностью всегда могла отыскать в темноте.

Кто-то придет за тобой. Кто-то всегда возвращается за тобой.

Но никто не приходил.

Они все погибли. Она видела, как они умирали. За ней некому было прийти.

Все, что у нее осталось, это каменные стены камеры.

За ними не было ничего, кроме темноты.

Примечание к части

Арты к главе

Автор avendell <https://www.instagram.com/p/CAnhmrhAc4F/>

Автор favnia «Патронус» <https://favnia.tumblr.com/post/621578063710404608>

Автор frumpologist «Горящие дементоры»

<https://frumpologist.tumblr.com/post/184143468429/felt-inspired-tonight-by-senlinyuwrites-this>

Автор grapesodaandpuddin «Патронус»

<https://grapesodaandpuddin.tumblr.com/post/624369519494905856/expecto-patronum-she-poured-every-drop-of>

Автор winchesterchola

<https://winchesterchola.tumblr.com/post/622217591446994944/she-was-a-non-active-member-of-the-order-of-the>

Арты к истории

Автор Flyora «Драко» https://www.instagram.com/p/CARLhSjnUdY/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор dragonlyart «Инь и Янь»

<https://dragonlyart.tumblr.com/post/638667778392506368/my-first-black-and-white-art-for-senlinyu>

Автор nadiapolyakova обложка

https://nadiapolyakova.tumblr.com/post/624020135247855616/i-have-warned-you-if-something-happens-to-you-i#=_

Автор thelastlynx "Драко и Гермиона"

<https://thelastlynx.tumblr.com/post/182108812523/based-on-that-tomemmag>

photoshop

Автор te al latte <https://te-al-latte.tumblr.com/post/624734437118263296/you-dont-have-to-be-lonely-because-youre>

Автор ectoheart гифки <https://ectoheart.tumblr.com/post/184602896574>

<https://ectoheart.tumblr.com/post/182359182099>

<https://ectoheart.tumblr.com/post/183829156769>

Примечание к части Девочки, всем большое спасибо за отзывы и награды к переводу.

Отдельное спасибо всем, кто донатил, мы очень ценим ваше внимание и желание поддержать.

Приятного чтения!

64.

Июнь 2005 года

Возвращение в сознание было похоже на столкновение с землей после бесконечного падения.

Голова Гермионы пульсировала; мучительная, непрекращающаяся боль словно хотела разорвать ее разум на куски. Девушка попыталась встать с того места, где лежала, но тело ее не слушалось. Движения были резкими, а руки продолжали трястись.

Она почти ничего не могла рассмотреть. Гермиона попыталась приподняться на локте, но рука задрожала и не выдержала ее веса. Она попыталась вздохнуть. Ее сердце бешено колотилось, отбивая безумный ритм в груди.

Дрожащими руками она потянулась в темноту, пытаясь сориентироваться.

Что-то коснулось ее плеча. Она вскрикнула и обернулась.

Драко стоял рядом с ней, его светлые волосы блестели в темноте. Гермиона резко отпрянула, а затем замерла и посмотрела на него. Ее сердце бешено застучало. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Он выглядел старше.

Его лицо было прежним, но глаза стали старше, словно она видела его в последний раз десятки лет назад. Выражение его лица было закрытым, но взгляд казался знакомым, в то время как он стоял рядом с ее кроватью.

— Ты все еще жив, — сказала она. В горле у нее пересохло, а голос сорвался от облегчения. — Я думала, ты умер.

Гермиона инстинктивно потянулась к нему. Он был жив. Он все еще был жив. Она сохранила ему жизнь.

Его глаза расширились.

Джинни. Она была первым телом, которое они привезли и повесили.

Ее рука замерла.

Внезапно происходящее поразило ее. Скованная наручниками. Заточенная в поместье Малфоев из-за программы рождаемости.

Он был Верховным Правителем.

Ее охватил ужас. Девушка чувствовала себя так, словно ее ударили настолько сильно, что от этого удара она могла умереть.

Гермиона судорожно вздохнула и отдернула руку. Ее челюсть задрожала, и, оттолкнувшись от матраса дрожащими руками, она отползла назад и замерла у дальнего края кровати. Она скатилась на пол и обхватила руками колени, глядя на него через кровать и пытаясь дышать. Пытаясь все осознать.

Это был Драко. Он все еще был жив.

Но он причинял ей боль. Он насиловал ее. Он сказал ей, что не хочет ее, что ему не терпится ее убить.

Гермиона чувствовала себя раненым животным, сбитым на шоссе, умирающим и беспомощно пытающимся найти способ убежать или спрятаться. Ей хотелось свернуться калачиком в темном углу и ждать, когда боль утихнет.

Что случилось?

Пока она пыталась думать, мучительная боль пронзила ее мозг так внезапно, что зрение исчезло. Болезненный стон вырвался сквозь зубы. Девушка закрыла лицо руками, изо всех сил стараясь оставаться в сознании и пытаясь вспомнить сквозь слепящую боль в голове.

Давай-ка проясним кое-что, Грязнокровка. Я не хочу тебя. Я никогда не хотел тебя. Я не твой друг. Нет ничего, чего бы я желал сильнее, чем наконец-то избавиться от тебя.

Он убил Джинни.

Он убил всех.

Она подняла глаза. Ее дыхание все ускорялось, пока Гермиона смотрела на него, пытаясь понять.

Ты все еще девственница, Грязнокровка? Хоть это ты в состоянии вспомнить?

Ощущение задравшейся юбки, обнажающей ее тело, пока она стояла, склонившись над столом, сжимая его, стараясь не дрожать и не издавать ни звука.

Он притащил ее к Волдеморту и держал на месте, пока ее разум разрывали на куски, а затем оставил лежать на полу в луже гниющей крови единорога.

Гермиона не сводила с него глаз. В груди... в сердце бушевала боль, словно ее пронзало лезвие каждый раз, когда она пыталась сделать вдох. Ее грудь резко сжималась, и из нее вырывались прерывистые всхлипы, когда все пробелы и несоответствия в ее воспоминаниях слились в один ужасающий рассказ.

Ее сердце билось все быстрее и быстрее. Гермиона зажала рот руками и крепко зажмурилась. Ее тихие рыдания прорезали тишину. Она продолжала дрожать, пытаясь думать.

Я буду заботиться о тебе. Я всегда буду заботиться о тебе.

Боль в ее голове достигла пика, словно прошлое и настоящее сливались и разрывали друг друга.

Она схватилась за голову. Мозг Гермiony горел, череп был готов расколоться надвое, а давление в голове продолжало усиливаться, пока она не уронила голову и не закричала.

Девушка кричала до тех пор, пока не начала задыхаться, а потом стиснула зубы, чувствуя надвигающийся приступ гипервентиляции. Она снова посмотрела через кровать.

Драко исчез.

Она прислонилась к кровати, прижав руку к груди. Возможно, его там вообще не было. Может, он ей просто привиделся.

Возможно, вся ее жизнь была галлюцинацией.

Быть может, он умер, а она все еще сидит в своей камере и видит его во сне.

Она просто представляла, что каким-то образом нашла его в темноте.

Нет, это было реально. Гермiona была уверена, что все это реально. Ведь то, что происходило, было намного хуже самого жуткого кошмара.

Давай внесем ясность, Грязнокровка. Я не хочу тебя. Я никогда не хотел тебя.

Она не могла понять. Некоторые фрагменты памяти имели смысл, но остальные...

Чья-то рука схватила ее за плечо, и она резко вздрогнула. Драко обошел кровать и опустился на колени рядом с ней.

Он вглядывался в ее лицо, затем его черты напряглись, а глаза сверкнули.

— Ты вспоминаешь, не так ли?

Она слегка кивнула, и ее рука потянулась вверх и сжала его запястье. Он действительно был здесь. Она чувствовала его кости под кончиками пальцев.

— Грейндж...

Гермiona уткнулась лицом в одеяло и всхлипнула от облегчения. Ее голова продолжала пульсировать. Она стиснула зубы вместе, стараясь снова не закричать.

— О боже... — она выдавила из себя эти слова. Все ее тело дрожало.

Гермиону осенила мысль, и она замерла, крепче сжимая руку Драко.

— Крестраж... тот, что носила Амбридж... это... это был ты?

Наступило молчание.

— Да.

Ее губы задрожали, и она крепко зажмурилась.

— Это... это был последний?

— Да.

Гермиона кивнула, и ее пустая рука судорожно сжалась; она вцепилась в ткань своего одеяния и попыталась все осмыслить.

Если Драко был здесь, значит, он не умер.

Но... если он не умер, значит, он никогда не приходил за ней.

Она ждала. Ждала. И ждала.

Но он так и не пришел.

Я не хочу тебя. Я никогда не хотел тебя.

Джинни.

Ее хватка на его запястье ослабла, и рука упала на пол, когда опустошение заглушило облегчение.

— Почему ты убил Джинни... — Ее голос сорвался.

— Джинни жива.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Ханна видела ее тело. Все в Хогвартсе ее видели. Волд.. Волдеморт сказал, что ты убил ее. Ты... ты сказал мне, что убил ее.

— Джинни жива. — Он встретился с ней взглядом. — Она была беременна, помнишь? Ее сын родился 20 октября 2003 года. Мне сказали, что он был ужасно беспокойным младенцем. Она назвала его Джеймсом Сириусом Поттером. Ты его крестная.

Гермиона тихо всхлипнула, и Драко продолжил:

— Ему уже полтора года, и ты скоро с ним познакомишься. Они ждут тебя. Ты обещала Поттеру, что позаботишься о них. Ты должна держаться и поправляться, чтобы отправиться к ним.

Ее сердце забилось сильнее — проблеск надежды в темноте и холоде.

Ты отлично знаешь, насколько она важна. Я прилагал немалые усилия, чтобы она оставалась в безопасности.

Она опустила голову, ее губы скривились. Задрожав, Гермиона отвела взгляд.

— Я тебе не верю.

Он ничего не ответил.

— Я не понимаю... — она снова зажмурилась, пытаясь сосредоточиться сквозь боль. — Я не понимаю, что произошло. Я не могу вспомнить точно. — Она открыла глаза и посмотрела на него в темноте. — Но... я помню тебя.

Это был Драко. Он был так близко. Он смотрел на нее таким знакомым взглядом.

Ей хотелось схватить его и спрятаться в его объятиях, прижаться к его груди, почувствовать биение его сердца.

Ее руки судорожно сжались.

Она не могла.

Он убил всех. Он убил или казнил их всех. Гермиона почувствовала, как внутри нее все рушится под возобновившимся ужасом и опустошением.

Выражение его лица дрогнуло, губы дернулись, прежде чем он заговорил.

— Что... ты помнишь обо мне?

— Ты... — она изучала его лицо. Он был знаком и в то же время незнаком, словно вырезан из образа человека, которого она знала.

Ее пальцы дрожали, когда девушка боролась с желанием протянуть руку и хотя бы прикоснуться к нему. Просто знать, почувствует ли она прикосновение к нему как знакомое.

Он был жив. Она была так уверена, что он умер, что он должен был умереть. Но он не был мертв; она чувствовала пульс у основания его шеи.

— Ты шпионил для Ордена. Когда ты был ранен, я исцеляла тебя. Ты... — она сглотнула и посмотрела на свои запястья и алую одежду, пытаясь мыслить ясно, — ты звал меня... и...

Голову Гермионы пронзила острая боль, она судорожно вздохнула и упала.

Девушка моргнула, пытаясь вспомнить, что говорила. Ее язык был тяжелым и не двигался должным образом, словно онемел.

Она попыталась пошевелить челюстью, но та дернулась так сильно, что зубы громко клацнули. Ее левая рука и нога подкосились, и девушка начала валиться на бок.

Драко поймал ее.

— Дра... — Грудная клетка Гермионы судорожно сжалась, не давая сделать полноценный вдох, и он крепко прижал ее к своей груди.

Он ничего ей не ответил. Вместо этого Драко схватил ее за подбородок, открыл рот и быстро залил ей в рот зелье, прежде чем зажать рукой рот и нос.

В панике она попыталась вырваться. Гермiona не понимала, что происходит. Ей казалось, что легкие вот-вот лопнут. Тело билось в судорогах, и Гермiona не могла никак это контролировать. Ее онемевший язык не чувствовал вкуса зелья, которое Драко залил ей в рот.

Она не должна была глотать зелья, если не знала, для чего они.

— Грейнджер, — его спокойный голос прозвучал над ее ухом. — Тебе нужно его проглотить. У тебя приступ. Зелье остановит его, однако если ты не проглотишь его, оно подействует, но уже не так хорошо.

Горло Гермiony постоянно сжималось, а руки тряслись, но Драко не ослаблял хватки. После нескольких попыток ей удалось заставить себя сглотнуть.

Все ее тело обмякло, как будто у нее не было костей.

Драко ослабил хватку, и голова девушки упала ему на грудь. Она почувствовала, как он вздохнул и рука погладила ее волосы. Драко провел большим пальцем по ее щеке, другой рукой поддерживая ее тело. Его руки были теплыми. От него все еще пахло так же, как раньше, и ей захотелось заплакать.

Через мгновение он отодвинулся и поднял ее на руки. Она чувствовала свои кости, выступающие сквозь кожу, когда он положил ее обратно на кровать.

Мышцы рта не слушались. Она взглянула на Драко, пытаясь рассмотреть каждую деталь.

Он аккуратно положил руку ей под голову и внимательно осмотрел.

Вблизи, несмотря на слабый свет, она могла видеть, насколько сильно он был измотан. Его кожа казалось бледной и серой. Губы и глаза были напряжены.

Его зрачки были сужены, а взгляд постоянно скользил по ней, как будто он пытался убедиться, что ничего не упустил. Выражение его лица было тщательно скрыто.

— Ты была без сознания почти неделю, — сказал он через минуту. — У тебя случился приступ, и ты потеряла сознание. Целители не были уверены... проснешься ли ты. Приступы... — Она увидела, как сжалось его горло, когда он сглотнул. Драко отвёл взгляд. — Не редкость, когда имеешь дело с неврологическими повреждениями, вызванными концентрированной магической активностью. У тебя было... несколько, пока ты была без сознания, но, к счастью, ни один не причинил серьезного вреда тебе... и твоему ребенку.

Гермiona перестала дышать, и ее глаза расширились.

Ребенок. Она совсем забыла, что была беременна.

Она была беременна его наследником. Из-за программы Волдеморта. Чтобы заставить ее воспоминания вернуться.

Было что-то еще, какая-то важная деталь, которую Гермiona не помнила, но боль по-прежнему затмевала все, мешая думать. Она попыталась собраться с

мыслями, но, потянувшись к нужным воспоминаниям, не смогла их найти.

Она не могла вспомнить...

Ее грудь начала судорожно сжиматься.

— Я не понимаю, — выдавила она. — Что случилось? Почему... почему?

Девушка попыталась вдохнуть, но в горле у нее застрял сдавленный звук. Ее грудь начала сжиматься все быстрее и быстрее.

Пальцы Драко, поддерживающие шею Гермионы, сомкнулись в ее волосах. Теперь с его лица, находившегося всего в нескольких дюймах от ее, пропало сдержанное выражение.

— Грейндж... Гермиона, тебе нужно дышать медленно. Гипервентиляция во время беременности может увеличить риск возникновения нового приступа. — В его глазах была мольба. — Пожалуйста, дыши, Грейнджер.

Гермиона тихо всхлипнула и кивнула.

Глубокий вдох на «четыре».

Медленный выдох на «шесть».

Она изучала его лицо. Она жадно и отчаянно всматривалась в его черты, одновременно чувствуя, как в ее душе растет боль. Гермиона не понимала, как примириться с тем, что человек, которого она знала до заточения, был тем же человеком, с которым она провела шесть месяцев в плену.

Когда ее дыхание замедлилось, слезы холодными дорожками потекли по вискам.

Драко отвел взгляд от ее лица, убрал руку и выпрямился.

Он посмотрел на нее сверху вниз, колеблясь, его рука сжалась в кулак.

— Мне жаль. Мы с Северусом думали, что вытащим тебя до февраля. Я не думал, что ты пробудешь здесь так долго.

Она прикусила губу и попыталась понять, о чем его спросить. Что случилось? Почему ты не пришел? Почему ты причинил мне боль? Зачем ты меня изнасиловал?

Почему ты стал Верховным Правителем?

— Почему... — она тихо всхлипнула, — почему ты убил всех?

Его глаза сверкнули, а челюсть дернулась, когда он выпрямился и отвернулся от нее.

— Я пытался найти тебя.

Ее сердце замерло от смеси ужаса и облегчения.

— Ты... искал меня? — Ее голос дрожал.

Он снова посмотрел на нее.

— Конечно, я искал тебя. Я искал тебя повсюду. Неужели ты думала, что я оставил тебя?

Гермиона моргнула и попыталась вспомнить отчетливо, дотянувшись до глубины своего сознания и ухватившись за воспоминания, которые могла там почувствовать.

— Когда ты так и не пришел, я подумала, что, может быть... — девушка попыталась вспомнить, но боль в голове внезапно усилилась, и ее зрение затуманилось. Она прикусила губу и постаралась не потерять сознание.

— Я думала, ты умер. — Ее глаза горели, а голос дрожал и угасал.

Гермиона подняла руку и посмотрела на наручник, застегнутый на ее запястье.

— Я... я утратила способность к окклюменции, когда моя магия была подавлена. Они сказали, что Волдеморт собирается допросить меня. Я боялась, что, если буду думать о тебе, он найдет тебя в моих мыслях. Я пыталась защитить тебя. Но, — ее голос стал тише, — иногда я думала, что если буду держаться, то в конце концов ты придешь. Потом, когда этого не произошло, я решила, что ты, скорее всего, умер...

Драко выглядел так, словно его выпотрошили. Его рука дернулась и потянулась к ней.

Уже принарядилась для сегодняшнего свидания, Грязнокровка? Темный Лорд жаждет увидеть тебя.

Дикий ужас от этого воспоминания поглотил Гермиону. У нее перехватило дыхание, и она напряглась, когда он подошел ближе.

Отведя взгляд, он сжал руку в кулак и опустил.

— Я искал тебя, как только вернулся и обнаружил, что ты исчезла. Надзирательница Амбридж не регистрировала тебя в Хогвартсе. Когда тебя схватили, то не завели никаких записей. Мы с Северусом оба подавали запросы, пытаюсь найти тебя, но каждый раз приходил ответ, что нет никаких досье или записей о заключенном с таким именем или номером. Ты просто исчезла. Все присутствовавшие на праздновании победы в Хогвартсе были слишком пьяны, и мало кто ясно помнил, что ты была там. Я вызвался разыскать всех, кто пропал, в надежде, что это даст мне хоть какую-то информацию о тебе. Мне пришлось вернуть их всех. Если бы я потерпел неудачу, мою задачу поручили бы кому-то другому.

Он уставился в потолок; его лицо выглядело изможденным.

— Я перепробовал все, чтобы найти тебя. Я обыскал все тюрьмы. Я просмотрел все существующие в Хогвартсе тюремные блоки. Я просмотрел все досье заключенных. Я обратился к заклинаниям генетического следа. Они дали местоположения твоей тети и кузенов. След твоей семьи довел меня до самой

Австралии, и я нашел твоих родителей там, где ты их спрятала.

Гермиона вздрогнула и уставилась на него широко раскрытыми глазами.

Драко посмотрел вниз, и его губы сжались, когда он увидел выражение ее лица.

— Они в порядке, я не причинил им вреда.

Его голова слегка склонилась набок, а челюсти сжались, когда он сглотнул.

— Я даже несколько раз использовал прорицание, но... — Драко пренебрежительно махнул рукой, — ничего. Мне и в голову не приходило, что это из-за того, что тебя держат взаперти без света и звука. Я предположил, что это означает, что где бы ты ни была, тебя совершенно невозможно обнаружить. Я объездил всю Европу. Пожиратели Смерти и союзники с определенной... репутацией, которые пропадали бесследно. Такое уже случалось несколько раз. Когда я нигде не смог тебя найти, я решил, что именно это с тобой и произошло.

Он снова отвернулся.

— Мы с Северусом задействовали все ресурсы и смогли сделать тебя персоной, представляющей интерес для самого Темного Лорда. Я думал, что пока Темный Лорд занят своей одержимостью бессмертием, у меня будет больше шансов найти тебя и увезти. Затем, когда пошли разговоры об использовании заключенных в качестве суррогатов для новой программы, Монтегю явился к Темному Лорду и предложил сделать тебя лицом программы возрождения населения, приманкой для оставшихся союзников Сопротивления и последним издевательством над Поттером. Он тоже искал тебя с тех пор, как получил свою Метку, а я... оставил его в покое; думал, что в какой-то момент он может обнаружить что-то, что я упустил. Однако ты все еще не числилась в тюремной системе. И только когда Темный Лорд лично потребовал надзирателей отчитаться, Амбридж призналась, что все это время ты была у нее.

Гермиона не знала, что сказать.

— Я... — снова начал Драко. Его челюсть заметно дрогнула, а затем сжалась, и он больше ничего не сказал.

Последовало долгое молчание.

— Почему ты не решил, что я мертва? — наконец сумела спросить Гермиона.

Уголок его рта дернулся, и Драко поднял правую руку в поле ее зрения. В тусклом свете девушка разглядела смутные очертания кольца из оникса.

Гермиона несколько секунд смотрела на него, а потом в замешательстве уставилась на свои руки. Там ничего не было, но она чувствовала уверенность, что так или иначе что-то должно быть. Пока девушка смотрела, ее указательный палец на левой руке искажился и замерцал, и внезапно появилось черное кольцо.

У нее перехватило горло, и она несколько раз сглотнула, прежде чем смогла заговорить.

— Я... я забыла про него.

— После того, как ты чуть не погибла в Суррее, я добавил к твоему кольцу чары, отслеживающие жизненную силу. Я хотел добавить следящие чары, но их могли обнаружить и перехватить. Я думал, что, по крайней мере, буду знать, если ты умрешь. Поэтому... я точно знал, что ты жива. — Он снова убрал руку от лица. — Хотя в какой-то момент кольцо перестало работать, сразу после того, как я послал сигнал. Я подумал, что, возможно, тот, кто держал тебя, мог заметить это. Когда кольцо снова активировалось через несколько дней, я не рискнул подать сигнал еще раз. Я не был уверен, что кольцо все еще носишь именно ты, но все-таки надеялся, что ты могла быть жива. Поэтому я продолжил поиски.

Он отвел глаза, и это движение отвлекло взгляд Гермионы от кольца на ее руке.

Его пальцы дернулись, и Драко сжал их.

— Я бы вытащил тебя раньше, но Северус отбыл в Румынию, когда тебя перевели в поместье. Предполагалось, что это будет всего на три месяца, но Темный Лорд продолжает продлевать его поездку. Пока ты находилась здесь с условием, что Темный Лорд будет исследовать твои воспоминания, я не мог подать знак, который указывал бы... на что-либо.

Сердце Гермионы рухнуло вниз, как будто из-под нее резко исчезла любая опора. Конечно. Волдеморт наблюдал за всем. За каждым ее взаимодействием с Драко. Он был откровенно и садистски любопытен в своих двухмесячных исследованиях ее разума.

Каждое действие Драко просматривалось в воспоминаниях Гермионы.

Понимание ощущалось так, словно ее хрупкая связь с реальностью внезапно окончательно потерялась, и она отправилась в свободное падение.

Что же тогда было реальным? Что-нибудь из этого?

Нет. Ничего.

Гермиона попыталась думать, но ей все еще было трудно сосредоточиться из-за боли в голове. Она едва могла держать глаза открытыми. Она была измучена и очень голодна. Девушка не могла вспомнить, когда ела в последний раз. Голова болела так сильно, что она ожидала увидеть кровь, сочащуюся из глаз и носа.

Ей хотелось закрыть глаза, но она боялась, что если потеряет сознание, то все ускользнет, и она забудет. Прошлое исчезнет во тьме, Драко исчезнет, а когда Гермиона проснется, перед ней снова будет Малfoy.

Но их не было двое. Существовал только он один. Драко был погребен где-то под всеми слоями холода.

Гермиона не знала, что должно было произойти. Она не знала, что все это значит. Даже если он и притворялся, то истории о нем выглядели правдиво. Все эти статьи в «Ежедневном Пророке» и рассказы от других девушек-заключённых, услышанные Гермионой до того, как ее отправили в поместье.

— Ханна сказала, что ты подвесил тело Джинни в Большом зале...

— Это была не Джинни. — Его голос был ровным. — Когда я не смог найти тебя в Хогвартсе, то сначала подумал, что, возможно, произошла ошибка, и возле лаборатории поймали кого-то другого. Я отправился искать тебя в развалинах Сассекса. — Он посмотрел вниз. — Там была ведьма, которая выжила после взрыва. Она вышла за пределы барьеров и оказалась в Эшдаунском лесу, одна из немногих уцелевших. Она была едва жива от экспериментов и взрыва. Но у нее были рыжие волосы. Когда я принес ее тело в Хогвартс, все заключенные решили, что это Джинни, пораженная спаттергруа. Никто не видел ее уже несколько месяцев, и все решили, что уродство вызвано болезнью.

Сердце Гермионы пропустило удар, и она почти боялась дышать.

— Макгонагалл... Нев...

Лицо Драко напряглось, челюсть дернулась, а затем сжалась.

— Я не смог бы их спрятать, даже если бы Северус поддержал эту идею. После того, что сделали Краучи, чтобы тайно вывезти Бартимлея из Азкабана, Темный Лорд потребовал, чтобы каждое тело тщательно исследовали на предмет подлинности. Все они были проверены. — Он отвел взгляд. — Я сделал это быстро.

Ледяное чувство отчаяния захлестнуло ее. Гермиона повернулась на бок и сжалась в клубок. Она чувствовала, как слабеет от мучительной усталости.

— Поспи. Завтра я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Девушка заставила себя открыть глаза.

— А если я снова забуду? — Голос у нее был совсем детский и почти дрожал от страха.

Драко ничего не сказал. Ей хотелось потянуться к нему и еще раз убедиться, что он действительно здесь. Реальный. Теплый. Осязаемый.

Ее рука дернулась, но зелье почти парализовало ее.

— Ты... ты вернешься к тому, что было, если я тебя забуду?

— Пока ты беременна, ты в безопасности. Не важно, помнишь ты или нет, мы с Северусом тебя вытащим.

— И что потом?

Драко ничего не ответил. В комнате стало темнее. Она едва различала его силуэт.

— Что будет потом? — выдавила Гермиона.

— Потом ты отправишься заботиться о Джинни, как и обещала Поттеру.

Это был ответ не на тот вопрос, который она имела в виду, но у нее не хватило сил задать его снова.

Когда Гермиона снова проснулась, Драко уже не было.

Боль в голове немного утихла. Появилась Топси с бульоном и зельями, которые она умоляла Гермиону выпить.

Девушка проглотила отвратительно пахнущее питательное зелье и крепко держалась, пока снадобье просилось обратно, а тело билось в конвульсиях.

Когда ее горло перестало сжиматься, она уставилась на Топси.

— Я знаю тебя, — ей казалось, что в основание черепа снова вбивают гвоздь. Она поморщилась. — Я видела тебя раньше... не так ли?

Топси неуверенно кивнула.

— Хозяин говорит, что вы не должны торопить восстановление воспоминаний.

Гермиона опустила подбородок на плечо. Отсутствие Драко терзало ее.

— Когда он вернётся?

— Он находился в этой комнате с тех пор, как у вас случился первый приступ. У него накопилось много дел, с которыми он должен разобраться.

Гермиона сглотнула, и ее пальцы несколько раз дернулись. Она чувствовала, как сжимается ее грудь. Что, если он не вернется? Что, если он умрет? Что она будет делать, если он умрет?

Девушка чувствовала, как дрожат ее руки. Крепко зажмурившись, она попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом.

— Он отстал от графика казней? — Гермиона заставила себя спросить сухим голосом.

Вопрос прозвучал саркастически, но Топси серьезно кивнула.

Гермиона глубоко вздохнула и свернулась, подтянув колени к животу.

Топси исчезла через несколько секунд.

Девушка провела день, прокручивая в голове события последних шести месяцев. Принимая во внимание все детали, которые она пропустила. Знакомые черты и манеры Драко, которые совсем забыла.

Он знал ее. Он знал ее, когда она приехала. Когда она замышляла убить его. Когда насиловал ее.

Неудивительно, что он не хотел, чтобы она смотрела на него, когда это происходило.

Гермиона была беременна его наследником. Ее ребёнком.

Их ребёнком.

Он изнасиловал ее, и теперь она была беременна.

Когда девушка подумала об этом, ее желудок скрутило, горло сжалось, и ее вырвало с кровати на пол.

Она упала и закрыла лицо руками, стараясь не плакать и не задыхаться. Топси появилась, убрала беспорядок и подала Гермионе стакан воды.

Девушка старалась не думать. Она пыталась сосредоточиться на Драко и не думать о том, что ее насиловали, что она беременна и что Драко не считает ребенка своим, что бы это ни значило.

Но его не было рядом, чтобы спросить, даже если представить, что она смогла бы поднять эту тему.

Гермиона просто старалась не думать об этом.

Вместо этого она попыталась распутать для себя образ Драко. Гермиона понимала, что знает его так хорошо, словно он был вырезан внутри нее. Но она не могла вспомнить конкретных деталей, это было скорее общее ощущение узнавания. На инстинктивном уровне. Она помнила, как он выглядел, как двигался, как сдерживал себя и как его глаза могли выдавать тщательно скрываемые эмоции.

Когда она попыталась вспомнить своё прошлое до заключения, это вызвало мучительную боль, которая начинала распространяться по основанию ее черепа. Гермиона испугалась, что у нее случится еще один приступ, если она продолжит.

Она не могла больше думать об этом.

Она должна была просто принять все, что с ней произошло.

Она лежала в постели, пытаясь найти что-то общее между собой и той версией Гермионы, которая исчезла в камере Хогвартса.

Та, кто сражалась. Та, кто сровняла с землей половину лаборатории. Кто сожгла дементоров и заколола Грэхэма Монтегю набором отравленных ножей.

Девушка, в которую Драко был влюблен. Ради которой он отправился бы на край земли, чтобы защитить.

Она не знала, существовал ли этот человек сейчас. Что, если Драко ждал, что эта версия вернется вместе с воспоминаниями?

Ей казалось, что Гермиона умерла вместе со всеми остальными членами Ордена Феникса.

Все, что осталось, было лишь ее бледной тенью.

Стояла тихая безлунная ночь, когда воздух в ее комнате изменился. Она повернулась и внимательно вгляделась в темноту, и через мгновение появился Драко. На нем была форма Пожирателя Смерти. Гермиона чувствовала, как темная магия словно стекает с него. Это ощущение заставило ее грудь сжаться.

Выражение его лица было напряженным. И холодным.

— Ты злишься на меня из-за чего-то? — спросила она через несколько минут.

Он замер на мгновение, а затем моргнул.

— Нет.

Драко взмахнул палочкой, и бра на стене засияло мягким желтым светом. Он склонил голову набок, пока его шея не хрустнула, а затем снял верхнюю мантию и повесил ее на спинку стула. Броня, пристегнутая к его торсу, мерцала на свету.

Гермиона изучала его, пытаясь определить, что в нем было не так.

— Похоже, ты злишься на меня. Мне кажется, я знаю, что это так, но... не могу вспомнить почему.

Он отвернулся от нее, глядя в другой конец комнаты.

— Вряд ли это теперь имеет значение. Все уже в прошлом.

Его тон был ей знаком. Резкий и холодный.

— Если прошлое не имеет значения, зачем ты искал меня?

Драко снова посмотрел на нее.

— Ты помнишь, почему тебя схватили?

Она кивнула.

— Я взорвала Сассекс.

— Ты помнишь почему?

Нахмутив брови, она задумалась над ответом, стараясь не искать его среди своих затуманенных воспоминаний.

— Все из-за тебя?

Он коротко кивнул.

Гермиона закрыла глаза.

— Когда ты спал, я всегда обещала, что позабочусь о тебе. Что я всегда буду заботиться о тебе.

Он издал низкий смешок, почти издевательский.

— На самом деле это говорил я.

Уголок ее рта дернулся вверх, но в груди все еще болело.

— Я всегда отвечала тебе тем же. Ты просто об этом не знал.

Гермиона хотела потянуться к нему, но когда открыла глаза, он отвернулся. Он смотрел на портрет в другом конце комнаты.

Драко ничего не ответил.

— Какой у нас план? — наконец спросила она. — Какова ваша стратегия? Ты можешь рассказать мне теперь, когда я... — ее язык скривился, когда она выдала следующее слово, — беременна...

Драко пожал плечами и оглядел комнату.

— Это план Северуса. Когда Темный Лорд понял, что ему не хватает нескольких крестражей после Финальной битвы, он передал значительную часть политических маневров Северусу. Тот подрывает и дестабилизирует режим с тех пор, как пал Орден. Ситуация на всем континенте крайне нестабильна. Слабое здоровье Темного Лорда заставило его нарушить большинство своих обязательств, данных во время войны темным существам и союзным странам. Он едва удерживается на плаву. МАКУСА начала оказывать давление на Международную конфедерацию, они сигнализируют о своем намерении вмешаться, если ситуация в Европе продолжит ухудшаться. Теперь, когда все устроено... режим скоро рухнет, и, когда это произойдет, Международная конфедерация сделает свой ход, чтобы восстановить порядок.

— Ты нашел способ победить Волдеморта?

Губы Драко изогнулись в слабой ухмылке. Его глаза были бледно-серебристыми, когда он посмотрел на нее и кивнул.

— Да. Мы ждем идеального момента. Скорее всего, все случится после празднования второй годовщины битвы за Хогвартс.

В его голосе появилось чувство уверенности. Гермиона почувствовала, как ее лицо просветлело, когда она попыталась вычислить, как именно они хотели это сделать, вспоминая все, что она прочитала в газетах, пытаясь угадать.

— Что я...

— Ты уедешь из Европы еще до того, как все начнется, — жестко сказал он, обрывая ее. — Тебе просто нужно быть достаточно здоровой, чтобы путешествовать. Поэтому — ешь. Это все, что ты можешь сделать, чтобы помочь.

Она внутренне съежилась от разочарования, но, как только он ушел, нахмурила брови и уставилась в темноту, пытаясь собрать все воедино и снова и снова прокручивая слова Драко в голове.

На следующий день боль усилилась. Гермиона не могла выносить света в комнате, не могла есть. Драко снова исчез. Она попыталась успокоиться, но после того, как Топси не ответила, когда он вернется и чем занят, ее охватила паника.

Если он никогда не вернется, Гермиона никогда больше не сможет с ним поговорить. Никогда не прикоснется к нему. Ей нужно было кое-что сказать ему, но она пока не знала, как это сделать. Что, если он умрет? Что, если он

пострадает, и она не сможет исцелить его, потому что у нее больше нет магии?

Она продолжала задыхаться, и у нее случилось несколько небольших приступов. Топси каждый раз мгновенно возникала рядом с зельем в руке.

После шестого приступа Гермиона испытывала слишком сильную боль, чтобы что-то делать, кроме как безвольно валяться в постели, почти не осознавая ничего, кроме скрежещающей боли в голове. Она лежала на боку, свернувшись калачиком. Время тянулось бесконечно долго, и ей хотелось потерять сознание, чтобы не чувствовать всего этого.

Матрас прогнулся, и прохладная рука откинула кудри, прилипшие к ее горячей коже, заправляя прядь волос за ухо.

Через минуту ее левая рука была поднята, и длинные пальцы переплелись с ее. Она почувствовала, как большой палец Драко коснулся костяшек ее пальцев и скользнул по кольцу, которое она все еще носила.

Ее челюсть дрожала, а глаза горели, хотя и были закрыты. Она сжала его руку так крепко, как только могла.

Он ничего не сказал, но оставался там, пока Гермиона была в сознании. Когда она снова проснулась, Драко все еще сидел в темной комнате, держа ее за руку.

Его пальцы время от времени судорожно сжимались.

В течение следующих нескольких дней боль в голове начала понемногу уменьшаться. Девушка начала есть, сидя в постели, просматривая руководство по беременности и читая «Ежедневный пророк».

Когда боль утихла, ее память улучшилась. Большая часть воспоминаний все еще была смутной и неясной, но некоторые моменты внезапно возвращались к ней с ошеломляющей ясностью, как будто она заново переживала их.

Тебя нельзя заменить. От тебя не требуется, чтобы твоя смерть была удобной. Тебе позволено быть важной для людей. Причина, по которой я дал эту чертову клятву, была в том, чтобы сохранить тебе жизнь. Чтобы обезопасить тебя.

Чем лучше она себя чувствовала, тем сильнее Драко отдалялся. Сначала Гермиона подумала, что ей это просто кажется. По мере того как ее воспоминания о нем улучшались, она думала, что, возможно, это контраст их прошлого делал его таким отрешённым в ее глазах. Но дни шли, и девушка с замиранием сердца понимала, что Драко отдаляется все сильнее и сильнее.

Когда она была почти в кататонии от боли, он сидел рядом с ней, гладил ее волосы и держал руки в своих, пытаясь унять дрожь в ее пальцах. Но по мере того как Гермиона восстанавливалась и пыталась заговорить с ним, он все меньше прикасался к ней. Он отодвигался все дальше, пока не садился у самого края кровати, наблюдая за ней с изножья. Или стоял у окна.

Он держал руки за спиной, когда она говорила с ним. Когда Гермиона задавала ему вопросы, он давал короткие ответы.

Драко все еще был рядом, но словно не с ней. Когда она поднимала глаза, то

видела, что он отводит взгляд, смирившись. С горечью во взгляде.

Она не знала, с чего начать.

Девушка попыталась вспомнить, какой была раньше. Она помнила его, но не себя. Может, раньше она говорила по-другому? Она не осознавала до конца, какой именно была в прошлом.

Гермиона была разговорчива. Люди всегда говорили ей, что она слишком много болтает.

Она не могла придумать ничего такого, о чем могла бы говорить. Что Гермиона могла ему рассказать?

Неужели она будет рассказывать ему, какие цветы распустились в поместье? Или о том, как построить картонную башню? Или спросит, знает ли он, как сложить журавлей-оригами, потому что она уже не помнит?

Все это было так нелепо.

Все, что имело значение, казалось слишком разрушительным, чтобы выразить словами. Она боялась, что если начнет, то у нее сразу же случится гипервентиляция и приступ. И если Драко подумает, что расстроил ее, то, возможно, он не придет к ней, и девушка снова останется одна.

В камере ей казалось, что она сможет продержаться, но в холодном свете дня Гермиона вдруг поняла, что это не так.

Она сломалась.

От нее остались только осколки.

Она сидела в постели и нервно наблюдала, как он стоит у окна, глядя на лабиринт живой изгороди.

Гермиона все время приоткрывала рот, чтобы что-то сказать, но потом колебалась. Она посмотрела на свои руки и попробовала снова.

— Как... как ты поживаешь? — спросила девушка.

Это был глупый вопрос. Она покраснела и хотела взять свои слова обратно, как только они были произнесены.

Он даже не взглянул на нее.

— Я в порядке.

Она сглотнула и почувствовала, как ее сердце разрывается. Гермиона расправила простыню и распрямила несколько складок на покрывале.

Он стоял так далеко, и она не знала, что ему сказать.

— Итак... — наконец произнесла Гермиона, — ты теперь женат.

Его плечи напряглись, но он не отвечал несколько секунд. Когда Драко повернулся и посмотрел на нее, выражение его лица походило на застывшую маску.

— В октябре исполнится два года.

Она попыталась встретиться с ним взглядом, но уже через мгновение опустила глаза. Ей казалось, что в груди у нее образовалась пустота.

Гермиона не думала, что с его стороны когда-либо существовали какие-то обязательства. По крайней мере, она не помнила, чтобы они давали друг другу обещания касательно будущего.

Она никогда не думала, что он женится на ней.

Но он был женат, и это казалось ей важным, хотя девушка и не могла объяснить почему. Почему в свете всего остального казалось, что это вообще имеет значение?

Ему пришлось насиловать ее тридцать раз. Она была его пленницей. Она была беременна его наследником. Но Гермиона сидела в постели, одержимая тем фактом, что он был женат, потому что все остальное казалось невозможным, чтобы даже начинать с этим мириться.

Он женился через три месяца после Финальной битвы.

У него была жена.

Красивая, неверная и неуравновешенная Астория.

— Мне приказали жениться. Если не Астория, то была бы другая, — сказал он ровным голосом.

Это был факт.

Мне было велено жениться на Астории, поэтому я женился.

Гермиона прикусила нижнюю губу и кивнула, все еще глядя на свои колени.

Брак, устроенный Волдемортом, как знак послевоенных усилий для возрождения волшебного мира. Отвлекающий манёвр от угасающего здоровья Темного лорда.

Она понимала контекст.

Гермиона не знала, как реагировать. Она не знала, что ей сказать. Она хотела, чтобы прошлое исчезло, чтобы она могла снова протянуть руку к Драко, не чувствуя, что ее сердце искалечено.

Ей хотелось прикоснуться к нему. Поцеловать его. Почувствовать, как его руки ласкают ее. Вспомнить, каково это — быть тёплой и желанной. Ожидать, будет ли он по-прежнему шептать «моя», прижимаясь к ее коже.

Но Гермиона чувствовала себя разбитой. Она больше не была тем человеком, которого он целовал. Она боялась, что, если он прикоснется к ней, это будет не

то же самое. Что это чувство отравит все прошлые воспоминания, и тогда не останется ничего, за что можно было бы цепляться.

Драко тоже не был прежним. В его глазах плескалась вина и горькая ярость.

Он был зол на нее.

Он скрывал, но Гермиона чувствовала это. Он не собирался прощать ее, в чем бы ни была ее вина.

Через минуту она подняла глаза.

— Ты сделал с ней что-то, из-за чего она стала бесплодной?

Жестокая ухмылка скривила уголки его губ.

— Я бы так и поступил, но в этом не было необходимости. Гринграссы не раскрыли, что на их семье родовое проклятие. Для зачатия Астории потребовались бы значительные усилия, а поместье обладает некоторыми неприятными побочными эффектами. Ей не приходило в голову, что отдельные комнаты заперты по определённой причине или что она должна восстановить наложенные раньше защитные чары после того, как разобрала по частям поместье, чтобы сделать ремонт. — Затем насмешка исчезла, выражение его лица стало сдержанным, и он отвернулся от нее. — Я не думал, что она пойдет так далеко, чтобы напасть на тебя.

Гермиона посмотрела на свои запястья. Медная обшивка наручников все еще была такой же яркой, как и тогда, когда их впервые надели на ее запястья.
Собственность Верховного Правителя.

Она повернула металл так, чтобы выгравированные слова больше не были видны, и снова подняла глаза.

— Это ты отвезешь меня к Джинни?

Он покачал головой.

— Северус. В настоящее время наложены ограничения на мою способность путешествовать. Сентиментальность вряд ли является причиной для того, чтобы подвергать опасности убежище. Он возьмет тебя... вернее, ты возьмешь его с собой, чтобы убедиться, что он не нарушит условия своего Непреложного Обета.

Гермиона нахмурила брови.

— Его Непреложного Обета?

Глаза Драко сверкнули, а губы сжались в тонкую линию.

— В конце войны он заключил со мной сделку, поклявшись не вмешиваться в мои методы твоей защиты и не брать тебя с собой туда, где тебе может угрожать опасность. Это было сделано для того, чтобы ты благополучно покинула Европу, но в конечном итоге Обет не имел никакого значения. Ты пошла одна и все равно попала в плен. — Он отвел взгляд. — Путешествие должно быть безопасным, но мы постарались учесть все варианты на случай непредвиденных обстоятельств.

Она покрутила в пальцах край хлопчатобумажной простыни.

— Я увижу тебя после этого?

Драко изогнул бровь, и его рот медленно сложился в кошачью улыбку.

— Джинни не слишком жалуется меня.

Гермиона продолжала смотреть на него.

Он пожал плечами.

— Все будет зависеть от того, как пойдут дела. Если повезет, я пробуду в Европе недолго.

— О.

Разговаривать с ним было утомительно. Ей казалось, что существовали бесчисленные детали, которые она должна была принять к сведению, намеки, которые ей следовало понять. Ей нужно было разобрать все его слова, но Гермиона больше не знала, как правильно их интерпретировать.

«Мы ведь должны бежать вместе. Ты обещал».

— Ты вернёшься... в конце концов? — В ее голосе звучала надежда.

Если бы у них было время, они могли бы вместе собрать осколки прошлого. Она бы смогла найти его под маской Верховного Правителя. Возможно, постепенно она отыщет способ снова стать той Гермионой. Ради Драко она постарается найти ту девушку.

Тогда, возможно, он перестанет стоять так далеко.

Его ртутные глаза на мгновение сверкнули, а уголок рта приподнялся в ухмылке.

— Только если ты этого захочешь.

Его слова звучали как ложь.

***

Спустя неделю после того, как Гермиона пришла в себя, она встала с кровати и медленно пошла по коридору, чтобы принять душ. Топси неотрывно следовала за ней, как и фигура на портрете. Гермиона сидела на полу душа, положив голову на колени, пока вода стекала по ее коже. Ее руки и ноги дрожали от усталости. Выйдя из душа, она просто обернулась полотенцем и рухнула на кровать в гостевой спальне.

Когда девушка проснулась, Драко сидел в соседнем кресле и читал. Гермиона смотрела на него несколько минут, прежде чем он поднял глаза и заметил, что она проснулась.

Выражение его лица на мгновение стало открытым, когда их глаза встретились,

и она почувствовала, как жар пробежал по ее спине.

Он захлопнул книгу, и все исчезло.

— Хочешь сменить комнату?

Она плотнее завернулась в полотенце.

— Я просто слишком устала, чтобы возвращаться обратно.

Драко на мгновение задержал на ней взгляд.

— Ты можешь сменить комнату. Мне понадобится всего несколько дней, чтобы восстановить защитные чары в этой спальне.

— Астория может заметить.

Его губы слегка скривились.

— Ее больше не пускают в это крыло дома. К тому же, она на месяц уехала во Францию, чтобы купить себе новый гардероб.

Когда Гермиона услышала, что Астория не скрывается в поместье, тревожное напряжение в ее животе немного ослабло.

Она посмотрела на балдахин над головой.

— В этом нет необходимости.

Краем глаза она заметила, как дернулся Драко, и выражение его лица стало жестким.

Он пытался намекнуть ей на что-то, но девушка слишком устала, чтобы пытаться понять его намеки. Ее голова пульсировала слишком сильно, и все ее тело болело от напряжения после ходьбы по коридору.

Она посмотрела через комнату на портрет. Белокурая ведьма в кадре собирала цветы в саду в стиле импрессионизма.

— Это твоя мама?

Портрет замер и поднял глаза.

— Почему ты спрашиваешь? — Голос Драко звучал подозрительно небрежно.

Гермиона дернула плечом.

— У тебя ее губы. У нее нет характерных черт Малфоев, которые можно заметить у твоего отца и большинства портретов в поместье.

— Она нарисовала его, чтобы мой отец не слишком скучал по ней, когда покинет Хогвартс. Он закончил школу на год раньше нее, — сказал Драко, глядя через комнату на портрет. — Из-за обстоятельств ее смерти ни один из более поздних портретов так и не проснулся.

Он отвел взгляд.

— Ты должна спать в своей комнате. Там безопаснее. — Казалось, он на мгновение заколебался. — Ты можешь идти?

Гермиона посмотрела на него, гадая, что он сделает, если она откажется. Отлевитирует ее? Понесёт на руках?

Скажет ей, чтобы она спала на полу?

Она моргнула. Нет, этого уже не произойдёт.

— Я могу идти, — Гермиона заставила себя подняться и поняла, что забыла взять с собой новый халат и осталась только в полотенце. Она крепче запахнула его вокруг себя и, стараясь не смотреть на Драко, соскользнула с кровати.

Когда девушка оглянулась, то обнаружила, что он демонстративно смотрит в сторону и протягивает ей свой плащ. Она смотрела на него лишь мгновение, прежде чем взять и накинуть на плечи.

Полотенце упало на пол, но Гермиона даже не попыталась его поднять. Домовые эльфы могли призвать его с пола так же легко, как и с кровати. Если она опустится на колени, то атрофия мышц, вероятно, приведет к тому, что она больше не сможет подняться.

Гермиона подошла к двери, не глядя на Драко; она чувствовала, как ткань волочится по деревянному полу. Он был всего в нескольких шагах позади нее, она чувствовала его, но его шаги были тихими, и этот факт заставил ее нервничать.

— Сколько защитных чар наложено на мою комнату?

Она почти почувствовала, как Драко похолодел от этого вопроса.

— Лишь несколько.

Ложь.

Здесь у тебя слишком много оберегов, Малфой.

Гермиона вспомнила, как он вышел из ее комнаты сразу после новогодней вечеринки и отправил ее спать.

Из-за всех этих охранных чар, которыми Малфой окружил твоё крыло поместья, я уже решил, что никогда не смогу до тебя добраться.

Взрыв, необходимый Астории, чтобы проникнуть в ее спальню.

Драко поспешил вернуть ее в комнату, когда она попыталась броситься с балкона. Он настоял на том, чтобы вернуться в ее комнату, когда она была беременна.

Гермиона всегда испытывала огромное облегчение, когда возвращалась. Она

всегда могла оставаться спокойной и трезво мыслить лишь в своей комнате, пока не забеременела, и ее тревога, наконец, пересилила все чары, которыми он окружил помещение.

Я прилагал немалые усилия, чтобы она оставалась в безопасности.

Возможно, он был честен со Страуд.

Она старалась идти быстро. До ее комнаты оставалось всего четыре двери по коридору, но, проходя мимо второй, Гермиона почувствовала, что ноги у нее вот-вот подогнутся. Она слегка споткнулась.

Драко мгновенно поймал ее за левый локоть, и девушка замерла. Ее желудок упал так резко, что она задохнулась и почувствовала, как ее грудь сжалась. Гермиона отчаянно тянулась к стене, пока не коснулась той кончиками пальцев. Девушка крепко прижалась к ней всем телом и попыталась вдохнуть.

Рука Драко отдернулась, словно обожженная, и Гермиона почувствовала, как ее сердце разбилось. Она вдруг ощутила суровую, жестокую реальность всего происходящего, и ей показалось, что ее раздавили насмерть.

— Я просто... — ее голос дрогнул, а затем сорвался. — Я не знаю, как это сделать. Я не знаю, как справиться с тем, что произошло. Не знаю, как с этим смириться. — Она прижалась лбом к стене, ее плечи дрожали.

— Я не знаю, как нам все исправить. Драко, почему это случилось с нами? Сможем ли мы когда-нибудь вернуться к тому, что было? — Ее голос дрожал, и Гермиона тихо всхлипнула, а затем разрыдалась, сползая по стене на пол.

— Я не знаю, как мне все исправить, — повторяла она снова и снова, прижимаясь к стене и плача.

Примечание к части Небольшое обновление. В перевод добавлены ссылки на арты!

Они находятся в примечаниях почти каждой из глав. Наслаждаемся!

Также, если по каким-то причинам мы кого-то забыли, кидайте ссылки в комментарии или личку.

65.

Июнь 2005.

Прижав ладони к губам, Гермiona продолжала плакать.

Драко не делал попытки прикоснуться к ней. Даже успокоившись, она осталась сидеть у стены. Ее плечи все еще подрагивали.

Гермiona услышала, как Драко сделал глубокий вдох.

— Ты ничего не должна делать. Я ничего от тебя не жду, — наконец сказал он тихим голосом. — Я больше не буду приближаться к тебе. Подожди здесь, я позову Топси.

Он повернулся чтобы уйти, но Гермiona протянула руку и схватилась за подол его мантии.

— Нет. Нет, не уходи.

Ее рука дрожала, но девушка только крепче вцепилась в ткань.

— Не уходи. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Драко остался стоять рядом с ней, пока она сидела на полу, не выпуская из рук его мантии.

Прошло полчаса, прежде чем Гермiona смогла встать и пройти остаток пути до своей комнаты. Она остановилась у двери в спальню. Ей все еще было трудно дышать.

— Как много здесь защитных чар?

Несколько секунд он молчал.

— Сейчас около восьмидесяти.

Зайдя в комнату, Гермiona подошла к кровати и легла. Повернувшись на бок, она зарылась лицом в его плащ. Тот пах, как Драко. Кедром, древесным мхом и папирусом.

Драко накрыл ее одеялом. Гермiona поймала его руку и сжала в своей. Его кожа была такой же теплой, как она помнила. Девушка поднесла его ладонь к своей щеке и, прижавшись к ней, закрыла глаза и пролежала так несколько минут.

Наконец она медленно отпустила его.

— Ты должен приходить ко мне, чтобы я точно знала, что с тобой все в порядке. Иначе... я буду переживать.

На следующий день Топси принесла ей восстанавливающее зелье.

Держась за стены, Гермиона медленно передвигалась по своей спальне и по прилегающему к ней коридору, пытаясь привыкнуть к физическим нагрузкам. Сейчас ее голова болела меньше, чем за весь прошедший месяц, а воспоминания о Драко приобретали все большую ясность. Они все еще казались далекими, словно Гермиона рассматривала их в окуляр телескопа, направленный внутрь ее собственного разума. Но постепенно все пробелы в ее памяти восполнялись. Гермиона вспомнила, как Северус дал Непреложный Обет и как ей удалось сделать так, чтобы Драко покинул хижину на достаточное время, чтобы у нее появилась возможность отправиться в Сассекс.

Теперь становилось понятно, почему он просматривал ее воспоминания с такой скрупулезностью и пытался в точности убедиться, что знает о всех ее тайных планах. Она уже обманула его однажды; как и говорил Северус, Драко больше не собирался доверять ее словам.

Понимание этого словно добавило тяжести камню у нее на сердце.

Драко не использовал на ней легилименцию, но продолжал следить за ее мыслями с помощью наручников. Он держал ее разум под постоянным контролем.

И он все еще продолжал лгать ей.

Гермиона уже несколько дней сомневалась в своих подозрениях, но теперь, когда головная боль не мешала ей мыслить ясно, девушка окончательно в них утвердилась.

Она прокручивала эту мысль в голове, пытаясь найти нестыковки в тщательно продуманных рассказах Драко, которыми он делился с ней с момента, как только она пришла в сознание. Где в его истории могли возникнуть пробелы? Какие в ней были несоответствия?

Гермиона села на нижнюю ступеньку лестничного пролета, погруженная в свои мысли.

Она слышала шаги, нарочито громкие, и, подняв глаза, увидела Драко, который как раз выходил из-за поворота. Его лицо было непроницаемо.

Гермиона в задумчивости рассматривала его. Мантия на Драко была черной, как и вся остальная одежда. С тех пор, как девушка попала в поместье Малфоев, она ни разу не видела его в чем-то другого цвета. Драко выглядел так, словно ожидал, что его в любой момент могут сфотографировать.

Как только стало известно, кто скрывается под маской Верховного Правителя, газеты стали наперебой печатать статьи о нем, стараясь разузнать побольше подробностей о его личности. Протеже Волдеморта. Он появлялся на благотворительных вечерах, регулярно посещал Министерство и выезжал за

границу...

Драко часто путешествовал. В сопровождении охраны он отлучался из Малфой-Мэнора, но редко задерживался вдали от дома дольше, чем на день.

Драко остановился на лестничной площадке и встретился с ней взглядом. Прежде чем выйти в коридор, Гермиона накинула на плечи его плащ, и глаза Драко сверкнули, когда он заметил это. Он разглядывал ее несколько секунд, словно старался запомнить такой.

Гермиона точно так же изучала его черты, пытаясь понять эту новую версию Драко.

— Думала, тебя нет в поместье, — наконец сказала она, когда тишина начала на неё давить.

— Утренние планы отменились. — Он окинул ее внимательным взглядом, задержавшись на ее ногах и руках. — У тебя уже достаточно сил, чтобы пройти? Я хотел бы показать тебе кое-что.

Гермиона сглотнула:

— Как далеко нужно идти?

— В Главное крыло, недалеко отсюда.

Поколебавшись, Гермиона встала, чувствуя, как разгорается ее любопытство.

— Думаю, я смогу туда пойти.

Драко держался на приличном расстоянии от нее, пока они вместе медленно шли по коридорам поместья. Путь до Главного крыла обычно занимал не больше десяти минут, но у них он отнял около получаса. Драко шел в том темпе, который был комфортен ей, и никак не комментировал то, что Гермиона на какое-то время замирала и жалась к стене, когда узкий коридор внезапно расширялся.

Всю дорогу она бросала короткие взгляды на Драко, замечая в его лице только твердость и жесткость. Он использовал окклюменцию, чтобы полностью отделить себя от эмоций даже в большей степени, чем раньше.

Все дело было в рунах, поняла Гермиона с нарастающим ужасом. Они меняли его. Они возвращали в нём нужные качества, отмечая другие, пока не осталось ничего, что бы препятствовало их влиянию.

Решительный, коварный, безжалостный, непреклонный; стремящийся к достижению идеального результата.

Драко искал ее в течение шестнадцати месяцев. По всей Европе и даже отправился за ней в Австралию. Несколько раз он использовал родовую магию — достаточно темные чары, которые могли убить того, кто рискнул к ним прибегнуть.

Он знал, что она жива и что ее держат в заточении. Пока Драко искал ее, он позволил рунам взять верх над его личностью.

Они остановились у знакомой двери, которая всегда была заперта, по крайней мере, пока Гермiona находилась в поместье.

Когда она поняла, что за комната располагается перед ними, ее сердце забилося сильнее.

Гермiona опустила глаза и закусила губу, чувствуя, как сжимается ее горло:

— Я не могу дотрагиваться до книг в поместье, они все заколдованы.

— Я приказал эльфам снять с них проклятия.

Гермiona резко вскинула взгляд.

— Я хотел привести тебя сюда раньше, но ты была прикована к постели, — сказал он, не отводя глаз от дверей.

— Астория...

— Я разберусь с ней, когда она вернется. Если вообще вернется. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь, и брать книги в свою комнату или в любое другое место, где будет удобнее читать. Эльфы помогут донести их.

Драко открыл двери библиотеки и отступил, пропуская ее вперед.

Гермiona заглянула внутрь, а затем осторожно шагнула в дверной проем. Глубоко вздохнув, она окинула комнату взглядом. Библиотека была такой же, как прежде. Девушка вспомнила, как пришла сюда два года назад, предвкушая количество книг, которое ей удастся прочитать.

Ей уже так долго было скучно, и вот, наконец, она сможет прикоснуться к старинным фолиантам, изучить их...

Она торопливо сделала шаг вперед...

В комнату с высокими потолками.

Волоски у нее на шее встали дыбом, заставляя поднять взгляд вверх. Потолок был так далеко, что терялся в темноте. Ее горло свело, а пальцы задрожали.

Гермione казалось, что она становится все меньше и меньше. Библиотечный зал был огромным, книжные полки тянулись до самого потолка и исчезали в сумраке...

Девушка была такой маленькой, а комната — слишком большой. Гермiona была беременна. Она даже не могла использовать магию, чтобы защитить себя. Ей нельзя паниковать, иначе она может навредить ребенку.

Грудь Гермiony сжалась так резко и болезненно, словно ее ребра зажали в железные тиски.

Она сделала медленный вдох через нос.

Это была всего лишь библиотека. Гермиона уже приходила сюда вместе с Драко. Тем более Топси всегда будет неподалеку.

— Мне пора идти, — голос Драко прервал ее мысли.

Он молча наблюдал за ней все то время, что Гермиона стояла в дверном проеме.

Драко шагнул ближе и заглянул в библиотеку:

— Тебе не стоит волноваться. Я поставил новые защитные чары вокруг комнаты, никому постороннему не удастся попасть в поместье, пока я в отъезде.

Гермиона с сомнением еще раз окинула библиотеку взглядом и отступила назад.

— Может... лучше нам прийти в другой раз.

Его внимательный взгляд прошелся по ее лицу, словно пытался разгадать ее мысли. Нервно облизнув губы, девушка протянула руку и с облегчением ощутила под пальцами шероховатость обоев.

Она втянула голову в плечи.

— Потолок... здесь слишком высоко. Я забыла... что в библиотеках настолько высокие потолки. Раньше я... не обращала на это внимание. — Гермиона опустила взгляд на свои туфли. Ее пальцы непроизвольно дрогнули, заставив ногти с неприятным звуком царапнуть по обоям. — Возможно, я... не смогу...

Она запнулась в поиске подходящих слов.

Глаза Драко сверкнули, и он протянул к ней руку:

— Гермиона...

Ее горло и грудь сжались, и она отпрянула, отступив еще ближе к стене.

Он опустил руку.

Привалившись правым боком к стене и прижав к ней левую руку, словно хотела полностью слиться с обоями, Гермиона опустила подбородок.

— Я знаю, что бояться комнаты из-за того, что в ней высокие потолки, совершенно нелогично, — ее голос дрожал. — Я пытаюсь перебороть это. Я знаю. Знаю... и пытаюсь справиться с этим... но...

Драко отступил назад. У нее внутри что-то оборвалось. Ее пальцы снова нервно дрогнули.

Он был слишком близко.

И слишком далеко.

Драко не смотрел на нее. Его взгляд был направлен в пол, словно отмеряя разделявшее их расстояние.

— Тебе не нужно делать ничего против своей воли. Мне следовало предположить, что высокие потолки могут стать проблемой. Когда я вернусь, мы можем найти подходящую комнату, в которую ты сможешь взять всю необходимую литературу. Если какие-то книги или другие вещи нужны тебе именно сегодня, эльфы доставят их к тебе в комнату. Все, что тебе потребуется. Пойдем, я провожу тебя обратно в спальню.

Ее ноги дрожали от усталости.

— Нет. Ты должен идти. Я слишком устала. Ты опоздаешь, если будешь сопровождать меня.

Драко выдохнул и коротко кивнул:

— Хорошо.

Он повернулся, чтобы уйти.

Гермиона потянулась к нему, но передумала и опустила руку.

— Драко...

Он обернулся и посмотрел на нее. Девушка сглотнула и выдавила слабую улыбку.

— Будь осторожен, Драко. Не умирай.

Он замер.

В повисшей тишине они несколько секунд смотрели друг на друга.

Уголок его губ приподнялся в едва заметной усмешке:

— Хорошо.

Еще мгновение он не отрывал от нее взгляда, а затем беззвучно аппарировал.

Гермиона осталась стоять возле стены, водя пальцами по едва ощутимым узорам обоев. Она чувствовала себя настолько уставшей, что ей хотелось просто лечь на пол и уснуть прямо здесь, в коридоре.

Сделав глубокий вдох, девушка расправила плечи и медленно повернулась, готовясь идти обратно в Северное крыло и обдумывая все произошедшее.

Было уже далеко за полночь. Гермиона сидела в кресле, разглядывая в окно лабиринт из живой изгороди, когда почувствовала, как воздух в комнате изменился. Обернувшись, она увидела замершего в дверном проходе Драко.

— Ты так и не попросила книг. — Его взгляд казался осторожным.

Она покачала головой:

— У меня было о чем подумать.

Гермиона заметила, как выражение его лица резко изменилось, став более закрытым.

— Если разобраться, некоторые детали никак не складываются в общую картину.

— Не все из нас обладают таким исключительным интеллектом, как у тебя, — его тон был легким. Драко все еще стоял в дверном проеме.

Гермиона окинула взглядом разделяющее их расстояние и в сомнении закусила губы.

— Сегодня ты не сказал, что всегда будешь приходить за мной. Раньше ты всегда обещал мне это, прежде чем уйти. Каждый раз... — Она опустила взгляд и натянула ткань его мантии на руки, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Нахмутив брови, Гермиона попыталась возродить в памяти более точное воспоминание, но в голове крутились лишь разрозненные обрывки. Сдавшись, девушка снова взглянула на Драко. — Я думаю... думаю, что хорошо помню это. Каждый раз, когда ты должен был оставить меня, ты обещал, что вернешься. Разве... нет?

На мгновение он замер. Затем, моргнув, горько улыбнулся и отвел взгляд:

— Думаю... что в свете всех событий подобное обещание потеряло смысл.

Горло сжал спазм, и ее рука потянулась к нему.

— Ты искал меня везде, где только мог. Ты ни в чем не виноват.

Драко издал короткий, лающий смешок и отступил назад, словно она ударила его своими словами. Его резкий смех заставил ее вздрогнуть.

Несколько секунд он смотрел на нее, а затем вздернул брови и сказал:

— Точно. Везде. Я искал тебя везде. — На его лице заиграли желваки. Казалось, словно он ощущал тяжесть слов на языке. — Кроме того единственного места... где мне действительно стоило тебя искать. Но в остальном да, конечно. Полагаю, что заслужил похвалу хотя бы за старания.

В его настойчивом, безжалостном тоне было что-то пугающе знакомое. Гермиона почувствовала, как у нее свело живот.

— *Бедная маленькая целительница, у которой нет никого, о ком можно позаботиться. Никто не нуждается в тебе, никто тебя не ищет.*

Гермиона не помнила, когда он говорил ей это. Во время войны? Нет, после... когда она уже жила в поместье.

Драко снова рассмеялся, и это заставило ее вынырнуть из собственных мыслей.

Гермиона подняла на него взгляд.

Его лицо исказилось:

— Не моя вина?.. — его слова звучали так отрывисто, словно он заставлял себя произносить каждое из них. — Вот как мне следует думать обо всем? Что ничто

из произошедшего не было моей виной? Ни смерть моей матери. Ни смерть Дамблдора... или любого другого, убитого моей рукой. Если подумать рационально, у меня ведь вообще не было выбора, не так ли? А что тогда насчет тебя? То, что случилось с тобой, тоже не моя вина? Может, тогда мне нужно винить тебя? Или Темного Лорда? Или, возможно, весь чёрттов мир?

Он делал рваные вдохи сквозь зубы, пока слова лились из него потоком.

Неожиданно он остановился, словно придя в себя. Сжав челюсти, Драко просто смотрел на нее несколько секунд.

— Если бы я не ненавидел Поттера так сильно, ты бы вообще не имела никакого значения.

Гермиона моргнула, прогоняя наваждение, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле, и с трудом сглотнула.

Драко жестко ухмыльнулся и прижал бледную руку к груди:

— Приписывание себя к бесчисленным жертвам мироздания должно каким-то образом помочь мне почувствовать себя лучше?

В саркастическом тоне его слов можно было услышать с трудом сдерживаемую ярость.

Гермиона опустила взгляд на собственные руки, делая вдохи сквозь сжатые зубы. Ее пальцы нервно подрагивали. Все ее тело находилось в напряжении, пока она пыталась сохранять концентрацию.

Она старалась не паниковать из-за стольких вещей, что это походило на попытки удержать голову над поверхностью воды вместо того, чтобы позволить болоту, на которое сейчас было похоже ее сознание, утянуть ее на дно.

Память Гермионы возвращалась отрывочно и хаотично. В ее голове хранилось столько воспоминаний о Драко, но девушка не могла точно сказать, к какому временному промежутку они принадлежали. Некоторые словно скрывались за неясной дымкой, другие проявлялись в ее голове с поразительной четкостью; но из-за отсутствия связи между ними у нее не получалось соединить все эти фрагменты памяти в общую картину.

На подсознательном уровне Гермиона чувствовала, что ей известно не все и что Драко продолжает скрывать от нее часть информации. Если бы она знала о нем больше... Если бы помнила его лучше... То смогла бы понять, что утаивал Драко, но пока ей не удавалось сложить кусочки пазла.

— Я не это имела в виду. Я не... пока что я не собираюсь говорить об этом, — наконец сказала Гермиона спустя несколько секунд, после того, как смогла взять себя в руки. — Но я не могу понять, если все из Ордена мертвы, а ты не можешь убить Волдеморта, как ты собираешься победить его и положить конец существующему режиму? Вот что не выходит из моей головы.

Гермиона взглянула на него:

— Ты же не планируешь, чтобы Волдеморта убила я?

Драко просто продолжил молча смотреть на нее, явно не собираясь снисходить до ответа.

Она кивнула самой себе и опустила взгляд.

— Если вы с Северусом решите снять мои наручники, Волдеморт узнает об этом. Даже если он не догадается, что тебе помогал Северус, вся вина падет на тебя, потому что ты несешь за меня ответственность. То же самое касается и моего побега. Если мне все же удастся покинуть Европу, Волдеморт в любом случае узнает, что ты предал его.

Драко ничего не ответил.

Гермиона смотрела на него во все глаза, чувствуя, как по телу расползается холодный ужас, когда вся информация, которую она собирала месяцами, наконец сложилась в единую картину.

— Вот, значит, каков план. Волдеморт зависим от тебя. Ты — центральная фигура, на которой держится весь существующий порядок. Вот почему ты раскрыл свою личность. Ведь теперь, когда все узнали, кто именно является Верховным Правителем, у него не получится заменить тебя кем-то другим. — В горле пересохло, и девушка с трудом сглотнула, перебирая в пальцах ткань плаща Драко. — Ты... ты нашел способ избавиться от Темной метки?

Драко все еще неподвижно стоял у двери. Его губы изогнулись в улыбке:

— Конечно. Как только мы снимем с тебя наручники, я избавлюсь от своей Метки.

Его тон и поза невольно напомнили ей о вечеринке в честь Нового года. Каждое его движение казалось идеально выверенным. Несмотря на то, что во время празднования Гермиона ненавидела его, она все равно наблюдала за ним, подмечая детали, которые не укладывались в ее представление о Драко. Теперь, когда к ней вернулись прошлые воспоминания о нем, девушка могла разглядеть под привычной маской проблески его настоящей личности. Того, кого она знала раньше, скрытого под магией рун. Драко почти позволил им изменить себя, но она все еще могла разглядеть за ними его настоящего.

Она склонила голову набок:

— И как ты это сделаешь?

Он пожал плечами.

— Северус кое-что придумал. Он ведь годами работал бок о бок с Долоховым.

Повисла неестественно долгая пауза.

— Ты лжешь, — наконец сказала Гермиона.

Драко склонил голову и пристально посмотрел на нее. На его лице появилось знакомое холодное выражение.

— Правда? Все еще думаешь, что знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять это?

Агрессивный тон. Он всегда говорил самые злые слова, когда чувствовал себя наиболее уязвимым.

Уголок ее губ приподнялся, складываясь в печальную улыбку:

— Да. — Ее сердце словно налилось свинцом. — Раньше ты почти всегда был честен... со мной.

Он жестоко улыбнулся.

— Да, был.

Гермиона с трудом дышала, чувствуя, как ее заполняет горечь. Казалось, вокруг нее уже было море, а Драко все еще стоял слишком далеко.

Ее сердце билось все быстрее и быстрее. Гермиона сделала медленный вдох и встретила с ним взглядом.

Хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия.

— Ты солгал мне. Ты не планируешь избавляться от Метки. Ты не будешь даже пытаться. Ты собираешься умереть. Ты раскрыл обществу, что ты Верховный Правитель, потому что знал, что режим развалится, когда тебя убьют за предательство.

Драко смотрел на нее несколько мгновений, а затем его губы изогнулись в горькой, как ядовитое зелье, улыбке. Он вздохнул, и маска холодности спала:

— Я надеялся, что библиотека сможет отвлечь тебя хотя бы до конца недели.

Он выглядел разочарованным и уставшим.

Гермиона ждала, что он скажет что-нибудь еще, но Драко молчал.

— Это и есть твой план? — ее голос дрожал от неверия. — Прошло два года, а ты все ещё планируешь спрятать меня где-нибудь подальше и умереть за шпионаж и предательство?.. И ты думаешь... что после этого я продолжу жить как ни в чем не бывало?

Драко молчал несколько секунд, а затем тихо рассмеялся. Его смех словно отдавался во всем ее теле.

— Может, у тебя и на этот раз найдется решение получше? — его тон был ледяным. — В конце концов, еще не каждый кошмар из тех, что я мог себе представить, воплотился в реальность. Потерять тебя и провести шестнадцать месяцев в безуспешных поисках. В итоге найти тебя измученной пытками и сломленной. Держать тебя в этом доме пленницей. Насиловать тебя. — Его голос срывался от ярости и отчаяния. — Удерживать тебя, пока твоё сознание разрушали изнутри. Ощущать все это в моей собственной голове из-за связи

наручников. Увидеть, как тебя насилуют в моем собственном саду...

— Он не успел, — вставила Гермиона быстро. Ее грудь дрожала от рваных вдохов. — Ты знаешь, что он не успел. Ты появился там вовремя.

Его взгляд затопило облегчение, но на губах застыла жестокая улыбка:

— Ах, да.

Драко усмехнулся и опустил взгляд в пол.

— На чем я остановился? Найти тебя с почти выколотым глазом, потому что моя жена пыталась ослепить тебя. Увидеть, как ты бьешься головой об оконное стекло, желая покончить с собой. Смотреть, как ты угасаешь день за днем, потому что забеременела от меня. Вернуться в поместье и узнать, что окклюменция вкупе с магией плода нанесли настолько серьезные повреждения твоему разуму, что, быть может, ты никогда не придешь в себя... Что я, вероятно, погубил тебя собственными руками.

Драко был бледен, как призрак. Его поджатые губы скривились, а затем изогнулись в усмешку.

— Этого все еще недостаточно? Безусловно, всегда найдутся еще непознанные и непрожитые нами уровни страданий. Нам стоит постараться и испытать их все?

Он резко выдохнул, а затем словно взял себя в руки, и его лицо снова приняло сдержанное выражение.

— Я могу снять с тебя наручники, и, вместо того, чтобы отправить в безопасное место, вручить палочку и перенести тебя, беременную, прямо в подземелья к Темному Лорду. Прошло два года с тех пор, как ты в последний раз использовала магию, у тебя едва хватает сил пройти лестничный пролет, и ты до сих пор почти ничего не ешь, но это, конечно же, не имеет никакого значения. Борьба за общее благо всегда будет превыше всего.

Гермиона вздрогнула, словно ее ударили.

— Если я все-таки решусь отвести тебя к Темному Лорду, есть ничтожный шанс, что, находясь под нашей с Северусом защитой, ты сможешь убить его до того, как он вызовет остальных Пожирателей. — Казалось, что лицо Драко было высечено из камня. — Но даже если каким-то невероятным чудом нам удастся повернуть все это, мы все умрем почти сразу же, потому что параноидальный монстр заколдовал свои подземелья так, что те обрушатся, как только он умрет: один из миллионов защитных механизмов, которыми он предостерёг себя от покушений.

Драко откинул голову назад:

— Хотя более вероятно, что у нас не получится убить его, потому что я уже пытался сделать это десятки раз. Неважно, кого я посылал или какие методы использовал, все мои попытки провалились. Когда наш план потерпит крах, у меня будет два варианта: убить тебя самому или наблюдать, как тебя снова схватят и закуют в кандалы. Думаешь, он убьет нас быстро?

Гермиона покачала головой. Ей стало трудно дышать.

— Нет. — Его глаза были ледяными, хотя на лице все еще сохранялось сдержанное выражение. — Он заставит нас страдать очень долго. Я много раз видел, как он делает это... Когда ему нужно показать пример того, что случается с предателями. Иногда пытки продолжаются неделями. Он приказывает целителям лечить пленных до тех пор, пока не устаёт от них и не решает наконец-то с ними покончить.

Она видела страх в его глазах. Драко отвел взгляд, на несколько секунд задержав внимание на портрете Нарциссы.

— Сначала он убьет тебя, — сказал Драко, смотря пустым взглядом на дальнюю стену. — К тому моменту он уже будет знать всю нашу историю, уверен, Темный Лорд найдет нужное применение моим воспоминаниям. У меня было целых два года, чтобы представить все ужасные вещи, которые могли случиться с тобой. Все то, что, как я боялся, они сделали с тобой. — Его голос казался неживым. — Уверен, он позаботится о том, чтобы воплотить все мои кошмары в реальность.

Комната начала расплываться перед глазами. Гермиона постаралась сглотнуть, но ее горло словно отказывалось работать.

Драко тихо вздохнул и облокотился о дверь.

— Это не очередная возможность для тебя и твоего гриффиндорского упрямства попробовать всех спасти. — Он снова вздохнул. — Поверь мне, я бы бежал вместе с тобой, если бы мог. Я всегда бы выбрал... — его голос на мгновение затих. — Но ведь у меня никогда не было такой возможности, не правда ли? Сделать все, чтобы обеспечить Ордену победу над Темным Лордом. Грюм не упомянул никаких сроков давности этого уговора, ни об исключениях из него. — Он горько улыбнулся, а затем его лицо снова приобрело холодное выражение. — Время Темного Лорда на исходе. В лучшем случае он проживет еще пару лет. Магический мир уже успел достаточно разочароваться в его идеологии и режиме, особенно после всего этого спектакля с репопуляционной программой. Когда после его смерти привычный порядок разрушится и режим перестанет существовать, объявится Международная конфедерация магов и сделает вид, что свержение власти — это их заслуга, как они всегда поступали. — Драко посмотрел на нее, на его лице мелькнула тень улыбки. — Через несколько лет ты, возможно, наконец-то увидишь мир, о котором мечтала. Это то... что я могу попробовать дать тебе.

— Нет!

Он посмотрел на нее, и в тусклом свете комнаты его глаза сверкнули серебром.

— Ты всегда говорила, что не можешь выбрать меня вместо Ордена и всех остальных. Я — часть тонущего корабля. Ты же не ожидаешь, что я потащу тебя ко дну вместе с собой.

— Я лгала! — Руки Гермионы тряслись, а все тело словно свело судорогой. Пытаясь вздохнуть и сдержать рвущиеся наружу рыдания, она начала раскачиваться взад-вперед. — Я не смогла бы... Драко...

Гермиона опустила голову и прижала руки к груди, задыхаясь. Ее легкие горели,

а девушка продолжала делать рваные вдохи, снова и снова.

Жестокое выражение исчезло с лица Драко. Приблизившись к ней, он опустился на колени рядом с ее креслом. Осторожно, словно обращаясь с пугливым животным, Драко взял Гермиону за плечи.

— Дыши, Грейнджер. Дыши. Ты должна дышать. — Он смотрел на нее умоляюще.

Гермиона тихо всхлипнула и, склонив голову, прислонилась лбом ко лбу Драко.

— Дыши, пожалуйста, дыши, — продолжал говорить он. Она чувствовала жар его ладоней даже сквозь одежду. Закрыв глаза, Гермиона заставляла себя делать медленные вдохи и выдохи, пока ее грудь не отпустил спазм.

— Драко... Должен быть другой способ. — Она протянула к нему дрожащие руки и прикоснулась к лицу. — Ты должен жить. Ты принадлежишь мне. Мы обещали друг другу, что сбежим вместе. Помнишь? Туда, где никто нас не найдет.

Его лицо застыло. Опустив взгляд, Драко несколько раз быстро сморгнул, а потом рассмеялся, тихо и горько. Убрав руки с плеч девушки, он приподнял ее подбородок, заставляя Гермиону посмотреть ему в глаза.

— Я бы сделал все, о чем бы ты ни попросила, если бы мог.

То, с какой тоской он произнес эти слова, резало ее наживую.

— Тогда... пожалуйста... — Она провела пальцами по его щекам и обхватила его лицо ладонями. Они находились так близко друг к другу, что Гермиона чувствовала его дыхание. — Драко... должен быть другой путь. Мы сможем придумать что-нибудь. Я могу... теперь, когда ко мне вернулись воспоминания... я смогу помочь тебе.

Ее тихий голос дрогнул.

— Я знаю... что я больше не такая, какой была раньше, но ты обещал мне... Ты нужен мне, Драко. Мне нужно, чтобы ты жил. Даже пока я была заперта в Хогвартсе... Когда я думала, что ты умер... Я продолжала держаться, потому что никогда не смогла бы оставить тебя одного. Я никогда не оставлю тебя. Ты должен придумать другой выход.

Коротко выдохнув, Драко притянул ее ближе к себе и прижался губами к ее лбу.

— Грейнджер, Грейнджер, этот план — единственный возможный с тех пор, как Темный Лорд отправил тебя ко мне.

Гермиона вздрогнула. Драко продолжал говорить, а ее все сильнее затапливал ужас.

— Если бы я нашел тебя до того, как Темный Лорд вспомнил о тебе, возможно, я смог бы придумать какой-то выход. Но как только он решил, что отправит тебя ко мне или к Северусу, возможности вывезти тебя отсюда, не раскрывая наших личностей, не осталось. Северус не смог бы переправить тебя в Румынию, не нарушив данного им Обета. Это должен был сделать я.

— Нет...

Он погладил ее щеки большими пальцами:

— Я не могу убить Темного Лорда. Мы с Северусом пытались, и не раз. Я не смогу сбежать вместе с тобой, даже если у меня получится избавиться от Метки. Но я могу увезти отсюда тебя. Тогда ты будешь в безопасности.

Гермиона сжала его руки в своих:

— Я не хочу быть в безопасности. Я хочу, чтобы ты жил. Придумай новый план.

Он вздохнул и встретился с ней взглядом.

— «Все, что я захочу, за спасение Джинни». Ты обещала, Грейнджер. Я хочу, чтобы ты жила дальше. Оставила войну позади и просто продолжала жить. Это все, чего я всегда хотел для тебя. Есть обещания, которые ты должна выполнить. Тебе нужно позаботиться о Джинни. Ты поклялась Поттеру, что позаботишься о ней и ребенку.

— В первую очередь я обещала заботиться о тебе. Всегда. Я обещала всегда заботиться о тебе, — возразила Гермиона отчаянно. Ее голос дрожал, и она не могла перестать плакать. — Ты даже не собирался рассказывать мне, да? Ты упомянул февраль. Ты собирался увезти меня отсюда, несмотря на то, что я так и не вспомнила тебя. Я ничего бы не узнала, пока не стало слишком поздно... И на прошлой неделе ты сказал, что мы увидимся снова.

Уголок его губ дрогнул:

— Мне нужно было, чтобы ты не волновалась. Даже сейчас, когда у тебя нет возможности колдовать, я не доверяю тебе, — его голос напрягся. — В последний раз, когда я был честен с тобой, ты исчезла, так и не вернувшись.

Она вздрогнула, чувствуя, что едва может дышать от давления в ребрах.

— Я пыталась вернуться к тебе, — выдавила Гермиона с трудом. — Я правда пыталась... Пыталась...

Драко крепче прижал ее к себе.

— Дыши. Дыши. Тебе не надо рассказывать мне об этом, я все знаю. Я читал отчет. Ты взорвала половину Сассекса и убила почти всех, кто находился в пределах защитного барьера. Ты уничтожила практически всю популяцию дементоров в Великобритании и расправилась с пятнадцатью оборотнями, двенадцатью вампирами и полдюжиной лесных ведьм. После того, как ты потеряла палочку, тебе удалось убить еще одного оборотня, лесную ведьму и дважды ранить ножом Монтегю, прежде чем тот смог оглушить тебя. Я знаю, что ты пыталась вернуться ко мне.

— Поэтому... ты тоже должен попытаться.

— Грейнджер, я пытался. Это все, что я могу сделать. — Он вздохнул. — У нас есть время, чтобы попрощаться... Я не хочу тратить его на ссоры с тобой.

Гермиона покачала головой:

— Позволь мне попробовать найти другой способ. Я могу... я могу изучить литературу. Может, у меня получится найти способ избавиться от твоей Метки. Пожалуйста... позволь мне попробовать.

Несколько секунд Драко просто молча смотрел на нее. Затем кивнул, словно сдаваясь.

— Я предоставлю тебе все необходимое для твоего исследования при двух условиях. Во-первых, если твои панические атаки усилятся, ты сразу же прекратишь все попытки. И во-вторых, когда Северус вернется в страну, как бы ты ни была близка к разгадке, ты бросишь все и уедешь, не вынуждая меня заставлять тебя. Ты не будешь пытаться обмануть меня или манипулировать мной. Мы попрощаемся, и ты уедешь. — Его взгляд был пристальным и напряженным. — Договорились?

Гермиона поджала губы и сглотнула.

— Я обещаю, — наконец сказала она.

Она мягко обвела кончиками пальцев лицо Драко и заметила, как его глаза из серебряных стали темно-серыми, прежде чем он опустил взгляд и прижался щекой к ее ладони.

— Не обманывай меня больше, Драко, — ее голос был умоляющим. Гермиона притянула его ближе к себе, снова прислонившись своим лбом к его, и дышала, наслаждаясь их близостью. — Пожалуйста, больше не лги мне.

Тишину снова нарушил его горький смех:

— Не буду.

Драко разомкнул объятия и, поднявшись на ноги, отошел назад, пока не оказался почти в пяти футах от нее. Полностью вне досягаемости ее руки.

Он вдруг стал выглядеть неуверенно, словно больше не знал, как с ней общаться. Его кулаки сжимались и разжимались по бокам, пока он колебался, не зная, что делать дальше.

Горе и боль вновь хлынули между ними, подобно приливной волне. Ей было больно смотреть на него, желать его, хотеть дышать им, словно он был кислородом, но не зная, как они смогут исправить все то, что существовало между ними сейчас.

— Тебе нужно поспать, — сказал Драко через мгновение, глядя вниз и поправляя мантию. — Завтра я принесу тебе все книги, какие только пожелаешь.

Гермиона наблюдала за ним, колеблясь и с трудом переводя дыхание.

— Может, останешься? — она выдавила из себя вопрос, прежде чем успела его обдумать.

Драко посмотрел на нее пустым взглядом, и ее сердце болезненно забилось в груди.

На несколько секунд его глаза затуманились, а затем прояснились.

— Ты ведь на самом деле не хочешь этого, — сказал он спустя мгновение, еще раз окинув внимательным взглядом ее лицо. — Не пытайся заставить себя делать что-то, потому что чувствуешь себя обязанной.

Он развернулся и направился к двери.

— Нет, — резко сказала она, вставая. — Не уходи.

Драко замер.

Гермиона сглотнула, горло сжалось.

— Я хочу, чтобы ты остался. Правда. Просто... иногда... иногда я... — она запинаясь, пытаясь объяснить. — В моей голове неразбериха... я не всегда могу вспомнить... — Девушка снова нервно сглотнула. — Останься. Я хочу, чтобы ты... Я не хочу быть одна.

Она осторожно шагнула к нему.

— Ты останешься?

Ее пальцы дрожали, когда она коснулась тыльной стороны его ладони. Гермиона была почти готова к тому, что он может отпрянуть или оттолкнуть ее. Она придвинулась ближе, изучая его лицо, на котором снова застыла маска сдержанности.

Девушка опустила глаза и вложила пальцы в его ладонь. Она едва дышала, и ее рука начала заметно дрожать.

Все будет хорошо. Просто дыши, и все будет хорошо.

Послушная.

Тихая.

Не сопротивляющаяся.

Она закрыла глаза и сделала короткий, быстрый вдох. Гул заполнил ее уши.

— Гермiona. — Голос Драко заставил ее глаза распахнуться и взглянуть на него. Он смотрел на нее сверху вниз с непонятым выражением лица. — Не делай этого.

Он осторожно взял ее за запястье и высвободил свою руку, на мгновение сжав пальцы.

— Я приду к тебе завтра.

— Нет. — Она снова схватила его за руку. — Нет. Не уходи. Я не хочу, чтобы ты уходил. Я просто... я... — Ее подбородок дрожал так сильно, что ей с трудом удавалось говорить. — Я не... — она сглотнула и посмотрела на него. — Я лишь хочу держать тебя за руку. Я не... я не смогу сопротивляться, если ты откажешь...

Глаза Драко вспыхнули, и его ладонь в ее руке дернулась.

Девушка взглянула вниз и сжала руку сильнее.

— Просто останься, — сказала она, резко вдохнув. — Я хочу знать, что ты не... где-то в другом месте.

Сердце Гермiony бешено колотилось, кровь стучала в ушах, но она расправила плечи и заставила себя подойти к кровати.

Ей пришло в голову, что, возможно, следовало согласиться на другую комнату. Тогда это была бы уже не та самая кровать.

Она собралась с духом, отгоняя эту мысль. В другой комнате все равно оказалась бы точно такая же кровать. И Гермiona все еще лежала бы на ней и надеялась, что он не причинит ей вреда.

Она могла доверять ему. Она знала, что доверяла ему. Всегда.

Девушка легла на дальний край кровати и, свернувшись калачиком, взглянула на Драко. Он медленно сел с другой стороны и выглядел так неуверенно, что, казалось, вот-вот аппарирует прямо из комнаты. Она потянулась к нему.

Его ладонь дернулась, прежде чем он протянул руку и переплел их пальцы вместе.

Драко прислонился к спинке кровати и, похоже, вовсе не собирался спать. Она изучала его, обводя взглядом его лицо раз за разом, пытаясь снова запомнить.

Чем больше Гермиона его вспоминала, тем отчетливее видела, как он изменился. Он выглядел измученным, явно подавленным до такой степени, что это отразилось на его чертах.

Его пальцы дернулись в ее руке.

Этот тремор уже не казался ей типичным повреждением от Круциатуса. Он выглядел как долгосрочное психосоматическое мышечное изменение из-за постоянных воздействий. Его пытками так часто злоупотребляли, что последствия стали необратимыми.

Волдеморт неоднократно наказывал его за неудачу в поимке последнего члена Ордена — человека, ответственного за уничтожение медальона, который носила Амбридж.

У Гермионы перехватило горло, и она крепче сжала его руку.

— Ты... — ее голос дрогнул. — Ты уничтожил крестраж, потому что надеялся, что это заставит Волдеморта отозвать Северуса в феврале. Не так ли?

Он посмотрел на нее, а затем отвел взгляд, слегка опустив подбородок в знак согласия.

В груди возникло ощущение пустоты, когда девушка вспомнила все случаи, когда замечала, что его пытали. Все это время она говорила себе, что он это заслужил.

Ежедневно, более месяца.

— Мне так жаль, Драко, — сказала она.

Он напрягся, словно эти слова ударили его, и едва не отдернул руку.

— Не извиняйся передо мной. Тебе не за что извиняться, — он произнес эти слова так резко, словно едва сдерживался от рычания.

Гермиона молча смотрела на него, пока он не отвернулся.

— Ты злишься на меня? — наконец спросила она.

Драко уставился в другой конец комнаты, его лицо было непроницаемым.

— Это не означает, что у тебя есть причины извиняться передо мной.

Гермиона внимательно посмотрела на него.

— И почему же?

— Потому что... — Он моргнул. — Сначала я должен извиниться. Я... — он посмотрел на балдахин над кроватью. — Я...

— Драко...

— Господи, Грейнджер, — его голос дрожал, и он провел рукой по волосам. — Ты даже не представляешь, как я надеялся, что ты никогда ничего не вспомнишь, когда приедешь сюда. Я бы пошёл на все, только бы вернуться в прошлое и все исправить. Если бы я не признался тебе, что меня раскрыли, если бы я солгал и не попытался попросить прощения — ничего этого с тобой не случилось бы.

У Гермионы перехватило горло.

— Если бы ты отослал меня, а позже я узнала, что ты умер, потому что я попросила тебя спасти Джинни, это бы меня разрушило. Я бы никогда этого не пережила. Никогда. Я бы поступила так же снова, — сказала девушка. — Повторила бы каждую секунду. Я бы сделала все это снова, чтобы спасти тебя.

Наступила оглушительная тишина.

Драко пристально посмотрел на нее, на его лице отразилась смесь шока и ярости.

— Ты не спасла меня, — сказал он, когда наконец обрел способность говорить. — Ты лишь отправила нас в ад, который длится уже два года.

Ее словно ударили кулаком.

Гермиона почувствовала, что бледнеет, когда кровь отхлынула от головы. Все ее тело задрожало.

Драко крепче сжал ее руку, и на его лице мгновенно отразилось сожаление.

— Я не...

Она опустила голову. Дыхание давалось ей с трудом:

— Я пыталась вернуться, — ее голос задрожал. — Я действительно хотела к тебе вернуться.

— Знаю. Я не имел в виду...

Она отвела взгляд.

— Ты не должен был думать, что я захочу потерять тебя. Неужели ты предположил, что мои чувства не такие сильные, как твои? Что ты волновал меня меньше, потому что у меня были другие обязанности? Ты не должен был думать, что я заботилась о тебе меньше... Я делала все, что могла, чтобы защитить тебя. Ты не знаешь всего, что я делала, чтобы уберечь тебя.

— Я просто...

— Я обещала... каждый раз, когда ты просил, я обещала, что всегда буду твоей. Для моего обещания не было никаких исключений или сроков давности.

***

На следующее утро ее разбудила жуткая головная боль. Пальцы девушки все еще были вплетены в пальцы Драко, лежащего в центре кровати. Он спал, но лицо его выглядело напряженным.

Просыпаться с ним в одной постели было для неё знакомо. Не возникало никаких противоречивых воспоминаний, когда она видела его спящим.

Когда Драко находился рядом, они словно оказывались в прошлом снова. Касаться его, быть рядом с ним ощущалось таким же естественным процессом, как дыхание. Но Гермиона постоянно чувствовала себя недостаточно близкой к нему.

Их взаимодействия в настоящем всегда были недолгими: когда он нависал над ней и врывался в ее сознание; когда он приближался к ней и хватал за руку, чтобы аппарировать; когда он говорил что-то настолько жестокое, что это шокировало ее.

Но сейчас, когда он был рядом, это был Драко. Это был ее Драко.

С ней он был уязвим. Он любил ее, хотя и знал, что их отношения обречены. Но он все равно любил ее.

Гермионе было холодно, и она хотела придвинуться ближе, но боялась, что он проснется, если она пошевелится. Она осталась на месте и посмотрела на него.

— Я буду заботиться о тебе, — беззвучно произнесла она. — Я найду способ позаботиться о тебе.

Девушка почувствовала, как он начал просыпаться. Напряжение пронзило все его тело, как только он пришел в сознание. Драко резко открыл глаза и посмотрел на нее.

Его глаза тут же сузились.

— Ты в порядке?

Она дернула плечом.

— Моя голова. После хорошего дня ей всегда хуже.

Он отпустил ее руку и коснулся ее лба.

— У тебя снова жар.

Гермиона не стала тратить усилия на то, чтобы кивнуть в знак согласия.

— Ты хочешь есть?

Желудок девушки скрутило от этой мысли.

— Возможно, позже.

Его брови сошлись вместе, Драко выглядел обеспокоенным.

— Сегодня я должен быть в Бельгии. Я вернусь завтра. Оставайся в постели.

Он встал, но не отвел от нее взгляда.

Гермиона пошевелилась и подняла голову.

— Ты сказал, что принесешь книги.

В его глазах мелькнуло раздражение, губы сжались.

— Завтра.

— Нет. Ты обещал мне их сегодня. Я все еще могу читать. — Она попыталась сесть. — Иначе я просто буду лежать и волноваться.

Он вздохнул сквозь зубы:

— Хорошо. Не вставай. Я попрошу Топси принести тебе книги, перо и пергамент после того, как ты поешь.

Гермиона снова легла и крепче прижала руки к телу, пытаясь согреться.

Она сглотнула.

— Мне... просто нужны книги. Я не могу прикасаться к перьям, и поэтому пергамент тоже не понадобится.

Мускулы на челюсти Драко дрогнули.

— Ладно, — сказал он, обходя кровать. — Тогда только книги.

Драко наколдовал дополнительное одеяло и накрыл ее.

— Скажи Топси, если тебе что-нибудь понадобится. Я вернусь завтра.

— Будь осторожен, Драко. Не... Не... — ее голос сорвался, и Гермиона замолчала.

— Ты должен вернуться, — наконец сказала она.

— Я вернусь.

Как только он ушел, Гермиона обмякла на кровати. Ей казалось, что голова вот-вот расколется.

Ее ужасно тошнило, но Драко сказал, что Топси не принесет ей книг, пока она не поест. Девушка не знала, засчитается ли прием пищи, если потом ее вырвет.

В полдень она умудрилась проглотить зелье и маленькую чашку бульона. Топси принесла стопку книг и фолиант с рукописными страницами, в которых Гермиона узнала почерк Драко. Это были все его заметки о попытках убрать Темную метку.

Топси подложила Гермионе подушек, чтобы она могла лечь на бок и читать.

Девушка попыталась отрешенно просматривать записи и не думать о том, что Драко экспериментировал на испытуемых, которые в конечном счете умерли в

процессе.

Все они были Пожирателями Смерти, некоторые помогали пытаться Нарциссу.

Драко был очень дотошен в своих заметках. Его исследования и анализ оказались всесторонними. Он, должно быть, изучил значительное количество магической биологии и теории исцеления в дополнение к работе с проклятиями.

Он пытался девять раз. И ещё дважды с тех пор, как закончилась война.

Гермиона знала из своих исследований, что Волдеморт был блестящим учеником во времена учебы в Хогвартсе. Всякий раз, когда он создавал Темную метку, волшебник тратил значительное время и усилия на то, чтобы сделать ее идеальным ошейником для своих последователей. Заклинание не было особенно сложным; простое, точное и смертоносное.

В конце фолианта находилась стопка заметок, исписанных острым, колющим почерком. Северус тоже был задействован в анализе Метки.

Гермиона дважды перечитала записи, а затем свернулась в клубок, сжимая пульсирующую голову и пытаясь анализировать полученную информацию.

Она продолжала стискивать зубы, надеясь справиться с болью. В конце концов девушка потеряла сознание.

Когда она снова проснулась, Драко сидел на краю кровати. Он изучал руководство по беременности, пробегая глазами по страницам. С минуту она наблюдала за ним.

— Ты вернулся, — сказала Гермиона.

Он тут же закрыл книгу и посмотрел на нее.

Головная боль снова сменилась чем-то менее изнурительным. Она осторожно села и взяла фолиант.

— Я просмотрела твои записи, но еще не добралась до книг. Есть несколько публикаций, которые, как мне кажется, могут быть полезны.

— Хорошо. — Его губы изогнулись, пока он наблюдал за ней.

Она расправила страницы и отогнула смятый уголок одной из них.

— Часть проклятия мешает свертыванию крови. Похоже, это проклятие — одно из тех, побочным эффектом которых является гемофилия. Мне нужно будет создать зелье: усовершенствованную вариацию того, что используется для борьбы с укусами вампиров. Оно потребует регулярного повторного приема, но, как только Волдеморт умрет, тебе, возможно, не придется продолжать принимать его.

Гермиона закусила губу.

— Это не решило бы проблему непосредственно исцеления раны. Вы с Северусом испробовали все обычные методы, даже древние маггловские, вроде прижигания

и дегтя, но я только начала. Я... что-нибудь найду.

Драко снова кивнул и отвел взгляд.

Разговор был до боли натянутым. Драко не хотел подробно рассказывать о своих попытках, кроме тех записей, которые он предоставил. Он отвлекался, то и дело поглядывая на часы. Выражение его лица казалось заинтересованным, но глаза были равнодушны, когда она упоминала теории, которые хотела исследовать.

Наблюдая за ним, Гермиона поняла, что он просто потакает ей. Записки и книги были призваны успокоить ее. Точно так же, как должна была отвлечь библиотека. Они были тем, что займёт ее, пока он будет решать свои вопросы.

Гермиона замолчала и уставилась на свои колени. Последовала долгая пауза, и он встал.

— Те книги, которые ты упомянула, принесут позже.

Уходя, он вдруг остановился и обернулся.

Драко стоял и пристально смотрел на нее. Его губы несколько раз слегка шевельнулись, прежде чем он заговорил.

— Грейнджер... ты не... — Он замолчал, и она увидела, как его рука сжалась в кулак, прежде чем исчезнуть за спиной. Драко сдвинул губы в жесткую линию и моргнул, прежде чем посмотреть мимо нее.

— Я не жду, что ты сохранишь беременность. — Он говорил почти бесстрастно, но его кадык на мгновение опустился. — Я могу дать тебе зелье, чтобы ты... разобралась с этим, как только покинешь Европу. Просто скажи мне, если... — Он оборвал себя и опустил глаза, стиснув зубы. — Хотя нет, в этом нет необходимости. Я его пришлю. У тебя нет причин говорить мне о своём решении.

Он развернулся и ушел, прежде чем она успела заговорить.

Гермиона лежала в постели, проводя пальцами по животу. Она уже могла почувствовать небольшую, но твердую выпуклость внизу живота.

Ей не приходило в голову сделать аборт, если она сбежит, или что Драко окажется тем, кто предложит ей это сделать.

Она бы выпрыгнула из окна или отравила себя, чтобы предотвратить рождение ребенка в поместье, лишь бы не оставлять его на попечение Астории, но ей не приходило в голову сделать аборт, если она сбежит.

Это уже был ребенок. Для Гермионы это был ребенок с того момента, как Страуд объявила о ее беременности.

Не плод. Не наследник. Это был ребенок, и она уже чувствовала себя обязанной его защищать. Когда девушка увидела трепещущий свет сердцебиения, ей показалось, что у нее украли сердце.

Но Драко предполагал, что она не оставит его, как только у нее появится выбор.

Он изнасиловал ее. Она забеременела. Он ожидал, что она захочет сделать аборт, как только освободится.

Он предполагал, что останется и умрет в одиночестве, а она уйдет и попытается забыть все, что произошло, стерев любые напоминания.

Топси пришла вечером со стопкой книг, некоторые из них оказались совершенно новыми.

— Драко здесь? — спросила Гермиона, рассматривая одну из книг.

— Он только что вернулся.

— Ты можешь передать ему, что я хочу его увидеть?

Топси присела в реверансе и поспешила прочь.

Гермиона подошла к портрету на стене.

Нарцисса Малфой неотрывно следила за Гермионой.

Гермиона видела Нарциссу всего один раз, на Чемпионате мира по квиддичу более десяти лет назад. Нарциссе на картине было шестнадцать. Столько же было Драко, когда он принял Темную метку.

— Я хочу спасти вашего сына, — сказала Гермиона. — Но я не знаю, как это сделать.

Нарцисса ничего не ответила. Она просто сидела в своем кресле, молча изучая девушку. В конце концов Гермиона сдалась и отвернулась.

Она листала книги, которые принесла Топси, когда дверь открылась.

На пороге стоял Драко.

Гермиона закрыла книгу. Ее горло сжалось. Он всегда стоял так далеко, и каждый дюйм пространства между ними казался непреодолимым.

— Портрет твоей матери не хочет со мной разговаривать, — сказала она.

Драко оглянулся. Нарцисса на портрете встала, глядя на Драко, затем отвернулась и исчезла из кадра.

— Дело не в тебе. Она не разговаривает ни с кем, кроме меня. Мой отец часами умолял ее просто посмотреть на него. Рама раньше находилась в гостиной Южного крыла. Портрет видел все, что случилось с матерью. После этого он надолго замолчал. Когда маму освободили, она отнесла портрет к себе. — Его глаза были пустыми. — Она часами стояла перед портретом, касаясь его руки на холсте, как будто они пытались дотянуться друг до друга.

Гермиона взглянула на пустую раму.

Влияние Волдеморта, подобно яду, распространилось по Малфоям. Словно он заклеил себя не только на руках Драко и Люциуса, но и во всем, что их

окружало. Он уничтожил Нарциссу, испортил их дом. Даже портрет, тень воспоминаний Нарциссы, был безмолвен и покрыт шрамами.

Драко снова взглянул на Гермиону.

— Она сама вызвалась присматривать за тобой. Она хотела убедиться, что с тобой все в порядке, пока ты здесь.

Гермиона заставила себя слабо улыбнуться, прежде чем направить взгляд вниз, колеблясь несколько секунд.

Ее руки коснулись живота, когда она посмотрела вверх.

— Я хотела поговорить о том, что ты сказал, перед тем как уйти.

Выражение лица Драко мгновенно изменилось, а взгляд стал острым, как лезвие.

Грудь Гермионы сжалась. Он внезапно навис над ней с тем же холодным выражением на лице.

Хочешь, чтобы я посмотрел на тебя, Грейнджер? Что ж, хорошо. Я смотрю. Должен признаться, что это восхитительное чувство — видеть столько вины в твоих глазах. Знаешь, раньше я думал, что ничего отвратительнее рабской службы Темному Лорду уже не существует. Но я признаю, что это меркнет перед тем, что сделала со мною ты.

Ее сердце остановилось, и Гермиона несколько раз моргнула, пытаясь сосредоточиться на настоящем.

— Ты мог бы подойти ближе? — Во рту у нее пересохло. — Мне легче разговаривать, когда ты не так далеко.

Он подошел, и ее сердце начинало биться чаще с каждым его шагом.

Выражение его лица было настороженным.

Гермиона закусила губу. Девушка подняла глаза, когда он стоял всего в футах от нее.

Если бы она прикоснулась к нему, Драко не казался бы таким холодным.

Он не выглядел так, словно хотел, чтобы она прикасалась к нему.

Гермиона заставила себя не думать об этом, подняв подбородок и встретившись с ним взглядом.

— Я не знала, что ты ожидаешь, что я прерву беременность, если сбегу. Я понимаю, почему ты думал, что я могу... Что я могла сделать это раньше. Но я бы не стала.

Выражение его лица не изменилось. Его глаза не дрогнули даже в легкой реакции.

— Ты всегда можешь передумать, как только освободишься.

Гермиона покачала головой.

— Нет.

Его взгляд оставался пустым, но она видела скрытое напряжение в уголках его глаз. Драко выпрямился так, что навис над ней, и она почувствовала, как ей не хватает воздуха.

Его рот скривился в усмешке, обнажив зубы.

— Нет никаких причин брать на себя обязательства относительно того, что ты будешь делать, когда освободишься. Ты вольна жить, как хочешь.

Гермиона стиснула зубы.

— Да. И именно поэтому я не стану так поступать. Я хочу, чтобы ты знал, что я этого не сделаю. Я всегда буду сожалеть, если... Мне станет интересно, будут ли у ребенка твои глаза. Каждую зиму я буду размышлять о том, сколько ему было бы лет и чем он хотел бы заниматься. Я буду гадать, какую палочку он бы получил, и какие предметы ему бы понравились. Будет ли он таким же природным окклюментом, как мы с тобой. — Она говорила быстро, потому как ее горло начинало сжиматься, а скулы — болеть. — Полюбит ли он чтение? Получит ли такие же волосы, как у меня. Если ты... если ты умрешь... я хочу рассказать ему о тебе. Действительно важное о тебе. Я... я никогда никому не рассказывала о тебе. — Ее грудь сжалась. — Люди должны знать, какой ты человек на самом деле.

Драко усмехнулся и посмотрел в потолок.

— Какой я человек? И какой же я на самом деле? — Он коротко рассмеялся. — У тебя есть шанс начать новую жизнь. Не тащи с собой память обо мне.

Гермиона покачала головой.

Он пристально посмотрел на нее сверху вниз.

— Хочешь идти по жизни с выродком Пожирателя Смерти? Весь мир знает, что я делал с тобой в этом доме. Как ты, наверное, помнишь, эта новость была широко разрекламирована. Неважно, какого цвета у него глаза и сколько ему лет, это будет ребенок убийцы, возникший только потому, что я насиловал тебя, когда ты была моей пленницей. Все будут знать это. Каждый.

Его грудь дрожала, когда он говорил. Драко отвернулся от нее.

— Оставь прошлое позади, Грейнджер. — Он глубоко вздохнул. — Ты сможешь завести детей с кем-нибудь другим.

Гермиона уставилась на него.

— Думаешь, я это собираюсь сделать? Убежать, спрятаться и притвориться, что ты чудовище, от которого мне повезло спастись?

Он смотрел на нее сверху вниз с непроницаемым выражением.

— Это не будет ложью.

Гермиона встретила взглядом с его серебристыми глазами и увидела в них пустую, безжизненную покорность.

Я ненавижу тебя. Я возлагаю на тебя часть ответственности за каждого человека, погибшего в этой войне, и за каждого, кто еще умрет в ней. Тебе не нужно убеждать меня в том, что ты чудовище, я и так это знаю.

Ее горло сжалось так сильно, что было трудно сглотнуть, когда она потянулась к нему.

— Драко, ты не монстр. У тебя не было выбора. Неужели ты думал, что я продолжу ненавидеть тебя, когда все вспомню? — Она подошла ближе и обхватила его лицо руками. — Еще до того, как я вспомнила, ты был единственным, с кем я чувствовала себя в безопасности.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я оставила тебе записку. Ты получил ее? Я люблю тебя.

Он вздрогнул, как от удара, и Гермиона почувствовала, как его челюсть задрожала под ее пальцами. Он начал качать головой, но она остановила его, притянув ближе.

— Я люблю тебя, — сказала девушка более твердо, ее голос дрожал от напряжения. — Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Пока от меня ничего не останется.

Она приподнялась на цыпочки, наклонила его подбородок и поцеловала.

Он застыл, когда ее губы коснулись его.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя, — она выдыхала эти слова прямо ему в губы. Ее пальцы скользнули по изгибу его подбородка, а губы продолжали двигаться.

Он по-прежнему не шевелился. Гермиона еще теснее прижалась к нему.

Потом его затрясло. Его рука поднялась, чтобы схватить ее лицо, и он притянул ее к себе. Его пальцы запутались в ее волосах, а ладони ласкали ее щеки. Его рот горел. Он целовал и целовал ее.

Он целовал ее так, словно умирал с голоду, словно тонул. Его язык, зубы и губы прижимались к ее губам. Ее губы коснулись его губ, и Гермиона укусила его. Его язык скользнул по ее нижней губе и под нее. Как будто он пытался слиться с ней или поглотить.

Его пальцы касались ее ушей, а большие пальцы ласкали изгибы ее скул. Она обвила руками его шею, встречая каждое движение его губ. Драко судорожно вздохнул у ее рта, и она почувствовала, как он дрожит. Он целовал ее до тех пор, пока девушка не почувствовала отчаяние в его крови.

Затем он отстранился и прижался лбом к ее лбу. Его руки дрожали, когда он держал ее.

— Прости... прости меня... мне так жаль. Прости меня за все, что я сделал, — сказал он хриплым и надломленным голосом. — Я люблю тебя. Ты ушла, а я так и не сказал тебе главного.

***

Она просила его остаться каждую ночь.

Они никогда не заходили дальше поцелуев. Руки Драко редко опускались ниже ее плеч, когда он целовал ее.

Гермиона сворачивалась калачиком в его объятиях и засыпала, слушая его дыхание.

Днем он уходил «по рабочим делам», а она занималась исследованиями, составляя Топси все более длинные списки нужных ей книг. Контрзаклинания. Темные искусства. Смертельные проклятия. Энциклопедии зелий и справочники ингредиентов. Анализ проклятий. Маггловские учебники по медицине.

Гермиона надеялась, что если проклятие будет снято, то это поможет убрать Метку. Но, проведя мысленное моделирование процедуры четырьмя различными способами, она пришла к выводу, что это невозможно. Проклятие в Метке не связано с кожей, оно походило на руны. Даже если вырезать всю мышечную ткань в его предплечье и заново отрастить кости, предполагая в теории, что она сможет держать его руку в стазисе достаточно долго, чтобы сохранить ткани и нервы до двадцати четырех часов, Темная метка просто снова вырастет вместе с костями, мышцами и кожей.

Драко прикинул, что у них будет примерно несколько часов, когда с нее снимут наручники. Вполне возможно, что Волдеморт узнает об этом немедленно из-за своего повышенного интереса к Гермионе.

Если бы Гермиона пыталась заставить Драко бежать вместе с ней, у нее не осталось бы времени на сложную процедуру исцеления. Удаление должно быть быстрым.

Ей тогда пришлось бы отрезать его левую руку чуть ниже локтя.

Эта мысль заставила болезненный узел затянуться в ее животе. Она попросила принести больше литературы по технике ампутации. Гермиона не была уверена, что даже этот вариант будет успешным. Рана оставалась проклята и не заживала; в сочетании с магически ускоренным кровотечением, результат, скорее всего, приведёт к смертельному исходу.

Это не было похоже на медленное проклятие, которое было у Дамблдора. Повреждение нельзя было сдержать или замедлить магическим или иным образом. Жгуты. Экстракт бадьяна. Прижигание. Исцеляющие заклинания. Северус и Драко безуспешно пытались остановить кровотечение.

Казалось, проклятие намеренно изгоняло всю кровь из организма при попытке

удаления Метки.

Вариантов становилось все меньше и меньше. С каждым днем Гермиона чувствовала себя все более бесполезной.

Ее головные боли перестали быть изнурительными, сменяясь непрекращающейся тревогой. Числа на календаре словно приближали дату похорон. Она занималась исследованиями, пока не переставала от усталости видеть. Это был единственный способ ощутить себя полезной.

Гермиона только и занималась тем, что чувствовала себя полезной. Она знала, что Драко предоставляет ей возможность думать, что она вносит свой вклад. Это была просто отдушина, такая же, как отжимания в комнате или поиск любого оружия для побега в поместье. Это было что-то, что должно было занять ее. Что-то, что даст ей цель.

Когда Драко был с ней, то обращался с ней так, словно прощался. Он смотрел на нее так, словно прощался. Прикасался, словно прощался. Он крепко обнимал ее за плечи и клал голову ей на плечо, и она ощущала неизбежность.

Однажды утром Гермиона вернулась из душа и обнаружила, что все ее книги исчезли. Топси стояла у кровати.

— Сегодня придет целительница, хозяин Драко приказал убрать все книги.

Гермиона покорно кивнула и отошла к окну. За окном было лето, прекрасное и цветущее. Она не выходила на улицу больше месяца.

Это было излишне — пройти весь путь снаружи, пытаясь оставаться спокойной под открытым небом. Это будет пустой тратой времени и энергии, которые она могла бы использовать, чтобы найти способ удалить Метку Драко.

Раздался тихий треск, она оглянулась через плечо и увидела Драко.

— Скоро придет Страуд.

Гермиона кивнула.

— Топси упоминала об этом.

Он подошел ближе и остановился, глядя в окно рядом с ней.

— Когда ты в последний раз выходила на улицу?

Гермиона продолжала смотреть на лабиринт. Она протянула руку и положила палец на решетку окна.

— Не помню. Где-то в начале мая.

— Тебе нужно на свежий воздух.

Ее пальцы соскользнули со стекла и безвольно упали.

— Слишком открытое пространство. Я не хочу.

Драко молчал.

— Прогулка пойдет тебе на пользу. Она может помочь тебе лучше питаться.

Гермиона опустила глаза.

— У меня нет на это времени.

— Ты можешь читать на веранде или у открытого окна. Раньше ты всегда выходила на улицу.

Ее челюсть угрожающе задрожала. Она напряглась и пожала плечами.

— Я... — ее голос был осторожен, — тогда я была другой.

— Я говорю не о том, что было много лет назад. Ты часто выходила на улицу в поместье. Раньше ты выходила из этой комнаты. Теперь ты даже не пытаешься.

Гермиона пожала плечами и продолжила смотреть в окно.

— Теперь это не имеет смысла.

Он резко вздохнул.

— Грейнджер... почему ты не выходишь?

Гермиона на мгновение замолчала. Она приложила кончик пальца к стеклу, рисуя руну Кеназ, символ знаний, творчества и вдохновения. Девушка никогда не представляла себе, как сильно может скучать по письму и что она воспринимала как должное способность записывать свои мысли на бумаге, чтобы упорядочить их или вернуться к ним позже. Она скучала по письму почти так же, как по чтению. Гермиона часто рисовала на окнах, пытаясь переварить все, что было в ее голове.

Рядом с руной Кеназ она начертила Соулу, знак успеха и целостности, и Дагаз — символ прорыва, перемен и надежды.

Затем она вздохнула, нарисовав Ису* над ними и постучала по ней, прежде чем посмотреть вниз.

— Я чувствую себя в этой комнате в безопасности, более собранной. Я все еще многое пытаюсь осознать, и это... это влияет на меня сильнее, когда я нахожусь в других частях дома. — Гермиона сглотнула, и ее плечо дернулось. — Я могу запаниковать, и тогда ты больше не позволишь мне заниматься исследованиями.

Драко замер.

— Грейнджер... — его голос на мгновение затих. — Не... не держи себя в клетке из-за меня.

Гермиона быстро взглянула на него.

— Я не держу. Просто... не хочу рисковать. Есть вещи, которые намного важнее

прогулки на улице.

Драко начал было отвечать, но остановился, выражение его лица стало холодным.

— Страуд уже здесь.

Гермиона почувствовала, как ее желудок сжался.

— Хорошо.

Он ушел, чтобы привести Страуд, а Гермиона присела на край кровати, желая, чтобы ее сердцебиение замедлилось.

Дверь распахнулась, и вошла целительница. Драко остановился всего в нескольких шагах позади нее, его полная равнодушия маска была на месте.

— О, на этот раз ты в сознании, — сказала Страуд, взглянув на Гермиону, и наколдовала стол посреди комнаты.

Желудок девушки перевернулся, когда она встала и медленно подошла, усаживаясь на край, прежде чем ей приказали.

Они с Драко обсуждали возможность прибытия Страуд, но то, что Гермиона была готова к этому, не заставляло ее сердце биться в груди менее болезненно.

Страуд взмахнула палочкой и провела несколько диагностических тестов.

— Что ж, ты больше не в коме и не на грани голодной смерти. Я бы навестила тебя раньше, но Верховный Правитель решил, что ты слишком нестабильна. На этой неделе у тебя начнется второй триместр.

Страуд окинула Гермиону критическим взглядом.

— У тебя довольно болезненный вид. Ты должна находиться на улице как минимум около часа в день. Ты не должна рисковать состоянием ребёнка, пренебрегая своим здоровьем.

Грудь Гермионы напряглась, и ее пальцы осторожно обхватили живот.

Страуд взмахнула палочкой, и в воздухе возник светящийся шар. Он был больше, размером с кулак Гермионы.

Резкий, трепещущий свет заполнил всю комнату, словно звезда. Гермиона смотрела на него, забывая дышать.

Страуд осмотрела шар и наложила на него несколько заклинаний, прежде чем нацарапать что-то в своей папке.

— Показатели в норме. Не похоже, что кома или приступы вызвали нарушения развития.

Страуд произнесла еще одно диагностическое заклинание, и, когда оно проявилось, ее лицо вытянулось.

— Это девочка. Какое разочарование.

Руна Иса (Isa) – руна льда.

Она символизирует паузу, заморозку происходящего, однако это не всегда негативное явление. Такой ступор необходим человеку, чтобы подумать и пересмотреть свое отношение к происходящему.

Примечание к части

Арты к главе.

Автор senshiantares "Прости меня" https://www.instagram.com/p/CAx_jEilOwW/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор ceresarts "Я люблю тебя"

<https://ceresartsy.tumblr.com/post/625436019519553536/i-love-you>

Автор dralamy "Я люблю тебя" https://www.instagram.com/p/CAlXHYhGc5/?utm_source=ig_web_copy_link

Автор bookloverdream "Словно он прощался" https://bookloverdream-blessedindeed.tumblr.com/post/185260206329/i-think-ive-fixed-his-shadows-he-looks#_=_

Примечание к части Миллион вопросов про перевод части от Драко.

Историй от Драко уже несколько, я насчитала четыре (на англ), не знаю, сколько на данный момент переводится или планируется переводить. Дело в том, что они все написаны не автором оригинала (SenLinYu), а другими людьми (за всех говорить не буду, но то, что я прочла, мягко говоря, не очень). Автор оригинала дает всем желающим свое согласие на написание "части от Драко". Мы готовы переводить только версию от автора оригинала, за "энтузиастов" браться не будем.

Приятного чтения!

67.

Гермиона замерла и почувствовала ком в горле.

Девочка. У них будет девочка.

Эта новость делала беременность настолько реальной, что осознание потрясло девушку до глубины души.

Задержав взгляд на диаграмме еще на несколько секунд, Страуд вздохнула.

— Что ж, мы надеялись на другой исход.

Взмахом палочки она рассеяла все диагностические проекции.

— К несчастью, у нескольких суррогатных матерей случился выкидыш после того, как стало известно, что у них будут девочки. — Взгляд целительницы скользнул по Гермионе и остановился на Драко. — Не думаю, что это важно, ведь беременность в данном случае — всего лишь средство для возвращения воспоминаний. Вам предоставят другую суррогатную мать, Верховный Правитель. Ту, что родит для вас настоящего наследника.

От этих слов Гермиона невольно похолодела. Ее горло сжалось, и она посмотрела на Драко.

Его взгляд был прикован к мерцающему шару света.

Гермионе хотелось прикоснуться к нему, взять его за руку. Ей хотелось разделить это мгновение с ним. Она только что узнала, что у них будет девочка, но вся реакция, которую девушка могла себе позволить, — это продолжать сидеть, не издавая ни звука и опустив глаза, и представлять, как все могло бы быть при других обстоятельствах.

До сегодняшнего дня Драко признавал ее беременность только как фактор, влияющий на ее здоровье. Несмотря на то, что Гермиона не раз говорила о своем отказе делать аборт, он относился к этому так, словно ее решение никак его не касалось. Она была беременна, и это был ее ребенок. Когда девушка заводила разговор, Драко становился немногословным, а если она продолжала наседавать, и вовсе каждый раз подыскивал подходящее оправдание, чтобы уйти.

Драко моргнул, желваки на его челюсти напряглись, и он словно стряхнул с себя

оцепенение. Отведя взгляд от светящегося шара, он уставился в окно с каменным выражением лица.

Гермиона перевела взгляд на Страуд, которая продолжала накладывать на ее живот диагностические чары, попутно делая пометки в своих записях.

Целительница произнесла очередное заклинание, заставив проекцию мозга девушки появиться в воздухе.

Воспоминания Гермионы сияли золотистым светом того же оттенка, что и мерцающий шар. Все маленькие мерцающие точки на проекции поменяли цвет, а некоторые из них и вовсе распались на фрагменты еще меньшего размера. Свет лился по тонким нитям, которыми на диаграмме отображалась нейронная сеть ее мозга.

— Любопытное зрелище, — сказала Страуд, ткнув палочкой в одну из нитей. — Что сказали целители разума по поводу изменений в ее состоянии?

Драко отвел взгляд от окна и посмотрел на проекцию. Крылья его носа раздулись, словно он почувствовал запах чего-то неприятного.

— Не позволять ей волноваться, если она все-таки придет в сознание, а также следить, чтобы у нее больше не случилось приступов, если мы не хотим, чтобы ее разум необратимо повредился и все воспоминания утратились окончательно, — он ухмыльнулся, встретившись взглядом с целительницей. — Тебе повезло, что твоя методика ускоренного восстановления воспоминаний не убила ее. Не думаю, что Темный Лорд воспринял бы ситуацию с иным исходом спокойно.

Страуд слегка ссутулилась, явно нервничая.

— Когда я выдвинула свое предложение, то предупредила, что оно базируется только на моих догадках, — сухо ответила целительница. — Я достаточно ясно сказала об этом Темному Лорду. Были какие-то признаки того, что к ней возвращаются воспоминания?

— Нет, — сказал Драко, его губы насмешливо искривились, когда он взглянул на Гермиону. Затем его пристальный взгляд снова сфокусировался на целительнице. — Единственная заметная разница в ее поведении с тех пор, как она забеременела, состоит в том, что она стала еще более неуравновешенной, почти не в состоянии выйти за пределы собственной комнаты.

Страуд вздохнула, снова касаясь проекции кончиком палочки.

— Какая жалость, что мы не можем просто напоить ее Сывороткой правды. Сколько еще времени, по словам целителя разума, на ее мозг нельзя будет воздействовать магией?

— До тех пор, пока уровень магии в ее теле остается критически высоким, любые заклинания или зелья, за исключением противосудорожных, которые могут как-то повлиять на активность мозга, должны быть исключены. Целитель пришел к выводу, что попытки использования легилименции станут безопасными ближе к началу третьего триместра, полагая, что к тому времени уровень кортизола снизится настолько, что ее тревожность перестанет приводить к приступам. — Взгляд Драко стал непроницаемым, а лицо приобрело бесстрастное выражение.

Его рука задержалась у того места, где он держал палочку.

Страуд скривила губы.

— Ждать придется слишком долго. Вы сказали ему, что дело не терпит отлагательств?

Драко пренебрежительно махнул рукой:

— Ты видела заключение целителя. Основываясь на его выводах, легко предположить: чем более важной является информация, тем сильнее разум ее защищает. Попытка извлечь воспоминания раньше времени может привести к тому, что мы не узнаем ничего, кроме каких-нибудь бесполезных фактов. Ассоциативно все воспоминания связаны между собой, и самые значимые разум будет защищать дольше остальных. Те воспоминания, которые больше всего нужны Темному Лорду, будут далеко не первыми из тех, что нам удастся извлечь.

Страуд в последний раз прикоснулась кончиком палочки к проекции мозга, а затем развеяла ее.

— Что ж, теперь, когда беременность подходит к концу первого триместра, ей нужно начать полноценно питаться и восстанавливать физическое здоровье. Понимаю, что для вас это не имеет значения, учитывая, что ребенок не сможет быть наследником рода, но повышенный уровень кортизола может негативно повлиять на плод. Принимая во внимание ограничивающие меры, наложенные на суррогатных матерей, испытываемый ею стресс может проявить себя нетипичным способом, если не будет вовремя проконтролирован. Физические нагрузки — лучший способ справиться с тревожностью. Вы должны приказывать ей регулярно делать упражнения, как только увидите, что она в состоянии справиться с ними.

Драко безразлично кивнул, показывая, что услышал слова целительницы.

Несколько минут спустя он вышел, чтобы сопроводить Страуд к выходу. Гермиона подошла к двери спальни и прислонилась к ней ухом. Она услышала голос целительницы, становившийся все тише по мере того, как та удалялась по коридору.

— Если вам не захочется оставлять девочку у себя, ее могут забрать в лаборатории сразу после рождения. Темный Лорд понимает, что не каждый хочет обременять себя воспитанием нескольких детей. Тех детей, что обладают высоким магическим потенциалом, будут готовить для следующей фазы программы, остальных используют как объекты исследований в лабораториях. Есть еще так много непознанных областей, касающихся развития магии в ранние месяцы жизни...

Гермиона почувствовала, как по пищеводу поднимается кислота, а живот неприятно сжимается. Дрожа и едва сдерживая тошноту, она подошла к кровати и села.

Драко бы никогда не позволил этому случиться. Он не допустит, чтобы подобное произошло с ней, с их ребенком. Но это не меняет того, что остальных суррогатных матерей и их детей никто не защитит.

Гермиона закрыла глаза.

Девушка надеялась, что Драко скоро вернется и она сможет попросить его принести обратно ее книги. Потому что иначе все, чем она могла заниматься, — это бесконечно переживать об их будущем.

Гермиона не могла перестать волноваться, а затем корила себя за то, что позволяет себе поддаваться панике.

Повышенный уровень кортизола мог навредить ребенку.

Ей нужно оставаться спокойной, чтобы не допустить новый приступ.

Иначе Драко не позволит ей продолжать исследования.

И тогда...

Она снова постаралась не думать об этом.

Гермиона прокрутила в голове варианты обезболивающих мазей и представила, какие зелья можно сварить для того, чтобы справиться с несвертываемостью крови.

Прошел почти час, прежде чем Драко вернулся. Увидев его на пороге своей комнаты, Гермиона вернулась мыслями к главному открытию.

У них будет девочка.

Теперь, когда она узнала пол ребенка, ей было легче представить его. Раньше в ее голове возникала абстрактная картинка, просто младенец. Теперь это была девочка. Новорожденная малышка.

На нескольких портретах в поместье Малфоев были изображены дети, всегда светловолосые, сероглазые... И всегда мальчики.

Род Малфоев преимущественно... нет, полностью состоял из мужчин.

Гермиона не могла вспомнить ни одного портрета, на котором была бы изображена юная наследница рода. Только мальчики, один или двое.

Она не знала, являлось ли это аномалией их семьи или, что более вероятно, результатом отбора — возможно, у Малфоев было принято избавляться от беременности, как только выяснялось, что ожидалась девочка.

Драко остановился в нескольких шагах от нее. У него был отрешенный вид, словно его мысли находились где-то далеко отсюда. Гермиона положила ладони на свой живот, исподтишка рассматривая его лицо.

— Это... будет девочка.

Лицо Драко вмиг изменилось, приняв более закрытое выражение, и он коротко кивнул.

Ее губы дрогнули:

— Не знала, что у Малфоев рождаются девочки.

— Нет, — ответил он, пожав плечами.

После его слов у нее словно камень встал в горле:

— Для тебя... это важно? Что у нас будет не мальчик.

Драко моргнул, словно наконец вернувшись из своих мыслей.

— Что? Нет. — Он посмотрел на Гермиону. — Пол ребенка никогда не имел для меня значения.

Девушка почувствовала тяжесть в груди. Она кивнула:

— Хорошо. Я просто поинтересовалась.

— На наш род наложены специальные чары, призванные поддерживать преемственность. Для появления наследника рода Малфой должен состоять в браке с ведьмой, родившей от него ребёнка.

— О, — это было все, что она смогла сказать. Через несколько секунд Гермиона добавила: — Страуд не знает об этом.

Драко покачал головой и опустил взгляд, будто был заинтересован в том, насколько хорошо оказались начищены его ботинки.

— Я не думал, что стоит упоминать об этом, учитывая, что необходимость наследника заставляла считать мои намерения серьезными.

Гермиона отвела взгляд.

Выйти замуж. Родить детей. Состариться вместе с кем-то.

Когда-то она приняла тот факт, что, скорее всего, в ее случае это никогда не осуществится. Гермиона убедила себя, что существовали гораздо более важные вещи, которые стоили того, чтобы бороться за них: Гарри и Рон будут живы, Волдеморт — повержен, а мир станет лучше. Всего этого было бы достаточно, чтобы не чувствовать пустоту в душе.

Но Гарри и Рон погибли. Волдеморт все еще был у власти. А мир казался настолько изувеченным, что она больше не могла представить себе, возможно ли, чтобы когда-нибудь все стало лучше.

Теперь потеря того, что раньше казалось несущественным, воспринималась особенно остро.

— Можешь вернуть мне книги, прежде чем уйдешь? — спросила девушка, взглянув на Драко.

— Я прикажу Топси принести их.

Гермиона опустила взгляд на свои туфли.

— Я попробую снова начать выходить на улицу. Страуд права, это необходимо для здоровья ребенка.

Она посмотрела на Драко и слегка улыбнулась.

Драко послал ей долгий взгляд. Улыбка потихоньку исчезла с ее лица, и Гермиона перевела взгляд на окно спальни. Снаружи... оставалось слишком много открытого пространства. Ее пальцы невольно дернулись, и девушка спрятала руки за спину.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — Тебе необязательно пытаться в одиночку.

Драко протянул ей руку, и она переплела их пальцы.

Они вышли на улицу и медленно направились по аллее, усаженной фруктовыми деревьями, держась за руки. Цветы на деревьях успели пожухнуть, и на их месте зеленела листва; дорожку, по которой они гуляли, обрамляли изогнутые ветви.

— Когда я был маленьким, то любил лазить по этим деревьям, — вдруг произнес Драко.

Гермиона удивленно взглянула на него. Раньше он никогда не пытался завести разговор во время их совместных прогулок. Было очень странно видеть его расположенным к общению.

Драко смотрел вперед, казалось, снова находясь мыслями где-то далеко отсюда.

— Мне не разрешалось лазить по деревьям, но каждый раз после окончания ежедневных занятий я все равно приходил сюда и пытался вскарабкаться на одно из них.

Драко посмотрел на изогнутый ствол яблони рядом с ними:

— Как-то я застрял на этом дереве. В то время оно казалось мне просто огромным. Топси пыталась спустить меня с него, но я не позволял ей. Я сидел на ветке и целый час звал на помощь маму, пока она не вернулась с прогулки по Косому переулку.

Гермиона посмотрела на ветку, находящуюся в нескольких футах над землей, и уголки ее губ приподнялись в невольной улыбке.

Драко повернулся:

— Если мы пойдем дальше по этой аллее, а затем перейдем поле, за ним будет пруд, где я раньше ловил лягушек. Обычно там можно было увидеть уток и цапель. На мой пятый день рождения мне подарили сети, и я пытался поймать в них все, что встречал по дороге. Я собирал коллекцию для моего зоопарка. Я говорил, что стану магозоологом, когда вырасту. Я был уверен, что однажды поеду с экспедицией в Африку. Отец был в ужасе от моих рассказов.

Его лицо оставалось бесстрастным во время всего разговора. Гермиона чувствовала, как в груди все сильнее разрасталась тревога.

— Я был настоящим ночным кошмаром для фей и гномов, — добавил Драко спустя минуту. — Однажды меня даже укусил гном, когда я пытался достать того из норы. Я все залил кровью, — он издал безжизненный смешок. — Мама переживала, что у меня останется шрам.

Он снова неторопливо двинулся вперед, продолжая сжимать ладонь Гермионы в своей.

— Мне всегда нравилось летать. Отец подарил мне игрушечную метлу, когда мне было два года, несмотря на все мамины протесты. Мы с Теодором Ноттом постоянно летали наперегонки. Когда мне было восемь, я чуть не сломал руку, не справившись с управлением и врезавшись в стену поместья.

Он прервался на какое-то время и снова заговорил, только когда они дошли до конца аллеи:

— Топси отправится с тобой. Она хорошо умеет управляться с детьми. Можно сказать, что она взяла на себя мое воспитание в те несколько лет, когда мама чувствовала себя плохо. Она также помогала Джинни с Джеймсом, — Драко посмотрел на нее. — Я все организовал... позже... ты станешь ее полноправной хозяйкой. Топси — хороший эльф. Она сможет рассказать о моем детстве все, что тебе захочется узнать.

Гермиона резко остановилась, наконец поняв, для чего он завел речь о своем детстве.

Драко пытался дать ей то, чего она хотела. Для него признать факт, что у него будет ребенок, означало смириться, что он никогда его не увидит.

Драко рассказывал ей эти истории, чтобы потом она могла пересказать их дочери. Каким он был до того, как пошел в школу. Каким он был до войны.

Он готовился попрощаться.

— Чары, окружающие поместье, будут деактивированы на какое-то время. Единственной преградой может стать появление у моего отца нового наследника, — сказал он мгновение спустя, смотря вдаль. — Полагаю, что этого все-таки не случится, так что поместье узнает наследницу рода... если она захочет предъявить свои права на него. Я подготовил документы, которые ты должна будешь взять с собой, если тебе вдруг понадобится доказать законность владения зданием. Но, думаю, у вас не возникнет причины для возвращения сюда. На тебя уже оформлены счета и переписано имущество за границей, так что при необходимости проще будет воспользоваться тем, что территориально ближе.

Плечи Гермионы начали дрожать.

Драко пристально посмотрел на нее. При дневном свете его глаза напоминали штормовое небо.

— Мы ушли слишком далеко. Ты устала. Давай вернемся.

Гермиона все еще не шевелилась. Она едва могла дышать от давления в горле, а

ноги, казалось, могли в любой момент ее подвести. Существовала тысяча вещей, которые ей хотелось сказать Драко, но она не могла найти подходящих слов.

Он ступил ближе.

— Ты сможешь дойти сама?

Гермиона едва заметно покачала головой.

Драко подошел почти вплотную, двигаясь плавно и наблюдая за ее реакцией. Обвив ладонь вокруг ее талии, он поднял девушку на руки и зашагал обратно к поместью.

Гермиона сомкнула ладони вокруг его шеи и, уткнувшись лицом в плечо, расплакалась. Она проплакала всю дорогу до комнаты.

В ту ночь они лежали вместе на кровати; ее голова покоилась на груди Драко, пока девушка следила взглядом за бегущей стрелкой часов. Одна рука Драко запуталась в ее волосах, пока другая вырисовывала узоры на ее плече сквозь ткань мантии.

Гермиона села на кровати и посмотрела на него. Драко встретился с ней взглядом, на его лице была настороженность. Положив руку ему на грудь, Гермиона наклонилась и поцеловала его. Закрыв глаза, она старалась запомнить ощущение его губ, то, как они соприкасались носами, легкую щетину, которая чувствовалась под пальцами, когда она прижимала ладонь к его лицу.

Гермиона углубила поцелуй, теряясь в ощущениях. Его одежда пахла кедровым маслом, а кожа — мхом и папирусом. Рука Драко легла ей на шею, и по телу Гермионы прошла дрожь.

Прижавшись к нему вплотную, она запуталась пальцами в его волосах.

Поцелуи были неторопливыми, глубокими и такими знакомыми. Она знала эти ощущения. Жар внизу живота, волнение в груди и закипание крови в венах. Воспоминания об этих ощущениях были самыми сокровенными и важными для нее. И Гермиона спрятала их так тщательно, что никто не смог бы их отыскать. Так, что они потерялись где-то в недрах ее памяти.

Но теперь Гермиона хотела вернуть эти воспоминания обратно.

Ее рука, лежавшая на его груди, скользнула ниже. Драко схватил ее запястье, останавливая. Когда она попыталась вырвать руку, он прервал поцелуй.

— Что ты делаешь?

Гермиона села и, сделав глубокий вдох, посмотрела на него сверху вниз.

— Я хочу попробовать заняться с тобой сексом.

Она следила за взглядом Драко, пока произносила это.

Его глаза потемнели, но выражение лица стало жестче и сдержаннее.

— Нет. Этого не произойдет.

Гермиона опустила взгляд на свою руку, зажатую в его.

— Я не хочу, чтобы наша последняя близость была тогда... — ее губы дрогнули.
— Когда все происходило... по принуждению.

Несколько мгновений Драко молчал.

— Нет.

Ее пальцы дрогнули, и она убрала руку с груди Драко, слегка кивнув.

— Хорошо.

Гермиона легла, положив голову ему на плечо, даже сквозь одежду чувствуя жар, исходящий от его тела.

На несколько секунд повисло молчание.

— Почему? — наконец спросил он.

— Я уже сказала.

— У тебя всегда в запасе больше одной причины.

Какое-то время Гермиона молчала, теснее прижавшись к Драко.

— Я не помню, как это ощущалось раньше, — наконец ответила она. — Я знаю, что мы были вместе, но эти воспоминания такие нечеткие, словно расплывчатые очертания чего-то далекого. Когда я пытаюсь вспомнить... все, что мне... удастся возродить в памяти, в голове всплывает только то, как ты приходил ко мне каждый месяц, когда я уже находилась в поместье. Поэтому я подумала... — ее голос затих.

Существовало слишком много шансов, что все пойдет не так. Что все будет не так, как в прошлом, потому что воспоминания о последних месяцах наложили на их отношения слишком сильный отпечаток. Она могла запаниковать, когда они достигнут определенного момента, или понять, что не сможет попросить Драко остановиться. У нее может снова случиться приступ.

И тогда это разрушит все светлое и хрупкое, что было между ними. То чувство защищенности, которое она испытывала, находясь рядом с Драко.

Это может отравить все их прошлое.

Прижавшись плотнее к Драко, она сказала:

— Это не имеет значения.

Он ничего не ответил.

Гермиона уснула, слушая его сердцебиение.

Однако после этого разговора поцелуи Драко стали другими. Его руки задерживались на ее теле дольше.

Его поцелуи вызывали в ней не только привычное волнение, но и нечто большее.

Желание.

Она чувствовала, как оно разливалось по венам.

Когда Драко вернулся с задания после двухдневного отсутствия, каждое его прикосновение ощущалось пламенем на коже. Запутавшись руками в ее волосах, он скользнул левой рукой вниз по шее, а затем ниже, вдоль всего ее тела. Гермиона услышала, как он сделал рваный вдох сквозь зубы, и его дыхание зашепотало ее кожу.

Она издала дрожащий стон.

— Скажи мне остановиться, — прошептал Драко. Его губы оставляли горячие поцелуи у нее на шее. — Скажи мне остановиться.

Схватившись за его мантию, Гермиона прижала его ближе к себе.

— Не останавливайся, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ты останавливался.

Его зубы прикусывали кожу у нее на шее. Она прижала его руку к тому месту, где начинались пуговицы ее платья, и они принялись вместе расстегивать их. Пальцы Драко коснулись ее оголенной кожи, и он стал осыпать поцелуями ее плечи.

Это было приятно.

Это было знакомо.

Драко прикасался к ней так раньше. Гермиона помнила это.

Его поцелуи переместились ниже, к груди, и Гермиона откинула голову назад, задыхаясь. Она чувствовала жар его ладоней на своих плечах и спине.

Пальцы Гермионы повторили очертания его подбородка. Скользнув ладонями к его плечам, она продолжила движение вниз, словно хотела прикоснуться к каждому сантиметру его тела. Спрятанное в недрах ее памяти воспоминание о том, как ощущалась его кожа под пальцами... Сейчас она чувствовала, как в ней поднимаются знакомые эмоции, которые заставляли ее сердце биться сильнее, словно оно пробуждалось от долгого сна.

Притянув Драко за шею, Гермиона накрыла его губы своими. В этот раз поцелуй был глубже и дольше.

— Я люблю тебя, — прошептала она ему в губы. — Я люблю тебя. Я хотела бы сказать тебе об этом тысячу раз.

Гермиона принялась расстегивать его рубашку. Стачив ту вниз по плечам, она провела руками по его обнаженной коже.

— Скажи мне остановиться, и я остановлюсь, — сказал он.

— Не останавливайся.

Ее сердце бешено колотилось в груди. Закрыв глаза, Гермиона сосредоточилась на ощущениях. Вес и жар его тела, прикосновения кожи к коже. Ловя воздух ртом, она прислонилась лбом к его плечу. Ее пальцы очерчивали шрамы на его спине.

— *Закрой глаза.*

Она почувствовала, как с нее соскользнуло платье, и жар наполнил ее тело.

Его рука скользнула по ее груди. В этот раз все ощущалось иначе. Ее грудь стала гораздо чувствительнее, и каждое движение Драко словно посылало разряды тока по ее телу. Гермиона не могла вспомнить, чтобы раньше его прикосновения ощущались так же. Она прижалась еще ближе, едва слышно вздохнув. Он провел пальцем по ее соску, заставив все ее тело вздрогнуть.

Гермиона почувствовала его губы на своей груди.

Затем он прикусил ее кожу зубами.

Она резко замерла. Казалось, что ее окунули в ледяную воду. Весь жар в ее теле мгновенно пропал.

Она не могла...

Впивающиеся в нее острые, холодные камешки.

Ей просто хотелось, чтобы все прекратилось.

Она пыталась сделать вдох, но легкие словно отказывались слушаться.

Просто дыши, и все закончится.

Ее горло сжалось. Пальцы дрогнули на плечах Драко.

Она не могла дышать. Воспоминания затопили ее сознание.

Просто закрой глаза.

Лучше, чем Люциус. Лучше, чем Люциус.

Она хотела, чтобы это прекратилось.

Моргнув, Гермиона попыталась избавиться от наваждения, но воспоминания не исчезали.

— Остановись.

Драко мгновенно замер и попытался отодвинуться. Тихо всхлипнув, Гермиона обвила руки вокруг его плеч и спрятала лицо у него на шее, пытаясь восстановить дыхание. Сердце болезненно быстро стучало в груди.

Прекрати дрожать. Прекрати дрожать.

Драко сидел неподвижно, не прикасаясь к ней. Казалось, он не дышал.

Сделав несколько медленных вдохов, она подняла голову и взглянула на него.

— Я... лишь... — В ее груди кольнуло. — В какой-то момент все стало... слишком для меня. Думаю... Думаю, теперь мне будет легче, когда я знаю, что могу попросить остановиться. Мне было хорошо. — Ее руки крепче сжали его плечи. — Все было хорошо... пока не стало плохо...

Гермиона с трудом сглотнула.

Драко кивнул. Его зрачки были сужены, отчего серая радужка казалась огромной, делая его глаза похожими на лед. Его лицо выглядело напряженным и изможденным.

Драко выглядел так, словно она могла убить его одним своим прикосновением.

Если она все испортит, то, возможно, уничтожит последнее хорошее, что у них было.

Гермиона провела рукой по изгибу его подбородка и прижалась к нему лбом, чувствуя пульс.

Она не будет плакать, убеждала она себя. Никаких слез.

Им просто нужно больше времени.

Гермиона отправилась в библиотеку. Девушка долго избегала ее, но возможности эльфов по поиску книг были ограничены, если она хотя бы примерно не представляла себе разнообразия литературы, которая потенциально могла там находиться.

Топси ерзала рядом с ней, пока Гермиона стояла в дверях, колеблясь и стараясь не поднимать глаз.

— Я хочу начать с секции темных искусств, — сказала девушка.

— С каких именно разделов?

— Всех. Я хочу увидеть все названия книг.

Двигаясь по библиотеке, Гермиона не отрывала глаз от пола или полок. Сосредоточься на книгах. Сосредоточься на буквах.

Она должна спасти Драко. Не важно, что она не чувствует здесь потолка. Ей просто нужно дышать.

Иногда повторение мысли самой себе срабатывало.

Но не всегда.

Гермиона проснулась в своей комнате, оглядываясь в панике, каждый мускул ее тела горел. Драко сидел рядом с ней, держа ее за руку.

Она в недоумении посмотрела на него, пытаясь вспомнить, как сюда попала.

— У тебя был приступ в библиотеке, — сказал он без всякого выражения. — У тебя началась паническая атака, Топси не смогла тебя успокоить, затем произошёл приступ. Тяжёлый, с вмешательством противосудорожного зелья. Я был в Австрии.

Гермиона ничего не ответила. В горле у нее ощущалась такая боль, словно она кричала как резаная.

Драко некоторое время смотрел в окно, а потом вздохнул. Он начал массировать центр ее ладони, не глядя на нее, постукивая палочкой по зажимам, пока мышцы не расслабились и пальцы не разжались. — Ты не можешь получить все, Грейнджер. Наступит момент, когда ты должна будешь осознать, что не все желания сбываются, и тебе придется позволить себе довольствоваться тем, что есть.

Его руки перестали двигаться, и он просто смотрел в окно в течение минуты. Драко медленно сглотнул и повернулся, чтобы взглянуть на нее сверху вниз. — Целитель разума сказал, что, если у тебя случится еще один подобный приступ, произойдут необратимые повреждения мозга и, вероятно, выкидыш.

Гермиона сжала губы, убрав от него руку, и свернулась в клубок вокруг живота.

— Я не могу оставить тебя здесь, — сказала она хриплым голосом.

Девушка почувствовала, как кровать сдвинулась, и Драко убрал ее волосы с лица, заправив локон за ухо, и наклонился над ней.

Он тихо вздохнул, когда его рука соскользнула с ее волос и легла на плечо.

— Тебе придется заботиться о других. Ты обещала Поттеру позаботиться о Джинни и Джеймсе. У тебя есть ребенок, который нуждается в тебе, и ты это знаешь.

Она прижала руку к животу и тихо всхлипнула.

— Я не хочу выбирать. — Ее голос хрипел, и говорить было больно. — Мне всегда приходилось это делать, и я никогда не выбирала тебя. Я так устала от того, что не могу выбрать тебя.

Он сжал ее плечо, прежде чем его рука скользнула вниз к ее руке.

— Ты не выбираешь. Ты обещала... «все, что я захочу», ты обещала. Не ломай себя, пытайся спасти меня. Я хочу этого больше всего на свете. Убирайся подальше от этого поганого мира. Позволь мне вытащить тебя, Грейнджер. Дай мне знать, что ты в безопасности, вдали от всего этого. Скажи нашей дочери, что я спас вас обоих. Это... все, чего я хочу.

Она неуклюже выпрямилась; руки ее не слушались, но Гермиона заставила себя подняться и схватила его за руку.

— Драко, я так близка к решению. Дай мне еще немного времени, и я найду способ убрать твою Метку. Я уверена, что существует способ. Пожалуйста, не заставляй меня прекращать попытки.

Драко откинулся на спинку стула и взглянул на нее. Его глаза сверкнули.

— Я не знаю никого, кто бы так плохо исполнял свои обещания, как ты. Ты... вполне вероятно... самый худший хранитель обещаний, которого я встречал.

Ее горло сжалось, но она вздернула подбородок и встретила его пристальный взгляд.

— Я храню только те, что имеют значение.

Драко поднял бровь.

— Нет. Ты просто даёшь противоречивые обещания, а затем выбираешь, каких из них стоит придерживаться, в зависимости от того, чего ты хочешь. Я размышлял об этом некоторое время... — Его голос звучал легко. Затем вся легкость исчезла, и он отвел взгляд. — Вот почему ты никогда не выполняешь обещаний, которые дороги мне.

Гермиона опустила глаза.

— Драко...

— Гермиона.

Она подняла на него глаза. Он по-прежнему так редко называл ее по имени.

Он смотрел на нее с серьезным и усталым выражением лица.

— Ты заботаешься об этом ребенке. Она была всем, о чем ты заботилась, пока твои воспоминания не вернулись. Защищать ее — это то, о чем ты думала каждую минуту дня. А теперь... ты так занята попытками спасти меня, что позволяешь себе забыть, что она тоже нуждается в тебе и зависит от тебя. Я не могу защитить ее от тебя. Подвергать себя опасности, пытаясь спасти меня, значит рисковать ею.

У Гермионы задрожала челюсть, и она опустила глаза.

— Я так близка, Драко. Мне просто не хватает одной части уравнения.

Драко резко вздохнул.

— Грейнджер, если у тебя случится выкидыш, Темный Лорд прикажет привести тебя к нему, чтобы проверить твой разум. — Его голос был ровным, но она вздрогнула от его слов. — Ты обещала... если это станет опасным, ты обещала, что прекратишь попытки. Сколько панических атак у тебя случилось с тех пор, как ты начала ходить в библиотеку?

Она говорила сквозь зубы, стиснув челюсть.

— Это нелепо. Я так близко... я почти уверена, что смогу все понять, но чем больше я пытаюсь сложить все части вместе, тем хуже становится. Но я так близко... и если я не найду решение, пока не станет слишком поздно... — Ее грудь начала судорожно сжиматься, и Гермиона прижала руку к груди.

Драко схватил ее за плечи, выражение его лица было жестким.

— Прекрати. — Его зубы сверкнули, когда он заговорил. — Я никогда не должен был стать тем, кого ты пытаешься спасти.

Гермиона упрямо покачала головой:

— И что же ты сделаешь, чтобы заставить меня остановиться?

Губы Драко скривились, как будто он хотел зарычать на нее. Она и глазом не моргнула. Он убрал руки с ее плеч и раздраженно вздохнул.

— Хорошо, — сказал Драко покорным голосом. — Ты можешь продолжить исследования в своей комнате. Но если ты захочешь пойти в библиотеку, то подождешь, чтобы я вернулся и сопровождал тебя. Я скажу Топси задержать тебя, если ты попытаешься пойти в одиночку. Это понятно?

Гермиона слегка кивнула.

Большую часть времени она оставалась в своей комнате. Всякий раз, когда у него было время, Драко выводил ее на улицу, чтобы прогуляться, а затем в библиотеку, стоя рядом с ней и наблюдая, как она часами просматривает страницы. Он накладывал аналитические заклинания и писал для нее заметки.

Гермиона ждала у дверей библиотеки возвращения Драко, когда услышала два последовательных треска от аппаратуры в фойе дальше по коридору.

Ее желудок скрутило.

Никто не мог войти в поместье без разрешения Драко. Если Драко и привёл кого-то без предупреждения, то, скорее всего, это был Северус. Это бы означало, что ее время вышло. Или же Драко погиб, и защита поместья исчезла.

Сердце билось у нее в горле, когда Гермиона отпрянула в тень и напрягла слух.

— В последнее время твои показатели заметно снизились. Темный Лорд хочет передать твою задачу кому-то с менее традиционным арсеналом методов, — леденящий кровь протяжный голос Люциуса Малфоя разнесся по коридору.

Гермиона похолодела от ужаса. Она услышала, как Драко холодно ответил:

— Одной проблемой меньше. В настоящее время я не испытываю недостатка во внимании.

В безмолвном пустом доме голоса заполнили фойе. Она отчетливо слышала каждое слово.

— Конечно, нет. Кажется, я не могу развернуть газету, не обнаружив на ней твоего лица. Мой сын, печально известный Верховный Правитель.

Драко ничего не ответил.

— Должен признаться, я всегда стремился к тому, чтобы мой наследник добился большего, чем международной репутации массового убийцы. Жаль, что ты не смог сохранить анонимность. Ты его охотничий пёс, а не протеже. — Гермiona услышала насмешку в голосе Люциуса.

Девушка начала медленно продвигаться по коридору, прижимаясь к стене.

— Отец, я всегда думал, что унаследовал от тебя свой исключительный талант к убийству. Я, в конце концов, всего лишь покорный слуга Темного Лорда, как мой отец и его отец до него, — голос Драко оставался насмешливым, но Гермiona могла слышать напряжение, скрытое в его тоне.

— То, как работали мы с моим отцом, всегда было своего рода искусством. Использование непростительных — это выплескивание избытка эмоций. Агония должна оставаться художественной формой. В той службе, которую ты несешь Темному Лорду, нет никакого ремесла. Ты позволил использовать себя в качестве грубого оружия. Из всех навыков, которые ты мог бы развить... Я нахожу этот твой выбор... разочаровывающим.

Рядом в стене существовал потайной ход. Если Гермiona дотянется до него, она сможет спрятаться. Подождёт там, пока Драко не придет за ней.

— Моя одежда не запачкана в крови, — услышала она пренебрежительный голос Драко.

— Думаешь, Темный Лорд достиг величия просто из-за количества Смертоносных Проклятий, которые мог наложить? Какая способность привела Геллерта Гриндевальда к позору? Величие — большее, чем грубая сила. Оно требует напора, хитрости и вдохновляющего видения. Ты глупец, если думаешь, что твоя слава убийцы придает тебе власти. У тебя нет последователей. Никто не предан тебе. Страх недостаточен; Темный Лорд усвоил этот болезненный урок во время Первой Магической войны. Ключом к его успеху оказалась способность расширить свое видение, когда он вернулся к власти. Умение убивать — не более чем условность. Темный Лорд дал тебе возможность задержать последнего члена Ордена. Это увековечило бы тебя в истории, но спустя четыре месяца...

Половица под ногой Гермiony скрипнула, и голос Люциуса оборвался. Девушка застыла, а ее сердце бешено застучало.

— Здесь кто-то есть, Драко?

Примечание к части

Плейлист на спотифай: <https://open.spotify.com/playlist/2PsvAlvWZ5vpb3vWVsn3Pa>

Гермиона в ужасе наблюдала за тем, как силуэт Люциуса заполняет собой все пространство коридора.

Его взгляд скользнул по стенам и остановился на том месте, где, сжавшись в углу, стояла девушка. Он пристально посмотрел на нее, прежде чем медленно двинуться к ней. Драко тенью следовал за отцом.

Не разрушай свое прикрытие. Не разрушай свое прикрытие, Драко, — Гермиона повторяла эту мысль в голове, как мантру, пока Люциус приближался к ней.

Мужчина казался драконом в человеческом обличье. Он двинулся по коридору к Гермионе неторопливой и плавной походкой, как змея, словно хотел пресечь любые попытки побега.

Его глаза горели любопытством.

— Помнишь программу репопуляции? Меня обязали держать у себя суррогатную мать. Разве я не упоминал мое предстоящее отцовство? — Выражение лица Драко было холодным, но напряженным, когда он взглянул на Гермиону. Он слегка повернул голову, словно предупреждая ее, чтобы она не двигалась.

— Ах, да. Грязнокровка, о которой писал «Ежедневный пророк». Я и забыл, что она здесь. — Он стоял всего в нескольких дюймах от Гермионы, осматривая ее. Темная магия окутывала его, словно плащ, и это заставило желудок девушки сжаться, а тело покрыться холодным потом. Она еще плотнее придвинулась к стене.

Люциус поднял палочкой ее подбородок, и их глаза встретились. Его зрачки были расширены.

— Маленькая мышка угодила в змеиное гнездо.

Гермиона почувствовала, как ее мантия сдвинулась, когда рука Люциуса легко скользнула по ее телу.

— Ты наслаждаешься ею, Драко? Подобная невзрачность тебя привлекает? Полагаю, после стольких лет запретов, должно быть, возможно отыскать что-то чарующее в изучении природы грязнокровок. Это могло бы объяснить, почему твоя жена сейчас находится так далеко от своего брачного ложа. Неужели твоя маленькая игрушка заставила тебя жаждать того, что не смогла осуществить благовоспитанная чистокровная жена?

Голос Люциуса перешел в хищное мурлыканье, когда тот приблизился к Гермионе вплотную. От него пахло кардамоном и кожей, но это не скрывало медный зловонный запах засохшей крови. Язык Гермионы замер, а горло сжалось, когда она попыталась сглотнуть.

— Давай-ка посмотрим, что именно держит моего сына в Англии, пока его жена развлекается во Франции.

Не разрушай свое прикрытие. Пожалуйста, не разрушай свое прикрытие.

Гермиона почувствовала, как расстегиваются пуговицы ее одежды. Она едва заметно вздрогнула, и из ее груди чуть не вырвался тихий всхлип, но она сдержалась. Ее глаза искали Драко в попытке предостеречь.

Он застыл за спиной отца с горящими от ярости глазами.

Нет...Нет...Нет!

Рука Люциуса сомкнулась на ее горле, и мужчина зашелся низким, дрожащим смехом. Каждый раз, когда Гермиона думала, что он остановится, Люциус продолжал издавать этот грудной, безжалостный и злобный звук. Его пальцы все еще сжимали ее шею, как будто он мог сломать ее, и она чувствовала каждую вибрацию.

— Ах, Драко... — наконец сказал он, оглядываясь через плечо. — Она так привязана к тебе.

Выражение лица Драко мгновенно исказилось в жестокой, злорадной ухмылке, когда он встретился взглядом с Люциусом.

— Так и есть.

Он протянул руку и, сжав локоть Гермионы, решительно вытащил ее из отцовской хватки.

Драко взглянул на нее, прежде чем снова посмотреть на Люциуса.

— Прошлые пытки повлияли на ее разум и вызвали обширную потерю памяти. Темный Лорд очень заинтересован в информации, которой, по его мнению, она обладает. Он хочет, чтобы она жила в поместье под моим присмотром, пока я не смогу извлечь эти воспоминания. Прошло всего несколько месяцев, а она уже очень привязалась к своему хозяину. Я — все, что у нее есть. — Он пристально посмотрел на Гермиону и ухмыльнулся. — Не так ли, Грязнокровка?

Гермионе не нужно было притворяться, что ее подбородок дрожит, когда она слегка кивнула. Ее рука тряслась, когда девушка подняла ее, чтобы застегнуть платье.

Драко посмотрел на нее сверху вниз. Его губы насмешливо скривились:

— Успокойся и дыши. Мой отец вряд ли найдет тебя достойной своего внимания.

Люциус наблюдал за происходящим с жадным любопытством. Она заставила себя не думать об этом, когда столкнулась со злобным взглядом Драко и почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

— Обычно Грязнокровка не покидает свою комнату, не считая ежедневных прогулок. Должно быть, она слишком тосковала по мне, раз забрела так далеко, — губы Драко изогнулись в ухмылке.

Выражение его лица стало холодным, когда он посмотрел на отца.

— Темный Лорд не хочет, чтобы кто-то *вмешивался* в ее жизнь, как бы забавно

это ни было. Существуют строгие правила относительно суррогатных матерей. Ее содержание и восстановление утраченных воспоминаний считаются первостепенными задачами. Прости, отец, но я должен отвести ее обратно в комнату и убедиться, что у нее не случится нервного срыва.

Драко потащил Гермиону по коридору, затем остановился, посмотрев на Люциуса.

— Твое крыло поместья свободно. Кажется, в прошлом году Астория сделала там ремонт. Шагай, Грязнокровка.

Он с силой потащил Гермиону по коридору, двигаясь так быстро, что она едва держалась на ногах, вцепившись в платье и пытаясь дышать.

Девушка оглянулась через плечо и увидела, что Люциус смотрит им вслед с непроницаемым выражением лица.

Как только они оказались в Северном крыле, Драко остановился и крепко обнял ее.

— Мне жаль. Мне так жаль. — Он приподнял подбородок девушки, чтобы посмотреть на нее. Его рука согревала ее кожу, пока Драко изучал ее лицо, убирая волосы с глаз. — Он прибыл без всякого предупреждения. Ты в порядке? Мне очень жаль.

— Все в порядке... я в порядке... — Гермиона выдавливала из себя слова, в то время как ее грудь продолжала сжиматься. Девушка изо всех сил старалась не заплакать. — Я просто боялась, что он сделает что-то, и ты решишь уничтожить свое прикрытие.

Рука Драко собственнически скользнула в ее волосы, и, коснувшись головы, он притянул ее к себе.

— Он и близко к тебе не подойдет. Я убью его, если он еще хоть раз коснется тебя. Я скажу Темному Лорду, что он вышел из себя и у меня не было выбора.

Гермиона уткнулась лицом в мантию Драко и крепко зажмурилась. Она так хорошо справлялась. Она держалась спокойно, не паниковала уже несколько дней, но сейчас чувствовала себя так, словно из-под ее ног выбили почву.

Драко резко и сердито вздохнул.

— Из всех времен, когда Темный Лорд мог его вызвать...

Гермиона сглотнула и подняла глаза.

— Он здесь, чтобы выследить человека, ответственного за уничтожение крестража? Выследить последнего члена Ордена. Так он сказал.

Драко молчал несколько проклятых секунд, встретившись с ней взглядом.

— Да, — наконец ответил он, слегка опустив подбородок. Драко осторожно протянул руку и коснулся пуговиц ее платья. — Темный Лорд разочарован моей неспособностью найти виновного. Он вызвал моего отца в Британию, чтобы

переназначить это поручение.

У Гермионы пересохло в горле.

— Что... что это значит?

Уголок его рта дрогнул, а пальцы поднялись и скользнули по ее щеке.

— Не думаю, что он обнаружит что-то до твоего отъезда. Потом это вряд ли будет иметь значение. Пока что ты не будешь выходить из своей комнаты. Ненадолго.

Гермиона вздрогнула и покачала головой.

— Мне нужно было кое-что поискать в библиотеке. Я ждала тебя, потому что у меня возникла мысль...

— Гермиона, — он оборвал ее жестким голосом, убирая руку. — В ближайшее время мой отец будет жить в поместье. Вряд ли совпадение, что его вызвали именно сейчас, когда у Темного Лорда больше нет доступа к твоим воспоминаниям. Я буду сопровождать тебя на прогулках, я могу списать это на медицинскую необходимость. Однако мой отец нестабилен и непредсказуем. Ему нельзя доверять, как нельзя и ожидать, что он будет в точности следовать указаниям Темного Лорда, когда ему в голову взбредёт очередная безумная идея. Все, что он видит, сможет увидеть и Темный Лорд.

Гермиона сглотнула и попыталась заговорить.

Драко тихо вздохнул, и его плечи опустились.

— Мне правда очень жаль. Я принесу тебе книги. Я знаю, что это не то, чего ты хотела. Если бы я мог что-то изменить, то поступил бы иначе.

Какое-то время он смотрел в ту сторону коридора, откуда они пришли.

— Сейчас я отведу тебя в твою комнату и уйду. Я больше не смогу проводить с тобой время.

Сердце Гермионы словно налилось свинцом, когда она наблюдала, как Драко осматривал и проверял заклинания, наложенные на ее спальню, в течение нескольких минут, прежде чем уйти.

Присутствие Люциуса в поместье ощущалось как яд. Нарцисса на портрете выглядела бледной и испуганной, но продолжала неусыпно следить за Гермионой. Топси появилась вечером: ее руки были покрыты ожогами, кожа рассечена в нескольких местах, а на лбу наливались синяки.

— Что случилось? — в ужасе спросила Гермиона, слегка сжимая крошечные руки в своих и оценивая повреждения.

Топси убрала руки и спрятала их за спину.

— Хозяину Люциусу не понравился ремонт в Южном крыле. Он наказал всех эльфов поместья, — сказала Топси, отводя глаза.

— Но... но вы ведь больше не принадлежите ему. Драко — хозяин поместья.

Топси посмотрела на Гермиону своими огромными глазами.

— Эльфы связаны родовой магией. Хозяин Люциус все еще Малфой.

Гермиона резко выдохнула.

— Но влияние Драко должно быть сильнее. Если Драко сказал бы не делать этого, вы бы не пострадали. Слово хозяина — это высший приказ для всех эльфов поместья. Почему он не отдал приказ?

Топси замаялась и потерлась ногой о ногу.

— Домовые эльфы не должны делать ничего такого, что заставило бы хозяина Люциуса думать, что хозяину Драко не нравится быть Пожирателем Смерти. Хозяин Драко всегда должен выглядеть преданным сыном хозяина Люциуса, которому очень нравится быть Пожирателем Смерти. Это важнее всего.

— Что он с тобой сделал? — сказала Гермиона, вытаскивая руки Топси из-за спины. Те были покрыты волдырями и кровоточили.

— Топси должна была держать руки под утюгом по одной минуте и десять раз ударить себя ведром с углем. — Топси дернула костлявым плечом. — С Топси все в порядке. Хозяин Люциус никогда не любил эльфов, Топси давно к этому привыкла.

У Гермионы перехватило горло. Чувствуя, как горят глаза, она с трудом сглотнула.

— Жаль, что я не могу исцелить тебя, — ее губы скривились. — Я была целительницей, когда владела магией. У тебя есть зелья? У меня есть настойка растопырника. Ее не очень много, но она успокоит ожоги и поможет быстрее сойти синякам.

Топси ласково потрепала Гермиону по щеке.

— У эльфов есть зелья, но, если мы используем их слишком рано, хозяин Люциус захочет наказать нас снова.

Драко был заметно бледен и напряжен, когда пришел в ее спальню той ночью. Он быстро пересек комнату, обхватил ее лицо ладонями и внимательно посмотрел в глаза, как делал это во время войны.

— Я ясно дал ему понять, что ты беременна и что Темный Лорд использует это для восстановления твоих воспоминаний, — сказал он спустя минуту. — Не думаю, что его сможет что-то остановить, если он захочет причинить тебе вред, даже несмотря на его осведомленность о правилах, касающихся суррогатных матерей. Но особого интереса Темного Лорда к беременности пока должно быть достаточно.

Гермиона поднесла руку к его щеке. Та была пугающе холодна на ощупь.

— Что ты сделал, Драко?

Он стряхнул ее руку.

— Я добавил еще несколько защитных чар. Я хочу быть в курсе, если он попытается проникнуть в Северное крыло. Это вызовет у него подозрения, но зато я смогу задержать его достаточно, чтобы добраться сюда первым.

— Ты использовал магию крови? Ты выглядишь так, будто вот-вот упадешь в обморок. — Она потянула его к кровати. — Садись. Топси! Мне нужно зелье для восполнения крови. Ты должна знать, где они находятся. — Девушка прижала кончики пальцев к его пульсу. — И укрепляющее зелье.

Она вытащила его палочку из кобуры на предплечье и сунула ему в руку. — Сотвори диагностику. Я хочу знать, сколько крови ты использовал.

Он взмахнул палочкой, и она внимательно изучила результаты. Когда Топси появилась снова, Гермиона попросила несколько восстанавливающих зелий.

Она внимательно наблюдала за Драко, пока он принимал зелья и краска медленно возвращалась к его лицу. Гермиона снова прижала ладонь к его щеке и почувствовала, как постепенно теплеет его кожа, когда она приникла губами к его лбу. — Я не покину свою комнату без тебя. Тебе не нужно беспокоиться.

Его плечи опустились от усталости, и он медленно кивнул.

Драко пришёл после обеда, чтобы сопроводить ее на ежедневную прогулку. Когда они стояли в дверях комнаты, Гермиона взглянула на его руку. — Полагаю, нам больше не стоит прикасаться друг к другу. Мы должны выглядеть со стороны как раньше, зимой.

Он кивнул с напряженным выражением лица.

Они прошли через розарий. Цветы только начали распускаться.

Обойдя поместье, они оба замерли. От железных ворот усадьбы тянулся широкий кровавый след; белый гравий полностью пропитался и окрасился в красный.

Люциус стоял у парадной двери особняка с кентавром у ног.

Кентавр был поражен проклятием некроза; гниение медленно распространялось по его животу. Сухожилия на каждой ноге были перерезаны. Существо тихо стонало, его раны не переставали кровоточить. Кентавр попытался подняться с колен и тяжело рухнул на землю с мучительным стоном.

Люциус был одет в кожу, с его облачения капала кровь. Светлые волосы мужчины окрасились в красный.

— Ах, Драко... Я надеялся, что ты здесь. Отвлекись от своей Грязнокровки и помоги отцу. Было бы очень кстати, если бы ты сменил защитные чары и позволил мне трансгрессировать пленников прямо в мое крыло. Тогда мне не пришлось бы тащить их через все поместье.

— Решил устроить здесь зоопарк, отец? — Драко стоял, наблюдая за

происходящим с холодным выражением лица.

Люциус фыркнул.

— Эта тварь из Запретного леса. Уверен, он что-то знает о том, откуда взялась та стрела, а если и нет, то сможет сказать мне, кто знает.

Грудь Гермионы болезненно сжалась, когда Люциус продолжил:

— К сожалению, они такие несговорчивые существа, кажется, процесс потребует... большего убеждения.

Драко вздохнул и поднял бровь.

— Существуют специальные тюрьмы с подземельями, предназначенные для допросов. Они как раз и спасают наш гравий от крови.

— Ах, точно, — сказал Люциус, небрежно размахивая палочкой. Его голос стал слегка певучим. — Тюрьмы, полные охранников и честолюбивых Пожирателей Смерти, жаждущих свержения нашей семьи. Ты об этих тюрьмах? Возможно, если бы ты был более внимателен, то уже поймал бы добычу. И зачем мне тюрьма, если у меня есть собственное отремонтированное крыло особняка? Нет. Поместье прекрасно подойдет. Я так давно не был дома. А теперь, Драко, возможно, ты уже будешь так любезен и поможешь перенести моего гостя? Если, конечно, ты не предпочитаешь, чтобы я тащил его по коридорам.

Последовала пауза, во время которой Драко не шелохнувшись стоял между Гермионой и отцом.

— Топси, — позвал Драко жестким голосом.

Топси с хлопком появилась перед ними. Синяки на ее теле поблекли до желтых и зеленых.

— Отведи Грязнокровку в ее комнату и проследи, чтобы она оставалась там. — Драко расстегнул манжеты рукавов и закатал их. — У меня есть дела поважнее.

Топси подпрыгнула и, взяв Гермиону за руку, быстро повела прочь. Девушка оглянулась через плечо и увидела, как Драко идет к отцу, зажав палочку в ладони.

Гермиона пробыла в своей комнате всего полчаса, когда начались крики.

Звук оказался слышен даже с другого конца поместья. Нечеловеческая агония эхом прокатилась по дому, словно вырываясь из стен.

Нарцисса резко вздрогнула, вскочила на ноги, ее лицо посерело, когда она задохнулась от ужаса.

Это был первый звук, который Гермиона услышала от портрета.

— Это... это кентавр, — сказала она. — Люциус поймал его.

Нарцисса на мгновение задержала взгляд на Гермионе, а затем откинулась на

спинку стула, опустив руки на колени.

Крики продолжались и продолжались.

Гермиона отвела взгляд и постаралась сглотнуть, но ее слюна была горькой. Ее руки дрожали, когда девушка пыталась перевернуть страницу в книге. Слова плыли у нее перед глазами.

Она задумалась, не пытали ли кентавра проклятием свежевания. То, как звучали крики, напомнило ей о Колине.

Книга выскользнула из ее пальцев и упала на пол. Гермиона едва заметила.

Она пожалела, что ее способность к окклюменции заблокирована. Или, по крайней мере, хватило бы способности собрать воедино воспоминания обо всех увиденных смертях и отодвинуть на задворки сознания, чтобы они перестали крутиться в голове.

Гермиона закрыла глаза руками и попыталась привести мысли в порядок.

Вся эта кровь. Так много крови. Затем кожа. Мышцы. И в конце концов органы. Слой за слоем. До костей.

Ей хотелось забиться в угол своей комнаты. Спрятаться от звука и от осознания, что это происходит прямо сейчас и она никак не может помешать.

Если Гермиона попытается что-то сделать, попытается попросить Драко прекратить пытки, это подвергнет опасности его, ее, их дочь, Северуса, Джинни и Джеймса.

Она направилась через комнату в угол, стараясь не прислушиваться к крикам, которые не прекращались.

Пересекая комнату, девушка взглянула на портрет. Лицо Нарциссы сохраняло сдержанность, но губы дрожали, как будто она пыталась не заплакать, стоически сидя в своем кресле.

Гермиона остановилась и на мгновение заколебалась, прежде чем шагнуть к портрету.

Она протянула руку. Ее пальцы судорожно сжались, когда Гермиона приложила их к холсту. Нарцисса посмотрела на девушку, на ее лице была написана настороженность. Затем она сморщила нос и, изогнув губы в защитной улыбке, откинулась на спинку стула.

Гермиона ждала.

Затем голубые глаза Нарциссы сверкнули, губы дрогнули. Она подвинулась к краю стула и протянула руку, пока ее пальцы с покрытыми лаком ногтями не коснулись холста под рукой Гермионы.

Гермиона стояла у портрета, пока крики не прекратились.

Как только в поместье воцарилась тишина, рука Гермионы соскользнула с рамы

и девушка отвернулась. Ее желудок скрутило, словно ее душили изнутри. Ошеломленная, она подошла к кровати и несколько минут стояла рядом. Гермiona все еще слышала крики, словно они были вытатуированы на ее барабанных перепонках.

Она свернулась калачиком в углу между кроватью и стеной и тупо уставилась в пол.

Гермiona моргнула и увидела, что Драко стоит перед ней на коленях. Он смотрел на нее с нерешительным и обеспокоенным выражением лица, его брови были нахмурены, а рот сжат в тонкую линию.

На нем оказалась другая одежда, и по нему можно было судить о том, что он принял душ. Его волосы были зачесаны назад и все еще оставались влажными.

Гермiona молча смотрела на него. Она не знала, что сказать.

Выражение его лица становилось все более и более напряженным, когда он встретился с ней взглядом.

Драко не потянулся к ней и не произнес ни слова. Они просто смотрели друг на друга и чувствовали всю тяжесть происходящего.

Он, казалось, ждал ее реакции, потянется ли она к нему или отвернется.

— Было сказано что-то, что могло бы указать на тебя? — наконец спросила Гермiona.

Глаза Драко сверкнули, и она заметила, как побелели костяшки его пальцев.

— Нет. Я тщательно замел следы.

Губы Гермiony дрогнули, и она слегка кивнула.

Все, что ты делаешь, все это на моей совести. Каждое заклинание.

— Уже вечер. Попросить эльфов принести тебе еды? — спросил Драко, изучая ее.

Гермiona посмотрела на часы. Они гуляли на улице в начале дня, а сейчас было уже семь.

Она потеряла целый день, нисколько не продвинувшись в своих исследованиях. Она даже не провела мозговой штурм. Все, что девушка делала, — это стояла в холодном ужасе перед портретом и слушала, как кентавра пытаются до смерти.

У нее ничего не получалось. Ни до того, как к ней вернулась память. Ни после этого. Она превратилась в тень того человека, которым была раньше. Как и портрет Нарциссы, висевший на стене, Гермiona оставалась всего лишь покрытой шрамами тенью кого-то, кого Драко любил.

Ее челюсть задрожала.

— Гермiona...

Она снова взглянула на Драко.

Он смотрел на нее с опустошенным выражением лица. Он потянулся было к ней, но остановился, отдергивая руку.

— Ты будешь есть?

Она сжала губы и покачала головой. Его глаза сверкнули, но Драко не выглядел удивленным.

Он встал, отворачиваясь от нее.

— Я пришлю тебе зелье Сна без сновидений. Мой отец ожидает увидеть меня на ужине. Если тебе что-нибудь понадобится, дай знать Топси.

Это были единственные слова, которые он произнес перед уходом.

Она должна больше погрузиться в исследования. Вот что ей нужно было сделать.

Гермиона не могла пошевелиться.

Появилась Топси с флаконом Сна без сновидений и молча поставила его рядом с девушкой.

Гермиона все еще сидела в углу около кровати, когда часы в коридоре пробили полночь и в комнате бесшумно появился Драко.

— Ты до сих пор не спишь.

— Я хотела знать, когда ты вернешься.

Она подошла ближе и зарылась лицом в его одежду. До годовщины битвы за Хогвартс оставалось чуть больше недели.

Он осторожно коснулся ее головы.

Гермиона взглянула на него. Его серебристые глаза мерцали в тусклом свете.

Девушка заставила себя выдавить слабую улыбку.

— Пойдем спать. Без тебя мне холодно.

***

— Северус должен прибыть в течение следующих шести дней, — сказал Драко, пока они бродили по лабиринту из живой изгороди.

Гермиона почувствовала, как у нее свело живот.

— О.

Она не знала, что говорить. Девушка шла вслепую, пока не уперлась в тупик, а затем остановилась, глядя на стену из тиса, сглатывая и пытаясь придумать, что

сказать.

Наконец она повернулась и посмотрела на Драко, стоявшего позади нее.

— Могу я снова посетить библиотеку? Только один раз. Я просто хочу еще раз просмотреть литературу.

Драко пристально посмотрел на нее и кивнул.

— Мой отец сегодня в отъезде весь день. Я провожу тебя.

Она чувствовала на себе его тяжелый взгляд, передвигаясь от прохода к проходу.

Гермиона взглянула на Драко, снимая с полки энциклопедию нумерологических формул пятнадцатого века, и ее пальцы дрогнули на корешке, когда она увидела выражение его лица.

Драко выглядел задумчивым.

Он думал о том, что она забирала у них время. Если она ничего не найдет, значит, все было растрчено зря. Все то время, что она могла провести с ним.

Ее подбородок задрожал. Гермиона опустила глаза и прикусила губу, снимая энциклопедию с полки, а также четыре книги рядом с ней, складывая их в стопку.

— И эти тоже.

***

— Я нашла недостающую деталь для того, чтобы убрать твою Темную метку, — сказала Гермиона, когда Драко вошел в ее комнату после обеда на следующий день. Она сидела на краю кровати, не притронувшись к еде.

Он остановился в дверях.

— Действительно?

Уголки ее рта дрогнули, и она опустила взгляд на свои руки.

— Я поняла это с помощью нумерологии. Я даже попросила Топси записать для меня все вычисления... чтобы убедиться, что правильно все рассчитала, — ее голос звучал отрешенно. Гермиона посмотрела вниз, и ее губы задрожали, прежде чем она заставила себя посмотреть на Драко. — Слезы феникса. Если бы у меня был флакон со слезами феникса, я смогла бы ее удалить.

С таким же успехом она могла сказать, что ей нужна луна.

Драко с минуту смотрел на нее, потом моргнул.

Фениксы редко плакали. Это происходило, когда птицы были ранены, и собрать при этом их слезы во флакон казалось практически нереальной задачей, не говоря уже о том, чтобы хранить их или использовать в зелье. Попытка купить

слезы феникса обошлась бы в целое состояние, и, скорее всего, покупатель получил бы в итоге разбавленную кровь единорога. Потребуется годы, чтобы найти проверенного продавца.

Она сглотнула и заерзала, сминая ткань мантии между пальцами.

— Быть может... если я начну заново, то смогу что-нибудь найти. Возможно, я просто подошла к исследованию не с той стороны...

Гермиона дернулась, продолжая:

— Или... бомба. Я могла бы сделать бомбу... вроде тех, что использовала в Сассексе. — Она прикусила нижнюю губу. — Думаю... в целом я помню, как их собирать. Если ты достанешь мне список охранных заклинаний, наложенных на замок Волдеморта, я, возможно, смогу создать специальную бомбу. Мы могли бы взорвать его замок.

Выражение лица Драко было замкнутым, но его взгляд оставался невероятно терпеливым, когда он подошел к ней.

— И ты смогла бы собрать бомбу без магии?

Гермиона сглотнула, и ее рот скривился.

— Н-нет... Но... я могу рассказать тебе, как...

— И ты в состоянии безопасно обращаться со взрывоопасными материалами во время беременности?

Ее челюсть задрожала, и она поняла, что то была идея, которую он, вероятно, уже рассматривал и отбросил в какой-то момент.

— Нет. Но ты бы мог защитить меня заклинаниями, они сдержали бы причиненный ущерб. Я могу показать тебе технику сборки заранее. Мы могли бы работать вместе...

Драко взял ее правую руку и прижал к ней свою. Его большой и указательный пальцы слегка дрожали. Рука Гермионы судорожно дернулась в его руке.

— И у кого из нас достаточно твердая хватка, чтобы собрать бомбу?

Гермиона отдернула руку и сжала ее в кулак так крепко, что почувствовала под пальцами свои пястные кости. Она ощутила, как кровь отхлынула от головы, и ей показалось, что она вот-вот свалится с края кровати.

Девушка крепко прижала другую руку к матрасу, чтобы не упасть.

— Тогда я могла бы...

— Гермиона, я устал.

Она посмотрела на него и увидела подтверждение в его глазах.

Война уничтожала его без остатка, пока от него почти ничего не осталось. В его

взгляде отражались лишь ее призраки.

Другие Пожиратели Смерти оставили войну после битвы при Хогвартсе, но у Драко не было такой возможности. Он продолжал, потому что не мог найти ее, потому что дал клятву победить Волдеморта.

Он делал все возможное, чтобы победить Волдеморта.

Все, что было в его силах.

Он всегда старался изо всех сил.

День за днем.

Вечная погоня за призрачным результатом.

— Драко... Я...

Он взял ее руку в свою и провел большим пальцем по кольцу.

— Я просто хочу иметь возможность попрощаться с тобой перед отъездом.

У Гермионы перехватило горло, когда она посмотрела на него. Ее челюсть заметно дрожала, и он расплывался в ее глазах, в то время как девушка медленно кивнула и уткнулась лицом ему в грудь. Он обнял ее за плечи и вздохнул.

Она обняла его, но мысли продолжали беспокойно метаться в ее голове.

Как только Драко ушел, она вернулась к своим исследованиям. Гермиона попросила у домовых эльфов еще книг. Когда он вернулся поздно вечером, она уже все убрала. Девушка не упомянула, что продолжила исследования. Она понимала, что он знает.

Гермиона поцеловала его. Толкнула на кровать и двинулась за ним, пока не оказалась у него на коленях, ее пальцы запутались в его волосах, пока она ласкала его губы своими.

Девушка сбросила с его плеч мантию и расстегнула рубашку, проводя пальцами по его ключицам и затем целуя их. Ее руки скользили по его. Она положила руки Драко себе на талию, а затем притянула его губы к своим.

Его руки с силой сжали ее талию. Большой палец Драко прижался к ее нижнему ребру, и он притянул ее к своей груди. Другая рука поднялась и обвилась вокруг шеи, придвигая ее невероятно близко и наклоняя голову назад, когда он углубил поцелуй.

Она начала расстегивать платье. Ее руки дрожали, в то время как пальцы теребили пуговицы. Драко отстранился и попытался накрыть ее руки своими. Она рывком высвободила их.

— Я хочу, — сказала Гермиона напряженным, дрожащим голосом. — Я хочу этого. Я хочу, чтобы все произошло так, как мы оба хотим, прежде чем я уйду, — ее голос дрогнул. — Это всегда было нашим...

Она сглотнула и заморгала, прежде чем встретиться с его серебристыми глазами.

— ...это всегда принадлежало нам.

Гермиона дернула плечами, и платье соскользнуло с ее талии. Она обняла Драко за шею, притянула к себе и снова поцеловала.

Она оставалась верхом на нем, пока они синхронно двигались, и мир вокруг них расплывался и становился теплее. Не существовало ничего, кроме Драко, его рук и взгляда, биения его сердца. Она вновь изучала его тело. Он был другим, он ощущался изломанным в ее руках. У него появились шрамы, которые она не узнавала, его пальцы иногда дрожали, когда он притягивал ее ближе и проводил руками по ее коже.

Она прижималась к нему всем телом, наслаждаясь его теплом, в то время как его рука скользила вверх по изгибу ее позвоночника. Он покусывал ее плечо до тех пор, пока Гермиона не издала низкий стон и ее тело не содрогнулось. Она поцеловала его в шею и вдоль ключиц, запоминая, как он реагирует, как напрягается, затаив дыхание, как его пальцы путаются в ее волосах и властно скользят по ее горлу.

Моя. Она чувствовала это в его прикосновениях, но он не произносил этого.

Моя.

Его глаза не были похожи на волчьи. Это были глаза дракона, смертоносные и собственнические. Он смотрел на нее так, словно она была единственным, что имело значение в этом мире. Этот взгляд заставлял ее кровь вскипать.

Ее бедра обхватили его, когда Гермиона села на него верхом и пошевелилась. Она встретила с ним взглядом. Ее сердце бешено стучало в груди, пульс нарастал, и она знала, что он это чувствует.

Гермиона притянула его руки к своим бедрам и медленно опустилась. Его глаза потемнели, а челюсть напряглась, когда он издал низкое шипение сквозь зубы. Драко не торопил ее, когда она захотела остановиться и привыкнуть, затем снова двинув бедрами навстречу.

Это было... знакомо, как в хорошем, так и в плохом смысле.

Находясь у стола, она старалась не обращать внимания... не обращать внимания на то, как он ощущается внутри, на его прикосновения или присутствие. Гермиона ограждалась от своих мыслей, сосредотачиваясь на кусочке стола, упирающемся в ее бедра, на часах, на текстуре дерева под кончиками пальцев. На стихах. На зельеварении. На чем-нибудь еще.

Задача всегда была в том, чтобы чувствовать его как можно меньше.

Теперь она хотела испытать полностью весь спектр ощущений. Они были связаны. Он был в ней, под ней, вокруг неё. Его руки направляли ее бедра, когда она двигалась вместе с ним.

Это было прекрасно. Гермиона была уверена, что чувствовала себя так же, когда они занимались сексом в прошлом.

Жар его прикосновений обжигал ее кожу. Все ощущалось не слишком быстро для нее. Он двигался медленно, именно так, как ей и хотелось.

Раньше все было неторопливо. Она помнила это. Медленно и интимно. Шепот в ее кожу. Жгучее благоговение от его прикосновений, когда он занимался с ней любовью.

Вот, что это было. Занятия любовью.

То, что всегда у них было.

Ее глаза блеснули огнем, и Гермиона опустила голову, когда ее плечи затряслись.

— Я люблю тебя, — она сжала его руку так сильно, что ей стало больно. — И я хочу всю жизнь показывать тебе свою любовь.

Примечание к части

Арты к главе:

Автор bookloverdream «Гермиона, я устал» <https://bookloverdream-blessedindeed.tumblr.com/post/185796051944/chp-68-hermione-im-tired-she-looked-up-at>

«Портрет» <https://bookloverdream-blessedindeed.tumblr.com/post/185783166184/she-started-across-the-room-towards-the-corner>

Июнь 2005.

Северус возвращается. Северус возвращается.

Момент его прибытия станет поворотным в их жизни. Грудь Гермионы сдавило свинцом от этой мысли. Она чувствовала ком в горле каждый раз, когда пыталась сделать вдох.

Чувства ужаса и отчаяния давили на нее со всех сторон. Словно она стояла посреди воды и та уже почти достигла ее лица, поднимаясь с каждой минутой, а девушка могла лишь ждать, когда приливная волна накроет ее с головой.

Гермиона мечтала о возможности вернуть свою окклюменцию.

Теперь, когда она знала о том, что обладала этой способностью, ее потеря ощущалась особенно остро. Питки и искалеченные тела, смерти близких — все эти образы бесконечно крутились в ее голове. Но так было не всегда. Раньше Гермиона могла создавать вакуум в своем разуме, который давал ей передышку от этой психической агонии. Теперь же у нее не было возможности защититься.

Скоро Драко станет еще одним человеком, который погибнет потому, что она не сможет его спасти.

Гермиона понимала, что никакая окклюменционная защита не сможет заглушить эту боль.

Обладая она хоть толикой ментального барьера, девушка смогла бы сказать Драко все, что считала важным, и расспросить его о беспокоящих темах. Но вместо этого каждый раз, когда она пыталась поднять эту тему, ее голос начинал срываться и дрожать, плечи тряслись, а слезы приводили к тому, что у нее снова начиналась гипервентиляция.

Драко терпеливо ждал, когда девушка успокоится, а затем обнимал ее за плечи, пока она пыталась восстановить дыхание.

Потом Гермиона раздраженно вырывалась из его рук.

Ей хотелось накричать на него. *Прекрати так вести себя. Прекрати быть таким спокойным. Твоё смирение убивает меня. Хватит вести себя так, будто все в порядке. Ничего не в порядке. И уже не будет таковым. Не сдавайся.*

Было так легко разозлиться на Драко... потому что она, по крайней мере, пыталась бороться. А он лишь позволял ей.

В конце концов, в один из дней Гермиона сорвалась на него. Ссора закончилась очередной панической атакой. *План Драко был глупым и эгоистичным. Он несправедливо умрет, а она останется жить дальше, пытаясь не сойти с ума. Если бы он позволил ей помочь ему вызволить Джинни, ничего из этого не случилось. Они должны были действовать сообща. Если бы он не был так одержим тотальным контролем и не пытался все сделать в одиночку... все могло бы сложиться по-другому.*

Драко стоял молча, позволяя ей кричать ему в лицо все, что у неё накопилось. Когда она начала задыхаться и опускаться на пол, прижимая руки к своему животу в защитном жесте, он сел рядом, привлек ее к себе и успокаивающе гладил по спине, пока Гермиона продолжала рыдать и пытаться сбросить его руки.

— Не поступай так со мной, Драко. Не делай этого. Не... не...

Позже его вызвали, и, оставшись одна, Гермиона поняла, что он вел себя таким образом намеренно.

Драко мог читать ее мысли. Он знал, как отвлечь ее внимание. До того, как на нее напал Монтегю, Драко провоцировал ее и делал все, чтобы она возненавидела его. Сейчас он поступал точно так же. Он дал ей цель и стал мишенью для ее гнева; это был удобный способ управления ее стрессом. Пока она злилась на Драко, ее психика меньше подвергалась собственному негативному воздействию. Гнев на время подавлял чувство вины.

Так ей будет проще уехать.

Она не хотела, чтобы ею манипулировали.

После этого случая Гермиона решила сдерживать свой гнев. Она не хотела тратить время, что у них осталось, на злость.

Но когда девушка оставалась одна, ей хотелось кричать и ломать все, что попадалось под руку. Наручники не позволяли ей делать ничего опасного. Гермиона могла только плакать. Она кипела от ярости, чувства вины и опустошения, и у всех этих эмоций не было выхода наружу. Гермионе казалось, что они разрушают ее тело, отравляя кровь в венах.

Она с остервенением пролистывала книги, которыми была завалена большая часть пола в ее спальне. Возможно, если Гермиона прочтает их в очередной раз, ей в голову придет какая-нибудь идея. Быть может, она проглядела в них важную информацию.

Когда Драко приходил к ней в комнату, девушка старалась не думать о том, что скоро ей придется уехать.

У него образовалось непривычно много свободного времени в связи с приближающейся годовщиной Битвы за Хогвартс. Люциус занимался охотой на оставшегося члена Ордена. Показательные казни были отложены до той поры, пока не закончатся празднования.

Драко проводил большую часть дня вместе с ней.

Ей хотелось раствориться в нем.

Они занимались любовью еще несколько раз. Все стало проще после той первой близости. Теперь Гермиона была уверена, что сможет справиться с происходящим и попросить Драко остановиться, если потребуется. Она так хотела физически выразить то, что не получалось произнести.

Гермиона прижимала его крепче к себе, мечтая никогда с ним не расставаться.

В один из таких дней Драко сжимал ее в объятиях и целовал ее тело. Он запутался пальцами в ее волосах, а потом скользнул ладонями по шее и плечам, словно пытался запомнить то, как она ощущалась в его руках. Он вошел в нее, и Гермиона смотрела ему в глаза, замечая, как его взгляд темнеет и расширяются зрачки.

Мой. Мой. Мой. Слово билось у нее в голове, словно сердцебиение.

Мой.

Быть с ним вместе...

Она накрыла его губы своими в отчаянном поцелуе. Обвив руками плечи Драко, девушка запустила пальцы в его волосы. Гермиона впитывала ощущение близости с ним, то, как быстро стучало его сердце.

В радости и горести...

В болезни и здравии...

Она очертила пальцами его руны, чувствуя заключенную в них темную магию. Гермиона целовала каждый его шрам, пока Драко целовал ее. Их пальцы были переплетены, и они шептали друг другу признания, касаясь кончиками носов.

Все происходило медленно. У них почти не осталось времени, и они не хотели торопиться и тратить его впустую.

Позже Гермиона лежала в объятиях Драко, прижимаясь спиной к его груди.

Счастье. Вот как оно ощущается.

Гермиона взяла его ладонь и прижала к округлившемуся животу.

— Малышка, — сказала девушка. — Она... — Ее горло сжалось. — Скоро я начну чувствовать, как она толкается, уже со следующего месяца. В книгах сказано, что поначалу эти движения будут едва ощутимыми.

Пальцы Драко дрогнули в ее ладони, и он поцеловал ее в плечо.

Гермиона опустила взгляд на их руки, лежащие поверх ее живота.

— Это называется шевелениями плода... Ощущение того, как толкается ребенок.

После обеда они с Драко гуляли возле той части лабиринта, что росла со стороны Южного крыла поместья. Когда они обогнули одну из теплиц, Гермиона резко остановилась, увидев конюшню.

Замерев у дверей постройки, она заглянула внутрь. В зарешеченных стойлах находились крылатые скакуны: абраксанской, гранианской и эфонской пород. Лошади разглядывали своих гостей сквозь металлические прутья. Гермиона шагнула ближе к ним, и животные забили копытами, издавая громкое ржание.

Она протянула руку, и гранианец, делая взмах дымчатыми крыльями, просунул морду сквозь толстые прутья стойла и ткнулся носом в ладонь девушки.

— Я не знала, что ты держишь лошадей, — сказала она, почесывая гранианца за ухом. — Мне казалось, что я успела исследовать большую часть прилегающих к поместью территорий. Не понимаю, как я могла не заметить конюшню.

Драко был подозрительно молчалив. Гермиона повернулась, чтобы взглянуть на него. Он смотрел на нее с нечитаемым выражением лица.

Слегка склонив голову, он замялся на несколько секунд.

— Ты знала о лошадях. — Драко опустил взгляд. — Зимой ты каждый день приходила в конюшни, но потом перестала. Тебя не было здесь с конца февраля.

Поглаживающие шею коня пальцы дрогнули. Тот чуть не свалил Гермиону на землю, просовывая морду между прутьев и обыскивая ее мантию в поисках еды.

Отвернувшись от Драко, она в задумчивости погладила коня по хохолку гривы, пытаясь переварить то, что только что узнала.

Гермиона приоткрыла рот, но не смогла произнести ни звука. Сглотнув, она нервно прочистила горло.

— О, — произнесла девушка негромко спустя несколько мгновений, продолжая гладить гриву. В носу и глазах Гермионы покалывало от пыли и тошнотворно сладкого запаха сена.

Спустя минуту она кивнула и сказала:

— В этом есть смысл.

Снова кивнув, Гермиона прокашлялась.

— Мне казалось, что некоторые воспоминания исчезли из моей памяти... Думаю, это произошло во время первого приступа. — Она продолжала говорить, стоя спиной к Драко. — Работа нашей памяти устроена... у неё очень интересный механизм. Вероятно, существуют ещё какие-то моменты, которые я забыла и о которых даже не догадываюсь. Наверное... — Ей было тяжело придумать, что можно сказать в такой ситуации. — Наверное, довольно странно наблюдать такое со стороны.

— Не думаю, что дело было в приступе, — слышался голос Драко сзади. — Похоже на то, что это мог сделать Темный Лорд. Существует подобная техника легилименции. Она лишает жертву части воспоминаний, он рассказывал об этом. Легилимент находит небольшие, но важные воспоминания и удаляет их из сознания человека. Темный Лорд... наслаждается страданием, которые испытывают жертвы, теряя свои воспоминания.

Повисла короткая пауза.

— Тебе нравилось приходить сюда, значит, воспоминания об этом месте делали тебя счастливой. Поэтому он лишил тебя их.

Драко призвал несколько яблок из корзины, стоящей неподалеку, и, отрезав кусок от одного из них, протянул Гермione. Поднеся вытянутую ладонь к прутьям стойла, она почувствовала, как нос лошади защекотал кожу, когда та принялась обнюхивать яблоко, прежде чем съесть.

— Что-нибудь еще? — спросила она. — Моменты, которые я забыла?

— Было еще воспоминание о твоём отце. Он говорил тебе, что, если ты сложишь тысячу бумажных журавлей, твоё желание исполнится. Это все, о чём знаю я.

Гермиона стояла, замерев, чувствуя холод, разливающийся по телу, пока она пыталась осознать новую информацию.

— Мне всегда было интересно... зачем я продолжаю делать это.

Ещё несколько лошадей просунули свои головы сквозь прутья стойл и принялись мотать мордами, пока Гермione переходила от одной к другой, поглаживала их носы и успокаивала, скармливая дольки яблок.

Она чувствовала на себе взгляд Драко, и это заставляло узел беспокойства в её животе затягиваться. Ей нужно было узнать, зачем он привел её сюда.

— Так... для чего мне нужно было знать о лошадях? — спросила она, почесывая за ухом абраксанца, чья голова по размеру не уступала слоновьей.

Прежде чем ответить, Драко протянул ей очередную яблочную дольку.

— При достаточном количестве отслеживающих чар можно обнаружить след, оставленный аппарацией и портключом. Также аппарация, как и полет на метле, не позволяют перемещаться достаточно быстро и на значительные расстояния. Гранианцы летают быстрее, чем любые другие магические существа. До Дании ты полетишь верхом на лошади. Там находится охраняемый дом, в котором тебя будет ждать портключ — он перенесет тебя к Джинни.

Гермиона снова кивнула, в последний раз провела рукой по гриве коня, и, отступив, прошла мимо Драко к выходу, не произнося ни слова. Конечно же, это был очередной шаг в его плане её безопасного отъезда. Казалось, все, что бы Драко ни делал, являлось лишь частью его прощания с ней.

Они возвращались обратно в дом, когда в какой-то момент Драко резко остановился и замер, и на его лице отразилась смесь ярости и неверия. Гермione нервно следила за неожиданной сменой его настроения.

Люциус...

— Астория только что аппарировала в холл поместья, — сказал Драко.

По телу Гермione пробежал холодок. По сравнению с Люциусом, Астория казалась лишь небольшой помехой. Но они оба под одной крышей... невозможно было представить худшего сценария.

Драко ухмыльнулся и посмотрел на небо:

— Почему если что-то идет не по плану, то на все сто процентов?

Он простоял так несколько секунд, его взгляд казался отрешенным. Затем его лицо приобрело жесткое выражение, и он зло усмехнулся.

— Еще один человек, с которым придётся разобраться.

Левая рука Драко дернулась в сторону кобуры для палочки, пока он сам поспешил ко входу в поместье. Гравий громко хрустел под его ботинками.

Гермиона следовала за ним, раздумывая над всем происходящим, когда на нее опустилось тревожное осознание, что Драко, скорее всего, планировал убить Люциуса с тех пор, как стало известно, что тот возвращается в Англию. Теперь к списку его будущих жертв добавилась и Астория.

В случае с Асторией это не стало большой неожиданностью. Но все эти годы Драко защищал своего отца, Гермиона была уверена в этом. Если бы Драко действительно хотел избавиться от него, то ему было бы гораздо проще организовать убийство Люциуса, чем постоянно мириться с его непредсказуемым поведением.

Драко на секунду остановился возле розария и нахмурил лоб.

— Она направляется на веранду, чтобы встретить нас.

Он покрутил шеей до хруста в позвонках и выпрямил спину. Его лицо приняло выражение злого равнодушия. Неспешной походкой Драко завернул за угол поместья. Гермиона следовала на некотором расстоянии от него, изображая покорность. Астория уже ждала их на веранде, уперев руки в бока.

Уголок ее губ приподнялся, пока она смотрела, как они с Драко приближаются. Она дернула худым плечом:

— И как я догадалась, что встречу вас двоих вместе?

— Полагаю, ты просто спросила об этом у домового эльфа, — ответил Драко, поднявшись по ступенькам и окинув жену холодным взглядом. — Думал, ты проводишь лето во Франции, Астория. Или тебя выгнали оттуда?

Губы девушки скривились, обнажая зубы и делая ее выражение лица похожим на оскал. Вздернув подбородок, она ответила:

— Я вернулась, чтобы присутствовать на годовщине победы. Ты будешь там почетным гостем. Ты хотя бы представляешь, что скажут люди, если с тобой рядом не окажется твоей жены?

Драко скептически приподнял брови, и Астория бросила взгляд на Гермиону.

— Что? Собирался взять с собой ее? Посадить ее к себе на колени и прилюдно ласкать, как делает Амикус со своей служанкой? — Астория закатила глаза. — Не думаю. Это совсем не в твоем стиле. Притащив ее с собой, ты не смог бы держать ее под сотней защитных заклинаний.

Астория тряхнула головой.

— В любом случае мне не нужно твоё дозволение, чтобы вернуться в собственный дом. Я здесь, чтобы выйти в свет с моим любимым мужем. О нас уже ходят слухи.

Ее лицо приняло измученный вид, а губы сжались. Астория бросила обиженный взгляд на Драко.

— Не думаю, что ты обращал внимание, но о тебе много говорят. — Ее голос стал приторно сладким: — Единственное, чем я занималась во Франции на подобных мероприятиях, — это отвечала на вопросы о тебе. Всем хотелось знать, когда ты наконец приедешь, чтобы навестить меня. — Она резко рассмеялась, и ее смех был похож на звук разбившегося стекла. — Эдриан пошутил, что ты остаешься в Англии, потому что в тебе начали просыпаться отцовские чувства, и все засмеялись, потому что каждый знает, что единственное, в чем ты заинтересован, — это убийства.

Уголок губ Драко приподнялся в легкой ухмылке:

— Что ж... большую часть празднования я буду занят. Так что тебе придется провести этот день в обществе моего отца. Не думаю, что у вас была возможность познакомиться лично.

На лице Астории мелькнула неуверенность.

— Правда? Люциус? Он вернулся в Англию?

Вдруг ее лицо изменилось, и она послала неприязненный взгляд Гермионе.

— Он здесь из-за нее?

Драко проследил за взглядом жены, его глаза приняли жесткое выражение.

— Едва ли. Темный Лорд вызвал его, чтобы передать часть моих обязанностей, потому что мой нынешний статус и связанные с ним сложности отнимают слишком много времени.

Его губы изогнулись в издевательской усмешке:

— Мой отец может быть довольно эксцентричным, но полагаю, что вы разделяете одни и те же взгляды на определенные вещи. Возможно, ты ему даже понравишься. — Он пожал плечами и холодно осмотрел Асторию, прежде чем махнуть рукой, показывая Гермионе подойти ближе. — Не лезь в мои дела, Астория, если, конечно, ты в силах это сделать.

Он двинулся ко входу, и Гермиона последовала за ним, стараясь не смотреть на Асторию.

Когда она проходила мимо, Астория негромко сказала:

— Он собирается убить тебя.

Гермиона на секунду застыла, и Астория продолжила:

— Ты не знала? Как только ты родишь этого ребенка... тебе конец. Темному

Лорду нужен твой труп. Надеюсь, он сделает с ним что-нибудь мерзкое.

— Астория, разве я не предупреждал тебя насчет разговоров с Грязнокровкой? — протянул Драко угрожающе, стоя у входа в поместье.

Девушка побледнела и отступила назад.

— Грязнокровка. — Его голос был острым, как кинжал. — Шевелись, пока мне не пришлось тащить тебя.

Гермиона подошла к Драко, чувствуя на себе взгляд Астории.

Когда они зашли в ее комнату, девушка сделала глубокий вдох и повернулась к Драко, крепко обхватив себя руками за плечи.

— Расскажи мне весь план. Мне нужно знать... мне нужно, чтобы ты рассказал мне абсолютно все.

Драко плотно закрыл дверь и повернулся к ней. Девушка видела, как он обдумывал ее слова, неотрывно глядя на нее. Мгновение спустя он отвел взгляд и поправил манжеты на рукавах.

— Если Северус прибудет вовремя, ты уедешь до начала празднования. Если я не появлюсь на мероприятии, это сильно ударит по репутации Темного Лорда. Все празднование задумано как возможность показать его силу. Ему будет сложно найти оправдания моему отсутствию. — Драко пренебрежительно махнул рукой. — Но... это все не самое важное. Как только с тебя снимут наручники, вы с Северусом сразу же отправитесь в Данию. Он знает, где находится убежище. Когда ты перенесешься с помощью портключа, Северус вернется обратно в Англию. Если все пойдет по плану, его отсутствие останется незамеченным и он пробудет с тобой столько, сколько потребуется.

Гермиона вздрогнула.

— А что насчет тебя? — Казалось, что она была раздавлена навалившимся на нее чувством безысходности. — После того, как я уеду... Что случится с тобой?

Губы Драко изогнулись в тонкую улыбку.

— Я прослежу, чтобы никто не обратил внимание на отсутствие Северуса. Я сделаю вид, что попытался сбежать с тобой и подстрою все так, что им удастся поймать другого Пожирателя Смерти. Они подумают, что он был соучастником. — Драко вздохнул. — Предполагалось, что эта роль достанется Монтегю, учитывая, что все знали о его увлечении тобой. Но теперь мои планы немного изменились. — Он пожал плечами. — Это не такая уж важная деталь в любом случае.

— Что будет с тобой, Драко?

Он посмотрел на нее. Его взгляд стал серьезным.

— Меня не поймают, если ты об этом переживаешь. В моей голове слишком много важной информации, чтобы рисковать попасть под допрос.

Он опустил взгляд, словно его внезапно заинтересовали начищенные носы его ботинок.

— Не волнуйся. Все закончится быстро. — Драко взглянул на нее с легкой улыбкой. — Мне довольно хорошо удаётся лишать жизни быстро.

Губы Гермионы задрожали, и она отвернулась и подошла к окну.

Ей казалось, что она выплакала все слезы, когда находилась в заточении в темницах Хогвартса, но последнее время ей все время приходилось сдерживаться, чтобы не заплакать.

Гермиона почувствовала, как Драко подошел ближе и его мантия задела края ее накидки.

Она прижала руку к стеклу и с отчаянием взглянула на двор поместья.

Это место было клеткой. Высокое небо и окружавшие имение со всех сторон холмы давали только иллюзию свободы. Все то время, что она знала Драко и была заложницей в его доме, он на самом деле оставался скован обстоятельствами сильнее, чем она.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, Драко.

Обняв ее за талию, он положил ладонь на ее живот. Гермиона сжала губы, но ее подбородок все равно продолжал дрожать.

— Драко... — ее губы не слушались, а щеки и скулы сводило. Грудь Гермионы сжималась от отчаяния. Прислонив лоб к холодному стеклу, она выдавила: — Не... Я не хочу, чтобы ты умирал...

— Я знаю.

Он обхватил ее другой рукой за плечи, и Гермиона прижалась щекой к тыльной стороне его ладони.

Девушка сжала его руку, лежавшую на ее животе, и они простояли какое-то время в тишине. Затем Драко выпрямился и сказал:

— Мне нужно идти. Астория теперь тоже здесь... Нам не стоит лишний раз рисковать.

Гермиона опустила глаза в пол и кивнула. У нее перехватило горло от чувства вины. У них оставалось меньше месяца, и она потратила его на исследования. Теперь же... время, которое они могли провести вместе, практически закончилось.

Драко убрал руки, и она почувствовала, как он исчез.

Той ночью он снова пришёл к ней. Когда в поместье погас свет, он появился в ее комнате.

— Что ж, мой отец и Астория официально познакомились. — Драко скривил челюсть, снимая верхнюю мантию. — Она понравилась ему даже меньше, чем я

ожидал. Конечно, было бы намного хуже, если бы они сдружились, но перепалка за ужином стала утомительной уже через несколько минут.

Уголок его рта на мгновение приподнялся, прежде чем выражение лица снова закрылось.

— Ты можешь находиться здесь? — спросила она через мгновение.

Он кивнул.

— Я узнаю, если они придут ко мне. Скорее всего, отец захочет позвать меня выпить. Сомневаюсь, что Астория пожелает разделить со мной постель.

Он присел на край матраса.

Гермиона слегка дернулась и взглянула на свои руки. Возвращение Астории в поместье придавало особое значение тому, что Драко находился в постели Гермионы.

Он был женат. У него была жена.

И все же он здесь, в постели Гермионы, потому что она являлась... его любовницей.

Или секс-рабыней. Таковы были ее изначальные функции — суррогатная мать и секс-рабыня.

Она подняла глаза и, увидев, что Драко изучает ее, заставила себя улыбнуться.

— Нет, не думаю, что она пожелает.

Они спали лицом к лицу. Он почти прижимал ее к своей груди, и Гермиона чувствовала его сердцебиение под своей щекой.

Драко проснулся посреди ночи и сел на кровати.

— Мой отец бродит по поместью, — вот и все, что он сказал, прежде чем беззвучно аппарировать.

Он появился только после обеда, чтобы сопровождать ее на прогулке. Драко был явно напряжен и не предпринимал никаких попыток заговорить, пока они прогуливались по саду. Когда они шли среди цветущих роз, в животе Гермионы поселилось тревожное чувство страха. Драко продолжал внимательно осматривать окрестности и поместье, как будто ожидал, что в любой момент там может раздаться взрыв.

— Драко! — резкий голос Астории прорезал воздух.

Уголок рта Драко дернулся, когда он повернулся, чтобы встретить приближающуюся жену.

Астория была бледна, а ее щеки покраснели. Она вихрем пронеслась через садовые клумбы. Девушка была облачена в элегантную бледно-зеленую мантию с алой отделкой. Подойдя ближе, Гермиона заметила, что подол и туфли также

алели.

— Драко... Драко... это... недопустимо! — Астория, казалось, была на грани слез и почти не находила слов. — Невыносимо. Непристойно. Я даже не знаю...

Когда она оказалась в нескольких футах от них, Гермиона поняла, что одежда Астории была не украшена алым, а испачкана.

Словно та вошла в лужу крови.

— В чем дело, Астория? — протянул Драко.

Девушка несколько секунд молчала, стоя перед ним. Она бросила красноречивый взгляд на свою мантию, а затем снова на него.

— Твой отец должен уехать. Он не может больше здесь оставаться. — Она поперхнулась. — Он.. он...

Астория указала на себя.

— Весь вестибюль залит кровью. С люстр свисают какие-то... кажется, это кишки. Они повсюду: на портретах, на орхидеях, которые я привезла из Франции, и на моих новых нарядах! Гостиная безнадежно испорчена. Миссис Тикнесс должна была прийти на чай со своими дочерьми и другими дамами... теперь мне придется отменить мероприятие, потому что большая часть дома залита кровью, а Боббин говорит, что ворота в особняк завалены трупами. Заставь его уйти.

Гермиона почти не бывала в других частях поместья с момента прибытия Люциуса. Она и понятия не имела, правду ли говорит Астория или преувеличивает.

Гермиона была уверена, что Драко добавил ещё несколько защитных чар в ее комнату с тех пор, как Люциус впервые пытал кентавра. Она больше не слышала никаких звуков за дверями и окнами. Иногда во время их с Драко прогулок она замечала на улице кровавые следы, но, оказываясь в стенах своей спальни, девушка почти не обращала внимания на окружающий мир.

Драко вздохнул и поправил мантию.

— Астория, согласно традиции мой отец имеет право жить в поместье. У него имеется своё личное крыло.

Астория всплеснула руками.

— Он не использует свое крыло! Он пользуется главными воротами и парадным входом. Весь гравий в крови. Сегодня утром я приказала эльфам заменить его, и вот он снова испачкан. Поместье превратилось в скотобойню.

Драко кивнул с бесстрастным выражением лица.

— Я в курсе. Как видишь, существовали причины, по которым я просил тебя не возвращаться на празднование годовщины. И если ты до сих пор настаиваешь на своём присутствии, то можешь занять любой другой фамильный дом в Британии в течение пары дней.

Астория смотрела на Драко широко раскрытыми от недоверия глазами.

— Ты знаешь, сколько людей начнут распускать слухи, если я стану принимать гостей где-нибудь помимо поместья Малфоев?

Драко приподнял бровь и холодно встретил ее взгляд.

— Я не просил тебя возвращаться, Астория. Отец в Англии по приказу Темного Лорда. Ты здесь по своей прихоти. Ты ожидаешь, что я буду считаться с твоими предпочтениями?

Астория открыла было рот, но не успела заговорить...

— Что я вижу? Вся моя чудесная семья в сборе. Как прекрасно. — Люциус, казалось, материализовался из ниоткуда.

Астория прижалась к Драко, который отодвинулся от нее, чтобы оказаться между взглядом отца и Гермионой. Движение было легким, как будто он просто повернулся, чтобы увидеть Люциуса, но Гермиона оказалась почти скрыта после того, как он сменил свою позу.

— Отец, Астория встревожена состоянием гостиней.

— В самом деле? — Люциус промурлыкал эту фразу, словно разговаривал с маленьким ребенком. — Я решил, что стало значительно лучше по сравнению с тем безвкусным минимализмом, к которому она так равнодушна.

Гермиона заметила, как Астория, стоящая справа от Драко, ещё сильнее побледнела. Ее руки, защищаясь, потянулись к животу, а затем замерли, когда она сжала их в кулаки.

— Я хочу, чтобы вы ушли, — резко сказала она. Ее серьги дрожали, но девушка вздернула подбородок. — Вы должны убраться из поместья как можно скорее.

Люциус приподнял бровь и посмотрел на нее сверху вниз.

— В самом деле? Ты намерена изгнать меня из моего собственного поместья?

— Это не ваше поместье, а Драко. И мое. Я его хозяйка, а вы гость, который злоупотребил гостеприимством.

— Ты хозяйка этого поместья? — тихо промурлыкал Люциус. — Моя жена была леди поместья Малфоев. Не уверен, что родовая магия выдержит такую неадекватную замену.

Астория вспыхнула, впадины ее щек окрасились алым, а зубы гневно сверкнули.

— Неважно, что вы думаете. Темный Лорд выбрал меня. Драко женился на мне. Я — леди поместья. Не вам это решать. Я сделала все, о чем меня просили. Я жила одна в этом ужасном доме, исполняла все, что от меня ожидали, все, и никогда не жаловалась... даже когда меня принимали как должное, а потом бросали и игнорировали. — Астория, казалось, была готова расплакаться. — Я все равно исполняла свою роль без единого упрёка и жалобы.

— Тебе ведь так нравится это повторять, не так ли? — Люциус усмехнулся, глядя на Асторию. — Возможно, мы и уделили бы тебе больше внимания, если бы ты вела себя потише. Я не слышал ни звука от Грязнокровки с тех пор, как приехал.

Рука Драко едва заметно дернулась в сторону Гермионы.

— Убирайтесь из этого поместья! — Астория чуть не вскрикнула. — Вон отсюда! Вон! Вон...

Тонкая, как бритва, алая линия внезапно расцвела на бледной коже шеи Астории.

Гермиона смотрела, широко раскрыв глаза от ужаса. Из горла Астории вырвался какой-то булькающий звук, когда ее голова свалилась с плеч, а тело опустилось на землю.

Люциус уставился на свежий труп у своих ног, и его брови одобрительно изогнулись.

— Теперь она гораздо спокойнее, — сказал он, наклоняясь к голове Астории, лежащей на белом гравии. Выражение ее лица стало пустым.

Люциус погрозил ей пальцем.

— Оставайся здесь, милая, и, возможно, со временем мое мнение о тебе улучшится.

Гермиона в шоке посмотрела на Драко.

Люциус выпрямился, вздохнул и откинул голову на солнце.

— В поместье становится все лучше. Мой отец говорил, что ничто так хорошо не удобряет розы, как свежая кровь.

— Ты убил мою жену, отец, — сказал Драко. Гермиона не видела его лица, но в его голосе звучало недоверие.

— Я в курсе, — фыркнул Люциус и искоса взглянул на Драко. — Не пытайся убедить меня, что будешь по ней скучать. Она была безвкусна и слишком шумна. Теперь ты сможешь жениться на женщине, способной произвести на свет наследника. Я рассказывал тебе о прелестной молодой ведьме, которую встретил в Болгарии прошлой зимой? Чистокровная. Ей всего шестнадцать, но она станет совершеннолетней, как только истечет твой обязательный траур. Тогда нам больше не придется пятнать наш род грязнокровками, которые шествуют по поместью, словно вереница шлюх.

Пальцы Драко дернулись, и его плечи напряглись.

— Ты же понимаешь, что мне потребуется разрешение на повторный брак.

— Конечно. И ты легко его получишь, если у тебя не будет жены и суррогатной матери под рукой. Через шесть месяцев, когда Темный Лорд получит желаемую информацию, а Грязнокровка умрет, все будет по-другому. Кто-то должен

заботиться о будущем нашего рода, учитывая, что ты отказываешься брать на себя эту ответственность.

Драко покачал головой и провел рукой по волосам.

— Вряд ли можно ожидать, что это сойдет тебе с рук. Темный Лорд требует своего личного одобрения на убийство любого члена Священных Двадцати Восьми.

Кровь Астории стекала по земле к ботинкам Драко. Он взмахнул палочкой и убрал ее.

Люциус лениво вертел в пальцах палочку.

— Сомневаюсь, что Темный Лорд будет оплакивать потерю бесплодной ведьмы, независимо от ее родословной. Твоя и моя ценность по-прежнему значительно выше, чем ее. Как только он услышит о том, как она болтала без умолку, я думаю, что буду прощен.

Люциус легко опустился на колени и поднял голову Астории с земли, прежде чем схватить ее тело за руку.

— Не беспокойся. Я заверю Темного Лорда, что ты глубоко огорчен моей импульсивностью. Конечно, можешь надеяться на обратное, но я бы посоветовал ожидать моего возвращения в течение часа. И, если ты все еще мой послушный сын, будь так любезен, приготовь для меня болеутоляющее зелье.

Не говоря больше ни слова, Люциус аппарировал прочь, забрав с собой тело и голову Астории.

Драко несколько секунд смотрел на окровавленный гравий, а потом повернулся к Гермионе. Выражение его лица было скрыто.

Гермиона мгновение смотрела ему в глаза. Ее грудь начала болеть. Она глубоко вздохнула, прежде чем заговорить.

— Ты все спланировал.

Какое-то мгновение он не реагировал, потом уголок его рта приподнялся:

— Умница.

Гермиона не улыбнулась в ответ.

Через мгновение его глаза вспыхнули, выражение лица стало жестче, когда он отвел взгляд.

— А чего ты ожидала, Грейнджер? Ты не можешь быть удивлена. — Он усмехнулся, и его ноздри раздулись. — Она напала на тебя. Она пыталась выколоть тебе глаза.

У нее заныло горло, и Гермиона вздрогнула, вспомнив, как палочка Астории вонзилась ей в глазное яблоко и свой ужас, когда она думала, что ослепнет.

— Я не забыла.

Драко коротко рассмеялся.

— Я бы убил ее раньше, но наличие в поместье хорошенькой жены отводит подозрения. Жизнь здесь наедине с тобой в течение стольких месяцев привлекла бы внимание. Это была единственная причина, по которой я оставил ее в живых.

— Я ненавижу, когда ты убиваешь людей из-за меня, — ответила Гермиона, резко поворачиваясь на гравии так, что камешки полетели у нее из-под ног. Она уставилась на окровавленную землю, сжав губы. — Ненавижу. И всегда ненавидела. Я вижу в тебе не только тягу к убийствам, но иногда мне кажется, что чувства ко мне пробуждают в тебе самое худшее. Ты бы никогда не зашел так далеко, если бы не я. Ты не стал бы таким сам. Я сделала это с тобой.

Несколько секунд Драко молчал, потом вздохнул.

— Ты права. Я бы не пошёл на такое при других обстоятельствах.

Гермиона прижала руку к груди. В голове образовалась пустота, а грудь болела, как будто ее ударили, как будто кости были раздроблены и осколки медленно резали ее до смерти.

— Я так много мечтала и строила планы для нас, — продолжила она хриплым голосом. — Когда беспокоилась о тебе, когда делала то, чего не хотела, когда война становилась особенно невыносимой и я думала, что наконец-то сломаюсь, я говорила себе: «Когда-нибудь ты убежишь с ним. Далеко-далеко. Ты не станешь просить многого, только ты и он, и этого окажется достаточно». Вот что я обычно говорила себе. Я так хотела посмотреть, каким ты будешь вдали от войны. Я думала... думала, возможно, мы узнаем это вместе. Кем мы могли бы стать без войны.

Она горько улыбнулась.

— Наверное, в конце концов я такая же, как Гарри и Рон. Я все жду, что Вселенная вот-вот вернет мне долг. Я думала, мы заслужили друг друга. Я думала, что мы оба достаточно пострадали, чтобы получить друг друга.

Драко молчал.

Она отвела взгляд в сторону поместья.

— Я хочу вернуться в свою комнату. У меня почти не осталось времени, я не хочу провести его в этом розарии по щиколотку в крови твоей жены.

Гермиона направилась к дому, но замерла, и ее горло сжалось, когда она осознала, что Драко пропал из ее поля зрения. Девушка резко развернулась и смотрела на него несколько мгновений, пока ее грудь вздымалась.

Она чувствовала себя опустошенной. Она отдала всю себя, и теперь от нее осталась только оболочка.

— Как мне справляться со всем без тебя? — ее голос дрожал. Гермиона подняла руки, а затем безвольно опустила их по бокам. — Я даже не в состоянии выйти на

улицу одна. Какой вообще смысл заставлять меня бежать? У меня может случиться приступ, если тебя не окажется рядом.

Выражение лица Драко стало настороженным, но его глаза сверкнули, а линия рта напряглась.

— К тебе вернется окклюменция. Она должна помочь.

Гермиона пристально смотрела на него.

Он отвел взгляд.

— Я дам тебе с собой зелья Сна без сновидений, если понадобится. Северус знает о твоей агорафобии и все спланирует соответствующим образом. Вы оседлаете одну лошадь. Ты ведь доверяешь ему.

Гермиона резко и сердито выдохнула:

— Почему ты смирился со смертью? В самом начале, когда ты предлагал Ордену себя в качестве шпиона, то планировал умереть, считая, что это никого не волновало. Почему ты все еще такой? Теперь, — ее голос дрогнул, — когда все изменилось?

Драко вздохнул, столкнувшись с ней взглядом. Он сжал челюсти и отвел глаза, его губы дрогнули.

— У меня никого не было, Грейнджер. После смерти матери у меня не осталось никого. Вся моя жизнь разлетелась на куски, когда я вернулся домой после пятого курса. Все, что я делал после этого, было попыткой не потерять те крохи, которые у меня оставались. Как только она умерла... ничего из этого уже не имело значения. Я мог загладить свою вину только мстью. И это никогда никого не волновало...

Он посмотрел вниз.

— ...пока не появилась ты, — в его голосе почти звучала горечь. Драко встретился с ней взглядом и сделал к ней шаг по окровавленному гравию. — Я не строил планов на время после войны. Поттер никогда бы не победил, я всегда это знал. Влюбленность в тебя не изменила этого факта, только... только... — он резко выдохнул и отвел взгляд, его голос стал тише. — Только сделала понимание еще более болезненным.

Его горло сжалось, когда он сглотнул и посмотрел на нее, а губы изогнулись в задумчивой улыбке.

— Мне нравилось, как ты верила в будущее мира, даже когда не думала, что станешь его частью. Как ты настаивала, что мы каким-то образом бросим вызов неизбежному. Вы, гриффиндорцы, такие идеалисты... я никогда не понимал привлекательности этих взглядов, пока не появилась ты. — Драко протянул руку и поймал ее локон пальцами. — Твоя вера в то, что мы всегда будем рядом, твои разговоры о совместном побеге почти до самого конца. Я бы сделал все, чтобы осуществить это желание, но... — он коротко рассмеялся и покачал головой, убирая руку. — Я не знаю как. И не из-за недостатка усилий, Грейнджер. У меня кончились идеи.

Гермиона глубоко вздохнула. Летняя жара смешала железный запах крови с медово-сладким ароматом цветущих роз. От резкого порыва ветра у нее скрутило живот, и волна тошнотворного отчаяния поползла вверх по горлу. Она прижала тыльную сторону ладони к носу и отвернулась.

— Я хочу вернуться в дом, — сказала Гермиона, подавив рвотный позыв.

Драко взял ее за руку, и она позволила ему отвести себя обратно в поместье.

Вскоре после того, как они вошли в ее комнату, Волдеморту потребовалось присутствие Драко. Он призвал свою мантию Пожирателя Смерти и исчез, не сказав ни слова. Он не возвращался несколько часов.

Что-то было не так.

Гермиона позвала Топси, которая появилась и сообщила ей, что Люциус тоже не вернулся. Девушка расхаживала по комнате, рассматривая возможные варианты: Волдеморт был расстроен смертью Астории, Волдеморт использовал легилименцию на Люциусе и заметил что-то, что могло раскрыть Драко, что-то еще пошло не так. Гермиона была слишком рассеянна, чтобы догадаться.

Она задержалась у двери, но выходить не было смысла.

Она ничего не могла сделать. Она продолжила ждать.

Гермиона стояла у окна, когда ее затылок укололо чье-то присутствие. Она обернулась.

Драко появился посреди комнаты, стягивая маску.

У него было пустое выражение лица, словно он был шокирован и измучен.

Его волосы, кожа и глаза резко выделялись в темной комнате, делая его почти светящимся. Несколько секунд он молча смотрел на нее.

— Темный Лорд только что получил известие. Румыния разорвала с ним союз. Они свергли правительство и убили всех людей Темного Лорда, включая Северуса.

Драко отвернулся и покачал головой.

— Какой чертов смысл в легилименции, если ты не используешь ее, чтобы понять, когда тебя хотят убить? — Он горько усмехнулся. — Северус выжил, будучи шпионом во время двух Магических войн, только для того, чтобы умереть от рук вампиров-мятежников.

Гермиона чувствовала, как от Драко исходит холодная ярость.

Она сглотнула. Новость словно ударила набатом по голове. После нескольких дней, проведенных в страхе перед приездом Северуса, который она считала неизбежным, его внезапное отсутствие ощущалось как сейсмический сдвиг. Всех словно подбросило в воздух, и никто не понимал, как приземляться.

— Его смерть подтвердили? Он мог сбежать.

Драко посмотрел на нее и медленно кивнул.

— Подтвердили. Они отправили тела с посланием: «Кровь приспешников Темного Лорда будет питать революцию». Его труп иссушили. Я лично убедился, что это был он.

Драко резко вздохнул и начал стаскивать с себя мантию Пожирателя Смерти.

— Остальная часть Восточной Европы, как ожидается, последует примеру в течение нескольких дней. Это... — Драко фыркнул, — это то свержение, которое мы и планировали. Но мы надеялись, что они подождут до июля. Северус утверждал, что у него все под контролем, — Драко усмехнулся. — Чертов идиот.

Последние слова были наполовину рычанием.

Гермиона сглотнула, заставляя себя дышать. От поселившегося в животе тяжелого чувства ей захотелось согнуться пополам. У них не осталось шанса. Она, ребенок и Драко — теперь все умрут.

Северус был жизненно важной фигурой. Он был ее последней надеждой. Гермиона думала, что, возможно, мужчина поможет ей найти способ спасти Драко. Перед отправлением в Сассекс она сказала, что ей необходимо, чтобы Драко был жив. Северус должен был понимать, что она не уйдет, оставляя Драко планировать самоубийство. Гермиона мысленно репетировала речь, в которой бы умоляла его: «Как я и говорила, мне нужен Драко. Я сделаю все что угодно. Все что потребуется. Все что захочешь. Пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста. Если я потеряю его, то умру от разбитого сердца. Я сделаю все, что попросишь, если ты поможешь мне спасти его».

Она цеплялась за мысль, что у Северуса могли остаться идеи, которые они с Драко не рассматривали.

Без него Гермиона вдруг почувствовала, как угасает последний крохотный лучик надежды. Казалось, под ее ногами разверзлась черная дыра, поглотившая не только ее отчаянную надежду на выживание Драко, но и ее саму и их ребенка.

Драко выглядел так, словно был на грани нервного срыва. Он резко вдохнул сквозь зубы и провел рукой по волосам, прежде чем пнуть свою мантию через всю комнату.

Ее рука дернулась к нему. Девушке казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Гермиона протянула руку и легонько коснулась его плеча. Он смотрел на нее сверху вниз и выглядел измождённым.

— Все в порядке, Драко, — сказала она, встретившись с ним взглядом. Ее голос угрожающе дрогнул, но она выровняла его. — Все в порядке, — повторила Гермиона.

Больше ничего с собой не делай.

Ее грудь содрогнулась, и пальцы вцепились в его рукав.

— Ты сделал все что мог. Больше, чем кто-либо смог бы.

Я лучше умру в твоих объятиях.

Драко посмотрел на нее, потом его глаза сузились.

— Ты все равно уезжаешь.

Гермиона непонимающе уставилась на него.

Он протянул руку, и его пальцы коснулись ее щеки.

— Я все еще могу вытащить тебя. Северус был безопасным вариантом, но есть и другие. Я не хочу, чтобы ты обманывала себя, думая, что останешься.

Гермиона все еще сжимала его рукав. Он положил свою руку поверх ее.

— Все будет не так просто. Дольше, и, вероятно, сложнее для тебя. — Его лицо выражало беспокойство. — Особенно учитывая беременность. Джинни вернется в Британию и заберет тебя.

Прежде чем Гермиона успела отреагировать, он крикнул:

— Топси!

Топси мгновенно появилась в комнате.

— Топси, Северус мертв, — он сказал это как ни в чем не бывало. Ярость исчезла. Драко был холоден и полон решимости действовать.

Один из вариантов был исключен. Он перешел к следующему. Никаких колебаний. Никакой жалости. Лишь стремление к идеальному результату.

Северус был механизмом для получения того, чего он хотел.

— Грейнджер покинет Европу по маршруту, который мы с Кикимером нашли этой

весной. Вы с Кикимером отправитесь сегодня вечером в безопасное убежище Джинни. Когда ты прибудешь туда, то возьмешь на себя заботу о Джеймсе, а Кикимер вернется обратно вместе с Джинни. Все, что вам понадобится для путешествия, находится в убежище в Уайткрофте. Я дам знать Джинни о вашем приезде.

Топси посмотрела на Драко и упрямо сложила руки на груди.

— Если Топси уезжает, кто позаботится о мисс?

Драко на мгновение задумался.

— Боббин позаботится о ней, пока ты будешь с Джеймсом.

Топси покачала головой.

— Мисс даже не знает Боббин, она знает только Топси. Боббин знает детей, но ничего не знает о беременных ведьмах. Топси останется.

Драко испустил долгий страдальческий вздох, глядя на Топси, чей подбородок был лишь немного выше его колен.

— Боббин может позаботиться о Джеймсе в краткосрочной перспективе, но если побег пройдет не по плану, ты будешь заботиться о нем в обозримом будущем. Боббин на это не способна.

Топси открыла было рот, но Драко многозначительно поднял бровь и продолжил:

— Я знаю, что план не идеален, но Джинни доверяет тебе. Я не могу позволить ей сомневаться или медлить только потому, что я послал домового эльфа, которого она не знает.

— Но...

Выражение лица Драко стало ледяным.

— Топси, я позвал тебя не для того, чтобы посоветоваться. Ты будешь заботиться о Джеймсе. Это приказ. Если все получится, ты снова увидишь Грейнджер в течение месяца. А теперь иди.

Топси на мгновение замерла, глядя на Драко, потом моргнула, и ее огромные глаза наполнились слезами.

— А когда Топси снова увидит хозяина Драко?

Он взглянул на нее. Сглотнув, Драко сжал губы в ровную линию.

— Не нужно, Топси. План всегда был таковым.

Топси покачала головой и топнула крошечной ножкой.

— Вы не попрощались. Вы просто прогоняете Топси. — Огромная слеза скатилась по носу Топси и упала на пол. — Топси должна была остаться с вами до конца. Вы обещали.

Драко посмотрел на нее, его глаза на мгновение вспыхнули, а затем снова стали холодными. Его лицо ожесточилось.

— Все изменилось. Топси, выполняй приказ своего хозяина.

Топси не шевельнулась. Она продолжала смотреть на Драко, и еще несколько слез упало на пол.

— Топси, иди, — его голос был холодным и твердым, и Гермиона почувствовала магию в воздухе.

Глаза Топси расширились от ужаса, и она потянулась к нему.

— Нет! Пожалуйста. Хозяин Драко...

Она исчезла прежде, чем успела договорить.

Драко мгновение смотрел в пустое пространство, прежде чем отвернуться. Он вздохнул и вдруг стал выглядеть настолько обессиленным, что Гермионе показалось, будто он вот-вот упадет.

Она была в растерянности. Выражение отчаянного ужаса Топси словно отпечаталось в ее глазах.

— Ты должен был позволить ей попроситься, — наконец сказала Гермиона.

Драко тупо кивнул.

— Я не знаю, как это сделать. — Он вздохнул и покрутил челюстью. — Передай ей мои извинения, когда увидишь ее снова.

Казалось, он считает вопрос закрытым.

Гермиона почувствовала нарастающую истерическую ярость.

— Она помогала растить тебя. Если она думала, что будет с тобой до конца, ты должен был хотя бы дать ей шанс попроситься. Ты не можешь... ты не можешь просто использовать других как инструменты для твоих целей, а потом заставлять уходить, когда их эмоции доставляют тебе неудобство.

Драко пристально посмотрел на нее, в его серебристых глазах читалось раздражение.

— Вся моя жизнь состоит из эмоциональных неудобств. — Он выглядел потерянно. — Иногда... я просто не в состоянии с ними справиться.

Гермиона сжала губы, но те дрогнули.

— Ты и со мной поступишь так же, когда настанет моя очередь уходить?

Глаза Драко сверкнули.

— Нет. Хотя это было бы уместно. Насколько я помню, мы никогда особо не

прощались.

Она опустила глаза и нервно дернула рукой.

— Ты должен был позволить ей попроситься. Еще несколько минут ничего бы не изменили. Теперь она будет чувствовать...

— Я знаю, каково это — потерять кого-то, не попрощавшись, Грейнджер! — Костяшки его пальцев побелели, а челюсть сжалась, когда он прорычал эти слова.

Это было похоже на удар ногой в живот. Она почувствовала, что бледнеет.

Глаза Драко горели, когда он смотрел на нее со всей своей горькой яростью. Затем он моргнул, и эмоции исчезли за его окклюменционными стенами.

— Прости. Мне жаль. Просто... скажи ей, что я сожалею, — сказал Драко отрывистым голосом.

Гермиона с горечью сглотнула и кивнула. Она посмотрела на свои руки, пытаясь придумать, о чем бы еще поговорить.

— Я не знала, что ты общаешься с Джинни, — наконец сказала девушка.

Драко пожал плечами и, казалось, почувствовал облегчение от смены темы.

— Это сложно назвать общением. Я навещал ее время от времени, главным образом для того, чтобы убедиться, что она не пытается сбежать. — Он поднял бровь. — Она пыталась перерезать мне горло ножом для стейка, когда я сказал ей, что Ордена больше нет. — Он многозначительно посмотрел на Гермиону. — Было довольно трудно заставить ее поверить, что я держу ее взаперти в безопасном доме для ее защиты.

Гермиона отвела глаза. Она не думала о том, насколько опасной оказалась бы ситуация, если бы Драко сообщил Джинни, что война проиграна и вся ее семья погибла. Или о том, как ему вообще удалось убедить ее, что ему можно доверять.

— Как только Темный Лорд запретил мне покидать Британию без разрешения, мы в основном использовали свиток с протеевыми чарами для общения. Топси была с ней, помогала ухаживать за Джеймсом, пока тебя не определили ко мне. Джинни знала, что тебя наконец-то нашли и что план состоял в том, чтобы ты отправилась к ней. Время от времени я посылал ей новости о твоей потере памяти и о том, в каком ты состоянии, чтобы она понимала, чего ожидать. И... она знает, что ты забеременела.

Драко опустил глаза и поправил запонки на рубашке.

Гермиона с минуту изучала его.

— Что?

Драко оторвал взгляд от рукава, и выражение его лица стало замкнутым.

— Ну, она была неправильно проинформирована об условиях, на которых тебя отправили в поместье, к сожалению, она... она предположила, что у меня больше возможностей нарушить инструкции и защитить тебя. Она поняла, что это не так, только когда я сообщил ей, что ты беременна. — Его челюсть слегка дернулась. — Достаточно будет упомянуть, что те крохи терпимости, которой она придерживалась до этого момента, тогда навсегда исчезли.

Он прочистил горло.

— Я не ожидал, что Темный Лорд узнает о тебе, когда пытался найти способы вывезти тебя из Европы. За исключением конспиративной квартиры в Дании, большинство существующих маршрутов для выезда были неосуществимы. С помощью Кикимера я проложил дополнительный путь с использованием портключей, которые могла активировать Джинни, но мы не успели отладить его до конца апреля. — Он склонил голову набок. — Маггловские самолеты тоже были в списке идей, но их премьер-министр тесно сотрудничает с Министерством. Пока ты не забеременела, была возможность принять Обратное зелье, но я не смог бы проконтролировать некоторые моменты в маггловском мире...

Казалось, он внезапно понял, что говорит бессвязно, и оборвал себя.

— Итак, портключи — лучшее, что я могу предложить...

Гермиона уставилась на него.

Должен признать, что в конечном счете ты обходишься мне довольно дорого, Грейнджер.

Существовала причина, по которой международные перемещения с помощью портключей были ограничены. Их использование при пересечении континентов могло отправить волшебника в открытый космос, если случалась ошибка в расчетах. Также для создания межконтинентальных портключей было необходимо задействовать множество сложных связей, поскольку большинство из них принадлежали правительству и финансировались из его кармана.

Гермиона знала об этом, потому что Орден пытался заполучить портключ в Австралию или Канаду, чтобы эвакуировать детей и беженцев. Приобретённый легально, он стоил бы одной восьмой части хранилища Гарри. На черном рынке цена оказалась бы в два или три раза выше.

— Его будет не так трудно отследить, как маршрут с Северусом... — продолжал Драко. Он поймал ее руку в свою, и один из его пальцев скользнул по внутренней стороне ее запястья и дернулся на ее наручниках. — Ты должна использовать оставшееся время, чтобы набраться сил и восстановить выносливость.

Она нахмурила брови, глядя на него.

— Как ты снимешь наручники без Северуса?

Драко сухо рассмеялся.

— Их устранение никогда не было препятствием. Сложность всегда заключалась в том, чтобы сразу же после этого благополучно вывезти тебя из Европы.

Существует много Пожирателей Смерти, которые сделают все, что им скажут, стоит только найти нужную точку давления.

Гермиона натянуто кивнула.

— Сколько времени осталось... до того, как прибудет Джинни?

Драко нахмурил брови, а затем приподнял одну, подсчитывая.

— Домовым эльфам придется аппарировать в убежище серией прыжков, так как они не могут пользоваться портключами. На то, чтобы аппарировать в безопасную квартиру, уходит больше недели. Кикимер будет сопровождать Джинни обратно и покажет ей маршрут. Несколько скрытых портключей. Вероятность погрешности меньше, когда меньше расстояние. Предполагаю, Джинни прибудет через три недели, в зависимости от того, как она справится с перемещением.

«Еще немного времени», — прошептало отчаянное подсознание Гермионы, но в тот момент, когда эта мысль пришла ей в голову, девушку охватило чувство вины.

Теперь, когда она больше не боялась приезда Северуса, реальность его смерти медленно накрывала ее.

Северус, ее наставник. Ее коллега. Один из немногих людей, которые, как она считала, по-настоящему понимали ее. Он был скован войной даже дольше, чем Гермиона и Драко. Она часто задавалась вопросом, в чем крылась истинная причина его верности.

Что бы это ни было, эта тайна умерла вместе с ним.

Драко подошел к креслу и упал в него.

— Ты... хорошо знал Северуса? — спросила Гермиона.

Он поднял на нее взгляд. Его глаза оставались холодно-серыми, но в уголках рта играла тонкая улыбка.

— Нет. Он меня недолюбливал.

Гермиона опустила глаза.

— Мне жаль.

— Когда он не отдавал мне приказы, то проводил большую часть времени за разговорами о том, что я не заслуживаю, чтобы кто-то вроде тебя заботился обо мне. Что ты стоишь десятка таких, как я. Когда об этом не говорил Северус, об этом говорила Джинни, она увеличивала цифру в сотни раз.

***

Свободное время для Драко в поместье закончилось со смертью Северуса. Его вызвали меньше чем через час. Гермиона не видела его до тех пор, пока он не появился на следующий день, чтобы быстро познакомить Гермиону с заменой

Топси, и снова уйти.

Боббин была молодой эльфийкой. Гермiona не знала точно, сколько лет всем эльфам, но Топси выглядела намного старше Кикимера, а Боббин, похоже, была примерно того же возраста, что и Добби. Изучая эльфийку, девушка поняла, что видела ее раньше. Когда Гермiona впервые приехала в поместье, Астория послала Боббин к ней.

Эльфийка присела перед ними в низком реверансе.

— Боббин сделает все, что в ее силах.

— Сообщай Боббин обо всем, что тебе понадобится. Она знает о твоих ограничениях. — Мысли Драко явно были где-то далеко. Затем он ушел, не сказав больше ни слова.

Гермiona не видела Драко больше суток.

Она заставила себя поесть, хотя от этого ее тошнота только усилилась.

Она решила снова начать тренировки.

Ее ждало долгое и сложное путешествие, включающее несколько перемещений с помощью портключей.

В руководство по беременности входил длинный раздел, объясняющий риски перемещения женщин в положении. Портключи были предпочтительнее аппарации, но любая из этих форм вызывала у ведьм сильную тошноту и могла стать причиной схваток или преждевременных родов. Зелье для желудка и доза успокоительного настоятельно рекомендовались перед использованием портключей.

Гермiona понятия не имела, как она справится со всем этим. В худшем случае повторное использование портключа могло привести к преждевременным родам.

Если она потеряет ребенка в процессе побега без Драко, она, вероятно, умрет.

Ей было необходимо вернуть свою физическую форму или хотя бы сделать все возможное на пути к ее возвращению.

Гермiona начала с простых выпадов. Она не могла оторваться от пола, чтобы отжиматься, но заставила себя начать делать регулярные повторения всех движений, которые оказались ей по силам.

Три недели. У нее было всего три недели в запасе, чтобы придумать что-то получше, чем новый план Драко.

Ей нужно было избавиться от его Темной метки. Если бы ту удалось снять, у них бы появилось больше вариантов для побега.

Если они убьют Волдеморта, Темная метка исчезнет. Но наручники нуждались в Темных метках, чтобы активировать механизм снятия; без отмеченных Пожирателей Смерти каждый пленник мог ждать годы, прежде чем будет изобретен способ воссоздания Темной метки Волдеморта.

Зато Драко мог быть спасен. Однако Гермиона понятия не имела, как это осуществить. Драко отказывался обсуждать любые идеи, которые угрожали бы ей или подвергали бы риску его прикрытие до того, как с нее снимут наручники.

Она даже не знала, где находился замок Волдеморта.

Если бы только она могла снять Метку с Драко.

Наступило празднование годовщины, и в поместье воцарилась тишина. Гермиона провела весь день за чтением, нервно грызя ногти и повторяя упражнения, когда ей становилось особенно тревожно. Она слишком боялась запаниковать. Драко ушел вчера днем и пока не вернулся, вот и все, что смогла ответить ей Боббин.

Люциус вернулся в поместье, очевидно, не сильно пострадавший из-за убийства Астории.

Гермиона знала это, потому что рано утром увидела, как он стоял на дорожке недалеко от ее окна и смотрел на Северное крыло.

Она быстро скрылась из виду.

Празднование годовщины прошло для Гермионы спокойно. Но ее комната уже начинала вызывать клаустрофобию, словно девушка собиралась задохнуться там в ожидании.

Стояла середина ночи, когда Драко внезапно появился в ее спальне.

Он пересек комнату и чуть не рухнул на нее, обхватив руками за талию и уткнувшись лбом ей в плечо.

Спина Гермионы слегка согнулась, когда она подняла его. Присутствие темной магии, обволакивающей его, было настолько сильным, что девушку едва не стошнило.

— Ты в порядке? Что случилось? Что с тобой? — спросила она голосом, полным тревоги, проходясь пальцами по нему в попытке найти рану.

— Все хорошо. — Его голос был приглушен одеждой. — Я просто устал.

Он поднял голову и выпрямился, глядя на нее сверху вниз.

— Это был долгий день.

— Сядь. — Она потянула его к кровати, и он тяжело опустился на край. Гермиона внимательно посмотрела на него. Драко выглядел измученным. — Что случилось?

Он взглянул на нее в ответ, выражение его лица было опустошенным, но глаза сверкали чем-то вроде холодного триумфа.

— Темный Лорд плохо воспринял новости о Румынии и немного перенапрягся. Он не явился на сегодняшнее торжество. — Драко склонил голову набок, и уголок его рта изогнулся в ухмылке: — Если у кого-то и были сомнения в его слабости,

то теперь они почти подтвердились. С ним скоро будет покончено... даже он сам это понимает.

Гермиона внимательно посмотрела на него. Свет в ее комнате был тусклым, но Драко казался мертвенно-бледным, как будто его лишили красок.

— Что с тобой?

Он пожал плечами.

— Ну... я ведь его предполагаемый преемник. Мне пришлось исполнять обе роли в его отсутствие. — Торжество на его лице сменилось усталостью. — Было больше Убивающих проклятий, чем я ожидал.

Он вдруг стал казаться ей юным. На мгновение на его лице мелькнула мальчишеская ранимость. — Я просто не знаю...

Драко оборвал себя и несколько секунд молчал.

— Со мной все будет в порядке. Я просто устал, — наконец сказал он.

Гермиона запустила пальцы в его волосы.

— О, Драко...

Иногда она задавалась вопросом, наступит ли в конце концов момент, когда Сердце Исиды не выдержит. Конечно, амулет не мог функционировать бесконечно. Он и так поглощал всю темную магию, которая циркулировала в рунах Драко, что в сочетании со всем остальным, чем он регулярно занимался...

Гермиона прогнала эту мысль. Прежде чем беспокоиться о том, что воздействие темной магии убьет его, ей следовало разобраться с удалением Метки, чтобы они смогли сбежать.

Она провела пальцами по его щеке. Его кожа казалась ледяной. В лунном свете благодаря своим светлым волосам, коже и глазам он казался почти призраком, за который она цеплялась.

Гермиона была лишена магии. Она не могла его исцелить.

— Поспи. Тебе нужно отдохнуть, — сказала девушка. — Ты почувствуешь себя лучше после сна.

Он кивнул и тяжело опустился на постель.

Она провела рукой по его волосам, накручивая пряди на пальцы и наблюдая, как они выскальзывают. Погладив костяшки его пальцев, Гермиона нежно обняла его ладони, пытаясь передать немного тепла. Его руки время от времени судорожно сжимались, когда он шевелился во сне.

У него были такие длинные пальцы. В другой жизни он мог бы стать целителем или музыкантом. У него были идеальные руки.

Просто еще одна судьба, которую разрушил Волдеморт.

Гермиона сидела рядом с ним, чувствуя, как он медленно согревается.

Драко резко проснулся, выдернул свои пальцы из ее и, схватившись за левое предплечье, сел. Он поцеловал ее в лоб и исчез, не сказав ни слова.

Гермиона не видела его два дня. Она прочитала небольшую статью «Ежедневного Пророка» о праздновании годовщины. Как и следовало ожидать, отсутствие Волдеморта почти не упоминалось. Гораздо больше внимания было уделено отсутствию Астории.

В тот день Драко убил семьдесят пять пленников. Вступительная речь, общение с гостями, а потом его призвали, чтобы казнить предателей и бойцов Сопротивления. Все произошло в три захода. Двадцать пять заключенных выстроились в очередь, чтобы он их убил. Затем снова. И снова.

Немыслимое количество Убивающих проклятий.

Революция в Румынии была упомянута как незначительное восстание, никак не связанное с правлением Волдеморта.

Гермиона дважды перечитала газету, а затем вернулась к своим книгам и к повторению упражнений. В то время как она заставляла себя делать невыносимое количество отжиманий на полу, девушка обдумывала детали изготовления зелья, пока оно не стало казаться ей безупречным.

В другой жизни, если бы Гермиона могла стать ученым, открытие новой формулы зелья стало бы выдающимся успехом. Как и двенадцать видов применения драконьей крови, даже если бы четыре из них были полностью основаны лишь на гипотетических расчетах, вклад в углубленное понимание теории магии оказался бы примечателен сам по себе.

Но Гермиону не волновало теоретическое зелье. Ей требовалось настоящее, с реальными ингредиентами, которые она могла бы получить.

Девушка понятия не имела, как достать слезы феникса.

Фоукс исчез после похорон Дамблдора в Хогвартсе, и больше его никто не видел. Феникс даже не был родом из Европы.

Единственными известными одомашненными фениксами в прошлом веке были Фоукс и Спарки, талисман новозеландской команды по Квиддичу. Одомашнивание было более распространено несколько сотен лет назад, но каким бы сложным ни являлось умение завоевания верности феникса, оно было потеряно для истории.

Она лежала на полу посреди комнаты, тяжело дыша и размышляя. Ее живот и ноги горели.

Если Драко попытается бежать вместе с ней, их выследят и найдут. Волдеморт отыщет его с помощью Метки. За ними непрерывно будут охотиться, и путешествие будет становиться все сложнее для нее по мере развития беременности. Если предположить, что у нее в конце концов не случится выкидыша от стресса от жизни в бегах, позже у них появится ребенок, с которым

им нужно будет продолжать скрываться.

Бежать было некуда. В мире найдется немного волшебных стран, достаточно могущественных, чтобы остановить Волдеморта, которые не арестовали бы Драко немедленно. Даже если его посадят за решетку, он все равно останется одним из самых опасных Темных магов в истории, и этот факт сильно подчеркивался в последние месяцы.

Все было так, как сказал Люциус. Драко являлся охотничьим псом Волдеморта. Волшебник мог бы использовать Драко более эффективно, если бы не боялся, что тот узурпирует его власть.

— Почему ты не можешь путешествовать в одиночку? Тебя ограничивают как никого другого, — спросила она Драко в один из дней перед тем, как Северус был убит.

Он вздохнул и отвел взгляд.

— Темный Лорд начал получать сообщения о том, что я тайно посещаю дома Пожирателей Смерти и могущественных союзников. Он решил, что я пытаюсь заручиться поддержкой, чтобы свергнуть его. Теперь мой отъезд из Британии без его личного разрешения будет считаться изменой.

Я объездил всю Европу. Пожиратели Смерти и союзники с определенной... репутацией.

У нее перехватило горло.

— Все из-за того, что ты искал меня.

Он только кивнул.

Их попытки держаться друг за друга превратили их надежду на спасение в такой призрачный шанс, что Гермиона иногда задавалась вопросом, не воображает ли она его существование.

Нет, она могла спасти его, девушка была уверена, что существует способ сделать это, ей просто нужно было выяснить, какой именно. Гермиона никогда не могла просчитать ходы и потери. Даже когда у нее была окклюменция, девушка не могла оставаться равнодушной к использованию людей. И хотя цели у них с Драко были общими, методы их достижения всегда разнились.

Если она хочет спасти Драко, ей нужно стать более безжалостной. Такой же безжалостной, как и он.

Она снова погрузилась в свои мысли, расхаживая по комнате медленными кругами, пока не почувствовала почти неопишное ощущение внизу живота. В некотором смысле это было не обычное, привычное ощущение, а скорее неясное чувство, что что-то произошло.

Шевеление.

Гермиона замерла и уставилась на свой живот. Между выступающими тазовыми костями образовалась небольшая выпуклость.

Иногда она почти забывала, что беременна. Этот факт казался слишком шокирующим, чтобы думать о нем в свете других насущных проблем, которые у нее оставались. Беременность по большей части была для нее медицинским диагнозом, который она должна учитывать, чем фактом будущего появления ребенка и ее материнства.

Гермиона никогда не планировала иметь детей. Когда она училась в школе, материнство было настолько далекой целью, что она даже не задумывалась об этом. Когда-нибудь, когда она закончит школу, обзаведется работой и найдет кого-нибудь, кого сочтет подходящим партнером.

Потом началась война, и рождение детей казалось Гермионе почти преступлением.

Джинни видела в Джеймсе свет надежды, для Гермионы же ребенок на войне был очень уязвимым; кем-то совершенно беспомощным, неспособным защитить себя от неисчислимой боли вокруг. Рождение такого существа было эгоизмом, не стоившим этих рисков.

Свадьба. Материнство.

Она перестала надеяться, что когда-нибудь получит это, много лет назад, когда начала тайно использовать все больше темной магии. Гермиона жестко подавила эту мысль, когда дала слово стать добровольным трофеем для Пожирателя Смерти. К тому времени, когда она превратилась в соучастницу военных преступлений и в конце концов вызвалась координировать их и управлять ими, все это осталось не более чем фантазией.

Гермиона именно это и имела в виду, когда рассказывала Драко о мире, в котором хотела бы жить, не ожидая, что станет частью этого мира.

Она понятия не имела, как быть матерью. Ни одно из решений, которые девушка принимала в своей жизни, не допускало мысли о детях. Она не была уверена, что желание иметь ребенка не было продиктовано ее отчаянным эгоизмом.

Бедная маленькая целительница, у которой нет никого, о ком можно позаботиться. Никто не нуждается в тебе, никто тебя не ищет. Ты не можешь выносить одиночество. Ты просто не знаешь, что с ним делать. Тебе нужно любить кого-то. Ты сделаешь все что угодно ради людей, которые позволяют тебе любить их.

Ее челюсть задрожала, когда она посмотрела вниз.

Возможно, Драко был прав. Быть может, именно такой она и являлась. Гермиона всегда упрямо привязывалась к тем, кто, как ей казалось, мог в ней нуждаться. Возможно, она просто хотела оставить ребенка, чтобы не быть одинокой.

Девушка прижала пальцы к животу и несколько секунд стояла неподвижно, пока не почувствовала еще одно шевеление, быстрое, как сердцебиение, а затем все снова исчезло.

— Я позабочусь о тебе, — прошептала она. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы стать хорошей мамой. Есть зелье, которое я приготовлю, когда ты

подрастешь. Тогда... тогда я смогу иногда выходить с тобой на улицу. Ты не будешь жить в клетке из-за меня. Когда ты вырастешь и захочешь уйти, я отпущу тебя, обещаю.

Дверная ручка резко дернулась, а затем замерла. Гермиона вздрогнула от неожиданности, а потом встала, прижав руки к груди, пока ее сердце колотилось, и уставилась на дверь.

Ничего не происходило.

Она ждала и ждала, но ее мир снова погрузился в тишину.

Она пересекла комнату на цыпочках и приложила ухо к двери.

Тишина.

Гермиона не слышала ни малейшего звука за дверью, но знала, что Драко защитил ее чарами.

Кто-то мог кричать с другой стороны, но она бы не услышала. Дверь больше не двигалась. Гермиона уперлась руками в дерево и напрягла слух.

Это мог быть Люциус.

Возможно, он не хотел ждать шесть месяцев, пока Драко снова женится, и надеялся, что, убив «грязнокровную шлюху», он ускорит процесс.

Гермиона нервно отступила от двери, сомневаясь. По тому, как скрипнула дверь, можно было решить, что на нее кто-то упал.

Она прикусила губу и отступила назад, прижавшись ухом к щели между дверью и косяком.

Она не должна.

Она не должна.

Драко сказал бы ей не делать этого.

Ее рука медленно обернулась вокруг ручки, и Гермиона повернула ту так тихо, как только могла, открывая дверь. Она выглянула наружу, и ее сердце остановилось.

Драко лежал лицом вниз на полу. Она распахнула дверь, быстро оглядела холл и, опустившись на колени, потащила его в свою комнату. Пинком захлопнув дверь, девушка перевернула его на спину и прижала пальцы к пульсу.

Драко был без сознания.

Его тело было ледяным. Он был в шоке. Его одежда была мокрой и пропахла гнилью. На его лице виднелись потемневшие серебристые пятна. Он все еще дышал. Гермиона проверила его глаза и обнаружила, что зрачки неравномерно расширены.

Она провела руками по его плечам и нежно коснулась лица.

— Драко? Драко... что с тобой случилось?

Она начала бормотать проклятия себе под нос. Гермиона яростно хотела вернуть свою магию. Наручники на ее запястьях стали горячими, когда девушка, кипя от бессилия, склонилась над ним, пытаясь понять, что же произошло. Она провела пальцами по его рукам и ладоням и ощутила напряжение в теле, вызванное Круциатусом. Гермиона чувствовала, как его сердце бешено колотится в груди.

— Боббин! — резко позвала она.

Эльфийка влетела в комнату и взвизгнула от ужаса, когда ее взгляд упал на Драко.

— Кто целитель Драко? — спросила Гермиона. Эльфийка тупо уставилась на Гермиону. — Кого он зовет, когда возвращается раненым?

Боббин посмотрела на свои руки.

— Боббин ничего не знает. Боббин в основном работает на кухне и убирается. Хозяин не зовет Боббин, когда ему больно. Только Топси или Кикимера.

Гермиона разочарованно опустила глаза и глубоко вздохнула, прежде чем снова поднять взгляд.

— Может, ты знаешь, где он хранит свои медикаменты? Целебные зелья и прочее?

Боббин оживилась и энергично закивала.

— Хорошо, — сказала Гермиона напряженным голосом. — Тогда принеси мне болеутоляющие зелья. Все что есть. И любые другие медицинские принадлежности, к которым у тебя есть доступ. Принеси их все сюда, чтобы я знала, с чем придется работать.

Боббин исчезла с громким хлопком, и Драко дернулся.

Гермиона взглянула на него сверху вниз.

Он шокированно смотрел на нее, его взгляд был расфокусированным, без каких-либо признаков узнавания.

— Драко?

Он моргнул.

— Грейнджер?

Он выглядел совершенно сбитым с толку.

— Драко... — она нежно коснулась его щеки и постаралась, чтобы ее голос звучал ровно. Успокаивающе. — Что он с тобой сделал? Как долго ты был под Круциатусом?

Он нахмурил брови и прищурился.

— Где мы?

Драко все время моргал, как будто пытался что-то разглядеть в темноте.

У Гермионы перехватило горло.

— Мы... мы в моей комнате. Я думаю, что ты, должно быть, аппарировал и потерял сознание прямо за моей дверью.

Его лицо исказилось. Зрачки расширились. Он покачал головой, и у него вырвался тихий стон.

— Я не планировал сюда приходить.

Глаза Гермионы пекло от подступивших слез. Она слегка коснулась его лба кончиками пальцев.

— Знаю... — У нее слегка перехватило дыхание.

Драко вздрогнул от этого звука, и его брови сошлись вместе.

— Ты в порядке? Я не должен был... Что с твоим дыханием?

Он слепо потянулся в направлении ее голоса, и его рука задела ее щеку.

Гермиона поймала его руку и, прижавшись к ней, поцеловала.

— Я в порядке и не на грани приступа. Я ведь целительница, помнишь? Ты уже не в первый раз падаешь в мои объятия.

Она откашлялась и заставила себя говорить твердо.

— А теперь мне нужно, чтобы ты ответил на мои вопросы. Драко, что он сделал? Скажи мне, что произошло.

Драко немного помолчал, а потом вздохнул.

— Он говорил, что я виноват в восстаниях... будь я более компетентен, я бы сдержал революцию. Он решил, что я должен предоставить доказательство своей преданности. Несколько часов легилименции, потом... ему наконец пришло в голову, что я окклюмент. — Он фыркнул. — Он... кто-то накладывал на меня Круциатус, пока Волдеморт проверял еще раз.

Драко сглотнул.

— К моему счастью, к тому времени он уже выдохся. Во второй раз это продолжалось не так долго. — Кривая улыбка скользнула по его губам. — В награду за то, что я доказал свою верность, мне дали отпуск до конца недели, так что... во всем нашлись свои плюсы.

Его попытка говорить ободряюще и саркастично только усугубила ситуацию.

Руки Гермiony начали дрожать, пока она пыталась бороться с истерикой. Просто дыши. Просто дыши. Ты не можешь начать паниковать прямо сейчас, ему станет только хуже, если он решит, что у тебя будет приступ.

Драко прищурился и повернул голову, словно пытаясь оглядеть ее комнату.

— Но ведь еще не ночь? Кажется, я ничего не вижу. — Он прижал тыльную сторону ладони к глазам. — Это что-то новенькое.

Гермиона начала рыться в мантии Драко, обжигая кончики пальцев, продолжая вытаскивать оружие, спрятанное в дюжинах карманов его мантии. Наконец ее рука сомкнулась на знакомом кожаном футляре, и она вытащила его.

Она открыла аптечку и вытащила пузырек с Успокаивающим зельем. Гермiona откусила пробку зубами, склонила голову Драко к себе на колени и поднесла флакон к его губам.

— Глоток мира. Он замедлит сердцебиение и облегчит спазм мышц.

Она ждала, проводя пальцами по его волосам и разговаривая с ним, чтобы он оставался в сознании. Девушка почувствовала, как зелье подействовало, когда его тело расслабилось у нее на коленях.

Она взяла его правую руку и вытащила палочку, вложив ее рукоятку в левую руку и удерживая на месте, чтобы его судорожно сжимающиеся пальцы не вырвали ее.

— Драко, — она старалась, чтобы ее голос звучал ровно. — Мне нужно, чтобы ты сотворил диагностику. Ты можешь попробовать? Я помогу с движением палочки, но это должна быть твоя магия.

Диагностика была нацелена на его мозг и нервную систему, и потребовалось шесть попыток, прежде чем заклинание сработало.

Несколько минут она молча изучала его.

— Легилименция напрягла твои зрительные нервы — вот почему пропало зрение. Это не навсегда. Тебе просто нужно отдохнуть, чтобы оно восстановилось. Эти... воздействия на твою нервную систему... — ее челюсть задрожала, и она сглотнула. — Ему действительно стоит прекратить использовать Круциатус на тебе.

Драко фыркнул и начал было отвечать, но все его тело содрогнулось. Он не издал ни звука, но сжал губы так плотно, что они побелели.

Раздался хлопок, и появилась Боббин, нагруженная зельями и медикаментами.

Гермиона посмотрела на эльфийку.

— Сможешь отлевитировать его на кровать? Я не смогу его дотащить. И снять с него грязную одежду.

— Боббин может.

Эльфийка щелкнула пальцами и осторожно перенесла Драко на кровать.

Гермиона подошла к нему и начала перебирать все припасы. Все они были помечены, многие пометки были выведены острым, колючим почерком, который, как она знала, принадлежал Северусу.

Девушка выбрала четыре зелья и вернулась к Драко. Боббин сняла с него одежду, вытерла лицо и уложила его в постель.

Гермиона склонилась над ним, изучая его глаза и отмечая все физические симптомы, которые могла обнаружить. Он был смертельно бледен, и его грудь все время вздрагивала, когда он пытался дышать так, чтобы не было больно. Она положила руку ему на лоб.

— Тебе следовало взять с собой обезболивающее зелье, — сказала Гермиона через мгновение. — Ты сам говорил мне не аппарировать после легилименции, не приняв сначала обезболивающего зелья. У тебя всегда был один флакон для меня.

Уголок его рта дернулся.

Она посмотрела вниз и откупорила один из флаконов, который принесла с собой, вложив ему в руку. Он проглотил его с гримасой.

Она протянула ему следующее зелье.

— Я должна была включить его в твой набор для исцеления. Мне не хватило места. Я должна была добавить болеутоляющее зелье вместо эссенции растопырника.

Драко моргнул, и Гермиона поняла, что он пытается заставить свои глаза сфокусироваться на ней, когда она протянула ему третье зелье.

Девушка взяла его руку и прижала к своей щеке.

— Ты и так знаешь, как я выгляжу, дай своим глазам отдохнуть. Твоя голова будет болеть меньше, если ты будешь держать их закрытыми.

Он упрямо сузил глаза, пытаясь разглядеть ее лицо еще мгновение, прежде чем послушаться.

Она наблюдала, как морщинки напряжения вокруг его глаз и рта медленно разгладились, а дыхание постепенно выровнялось.

Убедившись, что зелья подействовали, Гермиона решила задать остальные вопросы.

— Кто твой целитель? Кто лечит тебя после пыток? Тебе нужно позвать его. Ты не сможешь двигаться в течение нескольких недель без нужного лечения.

Выражение лица Драко оставалось закрытым, но его пальцы дернулись. Гермиона почувствовала, как у нее сжалось сердце после того, как он несколько секунд не отвечал.

— Драко...

— Я сам разбираюсь со всем, если это не опасно для жизни, — наконец пробормотал он едва слышно. Драко не открывал глаз. — Северус иногда помогал мне, когда я не справлялся, но в остальном... это моя работа.

Гермиона в ужасе уставилась на него. Драко приоткрыл один глаз и, прищурившись, посмотрел на нее, прежде чем фыркнуть.

Он приподнял одну бровь и снова закрыл глаза, его лицо напряглось.

— Возможно, ты помнишь, что однажды вложила мне в сердце довольно редкий камень. Это может не проявляться в диагностике, но я должен избегать целителей, насколько возможно. Если Темный Лорд начнет получать сообщения о том, что физически мое тело остаётся нетронутым, несмотря на то, что на моей спине в течение трех лет вырезаны темные руны, у него возникнет более чем несколько вопросов. Скорее всего, я закончу с вырванным сердцем. Когда речь идет о чем-то опасном для жизни, я вызываю целителя и накладываю чары Забвения на него после этого. Если бы я звал целителя после каждого Круциатуса, то половина целителей в Англии были бы заколдованы.

Гермиона почувствовала себя так, словно он выпотрошил ее.

— Я не... я не знала...

— Все в порядке, Грейнджер. — Он не открыл глаз, но отмахнулся от нее свободной рукой. Уголок его рта приподнялся. — Мне уже несколько раз говорили, что у меня природный талант к исцелению.

Ее челюсть продолжала дрожать, и она на мгновение стиснула зубы, прежде чем вложить палочку в его пальцы.

— Ты... ты мог бы сотворить еще немного заклинаний для меня?

Он бормотал заклинания, пока Гермиона направляла его пальцы, постукивая по точкам давления на правой руке и вверх по предплечью. Его пальцы неоднократно судорожно сжимались, когда она помогала ему посылать мягкие вибрации в напряженные мышцы, ослабляя напряжение.

Через несколько минут его пальцы наконец расслабились, и она отложила палочку в сторону. Гермиона взяла его правую руку и начала пытаться исправить все побочные эффекты. Ее пальцы сводило судорогой от напряжения, но она не обращала на это внимания и продолжала работать, пока его рука не перестала дергаться.

Девушка взяла последнее зелье и вылила небольшое количество на ладонь. Начав с подушечки большого пальца, Гермиона принялась мягко втирать его, двигаясь вниз к предплечью и запястью Драко, а затем вверх к плечам. Зелье было теплым и заставляло кончики ее пальцев покалывать, когда она втирала его в кожу Драко, пытаясь восстановить все травмированные мышцы.

Когда Гермиона подняла глаза, Драко спал, его брови были сильно нахмурены.

Она изучала его лицо несколько секунд, затем протянула руку и легонько провела кончиком пальца между его бровей, пытаясь снять напряжение.

Без Драко, произносящего заклинания, попытка массировать его мышцы заняла больше времени. Но она все равно продолжала.

Пока он не был в сознании, Гермиона могла спокойно плакать во время работы.

Он проспал почти сорок восемь часов. Гермиона оставалась с ним практически все время. Выражение его лица расслабилось, когда она лежала рядом с ним в постели, тихо разговаривая с ним обо всем, что приходило на ум, проводя пальцами по его волосам и работая над его травмами. Она почти исчерпала весь его запас снадобий для растирания.

Когда ей становилось слишком тревожно, чтобы продолжать лежать рядом с ним, она тихонько расхаживала по комнате. На следующее утро Гермиона выглянула в окно и увидела, как Люциус ходит вдоль Северного крыла, словно пытаясь измерить его шагами. Он поднял глаза, и их взгляды встретились.

У Гермионы кровь застыла в жилах. Она встретила с ним взглядом лишь на мгновение, прежде чем отпрянуть.

Каждый раз, когда Драко просыпался, Гермиона проверяла его глаза и заставляла выполнять основные исцеляющие заклинания. Он продолжал дремать до тех пор, пока Боббин не пришла сообщить, что Люциус был у двери Драко и угрожал сломать ее, если не увидит Драко.

Драко заставил себя подняться.

— Как давно я здесь? Мне дали только три дня. Боббин, принеси полный комплект одежды.

Гермиона попыталась удержать его.

— Драко, подожди. Твои глаза еще не восстановились. У тебя в запасе есть полдня. Тебе нужно как можно дольше отдохнуть.

Он закатил глаза и с трудом поднялся, когда Боббин вернулась с ворохом мантий.

— Для этого я и держу обезболивающие.

Он оделся и направился к зельям, которые принесла Боббин. Драко прищурился, держа их в нескольких дюймах от лица, пытаясь прочесть надписи. Затем быстро опрокинул пять из них, игнорируя возражения Гермионы о том, что некоторые виды обезболивающих не должны сочетаться.

Драко закатил глаза:

— У меня большой опыт в приеме обезболивающих. Я почти могу гарантировать, что не они убьют меня.

Он несколько раз моргнул и покачал головой.

Гермиона могла точно сказать, что он все еще плохо видит.

— Будь осторожен, Драко.

Он коротко улыбнулся, встретившись с ней взглядом.

— Со мной все будет в порядке.

Она все еще видела сдержанное напряжение на его лице за долю секунды до того, как он аппарировал.

Боббин появилась через несколько часов и забрала все медикаменты.

— С хозяином Драко все в порядке, — сказала она, избегая взгляда Гермионы, — он просто хочет понять, какие зелья использовала мисс.

Гермиона осталась одна в своей клетке, беспокойно гадая, что на самом деле происходит за дверью ее спальни.

Примечание к части

Арт к истории.

Автор thegirlthatreadsfantasybooks «беременность Гермионы»
<https://www.instagram.com/p/CN03XjkH8Sr/>

Июль 2005.

На следующее утро Боббин принесла ей на завтрак кашу. Гермione не хотелось есть, поэтому поднос с едой остался нетронутым, пока она беспокойно расхаживала по комнате.

Драко так и не вернулся с тех пор, как отправился на встречу с отцом. Медленное течение времени убивало ее. Гермione не собиралась тихо сидеть в своей комнате, ожидая, пока приедет Джинни, а Драко убьют.

Она пересекла комнату и решительно распахнула дверь в коридор.

— Нет! — раздался позади женский крик.

Гермione едва не подпрыгнула от испуга и, повернувшись, увидела, как изображенная на портрете Нарцисса вскочила со своего кресла, словно собираясь выпрыгнуть из картины.

Прижав руку к груди и чувствуя, как бешено бьется сердце, Гермione встретила взглядом с Нарциссой.

Та уставилась на нее в ответ.

— Тебе нельзя выходить. Драко нет в поместье, — тон Нарциссы был резким и властным.

Гермione не ожидала услышать в ее голосе столько силы. Сделав глубокий вдох, девушка настороженно посмотрела на Нарциссу. — Вы можете чувствовать его присутствие?

Нарцисса коротко кивнула.

— Магия поместья всегда отзывается на хозяина.

Гермione медленно закрыла дверь и подошла к портрету. Она присмотрелась к образу Нарциссы, подмечая черты, которые Драко унаследовал от матери. У него были те же губы. Та же манерность в движениях. Когда Гермione училась в школе, ей казалось, что Драко весь пошел в отца, но теперь она видела, что некоторые привычки и черты достались ему от Нарциссы.

— Я хочу спасти вашего сына, — сказала Гермione.

Нарцисса поджала губы и вздернула бровь.

— Ты не сможешь. Если бы ты действительно думала, что способна спасти его, то не стала бы расхаживать по комнате, как запертый в клетке нунду.

Гермione и бровью не повела.

— Если я буду сидеть сложа руки, он умрет.

Лицо Нарциссы на мгновение дрогнуло, а потом снова приняло равнодушное выражение. Отведя взгляд, она сказала:

— Существуют вещи гораздо хуже, чем смерть. — Нарцисса поправила манжету на рукаве. — Ты не знаешь, что происходило с моим сыном, когда ты исчезла. Даже не сможешь себе представить.

Было странно слышать, как подросток примерно на десять лет младше Драко называет его своим сыном.

— Я спасла его.

— Тебе не пришлось бы делать этого, если бы ты уехала раньше, как он и просил. Но для тебя существовали вещи важнее его просьбы, — ответила Нарцисса ледяным тоном.

Она была совсем юной, осознала Гермиона. Портреты не менялись и не старели, они навсегда оставались такими, какими были написаны. Тот факт, что Нарцисса с портрета казалась нестабильной и травмированной, показывал, насколько глубокий отпечаток оставило на ней произошедшее. Потому что на самом деле девушка с портрета была шестнадцатилетней Нарциссой Блэк, не знавшей ни пыток, ни болезней.

— Почему же Нарцисса не сбежала, когда Драко просил ее об этом? Из-за Люциуса?

Нарцисса с портрета застыла.

— Нет. Люциус... Он... он... — Ее лицо исказилось. — Он любил меня... ее... больше всего на свете. Она хотела уехать... сразу после Турнира Трех Волшебников... но Люциус поклялся, что Драко не придется принимать Метку. Когда Люциуса заключили под стражу, она была уверена, что Темный Лорд придет за Драко. Она собиралась бежать вместе с ним, как только он вернется домой на каникулы. Но... Темный Лорд оказался быстрее. После... после этого...

— Она осталась, чтобы сохранить жизнь сыну, — сказала Гермиона. — Драко перестал бы бороться за жизнь, как только удостоверился, что его мать в безопасности. Он не прожил бы и нескольких недель.

Нарцисса отвела взгляд, но едва заметно кивнула, подтверждая слова девушки.

Гермиона подошла ближе к портрету.

— Я хочу спасти Драко. Если бы вы сказали Люциусу... Если бы он знал...

— Это даже не обсуждается, — ответила Нарцисса резко. Ее глаза сверкнули.

Гермиона удивленно посмотрела на разозлившуюся девушку. К ней медленно подступало понимание того, что Нарцисса с портрета любила Люциуса гораздо больше, чем Драко.

Изображенная на холсте Нарцисса не была мамой. Она была юной волшебницей, обрученной с влюблённым в нее юношей. Несмотря на то, что она называла Драко сыном и приглядывала за Гермионой, на первом месте для нее стоял

Люциус. Она бы позволила своему сыну умереть, если бы это помогло скрыть от Люциуса все то, что случилось.

Плечи Гермионы разочарованно опустились.

— Нарцисса...

— Она не хотела, чтобы он знал. Ты хоть представляешь, через что она прошла, чтобы Люциус никогда не узнал об этом? Побочный эффект от трёх доз зелья показался тебе тяжелым? Она принимала их больше десятка раз в день... только чтобы увидеться с ним, — голос девушки дрожал от переполнявших ее эмоций.
— Драко умолял ее не делать этого.

Гермиона склонилась к портрету. Ее пальцы зависли в нескольких миллиметрах от холста.

— Если бы Нарцисса уехала ради защиты сына, то попросила бы Люциуса позаботиться о Драко.

Лицо Нарциссы стало ледяным.

— Что изменилось, если бы Люциус знал обо всем?

Гермиона опустила взгляд:

— Не знаю. Но мне кажется, он бы...

— Если ты вмешаешься и все испортишь, те страдания, через которые Драко пришлось пройти, окажутся напрасными. Существует много вещей гораздо хуже смерти. Любой из нашей семьи может это подтвердить.

Больше Нарцисса не проронила ни слова, сколько бы Гермиона ни пыталась с ней заговорить.

Сдавшись, девушка отвернулась и подошла к подносу с едой. Заклинание, поддерживающее тепло, давно рассеялось, и каша была холодной и совершенно неаппетитной на вид.

Гермиона подумала о том, чтобы не завтракать, но ей нужно было восстановить прежний вес. У нее не получится нарастить мышечную массу, если она продолжит пропускать приемы пищи.

Вздыхнув, она добавила немного сливок в кашу и потянулась за приборами.

Когда ее пальцы коснулись ложки, Гермиона вдруг почувствовала резкий рывок в области живота.

Казалось, ее вывернули наизнанку и просунули сквозь узкий обруч. Ее спальня исчезла. Под ее ногами пропала опора, и внезапно она оказалась на полу. Ее ужасно мутило.

Борясь с приступом тошноты, Гермиона обхватила свой живот руками в защитном жесте. Она попыталась оглядеться. Из ее рта вырывалось прерывистое дыхание. Комната плыла перед глазами, ее лоб болел в том месте,

где она ударилась об пол.

Гермиона попыталась подняться.

В нескольких метрах от нее на стуле сидел Люциус, держа в руке чашку чая.

— Ах, ну наконец-то.

Гермиона смотрела на него в немом ужасе, медленно осознавая, где она оказалась. Люциус перенес ее через все поместье в свою гостиную в Южном крыле.

Поставив чашку на блюдце, он склонился ближе, рассматривая Гермиону.

— У меня есть к тебе вопросы, Грязнокровка.

Гермиона отпрянула, и ее рука коснулась чего-то липкого на полу. Оторвав ладонь от каменных плит, девушка огляделась.

Пол был залит засохшей кровью.

В нескольких метрах от нее лежала ложка, которая перенесла ее сюда. Гермиона потянулась, собираясь схватить ее, но ложка растворилась в воздухе до того, как она успела коснуться той пальцами.

— Уже уходишь? После всех усилий, которые мне пришлось приложить, чтобы перенести тебя сюда? Ты оскорбляешь мое гостеприимство, Грязнокровка, — протянул Люциус, крутя в пальцах свою палочку.

Гермиона подняла взгляд на него, пытаясь выровнять дыхание. Ей нужно было оставаться спокойной и суметь потянуть время до прихода Драко.

Драко, твой отец схватил меня. Южное крыло.

Она сфокусировалась на этих мыслях.

— Ты знала, — Люциус подтянул манжеты рукавов, — что до тебя поразительно трудно добраться? Я оценил изобретательность своего сына. С тех пор, как я вернулся, в поместье стали происходить удивительные вещи. Оказавшись в Северном крыле, я начинаю ходить кругами, позабыв цель своего маршрута. В конце концов я возвращаюсь обратно в Главное крыло или вдруг вспоминаю о том, что у меня есть незаконченные дела. Или же неожиданно появляется Драко с просьбой помочь ему в решении какой-то проблемы.

Гермиона нервно облизнула губы, предпочитая промолчать.

— Ты заметила этот феномен? — спросил Люциус нараспев, небрежно держа палочку в своей руке.

— Я не покидаю свою комнату... в одиночку, — ответила она, избегая его взгляда. Поясницу тянуло, а низ живота пронзила острая боль. Ее горло сжалось, а плечи неприятно свело, но она заставила себя сесть прямо, стараясь не думать о боли.

— Да. Я заметил, — губы Люциуса скривились. — Тогда ты, должно быть, не в

курсе, что мой сын был... — Он моргнул. — Он был ранен несколько дней назад.

Гермиона боялась вздохнуть.

Наклонив голову, Люциус вздернул бровь.

— Я некоторое время изучал твое досье. Юная целительница, которую поймали после того, как она сровняла Сассекс с землей.

Гермиона внутренне содрогнулась, пока Люциус продолжал:

— Я прибыл в Сассекс почти сразу после взрыва. Я видел, как тела доставали из-под развалин. Использование для создания бомб яда, который убил всех, кто не погиб от взрыва, оказалось занимательной идеей. Выпивая подобный яд, человек безболезненно умирал за несколько секунд. Но если яд попадал в легкие... все происходило гораздо медленнее и... болезненнее.

Гермиона сглотнула.

— Какой целитель может создать бомбу, способную лишить жизни больше тысячи человек всего за несколько минут?

Он наклонился вперед на стуле, так медленно скользя взглядом по телу Гермионы, что тот словно впечатывался в ее кожу.

— Должен ли я поверить в то, что юная грязнокровная целительница, настолько незначительная, что о ней не было никаких упоминаний, в одиночку смогла организовать одну из самых смертоносных атак за всю историю Магической войны?

Гермиона молчала и старалась сохранять спокойное лицо, пытаясь переварить услышанное. О ней должны были сохраниться несколько сотен, если не тысяч записей. Она ставила свою подпись на отчетах в пещере с пленниками. На докладах на Площади Гриммо. Она руководила разведывательной группой и тюрьмой Ордена после смерти Кингсли. Это все должно было остаться среди секретной документации Сопротивления.

Только если кто-то не уничтожил каким-то образом все записи о ней.

Люциус откинулся на спинку стула, заставив ее вынырнуть из мыслей.

— Это была не ты. Ты являлась всего лишь подставным лицом. Жертвой, которую были готовы принести ради спасения последнего оставшегося в живых члена Ордена.

Гермиона растерянно моргнула.

Она думала, что его подозрения вызвало исцеление Драко. Вместо этого Люциус решил, что она участвовала в заговоре. Девушка не отводила от него взгляда и пыталась решить, как ей стоит вести себя дальше.

Люциус смотрел на нее, прищурив глаза.

— Тебе известна личность единственного оставшегося в живых члена Ордена.

Того, кто взорвал Сассекс и убил Надзирательницу.

Он снова склонился к ней, его серебристые глаза сверкнули.

Гермиона отвела взгляд.

— Я не помню. Я не помню ничего о последнем члене Ордена Феникса.

— Ах да, конечно... — Люциус несколько раз прищипнул языком, и этот звук заставил Гермиону занервничать еще сильнее. — Утраченные воспоминания, которые делают тебя такой важной для Лорда.

Гермиона бросила быстрый взгляд на дверь.

— Мой сын вынужден терпеть восстановление твоей памяти. Он не хочет, чтобы что-то случилось с его маленькой грязнокровкой, ожидая, пока целители не скажут, что лезть в твоё сознание безопасно. — Люциус вздохнул и снова откинулся на стуле. Его губы скривились: — Он молод и наивен. Он добился успеха в одной войне и теперь думает, что быть осторожным и тщательно следовать приказам — самый надежный путь к победе. Я участвовал в обеих Магических войнах. Победа может быть вырвана у тебя из-под носа в любой момент. А чувство триумфа — обращено в пепел в одно мгновение. Одна ошибка или просчет, и все может пойти прахом... — его голос затих. Он сидел, задумчиво крутя палочку в пальцах.

Повисла долгая пауза.

Гермиона подсчитывала, сколько времени ей понадобится, чтобы добраться до двери, когда предоставится возможность для побега.

— Ты кого-то ждешь? — его мурлыкающий голос внезапно послышался гораздо ближе. Пока она отвлеклась, Люциус успел подойти и теперь стоял в опасной близости от нее. В его взгляде читалась насмешка. — Возможно, моего сына?

Он опустился на колени рядом с ней.

— Думаешь, Драко придет и спасет тебя? — Он ухмыльнулся и обвел взглядом комнату. — Это место — особенное. Такая высокая концентрация магии влияет на силовое поле поместья. Сюда нельзя аппарировать, и, учитывая, как сложно было подобраться к тебе, я решил отплатить сыну той же монетой.

Он поднес руку к ее лицу и схватил за подбородок.

— Мне будет неприятно наблюдать, как его наказывают за то, что тебя покалечили.

Гермиона едва могла вздохнуть, когда Люциус склонился ближе. Его хватка стала крепче.

— Тебе бы не хотелось этого для него, верно? Думается мне, что ты привязалась к нему. Он водит тебя на прогулки, затем ты ждешь его в своей комнате, как послушный домашний питомец. Возможно, он будет меньше увлечен тобой после того, как тебя изуродуют пытки. Ты была целительницей; ты ведь помнишь, сколько нервных окончаний находится в кончике одного твоего пальца? Если ты

назовешь мне имя последнего выжившего, я не причиню тебе вреда.

— Я не знаю. — Гермиона постаралась вырвать лицо из его руки, но Люциус только сильнее вцепился пальцами в ее подбородок, до боли сжав челюсти. — Я не знаю. Я... все еще не помню этого.

Он притянул ее ближе к себе, и их лица почти соприкоснулись. Его глаза опасно сверкали, усмешка была больше похожа на оскал.

— Я не верю тебе.

Гермиона не могла сдержать дрожь в теле.

— Я не глуп. За год до поражения Сопротивления среди Пожирателей Смерти завелся шпион. Даже Темный Лорд подозревал, что один из его самых приближенных последователей предал его. Тот, кого не брали в расчет. Его рука чувствовалась во всех планах Сопротивления. Точные знания о расположении наших тюрем. Саботажи и кровавые атаки, такие нехарактерные для благородных членов Ордена Феникса. Этот человек разрушил Сассекс и исчез после Финальной битвы, чтобы снова появиться через несколько месяцев после того, как тебя нашли в одной из камер Хогвартса. — Люциус так резко заставил ее откинуть голову назад, что ей стало трудно дышать. — Твоя покладистость могла ввести в заблуждение моего сына, но тебе не удастся обмануть меня. Ты не сломлена... а затаилась в ожидании.

Он толкнул Гермиону назад, и ее голова со стуком ударилась о каменный пол. Люциус навалился сверху и пригвоздил ее своим весом к холодным плитам.

— Это твой последний шанс, Грязнокровка. Если ты хочешь покинуть эту комнату, не потеряв ни одну из своих конечностей, скажи мне, кто был шпионом. — Лицо Люциуса застыло всего в нескольких сантиметрах от нее, и она чувствовала запах чая в его дыхании.

— Я не знаю. Я не помню, — ее голос дрожал. Она пыталась не встречаться взглядом с Люциусом. От ужаса ее сердце гулко билось в груди. *Не поддавайся панике. Не поддавайся панике. Дыши.* — Малфой уже пытался восстановить утраченные воспоминания. Как и Темный Лорд. Я правда не знаю, кто это.

Гермиона прикусила губу, пытаясь справиться с подступающей паникой. Люциус приподнялся над ней.

Его рука скользнула вниз вдоль ее тела, и она не смогла сдержать дрожи отвращения, когда его ладонь легла на округлость внизу ее живота. Пальцы Люциуса прошли по ее коже так, словно поглаживали ее.

— Разве беременность не должна была все изменить? Именно поэтому тебя держат здесь, словно игрушку для моего сына. Я слышал, что ты была в коме. Уверен, ты кое-что вспомнила, когда очнулась.

— Нет... Я не...

Люциус сжал ее горло.

— Я не верю тебе, Грязнокровка. Давай-ка мы проверим. — Он повернул ее лицо к

себе и посмотрел в глаза.

Гермиона зажмурилась.

— Нет! Пожалуйста, не надо... Пожалуйста. Инвазивная магия может... спровоцировать выкидыш... — с трудом выдавила она.

Люциус засмеялся. Его пальцы еще сильнее сжались на шее Гермионы.

— Ждёшь, что я буду переживать из-за отродья какой-то грязнокровной шлюхи? Думаешь, мой сын собирается оставить ребенка?

Гермиона яростно крутила головой, пытаясь вырваться из его хватки.

— Темный Лорд... легилименция может повредить воспоминания... убьет вас... Драко убил Монтегю за это... Только...

Люциус усмехнулся ей в лицо.

— Ты кажешься подозрительно обеспокоенной продолжительностью моей жизни.

Он схватил ее за подбородок и притянул ее лицо ближе к своему.

— Открой глаза, Грязнокровка, или же я с радостью отрежу тебе веки.

Сердце Гермионы билось так быстро, что боль охватила всю ее грудную клетку.

Ты будешь послушной.

Она почувствовала, как обмякает ее тело. Ее глаза распахнулись.

Ты никому не причинишь вреда.

Ее пальцы, до этого впивавшиеся в запястья Люциуса, соскользнули с его рук. Встретившись с ней взглядом, мужчина улыбнулся.

Ты сделаешь все, чтобы произвести на свет здоровое потомство.

Она застыла.

Все.

Все, чтобы произвести на свет здоровое потомство.

Она должна сделать все что угодно. Она может сделать ради этого все что угодно.

Гермиона сосредоточилась на этой мысли и с размаха ударила Люциуса лбом в лицо. Услышав, как хрустнул его нос, она принялась пинаться и толкаться, вынуждая его выпустить ее из своих рук. Она бросилась к двери.

Костлявые пальцы вцепились в ее лодыжку и дернули назад, повалив на пол. Протаскивая ее несколько метров, Люциус попытался снова нависнуть над ней. Заехав локтем ему в солнечное сплетение, девушка вцепилась ногтями в его

лицо, метя в глаза. Его руки разжались, и он отпрянул, пытаясь увернуться от ее пальцев. Гермiona отползла назад и с силой ударила его ногой в шею, прежде чем снова броситься к выходу.

Доберись до двери. Доберись до двери.

Она с размаху впечаталась в деревянную дверь, и, схватившись за ручку, повернула. Дверь не поддавалась. Жгучая боль распространилась от ладони и до локтя, пока Гермiona пыталась повернуть ручку. Наконец вскрикнув, она отдернула обожженную руку. Посмотрев на свою ладонь, девушка увидела воспаленную, покрытую волдырями кожу, в некоторых местах прожженную до костей. Ручка двери была раскалена добела.

Люциус расхохотался. Это были те же безумные и бесконечные раскаты хохота, с которыми он наблюдал за умирающим Роном.

Звук его смеха заставлял кровь в ее венах превратиться в лед. Гермiona медленно развернулась и посмотрела на Люциуса, стоявшего в противоположном конце комнаты. Его губы растянула злобная ухмылка, а кровь, стекавшая по лицу, наполняла рот и окрашивала зубы в красный цвет.

Он поднес бледную руку к горлу и прокашлялся.

— Это было забавно. Думала, что сможешь сбежать отсюда, маленькая мышка?
— Люциус тихо рассмеялся. — Ты сдохнешь в этом доме. Как и многие члены Ордена до тебя. Никто не спасёт тебя.

Гермiona замерла, в ужасе глядя на него. Ожоги на руке болезненно пульсировали с каждым ударом ее бешено колотившегося сердца.

Пока она стояла у двери, на нее медленно наваливалось осознание.

Драко не придет вовремя.

Он просто не сможет. Они уже растратили всю свою удачу, пытаясь выжить.

Люциус не был Асторией. Он хорошо спланировал детали ее похищения и не позволил бы Драко вмешаться.

Она молча стояла, изучая Люциуса, пока тот не махнул палочкой в ее сторону. Гермiona почувствовала, как его магия схватила ее и потащила вперед. Когда она приблизилась к нему, он отступил в сторону, и девушка врезалась в прутья клетки в центре комнаты.

Удар пришёлся на голову, и ее зрение слегка затуманилось. Она обмякла и пошевелила головой, пытаясь собраться с мыслями.

Гермiona почувствовала трепет в животе, ее горло сжалось, а плечи затряслись. Она прижала раненую руку к животу.

— Пожалуйста, Люциус. Вы не хотите этого делать.

Его пальцы вцепились в ее плечо, когда мужчина повернул ее лицом к себе. Его лицо было залито кровью, а на лбу краснели царапины там, где она чуть не

выцарапала ему глаза.

Сможет ли она снова бежать? Был ли смысл пытаться?

Ее ноги внезапно подкосились, и Гермиона соскользнула на пол.

— Не делайте этого, Люциус, — сказала она. — Вам лучше не знать.

Люциус опустился на колени и откинул ее голову назад. Она посмотрела в его холодные серебристые глаза.

Они были такими же, как у Драко. Она не замечала этого раньше.

Люциус поднял бровь.

— Мне было приказано найти последнего члена Ордена, и я это сделаю. Это не та задача, которую мне позволительно проигнорировать.

Гермиона шокированно уставилась на Люциуса, в ее глазах мелькали размытые детали, которые казались недостижимыми. Разгадка. Она изучала его лицо, ища в нем черты Драко. Их глаза были так похожи: в них плескалось одно и то же отчаяние.

Люциус был на грани.

Ее глаза расширились.

Волдеморт стремился к бессмертию. У него не было намерения оставлять после себя преемника. Он заботился о власти только до тех пор, пока контролировал ее.

Он скорее сожжет волшебный мир дотла, чем позволит кому-то еще править вместо себя.

— Он убьет Драко, если вы потерпите неудачу? — Гермиона почувствовала, как его пальцы почти незаметно дрогнули. — пытки на прошлой неделе — это наказание не Драко, а ваше. Это вы его пытали?

Глаза Люциуса вспыхнули, прежде чем стать холоднее.

Когда Гермиона увидела это, она откинула голову назад и захлебнулась смехом. Конечно, она должна была догадаться, что они будут вести себя одинаково, когда лгут.

Девушка выдержала его взгляд и наклонилась вперед.

— Я и есть последний член Ордена. Самый последний, — сказала она через мгновение. — Все остальные исчезли. Я — все, что осталось.

Его глаза сузились.

— Я действительно взорвала Сассекс. — Она продолжала смотреть в его холодные глаза. — Гарри... Гарри погиб. Все погибли или были схвачены, и никто не мог меня остановить. Я знала алхимию и собрала эти бомбы. Яд, который вам

так понравился, это мое изобретение. Кровь фестрала. Аконит. Яд аспиды. Мышь. Рыба фугу. Размоченные корни болиголова. Шкура тритона. Его придумала я.

Она глубоко вздохнула.

— Хотя вы были правы... в последний год среди Пожирателей Смерти был шпион. А я — его связным.

В глазах Люциуса сверкнуло торжество. Гермионе захотелось плюнуть в него.

— Но вы не спасете Драко, когда узнаете правду. — Она разглядывала его окровавленное лицо, в ушах до сих пор стоял его смех в тот день, когда Рон умирал в муках. Она наклонилась ближе, ее голос упал до шепота. — Шпион, который убил Амбридж и уничтожил медальон, — это ваш сын.

Выражение лица Люциуса на мгновение стало пустым, прежде чем исказиться в яростной усмешке. Он схватил ее за горло, дернул вперед и швырнул обратно на прутья клетки.

— Мой сын никогда не вступил бы в союз с Орденом.

Гермиона задохнулась воздухом, но не оторвала от него взгляда.

— Он... ненавидит Волдеморта, — прохрипела она. — Он... всегда... ненавидел его. Как думаете, почему в этой гостиной стоит клетка? Волдеморту держал там вашу жену.

Люциус дернулся, как будто она ударила его.

— Ты лжешь!

Его хватка на ее горле усилилась, и Гермиона захрипела, пытаясь вдохнуть. Люциус с силой сжал пальцы, и кожа на ее лице натянулась от давления.

— Волдеморту... пытал ее... в этой комнате. Вот почему Драко принял Метку и убил... Дамблдора... — она с трудом выдавила из себя слова. Гермиона вцепилась в его руку, пытаясь вырваться. Ее легкие начали сжиматься и гореть.

— Думаешь, я тебе поверю? — Он отпустил ее горло, и девушка отчаянно хватала ртом воздух, втягивая его в свои горящие легкие, когда рухнула на клетку.

Его палочка дёрнулась в опасной близости от ее лица, и он зарычал:

— *Легилименс!*

Люциус не был хорошим легилиментом. Его магия для вторжения в разум оказалась слабой. Она походила на ковыряние в голове тупой палкой. Будь у Гермионы магия, он никогда не смог бы проникнуть в ее разум.

Но у нее не было магии.

Он ворвался внутрь.

Без всякой точности. Он просто рушил ее сознание своим, когда протискивался внутрь.

Он не фокусировался на отдельных воспоминаниях, просто пробирался дальше, пока не столкнулся с одним из них.

Драко...

Его пальцы скользили по ее спине, когда он целовал ее плечи и шею. Другой рукой он запутался в ее волосах, прижимая ее к себе так, что его обнаженная кожа прижалась к ее.

— Я люблю тебя, люблю тебя. Я всегда буду заботиться о тебе, — пробормотал он, прижимаясь к ее коже.

Гермиона попыталась отогнать воспоминания, но не смогла. Она чувствовала, как ее наручники начинают гореть вокруг запястий.

Драко подмывал ее под себя, обжигая губами, в то время как его руки блуждали по ее телу. Она прижалась к нему и страстно поцеловала в ответ. Его властные руки скользили по ее телу, притягивая все ближе и ближе, пока она не оказалась прижатой к нему. Затем он поднялся и резким толчком вошёл в нее.

Она чувствовала ярость Люциуса.

Гермиона не знала, как показать ему правильные воспоминания. Она даже не была уверена, что понимает, где они находятся. Он разорвёт ее разум на части задолго до того, как найдет их сам.

Она смотрела в лицо Драко.

— Я нашла недостающую деталь для того, чтобы убрать твою Темную метку.

— Действительно?

— Слезы феникса. Если бы у меня был флакон со слезами феникса, я смогла бы ее удалить.

Она заставила себя сосредоточиться, несмотря на боль. Нарцисса. Она должна показать ему, что случилось с Нарциссой.

Нарцисса.

Нарцисса.

В поле зрения появился портрет Нарциссы.

— Она не хотела, чтобы он знал. Ты хоть представляешь, через что она прошла, чтобы Люциус никогда не узнал об этом? Побочный эффект от трёх доз зелья показался тебе тяжелым? Она принимала их больше десятка раз в день... только чтобы увидеться с ним. Драко умолял ее не делать этого.

Люциус перестал грубо вторгаться в ее сознание и, казалось, застыл на

несколько секунд.

Гермиона воспользовалась короткой передышкой, чтобы разобраться в своих воспоминаниях в поисках нужных. В затылке пульсировала боль, как будто скальпель медленно погружался в основание черепа.

Нарцисса. Нарцисса. Ей нужны были воспоминания о том, как Драко говорил о Нарциссе.

Появилось разъяренное лицо Драко, и он посмотрел на нее сверху вниз.

— После того, как ты и твои дружки бросили моего отца в Азкабан, Темный Лорд пришёл в мой дом. Я еще даже не вернулся из школы. Когда я добрался до дома, он уже ждал меня. Он держал мою мать в клетке в нашей гостиной. Он истязал ее почти две недели.

Люциус дернулся. Она чувствовала его растущий ужас.

— Она... она так и не оправилась после пыток. Судороги... они не прекращались, особенно после такого длительного использования Круциатуса. Я даже не знаю, что еще он сделал с ней... до того, как я добрался до неё... — его голос дрогнул. Он откинул волосы с лица и, казалось, с трудом дышал. — Все лето... я не мог... не мог ничего сделать, кроме как говорить ей, что мне очень жаль.

Он дышал так быстро, что у него тряслись руки, и продолжал говорить, слова просто лились из него.

— Моя мать... она... она никогда не была сильной. Она чуть не умерла, когда была беременна мной, и так и не оправилась от этого. После этого она стала хрупкой. Мой отец всегда говорил, что мы должны заботиться о ней. Он заставлял меня клясться снова и снова по мере того, как я становился старше, что я всегда буду заботиться о ней. Когда Темный Лорд наконец покинул поместье... я попытался увезти ее подальше: куда-нибудь, где он не смог бы найти ее или снова причинить ей боль. Но она всегда отказывалась, боясь оставлять меня.

Он прижал ладони к глазам.

— Я пытался позаботиться о ней. Я пытался защитить ее. Я пытался придумать способ нашего побега... а потом... она сгорела заживо в поместье Лестрейнджей...

Люциус на мгновение заколебался. Гермиона подумала, что, возможно, он исчезнет из ее головы.

Но он еще глубже погрузился в ее похороненные воспоминания.

Ее разум сопротивлялся. Она почувствовала, как из затылка начинает исходить мучительная, разрывающая боль.

Вокруг нее раздавались крики.

Ее голос. Он звучал намного моложе, чем она помнила.

— Т-твой отец знал о происходящем?

Драко судорожно сглотнул.

— Нет. — Он отвел взгляд. — Мой отец... Он... Он очень заботился о моей матери. Если бы он узнал... Окклюменция не входила в число его сильных сторон. Не в той степени, в какой это было необходимо. Он всегда был слишком импульсивен, и это могло сгубить нас всех. — Мускулы на его челюсти дрогнули. — Моя мать настояла, чтобы мы скрыли от него ее состояние. Существовало зелье, прописанное датским целителем разума, оно маскировало большинство ее симптомов. Не позволяло ей впадать в панику, когда от нее требовали появления на публике. Она принимала его, когда приезжал отец. Темный Лорд по большей части держал Люциуса во Франции и Бельгии после освобождения. Отец предполагал, что она была такой холодной и отстраненной, потому что винила его в том, что я принял Метку.

Воспоминание изменилось.

Она и Драко были в постели вместе, его руки собственнически обнимали ее, когда он положил голову ей на грудь.

— Я буду заботиться о тебе. Клянусь, Гермиона, я всегда буду заботиться о тебе.

— Расскажи мне о своей матери, Драко. — Она скользнула пальцами по его плечам и провела по шрамам от рун. — Расскажи мне то, что никогда никому не рассказывал.

— Я никогда раньше не видел, как кого-то пытаются, — сказал Драко наконец. — Она была... первым человеком, которого я видел замученным. Он... — Гермиона почувствовала, как у Драко сжалась челюсть, когда он заколебался, — он экспериментировал на ней, позволяя нескольким Пожирателям Смерти вносить свои идеи о том, что с ней делать. Чтобы наказать Малфоев.

Люциус продолжал наступать, все глубже и глубже проникая в ее разум. Воспоминания начинали тускнеть, словно они таяли, распадаясь на части и исчезая.

Крики продолжались. Снова и снова.

Гермиона чувствовала, как мир вокруг неё угасает.

Все содрогнулось, и тяжесть разума Люциуса внутри нее внезапно исчезла. В руках и правой ноге чувствовалась боль.

Она сидела, прислонившись к клетке, тяжело дыша, заставляя себя оставаться в сознании. Комната медленно плыла в поле зрения. Воздух вокруг был густым от пыли и дыма.

Люциус исчез. Гермиона в замешательстве огляделась. Ее руки были в царапинах. Резкий, металлический звон заполнил ее уши и, казалось, не прекращался. Она прищурилась и закашлялась, делая глубокий вдох.

Гермиона попыталась встать, но комната закачалась, когда она наклонилась вперед. Девушка откинулась назад, сдавленное рыдание застряло у нее в горле,

пока она пыталась думать.

Ей нужно было...

Что произошло?

Необходимо было...

Гостиная.

Ей нужно было выбраться из гостиной. Дверь. Нужно было найти дверь.

Гермиона озадаченно огляделась. Вокруг сверкали вспышки света, которые она не могла разглядеть. Стена, где должна была находиться дверь, исчезла. На ее месте зияла дыра, похожая на вход в пещеру.

Она должна убраться отсюда, пока не вернулся Люциус. Девушка неловко попыталась встать. Ее голова пульсировала, а комната продолжала вращаться. Гермиона оказалась на грани обморока. Ее нога не слушалась. Она посмотрела вниз и поняла, что в ее икре застрял кусок дерева.

Комната светилась, все вокруг было размыто. Послышался шум, но она не могла разобрать его из-за звона. Огни продолжали мигать. Гермиона моргнула и попыталась поднять глаза, чтобы увидеть, что это было, но все вокруг покрылось рябью и потемнело. Она откинулась назад.

Она сейчас встанет.

Ей просто нужно было отдышаться. Если бы голова немного прояснилась, ей было бы легче двигаться.

Она протянула руку и коснулась лица дрожащими руками. Пальцы покраснели от крови...

Скрежет за спиной вернул ее в сознание.

Чьи-то руки взяли ее за плечи и подняли с того места, где она лежала.

Светлые волосы.

Она попыталась вырваться.

— Пожалуйста... Нет... Не надо...

Она лежала на спине, и бледная кожа и волосы заполнили ее зрение.

— Боже... Гермиона... Мне так жаль. Пожалуйста, держись. Ты должна продержаться.

Голос человека звучал искаженно.

Она прищурилась.

— Драко?

Он казался таким бледным, что девушка задумалась, не призрак ли это был.

— Ты пришел... — она протянула руку и коснулась его. Это действительно был Драко. — Ты всегда приходишь за мной...

Он склонился над ней, быстро бормоча исцеляющие заклинания.

— Мне так жаль. Я не могу дать тебе обезболивающее, — сказал он. Его голос дрожал. — Обопрись на меня. Теперь ты в безопасности. Я вытащу тебя отсюда. Прости меня.

Гермиона почувствовала, как он вытащил деревянную щепку из ее ноги. Боль пронзила ее, будто огонь, и она издала рваный крик.

Неожиданная агония очистила ее разум, освободив место для осознания. Люциус похитил ее и проник в ее сознание. Гермиона резко вздохнула, и ее грудь начала сжиматься.

— Боже. Боже. Боже, Драко. Он использовал легилименцию и портключ. С ребенком все в порядке? Он причинил ей боль?

Драко наложил несколько заклинаний на ее раненую руку, но Гермиона сомкнула пальцы на его палочке и прижала ту к своему животу.

— Проверь ребенка, — сказала она дрожащим голосом. — Он мог причинить ей боль.

Девушка не могла дышать, пока Драко произносил заклинание. Яркий золотой свет заполнил комнату, когда появился шар, все еще непрерывно трепещущий.

Гермиона смотрела на него несколько секунд, прежде чем разрыдаться. Она заставила себя сесть. Комната поплыла перед глазами, но девушка заставила себя сосредоточиться, крепко сжимая рубашку Драко и глядя ему в глаза.

— Он все знает... Мне жаль. Твой отец теперь знает. Я рассказала ему, что случилось с твоей матерью. — Ей пришлось наклониться ближе, чтобы разглядеть детали его лица.

Драко замер и моргнул.

— Все в порядке. Теперь это не имеет значения, — сказал он через мгновение. Его волосы коснулись ее волос, и он поцеловал ее в лоб. Драко скользнул рукой ей за талию, под ноги и поднял ее. — Я отведу тебя в твою комнату и исцелю. Потом я разберусь с ним.

Он встал. Она чувствовала, что Драко дрожит. Он был так бледен; возможно, у него шла кровь. Гермиона не была уверена. Она шокированно оглядела комнату. Пол был покрыт щебнем, и вся стена, где предполагалась дверь, исчезла.

Люциус был заперт в клетке в центре комнаты. Его запястья были прикованы к прутьям с противоположных сторон клетки.

Чтобы помешать ему прикоснуться к своей Темной метке.

Из раны в боку сочилась кровь.

Драко заметил, на что она смотрит.

— Это был самый быстрый способ справиться с ним.

Люциус пошевелился и, запрокинув голову, пристально посмотрел на Драко и Гермину. Его волосы упали на лицо, но глаза сверкали от ярости.

— Почему ты не сказал мне, что случилось с твоей матерью? — спросил он, его голос походил на долгое рычание.

Гермина почувствовала, как пальцы Драко дернулись у нее на спине. Он тихо вздохнул.

— И что бы ты сделал, что не убило бы ее раньше?

Люциус зашевелился, металлические кандалы лязгнули о прутья. Он дернул головой, чтобы лучше видеть.

— Ты должен был сказать мне. Она была моей!

Драко холодно посмотрел на отца.

— Да. Была. И ты позаботился о том, чтобы все это знали. Даже Темный Лорд. Ты никогда не отпускал ее. Не тогда, когда она умоляла тебя бежать после четвертого курса. Ты любил ее до гробовой доски.

Сквозь кровь, заливавшую лицо Люциуса, можно было увидеть, как он побледнел.

Драко горько усмехнулся.

— Меня всегда сбивало с толку, что ты верил, будто Темный Лорд использовал меня, чтобы наказать тебя, когда у него в руках оставалась Нарцисса. Полагаю, ты всегда уступал Темному Лорду в изобретательности.

Несколько мгновений Люциус молчал, потом склонил голову набок.

— И чем же ты теперь занят? Грязнокровка раздвинула перед тобой ноги в качестве утешения, и ты вообразил, что сможешь спасти ее?

Драко ничего не ответил.

Люциус подался вперед.

— Тебе не удастся выжить. Если она сбежит, Темный Лорд привлечет тебя к ответственности.

Драко фыркнул.

— Думаю, что существует слишком мало вариантов развития событий, при которых я переживу ближайшие несколько месяцев. Даже если она останется.

Глаза Люциуса сузились.

— Ты все знал.

Драко кивнул с холодной ухмылкой.

— Информация — моя специальность, отец.

Внешне он был спокоен, но Гермиона чувствовала, как все его тело дрожит.

Люциус двинулся вперед и изучающе посмотрел на Драко, словно заново его оценивая. Его глаза горели.

— И что же ты собираешься делать со мной?

— А ты как думаешь? Ты сорвался и чуть не скомпрометировал мое задание. В процессе спасения Грязнокровки мне пришлось убить тебя. У меня есть воспоминания, подтверждающие это.

Люциус кивнул, по-видимому, ничуть не удивленный.

— Я хочу увидеть Нарциссу.

Драко колебался, а затем кивнул.

— Думаю, теперь она не откажет в разговоре. Я попрошу эльфов принести ее портрет. У тебя есть время, пока я не вернусь.

Люциус молчал.

Драко повернулся к двери. Гермиона прижалась лбом к его плечу, пока он пробирался сквозь завалы. Ее голова откинулась назад.

— Еще немного, Грейнджер. Оставайся в сознании ради меня.

Острая боль пронзила низ ее живота, и она вцепилась в его одежду.

Они уже почти вышли из гостиной, когда Люциус снова заговорил:

— И как ты поступишь, если я предложу тебе спасение, Драко?

Драко едва отреагировал и продолжал уходить, не отвечая. Гермиона подняла голову и посмотрела через его плечо на Люциуса.

Голова мужчины была откинута назад, когда он смотрел на нее через комнату, его глаза злобно сверкали.

— Слезы феникса, не так ли? — его губы приоткрылись в гримасе, обнажив окровавленные зубы. — Сколько тебе нужно?

Драко продолжал идти, пока Гермiona тянула его за одежду, пытаясь задержаться в комнате. Она посмотрела на Люциуса, ее сердце продолжало бешено стучать.

Драко остановился.

— Нет, Грейнджер.

— Драко... если у него есть слезы феникса... — Она заставила его поставить ее на пол и, крепко сжав его руку, чтобы удержаться на ногах, широко раскрытыми глазами посмотрела на Люциуса.

Кровь высохла и покрывала коркой его лицо. Ей пришлось прищуриться, чтобы разглядеть фигуру мужчины в другом конце комнаты.

— Мне нужно пятнадцать капель, — сказала она.

Люциус задумчиво склонил голову набок.

— Сколько капель содержится в половине флакона?

Гермiona сглотнула, ее сердце упало от разочарования, такого острого, физически болезненного.

— Все зависит от вида флакона. В половине стандартного около двенадцати капель.

Люциус нахмурил брови.

— А если мы говорим о старинном флаконе пятнадцатого века?

Гермiona тихонько ахнула и покачнулась на ногах.

— Они больше стандартных. У вас действительно есть слезы феникса?

Люциус жестоко улыбнулся.

— И что тогда? Что бы ты предложила мне взамен, если бы я дал тебе его?

Драко усмехнулся:

— Не трать на него время, Грейнджер. Единственная причина, по которой его это волнует, — это то, что я до сих пор не произвел на свет наследника.

Он подхватил ее на руки и быстро зашагал прочь.

Гермiona положила голову ему на плечо, пока он нес ее через весь дом. Голова девушки сильно пульсировала, но она заставила себя сосредоточиться, несмотря на боль.

Когда они вошли в ее комнату, он крикнул:

— Боббин!

Голос Драко был похож на рычание.

Боббин мгновенно появилась и пала ниц к его ногам.

— Хозяин Драко! Хозяин Драко, Боббин очень сожалеет. Боббин не знает, как хозяин Люциус забрал мисс из ее комнаты.

— Ложка на подносе с завтраком. Это был портключ, — сказала Гермиона. В затылке у нее возникло странное ощущение падения.

Боббин вскрикнула от отчаяния и несколько раз ударилась головой об пол. Глухой звук заставил Гермиону вздрогнуть и съежиться.

— Перестань калечить себя, — голос Драко был ледяным. — Принеси мне все зелья для исцеления и пошли двух эльфов, чтобы они перенесли портрет моей матери в гостиную Южного крыла. Убирайся с моих глаз.

Он остановился перед портретом в комнате Гермионы.

— Отец хочет видеть тебя, мама. Если ты когда-нибудь планировала поговорить с ним, то сегодня у тебя есть последняя возможность сделать это.

Он отвернулся, прежде чем портрет успел ответить, и понес Гермиону к кровати.

Прошло всего мгновение, но она вдруг оказалась на кровати в чистой одежде, окруженная медицинскими принадлежностями, разложенными по одну сторону. Драко пропитал несколько тряпок в экстракте бадьяна и обернул их вокруг ее руки и ноги, прежде чем поднять голову.

Ужас отражался на его лице. Глаза Драко вспыхнули, и выражение лица стало непроницаемым в тот момент, когда их взгляды встретились.

— Мне очень жаль... Я боялся, что взрыв убьет тебя, иначе появился бы раньше. Прости меня.

Гермиона небрежно покачала головой, пытаясь собраться с мыслями и сосредоточиться.

— Драко... у него могут быть слезы феникса.

Его лицо на мгновение напряглось.

— Грейнджер, не надо.

Он взмахнул палочкой, но его пальцы резко дернулись на середине заклинания. Палочка испустила голубое пламя, которое через мгновение погасло. Выражение лица Драко дрогнуло, а челюсть сжалась, когда он снова осторожно взмахнул палочкой и провел диагностику ее разума.

В воздухе появилась проекция ее мозга. Ярко светящиеся огоньки в ее мозге все еще можно было различить, однако некоторые из них потеряли золотую

окантовку и стали кроваво-красными. Крошечные алые нити, похожие на молниеносные фракталы, разветвлялись по секциям ее мозга.

Увидев это, Драко посерел.

— Мне нужно... мне нужно вызвать целителя разума.

Он встал, чтобы уйти, но Гермиона схватила его за запястье и потянула назад.

— Нет. Драко, подожди... твой отец сказал, что у него есть слезы феникса. Мы должны выяснить, что он хочет в обмен на них.

Он высвободил запястье, его лицо приняло решительное выражение.

— Грейнджер, в этом нет никакого смысла.

Гермиона недоверчиво уставилась на него.

— Что... что значит — нет смысла? Я смогу стереть с тебя Метку. — Ее грудь дернулась в спазме, и она снова сжала его руку. — Ты должен узнать... ты должен спросить... Пожалуйста, Драко... Пожалуйста...

Ее легкие начали судорожно сжиматься, пока она умоляла его.

Он несколько секунд смотрел на нее, потом вздохнул и опустился на край кровати. Драко обнял ее за плечи и сидел так, пока ее дыхание не замедлилось.

Затем, когда она успокоилась, он посмотрел на свои руки.

— Грейнджер... — Драко на мгновение замолчал. — Теперь я бесполезен как дуэлянт.

Гермиона наблюдала за его пальцами, замечая, как указательный дернулся, а за ним и большой. Драко сжал руки в кулаки.

— Неделю назад все могло сложиться по-другому. Но теперь... — он поднял правую руку. Безымянный палец продолжал подергиваться. — Единственная причина, по которой я сегодня победил отца, заключалась в том, что он на самом деле не хотел меня убивать.

— Драко...

Он прервал ее напряженным голосом:

— Я не могу победить Темного Лорда ради тебя, Грейнджер. Я знаю, что ты хочешь спасти всех, но я не смогу убить его... даже если ты убережешь Метку. Если я попытаюсь и потерплю неудачу, меня, вероятно, возьмут живым. — Он по-прежнему не смотрел на нее. — Если меня будут допрашивать, — Драко опустил глаза, и она увидела, как напряглись его челюсти и плечи, — даже если ты наложишь на меня Обливиэйт до того, как я уйду, в конце концов он узнает о тебе, Джинни и Джеймсе и приблизительном местоположении убежища. Я... — его рот скривился, — я не...

— Драко... — голос Гермионы дрогнул, когда она взяла его лицо в ладони и

повернула так, чтобы их глаза встретились. — Драко, я не собираюсь снимать твою Метку, чтобы потом ты погиб в развалинах вместе с Волдемортом. Я буду заботиться о тебе. Я собираюсь спасти тебя.

Ее руки дрожали, но она не отпускала его.

— Я могу спасти тебя, если ты позволишь. Позволь мне снять Метку, и мы сможем убежать. Мы убежим вместе, как всегда хотели...

Он пристально посмотрел на нее, и уголок его рта задумчиво приподнялся.

— Я дал Непреложный Обет, Грейнджер. Нет никакого...

— Я знаю о твоей клятве. Ты сделал это ради меня. — Она оборвала его, пристально глядя в его серебряные глаза, крепко сжимая его правую руку в своей, пока не почувствовала магию, рождающуюся между ними. — Драко Малфой, ты сделал все возможное, чтобы помочь Ордену Феникса победить Волдеморта. Я — последний член Ордена. Я считаю, что твой Непреложный Обет исполнен.

Она притянула его лицо ближе, пока не смогла прижаться лбом к его лбу.

— Ты сделал больше, чем кто-либо. Позволь мне спасти тебя сейчас. Пожалуйста, доверься мне, и позволь рискнуть.

Драко застыл на несколько секунд. Она чувствовала, как он колеблется.

Затем он медленно кивнул.

***

Люциус стоял на коленях в клетке, подавшись вперед, насколько это было возможно, к портрету перед ним.

Выражение его лица, когда он смотрел на Нарциссу, было голодным. Собственническим. Отчаянным.

Он плакал. Гермиона видела, как дрожит все его тело.

Затем Люциус поднял глаза и увидел ее и Драко в дверях. Он мгновенно отпрянул, выражение его лица изменилось.

Комната была очищена от большей части обломков и крови.

Гермиона медленно пересекла разделяющее их пространство и остановилась всего в нескольких футах от клетки. Голова продолжала болеть так сильно, что казалось, будто ее череп проломили. Девушка приняла несколько укрепляющих зелий, помогающих двигаться уверенно, но зрение все еще слегка затуманивалось.

Драко хотел позвать целителя, но она отказалась. Сначала следовало узнать, где находится последний ингредиент, чтобы разобраться с Меткой. Присутствие целителя могло осложнить их план.

Губы Люциуса изогнулись в жуткой улыбке, когда он поднял взгляд на них.

— Вы только посмотрите, мой любимый сын явился отправить меня в загробную жизнь в сопровождении своей грязнокровной шлюхи, нагло соблазнившей его.

— Люциус! — голос Нарциссы был резким.

Он заметно вздрогнул, словно от удара. Эмоции быстро промелькнули на его лице. Шок. Вина. Раскаяние.

Он снова посмотрел на портрет.

— Цисси...

Нарцисса растеряла прежнее самообладание. Она выглядела сломленной.

— Она — все, что у него есть, — сказала Нарцисса.

Выражение лица Люциуса исказилось от едва скрываемого неодобрения, но он неохотно кивнул в знак согласия, прежде чем снова поднять глаза.

Уголок рта Гермiony дернулся, и она подошла ближе, изучая его. Он был весь в порезах от взрыва, его щека была рассечена и кровь стекала вниз по челюсти и горлу. Рана на боку перестала кровоточить. Он испытывал гораздо большую физическую боль, чем показывал, но ничего опасного и смертельного в его повреждениях не было.

Она снова отступила.

— Откуда у вас слезы феникса?

Люциус пристально посмотрел на нее, поднимая бровь.

— Семья Малфоев живет в Англии почти тысячу лет. В пятнадцатом веке нам подарили флакон в обмен на... определенные услуги. Его можно использовать только в целях сохранения родословной. Флакон передавался от отца к сыну, когда рождался новый наследник.

— В самом деле? — голос Драко звучал холодно и скептически. — И у тебя все это время был флакон со слезами феникса, о котором ты никогда не упоминал даже в записях?

Выражение лица Люциуса стало надменным.

— Он используется только для сохранения линии рода. У тебя разве есть наследник, Драко? Не думаю, — его тон был злобным и полным насмешки. — Флакон находится в сундуке, в котором также хранится кровь всего поколения Малфоев. Будь у тебя наследник, его кровь добавили бы туда при рождении, и с того момента и до тех пор, пока ты не умрешь, только ты, его отец, мог бы открыть сундук. Когда у него родился бы сын, сундук перешёл бы к нему.

Драко посмотрел на портрет.

— Ты... знала об этом, мама?

Нарцисса покачала головой, и плечи Драко опустились, будто он был готов к ее ответу. Он сглотнул и резко кивнул.

— Где он? В хранилище Гринготтса?

— В данный момент в моей комнате, — мягко сказал Люциус. Он небрежно облокотился о прутья клетки.

Драко моргнул.

— Все это время в поместье хранился флакон со слезами феникса?

— Конечно же, нет, — ответил Люциус, закатывая глаза. — Он предназначен для сохранения родословной. Я держу его при себе.

Драко несколько секунд смотрел на Люциуса.

— Что ты хочешь за него? Каковы твои условия?

Люциус издал низкий, нескончаемый смех, продолжавшийся так долго, что Гермионе захотелось ударить его. Он склонил голову под неестественным углом, так что волосы упали ему на глаза.

— Почему, Драко? Почему ты думаешь, что я потребую что-то взамен, чтобы спасти собственного сына?

Драко фыркнул.

Что-то мелькнуло в глазах Люциуса, и он выпрямился.

— Я спасу тебя, потому что ты мой сын и наследник, не требуя от тебя ничего.

Люциус отвел взгляд от сына.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Гермиона.

Люциус поднял бровь.

— Десять минут. Наедине.

— Об этом не может быть и речи, — холодно ответил Драко.

Люциус закатил глаза и помахал скованным запястьем.

— И какую пользу я извлеку, причинив ей вред?

— А разве в мире существует польза, которую ты когда-либо не извлекал? — Лицо Драко приняло дикое выражение, когда он с усмешкой посмотрел на отца. — Я не оставлю ее наедине с тобой. Уж лучше умереть.

Люциус дернулся.

Гермиона положила руку ему на плечо.

— Со мной все будет в порядке, Драко.

Она не до конца верила в свои слова, но ей было уже все равно. Гермиона была готова рискнуть всем, лишь бы заполучить слезы феникса.

— Грейнджер...

Она взяла его за руку и посмотрела в глаза.

— Всего десять минут.

Драко не двигался. Его взгляд был полон сомнений.

Она сжала его руку.

— Пожалуйста, Драко. Ты сказал, что позволишь мне спасти тебя.

Он изучал ее с настороженным выражением лица. Его серебристые глаза были подобны зеркалам, и Гермиона могла видеть в них свое отражение. Ее взгляд и красная одежда. Она выглядела бледнее, чем думала.

— Пожалуйста, Драко...

Он неохотно кивнул.

— Я буду за дверью.

Прежде чем уйти, он подошел к отцу и начал рыться в его мантии, конфисковывая несколько видов оружия и различные предметы, которые Гермиона не смогла идентифицировать.

У Люциуса оказались три дополнительных волшебных палочки, спрятанных в одежде, и целый набор инструментов для пыток, уменьшенный до размера бумажника. Драко несколько раз произносил заклинания обнаружения и, казалось, каждый раз находил что-то новое.

— Я даже не в состоянии воспользоваться своими руками, не понимаю, как ты предполагаешь, что я убью ее, — угрюмо сказал Люциус, когда Драко извлекал последнюю палочку.

Драко просто молча спрятал все в свои карманы с усмешкой, а затем бросил небрежное *Тергео* на Люциуса.

Тот прошипел, когда кровь резко исчезла с его лица.

Драко на мгновение уставился на отца.

— Десять минут. Я подожгу портрет матери у тебя на глазах, если ты попытаешься хотя бы прикоснуться к Гермионе.

Холодная ярость сверкнула в глазах Люциуса, и Драко ушел.

Гермиона и Люциус пристально смотрели друг на друга.

Он ничего не говорил, просто изучал ее. Его серебристые глаза были полны решимости, словно он пытался понять, кто стоял перед ним.

Через минуту Гермиона заговорила:

— Если вы хотите заставить меня пообещать, что я брошу его и исчезну, как только он окажется в безопасности, мой ответ — нет.

Он моргнул и наклонился вперед.

— Что ты собираешься делать с моим сыном?

Она пристально посмотрела на него.

— Я намерена спасти его.

Глаза Люциуса сузились.

— И что потом?

Она дернула плечом.

— Потом... мы просто будем жить. Никаких планов нет. Все остальное не имеет значения.

Он усмехнулся. От этого движения у него перехватило дыхание, и Люциус закашлялся.

— Вы глупцы, если думаете, что можете убежать и исчезнуть. Темный Лорд никогда не отпустит его. За вами всегда будут охотиться. И если у Драко не осталось сил защищаться, ни один из вас не выживет. Если хотите оставаться в безопасности и чтобы о вас позаботились, то откажитесь от своих романтических идей. В Буле живет семья...

— Драко дал Непреложный Обет Ордену, что никогда не будет претендовать на власть Волдеморта и не станет новым Темным Лордом.

Люциус на несколько секунд погрузился в изумленное молчание.

— Он. Сделал. Что? — его голос был убийственен.

Уголок рта Гермионы угрожающе дернулся, но она заставила себя продолжать бесстрастно смотреть на него.

— Орден опасался, что Драко использует нас в своих целях. Чтобы доказать свою преданность, он поклялся сделать все возможное, чтобы победить Волдеморта, и после поражения Темного Лорда никогда не претендовать на власть и не становиться его преемником.

Она опустилась на колени так, что ее лицо оказалось рядом с лицом Люциуса.

— Вы правы, он действительно планирует спасти меня. С того момента, как я приехала, он делал все, чтобы защитить меня и отправить в безопасное место,

прежде чем умереть, чтобы никто никогда не смог меня найти. Таков его план: заботиться обо мне. Но я тоже хочу спасти его. Я тоже давала ему обещания. И сделаю все, чтобы спасти его.

Выражение лица Люциуса стало насмешливым.

— Кроме того, чтобы отказаться от него в итоге.

Она на мгновение опустила глаза, прежде чем встретиться с ним взглядом.

— Кроме этого, — ее горло сжалось, когда она сглотнула. — Я... я более эгоистична, чем он.

— И как ты представляешь себе его спасение? — холодно спросил Люциус. — Отправишь меня убить Темного Лорда, чтобы отомстить за жену и подарить жизнь своему наследнику?

Он сказал это насмешливо, но его глаза опасно сверкали.

Гермиона спокойно посмотрела на него.

— Нет. Слишком велика вероятность ошибки. Даже если бы вы могли, убийство Волдеморта не защитит Драко от всех остальных, кто захочет его смерти. После того, как вы сможете разобраться с Темной меткой Драко, мне нужно, чтобы вы покончили с собой.

Люциус издал громкий смешок:

— А я все гадал, когда же проявится твое истинное лицо. Возможно, ты и вправду сравнивала Сассекс с землей. — Он откинул голову назад. — И почему же я должен думать, что нахождение моего сына в твоих руках на всю оставшуюся жизнь лучше, чем его смерть?

Он дразнил ее. Он хотел, чтобы она умоляла его, Гермиона видела это в его глазах.

Грязнокровка, соблазнившая его сына, — вот кем он ее видел. Жалкий источник утешения, к которому Драко привязался, скорбя по своей матери. В другой жизни и при других обстоятельствах, Драко с радостью перешагнул бы через ее остывший труп.

Ее горло сжалось, и она заставила себя дышать.

Единственный способ сохранить Драко жизнь — убедить Люциуса добровольно согласиться на ее условия.

Она заставит его согласиться.

Она спасет Драко.

Девушка посмотрела на портрет.

— Он ведь очень похож на Нарциссу? Я не сразу это заметила, но теперь не могу смотреть на нее, не обращая внимания на их сходство. Наверное, было непросто

после ее смерти видеть в его взгляде ее? — Она снова посмотрела на Люциуса. — Но... теперь все это исчезает, не правда ли? Он уже не такой, каким был раньше. Война уничтожила в нем почти все. И теперь Волдеморт вытравливает из него то, что осталось.

Губы Люциуса сжались в ровную линию.

Гермиона выдержала его взгляд и позволила отчаянию отразиться на своем лице. Глядя на Люциуса, она словно касалась спасения кончиками пальцев, но все еще находилась недостаточно близко, чтобы полностью ухватиться за него. Ее сердце было похоже на трепещущую птицу в клетке внутри ее груди, бьющуюся до смерти, но продолжающую бороться, чтобы вырваться.

Губы Гермионы дрогнули.

— Волдеморт убьет его. Даже если бы Драко не был шпионом, даже если бы он был самым преданным Пожирателем Смерти, Волдеморт все равно пытал бы и в конце концов убил бы его, просто чтобы убедиться, что нет никого, кто может превзойти его. Слезы феникса не отменят действия Убивающих Проклятий. Они не устранят повреждения нервной системы от Круциатуса.

Она коснулась прутьев клетки кончиками пальцев.

— Я уверена, вы поняли, что он стал шпионом, чтобы отомстить за Нарциссу. Он знал, что, скорее всего, мы не победим. Он был уверен, что его убьют, но все равно сделал это. Это была его расплата... ведь он всегда обещал, что позаботится о ней. Он никогда... — ее голос дрогнул, — никогда не думал, что у него будет жизнь вне этой войны. Ни тогда, когда он пытался защитить Нарциссу, и ни сейчас со мной. Он всегда считал, что это будет последнее, что он сделает.

Гермиона подалась вперед.

— Я перепробовала все, что могла, чтобы найти способ спасти его. У меня было так много идей, но не доставало нужных элементов, чтобы планы срабатывали. Если у вас действительно есть слезы феникса, я могу спасти ему жизнь, но только если вы мне поможете. Если вам достаточно его спасения.

Она обхватила прутья клетки ладонями.

— Я не могу обещать, что оставлю его, потому что уже дала ему слово, что никогда этого не сделаю. Но я обещаю: как только он будет свободен... если он когда-нибудь захочет уйти от меня — я отпущу его.

Люциус наклонился ближе, пока их лица не оказались всего в нескольких дюймах друг от друга. Его серебристые глаза горели жестокостью.

— Поклянись своей магией.

Ее губы дрогнули, а пальцы судорожно сжали холодную сталь.

Она не оставила себе времени на раздумья.

— Клянусь своей магией. Если Драко когда-нибудь захочет уйти от меня, я его

отпущу. Даю слово.

Люциус еще мгновение смотрел на нее, потом вздохнул и откинулся назад.

— Сундук в моем шкафу. Моя палочка — ключ к двери. Я открою сундук, как только его принесут, затем ты проверишь, достаточно ли там слез.

Он снова посмотрел на портрет и, казалось, совсем забыл о Гермионе.

Мгновение она изучала голодное, отчаянное обожание на его лице, прежде чем медленно встала. Неудивительно, что Драко никогда не думал, что его отец может заботиться о ком-то, кроме матери.

Она нетвердой походкой пересекла комнату. Все тело болело. Даже биение сердца, казалось, вызывало боль в груди. В комнате было неестественно холодно.

Драко наблюдал за ее приближением с порога. В его глазах читалась тревога. Она слабо улыбнулась ему.

— Он сказал, что ты можешь использовать его палочку, чтобы открыть дверь шкафа, — начала Гермиона. — Сундук там, он сказал, что откроет его.

Драко потащил ее прочь из гостиной.

— Я провожу тебя в твою комнату.

Гермиона едва успела кивнуть, как он снова взял ее на руки.

— Я могу идти, — сказала она, пытаясь заставить Драко опустить ее на пол. — Отправляйся за сундуком.

— Ты должна быть в постели, — холодно сказал Драко.

Гермиона слишком устала, чтобы спорить. Она зарылась лицом в его одеяние и задремала, пока он нес ее через поместье. Она должна была сходить с ума от адреналина, но вместо этого она ощущала усталость. Смертельную усталость.

— Он действительно любит тебя, — сказала девушка, когда они приблизились к ее комнате. — Я просто не думаю, что он знает, каково это — смотреть на тебя и видеть в тебе что-то помимо нее.

— Я знаю, — Драко опустил ее на кровать. — Отдохни, Грейнджер. Если я вернусь и ты будешь читать, я позову целителя разума. И мне будет все равно, каков твой план.

Она согласно кивнула. Ее голова болела так сильно, что она не думала, что действительно была в состоянии что-то прочесть. Гермиона чувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

— Если там окажется достаточно слез, у эльфов есть список ингредиентов для зелья, которые мне понадобятся. Мне нужны все они, самого лучшего качества. Весь твой медицинский инвентарь нуждается в пополнении. Скажи Джинни, чтобы она не приезжала, и разорви кровные узы, которые у тебя есть с

поместьем. Они должны исчезнуть или...

— Ты уже объясняла это раньше, Грейнджер. Перестань болтать и отдохни.

Она крепко обхватила живот.

Он натянул одеяло ей на плечо, и она поймала его руку, отчаянно вцепившись в ту.

— Драко, ты должен будешь мне помочь. Я не думаю, что... — ее голос затих, и Гермиона заколебалась. — Пообещай мне.

Драко на мгновение замолчал.

— Я обо всем позабочусь.

***

Драко разбудил ее поздно вечером. Вокруг нее парили с полдюжины диагностик, которые он изучал.

Ее рука и нога полностью зажали, и ребенок все еще отражался на проекции ярким золотым сиянием. От бьющего в глаза света у нее разболелась голова.

— Мне следует вызвать целителя разума, — сказал Драко, когда она, поморщившись, села.

Гермиона покачала головой.

— Нет. Не стоит рисковать. Я в порядке. Это просто головная боль. Я не на грани приступа. Все в порядке, воспоминания просто... стали немного расплывчатыми. Не думаю, что целитель действительно сможет что-то с этим сделать. Ущерб уже нанесен.

Его лицо напряглось.

Она посмотрела на него, ее сердце бешено колотилось в груди.

— Флакон у тебя? Там действительно слезы феникса?

Драко достал из-под мантии пузырек с серебристой жидкостью и протянул ей.

— Есть аналитическое заклинание, способное подтвердить, что это действительно слезы, — сказала она напряженным и нервным голосом, вертя его в руке. — Но они могут не сработать, если им на самом деле так много лет. Не существует исследований, касающихся сроков хранения слез феникса.

Драко произнес заклинание.

В глазах Гермионы двоилось, но, прищурившись, она сфокусировала взгляд и внимательно изучила прозрачную жидкость.

Это был флакон со слезами феникса. Заклинание было совершенным, их эффективность все еще была стопроцентной. Они прекрасно сохранились.

Их было достаточно. Просто взглянув на нестандартный размер флакона, она могла сказать, что там было по крайней мере пятнадцать капель.

Гермиона несколько секунд смотрела на пузырек в руках, пытаясь осознать реальность того, что держала. Ее желудок трепетал, и она чувствовала, что задыхается.

Она сможет это сделать. Драко будет жить.

Она спасет его.

— Нам следует сделать все в гостиной, — наконец сказала Гермиона. — Там накладывали столько видов заклинаний, что свежие магические отпечатки будет невозможно идентифицировать. Все готово? Ты связался с Джинни?

Драко медленно кивнул.

— Она знает о нашем плане. У эльфов все готово. Моя... моя мать намерена остаться. Она не хочет бросать отца.

Гермиона мгновение изучала его лицо, прежде чем встать и потянуться к нему. Комната поплыла. Драко поймал ее за локоть.

Она держала его мантию, пока не пришла в себя. Девушка глубоко вздохнула, прежде чем выдавить улыбку.

— Я не завтракала. Вероятно, стоит принять несколько зелий.

Ее желудок взбунтовался, но она заставила себя проглотить укрепляющее и питательное зелья, борясь с приступами тошноты, чтобы они успели всосаться в кровь. Голова перестала казаться треснувшей и пустой.

Гермиона снова встала и медленно прошла по комнате. Икра все еще болела, но рука полностью зажила. Девушка наклонилась и разжала пальцы, чтобы проверить их ловкость. Успокаивающий напиток поможет справиться с дрожью, когда ей понадобится колдовать.

Ее зрение постепенно переставало двоиться.

Если свет не окажется слишком ярким, с ней все будет в порядке.

Драко стоял и смотрел на нее. Выражение его лица было непроницаемо, но взгляд казался задумчивым и обеспокоенным.

— Грейнджер, ты...

— Мы сделаем это, Драко, — сказала она, обрывая его. — Если бы я оказалась на твоём месте, разве у тебя были бы сомнения?

Он неохотно покачал головой.

— Я смогу это сделать. Со мной все будет в порядке. Как только мы сбежим, я буду восстанавливаться столько, сколько потребуется. После того, как я спасу

тебя.

Гермиона подошла к двери и без колебаний вышла в коридор.

Люциус все еще оставался заперт в клетке в гостиной.

Желудок Гермионы сжался, когда она вошла в комнату в третий раз за день.

— Боббин, — позвал Драко все еще злым тоном.

Эльфийка появилась у входа в гостиную.

— Принеси сюда все необходимое и приготовь лошадь.

Гермиона нервно прикусила губу.

— Как только наручники будут сняты, сколько времени у нас будет?

— Сомневаюсь, что больше получаса, — сказал Люциус.

Гермиона кивнула.

— Я так и думала. Итак, двадцать минут, чтобы удалить Темную метку, и еще несколько минут, чтобы уйти. Вся процедура может занять больше двадцати минут, но это лучшее время, которое я могу гарантировать. Нам следует все приготовить и сварить зелье перед снятием наручников.

Она посмотрела на Люциуса.

— Чтобы это сработало, все должны поверить, что Драко погиб. Что мы все погибли. Вы сможете это устроить?

Он сердито взглянул на нее.

— Естественно. При условии, что моя палочка будет возвращена.

Она кивнула и отвернулась. Эльфы принесли большой стол, который занимал почти всю комнату. На одной половине были разложены запасы зелий. На другой — медицинские принадлежности: бинты, десятки флаконов с зельем, восполняющим кровь, экстракт бадьяна, дорогое обезболивающее и несколько катушек шелка акромантула. Гермиона все тщательно разложила.

Рядом стоял столик поменьше, на нем лежала груда волшебных палочек и сумка.

Ее сердце пропустило удар.

Ее сумка. Девушка протянула руку и открыла ее. Та все еще была заполнена ее запасами алхимических составляющих и зелий, а также полным ассортиментом целебных отваров и припасов.

— Ты сохранил ее, — сказала она, пробегая пальцами по знакомой материи.

— Она могла оказаться полезной, — сухо сказал Драко. Он внимательно наблюдал за ней, пока Гермиона изучала содержимое.

Там был комплект дорожной одежды, достаточно свободной, чтобы удобно чувствовать себя в ней с животом. Драко наколдовал ширму, и девушка едва сдержалась, чтобы не сорвать с себя красное платье, оставив его на полу, пока натягивала новую одежду. На стуле лежала верхняя мантия с парой кожаных перчаток, рядом стояли сапоги. На крючке висел тяжелый черный плащ Драко.

Она зашнуровала ботинки и посмотрела на Драко.

— У нас есть все необходимое? Мы можем начинать?

Он кивнул, и она встала.

— Ты будешь не в состоянии управлять лошадью, пока некоторые зелья не перестанут действовать. Куда мне направить лошадь, пока ты не придешь в себя?

Выражение лица Драко стало еще более напряженным.

— Она знает дорогу. Просто скажи ей, чтобы отправилась домой. Ее пара в убежище. Она последует к нему.

Гермиона кивнула, нервно заламывая пальцы. Она не ездила верхом с тех пор, как летала на фестрале в Министерство Магии на пятом курсе.

Девушка взяла себя в руки, отказываясь поддаваться панике.

Гермиона повернулась к столу и поставила серебряный котел на подставку.

— Мне нужно, чтобы ты помогал мне с заклинаниями, Драко.

Ее сердце бешено колотилось, но варить зелье было так же естественно, как дышать.

Она начала с белого кедрового масла, немного подогрев которое, добавила внутрь измельченные корни валерианы. Когда зелье начало издавать характерный аромат, Гермиона медленно влила медовую воду по бокам котла, пока тот не наполнился наполовину.

— Мне нужно самое сильное пламя, которое ты можешь вызвать, — сказала она Драко, поворачиваясь, чтобы осмотреть листья бадьяна, которые домовые эльфы измельчили и поместили в стазис.

Она подвигала ложкой листья и проверила, что каждый кусочек был хирургически точно и однородно нарезан.

Котел кипел почти яростно, пока основа зелья превращалась в сироп.

Гермиона принялась растирать сушеную крапиву и тысячелистник, пока те не превратились в мелкий порошок. В ушах у нее слегка звенело, она моргнула и покачала головой, сосредоточившись на ступке в руках.

Она растерла полдюжины волшебных крыльев в другой ступке, пока те не засияли, как серебряная пыль, а затем смешала ингредиенты.

Гермиона окунула медную палочку для перемешивания в зелье, а когда вытащила ее, сосчитала до трех, прежде чем сгустившаяся капля собралась и упала обратно в котел.

— Охлади его до комнатной температуры как можно быстрее, — сказала девушка напряженным голосом.

Как только жидкость замерла, Гермиона медленно высыпала на нее порошок, рисуя им на поверхности восьмерку. Сосчитала до десяти. Затем положила тридцать лепестков роз на порошок, который начал кристаллизоваться. Драко снял стазис, и она добавила ровный слой бадьяна сверху.

Зелье оставалось неподвижным в течение нескольких секунд, а потом вся поверхность стала прозрачной. Гермиона тут же добавила измельченную герань и быстро присыпала сверху золой, динамично помешивая варево и добавляя маринованные щупальца растопырника с каждым четвертым вращением. Зелье приобрело ярко-синий цвет.

— Закипает. Нужно, чтобы оно не начало булькать.

Она осторожно отмерила слезы пипеткой. Пятнадцать. Ровно пятнадцать. Во флаконе остались еще две капли.

Она внимательно изучила взглядом закипающее зелье. Оно выглядело безупречно.

Ее руки слегка дрожали.

— Драко, мне нужно успокоительное.

Он молча протянул ей зелье. Гермиона проглотила его одним глотком. Ее руки перестали дрожать.

Она добавила в котел слезы феникса. Даже с успокаивающим напитком ее сердце билось где-то в районе горла.

Когда была добавлена последняя капля, Гермиона застыла наблюдая. Серебристые слезы скользнули под поверхность, сверкая, как падающие звезды. Они медленно становились кроваво-красными. Цвет распространился по всему остальному зелью.

— Флакон.

Серебряный ковш, посыпанный пудрой из рога единорога, перелил зелье в стеклянную бутылку.

Гермиона заткнула ее крышкой и медленно выдохнула.

— Все готово.

— Оно снимет Темную метку? — спросил Люциус, с любопытством глядя на зелье в ее руках.

Гермиона посмотрела на него, и ее желудок скрутило.

— Нет. Оно уберезет Драко от смерти после того, как я отрежу ему руку.

Люциус тупо уставился на нее, прежде чем выражение его лица стало убийственным.

— Ты собираешься искалечить моего сына? — Он бросился на прутья клетки, насмехаясь над ней: — Ты утверждала, что являешься гениальной целительницей, и лучшее, что ты смогла придумать, — это отрезать ему руку?

Сердце Гермионы болезненно колотилось в груди, когда она схватила флакон и уставилась на него.

— Вы, наверное, заметили, что в данный момент у меня нет магии. Прошло два года с тех пор, как я колдовала, и в тот момент, когда мои наручники будут сняты, начнётся обратный отсчет. У меня будет двадцать минут, чтобы провести операцию, которая обычно занимает час с хирургической бригадой. У меня даже не будет собственной палочки.

Ее руки начали сильно дрожать. Она поставила зелье на стол.

— Если бы у меня была идея получше, я бы ее попробовала. Неужели вы думаете, что я хочу отрубить ему руку? — ее голос дрожал.

Ей хотелось закричать на него.

Она отвернулась и снова прижала руки к груди, пытаясь дышать.

Гермиона никогда не делала ампутацию кому-либо, чьи конечности не были полностью травмированы, без возможности восстановления. Слезы феникса были недостающей частью, которую, она думала, будет невозможно достать. Девушка так обрадовалась, что не успела полностью осознать реальность происходящего. Ей придётся отрезать его руку.

Казалось, что ее вот-вот стошнит.

Она смутно слышала, как Драко что-то говорит отцу.

У нее перехватило горло.

Она проковыляла через комнату к дальней стене и прижалась к ней, пытаясь дышать. Она подавила рыдания и дрожала, едва держась на ногах.

Гермиона почувствовала, как кончики пальцев легонько коснулись ее плеча, и вздрогнула, когда чувство вины почти раздавило ее.

— Мне так жаль, Драко. Прости меня. Мне очень, очень жаль, — ее голос дрогнул, когда она повернулась, чтобы посмотреть на него. — Клянусь, если бы существовал другой способ, я бы им воспользовалась. Мне так жаль...

Ее голос оборвался, когда она всхлипнула.

— У тебя красивые руки. Я всегда их любила... у тебя такие красивые руки...

Драко держал ее лицо в своих ладонях, и она крепко сжимала его запястья, стоя и плача в течение нескольких минут. Он обнял ее за плечи, а она всхлипнула, стараясь запомнить эти ощущения.

— Грейнджер, я всегда знал, что если смогу сбежать, то потеряю руку, — тихо сказал он, прижимаясь к ней головой и заправляя локон за ухо. — Если бы мог, то отрезал бы ее много лет назад.

Она подавила рыдание и кивнула.

— Я знаю. Просто... я действительно пыталась найти другой способ. Я действительно хотела, чтобы все сложилось иначе. Я не хочу, чтобы ты думал, что я поступила бы так же, будь у меня выбор.

Она смахнула слезы и, глубоко вздохнув, обернулась.

Гермиона заставила себя не смотреть на Люциуса, когда подошла и изучила все медицинские принадлежности, тщательно разложенные в том порядке, в котором они ей были нужны. Она прокрутила в голове процедуру, проверяя, все ли необходимое на месте.

Наручники жгли запястья.

— Я готова. — Она повернулась к Драко и Люциусу, протягивая руки.

Лицо Драко ничего не выражало, но глаза были цвета расплавленного серебра. Он сунул руку под мантию и вытащил палочку Люциуса.

Он медленно протянул ту отцу, и выражение его лица стало угрожающим.

— Если ты...

— О да, если я причиню ей вред, ты, несомненно, осквернишь память своей матери, будешь мучить меня самым страшным образом, а затем мы все умрем ужасной смертью. Я в курсе, Драко, — сказал Люциус, выхватывая палочку. — Разве ты не должен сейчас беспокоиться о своем собственном благополучии и надвигающихся увечьях? Ты что, не мог влюбиться в более компетентную целительницу?

Драко только усмехнулся, прежде чем снова посмотреть на Гермиону. Он нежно взял ее руки в свои и сжал запястья.

— Держи наручники вот так, — сказал он.

Когда она изучала его пальцы, обхватившие ее запястья, ее глаза горели, но Гермиона сморгнула слезы.

Драко посмотрел на нее.

— Готова?

Она молча кивнула.

Драко и Люциус переглянулись и протянули друг другу палочки.

— *Морсмордре.*

Темные метки соскользнули с их палочек, но вместо того, чтобы подняться вверх, зеленый туман окутал наручники Гермионы и исчез под сияющей медью. Последовала короткая пауза.

Раздался тихий щелчок, и кандалы, разомкнувшись, упали на землю.

Гермиона ахнула и чуть не упала, когда ее магия вихрем вернулась к ней.

Словно каждая клеточка ее тела светилась, наполняя ее огромной силой.

Она чувствовала себя под кайфом. Она не понимала, как приспособилась к отсутствию магии, пока та не вернулась, как приливная волна.

Ее захлестнуло чувство эйфории. Она обладала магией. Она могла колдовать. Подчинить мир своей воле. Создавать и формировать, уничтожать и разрушать, и... спасти Драко.

Гермиона сконцентрировалась на Драко, несмотря на возбуждение, разливающееся по ее венам.

Она словно окунулась в собственную магию, чувствуя ее мощь. Сконцентрировав ее внутри себя, девушка направила магический поток на свое сознание и восстановила окклюментционные стены. Блокируя все вокруг.

Холод. Кристальная чистота.

Она взяла одну из палочек и взмахнула ею. Это было все равно что двигаться по заблокированному пути. Палочка выдала несколько нерешительных искр. Гермиона попробовала следующую, пытаясь найти ту, что казалась бы правильной. Волшебную палочку, отзывчивую и настроенную на нее.

Ничего. Нет. Ничего не подходило.

Ее плечи становились все более напряженными по мере того, как у нее заканчивались варианты. Драко даже протянул ей палочку Люциуса, чтобы попробовать. Ее желудок скрутило от ужаса.

Она начала было поднимать последнюю палочку, но потом заколебалась, глядя на Драко.

— Это твоя старая школьная палочка.

— Да. Боярышник и волос единорога. Она не подчинена темной магии.

Когда ее пальцы скользнули по ручке, Гермиона почувствовала, как ее магия затрепетала, согревая кончики пальцев. Девушка подняла палочку и взмахнула ей в воздухе.

Комната наполнилась светом.

Ее пальцы зудели от желания поэкспериментировать с магией: сотворить заклинание или преобразить несколько флаконов на столе. Она проигнорировала искушение.

Она уже потеряла три минуты на поиски волшебной палочки.

Гермиона наколдowała двадцатиминутные песочные часы и перевернула их, начиная обратный отсчет.

— Ложись на стол, — приказала она Драко резким голосом. Девушка щелкнула палочкой и призвала к себе несколько флаконов. Она почувствовала, как по всему телу пробежал холодок, но заставила себя не обращать на него внимания.

— Выпей их. Затем я тебя оглушу.

— Нет, — ровным голосом ответил Драко, опустошая очередную порцию зелий.

Гермиона, не глядя на него, призвала бинты и отрезала весь рукав его рубашки.

— Драко, я не хочу, чтобы ты видел, как я ампутрую тебе руку.

— Сомневаюсь, что это будет более травмирующий опыт, чем все то, что со мной происходило раньше, — ответил он сквозь зубы. — Не смей меня оглушать, Грейнджер.

Она взглянула на него. Его лицо посерело, но глаза горели решимостью. И ужасом.

Девять попыток.

Он видел, как девять Пожирателей Смерти умерли, пытаясь удалить свои Темные метки. Если она оглушит его и все пойдет не по плану, он не проснется, а просто умрет. Это будет их прощание.

Она сжала губы в ровную линию и призвала дополнительный флакон.

— Хорошо. Тогда прими ещё это.

Пока зелья начинали действовать, Гермиона взяла его левую руку в свою и кончиком палочки провела несколько светящихся линий вокруг предплечья, пытаясь сохранить как можно больше плоти, все еще тщательно избегая Темной метки, выжженной на его коже. Затем она обезболивала руку ниже плеча.

— Ты уверена, что нет другого способа снять его Метку? — снисходительно-злой голос Люциуса прервал ее сосредоточенность. — И сколько на самом деле исследований ты провела...

Драко заставил отца замолчать резким взмахом палочки, все еще зажатой в правой руке.

Гермиона произносила заклинания быстрее, чем когда-либо в жизни. Она слишком хорошо знала состояние его здоровья и жизненных показателей. Девушка сотворила вокруг более дюжины диагностических и контролирующих заклинаний. Его сердцебиение было повышенным, но неуклонно замедлялось по

мере того, как зелья начинали действовать.

Одна из проекций посинела, показывая, что все зелья полностью активировались. Гермiona поднесла его левую руку к своим губам, сжала ее и поцеловала костяшки пальцев, прежде чем встретиться с ним взглядом.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, — прошептала она. — Клянусь, все получится.

Затем она положила его руку на стол и обездвижила.

***

Гермiona начала с того, что перевязала, а затем прижгла вены и артерии на его предплечье. Чем меньше крови он потеряет, когда она начнет резать, тем меньше риск летального исхода. Проклятие Темной метки было предназначено для того, чтобы заставить его истекать кровью до смерти; любая дополнительная возможность потери крови увеличивала риск, даже со слезами феникса.

Когда диагностическое сканирование показало, что кровоток к его предплечью полностью прекратился, она медленно вздохнула и провела палочкой по одной из линий, которые провела на коже.

Драко непроизвольно дернулся, когда она коснулась палочкой его руки, а затем перерезала нервы. Гермiona не позволила себе поднять глаза.

Она повернула палочку под острым диагональным углом и начала резать его кожу и мышцы до самой кости.

Гермiona смутно уловила рыдания Нарциссы. Она продолжала работать.

Драко судорожно вздохнул, и внезапно все стало заливать кровью, когда прижатые вены и артерии начали открываться. Диагностические заклинания стали мигать и принимать опасные предупреждающие оттенки. Сердце Драко бешено забилося.

Она наложила мощное заклинание стазиса на его руку и схватила зелье со слезами феникса.

Гермiona приподняла голову Драко и вылила содержимое ему в горло, произнося заклинание, чтобы его тело не отторгло его. Она чувствовала, как он дрожит, несмотря на обездвиженность.

Она встретила с ним взглядом, ее палочка быстро вращалась в пальцах, пока девушка накладывала на него заклинание за заклинанием.

— Держись. Оставайся со мной. Я собираюсь спасти тебя. Доверься мне. Ты не умрешь.

Его глаза были прикованы к ее лицу, пока она накладывала заклинания на его сердце, чтобы стабилизировать и замедлить его ритм, пока зелье не подействовало.

Гермiona коснулась его щеки, изучая диагностику.

— Ты, я и наш ребенок. Мы будем свободны. Я спасу тебя. Мы уйдем так далеко, что нас никто никогда не найдет. Ты должен держаться.

Диагностика стабилизировалась, и она немедленно ввела ему флакон с зельем, восполняющим кровь.

У Гермионы не было времени даже выразить свое облегчение. Она начала заново прижигать разорванные вены и артерии так быстро, как только могла.

— Отвернись, Драко, — сказала девушка голосом, натянутым, как тетива лука. У нее не было времени убедиться, что он это сделал.

Она повернулась, пробормотала заклинание и перерезала ему лучевую и локтевую кости.

Его рука была удалена.

Ее рука слегка дрожала, когда Гермиона отодвинула отрубленную конечность, прикрыв тканью.

Она чувствовала, как время уходит.

Гермиона накрыла опил костей надкостницей, просверлила несколько крошечных отверстий. Промыв всю область эссенцией Диттани, она призвала катушку шелка акромантула и стала быстро сшивать сухожилия с костями, продевая нити в сделанные раньше отверстия. Она тысячу раз визуализировала, практиковала и прокручивала в голове процедуру в своей комнате, отрабатывая точный порядок каждого движения. Закончив миодез, слой за слоем Гермиона накладывала швы. Магические стежки были проще в исполнении и менее болезненными для больного, чем заклинания, которые она использовала на рунах Драко. Ее пальцы периодически спазмически дергались, но у нее не было времени поправлять получившиеся кривыми стежки.

У нее оставалось мало времени.

Стежок за стежком, слой за слоем, пока фасциальная ткань не была аккуратно сшита.

***

— *Ферула*, — сказала Гермиона, проводя палочкой по его коже. Бинты плотно обхватили его руку почти до плеча.

— Готово, — сказала она, отступая назад и давая себе минуту, чтобы отдышаться. На ее лице выступили капельки пота. Девушка все еще задыхалась от облегчения, когда сняла обездвиживание с Драко. Он был на грани потери сознания. Она начала тщательно проверять все диагностические и контрольные заклинания, окружающие его, когда песок в песочных часах иссяк.

Драко был стабилен, хотя и истощен как физически, так и магически. Его организм испытывал влияние остаточных следов проклятия, но самые смертоносные аспекты были преодолены. Она дала ему зелье, предназначенное для борьбы с вампирским антивенином, и оно увеличило количество тромбоцитов

в его крови.

Люциус громко ударил кандалами по прутьям клетки. Гермиона резко повернулась, отменив заклинание, которое Драко использовал против него.

— Надеюсь, все готово. Ваше время истекло. Меня вызывают, — сказал он напряженным голосом.

Ее желудок сжался, и она кивнула. Гермиона натянула пальто, плащ и перчатки и взмахом волшебной палочки наложила на Драко заклинание, чтобы сделать его легче. Она плотно завернула его в мантию и плащ, бормоча согревающие заклинания, и надела перчатку из драконьей кожи на его оставшуюся руку, прежде чем взять его за правую руку и перекинуть ее через плечо, чтобы помочь встать.

Она взяла со стола палочку Люциуса и протянула ему.

— Вы можете это сделать? Вы сделаете это?

Он ухмыльнулся и выдернул палочку из ее руки.

— Прочь из моего дома, Грязнокровка.

Гермиона призвала все припасы и дополнительные палочки в свою сумку и перекинула ее через плечо, повернувшись и наполовину неся Драко через комнату к двери.

— Драко... — Люциус заговорил, когда они почти выходили из комнаты.

Гермиона колебалась, остановиться или продолжать. Драко дернулся.

Она с трудом сглотнула и остановилась, поворачивая его обратно.

Люциус смотрел через комнату с тем же голодным выражением, с каким смотрел на Нарциссу.

— Отец. Мама, — сказал Драко низким и напряженным голосом.

Люциус положил руку на прутья клетки.

— Я гордился тобой.

Драко на мгновение замолчал.

— Верно... — произнес он почти шепотом.

Нарцисса смотрела на Гермиону.

— Спаси его.

Гермиона кивнула.

Люциус еще мгновение смотрел на Драко, а потом перевел взгляд на Гермиону.

— Вытащи его отсюда.

Гермиона крепче обняла Драко и быстро покинула гостиную Южного крыла.

Боббин и еще несколько эльфов стояли у входа в поместье, держа поводья крылатого коня. Он был оседлан и нетерпеливо скреб гравий, гарцуя, ожидая у дверей.

Эльфы помогли Драко взобраться в седло, и Гермиона села позади него. Она посмотрела на Боббин.

— Выведи всех эльфов из поместья. Не дай Пожирателям Смерти отыскать вас. Никогда никому не рассказывай, что случилось.

Боббин кивнула.

Гермиона взяла поводья и глубоко вздохнула, прежде чем дернуть поводья и ударить коня по бокам.

— Отвези нас домой! — Она выкрикнула эти слова.

Гранианец рванулся вперед, как скаковая лошадь, выпущенная из ворот. Его мышцы напряглись, когда он галопом пронесся мимо всего поместья и сделал мощный прыжок, расправив крылья. Дымчато-серые перья уверенно трепетали на ветру, и они оказались в воздухе. Гранианец кружил, поднимая их все выше и выше по мере того, как набирал высоту. Ветер свистел вокруг них, когда они проносились сквозь защитные барьеры поместья.

Снизу донесся рев, сотрясший воздух.

Гермиона оглянулась через плечо, когда крыша особняка Малфоев взорвалась пламенем. Огромный огнедышащий дракон поднялся, рыча с душераздирающей яростью, разрушая здание на части.

Холодный воздух пронизывал насквозь, пока гранианец мчался через Англию, пересекая Северное море. Ветер был постоянным и почти не менял направления и скорости.

Скакун невероятно быстро передвигался по воздуху. По мнению Гермiony, он был быстрее фестрала или любого другого существа, умеющего летать.

Девушка настолько сильно держалась за Драко, что у нее сводило руки.

— Пожалуйста, Драко, держись. Не умирай.

Она продолжала шептать диагностические заклинания, проверяя состояние проклятия после удалённой Метки и наличие отклонений, успокаивая себя тем, что его сердцебиение оставалось стабильным.

Они летели так быстро и так высоко, что земля выглядела расплывчато. Гермiona отказывалась смотреть вниз. Она не могла сейчас поддаваться панике.

— Не умирай, Драко, — повторила она, уткнувшись лицом ему в спину.

В голове не утихал гул.

Гранианец продолжал лететь, не сбавляя скорости.

Час за часом.

Ощущение свободного падения внезапно заставило желудок Гермiony перевернуться, когда скакун на бегу ударился о землю. Его крылья были широко расправлены, пока он двигался по земле, замедляя свой ход.

Гермiona подняла голову и изумленно огляделась вокруг. Стояла глубокая ночь, и только полумесяц освещал небо.

Гранианец приземлился в открытом поле.

Она сжала руку Драко, когда скакун наконец остановился.

— Драко... Драко, мы приземлились. Я не знаю, как мне найти убежище.

Гермiona легонько встряхнула его, пока не почувствовала, как он пошевелился:

— Драко. Думаю, мы на месте.

Он медленно поднял голову.

— Никс...

Раздался хлопок, и появился крошечный и очень старый на вид домовый эльф.

— Хозяин Драко, Никс не ожидал встретить вас, — скрипучим голосом ответил эльф.

Драко посмотрел на него и, наконец, медленно кивнул.

— Возьми лошадь.

Гермиона выпустила поводья из пальцев. Она начала поворачиваться, чтобы слезть, но ее нога застряла в стремях. Девушка начала падать с лошади.

Драко резко дернулся, едва приходя в сознание. Его правая рука метнулась вперед и схватила ее за плечо.

— Никс!

Гермиона почувствовала, как ее магически поймали, и рука Драко отпустила ее. Девушка мягко опустилась на землю и легла на траву, слишком измученная, чтобы двигаться. Она посмотрела на небо. Звезды ярко сверкали над ними.

Мгновение спустя Драко перекинул ногу через седло и соскользнул с лошади, тяжело приземлившись рядом. Он мгновение похлопал скакуна по шее, прежде чем повернуться и опуститься на колени рядом с Гермионой. Он был бледен, как лунный свет, а выражение его лица до сих пор оставалось шокированным и обеспокоенным, когда он смотрел на нее сверху вниз. Драко стянул перчатку зубами и прижал руку к ее щеке.

Она заставила себя слабо улыбнуться ему.

— Мы сделали это, Драко.

Уголок его рта приподнялся, и рука скользнула вниз, чтобы взять ее за руку. Гермиона встала, медленно и неуверенно, и они, опираясь друг на друга, пошли вперед. Драко остановился и вытянул руку. Раздался щелчок, и появился луч тусклого света, когда дверь распахнулась.

Они даже не потрудились снять плащи, просто рухнули в кровать и уснули. Гермиона крепко сжала его руку своими. Подбородок Драко коснулся ее лба, и она уткнулась лицом ему в грудь, погружаясь в сон.

На следующий день, когда она проснулась, был уже почти вечер. Ее головная боль продолжала мучительно пульсировать в глубине ее сознания. Гермиона попыталась отвлечься, внимательно оглядываясь по сторонам.

Они находились в маленькой хижине. Пахло сырой древесиной и почти не было мебели. Плита. Кровать и маленький столик. На крючке у двери висел блестящий латунный ключ. Окна обрамляли кружевные занавески, через которые струился солнечный свет, попадая на кровать, где они лежали, свернувшись калачиком.

Не было никакого холодного и бездушного поместья. Никакого давящего ощущения темной магии. Никаких наручников и принуждения.

Они были в безопасности. Свободные. Вдали от войны.

Гермиона разглядывала Драко, и ее сердце усиленно билось, пока она впитывала происходящее.

Реальность казалась слишком хорошей, чтобы быть правдой. Так не должно было случиться. Происходящее в ее жизни никогда не было таким прекрасным.

Она убрала руку от Драко, чтобы поискать под подкладкой мантии палочку. Когда пальцы девушки сомкнулись вокруг неё, Драко пошевелился, и она обернулась, чтобы увидеть, как он смотрит на нее.

Гермиона крепко сжала палочку в руке и взглянула в ответ.

Ее пульс учащенно бился, и девушка почти слышала, как кровь шумит у нее в ушах. Казалось, любое неправильное движение или звук могут все разрушить. Тепло и безопасность улетучатся, и она снова окажется тенью в темном холодном поместье или будет окутана тьмой под Хогвартсом.

— Я боюсь, что скоро все закончится, — наконец сказала она, протягивая руку и проводя по его волосам, пытаюсь заставить себя поверить, что он действительно был с ней. Что тепло, свет и чувство безопасности были реальными.

Драко медленно кивнул. Гермиона видела напряжение, сквозившее в его взгляде и в том, как была сжата его челюсть.

Она протянула руку и расстегнула его плащ, осторожно стянув тот с левого плеча, чтобы осмотреть забинтованную руку.

— Болит?

Он покачал головой.

— Все в порядке.

Ее горло сжалось, и девушка быстро села. Залитый солнечным светом мир поплыл перед ее глазами, когда Гермиона заморгала, вытаскивая из-под плаща палочку.

— Не лги мне. Я не смогу позаботиться о тебе должным образом, если ты мне солжешь.

Она проигнорировала головную боль и сняла свою мантию, чтобы освободить руки.

На маленьком столике рядом стоял поднос с едой. Драко сел, наколот вилкой подгоревшую колбасу, пробуя ее разгрызть, пока Гермиона быстро накладывала на него диагностические заклинания. Она проверила сердце и жизненно важные показатели организма. Затем показатели крови. Гермиона провела сложную диагностику его левой руки и тщательно осмотрела каждую вену, артерию и нервные окончания. Затем потратила несколько минут, откачивая скопившуюся жидкость.

Гермиона протянула руку и схватила лямку своей сумки, потянув за собой, прежде чем вспомнила, что может использовать заклинания призыва. Она порылась в содержимом сумки, пока не нашла все необходимые зелья.

Гермиона откупорила бутылку и протянула ему.

— Это зелье против гемофилии. Я надеюсь, этот побочный эффект не продлится долго, но на всякий случай тебе следует принимать его каждые двенадцать часов.

Пока он пил зелье, она посмотрела в окно на раскинувшееся у дома пустое поле.

Голова все сильнее пульсировала, а в животе медленно скручивался узел, пока девушку не затошнило. Она оторвала взгляд от окна и вытащила из сумки бинты для перевязки. Гермiona положила их себе на колени и применила различные амортизирующие чары, прежде чем повернуться к Драко, который отложил тарелку в сторону.

Она сняла с его плеч плащ и мантию и помогла ему надеть перевязь, надежно и плотно закрепив ту на теле.

— Я собираюсь сделать тебе протез, — сказала она бодрым голосом, проверяя надёжность перевязки. — У меня уже есть несколько идей. Ранее я провела небольшое исследование: поскольку твоя рука и кисть... я подумала... возможно, мне удастся добавить сердцевину палочки в протез, и ты сможешь использовать магию без палочки. Мне лишь стоит доработать и проверить эту теорию.

Она быстро вытащила несколько флаконов с обезболивающим и откупорила один для Драко. Пока он принимал его, Гермiona снова выглянула в окно.

— Тебе стоит поесть, — сказал он. — Одна из сосисок не совсем обуглилась. Еще... возможно, найдётся немного гороха.

Гермiona покачала головой, не отрывая взгляда от окна.

— Я не голодна.

Она взяла у него пустой флакон и откупорила следующее зелье, чтобы передать ему, прежде чем снова посмотреть в окно. Насколько она могла судить, за полем находился луг с дикой травой, усеянный полевыми цветами. Палочка ощущалась гладкой и теплой под кончиками ее пальцев.

Девушка сжимала ту так сильно, что древко врезалось в кожу ладони.

— Грейнджер, ты в порядке?

Она резко оглянулась.

— Конечно. Я в порядке. Просто не голодна.

Она снова повернулась к окну, переместилась в изножье кровати и отодвинула занавески, чтобы лучше видеть поле.

Наступила долгая тяжелая тишина, которую Гермiona игнорировала, пока не почувствовала, что может нарушить ее. Она повернулась и увидела, что Драко пристально смотрит на нее.

Она облизнула губы и поднесла палочку ближе.

— Какая... какая защита у этого убежища? Я не... я не участвовала в дуэлях с тех

пор, как меня схватили... Я должна... — Ее грудь начала болезненно сжиматься. — Мне следовало попрактиковаться. Я не подумала о...

Она прерывисто вздохнула и снова отвела взгляд. Перед глазами все поплыло, а сердце болезненно колотилось о ребра.

Ей нужно было сохранять спокойствие. Концентрация и покой. У нее была работа. То, что она чувствовала, не имело значения. У нее была работа.

— Грейнджер, — Драко протянул руку и коснулся палочки в ее руке, — это место безопасно, а на стене есть портключ. — Он указал на медный ключ. — Если мы прикоснемся к нему, то окажемся в другой стороне света. Тебе не нужно беспокоиться.

Ее горло сжалось, а сердце продолжало бешено колотиться.

— Что если кто-нибудь найдет нас, Драко? Что если план не сработал, и они ищут тебя, но мы не знаем? Я обещала, что позабочусь о тебе. Ты ранен... потому что я отрезала тебе руку... — ее голос дрогнул, и она крепче сжала свою палочку. — Что если нас кто-нибудь найдет? Все развалится на части. Все всегда... разваливается на части.

Она начала учащенно дышать и прижала руку к груди, все еще крепко сжимая палочку.

Она не могла паниковать.

Она не могла паниковать. Ей нужно было... Ей следовало добавить защитные чары. Она не могла использовать темную магию, это могло навредить ребенку.

Но если кто-то придет, и придется выбирать...

Ее легкие начали гореть.

— Гермiona... Гермiona, ты должна дышать. — Драко спустился с кровати и оказался рядом с ней, решительно выдернув палочку из ее руки. Когда у нее отобрали палочку, девушка почувствовала себя на грани истерики. Она вцепилась в него.

— Нет... не забирай ее у меня! — Она чувствовала себя так, словно ее душат.

Он положил палочку на стол, все еще в пределах ее досягаемости, и прижал руку к ее лицу, уговаривая посмотреть на него. Драко нежно притянул ее ближе, пока ее лоб не прижался к его лбу, в то время как она продолжала задыхаться и изо всех сил пыталась дышать.

— Ты уже сделала все. Дыши. Моя защита — это не твоя работа. Убежище надежно зачаровано, и мы не пробудем в нем долго. Я в состоянии обороняться и колдовать моей правой рукой.

Она заставила себя сделать глубокий вдох.

Он прижался губами к ее лбу.

— Все позади. Просто дыши. Ты привела нас сюда. Ты обещала, что остановишься и займёшься своим здоровьем, как только мы сбежим, помнишь? Я не забыл про твою черепно-мозговую травму. Ты уже выполнила свою часть: спасла нас.

Она схватила его за запястье дрожащей рукой.

— Драко, что если... что-то пойдет не так. Что-то всегда идёт не по плану. Когда мы так близки к цели... что-то всегда идет наперекосяк.

— Знаю, — ответил он, запуская руку в ее волосы и притягивая ее ближе, — но ты не должна заниматься всем в одиночку. Я доверился тебе, и ты привела нас сюда. Настала твоя очередь довериться мне. Мы здесь в безопасности, Гермiona. Тебе позволено чувствовать себя в безопасности.

Она покачала головой. Ей казалось, что грудная клетка вот-вот разорвется.

— Я не могу. Не думаю, что знаю, каково это.

Ее кожа была болезненно холодной, а все ее тело все сильнее начинало трястись.

Драко вздохнул и притянул ее ближе.

— Здесь нет чар, подобных тем, что были в твоей комнате в поместье. Ты, вероятно, привыкла к их присутствию, чтобы чувствовать себя спокойно.

Какое-то мгновение она сидела неподвижно, впитывая это, прежде чем издать сдавленный звук и разрыдаться. Осознание этого словно прорвало плотину. Как только Гермiona начала плакать, то уже не могла остановиться, она рыдала все громче, уткнувшись в плечо Драко. Она чувствовала себя так, словно оплакивала всю свою жизнь.

Он не пытался ее успокоить и просто позволял плакать, пока ее рыдания не затихли и она прислонилась к нему, чувствуя пустоту. Это ощущалось, как если бы она вырвала свои эмоции с корнем, и все, что осталось, было лишь оболочкой. Ее грудь продолжала вздыматься, а голова казалась легкой, но пульсировала, будто внутри стучал гонг, болезненно вибрирующий в черепную коробку.

Когда ее дыхание выровнялось, Драко сунул руку под мантию и достал из внутреннего кармана зелье Сна без сновидений.

— Твоя очередь отдыхать, Грейнджер. Прими его.

Она отстранилась, покачала головой и снова посмотрела в окно, ее пальцы медленно потянулись к палочке.

— Драко, если что-то пойдет не так...

Выражение его лица было твердым, как гранит.

— Я разберусь. Отдохни.

— Но если...

— Грейнджер, если бы на твоём месте был я, ты влила бы мне в глотку зелье, не спрашивая.

Ее рот дернулся, когда она взяла флакон. Гермиона бросила последний взгляд в окно, вытащила пробку и выпила содержимое.

Последнее, что она чувствовала, прежде чем провалиться в сон, — это громкий стук собственного сердца и теплую руку, сжимающую ее плечо. Затем все исчезло.

Она проснулась посреди ночи, Драко стоял перед окном. Лунный свет мерцал в его волосах. Он смотрел на поле, пока его палочка небрежно свисала на кончиках пальцев.

Она села, и он повернулся и взглянул на нее.

Гермиона посмотрела на него, потянувшись за своей палочкой.

— Что...

— Все в порядке. — Драко отошел от окна, на мгновение задержавшись, чтобы найти карман для своей палочки. Он сунул ту во внутренний карман и провел рукой по мантии, словно вытирая что-то, прежде чем неловко пожать плечом, расправляя мантию. Он сел на край кровати рядом с ней.

Ее голова гудела, но боль переместилась еще дальше в ее сознание. Драко откинулся на спинку кровати. Она положила голову ему на грудь, слушая биение его сердца и чувствуя, как его пальцы рисуют узоры и защитные руны на ее руке.

Когда она открыла глаза на следующее утро, мир вокруг снова был золотым. Солнечный свет струился в окно, согревая постель. Драко спал рядом с ней. Ее головная боль наконец утихла до слабой пульсации. Гермиона перевернулась на живот и потянулась, скользнув руками по простыням, затем зарылась лицом в подушку, наслаждаясь теплом и пением птиц снаружи.

Она была свободна. Где-то, где были солнечный свет, магия и кто-то, кто не причинит ей вреда. Она закрыла глаза и попыталась погрузиться в это ощущение.

Она легла на живот всего за мгновение до того, как почувствовать удар по своему мочевому пузырю изнутри.

Она свернулась калачиком на боку, глядя на Драко.

Его волосы упали на лицо. Ей казалось, что она все ещё находилась во сне.

Гермиона осторожно протянула руку и кончиками пальцев подхватила платиновые пряди и убрала их. Она хотела запомнить его снова. В золотистом свете он больше не выглядел как нечто, вырезанное из войны. Черты его лица смягчились, а выражение лица стало более расслабленным. Она скользнула взглядом по его скулам, губам, четким линиям подбородка и бледной шее, исчезающей в тени одежды.

Он мог бы быть картиной.

Ей хотелось задержать дыхание и продлить этот момент навечно.

Она скользнула пальцами по раковине его уха, чтобы убрать волосы. Его глаза открылись, серые, как шторм. Гермiona наблюдала, как свет наполняет их, когда он посмотрел на нее.

То, как он смотрел на нее, заставляло весь остальной мир меркнуть. Его взгляд был таким же собственническим и голодным, как и ее.

Она придвинулась ближе и поцеловала его. Его губы прижались к ее губам, а рука скользнула вверх по ее шее.

Через минуту она задумчиво отстранилась.

— Мне нужно проверить твою руку.

Драко вздохнул, но сел без жалоб, когда она начала произносить заклинания, проверяя, все ли заживало должным образом. Закончив, она снова перевязала ему руку. Когда девушка надевала ему перевязь, кончики ее пальцев коснулись бледной кожи его горла. Они задержались.

Она перевела взгляд на его лицо и обнаружила, что его глаза потемнели, в то время как он смотрел на нее в ответ. Он медленно протянул руку и нежно провел пальцами по ее волосам. У нее перехватило дыхание, а пульс участился.

Его прикосновение было безопасным. Родным.

— Я люблю тебя, — сказал он через мгновение.

Губы Гермiony медленно изогнулись в слабой улыбке.

— А я люблю тебя.

Он медленно провел пальцами по ее волосам.

— Я никогда не думал, что скажу тебе это без Темной метки, выжженной на мне.

У Гермiony задрожала челюсть.

Она подняла руку к его лицу, мягко провела по его подбородку, чувствуя слабую щетину под кончиками пальцев.

— Вселенная наконец-то дала нам шанс.

Он тихо рассмеялся, и его пальцы, запутавшиеся в ее волосах, собственнически сжались.

Гермiona придвинулась ближе и наклонилась вперед, пока их губы едва не соприкоснулись.

— Я люблю тебя. Пока я не перестану существовать, я буду любить тебя. Всегда,

— прошептала она ему в губы.

Он сократил бесконечно малое расстояние между ними.

Гермиона закрыла глаза и обвила руками его шею, углубляя поцелуй. Его рука оставила ее волосы и обхватила за талию, притягивая ближе, пока их тела не прижались друг к другу.

Мой. Мой. Мой. Она чувствовала, как жаждет его душой и телом. Она хотела спрятать его в своем сердце и похоронить там. У них всегда так быстро заканчивалось время. Все всегда рушилось, и то, что они успевали взять, оставалось единственным, что у них было. Они выжили за счет моментов, которые украли во время войны.

Она чувствовала себя так, словно умирала с голоду от желания быть с ним.

Она не собиралась отпускать его.

На этот раз она не собиралась позволять всему рушиться. Ее сердце болезненно забилося. *Я не могу потерять его. Я не могу потерять его снова.*

Ее горло и грудь начали сжиматься. Гермиона зажмурила глаза и отодвинула свой ужас как можно дальше, пытаясь прогнать его, пока он не поглотил ее целиком.

Она не собиралась паниковать. Она заставила себя дышать, прерывисто выдыхая в его губы.

Девушка провела пальцами по шее Драко и обхватила его за плечи, заставляя себя забыть обо всем и продолжая целовать его. Затем она разорвала поцелуй, чтобы посмотреть на него. Ее рука опустилась.

— Я собираюсь заботиться о тебе. — Она крепко сжала его руку и притянула ее к своей груди. — Я твоя, пока ты этого хочешь.

Драко скользнул ладонью вверх и обхватил ее лицо. Он пристально посмотрел на нее своими серебристыми глазами.

— Всегда. Пока я живу.

Она терялась в моменте, пока в ее голове не осталось места ни для чего другого. Гермиона снова целовала его, пока у нее не перехватило дыхание.

Она могла целовать его, не имея в виду прощание и не задаваясь вопросом, увидит ли она его когда-нибудь снова. Она могла быть с ним просто потому, что могла, потому что он принадлежал ей.

— Я люблю тебя, — повторяла Гермиона ему в губы. — Люблю тебя. Я всегда буду любить тебя.

Она могла повторять это столько раз, сколько хотела. Каждый день до конца своей жизни. Она могла говорить это без усталости.

Она тихо всхлипнула ему в губы.

Драко отстранился, изучая ее, выражение его лица напряглось.

Девушка крепче сжала его плечи, встретившись с ним взглядом.

— Я счастлива. Я не думала, что когда-нибудь снова буду счастлива. Мы выжили, Драко. Я спасла тебя. Я не думала, что мы сможем, но мы выжили.

Его губы изогнулись в медленной улыбке.

Они занимались любовью. Медленно. Пользуясь всем тем временем, которое у них было.

Гермиона была сверху, задавая темп, наблюдая за ним. Снаружи светило солнце, и она чувствовала его лучи на своей коже. Посмотрев вниз, девушка переплела их пальцы, прижимаясь своими бедрами к его. Она видела, как свет отражается в его волосах. Глаза Драко сияли, будто расплавленное серебро.

Мир вокруг был теплым.

И стал теплее, когда он сел, притянув ее бедра вплотную к своим, и поцеловал ее. Его рука скользнула вдоль ее позвоночника, сжимая ее. Гермиона чувствовала, как он обжигает ее душу. Она обняла Драко за плечи, проводя пальцами по его рунам, пока они двигались вместе.

— Мы должны использовать портключ в ближайшее время, — сказал он позже, когда они лежали вместе в постели. — Я убеждён, что еда Никса опасна для здоровья. Теперь я осознаю, что базовые кулинарные заклинания — это то, что я опрометчиво упустил в своём обучении.

Гермиона оглянулась, и ее взгляд упал на несколько подгоревших ломтиков тоста, щедро намазанных джемом. Драко взял наименее подгоревший кусочек и протянул ей.

— Я не думаю, что Никс когда-либо готовил раньше.

Гермиона нерешительно откусила кусочек и обнаружила, что тост был из ржаного хлеба с тмином, который сильно контрастировал с клубничным вареньем.

Она поперхнулась, и Драко бросил на нее извиняющийся взгляд.

Он оглядел комнату.

— Это временное убежище. Я был сосредоточен только на том, чтобы сделать его безопасным. — Он повернулся, чтобы посмотреть на нее. — Ты в состоянии путешествовать с помощью портключа?

Ее желудок резко сжался, и ее руки обхватили живот в защитном жесте. Драко проследил за ними взглядом.

— Не знаю. — Гермиона посмотрела на свой живот, нервно проводя по нему руками. — В прошлый раз... я не принимала успокоительное перед прыжком. Все произошло внезапно. Это было... было нелегко.

Выражение лица Драко напряглось, и что-то неразличимое мелькнуло в его глазах.

Она заставила себя улыбнуться.

— Но если мы все сделаем правильно... если я буду готова к перемещению, и оно будет одно... думаю, все пройдет хорошо.

Несколько секунд он молчал.

— Нам не обязательно перемещаться сейчас. Мы можем остаться здесь. Я дам Джинни знать, что ты не в состоянии безопасно путешествовать через портключ.

Она снова взглянула на свой живот.

— Но здесь не совсем безопасно, не так ли? Мы все еще в Европе. Дания заключила договор с Волдемортом; условия перемирия требуют, чтобы они выдавали беглецов. И даже если бы они этого не делали, они не стали бы защищать тебя. — Она глубоко вздохнула и посмотрела вверх. — Все будет хорошо. Возможно... стоит подождать еще день или около того, а затем отправляться.

Выражение лица Драко стало закрытым; он на мгновение посмотрел на ее живот, прежде чем кивнуть.

Гермиона приняла душ. В ее волосах все еще оставалась пыль после взрыва в поместье, и локоны были сильно спутаны. Она потратила десять минут, разбирая их вручную, прежде чем вспомнила, что у нее снова есть палочка. Высушив волосы, она заплела их в длинную косу. К тому времени, как Гермиона закончила, ее головная боль вернулась. Она так резко отдавалась в затылке, что девушка едва могла стоять. Гермиона натянула нижнее белье и рубашку, выпила укрепляющее зелье, а затем свернулась в калачик на постели и снова заснула.

Когда она проснулась на следующее утро, над ее головой висела диагностика мозга. Драко смотрел на неё с напряженным выражением лица, анализируя данные.

Это было похоже на погружение в холодную воду. Тепло исчезло, и она на мгновение замерла, уставившись на все алые, похожие на нити фракталы, разветвляющиеся в ее мозге. Она протянула руку и схватила палочку. Диагностика исчезла.

Она отвернулась к окну.

Последовало долгое молчание.

— Гермиона, что случилось? Что он с тобой сделал? Ты собираешься мне рассказать об этом?

Она молчала несколько минут, с трудом сглотнув, прежде чем наконец заговорила.

— На самом деле я точно не уверена. Он не знал, как использовать

легилименцию, поэтому он просто... рушил все, что попадалось на пути. Даже сейчас, когда ко мне вернулась моя окклюменция... в воспоминаниях есть определенные места, до которых я больше не могу... не могу дотянуться. Это похоже на здание, в котором обрушились части этажей. Кажется, что если я подойду ближе или коснусь их... все развалится на части.

Она сжала губы.

— Те моменты, которые я снова начинаю вспоминать... не знаю, буду ли я все еще помнить их через некоторое время. Каждый раз, когда я просыпаюсь, мне кажется, что они блекнут. Детали этих воспоминаний исчезают.

Пальцы Драко легко коснулись ее щеки.

— Что... — его голос был напряжен, — что именно ты не помнишь? Какие моменты исчезают?

Гермиона молчала.

— Все воспоминания, когда ты рассказывал мне о своей матери. Теперь в них есть пробелы.

Драко тяжело вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Это прекрасно. Тебе не нужно этого помнить.

Гермиона просто уставилась в окно и снова сглотнула.

— Это не хорошо. Это было важно. Они были важны для меня, то, что ты рассказывал мне, и то, что я чувствовала тогда. Я боюсь, что моя память разрушится. Слово сейчас повсюду трещины, и когда-нибудь что-то пойдет не так, и все это сломается. Что если я снова тебя забуду? — Она не могла скрыть нарастающую панику. — Все это время в поместье я чувствовала себя так, словно мое сердце вырвали из груди. Ты был прямо там... а я не знала, что искала тебя.

Тепло и спокойствие в хижине внезапно показались ей насмешкой. Слово все это было только мечтой, за которую она цеплялась.

Он повернул ее лицо так, чтобы их глаза встретились.

— Этого больше не произойдет.

Гермиона кивнула, но ее рот скривился.

— Знаю. Я просто... — она опустила взгляд, ее голос задрожал. — Я не знаю, как в это поверить. Как только я начинаю думать об этом, мое сердце начинает колотиться и я не могу дышать. Даже когда я пытаюсь закрыться, мое тело словно не слушается. Я должна чувствовать облегчение, но я так же боюсь потерять тебя, как и в поместье. Я чувствую, что все еще держусь за настоящее кончиками пальцев. Каждую секунду мне кажется, что через несколько мгновений все развалится и снова превратится в кошмар.

Она сделала прерывистый вдох и села, прижимая руку к груди, заставляя себя дышать медленно. Гермиона уставилась на свои запястья.

— Я... я думала, что все изменится, как только мои наручники снимут и мы сбежим. Я думала, что стану лучше... такой, какой я была раньше...

Ее голос затих.

Ты должна понимать, что почти достигла той черты, за которой вред от темной магии становится необратимым.

Она застыла, вспомнив об этом.

Было иллюзией полагать, что ее наручники являлись ключом ко всему. Что какая-то предыдущая версия Гермियोны Грейнджер просто оставалась в тени, готовая сделать шаг навстречу, как только ее магия будет разблокирована и окклюменция вернется.

Осознание этого было похоже на то, как протянуть руку и коснуться поверхности озера, наблюдая, как солнечное отражение искажается и расходится рябью, обнажая всю тьму, которая скрывается внизу.

Тьма проникает в твою душу.

Разумом или телом, темная магия заберет свою цену.

Гермиона знала, что рано или поздно поплатится за свои действия.

Драко взял ее за руку и провел большим пальцем по обнаженным запястьям.

— Все это пока в новинку. Дай себе немного времени.

Она уставилась на него и задумчиво кивнула. Изучая его, девушка заметила на его лице болезненное напряжение.

Она прогнала тяжесть в груди, отгородившись от нее стеной окклюменции, и села, потянувшись за палочкой.

Гермиона открыла свою сумку в поисках одного из болеутоляющих снадобий. Ее рука замерла, когда она поняла, что ее инвентарь зелий выглядел неправильно. Она пересчитала флаконы и обнаружила, что не хватает полудюжины зелий, восполняющих кровь. Она смотрела на инвентарь несколько секунд, прежде чем снять мантию Драко с того места, где та висела, и уткнуться в нее лицом.

Мантия была пронизана темной магией.

Гермиона сидела неподвижно с мантией в руках, осознавая произошедшее: она почувствовала себя значительно спокойнее с тех пор, как он дал ей зелье Сна без сновидений.

Она посмотрела на Драко, гнев вспыхнул в ней, как взрыв.

— Тебе не следует использовать магию крови. Твоя кровь сейчас не способна к свёртываемости. Ты можешь истечь кровью до смерти, если не будешь осторожен. Нет причин добавлять так много чар в убежище, в котором мы даже не задержимся надолго. Это было глупо.

Драко просто смотрел на нее сквозь прищуренные глаза, когда она начала быстро накладывать на него заклинания.

— Это помогло тебе почувствовать себя лучше.

Она послала ему пристальный взгляд.

— Причиняя себе вред и подвергая опасности, ты не помогаешь мне чувствовать себя лучше.

Драко больше ничего не сказал, пока она осматривала его и давала ему несколько зелий. Она сняла повязку с его руки, чтобы сменить ее и проверить, как заживает рана. Кожа плавно срасталась, и Гермиона нежно помассировала ее настойкой бадьяна.

Она взяла его руку в свою и несколько минут молча лечила его тремор.

— Не вреди себе из-за меня, Драко, — наконец сказала девушка напряженным голосом. — Хватит травмировать себя. Я так устала от того, что мы так заботимся друг о друге. Ты понятия не имеешь, как сильно я ненавижу, когда ты причиняешь себе боль из-за меня. Ты ведь тоже ненавидишь, когда мне больно. Мы чувствуем себя одинаково в эти моменты.

Он по-прежнему ничего не говорил. Он даже не выглядел раскаивающимся.

Пока она обрабатывала его руку, появился поднос с еще более несъедобной едой. Вместо приема пищи они оба приняли укрепляющие зелья. Их количество у Гермионы постепенно иссякало.

Она тщательно осмотрела все свои запасы зелий, мысленно прикидывая, сколько еще дней они могли бы остаться.

— Я могла бы сварить еще, если мы хотим задержаться подольше, — сказала она, глядя на Драко.

— Как пожелаешь, — он улыбнулся ей, пока она проводила инвентаризацию. В момент, когда Гермиона смотрела на него, то заметила, как его глаза незаметно скользнули в сторону окна.

— Нам пора идти. — Она закинула сумку на плечо и запихнула в нее остальные их вещи. — Я уверена... все пройдет хорошо. Это будет всего один раз.

Девушка достала пузырек с успокоительным зельем и несколько секунд смотрела на него, прежде чем принять. Она крепко переплела их с Драко пальцы и глубоко вздохнула, заставляя себя подавить беспокойство, нахлынувшее на нее, будто приливная волна, прежде чем зелье активировалось.

Гермиона сжала руку Драко, провела большим пальцем по костяшкам его пальцев и остановилась на кольце, которое он носил. Она посмотрела на него и неуверенно улыбнулась, прежде чем протянуть руку и схватить медный ключ, висевший на стене.

Что-то резко дернулось в районе ее живота. Ее подхватило, увлекая Драко за

собой.

Гермиона попыталась удержаться на ногах, когда приземлилась, но споткнулась и рухнула вперед, затем ее вырвало. Она дернула свою руку из руки Драко и прижала ладонь к животу, пока тот содрогался.

— Боже, — простонала она, приподнимаясь и пытаясь дышать.

Она почувствовала руку Драко на своей пояснице, когда зажмурилась и заставила себя медленно вдохнуть. Медленно и спокойно. Напряжение в животе постепенно исчезало.

Она чувствовала запах земли и папоротника.

Она открыла глаза и обнаружила, что они находились в лесу.

— Мы на месте?

Раздался стук, звук удара дерева о дерево. Гермиона оглянулась через плечо. За ними находился большой деревянный дом.

Джинни стояла в дверях, пристально смотря на них и сжимая в руке волшебную палочку.

— Гермiona! — Джинни выдохнула ее имя и, быстро спустившись по ступенькам, заключила в крепкие объятия. — О Боже... Боже мой... Гермiona...

Джинни гладила ладонями лицо и плечи Гермiony, словно пытаюсь удостовериться, что та была реальной.

Гермiona не могла поверить своим глазам, глядя на Джинни.

Она выглядела точно так же. Словно и не было последних двух лет. Яркие рыжие волосы, знакомая улыбка и глаза, полные слез. Джинни осела на землю, всхлипывая и обнимая подругу. Неровный шрам все еще тянулся по ее лицу.

Гермiona заплакала, ее руки дёрнулись и схватили Джинни за плечи.

— Джинни... О, Джинни!

Они стояли на коленях, прижавшись друг к другу и рыдая в течение нескольких минут.

Через некоторое время Джинни слегка отодвинулась, вытерла слезы и внимательно посмотрела на Гермionу.

— Я думала, что больше никогда тебя не увижу. Посмотри на себя. Боже, ты такая худая.

Взгляд Джинни пробежал по телу Гермiony, остановился на ее животе, и она на мгновение застыла.

Радостное облегчение исчезло с лица Джинни. Девушка выглядела так, словно ее ударило проклятьем. Джинни держала Гермionу за плечи, продолжая смотреть вниз.

— Боже, мне так жаль. Мне так... так жаль.

Джинни вскинула голову и уставилась на Драко с нескрываемым отвращением.

— Отойди от нее. Ты не имеешь права даже прикасаться к ней...

Она резко бросилась на Драко, словно собиралась задушить его.

Гермiona схватила Джинни за плечи, чтобы остановить.

— Джинни!

— Отпусти меня! — Джинни попыталась оторвать руки Гермiony. — Он сказал, что позаботится о тебе! Он приходил сюда и каждый раз говорил, что вернёт тебя. А вместо этого... — голос Джинни дрожал от ярости, — насиловал тебя, пока ты не забеременела!

Горло Гермiony сжалось, и она встала перед Драко, заслонив его собой.

— Джинни, у него не было выбора. Не трогай его.

Джинни посмотрела мимо Гермионы на Драко, но остановилась. Она схватила запястье Гермионы.

Гермиона услышала вздох Драко.

— Все в порядке, Грейнджер. Иди в дом и отдохни. Мне нужно проверить защитные чары.

Девушка почувствовала, как он встал. Прежде чем Гермиона успела подняться на ноги, Джинни вскочила и резко ударила Драко по лицу. Он даже не вздрогнул, и тогда она снова отвесила ему пощечину.

— Ты должен был сдохнуть, — холодно сказала Джинни. — Ты не заслуживаешь даже дышать рядом с ней. Ничто из того, что ты сделаешь, не исправит твоих действий в прошлом.

— Джинни, хватит! — Гермиона заставила себя подняться. — Замолчи. Просто замолчи. Это я его спасла. Я привела его сюда. Он никогда не просил и выжить не надеялся. Если ты хочешь сердиться на кого-то за то, что он здесь, то сердись на меня.

Она схватила Драко за запястье и шагнула к нему, защищая.

— Оставь его в покое. Я серьезно. Если ты еще хоть раз дотронешься до него...

Выражение лица Джинни дрогнуло, когда она подняла руки в знак капитуляции.

— Хорошо, — сказала девушка напряженным голосом, ее лицо медленно вытянулось, когда она взглянула на Гермиону и Драко.

Гермиона еще мгновение смотрела на Джинни, прежде чем повернуться к Драко.

Выражение его лица было нечитаемым. На щеке виднелись алые отпечатки ладоней. Гермиона вытащила палочку, пробормотала исцеляющее заклинание, затем погладила его по скуле, пока отметины медленно исчезали.

— Все в порядке, Грейнджер, — сказал он. — Тебе стоит пойти в дом.

Гермиона придвинулась к нему поближе.

— Я пойду с тобой. Ты можешь... показать мне тут все.

Он покачал головой.

— Мне нужно прогуляться. Ступай в дом. Ты должна увидеть свою комнату, — его губы изогнулись в слабой улыбке. — Надеюсь, тебе понравится. Я вернусь через полчаса.

Гермиона неохотно кивнула, но не отпустила его.

— Пойдём, — Драко вывел ее из папоротника, в котором они приземлились, и повел к выложенной камнем тропинке.

Они были в лесу. Над головой возвышались деревья, а дом представлял собой большое изящное строение в азиатском стиле с решетчатыми окнами.

По большим каменным ступеням они поднялись на не огороженную перилами веранду, которая возвышалась на несколько футов над землей и, казалось, охватывала весь дом по периметру. Джинни прошла мимо Драко и Гермионы и открыла решетчатую деревянную дверь. Они ступили на гладкий пол из полированного дерева, оказавшись в узком холле. Сквозь стены просачивался свет.

Гермиона уже собиралась шагнуть внутрь, но Драко остановил ее в дверях и вытащил палочку, перепроверя защитные чары, установленные внутри. Через несколько минут он взмахнул палочкой и посмотрел на Гермиону и Джинни, которые молча наблюдали за ним.

— Уизли, она очень устала. Ей нельзя волноваться. Позаботься, чтобы она отдохнула. Я вернусь через полчаса. — Его глаза остановились на Гермионе. — Ты будешь в порядке с Джинни?

Гермиона нервно улыбнулась ему и кивнула.

Он еще мгновение смотрел на нее и затем исчез без единого звука.

Гермиона несколько секунд изучала пустое пространство, прежде чем нерешительно повернуться к Джинни.

Воссоединение оказалось более болезненным, чем она ожидала. Конечно, встреча должна была пройти непросто, но почему-то она не ожидала, что все сразу так усложнится. Гермиона не думала, что будет чувствовать себя обязанной отстоять нечто столь личное, как ее отношения с Драко.

— Тебе не следовало его бить.

Джинни взглянула на нее, разочарованная покорность судьбе была написана на ее лице

— Ты заслуживаешь лучшего, Гермиона.

Гермиона усмехнулась, ее желудок скрутило.

— Мне безразлично, что ты о нем думаешь. Он спас твою жизнь. Я никогда бы не смогла спасти тебя в одиночку.

Гермиона видела дюжину возражений на лице Джинни, но та лишь вздохнула и закрыла глаза.

— Верно. — Джинни закрыла дверь. — Если ты так хочешь, я больше ничего не скажу. Я просто... — ее голос дрогнул, и она на мгновение заколебалась. — Не обращай внимания.

Наступило долгое и неловкое молчание.

Гермиона медленно оглядела коридор.

— Где мы?

Джинни огляделась вместе с ней.

— Мы в самой высокой части дома. Или... ты имела в виду, где находится сам дом? — Она пожала плечами и заправила волосы за ухо. — На самом деле я не знаю. Малфой говорит, это место находится где-то в Восточной Азии, хотя, возможно, он лжёт. Мы... где-то на острове. На то, чтобы обойти его, уходит примерно полдня. Я никогда не выбиралась за его пределы. Эльфы возвращаются сюда с припасами каждые несколько месяцев и не подчиняются моим приказам.

Свет, проникающий в дом, изменился, и Гермиона поняла, что видит пляшущие на стенах тени деревьев. Она протянула руку, дотронулась до решетчатой стены и обнаружила, что та оклеена бумагой.

— Нужно время, чтобы привыкнуть, — сказала Джинни, наблюдая за Гермионой. — Большинство панелей можно перемещать, так что ты можешь регулировать размеры комнат по своему вкусу. Малфой... он сказал, что тебе не нравятся открытые пространства, поэтому я велела эльфам поставить все панели на места и сделать комнаты меньше.

Джинни раздвинула в стороны створки второй деревянной двери напротив той, через которую они вошли. За ней оказалась комната с большим круглым окном, выходящим на верхушки деревьев и океан за ними.

Мебель напомнила ей особняк Малфоев: изящные стулья и кушетки в викторианском стиле.

Рука Гермионы медленно скользнула в карман и крепко сжала палочку.

Она заставила себя сделать несколько неуверенных шагов вперед, а затем замерла, пытаясь осознать это. Девушка была уверена, что комната под защитой, иначе Драко не оставил бы ее здесь одну. И все же она хотела, чтобы Драко стоял сейчас рядом с ней. Гермионе нужно было удостовериться, что он в безопасности.

Они никогда не вернутся обратно.

Он никогда не вернется.

Она крепко зажмурилась и постаралась успокоиться.

Если бы она могла видеть его, то ей было бы проще поверить в это. Она будет чувствовать себя более устойчиво, осознавая, что сейчас перед ней не прекрасный сон, который превратится в пыль в тот момент, когда Гермиона действительно позволит себе поверить.

Она должна быть с Драко. Он ведь может снова использовать магию крови. Она не знала, есть ли у него с собой крововосполняющее зелье.

Вместо этого она была с Джинни, чьи карие глаза становились противоречивыми и грустными, когда девушка смотрела на Гермиону, неподвижно стоящую в

дверном проеме.

Гермиона сжала губы и заставила себя сосредоточиться, пытаясь сообразить, что сказать.

— А где Джеймс? Его имя... Джеймс, верно?

Джинни неуверенно улыбнулась.

— Да, Джеймс сейчас отдыхает. Он обычно спит по несколько часов днем. Я бы отвела тебя к нему, но он становится настоящей егозой, если не выспится, поэтому знакомство сейчас станет катастрофой. — Джинни медленно протянула руку и коснулась ладони Гермионы. — Пойдем в твою комнату. Ты такая худая. Тебе стоит поесть и отдохнуть.

Гермиона медленно кивнула и отвела взгляд от открытого моря.

— Дом и прилегающая территория просто огромны, — Джинни крепче сжала ладонь Гермионы. — Здесь почти нет магии, кроме охранных чар, так что тебе не нужно беспокоиться о том, что коридоры перестроятся или что-то в этом роде. Однако здесь имеется сложная система защитной магии. Я думала, что на Площади Гриммо было слишком много охранных чар, но дом на Гриммо просто меркнет на фоне этого жилища. Малфой помешан на защите. Каждый раз, когда приходил, он тратил по крайней мере час на добавление новых заклинаний.

Дом находился у большого холма. Портключ перенес их на его вершину, у подножия которого в U-образной форме протянулся дом, спускаясь по валунам и огибая деревья, словно был подогнан туда, как кусочек головоломки.

Это здание не было цельным. Десятки строений со своими крышами и мостами соединялись между собой. В центре находился большой пышный сад.

Джинни продолжала говорить.

— А там мой огород, — сказала Джинни. — Самое солнечное место. Когда-то здесь росли розы, но я умирала от скуки, и эльфы переместили их, чтобы мне было где сажать что-нибудь другое. Я... я превратилась в настоящую кухарку, прямо как мама. Гарри тоже готовил. Он иногда приносил мне завтрак... — голос Джинни затих. Она остановилась на вершине лестницы у моста, выходящей на пруд с большими рыбами, плавающими в нем. — Боже, я бы все отдала, чтобы у меня была хотя бы его фотография.

Она посмотрела на Гермиону и грустно улыбнулась.

— Это так странно: наконец-то поговорить с кем-то помимо домашних эльфов. Твои комнаты здесь, на этой стороне дома, а мы с Джеймсом живем в комнатах через сад. — Джинни указала налево. Она раздвинула две двери и отступила назад.

Двери вели в комнату размером со спальню Гермионы в поместье. Комната оказалась до потолка забита книгами. В одном углу стояло кресло с широкой спинкой, в другом — письменный стол. Казалось, здесь хранилось не меньше тысячи книг. Полки были заполнены, даже несмотря на очевидное использование чар расширения, и несколько десятков коробок и стопок с книгами стояли на

полу.

Гермиона шагнула в дверной проем и обернулась, осматриваясь.

— Все это принес Малфой, — сказала Джинни у нее за спиной. — Думаю, это и так очевидно.

Из комнаты вели три двери. Гермиона открыла одну и, заглянув внутрь, обнаружила лабораторию зельеварения и алхимии, заполненную котлами, флаконами, банками с ингредиентами и корзинами с травами, которые висели на крюках над головой. Ее пальцы дернулись на деревянной двери, и горло сжалось, когда она закрыла ту.

— Он приходил, проверял, живы ли мы с Джеймсом, добавлял охранные чары и проводил большую часть времени здесь. Он бывал тут часто... но со временем все реже. Иногда приносил странные вещи и всегда оправдывал это тем, что тебе нужно будет чем-то себя занять. Садоводство, на самом деле, изначально тоже должно было стать твоим занятием. Надеюсь, ты не возражаешь, что я его украла.

Гермиона покачала головой, когда открыла другую пару дверей и обнаружила гостиную с большим количеством полок, заполненных книгами.

Окна были занавешены. Гермиона медленно отодвинула одну из штор в сторону и с облегчением обнаружила, что с этой стороны дома не было видно океана. Окно выходило на бамбуковую рощу.

Гермиона несколько мгновений смотрела на неё, прежде чем снова опустить занавеску.

В дальнем конце гостиной была еще одна большая дверь. Роспись на стене и створках дверей изображала лес, окутанный туманом.

За дверью находилась спальня. В комнате царил полумрак, все окна были занавешены. У стены стоял низкий комод, над ним висело зеркало. Поймав в нем свое отражение, Гермиона подумала, что она похожа на испуганного оленя.

Слишком худая.

В той же одежде, в которой она отрезала Драко руку и сбежала.

Она так отчаянно хотела тогда сорвать с себя униформу суррогата, но, взглянув на свое отражение, почувствовала схожее желание и по отношению к форме для верховой езды. Ей нужно найти другую одежду. Что-то, что не было пропитано кошмаром.

Она посмотрела на комод, потом перевела взгляд на Джинни.

Выражение лица Джинни все еще оставалось напряженным, ее пальцы играли с кончиками волос. Девушка оглядела комнаты. Казалось, ей было неловко находиться здесь.

— Я не знала, захочешь ли ты жить здесь или со мной и Джеймсом. Тебе вообще нет нужды тут оставаться. Я просто хотела убедиться, что ты знаешь, что у тебя

есть пространство и уединение, если ты этого захочешь. Я... — голос Джинни прервался, и она глубоко вздохнула: — Я так рада, что ты наконец здесь.

Гермиона медленно кивнула. Оглядела комнату.

— Здесь мило. Я просто... все еще привыкаю. Прошло так много времени с тех пор, как... — она сглотнула и провела пальцами по льняному одеялу на кровати.

Джинни кивнула, но в ее глазах появилась боль.

— Но ты ведь будешь проводить с нами время, правда? Джеймс никогда не видел других людей, кроме меня и Малфоя. Я рассказывала ему столько историй о тебе, Гарри и Роне...

— Конечно. Я просто хотела сказать... — Гермиона не знала, как объяснить свои ощущения Джинни. — Все это пока не кажется мне реальным. То, что мы сделали... — Ее грудь сжалась. — Это был очень рискованный план. Мы до сих пор не знаем, сработал ли он полностью.

Она нащупала свою палочку. Еще пятнадцать минут, и Драко вернется.

Джинни склонила голову набок.

— Мне интересно, как именно все должно было сработать? Малфой только сказал, что ты планировала сбежать, удалив Темную метку и используя Люциуса. Но... ведь Малфой в конечном счёте должен вернуться, потому что он дал Непреложный обет победить Волдеморта, верно?

Напряжение сковало ее спину так резко, что казалось, будто позвоночник вот-вот сломается.

— Он не может вернуться. Он никогда не вернется. Теперь он останется здесь, со мной, — ровным голосом сказала Гермиона.

Выражение лица Джинни на долю секунды стало откровенно испуганным, прежде чем она скрыла его.

Горло Гермионы сжалось, когда она холодно посмотрела на Джинни.

— Он поклялся сделать все возможное, чтобы помочь Ордену победить Волдеморта. Он сделал все, что мог. Он сделал достаточно. Волдеморт так долго пытал его, что теперь он едва может сражаться на дуэли. Теперь он ничего не сможет сделать.

Она вцепилась в спинку стула так, что побелели костяшки пальцев.

— Он сделал все, что мог, — повторила девушка. — Это все. Он сделал все возможное. Ничего больше не... — у нее перехватило горло. — Он исполнил свою клятву. Итак, мы инсценировали его смерть. После того, как я сняла Темную метку, Люциус сжег поместье с помощью Адского пламени. Мы надеемся, что все решат, что мы с Драко погибли в огне. Европа нестабильна. Если все будут думать, что Верховный Правитель умер, Международная конфедерация наконец решит вмешаться.

Наступило короткое молчание.

— Но... Волдеморт ещё не умер, — медленно произнесла Джинни. Осторожно. Как будто она сообщала Гермионе маленькую деталь, про которую та забыла.

Гермиона почувствовала, как в животе у нее разгорается жар. Ей хотелось взорваться от вскипевших эмоций.

— Пока нет, — голос Гермионы вибрировал от напряжения. — Но его не нужно убивать... достаточно и поражения. Он может умереть сам. Или кто-то другой его убьёт. — Она прерывисто вздохнула и заставила себя продолжить. — Если бы Драко мог убить его и убил бы до того, как вмешается Международная Конфедерация, Темные метки исчезли бы. Ни один из членов Сопротивления, которые являются суррогатами или заключены в тюрьму, не смог бы снять свои кандалы, пока не найдут способ подделать магический отпечаток Волдеморта.

Она почувствовала жжение, разливающееся по трапециевидным мышцам спины. Она сунула руку в карман и сжала волшебную палочку. Школьную палочку Драко.

— Драко больше не в состоянии ничего сделать. Он сделал все что мог. Теперь настала очередь других действовать. Потеря Верховного Правителя — один из самых разрушительных ударов, который было возможно нанести Волдеморту. Если Международная конфедерация считала Драко угрозой, они могли откладывать вмешательство. Обставить все так, как будто он умер, было наилучшим решением.

— И этого... будет достаточно для Обета?

Гермиона судорожно кивнула, и ее пальцы крепко сжали палочку.

— Думаю, что да. Я участвовала в создании Обета вместе с ним. Он сформирован и моим намерением, в том числе, а оно всегда было направлено на то, чтобы спасти его. Поэтому этого должно быть достаточно. И если это не сработает... — ее голос дрогнул, а сердце бешено заколотилось. — Если... не... я... обещала...

Ее голос оборвался, когда грудь сжалась так болезненно, что казалось, будто треснула пополам. Глаза Гермионы расширились.

У нее задрожала челюсть:

— Я обещала...

Ее голос затих.

Она сделала неглубокий вдох.

— Я обещала...

Джинни в замешательстве посмотрела на нее, а затем на ее лице отразилось ужасное понимание. Она быстро пересекла комнату и тронула Гермиону за плечо.

— Гермиона? Гермиона, о боже. Я сглупила. Просто дыши. Мне не следовало

спрашивать. Пожалуйста, дыши. Что мне сделать? Как мне помочь? У меня есть успокоительное...

Не паникуй.

Не паникуй.

Гермиона покачала головой, глядя на Джинни, и заставила себя дышать.

Джинни подвела ее к кушетке и крепко обняла за плечи.

— Здесь ты в безопасности. Ты в безопасности. Тебе не нужно волноваться. Ты можешь использовать окклюменцию? Теперь у тебя есть магия, окклюменция помогает?

Гермиона кивнула и попыталась подавить панику, но это было все равно что пытаться схватить дюжину угрей, ускользающих в другие части ее сознания.

Она крепко зажмурилась и сосредоточилась на одной точке.

Дыши. Дыши. Дыши.

Никаких приступов. У тебя не может быть приступов.

— Позови Драко, — выдавила она, заставляя себя сделать болезненный, судорожный вдох.

— Как мне... Ах, да. *Экспекто Патронум!*

Гермиона на мгновение открыла глаза и увидела серебристую лошадь Джинни.

— Найди Малфоя. Скажи, что у Гермионы приступ паники.

Лошадь умчалась, и Джинни повернулась к Гермионе.

— Гермиона, пожалуйста, все хорошо. Ты была такой храброй. Ты проделала весь этот путь. Теперь ты в безопасности. Я уверена, что все получилось. Никому не придется возвращаться назад. Вы с Малфоем оба здесь в безопасности. Ты добралась сюда. Ты в безопасности. Нужно просто дышать.

Гермиона заставляла себя дышать, делая рваные, судорожные вдохи, пока внезапно ее лицо не уткнулось в ткань, пахнущую лесом.

Она прижалась к Драко и почувствовала, как его рука пробежала по ее волосам и спине.

— Гермиона, давай, просто дыши для меня, — мягко сказал он, притягивая ее к своей груди и крепко обнимая. Затем его тон стал резким, как лезвие ножа. — Что ты сделала? Я же просил ее успокоить.

— Прости, я не знала...

Гермиона запустила пальцы в мантию Драко и подняла голову, притягивая его ближе и глядя ему в глаза.

— Драко... Драко... что если это не сработает... что если ты все еще не освободился от Непреложного Обета... Я... я обещала...

— Если это не сработает, — оборвал он ее, — я буду с тобой до конца. Это все, чего я когда-либо хотел.

Она яростно замотала головой и обхватила его лицо ладонями.

— Нет... Нет. Я все еще могу спасти тебя. Я могу пойти...

— Ты никуда не пойдешь. Ты закончила, — сказал он, и его глаза стали стальными. — Ты останешься здесь и позаботишься о нашей дочери, как и обещала. Это было твоей сделкой два года назад. Я спас для тебя Джинни, а ты дала слово, что остановишься. Единственное, чего я всегда хотел. Ты обещала, что уйдешь и никогда не вернешься. Ты сделала очень длинный крюк в исполнении своей части обещания, но ты все ещё обязана его сдержать.

Она снова покачала головой.

— Драко...

Он резко вздохнул, и выражение его лица сменилось с безжалостного на умоляющее. Он прижал ладонь к ее щеке.

— Это не твоя работа — разрушать себя, чтобы спасти всех. Ты видела себя, Грейнджер? От тебя почти ничего не осталось. — Его глаза были широко раскрыты, и он пристально смотрел на нее. — Моя жизнь не стоит того, чтобы жить, если за нее приходится расплачиваться тебе.

Ее рот скривился.

— Но... ты мне нужен, Драко... Я не смогу... — ее голос дрожал.

Он прижался лбом к ее лбу, обхватив рукой ее затылок.

— Ты тоже мне нужна.

Она прерывисто всхлипнула и обвила руками его шею.

— Если это не сработало, мы что-нибудь придумаем, — тихо сказал Драко, приблизив губы к ее уху. — Но ты ни при каких обстоятельствах не пойдешь на очередную самоубийственную миссию в попытке спасти меня. Просто дыши. Я не умираю, я здесь, с тобой. Ты в безопасности.

Гермиона судорожно вздохнула.

— А если что-то пойдет не так? Что мы будем делать?

Он провел большим пальцем по ее щеке.

— Мы справимся.

— Ты не можешь умереть. Не умирай, Драко, — она повторяла это снова и снова

себе под нос.

— Я могу как-то помочь? — Джинни стояла рядом с ними. — Мне так жаль. Я не знала, что расстрою ее своими вопросами.

— Ей нужно поесть. Она почти ничего не ела несколько дней. Это было бы полезно, — голос Драко был ледяным.

— О боже, она не упоминала об этом... Я сейчас же схожу за едой.

Раздался звук отъезжающей в сторону двери, затем резкий щелчок, и Джинни ушла.

Гермиона сидела, крепко держа Драко еще несколько минут, пока ее сердцебиение не замедлилось.

— Прости. Сначала все было нормально, но потом...

— Все в порядке. — Он погладил ее по волосам. — Я все равно уже возвращался. Надо было остаться. Я думал, вы с Джинни лучше поладите в мое отсутствие.

Гермиона задумчиво улыбнулась.

— Я так давно не видела никого из своих знакомых. Я немного отвыкла...

Драко резко вздохнул, и его пальцы дернулись.

— Тебе не обязательно ее видеть. Она может находиться в своей части дома.

— Нет. — Гермиона покачала головой и выпрямилась, чтобы посмотреть на него.

— Я хочу ее видеть. Я просто... я думала, все пройдет намного проще. Но, полагаю, для нас не существует простых путей. Ей было любопытно, как мы сбежали, и разговор об этом заставил меня задуматься о том, что все может пойти не так. Я была шокирована... но продолжала дышать, обычно у меня не получалось даже этого. На этот раз я заставила себя дышать, пока ты не пришёл. Это была не ее вина. Она не знала, что эта тема меня расстроит. Я и сама не знала. — Ее пальцы слегка коснулись его щеки. — Она не должна была бить тебя, вот из-за чего я действительно расстроена.

Он фыркнул.

— Она набросилась на меня с ножом в нашу первую встречу здесь. Пощечины — мелочь. — Последовала пауза, и в его глазах появился слабый блеск. — Кажется, я припоминаю, как однажды ты сама ударила меня.

Гермиона на мгновение уставилась на него, а затем уголки ее рта приподнялись, когда жар поднялся к впадинам ее щек.

Она отвернулась, оглядывая комнату.

— Джинни сказала, что ты самостоятельно обустроивал эти комнаты.

Он кивнул.

— Они прекрасны.

Он поморщился.

— В них стало тесно. Я слегка увлекся покупкой книг.

Она улыбнулась и искоса взглянула на него.

— Именно поэтому здесь так чудесно.

Он рассмеялся. Гермиона подумала, что это, возможно, был первый искренний смех, который она когда-либо слышала от него.

Он длился всего мгновение.

Гермиона почувствовала, как в уголках ее глаз пролегли морщинки, когда она посмотрела на него.

— И ты построил для меня лабораторию.

Уголок его рта дернулся, когда он поднял бровь.

— Ну, теперь я официально отстраняю тебя от целительства. Я подумал, что тебе пора заняться той отраслью магии, которая тебе нравится.

Улыбка, игравшая на ее губах, исчезла, и Гермиона опустила взгляд на свои колени.

— Я... я не ненавижу целительство. Это занятие стало... травматичным... из-за войны. Эта область действительно интересовала меня.

Он скептически уставился на нее.

— Ты когда-нибудь задумывалась о карьере целителя, прежде чем Сопротивление сделало выбор за тебя?

— Ну, — она нервно теребила подол своей рубашки, — тогда у всех было не особо много вариантов для выбора.

— И по чистой случайности ты занялась именно тем, за что больше никто не хотел браться, — его голос был едким.

Появился большой поднос с едой, на котором громоздились тарелки с овощами, бифштексом, и картофельным пюре, и яблочными пирогами.

Домашняя еда.

Драко с тревогой хмыкнул, глядя на появившуюся еду.

— Не уверен, что смогу есть то, что стало плодом рук Уизли.

Гермиона проигнорировала его и подала им обоим тарелки, на которых лежало гораздо большее количество еды, чем они могли съесть.

Драко продолжал бормотать жалобы себе под нос, в то время как Гермиона наедалась. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ела так много. Все это было так знакомо. Еда, которую она ела в детстве. Обеды в Норе летом перед началом занятий.

Это воспоминание едва не заставило ее расплакаться.

Несмотря на все жалобы Драко на то, что потенциал домашних эльфов тратится впустую, он не был склонен пропускать трапезу. Драко взглянул на нее, когда она наконец начала есть медленнее.

— Ты должна поспать, как только поешь.

Гермиона покачала головой.

— Нет. Я хочу встретиться с Джеймсом.

— Ты сможешь увидеть его завтра. Он никуда не денется.

— Я хочу встретиться с ним сегодня. Я должна была позаботиться о нем, и теперь ему почти два года, а я его даже не видела.

Драко прожигал ее взглядом, но она упрямо смотрела в ответ, пережевывая очередной кусок яблочного пирога. Он раздраженно вздохнул.

— Прекрасно. Я позову эльфа и попрошу Джинни привести его.

Гермиона кивнула и поставила тарелку.

— А... здесь есть другая одежда для меня? Или... ты приносил только книги?

Его глаза сузились, а уголок рта дернулся.

— Там есть одежда. Я не знаю, какая может подойти для беременных.

Гермиона отправилась исследовать комод. Там было огромное количество одежды, так же, как и всего остального. У ящиков комода, казалось, не существовало дна.

Внутри нашлось несколько мантий, но большая часть одежды оказалась маггловской. Гермиона продолжала поиски, пока не обнаружила джемпер и брюки, которые отлично сидели, не нуждаясь в регулировочных чарах.

***

У Джеймса были темно-рыжие волосы, торчавшие в разные стороны, и потрясающе зеленые глаза.

Если не считать волос, он выглядел точь-в-точь как Гарри. Гермиона долго смотрела на него и чувствовала, как у нее разрывается сердце.

Его изумрудно-зеленые глаза с подозрением изучали ее, пока он крепко прижимался к Джинни.

Те же глаза. Тот же рот. Гарри. Это был Гарри.

— Джеймс, это твоя крестная, тетя Гермиона. Помнишь, я рассказывала тебе о ней? Она была лучшей подругой твоего отца в школе. Она любит книги, как и ты, но не метлы, — тихо прошептала Джинни ему на ухо, нежно коснувшись его носом. — А это Малфой с ней. Ты уже виделся с ним раньше. Не забывай, что мы находимся в его доме. Это он посылает к нам эльфов.

Джеймс наклонился ближе к Джинни, уткнулся лицом в мамино горло и застенчиво посмотрел на Гермиону и Драко.

— Привет, Джеймс, — сказала Гермиона, когда к ней вернулся голос. — Я знала тебя ещё до того, как ты родился. Я так рада, что наконец-то познакомилась с тобой.

Джеймс фыркнул и закрыл лицо рукой.

— Он никогда не видел людей лично, кроме меня и Малфоя, — сказала Джинни, прижимаясь головой к Джеймсу. — Но... если то, как он ведет себя с эльфами, что-то значит, как только он перестанет стесняться, то больше никогда не оставит тебя в покое. Джеймс, ты можешь сказать «тетя Гермиона»?

— Нет, — голос Джеймса был тонким и упрямым.

— Ты не хочешь сказать «привет»?

— Нет.

Джинни вздохнула и ткнула его в ребра.

— Невоспитанный мальчишка.

Джеймс еще решительнее уткнулся лицом в плечо Джинни и рассмеялся.

— Все в порядке, — сказала Гермиона хриплым голосом, чувствуя себя подавленной, просто глядя на него. — Он так похож на Гарри.

Джинни кивнула с натянутой улыбкой и поцеловала Джеймса в волосы.

— Он действительно его копия. Это до сих пор шокирует меня. Иногда он корчит рожи, и это ударяет меня, словно бладжером. На мгновение я забываю, что смотрю на него, потому что... вижу Гарри. Потом снова Джеймса. — Она рассмеялась: — Когда он родился, у него были темные волосы и глаза, а потом, в шесть месяцев, его каштановые волосы сменились на рыжие, а глаза стали зелеными. Мне и в голову не приходило, что он может родиться с таким цветом волос. Но мама Гарри ведь тоже была рыжеволосой, так что, думаю, этого гена было достаточно, чтобы он проявился у Джеймса.

Джеймс резко вскинул голову и уставился на Гермиону.

— Мио-ни. — Он указал на нее. — Мио-ни.

— Гермиона, — медленно произнесла Джинни, растягивая согласные.

Джеймс покачал головой.

— Мио-ни.

— Я тоже не могла его выговорить, когда была маленькой, — улыбнулась Гермиона.

— Он славный малыш, — Джинни переложила его на другое бедро. — Вначале он спал мало, у него были колики. Но сейчас он вполне счастлив. Хотя с тех пор, как начал ходить, он стал гораздо непослушнее. Хватается за все, до чего может дотянуться...

Гермиона машинально кивнула, продолжая смотреть на Джеймса.

Она не знала, как вести себя с ребенком. Она так привыкла думать о них абстрактно. На самом деле, видя перед собой ребенка, который разговаривал и обладал своим мнением о мире, Гермиона чувствовала себя совершенно сбитой с толку.

Девушка не могла вспомнить, когда в последний раз видела или держала на руках ребенка. Вероятно, когда она помогала перевозить сирот во время войны.

Мир, в котором жила Джинни, вдруг показался ей чужим.

Гермиона совсем забыла, какими выразительными могут быть люди. Что ей не нужно читать людей в первую очередь по тому, как сверкают их глаза или по тому, что они недоговаривают.

Младенцы, колики, этапы взросления. Если бы они с Драко оказались действительно свободны, то стали бы частью этого мира.

Если бы все сработало.

Если бы они были в безопасности.

Если бы Драко окончательно освободился.

Грудь Гермионы сжалась, и она снова кивнула в ответ на то, что говорила Джинни.

Ее голова начала пульсировать.

— Джинни, Грейнджер нужно отдохнуть, — внезапно раздался холодный голос Драко.

Гермиона моргнула.

Лицо Джинни застыло, а затем вытянулось.

— Прости. Я увлеклась. — Она заставила себя снова улыбнуться. — Джеймсу все равно нужно пообедать. Отдыхай. Эльфы принесут еще еды. Если тебе... что-нибудь понадобится, мы будем здесь.

На лице девушки читалось напряжение, когда она перехватила Джеймса поудобнее и, повернувшись, направилась обратно в их крыло хаотичного дома.

Гермиона смотрела им вслед.

— Она так одинока, Драко. Ты мог бы позволить ей рассказать мне больше о Джеймсе.

— Тебе нужен отдых. У тебя будут годы, чтобы узнать его получше.

Гермионе хотелось возразить, но она чувствовала, что готова заснуть стоя.

Она свернулась калачиком в постели и закрыла глаза.

Драко сидел рядом с ней, держа ее руку так же, как во время утренней тошноты. Его большой палец скользил по костяшкам ее пальцев.

Она уже засыпала, когда почувствовала, как его рука мягко опустилась на кровать. Матрас прогнулся.

Гермиона наблюдала сквозь ресницы, как он еще мгновение смотрел на нее сверху вниз, а затем медленно повернулся и положил руку на стену, как будто мог чувствовать что-то за деревянными панелями.

Драко вытащил палочку и начал бормотать заклинания.

Гермиона смотрела, как он добавляет в комнату одно заклинание за другим. Некоторые из них были простыми, безобидными заклинаниями, а другие — древними магическими формулами. Она съежилась, когда он вытащил из-за пазухи нож и, зажав рукоять зубами, разрезал ладонь и кровью начертил алые руны на стенах. Символы светились, пока он продолжал чертить все больше и больше, а потом они, наконец, растворились в стене и исчезли.

Драко вытащил флакон с зельем, восполняющим кровь, и выпил его, а затем достал флакон с экстрактом бадьяна, который использовал, чтобы залечить порез. Он посмотрел на свою окровавленную руку и вытер ту о мантию, прежде чем очистить одежду.

Драко снова положил руку на стену.

Его плечи на мгновение расслабленно опустились, прежде чем он снова расправил их и направился к двери.

— Драко?

Он замер и медленно повернулся к ней. Его лицо было непроницаемым.

Она просто смотрела на него в течение нескольких секунд, чувствуя, как сердце наливается свинцовой тяжестью.

— Мы ведь здесь в безопасности, Драко?

— Да, — тут же ответил он.

Она села, и его лицо напряглось.

— В самом деле?

Он стоял в дверях с палочкой в руке.

— Здесь безопасно. Даю слово.

Она кивнула.

— Если ты так говоришь, я тебе верю.

Он тоже сдержанно кивнул.

Гермиона облизнула губы.

— Значит, тебе больше не нужно добавлять новые охранные чары? Если мы в безопасности.

Он стоял и смотрел на нее, явно не зная, что ответить.

Она слабо улыбнулась ему, пока пульсирующее чувство горя разрасталось в ее груди.

— Нам двоим нужно отдохнуть. Ты не должен продолжать... продолжать обороняться, словно мы до сих пор находимся на войне.

Драко просто молча стоял у двери.

Она печально смотрела на него, осознавая разницу между ними: он никогда не мечтал о том, что будет делать или кем станет после войны. В отличие от нее, у него было мало ожиданий, которые могли бы его разочаровать.

Он не знал, что делать, но продолжал заниматься тем же, чем и всегда.

Девушка потянулась к нему.

— Останься со мной. Сейчас наступило именно то время, в которое мы отдыхаем.

Он продолжал стоять в дверях, его взгляд метнулся в сторону соседней комнаты.

— Если тебе нужно что-то сделать, я подожду.

Она увидела, как его рука дернулась, прежде чем Драко сжал палочку в кулаке. Его глаза вдруг стали мальчишескими и неуверенными.

Он понятия не имел, как не быть солдатом.

Он снова посмотрел в сторону соседней комнаты.

Она потянулась к нему.

— Останься здесь, Драко. Тебе тоже стоит отдохнуть.

Он медленно кивнул, но не двинулся с места. Гермiona встала и подошла. Она встретила с ним взглядом, вынула палочку из его руки и положила ее на комод. Девушка сбросила с его плеч мантию и провела руками по рубашке и брюкам, отыскивая множество потайных карманов, которые у него были, вытаскивая дополнительные палочки и оружие.

Она не была уверена, взял ли он с собой какие-нибудь вещи, кроме оружия.

Он поморщился, когда она собрала все и сложила на комод.

Гермiona остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Мы в безопасности, верно?

Драко сглотнул и медленно кивнул.

Она взяла его за руку.

— Тогда оставь это.

Она смотрела на него, пока они лежали лицом к лицу на ее кровати. Его глаза продолжали скользить мимо нее к оружию на комод.

— Кем ты хотел быть... до того, как тебя заставили стать Пожирателем Смерти? Что бы ты делал, если бы не война?

Он бесстрастно посмотрел на нее.

— Я был наследником Малфоев. Если бы я не стал Пожирателем Смерти, то просто стал бы наследником Малфоев. У моего отца были планы в политике на мой счёт... поэтому я был бы политиком.

— О... Ну а какой твой любимый предмет в школе?

Почему-то она никогда раньше не задавала ему этого вопроса и не была уверена, что сможет угадать ответ. Они знали друг друга только по граням, отполированным войной.

Несколько секунд он молчал и, казалось, пытался вспомнить.

— Мне нравились Чары.

Уголок ее рта приподнялся.

— Я должна была догадаться. Я помню, что у тебя они хорошо получались. Ты мог бы заняться этой областью снова. Алхимия и Чары сильно переплетены между собой. Возможно, мы когда-нибудь сможем поработать вместе.

Уголок его рта дернулся.

— Возможно.

Он выглядел усталым. Гермiona прижалась к нему, и он запустил руку в ее волосы, притягивая девушку ближе.

— Мы здесь в безопасности? — снова спросила она, проводя пальцами по его рубашке. — Ты же не... ты же не просто так говоришь, чтобы я успокоилась?

Драко отстранился и посмотрел на нее.

— Мы в безопасности, Гермиона.

Сжимающая ее грудь тревога исчезла.

— Хорошо.

Гермиона глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Когда она проснулась несколько часов спустя, он тоже спал. Как будто девять лет изнеможения наконец дали о себе знать и поглотили его.

Он спал целыми днями, почти без чувств. Гермиона могла бы развязать ему руку и вылечить ее, и он бы не пошевелился.

Она спала так же много всю первую неделю. Гермиона не думала, что устала настолько, чтобы спать целыми днями подряд, но казалось, словно неумолимое напряжение, которое она даже не замечала, наконец-то отпустило, и сон был более освежающим, чем когда-либо в ее жизни.

Головные боли постепенно сошли на нет. Она нашла пергамент и перо и старательно записывала все, что смогла вспомнить из своих угасающих воспоминаний. Когда она просмотрела записи несколько дней спустя, многие детали были ей незнакомы.

Но ей казалось, что ее разум обрел какое-то подобие неустойчивого равновесия.

Драко продолжал спокойно спать всю следующую неделю. Он ненадолго просыпался, чтобы поесть, проверить защиту, а затем снова падал на кровать, сжимая Гермиону. Иногда она беспокоилась, что он, должно быть, болен, раз так много спит. Она проверила его с помощью диагностики, чтобы успокоиться.

Он не спал, если ее не было рядом.

Она пыталась тихонько проскользнуть в соседнюю комнату, чтобы осмотреть книжные полки, но через две минуты он появлялся в дверях с палочкой в руке. Она хватала несколько книг с полок и возвращалась в кровать.

— Я достаточно отдохнул, — говорил Драко, все еще стоя в дверях.

— Но я должна продолжать отдыхать, — возражала она, ложась в кровать. — Просто хотела немного почитать.

Через несколько минут он снова засыпал, пока она читала, переплетая их пальцы.

Шел девятый день их пребывания здесь, когда раздался легкий стук в дверь.

Джинни приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

— Джеймс сейчас дремлет. Могу я войти?

Гермиона закрыла книгу и кивнула. Они отправили друг другу несколько записок через домовых эльфов, но она не видела Джинни больше нескольких минут с того дня, как они приехали.

Джинни прошла через комнаты в спальню и остановилась, глядя на Драко в течение нескольких секунд, прежде чем отвернуться и наколдовать маленький стул.

Несколько минут они сидели, уставившись друг на друга. В глазах Джинни, изучавшей Гермиону, мелькнуло опасение. Гермиона сжала руку Драко, ожидая, что Джинни что-нибудь скажет.

Джинни уставилась на их руки, а затем отвела взгляд, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Я не... я не представляла, как сильно вы связаны друг с другом. То есть я видела одержимость Малфоя, но я думала... я не ожидала, что ты... что это будет не только Малфой... что вы оба... будете такими.

Гермиона заметила беспокойство в глазах Джинни. Она ничего не сказала.

Джинни держала в руке волшебную палочку и перебрасывала ее из одной руки в другую. Когда она поняла, что играет с палочкой, девушка остановилась и на мгновение уставилась на свои руки.

— Знаешь, он не давал мне палочку в первый год.

Гермиона не знала, что сказать. Она провела пальцами по обложке своей книги.

— Наверное, это было к лучшему, — продолжила Джинни, кривя губы. — Я пыталась убить его около десятка раз. Последнее, что я помню, — это как меня накачали чем-то на лабораторном столе, а потом я очнулась здесь. В первый раз, когда он пришел и сказал мне, что все мертвы, кроме тебя, я бросила в него нож для стейка. Позже он рассказал мне о том, чем вы занимались во время войны... что вы... — Лицо Джинни слегка исказилось. — Вы были с ним... Я ему не поверила. Я имею в виду... Я подозревала, что у тебя мог быть кто-то, но не... Малфой. Но когда он сказал, как все произошло... это действительно было похоже на тебя... — голос Джинни затих.

Она опустила глаза и откашлялась.

— Но это был Малфой. Он убил Дамблдора. Его отец... — Она провела рукой по неровному шраму на щеке. — Малфои всегда ненавидели магглорожденных. Он продолжал твердить, что привезёт тебя сюда, но ничего не происходило. Поэтому я предположила, что это уловка. Я думала, что Волдеморт планирует что-то сделать с Джеймсом, как только тот родится.

— Мне жаль, — только и смогла сказать Гермиона.

Джинни поерзала на стуле.

— Я... я пыталась покончить с собой. Несколько раз я была очень близка к этому. — Она избегала смотреть Гермионе в глаза и нервно теребила кончики волос. — Сначала Малфой приходил раз в два дня, приносил одежду и припасы, потом стал появляться со всеми этими книгами и вещами... говорил, что тебе нужно будет чем-то заняться, как только он тебя найдет.

Пальцы Гермионы, вплетенные в пальцы Драко, дернулись.

Джинни снова уставилась на их руки, прежде чем перевести взгляд на свою палочку.

— В тот день, когда родился Джеймс, я... я чуть не задушила его. Я так боялась, что Малфой придёт и заберет его к Волдеморту. Он появился через несколько часов в парадной свадебной мантии. Он был так рад, что я жива. Я думаю, что это было впервые, когда я увидела настоящую эмоцию на его лице. Очевидно, он был уверен, что я умру во время родов... не то, чтобы он действительно заботился о нас, это больше походило на то, что мы с Джеймсом были приоритетом в его списке. Но в тот день он оказался менее сдержан. Я так разозлилась на него, что спросила, не опоздал ли он из-за того, что женился на тебе, учитывая, как он якобы сильно о тебе заботился.

Джинни сделала быстрый вдох.

— Я не думала, что ему было дело до моих слов. В тот момент я высказала ему почти все. Но когда я спросила про свадьбу с тобой, он побледнел и сказал, что нет, невеста была другой. После этого он стал приходить реже.

Джинни взглянула на Драко.

— Это было равносильно тому, как смотреть на человека, умирающего с голоду. Он приносил вещи, очевидно предназначенные для тебя, но потом... я не знаю, как это описать. Он больше не вел себя так, словно с тобой все будет в порядке, когда ты приедешь сюда. Вот тогда-то он и стал одержим берегами.

Гермиона опустила взгляд, ее желудок сжался.

— Последний раз я видела его прошлым летом. Он сказал, что его перемещения вызывают подозрения у Волдеморта и ему больше не позволено покидать Британию. Он сказал, что, если найдет тебя, Снейп приведет тебя. Он напомнил мне, что ты — единственная причина, по которой я жива, а затем пригрозил, чтобы я поклялась, что позабочусь о тебе. Тогда-то он и вернул мне волшебную палочку. Я не видела его до тех пор, пока вы оба не перенеслись сюда на прошлой неделе.

Джинни опустила глаза, покрутив в руках волшебную палочку.

— Как только у меня снова появилась волшебная палочка, я соорудила Волшебный Радиоприемник, как это делали Фред и Джордж, и начала получать газеты. Они приходили с опозданием на несколько недель, но я наконец-то начала понимать, что происходит. Я... я знала, что все плохо, но... никогда не думала... — Лицо Джинни скривилось, и она не могла встретиться взглядом с Гермионой. — Мне очень жаль. Мне очень, очень жаль.

Гермиона не понимала, за что извиняется Джинни. Она посмотрела на книгу,

лежавшую на ее коленях.

— Это не твоя вина. Ты была членом Ордена всего несколько месяцев, прежде чем забеременела. Не то чтобы ты могла что-то изменить.

Джинни закусил губу и опустила глаза.

— Я знала, что ты воспринимаешь войну иначе, чем Гарри и Рон, но... я не понимала, насколько сильно твой взгляд отличался, пока не узнала, что ты сделала. Не уверена, что кто-то понимал, насколько твое восприятие отличалось от остальных и что ты была готова...

Гермиона просто смотрела на Джинни, внезапно почувствовав себя слишком уставшей, чтобы продолжать разговор.

— Я бы никогда не попросила кого-то делать то, что не готова была делать сама. Я думала, все и так понимали это...

Джинни побледнела, ее кожа стала такой ослепительно белой, что шрам резко выделился на ее лице.

— Я знала. Я всегда знала это. Я просто... я верила в Гарри. Я верила в то, что он говорил о войне и о силе любви. На полях сражений можно было увидеть в людях худшее, но в то же время и лучшее. Я думала, что, возможно, ты не видела этого из Больничного крыла. Но ты была права... ты всегда была права, и от этого тебе, скорее всего, было ещё тяжелее, чем всем остальным... потому что ты оставалась с нами все это время, зная правду.

Грудь Гермионы кольнуло, как будто Джинни прикоснулась к агонии, о которой девушка успела забыть. Она поджала губы, крепко держа руку Драко.

По лицу Джинни непрерывно катились слезы.

— Прости, что не хотела тебе верить. То, что ты была вынуждена делать... Так не должно было случиться.

Гермиона начала было отвечать, но Джинни продолжала:

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной меня прощать. То, что случилось... все это... тебе не нужно с этим мириться. Ты не должна после такого заставлять себя чувствовать, как будто все нормально. Ты заслуживаешь того, чтобы злиться. Не... не думай, что тебе нужно забыть обо всем. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя в ловушке всю оставшуюся жизнь, потому что окружающие люди заставляли тебя давать обещания.

Гермиона напряглась и притянула к себе руку Драко.

Губы Джинни сжались, когда она увидела это движение. Девушка опустила взгляд.

— Я имею в виду не только Малфоя. Я знаю, ты обещала Гарри позаботиться обо мне и Джеймсе. Я хочу, чтобы ты знала, что ничего мне не должна. Ты сделала больше, чем кто-либо. Ты была права, пришло время действовать другим. Ты заслуживаешь того, чтобы самой делать выбор. Вот что значит быть свободным.

Так что не... не проводи остаток своей жизни, скованная старыми обещаниями. Которые были даны Гарри, мне или Малфою.

Джинни резко встала.

— Мне просто нужно было все это сказать. Мне нужно было сделать это хотя бы раз. Ты... — Джинни пристально посмотрела на Гермиону, ее глаза с болью остановились на ее животе. — Я так рада, что ты сбежала. Ты заслуживаешь свободы. Настоящей свободы. А не только той части, что позволяют тебе другие.

Пальцы Джинни метнулись к лицу и быстро скользнули по щекам, стирая слезы, и девушка выскользнула из комнаты.

Гермиона на мгновение взглянула на руку Драко, вплетенную в ее ладонь, прежде чем посмотреть ему в лицо.

— Ты можешь уже перестать притворяться спящим.

Серебряные глаза Драко распахнулись, и он взглянул на нее. Выражение его лица было сдержанным.

Уголок рта Гермионы приподнялся, когда она заметила это.

— Я не стала бы утруждать себя твоим спасением только ради обещания, если тебя это интересует. В конце концов, разве не ты сказал, что я даю противоречивые обещания только для того, чтобы делать все, что захочу?

— Грейн...

— Мы говорили «всегда», так ведь? — спросила она напряженным голосом. — Всегда. Если ты больше не хочешь выполнять это обещание в полном объеме, я могу уступить.

Она крепче сжала его руку:

— Каждый день. Я буду выбирать тебя.

Гермиона повернулась к нему лицом, переплетая их пальцы и проводя по его руке. Ее пальцы остановились на ониксовом кольце, и девушка взглянула на него, прокручивая в памяти их прошлое.

Ослепляющая боль и жгучая преданность в равных долях.

— Я уверена, нас ждут хорошие и плохие моменты, — сказала она через минуту. — Все произошедшее... не думаю, что мы когда-нибудь сможем по-настоящему оставить все это позади. Но если ты решишь быть со мной, а я — с тобой... в конце концов, мы достаточно сильны, чтобы справиться со всем вместе... День за днем... — Она встретилась с ним взглядом. — Разве я не права?

Драко внимательно посмотрел на нее и кивнул.

На следующее утро на столе перед ними появился поднос с завтраком вместе с выпуском «Ежедневного Пророка» двухнедельной давности. На обложке красовалась фотография сгоревших руин поместья Малфоев.

Гермиона схватила газету с подноса и уставилась на фотографию, ее сердце бешено колотилось.

— «Верховный Правитель погиб в результате несчастного случая с Адским пламенем».

Трясущимися руками она развернула газету, чтобы прочесть текст статьи.

— Шокирующее убийство Драко Малфоя, совершённое его собственным отцом, который позже покончил жизнь самоубийством в родовом поместье Малфоев.

Она посмотрела на Драко, вздохнув с облегчением.

— Сработало, Драко. Ты свободен.

75. Эпилог, часть 1.

Верховный Правитель погиб в результате несчастного случая с Адским пламенем.

Шокирующее убийство Драко Малфоя его собственным отцом, который позже совершил самоубийство в родовом поместье Малфоев.

Есть основания полагать, что Драко Малфой, заметная фигура среди последователей Темного Лорда, и его отец погибли в результате пожара в собственном поместье.

Это событие все еще расследуется Авроратом. Официальное заявление Департамента Магического Правопорядка гласит, что причина пожара остается неизвестной, но неофициальные источники подтвердили, что все признаки указывают на применение проклятия Адского пламени. Проклятие было вызвано целенаправленно и умышленно.

Фотографии руин поместья Малфоев почти идентичны тем, что были сделаны в поместье Лестрейнджей после пожара, произошедшего несколько лет назад. — «Все знали, что Люциус был одержим этим Пламенем, — утверждает наш источник. — Он детально изучил все записи и многократно посещал руины поместья Лестрейнджей. Вывод о том, что огонь в его собственном поместье был вызван случайностью, кажется безосновательным. Это такая трагедия: он так и не оправился после смерти Нарциссы».

Близкие друзья семьи говорят, что Люциус отказался от большинства родовых обязательств после смерти жены, передав титул и поместье Драко, которому на тот момент было двадцать лет. В последующие годы Люциус редко посещал Британию, но во время последнего визита его поведение казалось странным. Авроры подтверждают, что Люциус подозревается в причастности к исчезновению людей, включая Асторию Малфой. Миссис Малфой пропала менее чем через сутки после своего возвращения из летнего отпуска во Франции.

Ходили упорные слухи о напряженности в отношениях между отцом и сыном. Несмотря на внешнюю дружелюбность, их редко видели вместе. Ко всему прочему Люциус не удосужился появиться на свадьбе Драко в 2003 году.

Ожидается, что титул и обязанности Верховного Правителя будут переданы другому Пожирателю Смерти в течение недели. На рассмотрении находятся несколько генералов. Однако на момент публикации официальное заявление от Темного Лорда относительно преемника или о смерти Драко и Люциуса не поступило.

Потеря столь древней и выдающейся семейной линии, как семья Малфоев, является сокрушительным ударом по волшебному миру. Драко был последним представителем рода Малфоев и Блэков. Целительница, представляющая программу увеличения населения, подтвердила, что суррогат Драко Малфоя также погибла в огне. Она была на четвертом месяце беременности наследником Малфоев.

***

После двух недель отдыха Драко и Гермиона наконец выбрались из дома. Драко немедленно отправился проверять все защитные чары на острове. Вернувшись, он устроил Гермионе полную экскурсию по территории дома. Она не отпускала его руку, когда они вышли в сад.

Завернув за угол, они обнаружили Джинни, наблюдающую, как Джеймс пытается взобраться на пагоду. Девушка натянуто улыбнулась, когда увидела их.

— Хорошо, что вы встали. Я уже начала сомневаться, не впали ли вы в спячку. — Джинни посмотрела на Драко. — Есть кое-кто, кто хотел тебя увидеть. Топси!

Тут же раздался хлопок, и Топси материализовалась. Эльфийка мгновение стояла, глядя на Драко, ее руки были сцеплены вместе, а огромные глаза сияли. Затем она шагнула вперед и толкнула Драко.

— Топси так зла на вас! — сказала она, когда ее пальцы столкнулись с его голенью. — Топси никогда в жизни так не злилась!

Она обхватила руками ногу Драко и принялась всхлипывать.

— Вы отослали Топси, не попрощавшись. Топси думала, что вы погибли!

Она зарылась лицом в его одежду и несколько минут заходила рыданиями, пока Драко неловко не наклонился и не погладил ее по голове.

Джинни бросила на него многозначительный взгляд.

— Когда она появилась и узнала, что вы оба здесь, то сначала не поверила в это. Пока позже не увидела вас, а потом плакала весь остаток дня. Не могу поверить, что ты так грубо отослал ее.

Когда Топси наконец отпустила Драко, то подошла, взяла Джеймса на руки и унесла его, все еще всхлипывая.

Гермиона, Драко и Джинни стояли, смотря друг на друга в неловком молчании.

Джинни дергала себя за кончики волос, а затем слегка приподняла подбородок и расправила плечи.

— Думаю, мы должны спланировать совместные ужины. Не обязательно ежедневно. В остальное время мы все можем уединяться, но нам нужно хотя бы изредка встречаться за ужином.

Она изучала реакцию Гермионы и Драко. Драко ничего не ответил.

— Звучит неплохо, — сказала Гермиона. — Мне нравится эта идея.

На лице Джинни отразилось облегчение.

— Здорово, — она кивнула, — отлично. Ладно, тогда я объясню все эльфам и... увидимся за ужином.

Джинни повернулась и поспешила внутрь.

Гермиона смотрела, как она уходит, и запоздало поняла, что Джинни, вероятно, остановится и вернется, если она ее позовет. Она открыла рот, но Джинни уже исчезла за дверью.

Гермиона и Драко несколько минут молча стояли в саду. Она не знала, как им стоило отреагировать.

Все казалось невозможным. Они были вырваны из одной реальности и выброшены в другую, оставленные там, чтобы наконец разобраться, как им жить.

Но это был не сон. Все было по-настоящему. Гермиона ощущала соленый запах моря, слышала, как шевелятся листья на ветру и как журчит вода. Она чувствовала запах камфоры и соснового леса. Ладонь Драко согревала ее ладонь, сжимая.

И все же Гермиона никак не могла отделаться от тревожных мыслей, напоминающих паранойю. Что-то ждет своего часа, затаившись. Это что-то обязательно разрушит их жизни. Ожидание неизбежного краха, казалось, нависало над ее головой, как дамоклов меч.

Остров, на котором они нашли себе пристанище, казался ей тонким, как бритва, пластом льда. Если Гермиона ошибется или на мгновение забудет об осторожности, тот треснет, и она снова погрузится в черный и холодный мир, из которого недавно сбежала, увлекая за собой Драко и всех остальных.

Каждый шаг. Каждый вдох.

Ступай осторожно.

Ты всегда теряешь то, что любишь. Всегда.

Ее подбородок задрожал. Девушке хотелось вернуться обратно в дом; там было безопаснее. Где ее палочка?

— Я не строил никаких планов относительно этого места, — сказал Драко. — Никогда не думал, что окажусь здесь. С тобой.

Гермиона подняла на него глаза, оторвавшись от размышлений. Он смотрел в сторону моря, словно ему было трудно поверить, что оно в действительности находилось там.

Он ощущал то же самое. Мир никогда не был добр к ним.

Однако когда Драко взглянул на нее сверху вниз, она поняла, что напряжение, которое всегда читалось в его глазах, впервые исчезло. Конечно, он всегда был готов к непредвиденным обстоятельствам; он по-прежнему носил с собой две волшебные палочки, несколько ножей и темный артефакт, но в его лице больше не читалось обреченности, к которой так привыкла Гермиона.

Это был тот самый взгляд, которым он смотрел на нее, когда они встречались в Уайткрофте; тот взгляд, когда он аппарировал в хижину, уже мысленно готовясь к тому, что она могла быть ранена. Гермиона поняла, что с тех пор, как приехала в поместье, он всегда так выглядел. Теперь — впервые — этот взгляд исчез.

По крайней мере на льду, пусть и тонком, все еще можно было устоять.

— Что ты хочешь, чтобы я делал теперь? — спросил он.

Она моргнула.

— Все что ты пожелаешь. Теперь ты можешь делать все что захочешь.

Он осмотрелся вокруг.

— Не думаю, что помню, как это.

Гермиона слабо улыбнулась.

— Я тоже. — Она огляделась и крепче сжала его руку. — Мы вместе узнаем, как это. Не спеша. У нас в запасе вся оставшаяся жизнь, чтобы разобраться.

***

Как только она перестала беспокоиться о том, чтобы разбудить Драко, Гермиона принялась за работу в своей лаборатории. Ей потребовалась неделя, чтобы соорудить для него первый вариант протеза. Место ампутации зажило идеально, но кровь сохраняла плохую свертываемость, поэтому он не мог обойтись без зелий.

Драко сидел на краю ее лабораторного стола, пока она осторожно надевала основание протеза на его предплечье.

— Этот первый вариант протеза, еще не доработанный, — сказала Гермиона, закончив накладывать заклинания. — Он соединяется лишь с крупными нервами, поэтому чувствительность твоей руки будет сильно снижена. Пока что тебе будут недоступны движения, требующие развитой сенсомоторной координации, но протез поможет поддерживать проводимость нервных волокон, пока я буду делать следующую версию. Если ждать слишком долго, потом будет трудно восстановить полный диапазон движений с помощью протеза, так как с течением времени ты начнешь терять чувствительность.

Она скользнула по металлическому рычагу на основании протеза. Раздался тихий щелчок, когда две части соединились вместе. Гермиона постучала палочкой по металлическим пальцам, и раздался жужжащий звук, когда они дернулись. Она потратила несколько минут, проверяя, все ли работает, и изучая диагностику, чтобы убедиться, что все крепления подошли идеально. Драко, как правило, всегда говорил, что был в порядке, пока не терял сознание.

Она послала Драко нервный взгляд.

— Будет очень больно, но только на долю секунды и только один раз. Если ты не сломаешь основание протеза, мне больше никогда не придется этого делать. Сейчас я соединю нервы.

Он стиснул челюсти.

— Просто уже сделай это.

— Амальгамаре.

Драко закричал сквозь зубы, когда нервы в его руке соединились с магически созданными нервами в протезе. Дрожь пробежала по всему его телу и захватила протез. Металлические пальцы дернулись с отчетливым щелчком.

— Прости. Мне очень жаль.

Он резко покачал головой и поднял руку, чтобы взглянуть на нее.

— Все в порядке.

Гермиона положила руку на прохладный металл.

— Ты чувствуешь мое прикосновение?

Драко с минуту молчал.

— Я чувствую прикосновение, но не ощущаю текстуры, температуры или того, насколько сильно давление чужого касания.

Гермиона провела рукой по предплечью до пальцев.

— Это примерно все, что ты сможешь ощутить. — Она серьезно посмотрела на него. — Тебе придется быть осторожным. Поскольку ты не в состоянии почувствовать собственную силу, то не всегда будешь знать, с каким давлением действуюешь. Ты можешь начать вкладывать в свои движения больше силы, чем требуется, чтобы компенсировать отсутствие сенсорной обратной связи. Я сделала руку хрупкой, и поэтому, если ты превысишь определенный порог, внутренние механизмы протеза этому воспрепятствуют.

Лицо Драко напряглось, и он пристально посмотрел на нее.

Она принялась водить палочкой и пальцами по протезу, проверяя проделанную работу. Драко попытался вырвать у нее руку.

Гермиона сомкнула пальцы на его запястье, чтобы успокоить его, но он потянул сильнее. Она подняла глаза и встретила его встревоженный взгляд.

Убрав свою палочку, девушка сказала:

— Драко, ты не причинишь мне вреда. Смотри.

Она постучала по панели на внутренней стороне запястья и открыла ее, демонстрируя механизмы внутри.

— Видишь это место, где соединяются сухожилия? Детали, скрепляющие каждое из них, намеренно сделаны хрупкими. Если ты попытаешься приложить силу, которой окажется достаточно, чтобы сломать кость, соединительные детали не выдержат давления. Ты сможешь оторвать кусочек фрукта, но не сможешь сломать палочку пополам. Если какая-то из деталей сломается, часть руки, за иннервацию которой она отвечала, обмякнет. — Гермиона снова закрыла панель. — Ты не причинишь мне вреда. Я просто хотела разъяснить, почему протез,

вероятно, будет сначала часто ломаться. Это часть его структуры. Потребуется некоторое время, чтобы определить нужное количество силы для разных действий. Я научу тебя. Все это часть процесса.

Гермиона потратила несколько минут, произнося заклинания и проверяя их, прежде чем отступила назад.

— Сможешь соединить большой и указательный пальцы вместе?

Он несколько секунд смотрел на руку. Его глаза сузились, когда та осталась неподвижной. Через минуту большой палец дернулся.

Драко выглядел раздраженным.

— Я чувствую, что связан с ним, но не могу понять, как заставить его что-либо делать.

— Все в порядке. К этому нужно привыкнуть. Тебе просто придется попрактиковаться. Закрой глаза и посмотри, сможешь ли ты определить, к какому пальцу я прикасаюсь.

***

У них было так много времени.

Они исследовали остров. Драко показал ей скрытые тропинки, поросшие мхом, которые вились через лес. Они спускались на каменистый пляж. Гермиона стояла у кромки воды и пристально смотрела на бескрайний океан, простиравшийся так далеко, насколько она могла видеть.

Казалось, что они были единственными людьми на земле. Только они и мир, спрятанный подальше от войны.

Гермиона выходила на поиски трав. В какой-то момент Драко достал для нее книги о волшебной растительности в этом районе. Остров находился где-то у берегов Японии. Драко, а иногда Джинни и Джеймс ходили с ней, пока она бродила по лесам и полям, собирая ингредиенты для создания своего собственного шкафа с припасами.

Они спали. Они рано ложились спать и спали допоздна, а иногда не вставали с постели далеко за полдень.

Они отдыхали в саду, и Гермиона никогда не знала, что сказать. У них появилось так много времени, что она никогда не была уверена, когда наступал момент, в который требовалось что-то сказать.

Иногда ей просто хотелось представить, что ее жизнь началась всего через несколько дней после того, как они прибыли на остров. Она не хотела думать о прошлом. Она так устала жить, словно находясь в вечном обратном отсчете.

У них появилось так много времени, что Гермиона не знала, что со всем этим делать.

В конце концов это стало казаться неестественным. Липкое ощущение страха

возникало в животе Гермионы, когда она слишком долго пыталась расслабиться. Хуже всего было в моменты, когда Драко отсутствовал, что случалось дважды в день, когда он уходил проверять защитные чары на острове.

Полчаса в день она проводила с Джинни и Джеймсом, но, когда визиты затягивались, Гермиона начинала чувствовать, как нарастает напряжение в ее теле.

Потраченные впустую часы напоминали ей бесполезные, словно отравленные дни в поместье.

Она не могла отвлечься от своих мыслей. Джеймс был так похож на Гарри, но когда сходство переставало остро бросаться в глаза, Гермиона осознавала, что тот был всего лишь ребенком. Девушка нервно прижимала руки к животу, пока наблюдала, как он общается с Джинни.

Джеймс болтал без умолку. Он изучал настроение Джинни и полностью отражал его. Джинни была отличной матерью на уровне инстинкта. Она сразу понимала, что нужно Джеймсу, и, казалось, свободно переводила искаженные слова, которые быстро, а иногда и со слезами лились из его рта.

Гермиона сидела на веранде дома, наблюдая, как Джеймс летает на крошечной метле, парящей в футе от земли.

Джинни посмотрела на Гермиону и заметила напряженное выражение ее лица.

— Топси, не могла бы ты отвести Джеймса на пляж?

Джинни села рядом с Гермионой и после минутного колебания протянула ладонь и положила ее поверх руки девушки, которую та бессознательно прижимала к животу.

Джинни ничего не говорила и не задавала никаких вопросов.

Гермиона заметила, что Джинни очень редко задавала вопросы в отсутствие Драко.

— Я не знаю, как быть матерью, Джинни, — произнесла Гермиона через несколько секунд.

Уголок рта Джинни приподнялся, и она тихо рассмеялась.

— Ты заботилась практически о каждом человеке, с которым когда-либо дружила. Гарри и Рон умерли бы на первом году обучения, если бы не ты.

Гермиона сглотнула.

— Это не одно и то же. Я даже не знаю, как вести себя с Джеймсом. Я могу почитать ему книгу, но не знаю, как понять, почему он расстроен или что он говорит. Я не могу понять, устал ли он. Что если я не смогу распознать те же потребности у собственного ребенка?

— Ну, дети не рождаются сразу двухлетками. Ты познакомишься со своим ребенком поближе. Поначалу малыши просто хотят спать, есть и чтобы их

обнимали. Если все из этого в порядке, то, скорее всего, дело в смене подгузника. Не волнуйся, я буду рядом. А Топси знает все о детях. Она, вероятно, могла бы в одиночку ухаживать за целым сиротским приютом.

Джинни откинулась назад, облокотившись на руки.

— Когда Джеймс только родился, я не хотела выпускать его из своих объятий, но ничего не знала о детях, кроме того, что вычитала в книжке. Ты же знаешь, на моих глазах никогда не росли дети. Уход за младенцами звучал легко, когда я читала главу в книге, но когда я пыталась повторить написанное, Джеймс все время извивался и кричал. Я не могла понять, как его успокоить, я даже не знала, как правильно взять его на руки. Я так боялась, что задушу его, если буду держать слишком крепко. Я начинала плакать, а Джеймс продолжал кричать все громче. Топси была со мной уже месяц, но я не доверяла никому из эльфов Малфоя. Я была на грани истерики, прежде чем она смогла убедить меня позволить помочь с Джеймсом. Гермиона, ты будешь не одна.

Она мимолетно взглянула на Джинни.

— Мне жаль. Я не могу себе представить, каково это — быть здесь одной так долго.

Джинни только натянуто рассмеялась и отвернулась.

— Я думаю, мое положение было намного лучше, чем твое или кого-либо другого из Ордена. Мне действительно не на что жаловаться.

— И все же.

Джинни кивнула, и ее лицо приобрело печальное выражение, когда она окинула взглядом сад.

— Иногда я думаю о том, сколько времени потратила, скрывая беременность. В такие моменты в груди разрастается пустота, в которую, кажется, я когда-нибудь провалюсь. Иногда я жалею, что не умерла вместе с ними. Это слишком неправильно, что я жива, когда больше никого нет.

— Не говори так, — возразила Гермиона напряженным и резким тоном. — Ты не должна так думать. Гарри заботился о том, чтобы ты была жива и в безопасности больше всего на свете.

Джинни опустила взгляд.

— Знаю. Я знаю... я... Просто иногда мне кажется... Что я жива только потому, что была эгоисткой и солгала всем. Мама была бы так взволнована. Она всегда говорила, что будет лучшей бабушкой в мире. Она ведь даже так и не узнала.

— Если бы кто-то знал о твоей беременности, Волдеморт бы стал разыскивать тебя. Драко не смог бы выдать чужое тело за твое. Вы с Джеймсом живы, потому что мы держали все в тайне.

Джинни все еще выглядела убитой горем, но медленно кивнула.

— Гарри сказал... — Гермиона заколебалась и почувствовала волну вины за то,

что не сообщила это Джинни раньше. — Прежде чем он заставил меня пообещать заботиться о вас... он попросил меня сказать, что будет думать о тебе до самого конца.

Гермиона молчала несколько секунд, прежде чем ее губы изогнулись в напряженной, задумчивой улыбке.

— Я действительно рада, что ты рассказала ему о Джеймсе.

Гермиона потянулась к девушке и взяла Джинни за руку. Несколько минут они сидели в тишине, разделяя тяжесть и скорбь всего того, что потеряли.

***

Гермиона скрывалась в лаборатории, если не могла больше справиться с выпавшим на ее долю количеством свободного времени. Дышать становилось легче, когда она была продуктивной. Оказалось приятно просто заниматься любимым делом, не чувствуя, что время, проведенное в лаборатории, отнимало срок чьей-то жизни.

Теперь ей было доступно бесчисленное множество вещей. Драко привез достаточно книг и принадлежностей, чтобы занять ее на долгие годы.

Сам он, однако, ничего особенно не менял.

Драко как одержимый проверял защитные чары. Читал. Практиковался в использовании своего протеза. Ему потребовалось две недели, чтобы освоиться с ним и перестать ломать внутренние механизмы, но в процессе он открыл гораздо больше возможностей протеза, чем ожидала Гермиона. Иногда он сидел в лаборатории и часами наблюдал, как Гермиона работает.

Он не разговаривал с Джинни или Джеймсом, если только Гермиона не подталкивала его к этому.

Гермиона не давила на него. Если он не хотел заниматься ничем другим до конца своей жизни, он имел на это право. Ей нравилось, что он был рядом. Когда Драко не находился в зоне видимости, беспокойство о нем оседало навязчивой мыслью на краю сознания, и она не могла сосредоточиться, пока не отыщет его и не убедится, что с ним все в порядке.

Когда Драко был рядом, она могла расслабиться и собраться с мыслями.

Гермиона отрывала взгляд от зелья или от работы над его новым протезом и обнаруживала, что он просто смотрит на нее с неприкрытым выражением собственничества, от которого у нее по спине пробежали мурашки и по венам разливался огонь.

Она осознала, что он глушил в себе эту эмоцию в поместье. Она была погребена глубже всего. Подавлена его убежденностью в том, что Гермиона никогда не простит его, когда он умрет.

Но по мере того, как недели превращались в месяцы, его собственнические чувства вновь проявлялись. Это вызывало привыкание — наслаждаться в полной мере тем, что раньше доставалось лишь урывками.

Она бы бросила все, что делала, и просто утонула в нем. Целуя его, снимая с него одежду и держа в своих объятиях, чувствуя, что он жив. Они оба были живы. Они выжили и были друг у друга. Он скользил рукой по ее горлу, целовал грудь, она слышала, как он бормочет «моя», касаясь ее кожи.

— Я твоя, Драко. Я всегда буду твоей, — говорила Гермиона ему так, как всегда говорила раньше.

Но порой она словно ощущала рябь на краю сознания. Иногда, когда девушка отводила взгляд от Драко, то ловила напряженное выражение лица Джинни, наблюдавшей за ними.

Гермиона не позволяла себе замечать этого.

Единственным, что вызывало интерес Драко, было отслеживание новостей, касающихся Европы. Каждую неделю эльфы приносили целую стопку прессы со всех доступных континентов: Европа, Азия, Северная и Южная Америка. Эльфам было поручено доставлять любую волшебную газету, переведенную на английский язык. Изучая все это, можно было получить относительно точный отчет о текущих событиях.

Вот что было сферой интересов Драко.

Гермиона всегда находилась в центре его вселенной, и теперь, когда она была в безопасности, его безудержному вниманию стало больше не на чем заикливаться. Все, кроме Гермионы, казалось излишним.

Она думала, что вскоре это пройдет. Что как только у них появится больше времени, Драко позволит своему вниманию переключиться на другое, но постепенно она начала подозревать, что ошиблась. У него не появлялось ни малейшего желания или намерения интересоваться чем-либо еще. Джинни, Джеймс, алхимия — все это являлось важным, только пока волновало ее.

В какой-то степени это даже касалось их ребенка. Драко интересовался беременностью, потому что та была «частью» Гермионы, потому что ей было не все равно. Он никогда не говорил «наша дочь», когда упоминал, что Гермионе нужен свежий воздух или что Гермиона должна быть в безопасности ради «нашей дочери». Его беспокойство казалось приглушенным. Хотя, возможно, оно просто меркло в сравнении с той ослепительной интенсивностью чувств, которая доставалась Гермионе.

Все усугублялось его постоянным беспокойством о ее черепно-мозговой травме. Гермиона просыпалась и регулярно обнаруживала, что над ее головой висит магическая диагностика, а Драко изучает проекцию с напряженным выражением лица.

Она отталкивала его палочку:

— Не надо. Мы ничего уже не сможем сделать.

Повреждения были похожи на растущие трещины в ее памяти; красный цвет смешивался с золотыми огоньками, все еще рассеянными в сознании Гермионы. В течение первого месяца золотое свечение начало кристаллизоваться вокруг

красных трещин, словно собственная магия Гермiony похоронила эти воспоминания. Ни Драко, ни Гермiona не были уверены в том, почему это происходит и к чему это приведет.

К сентябрю Гермiona обнаружила, что не может получить доступ к части воспоминаний, даже если пытается. Эти воспоминания не ощущались чем-то опасным, к чему, по ее мнению, не следовало приближаться. Скорее воспоминания оказались полностью закрыты от нее, как если бы кто-то заблокировал доступ к уголкам ее собственного разума.

Она помнила, что мать Драко подвергалась пыткам и что он стал Пожирателем Смерти, чтобы защитить ее, но не могла вспомнить, как узнала об этом. Общие знания были настолько глубоко вплетены в ее восприятие Драко, что она помнила их, даже не имея воспоминаний.

Гермiona не была уверена, что в полной мере осознает количество отсутствующих воспоминаний, но ее настораживало то, что она не могла вспомнить имя матери Драко. Это было поразительно. Она знала о его матери, но постоянно забывала ее имя, что вновь заставляло ее осознавать потерю памяти особенно остро.

Гермiona была уверена, что раньше знала ее имя. Она находила его нацарапанным на кусках пергамента, вложенных в книги в ящиках ее комода. «Мать Драко звали Нарцисса» — было написано почерком Гермiony. Но как только она переставала думать об этом, детали снова ускользали. Где бы ни хранилось это знание в ее сознании, она была неспособна получить к нему доступ. Разговор с Джинни или несколько часов в ее лаборатории, и все исчезало, пока она не натыкалась на другой кусок пергамента, напоминающий ей: «Мать Драко звали Нарцисса».

В течение нескольких недель она вела дневник, который просматривала и каждый час заполняла новой информацией. Гермiona обнаружила, что, как только информация переставала активно использоваться, то сразу исчезала в тех частях ее разума, до которых она не могла дотянуться. Остальные ее воспоминания о войне возвращались со все большей ясностью, но всё, что было связано с матерью Драко, оставалось размытым.

Она знала, что Драко был в курсе, что она не помнила имени его матери. Всякий раз, когда он рассказывал ей что-нибудь о своем детстве, он всегда уточнял «моя мать, Нарцисса», что, очевидно, уже стало для него привычкой.

Потеря памяти ограничивалась лишь информацией о его матери. Все остальное казалось нетронутым.

Они с Драко составили подробную схему, в которой описали все то, чего она не помнила, чтобы Гермiona могла это изучить. Это было почти бессмысленно, потому что проходило всего несколько часов, прежде чем она снова все забывала. Девушка понимала, что снова потеряла часть информации, но не знала, какую именно. Однако ее успокаивала та мысль, что она сможет отыскать ее снова, когда это понадобится.

По большей части Гермiona старалась не думать об этом. Оставалось так много вещей, которые она могла сделать, и для этого не требовалось вспоминать эти конкретные детали. У нее был Драко. Он был жив, но его бы не было, если бы у

нее все еще сохранились все ее воспоминания.

Она бы отдала гораздо больше, чем несколько воспоминаний, чтобы получить взамен его жизнь.

Однако этот факт не утешал Драко.

Они лежали в постели, и она пыталась найти место, на котором он мог бы почувствовать, как пинается ребенок.

Она прижала его руку к верхней части своего живота, и его пальцы внезапно затрепетали.

Гермиона встретила с ним взглядом, в уголках ее глаз появились морщинки.

— Ты это чувствуешь?

Драко кивнул. Она направила его руку вверх, к своим ребрам.

— Ее голова сейчас здесь, а ноги расположены так, что всю ночь она пинает меня в мочевого пузыря.

Уголок его рта дернулся, но затем его большой палец скользнул по узкому шраму, проходящему между ее ребрами, и его внимание переключилось с ребенка.

Она обхватила пальцами его руку.

— Драко... — ее горло сжалось, когда она нервно заговорила.

Он мгновенно поднял на нее глаза. Его серебристые глаза были полны решимости, наполненные тем же голодным и отчаянным обожанием, которое она видела на лице Люциуса. Гермиона сглотнула.

— Драко, ты должен позаботиться о ней.

Он тупо уставился на нее.

Ее сердце замерло в груди.

— Ты... ты не можешь стать таким же, как твой отец.

Выражение его лица мгновенно изменилось, и она крепче сжала его руку.

— Тебе должно быть не все равно, — яростно сказала Гермиона. — Ты должен как можно скорее разобраться со всем и понять, что тебе не все равно, потому что если ты этого не сделаешь, она узнает.

В глазах Драко мелькнуло что-то нечитаемое.

Девушка села и продолжала смотреть ему в глаза.

— Она должна стать той, о ком ты захочешь заботиться. Той, кто имеет для тебя значение. Я не... — у нее перехватило горло, — я не знаю, как... что со мной

станет в будущем. Если что-то... пойдет не так... ты должен будешь стать тем, кто полюбит ее за меня, — ее голос слегка дрогнул, — полюбит ее так, как любила бы ее я. Она должна быть важна для тебя.

Драко побледнел, но медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Обещай.

— Я обещаю.

Гермиона кивнула.

— Хорошо.

***

После нескольких месяцев революций, вспыхнувших в странах, находящихся под контролем Пожирателей Смерти, Международная конфедерация объявила о своем намерении «вмешаться» в ситуацию в Европе в октябре 2005 года. Нестабильность в Европе угрожала Статуту секретности и ставила под угрозу мировое магическое сообщество.

У Волдеморта едва хватило войск, чтобы попытаться оказать подобие сопротивления. Пожиратели Смерти всегда сильно полагались на поддержку Темных Существ, и с распадом союзов Волдеморта у него едва ли оставалась армия, которую можно было бы собрать. Даже среди Пожирателей Смерти распространялась неуверенность в способности выиграть еще одну войну. Министр Тикнесс произносил слабые речи о британском суверенитете, но, несмотря на добросовестную пропаганду «Ежедневного Пророка», волшебный мир устал от войны и больше не боялся Волдеморта.

Стало слишком много недовольных и слишком мало Пожирателей Смерти, чтобы подавить всех. Без Драко в качестве Верховного Правителя не осталось никого, кто мог бы внушить такой же ужас.

Международная конфедерация высадилась в Дании в конце октября и устремила из Северной Европы в сторону Великобритании.

Наблюдая за тем, как Фронт Освобождения Международной Конфедерации эффективно сокрушает режим Волдеморта, Гермиона испытывала облегчение. Но в то же время ее настигало глубокое чувство предательства, когда она задумывалась о том, что все могло быть иначе, если бы Международная Конфедерация протянула руку помощи Сопротивлению во время войны.

Тошнотворное чувство боли и ярости поднималось в груди Гермионы каждый раз, когда она думала об этом. Не было бы необходимости во Фронте Освобождения, если бы МАКУСА и Международная конфедерация не бросили Сопротивление, которое затем было уничтожено или захвачено в плен.

Гарри, Рон и все остальные могли остаться в живых.

Для Гермионы чтение свежих газет было пронизано потоком одновременно как

облегчения, так и ядовитого горя.

***

Она посвятила большую часть своего времени созданию улучшенной версии протеза для Драко. Гермиона словно собирала головоломку из нескольких тысяч кусочков. Она должна была самостоятельно изготовить все детали и соединить их так, чтобы они не мешали другим элементам.

Она закончила работу над улучшенной моделью в ноябре. Драко внимательно следил за ее действиями, пока девушка снимала металлический протез, а затем ставила новый на место. Драко зашипел, а затем вздрогнул, когда все нервы подключились к новому протезу.

— Как у тебя получилось?

Она провела пальцами по фарфоровой обшивке, на ее губах заиграла улыбка.

— Значит, ты можешь это чувствовать?

Он кивнул. Драко разжал пальцы и сомкнул их. Внутри раздался едва различимый металлический жужжащий звук.

Гермиона провела большими пальцами по ладони и наблюдала, как его пальцы подергиваются в ответ.

— Видишь этот узор? Фарфор украшен серебряными нитями. Если бы я встроила подобие чувствительных нейронов непосредственно в металлическое покрытие, это бы расстроило работу механизмов и помешало бы работе других компонентов, но я смогла вплести серебряные нити в фарфоровую обшивку кисти и руки как настоящие нервы. Наибольшая их концентрация в пальцах, — Гермиона погладила его пальцы до кончиков, и он изогнул их так, чтобы поймать ее руку, — так что теперь ты сможешь чувствовать почти все то же, что и здоровой рукой. Внутренние механизмы тут сильнее, чем в предыдущих версиях. Мой план состоит в том, чтобы обновлять их каждую неделю по мере того, как ты будешь адаптироваться к текущему варианту...

— Умно. Хотя, знаешь, — он взял карандаш и покрутил его между пальцами, прежде чем повернуть запястье и посмотреть, как двигаются металлические пальцы, — ты могла бы просто поставить мне серебряную руку. Так было бы намного быстрее.

Гермиона бросила на него недоверчивый взгляд.

— Ты правда думаешь, что я дала бы тебе руку, которая медленно высасывает твою жизненную энергию? В тебе и так достаточно темной магии, циркулирующей в организме из-за рун. Серебряная рука серьезно усугубит твое положение. Даже если это и было бы быстрее, эти протезы невероятно ненадежны, я исследовала их... были случаи, когда они душили...

Драко усмехнулся себе под нос, и Гермиона оборвала себя и на мгновение взглянула на него, прежде чем закатить глаза.

— У тебя отвратительное чувство юмора. — Она постучала палочкой по

фарфоровому кончику пальца, слегка ударив его электрическим током.

Он вскрикнул от удивления и прижал свою новую руку к груди.

Гермиона строго посмотрела на него, убирая несколько инструментов, а затем вытащила гусиное перо.

— А теперь попробуй наложить заклинание.

Драко потянулся за палочкой, но Гермиона остановила его с лукавой улыбкой.

— Нет. Без помощи палочки. — Она демонстративно вытянула левую руку, указательным пальцем изобразив движение палочки при наложении Вингардиум Левиоса.

Драко удивленно посмотрел на нее и опустил взгляд на протез.

— В прошлый раз ты сказала, что это не работает.

Она улыбнулась ему и заправила локон за ухо.

— Верно. А потом я все поняла. Никто никогда раньше не пытался сконструировать палочку в самом протезе, поэтому нам придется регулярно проверять его, чтобы убедиться, что все компоненты работают слаженно. Ну же, попробуй. На мой взгляд, технология еще не доработанная, хотя я использовала одну из твоих палочек, поэтому сложно делать выводы, не проверив.

Он протянул левую руку к столу.

— *Вингардиум Левиоса.*

Перо поднялось со стола и легко поплыло по воздуху.

Драко снова взглянул на руку, а затем на перо, его глаза замерцали.

— Это... Как ты это сделала?

У Гермионы слегка сжалось горло, и она отвела взгляд, коснувшись набора инструментов.

— О... ну, на самом деле я использовала свои наработки по демонтажу наручников.

Девушка взглянула на Драко и обнаружила, как он замер, шокированный ее словами.

Она прочистила горло.

— Как ты знаешь, в Сассексе проходили действительно выдающиеся исследования в области алхимии и анализа сердцевин волшебных палочек. То, как ученые разбирали их на составляющие и направляли магию, поразительно... — Она подняла подбородок и встретилась с ним глазами. — Я воспользовалась их наработками, чтобы сделать нечто не столь ужасное.

Драко продолжал смотреть на нее несколько секунд, а затем опустил взгляд на протез.

Гермиона посмотрела на свои обнаженные запястья.

— Худшие вещи всегда создаются во время войн; в мире магглов происходит то же. Нет никакого способа удерживать эти знания в ящике Пандоры после того, как они были открыты. Я уверена, что через несколько лет каждое волшебное правительство в мире будет использовать наручники для подавления магии заключенных. Я подумала, что эта технология может быть использована для создания того, что сможет, наоборот, помочь людям. — Она слабо улыбнулась ему, а затем взяла свою палочку. — Возможно, когда-нибудь я смогу отправить некоторые схемы разработок в какую-нибудь больницу. Не все искалеченные во время войны были убиты в темницах. Многим из них улучшенная версия магического протеза облегчила бы жизнь.

Она снова посмотрела на Драко и увидела, что он все еще стоял там же, словно оцепенев. Затем он шагнул к ней и нерешительно обхватил ее лицо обеими руками, повернув его вверх и обхватив ладонями, как раньше. Он легко провел большими пальцами по изгибу ее скул; одна его рука была прохладнее на ощупь, чем другая. Она вздрогнула.

Драко прижался губами к ее лбу.

— Ты лучше нас всех, — тихо сказал он, его дыхание коснулось ее кожи. — Этот мир тебя совсем не заслуживает.

***

В декабре пошел снег. Это было прекрасно. Он окутывал их мир белым покрывалом, пока Гермиона сидела рядом с Драко, слушая звук падающих снежинок.

Гермионе казалось, что на восьмом месяце беременности она стала размером с дом, и ей просто хотелось впасть в спячку, но Драко вытащил ее из постели и все равно уговорил выйти на улицу.

— Здесь холодно. А еще от прогулок у меня болят ноги и спина, — угрюмо сказала она, пока он обматывал ее шарфами.

— Я понесу тебя.

Гермиона фыркнула.

— Ты сломаешь себе спину, если сделаешь это. Я сейчас вешу как взрывопотам.

— Я усилю свою руку, чтобы та не сломалась, — сказал он с ухмылкой.

Гермиона возмущенно ахнула, ее глаза расширились.

— Ты ужасен.

— Ты сказала, чтобы я заставлял тебя выходить на улицу каждый день, даже если ты будешь против.

Гермиона нахмурилась и натянула плащ:

— Я не ожидала, что это будет значить, что мне не дадут нормально поспать.

— Я пытался подождать, но это длится вечность.

Гермиона фыркнула и позволила ему зашнуровать и завязать ее ботинки.

Они шли по аккуратно расчищенным дорожкам. Небо, деревья и земля были ослепительно белыми от только что выпавшего снега.

— Скоро Рождество, — заметила она. Ее дыхание поднялось в воздух облачком пара.

Драко кивнул.

— Я и не знала, что мне настолько надоеет быть беременной. В то же время мне трудно представить, что у нас скоро появится ребенок. — Она взглянула на Драко. — Все будет по-другому, когда нас будет трое.

Драко еще раз коротко кивнул. Гермиона сжала его руку.

— Надеюсь, она не унаследует наше упрямство.

Драко фыркнул.

— Если бы мне нужно было поставить на это, то я бы сказал, что шансы сильно не в нашу пользу.

Гермиона улыбнулась.

— Возможно.

Ребенок действительно был упрямым.

Срок родов Гермионы наступил и прошел без каких-либо признаков схваток. Девушка перешла от зимней спячки к решительному восхождению по всем лестничным пролетам в доме и путешествию по самым крутым тропинкам на острове в надежде ускорить процесс наступления родов.

Она была почти на сорок первой неделе, уверенная в том, что не сможет вынести еще один день беременности, когда у нее наконец начались схватки. Они были нерегулярными в течение двух дней, а затем постепенно подошли к интервалу в каждые восемь-десять минут.

Топси суетилась, взволнованно подпрыгивая на цыпочках и понимающе глядя на Гермиону. Джинни передала Джеймса домовому эльфу и подала всем чай. Гермиона пыталась читать и не питала надежды, что схватки с интервалом в восемь минут закончатся быстро. Они все еще были достаточно терпимыми, чтобы она могла их игнорировать.

Драко, казалось, был готов умереть от хронического стресса. Он напрягался каждый раз, когда Гермиона шевелилась или резко вздыхала в момент, когда

схватки достигали пика. Он не сводил с нее глаз.

Гермиона или Джинни каждый час проводили диагностику, чтобы проверить раскрытие и родовой процесс, и каждый раз видели его слабую активность.

Наконец Гермиона встала со вздохом отчаяния. Джинни и Драко одновременно вскочили.

Она накинула плащ и сунула ноги в ботинки, прежде чем произнести заклинание, чтобы зашнуровать их.

— Я собираюсь еще раз прогуляться. Возможно, это ускорит дело. Если и это не сработает... — девушка послала Драко взгляд, не упоминая варианты, которые уже рассматривала.

Джинни кивнула, скривив губы.

— Я пойду проверю, как там Джеймс. Ты можешь послать мне весточку, когда захочешь, чтобы я пришла.

Драко открыл рот, затем беззвучно закрыл его.

Он подал Гермионе руку и позволил вести себя вверх по стольким лестницам, скольким она хотела.

Она стояла на вершине моста, сжимая его руку, пытаясь подавить стон и дышать сквозь схватки.

— Грейнджер, я мог бы привести акушерку.

— Это исключено, — прошипела Гермиона сквозь зубы, согнувшись пополам. — Мы с Джинни справимся. Я не позволю тебе рисковать... и я не позволю тебе приводить сюда кого-нибудь, а потом убивать, чтобы замести следы.

Драко виновато молчал.

Гермиона тихо вздохнула.

— Мы больше не будем этого делать. Мы в безопасности. Здесь мы в безопасности. Не смей этого делать.

***

— Ненавижу это.

— Знаю.

— Мне больно.

— Да.

— Я устала. Схватки длятся уже несколько часов.

— Я знаю.

— Прекрати соглашаться со мной.

После этого Драко очень долго молчал.

Гермиона не была уверена, кто из них крепче сжимал ладонь другого. Казалось, они могли сломать друг другу руки.

Джинни сидела между ног Гермионы рядом с Топси.

— Гермиона, ты уверена, что не хочешь зеркало, чтобы ты могла это видеть?

— Не знаю, — ответила Гермиона ровным голосом, переводя дыхание, прежде чем ее настигла очередная схватка. Она со стоном резко подалась вперед.

— Ты большая молодец. Голова уже снаружи. Потерпи еще немного, сейчас будут плечи. — Джинни посмотрела на Драко. — Ты хочешь первым взять ребенка?

Драко просто смотрел на Джинни, пока она снова не опустила взгляд между ног Гермионы.

Гермиона стиснула зубы и зажмурилась. Она снова наклонилась, сосредоточив все свое тело и разум на том, чтобы тужиться.

— Все. Вот и все. Да! Плечи вышли, просто дыши. Не тужься.

Раздался жалобный вопль, и внезапно мокрый, извивающийся сверток лег на обнаженную грудь Гермионы.

Она тихонько ахнула, когда крошечное, сморщенное личико ее дочери уткнулось ей в грудь. Головка ребенка была покрыта темными мокрыми кудрями.

Ее усталость была мгновенно забыта. Руки Гермионы дрожали, когда она обхватила маленькое тельце ребенка и положила пальцы на мокрую головку. Малышка посмотрела в лицо Гермионе, ее рот скривился, а из ее рта вырвался вибрирующий вопль.

Гермиона потеряла дар речи. Джинни и Топси разговаривали, но Гермиона не обращала на них внимания. Малышка нахмурила свои светлые, как перышко, брови и на мгновение расширила глаза.

Они были такими же ярко-серебристыми, как мерцающая буря.

Гермиона всхлипнула и обняла ее крепче.

— Драко, у нее твои глаза.

Примечание к части

Арты:

Автор: keerthi_draws https://www.instagram.com/p/CRxBaeNjNEq/?utm_medium=copy_link

Автор: thegirlthatreadsfantasybooks https://www.instagram.com/p/CM7W8D4Hmyq/?utm_medium=copy_link

«свободные, вдали от войны»

Автор: Avendell https://www.instagram.com/p/CA3XpafAYl9/?utm_medium=copy_link

76. Эпилог, часть 2.

Гермиона сидела в постели, перебирая крошечные пальцы дочери и прикасаясь к ее сморщенному личику. Малышку взвесили, проверили диагностическими заклинаниями, а затем Топси умело ее запеленала. Спутанные каштановые волосы начинали высыхать и торчали маленькими пучками вокруг ее головы.

— Кажется, ей не повезло унаследовать мои волосы. Хотя, возможно, они станут платиновыми через шесть месяцев, — сказала Гермиона. Продолжая улыбаться, она подняла взгляд и обнаружила, что Драко стоит у стены, выглядя так, словно вот-вот аппарირует из комнаты.

Гермиона замерла и в замешательстве внимательнее вгляделась в него. Он был рядом с ней во время родов и до момента, как ей передали ребенка. Она не была уверена, когда именно он отдалился.

Джинни и Топси незаметно исчезли из комнаты.

Гермиона смутно уловила звук закрывающейся двери, пока изучала Драко. Он выглядел бледнее, чем обычно, а выражение его лица было шокированным и опустошенным. Его пальцы продолжали подергиваться.

— Драко... Подойди к ней.

Он сглотнул.

— Грейнджер...

— Она твоя дочь.

Его руки дернулись, и девушка увидела, как напряглись мышцы его челюсти.

— Знаю, — проговорил он сквозь сверкнувшие зубы. — Я помню, как именно это происходило.

Улыбка на лице Гермионы померкла, и она вздрогнула, прижимая ребенка ближе. Это было похоже на пощечину или погружение в ледяную воду.

Счастье испарилось, словно являлось иллюзией. Сном, в котором она спряталась.

Гермиона сглотнула и посмотрела на ребенка у себя на руках. Тишина в комнате была настолько тяжелой, словно пыталась раздавить ее.

Некоторые раны не в состоянии полностью зажить.

— Думаю, мне пора, — наконец сказал Драко.

— Подойди, — отозвалась Гермиона ровным голосом, снова изучая его взглядом.

Драко выглядел отчаявшимся, когда смотрел на нее, и таким бледным, словно его сердце вырезали из груди, и он истекал кровью. Он не пошевелился.

— Драко, подойди, — повторила она.

Он колебался мгновение, прежде чем медленно двинуться вперед. Гермиона высвободила левую ладонь и взяла его за руку, притягивая ближе, пока он не сел на край кровати рядом с ней.

Девушка глубоко вздохнула, пытаясь решить, что делать. Она думала, что он свыкся с мыслью о ребенке, что им удалось примириться с тем, что произошло до того, как к ней вернулись воспоминания.

Он не хотел насиловать ее. Он бы никогда этого не сделал, если бы существовал другой способ спасти ее. Он никогда не ожидал, что она простит его за это.

Возможно, он все еще сомневался.

Она крепче сжала его руку. Казалось, он не желал иметь никакой физической близости ни с Гермионой, ни со своей дочерью.

У нее пересохло во рту.

— Ты... ты обещал мне заботиться о ней. Если ты... если... — ее челюсть задрожала, — если ты собирался исчезнуть после ее рождения, то должен был сказать мне. Мы начали новую жизнь. Мы трое, помнишь? Мы оставили все позади... чтобы быть вместе. Ты даже не взглянул на нее.

Она передвинула ребенка, чтобы лучше было видно лицо девочки, но Драко напрягся и отвернулся. Его поведение словно пронзало Гермиону насквозь, этот отказ отдавался физической болью во всем теле.

— Послушай, — ее голос был наполнен яростью. — Ты должен взглянуть на нее.

Драко неохотно опустил взгляд.

— Она всего лишь ребенок. Она не причинит тебе вреда, а ты не причинишь ей. Просто взгляни на нее.

Голова Драко резко дернулась вверх, и он издал короткий отрывистый смешок, пытаясь высвободить руку. Гермиона отказывалась отпускать его. Выражение его лица было напряженным, словно он хотел быть где угодно на планете, но не там, где сейчас находился.

— Грейнджер, — его голос дрожал от напряжения, — убивать людей — это все, что я умею.

Гермиона взглянула на него, а затем крепче сжала его руку.

— Нет, — решительно сказала она. — Это ложь. Ты спас меня. Ты спас Джинни и Джеймса. Ты мог бы стать целителем. Ты можешь стать хорошим отцом, я это знаю. Возможно... это будет сложно для нас обоих, но мы оба должны стараться изо всех сил. Ты...

— Гермиона... — он резко выдохнул, словно его ударили. Его голос был хриплым, и он все еще не смотрел на нее.

— Грейнджер... — он снова попытался убрать руку. — Грейнджер, я... я убивал детей раньше. К последнему младенцу, которого я коснулся, я применил Смертельное Проклятие после того, как казнил его мать.

Гермиона замерла, глядя ему в лицо.

В какой-то момент она пришла к мысли, что он, скорее всего, убивал детей, но предпочла проигнорировать это.

Волшебники и магглы. Друзья и незнакомые люди. Мужчины и женщины... и дети.

Она всегда это знала, но в то же время не осознавала.

Затем она вспомнила деловитый тон Страуд, когда та предложила избавить Драко от нежеланного ребенка женского пола.

«Тех детей, что обладают высоким магическим потенциалом, будут готовить для следующей фазы программы, остальных используют как объекты исследований в лабораториях. Есть еще так много непознанных областей, касающихся развития магии в ранние месяцы жизни...»

Она сглотнула, пытаясь обрести дар речи.

— У тебя не было выбора. Ты не совершил бы подобного, будь у тебя выбор. — Гермиона посмотрела вниз на их дочь. — Мы начинаем все сначала. Наша дочь вырастет вдали от войны, и мы... мы оставим прошлое позади. Мы позаботимся о ней и обеспечим ее безопасность. Мы оба. Мы оба будем заботиться о ней.

Гермиона повернулась к Драко так, чтобы ребенок лежал у нее на руках между ними. Серебристые глаза их дочери смотрели на них снизу вверх. Ее волосы высохли и образовали ореол каштановых кудрей вокруг головы. Ее лицо было розовым и все еще выглядело слегка приплюснутым. Она высвободила из пеленок обе ладони и подняла их к лицу. Девочка увлеченно посасывала костяшки пальцев правой руки.

Она была самым прекрасным созданием, которое Гермиона когда-либо видела.

— Посмотри на нее, Драко. Она наша. Она вся наша. Ты не причинишь ей вреда.

Несколько секунд он пристально смотрел на свою дочь.

Когда Драко пошевелился, она поняла, что он перестал дышать. Его пальцы дернулись, когда он начал тянуться к ней. Он поколебался, а затем едва-едва коснулся ладони малышки, как будто ожидал, что его прикосновение отравит или убьет ее. Крошечная ручка рефлекторно сомкнулась вокруг его пальца, сжимая его.

Драко замер на месте.

Гермиона наблюдала за ним и узнала выражение его глаз, когда он посмотрел вниз на маленького человечка, который крепко цеплялся за него.

Собственнический и обожающий взгляд застыл на его лице.

Аврора Роза Малфой росла идеальным ребенком, по словам Джинни. Внешне она была почти точной копией Гермионы, за исключением удивительно ярких серебристых глаз и формы губ Драко.

Она прекрасно спала и редко плакала. Часами лежала в объятиях своего чрезмерно снисходительного отца и дремала у него на груди, пока он наблюдал, как Гермиона работает в лаборатории. Аврора внимательно разглядывала картинки в энциклопедиях по гербологии и спокойно сидела, пока у нее прорезывались зубы, погрызвая протезы пальцев отца.

Она была тихим и серьезным ребенком, похожая на своих родителей, но в ее глазах горел огонь.

Гермиона носила ее на перевязи, прижав к груди, чтобы крепко обхватывать руками крошечное тело Авроры всякий раз, когда сама нервничала, потому что в лесу было слишком тихо или небо казалось слишком необъятным.

Как только Аврора научилась сидеть без посторонней помощи, она проводила по полдня на плечах Драко, путешествуя с ним, пока тот проверял охранные чары возле дома.

Драко разговаривал с Авророй чаще, чем с кем-либо, даже с Гермионой.

Он мог бесконечно рассказывать ей о чем угодно: о деревьях и мебели, обо всех магазинах, где он покупал книги для Гермионы, о том, какая может быть погода и что означают все цвета и оттенки аналитических заклинаний. Аврора внимательно слушала его и беспокоилась, когда он отвлекался или слишком долго молчал.

Несмотря на философское неприятие Гермионой совместного сна, Аврора спала посередине кровати между ними с Драко. Не потому что девочка нуждалась в своих родителях ночью, а потому что они нуждались в ней. Гермиона регулярно засыпала на полу рядом с кроватью Авроры, держа ту за руку. Драко вставал несколько десятков раз ночью, чтобы убедиться, что их дочь все еще дышит.

Аврора едва касалась пола в первый год своей жизни. Когда Гермиона или Драко опускали ее, Топси мгновенно появлялась в комнате и убегала с ней, или Джинни уносила ее поиграть с Джеймсом.

Аврора сидела с Гермионой, засовывала в рот гусиные перья и проверяла, какие звуки могут издавать котлы, если она ударит по металлу деревянными палочками для перемешивания зелий.

Когда девочка научилась ходить, то следовала за людьми, как маленькая тень, наблюдая за Джинни на кухне и в саду, за Гермионой в ее лаборатории и за Драко на его ежедневном маршруте. Ей стоило только один раз озвучить правила поведения, и она следовала им в совершенстве.

Она была бы почти ангелом, если бы не влияние Джеймса Поттера.

От Джеймса Аврора научилась носиться по дому на игрушечной метле с такой головокружительной скоростью, что Драко становился ещё бледнее, чем обычно. Вместе с Джеймсом они взбирались на холмы и деревья, царапали колени и рвали одежду, лепили грязевые лепешки в ручье. Она также научилась драться, к великому огорчению Драко.

Гермиона часто просыпалась по ночам и обнаруживала крошечное серьезное личико, пристально смотрящее на нее, так близко, что их носы почти соприкасались. Это можно было бы расценивать как странность, если бы не вошло у Авроры в привычку с тех пор, как у нее появилась собственная кровать.

— Мамочка, можно я тебя обниму?

Аврора всегда спрашивала Гермиону, потому что единственное правило, которое Драко удавалось соблюдать, заключалось в том, что Авроре больше не разрешалось спать с ними.

— Не разбуди своего отца, — прошептала Гермиона, прижимаясь к груди Драко, чтобы освободить больше места.

Аврора забралась в кровать и крепко свернулась калачиком в объятиях Гермионы, положив руки ей на шею. Через несколько секунд она заснула.

Гермиона прижалась к ней носом и закрыла глаза.

— Правила, Грейнджер, — пробормотал Драко в ее волосы.

Гермиона наклонила голову вперед.

— Я думала, это моя фраза, — сказала она. — Кроме того, я не хотела тебя будить.

— Я проснулся в тот момент, когда открылась дверь, — тон Драко был недовольным. — Пока она знает, что ты позволяешь ей приходить, она будет делать это каждую ночь.

Гермиона крепче обняла Аврору.

— Она не захочет обниматься вечно.

Драко подвинулся и провел рукой по бедру Гермионы.

— Ты повторяешь это уже больше года.

Гермиона зарылась носом в волосы Авроры. Они пахли мхом и древесной корой.

— Потому что это правда. Когда-нибудь она перерастет это. И я никогда не узнаю, когда она попросит об этом в последний раз.

Драко вздохнул. Его рука собственнически скользнула по талии Гермионы, обнимая ее так же крепко, как она обнимала Аврору.

***

Жизнь на острове была волшебной, как в сказке. Все шло так хорошо, что Гермiona начала осторожно доверять тому, что происходит. Единственной ниточкой, связывающей их с реальным миром, было регулярное поступление новостей, которые Драко, Гермiona и Джинни читали вечером после того, как укладывали Джеймса и Аврору спать.

Панические атаки Гермiony постепенно сходили на нет.

Как только наступил момент, когда Аврору отняли от груди, Драко и Гермiona зачаровали свою внешность и очень осторожно покинули остров, чтобы отвести девушку к целительнице разума.

По словам целительницы, в сознании Гермiony осуществлялось так много аномальной магической активности, что было трудно определить все, что происходило с ее разумом. Структура памяти поддерживалась настолько ненадежно, что мало что можно было сделать. Целительница настоятельно посоветовала ей избегать стресса и по возможности не подвергать мозг магическому вмешательству всю оставшуюся жизнь. Существовало лишь несколько слабых зелий от тревожности, которые она могла принимать. Ущерб был усугублен тем, что она часто использовала темную магию до того, как получила травму.

Драко долго молчал во время их обратного путешествия.

— Сердце Исиды работает в непосредственной близости с объектом, не так ли?
— наконец спросил он.

Гермiona смотрела в окно поезда и, съежившись, закрыла глаза. Это был разговор, которого она надеялась избежать, думая, что он упустит эту деталь.

Через минуту она медленно кивнула.

— Да. Для незначительного количества темной магии достаточно было временной близости.

— А для больших количеств? Скажем, многократного призыва заклинаний для анализа и деконструкции темной магии, наложение самих проклятий, чтобы определять метод обращения вспять, по твоему экспертному мнению, сколько времени требуется, чтобы убрать подобные последствия? — его голос был обманчиво небрежным.

Гермiona отклонилась в сторону, скрестив ноги и продолжая смотреть в окно.

— Это будет зависеть...

Последовала тяжелая пауза, и Гермiona посмотрела вниз, расправляя подол своей рубашки так, чтобы он лежал ровно. Она чувствовала, как Драко сверлит ее взглядом.

Девушка прочистила горло.

— Побочный эффект обычно быстро накапливается, если от человека требуется предпринимать эти манипуляции часто. Подобная практика использования проклятий требует постоянного повторного наложения. Времени или ресурсов

для выполнения регулярных ритуалов очищения всегда не хватало.

Краем глаза она заметила, как Драко кивнул.

— Где ты хранила Сердце Исиды до того, как использовала его на мне?

Ее горло сжалось.

— Иногда под моей кроватью, но... обычно оно висело у меня на цепочке на шее. Это был... — она сглотнула, — это был кулон в виде защитного амулета, который я раньше носила.

— Что случилось с амулетом?

— Я... — Она дернула плечом, ее голос звучал небрежно: — Мне пришлось разбить его, чтобы получить доступ к сердцу. Затем я выбросила осколки.

Драко несколько минут молчал.

— Ты должна была мне сказать, — наконец ответил он, его голос был приглушен.

Губы Гермионы сложились в задумчивую улыбку.

— Никто из нас не умел просить о помощи. Не думаю, что мы принимали решения, рассчитывая на то, что переживем войну и у нас будет возможность пожалеть о сделанном выборе.

Гермиона повернулась, чтобы посмотреть на него. Отрешенный взгляд Драко был направлен в одну точку, казалось, его мысли блуждали далеко отсюда. Это было выражение, которое появлялось на его лице всегда, когда он прокручивал прошлое, пытаясь понять, где мог бы поступить по-другому.

Она потянулась и взяла его за руку, переплетая их пальцы.

— Если бы я могла изменить прошлое, то спасала бы тебя тысячу раз.

Выражение его лица не прояснилось и не изменилось. Гермиона прислонилась к его плечу и закрыла глаза.

— Давай любить друг друга вечно, Драко.

Она почувствовала, как он поцеловал ее в макушку.

— Хорошо.

***

Флакон с зельем выпал из рук Гермионы и разбился, когда пронзительный крик разнесся по дому. За ним последовал еще один.

Воспоминания прошлого накрыли ее с головой, как только она услышала этот леденящий кровь звук. Она схватила свою волшебную палочку и ближайший нож и помчалась по дому, чуть не столкнувшись с Драко и Джинни. Они все вместе ворвались в комнату с палочками наготове, обнаружив Аврору с Джеймсом

вцепившимися друг в друга. Аврора била его по голове книгой в твердом переплете, крича от ярости.

Колени Гермионы чуть не подогнулись от шока и облегчения, когда она положила нож на полку и, спотыкаясь, пересекла комнату. Грудь девушки судорожно сжималась, когда она пыталась дышать.

Аврора в последний раз ударила Джеймса по голове, пока Гермиона оттаскивала ее в угол, а Джинни подняла воющего Джеймса и обняла его.

— Что. Случилось? — голос Драко был убийственным.

— Он порвал ее! — Аврора визжала. Ее лицо побелело от ярости. — Он порвал мою новую книгу!

Гермиона и Драко замерли и уставились друг на друга, широко раскрыв глаза от неверия. Драко был так же бледен, как Аврора, его пальцы судорожно сжимали палочку.

— Я просто хотел посмотреть! Аврора не давала мне смотреть! — кричал Джеймс через всю комнату сквозь слезы, в то время как Джинни пыталась проверить, остались ли синяки. — Я сказал ей, что нужно делиться, а она не послушала!

Аврора снова закричала от ярости.

— Она была моя! — Девочка повернулась и плюхнулась в объятия Гермионы. — Мама-а-а, он порвал мою книгу. Моя новая книга! Он оторвал страницу с л-л-лошадьми!

Гермиона обняла ее и заставила себя перестать дрожать от ужаса.

Она крепче прижала Аврору к себе, зарывшись лицом в спутанные кудри и продолжая изо всех сил пытаться дышать спокойно.

— Знаю. Я знаю. — Гермиона погладила Аврору по голове сквозь густые вьющиеся волосы. — Но мы не бьем людей: ни руками, ни книгой.

— Он порвал мою книгу! — Гнев Авроры сменился отчаянием, и она разрыдалась.

— Я ПРОСТО ХОТЕЛ ЕЕ ПОСМОТРЕТЬ! — закричал Джеймс через всю комнату.

— Она моя!

— Аврора! — голос Гермионы стал резче, когда шок отступил: — Мы никого не бьем — ты знаешь это правило. Что важнее: люди или вещи?

Серые глаза Авроры расширились. Она опустила голову и уставилась на свои ноги.

— Люди, — сказала она неохотно.

— Да. Люди. — Гермиона заставила себя сделать глубокий вдох. — Люди превыше всего. Книгу мы сможем восстановить или заменить, но люди незаменимы. Мы не вернем их обратно, если потеряем. Мы не будем причинять

им вреда. Если нас что-то расстраивает, мы используем слова, а не кулаки. Я... так, так разочарована тобой сейчас.

Лицо Авроры сморщилось, она запрокинула голову и зарыдала.

Гермиона подняла Аврору и обняла ее, затем пересекла комнату, чтобы проверить Джеймса.

Тот уткнулся лицом в плечо Джинни.

— С ним все в порядке?

Джинни кивнула.

— Даже синяков нет. Я думаю, он просто в шоке оттого, что Аврора вышла из себя.

Гермиона вздохнула с облегчением.

— Как и я.

Джинни нервно рассмеялась, но в ее глазах было заметно то же напряжение, что и у Гермионы.

— А я просто рада узнать, что не единственная, у кого растёт непослушный ребенок. Я уже начала беспокоиться, что это из-за моего воспитания.

Гермиона с облегчением рассмеялась и покачала головой:

— Я думаю, нам пора вздремнуть, а затем серьезно поговорить. Аврора, ты хочешь извиниться перед Джеймсом за то, что ударила его?

Аврора подняла взгляд из-под спутанных волос.

— Это была моя книга, — сказала она дрожащим голосом.

Гермиона поморщилась.

— Понятно. Мы извинимся немного позже. Мне так жаль, Джеймс.

Джеймс все еще стоял, уткнувшись лицом в плечо Джинни, и не ответил.

Когда Аврору уложили спать в ее комнате, Гермиона рухнула в объятия Драко.

— Я думала, нас кто-то нашел, — сказала девушка дрожащим голосом. — Когда я услышала ее крик, то подумала... подумала, что в неё попало проклятье. Я испугалась, что открою дверь и увижу ее умирающей.

Драко крепко держал ее. Его руки были все еще сведены тремором. Гермиона почувствовала, как он кивнул и прижался своей головой к ее. Она тихо всхлипнула и попыталась взять себя в руки. Гермиона слышала, как бьется его сердце, ускоряясь в такт ее собственному.

— Я не осознавала до этого момента, что все еще живу в этом... — она нарушила

тишину после того, как они простояли так несколько минут. — Все это до сих пор во мне. Я схватила нож. Я не остановилась, чтобы подумать, я просто схватила нож и побежала.

***

Фронт Освобождения добрался до Британии за несколько дней до третьего дня рождения Джеймса, но прошел почти год, прежде чем последний оплот Волдеморта был свергнут. Министр Тикнесс и большинство других чиновников были арестованы вместе со всеми Пожирателями Смерти. В обмен на более мягкое наказание несколько Пожирателей Смерти помогли освободить от наручников вызволенных из темниц Хогвартса заключенных и всех суррогатов Программы.

Волдеморт прятался в своем замке, и после десятков неудачных попыток атаки Фронт Освобождения оставил его там. Его держали под усиленной охраной в надежде, что он просто умрет, и его крепость в конце концов станет его саркофагом. Газеты неоднократно писали о нем, сравнивая с Гриндевальдом.

Большинство судебных процессов проходило быстро. То же самое касалось и вынесения приговоров. О деятельности Пожирателей Смерти осталось множество подробных записей, документирующих их зверства. «Нью-Йоркский Провидец» сообщал: *«После смерти Антонина Долохова во время взрыва в лаборатории Сассекса Пожиратель Смерти Северус Снейп взял под собственный контроль ведение записей и протоколов всей организации Пожирателей Смерти. Причина взрыва так и не была официально подтверждена, и большая часть документации лаборатории была уничтожена. По словам Снейпа, несчастный случай, в результате которого погибли сотни самых ценных умов Европы, можно было бы предотвратить при более тщательном контроле. После этого тюрьмы и лаборатории должны были вести записи с подробными деталями и подписями всех, кто был вовлечен в проводимые операции, создавая доскональный отчет по каждой из организаций, позволяющий выявить ответственные лица в каждом филиале. Снейп был убит в результате государственного переворота в Румынии летом 2005 года, так и не узнав, что созданная им система строгой отчетности в итоге привела к возбуждениям множества судебных дел против сотен его товарищей — Пожирателей Смерти».*

Другие аспекты свержения режима были более запутанны и ужасающи, и по мере их возникновения начались политические игры.

Международная конфедерация не могла отрицать, что ей было известно о Программе увеличения населения, но они заявили о полной неосведомленности о ее обстоятельствах. Президент МАКУСА выступил с речью, в которой настаивал на том, что Международной Конфедерации было заявлено, что участие в качестве суррогатной матери является добровольным, и что если бы они знали, что заключенных используют в качестве пленниц и насильно оплодотворяют, они бы вмешались годами раньше.

Целительница Страуд бежала из Европы и исчезла задолго до того, как начались слушания и аресты.

Гермионе приходилось принимать зелья от тревожности, чтобы читать обо всех текущих событиях без сильного волнения. Она знала, что этого не стоило делать, но чтение показаний на начавшихся судебных процессах оказалось настолько

разрушительным, что она ощущала, что может сломаться под гнетом вины. Все выжившие суррогаты были привлечены для дачи показаний. Ханна Эббот походила на тень, что съеживалась на свидетельской трибуне и прятала левую сторону лица, когда ей задавали вопросы о принуждении и о том, что с ней сделали.

Из-за низкой фертильности большинства Пожирателей Смерти, многих суррогатных матерей постоянно накачивали зельями плодородия, что приводило к многоплодию. Парвати Патил была доставлена в здание суда беременной, с двумя детьми, которые едва ходили, цепляясь за ее одежды.

Если в начале беременности выяснялось, что у плода низкий магический потенциал, беременность прерывали, а затем снова возобновляли попытки с более сильными зельями плодородия, рассчитывая «контролировать» результаты. Многие суррогатные матери стали бесплодными из-за серьезных внутренних повреждений. Тем, кто оставался фертильными, давали шесть недель на восстановление после родов, прежде чем их возвращали в программу для другого ребенка. Анджелина Джонсон держала в руках пустое, изодранное пеленальное одеяло, которое она отказывалась отпускать.

К возмущению Гермионы, в Международной Конфедерации возникли разногласия по поводу того, что следует делать. Предпринимались усилия по перестройке Министерства Магии во что-то более демократичное, что оставило бы меньше возможностей снова появиться кому-то вроде Волдеморта, но, несмотря на все произошедшее, британское волшебное общество было сильно привязано к их чистокровной «аристократии».

В некоторых статьях акцентировался факт того, что Волдеморт даже не был чистокровным, а потому было бы несправедливо вынуждать старинные британские семьи расплачиваться за его грехи. В подобных статьях предлагалось обязать аристократию возместить материальный ущерб и двигаться дальше.

Прочитанное заставило горло Гермионы сжаться в спазме, и она отложила газету, чтобы сознательно заставить себя дышать.

Все дети и беременности в рамках Программы были связаны с представителями древних семей Великобритании, у большинства из которых родители отбывали несколько пожизненных тюремных сроков. Кто должен воспитывать детей? Что делать с суррогатными матерями? В газетных статьях эти темы обсуждались без конца.

Некоторые женщины не хотели иметь ничего общего с детьми, которых они были вынуждены вынашивать, какие-то хотели сделать аборт, в то время как другие яростно защищали свою беременность и отказывались выпускать детей из рук. После почти трех лет жизни с идеями, навязываемыми магическими наручниками, многие из суррогатных матерей усвоили их так глубоко, что колебались между назойливым подчинением и злобным бунтарством.

Суды начали принимать решения в пользу древних семей, которые хотели, чтобы их родословные сохранялись, а наследники воспитывались соответствующим образом. Их адвокаты утверждали, что суррогатные матери были нестабильны; в интересах всех было бы забрать детей, предоставить некоторую денежную компенсацию суррогатам и позволить всем «двигаться дальше».

— Я собираюсь вернуться, — резко сказала Джинни, прочитав последнюю газету, рассказывающую о Программе. — Я думаю об этом уже несколько месяцев. Я должна поехать.

Гермиона и Драко молчали.

Джинни посмотрела на газетные листы в своих руках, костяшки ее пальцев побелели.

— Они пытаются все стереть. Все эти купленные слушания, отнимание детей и передача их чистокровным с той же идеологией, из-за которой началась война. Они ведут себя так, словно все изменится. Они похоронят все, что произошло, и представят себя спасителями Британии, а все, кто умер, сражаясь, просто исчезнут. Им наплевать на выживших. Они не упоминают погибших. Словно пытаются разобраться с последствиями настолько быстро, чтобы потом можно было притвориться, что подобного никогда не было и тем более что их не просили вмешаться раньше.

Джинни сердито вздохнула и перевела взгляд на Гермиону.

— Я собираюсь убить его. Я собираюсь отправиться туда и убить Волдеморта. Он не заслуживает того, чтобы сгнить в одиночестве в каком-то замке. После того, как ублюдок умрет, я позабочусь о том, чтобы никто никогда не забыл всех людей, которые погибли, сражаясь. — Она сглотнула, ее лицо посерело. — Поэтому мне нужно, чтобы ты позаботилась о Джеймсе, пока меня не будет.

Гермиона похолодела.

— И... — Джинни заколебалась и неуверенно вздохнула: — Мне нужно, чтобы вы оба помогли мне подготовиться. Та бомба, которую ты сконструировала для Хогвартса... мне нужно знать, как ее собрать. И попрактиковаться в дуэлях. Прошло много лет с тех пор, как я сражалась в последний раз. Я собираюсь... собираюсь отправиться в Британию после пятилетия Джеймса. — Глаза Джинни наполнились слезами. — Таким образом у меня будет немного времени, чтобы попрощаться, на случай... на случай, если я не вернусь.

— Джинни...

— Я должна это сделать, — резко прервала ее Джинни. — Я всегда рассказываю Джеймсу о том, что его отец и вся моя семья были героями, которые постоянно сражались, чтобы защитить людей. Я не могу продолжать смотреть в глаза, так похожие на Гарри, говорить это и ничего не делать, кроме как жить на этом острове всю оставшуюся жизнь. Джеймс не сможет оставаться на этом острове вечно. Он должен пойти в Хогвартс и увидеть мир, ради защиты которого умер его отец... — голос Джинни оборвался, и она вытерла глаза. — Я не выполнила свою задачу, и это именно она. Я думала об этом с тех пор, как Фронт Освобождения достиг Британии, но продолжала убеждать себя, что Международная конфедерация разберётся с этим. Однако они не в состоянии сделать все правильно. Я больше не могу сидеть и читать об этом.

Гермиона потянулась через стол, пытаясь схватить ее за руку.

— Джинни. Джинни, если ты уйдёшь... ты можешь умереть. Не... не оставляй

Джеймса сиротой.

Джинни взглянула через стол на Гермиону.

— Не уверена, что смогу продолжать нормально жить, если не сделаю этого, — сказала она ровным голосом. Ее лицо исказилось: — Ты продала себя, чтобы попытаться выиграть войну. Ты была в заточении где-то в Хогвартсе, пока я гуляла в саду; тебя насильовали и ты чуть не умерла несколько раз, пока я училась готовить пироги с мясом; и ты пошла на все, чтобы сбежать, хотя целитель разума сказал, что возвращение, вероятно, убьет тебя. — Джинни посмотрела на свои ладони и сглотнула. — Остаться из-за Джеймса — это просто оправдание для меня, я знаю, что с тобой он будет в безопасности.

Гермиона кивнула.

***

Гермиона неохотно собрала все свои наработки по изготовлению бомб. У нее было много времени, чтобы усовершенствовать их: на досуге она анализировала технику как мысленную головоломку. Гермиона не планировала когда-либо делиться этими знаниями или использовать их снова.

Драко учил Джинни сражаться на дуэли. Он был более груб, обучая ее, чем на тренировках с Гермионой, и гораздо более требователен. Гермиона до этого момента не осознавала, сколько времени и размышлений Драко потратил на разработку стратегии и определение наилучшего способа убить Волдеморта. Гермиона наблюдала, как они тренируются, и с ужасом понимала, что если бы психосоматический тремор не проявлялся так сильно в состоянии стресса, Драко, вероятно, вернулся бы и попытался убить Волдеморта после того, как Гермиона создала ему протез.

Гермиона обучила Джинни всем основным техникам по созданию бомб. Драко предоставил им столько информации о том, как действовали чары в замке, сколько смог вспомнить.

Джинни оглядела свитки со всеми наработками, а затем взглянула на Гермиону.

— Ты должна оставить на них свое имя. Всем будет очевидно, что я не смогла бы придумать подобного. Даже если хочешь, чтобы люди думали, что ты мертва, тебе положена дань уважения за твои заслуги.

Гермиона натянуто улыбнулась и отвела взгляд.

— Я не хочу, Джинни. Я не хочу, чтобы кто-то начал копаться в моей биографии. Если они спросят, скажи им, что ты использовала секретные наработки Ордена, которые прихватила, когда сбежала. И что ты не знаешь, кто был автором.

В День рождения Джеймса Джинни отправилась в путешествие на материк с Драко и сыном. Они вернулись с длинноногим щенком по кличке Бродяга.

— Я должна отправиться в путешествие, но ты останешься здесь и поможешь дяде Драко сохранить остров в безопасности, — напутствовала Джинни Джеймса. — Бродяга поможет тебе быть храбрым, как гриффиндорец, не так ли?

Джеймс серьезно кивнул.

Глаза Джинни блестели от слез.

— Я буду писать тебе каждый день. Эльфы доставят от меня большие пачки писем, и тетя Гермиона прочитает их тебе, и, может быть, поможет написать несколько писем мне в ответ. Ты должен слушать тетю Гермиону и дядю Драко, хорошо? Позаботься об Авроре — она твоя лучшая подруга. Вы, двое, должны держаться вместе. Верно? Так поступают лучшие друзья.

***

Джинни отправилась в Британию в ноябре 2008 года, оставив Гермиону и Драко с двумя детьми на воспитание.

Отсутствие Джинни оказало на Джеймса глубоко отрезвляющее действие. Несмотря на попытки Гермионы и Драко скрыть происходящее от Джеймса и Авроры, дети обладали глубокой осведомленностью о ненадежности и непредсказуемости мира, в котором они жили.

После отъезда Джинни Джеймс стал более серьезным. Он ходил за Драко по дому, когда тот проверял защитные чары. Аврора, наоборот, стала озорнее.

Драко добавил дополнительную комнату в их части дома, чтобы Джеймс не оставался один.

Гермиона уложила Джеймса в первую ночь после отъезда Джинни, а Бродяга устроился рядом с ними на постели.

— Драко и я будем дальше по коридору.

Джеймс сидел в кровати, крепко обхватив Бродягу руками.

— Я гриффиндорец, как мама и папа, поэтому храбрый, — возразил он дрожащим голосом.

Сердце Гермионы пронзила острая боль. Она обняла Джеймса, целуя его в макушку сквозь растрепанные рыжие волосы.

— Знаешь, я тоже была гриффиндоркой, — сказала она хриплым голосом. — Нам, гриффиндорцам, нужно много объятий, чтобы оставаться такими храбрыми, поэтому нам придется обнимать друг друга, как это делают гриффиндорцы, пока твоя мама не вернется. Если тебе что-то понадобится, я прямо по коридору.

Гермиона проснулась посреди ночи оттого, что Аврора не явилась с просьбой обнять ее.

Драко сел на постели вместе с Гермионой. Они заглянули в комнату Авроры и обнаружили, что та пуста. Затем они приоткрыли дверь в комнату Джеймса и увидели обоих детей, свернувшихся калачиками, и Бродягу между ними.

Драко несколько мгновений смотрел на эту картину, прищурившись, прежде чем отвести Аврору обратно в ее комнату.

Следующей ночью Аврора снова спала в комнате Джеймса.

Лорд Волдеморт был убит в январе 2009 года, через неделю после третьего дня рождения Авроры.

Согласно газетам, его замок был взят штурмом элитным подразделением авроров МАКУСА в сопровождении Джинни Уизли, последнего выжившего члена Ордена Феникса. Они использовали новый вид продвинутой магии, чтобы пробить защиту. Затем замок был тщательно разобран, чтобы вытащить Волдеморта из его укрытия и вынести его разлагающееся тело на свет дня.

Большинство авроров были убиты в процессе, и Джинни чуть не погибла. Аврор, возглавлявший атаку, приказал всем отступить, но девушка отказалась. Она вошла в замок и произнесла свое первое и последнее Смертельное Проклятие.

Газеты по всему миру опубликовали фотографию Джиневры Уизли, появляющейся из-под обломков замка, грязная и залитая кровью. Резкий шрам на ее лице был первым, что отчетливо выделялось на фото. На ее лице застыла смесь усталости и холодного триумфа, когда она появилась, волоча за собой труп Волдеморта.

Нельзя было отрицать героизм Джинни, несмотря на появившиеся вопросы о том, где она пряталась в течение последних нескольких лет. Джинни была немногословна, рассказывая, что была изолирована из-за болезни, а затем успела скрыться. Она вернулась, когда поняла, что Фронт освобождения не собирался убивать Волдеморта. Она не хотела, чтобы с ней обращались как с героем; она только хотела, чтобы о ее семье и друзьях помнили.

Усилия по восстановлению постепенно перешли от призывов «двигаться дальше» к увековечиванию памяти павших: Сопротивления, членов Ордена, суррогатов. Джинни Уизли была непоколебима в своей солидарности с суррогатными матерями. Ее не волновало, насколько древними были волшебные семьи или их традиции. Идеалы чистокровных из волшебных семей, члены которых не побеспокоились выступить против зверств, совершенных на их глазах, позволили развязать войну. Они не заслуживали того, чтобы воспитывать еще одно поколение с той же идеологией, которая привела к Войне Волшебников.

Суды в предварительном порядке приняли решение предоставить опеку матерям, которые этого хотели. Титулы и поместья старых семейств были отобраны у отцов, а суррогатам был предоставлен контроль над поместьями до тех пор, пока их дети не достигнут совершеннолетия. Суррогатным матерям, которые не хотели опеки над детьми, была предоставлена «компенсация», а их детей поместили в приемные семьи или детский дом, созданный специально для того, чтобы они могли в конечном итоге занять место, подобающее своему происхождению.

Ходили разговоры о сносе Хогвартса и строительстве новой магической школы, но Джинни была категорически против. Хогвартс был первым домом Гарри Поттера и местом рождения Армии Дамблдора. Хогвартс должен быть восстановлен; в нем будут проводиться занятия, на которых расскажут о том, что произошло, чтобы зверства Войны Волшебников никогда не повторились и никогда не были забыты.

Когда возобновились слухи о проклятии, наложенном на должность преподавателя Защиты от темных искусств в Хогвартсе, Джинни объявила о своем намерении стать профессором.

***

На острове жизнь в отсутствие Джинни шла своим чередом. Джеймс и Аврора привязались друг к другу до такой степени, что Драко и Гермиона часто бросали обеспокоенные взгляды друг на друга, когда замечали это.

— Она не справится, — сказала Гермиона, наблюдая, как Аврора и Джеймс бродят по пляжу. Бродяга бегал туда-сюда по берегу, бешено лая на чаек. — Она такая собственница. Не знаю, стоит или нет начинать готовить ее к тому, что произойдет.

Драко медленно кивнул. Его рука сжимала ладонь Гермионы, но глаза пристально следили за Авророй, когда та бежала по пляжу вслед за Джеймсом, волоча за собой длинный кусок водорослей.

Джинни вернулась до шестого дня рождения Джеймса. Воссоединение было радостным. Она привезла старые фотографии, на которых Гарри, Рон и Гермиона были запечатлены в школе.

Джеймс был вне себя от радости при виде матери, но Джинни не планировала оставаться надолго. Она собиралась забрать Джеймса обратно в Британию. Они планировали жить в восстановленной деревне Хогсмид и помогать с реконструкцией Хогвартса, который вновь откроет свои двери в следующем году.

— Поехали со мной, Гермиона, — предложила Джинни, пока Драко проверял защитные чары. — Ты должна вернуться. Все, что я говорю и делаю, — это все твои идеи. Я просто повторяю их из раза в раз. Все те способы, которыми ты хотела изменить волшебный мир. Ты могла бы встать во главе перемен, если бы вернулась. Люди должны знать, что ты — причина, по которой вообще стало возможным убить Волдеморта.

Грудь Гермионы сжалась, но она заставила себя тихо рассмеяться.

— Я думаю, что вы с Драко тоже имели к этому какое-то отношение. Как ты себе все представляешь? Возьму ли я Аврору с собой пытаться обелить имя Драко или просто навсегда оставлю их обоих позади?

Выражение лица Джинни стало напряженным, и она отвела взгляд.

— Ты не сможешь обелить его имя. Я знаю, ты считаешь его жертвой обстоятельств, но никто другой никогда не видел его таким, даже если ты объяснишь всем причины его поступков. Я работала с аврорами и юристами. Я видела записи. Гермиона, ты знаешь, скольких людей он убил? Списки его преступлений бесконечны...

— Я знаю, — оборвала ее Гермиона.

Джинни крепко скрестила руки на груди.

— Его имя вызывает страх, прямо как упоминание Волдеморта в те времена, когда мы были детьми. Люди шепчутся: «Верховный правитель», никто даже не называет его Малфоем. Его подпись стоит на всех протоколах массовых казней. Не похоже, чтобы Волдеморт что-то подписывал. Если судить по документам, складывается впечатление, что Малфой был единственным человеком, кто обладал властью в послевоенное время. Он был проинформирован обо всех происходивших процессах и принимал в них активное участие.

У Гермионы скрутило живот, но она сжала зубы.

— Трудно дестабилизировать режим, не будучи проинформированным, — сухо ответила она.

Джинни покорно вздохнула и снова отвернулась.

Гермиона посмотрела на нее краем глаза.

— Я не оставлю его, Джинни. Я никогда не планировала жизнь без Драко в том случае, если переживу войну. Наша вера друг в друга — это единственная причина, по которой мы выжили. Я слишком устала, чтобы пытаться восстановить волшебный мир, тем более пытаться сделать это, скрывая, как мне на самом деле удалось пережить войну.

Джинни взглянула на Гермиону, и ее губы дрогнули, словно девушка пыталась подобрать слова.

— Гермиона... — Она глубоко вздохнула и расправила плечи. — Гермиона, я знаю, что пообещала ничего не говорить, но я должна произнести это хотя бы раз, прежде чем оставлю тебя здесь. — Горло Джинни сжалось, когда она сглотнула. Ее шрам покраснел, резко выделяясь на лице, как всегда в моменты, когда она была расстроена. — Ты и Джеймс — вся семья, которая у меня осталась. Ты для меня важнее, чем кто-либо другой в мире. Я обязана тебе своей жизнью. Я люблю тебя так же, как и Гарри с Роном любили тебя, поэтому я должна сказать тебе это. Я знаю, ты любишь Драко. Я просто... не думаю, что ты осознаешь, насколько нечеловечески холоден он ко всем, кроме тебя и Авроры. Весь остальной мир может сгореть, и ему будет все равно. Он ведь не казнил всех тех людей каким-то простым заклинанием. Я имею в виду... это было Смертельное Проклятие...

— Я знаю, кем он является, Джинни, — Гермиона оборвала ее. — Это причина, по которой мы с тобой живы.

Разочарование промелькнуло на лице Джинни, и она уже открыла рот, явно собираясь продолжить. Гермиона остановила ее взглядом.

— О чем ты думала, когда использовала Смертельное Проклятие на Волдеморте? — спросила Гермиона.

Челюсть Джинни захлопнулась, и девушка заметно напряглась, взглянув на Гермиону широко раскрытыми глазами. Затем плотно сжала губы, пока выражение ее лица не исказилось и не стало страдальческим.

— Боже. Это был Гарри, — наконец ответила она, ее голос был полон горя, а костяшки пальцев побелели, когда она сжала руки в дрожащие кулаки. — Я думала обо всем том, что он сделал с Гарри.

Гермиона кивнула, ничуть не удивившись.

Она несколько секунд смотрела на кольцо с ониксом на своем пальце, прежде чем заговорила:

— Любовь не всегда так прекрасна или чиста, как всем нравится думать. Иногда в ней таится и какая-то тьма. Мы с Драко идем рука об руку. Я сделала его тем, кто он есть. Я знала, что означали его руны, когда спасала его. Если он монстр, то я его создатель. По-твоему, что было источником всей его ярости?

***

Когда Аврора заметила, что Джинни собирается забрать Джеймса, то сначала ничего не поняла, а затем, увидев, как они уходят, впала в истерику.

— Он мой! Мой! Он мой лучший друг! Ты не можешь забрать его!

Она не хотела утешения от Драко или Гермионы. Она вцепилась в Джеймса и отказывалась его отпускать. Джеймс тоже переживал из-за того, что уходит, хотя и не отпускал руку Джинни ни на мгновение.

— Она может отправиться с нами, — сказал он, — я позабочусь о ней.

— Нет, нет, Аврора останется со мной и своим отцом, пока не подрастет, — сказала Гермиона, пытаясь оттащить Аврору от Джеймса.

— Но я хочу с ним! — кричала Аврора, когда Гермиона наконец оторвала ее пальцы от одежды Джеймса. — Я тоже хочу жить в Британии. Почему мы тоже не можем поехать туда?

— Прости, Аврора, мы не можем.

— Но почему? — Аврора рухнула на пол и попыталась снова вцепиться в Джеймса, прежде чем Гермиона успела ее поднять.

Гермиона поставила девочку на ноги и крепко обняла.

— Британия для нас небезопасна. Вот почему мы живем на этом острове, а не в городе с магазинами, помнишь? У меня там болит голова, а целители сказали, что мне нельзя ходить в места, от которых у меня болит голова.

— Но Джеймс — мой лучший друг. Мы всегда вместе. Лучшие друзья должны... — всхлипнула Аврора в плечо Гермионы.

Драко стоял рядом, выглядя совершенно растерянным; его пальцы судорожно сжимались.

Джеймс отпустил руку Джинни и подошел к Авроре.

— Рори, ты должна остаться со своими мамой и папой. В Британии небезопасно.

— Я могу справиться. Я тоже гриффиндорка, — сказала Аврора прерывающимся голосом.

Драко поморщился.

— Да, — медленно сказал Джеймс, и выражение его лица исказилось. — Но ты не можешь поехать с нами, потому что тебе нужно позаботиться о Бродяге. Там небезопасно для щенка. Он не всегда меня слушается и слишком много лает.

Голова Авроры оторвалась от плеча Гермионы.

— Правда? — спросила она дрожащим голосом.

— Да, — серьезно кивнул Джеймс. — Британия небезопасна для щенка. Тебе нужно позаботиться о нем. Дяде Драко он не нравится, а тетя Миона не часто выходит на улицу. Ему нужны прогулки каждый день, и ты должна о нем позаботиться, — Джеймс крепко сжал поводок Бродяги. — Но это все еще моя собака.

Аврора медленно кивнула, и Джеймс отдал ей поводок Бродяги.

После того, как Джинни и Джеймс ушли, Аврора села на веранде, обняла Бродягу и заплакала.

***

Четыре года спустя.

Аврора вбежала в лабораторию и вскарабкалась на колени Гермионы, сжимая в пальцах листок бумаги.

— Мамочка. Мамочка, посмотри. Отец повел меня на рынок, и там была одна дама — у нее были такие штуки на веревочках, и она дала мне одну, — Аврора разжала пальцы, и в ее ладони оказался зажат маленький смятый журавлик-оригами.

Гермиона тихонько ахнула, и ее сердце сжалось, когда она уставилась на него.

— О, Аврора, он прекрасен.

— Она сказала, что если я соберу тысячу таких, то мое желание исполнится, — Аврора взглянула на журавля горящими серебристыми глазами. Затем этот свет словно померк, и ее лицо помрачнело. — Но... желание — это ведь наше воображение, они...

— Что бы ты пожелала? — спросила Гермиона, хотя была уверена, что уже знает ответ.

Аврора нерешительно посмотрела на Гермиону.

— Я бы хотела, чтобы мы смогли поехать в Британию.

Гермиона сжала губы в натянутой улыбке.

— Было бы весело, не так ли?

Аврора кивнула и с тоской посмотрела на журавлика, которого держала в руках.

Она потеряла большую часть своего задора после ухода Джеймса. Драко и Гермиона пытались вернуть эту искру. Драко брал ее с собой на материк, чтобы посетить детские площадки и рынки, Гермиона даже иногда выбиралась с ними. Аврора не хотела дружить с другими детьми.

Слишком много ограничений мешали ей. В мире магглов ее предостерегали от любых упоминаний магии. В волшебном мире Драко и Гермиона очень осторожно предупредили ее, что она не может никому называть имена своих родителей, где они живут, или упоминать, что Драко и Гермиона изменили свою внешность.

Правила сдерживали Аврору. В результате она отказывалась играть. Она тихо стояла поодаль, наблюдая за игрой других детей с выражением тоски, но отклоняла все приглашения принять участие, даже когда Драко и Гермиона уговаривали ее. По прошествии четырех лет Джеймс оставался ее единственным другом.

— Мам... А когда я стану взрослой, то смогу поступить в Хогвартс?

Желудок Гермионы скрутило, и она заморгала от нарастающей головной боли, которую пыталась игнорировать.

— Я думала, ты собираешься учиться в школе в Новой Зеландии? Чтобы мы с отцом могли навещать тебя, а ты могла приезжать домой на каникулы.

— Ты не сможешь навещать меня в Хогвартсе?

Челюсть Гермионы сжалась, когда она подумала об Астрономической башне с телами Уизли, висящими под трупом Гарри; об извилистом коридоре, по которому ее тащили, прежде чем заперли в камере; о том, как она сидела в Большом зале, пока проходила обучение в качестве суррогата.

— Я... у меня, скорее всего, заболит голова, если я решу навестить тебя в Хогвартсе. Там со мной происходили некоторые... очень печальные вещи. Я бы думала о них, если бы оказалась там.

Аврора молчала.

— Думаю, в Новой Зеландии хорошая школа, — сказала она через минуту, поднимая журавлика и осторожно разглаживая некоторые складки.

Гермиона слышала тоску в ее голосе. Девушка протянула руку и расправила журавлика крылья, а затем расположила птицу оригами так, чтобы та стояла.

— Ты знаешь, однажды я сложила тысячу журавликов.

Аврора оглянулась через плечо.

— И твоё желание исполнилось?

Гермиона кивнула и слегка улыбнулась.

— Думаю, да.

— Что ты пожелала?

— Я... — Горло Гермионы сжалось, и она протянула руку и откинула назад вьющиеся кудри Авроры. — Я не помню точно, но я думаю, что пожелала тебя. Я хотела... Я мечтала о месте, где бы могла жить с людьми, которых любила. Было время, когда мне было по-настоящему одиноко. И теперь у меня есть ты и папа. Так что мое желание исполнилось.

Глаза Авроры загорелись.

— Можешь научить меня, как складывать журавлика?

Гермиона на мгновение замерла, ее сердце болезненно сжалось.

— Нет. Прости, я больше не могу вспомнить, как их делать. Я пыталась научиться, но это умение всегда ускользает от меня.

— Почему?

Гермиона сжала губы и сглотнула.

— Когда я была беременна тобой, я повредила голову. Очень серьезно. Настолько, что теперь я не могу вспомнить многие вещи. Долгое время мы думали, что в конце концов я буду забывать все больше и больше. Но... — на губах Гермионы появилась улыбка, — но даже когда ты еще не родилась, твоя магия защитила части моего мозга, которые были повреждены, чтобы я больше ничего не забывала. Эти части были хорошо укрыты твоей магией... поэтому и сейчас я не могу до них добраться. Они крепко заперты и не могут вырваться. Это означает, что даже если ты расскажешь мне определенные вещи или я попытаюсь их выучить, я снова их забуду.

— Моя магия помогала тебе? — Глаза Авроры были широко раскрыты.

Гермиона кивнула.

— Да. Это называется фетоматеринский магический микрохимеризм. Это термин целителей. Он случается очень, очень редко. Пока я осторожна и не делаю ничего, что заставило бы меня учащенно дышать или вызвало бы головную боль, целители сходятся во мнении, что я буду помнить большинство вещей, пока ты не вырастешь и не заведешь собственных детей.

— А ты можешь завести еще одного ребенка, чтобы исправить свой мозг, если начнешь забывать?

Гермиона натянуто улыбнулась.

— Целители сказали, что больше у меня не будет детей. Только ты.

Драко появился в дверном проеме все еще с каштановыми волосами и изменёнными чертами лица. Гермиона напряглась, когда увидела его.

— Мама рассказывала мне, как моя магия помогла ее мозгу, — сообщила Аврора.

Серебристые глаза Драко замерцали, и он коротко кивнул.

Гермиона поцеловала Аврору в макушку.

— Милая, можешь сходить узнать у Топси, что у нас на ужин? Нам с твоим папой нужно поговорить.

Аврора подняла своего бумажного журавлика и ускользнула. Когда шаги затихли вдали, улыбка на лице Гермионы исчезла.

Драко взглянул на нее и приподнял бровь.

— Что случилось?

Гермиона сглотнула, и ей показалось, что в горле у нее застрял камень. Она сунула руку под стопку бумаг и вытащила газету.

«Военная преступница найдена мертвой в реке».

Глаза Драко сверкнули на долю секунды, когда он прочитал это.

— Они нашли Страуд утонувшей у берегов Бразилии, — тихо сказала Гермиона. Ее пальцы дернулись на бумаге. — Ее труп обнаружили в маггловском море. Официальная причина смерти — сердечный приступ во время плавания.

Последовало короткое молчание.

— Жаль, кто-то не убил ее, — холодно сказал Драко, взмахнув протезом руки и пробормотав *Фините*, чтобы снять чары со своих волос и лица.

— Кто-то точно это сделал, — сказала Гермиона голосом, который был почти шипением.

Драко прямо посмотрел на Гермиону.

— Не надо. Не смей мне лгать. — Ее сердце начало болезненно колотиться в груди.

Драко опустил глаза вниз и тихо вздохнул. За долю секунды острота в его взгляде вновь появилась необработанным лезвием.

Версия самого себя, которую он так идеально носил на острове всякий раз, когда Аврора могла его видеть, мягкость, кривые улыбки и тихие монологи — все это исчезло, словно являлось костюмом, который он надевал. Идеальный образ отца, которым он хотел быть.

Теперь он снова был настоящим. Такой же холодный и сверкающий, острая, точно бритва, сталь.

Гермиона взглянула на него, чувствуя, как внутри нее что-то оборвалось.

— Мы пообещали друг другу, что закончили.

— Нет, — сказал он, скрестив руки на груди и изогнув бровь. — Ты это

пообещала, а я не стал спорить.

У Гермионы задрожала челюсть, и она опустила глаза.

— Тебя могли поймать. Если бы тебя поймали, ты был бы уже мёртв.

Ее голова пульсировала, а грудь болела так, словно ее разрывали пополам.

— Меня довольно трудно убить. Значительно труднее, чем целителя средних лет.

— Его глаза были ледяными.

— Что ты сделал? — Гермиона встретила с ним взглядом. — Круциатус, пока она не утонула?

Уголок его рта дернулся, когда Драко отвел взгляд.

— Умница, как и всегда.

Гермиона больше ничего не сказала. Она продолжала смотреть на него, ожидая, когда он взглянет в ответ.

— Она заслужила, — наконец сказал Драко, с каменным видом глядя в окно. — Ты должна была понимать, что я захочу ее убить в тот момент, когда газеты написали о ее побеге. Ты знала, что я приду за ней.

Гермиона попыталась сглотнуть. Ее плечи дрожали, хотя она старалась держаться.

— Ты солгал мне. Солгал. Ты скрыл это от меня. Ты сказал, что должен посетить Канаду, чтобы разобраться с финансовыми переводами. Теперь каждый раз, когда ты будешь уходить, я начну задаваться вопросом, чем ты занят на самом деле, и буду беспокоиться, что ты никогда не вернешься... — ее голос сорвался.

Выражение лица Драко дрогнуло, и он потянулся к ней.

Гермиона резко встала, чтобы избежать прикосновения, и прижала руку к груди.

— Разве этого недостаточно? Неужели твоя жизнь настолько плоха, что месть стоила всего этого риска? — Ее глаза горели. — Через несколько лет нам придется все рассказать Авроре. Она пойдет в школу и услышит о войне на уроках. Они будут говорить о тебе. Они расскажут ей обо всем, что ты сделал.

Драко стиснул челюсти.

Гермиона прерывисто вздохнула.

— Это разрушит весь ее мир — даже если она услышит все от тебя первого. «Нам не получить всего, чего мы хотим в этой жизни», Драко. Ты сам мне это сказал. Ты говорил, что наступит момент, когда я должна буду понять, что не получу всего что хочу, и что я должна буду выбрать и позволить этому выбору быть достаточным. Я выбрала тебя. Всегда. Я всегда выбирала тебя.

Ее легкие начали сокращаться так сильно, что это вызвало напряженный хнычущий звук в ее горле. Она зажала рот руками. Драко заметно вздрогнул и

снова потянулся к ней.

Гермиона пристально посмотрела на него.

— Если все это больше не то, что ты хочешь, ты должен был сказать мне.

— Грейнджер, все было не так, — возразил он напряженным голосом, медленно приближаясь к ней.

Она отступила.

— В самом деле? Ты просто случайно наткнулся на нее, находясь за целый континент от того места, где ты сказал, что будешь? Ты отслеживал ее все это время, не так ли?

Драко неохотно кивнул, но его глаза все еще оставались непримиримыми.

— Она заслужила смерть после того, что сделала с тобой. Я не мог оставить ее жить, как только узнал, где она прячется.

Рот Гермионы скривился, и она отвела взгляд.

— Тогда тебе не следовало искать. Тебе следовало оставить ее в покое. — Она тихо всхлипнула: — Хуже всего то, что я рада ее смерти. Я рада, что она страдала. Я просто не хотела, чтобы это был ты — почему это всегда должен быть ты?

Драко сделал два быстрых шага через комнату и поймал ее за руку, прежде чем девушка успела отступить.

Гермиона на мгновение заколебалась, прежде чем спрятаться в его объятиях.

— Я ненавидела ее. Я так сильно ее ненавидела.

— Я знаю, — сказал он, обнимая ее лицо и прижимая их лбы друг к другу, пока она пыталась дышать. — Знаю.

Гермиона тихо всхлипнула.

— Клянусь, с меня хватит. Пожалуйста, дыши. — Он крепко держал ее в своих объятиях. — Больше никого не будет.

***

Десять лет спустя.

Гермиона стояла на Центральном вокзале Веллингтона, наблюдая, как гаснет зеленое пламя большого камина.

— Теперь нас только двое, — сказала она задумчивым голосом.

Драко молчал, стоя рядом с ней. Его рука скользнула вокруг ее талии, теплая и властная.

Она положила голову ему на плечо.

— Ты ведь знаешь, что ей нужно было уехать?

Последовала пауза, прежде чем Драко издал болезненный вздох.

— Да...

В уголках ее губ заиграла улыбка.

— Я полагаю, это было почти неизбежно.

Гермиона посмотрела на Драко, его взгляд все еще был направлен на камин; на его лице осталось выражение горечи и смирения. Он опустил глаза и встретился с ней взглядом.

Черты его лица были скрыты за чарами, но глаза всегда были одинаковыми. Независимо от того, как долго она их изучала, всегда казалось, что в том, как менялся цвет, существовали нюансы, которые ей еще предстояло обнаружить. Драко чувствовал все так остро, но втайне. В этом отношении они были похожи.

Когда он посмотрел на нее сверху вниз, его глаза были цвета расплавленного серебра.

Мир вокруг них исчез.

Ее сердцебиение участилось.

— И что мы теперь будем делать?

Уголок его губ изогнулся в улыбке, которая всегда предназначалась только ей.

— Все, что захочешь, и так долго, как ты захочешь.

Примечание к части

Арт к истории:

Автор abrilas <https://www.instagram.com/p/CMsnpVRDuF4/?igshid=1ln2xobzywcm5>

Примечание к части «Золотое трио» https://www.instagram.com/p/CVOB6g4oHD8/?utm_medium=copy_link

«Аврора» автор avendell https://www.instagram.com/p/CBoTDz5AzEJ/?utm_medium=copy_link

"Драко" Автор parad_solnca https://www.instagram.com/p/CNAdA_IFY3s/

77. Эпилог. Часть 3.

Август 2024.

Камин британского Министерства магии внезапно вспыхнул, и в нем появилась девушка с небольшим чемоданом в руке. Ее большие серебристые глаза расширились, когда зеленое пламя погасло, и она вышла из камина, окинув взглядом высокий потолок Атриума, прежде чем обратить внимание на толпу волшебников, сновавших вокруг.

— Аврора! — позвал голос.

Несколько человек обернулись и увидели Джинни Уизли со своим сыном Джеймсом Поттером, махавших руками в нескольких шагах позади нее. Джинни сжала девушку в объятиях, которые длились несколько минут, прежде чем отступить и окинуть Аврору взглядом.

— Посмотри на себя! Прошло так много лет. Я боялась, что не узнаю тебя, но ты слишком похожа на мать, — воскликнула Джинни, выглядя так, словно вот-вот расплачется.

Аврора улыбнулась.

— Да, — ответила она с легким новозеландским акцентом, — отец часто это повторяет.

Джинни недоверчиво покачала головой:

— Все еще не могу поверить, что они позволили тебе уехать. Я была уверена, что ты останешься в Новой Зеландии или, может быть, в Австралии. Твоя мама написала, что тебя завалили предложениями после того, как ты сдала экзамены с отличием...

Щеки Авроры покраснели, и она неловко опустила взгляд на свои туфли.

Джинни усмехнулась.

— И не думай стесняться, мы и так знали, что ты сдашь экзамены великолепно. И вот ты здесь, в Британии, после всех этих лет...

Аврора ухмыльнулась, что было совсем несвойственно ее матери.

— Родители знали, что я всегда хотела посетить Британию, но то, что я подала заявку и получила предложение от Гринготтса, стало для них сюрпризом.

Джинни обернулась, посмотрев на Джеймса, как бы приглашая его в разговор. Их взгляды на мгновение встретились, прежде чем опуститься.

— Я все еще жалею, что ты не пошла в Хогвартс вместе с Джеймсом. Я пыталась убедить твою маму, но школа в Новой Зеландии, по мнению твоих родителей, ничем не уступала. Я знаю, что вы двое постоянно переписывались, но, к несчастью, твоя прилежность не передалась на межконтинентальном уровне. Уверена, ты помнишь, что Джеймс не так прекрасно сдал экзамены, которые нужны были для поступления в аврорат. Я чуть не умерла от стыда: профессор Защиты от темных искусств, чей сын получил «удовлетворительно» за эту дисциплину.

Джеймс сильно покраснел и неловко провел рукой по своим растрепанным волосам.

— Мама! Я серьезно отнесся к оценкам для вступительных экзаменов. Перестань продолжать вспоминать то, что было четыре года назад.

Джинни презрительно фыркнула.

— Я буду поднимать этот вопрос столько, сколько посчитаю нужным. Я не могла смотреть в глаза остальным профессорам в течение первого месяца твоего шестого курса.

Джеймс выглядел так, словно хотел провалиться сквозь землю.

Джинни рассмеялась, по-видимому, не обращая внимания на волшебников и ведьм, вероятно, подслушивающих их разговор.

— Что ж, возможно, ты сможешь вбить в него немного здравого смысла теперь, когда ты в Англии. Он такой, каким был Гарри, — вечный герой, даже на тренировочных симуляциях. — Глаза Джинни на мгновение затуманились, прежде чем она моргнула и снова рассмеялась. — Ему точно пригодится уравновешенная и прагматичная подруга, не такая импульсивная гриффиндорка, как я. Я всегда разрываюсь между гордостью и возмущением.

Ямочки на щеках Джеймса окрасились в алый цвет. Аврора неловко улыбнулась, поджав губы, и покачала головой.

Пожилая ведьма неподалеку откашлялась. Джинни обернулась.

— Джинни, не видела тебя с той поминальной церемонии в прошлом месяце. Как ты, дорогая?

Джинни изобразила натренированную улыбку:

— Все хорошо, миссис Татли, наслаждаюсь летним отпуском перед началом занятий в школе. В сентябре мы ожидаем большое количество первокурсников, а Джеймс как раз заканчивает свой второй год обучения в аврорате.

Миссис Татли кивнула, казалось, совершенно не заинтересованная ответом Джинни, изучая Аврору через очки.

— Прелестно. А кто эта милая девушка рядом с тобой?

Джинни оглянулась.

— О... Это Аврора Блэк. Мы с Джеймсом знали ее семью, когда были за границей. Она только что получила работу в Гринготтсе, поэтому собирается жить с нами, пока не устроится.

— Аврора Блэк? — глаза миссис Татли расширились, и она еще внимательнее вгляделась в Аврору. — Из того самого дома Блэков?

— Из тех их потомков, что иммигрировали во время Первой войны, — тихо сказала Джинни.

Глаза миссис Татли округлились еще больше, и она произнесла театральным шепотом:

— Регулус?

Бровь Джинни дернулась, и она неопределенно улыбнулась.

— Я бы очень хотела продолжить разговор, но мы торопимся. У Авроры осталось несколько дней до первого рабочего дня, и я обещала провести для нее экскурсию по Косой Аллее. Джеймс, будь добр, возьми сумку Авроры.

Много любопытных взглядов провожали троицу к лифтам. Когда двери закрылись, послышался шепот.

Джинни Уизли всегда отличала немногословность в разговорах о тех, кто спрятал ее и защитил Джеймса после смерти Гарри Поттера. Прибытие друга семьи из-за границы, несомненно, вызовет бурные обсуждения в газетах. Семейство Блэков. Разумеется. Гарри Поттер был крестником Блэка. Ничего удивительного, что представители этой старинной и замкнутой семьи были готовы предоставить защиту ребенку Гарри Поттера. Теперь, когда процесс послевоенного восстановления подходил к концу, вполне логично, что объявился наследник, готовый претендовать на чахнувшее семейное поместье.

А в новозеландскую школу чародейства и волшебства будут отправлены несколько сов с письмами, в которых между строк будет сквозить интерес к их недавней выпускнице.

Аврора, казалось, не обращала внимания на перешептывания окружающих, когда шла по Косой Аллее. Джинни Уизли выступала гидом, в то время как Джеймс замыкал шествие, попеременно то поглядывая на подругу детства, то бросая дерзкие взгляды на любого смотрящего на них прохожего.

Джинни показывала новый ресторан в тот момент, когда женщина средних лет столкнулась с Авророй, а затем замерла, протянув ладонь и крепко сжав ее руку.

— Герм...

Аврора повернулась и взглянула на незнакомку.

Женщина оборвала себя, отдернув руку и на мгновение прижав ту к груди. Ее рука состояла из нескольких фарфоровых пальцев-протезов.

— Нет. Конечно же. Простите, я обозналась. На мгновение вы напомнили мне одного человека, которого я когда-то знала.

Джинни повернулась, и что-то промелькнуло в ее глазах.

— Анджелина, — сказала она мягким голосом после минутного колебания, — это Аврора Блэк, я жила с ее семьей после смерти Гарри, когда была беременна Джеймсом.

Анджелина еще мгновение смотрела на Аврору, прежде чем перевести взгляд на Джинни, ее плечи поникли.

Она снова посмотрела на Аврору.

— О, приятно познакомиться, — тон ее голоса выражал задумчивость. — Надеюсь, я не напугала тебя, схватив вот так. Я просто была потрясена. Она немного похожа на Гермиону, тебе не кажется?

Выражение лица Авроры было нечитаемым. Анджелина посмотрела на Джинни.

Джинни перевела взгляд на Аврору, словно пыталась понять, что Анджелина имела в виду.

— О, думаю да. Возможно, ее рот? — Джинни посмотрела на Анджелину, а затем снова на Аврору с серьезным выражением лица. — Гермиона Грейнджер была нашей школьной подругой. Она умерла в 2005 году во время послевоенного заключения, еще до Освобождения.

— О, — отозвалась Аврора, прежде чем перевести взгляд на Анджелину. — Соболезную вашей утрате.

Анджелина еще мгновение смотрела на Аврору, прежде чем кивнуть и уйти.

Джинни остановилась рядом с «Флориш и Блоттс».

— Это, — сказала она тихим голосом, — был любимый магазин твоей мамы.

— Конечно, — ответила Аврора, и ее глаза заблестели.

В книжном магазине было тихо и немногочисленно. Давка по случаю возвращения в школу еще не началась, и редкие покупатели спокойно перемещались между стеллажами.

Прямо у входа находилась большая витрина с книгами.

«Расширенная история Второй волшебной войны, написанная Орфеем Бэгшотом».

Аврора остановилась, на мгновение взглянув на книги, прежде чем взять экземпляр с витрины.

— Выпустили только что, на этой неделе, — тут же прокомментировал услужливый продавец, увидев обложку книги в ее руках.

— Я ни разу не слышала о подобном издании и решила рассмотреть его поближе.
— Аврора открыла книгу, чтобы изучить оглавление.

— Вы ведь не из здешних мест, не так ли? Не южноафриканка и не австралийка. Вы из Новой Зеландии? — спросил продавец, с большим интересом разглядывая Аврору.

— Я училась там в школе, — отозвалась девушка неопределенным тоном, ведя пальцами по оглавлению. Ее указательный на мгновение замер по пути.

— Что ж, если вам нужны сведения об истории войны, то это, безусловно, лучшая книга из всех существующих. Я прочитал ее на одном дыхании. Читал беспрерывно: на работе, дома, никакого сна и отдыха — но она того стоила. Орфей великолепно владеет словом, он родственник Батильды Бэгшот, которая написала «Историю магии» и «Историю Хогвартса».

Аврора выгнула бровь и кивнула. Продавец, казалось, воспринял это как знак ободрения и продолжил:

— Он потратил на написание больше десяти лет. Получил особое разрешение Министерства на доступ ко всем записям во время войны, даже к стенограммам судебных заседаний, которые не были обнародованы. Подобные документы и правда шокируют. Некоторые эпизоды я бы не рекомендовал читать перед сном. Но... если вы хотите знать, что произошло, эта книга поведает вам. В ней всё. Всё что люди должны знать.

— А ты? — спросила Аврора.

Продавец выглядел неуверенным.

— Ты знаешь все то, что люди должны знать о войне? — уточнила Аврора.

Парень выглядел смущенным.

— Я... я не могу об этом не знать. Я родился в 2005 году, один из... того самого поколения. Слушания продолжались годами, пока они пытались понять, что делать со всеми нами.

— Мне жаль.

Парень прочистил горло.

— В любом случае. Эта книга... помогает взглянуть на все в ретроспективе.

Аврора посмотрела на экземпляр, который держала в руках.

— Я прочту ее. Я выросла за пределами Европы, но была наслышана о происходящем. Это не то, что можно просто проигнорировать.

Продавец кивнул.

Аврора сунула книгу под мышку и побрела вглубь книжного магазина. Оказавшись в пустом проходе, она быстро открыла оглавление и повела по нему

пальцем, пока не нашла нужное название главы. Страница 186.

Девушка пролистала к интересовавшему ее месту.

«Драко Малфой, печально известный миру как Верховный правитель, являлся самым массовым убийцей за всю историю Волшебного мира. Будучи ещё совсем юным, он вступил в ряды лорда Волдеморта и уже в шестнадцать лет убил знаменитого волшебника Альбуса Дамблдора, тем самым заслужив свое место в ближайшем кругу последователей темного мага. Малфой посвятил всю свою жизнь восхождению по служебной лестнице в армии Пожирателей Смерти. Он не только был самым юным Пожирателем Смерти, но и стал самым молодым генералом армии в дальнейшем во время войны.

Он обладал тем, что многие считали противоестественным мастерством темных искусств. Среди ученых до сих пор ведутся споры о том, как именно он получил эту способность.

Помимо убийства Альбуса Дамблдора, наиболее его заметными атаками были Резня в Суррее, которая привела к смерти Кингсли Бруствера, лидера Ордена Феникса, и скоординированный захват всех укрытий Ордена во время Битвы за Хогвартс. В то время как многие Пожиратели Смерти отошли от дел после войны, триумфальное восхождение Малфоя только начиналось. Он активно участвовал в поимке и допросе всех оставшихся членов Сопротивления, используя свое фирменное проклятие для их убийства. Его постоянное использование Убивающего Проклятия было ключом к достижению статуса Верховного Правителя и возможному признанию в качестве преемника лорда Волдеморта.

Существуют мнения, что, если бы Драко Малфой не погиб во время пожара в поместье Малфоев, режим Пожирателей Смерти мог бы продержаться на десятилетия дольше. Здоровье лорда Волдеморта оказалось настолько шатким, что, как считают некоторые, он передал бы контроль Малфоем до конца года.

Специалист по темным искусствам Юстас Седерис написал в своей книге «Малфой: Биография Верховного Правителя Европы»: «Драко Малфой был монстром в человеческом облики. Возможно, он и не был похож на лорда Волдеморта внешне, но его сущность была идентичной. Чтобы справиться со столькими последовательными Убивающими Проклятиями, человек должен быть совершенно лишен сочувствия и практически бездушен».

Ранняя жизнь

Драко Малфой был единственным ребенком...»

За спиной Авроры послышался какой-то шум, и она мгновенно захлопнула книгу и повернулась. У прохода стоял Джеймс с дерзкой ухмылкой на лице.

Она изучала его мгновение, прежде чем улыбнуться.

Джеймс Поттер никогда не был таким тощим, как его отец, и два года обучения в аврорате сделали его широкоплечим. У него на подбородке начинала расти темно-рыжая борода, а волосы плутовато стояли дыбом, ровно настолько, чтобы свисать на глаза.

— Привет, — сказал он. Джеймс все еще держал ее чемодан.

Ухмылка заиграла в уголках рта Авроры, и она изогнула аристократическую бровь. Серые глаза холодно смотрели на него.

— И тебе привет.

Он положил руку на полку над головой Авроры, так что слегка навис над ней. Глаза Авроры сверкнули.

Джеймс уставился на нее сверху вниз.

— Прячешься от мамы?

Ухмылка исчезла, и Аврора отвела взгляд.

— Нет. Мне просто было любопытно узнать о новой книге. Я захотела взглянуть на раздел о Верховном Правителе.

Усмешка, таившаяся в глазах Джеймса, исчезла.

— Не надо. Они никогда не напишут правду.

Аврора пожала плечами.

— Знаю. Почему-то я чувствую, что мне нужно знать больше об официальной версии, но все, что я читаю, всегда одно и то же. В книге приводится цитата Седериса о том, что у Верховного Правителя нет души.

Она снова безразлично пожала плечами, что выглядело почти убедительно, и подняла глаза.

— Как думаешь, каковы шансы, что мама вообще есть в оглавлении?

Джеймс положил руку ей на запястье.

— Не надо.

Аврора не послушалась. Она развернулась, оперла книгу о край полки и повела пальцем по библиографическому списку, пока тот не остановился под именем.

Девушка тихо вздохнула.

— Смотри...

Она быстро пролистала книгу и наконец остановилась на странице с фотографиями в главе о Гарри Поттере. Там была движущаяся фотография с подписью под ней.

Аврора и Джеймс взглянули на фотографию.

Гарри Поттер, Гермиона Грейнджер и Рон Уизли сидели, прижавшись друг к другу, на диване. Все они выглядели бледными и изможденными.

Руки Гарри и Рона обнимали Гермиону за плечи, когда они повернули головы,

чтобы посмотреть в камеру, и улыбнулись. Их глаза были счастливыми.

Гермиона сидела в центре, настолько болезненно худая, что ее ключицы просвечивали сквозь зеленый джемпер, который она носила. Ее волосы были заплетены в две тугие косы, которые она заколола в большой узел у основания головы. На ее лице застыли большие, опустошенные глаза, пока она обнимала мальчиков по обе стороны от себя.

Как раз перед тем, как фотография заиклилась, уголки ее рта изогнулись в грустной, вымученной улыбке.

Аврора несколько минут молча изучала снимок, прежде чем протянуть руку и осторожно коснуться его.

— Я никогда не видела ее фотографий с войны. Твоя мама прислала несколько со времен их обучения, но до пятого курса.

Джеймс ничего не сказал, но Аврора продолжала неподвижно смотреть на фотографию, и он нерешительно положил руку ей на плечо. Девушка подняла голову и встретила с ним взглядом, прежде чем грустно улыбнуться, напомнив ему девушку на фотографии.

Аврора снова посмотрела вниз, и ее пальцы пробежали по строчкам, подписывающим фотографию, словно она хотела стереть их.

— Когда-нибудь... когда-нибудь кто-то должен все рассказать, — тихо сказала она.

Джеймс прочистил горло и пошевелился.

— Ты ведь знаешь, что моя мама пыталась. Она хотела рассказать, что с ними происходило до момента пожара. Твои родители наотрез отказались: они не хотят шумихи.

Аврора медленно кивнула, ее глаза все еще были прикованы к фотографии, пока она снова и снова прокручивала в голове слова под фото.

— Я знаю, что они этого не хотят. Я понимаю. Если бы я пережила все то же, что и они, то просто бы хотела оставить все позади. Нет смысла пытаться объяснить что-то подобное; никто никогда даже не захочет понять. Но, — челюсть Авроры слегка дрогнула, — она не заслуживает того, чтобы ее так забывали. Она не должна быть просто сноской в книге. Одинокой записью, которая останется после нее. Она заслуживает отдельной главы. Она заслуживает целой чертовой книги, — голос девушки дрогнул. — И папа не заслуживает того, чтобы его сравнивали с Волдемортом и обращались с ним как с каким-то бездушным психопатом, который планировал завоевать мир... — Она на мгновение прижала ладони к глазам и глубоко вздохнула. — Прости. Я всегда думаю, что уже справилась с этим, но каждый раз злюсь настолько, что меня начинает тошнить.

Аврора вздохнула и быстро заморгала. Через минуту она тяжело выдохнула и натянуто улыбнулась Джеймсу.

— По крайней мере у меня есть ты и тетя Джинни. Мама говорит, что я всегда могу поговорить с ней или с папой об этом, но, — ее рот скривился, — на самом

деле она не помнит многого из этих разговоров. Она должна заранее принимать зелья, а если я начну плакать, ей будет трудно дышать, даже если она будет сжимать папину руку. А папа всегда выглядит так, словно предпочел бы смерть, чем ещё один разговор со мной об этом.

Костяшки ее пальцев побелели, когда она схватила книгу и, наконец, отложила ее.

— Я не знаю, что бы я делала без тебя и тети Джинни, не имея возможности писать тебе обо всем. Знаешь, в школе было так одиноко, когда приходилось лгать, потому что я могла потерять родителей, если бы случайно ответила правду. Я всегда чувствовала, что независимо от того, насколько я близка с кем-то, эти люди никогда по-настоящему не узнают меня или что-либо из того, что действительно важно для меня. Ты единственный человек, который меня знает.

Джеймс улыбнулся ей, его зеленые глаза были яркими и серьезными.

— У тебя всегда буду я.

Аврора кивнула и через мгновение медленно улыбнулась ему в ответ.

Наступила пауза, пока они смотрели друг на друга, как будто только сейчас поняли, что стоят одни в пустом проходе.

У Авроры слегка перехватило дыхание, и на ее щеках появился слабый румянец. Глаза Джеймса потемнели, он подался вперед и потянулся к ней.

Резкий звонок в дверь прервал их. Джеймс выпрямился, отвел руку и несколько раз провел ею по волосам, прочистил горло и огляделся.

— Ты знаешь, мама, вероятно, появится в любую секунду, если мы не вернемся. Но... нам следует поговорить подробнее... о... — Его лицо стало впечатляюще красным. — Ты знаешь... если хочешь.

Аврора на мгновение застыла.

— Верно. Мы... поговорим. — Она несколько раз кивнула и быстро прошла мимо него по проходу.

Они поспешили обратно в переднюю часть книжного магазина, оставив учебник истории на одной из полок, все еще открытый на странице с фотографией. Подпись к снимку гласила:

«Трио Хогвартса, Рождество 2002 года. Гарри Поттер с друзьями Роном Уизли (см.: Уизли, Рон, глава 7) и магглорожденной ведьмой Гермионой Грейнджер. Грейнджер покинула Англию в начале Второй Волшебной войны, чтобы изучать целительство за границей. Она пережила войну, но погибла во время заключения, будучи суррогатной матерью в программе по увеличению населения. Она являлась неактивным членом Ордена Феникса и никогда не сражалась».

Примечание к части

Это был долгий путь, и спасибо всем, кто прошёл его с нами. Я благодарю всех читателей, кто комментировал каждую главу и делился своими теориями, всех, кто присоединился позже и поддерживал нас. СПАСИБО.

Это был мой первый самостоятельный опыт в переводе, и я буквально жила этой историей в течение двух лет.

Не будет лишним сказать огромное спасибо автору СенЛинЮ за эту прекрасную историю, которая нас всех объединила.

Отдельное спасибо девочкам. Моей сопереводчице, с которой мы думали, что самое страшное в переводах — это постельные сцены (тогда ещё мы не знали, что будем разбираться в медицинской терминологии и цитатах философского трактата). Нашей бете, которая появилась в самый трудный момент и существенно облегчила нам жизнь. (Сейчас она не бетит мое обращение, поэтому так сложно его читать).

Ладно. Долгие проводы, лишние слёзы. Всех с наступающим и до новых встреч ☐

Сноски:

[1] Сенсорная депривация — это частичное или полное лишение органов чувств внешнего воздействия. В состоянии абсолютной сенсорной депривации человек полностью изолирован от каких-либо внешних раздражителей: никаких звуков, запахов, визуальных образов или тактильных ощущений.

[2] Диссоциативная фуга (от лат. fuga — «бегство») — болезнь, характеризующаяся внезапным, но целенаправленным переездом в незнакомое место, после чего больной полностью забывает всю информацию о себе, вплоть до имени. Больные в состоянии фуги могут придумать себе другое имя и биографию и не знать, что они больны.